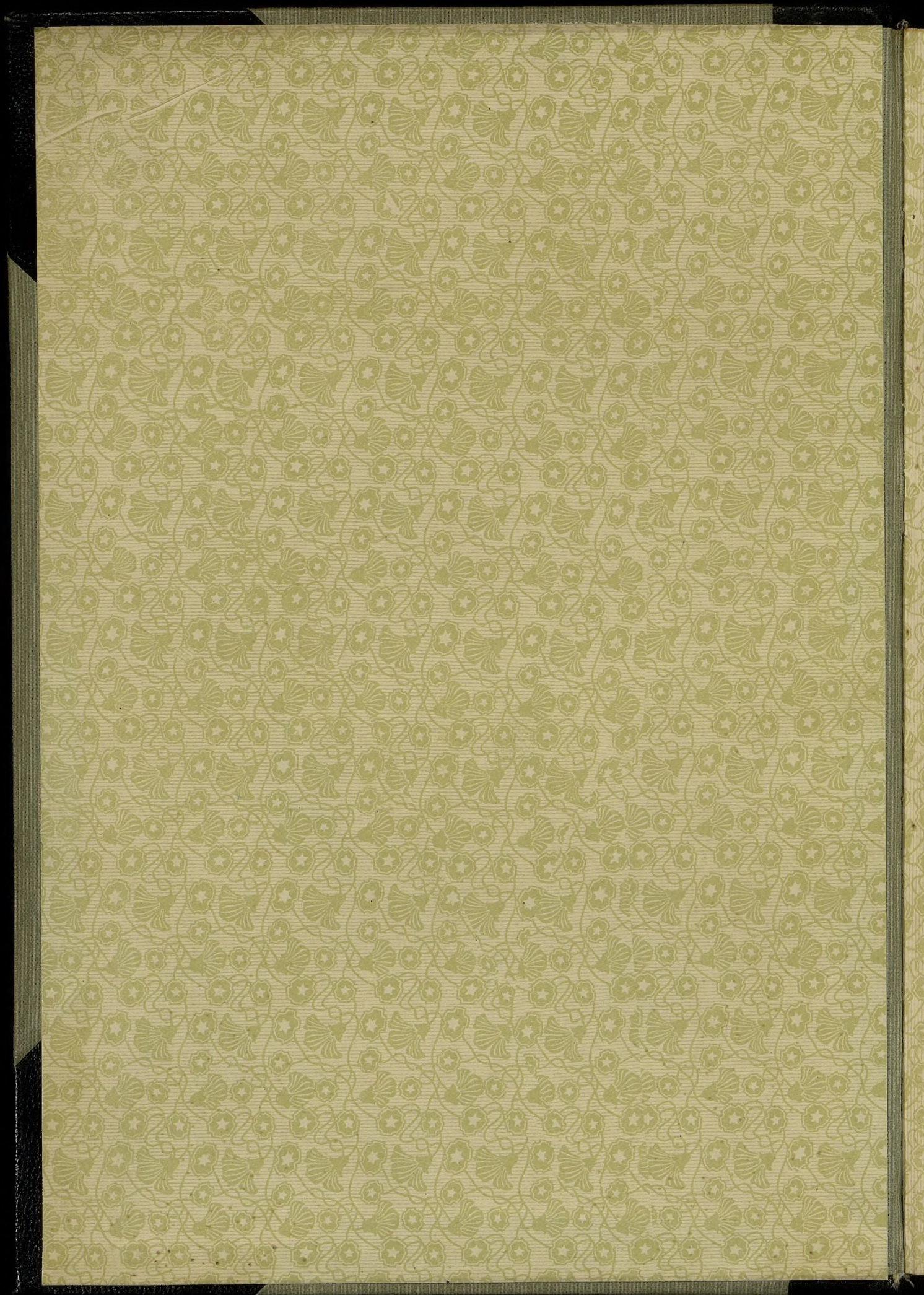

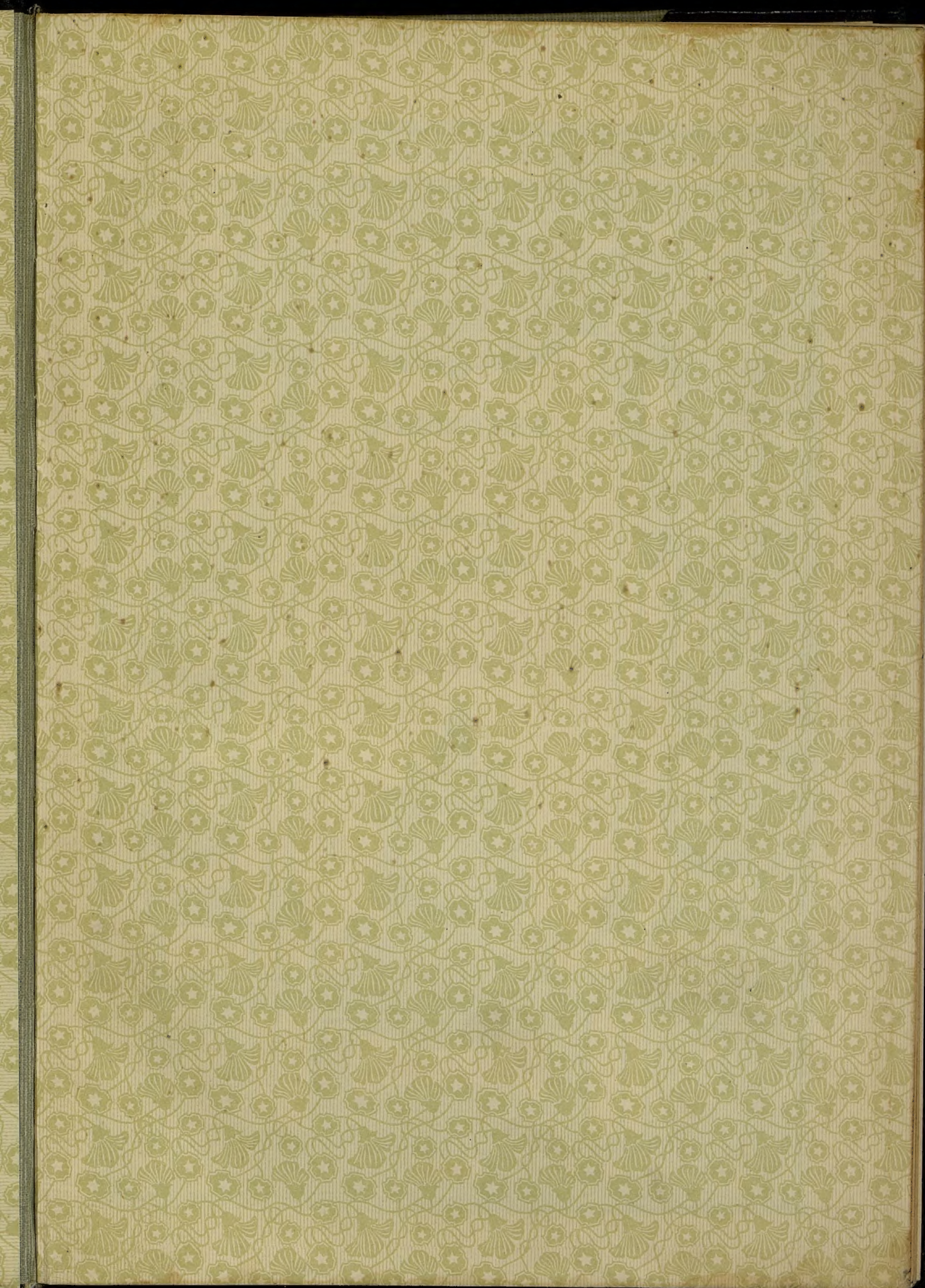

h

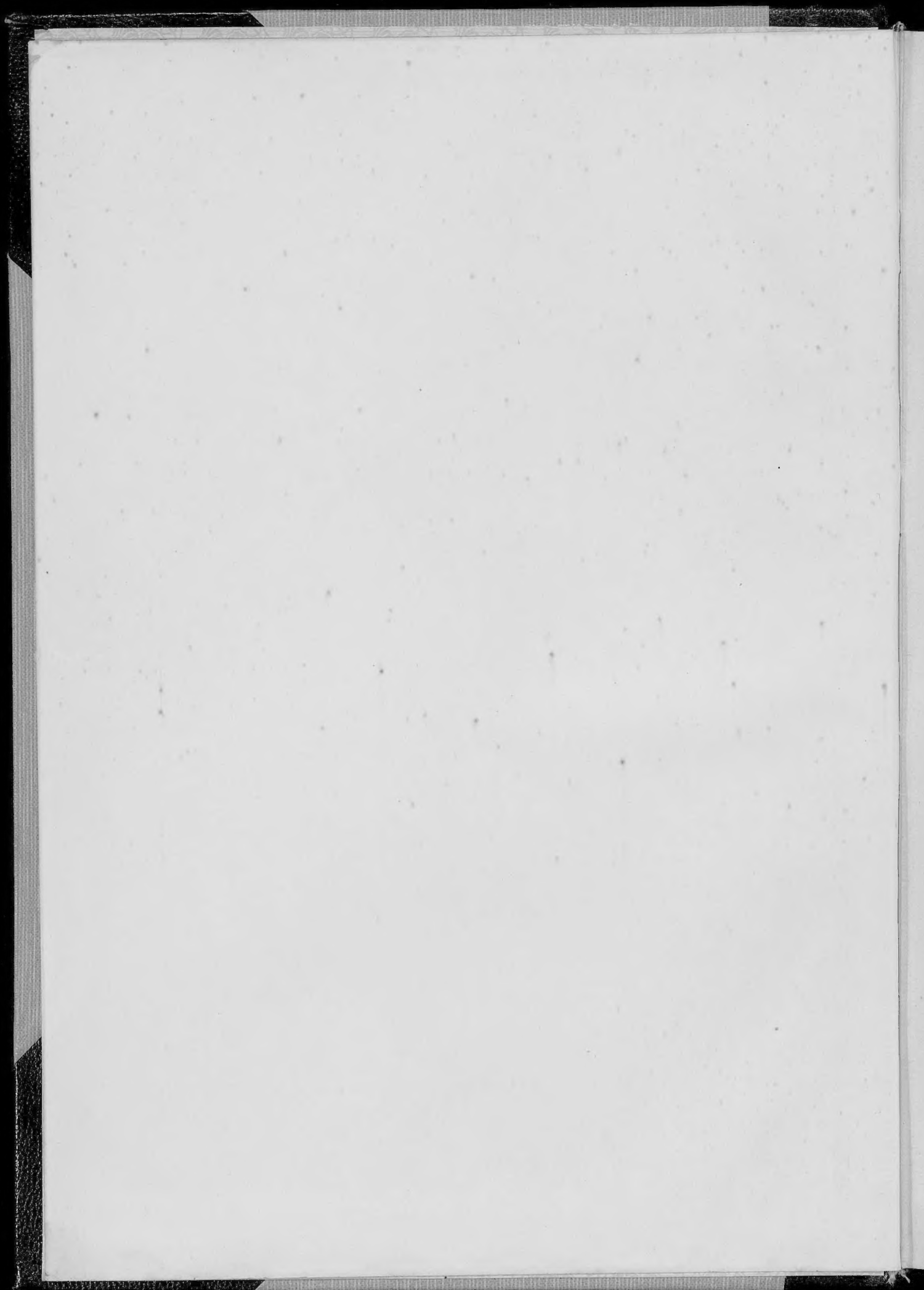

БИБЛИОТЕКА
ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

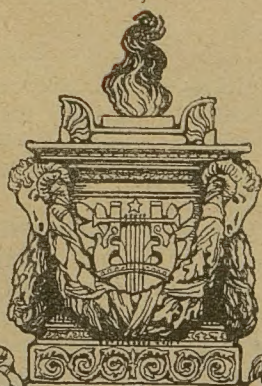
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. А. ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНЪ

Т.

III.

Е. ЛАНСЕРЕ. 1900.

ИЗДАНИЕ
ВРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1909.

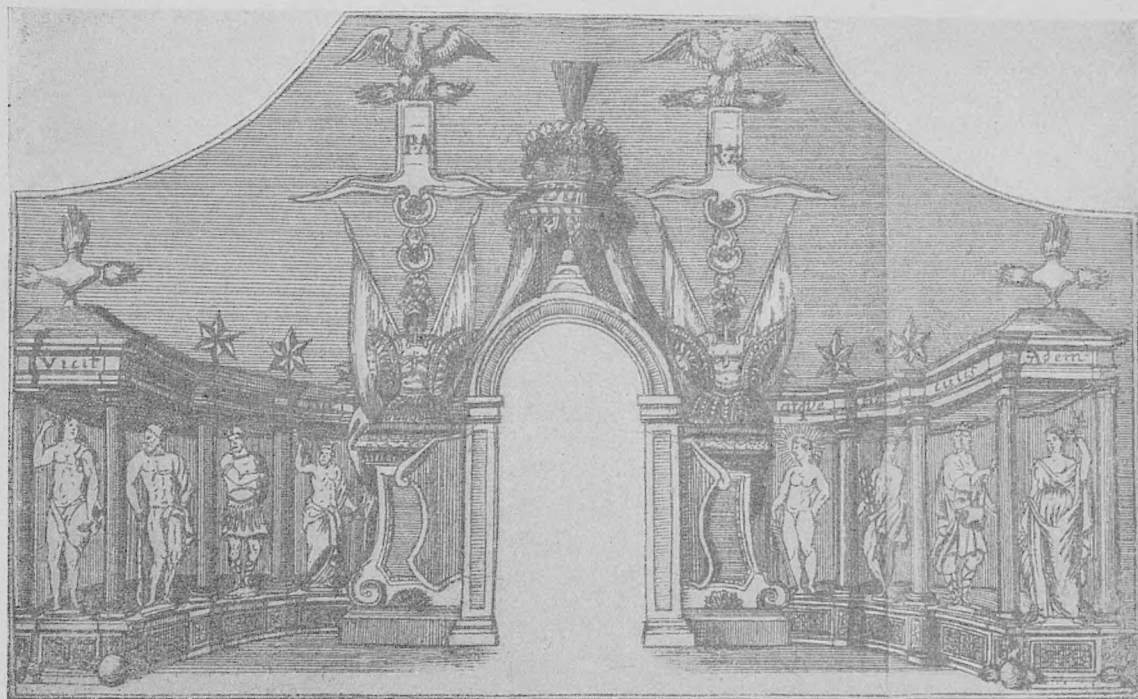
Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачашный пер., № 6.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ

Инд. № 4365

Одна из триумфальных арок въ честь Полтавской победы.
Съ гравюры 18 вѣка (при нѣмецкой брошюрѣ—*Mars Moscoviticus. MDCCX*).

ПОЛТАВА.

Міровая поэзія лишилась бы одного изъ своихъ прекрасныхъ образовъ, и безъ покорной дочери, безъ Антигоны, въ черной слѣпотѣ блуждалъ бы несчастный Эдипъ, если бы Антигона тогда имѣла возлюбленнаго.

Отецъ всегда уступаетъ любовнику, Бранцціо—Отелло, Кочубей—Мазепѣ. И пушкинская героиня, краса черкасскихъ дочерей, именно дочерью стала преступной, оттого что она слишкомъ любила своего избранника. Старый отецъ гордился ею (обычный мотивъ у Пушкина: любовь отца къ дочери), она была ему дороже мѣховъ, атласа, серебра, потому что она была для него не только дитя, но и воплощеніе его родной Малороссіи. Украинка пушкинской поэзіи, она выросла на хуторѣ, въ тѣни украинскихъ черешень, и стройна она была, какъ тополь именно кіевскихъ высотъ. Природа Малороссіи создала въ ней свой лучшій дѣвѣтъ, свою первую Марусю, и за это съ любовью и лаской внималъ ея пѣснямъ богатый и славный Кочубей. Но прохо-

дящая черезъ всю поэму степенность поэта, приобщившагося къ отцовской психологіи, сообщаетъ намъ, что не только мгновенныя чары красоты привлекали къ Маріи жениховъ изъ Украйны и Россіи,—«вездѣ прославилась она дѣвицей скромной и разумной». Она скромна и пуглива, трепетная лань, и лань напоминаютъ ея движенія; и когда она, бродя въ сѣняхъ, трепещетъ и рѣшенья ждетъ, то она похожа на серну, которая уходитъ подъ утесъ, орла послыша тяжкій летъ; и когда, уже безумная, она встрѣчается съ Мазепой, то убѣгаетъ отъ него легче серны молодой. И вотъ она, человѣческая лань, такая робкая, такая пугливая и трепетная, она, дѣвица скромная и разумная, совершаетъ стыдъ и безуміе, ей пріятенъ ея позоръ,—

Ты имъ въ безумномъ упоеньѣ
Какъ дѣломудріемъ горда,
Ты предель стѣну нѣжную стыда
Въ своемъ утратила паденьѣ.

Безмѣрна обида отца, и тѣмъ горше его

недоумѣнье, что стыдливая дочь его сдѣлалась безстыдной ради старика, и ее, голубку чистую, заклевалъ коршунъ старый,—не ушла серна отъ орла.

Здѣсь Пушкинъ опять встрѣтилъ на своей дорогѣ загадку любви, которой всѣ возрасты покорны. Онъ знаетъ, что сердцу дѣвы нѣтъ закона, и потому ее не удивляетъ любовь Маріи къ Мазепѣ. Впоследствии, въ «Анжели» онъ скажетъ намъ:

Друзья! Повѣрите-ль, чтобъ мрачное чело,
Угрюмой, злой души печальное зеркало,
Желанья женскія навѣки привязало
И вѣжной красотѣ понравиться могло?
Не чудно ли? Но такъ.

Страстные мечты украинки тяготѣли къ сѣдой головѣ, и рубцы чела, бороны, проводимыя жизнью, серебряная старость очаровали ее. Это, несомнѣнно, произошло оттого, что Мазепа былъ воинъ и былъ поэтъ. Въ темницѣ Кочубей вспоминалъ пѣсни дочери своей, а пѣла она только тѣ пѣсни, которыя слалъ Мазепа, когда онъ бѣденъ былъ и малъ. Она пѣвца полюбила за пѣсни. Съ тѣхъ поръ, какъ были онѣ сложены, прошло много лѣтъ, и Мазепа сталъ не только богатъ и могучъ, но и старъ. Однако, въ пѣсняхъ его сохранилась его молодость: пѣсни не старѣютъ. Поэту вѣчная подобаетъ юность. И вотъ Марія чувствовала и пѣвучими устами своими передавала молодость Мазепы, бессмертную жизнь его стиховъ,—что же могли значить для нея власы сѣдые? И могла ли она видѣть старымъ того, чью въ звукахъ сохранившуюся молодость она повторила и усилила молодостью своей? Кромѣ того, Мазепа былъ и воинъ. А воинъ тоже никогда не старъ. Въ бою всѣ молоды. И Марія, полюбившая конный строй и бранный звонъ литавръ, и клики предъ бунчукомъ и булавой малороссійскаго владыки,—Марія нашла въ Мазепѣ чудное сочетаніе двухъ вѣчныхъ юностей—поэта и воина. Оттого за столомъ, когда бесѣда ликовала, она тихо слушала только гетмана, какъ Дездемона слушала Отелло. Черный шекспировскій вождь, «угль, пылающій огнемъ», зажегъ сердце золотой венеціанки тѣмъ, что онъ рассказывалъ. Не можетъ не склониться женщина передъ рассказчикомъ и воиномъ,—поэту и полководцу отдалась Дездемона, отдалась Марія.

Обѣ онѣ пошли навстрѣчу горя. Марія, когда-то знавшая только домъ, только

родную кровлю, «пріютъ укромный, гдѣ мирный ангелъ обиталъ», теперь обрекла себя на вѣчное скитальчество. Послѣ отказа Мазепѣ въ ея рукѣ, отецъ и мать искали ей сердце успокоить, боязнь и горе разогнать, тревогу смутныхъ думъ устроить,—но успокоить и устроить влюбленное сердце можетъ только любовь. И Марія ушла отъ родныхъ,—«ея свѣтлица опустѣла». Черезъ недолгое время ушла она отъ Мазепы,—«свѣтлица тихая пуста». Ей не было пристанища, бѣдной скиталицѣ, и не свѣтлицей, а темницей былъ для нея міръ. Она не могла безъ трагедіи рѣшить рокового вопроса, который предложилъ ей Мазепа: «Отецъ или супругъ тебѣ дороже?» Мучительно всегда тому, кто долженъ выбирать; но Марія надо было произвести особенно страшный женскій выборъ, и она, невѣдомо для себя, своимъ выборомъ казнила своего отца. Она убила того, кого любила; на родную голову опустила она сѣкиру, какъ новая Гретхенъ, которая, вѣншимъ образомъ—нечаянно, внутренне—необходимо убила свою мать. Кто покидаетъ родительскій домъ и отчей сѣни предпочитаетъ соблазномъ посланное ложе, та неминуемо дѣлаетъ и дальнѣйшій шагъ и отца или мать убиваетъ.

Дочь, казнившая отца, не выдержала потрясенія,—но, можетъ быть, не столько отъ своего дѣла, сколько отъ разочарованія въ любовникѣ. Онъ, видно, мало ее любилъ, если не хотѣлъ или не могъ пощадить ея дочерняго чувства. Въ тотъ мигъ, когда Марія потеряла отца, она потеряла и Мазепу, и потомъ съ ея безумныхъ устъ такъ мудро и символически прозвучали эти слова къ нему:

Я принимала за другого
Тебя, старикъ. Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ,
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ.
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга;
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь.

Она помѣшалась не потому, что увидѣла помость, на которомъ только что казнили ея отца и, можетъ быть, его отрубленную голову, а потому, что увидѣла настоящаго Мазепу. Въ это мгновеніе она замѣтила, что онъ старъ, и вотъ она называетъ его: старикъ. Въ это мгновеніе передъ нею спала целена, и вмѣсто красоты явилось безобразіе, вмѣсто нѣги и любви—безпре-

дѣльная жестокость, вмѣсто бѣлоснѣжныхъ
сѣдинъ—запекшаяся кровь.

Своими чудными очами
Тебя старикъ заворожилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ,—

теперь ворожба исчезла, совѣсть просну-
лась, ослабленный умъ прозрѣлъ и, не
выдержавъ самого себя, перешелъ въ безу-
міе. Оно началось уже въ тотъ моментъ,
когда на зарѣ Марію отъ сладкой дремоты
пробудило чужое прикосновеніе. Маріи по-
казалось, что это Мазепа (даже мать при-
няла она за Мазепу), и она протянула съ
томной нѣгой свои ищущія руки,—но слы-
шится голосъ не любовника, а матери, и
говоритъ онъ страшное, неожиданное, по-
трясающее. Не бредъ ли это? «Какой отецъ?
какая казнь?... Или ума лишилась я, иль
это грезы?»... Нѣтъ, это не бредъ, не гре-
зы; это только дѣйствительность, которая
внезапно рухнула на замечтавшееся сердце
и раздавила умъ.

Правда, и раньше блаженство Маріи
затмевала одна печаль: она сквозь слезы
воображала отца и мать «въ бездѣтной
старости, однихъ» (быть можетъ, всего
страшнѣе старость тѣмъ, что она бездѣтна,
уже бездѣтна). Но это случалось только
порою, и праздникъ ея страсти, кудрявыя
сѣдины Мазепы, склоненная къ ней въ
колѣни старца гордая глава заслоняли
блѣдные образы другихъ стариковъ, заглу-
шали ихъ сиротливыя пени.

Казнь отца и собственное безуміе, все
трагическое возмездіе любви, постигли
Марію оттого, что на своей груди она лас-
кала змія. Пѣвецъ и воинъ былъ Іуда. Из-
мѣна лежала въ самомъ существѣ его при-
роды. Онъ измѣнилъ другу, царю, въ нѣ-
которомъ смыслѣ—возлюбленной. Было ему
суждено всегда порывать свои привязанно-
сти—уходить отъ прежняго. Замкнутый и
непроницаемый, онъ былъ одинокъ, хотѣлъ
стоять одинъ передъ грозою и собой доволь-
ствовался. Даже рабомъ любви не сталъ
онъ и не хочетъ «влачить позорныя оковы». Марія видитъ на немъ «власти знакъ», —
не только ту корону, которую въ глазахъ
своей любовницы носить каждый любов-
никъ, но и царскій вѣнецъ вообще. Над-
менный, онъ не будетъ «искать надменно-
го привѣта самолюбивой красоты». Передъ
всѣми лицемѣрный и притворный, онъ
только женѣ не будетъ притворствомъ
искушать; онъ не убогаиваетъ притво-

ряться передъ ними. Онъ за Марію не бо-
ролся съ Маріей,—онъ полюбилъ и взялъ.
Ему не пришлось томиться любовной тос-
кою,—не тоскуетъ коршунъ по голубкѣ.

Мазепа удовлетворяетъ свои страсти или
подавляетъ ихъ, и тогда на ихъ поверх-
ность ложатся думы, и онъ еще больше
скрываютъ роковую бездну его души. Вся-
кая душа—бездна, а двойная душа измѣн-
ника еще и бездна роковая. И Пушкинъ ее
изображаетъ въ знаменитой характери-
стикѣ Мазепы, которая даже среди сжатыхъ и
мощныхъ строкъ «Полтавы», въ закален-
ной стали ея стиховъ, звучитъ особенно
неумолимо и безпощадно:

Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,

.....
Что онъ не вѣдаетъ святыни,

Что онъ не помнитъ благостыни,

Что онъ не любитъ ничего,

Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,

Что презираетъ онъ свободу,

Что нѣтъ отчизны для него.

Эти стихи убиваютъ; это — смертный
приговоръ, это—удары молота, которыми
приговораются Мазепа къ позорному столбу.
Здѣсь поэтъ перестаетъ быть только поэ-
томъ, и здѣсь — нѣчто больше и сильнѣе
слова. И даже это до такой степени сильно,
что самъ Пушкинъ не удержался на такой
вершинѣ, на собственной высотѣ, и его
дальнѣйшій Мазепа не оправдываетъ этой
казнящей характеристики: дальше — и ко-
лебанія, и жалость, и это безпричинное
волненіе, когда на слабый крикъ, донес-
шійся до его слуха и совѣсти, онъ другимъ
отвѣтствовалъ,—крикомъ былыхъ сраженій,
когда по полямъ побѣды скакалъ онъ ря-
домъ и «съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ». Мазепа въ дѣйствіи мягче и мельче, луч-
ше и какъ-то обыкновеннѣе, чѣмъ Мазепа
въ характеристикѣ. Мазепа позднѣйшій, не
закованный въ эти убійственныя что, спо-
собенъ раскаиваться и увлекаться, и какъ
Марія плѣнилась имъ, такъ онъ, подобно
ей, дѣлѣ робкой, увлекся «воинственнымъ
бродягой» Карломъ и «бѣглымъ счастьемъ»
его побѣдъ.

Поэтъ рисуетъ его какъ человѣка безъ
отчизны (хотя во время бѣгства съ Кар-
ломъ «страшно взоръ его сверкаетъ, съ
роднымъ прощаясь рубежомъ»). Не за
Малороссію, а за себя, за свои усы сѣдые,
заступился «измѣнникъ русскаго царя». Оттого, по мысли Пушкина, Мазепа, ни-
чѣмъ своихъ дѣлъ не освятившій, никакой

идеи или вѣрой не проникнутый, становится все мрачнѣе и мрачнѣе (часто прилагается къ нему этотъ эпитетъ), и не въ силахъ онъ заглушить ропотъ сонный, угрызения змѣиной совѣсти своей, и звѣзды ночи какъ обвинительныя очи за нимъ насмѣшливо глядятъ. Впрочемъ, это не столько совѣсть, сколько любовь. Онъ разбилъ дочернее сердце Маріи и всю ея жизнь; но привыкшій разбивать и убивать, онъ теперь почувствовалъ себя безсильнымъ и неправымъ, потому что онъ убилъ существо, все-таки любимое. И все, что надъ нимъ совершилось, и потерянный Полтавскій бой, и то, что разъ въ годъ анаемой донынѣ грозя гремитъ о немъ соборъ,—все это кара за Марію, за то, что не до конца любилъ онъ ее, за то, что любовникъ уступилъ гетману.

И еще потому палъ Мазепа, что въ одну телѣгу онъ впрягъ коня и трепетную лань. Онъ вышелъ изъ своего одиночества, но рядомъ съ собою онъ, прирожденно-одинокій, другого, другой не осилилъ, чужого присутствія въ своей негостепріимной и сумрачной душѣ не претворилъ, и за это—наказанія совѣсти, которая больше поводовъ имѣетъ молчать, когда человѣкъ одинъ, и начинаетъ свое укоряющее дѣло, когда ихъ двое.

Страшный своимъ коварствомъ, безмѣрно-лукавый, властитель умовъ и сердецъ, не только мужскихъ, но и женскихъ, Мазепа однако, «вздрогнулъ» (Мазепа вздрогнувшій, скала, которая вздрогнула), когда узналъ о доносѣ Кочубея. Можетъ быть, безсознательно устранился Мазепа не врага политическаго, а оскорбленнаго отца. Вѣдь связь частнаго съ общимъ, семьи съ политикой, личнаго съ историческимъ осуществлена въ «Полтавѣ» именно тѣмъ, что Кочубей свою отцовскую обиду отомщаетъ, перенося ее въ исторію, сочетая свою и своей дочери судьбу съ ходомъ европейскихъ событий. Тайный умыселъ Мазепы раскрылся передъ Кочубеемъ,—«взоръ опасный, враждебный взоръ его проникъ» (никто такъ не проникателенъ какъ врагъ). И въ данномъ случаѣ врагъ дѣйствовалъ во многомъ такъ же, какъ и самъ Мазепа. Кочубей тоже свою «предпримчивую злобу» затаилъ въ сердцѣ и распускаетъ слухъ, что въ безсильной горести устремилъ онъ мысли ко гробу; Мазепа въ горести притворной говоритъ, что не ему у двери гроба начать ученіе измѣнъ. Правда, далеко въ области притворства Кочубей зайти не

могъ, потому что онъ религіозенъ, а Мазепа къ одру своей «сомнительной кончины» кощунственно архипастыря зоветъ,—

И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течетъ.

Наканунѣ казни, проводя свой послѣдній жизненный ночлегъ (завѣдомо въ послѣдній разъ ночуетъ онъ въ мѣрѣ, и, быть можетъ, именно потому такъ тиха, такъ божественно-тиха участливая украинская ночь), Кочубей, горечью и обидой отца доведенный до плахи, еще переживаетъ настроеніе «святой мести»: не погасаетъ въ немъ жгучее пламя ненависти, и съ этимъ пламенемъ въ непрощающей душѣ протягиваетъ онъ руки ко Христу всепрощающему, къ вождю подъ знаменемъ креста. Страшно умереть, не завѣщая никому вражды къ злодѣю своему. Страшно умереть безъ преемника на своемъ жизненномъ престолѣ. Кому-нибудь надо передать наслѣдіе своей вражды, но нѣтъ наслѣдника: дочь не отомститъ—

Она сама вамъ все разскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ.

Но на мѣсто казни приближался Кочубей уже съ миромъ, съ небомъ примиренный, могущей вѣрой укрѣпленный, и онъ молился за своихъ враговъ. Есть великая поучительность въ его судьбѣ: не однажды звучитъ въ поэмѣ этотъ мотивъ: «богатъ и славенъ Кочубей»,—и вдругъ отъ богатства и славы, отъ стараго дома, гдѣ онъ родился, переходъ кошмарный и трагическій—къ плахѣ, на эту смертную дорогу, которая, полна людей, шевелится, какъ змѣиный хвостъ. По замыслу Пушкина, все это—слѣдствіе того, что прежнюю безмятежную жизнь Кочубей добровольно бросилъ не для Россіи, а для себя; не ревновалъ онъ, какъ Петръ, къ общему добру, а владѣла имъ хотя и законная, но все же личная ненависть. Отчаяніе и оскорбленіе отца, казненнаго дочерью, переплелъ онъ съ клубкомъ исторіи, и за это вмѣшательство частнаго раздавила его поступъ общихъ судебъ.

Еще больше Кочубея ненавидитъ Мазепу жена Кочубея. Въ ней старымъ коршуномъ, заклевавшимъ юную, чистую голубку, оскорблена не только мать, но и женщина. И потому она «гнѣва женскаго полна» и, нетерпѣливая, торопитъ супруга злобнаго; въ сущности она является главной виновницей всего, что произошло

далее, и подаркомъ это она проникла къ Маріи съ мольбой спасти мужа.

Но есть въ poemъ еще одинъ ненавидящій Мазепу (надъ головой послѣдняго сошлись лучи и мечи разной ненависти, придавъ ему трагическій ореолъ)—его несчастный соперникъ, тотъ безымянный казакъ, который съ младенческихъ годовъ любилъ Марію любовью страстной, любовью невысказанной, потому что отказа бы онъ не пережилъ,—тотъ казакъ, который при звѣздахъ и при луnъ везъ доносъ на гетмана-злодѣя и не хотѣлъ отдохнуть ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ, ни при опасной переправѣ: ненависть, какъ и любовь, не можетъ отдыхать. Казакъ любилъ Марію «безмолвно, безнадежно» даже и тогда, когда позоръ Маріинъ огласился. Онъ не могъ слышать имени Мазепы,—«блѣднѣлъ, терзался тайно» (не только Маріи, но и никому не говорилъ о своей любви невѣдомый любовникъ). И если всѣ остальные «завидные» женихи, наѣхавшіе къ Маріи толпою, равнодушно и безъ ревности приняли вѣсть о побѣдѣ Мазепы, то незамѣтный казакъ, изъ ихъ блестящихъ рядовъ когда-то удалившійся сиротой, въ общую вражду къ Гудѣ вложилъ свою безумную ярость, свою безумную ревность, и въ разгарѣ Полтавской битвы, самый ненавидящій, потому что самый любящій, рыцарь Маріи, онъ внесъ въ историческое сраженіе свой особый, свой личный бой, свою личную ненависть (какъ Паллѣ внесъ ненависть свою); и на томъ самомъ неутомимомъ конѣ, который везъ его на сѣверъ въ степи необозримой, онъ устремился на Мазепу съ саблею въ рукахъ, но былъ застрѣленъ мушкетомъ Войнаровскаго, и его

потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Быль мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя пѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.

Да, это пѣжное имя, которое прошептали умирающія уста, было услышано Пушкинымъ въ канонадѣ Полтавскаго боя, въ шумѣ историческихъ волненій, и только потому создалась самая поэма. Пусть говоритъ она о событіяхъ, записанныхъ на міровыя скрижали, пусть она идеализируетъ войну, пусть она въ поэзію претворила исторію, но все это объективное и общее собралось вокругъ женскаго имени, вокругъ романа, и не напрасно каждая

изъ трехъ пѣсенъ «Полтавы» кончается образомъ пѣжной и несчастной Маріи.

Въ поразительной энергіи, съ какою описанъ полтавскій бой, въ грохотѣ словъ, передающихъ огненное впечатлѣніе битвы, слышится уже тяжело-звонкое скаканье Мѣднаго Всадника. Неотдѣлимъ отъ Петра его ретивый и смиренный конь, гордящійся могущимъ сѣдокомъ,—и вотъ онъ, любимый Пушкинымъ, историческій русскій Кентавръ! Невидимо присутствуя въ «Полтавѣ» съ первыхъ страницъ ея, живой смыслъ той «смутной поры», той эпохи, которую она изображаетъ въ чертахъ немногихъ, но такихъ смѣлыхъ и сильныхъ. Петръ Великій появляется лично въ третьей пѣснѣ и своею мощной фигурой осязаетъ все. Воплощеніе боя, прекрасный и ужасный, онъ въ то же время—и среди «вождей спокойныхъ», которые въ разительномъ противоположеніи тревогамъ и волненію битвы, смотря на нее «взоромъ вдохновенья, движенья ратныя слѣдятъ, предвидятъ гибель и побѣду и въ тишинѣ ведутъ бесѣду». Одинаково сильный и въ тишинѣ спокойнаго совѣта и въ шумѣ сраженія, Петръ одинъ воздвигаетъ себѣ огромный памятникъ, потому что свою личность онъ отождествилъ съ Россіей, съ большимъ себя,—между тѣмъ какъ остальные герои «Полтавы» свою страсть, свое чувство поставили превыше всего. Особенно отбѣиваетъ Петра, человѣческимъ фономъ служить для него отважный Карлъ: Петръ на конѣ, Карлъ въ качалкѣ, и изъ нея, блѣдный, недвижимый, слабымъ махемъ руки на русскихъ двинулъ онъ полки,—всю эту волнующуюся конницу и тяжелую твердость пѣхоты. «Любовникъ бравной славы», онъ началъ въ Россіи особую традицію, до Наполеона создалъ наполеоновскую легенду, проложивъ кровавый путь «мужу рока»; онъ взметалъ русскія дружины,

Какъ вихоръ гонить прахъ долины
И клонить пыльную траву,—

но вихоръ жизни взметнулъ его самого, и теперь о немъ, скользнувшемъ надъ бездной, гласятъ лишь три мелкія углубленія въ землѣ,—три мхомъ поросшія ступени.

Такъ все поросло этой мертвой травой забвенья: все, кромѣ Петра—и кромѣ пѣсни. Въ ней осталась и память о той, которая вдохновила Пушкина на его poemу.

Но дочь-преступница... Преданья
Объ ней молчать. Ея страданья.
Ея судьба, ея конецъ

Непроницаемою тьмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ пародомъ
Онъ пѣсни гетмана бречитъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говоритъ.

Всѣ юныя казачки Россіи, всѣ ея дѣвы, эти внимательныя слушательницы пѣсней, узнали отъ пѣвцовъ о своей несчастной сестрѣ. Пѣвцу отдавшаяся, она и сохранилась теперь въ сочетаніи съ пѣснями своего любовника, который, быть можетъ, ее предчувствовали, ея ожиданіемъ ды-

шали, и онѣ идутъ изъ устъ въ уста, и слѣпыя, старые говорятъ о ней, молодой и прекрасной, и зоркой, о ея глазахъ, которые когда-то блестѣли черными звѣздами, а потомъ, въ ночь безумной встрѣчи съ Мазепою, сверкали впалые, луной освѣщенные. Слѣпой украинскій пѣвецъ, поучая и предостерегая, говоритъ о ней задумавшимся юнымъ казачкамъ, говоритъ объ ея грѣшной и горькой, дѣвичьей долѣ, и о томъ же, еще слаще, еще грустиѣ, еще жалостливѣе говоритъ Пушкинъ,—и слушаютъ, слушаютъ юныя казачки...

Ю. Айхенвальдъ.

«ПОЛТАВА» ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТНОШЕНІИХЪ¹⁾.

1.

«Полтава» написана Пушкинымъ осенью 1828 года со скоростью изумительной: первая пѣснь была окончена 3-го октября, вторая—9-го, а третья—16-го числа. Черновая рукопись поэмы испещрена поправками, вставками, набросками и даже прерывалась рядомъ постороннихъ стиховъ. Въ нихъ авторъ говоритъ о «рѣмѣ, звучной подругѣ», которая на этотъ разъ измѣняла: видимо, въ началѣ первой пѣсни (изображеніи Маріи Кочубей) работа требовала отъ поэта нѣкоторыхъ усилій. Однако, авторъ трудился съ большою усидчивостью и жаромъ, съ лихорадочной быстротой побѣждалъ препятствія, а сейчасъ по окончаніи черновой переписалъ всю поэму начисто и только передъ отдачей рукописи въ типографію выбросилъ два отрывка (изъ первой пѣсни о казакѣ, влюбленномъ въ Марію, 8 стиховъ, а въ третьей пѣснѣ изъ словъ сумасшедшей Маріи—16 стиховъ). Въ такомъ видѣ поэма пошла въ печать въ 1829 году, дополненная только посвященіемъ и предисловіемъ (съ эпиграфомъ изъ «Мазепы» Байрона), написанными позже. Неизмѣненный текстъ «Полтавы» былъ перепечатанъ еще разъ при жизни поэта (въ 1835 г. «Поэмы и повѣсти» А. Пушкина). Пушкинъ ни разу не возвращался къ выработанному имъ тексту,

ничего не измѣнялъ, не дополнялъ въ поэмѣ. Въ письмѣ къ Плетневу осенью 1829-го г. онъ говоритъ: «Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней; далѣе не могъ бы ею заняться и бросилъ бы все» (II, 95).

Пушкинъ жилъ тогда въ Москвѣ, то въ Петербургѣ въ частыхъ переѣздахъ и въ постоянной тревогѣ. Особенно напряженно чувствовалъ себя Пушкинъ въ срединѣ 1828 года, когда возникли дѣла объ элегіи «Андре Шенье» и «Гавриладѣ». Первое дѣло окончилось приговоромъ Государственнаго Совѣта, признавшимъ необходимымъ учредить за поэтомъ секретный надзоръ, какъ за неблагонадежнымъ. Этотъ приговоръ былъ утвержденъ Николаемъ I въ августѣ 1828 года. Въ томъ же августѣ разбирались въ особой комиссіи дѣла о «Гавриладѣ». Пушкина призывали, допрашивали; приходилось отрекаться отъ собственнаго произведенія (см. т. II наст. изданія, стр. 602). Тревожное настроеніе поэта вылилось въ стихотвореніи, написанномъ лѣтомъ 1828 г.:

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ и т. д.

Эти непріятности и униженія сопровождались бездѣліемъ и картежемъ, которому предавался Пушкинъ лѣтомъ и въ началѣ сени этого года. Онъ говоритъ въ письмѣ П. Вяземскому отъ 1-го Сент. 1828 г., что чувствуетъ себя «сезпріотнымъ, пустился въ свѣтъ» и «продолжаетъ образъ жизни, воспѣтый» имъ же въ стихахъ «А въ ненастные дни»... Вяземскій пишетъ поэту (18/25 сент. 1828): «Узналъ, что ты проигрываешь деньги... Дѣло не хорошее... По сквер-

¹⁾ Ссылки въ настоящемъ очеркѣ сдѣланы на изд. сочиненій Пушкина подъ ред. Н. О. Морозова («Просвѣщенія»). Указанія на письма даются или по акад. изданію В. П. Сантова или литер. фонда (Лит. ф., т. VII, письма послѣ 1832 г.).

ной погодѣ я надѣлся, что ты уже бросилъ карты и принялся за стихи» (II, 76). Въ то время, какъ другъ поэта писалъ эти строки, надежда его исполнилась,—Пушкинъ отъ безудержнаго азарта перешелъ къ первому, упорному труду, отдавшись ему съ запоємъ: онъ писалъ «Полтаву». Въ «Воспоминаніяхъ». М. Юзефовича мы находимъ любопытныя строки: «Пушкинъ говорилъ, что только осенью овладѣваетъ имъ бѣсъ стихотворства ¹⁾ и рассказывалъ по этому поводу, какъ была имъ написана послѣдняя въ то время (лѣто 1829-го г.) поэма «Полтава». Погода стояла отвратительная. Онъ усѣлся дома. Писалъ цѣлый день. Стихи ему даже грезились во снѣ, такъ что онъ ночью вскакивалъ съ постели и записывалъ ихъ въ потьмахъ. Когда голодъ его прохватывалъ, онъ бѣжалъ въ ближайшій трактиръ; стихи преслѣдовали его и туда; онъ вѣлъ на скорую руку, что попало, и убѣгалъ домой, чтобы записать то, что набралось у него на бѣгу и за обѣдомъ. Такимъ образомъ слагались у него сотни стиховъ въ сутки. Иногда мысли, не укладывавшіяся въ стихи, записывались имъ прозой. Но затѣмъ слѣдовала отдѣлка, при которой изъ набросковъ не оставалось и четвертой части. Я видѣлъ у него,—продолжаетъ М. Юзефовичъ,—черновые листы, до того измаранные, что на нихъ нельзя было ничего разобрать: подъ зачеркнутыми строками было по нѣсколько рядовъ зачеркнутыхъ же строкъ, такъ что на бумагѣ не оставалось уже ни одного чистаго мѣста» (Рус. Арх. 1880 г., т. III, стр. 441).

Заключивъ «Полтаву», Пушкинъ ѣдетъ въ деревню Малинки, Тверск. губ., принадлежащую его пріятелю А. Вульффу. Тутъ онъ ухаживаетъ, шутитъ... Воспоминанія о пребываніи въ Малинкахъ въ этотъ и другіе разы остались у Пушкина надолго. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ о нихъ женѣ 24 авг. 1833 г. (Лит. ф. VII, 318). Тамъ же Пушкинъ написалъ посвященіе къ «Полтавѣ»: «Тебѣ—но голосъ музы темной»... (27-го окт. 1828 г.) съ невошедшимъ въ печатное изданіе эпиграфомъ *I love this sweet name* (люблю это нѣжное имя). Анненковъ сближаетъ по времени сочиненія это посвя-

щеніе съ восьмистишіемъ «Я думалъ, сердце позабыло»... (Матеріалы, стр. 212). Правдоподобно, что это «нѣжное имя»—Марія, какимъ поэтъ переименовалъ Матрену Кочубей. Въ письмѣ къ Вульффу отъ того же числа, что и посвященіе, мы встрѣчаемъ упоминаніе о Маріи Васильевнѣ Борисовой. Пушкинъ говоритъ о ней, что она—«цвѣтокъ въ пустынѣ, соловей въ дичи лѣсной, перлъ въ морѣ», и что онъ «намѣренъ на-дняхъ въ нее влюбиться» (II, 79). Но шуточный тонъ похвалъ, да и самое содержаніе посвященія, не даетъ намъ возможности признать за М. В. Борисовой ту, которой посвящена «Полтава», и имя это остается загадкой. Вернувшись въ Петербургъ, Пушкинъ написалъ предисловіе къ поэмѣ (31-е января 1829 г.), и въ февралѣ того же года П. Плетневъ приступилъ къ изданію поэмы.

А для поэта насталъ самый тревожный періодъ жизни. Онъ мечется изъ Москвы въ Петербургъ и обратно, встрѣчается съ Н. Н. Гончаровой, дѣлаетъ ей предложеніе, получаетъ уклончивый полуктакъ, мчится на Кавказъ (начало мая 1829 г.), проводитъ въ путешествіи три мѣсяца, 10 августа на возвратномъ пути проѣзжаетъ черезъ Владикавказъ и здѣсь находитъ, наконецъ, русскіе журналы. «Первая статья,—пишетъ Пушкинъ въ «Путешествіи въ Арзрумъ»,—попавшаяся мнѣ, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи (это былъ отзывъ Надеждина о «Полтавѣ» въ «Вѣст. Евр.» 1829 г., см. ниже). Таково мнѣ было первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ».

И поэта, дѣйствительно, ожидали на родинѣ и житейскія, и литературныя терніи.

II.

Въ историко-литературномъ анализѣ «Полтавы» мы должны сосредоточить вниманіе на трехъ вопросахъ: о вліяніи на Пушкина южно-русскихъ впечатлѣній—быта, обстановки и природы; объ историческихъ и книжныхъ источникахъ поэмы, объ отношеніи поэмы къ созданіямъ другихъ писателей на тему, обработанную Пушкинымъ.

Пушкинъ пробылъ на югѣ Россіи болѣе четырехъ лѣтъ. Больше всего времени провелъ онъ въ городахъ—Кишиневѣ и Одессѣ, двѣ недѣли пробылъ въ Екатеринославѣ, побывалъ на переднемъ Кавказѣ и въ Крыму, ѣздилъ по Бессарабіи, наконецъ, три раза посѣщалъ с. Каменку, имѣніе Раевскихъ въ Кіев. г. Чигиринск. у. Нѣкоторые изслѣдователи

¹⁾ См. о пребываніи его въ Бодпѣ, Нижегород. г., осенью 1830 и 1833 гг.; слова въ письмахъ къ Н. Вяземскому: «Не пишу покамѣстъ ничего, ожидаю осени». (II, 267), П. Плетневу: «Осень подходитъ. Это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнеть; пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ» (II, 172).

опредѣляя вліяніе украинскихъ впечатлѣній—природы, жизни, быта и т. п.—такъ сказать, исторіи и этнографіи малорусской, старались выискать и, какъ намъ думается, преувеличить значеніе этихъ впечатлѣній. Проф. Н. Сумцовъ говоритъ, что, «хотя Пушкинъ пребывалъ очень короткое время въ Екатеринославѣ, но, по словамъ Смирновой, записалъ здѣсь двѣ сказки, неизвѣстно какія. Предполагаю (?), что одной изъ этихъ сказокъ была демонологическая сказка о полетѣ вѣдьмы. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ знакомъ съ народной словесностью и пѣснями (очевидно, украинскими), доказательствомъ чего служатъ «Казакъ», и со сказками, какъ видно изъ «Гусара». Затѣмъ, въ концѣ «Полтавы» есть указаніе, что Пушкинъ знакомъ былъ съ украинскими кобзарями, по крайней мѣрѣ, видѣлъ ихъ» («Этюды о Пушкинѣ», 268, 272). Но—«Записки» Смирновой представляютъ матеріалъ весьма проблематической достовѣрности; «Казакъ», «донецъ, хватъ—Денисъ» написанъ въ 1814 г.; «Гусаръ» же въ 1833 г. уже послѣ знакомства поэта съ Гоголемъ и его «демонологіей» въ повѣстяхъ; а слѣдующихъ украинскихъ кобзарей, брягавшихъ мимоходомъ о грѣшной дѣвѣ, скорѣе всего Пушкинъ, какъ и никто другой, совсѣмъ не видѣлъ.—Проф. П. Владимировъ находитъ, что въ «Полтавѣ» все пропикнуто мѣстными красками: Кіевскія высоты, сады съ тополями, замки, хутора, синіи Днѣпръ, панъ гетманъ, сердюки, долгогривые кони, погони, грабежи, кровавыя сцены и рядомъ—«моленіе ликовъ громогласныхъ за упокой души несчастныхъ» («Памяти Пушкина», Сборникъ Кіевск. универс. 1899 г., стр. 44). Почему все это—мѣстныя черты и краски—мы никакъ не можемъ понять, а «погони, грабежи, кровавыя сцены и моленіе ликовъ» развѣ могутъ скорѣе напомнить объ Иванѣ Грозномъ, а никакъ не объ исключительно украинскихъ бытовыхъ свойствахъ и историческихъ особенностяхъ.

Г. Булашевъ даетъ глухое сообщеніе о томъ, что Пушкинъ, посѣтивъ Кіевъ, вседѣло проникнулся здѣсь національнымъ чувствомъ (?) и народностью, и подъ этимъ впечатлѣніемъ создалъ «Пѣснь о Вѣщѣ Олѣгѣ» («Сборникъ Пушкину» Кіевск. Педагогич. об-ва 1899 г. стр. 72). Въ упомянутомъ же Сборникѣ мы находимъ болшую статью профес. Н. Петрова: «Отно-

шеніе поэзіи Пушкина къ украинской жизни и поэзіи». Авторъ утверждаетъ, что въ Кіевъ и въ Каменку поэтъ удалялся и отдыхалъ тамъ отъ прилива сильныхъ впечатлѣній, только что полученныхъ на Кавказѣ, въ Крыму и въ Бессарабіи, сосредоточивался въ себѣ и очищалъ эти впечатлѣнія въ горнилѣ «художественнаго творчества, сводя счеты съ прежнею жизнью» (стр. 155). Все это соображенія, ни на чемъ не основанныя и даже противорѣчащія извѣстнымъ фактамъ и письмамъ Пушкина: въ Кіевъ поэтъ ѣздилъ на свадьбу своихъ хорошихъ знакомыхъ (М. О. Орлова и Ек. Н. Раевской) и прожилъ не болѣе двухъ недѣль, ничѣмъ не отразившихся въ его творчествѣ и воспоминаніяхъ (написано въ Кіевѣ одно стихотвореніе «Земля и море» 8-го февр.). Въ с. Каменку Пушкинъ совсѣмъ ѣздилъ не за тѣмъ, о чемъ пишетъ проф. Петровъ. Въ письмѣ къ Н. Гнѣдичу отъ 4-го дек. 1820 г. изъ Каменки поэтъ опредѣленно говоритъ: «Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами... Женщинъ мало, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ (I, 22)», и, очевидно, слѣдовательно, немного впечатлѣній отъ украинскаго быта и природы. Новѣйшіи изслѣдователь пребыванія поэта въ Каменкѣ, проф. Лобода тоже приходитъ къ заключенію, что «Пушкинъ былъ равнодушенъ къ самой Каменкѣ» (Кіевск. сборникъ «Памяти Пушкина»). Не менѣе произвольно утвержденіе проф. Петрова, что «ко времени повѣдокъ Пушкина въ Кіевъ и Каменку относится его «Пѣснь о Вѣщѣ Олѣгѣ», написанная если не въ Кіевѣ, по подлѣ свѣжимъ его впечатлѣніемъ. Эта пѣснь довольно ясно (?) указываетъ на (кіевскую гору) Щекавицу. Пушкинъ, конечно, былъ на этой горѣ» (Op. cit 155). Поэтъ могъ быть и не быть на горѣ Щекавицкаго кладбища, имѣющей сомнительное отношеніе къ князю Олегу, но доподлинно извѣстно, что «Пѣснь» о немъ онъ написалъ въ Кипчигевѣ и болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ посѣщенія Кіева (1-го марта 1822 г.). Совершенно необоснованы и дальнѣйшія утвержденія профессора, что мысль написать поэму «Полтава» зародилась у Пушкина на югѣ Россіи, что «въ центрѣ самой Украины, въ Кіевѣ или Каменкѣ, онъ узналъ то, чего не могъ узнать около Бендеръ отъ казака Искры» (т.-е. о Мазепѣ и его могилѣ), наконецъ, что «черты образа Маріи у Пушкина на-

вѣяны женскими украинскими пѣснями». (Ор. с. 156—157).

Въ дѣйствительности, Пушкинъ немного вынесъ впечатлѣній изъ Малороссіи. Языка ея онъ не зналъ; пребываніе его тамъ было кратковременнымъ и слѣднымъ. Сильныя переживанія и воспоминанія о Кавказѣ, Крымѣ, даже Бессарабіи заслонили для него мимолетныя впечатлѣнія отъ украинской жизни и природы. Интересы Пушкина въ 1820—1822-хъ гг. были далеки отъ какихъ бы то ни было этнографическихъ соображеній и желанія проникнуть въ своеобразную народную жизнь Украины. Ироніей звучитъ, когда поклонники поэта выискиваютъ «рѣчь малорусскаго народа» и находятъ три украинскихъ слова въ «Полтавѣ» — сткло, хуторъ, катъ (Петровъ), а въ «Гусарѣ» — цѣлыхъ шесть:

Дибръ, Маруся, чернобрива, галушки хлопцевъ, дурень и эге! (Сумцовъ, Владимировъ). Фактъ этотъ — мы бы сказали, равнодушія къ Малороссіи — неожиданъ особенно потому, что Пушкинъ при созданіи, наприкладъ, «Кавказскаго Пѣвника», «Цыганъ» и «Бахчисарайскаго Фонтана» очень интересовался мѣстными красками и своеобразными чертами жизни и быта цыганъ и крымскихъ татаръ, даже ввелъ въ одну поэму черкесскую, въ другую — татарскую, въ третью молдаванскую пѣсни.

Впрочемъ, самымъ изслѣдователямъ приходится себѣ противорѣчить и сознаваться въ томъ, что «мѣстныя черты «Полтавы» выступаютъ не рѣзко», что «Петръ В. и Полтавскій бой заслонили отъ Пушкина подробности внутренней жизни старой Малороссіи XVII—XVIII вв.», что слова объ украинскихъ пѣвцахъ «бездѣльны» и т. п. (Владимировъ, Ор. с., стр. 43—45), Проф. Сумцовъ принужденъ также признать, что вынесенныя поэтомъ «изъ Кіева и Каменки

впечатлѣнія были слабы», что «лучшій остатокъ ихъ — описаніе Украинской ночи, но во всемъ остальномъ мѣстный колоритъ очень слабъ или совсѣмъ отсутствуетъ», что «по происхожденію, образованію, своимъ интересамъ самъ Пушкинъ стоялъ далеко отъ Малороссіи, и знакомство его съ этимъ краемъ было болѣе книжное, чѣмъ личное» (Ор. с. 268—269). По поводу же описанія Украинской ночи мы замѣтимъ, что гений Пушкина далъ правдивыя и яркія описанія Испаніи, которой онъ никогда не видѣлъ; ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ создалъ чудную картину ночи въ Малороссіи, которую видѣлъ.

Есть дванесомнѣнные факта прямого отношенія Пушкина къ Украинской этнографіи и исторіи, но факта незначительныхъ, на которые изслѣдователи не обращали вниманія. 18-го октября 1822 г. поэтъ писалъ брату изъ Кишинева о присылкѣ книги «Цертелева, древнія стихотворенія» (I, 58). Этой книгой могъ быть только «Опытъ собранія старинныхъ малорусскихъ пѣсней», изд. Цертелевымъ въ 1819 г. Не получилъ ли эту книгу Пушкинъ, мы не знаемъ. Другой фактъ касается исторіи Украины. Въ Августѣ 1833 г. поэтъ былъ

МАЗЕПА.

(Музей Гартновскаго въ Черниговѣ).

въ имѣніи Гончаровыхъ, с. Яропольцѣ, Волоколам. у. Московск. г. и писалъ женѣ: «Н. Ив. (теща) разводитъ огороды на прахотъ твоего прадѣдушки Дорошенки, къ которому ходилъ я на поклоненіе. Сем. Фед. водилъ меня на его гробницу» (Лит. ф. VII, 319). Упоминаемый здѣсь Дорошенко — извѣстный украинскій гетманъ, который умеръ въ 1698 г. и похороненъ въ с. Яропольцѣ. Есть еще одинъ фактъ, часто упоминаемый при указаніяхъ на украинскія симпатіи Пушкина. М. Максимовичъ, бывшій съ поэтомъ въ хорошихъ отношеніяхъ, рассказываетъ, что въ одно изъ посѣщеній своихъ Пушкина, онъ засталъ

поэта за своимъ сборникомъ пѣсней: «А я обираю ваши пѣсни», сказалъ Пушкинъ. Дѣло идетъ о сборникѣ Максимовича «Малороссійскія пѣсни», изд. въ 1827 г. Но однако, какихъ-нибудь слѣдовъ этого «обирания» въ «Полтавѣ» мы не находимъ, и, вѣрнѣе всего,—слова Пушкина были любовью, сказанною шутливымъ тономъ, пріятелю и поклоннику. Такихъ между украинцами у него было нѣсколько лицъ: кромѣ Максимовича, Пушкинъ былъ хорошъ съ Н. Марковичемъ, впоследствии авторомъ малорусской исторіи, съ переводчикомъ его «Полтавы» на малорусскій языкъ Е. Гребенкой, поэтомъ А. Родзянкой, помѣщикомъ М. Судіенкомъ и др. Не говоримъ, конечно, о близкихъ отношеніяхъ Пушкина къ Гоголю. Послѣдній, несомнѣнно, скрѣпилъ и расширилъ знакомство и связи Пушкина съ Малороссіей, ея исторіей и поэзіей, но это относится уже къ послѣднимъ годамъ жизни поэта.

Вотъ каковы были живыя, дѣйствительныя, непосредственныя отношенія къ Украинѣ и украинцамъ. Для произведеній, въ которыхъ изображалась Малороссія, поэтъ нуждался въ книжномъ знакомствѣ. И «Полтава» создана не подъ непосредственными украинскими впечатлѣніями, а послѣ ознакомленія съ книжными матеріалами.

III.

Пушкинъ былъ знакомъ съ исторіей Мазепы и интересовался эпохой борьбы Петра I съ Карломъ XII еще задолго до созданія «Полтавы». Несомнѣнно, что первымъ по времени источникомъ для этого знакомства служили поэту Вольтеровы Исторія Карла XII и Петра Великаго. «Исторія Карла XII» послужила источникомъ и для Пушкина, и для Байрона, и для другихъ писателей. Она дала Пушкину первыя свѣдѣнія о Мазепѣ. Изъ Вольтеровой же исторіи Карла Пушкинъ почерпнулъ — позже, вѣроятно, подробности о договорахъ гетмана съ Польскимъ и Шведскимъ королями, о походахъ Карла XII въ Польшу и Саксонію (см. слова Мазепы Орлику), о подробностяхъ Полтавской битвы (конь Петра I, качалка Карла) о совмѣстномъ бѣгствѣ Мазепы и Карла къ Диѳиру, а также о пребываніи Карла XII въ Бендерахъ (см. «Эпиграмъ»). У Вольтера рассказано тоже подробно объ отношеніи Петра къ шведскимъ плѣнникамъ, о надеждѣ царя видѣть среди нихъ короля (Петръ принималъ плѣнниковъ и каждую минуту спрашивалъ: «Гдѣ же братъ

мой Карлъ?») и объ угощеніи шведскихъ генераловъ, которыхъ онъ хвалилъ за истинно-вѣрную службу своему государю и шлъ за здоровье «учителей своихъ въ военномъ искусствѣ» (т. IV).

Каковой для фабулы «Полтавы» послужилъ историческій рассказъ Д. Бантыша-Каменскаго, а для 3-й пѣсни и изображенія военныхъ событій—«Дѣянія Петра В.» Голицева и «Журналъ или поденная записка блаженной памяти Г. И. Петра В.», изд. Щербатовымъ въ 1772 г.—Бантышъ-Каменскій издалъ въ 1822 г. свой обширный трудъ «Исторія Малороссіи» въ 4-хъ большихъ томахъ. Эта исторія носитъ на себѣ типичныя черты исторіи Карамзинскаго періода, — полна реторики и казеннаго пафоса, обилуетъ общими мѣстами и субъективными приговорами. Третій томъ ея и часть четвертаго посвящены Мазепѣ и его времени. До 40-хъ годовъ, т. е. до появленія «Исторіи Малороссіи» Н. Марковича (1842 г. и «Исторіи Руссовъ», изд. О. Бодянскимъ (1846 г.), это былъ единственный распространенный источникъ по малорусской исторіи, кромѣ лѣтописей XVII—XVIII в., мало извѣстныхъ обыкновеннымъ читателямъ. Можно предполагать, что Пушкинъ уже на югѣ былъ знакомъ съ книгой Бантыша-К., такъ какъ онъ, благодаря указанію въ ней на мѣсто погребенія въ с. Варницы, близъ Бендеръ (у Вольтера только глухо упоминается о смерти Мазепы), предпринялъ безполезныя розыски гетманской могилы. О нихъ рассказываетъ Липранди въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Въ началѣ 1824 г. въ Одессѣ Пушкинъ узналъ, что въ Варницѣ живетъ глубокой старикъ Николай Искра, знавшій еще походъ Карла XII. Поэтъ собрался и поѣхалъ съ Липранди. Искру, чуть не 130-лѣтняго старика, отыскали. Онъ многое рассказывалъ о Карлѣ, но ничего не могъ припомнить о Мазепѣ. Пушкинъ не отставалъ, толкая старика, что Мазепа былъ казачій генералъ и православный, а не бусурманъ, какъ шведы, но напрасно. Поэтъ, не теряя надежды отыскать могилу, спрашивалъ, нѣтъ ли еще такихъ же стариковъ, какъ Искра, нѣтъ ли старинныхъ церквей поблизости. Но ему отвѣчали, что подобныхъ стариковъ нѣтъ, а что церкви еще прежде были «спалены татарами». Раздосадованный и недовольный Пушкинъ возвратился въ Бендеры, а оттуда въ Одессу (Рус. Арх. 1866 стр. 1464). Но если даже поэтъ получилъ свѣдѣнія о Вар-

ниѣ помимо Бантыша-Каменскаго, то его «Исторію Малороссіи» онъ уже знаетъ хорошо во время созданія «Полтавы», потому что подробности разсказа въ поэмѣ вполне соотвѣствуютъ, идутъ согласно и послѣдовательно изложенію въ этомъ историческомъ пересказѣ. Въ приложеніяхъ къ III-му тому книги поэтъ нашелъ, конечно, и письма Мазепы къ Петру (о «дьявольскихъ искушеніяхъ» на измѣну и о вѣрности гетмана), и его же письма къ Кочубею и обратно (по поводу дочери), и «Инструкцію отъ кор. Станислава къ Мазепѣ», и, наконецъ, патріотическую малороссійскую думу, приписываемую Мазепѣ—«Всі покою щиро прагнуть»... (Прилож. XI, XII, XVI, XVII, XX) и др. Полливановъ въ своемъ изд. Пушкина подробно прослѣдилъ шагъ за шагомъ, какъ текстъ «Полтавы» совпадаетъ съ изложеніемъ событій у Бантыша-Каменскаго; въ той-же мѣрѣ Пушкинъ слѣдовалъ «Дѣяніямъ» Голицева и «Журналу Петра В.».

Къ источникамъ «Полтавы», причисляютъ рукописную «Исторію Руссовъ». Это тенденціозно-патріотическое сочиненіе, въ малорусско-шляхетскомъ смыслѣ, приписывалось извѣстному епископу XVIII в. Георгію Конисскому. Несомнѣнно, однако, что оно написано въ первой четверти XIX в., вѣроятно же всего,—Г. А. и В. Г. Полетиками, отцомъ и особенно сыномъ, украинскими патріотами—дворянами, либерально и конституціонно настроенными. «Исторія Руссовъ» въ рукописи появилась въ обращеніи въ 20-хъ гг. Старѣйшая рукопись извѣстна отъ 1828 г. въ Стародубщинѣ. Мѣстный помѣщикъ Швайръ снялъ копій съ нея и одну изъ нихъ переслалъ Бантышу-Каменскому (во 2-мъ изд. его «Исторіи» 1830 г. замѣтно вліяніе этого сочиненія). Въ 1829 г., должно быть, познакомился съ рукописью и М. Максимовичъ. Напечатанная лишь черезъ 16 лѣтъ, она была такъ распространена въ рукописяхъ, что оказала сильное вліяніе на историковъ и поэтовъ, касавшихся малорусской старины—Марковича, Срезневскаго, Шевченко, П. Кулиша (Романъ «Мих. Чернышенко»), Костомарова (драма «Косинскій»), Е. Гребенку («Пв. Золотаренко»); наконецъ, Гоголя въ «Тарасѣ Бульбѣ» (статья Гоголя «Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи» въ Жур. М. Нар. II.» 1834 г. № 4 составлена тоже по «Исторіи Руссовъ»). Самъ Пушкинъ далъ о ней похвальный отзывъ въ рецензій на Собраніе сочиненій Конисскаго

Но, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ (В. Стоюнинъ, Н. Сумцовъ и др.), мы можемъ смѣло утверждать, что Пушкинъ въ 1828 г., во время созданія «Полтавы», совсѣмъ не былъ знакомъ съ «Исторіей Руссовъ». Въ этомъ убѣждаетъ насъ не только то, что даже такіе специалисты по исторіи Малороссіи, какъ Бантышъ-Каменскій, Марковичъ и Максимовичъ познакомились съ Псевдо-Конисскимъ въ 1829 г., но и тщательное изслѣдованіе «Исторіи», не давшее указаній на какіе-нибудь слѣды ея въ поэмѣ. Пушкинъ упоминаетъ о Лѣтописи Конисскаго лишь въ 1830 году въ примѣчаніи къ своимъ «Критическимъ замѣткамъ». Приблизительно около этого времени и познакомился Пушкинъ съ «Исторіей Руссовъ», очевидно, черезъ своихъ друзей-малороссовъ. На заинтересованность Пушкина малорусской исторіей именно въ 1830 г. указываетъ и его замѣтка о Малороссіи того же года. Поэта занимали вопросы; «Что нынѣ называется Малороссіей? Что составляло прежде Малороссію? Когда отторгнута она отъ Россіи? Долго ли находилась подъ вліяніемъ татаръ? Отъ Гедимины—до Сагайдачнаго, отъ Сагайдачнаго—до Хмельницкаго, отъ Хмельницкаго—до Мазепы, отъ Мазепы—до Разумовскаго» (Сочин. т. VII, стр. 26). Весьма вѣроятно, что именно объ этой малорусской рукописи пишетъ Пушкинъ, разсказывая женѣ о встрѣчѣ въ Москвѣ съ Н. Раевскимъ въ Августѣ 1833 г., когда онъ спросилъ своего пріятеля, интересовавшагося малорусской исторіей: «Qu'avez vous fait de mon manuscrit petitrussien?» (Лит. ф. VII, 322).

В. В. Сиповскій въ своей книгѣ о Пушкинѣ указываетъ на то, что «особенное значеніе для Пушкина имѣла біографія гетмана, составленная А. О. Корниловичемъ и приложенная къ поэмѣ К. Рылѣва «Войнаровский» (стр. 529). Затѣмъ изслѣдователь сопоставляетъ и построчно сличаетъ тексты этого предисловія и поэмы и указываетъ, будто именно это краткое предисловіе и было историческимъ источникомъ, такъ что даже недоумѣнія Корниловича по поводу характера и дѣлей измѣны Мазепы являются источникомъ подобныхъ же «недоумѣній» и Пушкина. (Ор. с. 532). Но въ Бантышомъ-де поэтъ былъ знакомъ, но взялъ изъ него лишь «нѣкоторые факты и имена изъ исторіи казачьихъ войнъ и текстъ письма Мазепы къ Петру» (533). Но офицеръ генеральнаго штаба А. О. Корниловичъ (авторъ карманной книжки «Рус-

ская старина» для любителей отечества на 1825 г.) написал для пріятеля своего Рылѣва предисловіе — «жизнеописаніе Мазепы» по Бантышу-Каменскому, ограничивъ изложеніе событій даже однимъ третьимъ томомъ «Исторіи Малороссіи». Съ какой же стати Пушкинъ, хорошо уже знакомый къ 1828 г. съ источникомъ знаній Корниловича, использовалъ-бы не этотъ первоисточникъ, а плохую компіляцію. То же надо сказать и о примѣчаніи къ «Войнаровскому» о Палін: Пушкинъ, конечно, изъ Бантыша, а не изъ этого указанія почерпнулъ свѣдѣнія о хвостовскомъ полковникѣ, который, замѣтимъ, никогда никакимъ гетманомъ не былъ (Ор. с. 537). Что же касается вообще примѣчаній къ поэмамъ Рылѣва и Пушкина, то сближеніе ихъ — одно недоразумѣніе. Примѣчанія Пушкина (кстати, показывающія, что источникомъ поэмы былъ именно Бантышъ-К., а не Корниловичъ) совсѣмъ не имѣли того смысла, какой послали они у Рылѣва. У Рылѣва примѣчанія и предисловія потому характерны, что ими авторъ хотѣлъ защитить свою поэму отъ цензурной подозрительности (въ этомъ не имѣлъ надобности Пушкинъ). Вѣдь Рылѣвъ съ нескрываемой симпатіей говорилъ о ссыльномъ Войнаровскомъ и изображаетъ Мазепу патріотомъ-неудачникомъ.

IV.

Крайне малочисленны художественныя произведенія, касавшіяся Мазепы и Полтавской битвы до Пушкина. Не будемъ говорить о Ломоносовѣ. — Его «Петръ Великій» никакого отношенія къ «Полтавѣ» не имѣетъ. А попытки сблизить обоихъ поэтовъ приводили къ тому лишь, что находили сходство между стихами Пушкина о конѣ Петра:

И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордась могучимъ сѣдокомъ,

и стихами Ломоносова изъ «Оды Импер. Елизаветѣ 1750 г.»

И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадицей (Елизаветой) гордась.

Въ 1784 г. неизвѣстный авторъ издалъ совершенно бездарную повѣсть «Прекрасная Россіянка», въ которой касался любовныхъ походовъ Мазепы, по отношенію не исторіи съ дочерью Кочубея. Въ 1803 году ибкій іезуитъ Никодимъ Мусницкій

издалъ въ Полоцкѣ на польскомъ языкѣ поэму въ 10 пѣсняхъ — «Pultawa», не имѣющую никакого серьезнаго литературнаго значенія. Не многимъ выше этой поэмы ода Мерзлякова, напыщенная, безформенная, пренесполненная ходульно-патріотическаго наѣоса, тяжелая по мысли и слогу. Она была прочтена на актѣ московскаго университета и напечатана въ «Вѣсти. Евр.» 1827 г. № 12. — На такомъ же актѣ въ 1825 г. прочтано было менѣе ходульное, болѣе короткое и болѣе удачное стихотвореніе Ник. Писаревымъ (помѣщенное потомъ въ Сборникъ рѣчей Моск. у-та 1825 г.). Тутъ мы находимъ, въ обычномъ повышенномъ тонѣ, восхваленіе Петра, рассказъ о встрѣчѣ его съ Карломъ подъ Полтавою, восклицаніе — «Полтава! Ты царей учитель!» и сравненіе Петра I съ Александромъ I, изгнавшимъ французовъ изъ Москвы. Ибтъ, однако, никакихъ данныхъ о томъ, что Пушкинъ былъ ли знакомъ съ этими повѣствованіями и виршами.

«Мазепу» Байрона (1819) нашъ поэтъ зналъ задолго до созданія «Полтавы». У Байрона рассказъ ведется отъ лица Мазепы. Во время бѣгства послѣ Полтавскаго сраженія, на ночлегѣ, гетманъ повѣствуетъ Карлу XII о любви къ молодой Терезѣ, о мести ея стараго мужа, о скачкѣ Мазепы, привязаннаго къ коню, по украинскимъ степямъ, освобожденіи его и мести гетмана, сжегшаго и уничтожившаго впослѣдствіи замокъ своего врага. Рассказъ Мазепы имѣетъ ибъ-которое отношеніе къ личной судьбѣ Байрона, около этого времени полюбившаго молодую жену венеціанца Терезу Гвиччіоли. Въ предисловіи Байронъ говоритъ, что источникомъ для него послужила Вольтерова Исторія Карла XII. Главный интересъ поэмы заключается въ описаніи бѣшеннѣйшей скачки, коня страдающей и думъ Мазепы и въ изображеніи дикой, хотя и невѣрной для Украины, чудной степной природы. Мазепа у Байрона напоминаетъ излюбленныхъ героевъ поэта. Опъ, прикованный къ коню, какъ прикованный къ скалѣ Прометей, испытываетъ величайшія муки, изображенныя съ тою изумительной силой, съ какою умѣлъ вообще изображать человѣческія мученія Байронъ. Но страданія не подорвали ни физической, ни духовной мощи Мазепы. Его до конца не покидаетъ вѣра въ свои силы, несмотря на всѣ неудачи и горе жизни; опъ безграниченъ въ своемъ мщеніи и злобѣ, не знаетъ мѣры ни хорошему, ни дурному.

Пушкинъ взялъ эпиграфъ къ «Полтавѣ» изъ первой строфы поэмы:

The power and glory of the war,
Faithless, as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar, т. е.
И мощь, и доблесть измѣнили,
Какъ ихъ служитель,—человѣкъ.
Примкнувъ тѣснѣе къ новой силѣ,
Къ Царю Москвы. (Перев. В. Мазуркевича).

Этотъ эпиграфъ Пушкинъ сперва хотѣлъ перевести стихами, потомъ оставилъ безъ перевода (См. И. Шляпкина «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», стр. 11; набросокъ «То было вскорѣ послѣ боя...» повѣрно относится издателемъ къ впечатлѣніямъ Арзрумской поѣздки поэта, стр. VІІІ). Та же первая строфа «Мазепы» Байрона нашла себѣ отголосокъ въ описаніи Пушкинымъ похода Карла въ Россію («Онъ шелъ на деревню Москву...») и въ воспоминаніи о Наполеонѣ и походѣ на Москву.

Другихъ опредѣленныхъ слѣдовъ вліянія «Мазепы» на «Полтаву» отмѣтить нельзя. Въ общемъ, Мазепа у Байрона—характеръ злой, но героическій; у Пушкина—онъ злодѣй съ головы до ногъ. Пушкинъ уничтожилъ во 2-мъ изданіи эпиграфъ и не любилъ указаній на отношеніе его поэмы къ Байроновской *).

Онъ указывалъ на то, что его занимала тема, которой не коснулся Байронъ: исторія оболъщенной дочери и казненнаго отца (см. ниже). По свидѣтельству Вяземскаго, поэтъ досадовалъ на то, что Байронъ «взялся за Мазепу и не додѣлалъ». Въ «Полтавѣ» эту задачу какъ бы и выполнилъ Пушкинъ.

Гораздо больше значенія для «Полтавы» имѣла поэма Рылѣева «Войнаровский». Пушкинъ относился къ началу поэтической дѣятельности Рылѣева насмѣшливо. Такъ, въ письмѣ къ брату Льву онъ пишетъ 30-го янв. 1823 г.: «Знаменитый Рылѣевъ употребляетъ слово думы, которое по-русски ничего не значить» **)

*) Письмо Плетневу о «Полтавѣ» (напеч. впервые въ «Соврем.» 1838 г., т. ІХ) содержало въ себѣ французскій переводъ трехъ отрывковъ изъ «Мазепы» Байрона, которые были приведены Пушкинымъ съ намѣреніемъ подтвердить разницу между его «Полтавой» и произведеніемъ англійскаго поэта. (Изд. Анненковымъ, т. V, стр. 109).

**) Пушкинъ оспариваетъ въ другомъ мѣстѣ, что слово думы произошло «отнюдь не отъ польскаго, а отъ иѣмедкаго duma» (I, 218) Ср., однако, у Крылова: «И думаетъ свою онъ думу безъ шуму»—«Дѣлѣ бочки».

Но уже въ слѣдующемъ году мы видимъ совсѣмъ иное отношеніе Пушкина къ Рылѣеву. Причиной этого была его поэма «Войнаровский». Отрывки изъ нея появились въ «Полярной Звѣздѣ» 1824 г., а вся поэма—въ 1825 г. Пушкинъ писалъ Рылѣеву: «Жду «Пол. Зв.» съ нетерпѣніемъ. Знаешь для чего? Для Войнаровскаго» (I, 168). Познакомившись съ поэмой, онъ пишетъ брату: «Съ Рылѣевымъ мнѣюся: «Войнаровский» полонъ жизни» (I, 95). По поводу «Думы» мы встрѣчаемъ въ черновикѣ письма Пушкина къ Вяземскому, что онъ прочелъ ихъ недавно и еще не опомнился—такъ (авторъ ихъ) вдругъ выросъ (I, 83). Впрочемъ, послѣдующіе отзывы Пушкина о думахъ болѣе чѣмъ сдержанны. «Думы Рылѣева и дѣлать, да не впопадъ» сообщалъ онъ Жуковскому въ началѣ іюня 1825 г. (I, 223). Всѣмъ имъ онъ предпочиталъ «Войнаровскаго»: «Рылѣева «Войнаровский» (письмо А. Бестужеву 12-го янв. 1824 г.) несравненно лучше всѣхъ его «Думъ»; слогу его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти нѣтъ» (I, 96). Между обоими поэтами завязалась дѣятельная переписка. Рылѣевъ былъ радъ, что «Войнаровский» понравился Пушкину, а Пушкинъ пересылалъ ему замѣчанія и похвалы, такъ, что авторъ поэмы и другъ его Бестужевъ уличали Пушкина даже въ томъ, что онъ—«великій льстецъ». Это заставило послѣдняго написать Бестужеву (24-го Марта 1825 г.): «Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его думахъ я сказалъ вслухъ и ясно, о поэмахъ его—также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своею дорогою. Онъ въ душѣ поэтъ... Рать Христа! Чтобъ онъ писалъ—да болѣе, болѣе!» (I, 196).

Поэма «Войнаровский» (въ 2-хъ частяхъ) изображаетъ пребываніе героя въ дачной ссылкѣ, въ Якутскѣ (Войнаровский—племянникъ и наслѣдникъ Мазепы, удалившагося съ нимъ за границу, былъ схваченъ въ 1716 г. по приказанію Петра І въ Гамбургѣ и отправленъ въ Сибирь). Тамъ его случайно встрѣчаетъ путешествовавшій по Сибири извѣстный ученый Миллеръ въ 1736—1737 гг. и ведетъ долгія бесѣды. Войнаровскийъ рассказываетъ о себѣ, о Мазепѣ, о событіяхъ борьбы Карла и Петра и о гибели гетмана, его планы и планы ему людей. Миллеръ удивлялся уму, образованности и патріотизму Войнаровскаго и любилъ по часту и подолгу бесѣдовать съ

нимъ. Но однажды, когда Миллеръ сѣвшиль обрадовать несчастнаго изгнанника вѣстью объ освобожденіи, онъ засталъ его замерзшимъ на «холмѣ гробовомъ» своей вѣрпой жены, «подъ наклонившимся крестомъ». Поэма Рылѣва далеко не блещетъ художественными образами, но полна «гражданскихъ» мыслей и обильна удачными и выразительными стихами.

Войнаровский обрисованъ симпатичными чертами, и положеніе ссыльнаго вызываетъ глубокое сожалѣніе къ нему. Что касается Мазепы, то гетманъ изображенъ человекомъ сильнымъ, страстнымъ, рѣшительнымъ, на совѣсти котораго лежитъ много мрачнаго, но совѣсть глубоко тревожитъ Мазепу и вызываетъ мучительныя раскаянія. Главная черта, отмѣченная авторомъ въ Мазепѣ, — беззавѣтный патріотизмъ. Гетманъ рассказываетъ, что—

Ее (родину) спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей честью...
И чту Великаго Петра;
Но—покорялся судьбинѣ—
Узнай: я врагъ ему отнынѣ...
... Ужъ близокъ часъ, близка борьба,
Борьба свободы съ самовластьемъ...

Никто не виноватъ въ этой борьбѣ:

И я, и Петръ—мы оба правы;
Какъ онъ, и я живу для славы,
Для пользы родины моей.

Войнаровский, вспоминая о похоронахъ Мазепы, говоритъ: «Мы вмѣстѣ съ Мазепою погребали—свободу родины своей». Но въ самой поэмѣ неожиданно встрѣчаются и рѣзкія осужденія Мазепы, вырывающіяся изъ устъ того же Войнаровскаго. Къ поэмѣ приложены двѣ компилятивныя статейки о Мазепѣ и Войнаровскомъ, а затѣмъ примѣчанія, изъ которыхъ одно особенно характерно. Вотъ оно: «Можетъ быть читатели удивятся противоположности характера Мазепы, выведеннаго поэтомъ и изображеннаго историкомъ (надо подразумѣвать — Бантышемъ-Каменскимъ въ изложеніи Корниловича). Считаю за нужное напомнить, что въ поэмѣ самъ Мазепа описываетъ свое состояніе и представляетъ оное, можетъ быть, въ лучшихъ краскахъ; но неумолимое потомство и справедливые историки являютъ его въ настоящемъ видѣ. И могло ли быть иначе?.. Для исполненія своихъ самолюбивыхъ видовъ онъ употреблялъ все средства убѣжденія (?). Желая преклонить Войнаровскаго,

своего племянника, онъ прельщалъ его краснорѣчивыми разсказами и завлекъ его, по неопытности, въ войну противъ великаго государя; но истина восторжествовала—и Провидѣніе наказало измѣнника» (Сбор. соч. Рылѣва, изд. Ефимова 1874 г., стр. 91).

Эти противорѣчія объясняются просто. Въ письмѣ къ Пушкину (въ іюнѣ 1825 г.) Рылѣвъ пишетъ: «Благодарю тебя, милый чародѣй, за твои прямо душевныя замѣчанія на Войнаровскаго. Ты во многомъ правъ совершенно, особенно говоря о Миллерѣ. Онъ точно—истуканъ. Вложивъ въ него вѣроподобническія филиппики за нашего великаго Петра, я бы не имѣлъ надобности прибѣгать къ хитростямъ и говорить за Войнаровскаго для Бирюкова» (I, 232; Бирюковъ—цзѣбный цензоръ). Къ такимъ «вѣроподобническимъ хитростямъ» Рылѣва мы должны отнести и предварительныя жизнеописанія (это зналъ и Пушкинъ), и примѣчанія, въ родѣ приведеннаго выше. Но то, что симпатіи автора были на сторонѣ разгромленныхъ неудачниковъ—Мазепы и Войнаровскаго подтверждается всѣмъ текстомъ поэмы Рылѣва.

Поэма Рылѣва, которую высоко цѣнилъ Пушкинъ, безусловно оказала вліяніе на него при созданіи «Полтавы». Въ этомъ можно убѣдиться изъ ряда сопоставленій въ обѣихъ поэмахъ. Рылѣвъ, напр., вкладываетъ въ уста Войнаровскаго разсказъ о томъ, какъ, во время разрастанія борьбы «сѣвернаго героя» съ Великимъ Петромъ, Мазепа «молчалъ и равнодушно внималъ полковъ привѣтственные клики». Въ «Полтавѣ» гетманъ — «храпя суровость обычайну... молвъ, казалось, не внималъ и равнодушно пировалъ».

У Рылѣва встрѣчаются выраженія, которыя напоминаютъ Пушкинскіе стихи: сердце заняло, «когда рубежъ страны родной узрѣли мы передъ собой»; Мазепа думаетъ «спасти отъ бѣды народъ Украйны, иль въ ней себѣ воздвигнуть тропъ»; Миллеръ размышляетъ: «и мирный домъ твоихъ отцовъ»; Карлъ—«увѣчанный бѣглець» («Войнар.») и т. д. У обоихъ поэтовъ часто рисуется тайна и Украйна. Картины бѣгства короля и Мазепы у Рылѣва и Пушкина—сходны. Бѣсѣдъ Мазепы съ Орликомъ у Пушкина соответствуетъ бѣсѣда его съ Войнаровскимъ, когда «одно мгновенье все рѣшило, одно мгновенье погубило навѣкъ страны родной свобо-

ду, славу и покой», а мукамъ совѣсти у Мазепы во время бѣгства отвѣчаетъ бредъ гетмана въ предсмертной болѣзни. У Рылѣева безумный хохотъ Мазепы, у Пушкина—Маріи и др. Наконецъ, и самъ Войнаровскій появляется у Пушкина въ картинѣ Полтавскаго боя; выстрѣлъ его изъ мушкета спасъ Мазепу отъ сабли казака, любившаго Марію. Несомнѣнно вліяніе «Войнаровскаго» въ описаніи казни Кочубея. У Рылѣева:

Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стenanія и плачь...
Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
Вотъ покатила голова...
И вотъ другая... всѣ трепещутъ...
Смотри! Какъ страшно очи блещутъ!..

Недаромъ Пушкинъ писалъ Вяземскому еще 25-го мая 1825 г., что у Рылѣева «есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ», и что «въ Рылѣевѣ есть болѣе (чѣмъ у поэта Козлова) замашки или размазки въ слогѣ» (I, 218). Эта «размазка въ слогѣ», въ стихѣ и образности «Полтавы» несравненно и недостижимо выше у Пушкина, чѣмъ у Рылѣева. Но мы не должны забывать, что послѣдній все-таки является безусловнымъ предшественникомъ великаго поэта въ своеобразной обработкѣ сходящей для обоихъ темы.

Любопытно еще, что Пушкинъ просилъ какъ-то брата посовѣтовать Рылѣеву—«помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку (Аннибала). Его арапская рожа произведетъ страшное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы» (письмо отъ февраля 1825 г. I, 179). Самъ онъ, однако, уклонился въ поэмѣ отъ подобнаго эффекта.

Въ концѣ своего предисловія Пушкинъ говоритъ: «Нѣкто въ романтической повѣсти изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженною женщиною, изобрѣтающимъ утопченныя ужасы, годныя во французской мелодрамѣ и пр. Лучшее было бы развить и объяснить настоящій характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своевольно историческаго лица». Тутъ рѣчь о повѣсти Егора Аладына «Кочубей», помѣщенной въ изданномъ имъ же «Невскомъ Альманахѣ» на 1828 г. (стр. 228—303; см. «Библиографъ» 1888, № 12). Аладинъ былъ типичный «альманашиникъ»; самъ пописывалъ повѣсти, вращался среди писате-

лей и немало надоѣдалъ имъ выпрашиваніемъ «на зубокъ» своимъ изданіямъ и т. п. Подобный типъ изображенъ Пушкинымъ въ отрывкѣ, озаглавленномъ «Альманашиникъ». Повѣсть Аладына ходульна, противостоительно-мелодраматична и въ общемъ весьма слаба. Надо помнить, однако, какъ справедливо указываетъ В. Сиповскій, что Пушкинъ «никогда не замыкался въ тѣсномъ кругу своего творчества и внимательно смотрѣлъ по сторонамъ, вглядываясь въ произведенія крупныхъ и даже мелкихъ писателей, охотно бралъ отъ нихъ нѣкоторыя картины, образы, даже намеки» (стр. 523). Такъ, Пушкинъ говоритъ въ письмѣ къ Вяземскому (въ ноябрѣ 1823 г.), что ввелъ «хладнаго скопца» въ «Бахчисарайскій Фонтанъ», подражая Боброву (второстепенный поэтъ XVIII в., авторъ поэмы «Таврида», или «Мой дѣтскій день въ Таврическомъ Херсонесѣ»); мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть», добавляетъ поэтъ (I, 85). Несомнѣнно, что и повѣсть Аладына Пушкинъ прочиталъ очень пристально.

Повѣсть Аладына начинается съ описанія дружбы Кочубея и Мазепы. На пиру у Кочубея Мазепа, между прочимъ, говоритъ хозяину: «Чего же недостаетъ у тебя?... золота, какъ песку окрестъ Кіева... жизнь твоя течетъ какъ свѣтлый праздникъ, весело и беззаботно», но—обращается гетманъ къ Кочубею:—«дочь твоя прелестна, какъ лучшая роза въ саду твоемъ! Храни это сокровище!». Кочубей «сважаль въ гетманѣ главу Малороссіи, но презиралъ въ немъ жестокаго, корыстолюбиваго утѣшителя казаковъ». Вообще, Кочубей во всемъ необыкновенно добродѣтеленъ: онъ безирѣдѣльный московскій патриотъ, благочестивѣйшій семьянинъ, его развлекаютъ только «подвиги казаковъ на полѣ чести» да отчизну и престолъ и т. п. Получивъ отъ Мазепы письмо съ предложеніемъ брака съ Маріей, Кочубей восклицаетъ: «Нечестивецъ! Онъ требуетъ руки нашей дочери, руки своей дочери». Добрая Любовь (его жена) съ ужасомъ ахнула при этой вѣсти, и несчастная Марія (вмѣсто Матрены, какъ и у Пушкина) безъ чувствъ упала въ руки матери». Далѣе слѣдуетъ разсказъ Мазепы, изображеннаго страшнымъ преступникомъ, іезуиту Зелинскому о прошлыхъ похожденияхъ. Разсказъ этотъ составленъ въ подражаніе «Мазепѣ» Байрона съ сохраненіемъ даже именъ (Тереза) и нѣкоторыхъ выраженій поэмы. Повѣствованіе свое гетманъ оканчиваетъ словами: «Съ тѣхъ поръ (послѣ

скачки на конѣ) въ сердцѣ моемъ поселилась ненависть къ человечеству, адская ненависть къ сильнѣйшимъ меня! Пожалуй, они прикуютъ еще Мазепу, какъ Прометей, къ утесу и пошлютъ вороновъ клевать мое сердце». Сынъ іезуита похищаетъ Марію при помощи няньки; послѣднюю топятъ въ рѣкѣ. Кочубей прѣзжаетъ въ Батуринъ къ Мазепѣ. Между ними происходитъ «страшный» разговоръ, во время котораго Кочубей восклицаетъ: «Нѣтъ, хищникъ, нѣтъ! Не богатства твоего, но твоей крови за честь мою пришелъ я требовать». Съ тѣхъ поръ въ домѣ Кочубея не пируютъ, а молятся и плачутъ. Кочубей скорбитъ о томъ, что «разлилась въ народѣ громкая молва о моей дочери, о моемъ позорѣ». Осталось одно—мсть! Онъ «тайно и терпѣливо проникалъ въ дебристую душу изверга», и когда обнаружилъ въ гетманѣ измѣнника, «содрогнулся» и послалъ черезъ чернеца Никанора доносъ Петру. Далѣе идетъ рѣчь о довѣріи Петра къ Мазепѣ, живыя увѣренія гетмана Петру, допросъ, и пытки Кочубея, напоминашія Кочубею объ его домѣ, «гдѣ весело протекли игры младенчества, мечты, юности», гдѣ онъ «пировалъ съ избранными друзьями». Повѣсть оканчивается невѣроятной мелодрамой. Марія въ одеждѣ молодого воина проникаетъ къ отцу въ темницу. Онъ примиряется съ дочерью, но отказывается бѣжать, чтобы не нарушить волю Петра, хотя сознаетъ себя гибнущимъ невинно. Марія врывается въ замокъ Мазепы. Гетманъ «блѣднѣетъ, трепещетъ». Тогда, «какъ хищный коршунъ безсильнаго цыпленка, такъ схватила изступленная Марія трепещущаго Мазепу и приставила кинжалъ къ оледѣвшей груди его». Мазепа изворачивается и обѣщаетъ ей все. Марія довѣряется гетману. Сцена казни. Марія стоитъ невдали отъ помоста подъ покрываломъ, ожидая освобожденія и апофеоза отца. Мазепа, «окруженный многочисленной свитой и вѣрными сердюками», находится тутъ же. Передъ самымъ отсѣченіемъ головъ съ Маріи снимаютъ покрывало. Ужасъ! «Страдальцамъ рубить головы. Голова. Искры покатились по желтому песку» и т. п.

Мы остановились на трехъ произведеніяхъ, разработавшихъ тему о Мазепѣ раньше Пушкина. Слѣды знакомства съ ними поэта въ «Полтавѣ»—песомыслины, но сколько-нибудь значительное вліяніе оказала развѣ поэма Рылѣева. Пушкинъ какъ бы самъ отвергалъ какое бы то ни было

отношеніе «Полтавы» къ poemѣ Байрона и повѣсти Аладына, выбросивъ во 2-мъ изданіи и эпиграфъ изъ «Мазепы» и предисловіе, гдѣ упоминается о повѣсти «Кочубей». Но вліянія Рылѣева онъ не отвергалъ и не могъ отвергнуть.

Отмѣтимъ кстати, что въ «Полтавѣ» есть сцены и отдѣльные стихи, повторяющіе выраженія изъ болѣе раннихъ произведеній поэта. Напр., описаніе Полтавской битвы въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ напоминаетъ рассказъ о битвѣ подъ стѣнами Кіева Владиміровой дружины съ Печенѣгами («Русл. и Людмила»); Людмила оставляетъ постель «на встрѣчу утреннимъ лучамъ»; Русланъ нападаетъ на бусурманъ, осаждающихъ Кіевъ, «какъ Божій громъ» (въ «Полтавѣ»—гроза). Изображеніе Маріи напоминаетъ Зарему въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ»:

Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила.

«Въ тѣни украинскихъ черешенъ» повторяется въ припискѣ къ сестрѣ А. П. Кернъ; въ позднѣйшемъ «Мѣдномъ всадникѣ» встрѣчаемъ стихъ: «Прошло сто лѣтъ—и юный градъ»... и т. п.

У.

«Полтава» вызвала разнообразныя и противоположныя отзывы журнальной критики.

Однимъ изъ первыхъ привѣтствовалъ поэму стихотворецъ кн. Шаликовъ стихами:

Цари съ поэтами всегда дѣлились славой!
Царь Русскій возблесталъ тріумфомъ подъ
Полтавой
Надъ силой грозною, и русскій же поэтъ
Въстѣ лавры въ свой вѣнокъ съ полей его
побѣдъ.

(Дамск. Журн. 1829 г., № 16). Въ «Москов. Телегр.» было вообще сказано, что «при появленіи въ свѣтъ «Полтавы» мы видимъ примѣръ несходства во мнѣніяхъ: одни называли эту поэму первою по достоинству, другіе—третьею, третьи—второю; одни нашли, что описаніе полтавской битвы превосходно, другіе увидѣли въ немъ невѣрный очеркъ; одни убѣдились, что «Полтава» есть шагъ къ совершенству, другіе убѣдились въ противномъ (1829 г., № 10).

Критикъ того же журнала Кс. Полевой находить, при всѣхъ другихъ достоинствахъ, одно новое—народность. «Въ

Памятникъ въ честь Полтавской победы.
Воздвигнутъ въ Полтаву въ 1809 г.

«Полтавѣ» съ начала до конца вездѣ русская дума, русскій умъ («М. Т.» 1829 г. № 7).

Доброжелательные «Сѣвер. Цвѣты» на 1830 г., отмѣчая высокія достоинства поэмы, указывали на неестественность отвѣта Кочубея Орлику, а «Сѣвер. Пчела», называя поэму прелестной, признавала за пей мѣсто, слѣдующее послѣ «Цыганъ» и «Бахчисарайскаго Фонтана» (1829 г., № 39).

Критикъ «Галатей», восхищаясь поэмой, недоумѣвалъ только, почему поэтъ назвалъ свою поэму Полтавою, «которая поставлена у него почти въ невѣдомомъ уголкѣ»? (1829 г. № 16). «Атеней» далъ двѣ статьи о «Полтавѣ» и обѣ по преимуществу похвальныя. Въ № 4 за 1829 г. пѣкто N предполагаетъ, что, «быть можетъ, Пушкинъ напишетъ эпопею, но будемъ пока утѣшаться надеждою, что въ поэмахъ болѣе легкихъ онъ изобразитъ намъ вѣкъ Петра. Пушкинъ, можетъ быть, хотѣлъ назвать поэму свою Мазепою, но въ дѣйстви оной не менѣе берутъ участіа другія лица, и вообще въ пей нѣтъ главнаго героя, а потому имя Мазены, Кочубея, Маріи, еще болѣе имя Петра и Карла для нея неприличны. Въ пей нѣтъ великаго характера, потому что

и самая исторія происшествія онаго не представляетъ».

Въ іюнскомъ № «Атеней» 1829 г. М. Максимовичъ разсматривалъ поэму съ исторической точки зрѣнія и защищалъ поэта противъ сомнѣній въ исторической вѣрности дѣйствующихъ лицъ.

Ив. Кирѣевскій («Деница» на 1830 г.) хвалитъ поэму за проявленную поэтомъ зрѣлость таланта, «которую доказываетъ господствующій, хотя и не вездѣ выдержанный, характеръ «Полтавы». Главное изъ несовершенствъ Кирѣевскій видитъ въ недостаткѣ единства. «Посвятивъ первую двѣ пѣсни преимущественно исторіи любви Мазены и Маріи, Пушкинъ окончилъ свою повѣсть вмѣстѣ съ концомъ второй пѣсни; и въ отношеніи къ главному интересу поэмы всю третью пѣсню можно назвать лишнею. По этой же причинѣ, или потому, что словесность наша еще не доросла до господствующаго направленія «Полтавы», поэма сія не имѣла видимаго вліянія на нашу литературу». Мнѣніе Кирѣевского впоследствии всецѣло раздѣлялъ Анненковъ, находившій въ истинный недостатокъ поэмы въ двойственности ея плана, чувствовавшійся тѣмъ бо

лѣе сильно, чѣмъ ярче и превосходнѣе краски эпизода, поднятаго на высоту, ему не свойственную («Матеріалы», стр. 212).

Гораздо больше было разборовъ «Полтавы» отрицательнаго характера, нападавшихъ и на общій планъ, и на частности. Критикъ «Сына Отечества» (1829 г., №№ 15 и 16) задавался вопросомъ, отчего «Полтава» не произвела такого впечатлѣнія въ публикѣ, какъ другія произведенія поэта? Оттого, отвѣчаетъ онъ, что «поэтъ былъ въ правѣ не давать отчета въ характерахъ и положеніяхъ вымышленныхъ лицъ, а отъ лицъ историческихъ мы требуемъ полноты характера и желаемъ видѣть событія въ ихъ настоящемъ, правдоподобномъ видѣ, даже въ волшебномъ зеркалѣ вымысла. Мазепа въ «Полтавѣ» жестоко обруганъ, но не представленъ въ томъ видѣ, какимъ изображаетъ его исторія. Онъ изображенъ не честолюбцемъ, не хитрецомъ, не злодѣемъ, но просто злымъ дуракомъ. Страннѣе всего, что авторъ хочетъ представить Мазепу безразсуднымъ и мстительнымъ старичишкой, который поднялъ знамя бунта за то, что Петръ В. подралъ его за усы во время пиршества, хотя послѣ осыпалъ своими милостями». Надеждинъ въ «Вѣст. Евр.» (1829 г., №№ 8 и 9) еще рѣзче и рѣшительнѣе отозвался о недостаткахъ поэмы. По мнѣнію Надеждина, «Полтава» есть настоящая Полтава для Пушкина. Ему здѣсь назначено было испытать судьбу Карла XII. Сѣверный Александръ, проигравъ Полтавское сраженіе, пустился въ ребяческіе фарсы. Въ этомъ поэтическомъ зданіицѣ, носящемъ величественное имя Полтавы, сама Полтава составляетъ такой непримѣтный уголокъ, что его едва и отыскать можно... Мазепа Пушкина есть не что иное, какъ лицемѣрный, бездушный старичишка, особенно по сравненію съ Мазепой Байрона, который разстилаетъ гигантскую тѣнь». «Любовь Маріи къ старику—невозможна, а любовь Мазепы—только фарсъ. А усы Мазепы! Ай да усы! Это были бы кладъ для покойнаго выворачивателя «Энеиды» наизнанку! Изображеніе Петра и Карла напоминаетъ изображеніе Фарлафа и Рогдая изъ «Руслана и Людмилы». Наконецъ, въ поэмѣ «стиховъ прозаическихъ и вѣлыхъ такое множество, что не вѣришь: Пушкинъ ли, полно, писалъ ихъ!» Все же произведеніе «есть рѣзвая шалунья, для которой весь міръ ни въ копѣйку. Ея стихія—пересмѣивать все худое и хорошее... Не изъ злости или презрѣнія, а просто изъ

охоты позубоскалить». Однимъ словомъ,—«пѣвецъ «Руслана и Людмилы» зарубилъ дерево не по себѣ».—Въ «Литерат. Прибавл. къ Рус. Инвал.» (1831 г., №8) поддержали Надеждина и восхищались «острымъ словомъ» о Полтавѣ Пушкина въ поэмѣ «Полтава»; тамъ же опредѣленно заявляли: «Намъ извѣстно и вѣдомо, что сія поэма не только не возбудила общаго вниманія, но даже не имѣла никакого успѣха». Въ «Галатѣѣ» же еще въ 1830 г. появился такой приговоръ: «Слава сладкогласнаго пѣвца росла съ каждымъ новымъ произведеніемъ до самой «Полтавы», съ «Полтавы» она, не скажемъ, пала, но осѣлась и съ тѣхъ поръ уже не подымается вверхъ» (№ 14). Подобное мнѣніе раздѣляли «Сѣвер. Пчела» (1830 г., №№ 35 и 39), «Вѣстн. Евр.» (1839 г., № 7) и нѣкоторые др.

VI.

Пушкина очень огорчали подобные отзывы и нападки, да еще въ тревожные и горькіе для него дни послѣ возвращенія съ Кавказа. Въ октябрѣ 1829 г. онъ писалъ изъ Петербурга объ этихъ огорченіяхъ и сѣтовалъ на критику (II, 94—95). Впослѣдствіи Пушкинъ переработалъ и дополнилъ это письмо и помѣстилъ въ видѣ «Отрывка изъ рукописи» въ «Днищѣ» Максимовича на 1831 г. (стр. 124—130):

Habent sua fata libelli. Полтава не имѣла успѣха. Вѣроятно, она и не стоила его, но я былъ избалованъ пріемомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніемъ; къ тому жъ это сочиненіе оригинальное, а мы изъ того и бѣдемся. Журналы взяли съ объясненіемъ мнѣ причину моей неудачи—и вотъ какимъ образомъ. Они, во-первыхъ, объявили мнѣ, что отъ роду никто не видывалъ, чтобъ женщина влюбилась въ старика, и что, слѣдовательно, любовь Маріи къ старому гетману (Нѣ исторически доказанная) не могла существовать. «Такъ что жъ, что ты Честоупъ? Хотя знаю, да не вѣрю». Этими я не могъ довольствоваться: любовь есть самая своенравная страсть. Не говоря уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ, я вспомнилъ преданія мифологическія, превращенія Овидіево, Леду, Филлиру, Назифаю, Олимпію, Пигмалиона—и принужденъ былъ признать, что всѣ сіи вымыслы не чужды поэзіи или, справедливѣе, еѣ принадлежатъ. А Отелло, старій негръ, влюбившійся въ Дездемону, разсказанъ о своихъ странствованіяхъ и битвахъ? А Мирра, влюбившая итальянскому поэту одну изъ лучшихъ его трагедій? Марія (или Матрена) увлечена была, говорили мнѣ, тщеславіемъ, а не любовью—велика честь для дочери генеральнаго судьи быть паломницею гетмана!—Далѣе говорили мнѣ, что мой Мазепа злой и глупый старичишка (старичишка вмѣсто старикъ—ради затѣйливости).

Что изобразилъ я Мазепу злымъ, въ томъ каюсь. Добрымъ я его не нахожу, особенно въ минуту, когда онъ хлопочетъ о казни отца дѣвушки, имъ обольщенной. Глупость же человека оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ. Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь въ точь, какъ и въ исторіи. Рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ. Не довольно, если критикъ рѣшитъ, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо: не худо, если онъ чѣмъ-нибудь это и докажетъ. Потомъ замѣтили мнѣ, что Мазепа слишкомъ у меня злопамятенъ: что малороссійскій гетманъ не ступитъ и за пощечину или за дерганіе усовъ мстить не захочетъ. Опять исторія, опроверженная литературной критикой: хотѣ знаю, да невѣрю.—Мазепа, воспитанный въ Европѣ въ то время, какъ понятія о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа могъ помнить долго обиду московскаго царя и отомстить ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытый, жестокий, постоянный. Дернуть поляка или козана за усы—все равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмѣльницкій за всѣ обиды, имъ претерпѣныя, помнитъ, отъ Чаплинскаго, получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи Посполитой, остригенный усъ своего непріятеля.—Старый гетманъ, предвидя неудачу, наеливъ съ наперсникомъ бранить въ моей поэмѣ молодого Карла и называетъ его, помнитъ, мальчишкой и сумасбродомъ. Критики важно укорили меня въ несомнѣтельномъ мнѣніи о шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ кому не былъ привязанъ; критики ссылались на собственныя слова гетмана, увѣряющаго Марию, что онъ любилъ ее «больше славы, больше власти». Какъ отвѣчать на таковыя критики?—Такъ понимали они драматическое искусство! Потомъ сдѣлала критика мелочная, критика буквъ, отъ которой пора бы намъ отвыкнуть. Слова усы, визжать, вставай, разсѣиваетъ, ого, пора показались критикамъ низкими, бурлацкими выраженіями. Какъ быть! (Никогда не пожертвую краткостью выраженія провинціальной чопорности, изъ боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ и т. п.) Въ «Вѣст. Европы» замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что, вѣроятно, не назвала я ее Мазепою, чтобы не напоминать о Байронѣ. Справедливо, но была и другая причина: эпитафья. Такъ и «Бахчисарайскій Фонтанъ» въ рукописи названъ былъ «Гаремомъ», но меланхолическій эпитафья, который, конечно, лучше всей поэмы, соблазнилъ меня. Кстати, о «Полтавѣ»: критики упомянули, однакожъ, о байроповскомъ Мазепѣ. Но какъ они понимали его (или, справедливѣе, какъ не понимали)! Байронъ знаетъ Мазепу только по Вольтеровой Исторіи Карла XII. Онъ поражаетъ былъ только картиной человека, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина, конечно, поэтическая, и за то посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Не видите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, несправедливаго, мучительнаго лица, которое проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона, по которому, на бѣду одного изъ моихъ критиковъ, какъ нарочно, въ Мазепѣ и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ: онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе—вотъ и все; но какое пламенное созданіе, какая широкая, быстрая кисть! Если жъ бы ему подъ перо его попала исторія обольщенной дочери и казненаго отца, то, вѣроятно, никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета.

Въ чемъ же искали причину значительнаго не успѣха поэмы или, по крайней мѣрѣ, того, что она не произвела такого сильнаго впечатлѣнія, какое производили прежнія созданія Пушкина? Критики отвѣчали на это разное. Одни находили, что главная причина лежитъ въ двойственности темы и плана, а отсюда—и въ ослабленіи впечатлѣнія отъ поэмы; другіе указывали на то, что поэтъ не сумѣлъ возбудить въ насъ «участія любви и ненависти къ политическимъ плачамъ Мазепы»; третьи—въ неудовлетворенныхъ ожиданіяхъ читателя, падѣвшагося увѣдѣть въ новомъ произведеніи любимаго писателя или полную лиризма поэмѣ вроде «Цыганъ» и «Бахчисарайскаго Фонтана», или эпическую, грандіозную поэмѣ. Иные искали причинъ въ томъ, что сюжетъ, пригодный для широкой драматической формы, втиснуть былъ въ рамки поэмы. Наконецъ, были и такіе, которые признавали вполне понятнымъ не успѣхъ «Полтавы» среди большой публики, такъ какъ «красоты ея слишкомъ новы для русскихъ читателей, еще не готовыхъ понимать оныя». Кромѣ того, поэтъ переросъ читателей и «пересталъ угождать прихотямъ своего вѣка».

Надо полагать, что послѣднее объясненіе отчасти совпадало съ мнѣніями самого Пушкина. Прямого отвѣта автора на вопросъ о причинахъ не успѣха мы не имѣемъ, но изъ отдѣльныхъ выраженій въ письмахъ поэта къ друзьямъ и особенно изъ критической замѣтки его о Баратынскомъ мы можемъ сдѣлать очень правдоподобные выводы. Вотъ какъ объясняетъ Пушкинъ причины, почему послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству произведенія Баратынскаго имѣли въ публикѣ меньшій успѣхъ, чѣмъ первыя, юношескія проявленія творчества. «Первою причиною, говоритъ Пушкинъ, долженъ почесть самое сіе совершенствованіе, самую зрѣлость произведеній Баратынскаго. Юный поэтъ мужасть, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются, пѣсни его уже не тѣ, а читатели все тѣ же, и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало по малу уединяется совершенно...». Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія. Журналы судятъ наобумъ, по слышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а болѣею частію по личнымъ разсчетамъ почти до-

словно то же самое повторяет Пушкинъ въ «Мысляхъ въ дорогѣ», написанныхъ въ 1833—1835 гг.). Третья причина—эпиграммы Баратынского: «Син мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадили правителей русскаго Парнасса») Собр. соч. VI, с. 308—310). Если мы подставимъ вмѣсто Баратынскаго имя самаго автора замѣтки, то, получимъ весьма вѣроятный отвѣтъ на жгучій и шекотливый вопросъ, что думалъ Пушкинъ о причинахъ неуспѣха «Полтавы» и другихъ произведеній своей музы.

VII.

Изъ отзывовъ критики 30-хъ и 40-хъ гг. стоитъ остановиться только на Бѣлинскомъ. Основныя положенія его оцѣнки сводятся къ тому, что Пушкину въ «Полтавѣ» хотѣлось сдѣлать опытъ эпической поэмы въ новомъ духѣ, причемъ его идеалъ эпической поэмы заключался въ неоклассицизмѣ, или въ классицизмѣ, подпопленномъ такъ называемымъ романтизмомъ. Но изъ «Полтавы» Пушкина эпической поэмы не могло получиться вслѣдствіе невозможности эпической поэмы въ наше время, а романтической въ родѣ Байроновской—вслѣдствіе желанія поэта слить ее съ невозможной эпической поэмой. И поэтому «Полтава» явилась поэмой безъ герою. Считать героемъ Петра В. было бы смѣшно, такъ какъ главная и большая часть дѣйствія поэмы посвящена любовной исторіи Мазепы. Но и самъ Мазепа также не можетъ считаться героемъ «Полтавы», потому что онъ не носитъ въ себѣ чертъ героя-злодѣя, онъ лишь—низкій интриганъ, состарѣвшійся въ козняхъ. Въ «Полтавѣ» рѣзко выразилось усиліе поэта оторваться отъ прежней дороги и твердой ногой стать на новый путь творчества. Но гдѣ видно усиліе, тамъ и бѣтъ еще достиженія. Поэтому въ «Полтавѣ» видны какая-то нерѣшительность, какое то колебаніе, вслѣдствіе которыхъ изъ этой поэмы вышло что-то огромное, великое, но въ тоже время и нестройное, неполное. «Полтава» богата новымъ элементомъ—народностью въ выраженіи, почти всякое мѣсто, отдѣльно взятое въ ней, превосходитъ все, написанное прежде Пушкинымъ, по силѣ, полнотѣ и роскоши поэтическаго выраженія,—въ то же время въ этой поэмѣ нѣтъ единства, она не представляетъ собою цѣлаго, и вотъ почему «Полтава» не производитъ на читателя того единого, полного, совершенно удовлетворяющаго впечатлѣнія,

которое должно производить всякое глубоко-концентрированное и строго обдуманное поэтическое твореніе. «Полтава» заключаетъ въ себѣ нѣсколько поэмъ, и потому самому не составляетъ одной поэмы. Какъ архитектурное зданіе, она не поражаетъ общимъ впечатлѣніемъ, нѣтъ въ ней никакого преобладающаго элемента, къ которому всѣ бы другіе относились гармонически; по каждая часть въ отдѣльности есть превосходное художественное произведеніе. Изъ отдѣльныхъ недостатковъ поэмы, Бѣлинскій отмѣчаетъ то, что закоренѣлый злодѣй Мазепа содрогается отъ воплей терзаемой имъ жертвы и краснѣетъ, подобно юношѣ, отъ привѣта красоты. Простою прихотью Пушкина Бѣлинскій считаетъ то, что введенъ казакъ, влюбленный въ Марію, нужный только для того, чтобы было съ кѣмъ отправить доносъ царю, а эпизодъ смерти казака, несмотря на превосходные стихи, мелодраматиченъ и совсѣмъ не нуженъ. Въ общемъ, однако, отдѣльныя красоты въ «Полтавѣ» просто изумительны: сцены въ тюрьмѣ, изображеніе казака и его поѣздки съ доносомъ, описанія украинской ночи, казни, полтавской битвы, психологіи любви Мазепы и Маріи, разговоръ между ними въ началѣ второй пѣсни, портретъ героини и ея сумасшествіе и мн. др.—все это образцы высокаго художественнаго мастерства. Бѣлинскій утверждаетъ, что нигдѣ личность Маріи (а лучше ничего не создала творческая кисть Пушкина изъ всѣхъ нарисованныхъ имъ женскихъ портретовъ) не возвышается до такого апофеоза, какъ въ сценѣ ея объясненія съ Мазепою, сценѣ, написанной истинно шекспировскою кистью. Когда Мазепа, чтобы разсѣять ревнивыя подозрѣнія Маріи, принужденъ былъ открыть ей свои дерзкіе замыслы, она все забываетъ: нѣтъ болѣе сомнѣній, нѣтъ безпокойства; мало того, что она вѣритъ ему, вѣрять, что онъ не обманываетъ ея: она вѣрять, что онъ не обманывается и въ своихъ надеждахъ. Ея ли женскому уму, воспитанному въ затворничествѣ, обреченному на отчужденіе отъ дѣйствительной жизни, ей ли знать, какъ опасны такіа стремленія и чѣмъ оканчиваются они! Она знаетъ одно, она вѣрять одному,—что онъ, ея возлюбленный, такъ могущъ, что не можетъ не достигъ всего, чего бы только ни захотѣлъ. Картина Полтавской битвы начертана кистью широкой и смѣлой; она исполнена жизни и движенія: живописецъ могъ бы писать

съ ней, какъ съ натуры. Появленіе Петра въ этой картинѣ, изображенное огненными красками, поражаетъ читателя, говоря собственными словами Пушкина, «быстрымъ холодомъ вдохновенія, подымающимъ волосы на головѣ»,—производитъ на него впечатлѣніе, какъ будто бы онъ видитъ передъ глазами совершеніе какого-то таинства, какъ будто пѣкій богъ, въ лучахъ нестерпимаго для смертнаго свѣта славы, проходитъ передъ нимъ, окруженный громами и молніей. Въ то же время, если «Цыгане» далеко превзошли всѣ предшествовавшія имъ произведенія Пушкина и по идѣ, и по исполненію, то «Полтава», уступая «Цыганамъ» въ единствѣ плана, далеко превосходитъ другія поэмы въ совершенствѣ выраженія. Изъ всѣхъ поэмъ Пушкина въ «Полтавѣ» стихъ его достигъ своего полного развитія вплоть сталъ Пушкинскимъ.

Позднѣйшая критика мало внесла въ освѣщеніе Пушкинской поэмы. Да и интересовались ею преимущественно писатели-педагоги, приравнивавшіе поэму къ школьному преподаванію. Одни увлекались красотой стиха и отдѣльными образами, другіе преслѣдовали патріотически-казенныя цѣли, для достиженія которыхъ «Полтава» давала обильный матеріалъ и со стороны содержания и со стороны прославленія централизаціи и единовластія Петра Великаго. Отмѣтимъ, однако, нѣсколько интересныхъ мнѣній изслѣдователей послѣднихъ лѣтъ. Кирпичниковъ въ «Очеркахъ по исторіи новой русской литературы» справедливо подчеркнул, что даже теперь трудно, почти невозможно, несмотря на всѣ успѣхи исторической науки, отрѣшиться отъ того поэтического колорита, которымъ Пушкинъ облекъ Полтавскую битву, Кочубея, Мазепу и его эпоху. Вѣрно и замѣчаніе Кирпичникова, что, какъ опозитизированіе природы Малороссіи и ея быта, «Полтава» открыла дорогу повѣстямъ Гоголя (II ч., стр. 40). П. В. Владимировъ въ этюдѣ «Пушкинъ и его предшественники» находитъ, что быстро написанная поэма вылилась изъ-подъ пера Пушкина безъ подробностей быта, нравовъ, болѣе, какъ историческая картина и драматическая хроника, однако, вѣрная по изображенію природы и человѣческаго быта. Въ ней нѣтъ тѣхъ матеріаловъ, которые послужили Гоголю для созданія «Тараса Бульбы». «Полтава» написана такъ же сильно, какъ небольшія пьесы Пушкина, относящіяся къ личности Петра В., какъ поэмы Кавказа и Крыма, съ которыми «Полтава»

стоитъ въ болѣе сильной связи, чѣмъ съ «Цыганамъ». Мы понимаемъ теперь, почему поэтъ могъ написать «Полтаву» въ двѣ недѣли. Въ Мазепѣ онъ увидалъ такое же замѣчательное лицо эпохи Петра I, какія онъ выносилъ, создавая «Бориса Годунова». Малороссія «смутной поры» представляла такіе же характеры, какъ время Годунова и Самозванца. Несчастная семья Кочубея, сдѣлавшагося страдальцемъ изъ мести, коварство честолюбиваго гетмана-измѣнника, движеніе Карла XII,—всѣ эти «услія, бѣдствія, побѣды», оставившія кровавый слѣдъ, отвѣчали исчезнувшему времени Годунова и Лжедмитрія. Не въ нихъ, а въ «гражданствѣ сѣверной державы поэтъ видѣлъ свой идеалъ, и, естественно, съ простотой народнаго поэта воспѣлъ побѣду Петра В.»

Проф. Ждановъ въ очеркѣ «Пушкинъ о Петрѣ Великомъ» высказалъ интересную мысль, что «въ характерѣ и дѣйствіяхъ Мазепы Пушкинъ нашелъ что-то напоминавшее «язвительныя рѣчи» его демона, нашелъ знакомое настроеніе мысли и чувства. Это настроеніе было пережито и отвергнуто поэтомъ, но онъ продолжалъ бороться съ нимъ, какъ съ болѣзью вѣка».

VIII.

Подробности черновой работы надъ «Полтавой» даютъ возможность установить, какъ шла работа надъ поэмой. И тутъ мы кое-что найдемъ для объясненія какъ достоинствъ, такъ и недостатковъ «Полтавы».

Поэтъ находился въ напряженно-мучительномъ настроеніи: съ одной стороны гнететъ крайне разсѣянная, утомительная, неудовлетворяющая, какъ онъ говорилъ, «свѣтская» жизнь; съ другой—гнететъ художественные образы, волнуютъ продуманные и пережитые впечатлѣнія...

Душа стѣсняется лирическимъ волненіемъ.
Трепетъ и звучитъ, и шепчетъ какъ во свѣ
Плзится, наконецъ, свободнымъ
проникновеніемъ...

Все это томленіе разрѣшается быстрымъ переходомъ къ упорному, нервному и спѣшному труду: растетъ новое великое произведеніе—«Полтава». Тогда къ поэту—идетъ незримый рой гостей, знакомцы жизни, плоды его мечты. Въ минуты такого настроенія среди этихъ «знакомцевъ» поэты занимаютъ болѣе всего—«жена страдальца Кочубея и обольщенная имъ (Мазепой) дочь» («Войнаровский», бредъ Мазепы).

Пушкинъ изумлялся, какъ могъ Рылѣевъ только обронить эти два стиха и «пройти мимо столь страшнаго обстоятельства» (Изд. Соч. Пушкина Анненковымъ V, 41; Изд. Лит. ф. V, 134). Пушкинъ какъ бы подхватываетъ эту тему: онъ сдѣлаетъ то, на что не хватило силы или охоты у его предшественника, и о чемъ не зналъ Байронъ, но что само просится въ оправу гармонической рѣчи, художественнаго слова и поэтическихъ образовъ. И поэтъ принимается со всею своею страстностью за разработку сюжета о любви старика и юной дѣвы, мщенія ея родныхъ и казни отца. Работа идетъ быстро, лихорадочно; «мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ», хотя, впрочемъ, легкія рѣшмы не всегда бѣгутъ имъ на встрѣчу. По—одна, двѣ задержки въ формѣ стиха, одно, другое усиліе—и готовъ портретъ прекрасной дочери Кочубея, и набросана сильная картина старческой страсти гетмана, и дано изображеніе смутной поры, когда «Россія молодала, въ бореньяхъ силы напрягая, мужала съ гнѣмъ Петра», и въ Украинѣ разгоралась искра «кровавой народной войны». Поэтъ самъ сдерживаетъ горячку своей работы и набрасываетъ планъ дальнѣйшаго, чтобы соразмѣрить части произведенія и придать имъ необходимую стройность: «портретъ Мазепы, его ненависть, его замыслы, его сношенія съ Петромъ и Карломъ, пиры, ночи.... И поэтъ далѣе переходитъ къ звучнымъ строфамъ: «Кто спидетъ въ глубину морскую»... Развертываются новыя картины созданія, столь извѣстныя въ окончательной обработкѣ всѣмъ читателямъ. Героемъ его остается пока Мазепа, какимъ именемъ и названа первоначально поэма. Имя героини не установлено: она называется то Натальей, то Анной, пока поэтъ не остановился на болѣе «пѣжномъ» и романтическомъ—Маріи, вмѣсто простонароднаго—Матрены. Влюбленный въ нее казакъ именуется то Зуйкевичемъ, то Чуйкевичемъ, такъ какъ въ послѣднемъ, малорусскомъ судейскомъ чинѣ, многіе, хотя и неправильно, видѣли будущаго мужа Матрены Кочубей. Въ дальнѣйшей программѣ Пушкинъ набрасываетъ: «Зуйкевичъ ѣдетъ (очевидно, съ доносомъ), между тѣмъ сношенія съ іезуитомъ, извѣстіе о доносѣ» (эти строки находятся передъ стихами,—«Но какъ онъ вздрогнулъ»....) Такая же программа набрасывается авторомъ и для Маріи, и для подробностей, предшествующихъ Полтавской битвѣ: «Марія, Зуйке-

вичъ, доносъ, ночь передъ казнью, мать Маріи, казнь, сумасшедшая, измѣна, Полтава». («Матеріалы», стр. 201—202). По попыткѣ положить границы своей фантазій и сдержать въ извѣстныхъ предѣлахъ поэтическое вдохновеніе далеко не всегда достигаютъ цѣли. Особенно мы это видимъ въ описовкѣ Мазепы. Пушкинъ самъ говорилъ въ предисловіи, что «лучше бы развить и объяснить настоящій характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своеобразно историческаго лица». А въ критическихъ своихъ замѣткахъ онъ писалъ: «Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры и не мудрено, и не великодушно... Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною. Но въ отношеніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непростительно (Рылѣеву). Однакожъ, какою отвратительной предметъ! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанныя на эти ужасы—вотъ что увлекло меня» (Изд. соч. II—на Анненковымъ, т. V, 41). Пушкинъ избралъ среднюю линію при изображеніи Мазепы: онъ отвергъ небывалыя, вычурныя, злодѣйскія до комизма черты, измышленныя авторомъ повѣсти «Кочубей», но лишилъ старика какихъ бы то ни было смягчающихъ, примиряющихъ, даже въ извѣстномъ смыслѣ героическихъ, чертъ, представленныхъ въ poemѣ «Войнаровский». Безспорно, что для такого изображенія гетмана-измѣнника поэтъ достаточно нашелъ матеріала въ своемъ главномъ источникѣ—«Исторіи» Бантыша-Каменскаго; но изображеніе это вышло рѣзкимъ, набросаннымъ одними черными красками въ то же время чрезвычайно противорѣчивымъ. Мазепа—и любящій, и все ненавидящій и закоренѣлый въ злодѣяніяхъ, и содрогающійся при видѣ спящей невинно Маріи, и малодушный, и съ душой «мятежной, ненасытной», съ «неукротимымъ» духомъ, и знающій, какъ «умами править безопасно», умѣющій обмануть Великаго Петра, и не разгадавшій за много лѣтъ войны «легкомысленнаго, кичливаго, вопиющаго бродягу» Карла и т. п.

Въ общемъ, вопли справедливо старое замѣчаніе, что Марія, пожалуй, и старика могла полюбить, но не такой исключительной гнусности, какимъ онъ изображенъ въ «Полтавѣ».

Полудостоверный Чуйкевичъ постепен-

но превращался у Пушкина въ вымышленнаго казака, безумно и безнадежно влюбленнаго въ Марію, отвозящаго, вопреки всякимъ историческимъ (и извѣстнымъ Пушкину) свѣдѣніямъ, доносить Кочубея и покушающагося на Мазепу во время Полтавской битвы. Изображеніе этого казака приняло мелодраматическій характеръ, такъ что автору самому пришлось ослабить такое впечатлѣніе и выбросить въ окончательной отдѣлкѣ нѣкоторые стихи.

Въ противоположность злодѣю-гетману и мятущейся суетной старшинѣ малорусской стала выступать спокойная, величественная, грозная тѣнь Петра Великаго, и она заслонила собою весь фонъ въ концѣ поэмы. Самого Пушкина оттолкнулъ отъ себя изображенный имъ душевный мракъ Мазепы. Какъ противоположность ему, какъ «правственная антитеза», выступилъ тотъ, кому гетманъ хотѣлъ нанести величайшее зло—Петръ, и поэтъ увлекся изображеніемъ героя, который занималъ его мысли уже раньше—въ «Стансахъ» 1828 г. и въ повѣсти «Арапъ Петра В.» 1827 г. Впослѣдствіи поэтъ создалъ «Мѣднаго Всадника» (1833 г.), «Пиръ Петра В.» (1835 г.) и отдался историческому изслѣдованію эпохи Петра I; о немъ онъ отзывался (19-го октября 1836 г.) въ письмѣ къ Чаадаеву: «*Pierre le Grand, qui à lui seul est une histoire universelle*» (Изд. Лип. Ф., VII, стр. 411). Въ «Полтавѣ», правда, нѣтъ характеристикъ властителя «сѣверной державы», а только великолѣпный его портретъ среди изумительной батальной картины, нѣтъ обрисовки того, «какъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ», но за то представленъ градіозный апофеозъ «суроваго учителя Россіи въ наукѣ славы»...

Итакъ, героя первыхъ двухъ пѣсень—Мазепу смѣнилъ герой третьей—царь; и единство поэмы окончательно распалось, отраженія впечатлѣній перепутались, благодаря быстрымъ смѣнамъ и переходамъ,—и получилось то отсутствіе цѣльности, на которое сѣтовали и читатели, и критика. Что этотъ недостатокъ поэмы, почти общепризнанный, зависѣлъ въ значительной степени отъ особенностей сѣвншней работы Пушкина, подтверждаетъ анализъ академика Корша въ его замѣткахъ о «Полтавѣ» *).

* О. Е. Коршъ отмѣчаетъ, что поэма почему то попала въ печать, наскоро переписанная; во всякомъ случаѣ «самъ поэтъ не могъ считать свое произведеніе вполне готовымъ для обнародованія. Правда, онъ ставилъ ее выше своихъ

Поэтъ самъ чувствовалъ подъ конецъ своего труда необходимость вернуться отъ Полтавы къ прежней темѣ—и набросалъ въ третьей пѣснѣ художественную и сильную, но съ нѣкоторымъ мелодраматизмомъ добраго, стараго времени, картину появленія сумасшедшей Маріи. Поэтъ сознавалъ и необходимость скрѣпить распадающееся поэтическое созданіе—и пишетъ эпилогъ. Въ немъ еще критика 1830-хъ гг. отмѣтила противоположеніе Петра, Кочубея и Искры—Мазепѣ и Маріи. Въ этомъ же противоположеніи справедливо видятъ и такую общую идею «Полтавы»: тѣ, кто умѣетъ направлять свои страсти къ общему благу, кто заботится не о себѣ, а о другихъ, оставляетъ послѣ жизни вѣчную славу и прочныя слѣды; кто отдается только своимъ личнымъ интересамъ,—тотъ не только не оставитъ послѣ себя славы и прочнаго дѣла, но и память о немъ со временемъ исчезнетъ безъ всякаго слѣда.

Однако, не только дѣйствительныя историческія событія, но даже ихъ преломленіе въ поэмѣ не давало достаточно матеріала для такого вывода: противоположеніе двухъ типовъ людей не могло быть, вполне ни подтверждено этимъ содержаніемъ, ни выдержано во всей своей послѣдовательности.

Въ «Эпилогѣ» Карлу противопоставляется Петръ, который воздвигъ себѣ «гордый памятникъ въ гражданствѣ сѣверной державы, въ ея воинственной судьбѣ». Но едва ли можно сказать (руководствуясь даже исключительно, разсказомъ поэмы), что только—

Три углубленные въ землѣ
И мхомъ поросшія ступени
Гласятъ о шведскомъ королѣ.

Память и надпись на могильной плитѣ Кочубея и Искры «межъ древнихъ праведныхъ могилъ», вблизи церкви, противопоставляется у Пушкина полному забвенію Мазепы. Но сомнительно, чтобы кто-ни-

прежнихъ поэмъ, но какъ видно изъ его замѣчаній о «Полтавѣ», эта оцѣнка относится къ содержанію; а не къ формѣ, о которой онъ нигдѣ не упоминаетъ. Нѣкоторымъ же доказательствомъ тому, что онъ смотрѣлъ на печатаемый текстъ «Полтавы», какъ на рядъ не сложенныхъ въ формальномъ отношеніи отрывковъ, могутъ служить пробѣлы между всѣми нерѣзюмиющими стихами съ одинаковымъ окончаніемъ (Коршъ приводитъ ихъ. См. Разборъ вопроса о Русалкѣ стр. 46—47).

будь могъ принять за праведныхъ героевъ долга Кочубея и Искру, предпочитавшихъ личные интересы общественному благу. Самъ авторъ рассказываетъ, что Кучебей долгое время былъ другомъ Мазепы, дѣлился съ нимъ «солью, хлѣбомъ, елеемъ» и чувствами, и «перѣдко долгія бесѣды наединѣ вели они». Эти бесѣды были о будущемъ родины и измѣнѣ московскому царю; и Кочубей раздѣлялъ чувства и мысли гетмана, пока жажда личной мести, нетерпѣливость жены, торопившей «супруга злобнаго», не привела Кочубея къ мысли избрать путь тяжѣйшаго отыщенія Мазепѣ: «въ рукахъ московскихъ палачей, въ крови, на дыбѣ въ истязаньяхъ», съ проклятіями на устахъ... И тогда только—готовъ доносъ, нашелся и личный мститель, взявшійся доставить его царю Петру. Также трудно было сказать и о гетманѣ, что—

Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ торжествующей святинѣ
Разъ въ годъ анаемой донынѣ,
Грозя, гремитъ о немъ Соборъ.

Поэту необходимыми оказались для освѣщенія его идеи подобныя антитезы, но онъ самъ хорошо зналъ, что не только памятенъ Мазепа въ судьбахъ своей родины, но не забытъ онъ ни исторіей, ни преданіями, ни, наконецъ, литературой: не одни поэты малой силы, но такіе гении, какъ Байронъ, Гюго, самъ Пушкинъ обращались къ этой мрачной, трагической и сильной фигурѣ, которой нельзя отказать въ извѣстной импозантности, смѣлости и увлекательности. Несомнѣнно, что Пушкинъ, тонкій художникъ и великій писатель, понималъ какъ спорность и рискованность положеній, изображенныхъ въ поэмѣ, да еще при повизѣ формы поэтического созданія—историко-романической поэмы, такъ и общую невыдержанность въ построеніи дѣла своего творенія. И вотъ, думается, причина, почему онъ снабдилъ свою поэмѣ такимъ обильнымъ количествомъ какъ бы оправдательныхъ примѣчаній и указаній, преимущественно исторически документальнаго характера. Но они мало способствовали уясненію плановъ и мыслей поэта и не удовлетворили большинства критиковъ. Несомнѣнно, однако, что значительная доля вины за первоначальный «неуспѣхъ» поэмы должна пасть и на читателей. Вслѣдъ за появленіемъ поэмы, говоритъ Анненковъ, послѣдовало всеобщее недоумѣніе: почти никто не узналъ

въ ней Пушкина! Блестящій, огненный стихъ его, который такъ справедливо сравнивали съ Красицей, уступилъ мѣсто скагому и многовѣсному стиху, поражающему своей опредѣленностью. Трудно было осмотрѣться и проникнуться величіемъ этихъ стиховъ послѣ сладкихъ и задушевныхъ строкъ «Бахчисарайскаго Фонтана» и «Цыганъ».—Какъ барельефъ великолѣпнаго памятника, создана была вся историческая часть поэмы, и непривычному глазу трудно было объять его содержаніе, насладиться его спокойствіемъ, его художественнымъ распределеніемъ частей, особенно, если еще вспомнимъ, что въ большинствѣ публики съ названіемъ «поэма» связывалось понятіе о страсти, движеніи, живописи сердца.—Складъ поэтической рѣчи, употребленный для описанія и связи историческихъ событій, былъ тоже непонятнымъ явленіемъ. Сильно окрашенный эпическимъ тономъ народнаго разсказа, онъ былъ новъ не только для массы читателей, но и для критиковъ» («Матеріалы», стр. 205—206).

IX.

Коснемся, въ заключеніе, исторической дѣйствительности тѣхъ событій, которыя изображены Пушкинымъ. Если мы примемъ во вниманіе историческія данныя, правдивость которыхъ проверена научной критикой, то событія начала XVIII-го вѣка представятся въ слѣдующемъ видѣ.

Иванъ Степановичъ Мазепа-Колединскій, правобережный украинскій шляхтичъ, родился не позже начала 40-хъ гг. XVII в. Съ молодыхъ лѣтъ онъ выдвинулся, какъ умный, хитрый и энергичный человѣкъ. Въ юности, да и позже, у него было немало любовныхъ приключеній. Изъ нихъ наиболѣе извѣстна исторія съ женой сосѣда Фальбовскаго, заставившаго отважнаго левеласа проѣздить привязаннымъ къ коню; но правдоподобно, что скачка эта продолжалась не далѣе Мазепиной усадьбы, отстоявшей на нѣсколько верстъ отъ деревни Фальбовскихъ. Съ 1663 г. Мазепа вращался среди казачества при гетманахъ П. Тетерѣ, П. Дорошенкѣ и П. Самойловичѣ, совершая обычную для способныхъ и пронырливыхъ людей карьеру, и достигъ званія генеральнаго есаула. Послѣ изложенія Самойловича Василій Голицынъ, подкупленный его червонцами, настоялъ на его кандидатурѣ передъ казацкой радой у р. Коломака, и Мазепа былъ избранъ гет-

ПОРТРЕТЫ МАЗЕПЫ, ХРАНЯЩИЕСЯ ВЪ МУЗЕѢ УКРАИНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ
В. В. ТАРНОВСКАГО ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.

1. Въ лѣвомъ, верхнемъ углу—снимокъ съ фрески на одной изъ стѣнъ Кіево-Печерской Лавры, внутри церкви.
2. Въ правомъ верхнемъ углу—копія съ портрета, принадлежащаго Бутовичамъ въ Переяслав. уѣздѣ.
3. Посрединѣ, портретъ, впервые воспроизведенный въ «Кіев. Старинѣ» 1887 г. № 1.
4. Въ лѣвомъ нижнемъ углу: гравюра De-Beuel'я.
5. Копія стариннаго портрета. Орнаментация (по Стасову) взята изъ древнихъ южно-русскихъ рукописей.

маномъ въ 1687 г. Онъ сблизился съ Петромъ во время переворота въ сентябрѣ 1689 г., когда гетманъ со старшиной былъ въ Москвѣ и ѣздилъ къ Троицѣ, а затѣмъ въ Острогжскѣ при свиданіи съ Петромъ, возвращавшимся послѣ взятія Азова въ 1696 г. Мазепа съ казаками много помогалъ царю во время войны съ турками, но лично самъ подъ Азовомъ не былъ, и легенда о дерганіи усовъ или полученіи пощечины гетманомъ рѣшительно ничѣмъ не подтверждается. Петръ оставался неизмѣнно расположеннымъ къ Мазепѣ. Такъ, въ 1700 г. онъ наградилъ его только что учрежденнымъ орденомъ Андрея Первозваннаго; въ 1705 г. отправилъ въ ссылку соперника Мазепы; хвастовскаго полковника Семена Палія, руководствуясь извѣстіями гетмана и политическими своими соображеніями, потому что энергичный возстановитель казачества на правом берегу Днѣпра былъ неугоденъ и союзной Польшѣ и т. д. Романическая исторія съ Матреной Кочубей разыгралась въ самомъ концѣ 1704 г. Нѣкоторые скептики идутъ слишкомъ далеко, отвергая цѣлкомъ это любовное происшествіе. Романъ на самомъ дѣлѣ разыгрался такъ: Мазепа былъ женатъ на богатой вдовѣ Фридрикевичъ, но дѣтей не имѣлъ. Жена его умерла въ 1702 г. Черезъ два года онъ сдѣлалъ попытку посвататься къ своей крестницѣ, отвергнутую родителями. Позже онъ велъ переговоры и «подсылалъ» слугъ къ Матренѣ Кочубей, которая скорѣе изъ тщеславія, чѣмъ изъ любви къ старому гетману, рѣшила поставить на своемъ. Подобныя энергичныя и тщеславныя особы встрѣчались тогда среди украинцевъ: молодой, сравнительно, красавица—жена старика Скоропадскаго, преемника Мазепы, Настасья Марковна была несомнѣнно женщиной одного типа съ дочерью Кочубей; и когда ей удалось достигнуть того, чего не достигла Матрена Васильевна, она болѣе «гетмановала», чѣмъ ея бездарный мужъ, и даже еще семь лѣтъ послѣ смерти его, именовалась «ясновельможной паніей гетмановой». Матрена Кочубей, какъ и Мазепа, рассчитывала, что съ фактомъ появленія дѣвушки въ домѣ гетмана придется родителямъ считаться, и они вынуждены будутъ согласиться на бракъ. Но дочь не рассчитала, какъ воздѣйствуетъ на событіе еще болѣе энергичная и смѣлая жепщина, ея мать. Въ ночь со 2-го на 3-е декабря въ Батуринѣ произошло слѣдующее: Матрена бѣжала изъ дома Кочубеевъ, на-

ходившагося въ центрѣ города, на окраину, версты за двѣ, гдѣ въ предмѣстьѣ Батурина, Гончарихѣ, находился дворецъ гетмана. Сейчасъ послѣ бѣгства родители хватились дочери, догадались въ чемъ дѣло, и, не долго думая, ударили въ набатъ въ своей домовою церкви. Сбѣжавшемуся народу Кочубей жаловались на Мазепу и возбуждали ропотъ негодованія. Мазепѣ и Матренѣ пришлось покориться участи, и въ ту же ночь, спустя 2—3 часа, бѣглянка была водворена въ домъ родителей. Гетманъ вернулъ ее туда съ московскимъ чиновникомъ Анненковымъ, находившимся постоянно при немъ, желая, очевидно, имѣть возможность оправдаться и передъ царемъ, когда дойдетъ до него слухъ объ этой конфузной исторіи. Мазепа и Кочубей остались, однако, по-прежнему какъ будто въ дружескихъ отношеніяхъ; гетманъ, по крайней мѣрѣ, поддерживалъ недалекаго и безвольнаго, тяжелаго на подъемъ генеральнаго судью, и только недолюбливалъ, какъ и раньше, властной и рѣшительной Кочубейки и совѣтовалъ, напр., мужу «надѣть мундштукъ на жену. Хотя ничто не указываетъ на то, чтобы отношенія Мазепы къ М. Кочубей зашли слишкомъ далеко, но рѣзкій отпоръ родителей, «прелюдный» и шумный, создалъ цѣлый скандалъ. Сперва въ Батуринѣ, а потомъ все далѣе ширился позоръ дѣвушки, и всюду разносилась молва, что какъ ни какъ, а «Кочубеевна почевала у гетмана». Дальнѣйшая судьба ея неясна. Утвержденія, что она вышла замужъ за Семена Чуйкевича и даже будто бы свою энергію направляла на хозяйственные дѣла, давала деньги «въ ростъ» и т. п.,—не имѣютъ никакихъ основаній. С. Чуйкевичъ былъ женатъ на сестрѣ Матрены—Катеринѣ Кочубей. Сама же она, вѣроятно, всего, жила послѣ скандала въ Пушкарскомъ монастырѣ около Полтавы, гдѣ, какъ гласитъ мѣстное преданіе, окончила свои дни и была похоронена. Однако, указываемое тамъ мѣсто ея могилы—сомнительно (См. «Кіев. Ст.» 1898 г., № 4).

Мысли объ измѣнѣ явились у Мазепы позже всего этого происшествія. Первый намекъ на нихъ надо, быть можетъ, отнести ко встрѣчѣ гетмана съ кн. Долгорукой на Волыни въ концѣ 1705 г. Но болѣе опредѣленные факты о замыслахъ гетмана выступаютъ только во второй половинѣ 1706 г. Этому предшествовалъ разговоръ гетмана съ Меньшиковымъ лѣтомъ въ Кіевѣ, на одномъ пирѣ. Полудержавный

властелинъ» въ туманныхъ и спутанныхъ выраженіяхъ намекалъ на своевременность борьбы съ внутренними врагами, т. е. съ малорусскою казацкою старшиною, и о необходимости перемѣнить въ казацкомъ строѣ управленія Гетманщиной. У Мазепы явилось тогда, поддерживалось и позже, подозрѣніе, что Меншиковъ не прочь былъ бы и самъ править Малороссіей. Едва ли эти подозрѣнія имѣли вполнѣ реальное основаніе, но гетманъ внимательнѣе сталъ относиться къ пашептываніямъ и подговорамъ. Сношенія со шведскимъ королемъ и Станиславомъ Лещинскимъ онъ велъ черезъ кн. Дольскую и ректора Винницкой іезуитской школы Заленскаго. Окончательное рѣшеніе Мазепы перейти на вражескую сторону можно отнести къ октябрю 1707 г., а ровно черезъ годъ онъ присоединился къ Карлу XII съ частью старшины и нѣсколькими тысячами казацкаго войска. Въ этотъ годъ разыгралась и драма Кочубей и Искры. Доносы были тогда обычнымъ явленіемъ и на Украинѣ, и въ московскомъ царствѣ. На Мазепу они сыпались въ изобиліи, начиная съ 1688 г., но Петръ не вѣрилъ имъ, такъ какъ чаще всего за доносами скрывались стремленія чисто личнаго разсчета. Кочубей задумалъ тѣмъ же путемъ выслужиться передъ царемъ, когда въ ихъ рукахъ сосредоточились, преимущественно благодаря постояннымъ близкимъ отношеніямъ къ гетману, достаточныя свѣдѣнія о замыслахъ гетмана. Къ этому присоединилась и память о старой обидѣ. Прошло около трехъ лѣтъ со времени роковой ночи, но боль не утихала, а только разгоралась больше: какъ ни сомнительно, вообще, обольщеніе Матрены, но дѣвушка была осрамлена павѣки. И положеніе ея, чѣмъ дальше, становилось тяжелѣе: уже не только «завидныхъ», но и никакихъ жениховъ не «слала ей Украина». Заговоромъ противъ гетмана руководили несомнѣнно женщины—двѣ сестры, урожд. Жученки—Любовь Федоровна Кочубей и Прасковья Ѳ. Искра. Благодаря послѣдней, втянуть былъ въ рискованное дѣло и мужъ, Иванъ Искра, бывшій полтавскій полковникъ, внукъ гетмана Якова Искры—Острянина. Авторъ «Исторіи Руссовъ» говоритъ, что будто Искра руководился въ данномъ случаѣ ревностью къ Мазепѣ, «подозрительно обходившемуся» съ его женой, но другихъ свидѣтельствъ объ этомъ мы не имѣемъ. Первый доносъ былъ посланъ въ Москву въ августѣ 1707 г. черезъ бродячихъ мо-

наховъ Никанора и трефиля; второй переданъ въ самомъ началѣ 1708 г. черезъ полтавскаго жителя, выкреста Петра Яценка. Но на доносы не было отклика. Тогда соумышленники подали третій доносъ въ февралѣ 1708 г. черезъ полтавскаго священника Святайла и сотника Кованька непосредственно московскому полковнику Осипову въ г. Ахтыркѣ. Этотъ доносъ возымѣлъ дѣйствіе. Доносчики были арестованы и перезены въ Витебскъ, гдѣ пахотился царь. Здѣсь Шафировъ и Головкинъ производили въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдствіе, допросы и пытки. Всѣ доносившіе вынуждены были послѣ «пристрастнаго допроса», т. е. подъ пыткой, признать себя виновными. Однако, надо замѣтить, что доносъ былъ составленъ обстоятельно и въ немъ нельзя найти фактовъ совершенно ложныхъ и безусловно вымышленныхъ. Можетъ быть, Кочубей невѣрно освѣщалъ нѣкоторые изъ нихъ, но перечень послѣднихъ представляется достаточно правдивымъ. (Исслѣдованія А. М. Лазаревскаго). Черезъ Смоленскъ, по Дибирю, перевезены были для казни въ Бѣлую Церковь Кочубей и Искра; другія лица, причастныя дѣлу, были приговорены къ ссылкѣ. Въ Бѣлой Церкви если и былъ допросъ, то въ присутствіи лишь московскаго представителя Вельяминова-Зернова и казацкихъ старшинъ—Ломиковскаго и Гамалѣя. Генеральный писарь Орликъ и въ данномъ случаѣ, какъ вообще, никакими допросами и пытками не занимался. Выдающійся по уму и энергіи среди малорусской старшины Филиппъ Орликъ (родомъ чехъ) занималъ высокій постъ, вѣдалъ высшія канцелярскія дѣла и высшія сношенія и послѣ смерти Мазепы былъ избранъ эмигрантами въ гетманы. Потомъ онъ переѣхалъ въ Швецію; въ 1720 г. опять появился въ Турціи среди запорожцевъ, долго не оставляя мечтаній объ автономіи Украины и умеръ, должно, быть къ концѣ 30-хъ годовъ, оставивъ послѣ себя очень любопытный «Дневникъ», сохранившійся въ Краковѣ, въ библиотекѣ Черторыйскихъ. Кочубей и Искра послѣ казни были похоронены въ оградѣ Кіево-Печерской лавры. Теперь ихъ могилы перестали быть общедоступными: при перестройкѣ въ 90-хъ гг. прошлаго столѣтія монастырской трапезы склепъ казенныхъ былъ включенъ въ стѣну новой расширенной трапезной, такъ что находится нынѣ не во дворѣ, а внутри зданія. Прежній могильный памятникъ съ надписью, при-

веденной у Пушкина, прикрыть повою чужинной плитой съ вылитой на пей копией надписи и установить противъ того мѣста, гдѣ подъ стѣной предполагается прахъ Кочубея и Искры. Семьи казенныхъ были во время катастрофы подъ стражей въ Батуриѣ, позже удалены въ Полтавщину. Петръ послѣ измѣны гетмана принялъ Кочубеиху въ г. Лебединѣ. Она просила о возвращеніи имѣній, что и было исполнено. Имѣнія Искры въ 1718 г. перешли также въ родъ Кочубеевъ.

Характеръ Мазепы и его «Шведская авантюра» правдоподобнѣе всего объясняется такъ. Мазепа былъ прежде всего человѣкомъ глубокаго эгоизма. У такихъ «эгоцентрическихъ» натуръ холодный расчетъ часто соединяется съ пылкостью увлеченія. Не имѣя дѣтей и семьи, онъ всѣ свои личные интересы сосредоточилъ на честолюбивыхъ планахъ. Къ старости жажда власти разгоралась, а между тѣмъ эта власть какъ бы ускользала отъ него. Побѣдить въ борьбѣ Петръ, — онъ не забудетъ нелюбимаго его праву строя гетманщины; побѣдить Карлъ — Станиславъ Лещинскій не оставитъ въ покоѣ гетмана Украины, какъ вѣрнаго сторонника царя. А послѣднее весьма возможно: разгромъ подъ Нарвой еще не забыть, слава Карла въ своемъ зенитѣ, а судьба Августа II, самаго сильнаго, казалось изъ союзниковъ-враговъ Швеціи — передъ глазами. Идея патріотическія, мечты объ автопоміи не были на первомъ планѣ у Мазепы, но онъ ими могъ играть и на ихъ счетъ рисоваться передъ многими изъ старшины, знавшей уже, какая гроза со стороны Петра, Меньшикова и московскихъ вельможъ нависла надъ малороссійскими «врагами». Недаромъ въ проектѣ письма царю на случай первыхъ шаговъ успѣха предполагалось провозгласить: «Мы, будучи свободнымъ народомъ, свободно теперь отходимъ и подъ протекціей короля шведскаго совершеннаго своего освобожденія будемъ ожидать». О такой полной автопоміи Украины мечтало только часть малорусской старшины. Это были болѣе романтически настроенныя головы, послѣдовавшія во станъ Карла XII: одни, — мечтавшія о непосредственныхъ матеріальныхъ выгодахъ, другія многочисленнѣе, — витавшія думами въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ будущаго самостоятельной, свободной родины. Такіе люди, какъ Орликъ, Войнаровскій, Горленко, Мирвицъ, наконецъ, представители неугомоннаго Запорожья, —

пристали къ Мазепѣ. Тѣ, кто предпочиталъ «спинцу въ рукахъ журавлю въ небѣ», или выжидали время, какъ Галаганъ, Тамара, Жураховскій и др., или же всего ожидали изъ рукъ царя и тѣснились ближе къ нему, какъ Скоропадскій, Кочубей, Искра... Но Мазепа совсѣмъ не былъ автономистомъ-демократомъ. Въ случаѣ удачи Карла временная протекція далекой Швеціи смѣнилась бы, вѣрнѣе всего, не «совершеннымъ освобожденіемъ» Малороссіи, а старой протекціей сосѣдней Польши. Да и гетманъ по своему рожденію, воспитанію, привычкамъ, міровоззрѣнію никогда не разставался съ аристократическо-польскими тенденціями. Самъ онъ былъ совершенно чуждъ малорусскому простому казачеству и народу, какъ и они были ему чужды — безусловно во всемъ и рѣшительно вездѣ. Мазепа ошибочно принялъ враждебность, выросшую преимущественно на экономической и социальной почвѣ, у низшихъ слоевъ украинскаго населенія ко всякому вообще панству — и своему, и польскому, и московскому, — за національный сепаратизмъ. Но если украинскій народъ не чувствовалъ вообще никакого особаго влеченія къ «москалямъ», то Польша онъ боялся и къ ней ни за что бы не вернулся. Въ этой основной ошибкѣ Мазепы — главная причина того, что измѣна гетмана въ исторіи Малороссіи явилась личною авантюрою его да части старшины и только. Однако, въ неудачѣ авантюры сыгралъ роль и Карлъ. Планъ гетмана былъ задуманъ не такъ ужъ легкомысленно и безнадежно. Сперва Мазепа полагалъ, что борьба двухъ сѣверныхъ великановъ начнется въ верховьяхъ Днѣпра, — шведскій король повернется на югъ и дастъ возможность Петру разбить Левенгаупта. Отступать отъ замысла, когда Карлъ былъ уже въ Стародубщинѣ, т. е. въ началѣ октября 1708 г., гетману было поздно. Шведы же застряли въ Стародубщинѣ, и король не смѣнилъ переправиться черезъ Десну. На лѣвомъ берегу его ждалъ гетманъ и, чуть не захваченный Меньшиковымъ, переправился къ Карлу. Эта медлительность стоила потери Батурина, гдѣ были сосредоточены Мазепой военные и продовольственные припасы. Паденіе гетманской столицы и страшное разореніе ея навело панику на «колеблющихся» лѣвобережцевъ. А далѣе слѣдуютъ извѣстныя передвиженія шведскаго короля по Малороссіи въ теченіи полугода, пока онъ — «валъ Полтавы влади завидѣлъ, наконецъ»... Если бы въ воен

ной исторіи остались свѣдѣнія только объ этихъ передвиженіяхъ, планахъ и битвахъ Карла XII въ 1708—1709 гг., то, несомнѣнно, онъ не оставилъ бы послѣ себя славы лучшаго полководца своего времени: о томъ свидѣлствуетъ и заключительный Полтавскій бой, который привелъ къ разгрому всѣхъ плановъ короля и гетмана.

Мазепа недолго прожилъ въ Турціи. Самыя достовѣрныя данныя объ его смерти мы находимъ въ Хропикѣ Ник. Костина, великаго логофета Молдавіи, который могъ записывать свои свѣдѣнія только по близкимъ воспоминаніямъ, потому что самъ умеръ въ 1711 г. (В. Антоповичъ; «Кіев. Стар.» 1885 г., № 7). Изъ хроники его мы узнаемъ, что Мазепа умеръ 18-го марта 1710 г. въ Бендерахъ; похоронный обрядъ былъ совершенъ въ приходской церкви с. Варницы, около Бендеръ. Но позже напрасно искали тамъ гетманской могилы, о чемъ рассказываетъ, напримѣръ, Афанасьевъ-Чужбинскій («Повѣдка въ Южную Россію»): онъ, какъ и другіе «унылые пришельцы», по выраженію Пушкина, считали за могилу полуосыпавшійся курганъ дохристіанской эпохи на берегу Днѣстра и на немъ предавались размышленіямъ о судьбѣ Мазепы и суетѣ земного величія. Въ дѣйствительности, тѣло Мазепы было перевезено въ Галацъ на Дунаѣ и похоронено въ старинномъ генуэзскомъ зданіи греческаго монастыря св. Георгія. Любопытные туристы и впоследствии могли видѣть плиту съ истертymi знаками и могильный склепъ стараго гетмана.

Въ то время, какъ Пушкинъ работалъ надъ своей поэмой, въ далекой Франціи фигурой привязаннаго на конѣ Мазепы заинтересовался молодой тогда поэтъ Вик-

торъ Гюго и создалъ балладу того же имени въ 1828 г. Ничего общаго съ «Полтавой» она не имѣетъ, и оба поэта ничего не знали о томъ, что ихъ интересуетъ одинъ и тотъ же герой. Въ стихотвореніи Гюго «Мазерра» изображена, какъ и у Байрона, скачка коня по степной Украинѣ. Но что это за степь, и что за Украина, можно судить по такимъ отрывкамъ: неукротимый конь, уносящій въ степь Мазеру, вскормленъ морскими травами (*nourri d'herbes marines*); онъ несетъ «по движущимся пескамъ», и передъ нимъ мелькаютъ города, башни и длинныя цѣпи горъ» и т. п.—Въ 1840 г. знаменитый польскій поэтъ Словацкій написалъ драму въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подъ заглавіемъ «Мазепа», въ которой изобразилъ событія его молодости и легенду объ его любви и мучительномъ наказаніи. Драма эта не особенно стройна по формѣ, полна мелодраматическихъ эффектовъ и страдаетъ слабой мотивировкой дѣйствій и трагическихъ ужасовъ. Русскій переводъ Н. Пушкарева былъ напечатанъ въ «Отеч. Зап.» 1874 г., № 7.—Въ 1859 г. нѣмецкій драматургъ и историкъ литературы Р. Готшалль напечаталъ трагедію «Мазепа», въ свое время пользовавшуюся успѣхомъ.—Интересъ къ сюжету, обработанному Пушкинымъ въ «Полтавѣ», вызвалъ въ русской литературѣ мало удачныя попытки обработать эту тему въ формѣ романа или повѣсти; извѣстны изъ нихъ: О. Булгарина романъ «Мазепа» въ 2 ч. 1833—1834 г., П. Семеновскаго «Кочубей, генеральный судья», 1845 г. и др. Въ 70-хъ гг. Д. Мордовцевъ издалъ историческій романъ «Царь и Гетманъ», отличающійся обычными для этого писателя достоинствами и недостатками.

Иг. Житецкій.

ПОЛТАВА,

ПОЭМА

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

The power and glory of the war,
Faithless as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar.

BYRON.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМ. НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1829.

ОДНА ИЗЪ МЕДАЛЕЙ ВЪ ЧЕСТЬ ПОЛТАВСКАГО БОЯ.

(Съ экземпляра изъ коллекціи гр. И. И. Толстого).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Полтавская битва есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ произшествій царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага; утвердила Руское владычество на Югѣ; обезпечила новыя заведенія на Сѣверѣ, и доказала государству успѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго Царемъ.

Ошибка Шведскаго Короля вошла въ пословицу. Его упрекаютъ въ неосторожности, находятъ его походъ въ Украину безразсуднымъ. На критиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи. Карлъ однакожъ симъ походомъ избѣгнулъ главной ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. И могъ ли онъ ожидать, что Малороссія, всегда безпокойная, не будетъ увлечена примѣромъ своего Гетмана и не возмутится противу недавняго владычества Петра, что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ, что наконецъ 25 т. Шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ Королемъ, побѣгутъ передъ Нарвскими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, яко зѣло опаснаго дѣла. Въ семъ походѣ Карлъ XII менѣе, нежели

когда нибудь, вѣрился своему счастью: оно уступило генію Петра.

Мазепа есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи. Нѣкоторые писатели хотѣли сдѣлать изъ него героя свободы, поваго Богдана Хмѣльницкаго. Исторія представляетъ его честолюбцемъ, закоренѣлымъ въ коварствахъ и злодѣяніяхъ, клеветникомъ Самойловича, своего благодѣтеля, губителемъ отца несчастной своей любовницы, измѣнникомъ Петра передъ его побѣдою, предателемъ Карла послѣ его пораженія: память его, преданная Церковію анаѣмѣ, не можетъ избѣгнуть и проклятія челоуѣчества.

Нѣкто въ романтической повѣсти изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиною, изобрѣтающимъ утонченные ужасы, годные во Французской мелодрамѣ и пр. Лучше было бы развить и объяснить настоящій характеръ мятежнаго Гетмана, не искажая своевольно историческаго лица.

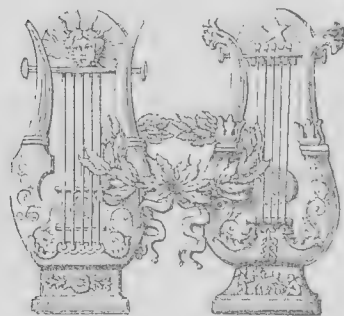
31 Января,
1829.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ—но голосъ музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ отвѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?

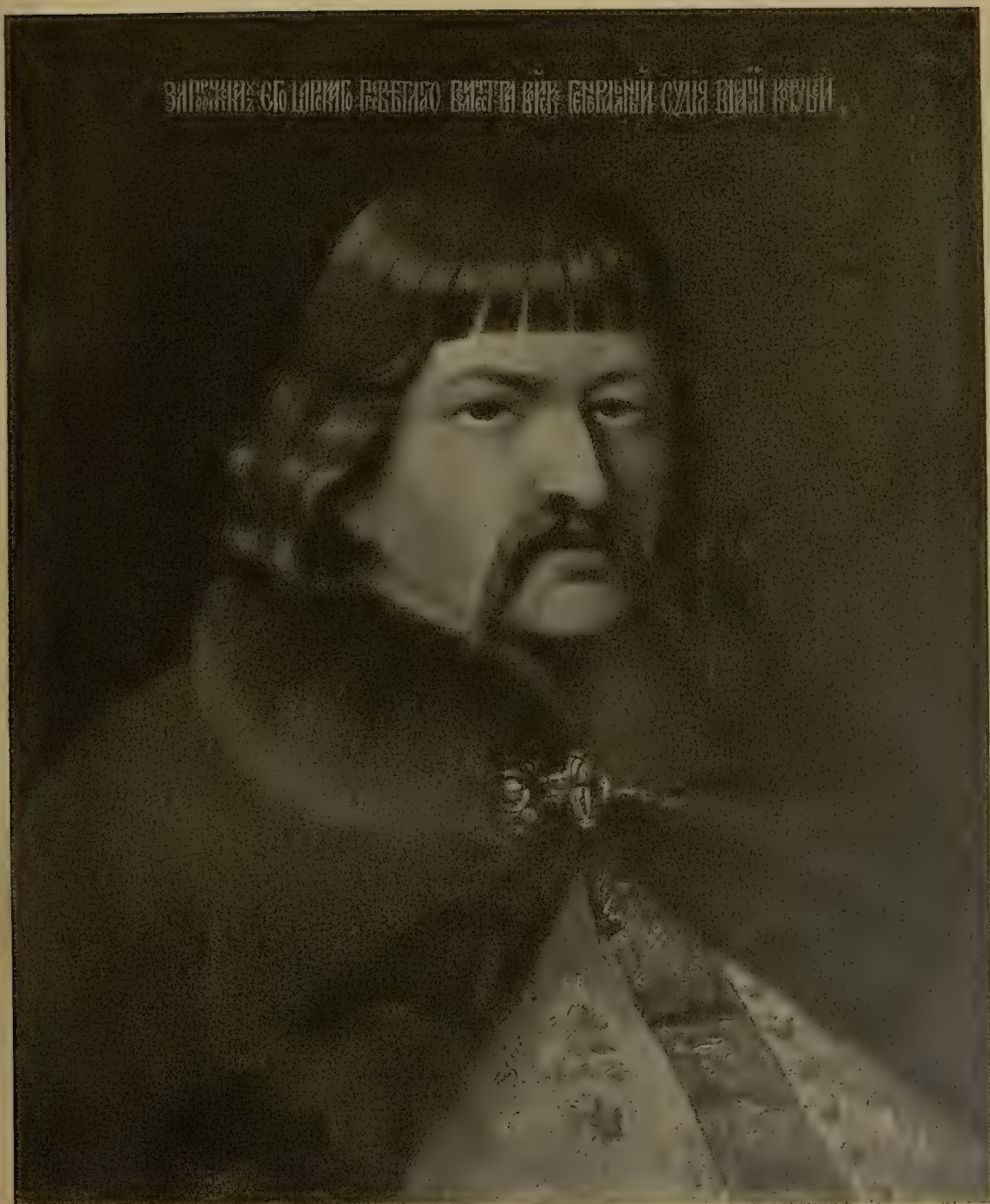
Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ —
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя печальная пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатъ и славенъ Кочубей. ¹
 Его луга необозримы;
 Тамъ табуны его коней
 Пасутся вольны, нехранимы.
 Кругомъ Полтавы хутора ²
 Окружены его садами,
 И много у него добра,
 Мѣховъ, атласа, серебра
 И на виду и подъ замками.
 Но Кочубей богатъ и гордъ
 Не долгогривыми конями, ³
 Не златомъ, данью Крымскихъ ордъ,
 Не родовыми хуторами,
 Прекрасной дочерью своей
 Гордится старый Кочубей.
 И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
 Красавицы, Маріи равной.
 Она свѣжа, какъ вѣснній цвѣтъ
 Взлелѣнный въ тѣни дубравной.
 Какъ тополь Кіевскихъ высотъ
 Она стройна. Ея движенія
 То лебедя пустынныхъ водъ
 Напоминаютъ плавный ходъ,
 То лани быстрыя стремленія.
 Какъ пѣна, грудь ея бѣла.
 Вокругъ высокаго чела,
 Какъ тучи, локоны чернѣютъ.
 Звѣздой блестятъ ея глаза;
 Ея уста, какъ роза, рдѣютъ.
 Но не единая краса
 (Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
 Въ молодой Маріи почтена:
 Вездѣ прославилась она
 Дѣвицей скромной и разумной.
 За то завидныхъ жениховъ
 Ей шлетъ Украина и Россія;
 Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
 Бѣжитъ пугливая Марія.
 Всѣмъ жеппяхъ отказъ—и вотъ
 За ней самъ Гетманъ сватовъ шлетъ. ¹
 Онъ старъ. Онъ удрученъ годами,
 Войной, заботами, трудами;
 Но чувства въ немъ кипятъ, и вновь
 Мазепа вѣдаетъ любовь.

Мгновенно сердце молодое
 Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
 Проходитъ и приходитъ вновь,
 Въ немъ чувство каждый день иное:
 Не столь послушно, не слегка,
 Не столь мгновенными страстями
 Пылаетъ сердце старика,
 Окаменѣлое годами.
 Упорно, медленно оно
 Въ огнѣ страстей разкалено;
 Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
 И съ жизнью лишь его покинетъ.
 Не серна подъ утесъ уходитъ,
 Орла послуша тяжкій летъ;
 Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
 Трепещетъ и рѣшенье ждетъ.
 И вся полна негодованьемъ
 Къ ней мать идетъ, и съ содроганьемъ
 Схвативъ ей руку, говоритъ:
 «Безстыдный! старецъ нечестивый!
 «Возможно ль?... нѣтъ, пока мы живы,
 «Нѣтъ! онъ грѣха не совершитъ.
 «Онъ, должный быть отцемъ и другомъ
 «Невинной крестницы своей...
 «Безумецъ! на закатѣ дней
 «Онъ вздумалъ быть ея супругомъ.»
 Марія вздрогнула. Лицо
 Покрыла блѣдность гробовая,
 И охладѣвъ какъ неживая
 Упала дѣва на крыльцо.
 Она опомнилась, но снова
 Закрываетъ очи—и ни слова
 Не говоритъ. Отецъ и мать
 Ей сердце ищутъ успокоить,
 Боязнь и горестъ разогнать,
 Тревогу смутныхъ думъ устроить...
 Напрасно. Цѣлые два дня,
 То молча плача, то стена,
 Марія не пила, не ѣла,
 Шатаясь, блѣдная какъ тѣнь,
 Не зная сна. На третій день
 Ея свѣтлица опустѣла.
 Никто не зналъ, когда и какъ
 Она сокрылась. Лишь рыбакъ

ВАСИЛІЙ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ КОЧУБЕЙ.

*Современный портретъ, нинѣ принадлежащій кн. В. С. Кочубею. По оригиналу воспроизводится
здесь впервые.*

Той ночью слышалъ конскіи топотъ,
Казачью рѣчь и женскіи шопотъ,
И утромъ слѣдъ осьми подковъ
Былъ видѣнъ на росѣ луговъ.

Не только первый цухъ ланить,
Да русы кудри молодые,
Порой и старца строгіи видѣ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображеніе красоты
Влагають страстные мечты.

И вскорѣ слуха Кочубей
Коспулась роковая вѣсть:
Она забыла стыдъ и честь,
Она въ объятіяхъ злодѣя!
Какой позоръ! Отецъ и мать
Молву не смѣютъ понимать.
Тогда лишь истина явилась
Съ своей ужасной наготой.
Тогда лишь только объяснилась
Душа преступницы молодой.
Тогда лишь только стало явно,
Зачѣмъ бѣжала своеправно
Она семейственныхъ оковъ,
Томилась тайно, воздыхала
И на привѣты жениховъ
Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
Она лишь Гетману внимала,
Когда бесѣда ликовала
И чаша пѣнилась виномъ;
Зачѣмъ она всегда пѣвала
Тѣ пѣсни, кои онъ слогалъ, ⁵
Когда онъ бѣдѣ былъ и малъ,
Когда молва его не знала;
Зачѣмъ съ неженскою душой
Она любила конный строй,
И бранный зовъ литавръ и клпки
Предъ бунчукомъ и булавою
Малороссійскаго владыки... ⁶

Богатъ и знатенъ Кочубей.
Довольно у него друзей.
Свою омыть онъ можетъ славу.
Онъ можетъ возмутить Полтаву;
Внезапно средь его дворца
Онъ можетъ мщеніемъ отца
Постигнуть гордаго злодѣя;
Онъ можетъ вѣрною рукой
Вонзить... по замыселъ иной
Волнуеть сердце Кочубей.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ борецяхъ силы напрягая,
Мужала съ гениемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданнй и кровавый
Задалъ ей Шведскіи паладинъ.

Но въ искушеніяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судьбы удары,
Окрѣбла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куестъ булатъ.

Вѣнчанный славой безполезной,
Отважный Карлъ скользитъ надъ бездною.
Онъ шелъ на древною Москву,
Взметая Рускія дружины,
Какъ вихоръ гонить прахъ долины
И клонитъ пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новыи, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ослабилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ. ⁷

Украина глухо волновалась.
Давно въ ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаили войны,
Роптали требуя кичливо,
Чтобъ Гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазепы раздавался
Мятежный крикъ: пора, пора!
Но старый Гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра.
Храия суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украину,
Молвъ, казалось, не внималъ
И равнодушно пировалъ.

«Что жъ Гетманъ?» юноши твердили,
Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ старъ;
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ
Зачѣмъ дрожащею рукою
Еще онъ носить булаву?
Теперь бы грянуть намъ войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Доброшенко, ⁸
Иль Самойловичъ молодой, ⁹
Иль нашъ Палей, ¹⁰ иль Гордѣнко ¹¹
Владѣли силой войсковою;
Тогда бъ въ снѣгахъ чужбинны дальнѣй
Не погибали казаки,
И Малороссія печальной
Освобождалась ужъ полки». ¹²

Такъ, своеводемъ пылая,
Роптала юность удалая,
Опасныхъ алча перемѣнъ,
Забывъ отчизны давній плѣнъ,
Богдана счастливыя споры,
Святыя брани, договоры
И славу дѣдовскихъ временъ.
Но старость ходитъ осторожно
И подозрительно глядитъ.
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдрутъ она рѣшить.

МАЗЕПА.

Воспроизведено въ величину оригинала съ рѣдчайшаго офорта Норблена (Norblain de la Cour daine, (1745—1830), находящагося въ Публичной Библиотекѣ въ Спб.

Кто сидеть въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замысль давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣетъ одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами старикъ болтливой
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славить съ своевольнымъ,
Поносить власти съ недовольнымъ,

Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Не многимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ какъ живъ не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простираетъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Издавна умысль ужасный
Взлелѣвалъ тайно злой старикъ
Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
Враждебный взоръ его проникъ.
«Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ, губитель
Скрежеща мыслить Кочубей,
Я пощажу твою обитель,

Темницу дочери моей;
 Ты не истлѣешь средь пожара,
 Ты не издохнешь отъ удара
 Казачей сабли. Нѣтъ, злодѣй,
 Въ рукахъ Московскихъ палачей,
 Въ крови, при тщетныхъ отрицаньяхъ,
 На дыбѣ, корчась въ истязаньяхъ,
 Ты проклянешь и день и часъ,
 Когда ты дочь крестилъ у насъ,
 И пиръ, на коемъ чести чашу
 Тебѣ я полную наливаль,
 И ночь, когда голубку нашу
 Ты, старый коршунъ заклевалъ!...»

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
 Былъ другъ Мазепа; въ оны дни,
 Кокъ солю, хлѣбомъ и елеемъ
 Дѣлились чувствами они.
 Ихъ кони по полямъ побѣды
 Скакали рядомъ сквозь огни;
 Нерѣдко долгія бесѣды
 Наединѣ вели они—
 Предъ Кочубеемъ Гетманъ скрытной
 Души млежной, ненасытной
 Отчасти бездну открывалъ
 И о грядущихъ измѣненьяхъ,
 Переговорахъ, возмущеньяхъ
 Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
 Такъ, было сердце Кочубея
 Въ то время предано ему.
 Но въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
 Теперь позыву одному
 Онъ послушно; онъ голубить
 Едину мысль и день и ночь:
 Иль самъ погибнетъ, иль погубить—
 Отмстить поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
 Онъ крѣпко въ сердцѣ затаилъ.
 «Въ безсильной горести, ко гробу
 Теперь онъ мысли устремилъ.
 Онъ зла Мазепѣ не желаетъ;
 Всему виновна дочь одна.
 Но онъ и дочери прощаетъ:
 Пусть Богу дастъ отвѣтъ она,
 Покрывъ семью свою позоромъ,
 Забывъ и небо и законъ...»

А между тѣмъ орлинымъ взоромъ
 Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ
 Себѣ товарищей отважныхъ,
 Неколебимыхъ, непроданныхъ.
 Во всемъ открылся онъ женѣ: ¹³
 Давно въ глубокой тишинѣ
 Уже доносъ онъ грозный конитъ,
 И глѣва женскаго полна
 Нетерпѣливая жена
 Супруга злобнаго торопитъ.
 Въ тиши почной, на ложѣ сна,
 Какъ ибкій духъ, ему она

О мщеніи шепчетъ, укоряетъ,
 И слезы льетъ, и ободряетъ,
 И клятвы требуетъ—и ей
 Клянется мрачный Кочубей.

Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
 Безстрашный Искра заодно. ¹⁴
 И оба мыслятъ: «одолѣемъ;
 Врага паденье рѣшено.
 По кто жъ, усердьемъ пламенѣя,
 Ревнуя къ общему добру,
 Доносъ на мощнаго злодѣя
 Предубѣжденному Петру
 Къ погамъ положить не робѣя?»

Между Полтавскихъ Казаковъ,
 Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
 Одинъ съ младенческихъ годовъ
 Ее любилъ любовью страстной.
 Вечерней, утренней порой,
 На берегу рѣки родной,
 Въ тѣни Украинскихъ черешень,
 Бывало, онъ Марію ждалъ,
 И ожиданіемъ страдалъ,
 И краткой встрѣчей былъ утѣшенъ.
 Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
 Не докучалъ онъ ей мольбою:
 Отказа бъ онъ не пережилъ.
 Когда наѣхали толпою
 Къ пей женихи; цѣ ихъ рядовъ
 Унылъ и сирѣ онъ удалился.
 Когда же вдругъ межъ Казаковъ
 Позоръ Марининъ огласился,
 И безпошадная молва
 Ее со смѣхомъ поразила;
 И тутъ Марія сохранила
 Надъ нимъ привычныя права.
 Но если кто хотя случайно
 Предъ нимъ Мазепу называлъ;
 То онъ блѣднѣлъ, терзаясь тайно,
 И взоры въ землю опускалъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
 Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
 Чей это конь неутомимой
 Бѣжитъ въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
 Казакъ не хочетъ отдохнуть
 Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
 Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булатъ его блеститъ,
 Мѣшокъ за пазухой звенитъ,
 Не спотыкаясь конь ретивой
 Бѣжитъ, размахивая гривой.

Червоныцъ нужны для гоппа,
 Булатъ потѣха молодца,
 Ретивый конь потѣха тоже—
 Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставить радъ.
 Коня, червоныцъ и булатъ,

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть.

Рисунокъ Н. Каразина.

Но выдастъ шапку только съ бою,
И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
За тѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ,
Доносъ на Гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

Грозы не чуя между тѣмъ,
Неужасаемый ничѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ.
Съ нимъ полномощный Езуитъ ¹⁵
Мятежъ народный учреждаетъ
И шаткій тронъ ему сулитъ.
Во тѣмъ почной они какъ воры
Ведутъ свои переговоры,
Измѣну цѣнятъ межъ собою,
Слагаютъ цыфры Уинверсаловъ, ¹⁶
Торгуютъ Царской головой,
Торгуютъ клятвами вассаловъ.
Какой-то нищій во дворецъ
Невѣдомо откопъ ходитъ,
И Орликъ ¹⁷, Гетмановъ дѣлецъ,
Его приводитъ и выводитъ.
Повсюду тайно сѣютъ ядъ
Его подосланные слуги:
Тамъ на Дону казаки круги
Они съ Булавинымъ ¹⁸ мутятъ;
Тамъ будятъ дикихъ ордъ отвагу;
Тамъ за порогами Днѣпра
Страшаютъ буйную ватагу
Самодержавіемъ Петра.
Мазепа всюду взоръ кидаетъ.

И письма шлетъ изъ края въ край:
Угрозой хитрой подымаетъ
Онъ на Москву Бахчисарай.
Король ему въ Варшавѣ внемлетъ,
Въ стѣнахъ Очакова Паша,
Во станѣ Карлъ и Царь. Не дремлетъ.
Его коварная душа;
Онъ, думой думу развивая,
Вѣрнѣй готовитъ свой ударъ;
Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
Неутомимъ преступный жаръ.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ
воспрянулъ.

Когда предъ нимъ внезапно грянулъ
Упадшій громъ! когда ему,
Врагу Россіи самому,
Вельможи Русскіе ¹⁹ послали
Въ Полтавѣ писанный доносъ,
И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
Какъ жертвѣ, ласки расточали:
И озабоченный войной,
Глушаясь мнимой клеветой,
Доносъ оставя безъ вниманья,
Самъ Царь Гуду утѣшалъ
И злобу шумомъ наказанья
Смирить надолго обѣщалъ!

Мазепа, въ горести притворной,
Къ Царю возноситъ гласъ покорной.
«И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ:
«Онъ бѣдный Гетманъ двадцать лѣтъ.
«Царю служилъ душою вѣрной:

«Его щедротою безмѣрной
 «Осыпанъ, дивно вознесенъ...
 «О, какъ слѣпа, безумна злоба!..
 «Ему ль теперь у двери гроба
 «Начать ученіе измѣнъ,
 «И потемнить благую славу?
 «Не онъ ли помощь Станиславу 20
 «Съ негодоваемъ отказать,
 «Стыдись, отвергъ вѣнецъ Украйны,
 «И договоръ и письма тайны
 «Къ Царю; по долгу, отослалъ?
 «Не онъ ли наущеньямъ Хана 21
 «И Цареградскаго Салтана
 «Былъ глухъ? Усердіемъ горя,
 «Съ врагами бѣлаго Царя
 «Умомъ и саблей радъ былъ спорить,
 «Трудовъ и жизни не жалѣлъ,
 «И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
 «Его сѣдины опозорить!
 «И кто же? Искра, Кочубей!
 «Такъ долго былъ его друзьями!..
 И съ кровожадными слезами,
 Въ холодной дерзости своей,
 Ихъ казни требуетъ злодѣй... 22
 Чьей казни?... старецъ непреклонный!
 Чья дочь въ объятіяхъ его?
 Но хладно сердца своего
 Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.
 Онъ говоритъ: «въ неравный споръ
 Зачѣмъ вступаетъ сей безумецъ?
 Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,
 Самъ точить на себя топоръ.
 Куда бѣжить, зажавши вѣжды?
 На чемъ онъ основалъ надежды?
 Или... по дочери любовь
 Главы отцовской не искупить.
 Любовникъ Гетману уступить,
 Не то моя прольется кровь.»
 Марія, бѣдная Марія,
 Краса Черкасскихъ дочерей!
 Не знаешь ты какого змія
 Ласкаешь на груди своей.
 Какой же властью непонятной

Къ душѣ свирѣпой и развратной
 Такъ сильно ты привлечена?
 Кому ты въ жертву отдана?
 Его кудрявыя сѣдины,
 Его глубокія морщины,
 Его блестящій, впаый взоръ,
 Его лукавый разговоръ
 Тебѣ всего, всего дороже:
 Ты мать забыть для нихъ могла:
 Соблазномъ посланное ложе
 Ты отчей сѣни предпочла.
 Своими чудными очами
 Тебя старикъ заморозилъ,
 Своими тихими рѣчами
 Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ;
 Ты на него съ благовѣнемъ
 Возводишь ослабленный взоръ,
 Его лелѣешь съ умиленьемъ—
 Тебѣ пріятель твой позоръ,
 Ты имъ, въ безумномъ упоеньи,
 Какъ цѣломудріемъ горда—
 Ты прелесть пѣвную стыда
 Въ своемъ утратила паденьи...
 Что стыдъ Маріи? Что молва?
 Что для нея мірскія пѣни,
 Когда склоняется въ колѣни
 Къ ней старца гордая глава,
 Когда съ ней Гетманъ забываетъ
 Судьбы своей и трудъ и шумъ,
 Иль тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
 Ей дѣвѣ робкой открываетъ?
 И дней невинныхъ ей не жаль,
 И душу ей одна печаль
 Порой, какъ туча, затмеваетъ:
 Она унылыхъ предъ собой
 Отца и мать воображаетъ;
 Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
 Въ бездѣтной старости, однихъ,
 И мнитъ, пѣнямъ ихъ внимаетъ...
 О, если бѣ вѣдала она,
 Что ужъ узнала вся Украйна!
 Но отъ нея сохранена
 Еще убійственная тайна.

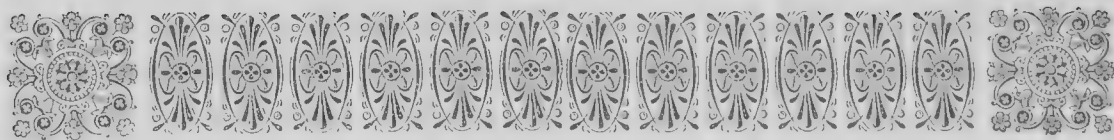

МАТРЕНА КОЧУБЕЙ.

Исторический этюдъ И. Е. Репина.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мазепа мраченъ. Умъ его
Смущенъ жестокими мечтами.
Марія иѣжными очами
Глядитъ на старца своего.
Она, обнявъ его колѣни,
Слова любви ему твердитъ.
Напрасно: черныхъ помышлений
Ея любовь не удалить.

Предъ бѣдной дѣвой съ невинманьемъ
Онъ хладно потупляетъ взоръ,
И ей на ласковый укоръ;
Однимъ отвѣтствуетъ молчаньемъ.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, встаетъ она

И говорить съ негодованьемъ:

«Послушай, Гетманъ: для тебя
Я позабыла все на свѣтѣ.
Навѣкъ однажды полюбя,
Одно имѣла я въ предметѣ:
Твою любовь. Я для нее
Сгубила счастье мое.

Но ни о чемъ я не жалю—
Ты помнишь: въ страшной тишинѣ,
Въ ту ночь, какъ стала я твоею,
Меня любить ты клялся мнѣ.
Зачѣмъ же ты меня не любишь?

М А З Е П А.

Мой другъ, несправедлива ты.
Оставь безумныя мечты;
Ты подозрѣнъ въ сердце губишь:
Нѣтъ, душу пылкую твою
Волнуютъ, ослѣпляютъ страсти.
Марія, вѣрь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

М А Р І Я.

Не правда: ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь;
Теперь онѣ тебѣ докучны;
Ты цѣлый день въ кругу старшинъ,
Въ пирахъ, разѣздахъ—я забыта;

Ты долгой ночью иль одинъ,
Иль съ нищимъ, иль у Езуита.
Любовь смиренная моя
Встрѣчаетъ хладную суровость.
Ты пилъ недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость;
Кто эта Дульская?

М А З Е П А.

И ты

Ревнина? мнѣ ль, въ мои ли лѣта
Искать надменнаго привѣта
Самолубивой красоты?
И стану ль я, старикъ суровый,
Какъ праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорныя оковы
И женъ притворствомъ искушать?

М А Р І Я.

Нѣтъ, объяснись безъ отговорокъ,
И просто, прямо отвѣчай.

М А З Е П А.

Покой души твоей мнѣ дорогъ.
Марія; такъ и быть: узнай.

Давно замыслили мы дѣло:
Теперь оно кипитъ у насъ.
Благое время намъ приспѣло;
Борьбы великой близокъ часъ.
Безъ милой вольности и славы
Склонили долго мы главы
Подъ покровительствомъ Варшавы,
Подъ самовластіемъ Москвы.
Но независимой державой
Украинѣ быть уже пора:
И знамя вольности кровавой
Я поднимаю на П е т р а.
Готово все: въ переговорахъ
Со мною оба Короля;
И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ ссорахъ
Быть можетъ, тронъ воздвигну я.
Друзей надежныхъ я имѣю:
Княгиня Дульская и съ нею

Мой Езуитъ, да инцій сей
Къ концу мой замысль приводятъ.
Черезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ
Наказы, письма Королей.
Вотъ важныя тебѣ признанья.
Довольна-ль ты? Твои мечтанья
Разсѣяны ль?

МАРІЯ.

О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдицамъ какъ пристанетъ
Корона царская!

МАЗЕНА.

Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

МАРІЯ.

Я близъ тебя не знаю страха—
Ты такъ могущъ! О знаю я:
Тронъ ждетъ тебя. —

МАЗЕНА.

А если плаха?...

МАРІЯ.

Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу ли?
Но нѣтъ: ты носишь власти знакъ.

МАЗЕНА.

Меня ты любишь?

МАРІЯ.

Я! люблю ли?

МАЗЕНА.

Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

МАРІЯ.

Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? тревожить

Меня напрасно опъ. Семью
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ позоръ; быть можетъ,
(Какая страшная мечта!)
Мои отцемъ я проклѣта,
А за кого?

МАЗЕНА.

Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь...

МАРІЯ.

О Боже!

МАЗЕНА.

Что жъ? отвѣчай.

МАРІЯ.

Рѣши ты самъ.

МАЗЕНА.

Послунай: если было бъ намъ,
Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
А ты бы намъ судьей была,
Кого бъ ты въ жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?

МАРІЯ.

Ахъ, полно! Сердце не смущай!
Ты искустель.

МАЗЕНА.

Отвѣчай!

МАРІЯ.

Ты блѣднѣ; рѣчь твоя сурова...
О, не сердись! всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
Но страшны мнѣ слова такіа.
Довольно.

МАЗЕНА.

Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь.

БОРИЦАГОВКА, ВОЗЛЪ БѢЛОЙ ЦЕРКВИ.

Здѣсь казнили Кочубея и Искру.

Съ гравюры А. П. Зубчанникова.

Тиха Украинская ночь.
 Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
 Своей дремоты превозмочь
 Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
 Сребристыхъ тополей листы.
 Луна спокойно съ высоты
 Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
 И пышныхъ Гетмановъ сады
 И старый замокъ озаряетъ.
 И тихо, тихо все кругомъ;
 Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
 Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
 Въ глубокомъ тяжкомъ размышленьи,
 Окованъ, Кочубей сидитъ
 И мрачно на небо глядитъ.

Завтра казнь. Но безъ боязни
 Онъ мыслить объ ужасной казни;
 О жизни не жалѣетъ онъ.
 Что смерть ему? желанный сонъ.
 Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
 Дрема долить. Но, Боже правый!
 Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть
 Какъ безсловесное созданье,

Царемъ быть отдану во власть
 Врагу Царя на поруганье,
 Утратить жизнь—и съ нею честь.
 Друзей съ собой на плаху вестъ,
 Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья.
 Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
 Врага веселый встрѣтить взоръ
 И смерти кинуться въ объятъя.
 Не завѣщая никому
 Вражды къ злодѣю своему!...

И вспомнилъ онъ свою Полтаву.
 Обычный кругъ семьи, друзей.
 Минувшихъ дней богатство, славу.
 И жизни дочери своей,
 И старый домъ, гдѣ онъ родился.
 Гдѣ звалъ и трудъ и мирный сонъ.
 И все, чѣмъ въ жизни наслаждался.
 Что добровольно бросилъ онъ,
 И для чего?—

Но ключъ въ заржавомъ
 Замкѣ гремитъ—и пробуждѣнъ.
 Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
 Вотъ на пути моемъ кровавомъ

Мой вождь подѣ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могущій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ разпятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной приобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всепильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святаго,
Онъ гостя узнаетъ инаго:
Свершѣный Орликъ передъ нимъ.
И отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокой человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой почлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

О р л и к ъ.

Допрось не конченъ: отвѣчай.

К о ч у б е й.

Я отвѣчалъ уже: ступай.
Оставь меня.

О р л и к ъ.

Еще признанья
Панъ Гетманъ требуетъ.

К о ч у б е й.

Но въ чемъ?

Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни. Гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

О р л и к ъ.

Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ;
Мы знаемъ: не единый кладъ
Тобой въ Диканскѣ 23 укрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую—
Таковъ законъ. Я указую
Себѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ кладъ, скрытые тобой?

К о ч у б е й.

Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой честь была,
Кладъ этотъ пытка отняла;

Другой былъ кладъ невозвратимый
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ: святую мечь.
Ее готовлюсь Богу снести.

О р л и к ъ.

Старикъ, оставь пустыя бредни:
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спряталъ деньги?

К о ч у б е й.

Злой холопъ!

Окончишь ли допрось нехвальной?
Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепою
Мое послѣдїе считать
Окровавленными перстами,
Моя подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами.
Съ собою возмите дочь мою;
Она сама вамъ все расскажетъ,
Сама всѣ кладъ вамъ укажетъ;
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

О р л и к ъ.

Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
Не хочешь?—Деньги гдѣ скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай: мѣсто намъ назначь.
Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей, палачъ! 24
Палачъ вошелъ...

О, почъ мученій!

Но гдѣ же Гетманъ? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызений
Змѣиной совѣсти своей?
Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,
Еще незнаніемъ блаженной,
Близъ ложа крестницы молодой
Сидитъ съ поникшею главою
Мазепа тихій и угрюмый.
Въ его душѣ проходятъ думы,
Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.
«Умретъ безумный Кочубей;
Спаси нельзя его. Чѣмъ ближе
Цѣль Гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью обложенъ,
Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенія нѣтъ:
Допосылокъ и его клеветъ
Умрутъ.» Но брось взоръ на ложе,

Мазепа думаетъ: «о Боже!
 Что будетъ съ ней, когда она
 Услышитъ слово роковое?
 Досель она еще въ покоѣ—
 Но тайна быть сохранена
 Не можетъ долѣе. Сѣкира,
 Унавъ поутру, загремитъ
 По всей Украинѣ. Голосъ міра
 Вокругъ нея заговоритъ!...
 Ахъ, вижу я: кому судьбою
 Волненія жизни суждены;
 Тотъ стой одинъ передъ грозою,
 Не призывай къ себѣ жены.
 Въ одну телѣгу впрячь неможно
 Коня и трепетную лань.
 Забылся я неосторожно:
 Теперь плачу безумства дань...
 Все, что цѣны себѣ не знаетъ,
 Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
 Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
 Мнѣ старцу мрачному—и что же?
 Какой готовлю ей ударъ!—»
 И онъ глядитъ: на тихомъ ложѣ
 Какъ сладокъ юности покой!
 Какъ сонъ ее лелѣетъ иѣжно!
 Уста раскрылись; безмятежно
 Дыханье груди молодой;
 А завтра, завтра... содрогаясь,
 Мазепа отвращаетъ взглядъ,
 Встаетъ и тихо пробираясь
 Въ уединенный сходить садъ.
 Тиха украинская ночь.
 Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
 Своей дремоты превозмочь
 Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
 Сребристыхъ тополей листы.
 Но мрачны страшны мечты
 Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
 Какъ обвинительныя очи,
 За нимъ насмѣшливо глядятъ.
 И тополи, стѣснившись въ рядъ,
 Качая тихо головою,
 Какъ судьи, шепчутъ межъ собою.
 И лѣтней, теплой ночи тма
 Душна, какъ черная тюрьма.
 Вдругъ... слабый крикъ... невинный
 Стоитъ
 Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.
 То былъ ли сонъ воображенья,
 Иль плачь совы, иль звѣря вой,
 Иль пытки стоить, иль звукъ пной—
 Но только своего волненія
 Преодолѣть не могъ старикъ
 И на протяжный слабый крикъ
 Другимъ отвѣтствовалъ—тѣмъ крикомъ,
 Которымъ онъ въ веселы дикомъ
 Поля сраженья оглашалъ,

Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
 И—съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ
 Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Зари багряной полоса
 Объемлетъ ярко небеса.
 Блеснули доли, холмы, пивы,
 Вершины рощъ и волны рѣкъ.
 Раздался утра шумъ игривый,
 И пробудился человѣкъ.

Еще Марія сладко дышитъ,
 Дремой обята, и слышитъ
 Сквозь легкой сонъ, что кто-то къ ней
 Вошелъ и ногъ ея коснулся.
 Она проснулась—но скорѣй
 Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
 Отъ блеска утреннихъ лучей.
 Марія руки протянула
 И съ нѣгой томною шепнула:
 Мазепа, ты?... Но голосъ ей
 Иной отвѣтствуетъ... о Боже!
 Вздвогнувъ, она глядитъ... и что же?
 Предъ нею мать...

МАТЬ.

Молчи, молчи;

Не погуби насъ: я въ ночи
 Сюда прокралась осторожно
 Съ единой, слезною мольбой.
 Сегодня казнь. Тебѣ одной
 Свирѣпство ихъ смягчить возможно.
 Спаси отца!

ДОЧЬ, въ ужасѣ.

Какой отецъ?
 Какая казнь?

МАТЬ.

Иль ты донынѣ
 Не знаешь?... нѣтъ! ты не въ пустынѣ,
 Ты во дворцѣ; ты знать должна,
 Какъ сила Гетмана грозна,
 Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
 Какъ Государь ему внимаетъ—
 Но вижу: скорбную семью
 Ты отвергаешь для Мазепы;
 Тебя я сонну застаю,
 Когда свершаютъ судъ свирѣпый,
 Когда читаютъ приговоръ,
 Когда готовъ отцу топоръ—
 Другъ другу, вижу, мы чужія...
 Опомнись: дочь моя! Марія,
 Бѣги, пади къ его ногамъ,
 Спаси отца, будь ангелъ намъ:
 Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ.
 Ты можешь ихъ топоръ отвести.

Рвись, требуй—Гетманъ не откажетъ:
Ты для него забыла честь,
Родныхъ и Бога.

д о ч ь.

Что со мною?

Отецъ... Мазепа... казнь—съ мольбою
Здѣсь, въ этомъ замкѣ мать моя—
Нѣтъ, нль ума лишилась я,
Иль это грезы.

м а т ь.

Богъ съ тобою,

Нѣтъ, нѣтъ—не грезы, не мечты.
Уже ль еще не знаешь ты,
Что твой отецъ ожесточенный
Безчестья дочери не снесъ,
И, жаждой мести увлеченный,
Царю на Гетмана донесъ—
Что въ истязаніяхъ кровавыхъ
Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
Въ стыдѣ безумной клеветы,
Что, жертва смѣлой правоты,
Врагу онъ выданъ головою,
Что предъ Громадой войсковою,
Когда его не осѣнитъ
Десница вышняя Господня,
Онъ долженъ быть казненъ сегодня,
Что здѣсь покаместъ онъ сидитъ
Въ тюремной башнѣ.

д о ч ь.

Боже, Боже!...

Сегодня!—бѣдный мой отецъ!

И дѣва падаетъ на ложе,

Какъ хладный падаетъ мертвецъ.

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.

Бьютъ въ бубны. Скачутъ сердюки. ²⁵

Въ строяхъ ровняются полки.

Толпы кипятъ. Сердца трепещутъ.

Дорога, какъ змѣиный хвостъ,

Полна народу, шевелится.

Средь поля роковой помость.

На немъ гуляетъ, веселится

Палачъ и алчно жертвы ждетъ:

То въ руки бѣлыя беретъ,

Играючи, топоръ тяжелой,

То шутитъ съ чернью веселой.

Въ гремячій говоръ все слилось:

Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропотъ.

Вдругъ восклицанье раздалось

И смолкло все. Лишь конскій топотъ

Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.

Тамъ, окруженный сердюками,

Вельможный Гетманъ съ старшинами

Скакалъ на ворономъ конѣ;
А тамъ по Кіевской дорогѣ
Телега ѣхала. Въ тревогѣ,
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвиный Кочубей,
Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телега стала. Раздалось
Моленіе ликовъ громогласныхъ.
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ. И вотъ
Падаютъ они, взопли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ тмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
Зарѣлась кровію трава—
И сердцемъ радуясь во злобѣ
Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ
И напряженной рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

Свершилась казнь. Народъ безмечный
Идетъ, разсыпавшись, домой,
И про свои работы вѣчны
Уже толкуетъ межъ собой.
Пустѣетъ поле понемногу.
Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перебѣжали двѣ жены.
Утомлены, запылены,
Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
Спѣшили полныя боязни.
Уже поздно, кто-то имъ сказалъ
И въ поле перстомъ указалъ.
Тамъ роковой помость ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
И на телегу подымали
Два казака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною толпой
Мазепа, грозенъ, удалялся
Отъ мѣста казни. Онъ терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто къ нему не приближался,
Не говорилъ онъ ничего;
Весь въ пѣнѣ мчался конь его.
Домой прѣхавъ, что Марія?
Спросилъ Мазепа. Слышитъ онъ
Отвѣты робкіе, глухіе...
Невольнымъ страхомъ пораженъ,
Идетъ онъ къ ней; въ свѣтлицу входитъ:
Свѣтлица тихая пуста—
Онъ въ садъ, и тамъ смятенный бродитъ;

По вокруг широкаго пруда,
Въ кустахъ, вдоль сѣней безмятежныхъ
Все пусто, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ—
Ушла!—Зоветь онъ слугъ надежныхъ,
Своихъ проворныхъ сердюковъ.
Они бѣгутъ. Храпятъ ихъ кони—
Раздался дикій кликъ погони
Верхомъ—и скачутъ молодцы
Во весь опоръ, во всѣ концы.

Бѣгутъ мгновеня дорогія.
Не возвращается Марія.
Никто не вѣдалъ, не слыхалъ,
Зачѣмъ и какъ она бѣжала —
Мазепа молча скрежеталъ.
Затихнувъ, челядь трепетала.
Въ груди кипучій ядъ нося,

Въ свѣтлицѣ Гетманъ заперся.
Близъ ложа тамъ во мракѣ ночи
Сидѣлъ онъ не смыкая очи,
Нездѣшней мукою томимъ.
Поутру, посланные слуги,
Одинъ явился за другимъ!
Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,
Все было пѣною покрыто,
Въ крови, разтеряно, избито—
Но ни одинъ ему принести
Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
И слѣдъ ея существованья
Пропалъ какъ будто звукъ пустой,
И мать одна во мракѣ изгнанья
Умчала горе съ нищетой.

МАЗЕПА УДАЛЯЕТСЯ ОТЪ МѢСТА КАЗНИ КОЧУБЕЛ И ИСКРЫ.

Рис. Н. О. Самокиша.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Души глубокая печаль
 Стремится дерзновенно вдаль
 Вождю Украйны не мѣшаетъ.
 Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
 Онъ съ гордымъ Шведскимъ Королемъ
 Свои сношенія продолжаетъ.
 Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
 Глаза враждебнаго сомнѣнья,
 Онъ, окружась толпой врачей,
 На ложѣ мнимаго мученья,
 Стоная молитъ изцѣленья.
 Плоды страстей, войны, трудовъ,
 Болѣзни, дряхлость и печали,
 Предтечи смерти, приковали
 Его къ одру. Уже готовъ
 Онъ скоро бранный мѣръ оставить;
 Святой обрядъ онъ хочетъ править,
 Онъ Архипастыря зоветъ
 Къ одру сомнительной кончины:
 И на коварныя сѣдны
 Елей таинственный течетъ.

Но время шло. Москва напрасно
 Къ себѣ гостей ждала всечасно,
 Средь старыхъ, вражескихъ могилъ
 Готова Шведамъ тризну тайну.
 Незапно Карлъ поворотилъ
 И перенесъ войну въ Украйну.
 И день насталъ. Встаетъ съ одра
 Мазепа, сей страдалецъ хилой,
 Сей трупъ живой, еще вчера
 Стонавшій слабо надъ могилой.
 Теперь онъ мощный врагъ Петра.
 Теперь онъ, бодрый, предъ полками
 Сверкаетъ гордыми очами
 И саблей машетъ—и къ Деснѣ
 Проворно мчится на конѣ.
 Согбенный тяжко жизнью старой,
 Такъ оный хитрый Кардиналь,
 Вбичавшись римскою тиарой,
 И прямъ, и здравъ, и молодъ сталъ.
 И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
 Украйна шумно зашумѣла.
 «Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ,
 Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
 Бунчукъ покорный.» Пламя пышетъ,
 Встаетъ кровавая заря
 Войны пародной.

Кто опишетъ
 Негодованье, гнѣвъ царя? ²⁶
 Гремить анаема въ Соборахъ;
 Мазепы ликъ терзаетъ катъ. ²⁷
 На шумной Радѣ, въ вольныхъ спорахъ
 Другаго Гетмана творять.
 Съ береговъ пустынныхъ Енисея
 Семейства Искры, Кочубея
 Поспѣшно призваны Петромъ.
 Онъ съ ними слезы проливаетъ.
 Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
 И новой честью и добромъ.
 Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
 Старикъ Палѣй, изъ мрака ссылки
 Въ Украйну ѣдетъ въ Царскій станъ.
 Трепещетъ быть осиротѣлой.
 На плахѣ гибнетъ Чечель ²⁸ смѣлой
 И запорожскій Атаманъ.
 И ты, любовникъ бранной славы,
 Для плема кинувшій вѣнецъ,
 Твой близокъ день, ты валъ Полтавы
 Вдали завидѣлъ наконецъ.

И Царь туда жъ помчалъ дружины.
 Онѣ какъ бури притекли—
 И оба стана средь равнины
 Другъ друга хитро облегли:
 Неразъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
 Зарапъ кровью опьянѣлый,
 Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
 Такъ грозный сходится боецъ.
 И злостью видитъ Карлъ могучій
 Ужъ не разстроенныя тучи
 Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
 А нѣтъ полковъ блестящихъ, стройныхъ,
 Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
 И рядъ незыблемый птыковъ.
 Но онъ рѣшилъ: завтра бой.
 Глубокой сонъ во станѣ Шведа.
 Лишь подъ палаткою одной
 Ведется шопотомъ бесѣда.

«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
 Поторопились мы не кетати:
 Расчетъ и дерзкій и плохой,
 И въ немъ не будетъ благодати.
 Пропала, видно, цѣль моя.
 Что дѣлать? далъ я промахъ важной:
 Ошибся въ этомъ Карлъ я.

КАРЛЪ XII.

Гравюра Фрутиуса (1740) съ портрета Крафта (1717).

Онъ мальчикъ бойкій и отважной;
 Два-три сраженья разыграть,
 Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
 Къ врагу на ужинъ прискакать,²⁹
 Отвѣтствовать на бомбу смѣломъ;³⁰
 Не хуже Рускаго стрѣлка
 Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
 Свалить какъ нынче казака
 И обмѣнить на рану рану;³¹
 Но не ему вести борьбу
 Съ самодержавнымъ великаномъ:
 Какъ полкъ вертѣться онъ судьбу
 Принудить хочетъ барабаномъ;
 Онъ слѣпъ, упрямъ, петеривливъ,
 И легкомысленъ, и кичливъ,
 Богъ вѣсть какому счастьемъ вѣритъ;
 Онъ силы новыя врага
 Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ—
 Сломить ему свои рога.
 Стыжусь: воинственнымъ бродягой
 Увлеченъ я на старость лѣтъ;
 Былъ ослѣпленъ его отвагой
 И бѣглымъ счастьемъ побѣдъ
 Какъ дѣва робкая.»

О Р Л И К Ъ.

Сраженья

Дождется. Время не ушло
 Съ Петромъ опять войти въ сношенья:
 Еще поправить можно зло.
 Разбитый намъ, нѣтъ сомнѣнья,
 Царь не отвергнетъ примиренья.

М А З Е П А.

Нѣтъ, поздно. Рускому Царю
 Со мной мириться невозможно.
 Давно рѣшилась непреложно
 Моя судьба. Давно горю
 Стѣсненной злобой. Подъ Азовымъ
 Однажды я съ Царемъ суровымъ
 Во ставкѣ ночью пировалъ:
 Полны виномъ кипѣли чаши,
 Кипѣли съ ними рѣчи наши.
 Я слово смѣлое сказалъ.
 Смущались гости молодые—
 Царь всыхнувъ, чашу уронилъ
 И за усы мои сбѣде
 Меня съ угрозой ухватилъ.
 Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
 Отмстить себѣ я клятву далъ;
 Носилъ ее—какъ мать во чревѣ
 Младенца носить. Срокъ насталъ.
 Такъ обо мнѣ воспоминае
 Хранить онъ будетъ до конца.
 Петру я посланъ въ наказанье;
 Я терю въ листахъ его вѣща:
 Онъ далъ бы грады родовые

И жизни лучшіе часы,
 Чтобъ снова какъ во дни былые,
 Держать Мазепу за усы.
 Но есть еще для насъ надежды:
 Кому бѣжать, рѣшить заря.

Умолкъ и закрываетъ вѣжды
 Измѣнникъ Рускаго Царя.

Горитъ востокъ зарею новой.
 Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
 Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
 Кругами всходитъ къ небесамъ
 Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
 Полки ряды свои сомкнули.
 Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
 Катятся ядра, свишутъ пули;
 Нависли холодные штыки.
 Сыны любимые побѣды,
 Сквозь огонь окоповъ рвутся Шведы;
 Волнуясь, конница летитъ;
 Пѣхота движется за нею
 И тяжелой твердостью своею
 Ея стремленія крѣпитъ.
 И битвы поле роковое
 Гремить, пылаетъ здѣсь и тамъ:
 Но явно счастье боевое
 Служить ужъ начинаетъ намъ.
 Пальбой отбиты дружины,
 Мѣшаясь, падаютъ во прахъ.
 Уходитъ Розень сквозь тѣснины;
 Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
 Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
 Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
 И Бога браней благодатью
 Нашъ каждый шагъ запечатлѣтъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
 Раздался звучный гласъ Петра:
 «За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
 Толпой любимцевъ окруженный
 Выходитъ Петръ. Его глаза
 Сіяютъ. Лицъ его ужасенъ.
 Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
 Онъ весь, какъ Божія гроза.
 Идетъ. Ему коня подводятъ.
 Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
 Почуя роковой огонь
 Дрожитъ. Глазами косо водитъ
 И мчится въ прахѣ боевомъ,
 Гордась могущимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
 Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
 Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
 Ровняясь строятся полки.
 Молчитъ музыка боевая.
 На холмахъ пушки, присмирѣвъ
 Прервали свой голодный ревъ.
 И се—равнину оглашая
 Далече грянуло ура:

ПЕТРЪ I.

Современная гравюра Губракена.

Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожилъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Син птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земнаго,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Репинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ сплнми рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.

Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжіи строй
Штыки смыкастъ. Тяжкой тучей
Отряды копиды летучей,
Браздами; саблями звуча,
Сшибался, рубятся плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Рускій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стоиъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду,
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ Московскаго Царя
Кто воинъ сей подъ сѣдлами?
Двумя поддерживае казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя.
Ужъ на коня не вскочить онъ,

Одрыхъ, въ изгнаніи сиротѣ,
И казаки на кличъ Палѣя
Не палетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но чтожъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ, сквозь бранный дымъ, увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?

Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился.
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на Гетмана стремился
Сквозь битву, съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя пѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся Шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ: 32
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупится мечи,
И падшими вся степь покрылась
Какъ роємъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ и ясенъ
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ же первый, званый гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ полтавскій побѣдитель?
И гдѣ жъ Мазепа? гдѣ злодѣи?
Куда бѣжалъ Іуда въ страхъ?
Зачѣмъ Король не междъ гостей?

БЕЗУМНАЯ МАРИЯ и МАЗЕПА.

Рис. В. Лебедева.

Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ? 33
 Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
 Король и Гетманъ мчатся оба.
 Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
 Опасность близкая и злоба
 Даруютъ силу Королю.
 Онъ рану тяжкую свою
 Забылъ. Попикнувъ головою,
 Онъ скачетъ, русскими гонимъ;
 И слуги вѣрные толпою
 Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.
 Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
 Степей широкой полукругъ,
 Съ нимъ старый Гетманъ скачетъ
 рядомъ.
 Предъ ними хуторъ... Что же вдругъ
 Мазепа будто испугался?

Что мимо хутора помчался
 Онъ стороной во весь опоръ?
 Иль этотъ заустѣлый дворъ,
 И домъ, и садъ уединенный,
 И въ поле отпертая дверь
 Какой-нибудь рассказъ забвенный
 Ему напомнили теперь?
 Святой невинности губитель!
 Узналъ ли ты сію обитель,
 Сей домъ, веселый прежде домъ,
 Гдѣ ты, виною разгоряченный,
 Семей счастливой окруженный,
 Шутить бывало за столомъ?
 Узналъ ли ты пріютъ укромный,
 Гдѣ мирный ангелъ обиталъ,
 И садъ, откуда ночью темной
 Ты вывелъ въ степь... Узналъ, узналъ!

Ночныя тѣни степь объемлютъ.
 На брегѣ синяго Днѣпра
 Между скалами чутко дремлютъ
 Враги Россіи и Петра.
 Щадятъ мечты покой героя,
 Уронъ Полтавы онъ забылъ.
 Но сонъ Мазепы смутенъ былъ.
 Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
 И вдругъ въ безмолвіи почномъ
 Его зовутъ. Онъ пробудился.
 Глядитъ: надъ нимъ, грозя перстомъ,
 Тихонько кто-то наклонился.
 Онъ вздрогнулъ какъ подъ топоромъ...
 Предъ нимъ съ развитыми власами,
 Сверкая впадыми глазами,
 Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
 Стоитъ, луной освѣщена...
 «Иль это сонъ?... Марія... ты ли?»

МАРІЯ.

Ахъ, тише, тише, другъ!... Сей часъ
 Отецъ и мать глаза закрыли...
 Постой... услышать могутъ насъ.

МАЗЕПА.

Марія, блѣдная Марія!
 Опомнись! Боже!... Что съ тобой?

МАРІЯ.

Послушай: хитрости какія!
 Что за рассказъ у нихъ смѣшной?

Она за тайну мнѣ сказала,
 Что умеръ блѣдный мой отецъ,
 И мнѣ тихонько показала
 Свѣдую голову—Творецъ!
 Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
 Подумай: эта голова
 Была совсѣмъ не человѣчья,
 А волчья—видишь: какова!
 Чѣмъ обмануть меня хотѣла!
 Не стыдно ль ей меня терзать?
 И для чего? чтобы я не смѣла
 Съ тобой сегодня убѣжать!
 Возможно-ль?

Съ горестью глубокой
 Любовникъ ей внималъ жестокой.
 Но вихрю мыслей предана,
 «Однако жъ, говоритъ она,
 Я помню поле... праздникъ шумной...
 И чернь... и мертвые тѣла...
 На праздникъ мать меня вела...
 Но гдѣ ты былъ?... Съ тобою розно
 Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
 Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ поздно.
 Ахъ, вижу, голова моя
 Полна волненія пустаго:
 Я принимала за другаго
 Тебя, старикъ. Оставь меня.
 Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
 Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
 Въ его глазахъ блеститъ любовь,
 Въ его рѣчахъ такая ифага!

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА.

картина А. Е. Коцебу.

AFTER THE FLOOD

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

I
 I
 I
 I
 I
 I
 I
 T
 C
 I
 C
 B
 C
 "

А
О
П

MO

Пч

Его усы бѣлѣ сѣбра,
 А на твоихъ засохла кровь.
 И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
 И легче серны молодой
 Она вспрыгнула, побѣжала
 И скрылась въ темнотѣ ночной.
 Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ.
 Огонь казачій пламенѣлъ.
 Пшеницу казаки взрили;
 Драбанты у берега Днѣпра
 Коней разсѣдланыхъ поили.
 Проснулся Карлъ. «Ого! Пора!
 Вставай, Мазепа. Разсвѣтаетъ».
 Но гетманъ ужъ не спитъ давно.
 Тоска, тоска его сѣдаетъ;
 Въ груди дыханье стѣснено.
 И молча онъ коня сѣдлаетъ,
 И скачетъ съ бѣглымъ Королемъ,
 И страшно взоръ его сверкаетъ,
 Съ роднымъ прощаясь рубежомъ.
 Прошло сто лѣтъ—и что жъ осталось
 Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
 Столь полныхъ волею страстей?
 Ихъ поколѣнье миновалось—
 И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
 Усилий, бѣдствій и побѣдъ.
 Въ гражданствѣ сѣверной державы,
 Въ ея воинственной судьбѣ,
 Лишь ты воздвигъ, Герой Полтавы,
 Огромный памятникъ себѣ.
 Въ странѣ—гдѣ мельницъ рядъ крылатый
 Оградой мирно обступилъ
 Бендеръ пустынные раскаты,
 Гдѣ бродятъ буйволы рогагы

Вокругъ воинственныхъ могилъ—
 Останки разоренной сѣни,
 Три углубленные въ землѣ
 И мхомъ поросшія ступени
 Гласятъ о Шведскомъ Королѣ.
 Съ нихъ отражалъ герой безумный,
 Одинъ въ толпѣ домашнихъ слугъ,
 Турецкой рати приступъ шумной,
 И бросилъ шпагу подъ бунчукъ;
 И тише тамъ пришлецъ унылый
 Искалъ бы Гетманской могилы:
 Забыть Мазепа съ давнихъ поръ;
 Лишь въ торжествующей святынѣ
 Разъ въ годъ анаемой донынѣ,
 Грозя, гремить о немъ Соборъ.
 Но сохранилася могила,
 Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
 Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
 Ихъ мирно Церковь пріютила. ³⁴
 Цвѣтетъ въ Диканькѣ древній рядъ
 Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
 Они о праотцахъ казенныхъ
 Донынѣ внукамъ говорятъ.
 Но дочь преступница... преданья
 Объ ней молчатъ. Ея страданья,
 Ея судьба, ея конецъ
 Непропиаемою тмою
 Отъ насъ закрыты. Лишь порою
 Слѣпой Украинскій пѣвецъ,
 Когда въ селѣ передъ народомъ
 Онъ пѣсни Гетмана бренчитъ,
 О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
 Казачкамъ юнымъ говоритъ.

КОБЗАРЬ.

Рисунокъ Трутовскаго.

Примѣчанія Пушкина къ «Полтавѣ».

1) Василій Леопольевичъ Кочубей, генеральный Судія, одинъ изъ предковъ нынѣшнихъ Графовъ.

2) *Хуторъ*—загородный домъ.

3) У Кочубея было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ была замужемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазепы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Матреной.

4) Мазепа въ самомъ дѣлѣ сваталъ свою крестницу, но ему отказали.

5) Преданіе приписываетъ Мазепѣ нѣсколько нѣсень, донынѣ сохранившихся въ памяти народной. Кочубей въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о патріотической думѣ, будто бы сочиненной Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.

6) Бунчукъ и булава—знаки Гетманскаго достоинства.

7) Смotr. *Мазепу* Байрона.

ГЕТМАНЪ ДОРОШЕНКО.

Изъ Собранія портретовъ, изданнаго Платономъ Бекетовымъ.

8) Дорошенко одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ Русскаго владычества.

ГЕТМАНЪ САМОЙЛОВИЧЪ.

Изъ Собранія портретовъ, изданнаго Платономъ Бекетовымъ.

9) Григорій Самойловичъ, сынъ Гетмана, посланнаго въ Сибирь въ началѣ царствованія Петра I.

10) Симеонъ Палѣй, Хвостовскій Полковникъ, славный наѣздникъ. За своевольные наѣзды сосланъ былъ въ Енисейскъ по жалобамъ Мазепы. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ, то и Палѣй, какъ закоренѣлый врагъ его, былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ Полтавскомъ сраженіи.

11) Костя Гордѣнко, Кошевой Атаманъ Запорожскихъ казаковъ. Въ послѣдствіи переданъ Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г.

12) 20.000 Казаковъ было послано въ Лифляндію.

13) Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ, что имъ управляетъ жена его, *горда и высокоумна*.

14) Искра, Полтавскій Полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлившій съ нимъ его умыселъ и участь.

ГЕРОИ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ.

Брюсѣ, Бауэрѣ, Репнинѣ, Меншиковѣ, Шереметевѣ.

ДУБОВАЯ АЛЛЕЯ ВЪ ПАМЯТЬ В. Л. КОЧУБЕЯ ВЪ ДИКАНЬКѢ.

Съ фотографіи, принадлежащей Ен. В. С. Кочубею.

15) Езуитъ Заленской, Княгиня Дульская и какой-то Болгарской Архіепископъ, изгнанный изъ своего отечества, были главными агентами Мазепиной измѣны. Послѣдній въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Украину и обратно.

16) Такъ назывались манифесты Гетмановъ.

17) Филиппъ Орликъ, генеральный Писарь, наперсникъ Мазепы, послѣ смерти (въ 1710) сего послѣдняго получилъ отъ Карла XII пустой титулъ Малороссійскаго Гетмана. Въ послѣдствіи принялъ Магометанскую вѣру и умеръ въ Бендерахъ около 1736 года.

18) Булавинъ, Донской казакъ, бунтовавшій около того времени.

19) Тайный секретарь Шафировъ и Гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы; на нихъ по справедливости долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей.

20) Въ 1705 году. Смотр. примѣчанія къ Исторіи Малороссіи, Б. Каменскаго.

21) Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на Русское войско.

22) Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносители пытали слишкомъ легко, неотступно требовали ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, невинно оклеветанною беззаконными старцами, а Графа Головкина съ пророкомъ Данииломъ.

23) Деревня Кочубей.

24) Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытавъ въ войскѣ Гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно, что его допрашивали въ сокроищахъ, имъ утаенныхъ.

25) Войско, состоявшее на собственномъ иждивеніи Гетмановъ.

26) Сильныя мѣры, принятыя Петромъ съ обыкновенной Его быстротой и энергіей, удержали Украину въ повиновеніи.

«1708 г. Ноября 7-го числа, по указу Государеву, казаки, по обычаю своему, вольными голосами выбрали въ Гетманы Полковника Стародубскаго Ив. Скоропадскаго.

«8-го числа пріѣхали въ Глуховъ Кіевской, Черниговской и Переславской Архіепископы.

«А 9-го дня передали клятвѣ Мазепу оныя Архіереи публично; того же дня и персону (куклу)

оного измѣнника Мазены вышли и снявъ кавалерію (которая на ту персону была надѣта съ бантомъ) оную персону бросили въ палачевскія руки, которую палачъ, взявъ и прицѣпля за веревку, тащилъ по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, и потомъ повѣсили.

«Въ Глуховѣ же 10-го дня казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ...» (*Журналъ Петра Великаго*).

27) Малороссійское слово. Поруски палачъ.

28) Чечель отчаянно защищалъ Батурино противъ войскъ кн. Меншикова.

29) Въ Дрезденѣ къ Королю Августу. Смотри. *Voltaire. Hist. de Charles XII.*

30) Ахъ, В. В.! бомба...—«Что есть общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ диктую? ниши». Это случилось гораздо послѣ.

31) Ночью, Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, пахалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и жестоко ранили въ ногу.

32) Благодаря прекраснымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ кн. Меншикова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ. Ибо (сказано въ *Жур. Петра Вели.*) непобѣдимые господа Шведы скоро зрѣбеть свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута. Петръ въ послѣдствіи времени многое прощалъ Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день Генераловъ кн. Меншиковымъ.

33) L'Empereur Moscovite, pénétré d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler

(было о чемъ и радоваться) recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles?

... Alors prenant un verre de vin: A la santé, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre!—Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. Vous Messieurs les généraux Suédois, reprit le Czar. Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres.

34) Обезглавленные тѣла Пскры и Кочубей были отданы родственникамъ и похоронены въ Кіевской Лаврѣ; надъ ихъ гробомъ высѣчена слѣдующая надпись:

«Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положены суши,
Понеже намъ страсть и смерть повѣдѣмъ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
И за правду и вѣрность въ Монархъ нашу,
Страданія и смерти испыишо чашу,
Злуданьемъ Мазены, всевѣчно правы,
Посѣченны заставше топоромъ во главы;
Почиваемъ въ семь мѣстѣ Матери Владычѣ,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ
вѣчный.»

Року 1708, мѣсяца Іюля 15 дня, посѣчены средь обозу войскового, за Бѣлою Церковію на Борщаговѣ и Ковшевомъ, благородный Василій Кочубей, судія генеральный; Іоаннъ Пскра, Полковникъ Полтавскій. Привезены же тѣла ихъ іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на семь мѣстѣ погребены».

«ШВЕДСКАЯ МОГИЛА» ПОДЪ ПОЛТАВОЙ.

Съ рис. 1840-хъ гг.

58 Примѣты. Что въ имени. Я васъ любилъ. Когда твои младыя лѣта. Къ вельможѣ.

571. ПРИМѢТЫ.

(А. А. Олениной).

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивой.
Я ѣхалъ прочь: нѣмые сны...
Душѣ влюбленной грустно было,

И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.
Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты:
Такъ суетныя примѣты
Согласны съ чувствами души.

572. ЧТО ВЪ ИМЕНИ ТЕБѢ МОЕМЪ?

(А. А. Олениной).

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умереть, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ почтой въ лѣсу глухомъ.
Оно на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.
Но въ день печали, въ тишинѣ
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мнѣ сердце, гдѣ живу я.

573. Я ВАСЪ ЛЮБИЛЪ: ЛЮБОВЬ ЕЩЕ, БЫТЬ МОЖЕТЪ.

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.

Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

574. КОГДА ТВОИ МЛАДЫЯ ЛѢТА.

(А. П. Кернъ).

Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная молва,
И ты по приговору свѣта
На честь утратила права;
Одинъ, среди толпы холодной,
Твои страданья я дѣлю
И за тебя мольбой безплодной
Кумиръ безчувственный молю.
Но свѣтъ... Жестокыхъ осужденій
Не измѣнитъ онъ своихъ:

Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.
Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемерныя гоненья:
Къ забвенью сердце приготовь;
Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящій, душной кругъ;
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

575. КЪ ВЕЛЬМОЖѢ.

(Кн. Н. Б. Юсупову).

Москва.

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая мнѣ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣтъ липа,
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явлюся я; увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.

Князь НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧЪ ЮСУПОВЪ.
Бюстъ Витали.

Ты понялъ жизни дѣль: щастливый человекъ,
 Для жизни ты живешь. Свой долгій ясный вѣкъ
 Еще ты смолodu умно разнообразилъ,
 Искать возможнаго, умѣренно проказилъ;
 Чредою или къ тебѣ забавы и чипы.
 Посланикъ молодой увѣчанной Жены,
 Явился ты въ Ферпей—и Циникъ посѣдѣлый,
 Умовъ и моды вождь пропырливый и смѣлый,
 Свое владычество на Стверѣ любя,
 Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
 Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
 Ты леств его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
 Съ Ферпеемъ распростаясь, увидѣлъ ты Версаль.
 Пророческихъ очей не простирая вдаль,
 Тамъ ликовало все. Армида молодая,
 Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
 Не вѣдая, чему судьбой обречена,
 Рѣзвилась, вѣтренымъ Дворомъ окружена.
 Ты помнишь Трианонъ и шумныя забавы?
 Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
 Ученіе дѣлалось навремя твой кумиръ:
 Уединялся ты. За твой суровый пиръ
 То читатель Промысла, то Скептикъ, то безбожникъ
 Садился Дидеротъ на шаткіи свой треножникъ,
 Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
 И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
 За чашей медленной аею пль депсту,
 Какъ любопытный Скиѣзъ Аѳинскому Софисту.
 Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
 Прилѣжно разобралъ сей двойственный соборъ:
 Здѣсь патискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровой,
 Пружинны смѣлыя гражданственности повои.
 Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
 Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
 Подобный своему чудесному герою,
 Веселый Бомарше блеснуть передъ тобою.
 Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
 Онъ сталъ рассказывать о ножкахъ, о глазахъ,
 О пѣтѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно,
 Гдѣ жизнь лѣнивая проходить сладострастно,
 Какъ пылкій, отрока восторговъ полный, сонъ;
 Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
 Глядятъ и, не страшась ревниваго Испанца,
 Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
 И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
 Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
 Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсинны зрѣютъ...
 О, расскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
 Съ любовью набожность умѣльно сочетать,
 Изъ-подъ мантили знакъ условный подавать;
 Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
 Какъ златомъ усиленъ надзоръ угрюмой тетקי;
 Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
 Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащемъ.
 Все измѣнилось. Ты видѣлъ вихоръ бури,
 Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
 Свободой грозною воздвигнутый законъ,

Подъ гильотиною Версаль и Трианонъ,
 И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
 Преобразился міръ при громахъ новой славы.
 Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
 Превратности судьбы разительный примѣръ,
 Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
 Донынѣ страстствуетъ съ кладбища на кладбище.
 Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
 Энциклопедіи скептической причётъ,
 И колкій Бомарше, и твой безносый Каси,
 Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
 Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
 Все новое кипитъ, бывшее истребля.
 Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
 Едва опомнились младые поколѣнья.
 Жестокихъ опытовъ собирая поздній плодъ,
 Они торопятся съ расходомъ свести приходъ.
 Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
 Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА АЛЯБЬЕВА.

Съ портрета 1844 г.

Звукъ лиры Байрона развлекъ едва ихъ могъ.
 Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
 Я вдругъ переносусь во дни Екатерины.
 Книгохранище, кумпры, и картины,
 И стройные сады свидѣлствуютъ мнѣ,

Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
 Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
 Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной
 Исполненъ юности. Вліянье красоты
 Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
 И блескъ А*** [Алябьевой], и прелесть *** [Гончаровой]
 Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
 Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
 Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
 И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.
 Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для музъ и пѣгн праздной,
 Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
 Вельможи Римскіе встрѣчали свой закатъ.
 И къ нимъ издалека то вонитъ, то ораторъ,
 То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
 Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
 Вздохнутъ о пристани и вновь пуститься въ путь.

576. НА ХОЛМАХЪ ГРУЗИИ ЛЕЖИТЬ НОЧНАЯ МГЛА.

(Отрывокъ).

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла;
 Шумитъ Арагва предо мною.
 Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
 Печаль моя полна тобою,

Тобой, одной тобой... Унынья моего
 Ничто не мутитъ, не тревожитъ,
 И сердце вновь горитъ и любитъ—отъ того,
 Что любить оно не можетъ.

577. КАЛМЫЧКЪ.

Прощай, любезная Калмычка!
 Чуть-чуть, на зло моихъ затѣй,
 Меня похвальная привычка
 Не увлекла среди степей
 Вслѣдъ за кибиткою твоей.
 Твои глаза конечно узки,
 И плосокъ носъ, и лобъ широкъ,
 Ты не лепечешь пофранцузски,
 Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ,
 Поанглійски предъ самоваромъ
 Узоромъ хлѣба не крошишь,
 Не восхищаешься Сеп-Маромъ,
 Слегка Шекспира не цѣнишь,

Не погружаешься въ мечтанье,
 Когда пѣтъ мысли въ головѣ,
 Не распѣваешь! Ma dov'è,
 Галопъ не прыгаешь въ собранъѣ...
 Что нужды?—Ровно полчаса,
 Пока коней мы запрягали,
 Мнѣ умъ и сердце занимали
 Твой взоръ и дикая краса.
 Друзья! не все ль одно и то же:
 Забыться праздною душой
 Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
 Или въ кибиткѣ кочевой?

578. НЕ ПЛѢНЯЙСЯ БРАННОЙ СЛАВОЙ.

Изъ Гафиза.

(Лазерь при Эвфратѣ).

Не плѣняйся бранной славой,
 О красавецъ молодой!
 Не бросайся въ бой кровавой
 Съ Карабахскою толпой!
 Знаю: смерть тебя не встрѣтитъ;
 Азранъ, среди мечей,

Красоту твою замѣтитъ—
 И пощада будетъ ей!
 Но боюсь: среди сраженій
 Ты утратишь навсегда
 Сромность робкую движеній,
 Прелесть пѣгн и стыда!

ПУШКИНЪ и ОНЕГИНЪ.

Гравюра (безъ подписи), приложенная къ
«Невскому Альманаху» на 1829 годъ.

2.

..... сквозь рубашку
Татьяна мнетъ въ рукѣ бумажку...
Она ..... поутру встала
При блѣдныхъ мѣсяца лучахъ
И ..... изорвала
Конечно Невскій Альманахъ.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ
Письмо дрожитъ въ ея рукахъ...

Рисунокъ А. Нотбека, гр. А. Збруевъ («Невскій
Альманахъ» на 1829 г.).

579—580. (НА КАРТИНКИ КЪ «ЕВГЕНИЮ
ОНЕГИНУ».

Въ «Невскомъ Альманахѣ».

1.

Вотъ перешедши мостъ Кокушкинъ,
Опершись ..... о гранитъ,
Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Съ москѣ Онегинымъ стоитъ.
Не удостоивая взглядомъ
Твердыню власти роковой,
Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ:
Не плюй въ колодезь, милый мой!

581. ЩАСТЛИВЪ ТЫ ВЪ ПРЕЛЕСТНЫХЪ ДУРАХЪ.

Щастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ,
Въ службѣ, въ картахъ и въ пирахъ;
Ты St-Priest въ карриатурахъ,
Ты Нелединскій въ стихахъ;

Ты прострѣленъ на дуелѣ,
Ты разрубленъ на войнѣ—
Хоть герой ты въ самомъ дѣлѣ,
Но повѣса ты вполнѣ.

582. ПОЭТЪ ИГРОКЪ, О БЕВЕРЛЕЙ ГОРАЦІЙ.

Поэтъ игрокъ, о Беверлей-Горацій
Пронгрывалъ ты кучи ассигнацій,
И серебро, наслѣдіе отцовъ
И лошадей и даже кучеровъ —
И съ радостью на карту на злодѣйку
Поставилъ бы тетрадь своихъ стиховъ,
Когда (бъ твой стихъ) ходилъ хотя въ копѣйку.

583. НАПРАСНО ВИДИШЬ ТУТЪ ОШИБКУ.

Напрасно видишь тутъ ошибку:
Рука искусства навела
На мраморъ этихъ устъ улыбку,
И гнѣвъ на хладный лоскъ чела.

Недаромъ ликъ сей двуязыченъ.
Таковъ и былъ сей властелинъ:
Къ противочувствіямъ привыченъ
Въ лицѣ и въ жизни арлекинъ.

584. ДЕЛИБАШЪ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотрить лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ Казаками
Вьется красный Делибашъ.
Делибашъ! Не суйся къ лавѣ,
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихо забавѣ:
Попадешься на копье.

Эй, Казакъ! не рвися къ бою:
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.
Мчатся, спяблisiä въ общемъ крикѣ...
Посмотрите! каковы?...
Делибашъ уже на пикѣ,
А Казакъ безъ головы.

585. КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ сѣтлами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшіея вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденіе
И первое грозныхъ обваловъ движеніе.
Здѣсь тучи смѣренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ пагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рои; зеленыя сѣщи,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣдятся въ горахъ,
 И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
 И пастырь низходитъ къ веселымъ долинамъ,
 Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
 И нищій паѣздинокъ таится въ ущельи,
 Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣномъ весельи;
 Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
 Завидѣвшій пищу изъ кѣтки желѣзной;
 И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной
 И лижетъ утесы голодной волной...
 Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
 Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

Монастырь на Казбекъ.

586. МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЪ.

Высоко надъ семьею горъ,
 Казбекъ, твой царственный шатѣрь
 Сіяетъ вѣчными лучами.
 Твой монастырь за облаками,
 Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
 Паритъ, чуть видный, надъ горами.

Далекій, возжелѣнный берегъ!
 Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
 Подняться къ вольной вышинѣ!
 Туда бѣ, въ заоблачную келью,
 Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!..

587. Д О Н Ъ.

Блеща средъ полей широкихъ,
Вонъ онъ льется!.. Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далёкихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ...
Какъ прославленнаго брата
Рѣки знаютъ тихій Донъ:
Отъ Аракса и Эвфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
Чужа родину свою,
Пьютъ уже Донскіе копи
Арпачайскую струю.
Приготовъ же, Донъ завѣтный,
Для наѣзтниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

588. ОЛЕГОВЪ ЩИТЪ.

Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный Варягъ,
Пришла Славянская дружина
И развила побѣды стягъ;
Тогда во славу Руси ратной,
Строитиву Греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатной
На Цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли.
Но днесь, когда мы вновь со славою
Къ Стамбулу грозно притекли;
Твой холмъ потрясенъ съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

589. ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ?
Не въ наследственной берлогѣ,
Не средъ отческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ,
На камняхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобраннѣмъ мостомъ.
Иль чума меня подѣлнитъ,
Иль морозъ окостенитъ,
Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпнитъ
Непроворный инвалидъ.

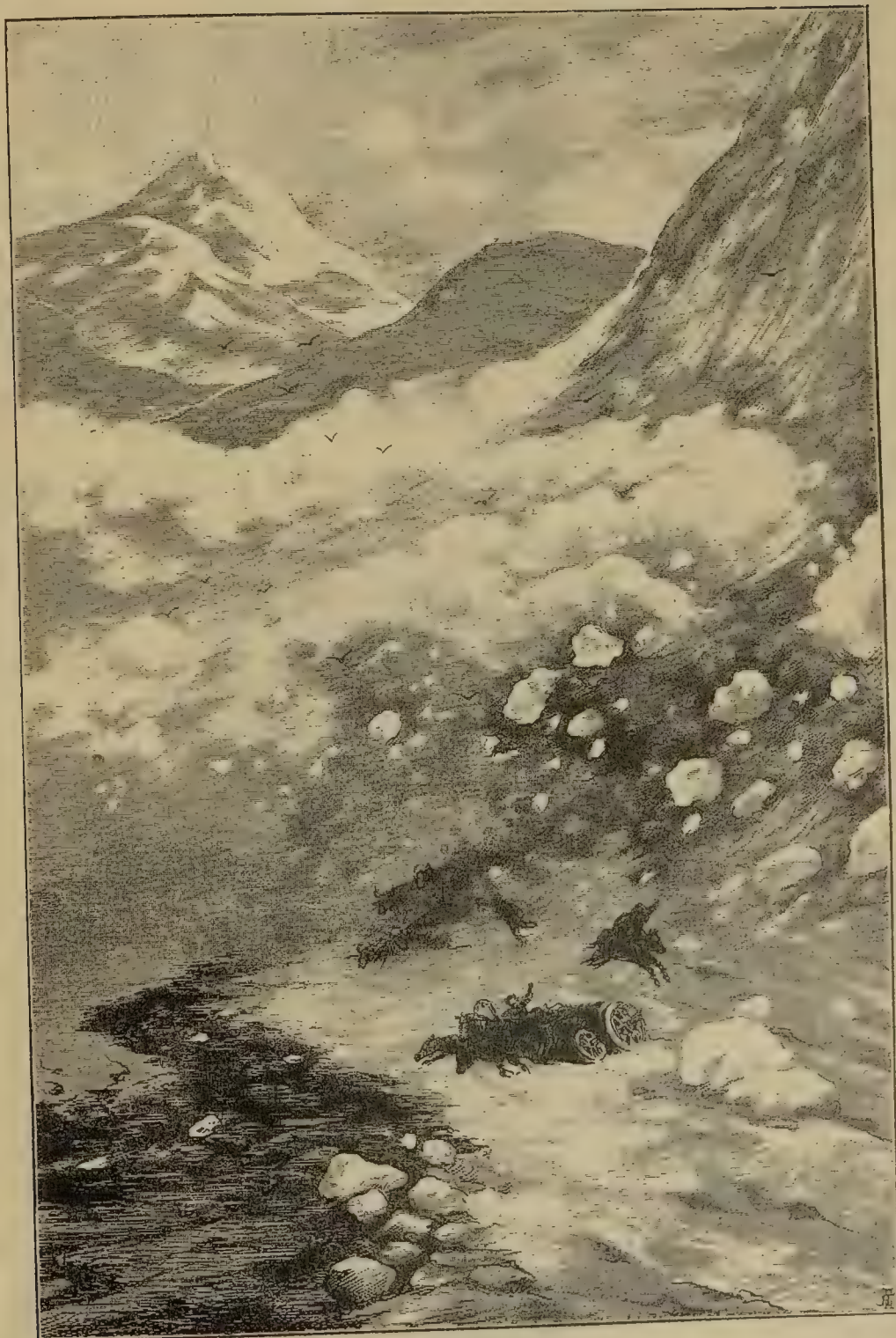
Иль въ лѣсу подъ ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ,
Иль со скуки околѣю
Гдѣ нибудь въ карантинѣ.
Долго ль мнѣ въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?
То ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой разѣзжать,
О деревцѣ, о невѣстѣ
На досугѣ помышлять!
То ли дѣло рюмка рома,
Ночью сонъ, поутру чай;
То ли дѣло, братцы, дома!...
Ну, пошелъ же, погоняй!...

590. ОБВАЛЪ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнутся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И рошшетъ боръ,
И блещутъ средъ волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могущій валъ
Остановилъ.

ОБВАЛЪ.

Картина И. Е. Айвазовскаго.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О, Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...

Ты затопилъ, осмирѣвъ,
Свои берега.

И долго прорваппый обвалъ
Неталой грудю лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,

И пылью водъ,
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.
И путь по немъ широкій шёлъ:
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда вѣлъ
Степной купецъ,
Гдѣ пылъ мчится лишь Эоль,
Небесъ жалецъ.

591. ЗИМА. ЧТО ДѢЛАТЬ НАМЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ?

2 ноябр.

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Араппики въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилѣжными глазами;
Кружимся, рыскаемъ и поздней ужъ порой,
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
Свѣча темно горитъ; стѣснясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно глотаю скуки ядъ.
Читать хочу; глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ нейдетъ... Теряю всѣ права
Надъ рифмой, надъ моей прислужницею странной:
Стихъ вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ;
Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червопнаго гадаетъ короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединенѣ!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
Когда за шашками сижу я въ уголѣ,
Пріѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданая семья: старушка, двѣ дѣвнцы
(Двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы),
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательныя взоры,
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
И вальсы рѣзвые, и шопотъ за столомъ,
И взоры томные, и вѣтренныя рѣчи,
На узкой лѣстницѣ замедленные встрѣчи;
И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
Открыта шелъ, грудь, и вьюга ей въ лицо!

Но бури сѣвера не вредны Руской розѣ.
Какъ жарко поцалуи пылаетъ на морозѣ!
Какъ дѣва Руская свѣжа въ пыли снѣговъ!

592. ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозъ и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный—
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты нѣгой взоры
Навстрѣчу сѣверной Авроры,
Звѣздою сѣвера явись!
Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
И ты печальная сидѣла—
А нынче... погляди въ окно:
Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;

Прозрачный лѣсъ одинъ черпѣтъ,
И ель сквозь пнеи зеленѣтъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.
Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велѣть ли въ санки
Кобылку бурую запретъ?
Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня,
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ, милый для меня.

МИХАИЛЪ ТРОФИМОВИЧЪ КАЧЕНОВСКІЙ.

593. ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Въ Элизинъ Василій Тредьяковскій
(Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій,
Свои статьи Елагинъ обѣщалъ;
Кургановъ самъ надъ критикой хлопочетъ,

Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочетъ;
И, говорятъ, надняхъ они начнутъ,
Благословясь, сей преползный трудъ—
И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
Чтобъ подоспѣлъ ****[Михайло Каченовскій].

594. ЖУРНАЛАМИ ОБИЖЕННЫЙ ЖЕСТОКО.

Журналами обиженный жестоко,
 Зонль Пахомъ печалился глубоко;
 На Ценсора вотъ подалъ онъ доносъ;
 Но Ценсоръ правъ, намъ смѣхъ, Зонлу носъ.
 Иная брааъ конечно неприличность,
 Не лѣзя писать: такой-то-де старикъ
 Козель въ очкахъ, плюгавый
 клеветникъ,

И золь и подль: все это будетъ личность.
 Но можете печатать, напрымѣръ,
 Что Господинъ Парнасскій старовѣръ
 (Въ своихъ статьяхъ) безсмыслицы
 ораторъ,
 Отмѣнно вль, отмѣнно скучновать,
 Тяжеловать, и даже глуповать;
 Тутъ не лицо, а только литтераторъ.

595. ТАМЪ, ГДѢ ДРЕВНІЙ КОЧЕРГОВСКІЙ.

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
 Надъ Роппемъ опочилъ,
 Дней повѣйшихъ Тредьяковскій
 Колдовалъ и ворожилъ:

Дурень, къ солнцу вставъ спиною,
 Подъ холодный вѣстникъ свой
 Прыскалъ мертвою водою,
 Прыскалъ вѣжицу живой.

596. КАКЪ САТИРОИ БЕЗЫМЯННОЙ.

Какъ сатирой безымянной
 Ликъ Зонла я пятналъ,
 Признаюсь: на вызовъ браинной
 Возражений я не ждалъ.
 Справедливы ль эти слухи?
 Отвѣчалъ онъ? Точно ль такъ?
 Въ полученіи оплеухи
 Разписался мой дуракъ?

597. МАЛЬЧИШКА ФЕБУ ГИМНЪ ПОДНЕСТЬ.

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.
 «Охота есть, да мало мозгу.
 А сколько лѣтъ ему, вопросъ?»
 Пятнадцать.—«Только-то? Эй, розгу!»—
 Заснмъ принесть семинаристъ
 Тетрадь лакейскихъ диссертаций,

И Фебу вслухъ прочелъ Гораций,
 Кусая губы, первый листъ.
 Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
 Сердито Фебъ его прервалъ,
 И тотчасъ взрослога болвана
 Поставить въ палки приказалъ.

598. САПОЖНИКЪ.

Притча.

Картину разъ высматривалъ Сапожникъ,
 И въ обуви ошибку указалъ;
 Взявъ тотчасъ кисть, исправился Художникъ.
 Вотъ, подбочась, Сапожникъ продолжалъ:
 «Мнѣ кажется, лицо немного криво...
 А эта грудь не слишкомъ ли нага?»
 Но Апеллесъ прервалъ нетерпѣливо:

«Суди, дружокъ, не свыше сапога.»
 Есть у меня пріятель на примѣтѣ:
 Не вѣдаю, въ какомъ бы онъ предметѣ
 Былъ знатокомъ, хоть строго онъ на
 словахъ;
 Но чортъ его несетъ судить о свѣтѣ:
 Попробуй онъ судить о сапогахъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ НАДЕЖДИНЪ.

599. НАДѢЯСЬ НА МОЕ ПРЕЗРѢНІЕ.

(Не отдѣлено окончательно).

Надѣясь на мое презрѣніе,
Свѣдой Зоня мѣня ругалъ,
И потерявъ уже терпѣніе,
Я эпитафией (отвѣчалъ).
(И возгоря) желаньемъ славы,
Теперь, надѣясь на отвѣтъ,

(Журнальный шутъ), холопъ лукавый
Ругать бы также сталъ—О, нѣтъ!
Пусть онъ, какъ бѣсъ передъ обѣдней,
Себѣ покоя не даетъ
Лакей сяди себѣ въ передней,
А будетъ съ баринѣмъ разчетъ.

600. ЗАГАДКА.

При посылкѣ [Дельвину] бронзоваго Сфинкса.

Кто на сифахъ возрастилъ Теокрытовы пѣжныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?
Кто Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, а родомъ Германецъ?
Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши!

601. ВОСПОМИНАНИЯ ВЪ Ц. С. [ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ].

[Окончательно не отдѣлано].

Воспоминаньями смущенный,
 Исполненный сладкою тоской,
 Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
 Вхожу съ поникшею главой—
 Такъ отрокъ Библіи (безумный) разточитель,
 До капли изтопивъ разкаянья фіалъ,
 Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
 Главой поникъ и зарыдалъ—

Графъ
 П. А. РУМЯНЦЕВЪ-ЗАДУНАЙСКІИ.
 Съ портрета Левицкаго.

Графъ
 АЛЕКСѢЙ ОРЛОВЪ-ЧЕСМЕНСКІИ.
 Съ портрета Тоумля.

Въ пылу [восторговъ?] скоротечныхъ,
 Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
 О много разточилъ сокровищъ я сердечныхъ
 За недоступныя мечты
 И долго я блуждалъ, и часто утомленный,
 Разкаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
 Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
 Воображалъ сіи сады—
 Воображалъ сей день щастливый,
 Когда средь нихъ возникъ Лицей,
 И слышалъ нашихъ игръ (я) снова шумъ
 И видѣлъ вновь семью друзей!
 Вновь иѣжнымъ отрокомъ то пылкимъ, то лѣнивымъ,
 Мечтанья смутныя въ груди моеи тая,
 Считался по дугамъ, по роцамъ молчаливымъ

ФЕДОРЪ ОРЛОВЪ.

Поэтому... забывался я!
 И (славныхъ лѣтъ) передо мною
 Являлись вѣчные слѣды —
 Еще исполнены Великою женою
 Ея любимые сады
 Стоять населены чертогами, столпами,
 (Гробницами друзей) кумирами боговъ,
 И славой мраморной, и мѣдными хвалами
 Екатерининныхъ орловъ—
 Садятся призраки Героевъ
 У посвященныхъ имъ столповъ,
 Смотрите: вотъ Герой, стѣснитель ратныхъ строевъ
 Перуцъ Кагульскихъ береговъ—
 Вотъ, вотъ могучій вождь полунощнаго флага,
 Предъ кѣмъ морей пожаръ и плавалъ, и леталъ
 Вотъ вѣрный братъ его, Герой Архипелага,
 Вотъ Наваринскій Ганнибалъ!

Колонна «Побѣдамъ Ганнибала» въ Царскосельскомъ паркѣ.
 Съ фотографіи, снятой С. А. Данили въ 1908 г.

602. ПОѢДЕМЪ, Я ГОТОВЪ.

Элегическій отрывокъ.

Поѣдемъ, я готовъ; куда бы вы, друзья,
 Куда бы ни вздумали, готовъ за вами я
 Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
 Къ подпожію ль стѣны далекаго Китая,
 Въ кипящій ли Парижъ, туда ли наконецъ,
 Гдѣ Тасса не поетъ уже почной гребецъ,
 Гдѣ древнихъ городовъ подъ пеломъ дремятъ мощи,
 Гдѣ кипарисныя благоухаютъ роши,
 Повсюду я готовъ. Поѣдемъ... но, друзья,
 Скажите: въ странствіяхъ умереть ли страсть моя?
 Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
 Или къ ея ногамъ, ея младому гифву,
 Какъ дань привычную, любовь я принесу?

. . . . .

603. БРОЖУ ЛИ Я ВДОЛЬ УЛИЦЪ ШУМНЫХЪ.

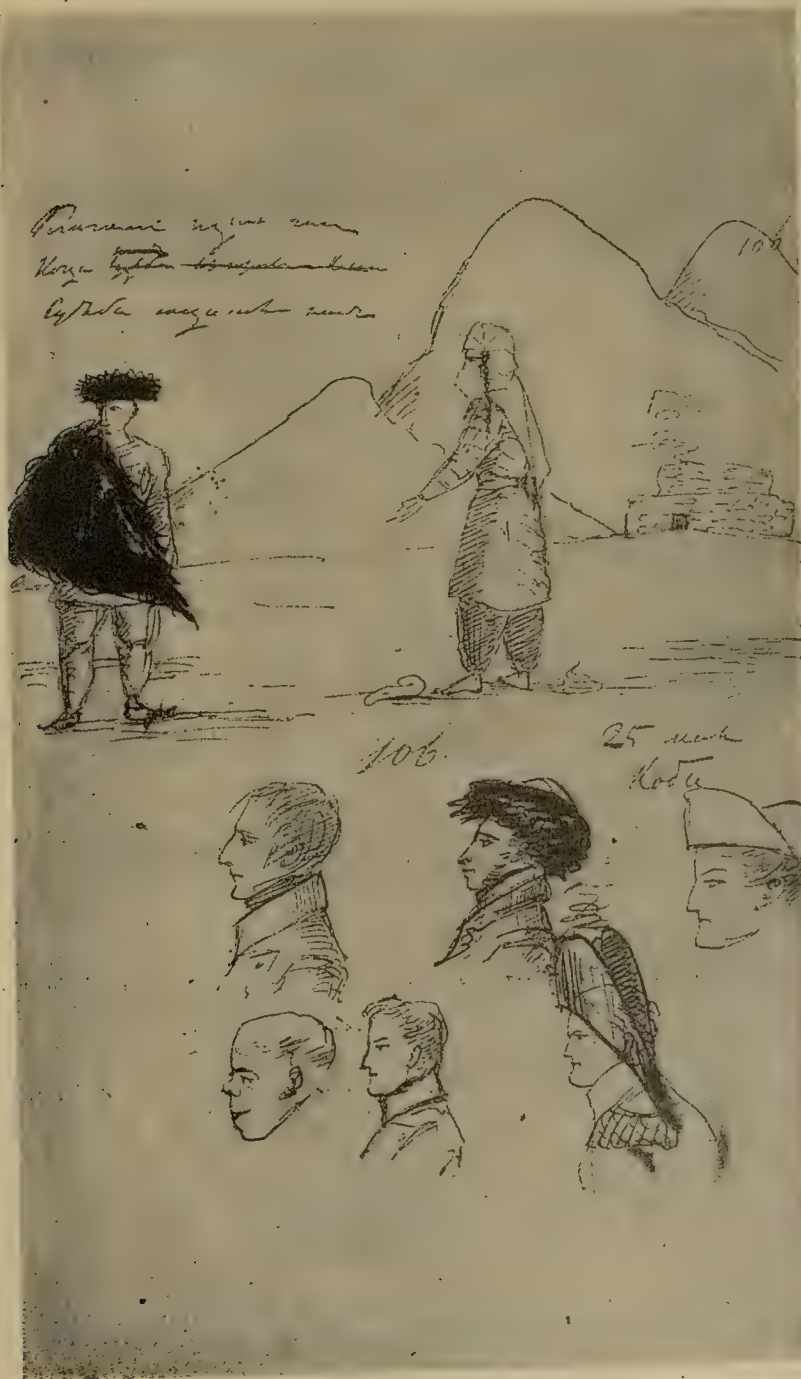
Стансы.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
 Вхожу ль во многолюдный храмъ,
 Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
 Я предаюсь моимъ мечтамъ.
 Я говорю: промчатся годы,
 И сколько здѣсь ни видно насъ,
 Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды—
 И чей нибудь ужъ близокъ часъ.
 Гляжу ль на дубъ уединенный,
 Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
 Переживетъ мой вѣкъ забвенный,

Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
 Младенца ль милаго ласкаю,
 Уже я думаю: прости!
 Тебѣ я мѣсто уступаю:
 Миѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.
 День каждый, каждую минуту
 Привыкъ я душой провождать,
 Грядущей смерти годовщину
 Межъ нихъ стараясь угадать.
 И гдѣ миѣ смерть пошлетъ судьбина?
 Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?

Или сосѣдняя долина
 Мой приметъ охладѣлый прахъ?
 И хоть безчувственному тѣлу
 Равно повсюду истлѣвать;
 Но ближе къ милому предѣлу
 Миѣ все бѣ хотѣлось почивать.
 И пусть у гробоваго входа
 Младая будетъ жизнь играть,
 И равнодушная природа
 Красою вѣчною сиять.

Листъ 106 Пушкинской тетради № 2382.

604. БЛАГОСЛОВЕНЬ И ДЕНЬ, И ЧАСЬ.

Благословень и день, и часъ
Когда (въ горахъ Кавказа)
Судьба соединила насъ.

605. БЛАГОСЛОВЕНЬ ТВОЙ НОВЫЙ ПУТЬ.

Этот отрывок известен только по упоминанию в кратком описании недоступного общему пользованию Майковского собрания, хранящегося в Академии Наук. («Пушкин и его современники», вып. IV, стр. 11).

606. И ЧУВСТВУЮ — ДУША ВЪ СЕЙ ЧАСЬ.

И чувствую—душа въ сей часть
Твоей любви, тебя достойна—
За чѣмъ же не всегда
Чиста, печальна и спокойна

607. КРИТОНЪ, РОСКОШНЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Критонъ роскошный гражданинъ
Очаровательныхъ Ленихъ
Во двѣтъ жизни предавался
Всѣмъ упоеньямъ бытія—
Однажды—слушайте друзья
Онъ по Керамнику скитался—
И вдругъ изъ рощи вѣковой,
Красою дѣвственной блистая,
Въ одеждѣ легкой и простой
Явилась Нимфа молодая.
(Она съ улыбкою глядитъ)
(Ужъ онъ влюбленъ, ужъ онъ горитъ),
(Поспѣшно слѣдуетъ за нею—)
Предъ (ними домъ)
Она на мигъ остановилась—
И въ дверь вошла. Недвижимъ онъ
Глядитъ на дверь, куда какъ сонъ
Его красавица сокрылась—

608. БЫЛЪ И Я СРЕДИ ДОНЦОВЪ.

Былъ и я среди Донцовъ,
Гналъ и я Османовъ шайку;
Въ память боевъ и пировъ,
Я домой привезъ нагайку.
На походѣ, въ тишинѣ
Сохранилъ я балалайку—
Съ нею рядомъ на стѣнѣ
Я повѣшу и нагайку.

Что таится отъ друзей—
Я люблю свою хозяйку:
Часто думалъ я объ ней,
И берегъ свою нагайку—

609. ПОЛЮБИ МЕНЯ, ДѢВИЦА.

Полюби меня, дѣвица
(Нѣтъ)
Что же скажетъ вся станица—
Я съ другимъ обручена
Твой женихъ теперь далече

610. ЗОРЮ БЬЮТЬ.

Зорю бьютъ... изъ рукъ моихъ
Вѣтхій Данте выпадаетъ
На устахъ пачатый стихъ
Недочитанный затихъ—
(Умъ) далече улетаетъ.
Звукъ привычный, звукъ живой
Сколь ты часто раздавался
Тамъ, гдѣ тихо развивался
(Я давнишнею порою)

611. ЕЩЕ ОДНОЙ ВЫСОКОЙ, ВАЖНОЙ ПѢСНИ.

Еще одной высокой важной пѣснѣ
Внемли (о) Тебѣ, и смолкнувшую лиру
Въ разрушенномъ святилищѣ твоемъ
Повѣшу я, да стонетъ
Когда столбы его [колеблетъ буря]
Печальный звукъ . . . . .
. . . . . Еще единый гимнъ—
Внемлите мнѣ, пепаты—вамъ пою
Отвѣтный гимнъ, совѣтники Зевеса,
Живете ль вы въ небесной глубинѣ,
Иль, божества всевышнія, всему,

По мнѣнью мудрецовъ, причина вы,
И слѣдуютъ торжественно за вами
Великій Зевсъ съ супругой бѣлогрудой
И мудрая богиня, двѣ силы,
Аѳинская Паллада,—вамъ хвала.
Примите гимнъ, таинственные силы!
Хоть долго былъ изгнаньемъ [удаленъ]
Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ [возліяній?]
Но васъ любить не преставалъ, о боги,
И въ долгіе часы пустынной жизни
Томительно просилась отдохнуть
Близъ вашего святаго пепелища
Моя душа—тамъ миръ
Такъ, я любилъ васъ долго! Васъ зову
Въ свидѣтели, съ какимъ святымъ [волненьемъ?]
Оставилъ я (людское) стадо наше,
Дабы стеречь вашъ огонь уединенный,
Бесѣду одинъ съ самимъ собою.
Часы непзъяснимыхъ [наслажденій!]
Они даютъ мнѣ знать сердечну глубь,
Въ могуществѣхъ и въ немощахъ
Они любить, лѣлѣять научаютъ
Не смертныя, таинственные чувства,
И насъ они наукѣ первой учатъ—
Чтить самого себя. О нѣтъ вовѣкъ
Не преставалъ молить благоговѣнно
Васъ, божества домашнія

613. ЗАЧѢМЪ ЕЛЕНА, ТАКЪ ПУГЛИВО.

Зачѣмъ [Елена?] такъ пугливо
Ты всюду слѣдуешь за мной—
И надзираешь торопливо
Мой каждый шагъ и каждый взоръ—

613. ВО ВРЕМЯ ОНОЕ, БЫЛОЕ.

Во время оное, бывшее!
(Въ тѣ дни ты зналъ меня, Кавказъ),
Въ свое святилище [глухое]
Ты (призывалъ) меня перазъ.
Въ тебя влюбленъ я былъ безумно,
(Меня привѣтствовалъ ты шумно)
И Терекъ свирѣбный ревъ
И эха [заунывный] хохотъ
... твой пѣвецъ
... вѣнецъ

614. И ВОТЪ УЩЕЛЬЕ МРАЧНЫХЪ СКАЛЬ.

И вотъ, ущелье мрачныхъ скалъ
Передъ нами ширѣ становится—
И тише Терекъ [злой] стремится
Лучъ солнца ярче засялъ
.....

615. СТРАШНО И СКУЧНО.

Страшно и скучно
Здѣсь новоселье,
Путь и почлегъ—
Тѣсно и душно
Въ дымномъ ущельѣ—

Тучи да спѣгъ—
Небо чуть свѣтитъ,
Какъ изъ тюрьмы—
(Терекъ шумитъ).

616. БЫТЬ ВЪ СРАЖЕНІИ ПОХВАЛЬНО.

Быть въ сраженіи похвально,
Но кто не смѣлъ въ нашъ храбрый вѣкъ?—
Все дерзко бьется, лжетъ нахально...
Герой! будь прежде человѣкъ!
Чувствительность бывала въ модѣ
И въ нашей сѣверной природѣ:
Когда горящая картечь
Главу сорветъ у друга съ плечъ,
Плачь, воинъ, не стыдись.

617. ХОТѢЛЪ Я ДУШУ ОСВѢЖИТЬ.

Хотѣлъ я душу освѣжить
Бывалой жизнью пожить
Въ забвеніи сладкомъ близъ друзей
Минувшей юности моей.
Я вѣхалъ въ дальнія края
Искать не злата, не честей,
Въ пыли, средъ копій и мечей...

618. О НѢТЬ МНѢ ЖИЗНЬ НЕ
НАДОБЛА.

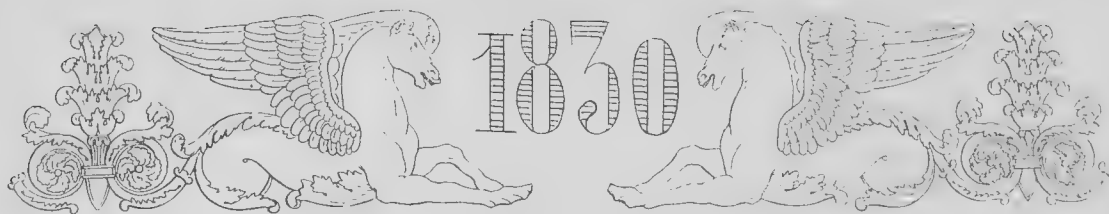
О, нѣтъ мнѣ жизнь не надобла,
Я жить хочу, я жизнь люблю!
Душа не вовсе охладѣла,
Утрати молодость свою.
Еще храняться наслажденья
Для любопытства моего,
Для мнѣлыхъ сповѣ воображенья,
Для чувствъ . . . . . всего.
Зачѣмъ . . . . .
Могилу темную . . . . .
Что въ смерти добраго? . . . . .

619. ТО БЫЛО ВСКОРѢ ПОСЛѢ БОЯ.

То было вскорѣ послѣ боя
Какъ счастье бросило героя
И рать побитая кругомъ

Лежала на крови...
И власть, и слава измѣнили
Какъ ихъ поклонники

620. ГЛУХОЙ ГЛУХАГО ЗВАЛЪ КЪ СУДУ СУДЫ ГЛУХОВА.

Глухой глухаго звалъ къ суду суды глухова,
Глухой кричалъ моя имъ сведена корова
Помилуй, возопилъ глухой тому въ отвѣтъ
Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ
Судья рѣшилъ: Почто идти вамъ братъ на брата
Ни тотъ и ни другой, а дѣвка виновата.

621. ЦИКЛОНЪ.

Языкъ и умъ теряя разомъ,
Гляжу на васъ единымъ глазомъ.
Единый глазъ въ главѣ моей.

Когда бъ судьбы того хотѣли,
Когда бъ имѣлъ я сто очей:
То все бы сто на васъ глядѣли.

622. О Т В Ъ Т Ъ.

[Ек. Н. Ушаковой].

Я васъ узналъ, о мой оракулъ!
Не по узорной пестротѣ
Спихъ недописанныхъ каракулъ;
Но по веселой остротѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ... столь неправымъ
И этой прелести живой.

Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
Я пересчитываю васъ
И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора! въ Москву! въ Москву сей часъ!
Здѣсь городъ чопорный, унылой,
Здѣсь рѣчи—ледъ, сердца—гранитъ;
Здѣсь нѣтъ ни вѣтрости милой,
Ни музъ, ни Пр... [Прѣси], ни харитъ.

Митрополитъ Филаретъ.

623. ВЪ ЧАСЫ ЗАБАВЪ ИЛИ ПРАЗДНОЙ СКУКИ.

Станцы.

Въ часы забавъ или праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Вѣбрядъ извѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранами совѣсти моей

Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Миѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ.
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

624. НЕ ТО БѢДА, ЧТО ТЫ ПОЛЯКЪ.

[На Булгарина].

Не то бѣда, что ты Полякъ:
Костюшко Ляхъ,
Мицкевичъ Ляхъ.
Пожалуй, будь себѣ Татаринъ,
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь Жидъ—и это не бѣда;
Бѣда, что ты Видокъ Фигляринъ.

625. П О Э Т У.

Сопетъ.

Поэтъ! не дорожи любовію народной.
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной:
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнишь умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пуškai толпа его бранить,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

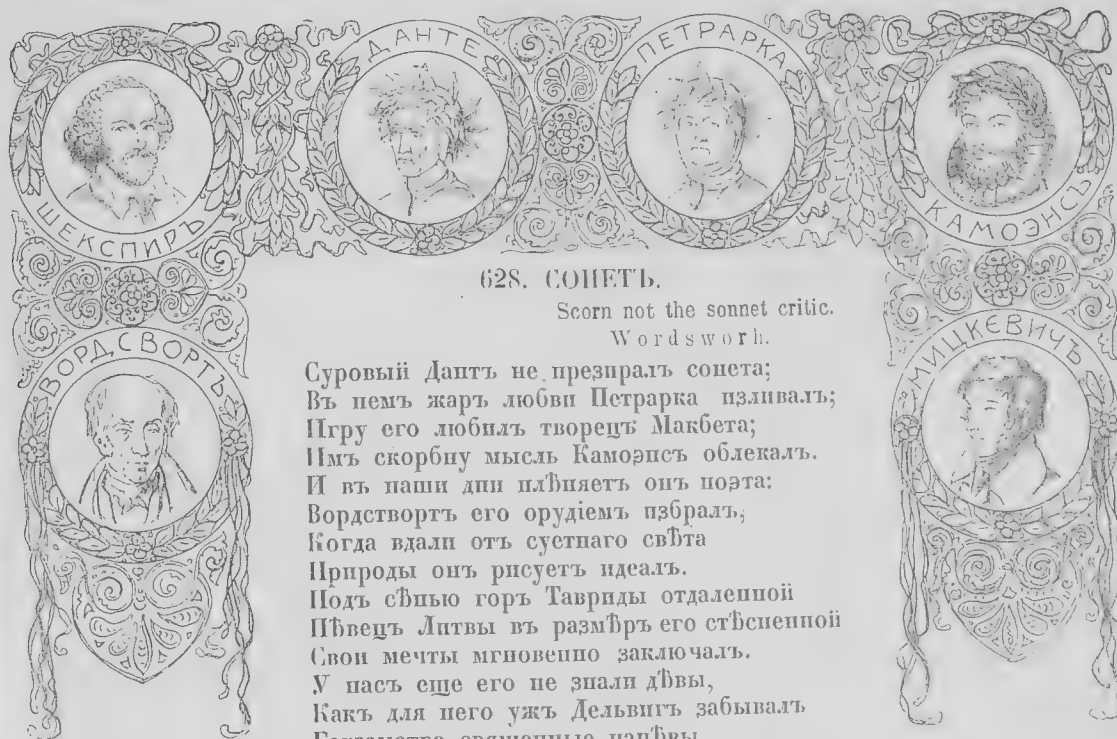
626. М А Д О Н А.

Сопетъ.

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсть я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденію знатоковъ.
Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель—
Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ—
Взирали, кроткіе, во славу и въ лучахъ,
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.
Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

627. НЕ ТО БѢДА, АВДЕИ ФЛЮГАРИНЪ.

Не то бѣда, Авдей Флюгаринъ,
Что родомъ ты не Русскій баринъ,
Что на Парнасѣ ты дыганъ,
Что въ свѣтѣ ты Видокъ Фигляринъ:
Бѣда, что скученъ твой романъ.

628. СОНЕТЪ.

Scorn not the sonnet critic.
Wordsworth.

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка пзливалъ;
Пгру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камонсъ облакалъ.
И въ наши дни пльняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ его орудіемъ пзбралъ;
Когда вдали отъ суетнаго свѣта
Природы онъ рисуетъ идеалъ.
Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной
Пѣвецъ Литвы въ размѣрѣ его стѣсненной
Свои мечты мгновенно заключалъ.
У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвинъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

629. ЦЫГ А Н Ы.

Съ англійскаго.

Надъ лѣсистыми берегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.
Здравствуй, щастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы самъ въ иное время
Провождалъ сіи шатры.

Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете—но за вами
Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ.
Онъ бродящій почтлетъ
И проказы старины
Позабылъ для сельской пѣли
И домашней тишины.

630. ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣніе
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденіе,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
Указываетъ путь и посохъ подаетъ:
О, кто бы ни былъ ты: старикъ ли вдохновенный,
Иль юности моею товарищъ отдаленный,
Иль отрокъ, музами таинственно хранимый,
Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ,—
Благодарю тебя душою умиленной.
Внимающаго слабого предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ—
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взирать на поэта,
Какъ на забѣгаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, произительно-унылой,

Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой—
Она въ ладоши бьетъ и хвалить, нль порою
Неблагодарною киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца незаппое волненіе,
Утрата скорбная, изгнанье, заточеніе—
«Тѣмъ лучше,» говорятъ любители искусствъ:
«Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ.» Но щастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно...

631. ПАЖЬ, ИЛИ ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

C'est l'âge de Chérubin...

Пятнадцать лѣтъ мнѣ скоро минеть;
Дождусь ли радостнаго дня?
Какъ онъ впередъ меня подвинетъ!
Но и теперь никто не кинетъ
Съ презрѣніемъ взгляда на меня.
Ужъ я не мальчикъ; ужъ надъ губой
Могу свой усъ я зашпигнуть;
Я важенъ, какъ старикъ беззубой;
Вы слышите мой голосъ грубой:
Попробуй кто меня толкнуть!
Я правлюсь дамамъ, ибо скромнѣй,
И между ними есть одна...
И гордый взоръ ея такъ теменъ,
И цвѣтъ ланитъ ея такъ томенъ,
Что жизни мнѣ милѣй она.

Вечоръ она мнѣ величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядѣть надѣво и направо,
То дастъ она мнѣ яду—право,
Вотъ какова ея любовь!

Она строга, властолюбива,
Но я дивлюсь ея уму,
И ужасъ какъ она ревнива,
Зато со всѣми горделива
И мнѣ доступна одному.

Она готова хоть въ пустыню
Бѣжать со мной, презрѣвъ толпу.
Хотите знать мою богиню,
Мою Севильскую графиню?...
Нѣтъ, ни за что не назову!

632. ЭЛЕГІЯ.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье,
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;

Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и тревоженья:
Порою опять гармоніей уныю,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ быть—на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

633. БѢСЫ.

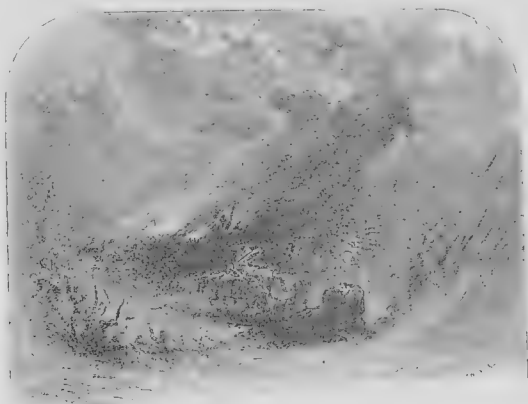
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ свѣтъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, Ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!
Эй, пошелъ, ямщикъ!... «Нѣтъ мочи:
«Конямъ, баринъ, тяжело;
«Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
«Всѣ дороги занесло;
«Хоть убей, слѣда не видно;
«Сбились мы. Что дѣлать намъ!
«Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,

«Да кружить по сторонамъ.
«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
«Дуетъ, плюетъ на меня;
«Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
«Одичалаго коня;
«Тамъ верстою небывалой
«Онъ торчалъ передо мной;
«Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
«И пропалъ во тмѣ пустой.»
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ свѣтъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;

Кони стали...—Что тамъ въ полѣ?—
 «Кто ихъ знаетъ? пень, или волкъ?»
 Выюга злится, выюга плачетъ;
 Кони чуткіе храпятъ;
 Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
 Лишь глаза во мглѣ горятъ;
 Кони снова понеслись;
 Колокольчикъ динь-динь-динь...
 Вижу: духи собрались
 Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
 Безконечны, безобразны,
 Въ мутной мѣсяца игрѣ
 Закружились бѣсы разны,

Будто листья въ ноябрѣ...
 Сколько ихъ! куда ихъ гонять?
 Что такъ жалобно поютъ?
 Домоваго ли хоронятъ,
 Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?
 Мчатся тучи, вьются тучи;
 Невидомкою луна
 Освѣщаетъ слѣгъ летучій;
 Мутно небо, почъ мутна,
 Мчатся бѣсы рой за роємъ
 Въ безпредѣльной вышинѣ,
 Визгомъ жалобнымъ и воемъ
 Надрывая сердце мнѣ...

Видѣтка къ «Бѣсамъ» П. Панова.

634. ТЫ ЦѢЛЫЙ СВѢТЪ УВѢРИТЬ ХОЧЕШЬ.

[На Булгарина].

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
 Что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружбѣй:
 Ахъ ты безстыдникъ, ахъ злодѣй!
 Ты и живыхъ бранишь людей,
 Да и покойниковъ порочишь.

635. РУМЯНЫЙ КРИТИКЪ МОЙ, НАСМѢШНИКЪ ТОЛСТОПУЗОЙ.

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой,
 Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной Музой,
 Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
 Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
 Что жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить,
 И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
 Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогой,
 За ними черноземъ, равнины скатъ отлогой,
 Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
 Гдѣ жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
 Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора
 Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
 Два только деревца и то изъ нихъ одно
 Дожливой осенью совсѣмъ обнажено,

А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
 Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея.
 И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
 Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двѣ бабы влѣдъ;
 Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка,
 И кличетъ издали лѣниваго попешка,
 Чтобъ тотъ отда позвалъ, да церковь отворилъ:
 Скорѣй, ждать некогда, давно бѣ ужъ схоронилъ!

636. РАЗСТАВАНІЕ.

Въ послѣдній разъ твой образъ милой
 Дарзая мысленно ласкать,
 Будить мечту сердечной силой,
 И съ пѣгой робкой и унылой
 Твою любовь воспоминать.
 Бѣгутъ, мѣняясь, наши лѣта,
 Мѣняя все, мѣняя насъ;
 Ужъ ты для страстнаго поэта

Могильнымъ сумракомъ одѣта,
 И для тебя твой другъ угасъ.
 Прими же, дальняя подруга,
 Прощанье сердца моего,
 Какъ овдовѣвшая супруга,
 Какъ другъ, облившій молча друга
 Передъ изгнаніемъ его.

637. О С Е Н Ъ.

Отрывокъ.

[Окончательно не отдѣланъ].

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ.

Державинъ.

I.

Октябрь ужъ наступилъ;—ужъ роща отряхаетъ
 Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей,
 Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ—
 Журча еще бѣжитъ за мѣльницу ручей,
 Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
 Въ отъѣзжія поля съ охотою своею
 И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
 И будить лай собакъ уснувшія дубравы—

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны,
 Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь—весной я боленъ:
 Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены;
 Суровою зимой я болѣе доволенъ
 Люблю ея снѣга, въ присутствіи луны
 Какъ легкій бѣгъ саней съ подругой быстръ и воленъ,
 Когда, подъ сободемъ согрѣта и свѣжа,
 Она вамъ руку жметъ пылая и дрожа!

III.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
 Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ рѣкъ!
 А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?..
 Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ
 Вѣдь это наконецъ и жителю берлоги,
 Медвѣдю надоѣстъ—нельзя же цѣлый вѣкъ
 Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами молодыми,
 Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, лѣто красное! любилъ бы я тебя,
 Когда бъ не зной да пыль, да комары да мухи.
 Ты всѣ душевныя способности губя
 Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ засухи;
 Лишь какъ бы напоить, да освѣжить себя
 Иной въ насъ мысли нѣтъ—и жаль зпмы старухи,
 И проводивъ ее блинами и виномъ,
 Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени бранять обыкновенно
 Но мнѣ она мила, читатель дорогой,
 Красою тихою, блистающей смиренно,
 Какъ пелюбимое дитя въ семьѣ родной,
 Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно
 Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной
 Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславной,
 «Я нѣчто въ ней нашелъ» мечтою своеправной.

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
 Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
 Порою нравится. На смерть осуждена,
 Бѣдняжка клонится безъ ронота, безъ гнѣва
 Улыбка на устахъ увянувшихъ видна—
 Могильной пропасти она не слышитъ зѣва;
 Играетъ на лицѣ еще багровый цвѣтъ—
 Она жива еще сегодня—завтра нѣтъ—

VII.

Унылая пора, очей очарованье,
 Приятна мнѣ твоя прощальная краса—
 Люблю я пышное припроры увиданье
 Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса—
 Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье
 И мглой волнистою покрыты небеса,
 И рѣдкій солида лучъ, и первые морозы,
 И отдаленные сѣдой Зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я раздѣлтаю вновь;
 Здоровью моему полезень русскій холодъ;
 Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь
 Чредой слѣтаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ
 Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
 Желанія кипятъ—я снова щастливъ, молодъ,
 Я снова жизни полнъ—таковъ мой организмъ
 (Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ).

IX.

Ведутъ ко мнѣ кони; въ раздоліи открытомъ,
 Махая кривою оной всадинка несеть

И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенить промерзлый долъ и трескается ледъ—
Но гаснетъ краткій день—и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ—то яркій свѣтъ лѣтъ
То тлѣетъ медленно; а я предъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

X.

И забываю міръ,—и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыплюсь моимъ воображеньемъ,
И пробуждается Поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненіемъ,
Трепещетъ, и звучитъ и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленіемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

XI.

(Стальные Рыцари, угрюмые Султаны,
Монахи, карлики, Арапскіе дари,
Гречанки съ четками, Корсары, Богдыханы,
Испанцы въ сапкахъ, Жиды, Богатыри,
Царевны плѣнныя, графини, великаны,
И вы любимицы златой моей зари—
Вы, барышни мои, съ открытыми плечами
Съ висками гладкими и томными очами).

XII.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И ризмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ
Минута—и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ;
Но, чу!—матросы вдругъ кидаются ползутъ
Вверхъ, въ низъ—и паруса надулись, вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

XIII.

Плыветъ... Куда жъ намъ плыть?—Какіе берега
Теперь мы посѣтимъ? Египетъ колоссальный,
Скалы Шотландіи, или вѣчные снѣга...

ДРУГОЙ КОНЕЦЪ ЭТОЙ НЕЗАКОНЧЕННОЙ И НЕОТДѢЛАННОЙ СТРОФЫ:

(см. автографъ-черновикъ на 87 стр.).

. . . . . Кавказъ-ли величавый
Иль скалы дикія Шотландіи
Иль Нор[мандіи] . . . . . снѣговой
Или Швейцаріи ландшафтъ

РИСУНОКЪ ПУШКИНА НА ЧЕРНОВИКѢ «ОСЕНИ».

Тетрадь Румянцева. музея № 2371, л. 81 оборотъ. Воспроизводится впервые.

Вот что я пишу
Мне сейчас кажется
что я пишу

Вот что я пишу
Мне сейчас кажется
что я пишу

Вот что я пишу
Мне сейчас кажется
что я пишу

Вот что я пишу
Мне сейчас кажется
что я пишу

Вот что я пишу
Мне сейчас кажется
что я пишу

Вот что я пишу
Мне сейчас кажется
что я пишу

Вот что я пишу
Мне сейчас кажется
что я пишу

КОНЕЦЪ ЧЕРНОВІКА «ОСЕНІ».

(Генрадь Румянцева, музея № 2371, л. 82). Воспроизводится впервые.

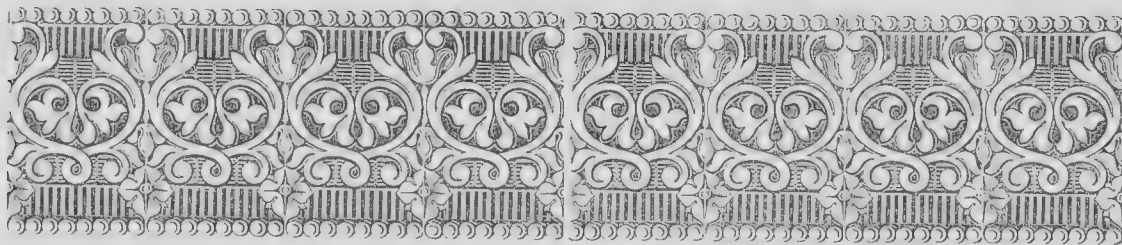

Вот что я пишу
Мне сейчас кажется
что я пишу

Вот что я пишу
Мне сейчас кажется
что я пишу

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

Давно обращено вниманіе на поразительное разнообразіе творчества Пушкина. Онъ пробовалъ свои силы во всѣхъ «родахъ» поэзіи, старался перенять всѣ формы, выработанныя на Западѣ, словно спѣшилъ проложить для новой русской литературы просѣки по всѣмъ направленіямъ. Своимъ «Домикомъ въ Коломнѣ» Пушкинъ хотѣлъ усвоить русской поэзіи тотъ родъ шутиливой романтической поэмы, который, въ тѣ годы, имѣлъ особенный успѣхъ въ Англіи и во Франціи. Если въ «Евгеніи Онѣгинѣ» Пушкинъ, до известной степени, подражалъ «Донъ-Жуану», то для «Домика въ Коломнѣ» онъ имѣлъ передъ собою, какъ образцы, «Бенпо» Байрона и «Намуну» Альфреда де Мюссе.

Всѣ три поэмы, Байрона, Мюссе и Пушкина, написаны строфами. Общій тонъ во всѣхъ трехъ одинъ и тотъ же: легкой шутки; ко всему, чего касается рассказъ, авторы относятся съ насмѣшкой, но тѣмъ большую силу получаютъ отдѣльные замѣчанія, сказанныя серьезно и грустно. На каждомъ шагу авторы прерываютъ свой рассказъ то вводными замѣчаніями, то длинными неожиданными отступленіями, словно забываютъ свой сюжетъ, говорятъ о вещахъ совершенно постороннихъ и возвращаются къ рассказу какимъ-нибудь восклицаніемъ, какъ, напр., у Мюссе: «Où diable en suis-je donc!» (Ср. у Пушкина въ Путешествіи Онѣгина: «А гдѣ, бишь, мой рассказъ несвязанный?»). Постоянно авторы выступаютъ передъ читателемъ, такъ сказать, изъ-за спины своихъ персонажей, говорятъ отъ перваго лица, охотно сообщаютъ о самихъ себѣ разныя питимныя

подробности, превращаютъ эпическій рассказъ то въ лирику, то въ газетный фельетонъ, то въ дружескую болтовню.

Такая форма была очень по душѣ поэтамъ 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка. Она открывала имъ возможность подъ видомъ шутки высказать много такого, что иные изъ нихъ не рѣшились бы сказать прямо. Она отвѣчала ихъ романтической жаждѣ во всемъ свободно проявлять свою личность. Наконецъ, смѣшивая въ одно всѣ условные «роды» лже-классической поэзіи, эта форма сама требовала отъ поэта, чтобы онъ руководился не правилами пѣтики, но личнымъ вкусомъ и тактомъ. Сохранить свое достоинство среди постоянныхъ шутокъ, не стать ни надоедливымъ, ни вульгарнымъ, оставаясь занимательнымъ, — такова задача, которая вставала передъ авторами подобныхъ поэмъ; если ее удавалось разрѣшить Байрону, Мюссе и Пушкину, то далеко не всегда ихъ подражателямъ.

Если сравнивать «Бенпо» и «Домикъ въ Коломнѣ» строфу за строфой, то мѣстами повѣсть Пушкина кажется прямымъ подражаніемъ, почти переводомъ. Какъ не узнать октавъ «Домика въ Коломнѣ» въ такихъ, напр., строфахъ Байрона:

«Пользуясь первой попавшейся римой изъ словаря Уокера, я приплетаю ее къ моему блуждающему стиху, а за пеняніемъ подходящей не брезгаю и худшей и не обращаю вниманія, какъ бы то слѣдовало, на коварство критиковъ. Я бы даже былъ не прочь снизойти до прозы, но стихи болѣе въ модѣ, и вотъ я ихъ и сочиняю». (Стр. LII).

«Но возвращаюсь,—снова возвращаюсь. Чортъ [возьми, цитъ этого разсказа постоянно высказываетъ изъ моихъ рукъ; онъ довольно медленно подвигается впередъ, потому что я долженъ сообразоваться съ требованіями строфы: я началъ въ этой стихотворной формѣ, не могу ее теперь произвольно измѣнить и долженъ сохранить тактъ и напѣвъ, какъ общественные пѣвцы. Но если я, наконецъ, не справлюсь съ настоящимъ размѣромъ, то изберу себѣ другой, какъ только будетъ досугъ». (Стр. LXIII).

Но, конечно, было бы въ высшей степени несправедливо ставить эту близость въ виду Пушкину. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ свободнымъ заимствованіемъ, когда поэтъ чужое претворяетъ въ свое. Такъ Вергилій подражалъ Гомеру; такъ всѣ античные поэты подражали своимъ предшественникамъ, оставаясь вполнѣ оригинальными. Къ тому же, самая форма шутилки поэмы, хотя и была разработана романтиками, вовсе не была ихъ изобрѣтеніемъ: ее можно найти у старыхъ итальянскихъ поэтовъ, у Вольтера и др. И А. де Мюссе, въ «Намуфѣ», предвидя упрекъ въ подражательности, заранее отвѣтилъ своимъ критикамъ:

Byron, me direz-vous, m'a servi de modèle.
Vous ne savez donc pas qu'il imitait Pulci?

У Пушкина, какъ у его предшественниковъ, большая часть отступлений сгруппирована въ первой половинѣ поэмы. Въ этихъ отступленіяхъ всего характернѣе сказалась разница трехъ поэтовъ или, вѣрнѣе, трехъ странъ. Всего разнообразнѣе отступленія Байрона; онъ говоритъ не только о «cavaliers servents» и о соусахъ для рыбы, но и о свободѣ печати и пера, о Habeas Corpus, о парламентскихъ преніяхъ, которые дороги поэту (если не загнѣваются слишкомъ долго), о «небольшихъ волненіяхъ», которые «имѣютъ цѣлью показать, что Англія—свободная страна», и т. д. У Мюссе всѣ отступленія вращаются около вопросовъ любви. Онъ жестоко осмѣиваетъ французское лицемѣріе, противопоставляетъ Манонъ Леско, «естель истинно человѣчную», Элоизѣ, этой «пустой тѣни», славить Донъ-Жуана съ его «тремѣ тысячами женщинъ» и т. д. Вниманіе Пушкина почти исключительно занято вопросами литературы.

Въ самомъ дѣлѣ, вся первая половина

повѣсти Пушкина (стр. I—XXI) говоритъ только о литературныхъ дѣлахъ и, къ сожалѣнію, о литературныхъ дрязгахъ своего времени. Сначала съ остроумной шутливостью и съ поразительной мѣткостью онъ дѣлаетъ характеристику разныхъ размѣровъ стиха, бывшихъ наиболѣе обычными въ его время: четырехстопнаго ямба, гекзаметра, alexandrinskogo стиха, октавы. Тутъ же онъ бросаетъ нѣсколько острыхъ замѣчаній о романтизмѣ. Однако, скоро приходится ему на память его «журнальные приятели», и онъ, пожалуй, больше, чѣмъ слѣдовало бы, отводитъ мѣста въ своихъ октавахъ «углу Сѣверной Пчелы», пресловутой «тѣлогрѣйкѣ» *), Московскимъ журналамъ и вообще тѣмъ критикамъ, «напѣхавъ» на которыхъ поэту не оставалось ничего другого, какъ пригласить ихъ къ обѣду **). Эти строфы (XV—XXII), которые, впрочемъ, самъ Пушкинъ и не напечаталъ, остаются горестнымъ свидѣтельствомъ, какъ больно ощущалъ онъ ту травлю, которую предприняли противъ него въ тѣ годы критики и которую онъ старался презирать. Можетъ быть, изображая современныи ему «литературный таборъ», Пушкинъ не безъ горечи написалъ отъ перваго лица:

И тамъ себѣ мы возмемъ въ грязь.
Торгуемся, бранимся такъ, что любо...

Несомнѣнно, что, создавая эти вступительныя строфы своей повѣсти, Пушкинъ имѣлъ въ виду и читателей, для которыхъ литературныя интересы стояли на первомъ планѣ. Чтобы шутить надъ «стихомъ alexandrinskimъ», надъ «цезурой на второй стопѣ» или надъ «примой наглагольной», надо быть увѣреннымъ, что читатели поймутъ эти термины и интересуются этими вопросами. Мѣстами Пушкинъ требуетъ отъ своего читателя прямо рѣдкое знаніе стихотворной техники. Чтобы вполнѣ почувствовать октаву, которую Пушкинъ рѣшается «пустить на пѣ», или ту, гдѣ онъ говоритъ о «господинѣ Кошѣ», надо знать, какъ мало въ русскомъ языкѣ соотвѣствующихъ приемъ и какой *tour de force* сдѣлать поэтъ.

*) См. вар. строфы XV. Пушкинъ намекаетъ на выраженіе Ивана Кирѣевскаго «душегрішная повѣишаго унынія», которое было подхвачено журналистами своего времени и постоянно, съ насмѣлкой, повторялось въ разныхъ статьяхъ.

**) Въ этомъ выраженіи можно видѣть намекъ на свѣтскія отношенія Пушкина къ Булгарину и къ ему подобнымъ.

томъ, когда онъ отважился поставить эти слова на концѣ своего стиха.

Вторая половина повѣсти занята собственно рассказомъ. Пушкинъ къ времени созданія «Домика въ Коломнѣ» разочаровался въ эффектныхъ сюжетахъ, которыми онъ увлекался, когда писалъ «Кавказскаго Пашиника», «Бахчисарайскій Фонтанъ» и отчасти «Цыганъ». Понемногу онъ пришелъ къ убѣжденію, что все низменное и ничтожное столь же можетъ быть содержаніемъ поэтическаго созданія, какъ возвышенное и трагическое. Въ Путешествіи Онегина, которое писалось за годъ или за два до «Домика въ Коломнѣ», уже есть замѣчательная въ этомъ отношеніи строфа:

Порой дождливою наметинъ
Я завернулъ на скотный дворъ...

Поздѣе, въ «Мѣдномъ Всадникѣ», Пушкинъ избралъ своимъ героемъ бѣднаго Евгенія, а въ «Родословной моего героя» вступилъ въ знаменательный споръ съ критикомъ:

—«Куда завиднаго героя
Избрали вы! Кто вашъ герой?»
—А что? Коллежскій регистраторъ?
.....
Зачѣмъ крутитесь вихрь въ оврагѣ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшень,
На пень гнилой?

«Домикъ въ Коломнѣ» — какъ бы при-
мѣръ къ этой новой поэтикѣ Пушкина. Создавая эту повѣсть, онъ могъ сравнивать себя съ орломъ, который летитъ прочь отъ горъ и мимо высокихъ башенъ на гнилой пень. Поэтъ повѣствуетъ о мелкихъ волненіяхъ какой-то Параша и ея матери, тогда какъ сотни героевъ и тысячи «возвышенныхъ предметовъ» тщетно ждутъ своего пѣвца *). Онъ упрямо ведетъ свой «рассказъ безсвязный», не слушая криковъ «глупца»: «Куда? куда? дорога здѣсь!» или упрековъ «черни»: «О чемъ поеть? чему насъ учить?» А на всѣ во-

*) См. «Родословную моего героя»:
Стремиться къ небу долженъ гений,
Обязанъ избранный поэтъ
Для вдохновенныхъ пѣснопѣній
Избрать возвышенный предметъ,
Что пѣтъ къ тому же перевода
Прямымъ героямъ... и т. д.

просы о моральномъ смыслѣ повѣсти отвѣчаетъ съ явной насмѣшкой:

Вотъ вамъ мораль: по мнѣнію моему,
Кухарку даромъ нанимать опасно.

Лучшая оцѣнка «Домика въ Коломнѣ» принадлежитъ Бѣлинскому, который писалъ: «Поэтическія произведенія также имѣютъ свой колоритъ, какъ и произведенія живописи, и если колоритъ въ картинахъ цѣнится такъ высоко, что иногда только онъ одинъ и составляетъ все ихъ достоинство, то такъ же точно колоритъ долженъ цѣниться и въ поэтическихъ произведеніяхъ. Правда, онъ меньше всего доступенъ большинству читателей, которые, по обыкновенію, прежде всего хватаются за содержаніе, за мысль, мимо формы». Заключительная строфа повѣсти Пушкина не оставляетъ сомнѣнія, что онъ сознательно хотѣлъ показать, какъ мало значенія въ поэтическомъ созданіи придавалъ онъ «сюжету» и «морали», которые, въ сущности, только предлогъ (можетъ быть, излишній) для поэта, чтобы выразить свою душу многообразными средствами слова.

Написанъ «Домикъ въ Коломнѣ» въ 1830 г., въ Болдинѣ. Послѣ XII строфы: въ рукописи есть помѣта: «5 октября»; въ концѣ другая: «10 октября». Впервые повѣсть была напечатана въ 1833 г., въ альманахѣ «Новоселье», съ помѣтой «1829 г.», которой нельзя довѣряться. Друзьямъ Пушкина повѣсть была извѣстна еще до своего появленія въ печати, и Гоголь, еще въ 1831 г., писалъ изъ Царскаго Села А. Данилевскому: «У Пушкина повѣсть, октавами писанная, «Кухарка», въ которой вся Коломна и петербургская природа — живыя».

Въ свое время «Домикъ въ Коломнѣ» не имѣлъ никакого успѣха. А. С. Пушкинъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о братѣ: «Когда появилась его шутка «Домикъ въ Коломнѣ», то публика увидѣла въ ней такой полный упадокъ его таланта, что никто, изъ снисходительнаго приличія не упоминалъ при немъ объ этомъ сочиненіи».

Отъ П. А. Плетнева узнаемъ, откуда Пушкинъ почерпнулъ краски для «Домика въ Коломнѣ». «Пушкинъ, — сообщаетъ онъ, вышедши изъ Лицея, дѣйствительно жилъ въ Коломнѣ *), надъ Корфами, близъ Калинкина моста, на Фонтанкѣ, въ домѣ,

*) Часть Петербурга, прилегающая теперь къ Маринскому театру, церкви Покрова, Калинкинскому мосту.

бывшемъ тогда Клокачева. Здѣсь я познакомился съ нимъ. Описанная гордая графиня (стр. XXXV) была дѣвица Буткевичъ, вышедшая за семидесятилѣтняго старика—графа Стройновскаго; нынѣ она уже за генераломъ Зуровымъ... Каждый стихъ для меня есть воспоминаніе или отрывокъ изъ жизни».

Надо замѣтить, что при жизни Пушкина повѣсть появилась въ печати не полностью, безъ строфъ IV—IX и XV XXII. Эти строфы были найдены въ бумагахъ Пушкина, переписанными отдѣльно, съ подписью: «Сія октава служила вступленіемъ къ шуточной поэмѣ, уже уничтоженной». Изъ этого можно заключить, что Пушкинъ хотѣлъ напечатать эти строфы отдѣльно. Впрочемъ, онѣ явно не закончены. Такъ между VIII—IX строфой несомнѣнно пропускъ одной или, вѣроятно же, двухъ октавъ, въ которыхъ дѣлалась бы характеристика октавъ. Отвергнувъ въ VIII строфѣ александрийскій стихъ, Пушкинъ заканчиваетъ строфу IX восклицаніемъ:

До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
Мнѣ дѣла пѣтъ: беру е го себѣ.

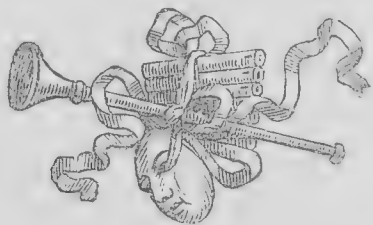
Слово «его», какъ и все предыдущее четверостишіе, можетъ относиться только къ

октавамъ, писаннымъ пятистопнымъ ямбомъ, о которыхъ раньше не говорится ни слова. Незаконченность работы чувствуется еще въ томъ, что не вездѣ строго выдержана смѣна мужскихъ и женскихъ рیمъ (строфы V—VI, VII—VIII). Наконецъ, въ строфѣ L недостаетъ стиха.

Съ вѣрней стороны «Домикъ въ Коломнѣ» написанъ тѣмъ пятистопнымъ ямбомъ, который Пушкинъ усвоилъ себѣ во второй періодъ своей дѣятельности (см. предисловіе къ «Гавриладѣ», томъ II, стр. 602), т. е. со свободной цезурой. Несмотря на то, что съ самаго начала Пушкинъ разрѣшилъ себѣ (строфа II) «въ рѣмѣ брать глаголь»,—глагольныхъ рѣмъ въ повѣсти немного, всего 15 на общее число 162 рѣмъ. Зато нѣсколько разъ Пушкинъ позволилъ себѣ рѣмы болѣе или менѣе сомнительныя: «знать—узнать» (стр. IX), «хочу—свищу» (стр. XVIII), «меня—воробья» (стр. XIX), «вмѣсто—на мѣстѣ» стр. XXIV и т. д.

Изъ строфъ XVIII—XX явно, что первоначально Пушкинъ думалъ издать свою повѣсть безъ подписи своего имени.

Валерій Брюсовъ.

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

Modo vir, modo foemina.

Ov. [idius].

I.

Четырестопный ямбъ мнѣ надобѣлъ:
Имъ писать всякой. Мальчикамъ въ забаву
Пора бѣ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пушусь на славу!
Вѣдь рифмы запросто со мною живутъ;
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

II.

А чтобъ имъ путь открыть широкой,
Глаголы тотчасъ имъ я разрѣшу...
Вы знаете, что рифмой паглагольной
Глушаемся мы. Почему? спрошу.
Такъ писывалъ*** [Шихматовъ] богомольной,
По большей части такъ и я пишу.
Къ чему? скажите; ужъ и такъ мы голы.
Отнынѣ въ рифмы буду брать глаголы.

III.

Не стану ихъ надменно браковать,
Какъ рекрутовъ, добившихся увѣчья,
Иль какъ коней за ихъ плохую статъ,—
А подбирать союзы да парѣчья;
Изъ мелкой сволочи вербую рать.
Мнѣ рифмы нужны; всѣ готовъ сберечь я,
Хоть весь Словарь; что слогъ, то и солдатъ—
Всѣ годны въ строй: у насъ вѣдь не парадъ.

IV.

У насъ война! Красавцы молодые,
Вы, хрипнули (но хрипъ вашъ приумолкъ),
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль въ Персіи Ширванскій полкъ?
Ужъ люди! Мѣлочъ, старички кривые,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ
волкъ!
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кро-
вавой:
Ширванскій полкъ могу сравнить съ окта-
вой.

V.

(Поэты Юга, вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой не творили?
Но мы, лѣнивыя, робкіе пѣвцы,
На мѣлочахъ мы рифму заморили.
Могучіе намъ чужды образцы.
Мы новыхъ странъ себѣ не покорили
И нашихъ дней изнѣженный поэтъ
Чуть смыслить свой уравнивать куплетъ!

VI.

Но возвратиться все жъ я не хочу
Къ четырестопнымъ ямбама, мѣрѣ низкой..
Съ Гекзаметромъ... о, съ нимъ я не шучу:
Онъ мнѣ не въ-мочь. А стихъ александрій-
ской?

Ужъ не его ль себѣ я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкой
И съ жаломъ даже—точная змѣя;
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

VII.

Онъ выныченъ былъ мамкою не дурой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
Шагалъ онъ чинно, стянуть былъ це-
зурой;

Но цуреной пѣтихъ на зло
Разтребанъ онъ свободно цезурой.
Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Нико съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры.

VIII.

О что бѣ сказалъ поэтъ-законодатель,
Гроза несчастныхъ мѣлкихъ рифмачей!
И ты, Расинъ, безсмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и Царей!
И ты, Вольтеръ, философъ и ругатель,
И ты, Делиль, Парнасскій муравей,
Что бѣ вы сказали, сей соблазнъ увидя—
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ, вашъ стихъ
обидя.

IX.

У насъ его недавно стали знать.
Кто первый? можете у Телеграфа
Спросить и хорошенько все узнать.
Онъ годенъ, говорятъ, для эпиграфа,
Да можно имъ порою украшать
Гробницы или мраморъ кенотафа;
До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ!

X.

Ну, женскіе и мужскіе слогі!
Благословясь, попробуемъ: слушай!
Ровняйтесь, вытягивайте погі
И по три врьдъ въ октаву заѣжай!
Не бойтесь, мы не будемъ слишкомъ строги;
Держись вольнѣй и только не плошай,
А тамъ уже привыкнемъ, слава Богу,
И выйдемъ на ровную дорогу.

XI.

Какъ весело стихи свои вести
Подъ цифрами, въ порядкѣ, строй за строимъ,
Не позволять имъ въ сторону брести,
Какъ войску, въ пухъ разсыпанному боемъ!
Тутъ каждый слогъ замѣченъ и въ чести,
Тутъ каждый стихъ глядитъ себѣ героемъ,
А стихотворецъ... съ кѣмъ же равенъ онъ?
Онъ Тамерланъ, или самъ Наполеонъ.

XII.

Не много отдохнемъ на этой точкѣ.
Что? перестать или *пустить на не?*...
Признаться вамъ, я въ пятистопной строчкѣ
Люблю цезуру на второй стопѣ.
Иначе, стихъ то въ ямбѣ, то на кочкѣ,
И хоть лежу теперь на канане,
Все кажется мнѣ, будто въ тряскомъ бѣгѣ
Но мерзлой нашии мчусь я на телѣгѣ.

XIII.

Что за бѣда? Не все жъ гулять пѣшкомъ
По Невскому граниту, или на балѣ
Лошить паркетъ, или скакать верхомъ
Въ степи Киргизской. Поплетусь-ка далѣ,
Со станціи на станцію шажкомъ,
Какъ говорятъ о томъ оригиналѣ,
Который, не кормя, на рысакѣ
Пріѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ-рѣкѣ.

XIV.

Скажу, рысакъ! Парнасскій инходецъ
Его не обогналъ бы. Но Пегасъ

Старъ, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый
колодезь

Изсохъ. Поросъ крапивою Парнасъ;
Въ отставкѣ Фебъ живетъ, а хороводецъ
Старушекъ-Музъ ужъ не прельщаетъ насъ.
И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ.

XV.

И тамъ себѣ мы возмемся въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо,
Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи.
Кто просто вретъ, кто вретъ еще сугубо...
Но Муза никому здѣсь не грозн—
Не то, тебя прижмутъ довольно грубо,
И вмѣсто лестной общей похвалы
Поставятъ въ уголь Сѣверной Пчелы!

XVI.

Иль наглою, безиравственной, мишурной
Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ
Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барской судъ.
Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной
Другъ на друга словесники идутъ,
Другъ друга рѣжутъ и другъ друга губятъ,
И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

XVII.

Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ.
И, ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми.
То надъ другими: верхъ земныхъ утѣхъ
Изъ-за угла смѣяться надо всѣмъ.
Но самъ въ толпу не суйся... или смѣхъ
Плохой ужъ выйдетъ: шутками одѣмъ.
Тебя, какъ шапками, и врагъ и другъ,
Соединясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

XVIII.

Тогда давай Богъ погн... потому-го
Здѣсь имя подписать я не хочу—
Порой я стихъ повертываю кругомъ,
Все жъ видно—не впервой я имъ верчу.
А какъ давно? Того и не скажу-то.
На критиковъ я ѣду, не свищу.
Какъ древній богатырь—а какъ наѣду...
Что жъ? Поклопюся — и приглашу въ
обѣду.

XIX.

Покаместъ можете принять меня
За стараго, обстрѣленного волка.
Или за молодого воробья.
За новичка въ которомъ мало толка.
У васъ въ пикапу быть можетъ мнѣ, друзья,

Отведена особенная полка—
А можетъ быть впервой хочу послать
Свою тетрадку въ мокрую печать.

XX.

Ахъ, если бы меня, подъ легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
Когда бы за меня своей указкой
Другова строгой критикъ пощелкалъ!
Ужъ то-то бѣ неожиданной развязкой!
Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?
Насъ мало. Не укроется проказникъ!

XXI.

А вѣроятно, не замѣтятъ насъ:
Меня съ октавами мои купно.
Однако жъ намъ пора. Вѣдь я разскажъ
Готовилъ; а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю васъ.
Языкъ мой, врагъ мой: все ему доступно,
Опъ обо всемъ болтать себѣ привыкъ!..
Фригійскій рабъ, на рынокъ взялъ языкъ,

XXII.

Сварилъ его (у Г [осподина] Кона
Коптятъ его). Езопъ его потомъ
Принесъ на столъ... Опять, зачѣмъ Езопъ
Я вилелъ съ его варенымъ языкомъ
Въ мои стихи? Что вся прочла Европа,
Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ!
Наслу-то, рифмачъ я безразсудный,
Отдѣлался отъ сей октавы трудной!

XXIII.

Усядся, Муза; ручки въ рукава,
Подъ лавку ножки! Не вертись, рѣзвуха!
Теперь начнемъ.—Жила была вдова,
Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,
Съ одною дочерью. У Покрова
Стояла ихъ смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу я теперь,
Свѣтелку, три окна, крыльцо и дверь.

XXIV.

Дня три тому, туда ходилъ я вмѣстѣ
Съ однимъ знакомымъ передъ вечеркомъ.
Лачужки этой пѣтъ ужъ тамъ. На мѣстѣ
Ея построены трехъ-этажный домъ.
И вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ,
Бывало, тутъ сидѣвшихъ подъ окномъ,
О той порѣ, когда я былъ моложе,
Я думалъ: живы ли онѣ?—И что же?

XXV.

Мнѣ стало грустно: на высокій домъ
Глядѣлъ я косо. Если въ эту пору
Пожаръ его бы охватилъ кругомъ,
То моему бѣ озлобленному взору
Пріятно было пламя. Станнымъ сномъ
Бываетъ сердце полно; много вздору
Приходить намъ на умъ, когда бредемъ
Одни или съ товарищемъ вдвоемъ.

XXVI.

Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ пра-
вить
И держать мысль на привязи своей,
Кто въ сердцѣ усыпляетъ или давить
Мгновенно прошпѣвшую змѣю;
Но кто болтливъ, того молва прославитъ
Вмигъ извергомъ... Я воды Леты пью.
Мнѣ Докторомъ запрещена унылость:
Оставимъ это,—сдѣлайте мнѣ милость!

XXVII.

Старушка (я стократъ видалъ точь-въ-
точь
Въ картинахъ Рембрандта такіа лица)
Посила чепчикъ и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
Глаза и брови—темныя какъ ночь,
Сама бѣла, нѣжна—какъ голубица;
Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
Читала сочиненія Эммина.

XXVIII.

Играть умѣла также на гитарѣ,
И пѣла: «*Стонетъ сизый голубокъ*»
И «*Выду ль я*» и то—что ужъ постарѣ,
Все, что у печки въ зимній вечерокъ
Нлъ скучной осенью при самоварѣ
Или весною, обходя лѣсокъ,
Поетъ уныло Русская дѣвица,
Какъ Музы наши, грустная пѣвица.

XXIX.

Фигурно нль буквально: всей семьей,
Отъ ямщика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
Пѣснь Русская. Извѣстная примѣта!
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ Музъ и дѣвъ.
Но правится ихъ жалобный напѣвъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЛЛЮСТРАЦИИ КЪ «ДОМИКУ ВЪ КОЛОМНѢ».

(«Новоселье», 2-ое изд. 1845. Изображена прилегающая къ церкви Покрова мѣстность и домики «за самой будкой».)

XXX.

Параша (такъ звалась красotka наша)
Умѣла мыть и гладить, шить и плести;
Всѣмъ домомъ правила одна Параша
Поручено ей было счеты вести,
При ней варилась гречневая каша
Сей важный трудъ ей помогала несть
Стряпуха Оекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха).

XXXI.

Старушка мать, бывало, подъ окномъ
Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
А вечеромъ, за маленькимъ столомъ,
Раскладывала карты и гадала.
Ночь, между тѣмъ, весь обѣгала домъ,
То у окна, то на дворѣ мелькала,
И кто бы ни проѣхалъ или не шѣлъ,
Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій полъ!).

XXXII.

Зимою ставни закрывались рано,
Но лѣтомъ до-ночи растворено
Всы было въ домѣ. Блѣдная Діана
Глядѣла долго дѣвушка въ окно
Безъ этого ни одного романа

Не обойдется: такъ заведено!).
Бывало, мать давнымъ давно храпѣла,
А дочка—на луку еще смотрѣла.

XXXIII.

И слушала млуканье котовъ
По чердакамъ, свиданій знакъ нескромной.
Да стражи дальній крикъ, да бой часовъ—
И только. Ночь надъ мирною Коломною
Тиха отъѣсно! Рѣдко изъ домовъ
Мелькнутъ двѣ тѣни. Сердце дѣвы томной
Ей слышать было можно, какъ оно
Въ упругое толкалось положно.

XXXIV.

По воскресеньямъ, лѣтомъ и зимою.
Вдова ходила съ нею къ Покрову,
И становилась передъ толпою
У клироса налѣво. Я живу
Теперь не тамъ, по вѣрною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
Въ Коломну, къ Покрову—и въ воскресе-
сеніе
Тамъ слушать Русское богослуженье.

За нею слѣдомъ, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь.
Высокая, собою недурная,
Шла дѣвушка и, низко поклонясь,
Прижалась въ уголь, фартукъ разбирая.
— «А что возьмешь?» спросила, обратясь,
Старуха.— «Все, что будетъ вамъ угодно,»
Сказала та смиренно и свободно.

X X X I X

(Вотъ ~~бывшая~~ ^{похвалитель} ~~объясн~~ ^и)
 А какъ зовутъ? — Маврой — Ну, Мавруша
 Живи у насъ. Ты молода, мой свѣтъ,
 Гонимъ мужичи: покойница Феклуша
 Служила мнѣ въ кухаркахъ, въ мѣр —
 Ни разу ^{добра} ~~честно~~ ^и ~~не~~ ^{не} ~~нарушила~~.
 Ходи за мной, за дочерью моею
 Усердна будь. Присчитывать не смѣй.

X L

Прокладуръ ужъ, душень въ кухню жонку

ИЗЪ РУКОПИСИ «ДОМИКА ВЪ КОЛОМНѢ».

(Румянецъ. Музей № 2376, А. Листъ 4 оборотъ. Воспроизводится впервые).

XLV.

Вдовѣ понравился ея отвѣтъ.
 — «А какъ зовутъ?» — «А Маврой.» «Ну, Мавруша,
 Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
 Гонимъ мужичи. Покойница Феклуша
 Служила мнѣ въ кухаркахъ десять лѣтъ,
 Миразу долга чести не наруша.
 Ходи за мной, за дочерью моею,
 Усердна будь; присчитывать не смѣй.» —

XLVI.

Проходитъ день, другой. Въ кухаркѣ толку
 Довольно мало: то переварить,
 То пережарить, то съ посудой полку
 Уроить; вѣчно все пересолить,
 Шить сидеть — не умѣетъ взять иголку;
 Ее бранить — она себѣ молчитъ;
 Вездѣ, во всемъ ужъ какъ нибудь подгадить.
 Параша бьется, а никакъ не сладить.

XLVII.

Потру, въ воскресенье, мать и дочь
 Пошли къ обѣдѣ. Дома лишь осталась
 Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
 Болѣли зубы; чуть жива таскалась:
 Корицы нужно было патолочь —
 Пирожное испечь она сбиралась.
 Ее оставили; но въ церкви вдругъ
 На старую вдову напелъ псунтъ.

XLVIII.

Она подумала: «въ Маврушкѣ ловкой
 Зачѣмъ къ пирожному припала страсть?
 Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
 Не вздумала ль она насъ обокрасть,
 Да улизнуть? Вотъ будемъ мы съ обивкой
 Для праздника! Ахти, какая страсть!»
 Такъ думая, старушка обмирала
 И наконецъ, не вытерпѣвъ, сказала:

XLIX.

«Стой тутъ, Параша. Я схожу домой,
 Мнѣ что-то страшно». Дочь не разумѣла

Современныя иллюстраціи къ «Домикѣ въ Коломнѣ».

МАВРУША БРѢТСЯ.

[Рисунокъ К. Брюлова («Новоселье» 1833 г.).]

Чего ей страшно. Съ паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетѣла;
Въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой.
Пришла въ лачужку, въ кухню посмотрѣла,—
Мавруши нѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой
Вошла—и что жъ? о Боже! страхъ какой!

І.

Предъ зеркальцемъ Параша, чинно сѣдя,
Кухарка брилась. Что съ моею вдовой?
«Ахъ, ахъ!» и шлепнулась. Ее увидя,
Та въ торопяхъ съ намыленной щекой
Черезъ старуху (вдовью честь обидя),
Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.

II.

Обѣдня кончилась; пришла Параша.
—«Что, маленька?»—Ахъ, Пашинька моя!
Маврушка... —«Что, что съ ней?»—Кухарка
наша...

Опомниться досель не въ силахъ я...
За зеркальцомъ... вся въ мыслѣ... —«Воли
ваша

Миѣ право ничего понять неслѣзя;
Да гдѣ жъ Мавруша?»—«Ахъ, она разбой-
никъ!»

Она здѣсь брилась!... точно мой покой-
никъ!»—

III.

Параша закраснѣлась или нѣтъ,
Сказать вамъ не умѣю; но Маврушки

Съ тѣхъ поръ какъ не было—простылъ и
 слѣдъ;
 Ушла, не взявъ въ уплату ни полушки
 И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
 У красной дѣвушки и у старушки
 Кто заступилъ Маврушу? признаюсь,
 Не вѣдаю, и кончить тороплюсь.

LIII.

—«Какъ! развѣ все тутъ? Шутите! «Ей-
 Богу.»

—«Такъ вотъ куда октавы настъ вели!
 Къ чему жъ такую подняли тревогу,
 Скликали рать и съ похвалбою шли?»

Завидную жъ вы избрали дорогу!
 Ужель пныхъ предметовъ не нашли?
 Да пѣтъ ли хоть у васъ правоученья?»
 —«Нѣтъ... или есть... минуточку терпѣнья...»

LIV.

Вотъ вамъ мораль: по мнѣнию моему,
 Кухарку даромъ панимать опасно;
 Кто жъ родился мужчиною, тому
 Рядиться въ юбку странно и напрасно:
 Когда нибудь придется же ему
 Брить бороду себѣ, что несогласно
 Съ природой дамской... Больше ничего
 Не выжмешь изъ расказа моего.»

МАВРУША БРѢТСЯ.

(Румянц. Музей, тетрадь № 2376 А., л. 5 об.).

Рисунокъ Пушкина.

639. (ИЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРИЯТЕЛЮ).

Куда же ты?—Въ Москву, чтобъ графскихъ имений
 Не прогулять мнѣ здѣсь.—Постой, а карантинъ?
 Вѣдь въ нашей сторонѣ Индѣйская зараза;
 Сиди, какъ у воротъ угрюмаго Кавказа—
 Бывало сиживалъ покорный твой слуга.
 Что братъ? Ужъ не трунишь, тоска беретъ—ага!

640. ОТРОКЪ.

Неводъ рыбака разстилалъ по берегу студенаго моря;
 Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
 Мрежи нынѣ тебя ожидаютъ, нынѣ заботы:
 Будешь умы уловлять, будешь помощникъ Царямъ.

641. МОЯ РОДОСЛОВНАЯ ИЛИ РУСКОЙ МѢЩАНИНЪ.

Вольное подражаніе лорду Байрону.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
 Писаки Рускіе, толпой,
 Меня зовутъ аристократомъ:
 Смотри пожалуй—вздоръ какой.
 Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
 Я по кресту не дворянинъ,
 Не Академикъ, не профессоръ,
 Я просто—руской мѣщанинъ.

Понятна мнѣ времянь превратность,
 Не прекословлю, право, ей.
 У насъ нова рожденіемъ знатность,
 И чѣмъ повѣе, тѣмъ знатнѣй.
 Родовъ униженныхъ обломокъ,
 И слава Богу не одинъ,—
 Болръ старинныхъ я потомокъ:
 Я мѣщанинъ! Я мѣщанинъ!

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
 Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
 Не пѣлъ на крылосѣ съ дячками,
 Не ваксилъ Царскихъ сапоговъ,
 И не былъ бѣглымъ опъ солдатомъ
 Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ.
 Куда жъ мнѣ быть аристократомъ
 Я слава Богу мѣщанинъ.

Мой предокъ Радша, службой бранной
 Святому Невскому служилъ;
 Его потомство гнѣвъ вѣщанный
 Иванъ IV пощадилъ.
 Водились Пушкины съ Царями,
 Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
 Когда тягался съ Поляками
 Нижегородскій мѣщанинъ.

Смиривъ крамолы и коварство,
 И ярость бранныхъ непогодъ,
 Когда Романовыхъ на царство
 Звалъ въ грамотѣ своей народъ,

Мы къ оной руку приложили,
 Насъ жаловалъ страдальца сынъ,
 Бывало нами дорожили.
 Но я... я темный мѣщанинъ.

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ;
 Въ родню свою неукротимъ,
 Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ.
 И былъ за то повѣшенъ имъ.
 Его примѣръ будь намъ наукой,
 Не любить споровъ Властелинъ,
 Не всякъ Князь Яковъ Долгорукой,
 Счастливъ покорный мѣщанинъ.

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
 Средь Петергофскаго двора,
 Какъ Минихъ вѣренъ оставался
 Паденью Третьяго Петра,
 Попали въ честь тогда Орловы,
 А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ.
 И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
 И я родился—мѣщанинъ.

Подъ гербовой моею печатью
 Я свитокъ грамотъ схоронилъ,
 И не якаясь съ новой знатью,
 Я крови спѣсь угомонилъ.
 Я невѣстный стихотворецъ,
 Я Пушкинъ просто, не Мусинъ,
 Я самъ большой, не царедворецъ:
 Я грамотей, я мѣщанинъ.

P. S.

Видокъ Фигляринъ сидя дома,
 Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
 Былъ купленъ за бутылку рома,
 И въ руки шкиперу попалъ.
 Сей шкиперъ былъ-тотъ шкиперъ славный

Кѣмъ наша двигнулася земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля;
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ—а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганибала,

Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала,
И палъ впервые Наваринъ.
Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный:
Я во дворянствѣ—мѣщанинъ.—
Что жъ онъ, въ семьѣ своей почтенной?
Онъ?... Онъ въ Мѣщанской дворянинъ.

642. СТАМБУЛЬ ГЯУРЫ НЫНЧЕ СЛАВЯТЪ.

Стамбуль Гяуры нынче славятъ,
А завтра кованой пятой
Какъ змѣя спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдутъ—и такъ оставятъ.
Стамбуль заснулъ передъ бѣдой.
Стамбуль отрекся отъ Пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ—
Стамбуль, для сладостей порока
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ,
Стамбуль отвыкъ отъ поту битвы
И пьетъ вино въ часы молитвы.
Въ немъ вѣры чистый лучъ потухъ:
Въ немъ жены по базару ходятъ
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мужчинъ въ Харемы вводятъ,
И спитъ подкупленной евнухъ.
Но не таковъ Арзрумъ нагорной,
Многодорожный нашъ Арзрумъ:
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черплемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.
Постимся мы: струею трезвой

Одни фонтаны насъ поятъ—
Толпой неистовой и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Мы къ женамъ, какъ орлы, ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непропицаемы стоять.
Алла великъ!

Къ намъ отъ Стамбула
Пришелъ гоимый янычаръ—
Тогда насъ буря долу гнула
И палъ неслышанный ударъ.
Отъ Рушукъ до старой Смирны,
Отъ Трапезунда до Тульчи,
Скликая псовъ на праздникъ жирный.
Толпой ходили палачи:
Треща въ объятіяхъ пожаровъ,
Валились дома янычаровъ;
Окровавленные зубы
Вездѣ торчали; угли тѣли;
На колыяхъ скорчась мертвецы
Окоченныя чертили—
Алла великъ—тогда Султанъ
Былъ духомъ гѣва обуянъ...

643. ЗАКЛИНАНІЕ.

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы—
Я тѣнь зову, я жду Леплы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!
(Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.

Приди, какъ дальняя звѣзда,
Какъ легкій звукъ иль дуновенье.
Нѣтъ какъ ужасное видѣнье,
Мнѣ все равно: сюда, сюда!
Зову тебя, не для того,
Чтобъ укорить того, чья злоба
Убила друга моего,
Нѣтъ чтобъ извѣдать тайны гроба:
Не для того, что иногда
Сомнѣваемъ мучусь... но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой. Сюда, сюда!

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

Какъ произведеіе драматическое, съ точки зрѣнія всеобщихъ законовъ эстетики, безъ всякаго отношенія къ той или другой національной психологіи, «Скупой Рыцарь» долженъ быть безпорию причисленъ къ шедеврамъ всемірной литературы. Въ этомъ небольшомъ по размѣрамъ, но неограниченномъ и потому какъ-бы безграничномъ по глубинѣ и цѣльности драматическомъ этюдѣ гений Пушкина отразился во всей своей силѣ и легкости. Стихъ доведенъ до того предѣла совершенства, гдѣ теряются или, вѣрнѣе, примиряются, всѣ различія между языкомъ прозы и поэзіи, гдѣ всѣ достоинства прозы,—непринужденность, точность и общепонятность,—совпадаютъ съ требованіями поэзіи,—вдохновенностью и подъемомъ рѣчи. Замѣтимъ кстати, что въ этомъ искусствѣ оставаться на вершинахъ вдохновенія, не измышляя условнаго поэтическаго языка и не насылая законовъ обычной рѣчи, у Пушкина вообще нѣтъ соперниковъ во всемірной поэзіи. Но даже у него немного найдется страницъ, гдѣ-бы въ самомъ стилѣ синтезъ прозаической правдивости и поэтической необычайности былъ доведенъ до такой полноты, какъ, напримѣръ, въ монологѣ «Скупого Рыцаря». Если разсматривать этотъ монологъ съ точки зрѣнія лексической или грамматической, то мы должны будемъ признать его ритмической прозой. Что можетъ быть естественнѣе, въ смыслѣ употребленія словъ и разстановки ихъ, слѣдующихъ хотя-бы стиховъ:

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человека,
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ...

Нельзя выразить ту-же мысль въ прозѣ другими, болѣе простыми словами или иначе разставленными. Пушкинъ не прибѣгъ ни къ одной изъ тѣхъ условностей, которыми на его мѣстѣ непремѣнно воспользовался-бы Байронъ или Шелли, а

между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что приведенные стихи жизненно, органически поэтичны. Искра поэтическаго воодушевленія пронизала обыкновенныя слова, и они превратились въ чистѣйшее поэтическое золото.

Совершенству формы въ «Скупомъ Рыцарѣ» соотвѣтствуетъ глубина содержанія. Хотя характеры дѣйствующихъ лицъ намѣчены лишь въ общихъ очертаніяхъ и о каждомъ изъ нихъ говорится лишь самое нужное, но черты ихъ изваяны съ такой отчетливостью, такой увѣренной рукою, что отъ небольшого этюда получается впечатлѣніе, какъ отъ многосложной драмы. Эта скульптурная отчетливость изображенныхъ характеровъ при наименьшей затратѣ усилій со стороны художника получается отъ того, что всѣ три главныхъ персонажа драмы,—старый баронъ, его сынъ и жидъ Соломонъ,—связаны между собою не только драматически, но и психологически, служатъ другъ для друга не только необходимымъ средствомъ для развитія интриги, но еще зеркаломъ и фономъ, такъ что каждый изъ нихъ получаетъ всю свою рельефность отъ соотвѣтства съ другимъ, по закону подобій и контрастовъ. Центральное мѣсто въ драмѣ занимаетъ скупой рыцарь, центральная тема драмы—освѣщеніе художественно-воплощенной въ немъ страсти скупости.

Что такое скупость? Каково ея необходимое, роковое, трагическое содержаніе? Ходячее мнѣніе о скупости считаетъ ее не только порокомъ, но еще порокомъ низкимъ, презрѣннымъ; скупецъ рисуется въ воображеніи народномъ безсильнымъ старикомъ, трусливо скрывшимся отъ взоровъ людскихъ, жадно, трепетно сгорбившимся надъ грудой золота, забывшимъ честь и совѣсть ради денегъ и какъ-бы продавшимъ чорту душу. Это ходячее, вульгарное, поверхностное опредѣленіе скупости Пушкинъ отвергаетъ самымъ заглавіемъ: «Скупой Рыцарь». Можно быть скупымъ, не переставая быть рыцаремъ,—эти два понятія, оказывается, совмѣстимы. Скупость—

одна изъ всепоглощающихъ страстей, и, какъ всякая страсть, она является выражениемъ силы, а сила—единственный источникъ и единственный залогъ благородства. Это отрицательное опредѣленіе скупости становится художественно-нагляднымъ въ сценѣ столкновенія скупого рыцаря съ рыцаремъ несомнѣннымъ, съ рыцаремъ безъ страха и упрека, какимъ представляется намъ молодой баронъ Альберъ. Оскорбленный въ своей чести, старый скупецъ мгновенно забываетъ о вѣрныхъ подвалахъ, о сундукахъ съ золотомъ, о завѣтныхъ ключахъ:

Я лгу? И передъ нашимъ Государемъ?
Милѣ, милѣ... или ужъ не рыцарь ли!

Конечно, онъ рыцарь. И, бросая перчатку родному сыну, онъ поступаетъ вполне въ духѣ рыцарства того «ужаснаго вѣка».

Такимъ образомъ, сцена у герцога создана съ двойною цѣлью: во-первыхъ, съ драматической—чтобы разрѣшить непримиримый конфликтъ между скупостью и радостью жизни и, во-вторыхъ, съ цѣлью психологической—чтобы показать, что, кромѣ жадности къ золоту, во всемъ остальномъ старый баронъ такой же рыцарь, какъ и его сынъ, одинаково гордый, безстрашный, вѣрный культу чести.

Но недовольствуясь этимъ сопоставленіемъ по методу подобія, Пушкинъ прибѣгаетъ еще къ болѣе яркому методу контраста. На ряду съ барономъ выводится жидъ Соломонъ, который также служитъ кумиру денегъ, также жаденъ въ приобрѣтеніи и безжалостенъ при взысканіи. Ужъ, конечно, жидъ Соломонъ не сжалится надъ вдовой, которую онъ можетъ посадить въ тюрьму за долгъ ея мужа, и не откажется отъ дублона, принесеннаго бродягой Тибо. Въ своей любви къ деньгамъ онъ идетъ дальше барона, не довольствуется одними законными средствами наживы, но горгуется ядомъ и не брезгуетъ преступленіемъ. На поверхностный взглядъ можетъ показаться, что жидъ поклоняется тому-же Богу, какъ и баронъ, и одержимъ тѣмъ-же недугомъ скупости. Но взгляните пристальнѣе, и вы увидите, что сходство между барономъ и жидомъ только паружное, что въ своемъ отношеніи къ міру они стоятъ на разныхъ, противоположныхъ полюсахъ. Въ любви жидъ къ деньгамъ ищетъ ничего необъяснимаго, мистическаго. Онъ для него, такъ же, какъ для Альбера, какъ для большинства нормальныхъ людей,

не цѣль, а средство, и если жидъ неистовѣе служить деньгамъ, чѣмъ другіе, то потому, что положеніе его въ мірѣ исключительное. Онъ на чужбинѣ. Онъ отвыкъ защищать себя съ оружіемъ въ рукахъ и оттого сталъ слабъ и трусливъ. Оскорбленія—это та атмосфера, среди которой онъ вынужденъ жить, если хочетъ жить. Безоружный въ толпѣ вооруженныхъ, онъ всѣ свои надежды возлагаетъ лишь на свое имущество. Для него золото—тоже, что щитъ для черепахи, что иглы для ежа,—единственное средство не быть раздавленнымъ многочисленными, спящими кругомъ врагами. Не таковъ баронъ. Онъ живетъ среди своихъ; онъ находится въ милости у стараго герцога, предъ нимъ открытъ входъ ко двору, ему дороги интересы родной страны, и онъ не притворяется, когда говоритъ герцогу:

Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ кряхти вѣзъ снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукою дрожащей обнажить.

И, что всего важнѣе, баронъ не панугаетъ жизнью и, даже находясь среди своихъ завѣтныхъ сундуковъ, не чувствуетъ страха:

Кого бояться милѣ?
При милѣ мой мечъ. За золото отвѣтитъ
Честной булатъ.

Если же баронъ скрываетъ отъ глазъ людскихъ свои сокровища, то дѣлаетъ это не изъ страха, а изъ гордаго презрѣнія къ людямъ, не желая осквернить ихъ приближеніемъ свою святыню.

Какъ видно, ни одинъ изъ мотивовъ, опредѣляющихъ сребролюбіе Соломона, не примѣнимъ къ барону. Такимъ образомъ, не прибѣгая къ разсужденіямъ, Пушкинъ сумѣлъ однимъ путемъ художественныхъ сопоставленій устранить всѣ поверхностныя и ложныя объясненія скупости, очистить эту страсть отъ всего случайнаго и мелкаго и изобразить ее въ ея идеальной сущности. Любовь барона къ деньгамъ не можетъ быть сведена ни къ какимъ практическимъ соображеніямъ. Золото не нужно ему ни для чего. Оно для него не средство, ведущее къ какой-бы то ни было цѣли, а сама цѣль—разсудочно непостижимая, безкорыстная, почти мистическая, почти религіозная, предметъ культа, граничащаго съ безуміемъ, въ одно и то же время священнаго и страшно недѣльнаго, смѣшнаго.

Скупость, въ томъ чистомъ видѣ, какъ ее изображаетъ Пушкинъ, корнями своими уходитъ въ послѣдній трагизмъ жизни, которымъ обусловлена несбыточность всѣхъ надеждъ, неустойчивость всякаго счастья, неисполнимость всѣхъ желаній. Души робкія и слабыя, не таящія въ себѣ огня страстей, довольствующіяся малымъ могутъ прожить долгую жизнь, не догадываясь объ этомъ трагизмѣ, потому что судьба, препятствующая человѣку пройти до конца путь, ведущій къ счастью, стоитъ не въ началѣ, а въ концѣ этого пути. Зато личности могучія, съ закаленной волей и неукротимыми желаніями, должны наткнуться на этого стража, и тогда имъ предстоитъ или бороться съ нимъ и героически погибнуть, или же повернуть назадъ. Но и тутъ ихъ ожидаетъ двойной жребій. Одинъ, познавъ трагическую несоизмѣримость между существующими благами и невозможнымъ счастьемъ, отказываются отъ этихъ благъ, избираютъ добровольную нищету и уходятъ изъ міра. Другіе, наоборотъ, жадно ногтями и зубами въцепляются въ эти блага, или, что все равно, въ золото, на которое они могутъ быть пріобрѣтаемы, но, чтобы избѣгнуть горечи, скрытой на днѣ выпитыхъ наслажденій, не касаются чаши губами, а лишь глядятъ на нее, мечтая о возможномъ наслажденіи. Аскеза и скупость имѣютъ между собой то общее, что и та и другая требуютъ добровольнаго отреченія, налагаютъ тяжелый зарокъ и превращаютъ жизнь въ длительное искушеніе.

Кто знаетъ сколько горькихъ воздержаній,
Обузанныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мѣ
Все это стоило?

Развѣ эти слова, произносимыя скупымъ въ его подвалѣ, не были бы на мѣстѣ въ устахъ отшельника въ его кельѣ? Подобно аскезѣ, и скупость даетъ душѣ какой-то просторъ, такъ какъ скупой, наслаждаясь не самыми благами жизни, а ихъ символами, почти не видитъ предѣловъ своего счастья и своей власти. А все безпредѣльное кажется священнымъ, и когда старый баронъ называетъ свои сундуки «священными сосудами», а заключающіеся въ нихъ червонцы «царскимъ елеемъ» или сравниваетъ ихъ покой со сномъ боговъ, то онъ въ сущности соприкасается съ какой-то правдой. Тѣнь предметовъ безплотиѣ и потому

какъ-то духовиѣ, священнѣ самихъ предметовъ.

Но между аскезой и скупостью существуетъ и глубокое различіе. Аскетъ мѣняетъ одинъ подвигъ на другой, одну дѣйствительность на другую, одиѣ радости на другія. Отказываясь отъ пользованія мірскими благами, онъ перестаетъ бороться за эти блага; въ его поведеніи нѣтъ противорѣчій; оно устойчиво и разумно. Между тѣмъ скупой мѣняетъ дѣйствительность на ея отраженіе, отъ реальныхъ вещей обращается къ возможнымъ, отъ счастья къ символамъ счастья. Но отношеніе къ символамъ у него остается не символическое, не безкорыстно-созерцательное, а прежнее, вождѣвающее, воинственное. Онъ продолжаетъ бороться за добываніе благъ, которыми не пользуется—и, такимъ образомъ, впадаетъ въ нелѣпное противорѣчіе съ самимъ собой. Скупой—это голодный, который, сидя за столомъ, убраннымъ его любимыми яствами, предпочитаетъ умереть съ голода, такъ какъ слишкомъ любить эти яства для того, чтобы, съѣвъ, уничтожить ихъ... Вотъ почему подвигъ аскетата такъ жетрагиченъ, какъ и подвигъ героя, между тѣмъ какъ томленіе скупости является какимъ-то болѣзненнымъ новообразованіемъ душевнымъ, необыкновенной смѣсью силы и безсилія, мудрости и нелѣпости. Скупость похожа на уродливое, выросшее среди камней, опрокинутое дерево, ибо корнями своими скупость тянется вверхъ, къ высшему трагизму жизни, а вѣтвями и вершиной свисаетъ надъ бездной комизма и безумія. Скупость по существу—страсть трагикомическая, и Пушкинъ, озаглавивъ свой этюдъ трагикомедіей, понялъ этотъ духовный феноменъ глубже и вѣрнѣе, нежели всѣ другіе художники, изображавшіе скупость, не исключая Мольера, Гоголя, Бальзака.

Наконецъ, чтобы завершить этотъ краткій эстетическій разборъ, слѣдуетъ замѣтить, что съ этимъ трагикомическимъ сюжетомъ необыкновенно гармонируетъ самый тонъ драмы, самый строй стиха, въ одно и то же время величаво-важнаго и радостно-легкаго, всегда какъ бы озареннаго улыбкой,—мудрой, свѣтлой, олимпийской пушкинской улыбкой.

И такъ, разсмотрѣвъ «Скупого Рыцаря» съ точки зрѣнія отвлеченныхъ законовъ эстетики, слѣдуетъ признать эту драму во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненной, и если можно въ чемъ-либо упрекнуть Пушкина, то развѣ лишь въ точности одного сравне-

нія, именно того, которымъ начинается монологъ барона:

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой
Изъ душой, имъ обманутой...

Любовь скупого къ золоту всего менѣе похожа на влеченіе повѣсы къ развратницѣ или къ обманутой имъ дурѣ, ибо это любовь безъ удовлетворенія, любовь, по формѣ платоническая, только безъ духовнаго содержанія платонизма. Скупецъ — это тотъ же скопецъ, развратный и цѣломудренный, но уже никакъ не повѣса. За исключеніемъ же этого неточнаго сравненія [впрочемъ, вложеннаго въ уста самого барона, которому позволительно ошибаться на свой собственный счетъ], вся драма, повторяемъ, съ точки зрѣнія всеобщей эстетики должна быть признапа, по формѣ и по содержанію, безупречнымъ художественнымъ произведеніемъ.

Но можно-ли довольствоваться, при разборѣ великихъ произведеній, одними законами всеобщей эстетики? Въ созданіи такихъ произведеній, кромѣ личной гениальности автора, участвуетъ еще одинъ факторъ, загадочный, трудно опредѣлимый, но весьма дѣятельный, — участвуетъ еще національный гений того народа, къ которому принадлежитъ авторъ. Двѣ поэмы, написанныя двумя равной творческой силы поэтами, будутъ разниться по своей значительности, потому что каждая изъ нихъ отразитъ другую народную психологію, другую историческую судьбу, другія надежды, другое призваніе. Казалось бы, что великій художникъ долженъ быть наиболѣе самостоятеленъ въ своихъ вдохновеніяхъ, наименѣе связанъ со случайностями исторіи, черпать изъ глубины собственного духа. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Чѣмъ писатель гениальнѣе, тѣмъ онъ какъ бы менѣе свободенъ въ полетѣ своей мечты, тѣмъ болѣе вѣрнымъ, рабски вѣрнымъ толкователемъ является онъ тѣхъ смутныхъ чувствъ и мыслей, которыя уже пережиты миллионами маленькихъ невѣдомыхъ людей, составляющихъ толщу народную. Гений питаетъ всѣхъ, но не потому ли, что онъ самъ питается жизнью всѣхъ? Чтобы понять возникновеніе художественнаго произведенія, нужно представить себѣ, что писатель держитъ перо и пишетъ, между тѣмъ какъ его рукою водитъ стоящій за его спиною національный гений. Должно быть, творческій актъ такъ безпредѣльно труденъ, что не подъ силу онъ

одному человѣку, хотя бы и гениальному. Эта двойственность творчества обыкновенно не замѣчается нами по той причинѣ, что она составляетъ всеобщій законъ, почти не знающій исключенія. Великій писатель не можетъ не быть выразителемъ безсознательно живущаго въ немъ народнаго духа, а, съ другой стороны, національный гений ни въ чемъ другомъ такъ рѣзко не раскрывается, какъ въ твореніяхъ гениальныхъ личностей. Разладъ или, во всякомъ случаѣ, отсутствіе гармоніи наступаетъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ, напримѣръ, когда писатель съ большимъ дарованіемъ, хотя бы въ родѣ Гейне, выброшенъ изъ среды своего народа въ чужую народность, и когда, слѣдовательно, его національный гений преломился въ призмѣ чужого ему языка и духа. Такое же отсутствіе гармоніи можетъ проявиться въ литературѣ вновь нарождающейся, когда національный гений еще не раскрытъ, не раскованъ, еще бесплени одолѣть могучія внѣшнія вліянія. И вотъ именно этотъ разладъ чувствовался въ русской литературѣ за весь первый періодъ ея развитія, когда она шла впередъ на чужіе огни, еще не видя самобытныхъ великихъ цѣлей, которымъ вскорѣ суждено было зажечься передъ нею. Весь этотъ періодъ по справедливости называется до-пушкинскимъ, потому что Пушкинъ, равно какъ Гоголь и Лермонтовъ, по ранѣе и глубже, чѣмъ они, впервые стали отражать въ своихъ произведеніяхъ особенности русскаго гения. Стали отражать, но не отразили и не могъ отразить, потому что проявленіе національнаго гения зависитъ отъ причинъ историческихъ, превышающихъ силы отдѣльной личности. Особенности русскаго гения сказались въ произведеніяхъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя скорѣе въ методѣ творчества, въ особой искренности тона, въ удивительномъ соединеніи реалистической манеры съ идеалистическимъ содержаніемъ, по не въ самомъ содержаніи, не въ новомъ озареніи жизни, не въ устремленіи къ новымъ цѣлямъ. Всѣмъ этимъ сторонамъ русскаго гения суждено было раскрыться не въ поэзіи, а въ прозѣ, въ безсмертномъ, непревзойденномъ русскомъ романѣ, сразу установившемъ гегемонію нашей литературы во всемъ мірѣ и поставившемъ ее на ту высоту, на какой до сихъ поръ стояли только греческій эпосъ и греческая трагедія. Но все это произошло послѣ Пушкина, и если бы наша литература печально оборвалась на Пушкинѣ, Лермон-

товѣ и Гоголѣ, то ни сама Россія, ни образованное человечество никогда бы не узнали, въ чемъ заключается русскій гений и существуетъ ли таковой... Вѣрность такого предположенія видна изъ того, что самый искреннѣйшій и чуткѣйшій критикъ того литературнаго періода—Бѣлинскій—самъ крайне смутно различалъ самобытныя особенности русскаго творчества и едва ли сознавалъ, что критеріи, по которымъ слѣдуетъ судить извѣстную литературу, содержатся въ ней самой, а не въ внѣ ея. Такъ, разбирая «Скупого Рыцаря», Бѣлинскій перечисляетъ достоинства этой драмы и заключаетъ разборъ слѣдующими словами: «по выдержанности характеровъ [скряги, его сына, герцога, жида], по мастерскому расположенію, по страшной силѣ пафоса, по удивительнымъ стихамъ, по полнотѣ и оконченности, словомъ, по всему—эта драма—огромное, великое произведеніе, вполне достойное гения самого Шекспира».

Очевидно, Бѣлинскому все литературы всѣхъ народовъ представлялись въ видѣ единой идеальной республики, которая управляется по однимъ и тѣмъ же общеобязательнымъ эстетическимъ законамъ, и во главѣ которой, по крайней мѣрѣ, въ той ея области, которая называется драмой, стоитъ самъ Шекспиръ. Намъ теперь такое представленіе кажется устарѣлымъ. Никто изъ насъ не скажетъ, что «Власть тьмы» или «Преступленіе и Наказаніе» такъ совершенны, что достойны гения Шекспира или Дикенса. Мы, наоборотъ, увѣрены, что эти совершенныя произведенія не могли быть написаны ни Шекспиромъ, ни Дикенсомъ именно потому, что они созданы самими Толстымъ и самимъ Достоевскимъ. Мы согласны съ Бѣлинскимъ, что «Скупой рыцарь» достоинъ пера Шекспира; но, принимая этотъ приговоръ, мы сказали бы, что этимъ ограничивается произведеніе Пушкина, если бы слово «ограничивать» не было здѣсь неумѣстнымъ. Сравнивать гения писателя съ гениемъ его народа—не значитъ ограничивать первый. Между тѣмъ сравненіе это приходится дѣлать, хотя это трудъ нелегкій, такъ какъ самобытныя черты національнаго гения выплываются десятками поколѣній и складываются подъ давленіемъ многовѣковой исторіи.

Основная ячейка европейскаго эпоса и европейской драмы—это сильная личность, отшлифованная въ борьбѣ за существованіе съ такими же сильными личностями, получившая въ этой борьбѣ свой закалъ,

свою опредѣленную окраску, ставшую тѣмъ, что называется типомъ или характеромъ. Та же борьба, которая происходитъ въ обществѣ между разными личностями, разыгрывается въ душѣ отдѣльной личности между одушевляющими ее страстями, изъ которыхъ одна, самая сильная, становится преобладающей, *passion-maitresse*, вліяетъ на поступки и настроенія этого лица. Борьба страстей въ отдѣльной личности и борьба характеровъ въ семьѣ и обществѣ—вотъ содержаніе европейской литературы. Страсти и характеры играютъ тутъ такую же роль, какъ дѣйта въ живописи. Составить узоръ изъ страстей и типическихъ характеровъ, такъ расположить ихъ игру, чтобы вызвать въ читателѣ или зрителѣ одно изъ пассивныхъ симпатическихъ чувствъ—удивленіе, ужасъ, жалость, сочувствіе, негодованіе,—вотъ дѣлъ европейской литературы.

Поступая такимъ образомъ, европейскій эпосъ и театръ шли тѣмъ же путемъ, какимъ шла исторія европейскаго общества и государства, которыя возникли, какъ производныя величины сильной личности. Народная исторія и была тѣмъ жизненнымъ прототипомъ-романомъ, той оригинальной нерукотворной трагедіей, въ подражаніе которымъ поэты создавали свои рукописныя новеллы и драмы. Но именно по этой причинѣ русская литература, какъ только въ ней проснулся національный гений, уже не могла идти по стопамъ европейской и создавать узоры изъ преобладающихъ страстей или изображать столкновеніе сильныхъ личностей. Русское государство, въ противоположность европейскому, не было функцией и продолженіемъ сильной личности, а, наоборотъ, развивалось и крѣпло, какъ противовѣсъ личности, сковывая ее, убивая личную энергію и личное достоинство насчетъ заботы о государственной дѣлности и о защитѣ границъ. Тѣ же могучія личности, которыя выплывали русская дѣйствительность, были слабы не индивидуальной, а государственной волей, и, въ свою очередь, являлись гасителями личной самостоятельности, орудіями попытки для автономной личности. На ряду съ государствомъ, въ томъ же духѣ дѣйствовала и церковь, и русская личность, сплюснутая между государственнымъ молотомъ и церковной наковальней, становилась или безвольно-дряблой, или же зажигалась воодушевленіемъ альтруизма—государственного, народнаго, всечеловѣческаго.

Вотъ почему русская литература, съ той

минуты, какъ въ ней проснулся духъ національнаго генія, сразу отдѣлилась отъ европейской, избрала другой объектъ и другую цѣль творчества. Въмѣсто игры страстей и борьбы сильныхъ типическихъ личностей, которыхъ наша исторія не создавала, русская литература избрала своимъ объектомъ или опустошенную личность—Обломовыхъ, Лишнихъ людей, или же личность, добровольно побѣдившую въ себѣ *principium individuationis* во имя альтруизма. Таковы всѣ положительные герои русскаго романа. Цѣль же этого романа, въ отличие отъ европейскаго, заключается въ возбужденіи въ читателѣ не только пассивныхъ, симпатическихъ чувствъ, но и активныхъ, нравственно-религіозныхъ. Понятно поэтому, почему вообще драма не процвѣтала у насъ. Построить драматическую коллизію на чувствахъ и поступкахъ бездѣйствующихъ безличностей—задача нелегкая, и, кажется, съ нею справился одинъ только Чеховъ. Понятно также, почему у насъ невозможны были произведенія, посвященные изображенію какой-нибудь одной преобладающей страсти—честолюбія, ревности, скупости. Всякая *passion-maitresse*, очутившись подъ давленіемъ русской дѣятельности, должна была или превратиться въ уродливое безсильное маньячество, или же внутренно перегорѣть на огнѣ раскаянія, излучиться въ эфиръ альтруизма. И Пушкинъ, изображивъ типически-отшлифованную, снѣдаемую всемогущей страстью фигуру Скупого Рыцаря, творилъ, такъ сказать, на рискъ и счетъ своего собственнаго генія, въ вѣнцѣ и вліяніи національнаго генія русской литературы. Правда, изъ всѣхъ страстей скупость—какъ разъ та, въ которой одинаково сказываются какъ сила, такъ и безсиліе личности, и возможно, что въ обществѣ, сложившемся, подобно нашему, подъ гнетомъ гипертрофированной государственности, порокъ скупости долженъ встрѣчаться особенно часто. Но въ такомъ случаѣ намъ гораздо ближе, родственнѣе и нужнѣе повѣсть Гоголя о Плюшкинѣ—жалкой безличности, расплюсченной русской безтолочью, столь же неспособной и безсильной, какъ неспособная маниакальная скупость, приведшая его къ ниществу и къ грудѣ мусора, а не къ сундукамъ съ золотомъ—эмблемѣ силы и власти. Сравнивая между собою эти два образа скупцовъ, Бѣлинскій говоритъ: «Плюшкинъ Гоголя—гадокъ, отвратителенъ; это лицо комическое. Баронъ Пушкина—ужасенъ;

это лицо трагическое». Съ точки зрѣнія законовъ отвлеченной эстетики это, можетъ быть, и такъ. Но съ точки зрѣнія законовъ, управляющихъ русской литературой, образъ Плюшкина ужасенъ, потому что въ немъ въ искаженномъ видѣ отражена русская дѣйствительность, а образъ Скупого Рыцаря безразличенъ: одна изъ художественныхъ возможностей—не болѣе.

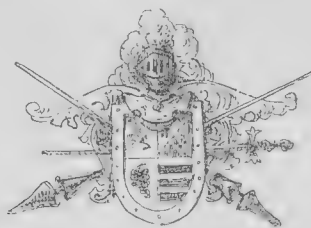
Достойна вниманія слѣдующая черта эстетической психологіи. Казалось бы, каждый народъ долженъ цѣнить въ чужой литературѣ тѣ стороны, которыя ему всего знакомѣе и ближе. Въ дѣйствительности мы видимъ противоположное. Въ чужой литературѣ мы не только выше цѣнимъ, но легче и глубже воспринимаемъ ея самобытныя стороны, т. е. то, что отъ насъ всего дальше и всего менѣе намъ знакомо. Намъ случилось наблюдать отношеніе французской публики къ двумъ произведеніямъ Пушкина. Первое—«Борисъ Годуновъ». Эта драма, въ которой хотя смутно, но уже намѣчены всѣ особенности русскаго творчества, драма, съ точки зрѣнія европейской эстетики невозможная, ибо въ ней героемъ является не личность, а государство, весь русскій народъ, передъ стилизированной волей котораго внутренно смиряется, уничтожается воля отдѣльной дерзнувшей было утвердить себя личности Годунова. И вотъ, благодаря именно своей необычайности, Борисъ Годуновъ потрясъ европейскую публику, повѣрившую въ правдивость этой русской драмы, отъ которой на ея индивидуализмъ повѣло чѣмъ-то огромнымъ, просторнымъ, сверхличнымъ. Второй изъ названныхъ пьесъ былъ какъ разъ «Скупой Рыцарь», вошедшій вмѣстѣ съ комедіями Плавта, Мольера и какого-то китайскаго драматурга въ циклъ пьесъ, трактующихъ о скупости, которыя дирекція одного изъ субсидируемыхъ театровъ давала утренними спектаклями, главнымъ образомъ, для учащейся молодежи. «Скупой Рыцарь» шелъ въ прозаическомъ переводѣ. слѣдовательно, зритель не могъ быть подкупленъ обаяніемъ пушкинскаго стиха, благодаря которому каждая строчка его поэмы кажется намъ чѣмъ-то священнымъ, недопускающимъ сравненій и ограниченій. Оставалось только содержаніе, оставался образъ Скупого Рыцаря, столь родственныи, столь доступный пониманію европейцевъ. Но впечатлѣніе отъ пьесы получилось блѣдное. Европейской публикѣ драма Пушкина казалась и слишкомъ близкой и слишкомъ

далекой. Слишком близкой, потому что русская пьеса, трактующая о рыцаряхъ и турнирахъ, казалась мало оригинальной. Слишкомъ далекой, потому что въ пьесѣ отсутствовала какая-то жизненная ткань, отсутствовало все то стихійно-безсознательное, что приносить въ произведеніе участіе въ немъ національнаго генія. По замыслу, драма Пушкина была самой глубокой изъ всего цикла, но какъ будто чувствовалось, что въ ней нѣтъ исторической плоти, что ее писалъ художникъ, не выросшій среди сильныхъ индивидуальностей, не дышавшій въ атмосферѣ всепоглощающихъ страстей.

Пушкинъ въ рукописи назвалъ свою пьесу сценами изъ Ченстоновой трагикомедіи «The cavetous Knight». Эта строчка задала много хлопотъ критикамъ Пушкина, которые тщетно разыскивали творенія не

существующаго Ченстопа. Одинъ изъ критиковъ даже обратился съ запросомъ къ директору Британскаго музея, который отвѣтилъ, что русскій поэтъ, вѣроятно, подшутилъ надъ своею публикой, желая ее мистифицировать. Но едва ли догадка англичанина вѣрна. Не правильнѣе ли допустить, что отъ пропитательнаго ума Пушкина не скрылось, что, берясь за тему о Скупомъ Рыцарѣ, онъ выходитъ за предѣлы русской психики и русскаго творчества. Во всякомъ случаѣ, въ надписи Пушкина скрывается глубокий смыслъ. «Скупой Рыцарь», въ самомъ дѣлѣ, является если не переводомъ въ буквальномъ смыслѣ и не подражаніемъ, то продолженіемъ творчества любого европейскаго драматурга, подражаніемъ не существующему образу, переводомъ, такъ сказать, съ европейскаго.

Н. Минскій.

Скупой

Представь ирб. друг от кофидан
Кем яроу от чуждого поддмиланх
Васильев

(The Miser Knight)

(Первоначальное заглавие «Скупой Рыцаря». Румянц. Музей. Реплика № 2376)

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.
Картина К. Степанова.

644. СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(Сцены изъ Ченстоновой трагедии-комедии).

(The careceus Knight).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(Въ башнѣ).

АЛЬБЕРТЬ И ИВАНЪ.

АЛЬБЕРТЬ.

Во что бы то ни стало, на турнирѣ
Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ.
(Иванъ подаетъ ему шлемъ).

Пробить насквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ! проклятый графъ Делоржъ!

ИВАНЪ.

И вы ему порядкомъ оплатили:
Какъ изъ стремятъ вы вышибли его,
Онъ сутки замертво лежалъ—и врядъ ли
Оправился.

АЛЬБЕРТЬ.

А все жъ онъ не въ убыткѣ;
Его нагрудникъ цѣль Венеціанскій,
А грудь своя: гроша ему не стоитъ;
Другой себѣ не станетъ покупать.
Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ-же!
А снялъ бы я, когда бъ не было стыдно
Мнѣ дамъ и Герцога. Проклятый Графъ!
Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ.
И платье нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ
За Герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ, что на турнирѣ попалъ случайно.
А нынче что скажу? О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!
Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
А я съ открытой головой припорхнулъ
Эмпра моего, помчался вихремъ
И бросилъ Графа на двадцать шаговъ,
Какъ маленькаго Пажа; какъ всѣ дамы
Привстали съ мѣстъ, когда сама Клотильда,
Закрывъ лицо, невольно закричала
И славилъ Герольды мой ударъ:
Тогда никто не думалъ о причинѣ
И храбрости моей и силы дивной!
Взбѣялся я за поврежденный шлемъ;
Геройству что виною было?—скупость.
Да! заразиться здѣсь нетрудно ею
Подъ кровлею одной съ моимъ отцомъ.
Что бѣдный мой Эмиръ?

ИВАНЪ.

Онъ все хромаетъ.
Вамъ выѣхать на немъ еще нельзя.

АЛЬБЕРТЬ.

Ну, дѣлать нечего: куплю гнѣдова.
Недорого и просить за него.

ИВАНЪ.

Недорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Что-жъ говоритъ бездѣльникъ Соломонъ?

ИВАНЪ.

Онъ говоритъ, что болѣе не можетъ
Въ-займы давать вамъ денегъ безъ заклада.

АЛЬБЕРТЬ.

Закладъ! а гдѣ мнѣ взять заклада, дьяволъ.

ИВАНЪ.

Я сказывалъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Что-жъ онъ?

ИВАНЪ.

Кряхтитъ да жметъся.

АЛЬБЕРТЬ.

Да ты бъ ему сказать, что мой отецъ
Богатъ и самъ какъ жидъ, что рано-ль,
поздно-ль

Всему наследую.

ИВАНЪ.

Я говорилъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Что-жъ?

ИВАНЪ.

Жметъся да кряхтитъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Какое горе!

ИВАНЪ.

Онъ самъ хотѣлъ придти.

АЛЬБЕРТЬ.

Ну, слава Богу.

Безъвыкупаневыкупающаго. *(Стучатъ въ дверь).*
Кто тамъ? *(Входитъ жидъ).*

ЖИДЪ.

Слуга вашъ низкій.

АЛЬБЕРТЬ.

А, пріятель!

Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долгъ.

ЖИДЪ.

Ахъ, милостивый Рыцарь,

Клянусь вамъ: радъ бы... право не могу.
Гдѣ денегъ взять? Весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая.
Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ просить,
Не можете-ль хоть часть отдать...

АЛБЕРЪ.

Разбойникъ!

Да еслибъ у меня водились деньги,
Съ тобою сталъ-либъ я возиться? Полно,
Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ,
Давай червонцы. Высыпи мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

жидъ.

Сотню!

Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

АЛБЕРЪ.

Слушай:

Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать?

жидъ.

Клянусь вамъ...

АЛБЕРЪ.

Полно, полно.

Ты требуешь заклада? что за вздоръ!
Что дамъ тебѣ въ закладъ? свищую кожу?
Когда бъ я могъ что заложить, давно
Ужъ продалъ бы. Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?

жидъ.

Ваше слово,

Пока вы живы, много, много значить.
Всѣ сундуки Фламандскихъ богачей
Какъ талисманъ оно вамъ отогреть.
Но если вы его передадите
Мнѣ, бѣдному Еврею, а межъ тѣмъ
Умрете (Боже сохрани), тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

АЛБЕРЪ.

Ужель Отецъ меня переживетъ?

жидъ.

Какъ знать? Дни наши сочтены не нами:
Цвѣлъ юноша вѣчеръ, а нынче умеръ,
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу.
Баронъ здоровъ. Богъ дастъ лѣтъ десять,
двадцать

И двадцать пять и тридцать проживетъ онъ.

АЛБЕРЪ.

Ты врешь, Еврей: Да черезъ тридцать лѣтъ
Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
Начто мнѣ пригодятся?

жидъ.

Деньги?—деньги

Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ провор-
ныхъ

И не жалѣя шлетъ туда, сюда.

Старикъ же видитъ въ нихъ друзей на-
дежныхъ

И бережетъ ихъ какъ зеницу ока.

АЛБЕРЪ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ
служить;
И какъ же служить? какъ Алжирскій рабъ,
Какъ пестъ цѣпной. Въ нетопленной кашурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ.
А золото спокойно въ сундукахъ
Лежитъ себѣ. Молчи! когда нибудь
Оно послужитъ мнѣ, лежать забудетъ.

жидъ.

Да, на Бароновыхъ похоронахъ
Прольется больше денегъ, нежели слезъ.
Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.

АЛБЕРЪ.

Amen!

жидъ.

А можно бѣ...

АЛБЕРЪ.

Что?

жидъ.

Такъ; думалъ я, что средство

Такое есть...

АЛБЕРЪ.

Какое средство?

жидъ.

Такъ—

Есть у меня знакомый старичокъ,
Еврей, Аптекарь бѣдный...

АЛБЕРЪ.

Ростовщикъ

Такой-же, какъ и ты, иль почестибѣ?

жидъ.

Нѣтъ, рыцарь, Товій торгъ ведетъ иной—
Онъ составляетъ капли... право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

АЛБЕРЪ.

А что мнѣ въ нихъ?

жидъ.

Въ стаканъ воды подлить... трехъ капель
будетъ;

Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно;
А человекъ безъ рѣзи въ животѣ,
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

АЛБЕРЪ.

Твой старичокъ торгуетъ ядомъ.

жидъ.

Да—

И ядомъ.

АЛБЕРЪ.

Что жъ? Взаимы намѣсто денегъ
Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду
За стклянку по червонцу. Такъ-ли, что ли?

жидъ.

Смѣяться вамъ угодно надо мною.
Нѣтъ; я хотѣлъ... быть можетъ вы... я ду-
малъ.

Что ужъ Барону время умереть.

Альберъ.

Какъ! отравить отца! и смѣлъ ты сыну...
Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ!...
Да знаешь-ли, жидовская душа,
Собака, змѣи! что я тебя сей часъ-же
На воротахъ повѣшу!

жидъ.

Виноватъ!

Простите, я пошутилъ.

Альберъ.

Иванъ, веревку.

жидъ.

Я... я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

Альберъ.

Вонъ, песъ!

(Жидъ уходитъ).

Вотъ до чего меня доводятъ
Отца роднаго скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ
Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина,
Я весь дрожу... Иванъ, однако жъ деньги

Мнѣ нужны. Сбѣгай за жидомъ прокля-
тымъ,

Возьми его червонцы. Да сюда
Мнѣ принеси чернильницу... Я плуту
Росписку дамъ. Да не вводи сюда
Иуду этого... Иль нѣтъ, постой,
Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ серебряники пращура его..
Я спрашивалъ вина.

Иванъ.

У насъ вина—

Или капли нѣтъ.

Альберъ.

А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонтъ?

Иванъ.

Вечоръ я снесъ послѣднюю бутылку
Больному кузнецу.

Альберъ.

Да, помню, знаю...

Такъ дай воды. Проклятое житье!
Нѣтъ, рѣшено—пойду искать управы
У Герцога: пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышъ,
Рожденную въ подпольѣ.

Скупой рыцарь въ своемъ подвалѣ.

Рисунокъ Пастернака.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Поодалъ).

Баронъ.

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой имъ обманутой, такъ я

Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сун-
дукамъ.

Счастливей день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще не-
полный)

Горсть золота накопленнаго всыпать.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

Картина О. К. Винемана.

Не много кажется, но понемногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что Царь однажды вопиамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,
И гордый холмъ возвысился—и Царь
Могъ съ вышины съ весельемъ озираться
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ—и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ? какъ ибѣи демонъ,
Отсебѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся Нимфы рѣзвою толпою;

И Музы дань свою мнѣ принесутъ.
И вольный Гений мнѣ поработится,
И добродѣтель и безсонный трудъ
Смирненно будутъ ждать моей награды.
Я свисну, и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья...

(Смотритъ на свое золото).

Кажется не много,

А сколькохъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!

Тутъ есть дублонъ старинный... вотъ онъ
Нынче

Вдова мнѣ отдала его, по прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ вои.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь по-
шелъ,

Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужинъ долгъ она мнѣ принесла
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? Этотъ мнѣ принесъ Тибо—
Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту?
Укралъ, конечно, или, можетъ быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ рошѣ...
Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранился,
Изъ пѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ—я захлебнулся бы
Въ мопхъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.

(Хочетъ отпереть сундукъ).

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ (о, пѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ, за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство...

Настъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, тоже
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ. (Отпираетъ сундукъ)

Вотъ мое блаженство!

(Всчитываетъ деньги).

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человека.
Усните здѣсь спомъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!..
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груди.
(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ).

Я царствую!... Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!... по кто во слѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣд-
никъ!

Безумецъ, разточителъ молодой,
Развратниковъ разгульных собесѣдникъ.
Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда
Подъ эти мирные, пѣмые своды,
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жад-
ныхъ.

Укралъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отпереть.
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ—
Онъ разточитъ. А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шути, какъ игроку, который
Гремитъ костями, да груди загребаешь?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, почей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,

НАСЛѢДНИКЪ СКУПОГО РЫЦАРЯ.

Рисунокъ Пастернака.

Что сердце у меня обросло мохомъ,
 Что я не зналъ желаній, что меня
 И совѣсть никогда не грызла, совѣсть,
 Когтистый звѣрь, скребящій сердце, со-
 вѣсть,
 Незванный гость, докучный собесѣдникъ,

Занимаведць грубый, эта пѣдма,
Отъ коей меркнеть мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылають?...
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станетъ ли несчаст-
ный

СКУПОЙ РЫЦАРЬ И ВДОВА.

Картина К. Степанова.

То разточать, что кровью приобрѣлъ.
О, если бѣ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ! о, еслибѣ изъ могилы

Придти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нѣмѣ!...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(Во дворцѣ).

АЛЬБЕРЪ, ГЕРЦОГЪ.

АЛЬБЕРЪ.

Повѣрьте, Государь, терпѣлъ я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда бъ не край-
ность,
Вы бъ жалобы моей не услышали.

ГЕРЦОГЪ.

Я вѣрю, вѣрю: благородный рыцарь,
Таковъ какъ вы, отца не обвинить
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало...
Спокойны будьте: вашего отца
Усовѣщу наединѣ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ
Какъ будто колоколомъ.—*(Смотритъ въ окно.)*
Это кто?

Не онъ ли?

АЛЬБЕРЪ.

Такъ, онъ, Государь.

ГЕРЦОГЪ.

Подите-жъ

Въ ту комнату. Я кликну васъ.

(Альберъ уходитъ; входитъ Баронъ.)

Баронъ,

Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

БАРОНЪ.

Я счастливъ, Государь, что въ силахъ былъ
По приказанью Вашему явиться.

ГЕРЦОГЪ.

Давно, Баронъ, давно разстались мы.
Вы помните меня?

БАРОНЪ.

Я, Государь?

Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый.—Мнѣ покойный Герцогъ
Говаривалъ: Филиппъ (онъ звалъ меня?
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь? а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ...
Предъ Вами, то есть...

ГЕРЦОГЪ.

Мы теперь знакомство
Возобновимъ. Вы Дворъ забыли мой.

БАРОНЪ.

Старъ, Государь, я нынче: при Дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любви

Турниры, праздники. А я на нихъ
Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, крихтя, взлѣзть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.

ГЕРЦОГЪ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно;
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ—но
сидемъ.

У васъ, Баронъ, есть дѣти?

БАРОНЪ.

Сынъ одинъ.

ГЕРЦОГЪ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ Дворъ наскучилъ, по ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.

БАРОНЪ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской
жизни;
Онъ дикаго и сумрачнаго права—
Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бро-
дитъ

Какъ молодой олень.

ГЕРЦОГЪ.

Не хорошо

Ему дичиться. Мы тотчасъ пріучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье...
Вы хмуритесь, устали вы съ дороги,
Быть можетъ?

БАРОНЪ.

Государь, я не усталъ;

Но вы меня смуглили. Передъ вами
Ябъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
Онъ, Государь, къ несчастью, недостойнъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводить въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ.

ГЕРЦОГЪ.

Это потому,

Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его: онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.

БАРОНЪ.

Простите мнѣ, но право, Государь,
Я согласиться не могу на это...

ГЕРЦОГЪ.
Но почему жъ?

БАРОНЪ.
Увольте старика...

ГЕРЦОГЪ.
Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

БАРОНЪ.
На сына я
Сердитъ.

ГЕРЦОГЪ.
За что?

БАРОНЪ.
За злое преступленіе.

ГЕРЦОГЪ.
А въ чемъ оно скажите состоятъ?

БАРОНЪ.
Увольте, Герцогъ...

ГЕРЦОГЪ.
Это очень странно!
Или вамъ стыдно за него?

БАРОНЪ.
Да... стыдно...

ГЕРЦОГЪ.
Но что же сдѣлалъ онъ?

БАРОНЪ.
Онъ... онъ меня
Хотѣлъ убить.

ГЕРЦОГЪ.
Убить! Такъ я суду
Его предамъ, какъ червѣго злодѣя.

БАРОНЪ.
Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ мой,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня...

ГЕРЦОГЪ.
Что?

БАРОНЪ.
Обокрасть.
(Альбертъ бросается въ комнату).

АЛЬБЕРТЪ.
Баронъ, вы лжете!

ГЕРЦОГЪ (сыну).
Какъ смѣли вы?...

БАРОНЪ.
Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!...
Ты могъ отцу такое слово молвить!...
Я лгу и передъ нашимъ Государемъ!...
Мнѣ, мнѣ... или ужъ не рыцарь я?...

АЛЬБЕРТЪ.
Вы лжете.

БАРОНЪ.
И громъ еще не гранулъ, Боже правый!
Такъ подыми жъ, и мечъ насъ разсуди!
(Бросаетъ перчатку, сынъ поспѣшно ее поды-
маетъ).

АЛЬБЕРТЪ.
Благодарю. Вотъ первый даръ отца!

ГЕРЦОГЪ.
Что видѣлъ я? Что было предо мною?
Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!
Въ какіе дни надѣлъ я на себя
Цѣпь Герцоговъ! Молчите: ты, безумецъ,
И ты тигренокъ! полно (сыну). Бросьте
это;
Отдайте мнѣ перчатку. (Отнимаетъ ее).

АЛЬБЕРТЪ (à parte).
Жаль!

ГЕРЦОГЪ.
Такъ и виплся въ нее когтями! извергъ!
Подите: на глаза мои не смѣйте
Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
Не призову васъ. (Альбертъ выходитъ).
Вы, старикъ несчастный,
Не стыдно ль вамъ...

БАРОНЪ.
Простите, Государь...
Стоять я не могу... мой колѣна
Слабѣютъ... душно!.. душно!... Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!

ГЕРЦОГЪ.
Онъ умеръ. Боже!
Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

Чѣмъ былъ для Пушкина «Моцартъ и Сальери»? Какой моментъ въ его душевной жизни, въ его поэтическомъ развитіи обозначаетъ эта драма, на что явилась откликомъ? Чрезвычайно скудны тѣ біографическіе матеріалы, на которыхъ могло бы быть твердо обосновано сужденіе о томъ, что видѣлъ самъ поэтъ въ своемъ замыслѣ, какова роль вліяній въ своеобразной формѣ выполненія, что дали Пушкину источники и чѣмъ направлялся свободный вымыселъ.

По возвращеніи изъ Болдина, гдѣ Пушкинъ провелъ осень 1830 года, онъ пишетъ Плетневу: «Вотъ что я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы «Опѣгана», восьмую и девятую, совсѣмъ готовыя въ печать; повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400), которую выдамъ апопуте; нѣсколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій, именно: «Скупой Рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Пиръ во время чумы» и «Донъ-Жуанъ». Сверхъ того написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній». Черезъ годъ, въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1832 г. появился «Моцартъ и Сальери» съ датой 26 Октября 1830 года—«безъ обманчивой ссылки на источникъ—замѣчаетъ Анненковъ *)—хотя это была еще первая драматическая сцена Пушкина, съ которой знакомилась публика, если исключить «Новую сцену къ Фаусту» (Московский Вѣстникъ, 1828 г.). Есть основанія думать, что такихъ небольшихъ и сжатыхъ драмъ Пушкинымъ было намѣчено и начато значительно больше, чѣмъ закончено. На оборотной страницѣ стихотворенія «Подъ небомъ сладостнымъ Италіи своей» Анненковъ нашелъ слѣдующій списокъ:

«Скупой.

Ромулъ и Ремъ.

Моцартъ и Сальери.

Донъ-Жуанъ.

Берольдъ Савойской.

Влюбленный бѣсъ.

Дмитрій Марина.

Курбскій».

Подчеркивая въ этомъ перечнѣ то, что осталось намъ неизвѣстнымъ, Анненковъ выражаетъ увѣренность, что всѣ эти драмы были написаны; недошедшія до насъ или истреблены авторомъ, или изложены вчернѣ и затеряны потомъ, такъ какъ «Пушкинъ никогда не дѣлалъ перечета произведеніямъ, еще не существующимъ». Во всякомъ случаѣ ихъ количество даетъ возможность строить предположенія объ ихъ размѣрахъ, точнѣе, объ ихъ стилѣ. Это, очевидно, былъ все тотъ же,—по мнѣнію Бѣлинскаго *), созданный Пушкинымъ,—«особый родъ драмы, который къ настоящему относится, какъ повѣсть къ роману». Относя къ этому роду не только «Скупого рыцаря» и «Моцарта и Сальери», но также гораздо болѣе развитую «Русалку», законченную трагедію «Каменнаго гостя» и фрагментарную «Сцену изъ Фауста», Бѣлинскій мимоходомъ отводитъ очень высокое мѣсто этимъ драматическимъ очеркамъ. Эти очерки по формѣ и объему, по по содержанію и его развитію это—трагедіи, въ полномъ смыслѣ этого слова. «По оригинальности и самобытности, онѣ не могутъ быть сравниваемы ни съ какими другими, по по глубокости идей и художественности формы, свидѣтельствующей о

*) Анненковъ. Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина (Сочиненія Пушкина. СПб. 1855 г. т. I, стр. 284).

*) Бѣлинскій. Сочиненія, изд. Венгерова, т. VI, «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды», стр. 110.

непосредственности акта творчества, изъ котораго онѣ вышли,—ихъ достоинство можетъ измѣряться только шекспировскими драмами».

Какъ бы ни была однако значительна идейная и художественная высота драматическихъ очерковъ Пушкина, законная мысль объ ихъ полной самобытности должна быть осложнена указаніемъ на тѣ литературныя впечатлѣнія, вліяніе которыхъ было, быть можетъ, не безслѣдно для формы «Моцарта и Сальери» и «Скупого рыцаря». Одновременно съ созданіемъ «драматическихъ очерковъ» Пушкинъ, несомнѣнно увлекался Барри Корнуолемъ *). Для перевода Вильсоновой «City of the Plague», сдѣланнаго также осенью 1830 года, Пушкинъ руководствовался тѣмъ же парижскимъ изданіемъ (1829) англійскихъ поэтовъ, изъ котораго онъ познакомился съ Корнуолемъ. Онъ, стало быть, уже былъ знакомъ съ «Dramatic scenes», когда писалъ свои «отрывки»; для отдѣльнаго изданія ихъ онъ предполагалъ даже позаимствовать у Корнуоля его общее заглавіе. «Въ 1830 году,—сообщаетъ Анненковъ,—онъ думалъ собрать драматическіе отрывки и издать ихъ отдѣльной книжкой. Онъ уже приготовлялъ заглавный листокъ для нихъ, разукрашенный по извѣстному его обыкновению рисовывать свои рукописи—изображеніемъ рыцаря въ доспѣхахъ и головы пожилого мужчины. На листкѣ этомъ мы читаемъ слова, которыми Пушкинъ принаровлялся къ оглавленію и, такъ сказать, пробовалъ его: «Драматическія сцены», «Драматическіе очерки», «Драматическія изученія», «Опытъ драматическихъ изученій». Извѣстно, что два стихотворенія Пушкина—«Пью за здравіе Мери» и «Я здѣсь, Инсизилья» основаны на стихахъ Барри Корнуоля, къ которому поэтъ сохранилъ вниманіе до послѣднихъ дней своей жизни; передъ самой смертью онъ посылалъ А. О. Ишимовой «Драматическія сцены» англійскаго поэта съ просьбой перевести ихъ. Такимъ образомъ мысль о нѣкоторомъ вліяніи драмъ Корнуоля напрашивается сама собою; болѣе тщательное ихъ изученіе подтверждаетъ ее. Въ предисловіи къ своему переводу драматической сцены Барри Корнуоля «Людовика

Сфорда» («Русское Слово» 1860 г. № 3). извѣстный переводчикъ и поэтъ М. А. Михайловъ *) высказываетъ «предположеніе, что именно чтеніе «Драматическихъ сценъ» англійскаго поэта подало Пушкину мысль къ его собственнымъ удивительнымъ отрывкамъ: Скупой рыцарь, Моцартъ и Сальери, Донъ Жуанъ. Форма ихъ очень напоминаетъ Корнуоля: та же краткость, та же простота, то же отсутствіе всего лишняго, ненужныхъ лицъ, ненужныхъ словъ, а главное—то же стремленіе двумя-тремя бѣглыми сценами дать почувствовать драму, для полного развитія которой понадобились бы очень широкіе размѣры. Сильное впечатлѣніе, произведенное на Пушкина «Драматическими сценами», становится все яснѣе, когда читаешь ихъ вслѣдъ за пушкинскими сценами, хотя русскій поэтъ является тутъ почти всюду головой выше англійскаго».

Рядомъ съ второстепеннымъ шекспированцемъ Барри Корнуолемъ, знакомство съ которымъ, быть можетъ, навѣяло новую сжатую драматическую форму, надо было бы вспомнить и о вліяніи самого великаго учителя. Но Шекспировскіе завѣты въ «драматическихъ сценахъ» значительно менѣе замѣтны и менѣе конкретны, чѣмъ въ «Борисѣ Годуновѣ». Любопытиѣ другія вліянія. Уже въ предисловіи къ «Борису Годунову» **) отмѣчены элементы трагедіи, въ которыхъ «Пушкинъ отступалъ отъ пріемовъ творчества Шекспира и ближе стоялъ къ принципамъ французскаго классицизма». Въ «драматическихъ очеркахъ» послѣднее вліяніе еще замѣтнѣе. Здѣсь нѣтъ уже «вольнаго и широкаго развитія характеровъ», нѣтъ «необыкновеннаго составленія типовъ»; здѣсь вольность и широта уступаютъ мѣсто сосредоточенной глубинѣ; конкретность типа смѣнилась его отвлеченной всенародностью. Въ указанной выше статьѣ Н. К. Козминъ правильно отмѣчаетъ, что «когда заходитъ рѣчь о драмахъ Пушкина, писанныхъ въ 1830 году, то стремленіе его обособить, изолировать какой-либо типъ съ преобладаніемъ извѣстной страсти, набросать двѣ, три сцены безъ всякихъ лишнихъ эпизодовъ и дѣйствующихъ лицъ наводитъ на мысль объ отдаленномъ вліяніи ложноклассицизма».

*) Брайнъ Уолтеръ Проктеръ, извѣстный подъ псевдонимомъ Barry Cornwall, англійскій поэтъ (1790—1874), авторъ «Dramatic scenes» (1815), пытавшійся внести новое направленіе въ драму на почвѣ глубокаго изученія Шекспира и его современниковъ.

*) Цит. въ статьѣ М. Козмина «Взглядъ Пушкина на драму» въ сборникѣ Сиб. историко-филологическаго факультета «Памяти Пушкина». Спб. 1900.

**) Наст. изд. т. II, стр. 301.

(Скупой, гений, человекъ минуты—вотъ герои этихъ произведений)». За это соображеніе говорятъ записки самого поэта: «Искренно признаюсь, что я воспитанъ въ страхъ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюсь, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и что всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суетно порабощать литературную совѣсть? зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повируется законамъ своего языка? Онъ долженъ владѣть своимъ предметомъ, несмотря на загроможденность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, несмотря на грамматическія оковы...» «Воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, русскіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ сею критикою, и неохотно смотрятъ на все, что не подходитъ подъ ея законы. Нововведенія опасны и, кажется, не нужны».

Эти глубокія замѣчанія, такъ сказать, опредѣляющія границы законной повизны, особенно цѣнны, конечно, въ устахъ поэта, гениальное творчество котораго является поворотнымъ пунктомъ въ развитіи цѣлой литературы. Оно показываетъ, какъ много сознательнаго было въ образномъ мышленіи Пушкина и какъ, между прочимъ, оно мало сходствовало съ творчествомъ изображеннаго имъ Моцарта, въ драматическомъ портретѣ котораго охотно усматриваютъ самого автора драмы. Вѣрнѣе всего предположить, что для двухъ образовъ ея Пушкинъ не имѣлъ опредѣленныхъ моделей въ окружающей его жизни; это типы болѣе, чѣмъ индивидуальности. Менѣе всего опирался Пушкинъ на живыя характеристики тѣхъ историческихъ лицъ, которые явились героями его драмы. Одна замѣтка на клочкѣ бумажки, «отрванномъ отъ частной и совершенно незначительной записки», показываетъ, что соединило для Пушкина идею зависти съ именемъ Сальери:

«Въ первое представленіе Донъ-Жуана, — пишетъ Пушкинъ, — въ то время, когда весь театръ безмолвно удивался гармоніей Моцарта, раздался свистъ; всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, а знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, слѣдаемый завистью».

«Сальери умеръ лѣтъ 8 тому назадъ. Нѣкоторые нѣмцкіе журналы говорили, что на ордѣ смерти онъ признался будто бы въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта».

«Завистникъ, который могъ освидѣтельствовать, что онъ отравилъ его творца».

Къ сожалѣнію, въ специальной литературѣ нѣтъ указаній на тѣ журналы, въ которыхъ Пушкинъ нашелъ сообщеніе о страшномъ преступленіи Сальери. Онъ, очевидно, вѣрилъ въ это преступленіе; иначе едва ли, даже изъясняя притязанія на широкую свободу поэгическаго вымысла, поэтъ связалъ бы съ именемъ историческаго лица тяжелое и ни на чемъ кромѣ сомнительнаго психологическаго предположенія, не основанное обвиненіе. За это порукой служило бы уже замѣчаніе Пушкина: «обременять вымышленными ужасами историческіе характеры не мудрено и не великодушно». На этой же точкѣ зрѣнія стояли и тѣ изъ друзей поэта, которыхъ возмущалъ клеветъ, взведенный на Сальери въ новой пьесѣ Пушкина. По предположенію Анненкова, отъѣтомъ этимъ друзьямъ — особенно П. А. Катенину — могла быть вышеприведенная записка *). Ея ссылка на журналы могла бы быть достаточно убѣдительною и могла бы устранить тѣ попытки защититъ поэта, которыя исходятъ изъ непризнанной имъ точки зрѣнія. «Рѣзкій приговоръ Пушкина о Сальери» казался Анненкову «не выдерживающимъ ни малѣйшей критики». Однако, онъ настаивалъ на художественной правомѣрности этого приговора. «Вѣроятно, — замѣчаетъ онъ, — къ спору, тогда возникшему, должно относиться и шуточное замѣчаніе Пушкина: «Зависть сестра соревнованія — стало быть изъ хорошаго роду». Не входя теперь въ разборъ вопроса о степени предположеній, дозволенныхъ автору при выведеніи историческаго лица, скажемъ, что если со стороны Пушкина было какое-либо преступленіе передъ Сальери, то преступленія такого рода совершаются безпрестанно и самыми великими драматическими писателями. Такъ, Елизавету англійскую сдѣлали они типомъ женской ревности и преимущественно одной страстью объяснили погибель Маріи Стюартъ, едва упоминая о

*) Изъ того, что она написана — какъ сказано въ ней — черезъ восемь лѣтъ послѣ смерти Сальери, который умеръ 7 мая 1823 г., видно, что окончаніе «Моцарта и Сальери» предшествовало ей на три года.

всѣхъ другихъ поводахъ къ тому. Если гутъ есть порокъ, то онъ уже скрывается въ сущности исторической драмы вообще, которая, взявъ лицо изъ исторіи или изъ дѣйствительной жизни, принуждена заниматься развитіемъ только одной основной черты его характера и пренебречь всѣмъ прочимъ. Пушкинъ, какъ будто чувствуя это, колебался въ выборѣ заглавія для своей пьесы. Первоначально онъ называлъ ее просто: «Зависть», словно желая отстранить или ослабить историческую провѣрку лицъ въ ней дѣйствующихъ. Вѣроятно, понявъ бесполезность уловки, онъ далъ ей уже настоящее заглавіе. «Моцартъ и Сальери» *).

Обратимся, однако, къ даннымъ исторіи. Сальери Пушкина—не Сальери исторіи, но рядъ фактовъ изъ его жизни указанъ въ драмѣ вѣрно. Учитель Бетховена, Листа и Шуберта, авторъ длиннаго ряда оперъ, имѣвшихъ въ свое время блестящій успѣхъ, онъ былъ знаменитъ во всей Европѣ и въ высшей степени привлекателенъ въ частномъ быту. Онъ родился въ 1750 году въ Леньяно, неподалеку отъ Венеціи, рано проявилъ свое несомнѣнное дарованіе и въ первые годы своего творчества—подъ вліяніемъ своихъ вѣнскихъ учителей—былъ послѣдователемъ нѣмецкой музыки. Въ ея стилѣ написаны какъ первая его опера «Le donne letterate», увѣнчавшая ранней славой двадцатилѣтняго композитора, такъ и послѣдовавшія за нею «Don Chisciotte», «La scandiera» и другія. Съ 1778 года Сальери обратился къ итальянской музыкѣ, но новый міръ звуковъ, открытый Глюкомъ, сдѣлалъ Сальери ученикомъ и послѣдователемъ великаго автора «Орфея». Глюкъ покровительствовалъ ловкому и талантли-

вому итальянцу. Перебравъ въ Парижъ, Сальери, благодаря Глюку, получилъ возможность выступить предъ избранной публикой мірового города. Заказъ Парижской академіи на оперу «Les danaïdes» Глюкъ передалъ Сальери, и тотъ выполнилъ это порученіе съ громаднымъ успѣхомъ. Оперы «Le gamoneur», «Les Horaces», «Tarare»—о ней упоминается въ трагедіи—сдѣлали автора знаменитостью, членомъ академіи художествъ, кавалеромъ орденовъ, пожалованныхъ ему Людовикомъ XVIII. Конкурируя съ моцартовскимъ «Фигаро», Сальери поставилъ въ Вѣнѣ «La grotta di Trofonio»; но подъ конецъ жизни онъ отказался отъ оперы, посвятивъ себя всецѣло камерной и церковной музыкѣ. Г. Кашкинъ *), полагая, что Сальери «это совсѣмъ свободное созданіе Пушкина, не имѣющее сходства съ современнымъ Моцарту композиторомъ», приводитъ по этому поводу разнообразныя данныя: «Во времена Пушкина легенды объ отравленіи Моцарта вѣрили очень много, почти всѣ; позднѣйшія и очень тщательныя изслѣдованія по этому вопросу Отто Яна совершенно опровергли ее. Легенда основывалась едва ли не главнымъ образомъ на словахъ самого Моцарта, объяснявшаго отравой упадокъ силъ, какой онъ почувствовалъ мѣсяца за два, за три, до смерти; но Моцартъ не обвинялъ Сальери, а лечившіе его медики не находили признаковъ какой-либо отравы. По своему высшему положенію Сальери отнюдь не имѣлъ основанія завидовать Моцарту, которому жизнь вообще мало улыбалась. Между тѣмъ какъ «Донъ-Жуанъ» Моцарта, имѣвшій въ Прагѣ блестящій успѣхъ, продолжался на вѣнской оперной сценѣ всего одинъ сезонъ и потомъ снятъ былъ съ репертуара на много лѣтъ, — «Ассуръ» Сальери, поставленный почти одновременно, выдержалъ болѣе 100 представленій сряду съ блестящимъ успѣхомъ. Работая надъ своимъ реkvіемомъ, который не успѣлъ окончить, Моцартъ въ то же время писалъ двѣ оперы — «Титово милосердіе», по заказу для празднествъ коронаціи въ Прагѣ императора Леопольда II, а другую, «Волшебную флейту», чтобы выручить изъ бѣды и спасти отъ разоренія своего пріятеля Шиканедера, державшаго театрикъ An der Wien. Обѣ оперы были окончены

*) Тѣми же приблизительно доводами защищалъ Анненковъ Пушкина и въ перепискѣ съ Катенинымъ. Въ письмѣ къ Тургеневу 1853 г. онъ пишетъ: «Катенинъ прислалъ мнѣ записку о Пушкинѣ—и требовалъ мнѣнія. Въ этой запискѣ, между прочимъ, «Борисъ Годуновъ» осуждался потому, что не годится для сцены, а «Моцартъ и Сальери»—потому, что на Сальери взведено даромъ преступленіе, въ которомъ онъ неповиненъ. На послѣднее я отвѣчалъ, что никто не думаетъ о настоящемъ Сальери, а что это—только типъ царовитой зависти. Катенинъ возразилъ: стыдись; вѣдь вы, полагая, честный человѣкъ и клевету одобрять не можете. Я на это: искусство имѣетъ другую мораль, чѣмъ общество. А онъ мнѣ: мораль одна, и писатель долженъ еще болѣе беречь чужое имя, чѣмъ гостиница, деревня или городъ. Да вотъ десятое письмо по этому эстетическо-эстетическому вопросу и обвиняемъ».

*) «Значеніе поэзіи Пушкина въ русской музыкѣ» въ пушкинскомъ сборникѣ «Жизни». СПб. 1899, стр. 142 и сл.

одновременно почти, къ сентябрю 1791 г., но коронаціонная не имѣла никакого успѣха, а «Волшебная флейта» хотя имѣла успѣхъ колоссальный, но ничего не принесла Моцарту, ибо Шикапедеръ по-пріятельски ничего не заплатилъ ему. Сальери былъ богатымъ человѣкомъ и занималъ мѣсто перваго придворнаго капельмейстера, т.-е. высшую музыкальную должность въ имперіи, а у Моцарта все было заложено еще до болѣзни, и похоронили его въ общей могилѣ для бѣдныхъ, такъ что впоследствии могли опредѣлить мѣсто его погребенія только приблизительно. При такой огромной разницѣ въ положеніяхъ едва ли могло возникнуть серьезное чувство зависти въ Сальери, кромѣ того, быть можетъ, и не признававшего превосходства таланта Моцарта».

Для полнаго представленія объ отношеніи историческихъ фигуръ трагедіи къ дѣйствительности представимъ еще нѣкоторыя данныя изъ біографіи и характеристики Моцарта. Великій нѣмецкій композиторъ дѣйствительно поражалъ современниковъ легкостью, съ которой давалось ему творчество. Его характеристика въ трагедіи не только совпадаетъ съ тѣмъ открытымъ, яснымъ, жизнерадостнымъ, подчасъ подернутымъ легкой грустью обликомъ, который запечатлѣлся въ воспоминаніяхъ современниковъ, но что еще важнѣе,—это образъ того Моцарта, который даетъ намъ его музыка. Разстроенное болѣзнию и непосильнымъ трудомъ воображеніе Моцарта было очень подавлено посвѣщеніемъ незнакомаго лица, заказавшаго ему реkvіемъ. Эта таинственность объяснилась впоследствии очень просто: богатый заказчикъ покупалъ произведенія настоящихъ музыкантовъ для того, чтобы потомъ выдавать ихъ за свои въ кругу знакомыхъ.

Въ аполомновской ясности, въ душевной прозрачности, въ безпечности и благодушіи, въ неизмѣнной вдохновенности Моцарта трагедіи много чертъ, которыя роднятъ его съ его создателемъ. Это заставило искать прототипа Сальери также въ николаевской Россіи, въ средѣ друзей и знакомыхъ Пушкина. Попытка г. Ивана Щеглова *) опредѣленно указать на Е. А. Баратынскаго, какъ на то живое воплощеніе зависти, съ котораго Пушкинъ спи-

салъ своего Сальери, не можетъ быть признана удачной. Если бы даже и оказалось, что въ доводахъ г. Щеглова, стремящихся доказать очевидную мучительную зависть Баратынскаго къ Пушкину, есть что-либо убѣдительное, то въ его разсужденіяхъ отсутствуетъ другая, болѣе важная для насъ сторона: нѣтъ никакихъ указаній на то, что Пушкинъ замѣтилъ эту зависть. Целью же въ историко-литературномъ изслѣдованіи довольствоваться предположеніями, что та или другая—предполагаемая выходка Баратынскаго должна была «броситься въ глаза такому прозорливцу, какъ Пушкинъ». Пожалуй, какъ художественная индивидуальность, какъ умственный типъ, Баратынскій ближе къ Сальери, чѣмъ къ Моцарту, но дѣлать аналогичныя заключенія о его нравственномъ обликѣ мы не имѣемъ основаній *).

Въ противоположеніи этихъ двухъ типовъ художественной мысли видѣло большинство критиковъ основную мысль драмы Пушкина. Самъ поэтъ далъ достаточно основаній для этого: не только потому, что трагедія представляетъ собою богатѣйшій матеріалъ для построения такой психологической эстетической антитезы, но и потому, что недаромъ въѣвъ Пушкинъ перемѣнилъ первоначальное заглавіе пьесы «Зависть» на ея настоящее названіе. Законно, стало быть, и такое истолкованіе смысла пьесы, при которомъ въ ней признаны будутъ два равноправныхъ, равнодѣльных героя, изъ коихъ одинъ, высокоинтересный, какъ человѣческая индивидуальность, никакимъ образомъ, однако, не можетъ быть признанъ тѣмъ, что называется трагическимъ характеромъ. Моцартъ Пушкина не годится въ герои трагедіи, и до тѣхъ поръ, пока мы отказываемся видѣть въ немъ только эпизодическую фигуру, мы должны забыть о томъ, что имѣемъ предъ собой трагедію. Нѣтъ конфликта, нѣтъ борьбы, нѣтъ внутренняго противорѣчія: есть виѣшнее противоположеніе двухъ типовъ художниковъ. Это противоположеніе по преимуществу занимало критиковъ «Моцарта и Сальери». Для Бѣлинскаго «идея трагедіи—вопросъ о сущности и взаимныхъ отношеніяхъ таланта и генія. Есть организациі несчастныя, недоконченныя, одаренныя сильнымъ талантомъ, пожираемыя сильною страстью къ

*) Статьи «Нескромныя догадки» и «Сомнительный другъ» въ книгѣ: «Новое о Пушкинѣ» СПб. 1902.

*) Ср. В. Б. «Баратынскій и Сальери» въ «Русскомъ Архивѣ», 1900 г. VIII и 1901 г. I.

искусству и къ славі. Любя искусство для искусства, они приносятъ ему въ жертву всю жизнь, всѣ радости, всѣ надежды свои, съ невѣроятнымъ самоотверженіемъ предаются его изученію, готовы пойти въ рабство, закабалить себя на нѣсколько лѣтъ какому-нибудь художнику, лишь бы онъ открылъ тайны своего искусства. Если такой человѣкъ положительно бездаренъ и ограниченъ, изъ него выходитъ самодовольный Тредьяковский, который и живетъ и умираетъ съ убѣжденіемъ, что онъ—великій гений. Но если это человѣкъ дѣйствительно съ талантомъ, а главное—съ замѣчательнымъ умомъ, съ способностью глубоко чувствовать, понимать и цѣнить искусство,—изъ него выходитъ Сальери. Для выраженія своей идеи, Пушкинъ удачно выбралъ эти два типа. Изъ Сальери, какъ мало извѣстнаго лица, онъ могъ сдѣлать что ему угодно; но въ лицѣ Моцарта онъ исторически удачно выбралъ безпечнаго художника, «гуляку празднаго». У Сальери своя логика (т.-е. своя софистика); на его сторонѣ своего рода справедливость, парадоксальная въ отношеніи къ истинѣ, но для него самого оправдываемая жгучими страданіями его страсти къ искусству, невознагражденной славою. Изъ всѣхъ болѣзненныхъ стремленій, страстей, странностей самая ужасная тѣ, съ которыми родится человѣкъ, который, какъ проклятіе, получилъ онъ при рожденіи вмѣстѣ съ своею кровью, своими нервами, своимъ мозгомъ. Такой человѣкъ—всегда лицо трагическое; онъ можетъ быть отвратителенъ, ужасенъ, но не смѣшонъ. Его страсть—родъ помѣшательства при здоровомъ состояніи разсудка. Сальери такъ уменъ, такъ любитъ музыку и такъ понимаетъ ее, что сейчасъ понялъ, что Моцартъ—гений, и что онъ, Сальери,—ничто передъ нимъ. Сальери былъ гордъ, благороденъ и никому не завидовалъ. Приобрѣтенная имъ слава была счастьемъ его жизни; онъ ничего болѣе не требовалъ у судьбы,—и вдругъ видитъ онъ «безумца», «гуляку празднаго», на челѣ котораго горитъ помазаніе свыше... Моцартъ является со всею простотою, шутливостію, съ возможнымъ отсутствіемъ всѣхъ претензій, какъ гений, но своему простодушію не подозрѣвающій собственного величія или не выдающій въ немъ ничего особеннаго... Моцартъ не только не отвергаетъ подносимаго ему другими титула гения, но и самъ называетъ себя гениемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ называя гениемъ и Сальери.

Въ этомъ видны удивительное добродушіе и безпечность: для Моцарта слово «гений» ни по чемъ: скажите ему, что онъ гений, онъ переважно согласится съ этимъ; начинайте доказывать ему, что онъ вовсе не гений,—онъ согласится и съ этимъ, и въ обоихъ случаяхъ равно искренно. Въ лицѣ Моцарта Пушкинъ представилъ типъ непосредственной гениальности, которая проявляетъ себя безъ успія, безъ разсчета на успѣхъ, нисколько не подозрѣвая своего величія. Нельзя сказать, чтобы всѣ гении были таковы; но такіе особенно невыносимы для талантовъ въ родѣ Сальери. Какъ умъ, какъ сознаніе, Сальери гораздо выше Моцарта, но какъ сила, какъ непосредственная творческая сила, онъ ничто передъ нимъ»...

Въ противоположеніи двухъ характеровъ, двухъ міровоззрѣній сосредоточенъ смыслъ трагедіи также для П. Ф. Мельшана *). Идея гармоническаго развитія человѣческой личности представляется ему тѣмъ пунктомъ, который освѣщенъ трагической антитезою Пушкина: «Въ лицѣ Моцарта мы видимъ, въ изображеніи Пушкина, человѣка, живущаго полною жизнью; искусство является для него лишь частью общаго дѣла, хотя, быть можетъ, и наиболѣе драгоценной. Искусство и все свѣтлое въ жизни тѣсно слиты для него между собою. и потому-то гений и злодѣйство, въ его представленіяхъ, вещи несомнѣтельны... Въ Сальери, наоборотъ, одна изъ сторонъ жизни уродливо развита въ ущербъ другимъ: искусство для него безконечно выше и жизни, и самой правды, и весьма естественно, что Моцартъ кажется ему недостойнымъ жрецомъ божества».

Та же мысль Бѣлинскаго о теоретической антитезѣ, какъ смыслъ трагедіи, легла въ основаніе новѣйшихъ сужденій о «Моцартѣ и Сальери», высказанныхъ г. Ивановымъ-Разумникомъ **). Въ мысли

*) Очерки русской поэзіи. Спб. 1904. Стр. 80.

**) «Исторія русской общественной мысли». Спб. 1907. Т. I, стр. 112. Авторъ, между прочимъ, полагаетъ, что Моцартъ и Сальери написаны черезъ три дня послѣ «Скупого Рыцаря». Это предположеніе—основанное на томъ, что «Скупой Рыцарь» пошитъ помѣтку 23 октября, а «Моцартъ и Сальери» 26 октября—своевременно отвергнуто Анненковымъ: «Все это не болѣе, какъ помѣтки, означающія время окончательнаго исправленія рукописей и нисколько не указывающія настоящей эпохи созданія. Иначе приходилось бы три дня труда для Моцарта, восемь дней для Каменнаго Гостя, что при извѣстномъ, долгомъ осмотрѣ

Пушкина, по его мнѣнію, между прочимъ, заключено «признаніе необходимости широкаго кругозора, безпрестаннаго проникновенія въ кипящую жизнь со стороны гордаго въ своемъ одиночествѣ человѣка». «Этой идеи Пушкинъ коснулся въ «Моцартъ и Сальери», написанномъ черезъ три дня послѣ «Скупого Рыцаря». Сущность «Моцарта и Сальери» — развитіе идеи о взаимоотношеніи между гениемъ и талантомъ: эта характеристика, съ легкой руки Бѣлинскаго сохранилась во всей своей неприкосновенности до нашего времени. Въ этомъ, однако, заключена только часть истины. Сальери не талантъ, онъ ремесленникъ въ искусствѣ, хотя въ то же время ярый поборникъ теоріи чистаго искусства; онъ анатомируетъ искусство какъ трупъ и думаетъ достигнуть совершенства «усиленнымъ, напряженнымъ постоянствомъ»: онъ увѣренъ даже, что уже «въ искусствѣ безграничномъ достигнулъ степени высокой». Пусть добродушный и гениальный Моцартъ признаетъ его даже гениемъ, паравиѣ съ собой, это ничего не доказываетъ: вѣдь и Пушкинъ признавалъ въ такихъ посредственностяхъ, какъ Дельвигъ или кн. Вяземскій, прекрасный талантъ и вдохновенность. Непосредственный гений Моцарта, широкаго при всей своей глубинѣ, противопоставляется узкому ремесленничеству Сальери; «праздный гуляка» Моцартъ, способный «остановиться у трактира и слушать скрипача слѣпого», способный возиться на полу съ своимъ мальчишкой въ то время, когда носить въ своей душѣ божественное произведеніе, противопоставляется узкому эстету Сальери, который «упрямо и надменно» отрекся отъ всего и «предался одной музыкѣ», отвергнувъ и «науку, чуждыя музыкѣ», и «праздныя забавы». Такимъ образомъ, если въ Моцартѣ Пушкинъ видитъ свободнаго гения, для котораго цѣль искусства — искусство (а вѣдь самъ Моцартъ причисляетъ себя къ числу людей,

Пренебрегающихъ презрѣнной
пользой

Единаго прекраснаго жрецовъ), то въ Сальери онъ казнитъ эстетическое мѣшанство, полагающее, что исключительная цѣль человѣка — искусство; въ Моцартѣ — широта и гений, въ Сальери — ремесленничество и специализація.

своихъ произведеній у Пушкина, допустить нельзя». «Матеріалы», изд., стр. 290).

Самъ Пушкинъ былъ, конечно, Моцартомъ, а не Сальери: онъ никогда не унижался до эстетизма, онъ всегда откликался, какъ эхо, на всѣ отзвуки современности».

Въ углубленной формѣ, заѣвая основы моральнаго міровоззрѣнія Пушкина, попытался представить антитезу Моцарта и Сальери Вл. Соловьевъ *), къ сожалѣнію коснувшийся трагедіи лишь мимоходомъ. Мы знаемъ — поскольку эстетическая теорія Пушкина выразилась въ его эстетикѣ — чѣмъ представлялся ему поэтъ. Это «пророкъ», «жрецъ», «царь». Здѣсь эти характеристики восполняются: «къ этимъ тремъ образамъ присоединяется четвертый — «гуляка праздный». Но все это сходится въ одномъ: свобода и самозаконность относительно низшей и вышней, чужеродной условности и полная зависимость, пассивность предъ внутренними насиліями изъ сверхсознательной области вдохновенія. Этотъ существенный характеръ поэзіи съ особенно яркой наглядностью выступаетъ здѣсь вслѣдствіе трагическаго столкновенія между истиннымъ гениемъ Моцартомъ — онъ же «гуляка праздный» — и самоотверженнымъ, добросовѣстнымъ, но лишеннымъ высшаго вдохновенія подвижникомъ искусства, — Сальери».

Какъ бы предчувствуя возможность такого сліянія воззрѣнія Сальери на Моцарта съ воззрѣніемъ самого Пушкина, проф. Овсянко-Куликовскій, въ статьѣ **), появившейся ранѣе статьи Вл. Соловьева, старался отворить это недоразумѣніе, «возможность котораго есть единственный недостатокъ пьесы. Именно, можетъ придти въ голову, будто самъ Пушкинъ отчасти раздѣляетъ мнѣніе Сальери, что гений — «гуляка праздный», что ему незачѣмъ работать, совершенствоваться, — онъ творитъ исключительно въ силу какого-то напѣя. Собственно говоря, вся совокупность впечатлѣній, оставляемыхъ въ насъ фигурою Моцарта, отнюдь не уполномочиваетъ насъ думать, что Моцартъ въ самомъ дѣлѣ — «гуляка праздный», что Пушкинъ раздѣляетъ мнѣніе Сальери. Но съ другой стороны, въ пьесѣ нѣтъ также рѣшительнаго опроверженія этого мнѣнія. А между тѣмъ оно совершенно ложно: гениальность есть особый видъ умственнаго труда,

*) Значеніе поэзіи Пушкина». Вѣстн. Европы» 1899 г. XII.

**) «А. С. Пушкинъ, какъ художественный гений въ Пушкинскомъ сборн. «Жизни» (1899 г. V).

а не праздности, и гений—всегда труженникъ».

Вѣрны всѣ эти характеристики или спорны—надо однако признать одно: вопросы эстетико-теоретическаго и психологическаго взаимоотношенія гения и таланта рѣшаются въ трагедіи «Моцартъ и Сальери» глубоко, но лишь попутно. Толкователи «Моцарта и Сальери», усматривающіе въ средоточіи пьесы главнымъ образомъ противоположеніе двухъ художественныхъ и моральныхъ типовъ, несомнѣнно, имѣютъ для этого достаточный матеріалъ въ немногихъ страницахъ пьесы. Громадное содержаніе сгущено здѣсь въ небольшомъ объемѣ съ поражающей силой; это—по выраженію проф. Овсянко-Куликовскаго—по истинѣ «геркулесовы столбы художественной мысли» и безконечныя пестрота и широта тѣхъ характеристикъ, которыя можно сдѣлать, опираясь на немногія, но насыщенные мыслью, указанія пьесы. Но мы имѣемъ предъ собою трагедію: эти характеристики не цѣль изслѣдованія, а средство, — путь къ уясненію трагическаго смысла пьесы. Это вѣдь не эпическая повѣсть, не разсказъ о двухъ разныхъ людяхъ, гдѣ средоточіе изображенія въ статикѣ души, а не въ ея динамикѣ, гдѣ быть, создающій людей, самъ по себѣ интересуетъ автора и его читателя.

Могутъ сказать: почему «Моцартъ и Сальери»—трагедія? Въ ней два «главныхъ» и совершенно различныхъ дѣйствующихъ лица—и гибнетъ совсѣмъ не тотъ, кого можно назвать лицомъ трагическимъ. Моцартъ погибаетъ отъ вѣншей причины и ничто въ его внутреннемъ мірѣ не носитъ и слѣда той непримиримой раздвоенности, которую мы называемъ трагическою и которая въ своемъ логическомъ развитіи можетъ привести къ одному выходу—къ гибели ея носителя. Въ Сальери также не легко усмотрѣть героя трагедіи — онъ остается въ здравіи и благополучіи, его завистливые происки увѣнчаны успешнымъ устраненіемъ врага: въ чемъ же его трагедія? Конечно, не въ его зависти, которая можетъ терзать и ничтожнаго человека. Но Сальери не ничтоженъ—Сальери умный, сильный, даровитый человекъ, истинный подвижникъ искусства, преданный ему со всѣмъ самоотверженіемъ знатока, любителя, художника. Высшее наслажденіе для него—наслажденіе художественное, высшимъ благоговѣніемъ искренно окружаетъ онъ тѣхъ, кто является для

него источникомъ этого наслажденія. И вотъ, низкое, животное, безмысленное чувство овладѣваетъ этимъ достойнымъ лучшей доли человекомъ. Онъ борется, онъ хочетъ спасти свое человеческое достоинство, онъ пытается увѣрить себя, что «справды нѣтъ и выше», но все тщетно: онъ во власти низкой страсти, и изобрѣтательная мысль его склоняетъ его къ убійству софизмами съ той же тонкостью, съ какой нѣкогда удерживала отъ примѣненія рокового подарка Изоры. Аживый голосъ безмысленной жажды устранить предметъ нелѣпой зависти и злобы подсказываетъ ему, что это уже не его личное дѣло. Онъ воображаетъ себя какимъ то избранныкомъ исторической справедливости; онъ долженъ остановить Моцарта—иначе погибъ всѣ они, жрецы, служители музыки, не только онъ со своей «глухою славой». Забывая, что искусство музыканта и послѣ его смерти живетъ въ традиціи, что безсмертныя композиціи надолго переживаютъ ихъ творца, оживляемая къ новому бытію въ новомъ исполненіи, Сальери отуманиваетъ себя нелѣпостями, въ которыя не можетъ вѣрить онъ, образованный музыкантъ:

Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ.
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ;
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.

О, какъ хотѣлъ бы Сальери быть этимъ наслѣдникомъ. Но здѣсь мысль о его творческомъ безсиліи охватываетъ его желѣзными тисками—и изъ груди его вырывается взрывъ злобы:

Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ.
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсень райскихъ.
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай же!

На этотъ разъ чудовищная страсть побѣдила его, и въ жертву этой страсти онъ принесетъ высшее, что есть для него на землѣ. Сальери не умираетъ; — умираетъ Моцартъ, но вмѣстѣ со своей жертвой гибнетъ и Сальери. Не конкурента онъ убилъ, не счастливаго соперника, а гения. И конечно, убійство Моцарта не возстановитъ нарушенной гармоніи его существа—и въ этомъ смыслѣ поистинѣ гениально то, что трагедія заканчивается вопросомъ Сальери. Въ вѣчномъ вопро-

САЛЬЕРИ.

МОЦАРТЬ.

МОЦАРТЬ и САЛЬЕРИ ВЪ ГРАВЮРАХЪ НАЧАЛА XIX вѣка.

(Изъ Пушкинской коллекции П. А. Ефремова).

сѣ, въ безысходномъ недоумѣніи—трагическій исходъ его бореній.

Ужель онъ правъ,

И я не гений?

Вопросъ для него, конечно, не въ томъ, гений онъ или нѣтъ: лучше, чѣмъ кто бы то ни былъ на свѣтѣ, онъ знаетъ цѣну своему маленькому дарованію, чуждому геніальности. Но мучительныя сомнѣнія грызутъ его: если гений и злодѣйство несовмѣстимы, то что-нибудь изъ нихъ нужно, а онъ знаетъ, что гений нуженъ, нуженъ прежде всего ему самому. Онъ убилъ потому, что «правды нѣтъ и выше», а между тѣмъ самая несовмѣстимость злодѣйства и генія говоритъ о какой-то высшей правдѣ. И Сальери задумывается о томъ, убилъ Микель-Анджело или не убилъ,—ибо это чужое убійство должно для него самого оправдать его преступленіе. И онъ чувствуетъ, онъ уже знаетъ, что этого оправданія нѣтъ. Развязка его трагедіи предъ нами: онъ погибъ, какъ настоящій трагическій герой. Физическую развязку скрылъ отъ насъ поэтъ,—но это лишь глубокій художествен-

ный приѣмъ. Мы можемъ не сомнѣваться въ ней; мы знаемъ, какъ мало Сальери любитъ жизнь, какъ часто казалась она ему несносной раной.

Все медлилъ я.

Какъ жажда смерти мучила меня—
Что умирать?—я мнилъ: быть можетъ, жизнь
Мнѣ принесетъ пезаннѣе дары;
Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая почва, и вдохновеніе;
Быть-можетъ, повый Гайднъ сотворитъ
Великое—и наслажуся имъ...

Все свершилось: Сальери знаетъ, что внезапныхъ даровъ уже не принесетъ ему жестокая жизнь и не придетъ къ нему безумная радость творческой почвы. Явился «новый Гайднъ» и сотворилъ великое—и слился воедино съ тѣмъ злѣйшимъ врагомъ. «Завѣтный даръ любви» перешелъ въ чашу дружбы. И у Сальери есть все для того, чтобы закончить свою жизнь, кромѣ дара Изоры. Онъ найдетъ другой путь въ вѣчность.

А. Горнфельдъ.

САЛБЕРИ.

Неизданный рисунок Врубеля. Принадлежит семье П. А. Римского-Корсакова.

645. МОЦАРТЪ и САЛБЕРИ.

СЦЕНА I.

(Комната).

САЛБЕРИ.

Всѣ говорятъ: нѣтъ правды на землѣ.
Но правды нѣтъ—и выше. Для меня
Такъ это ясно, какъ простая гамма.
Родился я съ любовью къ искусству;

Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался—слезы
Невольныя и сладкія текли.
Отвергъ я рано праздныя забавы;
Науки, чуждыя музыкѣ, были
Постылы мнѣ; упрямо и надменно
Отъ нихъ отрекся я и предался
Одной музыкѣ. Труденъ первый шагъ.

И скученъ первый путь. Преодолю
Я раннія невзгоды. Ремесло
Поставилъ я подножіемъ искусству;
Я сдѣлался ремесленникъ: перстамъ
Придалъ послушную, сухую бѣглость
И вѣрность уху. Звуки умертвивъ,
Музыку я разъялъ, какъ трупъ. Повѣрилъ
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнулъ, въ наукѣ искушенный,
Предаться нѣгѣ творческой мечты.
Я сталъ творить, но въ тишинѣ, во тайнѣ,
Не смѣя помышлять еще о славѣ.
Перѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
Два, три дня, позабывъ и сонъ и пищу,
Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенія,
Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,
Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая съ легкимъ дымомъ исчезали!..
Что говорю? Когда великій Глюкъ
Явился и открылъ намъ новы тайны
(Глубокія, плѣнительныя тайны),
Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,
Что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ,
И не пошелъ ли бодро вслѣдъ за нимъ
Безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался,
И встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную?
Усиленнымъ, напряженнымъ постыдствомъ
Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ
Достигнулъ степени высокой. Слава
Мнѣ улыбулась; я въ сердцахъ людей
Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ.
Я счастливъ былъ: я наслаждался мирно
Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой; также
Трудами и успѣхами друзей,
Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
Нѣтъ! никогда я зависти не зналъ,
О, никогда!—нижѣ, когда Пиччини
Плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ Парижанъ,
Нижѣ когда слышалъ въ первый разъ
Я Пфигеніи начальны звуки.
Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
Когда нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
Змѣей, людьми растоптанныю, вживъ
Песокъ и пыль грызущею безнадежно?
Никто... А нынѣ—самъ скажу—я нынѣ
Завистникъ! Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую.—О небо!
Гдѣжъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній—не въ награду
Любви горящей самоотверженія,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ—
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?... О Моцартъ, Моцартъ!

(Входитъ Моцартъ).

Моцартъ.
Ага! увидѣлъ ты! а мнѣ хотѣлось
Тебя нежданой шуткой угостить.

Сальери.

Ты здѣсь!—Давно ль?

Моцартъ.

Сей часъ. Я шелъ къ тебѣ.

Несъ кое-что тебѣ я показать;
Но, проходя передъ трактиромъ, вдругъ
Услышалъ скрипку... Нѣтъ, мой другъ,
Сальери!

Смѣшишь отроду ты ничего
Не слыхивалъ... Слѣпой скрипачъ въ трак-
тирѣ

Разыгрывалъ *voi che sapete*. Чудо!
Не вытерпѣлъ, привелъ я скрипача,
Чтобъ угостить тебя его искусствомъ.
Войди

(Входитъ слѣпой старикъ со скрипкой).

Изъ Моцарта намъ что нибудь!

(Старикъ играетъ *арію* изъ *Донъ-Жуана*; Моцартъ хохочетъ).

Сальери.

И ты смѣяться можешь?

Моцартъ.

Ахъ, Сальери!

Уже ль и самъ ты не смѣешься!

Сальери.

Нѣтъ,

Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный
Мнѣ пачкаетъ Мадону Рафаэля,
Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
Пародіей безчеститъ Алигьери.
Пошѣлъ, старикъ.

Моцартъ.

Постой же: вотъ тебѣ,

Пей за мое здоровье.

(Старикъ уходитъ).

Ты, Сальери,

Не въ духѣ нынѣче. Я приду къ тебѣ
Въ другое время.

Сальери.

Что ты мнѣ привесть?

Моцартъ.

Нѣтъ—такъ, бездѣлицу. Намедни ночью
Безсонница моя меня томила,
И въ голову пришли мнѣ двѣ, три мысли
Сегодня ихъ я набросалъ. Хотѣлось
Твое мнѣ слышать мнѣнье; но теперь
Тебѣ не до меня.

Сальери.

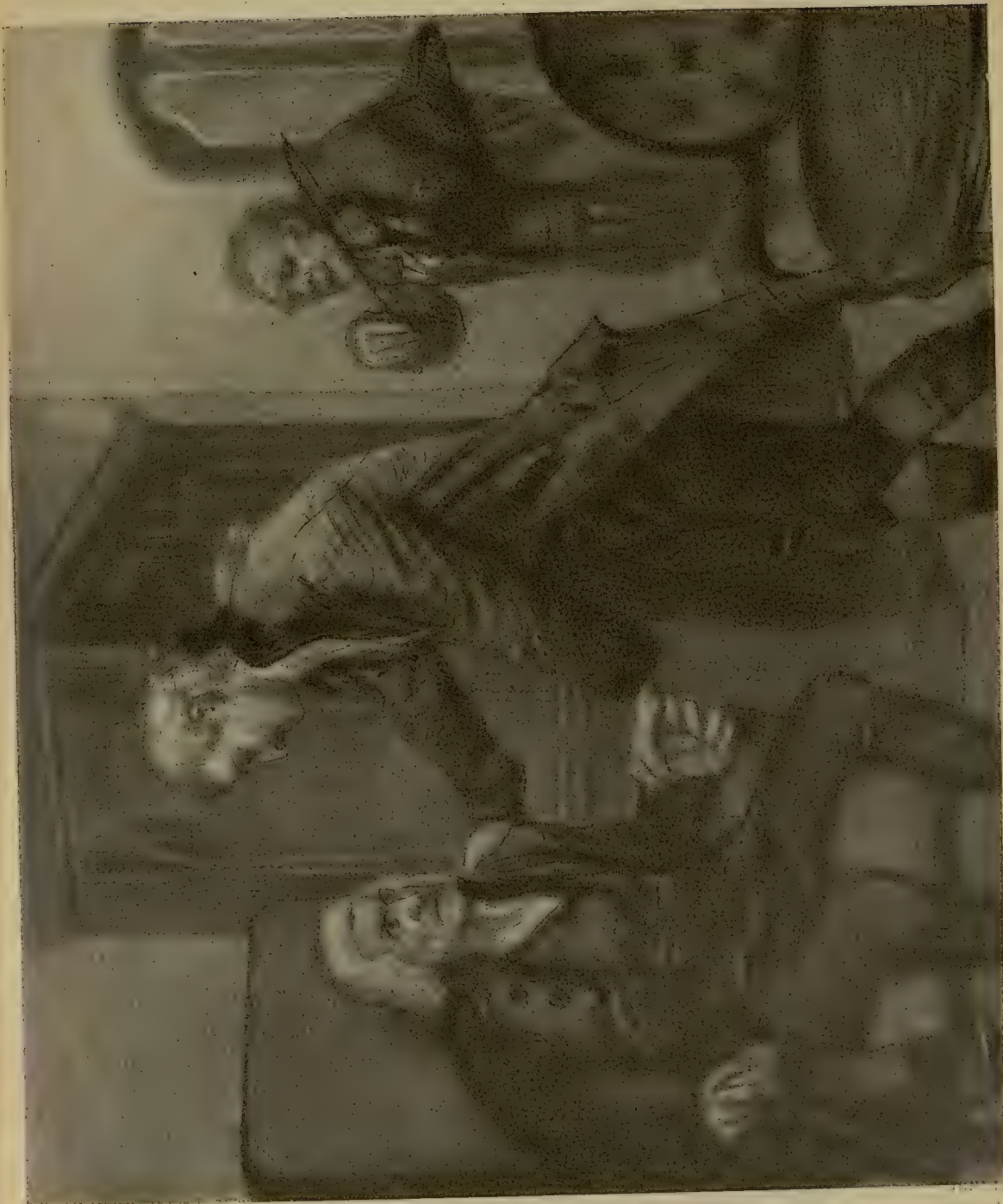
Ахъ, Моцартъ, Моцартъ!

Когда же мнѣ не до тебя? Садись;
Я слушаю.

Моцартъ (за фортепіано).

Представь себѣ... кого бы?

Ну, хоть меня—немного помоложе;
Влюбленного—не слишкомъ, а слегка—

СЛѢПОЙ СКРИПАЧЪ ИГРАЕТЪ АРІЮ МОЦАРТА.

Неизданный рисунокъ Врубеля. Принадлежитъ семье Н. А. Рихмана-Корсакова.

Съ красоткой, или съ другомъ—хоть съ тобой—

Я веселъ... Вдругъ: видѣнье гробовое,
Незанный мракъ или что нибудь такое...
Ну, слушай же!

(Играетъ).

САЛЬЕРИ.

Ты съ этимъ шелъ ко мнѣ
И могъ остановиться у трактира
И слушать скрипача слѣпаго!—Боже!
Ты, Моцартъ, недостойнъ самъ себя.

МОЦАРТЪ.

Что жъ, хорошо?

САЛЬЕРИ.

Какая глубина!

Какая смѣлость и какая стройность!
Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;
Я знаю, я.

МОЦАРТЪ.

Ба! право? можетъ быть...

Но божество мое проголодалось.

САЛЬЕРИ.

Послушай: отобѣдаемъ мы вмѣстѣ
Въ трактирѣ Золатаго Льва.

МОЦАРТЪ.

Пожалуй;

Я радъ. Но дай, схожу домой, сказать
Женѣ, чтобы меня она къ обѣду
Не дожидалась.

(Уходитъ).

САЛЬЕРИ.

Жду тебя; смотри-жъ.

Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобы его
Остановить—не то, мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моею глухою славой...
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ;
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсень
райскихъ,

Чтобъ, возмутьивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетаи же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Вотъ ядъ, послѣдній даръ моей Изоры.
Осьмнадцать лѣтъ пошу его съ собою—
И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ
Неспособой раной, и сидѣлъ я часто
Съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой,
И никогда на шопотъ искушенья
Не преклонился я, хоть я не трусь,
Хотя обиду чувствую глубоко,

Хоть мало жизнь люблю. Все медлить я.
Какъ жажда смерти мучила меня;
Что умирать? я мнилъ: быть можетъ, жизнь—
Мнѣ принесетъ незапные дары:
Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая почъ и вдохновенье;
Быть можетъ, новый Гайденъ сотворитъ
Великое—и наслажуся имъ...

Какъ пировалъ я съ гостемъ ненавист-
нымъ;

Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
Въ меня съ надменной гринетъ высоты—
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
И я былъ правъ! и наконецъ нашелъ
Я моего врага, и новый Гайденъ
Меня восторгомъ дивно упоилъ!
Теперь—пора! Завѣтный даръ любви,
Переходи сегодня въ чашу дружбы.

СЦЕНА II.

(Особая комната въ трактирѣ; фортеніано).

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ (за столомъ).

САЛЬЕРИ.

Что ты сегодня пасмуренъ?

МОЦАРТЪ.

Я? Нѣтъ!

САЛЬЕРИ.

Ты, вѣрно, Моцартъ, чѣмъ нибудь раз-
строенъ?

Обѣдъ хорошій, славное вино,
А ты молчишь и хмуришься.

МОЦАРТЪ.

Признаться,

Мой Requiem меня тревожитъ.

САЛЬЕРИ.

А!

Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

МОЦАРТЪ.

Давно, недѣли три. Но странный случай...
Не сказывалъ тебѣ я?

САЛЬЕРИ.

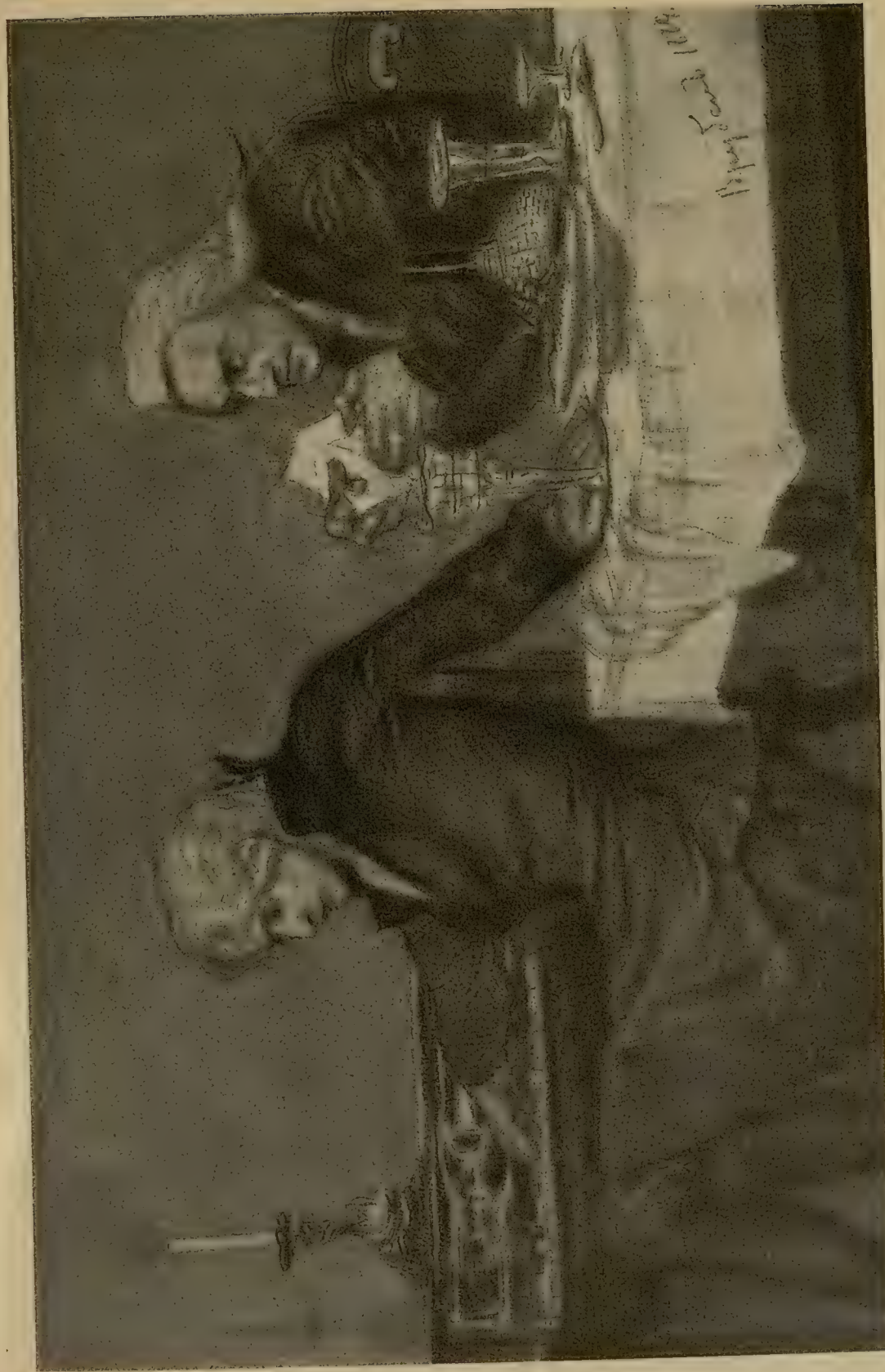
Нѣтъ.

МОЦАРТЪ.

Такъ слушай:

Недѣли три тому, пришелъ я поздно
Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ
За мною кто-то. Отъ чего—не знаю,
Всю ночь я думалъ: кто бы это былъ?
И что ему во мнѣ? Назавтра тотъ же
Зашелъ и не засталъ опять меня.
На третій день игралъ я на полу

САЛБЕРИ СЫПЛЕГЪ ЯДЪ ВЪ СТАКАНЪ МОЦАРТА.

Неизданный рисунокъ Врубеля. Принадлежитъ семье Н. А. Римского-Корсакова.

Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышелъ. Человѣкъ, одѣтый въ черномъ,
Учтиво поклонившись, заказалъ
Мнѣ Requiem и скрылся. Сѣлъ я тотчасъ
И сталъ писать—и съ той поры за мною
Не приходилъ мой черный человѣкъ;
А я и радъ: мнѣ было бѣ жалъ разстаться
Съ моей работой, хоть совѣмъ готовъ
Ужъ Requiem. Но между тѣмъ я...

САЛЬЕРИ.

Что?

МОЦАРТЪ.

Мнѣ совѣстно признаться въ этомъ...

САЛЬЕРИ.

Въ чемъ же?

МОЦАРТЪ.

Мнѣ день и ночь покоя не даетъ
Мой черный человѣкъ. За мною всюду
Какъ тѣнь онъ гонится. Вотъ и теперь
Мнѣ кажется, онъ съ нами самтретей
Сидитъ.

САЛЬЕРИ.

И, полно! что за страхъ ребячій?
Развѣй пустую думу. Бомарше
Говаривалъ мнѣ: «слушай, братъ Сальери,
Какъ мысли черныя къ тебѣ придуть,
Откупори Шампанскаго бутылку,
Иль перечти Женитьбу Фигаро».

МОЦАРТЪ.

Да! Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель;
Ты для него Тараса сочинилъ,
Вещь славную. Тамъ есть одинъ мотивъ...
Я все твержу его, когда я щастливъ...
Ла ла ла ла... Ахъ, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравилъ?

САЛЬЕРИ.

Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣшенъ
Для ремесла такого.

МОЦАРТЪ.

Онъ же геній,

Какъ ты, да я. А геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовѣстныя. Не правда ль?

САЛЬЕРИ.

Ты думаешь?

(Бросаетъ лѣзъ въ стаканъ Моцарта)

Ну, пей же.

МОЦАРТЪ.

За твое

Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыновей гармоніи.

(Пьетъ).

САЛЬЕРИ.

Постой,

Постой, постой!... Ты выпилъ!... безъ меня?

МОЦАРТЪ (бросаетъ салфетку на столъ).

Довольно, сытъ я.

(Идетъ къ фортепиано).

Слушай же, Сальери,

Мой Requiem. (Играетъ).

Ты плачешь?

САЛЬЕРИ.

Эти слезы

Впервые лью: и больно, и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти
слезы...

Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
Еще наполнить звуками мнѣ душу...

МОЦАРТЪ.

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бѣ не могъ
И міръ существовать; никто бѣ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни;
Всѣ предались бы вольному искусству.
Насъ мало избранныхъ, щастливцевъ праз-
ныхъ,

Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единого прекраснаго жрецовъ.
Не правда ль? Но я нынче нездоровъ,
Мнѣ что-то тяжело; пойду засну.
Прощай же.

САЛЬЕРИ.

До свиданья.

(Одинъ).

Ты заснешь

Надолго, Моцартъ!... Но ужель онъ правъ,
И я не геній? Геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовѣстныя. Неправда:
А Бонаротти? Или это сказка
Тупой, безмысленной толпы—и не былъ
Убийцею создатель Ватикана?

646. СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ БЕЗСОННИЦЫ.

Мнѣ не спится, нѣтъ огня;
Всюду мракъ и сонъ докучной;
Ходъ часовъ лишь однозвучной
Раздается близъ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей почи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня—
Что тревожишь ты меня?

Что ты значишь, скучной шопоть?
Укоризну, или ропоть
Мной утраченнаго дня?
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь, или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу...

647. ВЪ НАЧАЛѣ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я.

[Незакончено].

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ настъ, дѣтей безпечныхъ, было много—
Неравная и рѣзвая семья;
Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.
Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.
Ея чела я помню покрывало,
И очи свѣтлыя, какъ небеса;
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.
Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ
И полныя святости словеса.
Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разгово-
ровъ.
И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужаго сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ свой слабый умъ,
И праздномыслить было мнѣ отрада.
Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.
Все мраморныя циркули и лиры,
И свитки [?] въ мраморныхъ рукахъ,
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры—
Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ.
Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.
Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ молодой—
Былъ гнѣвъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.
Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ—лживый, но пре-
красный.

648. БЫЛЪ НА СВѢТѢ РЫЦАРЬ БѢДНЫЙ.

[Первая редакція; сохранился только неотдѣланный черновикъ. Сокращенную передѣлку см. въ «Сценахъ изъ Рыцарскихъ временъ»].

Былъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой,
Съ виду сумрачный и бѣдный,
Молчаливый и простой.
Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непонятное ему
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.
[Разъ] поѣхалъ онъ въ Женеву
Онъ увидѣлъ у [креста]
На пути Марію Дѣву,
Матерь Господа Христа.
Съ той поры, заснувъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,

И до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ
И на грудь . . . онъ четки
Вмѣсто шарфа навязалъ—
Никогда стальной рѣшетки
Онъ съ лица не поднималъ.
Полонъ (дѣтскою?) любовью
Вѣренъ набожной мечтѣ,
Ave Mater Dei кровью
Написалъ онъ на щитѣ.
Проводилъ . . . дѣлы ночи
Предъ иконой Пресвятой,
Устремивъ къ ней [томны] очи,
Тихо слезы лилъ рѣкой.

Пѣть псалмы Отцу и Сыну
И Святому Духу вѣкъ
Не случилось Паладину—
Быль онъ странный человѣкъ.
Между [тѣмъ?] какъ Паладины
Мчались
По пустынямъ Палестины,
Имяни громко дамъ,
Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ
И гнала его угроза
(Мусульманъ) . . . . станъ.
Возвратясь въ свой замокъ дальный,
Жилъ онъ, будто заключенъ,
Все влюбленный . . . печальный,
Безъ причастія умеръ
Какъ боролся онъ съ [кончиной?]
Бѣсъ лукавый подоспѣлъ;
Душу (рыцаря) собирался
Унести онъ въ свой предѣлъ:
«Онъ-де Богу не молился,
Онъ не вѣдалъ и поста,
Онъ за Матерью Христа
Непристойно волочился.»
Но Пречистая сердечно
Заступилась за него,
И пустила въ царство вѣчно
Паладина своего.

649. ГЕРОИ.

Что есть истина?

другъ

Да, Слава въ прихотяхъ вольна.
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ летаетъ;
Съ одной сегодня исчезаетъ,
И на другой уже видна.
За новизной бѣжать смиренно
Народъ безмысленный привыкъ;
Но намъ ужъ то чело священо
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.
На Тронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межъ гражданъ на чредѣ иной,
Изъ сихъ избранныхъ кто всѣхъ болѣ
Твоею властвуетъ душой?

поэтъ

Все онъ, все онъ—пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирился Цари,
Сей ратникъ Вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій, какъ тѣнь зари.

другъ

Когда жъ твой умъ онъ поражаетъ
Своею чудною звѣздой?
Тогда ль какъ съ Альповъ онъ взираетъ

На дно Италіи святой,
Тогда ли какъ хватается знамя
Иль жезлъ диктаторскій, тогда ль,
Какъ водить и кругомъ и вдалъ
Войны стремительное пламя
И пролетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ одна другой вослѣдъ;
Тогда ль какъ рать Героя плещетъ
Передъ громадой Пирамидъ,
Иль какъ Москва пустынно блещетъ
Его пріемля—и молчить?

поэтъ

Нѣтъ, не у Щастія на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
Не тамъ гдѣ на скалу свою
Сѣвъ, мучимъ казнью покоя,
Осмѣявъ прозвищемъ Героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ
Плащомъ закрывшись боевымъ;
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй,
Лежитъ на каждомъ трупъ живой
Клейменный мощною Чумою,
Царицею Болѣзней. Онъ,
Не-бранной смертью окруженъ,
Нахмурясь ходить межъ одами,
И хладно руку жметъ Чумѣ
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнь свою
Игралъ предъ сумрачнымъ Недугомъ
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ Небу другомъ
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли славной!

другъ

Мечты поэта,
Историкъ строгой гонить вась!
Увы—его раздался гласъ (*)
И гдѣжъ очарованіе свѣта?

поэтъ

Да будетъ проклятъ Правды свѣтъ,
Когда Посредственности хладной
Завистливой, къ соблазну жадной
Онъ угождаетъ праздно!—нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь Герою сердце; Чтоже
Онъ будетъ безъ него? Тиранъ!

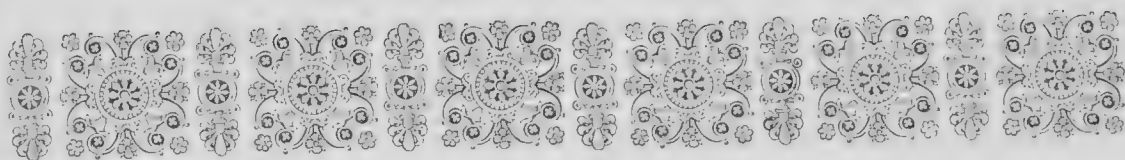
другъ

Утѣшся...

29 Сентября 1830 г.
Москва.

*) Mémoires de Bourienne.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

I.

Превознося Пушкина какъ художника, его цѣнители отмѣчали перѣдко одну, дѣйствительно, очень характерную черту его творчества—его способность чувствовать себя свободнымъ въ самыхъ различныхъ историческихъ костюмахъ и его умѣнье быть искреннимъ и естественнымъ въ обстановкѣ чужой, не русской.

Что Пушкинъ обладалъ даромъ проникать во всѣ тайники русской души, и современной ему, и той, которая нѣкогда жила въ его предкахъ—это, хотя и удивляло на первыхъ порахъ критику, но мало-по-малу, стало ей казаться вполне естественнымъ. Еще при жизни поэта его поэзія была признана вѣрнымъ художественнымъ отраженіемъ нашей жизни, и, какіе бы недочеты въ его стихахъ ни отыскалъ читатель (а неблагоприятный читатель бывалъ иногда очень придирчивъ), онъ могъ спорить противъ темы, избранной поэтомъ, противъ отдѣльныхъ образовъ и словъ, но передъ правдой изображенія, передъ вѣрностью психологической мотивировки, цѣлностью художественнаго образа онъ преклонялся.

Къ этому признанію высоты и красоты національнаго поэта присоединилось скоро удивленіе передъ силой поэта универсальнаго. Эта новая черта пушкинскаго творчества была подмѣчена не сразу, но, по мѣрѣ развитія въ читателѣ эстетическаго чувства, стала все больше и больше выясняться. Уже Бѣлинскій подчеркнулъ художественную универсальность поэта и поддавался иногда искушенію приравнять Пушкина къ самымъ яркимъ мировымъ гениямъ. Достоевскій въ своей знаменитой рѣчи не только призналъ это равенство, но даже повысилъ цѣнность пушкинской

поэзіи еще нѣсколькими степенями и привѣтствовалъ въ художникѣ «всечеловѣка», вмѣстившаго въ себя все, что когда-либо человекъ на землѣ переживалъ и передумалъ. Въ какой мѣрѣ Достоевскій былъ правъ, надѣляя Пушкина такимъ титуломъ, объ этомъ можно спорить, но не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что среди русскихъ художниковъ Пушкинъ былъ единственнымъ, который, улетая мечтой за границу своей родины (а ему только въ мечтахъ удалось повидать чужія страны), чувствовалъ себя, какъ художникъ, совсѣмъ свободно на чужой сторонѣ и среди людей, съ которыми онъ въ жизни никогда не встрѣчался.

Еще задолго до Пушкина наши художники слова брали на себя роль посредниковъ между нами и нашими сосѣдями,—роль своего рода истолкователей всемірной исторіи въ ея наиболѣе характерныхъ моментахъ и наиболѣе яркихъ типахъ. Наша широкая публика стараго времени—публика полукультурная или совсѣмъ некультурная—въ своемъ образованіи была очень многимъ обязана поэтамъ и романистамъ. Въ ихъ сказкахъ почерпали мы первые свѣдѣнія о томъ, какъ, напр., выглядѣть, съ внѣшней, конечно, стороны, міръ античной древности, міръ варварской фантазіи, столѣтія монашества и рыцарства, вѣкъ Людовика XIV—годы «бури и натиска» и другія знаменательныя эпохи всемірной исторіи, Греки, римляне, итальянцы, испанцы, французы, нѣмцы и англичане—все въ разныхъ костюмахъ различныхъ эпохъ толпились передъ нашими глазами и говорили съ нами русской рѣчью.

Какъ бы мы теперь ни улыбались, читая эти рѣчи, въ которыхъ мы узнаемъ сразу нашихъ добрыхъ соотечественниковъ, переодѣтыхъ и ряженыхъ, мы не должны

забывать, что было время, когда этот литературный маскарад дѣлалъ свое культурное дѣло. Наша поэзія была нашей первой исторической хрестоматіей, первымъ нашимъ учебникомъ исторіи, въ которомъ картинка, хотя и очень незатѣйливая, была исполнѣна своимъ мѣстѣмъ.

Такое наглядное ознакомленіе русскаго читателя съ прошлой и настоящей жизнью западной продолжалось за все время процвѣтанія у насъ такъ называемаго «романтизма». Это направленіе, очень туманное по своимъ художественнымъ внутреннимъ тенденціямъ, въ выборѣ сюжетовъ и во внѣшнихъ формахъ ихъ обработки дѣлало откровенныя заимствованія у иностранныхъ образцовъ и тѣмъ самымъ, несомнѣнно, сближало русскаго читателя съ судьбами всего культурнаго міра. До конца сороковыхъ годовъ, когда давно пробивавшійся наружу реализмъ, одержалъ наконецъ, побѣду въ лицѣ Гоголя и молодыхъ силъ «натуральной школы», наши поэты и романисты въ особенности, продолжали любить такіа литературныя экскурсіи въ дальнія страны вплоть до береговъ Ганга и Иранскаго плоскогорья.

И Пушкинъ любилъ иногда забывать Россію современную и историческую, и позволялъ себѣ жить среди иныхъ людей и въ иные времена. По природѣ своей онъ былъ большой реалистъ въ искусствѣ въ томъ смыслѣ, что не отступалъ отъ психологической правды въ изображеніи души человѣка, хотя бы и въ рамкахъ самаго фантастическаго и легендарнаго сюжета. Отъ современныхъ ему художниковъ—и даже самыхъ даровитыхъ,—онъ отличался именно тѣмъ, что умѣлъ воскрешать умершихъ и возстановлять исчезнувшія обстановки—пу, если не со всей полнотой знаній археологическихъ и историческихъ, то съ полнотой знанія человѣческаго сердца; и во всѣхъ произведеніяхъ, гдѣ онъ имѣлъ дѣло съ такими отжившими или никогда не жившими людьми, мы не найдемъ никакихъ невозможностей, натяжекъ, не найдемъ рѣзкихъ анахронизмовъ или попытки навязать старинѣ свою собственную психику. Передъ нами стоятъ живые люди и свидѣлствуютъ о томъ, какъ иѣкогда они жили, мыслили и волновались.

Было бы очень интересно подробно провѣрить въ какой степени нашъ художникъ былъ силенъ въ такихъ перевоплощеніяхъ, и эта работа еще ждетъ своего исполнителя. Пока можно сказать только, не боясь впасть

въ преувеличеніе; что никому изъ нашихъ художниковъ не открывалась такъ тайна самыхъ противорѣчивыхъ психическихъ состояній души человѣческой, какъ Пушкину. Неподдѣльной древностью вѣтъ на насъ отъ его антологическихъ стихотвореній въ античномъ стилѣ; глубокое и истинное христіанское настроеніе можемъ мы уловить въ нѣкоторыхъ его стихахъ, какъ, напр., въ «Галубѣ»; облики настоящихъ рыцарей встаютъ передъ нами въ «Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ», и рядомъ съ этимъ мы можемъ уловить духъ эпохи Возрожденія въ его «Пирѣ во время чумы» и въ «Каменномъ Гостѣ». Стоитъ ли говорить о томъ, какъ вѣрно онъ схватывалъ современныя ему настроенія, столь пышно развернувшіяся на Западѣ въ памятникахъ такъ называемой сентиментальной и романтической литературы?

Повинуясь во всѣхъ этихъ стихахъ своему вдохновенію и служа музамъ, поэтъ, несомнѣнно, исполнялъ и иную культурную миссію: онъ расширялъ историческій кругозоръ своихъ читателей, и можно только пожалѣть, что онъ это дѣлалъ такъ рѣдко. Дѣйствительно, Пушкинъ рѣдко разрѣшалъ себѣ такіа отступленія отъ обычныхъ ему мотивовъ личныхъ или темъ изъ жизни русской въ ея прошломъ и настоящемъ. И лучшее, что имъ было создано въ этой области исторической художественной интуиціи хранилось долго въ его бумагахъ и увидало свѣтъ только послѣ его смерти.

Къ числу самыхъ яркихъ примѣровъ такой универсальности въ творчествѣ Пушкина относится и «Каменный Гость», произведеніе большой цѣны—какъ образецъ силы русскаго драматическаго таланта—и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ удачѣйшихъ вариаций общераспространенной на Западѣ литературной темы.

Когда «Каменный Гость» появился въ печати, Бѣлинскій встрѣтилъ его диопрабмомъ восторга. Объ этой первой оцѣнкѣ надо вспомнить, такъ какъ она, отдавая должное таланту русскаго писателя, угадала и международное значеніе его произведенія. Богатѣйшимъ, роскошнѣйшимъ алмазомъ въ портретномъ вѣнкѣ Пушкина называлъ Бѣлинскій «Каменнаго Гостя» *). «Какая дивная гармонія между идеей и формой!—восклидалъ критикъ. Какой стихъ,

*) Сочиненія Бѣлинскаго, томъ VIII, «Сочиненія Александра Пушкина», гл. XI.

прозрачный, мягкій и упругій, какъ волна, благозвучный, какъ музыка! Какая кисть, широкая, смѣлая, какъ будто небрежная! Какая антично благородная простота стили! Какія роскошныя картины волшебной страны, гдѣ почъ лимономъ и лавромъ пахнетъ! Такая тема не можетъ пользоваться популярностью. Ее можно или понять глубоко, или вовсе не понять. Для не понимающихъ она не имѣетъ ровно никакой цѣны; для понимающихъ невозможно любить ее безъ страсти, безъ энтузіазма. Но первыхъ много, послѣднихъ мало, и потому она существуетъ для немногихъ».

«Герой ея—лицо мнѣическое, испанскій Фаустъ»... и критикъ начинаетъ доискиваться философскаго смысла въ появленіи на землѣ такого характера, какъ Донъ-Жуанъ. «Каждый человѣкъ,—говоритъ онъ,—чтобы жить не одной физической жизнью, но и нравственной вмѣстѣ, долженъ имѣть въ жизни какой-нибудь интересъ, что-нибудь въ родѣ постоянной склонности, влеченія къ чему-нибудь. Иначе жизнь его будетъ неполна или пуста. Въ людяхъ высшей природы этотъ интересъ, эта склонность, это влеченіе проявляются какъ могущественная страсть, составляющая ихъ силу. Одинъ находитъ свою страсть, паюсь своей жизни, въ наукѣ, другой—въ искусствѣ, третій—въ гражданской дѣятельности и т. д. Донъ-Жуанъ посвятилъ свою жизнь наслажденію любовью, не отдаваясь, однакожъ, ни одной женщинѣ исключительно. Это путь ложный, и оскорбленіе истинно нравственной идеи всегда влечетъ за собою наказаніе, разумѣется, нравственное же». Изъ упоминанія о Фаустѣ и изъ всѣхъ этихъ словъ Бѣлинскаго ясно, что онъ оцѣнивалъ «Каменнаго Гостя», какъ философскую поэму, рѣшающую нравственный вопросъ. И критикъ былъ правъ, такъ какъ Донъ-Жуанъ традиціонной легенды, несомнѣнно, яркій выразитель и проводникъ въ жизнь опредѣленнаго нравственнаго міропониманія, а «Каменный Гость», несомнѣнно, произведеніе міровое, дающее новую вариацию одного не умирающаго въ жизни человѣческой мотива.

Дважды русскій художникъ брался за разработку этого общечеловѣческаго мотива, и дважды онъ создалъ нѣчто равное тѣмъ образцамъ, которые раньше него были уже признаны какъ художественныя рѣшенія данной задачи. Сначала Пушкинъ заинтересовался этимъ сюжетомъ, а потомъ имъ увлекся Алексѣй Толстой. Пушкинъ

обманулъ насъ, заставляя думать, что передъ нами настоящій испанецъ, и дѣйствіе происходитъ въ Мадридѣ; Алексѣю Толстому этого не удалось сдѣлать, и, читая его поэму, мы не могли забыть самого автора, который очень субъективно рѣшалъ запутанную философскую проблему, и все намъ казалось, что дѣйствіе происходитъ въ его кабинетѣ, а не въ Испаніи.

II.

На вопросъ, какія думы или чувства, или житейскія обстоятельства заставили Пушкина остановить свой выборъ на старинной легендѣ объ испанскомъ соблазнительѣ, мы, конечно, никогда точнаго отвѣта не получимъ. Выборъ сюжета бываетъ часто очень капризенъ и обусловленъ такими случайностями, въ которыхъ самъ поэтъ иногда отдать себѣ отчета не можетъ. Все, что въ данномъ случаѣ можетъ разрѣшить себѣ историкъ—это только предположенія и самыя общія догадки.

По поводу «Каменнаго Гостя» такихъ догадокъ было высказано нѣсколько. Указывалось на то, что Пушкинъ имѣлъ случай видѣть представленіе оперы Моцарта на сценѣ и не могъ забыть вынесеннаго изъ театра впечатлѣнія. Оно будто бы потребовало отъ него самостоятельнаго и достойнаго Моцарта отвѣта. Указывалось, кромѣ того, что Пушкинъ въ домѣ Карамзинныхъ встрѣчался съ извѣстнымъ восторженнымъ поклонникомъ Моцарта—Улыбышевымъ и что отзвуки бесѣдъ съ этимъ тонкимъ знатокомъ музыки, могутъ быть уловлены и въ «Каменномъ Гостѣ», и въ «Моцартѣ и Сальери». Легко возможно, что эти случайныя встрѣчи и случайныя впечатлѣнія дали толчокъ фантазіи поэта, но увлеченіе Пушкина своей темой едва ли можетъ быть объяснено только ими. Въ данномъ случаѣ родникъ вдохновенія поэта надо искать не въ однихъ только случайностяхъ, а въ чемъ-нибудь болѣе постоянномъ. И было высказано мнѣніе, что «Каменный Гость» въ извѣстномъ смыслѣ личное признаніе поэта. Любовь, которой Пушкинъ въ своей жизни приписалъ столько жертвъ, пылала въ его сердцѣ всего ярче какъ разъ въ то время, когда онъ работалъ надъ этими драматическими сценами. Онъ былъ женихомъ своей невѣсты, и рѣчи, которыя Донъ-Жуанъ говорилъ Доннѣ-Аннѣ, относились не къ ней, а къ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой. У Пушкина явилось же-

ланіе покаяться въ прежнихъ грѣхахъ и увѣрить самого себя въ томъ, что старая любовь не можетъ идти въ сравненіе съ новой; поэтъ хотѣлъ предостеречь самого себя и уберечь свою новую любовь отъ тѣхъ искушеній легкомыслія, каковы такъ охотно подпадали всѣ его старыя страсти; поэтъ грозилъ самому себѣ той участью, какая постигла вѣтреннаго любовника, порхающаго отъ одной любви къ другой, какъ, несомнѣнно, порхалъ въ былые годы онъ самъ. Переживаемый острый моментъ любовнаго увлеченія и страхъ за себя и за любимую женщину, сознание своей грѣховности передъ лицомъ «чистаго ангела»— всѣ эти обычные мысли и чувства жениха оказали въ данномъ случаѣ прямое вліяніе на полетъ его творческой фантазіи *).

Эти параллели между творчествомъ и жизнью поэта весьма правдоподобны, и легко можетъ быть, что даже оригиналами для Лепорелло, Инезы и Лауры служили живыя лица, добрые знакомые Пушкина, какъ это подробно И. Щегловъ доказываетъ. Съ нимъ рѣшительно нельзя согласиться только въ одномъ—въ предположеніи, что въ трагической смерти Донъ-Жуана поэтъ какъ бы предугадывалъ свою собственную судьбу. Пушкинъ едва ли «сознавалъ про себя, что, беря въ жены женщину свѣтскую, избалованную, вдову, рѣдкую красавицу, онъ ставитъ на карту свою будущность, какъ поэтъ». Едва ли «проникновеніе поэта на ухо подсказывало ему, что эта женитьба какъ бы послѣдній пиръ его жизни, и «каменный гость»—смерть, можетъ быть, уже недалека отъ его житейскаго порога»... Не могъ поэтъ думать о такомъ «трагическомъ» исходѣ своего счастья, когда былъ такъ упоенъ имъ,—но если бы даже онъ и думалъ, то, конечно, не въ образѣ беззаботнаго Донъ-Жуана рисовался бы ему его собственный образъ.

Предположить, однако, что наканунѣ отреченія отъ грѣховъ юности онъ могъ задуматься надъ тѣмъ, какъ легко пропустить истинную любовь, какъ легко погнѣпуть, идя старой дорогой, вмѣсто того, чтобы быть счастливымъ въ обладаніи святымъ и чистымъ сердцемъ,—это возможно.

Не будемъ дальше настаивать на всѣхъ этихъ предположеніяхъ и догадкахъ. И случайныя обстоятельства, и мимолетныя впе-

чатлѣнія, и неизбежный самоанализъ любовною вскипѣвшаго сердца имѣли, безспорно, свою долю участія въ созданіи «Каменнаго Гостя».

Но «Каменный Гость» все-таки, прежде всего, произведеніе міровое, и, какъ мы сказали, одна изъ самыхъ удачныхъ и блестящихъ вариаций общеевропейской темы...

III.

Мы ничего не знаемъ о томъ, насколько подробно Пушкинъ былъ знакомъ съ литературной исторіей легенды, которая ему вдругъ такъ понравилась. Нѣтъ никакихъ указаній на какую-либо «работу» или подготовку поэта; какими «матерьялами» онъ располагалъ, когда брался продолжать дѣло, начатое другими, мы не знаемъ. Какъ его «Сцена изъ Фауста», такъ и «Каменный Гость» родились какъ будто сразу изъ его творческой головы, не отягченной никакими справками. Развѣ только комедія Мольера «Le festin de pierre» хранилась со школьныхъ лѣтъ въ памяти поэта..

Итакъ, можно предположить, что Пушкинъ и не догадывался, съ какими предшественниками онъ вступалъ въ состязаніе. А ихъ было очень много, начиная съ XVII вѣка, когда впервые Донъ-Жуанъ, герой устнаго преданія, появился на подмосткахъ.

Многочисленныя литературныя обработки этой старой легенды могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, сообразно съ той нравственной и идейной оцѣнкой, какой придерживался писатель въ своемъ судѣ надъ главнымъ героемъ.

По одному толкованію, Донъ-Жуанъ былъ простой грѣшникъ, искатель любовныхъ приключеній, человекъ подъ властью исключительной чувственности, развратный, безпринципный, безбожный и поему достойный самой тяжелой кары—вѣчныхъ адскихъ мученій. Такимъ является этотъ типъ въ первоначальныхъ редакціяхъ легенды, и кажется, что въ ея основѣ лежалъ историческій фактъ, иѣкогда возмущившій нравственное чувство человека. Въ половинѣ XIV вѣка среди близкихъ людей одного испанскаго короля находился, дѣйствительно, какой-то Донъ-Жуанъ, соблазнитель женскихъ сердецъ, поплачившійся жизнью за свою безбожную дерзость и за беззащитное обхожденіе съ дамами. Въ одномъ монастырѣ онъ

* Иванъ Щегловъ, «Новое о Пушкинѣ», Спб. 1902, «Нескромныя догадки», стр. 132—147.

былъ убитъ монахами, которые затѣмъ распустили слухъ, что безбожникъ былъ самими чертами унесенъ въ преисподнюю. Легенда, которая быстро спелась вокругъ имени Донъ-Жуана, имѣла, такимъ образомъ, первоначально, несомнѣнно, назидательную тенденцію и должна была предостерегать людей отъ излишней пылкости ихъ темперамента. Попадъ на подмостки, легенда усложнилась разными эпизодами, и основная моральная тенденція ея начала постепенно украшаться бытовыми деталями, сценами изъ жизни тѣхъ слоевъ общества и тѣхъ національностей, которые ею заинтересовывались. Разные типы женщинъ—отъ крестьянокъ до королевскихъ дочерей—приняли участіе въ ея дѣйствіи; появился въ ней очень рано и комическій типъ слуги-арлекина или простака-шута, всему міру извѣстный подъ именемъ Лепорелло. Главный интересъ былъ, конечно, сосредоточенъ на Донъ-Жуанѣ, пока въ XIX вѣкѣ онъ, этотъ интересъ, не былъ подѣленъ между героемъ и его послѣдней жертвой—женщиной съ особенно сильной душой, полной самопожертвованія и святой любви,—женщиной, похожей на добраго ангела, посланнаго съ небесъ для спасенія грѣшника, развратнаго сердца.

Такая чисто-моральная тенденція легла въ основаніе всѣхъ первыхъ обработокъ этого сюжета, начиная съ XVII вѣка^{*)}. Въ драмѣ испанца Тирсо де Молина «El Burlador de Sevilla» (1630), съ которой надо вести исторію типа Донъ-Жуана на сценѣ, мораль подчеркнута очень рѣзко: каменный командоръ не позволяетъ закоснѣлому грѣшнику, обманщику и соблазнителю даже покаяться и проваливается съ нимъ въ преисподнюю. Тонкихъ психологическихъ чертъ въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ нѣтъ, и вся драма, довольно грубо напи-

санная, сплошь назидательная картина. Такой дидактическій характеръ сохраняетъ этотъ сюжетъ и въ итальянскихъ обработкахъ XVII вѣка, довольно многочисленныхъ и имѣвшихъ большой успѣхъ у публики. Новымъ въ этихъ передѣлкахъ является лишь вторженіе комическаго элемента; но этотъ комизмъ, нарушающій цѣльность назидательной картины, уравнивается тѣмъ, что преступность самого Донъ-Жуана отягощается новой чертой—его непочтительнымъ отношеніемъ къ Богу—поверхностнымъ, но дерзкимъ атеизмомъ.

Во французскихъ передѣлкахъ сюжета, очень многочисленныхъ, повторяются все тѣ же обвиненія противъ главнаго героя, и, за кое-какими измѣненіями въ отдѣльных сценахъ и драматическихъ положеніяхъ, ходъ развитія дѣйствія и его разрѣшеніе при помощи божьяго суда остается неизмѣннымъ. Французскій художникъ начинаетъ только подчеркивать съ особой силой дерзкое отношеніе героя къ божеству. Донъ-Жуаны-итальянцы хотя и богохульничаютъ, но ихъ богохульство скорѣе вывѣшенная бравада, чѣмъ выраженіе послѣдовательной атеистической мысли. Французы идутъ значительно дальше, и сами художники заинтересованы не столько развратнымъ соблазнителемъ, типомъ для нихъ очень ординарнымъ, сколько богохульникомъ, который смѣется надъ сверхчувственной силой и именно этимъ готовитъ себѣ вѣчную погибель. Въ знаменитой пьесѣ Мольера «Le festin de pierre» (1665) мы имѣемъ самый закоснѣлый и цѣльный типъ такого безбожника, атеиста и, въ придачу, губителя женскихъ сердецъ. Какъ соблазнитель, онъ мало чѣмъ отличается отъ традиціоннаго типа, если не считать, что онъ человѣкъ утонченнаго обхожденія и дворянина до мозга костей, какимъ его съ особеннымъ стараніемъ желалъ обрисовать художникъ. Но самая характерная черта этой натуры—черта, пока еще не особенно ярко отбѣенная,—это—его почти-что сатанинская гордыня. Атеистъ послѣдовательный и дерзкій, онъ себя противопоставляетъ Богу и подчиняетъ всѣ нравственные вопросы своему свободному сужденію, которое не признаетъ никакого долга и никакихъ обязательствъ, не имѣ установленныхъ. Донъ-Жуанъ Мольера—это своего рода сверхчеловѣкъ первоначальной формаціи. Мольеръ, несомнѣнно, углубилъ типъ Донъ-Жуана; но и въ его тол-

^{*)} Исторія типа Донъ-Жуана детально разработана на Западѣ. Въ русской литературѣ имѣется точный пересказъ содержанія и взаимной связи различныхъ передѣлокъ легенды въ статьѣ Е. Г. Брауна «Литературная исторія типа Донъ-Жуана. Спб. 1889 (напечатано въ журналѣ «Пантеонъ Литературы»)». Кромѣ того, извѣстна статья Алексѣя Веселовскаго, «Легенда о Донъ-Жуанѣ» («Этюды и Характеристики М. 1907»). Недавно (въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» 1907 г. за октябрь и ноябрь) была напечатана интересная статья Маргариты Саломонъ о «Донъ-Жуанѣ» графа Алексѣя Толстого. Въ статьѣ данъ содержательный и краткій очеркъ всѣхъ главнѣйшихъ литературныхъ обработокъ легенды вплоть до драматической поэмы Толстого.

кованіи этотъ типъ оставался вѣренъ традиціонному оригиналу беззаботнаго, веселаго прожигателя жизни: трагизмъ былъ пока еще только въ развязкѣ жизни героя, а не въ его душѣ, которая неизмѣнно ликовала и торжествовала.

Къ числу веселыхъ Донъ-Жуановъ надо отнести и тѣхъ, которые стали появляться въ XVIII вѣкѣ. Изъ ихъ среды вышелъ тотъ знаменитый Донъ-Жуанъ, который покорилъ весь міръ своимъ вѣніемъ.

Восторженные поклонники оперы Моцарта много потратили остроумія на истолкованіе характера этого обворожительнаго соблазпителя. Его обликъ, какъ онъ былъ данъ аббатомъ Да-Понте, который писалъ для Моцарта либретто оперы (1787), ничѣмъ не отличается отъ облика всѣхъ предшествующихъ ему веселыхъ Донъ-Жуановъ; но либретто и музыка, взятая вмѣстѣ, нѣсколько видоизмѣняютъ этотъ образъ и изъ простаго жизнерадостнаго ухаживателя создаютъ фигуру съ нѣкоторымъ трагическимъ оттѣнкомъ. Это отмѣтилъ еще Улыбывевъ въ своей извѣстной біографіи Моцарта; но трагическое въ этой драмѣ онъ видѣлъ лишь въ самой развязкѣ, въ ужасѣ казни преступника, въ пробужденіи мертвеца и въ грозной небесной карѣ, которую на голову преступника призываетъ оскорбленное и страдающее женское сердце. Музыка Моцарта должна въ ея патетическихъ и трагическихъ частяхъ напомнить намъ о глубокомъ нравственномъ смыслѣ нашей жизни, которая взыщетъ со всякаго, кто относится къ ней легкомысленно и кто думаетъ, что она дана ему для наслажденія. Эта серьезная сторона драмы, несомнѣнно, выдвинута въ музыкѣ Моцарта; какъ отмѣнена и возвышенная скорбь Донны-Анны—глубокая трагическая скорбь не объ убитомъ отцѣ только, но и объ его убійцѣ. Но самъ Донъ-Жуанъ Моцарта—кто онъ? Можно ли въ немъ подмѣтить какую-нибудь трагичную черту характера? По толкованію Улыбывева, съ которымъ надо согласиться, такого трагизма нѣтъ. Донъ-Жуанъ, несомнѣнно, изъ семьи титановъ; но эта семья очень многочисленная и соединяетъ очень рѣзкія разновидности. Бываютъ, какъ Прометей, титаны дѣйствующей духовной силы, бываютъ, какъ Фаустъ, титаны философскаго мышленія, но есть и титаны чувственности, олицетворенія чистѣйшаго сепсуализма. Всѣ они встаютъ противъ Богомъ установленнаго порядка и должны

гибнуть въ этой борьбѣ. Для однихъ такой титанизмъ—источникъ большой скорби духовной; но настоящій «титанъ плоти», какъ Донъ-Жуанъ, можетъ опасаться только лишь одного наказанія свыше; пока онъ живъ и дѣйствуетъ, онъ наслаждается. Донъ-Жуанъ такого типа презираетъ людей пастолько, чтобы не пуждаться въ ихъ поклоненіи. Единственно существенное въ мірѣ для него—женщина и то наслажденіе, которое она можетъ ему дать. Вся идея и сущность жизни сливаются для него съ этимъ наслажденіемъ,—и женщины для него, и солнце, и зелень, и ароматы, и музыка. Понятно, что онъ готовъ принять на себя удары всѣхъ людей и вызвать на бой кого и что угодно, если награда за это состояніе дана въ такомъ наслажденіи. И Донъ-Жуанъ, какъ его создалъ Да-Понте и Моцартъ, вѣренъ этой несложной житейской философій до послѣдняго момента. Передъ страшной статуей блѣднѣетъ его тѣло, но отнюдь не его душа; онъ знаетъ, что она навѣки погибла, но о милости онъ просить не станетъ. Отказъ отъ покаянія—это высшее торжество его гордыни *).

Если эта характеристика вѣрна, то Донъ-Жуана Моцарта придется также причислить къ жизнерадостнымъ.

Такіе не перевелись и въ XIX вѣкѣ. Останавливаясь лишь на тѣхъ передѣлкахъ сюжета, которые по времени подходятъ къ драмѣ Пушкина, нужно было бы указать прежде всего на «Донъ-Жуана» (1816) Байрона; но, какъ извѣстно, поэма Байрона не окончена, и содержаніе ея не имѣетъ ничего общаго съ традиціонной легендой, кромѣ одного лишь имени героя. Несомнѣнно, однако, что, создавая этотъ типъ граціознаго влюбчиваго мальчика и слѣдя за всѣми его похождениями, Байронъ думалъ о жизнерадостныхъ его предкахъ и, пропизируя надъ всѣми серьезными вопросами нашей жизни, хотѣлъ какъ будто сказать, что одна любовь, и притомъ самая беззаботная и свободная отъ всякихъ идейныхъ осложнений, имѣетъ единственно прочную цѣнность въ нашемъ мірѣ призраковъ и обмановъ. Но Байронъ упростилъ свою задачу, совсѣмъ не касаясь вопроса о нравственномъ возмездіи.

Не коснулся его и нѣмецкій запоздавшій своимъ рожденіемъ бурный геній Граббе,

*) A. Ulibischeff. Mozart's Leben und Werke (neu bearbeitet von Ganter). Stuttgart, 1859, III, 234, 339.

когда писалъ своего «Донъ-Жуана и Фауста» (1829). Онъ также совсѣмъ переиначилъ сюжетъ и далъ въ соперники Донъ-Жуану не болѣе, не менѣе, какъ самого Фауста, влюбленнаго въ Донну-Анну. Никакихъ идеаловъ, кромѣ погони за наслажденіемъ, онъ Донъ-Жуану не оставилъ, аттестовалъ его какъ большого кутилу и авантюриста, но почему-то представилъ его легитимистомъ и восторженнымъ патриотомъ. Типъ вышелъ недоделаннымъ, нецѣльнымъ, но опять-таки жизнерадостнымъ и беззаботнымъ.

Всѣ только что поименованные герои въ какихъ бы обстоятельствахъ они ни дѣйствовали и какъ бы ни отклонялись въ своей жизни отъ традиціоннаго легендарнаго разсказа, все-таки люди съ единымъ міросозерцаніемъ. Жизнь для нихъ—арена, на которой они проявляютъ свою эгоистическую жизнеспособность и жизнерадостность, проявляютъ стойко, неуклонно, не останавливаясь ни передъ людскимъ авторитетомъ, ни передъ авторитетомъ божескимъ, и до самой послѣдней минуты жизни стоять на своемъ. Оградиться отъ нихъ жизнь можетъ только, предавъ ихъ суду и казни.

Такимъ гедонистическимъ міросозерцаніемъ типъ Донъ-Жуана, конечно, не исчерпывается. Если распутная жизнь и, въ особенности, конецъ этой жизни могли служить предлогомъ для назидательной проповѣди моралиста, то такая проповѣдь получила бы особенную силу убѣдительности, если бы наказаніе грѣшнику пришло не извнѣ, а изнутри. Наказаніе грѣшника свидѣтельствуетъ о Божьей силѣ, покаяніе—о Божьей благодати. Легенда не могла пройти мимо такой само собою напрашивавшейся варіаціи сюжета. И, дѣйствительно, рядомъ съ Донъ-Жуаномъ, безпечнымъ, жизнерадостнымъ и сатанински гордымъ мы встрѣчаемъ другого Донъ-Жуана, который, нагрѣшивъ вдоволь, начинаетъ помышлять о покаяніи и, въ концѣ концовъ, превращается въ кающагося грѣшника, достигающаго въ своемъ покаяніи рвенія иногда высокой степени святости.

Психическій міръ такого покаявшагося сластолюбца, эгоиста и безбожника сложенъ и глубже, чѣмъ психика нераскаяннаго грѣшника, и этимъ, вѣроятно, нужно объяснить тотъ фактъ, что эта новая варіація легенды не нашла себѣ столько излагателей и истолкователей, какъ варіація первоначальная. Новая тема была уже потому

труднѣе, что глубокий смыслъ ея заключался во внутреннемъ переломѣ души человѣческой, въ изображеніи тайны перевосхожденія человѣческаго сердца и пересозданія помысловъ. Художникъ чувствовалъ себя обязаннымъ кромѣ того истолковать наглядно возможность перехода любви плотской въ любовь духовную, любви къ женщинѣ въ любовь къ Богу; обманутая жертва Донъ-Жуана должна была превратиться въ его спасительницу, и оскорбленная женская любовь стать предлогомъ для просвѣтленія и духовнаго возрожденія развратнаго мужского сердца. Несложный основной мотивъ первоначальной легенды запутывался.

Изъ литературныхъ обработокъ легенды въ этой новой версіи наибольшая художественная цѣнность остается за повѣстью Проспера Мериме «Les âmes du purgatoire» (1834) и за драмою Дюма «Don-Juan de Maïana» (1836). Въ обѣихъ передѣлкахъ чудесное вторгается въ жизнь героя чаще и сильнѣе, чѣмъ оно вторгалось раньше: это вполне естественно, такъ какъ самый смыслъ разсказа заключенъ именно въ наглядномъ изображеніи чуда. Развратный, дичиный эгоистъ молитвами своихъ предковъ, а также молитвою обиженной имъ женщины возвращенъ на путь истинный, съ котораго онъ уже больше не сходитъ. Онъ чистосердечно вымаливаетъ себѣ у Бога прощеніе и—прежде гордый и тщеславный—теперь добровольно подвергаетъ себя страшнымъ униженіямъ и всѣмъ строгостямъ монашеской жизни. Онъ по землѣ прошелъ, какъ тлетворное дуполеніе порока, чтобы передъ смертью отъ жизни его повѣло святостью.

И жизни нѣтъ основанія его опасаться, какъ она боялась его раньше, когда взывала къ божьему суду и просила для него казни. Теперь она простила его и съ любовью проводила до его могилы въ монастырской оградѣ. Такимъ образомъ, покаявшийся грѣшникъ прожилъ на землѣ двѣ жизни. Жизнерадостенъ и веселъ былъ онъ вначалѣ, когда развратничалъ и богохульничалъ, и пришибленъ, смиренъ и грустенъ былъ онъ, когда созналъ всю свою грѣховность, и только въ самую минуту смерти къ нему вернулась радость, но уже не радость о жизни, а радость о Господѣ.

Казалось бы, что этимъ примиреннымъ финаломъ окончательно исчерпывалось все духовное содержаніе типа Донъ-Жуана, если этотъ типъ оставался себѣ вѣренъ. т.-е.

если смысломъ своей жизни онъ продолжалъ ставить погоню за наслажденіемъ.

Но гений художника измыслилъ и еще одинъ способъ рѣшенія этой нравственной проблемы. Оставляя за Донъ-Жуаномъ всю его грѣховность и не требуя отъ него покаянія, можно было иначе понять и оцѣнить ту внутреннюю силу, которая толкала его на преступленія. Не одна лишь разнужданная чувственность могла быть признана источникомъ этой силы, не знающей никакой узды. Что если эту погоню за наслажденіемъ понять не узко, а широко, какъ обнаруженіе своего рода тоски по идеалу, по любви, которая должна наполнить жизнь глубокимъ и святымъ содержаніемъ? Суетность, прозаичность, мелочность жизни могутъ истомить душу, возвышенно настроенную; она можетъ, за отсутствіемъ яснаго идеала, все-таки болѣзненно ощущать его недостатокъ въ окружающемъ; она можетъ желать для себя великаго напряженія чувствъ, великаго пафоса; она можетъ хотѣть пылать и горѣть, бороться и властвовать... На любовь, на это чувство, которое обновляетъ весь міръ, которое даетъ самое интенсивное ощущеніе счастья, которымъ живетъ и движется вся космическая жизнь, на этотъ экстазъ чувствъ и воли можетъ восторженная душа возложить всѣ свои надежды. Она должна тогда, жертвуя всѣмъ и всѣмъ, броситься въ погоню за этимъ чувствомъ на землѣ, искать его неустанно, терпя въ своихъ поискахъ ежечасныя разочарованія. Пробудить такое чувство можетъ одна лишь женщина и надо найти такую женщину, любовь къ которой могла бы вмѣстѣ въ себѣ любовь ко всему міру и къ Богу,—женщину, которая затмила бы въ глазахъ энтузіаста всю вселенную, и любя которую, онъ чувствовалъ бы себя самымъ сильнымъ въ мірѣ, самымъ возвышенно настроеннымъ, самымъ близкимъ къ божеству, въ обладаніи мирового пафоса и въ обладаніи самого реальнаго блаженства...

Возможно, что такой энтузіастъ, разыскивая по свѣту такую женщину-невидимку, въ любви которой таится разгадка всего высшаго смысла жизни, погубить на этихъ розыскахъ немало довѣрчивыхъ сердецъ. Онъ погубить ихъ потому, что онъ не можетъ не погубить ихъ, такъ какъ долженъ же онъ удостовѣриться, что не въ ихъ любви заключено то сокровище, которое онъ ищетъ.

Въ первой половинѣ XIX-го вѣка, въ эпоху торжествующихъ романтическихъ

вѣяній, такое неясное, но красивое истолкованіе души Донъ-Жуана было въ модѣ, и многіе изъ большихъ художниковъ заинтересовались разрѣшеніемъ трудной психологической задачи именно въ этомъ направленіи. Донъ-Жуанъ, какъ искатель идеала на землѣ, напоминалъ имъ другого великаго искателя—Фауста.

Въ одной старой статьѣ, написанной въ тѣ романтическіе годы (1841), мы находимъ очень умѣло проведенную параллель между этими двумя мировыми типами, которые теперь сближаются. «Легенда о Фаустѣ принадлежитъ сферѣ мысли, легенда о Донъ-Жуанѣ—сферѣ чувства, говорилъ критикъ^{*)}. Ихъ роднитъ то, что грѣховность человеческой природы въ обѣихъ вызываетъ трагическую гибель героя; но въ то же время особое различіе ихъ заключается въ томъ, что Фаустъ впадаетъ въ грѣхъ мысли, а Донъ-Жуанъ—въ грѣхъ плоти. Духовная надменность, желавшая все познать, усвоить послѣднія причины явленій, тайну міроздаія соблазняетъ столь же могущественно, сколь и безграничное расплываніе въ бреду чувствъ; тутъ, какъ и тамъ, удовлетвореніе только повышаетъ желаніе. Темныя силы природы, не дающія совлечь съ себя свой покровъ, противятся испытующему уму и смѣются надъ его логической силой; отравляющее дыханіе совѣсть неодолимой чувственности несетъ смерть мечтѣ, украшающей жизнь и дающей счастье жизни. Фаустъ противится допустить то, что долженъ допустить, а именно, что его духовной силѣ, покуда она заключена въ земную оболочку, присущи, необходимыя узды; Донъ-Жуанъ не признаетъ, что духъ есть иѣчто независимое отъ нервовъ; оба разными путями становятся грѣшниками, въ концѣ концовъ, принимая или отталкивая предлагаемое имъ спасеніе. Фаустъ отъ гибели спасается дѣломъ—непрестанной, вседневной продолжающейся дѣятельностью; Донъ-Жуанъ глумится надъ убѣжденіемъ духа, который велитъ ему покаяться и признать, что было кощунственнымъ бредомъ отрицать присутствіе въ его груди чего-то безсмертнаго. Поэтому Фаустъ, въ концѣ концовъ, спасенъ, а Донъ-Жуанъ гибнетъ. Покаяніе было бы для него тѣмъ, чѣмъ для Фауста было дѣло. Обѣ эти крайности грѣха—грѣхъ Донъ-Жуана и грѣхъ Фа-

^{*)} I. Scheible. Das Kloster. Stuttgart 1846, III, Dr. Kablert «Die Sage vom Don Juan» 689—693. Переводъ М. Саломонъ.

уста—должны быть разъяснены съ точки зрѣнія двухъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и соотвѣтствуютъ различному воззрѣнію на грѣхъ вообще, какъ оно сложилось въ протестантской и католической церкви. Фаустъ—протестантскій, Донъ-Жуанъ—католическій грѣшникъ. Тотъ сомнѣніемъ лишилъ себя, наконедъ, вѣры, а потому и знанія; этотъ отреченіемъ отъ напряженія высшихъ душевныхъ силъ также утратилъ и то и другое. Оба ловили призракъ, блуждающій огонекъ, приводящій ихъ къ гибели»...

Въ этой оцѣнкѣ двухъ титаническихъ натуръ слишкомъ подчеркнута ихъ грѣховность. Огрицать таковую, конечно, нельзя, но къ ней можно отнестись съ большимъ списхожденіемъ въ виду той конечной дѣли, какую себѣ эти два искатели ставятъ: одинъ желаетъ въ умѣ своемъ вмѣстить всю вселенную; другой хочетъ охватить ее своимъ сердцемъ и, любя, разгадать ея великую тайну. Любовь Донъ-Жуана, несомнѣнно, страшно эгонистична и индивидуалистична и для самого героя источникъ лишняго наслажденія; но и для этой ея односторонности можно, при желаніи, подыскать смягчающее истолкованіе.

Среди тѣхъ блестящихъ отступленій, какія себѣ позволялъ иногда въ своихъ разсказахъ Стендаль-Бейль, есть одна очень остроумная замѣтка объ историческомъ значеніи типа Донъ-Жуана въ XVII вѣкѣ *). Бейль говоритъ, что этотъ типъ могъ вызвать осужденіе и могъ быть заклеиментъ, какъ сатанинскій типъ, только со времени торжества христіанскаго ученія, которое не дѣлало разницы между душой Цезаря и душой любого раба и гладиатора. Типъ Донъ-Жуана, который нисколько не удивилъ бы Аристотеля, Полибія и Августа, долженъ былъ вырасти до типа отчаяннаго грѣшника послѣ реформы Лютера, такъ какъ еще при Львѣ X онъ могъ казаться обыденнымъ. Родиться могъ этотъ типъ только въ Испаніи и Италіи XVI и XVII вѣковъ, когда одна принцесса, лакомясь въ очень жаркій день мороженымъ, говорила: «Ахъ, какъ жаль, что съѣсть мороженое не составляетъ грѣха!» Люди того времени были напуганы грѣхомъ, и, между тѣмъ, величайшее наслажденіе ихъ жизни заключалось въ томъ, чтобы бросить этому грѣху вызовъ и бросить такъ, чтобы всѣ это видѣли и знали.

*) Въ разсказѣ Les Cenci. Paris, 1839, 267—278.

Развѣ это не своеобразное наслажденіе богохульничать и вѣрить, что Богъ можетъ испепелить насъ? Грѣшникъ со страстію и просить со страстію у Бога прощенія?

Это тонкое замѣчаніе, какимъ Стендаль пытается разъяснить намъ насколько возможно тайну такихъ эксцентричныхъ душъ, какъ Цезарь Борджіа или Ченчи, можетъ быть съ извѣстными оговорками приято во вниманіе и при оцѣнкѣ типа Донъ-Жуана въ его общей формѣ. Скользя по всѣмъ его недостаткамъ и забывая о страданіяхъ, какія онъ причиняетъ всѣмъ встрѣчнымъ, можно и въ немъ увидать такого вонтеля въ-защиту того, что люди считаютъ грѣхомъ, борца за свободную индивидуальность, который бросаетъ вызовъ Богу, дьяволу, людскому обществу со всѣми его нравственными нормами, однимъ словомъ—всему, чего принято бояться.

Противъ всѣхъ такихъ идейныхъ толкованій типа можно возразить очень многое; по въ нихъ есть своя красота, и поэты въ XIX вѣкѣ нерѣдко этой красотой прельщались.

Первый прельстился Гофманъ, и въ своемъ разсказѣ «Don-Juan, eine fabelhafte Begebenheit, die sich mit einem reisenden Enthusiasten zugetragen» (1806) далъ самый художественный образецъ такого идейнаго пониманія легенды. Донъ-Жуанъ Гофмана—своего рода сверхчеловѣкъ, одаренный всѣми дарами духа, не исключая и самаго возвышеннаго идеализма. Этотъ идеализмъ, правда, очень туманенъ; онъ сводится къ какому-то неясному желанію соревновать съ самимъ божествомъ въ совершенствѣ, но зато онъ исключаетъ всякую возможность найти удовлетвореніе въ простомъ плотскомъ наслажденіи. Донъ-Жуанъ прошелъ, однако, черезъ это плотское наслажденіе, такъ какъ вѣрилъ, что только одна любовь къ женщинѣ способна окрылить его для смѣлаго полета въ царство идеала. Но во всѣхъ женщинахъ онъ обманулся и потому сталъ мстить любви за это разочарованіе. Онъ сталъ мучить женщинъ и грустить надъ ними, и кончилъ трагично. Въ моментъ, когда онъ встрѣтилъ Донну-Анну, единственную женщину, любовь которой могла бы открыть ему небеса, въ эту самую рѣшительную минуту своей жизни, онъ былъ уже неспособенъ понять тайну святой и чистой любви своимъ омертвѣлымъ сердцемъ.

Возвышенно-туманная концепція Гофмана была видоизмѣнена и упрощена

Мюссе въ его поэмѣ «Namouna» (1832). Этотъ блестящій психологическій очеркъ не имѣетъ ничего общаго съ традиционнымъ сюжетомъ и представляетъ собою оригинальную попытку сочетать въ типѣ Донъ-Жуана элементъ идейный и чувственный, но сочетать его такъ, чтобы чувственный элементъ нашелъ себѣ полное оправданіе. Донъ-Жуанъ Мюссе—тоже искатель идеала на землѣ, но сравнительно съ Донъ-Жуаномъ Гофмана идеалистъ менѣе требовательный. Онъ ищетъ идеальную женщину, но не для того, чтобы она стала посредницей между нимъ, Богомъ и міровой тайной, а только лишь для достиженія высшаго наслажденія на землѣ. Такое наслажденіе, несомнѣнно, наслажденіе плотское, но поскольку въ нашей жизни любовь къ женщинѣ есть высшій экстазъ, высшее вдохновеніе, высшій восторгъ и порзія, постольку такая любовь заслуживаетъ оправданія и сама оправдываетъ чувственную свою сторону. Идеальную женщину, конечно, Донъ-Жуанъ никогда не найдетъ на землѣ, и, переходя отъ одной своей жертвы къ другой, онъ осужденъ на вѣчныя разочарованія, вѣчный сердечный голодъ. Если бы онъ могъ остановиться на разочарованіи и отречься отъ своей мечты, онъ былъ бы спасенъ, но трагедія его въ томъ, что его жажда любви неутолима, и что всякое разочарованіе для него только поводъ искать новаго очарованія въ другой женщинѣ.

Но долженъ же когда-нибудь, ну хотя бы съ лѣтами, этотъ любовный пылъ остыть въ человѣкѣ и весь этотъ любовный идеализмъ показаться миражемъ? Каковъ будетъ пресытившійся Донъ-Жуанъ или Донъ-Жуанъ состарившійся? Эту трудную психологическую задачу поставилъ себѣ Ленау и въ драматическихъ сценахъ «Don-Juan» (1844) рѣшилъ ее очень своеобразно. Его Донъ-Жуанъ такой же беззащитный искатель «идеальнаго» наслажденія, какъ и ближайшій его родственникъ Донъ-Жуанъ Мюссе, но онъ, кромѣ того, философъ, и любовь для него не вдохновеніе и порзія жизни только, а, главнымъ образомъ, ея настоящій сокровенный философскій смыслъ. Любовь это то, чѣмъ держится весь космосъ, вся неорганическая и органическая жизнь. Любить—значитъ исполнять высшій законъ всей природы, неисполненіе котораго влекло бы за собой уничтоженіе всего сущаго. Надо любить всегда и вездѣ, гдѣ можно и пока можно, и если

наступить моментъ пресыщенія или если сама природа положитъ этой способности предѣлъ, то единственный разумный выходъ—это прекратить свое уже безцѣльное существованіе и не мѣшать другимъ. Такъ и кончается Донъ-Жуанъ Ленау, добровольно подставляя свою грудь подъ смертельный ударъ совѣмъ ничтожнаго соперника.

Но и такое рѣшеніе неполное рѣшеніе задачи, какъ и самый типъ такого философирующаго Донъ-Жуана—очень односторонній и надуманный типъ.

Наиболѣе полно разрѣшилась бы вся эта трагедія влюбчивой и влюбленной души примиреніемъ Донъ-Жуана съ Богомъ, съ людьми и съ самимъ собою. Признать чувственное неизбѣжнымъ и естественнымъ, но осудить его эгоистическія крайности; сочетать эстетику любовнаго восторга съ этикой; понять, однако, эту этику не плоско и не обыденно; признать, что сила любви есть въ то же самое время сила ума и фантазіи; поднять носительницу этой любви—женщину на высоту добраго гения, духа, свѣта и чистоты; наконецъ, заставить Донъ-Жуана смириться передъ Богомъ, но съ сознаніемъ, что принятый на душу грѣхъ—показатель не порочности только, а избытка духовныхъ даровъ,—вотъ какъ можно было разрѣшить трагедію въ мирномъ тонѣ. Такъ и пытался разрѣшить ее Алексѣй Толстой въ своей драматической поэмѣ «Донъ-Жуанъ» (1859).

Всѣ эти Донъ-Жуаны, искатели разныхъ идеаловъ на землѣ, при всемъ веселіи своемъ и своемъ счастіилюбін—образы трагические. Для нихъ не существуетъ полной, беззаботной, непосредственной жизне-радости, которой было такъ много у прежнихъ Донъ-Жуановъ, не задававшихся никакими высокими цѣлями и стремленіями.

Идейные Донъ-Жуаны стоить жизни довольно дорого. Она можетъ осуждать ихъ, враждовать съ ними, но отказать имъ въ силѣ и въ красотѣ не можетъ.

IV.

Когда Пушкинъ писалъ своего «Каменнаго Гостя», кающіеся Донъ-Жуаны и всѣ Донъ-Жуаны искатели «идеала» въ любви, были ему неизвѣстны, такъ какъ они появились на свѣтъ позже. Самому же Пушкину такая концепція не пришла въ голову, вѣроятно, потому, что его драма, какъ мы

знаемъ, возникла не на почвѣ литературныхъ изысканій, а была откликомъ живыхъ чувствъ, которыя съ особой силой вдругъ охватили душу поэта. Оперу Моцарта Пушкинъ могъ слышать, и, конечно, комедія Мольера была свѣжа въ его памяти. Но сказать, что Донъ-Жуанъ Да-Понте, Моцарта и Мольера служили поэту оригиналомъ, нельзя, и на это уже давно обратили вниманіе наши критики и ученые, которые стремились доказать, что типъ, созданный Пушкинымъ, — создание вполне оригинальное и лично ему принадлежащее.

Бѣлинскій, который, кажется, былъ знакомъ съ литературной исторіей этого типа (онъ называлъ Донъ-Жуана испанскимъ «Фаустомъ»), первый отмѣтилъ, что Донъ-Жуанъ Пушкина отклоняется отъ традиціоннаго образа и вовсе «не изступленный любовникъ, не мрачный дуэлистъ. Красавецъ собой, стройный, ловкій, онъ веселъ и остеръ, искрененъ и лживъ, страстенъ и холоденъ, уменъ и повѣса, краснорѣчивъ и дерзокъ, храбръ, смѣлъ, отваженъ. Какъ во всякой высшей натурѣ, въ немъ есть что-то импонирующее».

«Это вовсе не антипатичный молюеровскій безсовѣстный и безбожный дворянинъ времени Людовика XIV, усматривающій во лжи и клятвопреступленіи лишь игру; онъ симпатичная личность, напоминающая сентиментальнаго ухаживателя...; это облагоуханный чтиль любви, искатель въ ней высшей радости и утѣхи. Особенность Пушкинской обрисовки по сравненію съ предшествовавшими заключается въ наиболѣе человѣчномъ и глубокомъ пониманіи этого типа, безъ преувеличеній и крайностей въ его идеализаціи... У Пушкина Донъ-Жуанъ является эстетической натурою. Это не грубый искатель чувственныхъ наслажденій и одной вышней красоты, а мотылекъ, порхающій съ одного цвѣтка нѣжной женской любви къ другому, вдыхающій ароматы и одушевляющій своеобразную прелесть каждаго изъ нихъ, ищущій въ нихъ жизни и души. Это эклектикъ любви... и притомъ способный къ полному духовному возрожденію».

Къ этимъ словамъ Н. Дашкевича *) едва ли что можно добавить существеннаго.

*) Н. Дашкевичъ, «А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени», «Памяти Пушкина. Сборникъ Импер. Университета св. Владиміра». Кіевъ, 1899, 133—140.

Донъ-Жуанъ Пушкина, несомнѣнно, изъ семьи жизнелюбивыхъ и беззаботныхъ Донъ-Жуановъ, и, дѣйствительно, настолько «симпатичныхъ», что люди могли и не просить у Бога защиты отъ его козней. Его предки—испанцы, итальянцы и французы вели себя куда болѣе вызывающе.

Нашъ Донъ-Жуанъ женщинъ особенно не мучилъ, такъ какъ тѣ, на сердца которыхъ онъ производилъ свои набѣги, были уже достаточно любовью испытанныя души... какая-нибудь Пиеза, у которой «мужъ былъ негодяй суровый», или Лаура, у которой такихъ мужей было много. Попадались, правда, и «восковыя куклы»; но вѣдь онѣ по природѣ своей должны были отличаться малою чувствительностью, а потому и не годились на роли настоящихъ жертвъ.

Жертвой могла стать только Донна-Анна; но небо ее хранило и покарало ея соблазнителя, прежде чѣмъ онъ успѣлъ ее обидѣть... Да и имѣлъ ли Донъ-Жуанъ намѣреніе обижать ее, и что же собственно безнравственнаго или преступнаго было въ томъ пожарѣ любви, который охватилъ его при первой встрѣчѣ съ нею? Когда-то, совсѣмъ не зная ее и не выдавъ ее въ глаза, онъ убилъ ея мужа, ревнивца, который держалъ ее взаперти и, конечно, не усыпалъ ея жизни розами. Убилъ онъ его случайно, быть-можетъ, во время какой-нибудь попойки. Во всякомъ случаѣ, когда послѣ его смерти онъ влюбился въ его вдову (а онъ, несомнѣнно, влюбился, и очень искренно), то онъ ничѣмъ памяти не осквернялъ, такъ какъ командоръ въ душѣ своей жены оставилъ по себѣ, несомнѣнно, скверную память, а любовь Донъ-Жуана къ Доннѣ-Аннѣ воспыкала тогда, когда этотъ командоръ покоился въ могилѣ и не могъ имѣть никакихъ претензій.

Единственно, что могло бы Доннѣ-Аннѣ не понравиться—это то, что Донъ-Жуанъ, увидавъ ее, все-таки отправился къ Лаурѣ и произвелъ въ ея домѣ дебошъ и убійство. Но вѣдь при первой встрѣчѣ съ Донной-Анной Донъ-Жуанъ могъ видѣть только ея черное покрывало и «узенькую пятку». Лицезрѣніе этой пятки ни къ чему не обязывало; съ Лаурой онъ былъ давно друженъ, а мрачнаго и надолбливаго брюзгу Донъ-Карлоса онъ убилъ потому, что тотъ самъ бросился на него со шпагой. Это убійство легко могло бы стать послѣднимъ въ его жизни, если бы судьба пожелала навсегда сблизить его съ Донной-Анной, такъ какъ, судя по тѣмъ

рѣчамъ, въ какихъ онъ говорилъ ей о своей любви, эта любовь была не чувственная только, а въ высоко-поэтичная со всѣми характерными признаками любовнаго идеализма. Такая любовь общала нравственное возрожденіе или, по крайней мѣрѣ, долгую устойчивость.

Сама Донна-Анна у могилы мужа назначила Донъ-Жуану свиданіе «на завтра»— правда, не подозрѣвая еще того, что онъ убійца ея супруга; но такая уступка говорить о томъ, что сердце ея было недостаточно бронировано. Этотъ первый, но очень значительный успѣхъ, вмѣсто того, чтобы повисить въ Донъ-Жуанѣ его дерзость, повисилъ въ немъ только одно желаніе на радостяхъ напроказничать. Я «счастливъ какъ ребенокъ,—говоритъ онъ. Я иѣтъ готовъ: я радъ весь міръ обнять»... И подъ наплывомъ этой ребяческой радости онъ проситъ статую командора постоять на часахъ у дверей своего дома, пока онъ, Донъ-Жуанъ, будетъ объясняться съ его вдовой. Мальчишеская выходка—не больше. Въ легендѣ, мы знаемъ, Донъ-Жуанъ богохульникъ и дерзитъ Богу, почему и слова его, обращенныя къ мертвецу, имѣютъ такое фатальное значеніе: это вызовъ, брошенный всему сверхчувственному міру. Пушкинъ не вложилъ въ уста своего героя никакихъ богохульных рѣчей и обрисовалъ его характеръ въ такихъ игривыхъ и иѣжныхъ краскахъ, что отнялъ всякій трагическій и титанический смыслъ у его обращенія къ командору. Расходившееся ухарство счастливаго повѣсы—вотъ, собственно, что сказало въ этихъ, несомнѣнно непристойныхъ словахъ.

Поэтому и появленіе статуи въ концѣ пьесы грѣшитъ иѣкоторой жестокостью. Послѣдній разговоръ Донъ-Жуана съ Донной-Анной—очень искренняя бесѣда, и ведется она съ обѣихъ сторонъ безъ всякой хитрости,—и Жуанъ и Анна знаютъ, чѣмъ она должна кончиться, и хотятъ этого рѣшенія съ полной откровенностью. «Если бы я васъ хотѣлъ обманывать,—говоритъ Донъ-Жуанъ,—признался ли бы я вамъ въ томъ, что убилъ вашего мужа? Гдѣ жъ видны тутъ обдуманность, коварство?» И онъ не хитритъ: онъ, дѣйствительно, облагороженъ, воскрешенъ Донной-Анной.

Зачѣмъ ему хитрить, когда Донна-Анна сдается сама такъ добровольно и поспѣшно? А она спѣшитъ: это несомнѣнно.

Сначала она говоритъ еще не узнавшему Донъ-Жуану, что, дѣля пылкую любовь своего мужа, она должна быть вѣрна его гробу; что если бы она встрѣтила Донъ-Жуана, то вонзила бы кинжалъ злодѣю въ сердце.

Когда же наконецъ она узнаетъ, кто онъ,—она сначала не вѣритъ, а потомъ падаетъ въ обморокъ, затѣмъ проситъ Донъ-Жуана уйти, но удерживаетъ его своими разпросами, позволяетъ ему затѣмъ цѣловать ей руки, высказываетъ опасеніе за его жизнь, говорить, что не въ силахъ его ненавидѣть, соглашается на новое свиданіе и, наконецъ, цѣлуетъ его... Въ этотъ критическій моментъ и входитъ статуя командора, не завершая драму, а обрывая ее.

V.

Конечно, предъ нами Донъ-Жуанъ, но какъ онъ не похожъ на своихъ предковъ, коварныхъ, хитрыхъ оболстителей и вдобавокъ безбожныхъ? Онъ совсѣмъ ручной, если такъ можно выразиться, но, несомнѣнно, большой проказникъ.

Раньше онъ грѣшилъ очень много и расточалъ свою любовь въ легкомысленныхъ похожденияхъ, потому что, какъ самъ признается, ни одну изъ своихъ жертвъ онъ не любилъ по настоящему. Но вотъ, наконецъ, встрѣтилъ онъ то, чего искалъ—женщину, любовь къ которой заставила зазвѣнѣть въ его сердцѣ струны, дотолѣ молчавшія.

Кто эта женщина? Поэтическая греза Пушкина, а можетъ быть и не греза, а живое лицо, передъ которымъ, склонясь на колѣни и каясь въ былыхъ прегрѣшеніяхъ, самъ Пушкинъ, въ костюмѣ Донъ-Жуана, говорилъ смиренно:

На совѣсти (моей) усталой много зла,
Быть можетъ, тяготѣть: но съ тѣхъ поръ,
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось:
Мнѣ кажется, я весь переродился!
Васъ полюбя, люблю я добродѣтель—
И въ первый разъ смиренно передъ ней
Дрожащія колѣна преклоняю.

Несторъ Котляревскій.

ИСПАНСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

(Don Genaro Perez de Villa—Amil, *Espana artistica y monumental*).

650. КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

Leporello. O statua gentilissima
Del gran' Commendator!...
Ah, Padrone!...

Don Giovanni.

СЦЕНА I.

Ночь. Кладбище близъ Мадрита.

Донъ Гуанъ и Лепорелло.

донъ Гуанъ.

Дождемся ночи здѣсь. Ахъ, наконецъ
Достигли мы воротъ Мадрита! Скоро
Покрадусь я по улицамъ знакомымъ,
Усы плащемъ закрывъ, а брови шляпой.
Какъ думаешь: узнать меня нельзя?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Да, Донъ Гуана мудро призналъ!
Такихъ какъ онъ такая бездна!

донъ Гуанъ.

Шутишь?

Да ктожь меня узнаеть?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Первый сторожъ,
Гитапа или пьяный музыкантъ,
Пль свой-же братъ нахальный кавалеръ,
Въ плащѣ, со шпагою подъ мышкой,
въ шляпѣ.

донъ Гуанъ.

Что за бѣда, хоть и узнають! Только бѣ
Не встрѣтился мнѣ самъ король. А впрочемъ
Я никого въ Мадридѣ не боюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А завтра-же до Короля дойдетъ,
Что Донъ Гуанъ изъ ссылки самовольно
Въ Мадридъ явился—что тогда, скажите,
Опъ съ вами сдѣлаетъ?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Пошлетъ назадъ.

Ужъ вѣрно головы мнѣ не отрубятъ.
Вѣдь я не государственный преступникъ.
Меня опъ удалилъ, меня-жъ любя,
Чтобы меня оставила въ покоѣ
Семья убитаго.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну, то-то жъ!

Сидѣли бъ вы себѣ спокойно тамъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Слуга покорный! Я едва, едва
Не умеръ тамъ со скуки. Что за люди,
Что за земля! А небо?... точный дымъ;
А женщины? Да я не промѣняю,
Вотъ видишь-ли, мой милый Лепорелло,
Послѣдней въ Андалузїи крестьянки
На первыхъ тамошнихъ красавицъ—право.
Опѣ сначала нравились мнѣ
Глазами синими, да бѣлизною,
Да скромностью—а пуще новизною;
Да, слава Богу, скоро догадался:
Увидѣлъ я, что съ ними грѣхъ и знаться—
Въ нихъ жизни нѣтъ, все куклы восковыя,
А наши!... Но послушай, это мѣсто
Знакомо намъ; узналъ-ли ты его?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ не узнать? Антопьевъ монастырь—
Мнѣ памятенъ. Вѣжали вы сюда,
А лошадей держалъ я въ этой рошѣ:
Проклятая, признаться, должность. Вы
Прїятиѣ здѣсь время проводили,
Чѣмъ я, повѣрьте.

ДОНЪ ГУАНЪ *задумчиво*.

Бѣдная Инеза!

Ее ужъ нѣтъ! Какъ я любилъ ее!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Инеза! черноглазая... о, помню!
Три мѣсяца ухаживали вы
За ней; насилу-то помогъ лукавый.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Въ июлѣ... ночью. Странную прїятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣлыхъ губахъ. Это страшно.
Ты, кажется, ее не находилъ

Красавицей. И точно, мало было
Въ ней истинно прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взглядъ... такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ. А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ—какъ у больной—
[А] мужъ ея былъ негодный суровый—
Узналъ я поздно... Бѣдная Инеза!...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Чтожъ? Вслѣдъ за ней другія были.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Правда.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А живы будемъ, будутъ и другія.

ДОНЪ ГУАНЪ.

И то.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Теперь, которую въ Мадридѣ
Отыскивать мы будемъ?

ДОНЪ ГУАНЪ.

О, Лауру!

Я прямо къ ней бѣгу явиться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Дѣло.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Къ ней прямо въ дверь—а если кто нибудь
Ужъ у нее—прошу въ окно прыгнуть.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Конечно. Ну, развеселились мы.
Недолго насъ покойники тревожать.
Кто къ намъ идетъ?

(*Входитъ монахъ*).

МОНАХЪ.

Сейчасъ она прїѣдетъ.

Сюда. Кто здѣсь? Не люди ль Доны Анны?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, сами по себѣ мы господа.
Мы здѣсь гуляемъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

А кого вы ждете?

МОНАХЪ.

Сейчасъ должна прїѣхать Дона Анна
На мужнину гробницу.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Дона Анна,

Де Сольва! Какъ! Супруга командора,
Убитаго.... не помню къмъ.

монахъ.

Развратнымъ,
Безсовѣстнымъ, безбожнымъ Донъ Гу-
аномъ.

лепорелло.

Ого! вотъ какъ! Молва о Донъ Гуанѣ
И въ мирный монастырь проникла даже:
Отшельники хвалы ему поютъ.

монахъ.

Онъ вамъ знакомъ, быть можетъ?

лепорелло.

Намъ? Нимало.
А гдѣ-то онъ теперь?

монахъ.

Его здѣсь нѣтъ.
Онъ въ ссылкѣ далеко.

лепорелло.

И. слава Богу.
Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Всѣхъ бы ихъ,
Развратниковъ, въ одинъ мѣшокъ да въ море.

донъ Гуанъ.

Что, что ты врешь?

лепорелло.

Молчите: я нарочно...

донъ Гуанъ.

Такъ здѣсь похоронили командора?

монахъ.

Такъ. Памятникъ жена ему воздвигла
И прѣзжаетъ каждый день сюда
За упокой души его молиться
И плакать.

донъ Гуанъ.

Что за страшная вдова?
Недаромъ же покойникъ былъ ревнивецъ;
Онъ Дону Анну въ заперти держалъ,
Никто изъ насъ не видывалъ ея.
И недурна?

монахъ.

Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны;
Но лгать грѣшно: не можетъ и угодникъ
Въ ея красѣ чудесной не сознаться.

донъ Гуанъ.

Я съ нею бы хотѣлъ поговорить.

монахъ.

О, Дона Анна никогда съ мушиной
Не говоритъ.

донъ Гуанъ.

А съ вами, мой Отецъ?

монахъ.

Со мной иное дѣло—я монахъ.
Да вотъ она.

Входитъ Дона Анна.

дона-анна.

Отецъ мой, отоприте.

монахъ.

Сей часъ, сеньора; я васъ ожидалъ.
Дона Анна идетъ за монахомъ.

лепорелло.

Что, какова?

донъ Гуанъ.

Ее совсѣмъ не видно
Подъ этимъ вдовимъ чернымъ покрыва-
ломъ,
Чуть узенькую пятку я замѣтилъ.

лепорелло.

Довольно съ васъ. У васъ воображенъе
Въ минуту дорисуетъ остальное;
Оно у васъ проворнѣй живописца.
Вамъ все равно, съ чего бы не начать—
Съ бровей ли, съ ногъ ли.

донъ Гуанъ.

Слушай, Лепорелло,
Я съ нею познакомлюсь.

лепорелло.

Вотъ еще!
Куда какъ нужно!—Мужа повалилъ,
Да хочетъ поглядѣть на вдовьи слезы.
Безсовѣстный!

донъ Гуанъ.

Однако ужъ и смерклось.
Пока луна надъ нами не взошла
И въ свѣтлый сумракъ тьмы не обратила,
Взойдемъ въ Мадридъ.—

лепорелло.

Испанскій Грандъ, какъ воръ,
Ждетъ почи—и луны боится—Боже!
Проклятое житье! Да долго ль будетъ
Мнѣ съ нимъ возиться! Право, нѣтъ ужъ
силъ.

ЛАУРА ПОЕТЪ.
Картина К. Стенболова.

СЦЕНА II.

Комната. Ужинъ у Лауры.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Клянусь тебѣ, Лаура, никогда
Съ такимъ ты совершенствомъ не играла!
Какъ роль свою ты вѣрно поняла!

ВТОРОЙ.

Какъ развила ее! съ какою силой!

ТРЕТІЙ.

Съ какимъ искусствомъ!

ЛАУРА.

Да, мнѣ удавалось
Сегодня каждое движеніе, слово;
Я вольно предавалась вдохновенію;
Слова лились какъ будто ихъ рождала
Не память робкая, но сердце...

ПЕРВЫЙ.

Правда.

Да и теперь глаза твои блестятъ
И щеки разгорѣлись, не проходитъ
Въ тебѣ Восторгъ. Лаура, не давай
Остыть ему безплодно; спой, Лаура,
Спой что нибудь!

ЛАУРА.

Подайте мнѣ гитару.

Поетъ.

ВСѢ.

О, brava! brava! чудно! безподобно!

ПЕРВЫЙ.

Благодаримъ, волшебница! Ты сердце
Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни
Одной любви Музыка уступаетъ;
Но и любовь мелодія... взгляни:
Самъ Карлосъ тронутъ, твой угрюмый
гость!

ВТОРОЙ.

Какіе звуки! сколько въ нихъ души!
А чьи слова, Лаура?

ЛАУРА.

Донъ Гуана.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Что? Донъ Гуанъ!

ЛАУРА.

Ихъ сочинилъ когда-то
Мой вѣрный другъ, мой вѣтреный любов-
никъ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Твой Донъ Гуанъ безбожникъ и мерзавецъ;
А ты, ты дура.

ЛАУРА.

Ты съ ума сошелъ!

Да я сейчасъ велю тебя зарѣзать
Мои́мъ слугамъ, хоть ты Испанскій Грандъ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ *встаетъ.*

Зови-же ихъ.

ПЕРВЫЙ.

Лаура, перестань!

Донъ Карлосъ, не сердись. Она забыла...

ЛАУРА.

Что? что Гуанъ на поединкѣ честно
Убилъ его роднаго брата? Правда: жаль,
Что не его.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Я глупъ, что осердился.

ЛАУРА.

Ага! самъ сознаешься, что ты глупъ.
Такъ помиримся.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Виновать, Лаура!

Прости меня. Но, знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно...

ЛАУРА.

А виновата ль я, что поминутно
Мнѣ на языкъ приходитъ это имя?

ГОСТЬ.

Ну, въ знакъ, что ты совсѣмъ ужъ не
сердита,

Лаура, спой еще.

ЛАУРА.

Да, на прощанье.

Пора, ужъ ночь. Но что же я спою?
А! слушайте.

Поетъ.

ВСѢ.

Прелестно, безподобно!

ЛАУРА.

Прощайте жъ, господа.

ГОСТИ.

Прощай, Лаура.

Выходят. Лаура останавливает Донъ Карлоса.

ЛАУРА.

Ты, бѣшенный! останься у меня.
 Ты мнѣ поправился; ты Донъ Гуана
 Напомнилъ мнѣ, какъ выбранилъ меня
 И стиснулъ зубы съ скрежетомъ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Щастливцевъ!

Такъ ты его любила?

Лаура дѣлаетъ утвердительный знакъ.
 Очень?

ЛАУРА.

Очень.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

И любишь и теперь?

ЛАУРА.

Въ сію минуту?

Нѣтъ, не люблю. Мнѣ двухъ любить нельзя.
 Теперь люблю тебя.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Скажи, Лаура,

Который годъ тебѣ?

ЛАУРА.

18 лѣтъ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Ты молода... и будешь молода
 Еще лѣтъ 5 или 6. Вокругъ тебя
 Еще лѣтъ 6 они толпятся будутъ,
 Тебя ласкать, лелѣить и дарить,
 И серенадами ночными тѣшить,
 И за тебя другъ друга убивать
 На перекресткахъ ночью. Но когда
 Пора пройдетъ, когда твои глаза
 Впадутъ и вѣки, сморщась, почерпѣютъ,
 И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,
 И будутъ называть тебя старухой,
 Тогда—что скажешь ты?

ЛАУРА.

Тогда? Зачѣмъ

Объ этомъ думать? Что за разговоръ?
 Или у тебя всегда такія мысли?
 Приди—открой Балконъ. Какъ небо тихо;
 Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимономъ
 И лавромъ пахнетъ; яркая луна
 Блеститъ на синевѣ густой и темной—
 И сторожа кричатъ протяжно: *ясно!*...

А далеко, на сѣверѣ—въ Парижѣ—
 Быть можетъ, небо тучами покрыто,
 Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ.
 А намъ какое дѣло? Слушай, Карлосъ:
 Я требую, чтобъ улыбнулся ты;
 —Ну! то-то жъ!

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Милый Демонъ!

Стучатъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Гей! Лаура!

ЛАУРА.

Кто тамъ? Чей это голосъ?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Отвори...

ЛАУРА.

Ужели!... Боже!...

Оттираетъ дверь; входитъ Донъ Гуанъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Здравствуй...

ЛАУРА.

Донъ Гуанъ!...

Лаура кидается ему на шею.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Какъ! Донъ Гуанъ!...

ДОНЪ ГУАНЪ.

Лаура, милый другъ!...

Целуетъ ее.

Кто у тебя, моя Лаура?

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Я,—

Донъ Карлосъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Вотъ нечаянная встрѣча!
 Я завтра весь къ твоимъ услугамъ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Нѣтъ!

Теперь—сей часъ.

ЛАУРА.

Донъ Карлосъ, перестаньте!

Вы не на улицѣ—вы у меня—
 Извольте выдти вонъ!—

ДОНЪ КАРЛОСЪ *ее не слушая.*

Я жду. Ну, что-жъ?

Вѣдь ты при шпагѣ.

донъ Гуанъ.

Ежели тебѣ
Не терпится, изволь. *(Бьются).*

ЛАУРА.

Ай, ай! Гуанъ!...

(Кидается на постель. Донъ-Карлосъ падаетъ).

донъ Гуанъ.

Вставай, Лаура, кончено.

ЛАУРА.

Что тамъ?

Убить? Прекрасно! въ комнатѣ моей!
Что дѣлать мнѣ теперь, повѣса, дьяволъ?
Куда я выброшу его?

донъ Гуанъ.

Быть можетъ

Онъ живъ еще. *(Осматриваетъ тѣло).*

ЛАУРА.

Да, живъ! гляди, проклятый!
Ты прямо въ сердце ткнулъ—небось,
не мимо.
И кровь нейдетъ изъ треугольной ранки,
И ужъ не дышетъ—каково?

донъ Гуанъ.

Что дѣлать?

Онъ самъ того хотѣлъ.

ЛАУРА.

Эхъ, Донъ Гуанъ,
Досадно, право. Вѣчныя проказы—
А все не виноватъ... Откуда ты?
Давно-ли здѣсь?

донъ Гуанъ.

Я только что прѣѣхалъ
И то тихонько—я вѣдь не прощенъ—

ЛАУРА.

И вспомнилъ тотчасъ о своей Лаурѣ?
Что хорошо, то хорошо. Да полно,
Не вѣрю я. Ты мимо шелъ случайно,
И домъ увидѣлъ.

донъ Гуанъ.

Нѣтъ, моя Лаура,
Спроси у Лепорелло. Я стою
За городомъ, въ проклятой Вентѣ. Я Лауры
Пришелъ искать въ Мадридѣ. *(Цѣлуетъ ее).*

ЛАУРА.

Другъ ты мой!...

ДОНЪ ГУАНЪ и ЛАУРА.

Картина Е. Степанова.

Постой... при мертвомъ!... Что намъ дѣлать
съ нимъ?

донъ Гуанъ.

Оставь его—передъ разсвѣтомъ, рано,
Я вынесу его подъ спанчею
И положу на перекресткѣ.

ЛАУРА.

Только

Смотри—чтобъ не увидѣли тебя.
Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что явился
Одной минутой позже! У меня
Твои друзья здѣсь ужинали. Только
Что вышли вонъ. Когда бъ ты ихъ засталъ!

донъ Гуанъ.

Лаура, и давно его ты любишь?

ЛАУРА.

Кого? ты видно бредишь.

донъ Гуанъ.

[А признайся]

А сколько разъ ты измѣнила мнѣ
Въ моемъ отсутствіи?

ЛАУРА.

А ты, повѣса?

донъ Гуанъ.

Скажи... нѣтъ, послѣ переговоровъ!...

СЦЕНА III.

Памятникъ Командора.

донъ Гуанъ.

Все къ лучшему: печалино убивъ
 Донъ Карлоса, отшельникомъ смиреннымъ
 Я укрылся здѣсь—и вижу каждый день
 Мою прелестную вдову, и ея—
 Миѣ кажется, замѣченъ. До сихъ поръ
 Чинились мы другъ съ другомъ; но сегодня
 Пушуся въ разговоры съ ней; пора.
 Съ чего начну? «Осмѣлюсь»... или нѣтъ:
 «Сеньора»... ба! что въ голову придетъ,
 То и скажу, безъ предуготовленья,
 Импровизаторомъ любовной пѣсни...
 Пора бъ ужъ ей пріѣхать. Безъ нея—
 Я думаю—скучаетъ командоръ.
 Какимъ онъ здѣсь представленъ исполномъ!
 Какія плечи! что за Геркулесъ!...
 А самъ покойникъ малъ былъ и тщедушенъ;
 Здѣсь, ставъ на дыпочки, не могъ бы руку
 До своего онъ носу дотянуть.
 Когда за Ескурьядомъ мы сошлись,
 Наткнулся миѣ на шпагу онъ и замеръ,
 Какъ на булавокѣ стрекоза—а былъ
 Онъ гордъ и смѣлъ—и духъ имѣлъ суровый...
 А! вотъ она.

(Входитъ Дона Анна).

дона Анна.

Опять онъ здѣсь. Отецъ мой,
 Я развлекла васъ въ вашихъ помысленьяхъ—
 Простите.

донъ Гуанъ.

Я просить прощенья долженъ
 У васъ, Сеньора. Можетъ, я мѣшаю
 Печали вашей вольно изливаться—

дона Анна.

Нѣтъ, мой Отецъ, печаль моя во миѣ.
 При васъ мои моленія могутъ къ себѣ
 Смиренно возноситься—я прошу
 И васъ свой голосъ къ нимъ соединить.

донъ Гуанъ.

Миѣ, миѣ молиться съ вами, Дона Анна!
 Я недостойнъ участи такой.
 Я не дерзну порочными устами

Мольбу святую вашу повторять—
 Я только издали съ благоговѣньемъ
 Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,
 Вы черные вѣсы на мраморъ блѣдный
 Разсыплете—и мнитъ миѣ, что тайно
 Гробницу эту Ангелъ посѣтилъ.
 Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
 Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
 И думаю—щастливъ, чей холодный мраморъ
 Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
 И окропленъ любви ея слезами...

дона Анна.

Какія рѣчи—странныя!

донъ Гуанъ.

Сеньора?

дона Анна.

Миѣ... вы забыли...

донъ Гуанъ.

Что? Что недостойный
 Отшельникъ я? Что грѣшный голосъ мой
 Не долженъ здѣсь такъ громко раздаваться?

дона Анна.

Миѣ показалось... я не поняла...

донъ Гуанъ.

Ахъ, вижу я: вы все, вы все узнали!

дона Анна.

Что я узнала?

донъ Гуанъ.

Такъ, я не монахъ...
 У вашихъ ногъ прощенья умоляю—

дона Анна.

О Боже! встаньте, встаньте!... Кто же вы?

донъ Гуанъ.

Нещастный, жертва страсти безнадежной!

дона Анна.

О Боже мой! и здѣсь, при этомъ гробѣ!
 Подите прочь—

донъ Гуанъ.

Минуто, Дона-Анна,
 Одну минуту!

дона Анна.

Если кто взойдетъ!...

донъ Гуанъ.

Рѣшетка заперта:—одну минуту!

дона Анна.

Ну? что? чего вы требуете?

донъ Гуанъ.

Смерти!

О пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,
Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же
похоронять,
Не подлѣ праха, милаго для васъ;
Не тутъ—не близко—далѣ гдѣ нибудь,
Тамъ—у дверей—у самого порога,
Чтобъ камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этотъ гордый гробъ
Пройдете кудри наклонять и плакать—

дона Анна.

Вы не въ своемъ умѣ—

донъ Гуанъ.

Или желать

Кончины, Дона Анна, знакъ безумства?
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ хотѣлъ
Въ живыхъ остаться, я бъ имѣлъ надежду
Любовью пѣжной тронуть ваше сердце;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бы ночи
Сталъ провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами вашъ сонъ;
Не сталъ бы я скрываться, я напротивъ
Старался быть вездѣ бъ, замѣченъ вами;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ не сталъ
Страдать въ безмолвіи...

дона Анна.

Такъ это вы

Молчите?

донъ Гуанъ.

Случай, Дона-Анна, случай

Увлекъ меня—не то, вы бъ никогда
Моей печальной тайны не узнали.

дона Анна.

И любите давно ужъ вы меня?

донъ Гуанъ.

Давно или недавно, самъ не знаю,
Но съ той поры лишь только знаю цѣну
Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ я, что значитъ слово счастье.

дона Анна.

Подите прочь—вы человекъ опасный.

ДОНЪ ГУАНЪ и ДОНА АННА.

Рисунокъ К. Брюллова.

(«Сто рус. литераторовъ» т. I).

донъ Гуанъ.

Опасный! чѣмъ?

дона Анна.

Я слушать васъ боюсь.

донъ Гуанъ.

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому вашъ видъ одна отрада.
Я не питаю дерзостныхъ надеждъ,
Я ничего не требую, но видѣть
Васъ долженъ я, когда уже на жизнь
Я осужденъ—

дона Анна.

Подите—здѣсь не мѣсто

Такимъ рѣчамъ, такимъ безумствамъ. Завтра
Ко мнѣ придите. Если вы клянетесь
Хранить ко мнѣ такое жъ уваженъе,
Я васъ приму—но вечеромъ поздне...
Я никого не вижу съ той поры,
Какъ овдовѣла...

донъ Гуанъ.

Ангелъ Дона Анна!

Утѣшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня
Утѣшили несчастнаго страдальца!

до на анна.

Подите жъ прочь.

донъ Гуанъ.

Еще одну минуту.

до на анна.

Нѣтъ, видно, мнѣ уйти... къ тому жъ ^{моление}

Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; отъ нихъ ужъ ухо
Мое давно, давно отвыкло.—Завтра
Я васъ приму...

донъ Гуанъ.

Еще не смѣю вѣрить,
Не смѣю счастью моему предаться...
Я завтра васъ увижу!... и не здѣсь,
И не украдкою!

до на анна.

Да, завтра, завтра.

Какъ васъ зовутъ?

донъ Гуанъ.

Діего де Кальвида.

до на анна.

Прощайте, Донъ-Діего.

(Уходитъ).

донъ Гуанъ.

Лепорелло!

(Лепорелло входитъ).

лепорелло.

Что вамъ угодно!

донъ Гуанъ.

Милый Лепорелло!

Я счастливъ!—Завтра—вечеромъ поздне...
Мой Лепорелло, завтра... приготовь...
Я счастливъ какъ ребенокъ!

лепорелло.

Съ Доной Анной

Вы говорили? можетъ быть, она
Сказала вамъ два ласковыя слова,
Или ее благословили вы?

донъ Гуанъ.

Нѣтъ, Лепорелло, нѣтъ! Она свиданье,
Свиданье мнѣ назначила!

лепорелло.

Неужъ то?

О вдовы! всѣ вы таковы.

донъ Гуанъ.

Я счастливъ!

Я нѣтъ готовъ, я радъ весь міръ обнять!

лепорелло.

А командоръ? Что скажетъ онъ объ этомъ?

донъ Гуанъ.

Ты думаешь, онъ станетъ ревновать?
Ужъ вѣрно нѣтъ: онъ человекъ разумный,
И вѣрно присмирѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ
умеръ.

лепорелло.

Нѣтъ, посмотрите на его статую.

донъ Гуанъ.

Что жъ?

лепорелло.

Кажется, на васъ она глядитъ

И сердится.

донъ Гуанъ.

Ступай же, Лепорелло,

Проси ее пожаловать ко мнѣ—

Нѣтъ, не ко мнѣ—а къ Донѣ Аннѣ, завтра.

лепорелло.

Статую въ гости звать! Зачѣмъ?

донъ Гуанъ.

Ужъ вѣрно

Не для того, чтобъ съ нею говорить—
Проси статую завтра къ Донѣ-Аннѣ
Прийти попозже вечеромъ и стать
У двери на часахъ.

лепорелло.

Охота вамъ

Шутить! и съ кѣмъ!

донъ Гуанъ.

Ступай же!

лепорелло.

Но...

донъ Гуанъ.

Ступай!

лепорелло.

Преславная, прекрасная статуя!

ДОНЪ-ЖУАНЪ и ДОННА-АННА.

Картина И. Е. Рѣпина.

Собственность Д. И. Пловайского (имѣніе Абазовка, близъ Полтавы). Воляризована
впервые, по фотографіи Хмилевскаго изъ Полтавы.

ДОН-ЖУАНЪ и ДОНА-АННА

Грешница М. Е. Ринальди

Сочиненіе М. Н. Погойского (псевдонимъ) Грешница М. Е. Ринальди. Переводъ съ французскаго

изданіе по французскому изданию изъ Парижа

Фотоминя А. Ф. Дресслера, СПб.

Мой баринъ, Донъ Гуанъ, покорно просить
Пожаловать... Ей Богу, не могу;
Миѣ страшно.

донъ Гуанъ.
Трусъ! вотъ я тебя!

лепорелло.

Позвольте.

Мой баринъ, Донъ Гуанъ, васъ просить
завтра.

Прийти попозже въ домъ супруги вашей
И стать у двери..

(Статуя киваетъ головою въ знакъ согласія).

Ай!

донъ Гуанъ.
Что тамъ?

лепорелло.

Ай, ай!...

Ай, ай!... умру!

донъ Гуанъ.

Что сдѣлалось съ тобою?

лепорелло (Кивая головою).

Статуя... ай!...

донъ Гуанъ.

Ты кланяешься?

лепорелло.

Нѣтъ,

Не я, она!

донъ Гуанъ.

Какой ты вздоръ несешь?

лепорелло.

Подите сами.

донъ Гуанъ.

Ну смотри жъ, бездѣльникъ!

(Статуя). Я, командоръ, прошу тебя прийти
Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,
И стать [на стражѣ въ дверяхъ]. Что? будешь?

(Статуя киваетъ опять).

О Боже!

лепорелло.

Что? я говорилъ..

донъ Гуанъ.

Уйдемъ.

Типы старой Испаніи.

Офортъ Арайя.

СЦЕНА IV.

Комната Доны Анны.

Донъ Гуанъ и Дона Анна.

до на анна.

Я приняла васъ, Донъ Діего; только
Боюсь, моя печальная бесѣда
Скучна вамъ будетъ: бѣдная вдова!
Все помню я свою потерю. Слезы
Съ улыбкою мѣшаю, какъ Апрѣль.
Что жъ вы молчите?

донъ Гуанъ.

Наслаждаюсь молча,
Глубоко, мыслью быть на единѣ
Съ прелестной Доной-Анной. Здѣсь—не тамъ,
Не при гробницѣ мертвѣго щастливца—
И вижу васъ уже не на колѣняхъ
Предъ мраморнымъ супругомъ.

до на анна.

Донъ Діего,
Такъ вы ревнивы—мужъ мой и во гробѣ
Васъ мучить?

донъ Гуанъ.

Я не долженъ ревновать,
Онъ вами выбранъ былъ.

до на анна.

Нѣтъ, мать моя
Велѣла мнѣ дать руку Донъ Альвару.
Мы были бѣдны, Донъ Альваръ богатъ.

донъ Гуанъ.

Щастливѣдъ! онъ сокровища пустыя
Принесъ къ ногамъ богини; вотъ за что
Вкусилъ онъ райское блаженство! Если бъ
Я прежде васъ узналъ—съ какимъ восторгомъ
Мой санъ, мои богатства, все бы отдалъ,
Все, за единый благосклонный взглядъ;
Я былъ бы рабъ священной вашей воли.
Всѣ ваши прихоти я бъ изучилъ,
Чтобъ ихъ предупреждать чтобъ ваша
жизнь
Была однимъ волшебствомъ непрерывнымъ.
Увы!—Судьба судила мнѣ иное.

до на анна.

Діего, перестаньте! Я грѣшу,
Внимая Вамъ—мнѣ васъ любить нельзя:
Вдова должна и гробу быть вѣрна.
Когда бы знали вы, какъ Донъ Альваръ

Меня любилъ! О, Донъ Альваръ ужъ вѣрно
Не принялъ бы къ себѣ влюбленной дамы,
Когда бъ онъ овдовѣлъ—онъ былъ бы
вѣренъ
Супружеской любви.

донъ Гуанъ.

Не мучьте сердца
Мнѣ, Дона Анна, вѣчнымъ поминаньемъ
Супруга. Полно вамъ меня казнить.
Хоть казнь я заслужилъ, быть можетъ.

до на анна.

Чѣмъ же?
Вы узами не связаны святыми
Ни съ кѣмъ—не правда ль? Подлюбить меня,
Вы предо мной и передъ небомъ правы.

донъ Гуанъ.

Предъ вами! Боже!

до на анна.

Развѣ вы виновны
Передо мной? Скажите, въ чемъ же?... Ну!

донъ Гуанъ.

Нѣтъ, никогда!...

до на анна.

Діего, что такое?
Вы предо мной неправы? Въ чемъ, скажите?

донъ Гуанъ.

Нѣтъ, ни за что!

до на анна.

Діего, это страшно:
Я васъ прошу, я требую...

донъ Гуанъ.

Нѣтъ, нѣтъ.

до на анна.

А! такъ-то вы моей послушны вождѣ!
А что сей часъ вы говорили мнѣ?
Что вы бъ рабомъ моимъ желали быть.
Я разсержусь, Діего: отвѣчайте,
Въ чемъ предо мной виновны вы?

СТАРАЯ ИСПАНІЯ ВЪ ПОРТРЕТАХЪ ВЕЛАСКЕЗА.

донъ Гуанъ.

Не смѣю:

Вы на меня глядѣть не захотите
Вы ненавидѣть станете меня.

дона анна.

Нѣтъ, нѣтъ. Я васъ заранѣе прощаю,
Но знать хочу я...

донъ Гуанъ.

Не желайте знать

Ужасную, убійственную тайну.

дона анна.

Ужасную!... Вы мучите меня:
Я страхъ какъ любопытна—что такое?
И какъ меня могли вы оскорбить?
Я васъ не знала—у меня враговъ
И нѣтъ, и не было. Убійца мужа
Одинъ и есть.

донъ Гуанъ (*про себя*).

Идетъ къ развязкѣ дѣло!

Скажите мнѣ: несчастный Донъ Гуанъ
Вамъ знакомъ?

дона анна.

Нѣтъ, отроду его

Я не видала.

донъ Гуанъ.

Вы въ душѣ къ нему

Питаете вражду?

дона анна.

По долгу чести.

Но вы отвлечь стараетесь меня
Отъ моего вопроса, Донъ-Діего—
Я требую...

донъ Гуанъ.

Что если бъ Донъ Гуана

Вы встрѣтили?

дона анна.

Тогда бы я злодѣю

Книжалъ вознила въ сердце.

донъ Гуанъ.

Дона-Анна,

Гдѣ твой книжалъ? вотъ грудь моя.

дона анна.

Діего!

Что вы?

донъ Гуанъ.

Я не Діего—я Гуанъ.

до на анна.

О Боже! нѣтъ, не можетъ быть, не вѣрю.

донъ Гуанъ.

Я Донъ Гуанъ.

до на анна.

Не правда.

донъ Гуанъ.

Я убилъ

Супруга твоего: и не жалѣю
О томъ—и нѣтъ раскаянья во мнѣ.

до на анна.

Что слышу [я]? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ
быть.

донъ Гуанъ.

Я Донъ Гуанъ и тебя люблю.

до на анна (падая).

Гдѣ я?... Гдѣ я?... Мнѣ дурно, дурно!

донъ Гуанъ.

Небо!

Что съ мною? Что съ тобою, Дона Анна?
Проснись, опомнись: твой Діего,
Твой рабъ у ногъ твоихъ.

до на анна.

Оставь меня

(Слабо). Ты... ты мнѣ врагъ—ты отнял у
меня

Все, все, что въ жизни...

донъ Гуанъ.

Милое созданье!

Я всею готовъ ударъ мой искупить;
У ногъ твоихъ жду только приказанья:
Вели—умру; вели—дышать я буду
Лишь для тебя...

до на анна.

Такъ это Донъ Гуанъ?

донъ Гуанъ.

Не правда ли, онъ былъ описанъ вамъ
Злодѣемъ, извергомъ?

О Дона-Анна!

Молва, быть можетъ, не совсѣмъ неправа;
На совѣсти усталой много зла,
Быть можетъ, тяготѣть; но съ тѣхъ поръ,
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось:

Мнѣ кажется, я весь переродился!
Васъ полюбя, люблю я добродѣтель—
И въ первый разъ смиренно передъ ней
Дрожащія колѣна преклоняю.

до на анна.

О, Донъ Гуанъ краснорѣчивъ—я знаю!
Слыхала я: онъ хитрый человекъ...
Вы, говорятъ, безбожный развратитель,
Вы сущій Демонъ. Сколько бѣдныхъ
женщинъ
Вы погубили!

донъ Гуанъ.

Ни одной донынѣ
Изъ нихъ я не любилъ.

до на анна.

И я повѣрю,
Чтобъ Донъ Гуанъ влюбился въ первый
разъ,
Чтобъ не искалъ во мнѣ онъ жертвы новой!

донъ Гуанъ.

Когда бъ я васъ обманыва[ть] хотѣлъ,
Признался ль я, сказалъ бы я то имя,
Котораго не можете вы слышать?
Гдѣ жъ видны тутъ обдуманность, коварство?

до на анна.

Кто знаетъ васъ? Но какъ могли придти
Сюда вы, здѣсь узнать могли бы васъ—
И ваша смерть была бы неизбежна.

донъ Гуанъ.

Что значить смерть? За сладкій мигъ
свиданья
Безропотно отдамъ я жизнь.

до на анна.

Но какъ же
Отсюда выйти вамъ, неосторожный!

донъ Гуанъ (Цѣлуя ей руки).

И вы о жизни бѣднаго Гуана
Заботитесь? Такъ ненависти нѣтъ
Въ душѣ вашей небесной, Дона Анна?

до на анна.

Ахъ, если бъ васъ могла я ненавидѣть!
Однако жъ надобно разстаться намъ.

донъ Гуанъ.

Когда жъ опять увидимся?

дона Анна.
 Не знаю,
 Когда нибудь.
 донъ Гуанъ.
 А завтра?
 дона Анна.
 Гдѣ же?
 донъ Гуанъ.
 Здѣсь.
 дона Анна.
 О Донъ Гуанъ, какъ сердцемъ я слаба!
 донъ Гуанъ.
 Въ залогъ прощанья мирный подѣлуй!
 дона Анна.
 Пора, поди.
 донъ Гуанъ.
 Одинъ, холодный, мирный...
 дона Анна.
 Какой ты неотвязный! па, вотъ онъ...
 Что тамъ за стукъ?... О, скройся, Донъ
 Гуанъ!

донъ Гуанъ.
 Прощай же, до свиданья, другъ мой милый.
 (Уходитъ и вбѣгаетъ опять).
 А!...
 дона Анна.
 Что съ тобой? А!...
 (Входитъ статуя комендора; Дона-Анна на-
 оаетъ).
 статуя.
 Я на зовъ явился.
 донъ Гуанъ.
 О Боже! Дона-Анна!
 статуя.
 Брось ее,
 Все кончено. Дрожишь ты, Донъ Гуанъ.
 донъ Гуанъ.
 Я? нѣтъ!... Я звалъ тебя и радъ, что вижу.
 статуя.
 Дай руку.
 донъ Гуанъ.
 Вотъ она... о, тяжело
 Пожатъе каменной его десницы!
 Оставь меня, пусти, пусти мнѣ руку!...
 Я гибну—кончено—о Дона-Анна!...
 (Проваливаются).

(Декорація академика Д. А. Корсина (1774—1814).
 Библиотека Академіи Художествъ; неиздано).

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подѣ окномъ!
(Съ оукичѣ)

Рисунокъ Зичи.

651. Я здѣсь, ИНЕЗИЛЬЯ.

Inesilla! I am here.

Barry Cornwall.

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подѣ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ, и сномъ!
Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащемъ,
Съ гитарой и шпагой
Я здѣсь, подѣ окномъ!
Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу!

Проснется ли старый—
Мечомъ уложу.
Шелковыя петли
Къ окошку привѣсь...
Что жъ медлишь?... Ужъ нѣтъ ли
Соперника здѣсь?
Я здѣсь, Инезилья,
Стою подѣ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ.

Рисунок У. Соломки.

652. ПРЕДЪ ИСПАНКОЙ БЛАГОРОДНОЙ.

Предъ Испанкой благородной
 Двое рыцарей стоятъ;
 Оба смѣло и свободно
 Въ очи прямо ей глядятъ.
 Блещутъ оба красотою,
 Оба сердцемъ горячи,
 Оба мощною рукою
 Оперлися на мечи.
 Жизни имъ она дороже
 И какъ слава имъ мила.
 Но одинъ ей милъ. Кого же
 Дѣва сердцемъ избрала?
 Кто, рѣши, любимъ тобою?
 Оба дѣвѣ говорятъ—
 И съ надеждой молодою
 Въ очи прямо ей глядятъ.

НИКОЛАЙ ІВАНОВИЧЪ ГНѢДИЧЪ.

653. НА ПЕРЕВОДЪ ИЛІАДЫ.

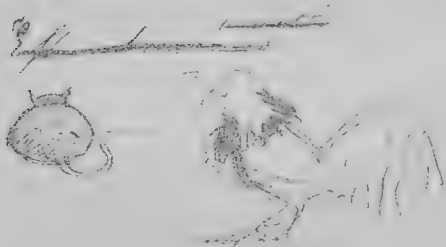
Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

654. ДЛѢ БЕРЕГОВЪ ОТЧИЗНЫ ДАЛЬНОЙ.

ДлѢ береговъ отчизны дальнѡй
Ты покидала край чужѡй;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальной
Я долго плакала предъ тобой.
Мои хладѣющіа руки
Тебя старались удержать;
Томленія страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанія
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанія
Ты въ край иной меня звала.

Ты говорила: въ день свиданія
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанія
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.
Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданія
Исчезли въ урнѣ гробовой—
Исчезъ и подѣлуй свиданія...
Но жду его: онъ за тобой!...

Начало сказки, описанной в рукописи
из собрания Музея, описанной в рукописи

Начало сказки «Какъ весенней теплою порою».

(Рукописец. музей, тетрадь № 2376, В., л. 5. Воспроизводится впервые).

655. КАКЪ ВЕСЕННЕЙ ТЕПЛОЮ ПОРОЮ.

[Незакончено и неотдѣлано].

Какъ весенней теплою порою,
Изъ подъ утренней бѣлой зорюшки,
Что изъ лѣсу, изъ лѣсу дремучаго,
(Чернобурал) выходила медвѣдиха]
Съ малыми дѣтушками медвѣжатами,
Погулять, посмотрѣть, себя показать.
Сѣла медвѣдица подъ березкою
Стали медвѣжата промежъ собой играть,
Обниматися, (боротися),
Боротися, (да) кувыркатися.
Отколь ни возмисъ мужикъ идетъ:
А ножъ-то у него за поясомъ,
Онъ въ рукахъ несетъ рогатину—
А мѣшокъ-то у него за плечми.
Какъ завидѣла медвѣдиха
Мужика со рогатиною,
Заревѣла медвѣдиха,
Стала кликать малыхъ дѣтушекъ,
Глупыхъ медвѣжатъ своихъ:
Ахъ вы, дѣтушки, медвѣжатушки!
Перестаньте валитися,
Обниматися, кувыркатися!
Становитесь, хорошится за меня—
Ужъ я васъ мужику не выдамъ,
Я сама мужику . . . выйму!»
Медвѣжатушки испугались,
За медвѣдиху бросались,
А медвѣдиха осержалася—
На дыбы поднималася.
А мужикъ-отъ, онъ догадивъ былъ,
Онъ пускался на медвѣдиху,
Онъ сажалъ въ нее рогатину,
Что повыше пупа, что пониже печени.
Грянулася медвѣдиха о сыру землю:
А мужикъ-то ей брюхо поролъ,
Брюхо поролъ, да шкуру снималъ,
Малыхъ медвѣжатъ въ мѣшокъ покладъ.
А покладши-то домой пошелъ:
Вотъ тебѣ, жена, подарочекъ,
Что медвѣжья шуба въ 50 рублей:
А что вотъ тебѣ другой подарочекъ—

Три медвѣжата по 5 рублей.
Не звоны пошли по городу,
Пошли вѣсти по всему по лѣсу.
Дошли вѣсти до медвѣдя чернобурова:
Что убилъ мужикъ его медвѣдиху,
Разпоролъ ей брюхо бѣлое,
Медвѣжатушекъ въ мѣшокъ покладъ.
Въ ту пору медвѣдь запечалился,
Голову повѣсилъ, голосомъ завывъ
По свою ли по сударушку,
Чернобурую медвѣдиху:
Ахъ ты свѣтъ, моя медвѣдиха!
На кого меня покинула,
Вдовца несчастнаго,
Вдовца горемычнаго.
Ужъ какъ мнѣ съ тобой, моей боярыней
Веселой игры не играть,
Малыхъ дѣтушекъ не родити,
Медвѣжатушекъ не качати,
Не качати, не баюкати—
Въ ту пору звѣри собиралися
Ко тому-ли медвѣдю, ко боярину—
Прибѣгали звѣри большіе,
Прибѣгали тутъ звѣршки меньшіе—
Прибѣгаль тутъ Волкъ дворянинъ:
У него-то зубы закусливые,
У него то глаза завистливые.
Приходилъ тутъ бобръ, торговый гость—
У него-то, бобра, жирный хвостъ.
Приходила ласточка-дворяночка,
Приходила бѣлочка-княгиня[нечка],
Приходила лисица-подъячиха—
Подъячиха, казначиха.
Приходилъ скomorохъ-горностаюшка.
Прибѣгаль тутъ зайка-смердъ,
Зайка бѣденъкій, зайка сѣренъкій—
Приходилъ байбакъ тутъ глумилъ.
Явель онъ, байбакъ, позади гумна:
Приходилъ цѣловальникъ-сжъ:
Все-то онъ сжъ ежится,
Все-то онъ щетинится...

ПИРЬ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

«Пирь во время чумы. Изъ Вильсоновой трагедіи: the city of the plague» — таково заглавіе пьесы, появившейся въ 1832 г. въ альманахѣ «Альціона» и перепечатанной въ томъ же году въ собраніи стихотвореній Пушкина. Когда Бѣлинскій писалъ для «Отечественныхъ Записокъ» (въ 1846-мъ году) послѣднюю (11-ую) статью свою о сочиненіяхъ Пушкина, онъ не зналъ, существуетъ ли на самомъ дѣлѣ трагедія Вильсона, существовалъ ли самъ Вильсонъ. Допуская утвердительный отвѣтъ на эти вопросы, онъ находилъ, что «если пьеса Вильсона такъ же хороша, какъ переведенный изъ нея Пушкинымъ отрывокъ, то этотъ Вильсонъ написалъ великое произведение». Теперь извѣстно, что трагедія Вильсона — реальный фактъ; но предположеніе Бѣлинскаго о высокомъ ея достоинствѣ не подтвердилось. Произведеніе Вильсона, рассматриваемое какъ цѣлое, не возвышается надъ уровнемъ посредственности; но нашъ гениальный поэтъ взялъ изъ него только лучшую сцену, отбросивъ неудачный ея конецъ. За уходомъ священника у Вильсона слѣдуетъ еще ссора предсѣдателя съ «молодымъ человѣкомъ», вызванная грубою выходкою послѣдняго противъ священника. Несравненно гармоничнѣе и красивѣе завершается сцена у Пушкина, отмѣткою: «пирь продолжается, предсѣдатель остается погруженный въ глубокую задумчивость». Такимъ и должно было быть настроеніе предсѣдателя послѣ потрясающаго впечатлѣнія, которое произвели на него слова священника: «Матильды чистый духъ тебя зоветъ!» Безспорно выиграла сцена и отъ того, что Пушкинъ выпустилъ дерзкія слова, съ которыми у Вильсона «молодой человѣкъ» два раза обращается къ священнику.

Оставаясь, вообще говоря, очень близкимъ къ подлиннику, Пушкинъ рѣшительно отступилъ отъ него въ пѣсняхъ Мери и предсѣдателя: онѣ составляютъ всецѣло достояніе нашего поэта. Пѣсня Мери у Вильсона также начинается сравненіемъ деревни, пораженной чумою, съ деревней въ былое, счастливое время; но она растянута, переполнена излишними прозаическими деталями («я пошла въ гостиницу, гдѣ бывало раздавались скрипки, барабанъ и флейта...

Не показались на склонахъ холма ни клѣтчатый платокъ, ни синія шляпа... Пятьдесятъ темныхъ свѣжихъ могилъ поднимались надъ кладбищемъ... На горѣ, въ овчарнѣ пастухъ лежалъ мертвый»). У Пушкина, въ соответствующихъ строфахъ пѣсни, нѣтъ ни одного лишняго слова; немногими штрихами нарисованы яркія картины («нива праздно перезрѣла... И селенье, какъ жилище погорѣлое, стоитъ тихо все; одно кладбище не пустѣетъ, не молчитъ»). У Вильсона Мери аккуратно насчитываетъ пятьдесятъ могилъ; у Пушкина «могилы межъ собой какъ испуганное стадо, жмутся тѣсною чередой». Вся вторая часть пѣсни, вложенной Пушкинымъ въ уста Мери, принадлежитъ нашему поэту не только по формѣ, но и по мысли: онъ создалъ трогательный образъ Джени, вѣрной своему Эдмонду даже въ небесахъ, — Джени, умоляющей своего возлюбленнаго не приближаться къ ея гробу, не касаться умершихъ устъ ея, не посѣтить, «когда минетъ зараза, ея бѣдный прахъ».

Еще больше измѣнилась, подъ рукой Пушкина, пѣснь предсѣдателя. У Вильсона предсѣдатель сравниваетъ участь погибающихъ въ битвѣ — на сушѣ или на морѣ — съ участіемъ умирающихъ отъ чумы, и старается доказать, что послѣдніе страдаютъ меньше первыхъ. Онъ сравниваетъ чуму съ лихорадкой, съ чахоткой, съ параличемъ — и старается доказать, что она могущественнѣе всѣхъ болѣзней. Онъ хвалитъ чуму за то, что она срываетъ маску съ лицемѣрія и устраняетъ мѣшающихъ другимъ пользоваться жизнью. Хоръ вторитъ ему много разъ повторяющимся призывомъ: «И потому-то, склонясь на бѣлоснѣжную грудь, я пою хвалу чумѣ! Если, о чума, ты намѣрена сразить меня нынче ночью, то приходи и рази меня въ объятіяхъ веселья!» Все это холодно, сухо и не имѣетъ ничего общаго съ пѣсней предсѣдателя у Пушкина, быстро подвигающейся впередъ, бьющей, какъ молотъ, каждымъ своимъ словомъ и соединяющей рядъ смѣлыхъ, чарующихъ картинъ съ глубокой мыслью.

Неудивительно, что вниманіе всѣхъ писавшихъ послѣ Бѣлинскаго о «Пирѣ во время чумы» сосредоточивается именно на пѣсняхъ Мери и предсѣдателя. Ими преимуще-

ественно восхищался и Бѣлинскій, точно предвидя, какая роль принадлежит имъ въ общемъ строѣ пьесы. Достоевскій, въ своей знаменитой московской рѣчи, отнесъ «Пиръ во время чумы» къ числу доказательствъ способности Пушкина «перевоплощаться вполне въ чужую національность». «Какіе глубокіе фантастическіе образы,—восклидѣлъ онъ,—въ поэмѣ Пиръ во время чумы! Но въ этихъ фантастическихъ образахъ слышенъ гений Англіи; это чудесная пѣсня о чумѣ героя поэмы; это пѣсня Мери со стихами:

Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались, голоса;

это англійскія пѣсни; это тоска британскаго гения, его плачь, его страдальческое предчувствіе своего грядущаго». Д. С. Мережковский, говоря въ «Вѣчныхъ спутникахъ» о контрастахъ, составившихся въ Пушкинѣ, о соединеніи въ немъ язычника и галилеянина, ведетъ рѣчь о двухъ дѣмонахъ, двухъ идеалахъ языческой мудрости, воскресающихъ, отъ времени до времени, въ поэзіи Пушкина. Одному изъ нихъ—«жестоко-образному, сладострастному Дионису, богу пѣли и тайны»—онъ приписываетъ пѣсню предсѣдателя на пирѣ во время чумы. Близко подходит къ этому взгляду и Ю. Айхенвальдъ, въ своемъ этюдѣ о Пушкинѣ (напечатанномъ какъ въ «Силуэтахъ русскихъ писателей», такъ и отдѣльно). Въ пѣсняхъ Мери и предсѣдателя сказала, по мнѣнію г. Айхенвальда, «вся разительная противоположность двухъ міросозерцаній—святой наивности и демонизма... Рядомъ съ утонченнымъ демонизмомъ Вальсингама вся сплетенная изъ элементарныхъ, непосредственныхъ ощущеній грустная жалоба и мольба дѣвчьяго сердца, обвѣянная деревенской тишиной... Чтобы сложить и спѣть пѣсню Мери, надо вѣрить въ Бога, въ небеса... Еще не отзвучали тихіе и мелодичные звуки бѣлокурой Мери, какъ предсѣдатель, своимъ охриплымъ голосомъ усиливая впечатлѣніе кошмара, начинаетъ славить чуму. Какое разстояніе отъ Мери, и послѣ зеленой припѣливой долины какая разверзается передъ нами бездна безумія! Вальсингамъ сравниваетъ чуму съ зимою. Но зима—правило природы, а чума—ея черное исключеніе. Зима обычна—чуму посылаетъ Богъ за грѣхи: Вальсингамъ не хочетъ видѣть этой разницы. Онъ хочетъ «принять проклятіе, утопить умы въ весельѣ; Богу, пославшему страхъ, отвѣтить смѣхомъ; не испугаться

кары и превратить ее въ праздникъ... Хвала чумѣ—это хула Богу... На краю мрачной бездны дьявола стоитъ предсѣдатель и торжествуетъ, что онъ посмѣлся чумѣ, совершилъ поруганіе надъ смертью, обезоружилъ Бога. И потому онъ отвергаетъ священника, служителя Бога... Въ разгарѣ своего богохульства предсѣдатель человѣческой оргіи былъ потрясенъ напоминаніемъ служителя стараго Бога, но всетаки за священникомъ онъ не пошелъ... Ушелъ священникъ, а не Вальсингамъ; пѣсня Мери заглушена пѣсней предсѣдателя, и хотя онъ погруженъ въ глубокую задумчивость, по его сотоварищи остались безъ Бога, безъ священника, одни, лицомъ къ лицу со смертью, съ чумою, и пиръ во время чумы продолжается... Какъ и въ «Сценѣ изъ Фауста», г. Айхенвальдъ видитъ въ «Пирѣ во время чумы» «страстный, огненный вызовъ Богу, насмѣшку надъ его карами и кощунственное отношеніе къ его смерти».

Удѣлъ великихъ твореній—различіе, иногда до крайности рѣзкое, въ ихъ пониманіи и толкованіи. Какъ ни интересны приведенные выше взгляды на «Пиръ во время чумы»—или, вѣрнѣе, на пѣсню предсѣдателя пира,—согласиться мы не можемъ ни съ однимъ изъ нихъ. Правъ ли Достоевскій, утверждая, что «Пушкинъ одинъ изъ всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполне въ чужую національность»—это вопросъ, обсужденіе котораго выходитъ за предѣлы нашей задачи; но подтвержденіемъ его мнѣнія «Пиръ во время чумы» служить не можетъ. Ничего специфически-англійскаго пѣсню Мери въ себѣ не заключаетъ. Дѣтскіе голоса, раздающіеся въ шумной деревенской школѣ, могутъ, пожалуй, служить указаніемъ на то, что рѣчь идетъ о протестантской деревнѣ, но какой именно—англійской, скандинавской, германской—это опредѣлить невозможно. Простодушная, до гроба и за гробомъ любящая Джени. близкая къ гетевской Гретхенъ—точно также типъ скорѣе всего общегерманскій: еще правильнѣе назвать его общечеловѣческимъ. Пѣсню предсѣдателя нельзя приурочить ни къ какой національности; пѣть такой культурной страны, гдѣ бы она не могла сложиться; пѣть народной психологіи, на почвѣ которой она, при извѣстныхъ условіяхъ, не могла бы вырасти. Почему Достоевскій увидѣлъ въ ней «страдальческое предчувствіе британскаго гения»—этого мы угадать не беремся. Ошибается, какъ

намъ кажется, и Д. С. Мережковский, усматривая въ пѣснѣ предсѣдателя внушеніе «женообразнаго, сладострастнаго демона». Сладострастіе особаго рода, нищее не удовольствій, а забвенія; женообразнаго — ни въ какомъ случаѣ. Мужествомъ, на оборотъ, проникнута пѣснь, смотрящая смерти прямо въ глаза и находящая «неизъяснимое наслажденіе» въ опасности, въ почти неиницируемой гибели. Сомнительнымъ представляется намъ и «демонизмъ» Вальсингама, на которомъ настаиваетъ г. Айхенвальдъ. Что чума—Божье наказаніе за людскіе грѣхи, на это нѣтъ и намека въ «Пирѣ во время чумы»; объ этомъ не говоритъ, въ своихъ увѣщаніяхъ, даже священникъ. Видѣть, съ этой точки зрѣнія, разницу между чумою и зимою Вальсингаму не было надобности. Сравненіе, которымъ начинается его пѣснь, коренится не въ происхожденіи несоизмѣримыхъ между собою величинъ — зимы и чумы; оно касается только средствъ охраны отъ той и другой. Аналогія здѣсь чисто виѣшняя: какъ передъ морозами, передъ чумой запираются двери, зажигаются огни, разгорается «веселый жаръ пироваго». Въ праздникъ превращается не кара, идущая съ небесъ, а ожиданіе опасности, при унынїи худшее чѣмъ самая опасность. Никакого вызова Богу предсѣдатель не бросаетъ. Не вызовомъ звучитъ его обращеніе къ умершей женѣ, его отчаянный вопль: «святое чадо свѣта! Вижу тебя я тамъ куда мой падшій духъ не достигнетъ уже!» Слишкомъ велика, въ его глазахъ, пропасть, которую онъ самъ вырылъ между прошедшимъ и настоящимъ. Онъ чувствуетъ, что нѣтъ ему возврата, и не кошуинственно, а съ сокрушеннымъ сердцемъ обращается къ священнику съ мольбою: «отецъ мой, ради Бога, оставь меня!» Не торжество слышится въ «глубокой задумчивости» Вальсингама, а безнадежность. «Пиръ во время чумы продолжается», но предсѣдатель въ немъ участія больше не принимаетъ.

Отказываясь смотрѣть на пѣснь предсѣдателя глазами гг. Мережковского и Айхенвальда, мы видимъ въ ней глубокое проникновеніе въ одну изъ загадочныхъ областей человѣческаго духа. Въ то время, когда создавался «Пиръ во время чумы», мысль Пушкина охотно останавливалась на смерти: смерть часто казалась ему близкой, витающей вокругъ него. Онъ думалъ о ней обычно съ тѣмъ чувствомъ, которое характеризуется всего лучше непереводи-

мымъ словомъ *résignation*. Этимъ чувствомъ проникнуты, на примѣръ, знаменитые стансы: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ». Все-объемлющей фантазіи поэта не могла, однако, не представляться и другая картина смерти—смерти, ожидаемой не только безъ страха, но и безъ сожалѣнія,—смерти, встречаемой лицомъ къ лицу, въ неравной, но страстной борьбѣ или въ невозмутимомъ спокойствіи. Такимъ отношеніемъ къ смерти внушена, думается намъ, пѣснь Вальсингама. Ея кульминаціонный пунктъ въ стихахъ, самая форма которыхъ заключаетъ въ себѣ что-то бодрящее, высоко поднимающее надъ «сладкой привычкой бытія»:

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы.
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденія—
Безсмертія, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненія
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

Въ этихъ непогихъ стихахъ брошены изумительно яркій свѣтъ на тѣ минуты, когда инстинктивное желаніе жить уступаетъ мѣсто готовности или даже желанію умереть. Человѣкъ чувствуетъ себя тогда сильнѣе смерти—и это чувство наполняетъ его гордостью. «Упоеніе въ бою» испытывалъ князь Андрей, когда бросился впередъ, со знаменемъ въ рукахъ, въ критическій моментъ аустерлицкой битвы; «упоеніе на краю бездны» испытывалъ Манфредъ, стоя на головокружительной высотѣ, у обрыва въ бездонную пропасть. Даже побѣжденный сознаетъ себя тогда побѣдителемъ,—и это сознаніе становится для него источникомъ «неизъяснимаго наслажденія», неизъяснимаго потому, что оно такъ мало похоже на все предшествовавшія житейскія радости. Еще болѣе широкая перспектива открывается словами, брошенными въ пѣснѣ какъ бы мимоходомъ: «безсмертія, можетъ быть, залогъ». Да, находится въ рукахъ смерти и не признавать надъ собою ея власти—это значитъ какъ бы отрицать смерть. Въ этомъ отрицаніи разгадка потрясающаго дѣйствія, производимаго пѣсней Вальсингама.

К. Арсеньевъ.

АНГЛІЯ XVII ВѢКА ВЪ ПОРТРЕТАХЪ ВАНЪ-ДИКА.

656. ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

(Изъ Вильсоновой трагедіи: The city of the plague).

*Улица. Накрытый столъ. Нѣсколько пирующихъ
мущинъ и женщинъ.*

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Почтенный предсѣдатель! я напомню
 О человѣкѣ, очень намъ знакомомъ,
 О томъ, чьи шутки, повѣсти смѣшныя,
 Отвѣты острые и замѣчанья,
 Столь бѣжны въ ихъ важности забавной,
 Застольную бесѣду оживляли
 И разгоняли мракъ, который нынѣ
 Зараза, гостя наша, насылаетъ
 На самые блестящіе умы.

Тому два дня, нашъ общій хохотъ сла-
 вилъ

Его рассказы; не возможно быть,
 Чтобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи
 Забыли Джаксона! Его здѣсь кресла
 Стоять пустыя, будто ожидая
 Весельчака—но онъ ушелъ уже
 Въ холодныя, подземныя жилища...
 Хотя краснорѣчивѣйшій языкъ
 Не умолкалъ еще во прахѣ гроба;
 Но много насъ еще живыхъ, и намъ
 Причины нѣтъ печалиться. И такъ,
 Я предлагаю выпить въ его память
 Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
 Какъ будто бѣ былъ онъ живъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Онъ выбылъ первый
 Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньи
 Мы выпьемъ въ честь его.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Да будетъ такъ!
 (Всѣ пьютъ молча).

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Твой голосъ, милая, выводитъ звуки
 Родимыхъ пѣсень съ дикимъ совершен-
 ствомъ:

Спой, Мери, намъ ушло и протяжно,
 Чтобъ мы потомъ къ веселью обратились
 Безумиѣ, какъ тотъ, кто отъ земли
 Былъ отлученъ какимъ нибудь видѣньемъ.

МЕРИ (поетъ).

Было время, процвѣтала
 Въ мирѣ наша сторона:
 Въ воскресенье бывала
 Церковь Божія полна;
 Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
 Раздавались голоса,
 И сверкали въ свѣтломъ полѣ
 Серпъ и быстрая коса.
 Нынѣ церковь опустѣла:

Школа глухо заперта;
Нива празднио перерѣла;
Роща темная пуста;
И селенье, какъ жилище
Погорѣлое, стоитъ;
Тихо все—одно кладбище
Не пустѣть, не молчить:
Поминутно мертвыхъ посять,
И стenanія живыхъ
Боязливо Бога просятъ
Упокоить душу ихъ!
Поминутно мѣста надо,
И могилы межъ собой,
Какъ испуганное стадо,
Жмутся тѣсной чередой!
Если ранняя могила
Суждена моей веснѣ;
Ты, кого я такъ любила,
Чья любовь отрада мнѣ,—
Я молю: не приближайся
Къ гѣлу Джени ты своей,
Усть умершихъ не касайся;
Слѣдуй пздали за ней.
И потомъ оставь селенье!
Уходи куда нибудь,
Гдѣ бъ ты могъ души мученье
Усладить и отдохнуть!
И когда зараза минетъ,
Посѣти мой бѣдный прахъ;
А Эдмонда не покинетъ
Джени даже въ небесахъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Благодаримъ, задумчивая Мерц,
Благодаримъ за жалобную пѣсню!
Въ дни прежніе чума такая жъ, видно,
Холмы и доли ваши посѣтила,
И раздавались жалкія стенанья
По берегамъ потоковъ и ручьевъ,
Бѣгущихъ нынѣ весело и мирно
Сквозь дикій рай твоей земли родной;
И мрачный годъ, въ который пало столько
Отважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жертвъ,
Едва оставилъ память о себѣ
Въ какой нибудь простой пастушьей пѣснѣ,
Унылой и пріятной... Нѣтъ! ничто
Такъ не печалитъ насъ среди веселій,
Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ!

МЕРЦ.

О, если бъ никогда я не пѣвала
Внѣ хижинъ родителей своихъ!
Они свою любили слушать Мерц;
Самой себѣ я, кажется, внимаю,
Поющей у родимаго порога—
Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
Былъ голосомъ невинности...

ЛУИЗА.

Не въ модѣ

Теперь такія пѣсни! Но все жъ есть
Еще простыя души: рады таять
Отъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣрятъ имъ.
Она увѣрена, что взоръ слезливый
Ея неотразимъ—а если бъ то же
О смѣхѣ думала своемъ, то вѣрно
Все бъ улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ
Крикливыхъ сѣверныхъ красавицъ: вотъ
Она и разстоналась. Ненавижу
Волость Шотландскихъ этыхъ желтизну.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Послушайте: я слышу стукъ колесъ!

*(Бѣдетъ телма, наполненная мертвыми телами.
Неиръ управляетъ ею).*

Ага! Луизѣ дурно; въ ней, я думаю,
По языку судя, мужское сердце.
Но такъ-то: пѣжнаго слабѣй жестокой,
И страхъ живетъ въ душѣ, страстью
томимой!
Брось, Мерц, ей воды въ лицо. Ей лучше.

МЕРЦ.

Сестра моей печали и позора,
Прилягъ на грудь мою.

ЛУИЗА *(приходитъ въ чувство).*

Ужасный демонъ,

Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый...
Онъ звалъ меня въ свою тележку. Въ ней
Лежали мертвые—и лепетали
Ужасную, невѣдомую рѣчь...
Скажите мнѣ: во снѣ ли это было?
Проѣхала ль телега?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

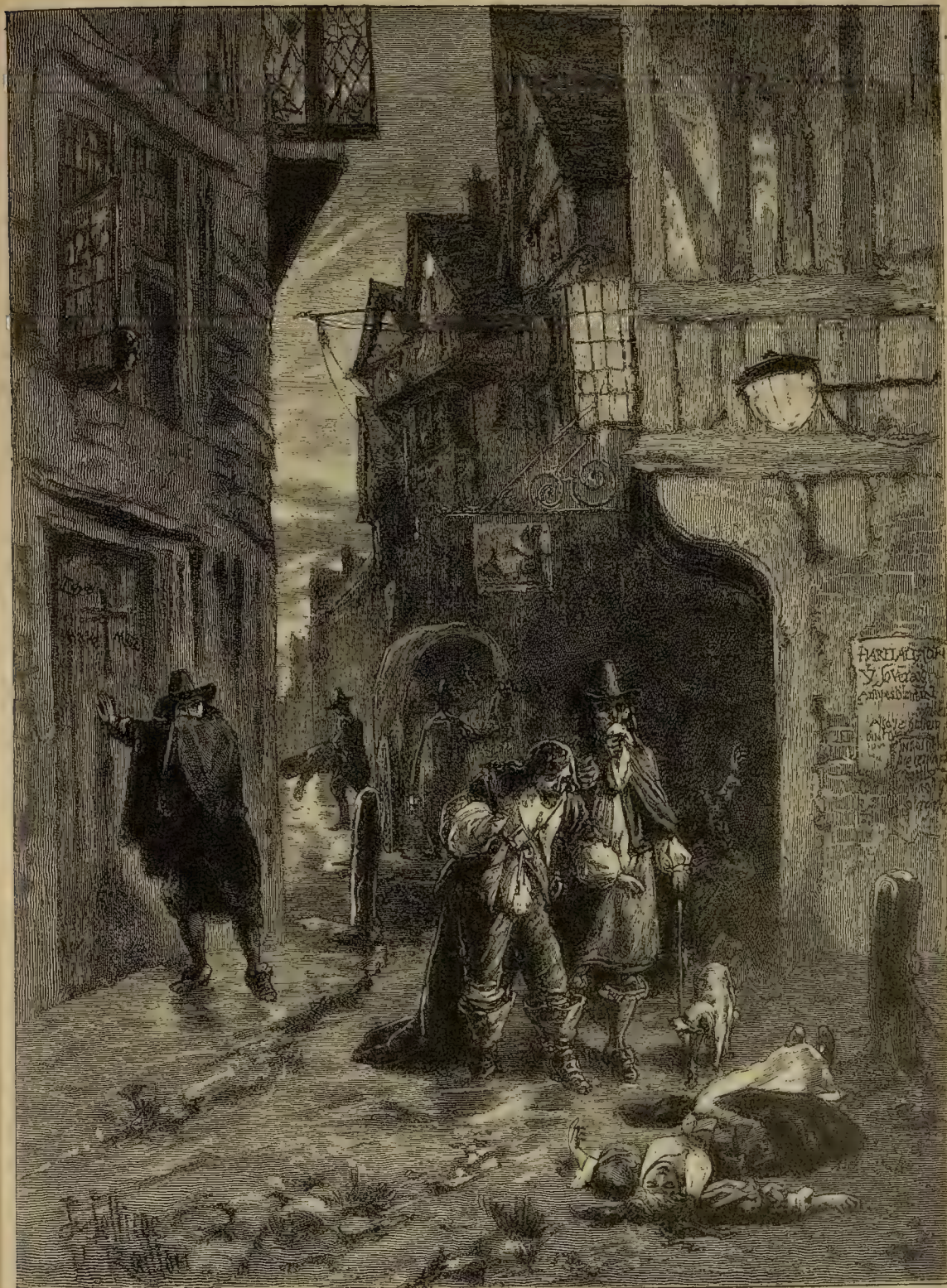
Ну, Луиза,

Развеселись: хоть улица вся наша
Безмолвное убѣжище отъ смерти,
Пріютъ пировъ пичѣмъ невозмутимыхъ,
Но знаешь? эта черная телега
Имѣетъ право всюду разѣзжать—
Мы пропускать ее должны! Послушай
Ты, Вальсингамъ: для пресѣченія споровъ.
И слѣдствій женскихъ обмороковъ, спой
Намъ пѣсню—вольную, живую пѣсню—
Не грустію Шотландской вдохновенцу,
А буйною, вакхическую пѣсню,
Рожденную за чашею кипящей.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Такой не знаю—но спою вамъ гимнъ
Я въ честь чумы: я написалъ его

ЛОНДОНСКАЯ УЛИЦА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ 1666 г.

Рисунокъ Джемико (J. Jellicoe).

Прошедшей ночью, какъ разстались мы.
Мнѣ странная пришла охота къ рифмамъ
Впервые въ жизни! Слушайте жъ меня:
Охрыпый голосъ мой приличенъ пѣснѣ.

многіе.

Гимнъ въ честь чумы! послушаемъ его!
Гимнъ въ честь чумы! прекрасно! bravo!
bravo!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (поетъ).

Когда могущая зима,
Какъ бодрый вождь, ведетъ сама
На насъ косматыхъ дружины
Своихъ морозовъ и сибговъ,
Навстрѣчу ей трещать каминны,
И веселъ зимній жаръ пировъ.
Царица грозная, Чума
Теперь идетъ на насъ сама
И льстится жатвою богатой;
И къ намъ въ окошко день и ночь
Стучитъ могильною лопатой...
Что дѣлать намъ? и чѣмъ помочь?
Какъ отъ проказницы зимы,
Запремся также отъ Чумы!
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы;
Утопимъ весело умы
И, заваривъ пиры да балы,
Возславимъ царствіе Чумы.
Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тмы,
И въ Аравійскомъ ураганѣ,
И въ допоевнѣ Чумы.
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненія
Ихъ обрѣтаетъ и вѣдать могъ.
И такъ—хвала тебѣ, Чума!
Намъ не страшна могила тма,
Намъ не смутитъ твое призванье!
Бокалы пѣнимъ дружно мы,
И дѣвы-Розы пьемъ дыханье
Быть можетъ... полное Чумы!

(Входитъ старый священникъ).

свѣщенникъ.

Безбожный пиръ, безбожные безумцы!
Вы пиршествомъ и пѣснями разврата
Ругаетесь надъ мрачной тишиной,
Повсюду смертію распространенной!
Средь ужаса плачевныхъ похоронъ,
Средь блѣдныхъ лицъ, молюсь я на клад-
бищѣ,

А ваши ненавистные восторги
Смушаютъ тишину гробовъ—и землю
Надъ мертвыми тѣлами потрясаютъ!
Когда бы старики и женъ моления
Не освятили общей, смертной ямы—
Подумать могъ бы я, что нынче бѣсы
Погибшіи духъ безбожника терзаютъ
И въ тму кромѣшную тащатъ со смѣхомъ.

нѣсколько голосовъ.

Онъ мастерски объ адѣ говорить!
Ступай, старикъ, ступай своей дорогой!

свѣщенникъ.

Я заклинаю васъ святою кровью
Спасителя, распятаго за насъ:
Прервите пиръ чудовищный, когда
Желаете вы встрѣтить въ небесахъ
Утраченныхъ возлюбленныхъ души—
Ступайте по своимъ домамъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Домъ

У насъ печальны—юность любитъ радость.

свѣщенникъ.

Ты ль это, Вальсингамъ? ты ль самый
тотъ,
Кто три тому недѣли, на колѣнахъ,
Трунъ матери, рыдая, обнималъ
И съ воплемъ бился надъ ея могилой?
Иль думаешь: она теперь не плачетъ,
Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,
Взирая на пирующего сына
Въ пиру разврата, слыша голосъ твой,
Поющій бѣшенныя пѣсни между
Мольбы святой и тяжкихъ воздыханій?
Ступай за мной!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Зачѣмъ приходишь ты

Меня тревожить? Не могу, не долженъ
Я за тобой идти: я здѣсь удержанъ
Отчаяньемъ, воспоминаньемъ страшнымъ,
Сознаньемъ беззаконья моего,
И ужасомъ той мертвой пустоты,
Которую въ моемъ дому встрѣчаю—
И новостью сихъ бѣшенныхъ веселій,
И благодатнымъ ядомъ этой чаши,
И ласками (прости меня Господь)
Погибшаго, но милаго созданья...
Тѣнь матери не вызоветъ меня
Отсидѣ—поздно—слышу голосъ твой,
Меня зовущій—признаю усилия
Меня спасти... старикъ! иди же съ миромъ;
Но проклять будь, кто за тобой пойдетъ!

МНОГІЕ.

Bravo, bravo! достойный предсѣдатель!
Вотъ проповѣдь тебѣ! пошелъ! пошелъ!

СВЯЩЕННИКЪ.

Матильды чистый духъ тебя зоветъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (*встаетъ*).

Клянись же мнѣ, съ поднятой къ небесамъ,
Увидшей, блѣдною рукой, оставить
Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!
О, если бѣ отъ очей ея безсмертныхъ
Скрыть это зрѣлище! Меня когда-то
Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ—
И знала рай въ объятіяхъ моихъ...
Гдѣ я? Святое чадо свѣта! вижу
Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
Не достигнетъ уже...

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Онъ сумасшедшій:
Онъ бредитъ о женѣ похороненной!

СВЯЩЕННИКЪ.

Пойдемъ, пойдемъ...

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Отецъ мой, ради Бога,
Оставь меня!

СВЯЩЕННИКЪ.

Спаси тебя Господь!
Прости, мой сынъ.

(*Уходитъ. Пиръ продолжается. Предсѣдатель
остается, погруженный въ глубокую задумчи-
вость*).

АНГЛІЙСКАЯ ДѢВУШКА!

Картина Рейнольдса.

657. ПЬЮ ЗА ЗДРАВІЕ МЕРИ.

ПѢСНЯ.

Here's health to thee, — Mary. —

Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей.
Тихо заперъ я двери,
И одинъ, безъ гостей
Пью за здравіе Мери.
Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой Мери;

Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой, ласковой Мери.
Будь же щастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни несчастливыхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Мери.

Фонтанъ «*Cruche Cassée*» въ Царскосельскомъ паркѣ.

658. ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
 Дѣва печальна сидитъ, праздный держа черепокъ.
 Чудо! не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой;
 Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ.

659. РИФМА.

Эхо, безсонная Нимфа, скиталась по берегу Пеней.
 Фебъ, увидѣвъ ее, страстию къ ней воспыалъ.
 Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога;
 Межъ говорливыхъ Найдъ, мучась, она родила
 Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина.
 Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь-аонидъ,
 Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
 Музамъ мила; на землѣ Рифмой зовется она.

660. ТРУДЪ.

Мигъ вождѣнный насталь: оконченъ мой трудъ многолѣтній.
 Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
 Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
 Плату пріавшій свою, чуждый работъ другой?
 Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
 Друга Авроры златой, друга Пенатовъ святыхъ?

661. НОВОСЕЛЪЕ.

Благословляю новоселье,
 Куда домашній свой кумиръ
 Ты перенесъ—а съ нимъ веселье,
 Свободный трудъ и сладкій миръ.

Ты щастливъ: ты свой домикъ малой,
 Обычай мудрости храня,
 Отъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
 Застраховалъ, какъ отъ огня.

НАБРОСКИ И ОТРЫВКИ.

662. УЖЬ ОСЕНЬ ХОЛОДОМЪ ДОХ-
НУЛА.

Ужь осень холодомъ дохнула—
(На обнаженные поля)
Уже дубрава отряхнула
Последний листъ (—уже земля)
(Прохвачена морозомъ по утрамъ)
. . . . .

663. КАКЪ БЫСТРО ВЪ ПОЛѢ, ВКРУГЪ
ОТКРЫТОМЪ.

Какъ быстро въ полѣ, вокругъ открытомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ!
Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая звучитъ!
Полезенъ русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ:
Ланиты, ярче вѣшнихъ розъ,
Играютъ холодомъ и кровью.
Печальны лѣсъ и доль завялый,
Проглянетъ день—и ужь темно,
И будто путникъ запоздалый
Стучится буря къ намъ въ окно.

664. О МУЗА ПЛАМЕННОЙ САТИРЫ.

О муза пламенной Сатиры,
Приди на мой призывный кличъ!
Не пужно мнѣ гремѣщей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ,
Не не поэтамъ мирныхъ дамъ,
Готовлю язву эпиграммъ!
Ирѣ вамъ смиренныя поэты!
Ирѣ вамъ несчастные глупцы!
А вы, ребята-подлецы,
Впередъ всю вашу сволочь буду
И мучить казнию стыда!
А если же кого забуду—
Прошу напомнить, господа!
О сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!

665. МЕДОКЪ.

Медокъ въ Уаллахъ.

Попутный дуетъ вѣтръ.—Идетъ корабль,—
Во всю длину развиты флаги, вздулись
Вѣтрила всѣ,—идетъ и предъ кормой
Морская пѣна раздается.—Многимъ
Полна грудь у всѣхъ пловцовъ—
Теперь, когда свершонъ опасный путь,
Родимый край они узрѣли снова;
Одинъ стоитъ, вдаль устремивши взоры,
И въ тишинѣ ему рисуется
Мечта, давно знакомые предметы,
Заливъ и мысъ,—пока недвижны очи
Не заболѣть. Товарищу (другой)
Жметъ руку и привѣтствуетъ съ отчизной;
И Господа благодарить, рыдая.
Другой, безмолвную творя молитву
Угоднику (и Дѣвѣ) Пресвятой,
И милостынь, и дальнихъ поклоненій
Старинные обѣты обновляетъ,
Когда найдетъ онъ все благополучно.
Задумчивъ, нѣмъ и ото всѣхъ далекъ,
Самъ Медокъ погруженъ въ моленьяхъ
О славномъ подвигѣ, то въ снахъ надежды,
То въ горестныхъ предчувствіяхъ и
страхѣ.
Прекрасенъ вечеръ и попутный вѣтръ
Межъ вѣрвей [бѣетъ], корабль надежный
быстро
Бѣжитъ, шумя, межъ волнъ. Садится солнце..

666. МЫ РОЖДЕНЫ, МОЙ БРАТЪ
НАЗВАННЫЙ.

[Дельвигу].

Мы рождены, мой братъ названный,
Подъ одинаковой звѣздой;
(Киприда, Фебъ и Вакхъ румяный)
Играли нашею судьбой.
Явились мы рано оба
На нипподромъ, а не на торгъ,
Вблизи Державинскаго гроба,
И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ
И стихъ надеждою зоветъ
. . . . . безумный журналистъ
Твой слогъ могучій и . . .
Какой-то дразнить пародистъ.

667. ГРАФИНЯ ОДНА ДЕРЖИТЬ ПИСЬМО.

[Драматическій отрывокъ].

Графиня одна, держитъ письмо.

«Черезъ недѣлю буду въ Парижѣ непремѣнно...» Письмо отъ 12-го, сегодня 18-ое; онъ прѣдетъ завтра! Боже мой, что мнѣ дѣлать (!).

(Входитъ Дорвиль).

Д. Здравствуйте, мой ангелъ. Каково вамъ сегодня? Послушайте что я вамъ расскажу умора... что съ Вами? Вы въ слезахъ!

Г. Вы чудовище!

Д. Опять! Ну что за бѣда? Все дѣло останется въ тайнѣ. Слава Богу, никто ничего не подозрѣваетъ: всѣ думаютъ, что у Васъ водяная. На дняхъ все будетъ кончено. Вы для виду останетесь еще недѣлю шесть въ своей комнатѣ, потомъ опять явитесь въ свѣтъ и всѣ вамъ обрадуются.

Г. Удивляюсь вашему краснорѣчію. А мужъ?

Д. Графъ ничего не узнаетъ. Мужья никогда ничего не узнаютъ.

Мѣсяца черезъ три онъ прѣдетъ къ (вамъ) намъ изъ арміи. (Вы примите) мы примемъ его какъ ни въ чемъ не бывало; одного боюсь: онъ въ васъ опять влюбится — и тогда...

Г. Прочтите это письмо.

Д. Ахъ, Боже мой!

Г. Нечего глаза таращить. Я пропала — вы погубили меня.

Д. Ангелъ мой! Я въ отчаяніи. Что съ нами будетъ!

Г. Съ нами! Съ Вами ничего не будетъ, а меня Графъ убьетъ.

Д. Кто его звалъ? какая досада!

Г. Досада! Вамъ досадно потому что Вамъ некуда будетъ ѣздить на вечеръ, пока не

заведете себѣ другой любовницы (баронессы д'Овре, напимѣръ. Неспособная мигушка) [передразниваетъ ее]. (Нечего смѣяться). Видите, что вы чудовище; я гибну, а вы смѣетесь.

Д. Я не допущу его до Парижа, я побѣду навстрѣчу къ графу. Мы поссоримся, я вызову его на дуэль и проколю его.

Г. Какой ужасъ! я не позволю вамъ проколоть моего мужа. Онъ для меня былъ всегда такъ добрѣ. Я передъ нимъ кругомъ виновата, я могла забыть свои обязанности; извинить ему... и для кого?.. для изверга, который не посовѣстился.. оставьте меня, говорятъ вамъ, оставьте меня!

Д. Поѣзжайте въ свою деревню, въ Британію.

Г. Это за чѣмъ? Развѣ графъ за мною не поскачетъ?

Д. Скройте въ мой замокъ.

Г. Вотъ еще! а шумъ? а соблазнъ? можетъ быть, Вамъ того и надобно. Вы хотите чтобъ весь свѣтъ узналъ о моемъ безчестіи: самолюбіе ваше того требуетъ.

Д. Какъ вы несправедливы! но что же намъ дѣлать?

Г. Вотъ до чего довели вы меня! Ахъ, Дорвиль! я говорила вамъ, Вы не хотѣли мнѣ вѣрить, вы поставили на своемъ; посмотрите, что изъ этого вышло... нечего ко мнѣ ласкаться, подите прочь. Дорвиль, Дорвиль! перестаньте. Вы съ ума сошли. Ахъ!... постойте; какая прекрасная мысль!

Д. Что такое?

Г. Я умру со стыда, но нѣтъ иного способа:

Д. Что-жъ такое?

Г. Послѣ узнаете.

НАБРОСКИ И ОТРЫВКИ.

668. ЛЮБЕЗНѢЙШІЙ НАШЪ ДРУГЪ, О ТЫ ВАСИЛІЙ
ЛВОВИЧЪ.

[Коллективное стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго, Жуковскаго и др.
Пушкину принадлежитъ 3-й стихъ, набранный курсивомъ].

ЛюбезнѢйшій нашъ другъ, о ты Василій Львовичъ!
Буяновъ въ старицу, а нынѣшній Храбровъ,
Межъ проповѣдниковъ Парнасса-Прокоповичъ!
Плѣнительный толмачъ и Грацій и скотовъ,
Что дѣлаешь въ Москвѣ, первопрестольномъ градѣ?
А мы печемся, здѣсь, о сочномъ виноградѣ,
И сокомъ лозъ его пьемъ здравіе твое.

669. СТОЮ ПЕЧАЛЕНЪ, НА КЛАДБИЩЕ.

(Послѣднее мірское пепелище)
(По) (Таинственный привѣтливый ночлеги) (предѣлъ)—
Поклонъ тебѣ (печальное кладбище)

Гдѣ... (привѣтливый)
(Неогражденное кладбище)
(Ночлеги усопшихъ поселянъ)
(Святое смерти пепелище)
(Поклонъ тебѣ... безмолвное кладбище)
(Печально ты—обнажено)

Стою печаленъ, на кладбище
Гляжу кругомъ—обнажено
Святое смерти пепелище
И степью лишь окружено

(На право... дал. луг... дорога)
(Ни деревца) ни уединенъ въ лѣво)
(Лежитъ широкая дорога)
(Лежитъ) (идетъ) (по рубежу могилъ)
(Ни деревца ни ручейка...)
(Ни хоть березы, гдѣ бы дѣва)
(Могла)

И мимо (вдоль) вѣчнаго (тайнаго, послѣдняго) ночлега
(Идетъ) дорога сельская лежитъ
(Промч...) по ней рабочая телега
(Могилы пылить) изрѣдка стучить.

(Однообразныя) могилы
(Однообразно) (Полуистлѣвш.) И деревянные кресты.
Нѣмые камни
Однообразны и унылы
Все (вездѣ)

(Ручей не льется) Равнина справа
(Ручей) (ни льется) съ лѣва
Нельзя было говорить

(Ни ручья, ни древа)
(Хотя) (Ни ручейка) ни рѣчки ни холма ни древа
Вдали, кой гдѣ (Вдали, чуть... кусты.

670. ПАДО МНОЙ ВЪ ЛАЗУРИ ЯСНОЙ.

Надо мной (сводъ неба) въ лазури ясной
(Прямо) свѣтитъ звѣздочка одна—
Съ права западъ темнокрасный
Съ лѣва блѣдная луна.

671. ОПЯТЬ УВѢНЧАННЫ.

(побѣды)

(Опять увѣнчаны побѣдой)

(наши знамена)
мы славой

(И врагъ бѣжитъ и молитъ)

Опять увѣнчаны... (побѣдой)

кичливый сраженъ

рѣшенъ Опять (предъ нами) врагъ (бѣжитъ)

(Подъ Цареградъ) споръ кровавый

въ Арзрумѣ (Рѣшенъ)

(конченъ) споръ Рѣшенъ (и т...)

(мѣръ провозглашенъ)

(Рѣшенью)

Въ (Бал...)... Эдырне мѣръ провозглашенъ

(И далѣ бранной славой) двинулась

И вновь в... Россія

(покорный)

державно И Югъ (пустынный) облегла

(Въ свои объятія тугія

(Эвксина море) полновл

подняла

(Э)... И пол—Евксина (приняла).

672. ЖЕНИСЬ—НА КОМЪ—НА ВѢРѢ ЧАЦКОЙ.

Женись—на комъ—на Вѣрѣ Чацкой—

(Бѣдна) Стара—на (Солиной)—проста—

На (Ржевской) Хальской—(что за) смѣхъ у ней дурачкѣй—

На Шаповой—(глу) (стара) бѣдна, толста

На Минской—слишкомъ томно дышетъ—

На Торбиной—(посланья) (романсы) романсы пишетъ—

На (Чи) (Ухарской) Машѣ Ланской—(да) что за тонь!—

(Ужимокъ) Гримасъ (шалунья)... миллионъ—

(Насъ будетъ) ужимк (мальчикъ)—

(Знатокъ ужимокъ затѣй, гримасъ)

На (Сицкой)—что за семейство

(Въ театрѣ пьютъ)

У нихъ орѣхи подаютъ

(Да кислы ши) они въ театрѣ пьютъ—

Мать отецъ дуракъ—

Ну такъ Ленской—какъ не такъ!

(При) (Родня) Приму въ родство себѣ [лак?]ейство...

673. ДВА ЧУВСТВА ДИВНО БЛИЗКИ НАМЪ.

Два чувства дивно близки намъ—

Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу—

Любовь къ родному пепелищу,

Любовь къ отеческимъ гробамъ.

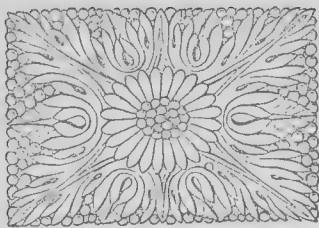
(На нихъ основано отѣвка)

(По Волѣ Бога самаго)

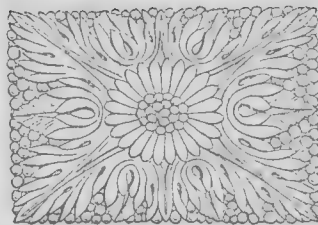
(Самостоянье человѣка)

(Залогъ величія его).

.....

1831

674. КРАСАВИЦА. (Въ альбомъ Г*** [Н. Н. Гончаровой].)

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое-бъ въ сердцѣ ни пыталъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но, встрѣтясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

675. СМЕРДИНЪ МЕНЯ ВЪ БѢДУ ПОВЕРГЪ.

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ
У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ,
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождичка четвергъ.

676. ЭХО. (Изъ Томаса Мура).

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубить ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ—

На всякой звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родитъ ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И плешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ пѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поргъ!

ГРОБНИЦА КУТУЗОВА ВЪ КАЗАНСКОМЪ СОБОРѢ.

Съ фотогр. снимка (1908) Е. Е. Мегорскаго.

677. ПЕРЕДЪ ГРОБНИЦЕЮ СВЯТОЙ.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...

Все спитъ кругомъ; однѣ лампы
Во мракѣ храма золотятъ

Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спятъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоёмъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ Русскій гласъ намъ издастъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:

«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ...
Внемли жъ и днесъ нашъ вѣрный гласъ:
Встань, спасай Царя и насъ,
О, старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой—
Явись: вдохни восторгъ и рвеніе
Полкамъ, оставленнымъ тобой!
Явись и дланію своею
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наследникъ, твой избранный!
Но храмъ въ моленье погружень...
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ...

678. КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, пародные витіи?
Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный
судбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Неразъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ
морѣ?
Оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ...
За что жъ? отвѣствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглою воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготящій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди печуждыхъ имъ гробовъ.

ПЕРВОЕ СВАТОВСТВО ПУШКИНА.

Многіе изъ современниковъ Пушкина, жадно и съ тайнымъ восхищеніемъ читая въ спискахъ его, преимущественно юношескія, произведенія, писанныя «въ часы забавъ или пражной скуки», въ которыхъ, по его собственнымъ словамъ, «пѣлись порочныя забавы и славились сѣти сладострастья», создали ему репутацію поэта, съ особенною любовью относящагося къ эротическимъ мотивамъ. Но въ этомъ представленіи о Пушкинѣ и въ вытекающихъ изъ него непродуманныхъ или лицемѣрныхъ упрекахъ нѣтъ правды. Необходимо глубже всмотрѣться въ эту сторону личности Пушкина и судить челоѣка и писателя не по случайнымъ проявленіямъ, а по кореннымъ свойствамъ его природы. Безпорядочное домашнее воспитаніе въ довольно безалаберной семьѣ дало отроку раннюю возможность отравляться дурманомъ фривольныхъ произведеній французской литературы XVIII вѣка. Отголоскомъ этого было появленіе трехъ-четырехъ подражательныхъ произведеній. Почти все остальное въ этомъ легкомысленномъ родѣ живо и безъ надлежащей критики писалось въ наливъ поэзіи Пушкина. Да и эти немногія произведенія мutilи его совѣсть, заставляли краснѣть за себя, негодуя «на крѣпшій свой языкъ—и празднословный и лукавый», и сжигать попадавшіеся ему ихъ рукописные списки.

Было бы наивно защищать память Пушкина противъ проповѣдниковъ прописной морали и «духомъ хладныхъ скопцовъ», гордившихся своей добродѣтелью трусости и безстрастія и обвинявшихъ его въ томъ, что онъ находилъ поэзію въ дружеской трапезѣ или поддавался обаянію женской красоты. Идеаломъ этой трапезы была для него не попойка, не самодовлѣющій кутежъ для кутежа, а живая, дружеская беседа въ настроеніи, согрѣтомъ и приподнятомъ виномъ, когда, «поднявши стаканы, содвинувъ ихъ разомъ» можно было воскликнуть «да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ—да здравствуетъ солнце, да скроется тьма». И на женщину и ея положеніе въ обществѣ онъ смотрѣлъ вдумчиво, несмотря на вольность своей ша-

ловливой музы. Женщина—игрушка страстей, ограниченная въ гражданскихъ правахъ, поставленная въ положеніе взрослого ребенка, не другъ и товарищъ, не «сослужебница» въ жизни мужа—явленіе, пагубно отражающееся на всемъ общественномъ организмѣ. Пушкинъ ясно сознавалъ это и не однажды, въ разной формѣ, преслѣдовалъ пустоту женской жизни въ свѣтскомъ обществѣ, указывая въ своихъ замѣткахъ, письмахъ и «Рославлевѣ» на полное духовное равенство женщины съ мужчиною, требующее серьезнаго къ ней отношенія и обязывающее и ее къ строгому сознанію своего призванія въ жизни и своей роли въ общественныхъ задачахъ. Отдѣляя въ своемъ свѣтломъ умѣ принципиальное отъ случайнаго и побочнаго, Пушкинъ, несмотря на грустные воспоминанія о сдѣлахъ семейнаго разлада и гнета, свидѣлемъ которыхъ ему приходилось бывать въ свои ранніе годы, былъ проникнутъ глубокой симпатіей къ семейной жизни и уваженіемъ къ институту брака. «Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ челоѣка болѣе правдивымъ»,—писалъ онъ. Онъ не отрицалъ силы и роковаго вліянія «алчнаго грѣха», не разъ бѣжавшаго по его пятамъ, но «Сіонскія высоты» всегда сіяли передъ нимъ, призывая къ себѣ его духовный взоръ. Русланъ и Ратмиръ его юности, Татьяна его зрѣлыхъ лѣтъ показываютъ, что увлеченія его пылкой натуры никогда не затемняли въ немъ семейнаго идеала. «Храните вѣрныя сердца для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ»,—говоритъ онъ 24-хъ лѣтъ отъ роду въ подражаніяхъ Корану, и жадное желаніе семейнаго счастья звучитъ во всей его перепискѣ со второй половины 20-хъ годовъ. Созданный имъ въ 1833 г. образъ капитанши Мироновой и ея трогательныя слова предъ приступомъ Пугачева, обрисовываютъ возвышенный взглядъ Пушкина на „consortium omnis vitae“.

Если его сознательный и обдуманный выборъ былъ неудаченъ въ томъ смыслѣ, что еще крѣпче привязывалъ его къ свѣтскому обществу и «впрягалъ въ одну телегу коня и трепетную лань», и если поэтому онъ не нашелъ отзывчивой гармоніи и полнаго

счастія у своего домашняго очага, то можно лишь горько жалѣть объ этомъ. Несправедливо, однако, пылать дешевымъ негодованіемъ противъ той, которую онъ самъ называлъ «чистѣйшей прелести чистѣйшимъ образомъ» и право которой на свою нѣжную, довѣрчивую любовь торжественно засвидѣтельствовалъ предъ лицомъ смерти, или, наоборотъ, искусственно возвышать ее, стараясь унижить Пушкина рядомъ повѣствованій, легкомысліе которыхъ равносильно ихъ недостоверности.

Письмо его (писано по французски) къ Зубкову, найденное мною въ 1904 году въ бумагахъ Б. Н. Чичерина, служитъ доказательствомъ горячаго и притомъ довольно ранняго желанія Пушкина свить себѣ гнѣздо. Едва почувствовавъ, въ 1826 году, относительную и весьма условную свободу, окруженный въ Москвѣ общимъ вниманіемъ и ухаживаніемъ, онъ не размыслился на мелкую монуету самоудовлетворенія мимолетными и ни къ чему не обязывающими успѣхами. Его, употребляя одно оригинальное выраженіе извѣстнаго критика и судебного дѣятеля Спасовича, такъ и стало «клонить къ браку».

«Дорогой, Зубковъ—писалъ онъ,—вы не получили письма отъ меня, и вотъ этому объясненіе: я самъ хотѣлъ 1 декабря, т.-е. сегодня, прилетѣть къ вамъ какъ бомба, такъ что выѣхалъ тому пять-шесть дней изъ моей проклятой деревни на перекладной, въ виду отвратительныхъ дорогъ. Псковскіе ямщики не нашли ничего лучшаго, какъ опрокинуть меня. У меня память бокъ, болитъ грудь, и я не могу двигать рукою. Взбѣшенный, я играю и проигрываю. Но довольно: какъ только мнѣ немного станетъ лучше, буду продолжать мой путь почтой.

Ваши два письма прелестны. Мой прїѣздъ былъ бы лучшимъ отвѣтомъ на размышленія, возраженія и т. д. Но такъ какъ я, вмѣсто того, чтобы быть у ногъ Софи, нахожусь на постояломъ дворѣ во Псковѣ, то поболтаемъ, т.-е. станемъ разсуждать.

Мнѣ 27 лѣтъ, дорогой другъ. Пора жить, т.-е. познать счастье. Вы мнѣ говорите, что оно не можетъ быть вѣчнымъ: прекрасная повесть! Не мое личное счастье меня тревожитъ,—могу ли я не быть самымъ счастливымъ человѣкомъ съ нею,—я трепещу, лишь думая о судьбѣ, быть-можетъ, ее ожидающей,—я трепещу передъ невозможностью сдѣлать ее столь счастливою, какъ это мнѣ желательно. Моя жизнь такая доселѣ кочующая, такая бурная, мой

правъ — неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабый—вотъ что внушаетъ мнѣ тягостное раздумье.

Слѣдуетъ ли мнѣ связать судьбу столь нѣжнаго, столь прекраснаго существа съ судьбою до такой степени печальною, съ характеромъ до такой степени несчастнымъ?—Боже мой, до чего она хороша! и какъ смѣшно было мое поведеніе по отношенію къ ней. Дорогой другъ, постарайтесь изгладить дурное впечатлѣніе, которое оно могло на нее произвести. Скажите ей, что я разумнѣе, чѣмъ имѣю видъ, и доказательство тому—что тебѣ въ голову придетъ. Мерзкій этотъ Панинъ: два года влюбленъ, а свататься собирается на Фоминой недѣлѣ,—а я вижу ее разъ въ ложѣ,—въ другой на балѣ, а въ третій сватаюсь! Если она полагаетъ, что Панинъ правъ, она должна думать, что сошелъ съ ума, не правда ли? Объясните же ей, что правъ я; что, увидѣвъ ее, нельзя колебаться;—что, не претендуя увлечь ее собою, я прекрасно сдѣлалъ, прямо придя къ развязкѣ;—что, полюбивъ ее, нѣтъ возможности полюбить ее сильнѣе (моего), какъ невозможно впоследствии пайти ее еще прекраснѣе, ибо прекраснѣе быть невозможно... Ангелъ мой, уговори ее, упроси ее, настрашай ее Панинымъ сквернымъ и—жени меня! А. П.

Въ Москвѣ я Вамъ кое-что расскажу. Я дорожу моей бирюзой, какъ она ни гнусна. Поздравляю графа Самойлова».

Прелесть содержанія и языка этого письма бросается въ глаза. Въ немъ ярко отразились благородныя стороны пылкой натуры поэта и блескъ его искрометнаго ума. Но оно имѣетъ еще и особое значеніе для оптики личности того, кого въ роковомъ извѣщеніи о его кончинѣ, Краевскій рѣшился назвать «солидомъ русской поэзіи»—за что и получилъ выговоръ. Мы находимъ въ немъ характеристику Пушкинымъ самого себя, сдѣланную въ выпуклыхъ, несмотря на свою сжатость, чертахъ. Отзывъ о самомъ себѣ, разсыпанные въ его перепискѣ, нѣкоторыя мѣста изъ «Воспоминанія», «Коварности» и другихъ стихотвореній связаны или съ вышшими событіями его жизни, или отрывочны и неопредѣленны;—«Mon portrait» и «Моя эпитафія», написанные въ отроческіе годы поэта, содержатъ въ себѣ лишь указанія на его молодую рѣзвость и беззаботность и не раскрываютъ намъ свойствъ его души. Въ письмѣ же Зубкову—на порогѣ между мо-

лодостью и зрѣлымъ возрастомъ, уже извѣдавъ жизнь и познавъ себя,—Пушкинъ даетъ совершенно опредѣленный отзывъ о своемъ характерѣ, указывая на противорѣчивыя черты въ немъ и опредѣляя его какъ несчастный.

Но, кромѣ того, это письмо служитъ прекраснымъ отвѣтомъ на тотъ «друзей предательскій привѣтъ», который, вмѣстѣ съ «неотразимыми обидами» «хладнаго свѣта», не разъ вливалъ отраву въ многострадальную жизнь Пушкина. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто, по праву, принадлежитъ запискамъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. Ссылаясь на свою дружбу (?) съ Пушкинымъ, на совмѣстную жизнь въ теченіе пяти лѣтъ и снисходя до признанія въ немъ поэтическаго дарованія, баронъ Корфъ содрогается всѣми фибрами своей «умѣренности и аккуратности» предъ нравственнымъ образомъ Пушкина. «Бѣшенный, съ необузданными африканскими страстями», Пушкинъ не имѣлъ, по его словамъ, ничего любезнаго и привлекательнаго въ своемъ обращеніи; въ лицѣ онъ предавался распутствамъ всякаго рода, проводя дни и ночи въ непрерывной дѣлѣ вакханалій и оргій. Хорошо, однако, долженъ былъ быть Лицей, «святую годовщину» котораго вспоминалъ съ умиленіемъ Пушкинъ,—Лицей, имѣвшій во главѣ такого замѣчательнаго человека и педагога, какъ Энгельгардтъ, и выпустившій, на разнородное служеніе Россіи одновременно съ Пушкинымъ, князя Горчакова, а впослѣдствіи Салтыкова, Рейтерна, Головкина, братьевъ Гротъ и др.—хорошъ онъ былъ, если въ немъ возможно было учредить непрерывную дѣлѣ оргій и вакханалій! Баронъ Корфъ ставитъ Пушкину въ вину не только то, что у автора ряда проникнутыхъ глубокою и сознательною вѣрой произведеній—не было внутренней религіи, но даже и то, что онъ не имѣлъ и какой-то спеціальной и, вѣроятно, подчасъ не безвыгодной вѣншей религіи. На счетъ Пушкину дружескою рукою ставится и то, что его сестра въ «зрѣломъ возрастѣ ушла и тайно обвѣнчалась», причемъ строки, содержащія это извѣстіе, принадлежатъ не дворянину миргородскаго повѣта Ивану Никифоровичу Довгочуну въ его прошеніи, а выдающемуся по своему служебному положенію сановнику, который до апогея въ своей «горькой правдѣ» о Пушкинѣ, заявляя, что послѣдній «не имѣлъ даже порядочнаго фрака!»

Указаніе Пушкина, въ письмѣ въ Зубкову, на свои сомнѣнія о возможности дать счастье любимому существу, еще разъ подтверждаетъ, что въ душѣ его не было мѣста не только для грубаго себялюбія, приносящаго, по мѣрѣ силъ, въ жертву своимъ вождѣніямъ все, что возможно, не брезгая никакимъ результатомъ, но и для болѣе утонченнаго эгоизма, создающаго привычку всегда и при всякихъ впечатлѣніяхъ прежде всего думать исключительно о самомъ себѣ. Онъ характеризовалъ эгоизмъ, какъ явленіе часто отвратительное, но отнюдь не смѣшное, ибо онъ «отмѣнно благоразуменъ». Это послѣднее свойство требуетъ извѣстной сдержанности и самообладанія. Когда ихъ нѣтъ—эгоизмъ утрачиваетъ свою неуязвимость для смѣха. «Есть люди», говоритъ Пушкинъ, «которые любятъ себя съ такою нѣжностью, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону зитузізма и чувствительности». Проповѣдь благороднаго альтруизма и нравственной обязательности въ отношеніяхъ съ окружающими думать «о другихъ»; объ ихъ страданіяхъ, внятно и опредѣленно слышится въ произведеніяхъ Пушкина, возмущеннаго высокомернымъ взглядомъ на людей, которыхъ «мы почитаемъ лишь нулями, а единицами себя». Въ противоположеніи чужого счастья собственному эгоизму состоитъ и смыслъ заключительныхъ строкъ знаменитой его поэмы, гдѣ долгъ олицетворенъ глубокою внутреннею жертвою Татьяны, называемой Пушкинымъ своимъ «вѣрнымъ идеаломъ», а представителемъ эгоизма является Онѣгинъ «съ его безправственной душой, себялюбивою, сухой,—съ его озлобленнымъ умомъ, кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ».

Василій Петровичъ Зубковъ, которому адресовано письмо Пушкина, родившійся 14 мая 1800 года, воспитывался дома и обучался затѣмъ въ основанной и руководимой генераломъ Н. Н. Муравьевымъ «школѣ для колонно-вожатыхъ». Тяжелое нездоровье заставило его оставить службу въ колонно-вожатыхъ и перейти въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, откуда въ 1823 г. онъ поступилъ на службу по судебному вѣдомству совѣтникомъ московской палаты гражданскаго суда. Въ 1825 году на него пало подозрѣніе въ участіи въ од-

номъ изъ тайныхъ обществъ, подготовившихъ заговоръ, выразившійся въ событіяхъ 14 декабря. Записки Зубкова на французскомъ языкѣ, съ рисунками перомъ и карандашемъ, исполнены историческаго и бытового интереса. Приемы допроса декабристовъ, условія ихъ содержанія, личности членовъ слѣдственной комиссіи охарактеризованы въ нихъ очень мѣтко, переплетаясь съ чертами изъ общественной жизни того времени. Зубковъ подробно описываетъ въ нихъ свой арестъ въ Москвѣ, 3 января 1826 года, вызванный, по его догадкамъ, его близостью къ Пушкину и въ особенности къ Кашкину, и настроеніе разныхъ слоевъ московскаго общества, выразившееся, съ одной стороны, въ сочувствіи къ арестованнымъ и недопущеніи мысли, что бы ихъ могли везти въ крѣпость, а съ другой стороны рѣзкими проявленіями малодушія и трусости, доходившими до написанія на портретахъ Орлова и Никиты Муравьева ихъ бывшими подчиненными слова «traître» и выкинутіемъ ихъ изъ гостинной въ подвалъ. Пробывъ въ Петропавловской крѣпости около шести недѣль, Зубковъ, послѣ тяжелыхъ нравственныхъ страданій—у него была семья въ Москвѣ—былъ отпущенъ на свободу, какъ никакъ не оговоренный... Въ 1843 году онъ былъ уже оберъ-прокуроромъ, а въ 1855 году сдѣланъ сенаторомъ, но въ томъ же году, по болѣзни, уволенъ въ отставку и окончательно поселился въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1862 году. Въ молодые годы онъ вращался въ свѣтскомъ обществѣ Москвы и былъ близокъ съ Пушкинымъ, кн. В. О. Одоевскимъ и кн. Вяземскимъ.

Василій Петровичъ Зубковъ былъ женатъ на воспитанницѣ Екатерины Владиміровны Апраксиной, Аппѣ Федоровнѣ Пушкиной, очень дальней родственницѣ поэта. Зубкова была настоящей красавицей: стройная, высокая ростомъ, съ прекраснымъ греческимъ профилемъ и черными «какъ смоль» глазами. Младшая сестра ея, тоже воспитанница Апраксиной, Софія Федоровна, по описанію Елисаветы Петровны Яньковой, была маленькаго роста, «крошка», живая и веселая блондинка, напоминавшая саксонскую фарфоровую куколку. Ей было двадцать лѣтъ отъ роду (родилась 21 Апрѣля 1806 года) когда ее встрѣтилъ въ Москвѣ и былъ увлеченъ ею Пушкинъ.

Въ письмѣ къ князю Вяземскому отъ 9 ноября Пушкинъ, между прочимъ, говоритъ: «долго здѣсь не останусь. Въ Пе-

тербургъ не поѣду; буду у васъ къ 1-му (декабря)... она велѣла. Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться». Ему же пишетъ онъ изъ Пскова отъ 1 декабря: «Ѣду къ вамъ и не доѣду. Какой! Меня доѣзжаютъ... во Псковъ, вмѣсто того, чтобы писать седьмую главу Онѣгина, я проигрывалъ въ штось четвертую. Не забавно!...» Въ концѣ ноября изъ Пскова онъ посылаетъ Соболевскому, повидимому, приведенное выше письмо на имя Зубкова, говоря: «Перешли письмо Зубкову, безъ задержанія малѣйшаго. Твоя догадка гадка, виды мои гладки. Надняхъ буду у васъ, покаместъ сижу или лежу въ Псковѣ». Слова: «она велѣла» относятся безъ сомнѣнія, къ Софіи Федоровнѣ Пушкиной, и можно не безъ основанія предположить, что именно о ней говоритъ поэтъ въ стихотвореніи, написанномъ 1 ноября 1826 года въ Москвѣ и относимомъ Аппенковымъ то къ Кюхельбекеру, то къ Плещееву.

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей думою питать
И неизбѣжную разлуку
Въ уныньи робкомъ ожидать?
И такъ ужъ близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней.
Тогда изгнаниемъ и могилей,
Несчастный, будешь ты готовъ
Купить хоть слово дѣвы милой,
Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

Пушкинъ останавливался, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву въ 1826 году у Зубкова. У него же написалъ онъ свои «Стансы», вызвавшіе [несправедливыя нареканія «друзей» и отвѣтъ имъ въ 1828 г.: «Нѣтъ, я не льстецъ»... который онъ заключаетъ полными глубокаго смысла словами:

Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ,
Льстецъ на Царя бѣду накличетъ...
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

Не надо забывать, что предъ встрѣчей съ Софьей Федоровной Пушкинъ болѣе года привелъ въ принудительномъ уединеніи своего родового сельца Михайловскаго, подъ тройнымъ надзоромъ предводителя дворянства Пешурова, настоятеля Успенскаго Святогорскаго монастыря и

СОФЬЯ ФЕДОРОВНА ПАНИНА,
урожденная ПУШКИНА.

Съ акварели, принадлежащей Пушкинскому дому.

своего отца. Здѣсь «въ забытой глуши, во мракѣ заточенья, въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада» потекли для него тусклые и тяжелые дни, особенно омрачаемые ссорами съ отцомъ, взбалмошнымъ и слезливымъ эгоистомъ. «Поэта домъ опальный» подчасъ до того становился для него невыносимымъ, что онъ писалъ Жуковскому: «спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ» и думалъ о самоубійствѣ, находя, что «глупо часъ отъ часу вязнуть въ тинѣ жизни».

Но съ начала 1825 года въ этомъ печальномъ существованіи стали являться просвѣты, приносившіе съ собою успокоеніе и жизнерадостную бодрость. Въ февралѣ Пушкина посѣтилъ И. И. Пущинъ, «мой первый другъ, мой другъ бездѣльный», которому черезъ 33 года послѣ этого слезы мѣшали писать объ ихъ радостномъ свиданіи; затѣмъ отозвалась графиня Е. К. Воронцова, талисманомъ которой такъ дорожилъ воспѣвшій ее Пушкинъ,—произошла вторичная встрѣча съ Кернъ, сказала гостепріимная доброта Тригорскаго и вступила въ свои трогательныя права заботливости старой няни Арины Родионовны, недаромъ внушившей Пушкину слова: «Голубка дряхлая моя, подруга дней моихъ суровыхъ». Все это повліяло на душевное настроеніе Пушкина. Его душѣ «настало пробужденіе»; она стала жить и получила даръ слезъ и любви. Именно въ это время онъ, по собственнымъ словамъ, почувствовалъ, что «духъ его вполне развился, и онъ можетъ творить». Изъ подъ пера его вылились—рядъ главъ «Евгенія Онѣгина», «Борисъ Годуновъ», «Графъ Пустинъ», сцены изъ «Фауста», «Цыганы» и рядъ удивительныхъ лирическихъ произведеній, между которыми достаточно назвать «19 октября», «Я помню чудное мгновеніе», «Подражаніе Корану», «Пророкъ» и «Андрей Шенье».

Поэтому, когда, 8 сентября 1826 г., доставленный въ Москву по Высочайшему повелѣнію, Пушкинъ предсталъ предъ Императоромъ Николаемъ I, онъ уже сознавалъ, что отъ земной власти могли зависѣть многія существенныя условія его личной жизни и даже объемъ содержанія темъ для его творчества, но не его «предназначеніе». Онъ чувствовалъ, что его призваніе быть «пророкомъ» своей родины, «глаголомъ жечь сердца людей» и «ударять по нимъ съ невѣданною силой». Его ждало загадочное и тревожившее его разрѣшеніе

его судьбы, но онъ не забывалъ, что ему, «избранному небомъ пѣвцу», нельзя молчать «потупя очи долу». Вѣрный своей ненависти ко лжи, до забвенія собственной опасности, «мужаясь, презирая обманъ и стезею правды бодро слѣдую», на роковой вопросъ: принялъ ли бы онъ участіе въ мятежѣ 14 декабря 1825 г.?—онъ отвѣчалъ утвердительно, ссылаясь на свою дружбу съ заговорщиками.

Государь, по словамъ поэта, «почтилъ его вдохновеніе и освободилъ его мысль». Пушкинъ получилъ свободу жить въ Москвѣ и сразу окупился въ шумную, по случаю коронаціонныхъ торжествъ, жизнь московскаго общества: «Москва приняла Пушкина, остановившагося у пріятели своего Соболевскаго, съ восторгомъ,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Шевыревъ,—его вездѣ носили на рукахъ; во всѣхъ обществахъ, на всѣхъ балахъ первое вниманіе устремлялось на него; въ мажоркѣ и котильонѣ дамы выбирали поэта безпрерывно». Все это, однако, не могло увлечь Пушкина и наполнить его жизнь. Онъ жаждалъ дѣлиться послѣдними плодами своего творчества и провѣрять его въ кружкахъ истинныхъ дѣятелей и судей. Онъ трижды читалъ у князя Вяземскаго и Веневитинова «Бориса Годунова», относительно котораго ему былъ впоследствии преподанъ, подъ вліяніемъ записки Бенкендорфа, внушительный совѣтъ «передѣлать свою комедію, по нужномъ очищеніи, въ историческую повѣсть или романъ, на подобіе Вальтеръ-Скотта». Слушатели чтеній—Веневитиновъ, Боратынскій, Мицкевичъ, Хомяковъ, братья Кирѣевскіе, Шевыревъ, князь Вяземскій—не раздѣлили однако такого взгляда, находя, повидимому, что подражать Вальтеръ-Скотту въ томъ, что достойно Шекспира, не слѣдуетъ. «О, какое удивительное было утро, оставившее слѣды на всю жизнь!—восклицаетъ Погодинъ, вспоминая черезъ 40 лѣтъ объ одномъ изъ такихъ чтеній,—не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать; да едва ли кто и спалъ въ эту ночь: такъ были мы потрясены!..»

Возбужденное и жизнерадостное настроеніе Пушкина, получившаго, какъ онъ писалъ князю Вяземскому, на ряду съ жизнью въ Москвѣ возможность «поэтическаго наслажденія возвращенія вольнымъ въ покинутую тюрьму», конечно, сыграло большую роль въ его увлеченіи Софіей Федоровной.

Но по отношенію къ ней матримо-

ниальнымъ планамъ поэта не суждено было осуществиться. Неизвѣстно имѣлъ ли Зубковъ съ нею и, конечно, съ родителями ея—объясненіе по поводу горячей просьбы Пушкина «женить его!»—Но если онъ и сдѣлалъ попытку исполнить данное ему поэтомъ порученіе, то, во всякомъ случаѣ, она не сопровождалась удачей, такъ какъ уже въ декабрѣ 1826 года Софія Федоровна была помолвлена съ Валеріаномъ Александровичемъ Панинымъ—со «сквернымъ Панинымъ», который не сталъ «дожидаться Фоминой» чтобы посвататься. Она считалась между «вывозимыми» московскими дѣвицами въ половинѣ двадцатыхъ годовъ одной изъ первыхъ красавицъ. Свѣтскій успѣхъ, при «преживомъ и превеселомъ»—по отзыву современницы (Анковой)—правъ едва ли давалъ ей возможность выдѣлится изъ среды восхищенныхъ ею поклонниковъ Пушкина и, понявъ его душевную глубину, сознательно откликнуться на его чувство. «Малютка Панинъ» какъ его называла въ одномъ современномъ письмѣ Муханова—оказался болѣе подходящимъ къ «крошкѣ Пушкиной», чѣмъ, «выброшенный грозою на берегъ таинственный пѣвецъ».—Въ январѣ 1827 года состоялась ея свадьба съ Панинымъ, который былъ впослѣдствіи смотрителемъ Вдовьяго дома въ Москвѣ и отъ котораго она имѣла трехъ сыновей и дочь. Она умерла 27 января 1862 года. Быть можетъ нѣкоторый отголосокъ чувства отвергнутой любви поэта звучитъ въ написанномъ имъ въ 1827 году стихотвореніи «Соловей», гдѣ говорится:

«Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
«Опомнись о поэтѣ, къ чему стремишься ты?
«Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
«Глядишь—она цвѣтетъ; взываешь — нѣтъ отбѣта.

Послѣдняя приписка къ письму Пушкина къ Зубкову объясняется тѣмъ, что поэтъ былъ суевѣренъ и вѣрилъ въ примѣты и талисманы. Въ качествѣ послѣднихъ у него было нѣсколько перстней. Гаевскій указываетъ на четыре такихъ: одинъ съ сердоликомъ, подаренный Пушкину графиней Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой, принадлежавшій впослѣдствіи И. С. Тургеневу и пожертвованный г-жею Віардо Пушкинскому музею Лицея; другой, подаренный вдовою Пушкина Далу, съ изумрудомъ, находящійся нынѣ у Великаго

Князя Константина Константиновича; третій съ блѣдной, грушевидной бирюзой, подаренный портю Нащокинымъ и спятый секундантомъ Пушкина Данзасомъ уже съ его похолодѣвшей руки, и четвертый съ маленькой бирюзой. Быть можетъ, въ припискѣ къ письму рѣчь идетъ именно объ этомъ послѣднемъ перстнѣ, такъ какъ, по удостовѣренію Анненкова, Нащокинскій перстень съ бирюзой былъ заказанъ уже въ 30-хъ годахъ.

Тяжелымъ и полнымъ горечи путемъ вела судьба великаго поэта. Она могла сказать «избранному небомъ пѣвцу» словами его Мефистофеля:

«Желалъ ты славы—и добился
«Хотѣлъ влюбиться—и влюбился.
Ты съ жизни взялъ возможную дань,
А былъ ли счастливъ?...»

Оставаясь въ области предположеній, можно думать, что сдѣлался Софія Федоровна женою Пушкина, быть-можетъ творчество его было бы поставлено въ нѣкия условія и не было бы прервано такъ рано, такъ жестоко. Къ горечи послѣднихъ лѣтъ его жизни, опутанной матеріальными затрудненіями и скованной условностями и суетными обычаями большого свѣта, примѣшалась еще и клевета, такъ часто его преслѣдовавшая всю жизнь. Она вползла и въ семейную жизнь его и обвилась вокругъ Пушкина нерасторжимымъ кольцомъ. Отравляя его сердце, смущая его умъ, она предала его тяжкимъ мукамъ подавленнаго гнѣва и сознанія своей безпомощности противъ враждебнаго вторженія празднаго злорѣчія въ «святая-святыхъ» его души. Разорвать это кольцо и вернуть необходимое спокойствіе могъ бы одинъ лишь отъѣздъ изъ Петербурга и связанныя съ этимъ новыя впечатлѣнія. Его манили Римъ, Византія и Іерусалимъ, о которыхъ онъ думалъ написать поэму,—онъ порывался даже въ далекій Китай. Но Бенкендорфъ, коварной и лицемерной «дружбѣ» котораго былъ вѣренъ Государемъ Россіи ея великій поэтъ, держалъ его, какъ Прометея, прикованнымъ къ сѣрой и холодной петербургской скалѣ и предоставлялъ коршунамъ терзать сердце, о которомъ самъ Пушкинъ уже говорилъ «пора! пора! покоя сердце проситъ»... Нечистыя руки вооружили клеветническое перо, и участь Пушкина была рѣшена...

А. Ө. Кони.

КАЗКА О ЦАРѢ САЛТАНѢ,
О СЫПѢЕѢ, СЛАБОМЪ И МОГУ-
ЧЕМЪ БОАТЫРѢ, КПАЗѢ ЕН-
ДОПѢ СЛАПОБЕРУѢ, И О ПЕ-
КРАСПОЙ ЦАРЕВНѢ ЛЕСЕДН.

Виньетка И. Билибина.

Три дѣвицы подѣ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была царица,
Говорить одна дѣвица,
То сама на весь бы міръ
Приготовила я пиръ.
Кабы я была царица,
Говорить ея сестрица,

То на весь бы міръ одна
Наткала я полотна.
Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я бѣ для батюшки-царя
Родила богатыря.

Только вымолвить успѣла,
Дверь тихонько заскрипѣла,

ЦАРЬ САЛТАНЪ ПОДСЛУШИВАЕТЪ ТРЕХЪ ДѢВИЦЪ.

Рисунокъ И. Билибина.

И въ свѣтлицу входитъ царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.

Здравствуй, красная дѣвица,
Говорить онъ, будь царица
И роди богатыря
Мнѣ къ исходу сентября.
Вы жъ, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
Повѣжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:
Будь одна изъ васъ ткачиха,
А другая повариха.

Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь недолго собирался:
Въ тотъ же вечеръ обвѣнчался.
Царь Салтанъ за пиръ честной
Сѣлъ съ царицей молодой;
А потомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ.
Въ кухнѣ злится повариха,
Плачетъ у станка ткачиха—
И завидуютъ онѣ
Государевой жемѣ.
А царица молодая,
Обѣщанье выполняя,
Съ той же ночи понесла.

Въ тѣ-поры война была.
Царь Салтанъ, съ женой простясь,
На добра-коня садясь,
Ей показывалъ себя
Побережь, его любя.
Между тѣмъ, какъ онъ далѣко
Бьется долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ родинъ;
Сына Богъ имъ далъ въ аршинъ,
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлида надъ орленкомъ;
Шлетъ съ письмомъ она гонца,
Чтобъ обрадовать отца.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотятъ,
Перенять гонца велятъ;
Сами шлютъ гонца другога
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова:
«Родила царица въ ночь
«Не то сына, не то дочь;
«Не мышенка, не лягушку,
А невѣдому звѣрюшку».

Какъ услышалъ царь-отецъ,

Что донесъ ему отецъ,
Въ гнѣвъ началъ онъ чудесить
И гонца хотѣлъ повѣсить;
Но, смягчившись на сей разъ,
Далъ гонцу такой приказъ:
«Ждать царева возвращенья
«Для законнаго рѣшенья».

Идетъ съ грамотой гонецъ,
И прѣхалъ наконецъ.
И ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Обождать его велятъ;
Допьяна гонца поятъ
И въ суму его пустую
Суютъ грамоту другую—
И привезъ гонецъ хмѣльной
Въ тотъ же день приказъ такой:
«Царь велитъ своимъ боярамъ,
Времени не тратя даромъ,
И царицу и приплодъ
Тайно бросить въ бездну водъ.»
Дѣлать нечего: бояре,
Потуживъ о государѣ
И царицѣ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой.

Рисунокъ М. Нестерева.

Объявили царску волю,
Ей и сыну злую долю,
Почитали вслухъ указъ,
И царицу въ тотъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,
Засмолили, покатили
И пустили въ Океанъ—
Такъ велѣлъ-де царь Салтанъ.

Рисунокъ Нестерева.

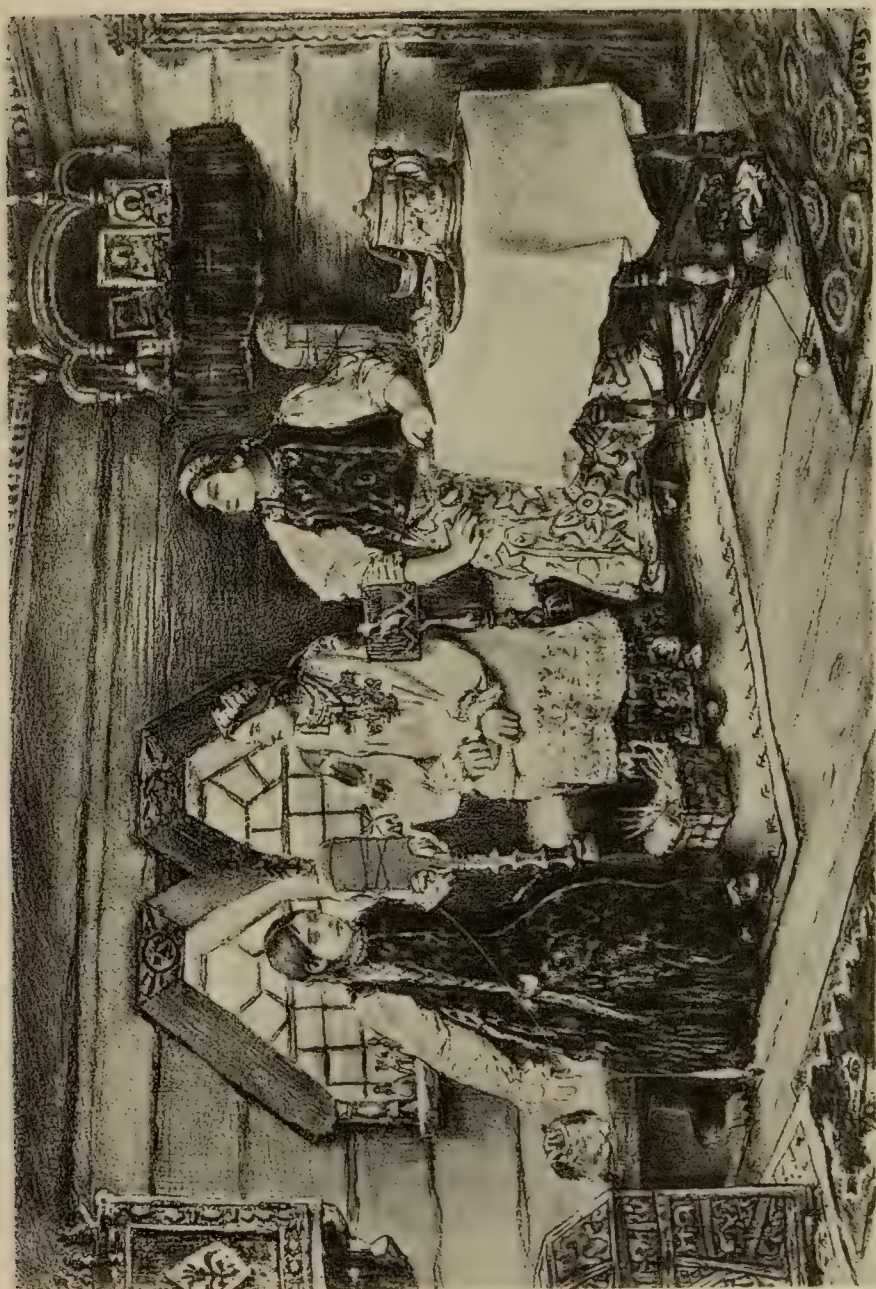
ТРИ ДѢВИЦЫ ПОДЪ ОКНОМЪ.

Рисунокъ Виктора Васнецова.

ТЪМ ДЪВНІТЪ ПОДЪ ОУНОМЪ.

Починае прамомъ прамомъ.

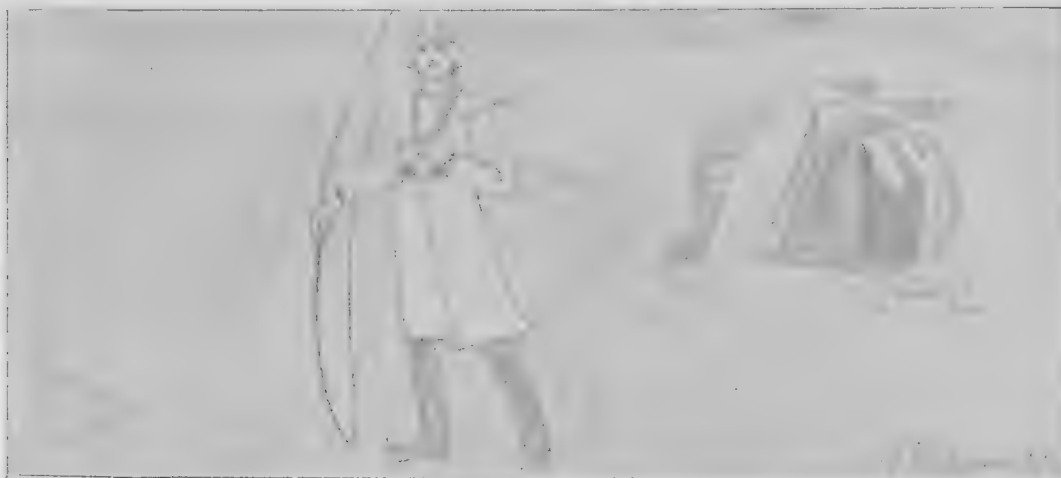
В
Ту
Б
С
П
И
Н
Д
А
«Г
«Г
«Л
«Г
«Г
«Л
«Л
«Л
Н
Т
Б
П
М

В
В
С
Б
К
Т
В
Т
К

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
Въ синемъ морѣ волны хлещутъ;
Туча по небу идетъ,
Бочка по морю плыветъ.
Словно горькая вдовица,
Плачетъ, бьется въ ней царица;
И растетъ ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопить...
А дитя волну торопить:
«Ты, волна моя, волна!
«Ты гульлива и вольна;
«Плещешь ты, куда захочешь,
«Ты морскіе камни точишь,
«Топишь берегъ ты земли,
«Подымаешь корабли—
«Не губи ты нашу душу:
«Выплесни ты насъ на сушу!»
И послушалась волна:
Тутъ же на берегъ она
Бочку выпесла легонько,
И отхлынула тихонько.
Мать съ младенцемъ спасена;

Землю чувствуетъ она.
Но изъ бочки кто ихъ выпетъ?
Богъ не ужъ-то ихъ покинетъ?
Сынъ на пожки поднялся,
Въ дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
Какъ бы здѣсь на дворъ окошко
Намъ продѣлать? молвилъ онъ,
Вышибъ дно и вышелъ вонъ.

Мать и сынъ теперь на волѣ;
Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ;
Море синее кругомъ,
Дубъ зеленый падъ холмомъ,
Сынъ подумалъ: добрый ужинъ
Былъ бы намъ однако нуженъ.
Ломитъ онъ у дуба сукъ
И въ тугой сгибаетъ лукъ,
Со креста спурокъ шелковой
Натянулъ на лукъ дубовой,
Тонку тросточку сломилъ,
Стрѣлкой легкой заострилъ.
И пошелъ на край долины
У моря искать дичины.

ЦАРЕВИЧЬ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ОХОТУ.

Рисунокъ А. Рябушкина.

Къ морю лишь подходитъ онъ,
Вотъ и слышитъ будто стонъ...
Вино на морѣ не тихо;
Смотритъ—видитъ дѣло лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршунъ носится надъ ней;
Та бѣдняжка такъ и плещетъ,
Воду вокругъ мутитъ и хлещетъ...
Тотъ ужъ когти разпустилъ,
Клювъ кровавый наострилъ...

Но какъ разъ стрѣла зафла,
Въ шею коршуна задѣла—
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ;
Смотритъ: коршунъ въ морѣ тонетъ,
И не птичьимъ крикомъ стонетъ,
Лебедь около плыветъ,
Злаго коршуна клюетъ,
Гибель близкую торопитъ,
Бьетъ крыломъ и въ море топить—

И дровичу потомъ
 Молвить Русскимъ языкомъ:
 Ты, дровичъ, мой спаситель,
 Мой могучій избавитель,
 Не тужи, что за меня
 Ёсть не будешь ты три дня,
 Что стрѣла пропала въ морѣ;
 Это горе—все не горе.
 Отплачу тебѣ добромъ,
 Сослужу тебѣ потомъ:
 Ты не лебедь вѣдь избавилъ,
 Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;
 Ты не коршуна убилъ,
 Чародѣя подстрѣлилъ.
 Вѣкъ тебѣ я не забуду:
 Ты найдешь меня повсюду,
 А теперь ты воротись,
 Не горюй и спать ложись.
 Улетѣла лебедь-птица,
 А дровичъ и царица,
 Цѣлый день провели такъ,
 Лечь рѣшились натопака.
 Вотъ открылъ дровичъ очи;
 Отряса грѣзы ночи
 И дивясь, передъ собой
 Видитъ городъ онъ большой,
 Стѣны съ частыми зубцами
 И за бѣлыми стѣнами
 Блещутъ маковки церквей
 И святыхъ монастырей.
 Онъ скорѣй царицу будитъ;
 Та какъ ахнетъ!... То ли будетъ?
 Говоритъ онъ, вижу я:
 Лебедь тѣшитъ моя.
 Мать и сынъ идутъ ко граду.
 Лишь ступили за ограду,
 Оглушительный трезвошъ
 Поднялся со всѣхъ сторонъ:
 Къ нимъ народъ навстрѣчу валитъ,
 Хоръ церковный Бога хвалитъ;
 Въ колымагахъ золотыхъ
 Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
 Всѣ ихъ громко величаютъ
 И дровича вѣнчаютъ
 Княжей шапкой, и главой
 Возглашаютъ надъ собой:
 И среди своей столицы,
 Съ разрѣшенія царицы,
 Въ тотъ же день сталъ княжить онъ
 И нарека: князь Гвидонъ.
 Вѣтеръ на морѣ гуляетъ
 И корабликъ подгоняетъ:
 Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
 На раздутыхъ парусахъ.
 Корабельщики дивятся,
 На корабликъ толпятся,
 На знакомомъ острову

Чудо видятъ палву:
 Городъ новый златоглавой,
 Пристань съ крѣпкою заставой—
 Пушки съ пристани палить,
 Кораблю пристать велить.
 Пристаютъ къ заставѣ гости:
 Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгости,
 Ихъ онъ кормить и поить
 И отвѣтъ держать велить:
 Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
 И куда теперь плывете?
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 Мы объѣхали весь свѣтъ,
 Торговали соболями,
 Чернобурыми лисами;
 А теперь намъ вышелъ срокъ,
 Ёдемъ прямо на востокъ,
 Мимо острова Буяна
 Въ царство славнаго Салтана...
 Князь имъ вымолвилъ тогда:
 Добрый путь вамъ, господа,
 По морю по океану
 Къ славному царю Салтану;
 Отъ меня ему поклонъ.
 Гости въ путь, а князь Гвидонъ
 Съ берега душой печальной
 Провожаетъ бѣгъ ихъ дальшой;
 Глядь—поверхъ текущихъ водъ
 Лебедь бѣлая плывётъ.
 Здравствуй, князь ты мой прекрас-
 ной!

Что ты тихъ, какъ день ненастной?
 Опечалился чему?
 Говоритъ она ему.
 Князь печально отвѣчаетъ:
 Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
 Одолѣла молодца:
 Видѣть я бѣ хотѣлъ отца.
 Лебедь князю: вотъ въ чемъ горе
 Ну, послушай: хочешь въ море
 Полетѣть за кораблемъ?
 Будь же, князь, ты комаромъ.
 И крылами замахала,
 Воду съ шумомъ расплескала,
 И обрызгала его
 Съ головы до ногъ всего.
 Тутъ онъ въ точку уменьшился,
 Комаромъ оборотился,
 Полетѣлъ и запищалъ,
 Судно на морѣ догналъ,
 Потихонько опустился
 На корабль—и въ щель забился.
 Вѣтеръ весело шумитъ,
 Судно весело бѣжитъ
 Мимо острова Буяна
 Къ царству славнаго Салтана,
 И желанная страна

Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости—

И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сія въ златѣ,

Рисунокъ Бартрама.

Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около дара сидятъ
И въ глаза ему глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Онъ вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, или худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Въ морѣ островъ былъ крутой,
Не привольный, не жилой;
Онъ лежалъ пустой равниной;
Росъ на немъ дубокъ единой;
А теперь стоитъ на немъ
Новый городъ со дворцомъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами,
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду:
Молвитъ онъ: коль живъ я буду,
Чудной островъ навѣщу,

У Гвидона погощу.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудной островъ навѣстить.
«Ужъ диковинка, ну, право,
Подмигнувъ другимъ лукаво,
Повариха говоритъ,
Городъ у моря стоитъ!
Знайте, вотъ что не бездѣлка:
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Бѣлка пѣсенки поетъ
И орѣшки все грызетъ
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Вотъ что чудомъ-то зовутъ.
Чуду царь Салтанъ дивится,
А комаръ-то злится, злится—
И впился комаръ какъ разъ
Теткѣ прямо въ правой глазъ.
Повариха поблѣднѣла,
Обмерла и окривѣла.
Слуги, сватья и сестра
Съ крикомъ ловятъ комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!...» А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.
Снова князь у моря ходить,

Съ синя моря глазъ не сводить;
Глядь—поверхъ текущихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что жъ ты тихъ, какъ день непа-
стой?

Опечалился чему?
Говорить она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня свѣдаетъ;
Чудо чудное завестъ
Мнѣ бѣ хотѣлось. Гдѣ-то есть:
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка;
Диво, право, не бездѣлка—
Бѣлка пѣсепки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Но, быть можетъ, люди врутъ.
Князю лебедь отвѣчаетъ:
«Свѣтъ о бѣлкѣ правду баеъ;
«Это чудо знаю я;
«Полно, князь, душа моя,
«Не печалься; рада службу
«Оказать тебѣ я вдружбу.»
Съ ободренною душой
Князь пошелъ себѣ домой;
Лишь ступилъ на дворъ широкой—
Что жъ? подъ елкою высокой,
Видитъ, бѣлочка при всѣхъ
Золотой грызетъ орѣхъ,
Изумрудедъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ,
Кучки равныя кладетъ,
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ, при всемъ народѣ:
Во саду ли, въ огородѣ.
Изумился князь Гвидонъ.
Ну, спасибо, молвилъ онъ,
Ай-да лебедь—дай ей Боже,
Что и мнѣ, веселье то же.
Князь для бѣлочки потомъ
Выстроилъ хрустальный домъ,
Караулъ къ нему приставилъ
И при томъ дѣка заставилъ
Строгий счетъ орѣхамъ вестъ.
Князю прибылъ, бѣлкѣ честь.
Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабль подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палатъ,
Кораблю пристать велатъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:

Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгости,
Ихъ и кормить и поить
И отвѣтъ держать велитъ:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали мы конями,
Все Донскими жеребцами,
А теперь намъ вышелъ срокъ—
И лежить намъ путь далѣтъ:
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана...
Говорить имъ князь тогда:
«Добрый путь вамъ, господа,
По морю по океану,
Къ славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидонъ
Шлетъ царю-де свой поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь—а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Молятъ князь: душа-де просить,
Такъ и тянетъ и уноситъ...
Вотъ опять она его
Вмигъ обрызгала всего:
Въ муху князь оборотился,
Полетѣлъ и опустился
Между моря и небесъ
На корабль—и въ щель залѣзъ.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана—
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна;
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сѣя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ.
А ткачиха съ Бабарихой,
Да съ кривою поварихой,
Около царя сидятъ,
Злыми жабами глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, или худо,
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;

За моремъ житье нехудо;
 Въ свѣтѣ-жъ вотъ какое чудо:
 Островъ на морѣ лежитъ,
 Градъ на островѣ стоитъ
 Съ златоглавыми церквами,
 Съ теремами да садами;
 Ель растетъ передъ дворцомъ,
 А подъ ней хрустальный домъ;
 Бѣлка тамъ живетъ ручная,
 Да затѣйница какая!
 Бѣлка и всенки поетъ,
 Да орѣшки все грызетъ,
 А орѣшки не простые,
 Все скорлупки золотыя,
 Ядра—чистый изумрудъ;
 Слуги бѣлку стерегутъ,
 Служать ей прислугой разной—
 И приставленъ дьякъ приказной
 Строгий счетъ орѣхамъ вести;
 Отдаетъ ей войско честь:

Изъ скорлупокъ льютъ монету,
 Да пускаютъ въ ходъ по свѣту:
 Дѣвки сыплютъ изумрудъ
 Въ кладовыя, да подспудъ:
 Всѣ въ томъ островѣ богаты.
 Изобъ иѣтъ, вездѣ палаты;
 А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ.
 Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
 Царь Салтанъ дивится чуду.
 Если только живъ я буду,
 Чудный островъ навѣщу,
 У Гвидона погощу.
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Не хотять его пустить
 Чудный островъ навѣстить.
 Усмѣхнувшись изподтиха,
 Говоритъ царю ткачиха:
 Что тутъ дивнаго? ну, вотъ!
 Бѣлка камушки грызетъ,

ТРИДЦАТЬ ТРИ БОГАТЫРЯ.

Рисунокъ Аполлинарія Васнецова.

Мечетъ золото, и въ груды
 Загребаютъ изумруды;
 Этимъ насъ не удивишь,
 Правду ль, иѣтъ ли говоришь.
 Въ свѣтѣ есть иное диво:
 Море вздуется бурливо,
 Закипитъ, подыметъ вой,
 Хлынетъ на берегъ пустой,
 Разольется въ шумномъ бѣгѣ
 И очутятся на брегѣ,
 Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
 Тридцать-три богатыря,
 Всѣ красавцы удалые,
 Великаны молодые,
 Всѣ равны, какъ на подборъ—

Съ ними дядька Черноморъ.
 Это диво, такъ ужъ диво,
 Можно молвить справедливо!
 Гости умные молчатъ,
 Спорить съ нею не хотять.
 Диву царь Салтанъ дивится,
 А Гвидонъ-то злится, злится..
 Зажужжалъ онъ и какъ разъ
 Теткѣ сѣлъ на лѣвый глазъ.
 И ткачиха поблѣдѣла:
 Ай! и тутъ же окривѣла:
 Всѣ кричатъ: лови, лови,
 Да дави ее, дави..
 Вотъ ужъ! постои немножко,
 Погоди... А князь въ окошко.

Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море прилетѣлъ!

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь: поверхъ текущихъ водъ
Лебедь бѣлая плывётъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день несчастной?
Опечалился чему?»

Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ—
Диво бѣ дивное хотѣлъ
Перепесть я въ мой удѣлъ.
«А какое жъ это диво?»
—Гдѣ-то вздуется бурливо
Окинутъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ нимя дядька Черноморъ.
Князю лебедь отвѣчаетъ:
Вотъ что, князь, тебя смущаетъ?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морскіе
Мнѣ вѣдь братья всѣ родные.
Не печался же, ступай,
Вгости братцевъ поджидай.»

Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню, и на море
Сталъ гладѣть онъ; море вдругъ
Всколыхалось вокругъ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ,
И оставило на брегѣ
Тридцать-три богатыря;
Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Идутъ витязи четами,
И блистая сбѣдинами
Дядька впереди идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ;
Второпяхъ народъ сбѣжитъ;
Дядька князю говоритъ:
Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала
Славный городъ твой храни
И дозоромъ обходи.
Мы отнынѣ ежедневно
Вмѣстѣ будемъ непремѣнно
У высокихъ стѣнъ твоихъ

Выходить изъ водъ морскихъ.
Такъ увидимся мы вскорѣ,
А теперь пора намъ въ море;
Тяжель воздухъ намъ земли
Всѣ потомъ домой ушли.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ сбѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутого
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгости,
Ихъ и кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
«Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы булатомъ,
Чистымъ серебромъ и златомъ,
И теперь намъ вышелъ срокъ;
А лежитъ намъ путь далѣкъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Говоритъ имъ князь тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по океану
Къ славному царю Салтану.
Да скажите-жъ: князь Гвидонъ
Шлетъ-де свой царю поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь, а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Князь опять: душа-де проситъ...
Такъ и тянетъ и уноситъ...
И опять она его
Вмигъ обрызгала всего.
Тутъ онъ очень уменьшился,
Шмелемъ князь оборотился,
Полетѣлъ и зажужжалъ;
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корму—и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело сбѣжитъ
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости,
И за нимя во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.

Вѣтеръ весело шумить
Судно весело бѣжитъ.

Рисунокъ Н. В. Досъкина.

Видитъ, весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтантъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ—
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтантъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ъздили? куда?
Ладно ль за моремъ нль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо.
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Наждый день идетъ тамъ диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разплеснется въ скоромъ бѣгѣ—
И останутся на брегѣ
Тридцать-три богатыря,
Въ чешуѣ златой горя,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ наподборъ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходятъ

И попарно ихъ выводитъ,
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить—
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтантъ дивится чуду.
Коли живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу.
Повариха и ткачиха
Нигугу—но Бабариха
Усмѣхнувшись говоритъ:
Кто насъ этимъ удивитъ?
Люди изъ моря выходятъ!
И себѣ дозоромъ бродятъ!
Правду ль баютъ или лгутъ,
Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія-ль дива?
Вотъ идетъ молва правдива:
За моремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвести:
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косою блеснитъ.
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выплываетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Молвить можно справедливо,
Это диво, такъ ужъ диво.

Гости умные молчатъ:
 Спорить съ бабой не хотятъ.
 Чуду царь Салтанъ дивится,—
 А царевичъ хоть и злится,
 Но жалѣть онъ очей
 Старой бабушки своей:
 Онъ надъ ней жужжить, кружится—
 Прямо на носъ къ ней садится,
 Носъ ужалилъ богатырь:
 На носу вскочилъ волдырь.
 И опять пошла тревога:
 Помогите, ради Бога!
 Караулъ! лови, лови,
 Да дави его, дави...
 Вотъ ужъ! пожди немножко,
 Погоди!... А шмель въ окошко,
 Да спокойно въ свой удѣлъ
 Черезъ море полетѣлъ.

Князь у снѣга моря ходитъ,
 Съ снѣга моря глазъ не сводитъ;
 Глядь—поверхъ текущихъ водъ
 Лебедь бѣлая плыветъ.
 «Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
 Что жъ ты тихъ, какъ день печальной?
 Опечалился чему?»
 Говоритъ она ему.
 Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
 Грусть-тоска меня стѣбаетъ:
 Люди женятся; гляжу,
 Неженатъ лишь я хожу.
 «А кого же на примѣтъ
 Ты имѣешь?»—Да на свѣтъ,
 Говорятъ царевна есть,
 Что не можно глазъ отвести.
 Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
 Ночью землю освѣщаетъ—
 Мѣсяцъ подъ косою блеститъ,
 А во лбу звѣзда горитъ.
 А сама-то величава,
 Выступаетъ будто пава;
 Сладку рѣчь-то говоритъ,
 Будто рѣченька журчитъ.
 Только, полно, правда ль это?—
 Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
 Лебедь бѣлая молчитъ.
 И подумавъ говоритъ:
 «Да! такая есть дѣвица.
 Но жена не рукавица.
 Съ бѣлой ручки не стряхнешь,
 Да за поясъ не заткнешь.
 Услужу тебѣ совѣтомъ—
 Слушай: обо всемъ объ этомъ
 Пораздумай ты путѣмъ,
 Не раскаться бѣ потомъ.»
 Князь предъ нею сталъ божиться,
 Что пора ему жениться,
 Что объ этомъ обо всемъ

Передумалъ онъ путемъ;
 Что готовъ душою страстной
 За царевною прекрасной
 Онъ пѣшкомъ идти отсель,
 Хоть за тридцать земель.
 Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко,
 Молвила: «зачѣмъ далѣко?»
 Знай, близка судьба твоя,
 Вѣдь царевна эта—я.
 Тутъ она, взмахнувъ крылами,
 Полетѣла надъ волнами
 И на берегъ съ высоты
 Опустилась въ кусты,
 Встрепенулась, отряхнулась
 И царевной обернулась:
 Мѣсяцъ подъ косою блеститъ,
 А во лбу звѣзда горитъ;
 А сама-то величава,
 Выступаетъ будто пава;
 А какъ рѣчь-то говоритъ,
 Словно рѣченька журчитъ.
 Князь царевну обнимаетъ,
 Къ бѣлой груди прижимаетъ
 И ведетъ ее скорѣй
 Къ милой матушкѣ своей.
 Князь ей въ ноги, умоляя:
 Государыня-родная!
 Выбралъ я жену себѣ,
 Дочь послушную тебѣ.
 Просимъ оба разрѣшенья,
 Твоего благословенья:
 Ты дѣтей благослови
 Жить въ совѣтѣ и любви.
 Надъ главою ихъ покорной
 Мать съ иконою чудотворной
 Слезы льетъ и говоритъ:
 «Богъ васъ, дѣти, наградитъ.»
 Князь недолго собирался,
 На царевнѣ обвѣнчался;
 Стали жить да поживать,
 Да приплода дожидать.
 Вѣтеръ по морю гуляетъ
 И корабльскъ подгоняетъ:
 Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ.
 На раздутыхъ парусахъ
 Мимо острова крутого,
 Мимо города большого;
 Пушки съ пристани палить,
 Кораблю пристать велить.
 Пристаютъ къ заставѣ гости.
 Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
 Онъ ихъ кормитъ и поитъ
 И отвѣтъ держать велитъ:
 Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
 И куда теперь плывете?
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 Мы обвѣхали весь свѣтъ:

ЛЕБЕДЬ—ЦАРЕВНА.

Рисунокъ Бартрама.

Торговали мы педаремъ
 Неуказаннымъ товаромъ;
 А лежитъ намъ путь далекомъ
 Востояси на востокъ,
 Мимо острова Буяна,
 Въ царство славнаго Салтана.
 Князь имъ вымолвилъ тогда:
 Добрый путь вамъ, госнода,
 По морю по океану,
 Въ славному царю Салтану;
 Да напомяните ему,
 Государю своему:
 Въ намъ онъ вгости обѣщался,
 А доселѣ не собрался—
 Илю ему я свой поклонъ.
 Гости въ путь, а князь Гвидонъ
 Дома на сей разъ остался.
 И съ женою не разстался.
 Вѣтеръ весело шумитъ,
 Судно весело бѣжитъ
 Мимо острова Буяна
 Въ царству славнаго Салтана,
 И знакомая страна
 Вотъ ужъ издали видна.
 Вотъ на берегъ вышли гости.
 Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости.

Гости видятъ: во дворѣхъ
 Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣхъ,
 А ткачиха съ поварихой
 Съ сватьей бабой Бабарихой.
 Около царя сидятъ,
 Четырьмя всѣ три глядятъ.
 Царь Салтанъ гостей сажаетъ
 За свой столъ и вопрошаетъ:
 Ой вы, гости-госнода,
 Долго ль бѣднѣи? куда?
 Ладно-ль за моремъ, или худо?
 И какое въ свѣтѣ чудо?
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 Мы объѣхали весь свѣтъ:
 За моремъ житье нехудо.
 Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
 Островъ на морѣ лежитъ,
 Градъ на островѣ стоитъ,
 Съ златоглавыми церквами,
 Съ теремами и садами:
 Ель растеть передъ дворцомъ,
 А подъ ней хрустальный домъ;
 Бѣлка въ немъ живетъ ручная
 Да чудесница какая!
 Бѣлка пѣсенки поетъ,
 Да орѣшки все грызетъ:

А орѣшки не простые,
Скорлупы-то золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Бѣлку холятъ, берегутъ.
Тамъ еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разплеснется въ скоромъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ—
Съ ними дядька Черноморъ.
И той стражи нѣтъ надежной,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А у князя женка есть,
Что не можно глазъ отвести:
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ;
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
Князь Гвидонъ тотъ городъ правитъ,
Всякъ его усердно славитъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
Да тебѣ нѣяетъ онъ:
Къ намъ-де въ-гости обѣщался,
А доселѣ не собрался.
Тутъ ужъ царь не утерпѣлъ,
Снарядить онъ флотъ велѣлъ.

А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ царя пустить
Чудный островъ навѣстить.
Но Салтанъ имъ не внимаетъ
И какъ разъ ихъ унимаетъ:
«Что я? царь или дитя?»
Говоритъ онъ не шутя:
«Нынче-жъ ѣду!» Тутъ онъ топнулъ,
Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.

Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,
Молча на море глядитъ:
Не шумитъ оно, не хлещетъ,
Лишь едва, едва трепещетъ,
И въ лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинамъ океана
Ѣдетъ флотъ царя Салтана.
Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
Громогласно возопилъ:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Ѣдетъ батюшка сюда».
Флотъ ужъ къ острову подходитъ
Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
Царь на палубѣ стоитъ,
И въ трубу на нихъ глядитъ;
Съ нимъ ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются онѣ
Незнакомой сторонѣ.

ЦАРЬ САЛТАНЪ СО СВОЕЮ СВИТОЮ.

Рисунокъ С. Соломжи.

Разомъ пушки западали;
Въ колокольныхъ зазвонили;
Къ морю самъ идетъ Гвидонъ;
Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
Съ поварихой и ткачихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;

Въ городъ онъ повелъ царя,
Ничего не говоря.
Всѣ теперь плутъ въ палаты:
У воротъ блистаютъ латы,
И стоятъ въ глазахъ царя
Тридцать-три богатыря,

Всѣ красавицы молодые,
 Великаны удалые,
 Всѣ равны какъ на подборѣ,
 Съ ними дядька Черноморъ.
 Царь вступилъ на дворъ широкой:
 Тамъ подъ елкою высокой
 Бѣлка пѣсенку поетъ,
 Золотой орѣхъ грызетъ,
 Изумрудецъ вынимаетъ
 И въ мѣшочекъ опускаетъ;
 И засѣявъ дворъ большой
 Золотомъ скорлупой.
 Гости далѣ—торопливо
 Смотрятъ—что жъ? княгиня-диво:
 Подъ косою луна блеститъ,
 А во лбу звѣзда горитъ;
 А сама-то величава,
 Выступаетъ, будто пава,
 И свекровь свою ведетъ.
 Царь глядитъ—и узнаетъ...

Въ немъ выиграло ретивое!
 «Что я вижу? что такое?
 Какъ!» и духъ въ немъ занялся...
 Царь слезами залился,
 Обнимаетъ онъ царяцу
 И сына и молодицу,
 И садится всѣ за столъ,
 И веселый пиръ пошелъ.
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой.
 Разбѣжались по угламъ;
 Ихъ нашли насилу тамъ.
 Тутъ во всемъ онѣ признались,
 Повинились, разрыдались;
 Царь для радости такой
 Отпустилъ всѣхъ трехъ домой.
 День прошелъ—царя Салтана
 Уложили спать вполнѣна.
 Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ—
 И усы лишь обмочилъ.

Концовка Н. Вилибина.

680. БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великій день Бородина
 Мы братской тризной поминая,
 Твердили: «шли же племена,
 «Бѣдой Россіи угрожая;
 «Не вся ль Европа тутъ была?
 «А чья звѣзда ее вела!...
 «Но стали жъ мы пятою твердой,
 «И грудью приняли напоръ
 «Племень, послушныхъ волѣ гордой,
 «И равенъ былъ неравный споръ.
 «И что жъ? свой бѣдственный побѣгъ,
 «Кичась, они забыли нынѣ;
 «Забыли Русскій штыкъ и спѣгъ,
 «Погребшій славу ихъ въ пустынь.
 «Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь—
 «Хмѣльна для нихъ Славяновъ кровь:
 «Но тяжело будетъ имъ похмѣлье,
 «Но дологъ будетъ сонъ гостей
 «На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
 «Подъ злакомъ сѣверныхъ полей!

«Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ!
 Но знайте, прошенные гости!
 Ужъ Польша васъ не поведетъ:
 Черезъ ея шагнете кости!...»
 Сбылось—и, въ день Бородинна,
 Вновь наши вторглись знамена
 Въ проломы падшей вновь Варшавы;
 И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
 Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый—
 И бунтъ раздавленный умолкъ.
 Въ бореньѣ падшій невредимъ;
 Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
 Мы не напомнимъ нынѣ имъ
 Того, что старыя скрижали
 Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
 Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
 Они народиной Немезиды
 Не узрятъ гнѣвнаго лица,
 И не улычатъ пѣснь обиды
 Отъ лиры Русскаго пѣвца.

Но вы, мучители палатъ,
Легкоязычные витѣи,
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?... Еще ли Россѣ
Больной, разслабленный колоссъ.
Еще ли сѣверная слава
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?
Куда отвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лямана?
За кѣмъ останется Волинь?
За кѣмъ послѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Лѣтва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ Русскихъ городовъ,
Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню вѣхъ своихъ гробовъ?
Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили ль Русскаго Владыку?
Скажите, кто главою поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу или крику?
Сильна ли Русь? Война, и моръ,

И бунтъ, и вѣшнихъ буръ напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали—
Смотрите жъ: все стоитъ она!
А вокругъ нея волненія пали—
И Польши участь рѣшена...
Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія! встань и возвышайся!
Греми, восторговъ общій гласъ!...
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ Оня лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.
Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣтъ Варшавы:
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, Герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть триумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младаго внука своего.

681. ОТЪ ВАСЪ УЗНАЛЪ Я ПЛѢТЪ ВАРШАВЫ.

[Изъ записки къ А. О. Смирновой, при посылкѣ ей «Бородинской годовщины»].

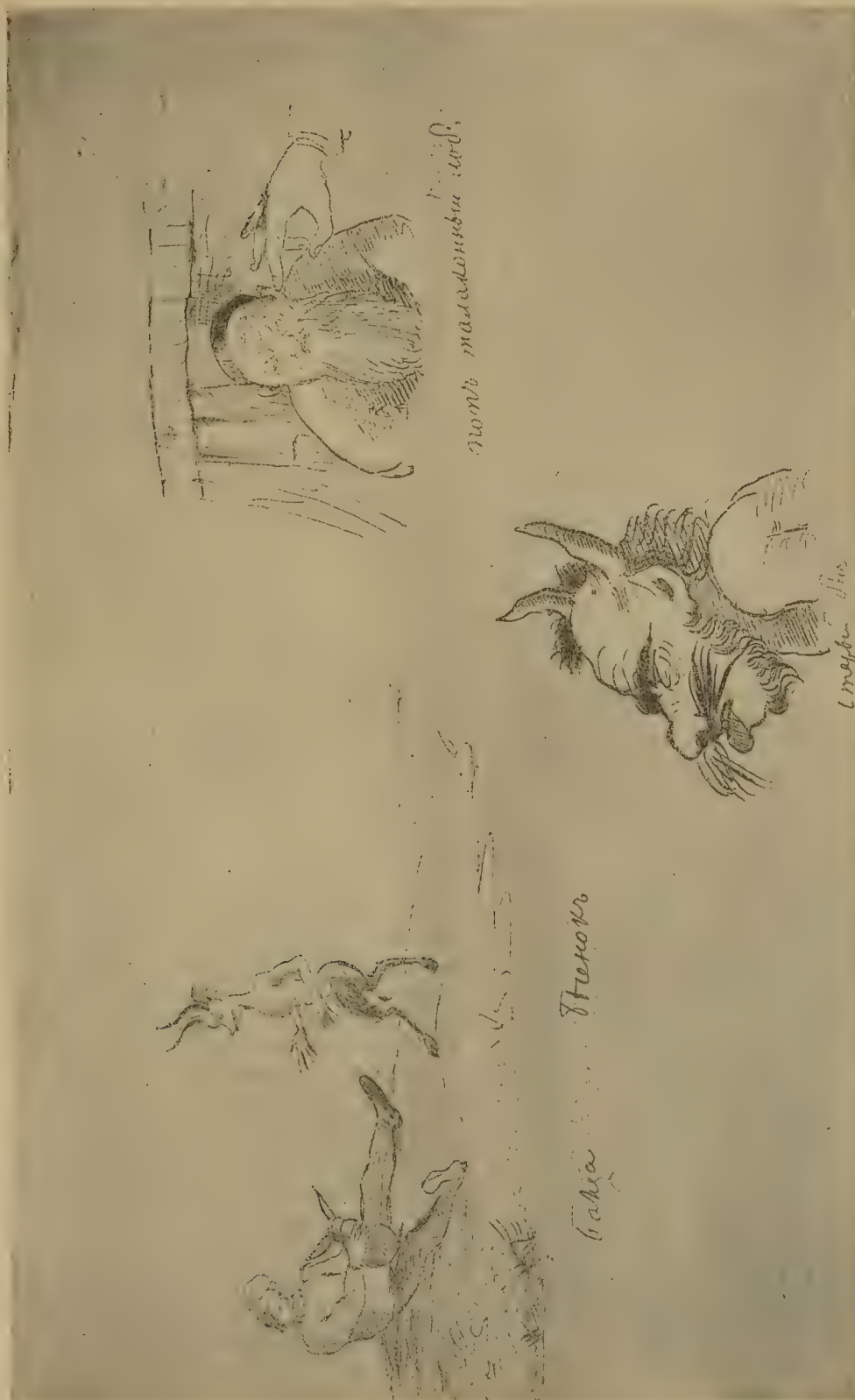
Отъ васъ узналъ я плѣтъ Варшавы,
Вы были вѣстницею славы
И вдохновеньемъ для меня.

682. СКАЗКА О ПОПѢ И О РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

[Не вполне отдѣлано].

Жилъ-былъ попъ
Талаконный лобъ.
Пошелъ попъ по базару
Посмотрѣть кой-какого товару.
На встрѣчу ему Балда
Идетъ, самъ не зная куда.
Говоритъ попу: здравствуй борода!
Что ты, батюка, такъ рано на ноги под-
нялся?
Чего ты выискался?
Попъ ему въ отвѣтъ: «Нуженъ мнѣ работ-
никъ —
Поваръ, конюхъ и плагникъ.
А гдѣ найти мнѣ такого
Служителя бѣ не слишкомъ дорогова?
Балда говоритъ:
(Не бѣда, коли есть лебеда)
Буду служить тебѣ славно,

Усердно и очень исправно.
Въ годъ за три щелка тебѣ полбу;
Бѣтъ-же мнѣ давай вареную полбу.
Призадумался попъ
Сталъ почесовать лобъ.
Щелкъ щелку вѣдь розъ.
Да понадѣлся онъ на Русскій Авось.
Попъ говоритъ Балдѣ: ладно:
Не будетъ намъ обоимъ накладно.
Поживи-ка на моемъ подворье,
Окажи свое усердіе и проворье.»
Живетъ Балда въ поповомъ домѣ
Спитъ себѣ на соломѣ
Бѣтъ за четверныхъ,
Работаетъ за семерыхъ;
До свѣтла все у него планетъ,
Лошадь запряжетъ, полосу вспашетъ,
Печку затопитъ, все заготовитъ, закушитъ,

попѣ малодушныи човѣкъ,

Балда

РИСУНОГЪ ПУШКИНА КЪ СКАЗКѢ О БАЛДѢ.
(Румянцевскій музей, нум. № 2376, В, л. 45 оборотъ).

Яицко испечетъ да самъ и облупитъ.
 Попадья Балдой ненахвалится,
 Поповна о Балдѣ лишь и печалится
 Попенокъ зоветъ его: тятей
 Кашу заварить, пянчится съ дитятей.
 (Даже пестъ ласкается къ нему хвостомъ)
 Только попъ одинъ Балду не любитъ.
 Никогда его не приголубитъ
 О расплатѣ думаетъ частенько.
 Время идетъ и срокъ ужъ близенько
 Попъ ни ѣстъ, ни пьетъ, почти не спитъ
 Лобъ у него заранѣ трещитъ.
 Вотъ онъ попадѣ признается:
 Такъ и такъ; что дѣлать остается?
 Умъ у бабы догадливъ
 На всякія хитрости повадливъ—
 Попадья говоритъ:—знаю средство
 Какъ удалить отъ насъ такое бѣдство:
 Закажи Балдѣ службу чтобъ стало ему не
 въ мочь

А требуй чтобъ онъ ее исполнилъ точъ
 въ точъ:

Тѣмъ ты и лобъ отъ разиравы избавишь,
 И Балду-то безъ расплаты отправишь.
 Стало на сердцѣ попа веселѣе
 Началъ онъ глядѣть на Балду посмѣлѣе.
 Вотъ онъ кричитъ: поди ка сюда,
 Вѣрный мой работникъ Балда,
 Слушай: платить обязались черти
 Миѣ оброкъ по самой моей смерти
 Лучшаго-бъ не надобно дохода
 Да есть на нихъ недомки за три года.
 Какъ паѣшься ты своей полбы
 Собери-ка съ чертей оброкъ миѣ полный.
 Балда съ попомъ понапрасну не споря
 Пошелъ съѣзъ у берега моря
 Тамъ онъ сталъ веревку крутить
 Да конецъ ея въ море мочить.
 Вотъ изъ моря вышелъ старыи Бѣсъ,
 Зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣсъ?
 — Да вотъ веревкой хочу море морщить,
 Да васъ, проклятое племя, корчить.
 Бѣса стараго взяла тутъ унылость.
 Скажи, за что такая немилость?
 — Какъ за что? Вы не платите obroka
 Не помните положеннаго срока;
 Вотъ уже будетъ намъ потѣха,
 Вамъ, собакамъ, великая помѣха.
 Балдушка, погоди ты морщить море
 Оброкъ сполна получишь вкоре.
 Погоди; вышлю къ тебѣ внука.
 Балда мыслить—этого провести не штука!
 Вынырнулъ подосланныи бѣсенокъ
 Замлукалъ онъ какъ голодный котенокъ.
 «Здравствуй, Балда мужичокъ;
 Какой тебѣ надобенъ оброкъ?
 Объ оброкѣ вѣкъ мы не слышали

Не было чертямъ такой печали—
 Ну, такъ и быть—возьми, да съ уговору,
 Съ общаго нашего приговору—
 Чтобы впредь небыло никому горя:
 Кто скорѣе изъ насъ обѣжитъ около моря
 Тотъ и бери себѣ полный оброкъ.
 Между тѣмъ тамъ приготовить мѣшокъ.
 —Засмѣялся Балда лукаво:
 Что это ты выдумалъ, право?
 Гдѣ тебѣ тягаться со мною,
 Со мною, съ самимъ Балдою?
 Экого послали супостата!
 Подожди-ка моего меньшаго брата.
 Пошелъ Балда въ ближний лѣсокъ
 Поймалъ двухъ зайковъ, да въ мѣшокъ
 Къ морю опять онъ приходитъ
 У моря бѣсенка находить.
 Держитъ Балда за уши одного зайку:
 «Поляпни-ка ты подъ нашу балалайку;
 Ты, бѣсенокъ, еще молодецъ,
 Со мною тягаться слабенекъ—
 Это было бъ лишь времени трата.
 Обгони-ка сперва моего брата.
 Разъ, два, три! догоняй-ка.
 Пустились бѣсенокъ и зайка
 Бѣсенокъ по берегу морскому
 А зайка въ лѣсокъ до дому.
 Вотъ море кругомъ обѣжавши
 Высунувъ языкъ, мордку поднявши
 Прибѣжалъ бѣсенокъ задыхаясь
 Весь мокрешенекъ лапкой утираясь
 Мысля: дѣло съ Балдою сладить
 Глядь—а Балда братца гладить
 Приговаривая: братецъ мой любимой,
 Усталъ, бѣдняжка! отдохни родимой.
 Бѣсенокъ оторопѣлъ
 Хвостикъ поджалъ совсѣмъ присмирѣлъ.
 На братца поглядываетъ бокомъ
 Погоди, говоритъ, схожу за obroкомъ.
 Пошелъ къ дѣду говорить: Бѣда!
 Обогналъ меня меньшей Балда!
 Старый Бѣсъ сталъ тутъ думать думу.
 А Балда надѣлалъ такого шуму
 Что все море смутилось
 И волнами такъ и разходилось.
 Вылѣзъ бѣсенокъ. Полю, мужичокъ
 Вышлемъ тебѣ весь оброкъ—
 Только слушай. Видишь ты палку эту?
 Выбери себѣ любимую мету—
 Кто далѣе палку броситъ
 Тотъ пускай и оброкъ уноситъ.
 Что жъ? боишься вывихнуть ручки?
 Чего ты ждешь?—Да жду вонъ этой тучки
 Зашвырну туда свою палку
 Да и начну съ вами чертями свалку—
 Испугался бѣсенокъ да къ дѣду
 Разказывать про Балдову побѣду

А Балда надъ моремъ опять шумить
 Да чертямъ веревкой грозить
 Вылѣзъ опять бѣсенокъ: что ты хлопчешь
 Будетъ тебѣ оброкъ, коли захочешь...
 Иѣтъ, говоритъ Балда
 Теперь моя череда
 Условія самъ назначаю
 Задамъ тебѣ, враженокъ, задачу.
 Посмотрю, какова-жъ у тебя сила—
 Видишь тамъ сивая кобыла?
 Кобылу подыми-ка ты,
 Да неси ее полверсты
 Снесешь кобылу, оброкъ ужъ твой;
 Не снесешь кобылы онъ будетъ мой.
 Бѣдненькій бѣсъ
 Подъ кобылу подлезъ,
 Понаутужился
 Понапружился
 Приподнялъ кобылу, два шага шагнулъ
 На третьемъ упалъ, ножки протянулъ.
 А Балда ему: глупый ты бѣсъ,
 Куда жъ-ты за нами полезъ?
 И руками снести не смогъ
 А я смотри спесу промежъ ногъ—

Сѣлъ Балда на кобылу верхомъ
 Да версту проскакалъ, такъ что пыль стол-
 бомъ.

Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду
 Пошелъ рассказывать про иную побѣду.
 Черти стали въ кружокъ
 Дѣлать нечего— черти собрали полной оброкъ
 Да на Балду взвалили мѣшокъ—
 Идетъ Балда, побрякиваетъ
 А попъ завидя Балду всакиваетъ
 За попадью прячется
 Со страху корячется
 Балда его тутъ отыскалъ,
 Отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ
 Бѣдный попъ
 Подставилъ лобъ:
 Съ перваго щелка
 Прыгнулъ попъ до потолка
 Со втораго щелка
 Лишился попъ языка
 А съ третьяго щелка
 Вышибло умъ у старика
 А Балда приговаривалъ съ укоризной
 Не гонялся бы ты, попъ, за дешевизной.

683. ЧѢМЪ ЧАЩЕ ПРАЗДНУЕТЪ ЛИЦЕЙ. [19 Октября 1831].

[Не совѣмъ отдѣлано].

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
 Свою святую годовщину
 Тѣмъ робче старый кругъ друзей
 Въ семью стѣсняется едину,
 Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
 Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
 Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ,
 И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

Давно ль, друзья... Но 20 лѣтъ
 Тому прошло, и что же вижу?
 Того Царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
 Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу
 Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ
 Воскресла Грековъ древнихъ слава,
 Съ престола палъ другой Бурбонъ;
 Отбунтовала вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
 И насъ печально касались;
 И мы средь пиршествъ молодыхъ
 Душою часто омрачались;
 Мы возмужали; Рокъ судилъ
 И намъ житейски пекытанья;
 И смерти (Духъ) средь насъ ходилъ
 И назначалъ свои закланья.

Шесть мѣстъ упрямыхъ стоять;
 Шести друзей не узримъ болѣ
 Они разбросанные спятъ
 Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ,
 Кто дома, кто въ землѣ чужой
 Кого недугъ, кого печаль
 Свели во мракъ земли сырой
 И надо всѣмъ мы рыдали.

И мнитъ очередь за мной,
 Зоветъ меня мой Д[ельвигъ] милый,
 Товарищъ юности живой,
 Товарищъ юности унылой,
 Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
 Пировъ и гордыхъ помышлений,
 Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
 Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній.
 Тѣснѣй, о милые друзья,
 Тѣснѣй нашъ вѣрный кругъ составимъ
 Почившимъ пѣснь окончилъ я,
 Живыхъ надеждою поздравимъ—
 Надеждой пѣкогда опять
 Въ пире Лицейскомъ очутиться,
 Всѣхъ остальныхъ еще обнять
 И новыхъ жертвъ ужъ не страшиться.

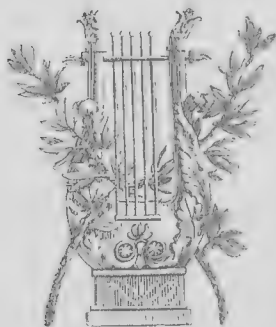
684. КОГДА ВЪ ОБЪЯТІЯ МОИ.

[Окончательно не отблано.]

Когда въ объятія мои
Твой стройный станъ я заключаю
И рѣчи пѣжныя любви
Тебѣ съ восторгомъ разточаю—
Безмолвно отъ стѣсненныхъ рукъ
Освобождая станъ свой гибкій
Ты отвѣчаешь, милый другъ,
Мнѣ недовѣрчивой улыбкой.
Прилежно въ памяти храня
Измѣнь печальныя преданья,
Ты безъ участя и вниманья
Уныло слушаешь меня....

Клянусь коварныя старанья
Преступной юности моей,
И встрѣчь условныхъ ожиданья
Въ садахъ, въ безмолвіи почей
Клянусь рѣчей любовныхъ шопотъ
(И струнь таинственный пафѣвъ)
И (ласки) легковѣрныхъ дѣвъ,
Налъ слезы, ихъ притворный гнѣвъ
И слезы ихъ, и поздній ропотъ...
(Повѣрь, безумныя) забавы
Души не трогаютъ моей,
И суета безумной славы—
Я полюбилъ . . . . .

Не упрекай меня, другъ мой пѣжной...)

Предисловіе.
из Е. В. Баз.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ ВЪ ПРЕДСТАВЛЕНІИ ПУШКИНА.

Если ли можно сомнѣваться въ томъ, что этотъ найденный нами въ тетради Румянцевскаго музея № 2387, л. 62, портретъ,—и по одеждѣ, и по тому, что подъ нимъ подписано «Предисловіе къ Евгению Онѣгину», и по общему духовному изліястѣю типа—есть именно Онѣгинъ. Онѣгинъ послѣдней главы, съ отпечаткомъ глубокаго страданія на благородномъ лицѣ. Никто другой изъ героевъ Пушкина къ портрету не подходитъ. На томъ-же листѣ, надъ портретомъ, измѣется дата: 21 Ноября 1830 г., Болдино, и можно предположить, что Пушкинъ собирался издать полное изданіе почти законченнаго уже тогда романа предисловіемъ. Это намѣреніе не было приведено въ исполненіе. Ред.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

I.

4-го ноябля 1823 года, посылая изъ Одессы кн. Вяземскому только-что законченнаго «Бахчисарайскій Фонтанъ», Пушкинъ сообщаетъ, между прочимъ, своему «милому ангелу Асмодею»: «пишу теперь не романъ, а романъ въ стихахъ: дьявольская разнища! Въ родѣ Донъ-Жуана. Первая глава кончена: я тебѣ ее доставлю. Пишу его съ упоеньемъ, что ужъ давно со мной не бывало. О печати и думать

нельзя»... («Переписка», изд. Имп. Ак. Наукъ подъ ред. В. И. Сантова, т. I, стр. 83—84: черновикъ).

Вотъ первое изъ дошедшихъ до насъ извѣстій объ «Евгеніи Онѣгинѣ». Имя это, которому суждено было создать вокругъ себя цѣлую литературу, впервые встрѣчается въ пушкинской перепискѣ мѣсяцемъ поздне: «я на досугъ пишу новую поэмѣ, Евгенийъ Онѣгинъ, гдѣ захлебываюсь желчью. Двѣ главы уже готовы». — писалъ Пушкинъ 1-го

декабря 1823 года А. И. Тургеневу (ibid. I, 91). А въ началѣ слѣдующаго года «Литературные Листки» уже оповѣстили читающую публику, что «Александръ Пушкинъ написалъ Поэму подѣ заглавіемъ Онѣгина, которой содержаніе чрезвычайно разнообразно»... Наконецъ, въ началѣ 1825-го года вышла въ свѣтъ первая глава этого «романа въ стихахъ», окончаніе котораго публика увидѣла только черезъ семь лѣтъ.

Значенія и смысла «Евгенія Онѣгина» современники Пушкина не могли, конечно, понять; говорю конечно — такъ какъ всякое художественное произведеніе, въ которомъ обрисовывается новый общественный типъ, требуетъ нѣкоторой историко-литературной перспективы, пуждается въ изученіи на разстояніи; въ немъ таится своего рода «*asto in distans*»... Обломовъ поняли сразу, такъ какъ онъ былъ «послѣсловіемъ», былъ типомъ, резюмирующимъ собою цѣлую полосу нашего общественнаго и умственнаго развитія; Онѣгину же, волею судебъ, пришлось стать своего рода «предисловіемъ» къ дальнѣйшей исторіи развитія русской интеллигенціи. И современникамъ Онѣгина приходилось по предисловію судить о еще не написанной книгѣ; немудрено, если они плохо поняли то, что гениальный поэтъ предугадалъ силой творческой интуиціи. Баратынскій писалъ Пушкину послѣ появленія уже пятой главы этого романа: «большее число его не понимаютъ. Ищутъ романтической завязки, ищутъ обыкновеннаго и, разумѣется, не находятъ. Высокая простота созданія кажется имъ бѣдностію вымысла; они не замѣчаютъ, что старая и новая Россія, жизнь во всѣхъ ея измѣненіяхъ проходитъ передъ ихъ глазами»... (ibid., II, 54—55).

И несмотря на это, «Евгенія Онѣгина» читали, имъ зачитывались. Выходившія главы расхватывались съ рѣдкой для того времени быстротой: исписывались цѣлыя горы бумаги различныхъ критикъ и антикритикъ. Находились цѣлители, въ родѣ Булгарина, провозглашавшіе «*Chûte complète*», полное паденіе таланта Пушкина въ одной изъ лучшихъ главъ этого романа; находились другіе судьи, въ родѣ Надеждина, осуждавшіе весь романъ въ его цѣломъ за мелкость, за бессодержательность и беззубо острившіе: «для гения не довольно смастерить Евгенія»... Но все это глубочайшее непониманіе не могло помѣ-

шать широкому распространенію «Евгенія Онѣгина» среди читающей публики; значенія Онѣгина не понимали, но все же его читали и перечитывали. «Его читаютъ во всѣхъ закоулкахъ русской имперіи, во всѣхъ слояхъ русскаго общества, — говоритъ въ 1840-мъ году одинъ изъ современниковъ поэта: — всякій помнитъ наизусть нѣсколько куплетовъ. Многія мысли поэта вошли въ пословицу. Онѣгина покупали, Онѣгина списывали, Онѣгина учили на память». Къ этому времени стало возможнымъ нѣкоторое общеніе онѣгинскаго типа, такъ какъ передъ глазами читателей и изслѣдователей въ это время было уже не одно «предисловіе», но и первыя страницы самой книги: николаевская система оказалась благопріятной почвой для культивированія десятковъ «лишнихъ людей», родоначальникомъ которыхъ пельзи было не признать Онѣгина. Бѣлинскій, въ серединѣ сороковыхъ годовъ, впервые далъ глубокую психологическую и общественную характеристику Онѣгина; нѣсколько позднѣе Герценъ поставилъ Онѣгина въ связь съ духомъ николаевской системы, заявивъ (и это невѣрно, какъ увидимъ, утвержденіе стало вскорѣ общепринятымъ), что Евгеній Онѣгинъ есть результатъ эпохи, послѣдовавшей за 14 декабря 1825 г. Наконецъ, еще позднѣе, въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ, выросшее на «Евгеніи Онѣгинѣ» молодое поколѣніе впервые поняло глубокой внутренней смыслъ этого романа и его историческое значеніе, прочитавъ «Дворянское гнѣздо» и «Обломова» (такъ рассказываетъ намъ человѣкъ того поколѣнія, проф. В. Ключевскій, въ остроумной статьѣ котораго «Евгеній Онѣгинъ и его предки» мы еще обратимся). «Предисловіе» стало вполнѣ яснымъ только послѣ появленія «послѣсловія»; родоначальникъ «лишнихъ людей» сталъ понятнымъ для историка культуры и общественной мысли только послѣ появленія на сценѣ всѣхъ своихъ потомковъ, вплоть до Рудина и Лаврецкаго. Болѣе того, когда пришли и прошли шестидесятыя годы, когда жестокое развѣчиваніе Писаревымъ Пушкина (именно за «Евгенія Онѣгина») отошло уже въ область исторіи, когда и семидесятыя годы подходили къ концу, то тутъ стало еще яснѣе все значеніе Онѣгина въ исторіи русской интеллигенціи; стало ясно, что не только Рудины и Лаврецкіе, но и Базаровы, и кающіеся дворяне необъ-

ясимы безъ Онѣгина. Достоевскій въ своей знаменитой пушкинской рѣчи 1880-го года ясно и рѣзко сформулировалъ этотъ «онѣгинскій вопросъ», сводя его къ вопросу о разобщенности интеллигенціи и народа, и этимъ вернулся отчасти къ классическому объясненію Бѣлинскаго.

Итакъ, значеніе «Евгенія Онѣгина» открывалось лишь мало-по-малу цѣлому ряду поколѣній. По мѣрѣ того, какъ въ русской жизни и литературѣ появлялись одинъ за другимъ различные потомки Онѣгина—Печорины и Грушницкіе, уѣздные Гамлеты и Рудины, Чулкатуринны и Лавреки, становилось яснымъ значеніе самого Онѣгина, выяснилось его пропехождение; познакомившись съ потомками Онѣгина, возстановляли историко-генетическую линію его предковъ. Выяснялось, такимъ образомъ громадное значеніе «Евгенія Онѣгина» для исторіи литературныхъ типовъ; а вѣдь литературный типъ является только фиксированіемъ жизни, закрѣпленіемъ ея въ художественномъ творчествѣ. Это съ одной стороны. Съ другой—слишкомъ яснымъ является громадное значеніе «Евгенія Онѣгина» для исторіи творчества самого Пушкина, для послѣдняго уясненія духовнаго облика великаго поэта. Почти девять лѣтъ лучшаго періода своей жизни Пушкинъ трудился надъ этимъ своимъ любимѣйшимъ произведеніемъ, то работая запоемъ («пишу съ упоеньемъ»), то надолго забрасывая работу («Онѣгинъ мнѣ надоѣлъ и спитъ; впрочемъ я его не бросаю»), то снова возвращаясь къ своему роману. Съ весны 1823-го по осень 1831-го года Пушкинъ писалъ этотъ свой романъ, переписывалъ, выбрасывалъ на-черно строфы, безпошадно моралъ и передѣлывалъ ихъ. Вся его жизнь за этотъ періодъ времени, его духовное развитіе, стихійная мудрость его отношенія къ міру, къ людямъ, къ жизни—все это отражалось въ строфахъ «Евгенія Онѣгина». Самъ Пушкинъ видѣлъ въ своемъ романѣ

... собрание пестрыхъ главъ
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Бессонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

И, конечно, мы найдемъ въ этомъ ро-

манѣ не только холодныя наблюденія ума и горестныя замѣты сердца; мы найдемъ въ немъ прежде всего цѣльное и ясное пониманіе міра, пониманіе жизни; найдемъ то, что можно назвать бессознательнымъ и стихійнымъ мировоззрѣніемъ и мировосчувствованіемъ Пушкина.

Такимъ образомъ, выясняются двѣ стоящія передъ нами задачи. Громадное значеніе «Евгенія Онѣгина», во-первыхъ, для исторіи литературныхъ типовъ, и во-вторыхъ, для исторіи творчества и мировоззрѣнія самого Пушкина заставляетъ насъ изучать этотъ романъ, во-первыхъ, какъ проявленіе и отраженіе русской жизни опредѣленной эпохи и, во-вторыхъ, какъ проявленіе и отраженіе взглядовъ самого Пушкина на всю эту жизнь въ ея цѣломъ. «Евгеній Онѣгинъ» и Россія XVIII и XIX вв.—съ одной стороны, «Евгеній Онѣгинъ» и мировоззрѣніе Пушкина—съ другой стороны: вотъ двѣ громадныя темы, которыхъ, конечно, мы не можемъ исчерпать на послѣдующихъ страницахъ; но именно эти двѣ темы опредѣляютъ собой все содержаніе настоящаго очерка.

II.

«Онѣгинъ»,—говоритъ Бѣлинскій,—есть самое задушевное произведеніе Пушкина, самое любимое дитя его фантазій, и можно указать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ личность поэта отразилась-бы съ такой полнотой, свѣтло и ясно, какъ отразилась въ «Онѣгинѣ» личность Пушкина. Здѣсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здѣсь его чувства, понятія, идеалы. Оцѣнить такое произведеніе—значитъ оцѣнить самого поэта во всемъ объемѣ его творческой дѣятельности». Этими извѣстными и глубоко вѣрными словами Бѣлинскій начинаетъ свою статью объ «Евгеніи Онѣгинѣ»; эти-же слова приводитъ Писаревъ въ началѣ своей статьи «Пушкинъ и Бѣлинскій» («Русское Слово» 1865 г., № 4, стр. 1). Какъ извѣстно, основываясь на этихъ словахъ, Писаревъ и приступилъ къ «развѣчиванію» Пушкина; отождествивъ Пушкина съ Онѣгинымъ и «доказавъ» ничтожность послѣдняго, Писаревъ вынесъ Пушкину безапелляціонный обвинительный приговоръ, признавъ его за «легкомысленнаго версификатора... погруженнаго въ созерцаніе мелкихъ личныхъ ощущеній и совершенно неспособнаго апализировать и понимать великіе общественные и фило-

софскіе вопросы нашего вѣка»... (ibid, № 6, стр. 66). Этотъ выводъ навсегда останется образомъ историко-литературнаго курьеза; тѣмъ болѣе необходимо подчеркнуть, что исходная точка Писарева вполне сохраняетъ свое значеніе. Вѣдѣствіе цѣлаго ряда сложныхъ общественныхъ условій, Писаревъ не сумѣлъ понять ни «Евгенія Онѣгина», ни Пушкина, но онъ ясно чувствовалъ существующую между Пушкинымъ и Онѣгинымъ тѣсную связь; онъ понималъ ее слишкомъ грубо, слишкомъ примитивно, сочтя ее простымъ тождествомъ, но онъ былъ правъ по существу: жизнь Пушкина и жизнь Онѣгина тѣсно переплетаются, и распутать эту связь—значитъ сдѣлать первый шагъ къ пониманію всего романа. Поэтому мы прежде всего прослѣдимъ шагъ за шагомъ за такъ хорошо извѣстной каждому изъ насъ шумной и неудачной жизнью Евгенія Онѣгина, намѣчая попутно хронологическую нить событій; мы изложимъ краткую біографію Онѣгина, изучая его не только какъ пѣкоторый общественный типъ, но и какъ рѣзко опредѣленную индивидуальность, ибо намъ интересенъ тотъ Евгеній Онѣгинъ, который былъ одно время другомъ Пушкина, съ которымъ даже они собиравлись вмѣстѣ «увидѣть чуждыя страны», котораго черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ неожиданно встрѣтилъ въ Одессѣ... На этомъ пути мы дойдемъ до кое-какихъ, быть можетъ, не лишенныхъ интереса выводовъ. —

Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на берегахъ Невы,

этими словами Пушкинъ начинается біографію своего друга (глава I, строфа 2). Обѣ отцѣ и предкахъ Евгенія Онѣгина рѣчь будетъ впереди, а пока намъ слѣдуетъ установить годъ рожденія Онѣгина: онъ родился около 1796 г., ибо послѣ убійства Ленскаго и передъ путешествіемъ по Россіи Онѣгину было двадцать шестой годъ («доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ до двадцати шести годовъ» — VIII, 12), а это случилось, какъ будетъ показано ниже, въ 1821 году. Въ Петербургѣ прошло все дѣтство, вся юность Евгенія; мы знаемъ, что «сперва madame за нимъ ходила, затѣмъ monsieur ее смѣнилъ» и сталъ «учить его всему путя», до тѣхъ поръ, пока научившемуся «чему-нибудь и какъ-нибудь» Евгенію пришла пора «увидѣть свѣтъ»: тогда «monsieur прогнали со двора»

(I, 4). Событіе это—появленіе Онѣгина въ «свѣтъ»—случилось въ 1812 году (ибо, во-первыхъ, мы знаемъ изъ черновыхъ рукописей романа, что «лѣтъ шестнадцати мой другъ окончилъ курсъ своихъ наукъ», а, значить это было въ $1796+16=1812$ году; а во-вторыхъ, Пушкинъ сообщаетъ, что на жизнь въ «свѣтъ» Онѣгинъ «убилъ восемь лѣтъ», а бросилъ онъ «свѣтъ» и уединился въ своей деревнѣ въ 1820-мъ году, какъ увидимъ ниже; опять-таки $1820-8=1812$ г.). Итакъ, Онѣгинъ появился въ «свѣтъ» въ 1812-мъ году—и для него началась угарная, однообразная и пестрая свѣтская жизнь; «Шапка страсти пѣлужной», балетъ, вечера и балы, «красотки молодая», днемъ—сонъ, ночью—скука на балахъ: «вотъ какъ убилъ онъ восемь лѣтъ, утратя жизни лучшій цвѣтъ» (IV, 9). Вся первая глава романа посвящена описанію послѣдняго года этой свѣтской жизни Онѣгина въ сезонъ 1819—1820 года: «первая глава,—писалъ въ предисловіи къ ея первому и второму изданію Пушкинъ—...заключаетъ въ себѣ описаніе свѣтской жизни петербургскаго молодого человека въ концѣ 1819 года»... Кстати замѣтить, что это былъ также послѣдній годъ свѣтской петербургской жизни Пушкина до его ссылки въ Бессарабію; окончивъ въ 1817 году Лицей, Пушкинъ прожилъ цѣлыхъ три года той же угарной свѣтской жизнью, какую онъ описалъ позднѣе въ «Евгеніи Онѣгинѣ»; такая жизнь очень скоро, однако, пріѣлась Пушкину. Къ этому времени (1819—1820 гг.) относится начало его дружбы съ Онѣгинымъ:

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился въ то время... (I, 45).

И въ слѣдующихъ строфахъ этой главы Пушкинъ нѣсколькими штрихами описываетъ черты этой дружбы; въ дружбѣ этой Онѣгинъ игралъ роль пушкинскаго Демона—«духа отрицанія, духа сомнѣнія», который такъ ярко проявился въ среднемъ періодѣ развитія Пушкина и преодолѣніе котораго является ключемъ ко всему гармоничному и ясному міровоззрѣнію нашего поэта.

Дружба Пушкина съ Онѣгинымъ продолжалась; они собиравлись даже вмѣстѣ ѣхать за границу, «но скоро были судьбою на долгій срокъ разведены»: у Онѣгина скончался отецъ, а вѣдѣ за нимъ, въ началѣ лѣта 1820 года, умеръ дядя, «дере-

вепскій старожилъ», оставившій Онѣгину въ наслѣдство свою деревню со включеніемъ «заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель». И въ то время, какъ Пушкинъ, въ началѣ мая 1820 года, уѣзжалъ изъ Петербурга въ свою бессарабскую ссылку, Онѣгинъ «летѣлъ въ пыли на почтовыхъ» получать наслѣдство умирающаго дяди; съ этого и начинается романъ.

Возстановимъ къ краткихъ чертахъ дальнейшую хронологическую нить событій жизни Евгенія Онѣгина.

Итакъ, съ лѣта 1820 года Онѣгинъ поселился въ деревнѣ. Во второй, третьей и четвертой главахъ (до 40 строфы) время дѣйствія — лѣто 1820 года: тутъ знакомство и съ Ленскимъ и съ Лариными; тутъ и любовь Татьяны, и ея письмо къ Онѣгину, и его отвѣтная проповѣдь... Строфы 40 и 41 четвертой главы — осень 1820 года; конецъ главы — зима этого же года. Время дѣйствія пятой и шестой главъ можно опредѣлить еще точнѣе: это январь 1821 г. Гаданье и сонъ Татьяны — въ крещенскій сочельникъ, ея именины и балъ у Лариныхъ — 12 января. Кстати сказать: Пушкинъ, устами Ленскаго, сообщаетъ намъ, что «Татьяны именины въ субботу» (IV, 49); но это несомнѣнная *licentia poetica*, такъ какъ въ дѣйствительности 12 января 1821 года приходилось на среду... *) Черезъ день послѣ бала — дуэль Онѣгина съ Ленскимъ и смерть Ленскаго; это было, слѣдовательно, 14-го января 1821 года. Описаніемъ весны этого же года начинается седьмая глава романа. Онѣгина уже нѣтъ въ деревнѣ: онъ уже уѣхалъ сперва въ Петербургъ, а потомъ («іюня третьяго числа») — скитается по Россіи; не вѣста убитаго Ленскаго («не долго плакала» и лѣтомъ того же года вышла замужъ за Ланна. А въ началѣ зимы бѣдную Татьяну ведутъ «въ Москву, на ярмарку невѣсть»; ее привозятъ туда въ началѣ новаго, 1822 года (только что минулъ рождественскій сочельникъ, см. VII, 41). Ее вывозятъ на балы, — и Пушкинъ, заканчивая главу «поваряетъ съ побѣдою Татьяну милую

свою»: она становится княгиней, выходитъ замужъ за «стоletаго генерала»; это происходитъ въ концѣ того же 1822-го или въ самомъ началѣ 1823 года (ибо, какъ увидимъ ниже, къ осени 1824 года она замужемъ уже «около двухъ лѣтъ»). А Онѣгинъ въ это время — съ «іюня третьяго числа» 1821 года (см. «Страстvie Онѣгина», строфа III) — скитается по Россіи: онъ ѣдетъ по Волгѣ, попадаетъ на Кавказъ, оттуда въ Крымъ; въ 1823 году посѣщаетъ Бахчисарай («спустя три года вслѣдъ за мною», — пишетъ Пушкинъ, *ibid.*, XVII; а Пушкинъ былъ въ Бахчисарай въ сентябрѣ 1820 года). Изъ Крыма Онѣгинъ неожиданно прѣзжаетъ въ Одессу, гдѣ въ то время — съ начала іюля 1823 по конецъ іюля 1824 года — жилъ Пушкинъ:

... какимъ-же изумленьемъ,
Судите, былъ я пораженъ,
Когда ко мнѣ явился онъ
Неприглашеннымъ привидѣньемъ,
И какъ заахали друзья,
И какъ обрадовался я! (*ibid.*, XXVII).

Но недолго друзья пробыли вмѣстѣ въ Одессѣ: «недолго вмѣстѣ мы бродили по берегамъ Эвксинскихъ водъ; судьбы насъ снова разлучили...» Пушкинъ уѣхалъ 30-го іюля 1824 г. изъ Одессы въ Михайловское, «подъ сѣнь лѣсовъ Тригорскихъ», а Онѣгинъ, не разсвѣвъ своей тоски въ скитаніяхъ, около того же времени вновь «пустился къ Невскимъ берегамъ». Въ началѣ сезона 1824—1825 г. Онѣгинъ, послѣ трехлѣтнихъ скитаній, возвратился въ Петербургъ: «возвратился и попалъ, какъ Чацкій, съ корабля на балъ» (VIII, 13). Тутъ онъ встрѣчаетъ Татьяну — теперь уже княгиню, уже замужнюю «около двухъ лѣтъ» (VIII, 18). Вся восьмая глава посвящена переживаніямъ Онѣгина этой зимой 1824—1825 г. Въ началѣ весны 1825 года (см. VIII, 39) происходитъ послѣднее объясненіе Татьяны съ Онѣгинымъ — и этимъ объясненіемъ заканчивается романъ; мы навсегда расстаемся съ Онѣгинымъ...

III.

Таковъ возстановленный нами точный хронологическій осто́въ романа, несомнѣнно имѣвшійся въ виду самимъ Пушкинымъ. «Смѣемъ увѣрить, что въ нашемъ романѣ время расчислено по календарю», — пропически отвѣчалъ Пушкинъ критикамъ, на-

* Согласно изысканіямъ гг. Шлякова и Степанова (см. «Извѣстія отд. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ» 1905 г., т. X, кн. 3, стр. 264, и 1908 г., т. XIII, кн. 2, стр. 108—109), «Татьяны именины въ субботу» были въ 1818 и 1824 гг.: эти года совершенно не подходятъ къ очень тройному хронологическому осто́ву романа Пушкина. Другіе годы, въ которые 12 января приходилось на субботу, — наприимѣръ, 1807 или 1829, — подходятъ еще менѣе.

ходившимъ анахронизмъ въ третьей главѣ (изъ-за опечатки: зимой летятъ вмѣсто долой летятъ, III, 4). Говоря такъ, какъ видимъ теперь, Пушкинъ не только пропозировалъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ дѣйствительно имѣлъ передъ своими глазами восстановленную выше хронологическую канву романа. Предположить это совершенно необходимо: иначе совершенно невѣроятными являются всѣ эти точныя совпаденія событій изъ жизни Пушкина и Онѣгина, при чемъ нѣкоторыя изъ датъ получаютъ отсчитываніемъ отъ даннаго года назадъ, другія—присчитываніемъ отъ другого года впередъ, какъ мы только что дѣлали, восстанавливая эту хронологическую схему. Вѣроятность случайныхъ совпаденій до того ничтожна (ее легко вычислить математически), что почти съ полной увѣренностью мы можемъ сказать: Пушкинъ, несомнѣнно, самъ составилъ приведенную выше хронологическую канву своего романа.

Это любопытно во многихъ отношеніяхъ. Не говоря уже о томъ, что интересно по отдѣльнымъ разбросаннымъ хронологическимъ замѣчаніямъ Пушкина восстановить ту страничку, которая могла быть и несомнѣнно была въ пушкинскихъ черновикахъ, хотя и совершенно не дошла до насъ; не говоря уже объ этомъ, еще болѣе важными представляются два другіе вывода. Первый и главный—эта та тѣсная переплетенность событій жизни Онѣгина и жизни самого Пушкина, которую мы подчеркнемъ нѣсколько ниже, изучая «Евгенія Онѣгина», какъ проявленіе и отраженіе взглядовъ самого поэта. Второй выводъ, ясный и по другимъ соображеніямъ, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ, заключается въ подтвержденіи того обстоятельства, что самъ Пушкинъ вполне намѣренно и совершенно опредѣленно ограничилъ время дѣйствія своего романа 1820—1825 годами. Это важно вотъ почему.

Съ легкой руки Герцена, который въ своей извѣстной книжкѣ «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» счелъ Онѣгина слѣдствіемъ «с печальныхъ годовъ, послѣдовавшихъ за 14 декабря 1825 г.», мнѣніе это стало одно время почти общепринятой формулой. Герценъ имѣлъ право умо-заключить это потому, что онъ могъ руководствоваться только годами появленія «Евгенія Онѣгина» въ печати, а мы знаемъ, что это были какъ разъ 1825—1832 годы. Но непонятно, какимъ образомъ мнѣніе

это могло сохранить силу въ глазахъ тѣхъ историковъ нашего общественнаго развитія, которые знали годы написанія отдѣльных главъ «Евгенія Онѣгина», а это стало общезвѣстно въ пятидесятыхъ годахъ, послѣ появленія Анненковскаго изданія сочиненій Пушкина. Стало извѣстно, что къ концу 1825 года было закончено почти пять главъ—около 273 строфъ изъ всѣхъ 410 строфъ романа, т.-е. ровно $\frac{2}{3}$ его; къ веснѣ 1826 года были закончены первыя шесть главъ романа, въ которыхъ Онѣгинъ описанъ уже съ ногъ до головы. Однако, несмотря на это, многіе продолжали держаться явно ошибочнаго герценовскаго мнѣнія. Въ своей интересной рѣчи въ собраніи московскаго университета 6 іюня 1880 г. проф. В. О. Ключевскій подчеркнул, что потомки служилаго русскаго дворянства были съ 1815 по 1825 годъ декабристами, а съ 1825 года разбитые декабристы стали лишними людьми; изъ записокъ и воспоминаній декабристовъ мы знаемъ,—говоритъ В. Ключевскій,—«чѣмъ были Онѣгины послѣ 1815 года; поэма Пушкина рассказываетъ, чѣмъ стали они послѣ 1825 года...» Формула эта совершенно вѣрна, поскольку она относится къ Онѣгинымъ, но она совершенно ошибочна, поскольку касается Евгенія Онѣгина; дѣйствительно, на почвѣ эпохи, послѣдовавшей за 14 декабря, выросли всѣ духовные потомки Евгенія Онѣгина, всѣ многочисленныя разновидности Онѣгиныхъ, но пушкинскій Евгеній Онѣгинъ сформировался, какъ типъ, несомнѣнно до 1825 года. Евгеній Онѣгинъ есть именно типъ двадцатыхъ годовъ, показывающій намъ вовсе не то, чѣмъ стали сторонники декабризма послѣ 1825 года, а то, чѣмъ были нѣкоторые русскіе люди какъ разъ въ эпоху декабризма, т.-е. въ десятилѣтіе 1815—1825 годовъ. Это неоспоримо хотя бы по одному тому, что Онѣгинъ былъ вполне нарисованъ Пушкинымъ въ 1823—1825 гг.; это подтверждается и полученнымъ нами выводомъ, что самъ Пушкинъ совершенно точно опредѣлилъ время дѣйствія своего романа пятилѣтіемъ съ 1820 по 1825 годъ. Конечно, этому не противорѣчитъ то обстоятельство, что въ седьмой главѣ романа «большой свѣтъ» описанъ Пушкинымъ по его впечатлѣніямъ 1827—1830 гг., что впечатлѣнія и настроенія этихъ лѣтъ отразились на двухъ послѣднихъ главахъ романа; несомнѣнно то, что впечатлѣнія эти не отразились и не могли отразиться на

уже вполне законченномъ къ тому времени типѣ Евгенія Онѣгина. Правда, по мѣрѣ того, какъ Пушкинъ писалъ романъ, мѣнялось его отношеніе къ Онѣгину, но иначе, конечно, и быть не могло. Пушкинъ началъ писать романъ «буйнымъ юношей», а кончилъ его зрѣлымъ мужемъ; постепенное продолженіе въ себѣ Онѣгина—это, какъ мы уже замѣтили, ключъ къ пониманію развитія пушкинскаго міросозерцанія. Отношеніе Пушкина къ Онѣгину измѣнилось, измѣнялось пушкинское пониманіе Онѣгина, но, обрисованный съ самаго начала твердой рукой, Онѣгинъ оставался величиной постоянной.

Итакъ, повторяемъ еще разъ: Евгеній Онѣгинъ есть типъ, вполне сформировавшійся уже въ 1820 году; Пушкинъ рисовалъ этотъ типъ въ 1823—1826 гг.; дѣйствіе романа отпесено самимъ Пушкинымъ къ 1820—1825 годамъ. Все это достаточно ясно вскрываетъ непростительный, но довольно обычный анахронизмъ объясненія онѣгинскаго типа результатами и слѣдствіями катастрофы 14 декабря. Дѣйствительно, широкое распространеніе онѣгинства, словно эпидемической болѣзни, въ различныхъ кругахъ русскаго общества тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ въ значительной мѣрѣ объясняется николаевской системой officialнаго мѣщанства; но при чемъ же тутъ самъ Евгеній Онѣгинъ? И какъ можно объяснить характеръ и типъ человѣка событіями послѣдующаго десятилѣтія? Существованіе «лишнихъ людей», духовныхъ потомковъ Онѣгина можно объяснить николаевской системой, но, чтобы понять самого Евгенія Онѣгина мы должны подняться къ истокамъ русской жизни XVIII вѣка, познакомиться съ предками Онѣгина. Надо узнать, пѣтъ ли въ прошломъ какихъ-либо явленій, которыми можно было бы объяснить существованіе онѣгинскаго типа въ эпоху декабризма. Вѣдь не какъ *deus ex machina* появился Онѣгинъ въ русской жизни; вѣдь были-же социальные условія и причины, способствовавшія рожденію этого типа. Тогда мы соединимъ эти общія причины съ частнымъ фактомъ, съ уже известной намъ біографіей Евгенія Онѣгина, то тогда только мы будемъ въ состояніи понять самого Онѣгина и оцѣнить значеніе этого типа въ русской жизни.

IV.

Вопросъ о предкахъ «лишнихъ людей», а значитъ, и о предкахъ Евгенія Онѣгина

былъ уже давно блестяще и тонко разработанъ Тургеневымъ въ его родословной Лаврецкаго (Дворянское гнѣздо, гл. VIII); позднѣе мысль Тургенева развили и дополнили проф. В. Ключевскій въ своей остроумной статьѣ «Евгеній Онѣгинъ и его предки» («Русская мысль», 1887 г., № 2, стр. 291—306). Мы немного остановимся на той историко-генетической нити, которую прослѣживаютъ и Тургеневъ и Ключевскій. Оба они видятъ предковъ Онѣгина въ старинномъ служиломъ русскомъ дворянствѣ, которое въ теченіе всего XVIII вѣка, послѣ революціонной реформы Петра, приспособлялось къ различнымъ быстро смѣнявшимся вѣяніямъ и теченіямъ. Школьная латынь и религіозныя разномыслія русской жизни конца XVII вѣка смѣняются военно-технической выучкой эпохи Петра; затѣмъ идетъ бироновщина, за нею—гвардейскіе кутежи елизаветинской эпохи, и, наконецъ, европейская лошечность двора Екатерины. Не успѣвало одно поколѣніе служилаго дворянства приспособиться къ новому пути, какъ неожиданный толчокъ выбивалъ его изъ колеи и бросалъ на непроторенную дорогу, въ которой снова приходилось приспособляться. Прапрадѣдъ Евгенія Онѣгина былъ, вѣроятно, чѣмъ-нибудь въ родѣ Гаврилы Леонасьевича Ржевскаго (изъ пушкинскаго «Арапа Петра Великаго»): въ юности—походы въ Крымъ, позднѣе—молчаливая оппозиція петровскимъ реформамъ. Но несмотря на эту оппозицію, ему пришлось отдать своего сына въ петровскій полкъ или волей-неволей послать за границу. Этотъ прадѣдъ Евгенія Онѣгина, родившійся, вѣроятно, въ самомъ началѣ XVIII вѣка, либо былъ подобно прадѣду Пушкина чѣмъ-нибудь въ родѣ капитанармуса лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, либо изучалъ за границей навигацію и фортификацію; сынъ его, дѣдъ Евгенія Онѣгина, тоже прошелъ въ ранней юности черезъ военную выправку школы Петра, тоже ломалъ голову надъ навигаціей и остался совершенно не у дѣлъ въ эпоху Елизаветы, когда всѣ эти навигаціи оказались въ совершенномъ загонѣ. Тогда, вѣроятно, онъ, подобно Андрею Петровичу Гриневу (отцу героя «Капитанской дочки»), вышелъ въ отставку премьеръ-майоромъ и поселился въ своей деревнѣ, гдѣ впоследствии съ желчью и досадой читалъ получаемый имъ ежегодно «Придворный Календарь», пожимая плечами и повторяя въ полголоса: «Генераль-поручикъ!... Онъ у меня въ ротѣ

былъ сержантомъ!... Обоихъ 'россійскихъ орденовъ кавалеръ!... А давно ли мы?...» Когда у него въ серединѣ XVIII вѣка родился сынъ, то онъ записалъ его сержантомъ въ Семеновскій полкъ и въ свое время—вопреки тому, что рассказано въ «Капитанской дочкѣ»—отправилъ его въ Петербургъ получать свѣтское воспитаніе и дѣлать карьеру. Такъ какъ этотъ «гвардіи сержантъ» былъ отцомъ Евгенія Онѣгина, то намъ слѣдуетъ остановиться на немъ немного подробнѣе.

Къ шестилѣтнему гвардейцу—говорить объ отцѣ Евгенія Онѣгина В. Ключевскій—выписывали какого-нибудь М-г Raoult'я, который не только могъ преподавать *le français*, «но и въ томъ, что называется *belles lettres* былъ гораздо свѣдущъ». Кромѣ того, быть можетъ, по совѣту этого же «гораздо свѣдущаго» француза, «отецъ выписывалъ для сына изъ Голландіи, пріюта французскихъ мыслителей, бібліотеку *assez bien choisie* изъ лучшихъ французскихъ поэтовъ и историковъ, и дѣлъ съ 12-ти гвардейскій сержантъ уже освоивался съ Расиномъ, Корнелемъ, Буало и даже съ самимъ Вольтеромъ» (о. с., 300). Немного поздиѣ юноша ѣхалъ за границу—конечно въ Парижъ, гдѣ на него смотрѣли какъ на русскаго дикаря; вернувшись на родину, онъ поступалъ на службу въ какую-нибудь Комиссаріатскую комиссію и самъ начиналъ считать всѣхъ русскихъ дикарями. Онъ былъ типичнымъ «вольтерьянцемъ» и, разумѣется (подобно и отцу Пушкина), членомъ масонской ложи какого-нибудь «Сѣвернаго Щита». Но вольтерьянство—само по себѣ, а крѣпостничество—само по себѣ: въ этомъ была наиболѣе характерная черта всѣхъ людей этого поколѣнія; Вольтеръ и Руссо съ одной стороны, конюшня и арапникъ съ другой—вполнѣ совмѣщались въ громадномъ большинствѣ русскихъ «культурныхъ» людей конца XVIII вѣка. Объ этомъ много говорилось и писалось, но никто не вскрылъ этого явленія глубже, лучше и художественнѣе, чѣмъ Тургеневъ: вспомните хотя-бы его «Дворянское гнѣздо». Европейская лощеность и западное просвѣщеніе были только вѣшней оболочкой этихъ вольтерьянцевъ и крѣпостниковъ XVIII вѣка, иногда только поэзою, о которой такъ ядовито писалъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» Пушкинъ:

Намъ просвѣщеніе не пристало
И намъ досталось отъ него
Жеманство—болѣе ничего (II, 24).

Таковы были отцы, таковы были предки Онѣгинныхъ; такое духовное наслѣдство получилъ Евгеній Онѣгинъ. Въ наслѣдствѣ этомъ наиболѣе характерными являются двѣ черты, которыя необходимо обрисовать съ возможной рельефностью. Это, во-первыхъ, отмѣченное Пушкинымъ «жеманство», поза; во-вторыхъ—это разладъ со средой, возрастающій съ каждымъ новымъ поколѣніемъ.

Обратите вниманіе: отъ прапрадѣда Евгенія Онѣгина до его отца мы имѣемъ прогрессивно возрастающій разладъ со средой. Тутъ рѣчь идетъ не о томъ расхожденіи интеллигенціи и народа, которое было неизбежнымъ слѣдствіемъ петровской революціи, которое стало трагичнымъ для русской интеллигенціи только во второй половинѣ минувшаго вѣка и которое въ наши дни нѣкоторые наивные публицисты открываютъ точно какую-то новую Америку. Нѣтъ, тотъ разладъ, о которомъ мы говоримъ по поводу предковъ Онѣгина, есть не только ихъ расхожденіе съ народомъ, но и разладъ съ ихъ-же средой, съ массой приспособившихся людей, съ той социальной сословной атмосферой, которой дышали всѣ эти люди. Массы людей всегда приспособляются къ средѣ и составляютъ ту плотную стѣну духовнаго мѣщанства, передъ которой иногда опускаются въ безсиліи руки даже самыхъ сильныхъ людей. Эти сравнительно немногіе сильные духовные люди, представители индивидуализма, представители настоящей интеллигенціи, не примиряются съ пассивнымъ приспособленіемъ къ средѣ; ихъ задача обратная—приспособленіе среды къ вѣчно новымъ запросамъ человеческого духа. А между этими двумя берегами мѣщанства и индивидуализма, между молотомъ и наковальней—находятся люди, не умѣющие ни приспособиться къ средѣ, ни приспособить ее. Ихъ можно назвать вообще «лишними людьми»; ихъ можно найти всюду и вездѣ—во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ; они—типичны «ни павы, ни вороны», отставшіе отъ одного берега и не приставшіе къ другому. Этотъ «лишній человѣкъ»—не типъ своего времени, ибо такимъ типомъ является человѣкъ массы, представитель мѣщанства; но онъ и не исключеніе, такъ какъ такимъ исключеніемъ является представитель индивидуализма своей эпохи. Кто-же въ такомъ случаѣ этотъ лишній человѣкъ? Онъ—типическое исключеніе (по счастливому выраженію В. Ключевского, о. с., 296 :

онъ слишкомъ типиченъ, чтобы быть исключеніемъ и достаточно исключителенъ, чтобы быть типомъ. Все это относится ко всѣмъ лишнимъ людямъ всѣхъ эпохъ; но бываютъ эпохи, особенно благоприятствующія появленію лишнихъ людей—и именно такой эпохой русской общественной жизни было столѣтіе съ середины XVIII-го по середину XIX вѣка. Все сказанное выше относится ко всѣмъ предкамъ Онегина и притомъ въ тѣмъ большей степени, чѣмъ ближе мы подходимъ къ самому Евгению Онегину. Въ «Евгении Онегинѣ» все это впервые закрѣпляется гениальнымъ художникомъ; отмѣченная нами черта достигаетъ въ немъ своего апогея и дѣлаетъ Онегина настоящимъ духовнымъ родоначальникомъ всѣхъ лишнихъ людей послѣдующихъ поколѣній.

Вторая характерная черта—отмѣченная Пушкинымъ «поза», «жеманство»—является неизбежнымъ слѣдствіемъ первой. — Вспомните, сколько неестественныхъ позъ, сколько жеменныхъ гримасъ пришлось пережить предкамъ Онегина, начиная со временъ петровской реформы! Разладъ со средой шелъ crescendo, а потому и позы становились все неестественнѣе, пока не достигли своего апогея опять-таки въ Евгении Онегинѣ. У предковъ Онегина, и чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ больше, «были естественныя позы, первые судорожныя жесты, вызывшіеся мѣстными неловкостями общихъ положеній,—скажемъ мы въ послѣдній разъ словами В. Ключевского.—Эти неловкости существовали далеко не всѣми, но жесты и мины тѣхъ, кто ихъ чувствовалъ, были тѣмъ замѣтны, бросались всѣмъ въ глаза, запомнились надолго, становились предметомъ художественнаго воспроизведенія. Люди, которые испытывали эти неловкости, не были какіе-либо особые люди, были какъ всѣ, но ихъ фізіономіи и манеры не были похожи на общепринятые. Это были не герои времени, а только сильно подчеркнутые отдѣльные нумера, стоявшіе въ ряду другихъ, общія мѣста, напечатанные красноречіемъ. Такъ какъ масса современниковъ, усѣвшихся болѣе или менѣе удобно, болѣе догадывалась о причинахъ этихъ неловкостей и считала ихъ капризами отдѣльных лицъ, не хотѣвшихъ сидѣть, какъ сидѣли всѣ, то эти несчастныя жертвы неудобныхъ позицій слыли за чудаковъ, иногда даже «печальныхъ и опасныхъ» (т. е., 295). И чѣмъ ближе дѣло шло къ началу XIX вѣка, къ типу самого Евгения Онегина, тѣмъ ярче и рельефнѣе проявля-

лись эти характерныя черты лишнихъ людей, и въ этомъ случаѣ Евгений Онегинъ является опять-таки истиннымъ родоначальникомъ лишнихъ людей послѣдующихъ поколѣній.

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ условія, которыя объясняютъ не только причины появленія Онегинныхъ, но и самый характеръ Евгения Онегина. Теперь, зная и его происхожденіе и его личную біографію, мы можемъ вплотную подойти къ изученію этого типическаго исключенія русской жизни двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка.

V.

Теперь ясно: не какъ *deus ex machina* явился Евгений Онегинъ въ русской жизни начала XIX вѣка, нѣтъ; онъ былъ

Всевышней волею Зевеса

Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ (I, 2,—

и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ. Онъ былъ наслѣдникомъ не только денегъ и долговъ, «заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель» своихъ предковъ, но и духовныхъ свойствъ ихъ, ихъ характерныхъ чертъ. Между этими двумя родами наслѣдствъ есть большая разница: отъ денегъ и долговъ своихъ предковъ можно отказаться, если пасивъ болѣе активъ, а отъ духовныхъ свойствъ — нельзя. Когда умеръ отецъ Евгения Онегина—тотъ самый, который «земли отдавалъ въ залогъ», жилъ долгами, «давалъ три бала ежегодно и промотался наконецъ» (I, 3)—и когда «передъ Онегиннымъ собрался замодавцевъ жадный полкъ», то Онегинъ —

Наслѣдство предоставилъ имъ,

Большой потери въ томъ не видя.

Нѣтъ предугадать издавна

Кончину длин-старика (I, 31).

Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности отказаться тѣмъ же способомъ отъ другого рода наслѣдства—отъ наслѣдственности... Ее всегда получаютъ полностью, независимо отъ того, чего въ ней больше—актива или пассива, и даже, пожалуй, въ послѣднемъ случаѣ ее получаютъ съ особенной щедростью и неизбежностью.

Такова была судьба и Евгения Онегина. «Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ», онъ получилъ отъ нихъ въ наслѣдство всѣ выясненныя выше черты разлада со средой, всю вѣковую изломанность духа, и притомъ

всѣ эти типичныя черты достигли въ Онѣгинѣ исключительной степени. Конечно, все это старое наслѣдство вылилось въ новую форму, старый разладъ и изломанность задрапировались новымъ плащомъ, новой позой; но сущность осталась прежняя, наслѣдственная. «Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ» — вотъ гениальная формула, вскрывающая одновременно и старую сущность и новую позу. Да, Евгеній Онѣгинъ — «москвичъ» по своей духовной сущности, по тому наслѣдству, которое онъ получилъ отъ своихъ предковъ, типичныхъ *moscovites civilisés*; но эта его наслѣдственная сущность проявляется въ новой позѣ, «въ Гарольдовомъ плащѣ», потому что ко времени возмужалости Онѣгина старую позу вольтерьянства смѣнила новая поза — пародующагося байронизма.

Мы знаемъ, когда наступила для Евгенія Онѣгина эта пора возмужалости, пора «юности мятежной... пора надеждъ и грусти нѣжной»; это было въ эпоху войны съ Наполеономъ за освобожденіе Европы. Когда улеглась военная буря, когда въ 1815—1816 гг. русское служилое дворянство вернулось домой изъ европейскаго похода съ запасомъ новыхъ чувствъ, мыслей, идеаловъ, то яснѣе, чѣмъ раньше обозначилось дѣленіе русскаго «культурнаго» общества на тѣ три слоя, о которыхъ у насъ была рѣчь выше. Съ одной стороны — та ко всему приспособляющаяся мѣщанская толпа, которую мало интересовали всѣ эти новые идеалы и чувства; съ другой — та сравнительно небольшая группа интеллигенціи, дѣятельностью которой характеризуется вся исторія русской общественной мысли эпохи 1815—1825 гг., т.-е. будущіе декабристы, и наконецъ, посрединѣ между этими двумя полюсами русской жизни — слабовольные, изломанные лишніе люди, «типическія исключенія», одинаково неспособные и смѣшаться въ толпѣ приспособляющейся массы и увлечься идеалами борьбы за приспособленіе среды.

Одинъ изъ такихъ «типическихъ исключеній» своего времени — Евгеній Онѣгинъ. Онъ не типъ своего сословія, своей эпохи, потому что такимъ типомъ является тотъ человѣкъ массы, толпы, сплоченной посредственности, портретъ котораго Пушкинъ такъ удивительно нарисовалъ двумя-тремя штрихами въ десятой строфѣ послѣдней главы своего романа: это тотъ, кто постепенно созрѣвалъ, постепенно приспособлялся къ жизни и средѣ,

Кто страшнымъ сномъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ изъ
хватъ,

А въ тридцать — выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ,
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили дѣлѣй въѣкъ:
N. N. — прекрасный человѣкъ!

Евгеній Онѣгинъ — не этотъ «прекрасный человѣкъ» толпы, мѣщанства, сплоченной посредственности; самъ Пушкинъ беретъ его подъ свою защиту отъ тѣхъ людей, которымъ «посредственность одна... по плечу и не страшна», которые хотѣли бы и въ Онѣгинѣ видѣть эту посредственность, хотѣли бы, чтобы и онъ былъ «добрый малый, какъ вы да я, какъ дѣлѣй свѣтъ»... (VIII, 8—9). Но въ томъ-то и дѣло, что Онѣгинъ выше посредственности, хотя бы по одному тому, что скоро «ему наскучилъ свѣтъ шумъ»; что имъ овладѣла хандра; что, бросивъ свѣтъ, не добиваясь ни денегъ, ни чиновъ, онъ засѣлъ за чтеніе: «отрядомъ книгъ уставилъ полку, читаль, читаль...» (I, 37—44). Нѣтъ, онъ не человѣкъ посредственности; отъ мѣщанскаго берега онъ отчалилъ безповоротливо.

Но онъ не могъ пристать къ другому берегу, не могъ, въ силу полученнаго имъ духовнаго наслѣдства, — и въ этомъ вся трагедія Онѣгина, какъ и вообще всѣхъ лишнихъ людей. Онъ не могъ стать тѣмъ «исключеніемъ», какимъ были лучшіе представители декабризма; онъ былъ «волею судьбы» наслѣдникомъ всѣхъ своихъ родныхъ... Не было силы воли, не было дисциплины ума, не было энергіи, настоятельности, вѣры въ себя. И Онѣгинъ не могъ бы стать ни членомъ Союза Благодѣтелей, ни членомъ кружка «любомудровъ» двадцатыхъ годовъ, ни товарищемъ Павлова и Велевитинова, ни сотрудникомъ Пестеля, Муравьева, Николая Тургенева. А вѣдь теченіе «декабризма» было тогда (послѣ 1816 года) въ полномъ блескѣ своего развитія; серьезные политическіе и социальныя вопросы волновали общество и стали модными даже среди «свѣтской черни» того времени. Въ одномъ неоконченномъ произведеніи Пушкина («Отрывки изъ романа въ письмахъ», 1831 г.), герой его, Владиміръ Z., представляющій собою варіацію типа Онѣгина, такъ вспоминаетъ въ письмѣ къ другу объ эпохѣ

декабризма: «... ты отсталъ отъ своего вѣка—и дѣлымъ десятилѣтїемъ. Твои умозрительныя и важныя разсужденія принадлежатъ къ 1818 году. Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы являлись на балы, не снимая шпагъ: намъ неприлично было танцовать и некогда заниматься дамами. Честь имѣю донести тебѣ, что это все переимѣнилось: французская кадрили замѣнила Адама Смита»... Такова была мода той эпохи, когда общественными вопросами и политической экономїей занялись даже свѣтскія дамы («иная дама толкуетъ Сея и Бентама» I, 42). Сила моды захватила и Онегина; вѣдь мы знаемъ, что онъ «читалъ Адама Смита и былъ глубокой экономъ» (какъ иронически сообщаетъ про своего друга самъ Пушкинъ),—

То-есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ... (I, 7).

Дальше этой характерной для эпохи двадцатыхъ годовъ амальгамы физиократизма съ фритредерствомъ Онегинъ не пошелъ, ограничившись салонными разговорами съ дамами объ Адамѣ Смитѣ, Сеѣ и Бентамѣ... И это какъ разъ въ то время, когда Николай Тургеневъ печаталъ свой серьезный «Опытъ теорїи палоговъ», а Пестель писалъ свою замѣчательную «Русскую Правду». Онегинъ не могъ стать такимъ, сравнительно говоря, исключенїемъ изъ общаго типа приспособившихся къ жизни, точно такъ же, какъ не могъ стать и типичнымъ представителемъ такихъ приспособившихся. Ему суждено было стать «типическимъ исключенїемъ», ни павой, ни воровой, вѣчнымъ скитальцемъ между двумя полюсами русской жизни. И когда онъ, желая порвать съ нелѣпой жизнью среди «свѣтской черни», заперся въ своемъ кабинетѣ и «отрядомъ книгъ уставилъ полку», то онъ не могъ, несмотря на все свое желанїе, дойти и доплыть до другого берега: для этого у него не было достаточнаго запаса духовныхъ силъ. Онъ «читалъ, читалъ—а все безъ толку»: чтенїе не могло помочь ему побѣдить того разлада со средой, которымъ болѣли всѣ его предки. Приспособиться къ средѣ онъ не могъ: онъ былъ выше ея; приспособлять среду онъ тоже не могъ: у него для этого не хватало силы. Оставалась одна дорога—

дорога непроизвольной, бессознательной «позы», опять-таки полученной по наслѣдству отъ предковъ, и позой этой явилось разочарованїе:

Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ—а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ,
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредить повизна... (I, 44).

И разочарованїе это какъ разъ пришлось ко времени, чтобы его можно было облечь въ новую тогу—въ «Гарольдовъ плащъ»; лишенный почвы, уставшій отъ нелѣпой жизни, лишенный человѣкъ ищетъ опоры въ кстати нарождающемся байронизмѣ. Этимъ онъ окончательно входитъ въ рядъ своихъ предковъ; разладъ со средой и вѣковая изломанность духа достигаютъ въ Онегинѣ своего апогея, хотя и проявляются въ новой формѣ. И вотъ какъ разъ къ тому времени, когда Онегинъ охладѣли къ «шуму свѣта» и стали со скучающимъ видомъ то читать книги, то продолжать по инерціи жить въ свѣтѣ, какъ разъ къ этому времени (1818—1820 гг.) появляются и въ жизни и въ литературѣ первые «Москвичи въ Гарольдовомъ плащѣ», первые байроническіе герои на русской почвѣ, появляются «Кавказскіе плѣнники», Алеко, Онегинны. Не потому появились они, что пришла мода на разочарованность, хандру, байронизмъ, а наоборотъ, потому-то такъ и пришлось ко двору байронизмъ, что въ Онегиныхъ были уже на лицо всѣ его элементы. Оттого-то и байронизмъ оказался у насъ такимъ руссифицированнымъ, такимъ московскимъ.

VI.

Кавказскій плѣнникъ, Алеко, Онегинъ—все это родные братья по духу и по историко-генетическому происхожденію; это одинъ и тотъ же типъ, почти одинъ и тотъ же характеръ, по въ различныхъ его проявленїяхъ, въ различныхъ положенїяхъ. И всѣ они нарисованы или, по крайней мѣрѣ задуманы Пушкинымъ въ періодъ его южной ссылки 1820—1824 гг., т.-е. въ тотъ періодъ пушкинскаго творчества, который былъ отмѣченъ вліяніемъ Байрона. Интересно, однако, отмѣтить, что «Кавказскій плѣнникъ», въ которомъ Пушкинъ по собственному признанію, хотѣлъ обри-

совать свой же характеръ, былъ написанъ Пушкинымъ до знакомства съ Байрономъ, или, по крайней мѣрѣ, при самыхъ первыхъ шагахъ этого знакомства. Сравнительно недавно историки литературы обратили вниманіе на старое замѣчаніе критики двадцатыхъ годовъ, что въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» отразились черты вліянія Шатобріана, что въ «плѣнникѣ» нѣтъ почти никакихъ характерно байроническихъ чертъ. Это лишній разъ подтверждаетъ, что байронизмъ былъ только одной изъ возможныхъ формъ проявленія «онегинства»; герои Байрона были только одними изъ духовныхъ предковъ Онегина, но вовсе не ихъ родоначальниками. Начиная отъ Saint-Preux, героя «Новой Элоизы» Руссо, проходя черезъ гетевского Вертера и героевъ нарождающагося иѣмецкаго и французскаго романтизма, въ родѣ Репэ того же Шатобріана, и кончая героями Байрона *) мы имѣемъ рядъ духовныхъ предковъ и родственниковъ Онегина, мы имѣемъ однородные по существу характеры и типы при всемъ громадномъ различіи ихъ проявленій. Психологическая основа въ нихъ почти одна и та же; мы уже говорили, что «лишніе люди»—явленіе всеобщее, міровое, но что въ различныхъ условіяхъ они проявляются различно. Характерныя же черты ихъ типа всюду и всегда остаются тождественными: у всѣхъ ихъ неизбеженъ разладъ со средой, у всѣхъ неизбежна та или иная поза (часто далекая отъ всякаго жеманства, часто на половину безсознательная). Разладъ со средой еще со временъ Руссо характеризуется возрастающимъ разрывомъ съ формами и духомъ современной культуры; эта черта стала одной изъ главнѣйшихъ въ фізіономіи нарождающагося романтизма. Черта эта своеобразно преломилась и въ творествѣ Пушкина («плѣнникъ» и черкесы, Алеко и цыганы) въ наиболѣе «романтическій» періодъ его жизни и творчества—въ указанную выше эпоху 1820—1824 гг.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что пѣвческое мифіе Мицкевича—да и не одного его—объ этомъ періодѣ творчества

*) Несомнѣнное вліяніе Шатобріана на Байрона—давно извѣстный фактъ; еще болѣе тѣсная связь Шатобріана съ творчествомъ Руссо также достаточно извѣстна. Здѣсь передъ нами постепенное развитіе одной и той-же нити литературной эволюціи, имѣющей свое основаніе и обоснованіе въ исторіи общественной жизни Европы второй половины XVIII вѣка.

Пушкина должно считаться сильно преувеличеннымъ. Именно, по мнѣнію великаго польскаго поэта, въ отмѣченные нами выше годы «Пушкинъ попалъ въ сферу притяженія Байрона и вращался около этого свѣтила, какъ освѣщенная его лучами планета. Сюжеты, характеры, идея, форма—все это байроновское въ произведеніяхъ Пушкина его перваго періода»). Конечно, вліяніе Байрона на Пушкина еще болѣе несомнѣнно, чѣмъ предшествовавшее вліяніе Шатобріана на Байрона и Руссо на Шатобріана; несомнѣнно, что форму и отчасти сюжеты Пушкинъ бралъ не безъ вліянія Байрона, но настолько-же несомнѣнно, что и идея и характеры произведеній оставались вполне пушкинскими, вполне русскими, вполне «московскими». Иначе и быть не могло, такъ какъ слишкомъ различны были по существу своихъ талантовъ великій романтикъ Байронъ и великій реалистъ Пушкинъ.

У Байрона обычный разладъ «лишнихъ людей» со средой углубляется до разрыва чловѣка съ міромъ, съ вселенной, съ Богомъ. Безмѣрные, титаническія силы нужны для того, чтобы нести на себѣ слѣдствія этого разрыва, этого «богоборчества», какъ принято говорить въ настоящее время, и всѣ настоящіе герои Байрона—такіе титаны по силѣ духа. Безпредѣльная мощь чловѣческаго духа, смѣло возставшаго противъ Бога, противъ всего міра,—вотъ постоянная тема Байрона, вотъ характерная черта его романтизма, его стремленія «за предѣлы предѣльнаго» чловѣческаго держанія. Этотъ романтизмъ англійскаго поэта былъ совершенно чуждъ Пушкину, который—мы это еще увидимъ—съ такой удивительной ясностью духа принималъ весь міръ въ его цѣломъ, который доходилъ до разрыва съ обществомъ, но не чловѣчествомъ, до разрыва съ культурою, но не съ міромъ. Пушкинъ былъ въ этомъ смыслѣ быть можетъ величайшимъ «реалистомъ» изъ всѣхъ великихъ поэтовъ; онъ былъ «весь земной»; онъ любилъ это солнце, эту землю, этотъ міръ трехъ измѣреній. эту темную, слабую душу реальнаго чловѣка; титанизмъ былъ ему совершенно чуждъ. Никогда онъ не былъ романтикомъ; его байроническій псевдо-романтизмъ былъ поэтому только вполне мимолетнымъ и не-

*) Да и самъ Пушкинъ замѣтилъ, что въ эту эпоху (1820—1824 гг.) онъ отъ Байрона «съ ума сходилъ».

глубокимъ явленіемъ даже въ его творчествѣ 1820—1824 гг.

И когда Пушкинъ самъ понялъ, въпривѣ—безсознательно почувствовалъ это, онъ задумалъ «Евгенія Онѣгина»; крайне любопытно отмѣтить, что онъ задумалъ его еще въ Крыму, т.-е. какъ разъ въ то время, когда писалъ «Кавказскаго плѣнника» (Крымъ—«с'est le berceau de mon Онѣгинъ», замѣтилъ въ одномъ изъ писемъ 1836 г. самъ Пушкинъ). Въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», въ «Братьяхъ разбойникахъ», въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», наконецъ въ «Цыганахъ» онъ пробовалъ придавать черты титанизма, черты духовной силы тому «онѣгинскому» типу, происхождение котораго мы прослѣдили и въ которомъ Пушкинъ такъ вѣрно видѣлъ, какъ уже сказано выше, собственныя свои черты. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше чувствовалъ онъ, что въ сопоставленіи «онѣгинства» съ «силою духа» таятся какое-то непримиримое противорѣчіе, что «волна и камень, стихъ и проза, ледъ и пламень не столь различны межъ собой», какъ сила духа съ одной стороны и «лишніе люди»—съ другой. И загляните—характернѣйшее явленіе!—что и въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», и «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», и въ «Цыганахъ» Пушкинъ, быть можетъ, самъ того не сознавая, въ концѣ концовъ, снималъ со своихъ героевъ маску силы, смывалъ гризетовку титанизма; не характерно ли, что во всѣхъ этихъ поэмахъ передъ нами проходятъ одинъ и тотъ же мотивъ: противопоставленіе слабого мужчины сильной женщинѣ? Мотивъ этотъ, съ такой гениальной простотой проведенный Пушкинымъ и въ «Евгеніи Онѣгинѣ», впоследствии не даромъ сталъ главнымъ мотивомъ всего творчества Тургенева, этого «пушкинскаго» таланта русской литературы, этого постоянного бытописателя типа «лишняго человѣка» въ его ровности сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. На русской почвѣ лишній человѣкъ всегда былъ слабымъ человѣкомъ, безконечно далекимъ отъ байроновскаго титанизма, и Пушкинъ прозрѣлъ это даромъ творческой интуиціи еще задолго до «Евгенія Онѣгина». Столкновеніе этого «типичнаго исключенія» своей среды съ женской всегда кончалось духовной побѣдой и правдивѣй и нравственнымъ пораженіемъ своего героя. Вспомните: вялый, тоскующій Кавказскій плѣнникъ, который «въ упоеній, безъ желаній» вянетъ

«жертвою страстей», и освобождающая его изъ плѣна цѣною своей жизни черкешенка: нѣсколько мелодраматическій, тоскующій татарскій ханъ, надъ которымъ вскорѣ смѣялся самъ авторъ съ друзьями, и Зарема, готовая принести въ жертву своей любви и свою и чужую жизнь. Еще рельефнѣе это противопоставленіе въ «Цыганахъ»: къ этому времени поэтъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что постоянный герой его поэмъ—слабый человѣкъ, которому совершенно не къ лицу того демонизма и титанизма. Алеко, несомнѣнно, самый сильный духомъ изъ всѣхъ героевъ Пушкина—но насколько слабѣе онъ этой силой въ своей непосредственности Земфиры! Окопчаніе «Цыганъ»—слишкомъ явное признаніе нравственнаго пораженія Алеко; то, что еще не ясно намѣчается въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» и «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», уже ясно сказывается въ «Цыганахъ». Пушкинъ все яснѣе и яснѣе осознавалъ характеръ и типъ своего героя; въ то же время онъ все болѣе и болѣе преодолевалъ въ себѣ самомъ отрицательныя черты обрисовываемаго характера. И если въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» онъ хочетъ выставить самого себя, если онъ герою «Цыганъ» довольно подчеркнуто даетъ свое имя, то тутъ же вскорѣ онъ и смѣется надъ своими созданіями («мы вдоволь надъ нимъ—Кавказскимъ плѣнникомъ—посмѣялись»). И когда Пушкинъ пишетъ «Евгенія Онѣгина», то тутъ онъ уже торопится въ первой же главѣ подчеркнуть, что Онѣгинъ—не онъ, не Пушкинъ:

Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгинымъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель,
Или какой-нибудь издатель,
Замысловатой клеветы.
Случая здѣсь мои черты.
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ.
Какъ Байронъ, гордости поэтъ... (I, 36).

Конечно, въ Пушкинѣ было много онѣгинскихъ чертъ такъ же, какъ и во всѣхъ герояхъ «байроническихъ» поэмъ Пушкина, но въ тѣхъ герояхъ черты эти были закутаны флеромъ демонизма и титанизма: тѣхъ героевъ Пушкинъ старался выставить сильными людьми, хотя это ему и не удавалось. Теперь онъ творческимъ чутьемъ пришелъ къ признанію своей ошибки; онъ понялъ, что слабый духомъ чело-

вѣкъ въ плащѣ титана—характерная черта руссифицированного, московскаго байронизма. Вотъ что значитъ яркое опредѣленіе—«москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ»; это значитъ: слабый человѣкъ, пытающійся загримироваться—ну, титаномъ не титаномъ, а по крайней мѣрѣ сильнымъ душою героемъ. И когда Пушкинъ понималъ, когда Пушкинъ почувствовалъ это,—онъ пересталъ ставить на ходули тотъ типъ, который подсказывался ему самой жизнью. Онъ взялъ слабого душою потомка изломанныхъ душою предковъ, взялъ его такимъ, какимъ видѣлъ въ жизни—закутаннаго въ Гарольдовъ плащъ по байронической модѣ и позѣ той эпохи, но только спустилъ его съ ходуль на землю. Тогда появился Онѣгинъ.

Вотъ связь «Евгенія Онѣгина» со всѣмъ предшествовавшимъ творчествомъ Пушкина; вотъ связь его и съ «байронизмомъ» поэта. Несомнѣнно, что начало «Евгенія Онѣгина» относится еще къ «байроническому» періоду жизни Пушкина; недаромъ и самъ Пушкинъ въ предисловіи къ первому и второму изданію первой главы своего романа отмѣтилъ, что глава эта «напоминаетъ Беппо, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона». Позднѣйшей критикой дѣйствительно установлена нѣкоторая чисто-внѣшняя связь между манерой письма «Беппо» и «Евгенія Онѣгина» такъ же, какъ и между героями этихъ произведеній, графомъ и Онѣгинымъ. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ связь эта до того внѣшняя, до того маловажная, что должна быть отмѣчена только мимоходомъ, какъ любопытная мелочь, характерная для изученія байроновскаго вліянія на форму письма Пушкина двадцатыхъ годовъ, но не для изученія внутренней сущности пушкинскаго «романа въ стихахъ». Эта сущность мало по малу складывалась и выяснялась подъ давленіемъ романтизма вообще и байронизма въ частности еще въ періодъ 1820—1824 гг.; туманный обликъ Кавказскаго плѣнника пріобрѣлъ болѣе опредѣленные черты въ Алеко, а поставленный съ ходуль на землю Алеко оказался Онѣгинымъ. И по мѣрѣ того, какъ Пушкинъ писалъ свой романъ, все яснѣе и яснѣе дѣлался для него обликъ героя всѣхъ его поэмъ. Слабый человѣкъ—вотъ его сущность; стремленіе казаться сильнымъ—вотъ его поза; его столкновеніе съ сильной женщиной—вотъ фатальная психологическая завязка и развязка пушкинскихъ поэмъ и романовъ.

И все это выражено Пушкинымъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» съ особенной ясностью, съ окончательной опредѣленностью. То, что смутно было намѣчено поэтомъ въ «плѣнникѣ» и черкешенкѣ, въ Алеко и Земфирѣ, теперь раскрылось во всей своей полнотѣ въ Онѣгинѣ и Татьянѣ; то, что тамъ было окутано псевдо-романтическимъ флеромъ, здѣсь сведено на землю, выражено въ яркихъ реалистическихъ образахъ, въ безсмертныхъ реальныхъ типахъ. При столкновеніи съ Татьяной обнаруживается въ концѣ духовная сущность Онѣгина, и намъ необходимо познакомиться поближе съ Татьяной, понять ее и сказать тогда послѣднее слово о героѣ ея романа, о героѣ всѣхъ поэмъ Пушкина. Вѣдь послѣднее слово объ Онѣгинѣ сказала именно Татьяна.

VII.

Итакъ—она звалась Татьяной...
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань дѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой... (II, 25).

Этимъ словами Пушкинъ начинаетъ характеристику Татьяны, и слова эти сразу вскрываютъ передъ нами главную черту того типа, къ которому принадлежитъ Татьяна: намъ сразу становится ясно, что Татьяна—такое же типическое и исключеніе своей среды, какъ Евгеній Онѣгинъ—своей. А если мы прибавимъ, что среда эта въ обоихъ случаяхъ почти одна и та же, то сразу намъ станетъ яснымъ полное сходство и историко-генетическаго происхожденія Онѣгина и Татьяны, и ихъ принадлежности къ промежуточному слою нарождающихся лишнихъ людей. При этомъ, однако, они принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ психологическимъ типамъ, что съ неизбежностью обуславливаетъ собою и завязку и развязку пушкинскаго романа.

Что историко-генетическое происхожденіе Татьяны и Онѣгина общее—въ этомъ врядъ ли возможны сомнѣнія; почти все, что мы говорили о дѣдахъ и прадѣдахъ Евгенія Онѣгина, можно чуть ли не дословно повторить о бабушкахъ и прабабушкахъ Татьяны, и это въ значительной степени объяснить намъ ея характеръ. Дѣйствительно, за два вѣка европейскаго просвѣщенія русскія женщины испытали не менѣе «волшебныхъ измѣненій милаго лица»,

чѣмъ ихъ отцы, мужья и братья. Если какая-нибудь прапрабабушка Татьяны была еще русской боярыней-затворницей середины XVII вѣка, то зато прабабушка ея—какая-нибудь Наталья Гавриловна Ржевская, невѣста «арапа Петра Великого»—была уже насильно вывезена на петровскую ассамблею, такъ красочно и ярко нарисованную Пушкинымъ въ третьей главѣ только-что названнаго романа. Изъ душегрѣкъ и шушунговъ ее насильно нарядили въ фижмы и робронды и заставили кланяться и присѣдать въ менуэтахъ—«по царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему міру, по нѣмецкому маніру». Ея дочь, бабушка Татьяны, уже съ молодыхъ лѣтъ воспитывалась по такому «нѣмецкому маніру», а позднѣе—вращалась въ обществѣ, зараженномъ, словно эпидемической болѣзью, галломаніей; просмотрите любой изъ сатирическихъ листковъ начала царствованія Екатерины, и вы найдете портретъ бабушки Татьяны въ безчисленныхъ снимкахъ и копіяхъ. У этой петербургской культурной дикарки середины XVIII вѣка была дочь Rachette—мать Татьяны. Этой *ci-devant* Rachette, впоследствии Парасковѣ Лариной, Пушкинъ посвятилъ рядъ мѣткихъ, добродушно-ядовитыхъ строфъ въ «Евгений Онегинъ»; какъ живая стоитъ она передъ нами. Она получила бонтонное воспитаніе въ московскомъ французскомъ пансіонѣ, у какой-нибудь «эмигрантки Фальбала»; въ результатѣ этого воспитанія—

... шисывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полною Парасковью
И говорила парасѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій Н, какъ Н французскій,
Произносить умѣла въ пось (II, 33);

значитъ, она была тайно влюблена; предметъ ея страсти былъ нѣкій «славный франтъ, шрокъ и гвардіи сержантъ». Но «скоро все перемѣнилось»: ее выдали замужъ за бригадiera въ отставкѣ Дмитрія Ларина, который презъ ее «въ свою деревню, гдѣ она, Богъ знаетъ кѣмъ окружена, рвалась и плакала сначала», а потомъ «привыкла и довольна стала». Покойно катилась привольная пошлостіи жизнь, вся пропитанная той «вѣселою старо-русскою помѣщичьего быта» французскимъ языкомъ, которая и понынѣ еще сохранилась въ рѣдкихъ глухихъ уголкахъ. Ларины

... Хранили въ жизни мирной
Привычки мирной старины,

они «любили круглыя качели, подблюдны пѣсни, хороводъ», и въ то же время дѣти ихъ росли на французскихъ романахъ, на французской литературѣ. Татьяна даже «по русски плохо знала... и выражалась съ трудомъ на языкѣ своемъ родномъ» (III, 26), что даже нѣсколько неправдоподобно, если вспомнить о нянѣ Оадевиѣ, взлелѣвавшей Татьяну. Но—во всякомъ случаѣ—вотъ обстановка, въ которой воспиталась и выросла Татьяна.

И Татьянѣ, подобно Онегину, нельзя было отказаться отъ духовнаго наслѣдства, и въ ней съ неизбежностью отразились черты, воспитанныя въ русской женщинѣ всей жизнью XVIII вѣка. Конечно, въ Татьянѣ не было и не могло быть никакихъ чертъ того городского «вырожденства», которыя, несомнѣнно, просвѣчивали въ Онегинѣ; не могло быть хотя бы по одному тому, что всю свою дѣвичью жизнь Татьяна прожила въ глухой деревнѣ. Уже по одному этому, изъ Татьяны не могло выйти полной аналогіи Онегину, какою былъ тѣ жеманный, «младая граціи Москвы», ея кузины, съ которыми она познакомилась впоследствии. Но зато не могла не отразиться на Татьянѣ та наслѣдственная раздвоенность понятій, мыслей, чувствъ, та душевная раздвоенность, которая оказалась въ Онегинѣ гримасой, позой; быть-можетъ, бессознательной гримасой, искренней позой—пусть такъ, но все же позой. Избѣжать этой раздвоенности Татьяна не могла.

Умъ съ сердцемъ не въ ладу, книжныя французскія мысли не въ ладу съ чувствомъ, не въ ладу со всѣмъ бытомъ,—въ этомъ была трагедія многихъ Татьянъ той эпохи. Передъ нами

Татьяна—русская душою,
Сама не зная почему,

какъ великолѣпно говоритъ о ней Пушкинъ (V, 4); передъ нами до глубины души русская дѣвушка. Такова ея внутренняя сущность, таковъ глубокий складъ ея духа; но на этой сущности рядъ постороннихъ наслоеній. Знакомая съ Татьяной, мы невольно вспоминаемъ ея далекую предшественницу, отдѣленную отъ Татьяны столѣтіемъ, невѣсту арапа Петра Великого, Наталью Гавриловну Ржевскую Пушкинъ набросалъ ея недоконченный портретъ легкими и тонкими штрихами; передъ нами дѣвушка, которая была «воспитана по старинному, т.-е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сѣнивыми дѣвуш-

ками; шила золотомъ и не знала грамоты», и въ то-же время она учится «пляскамъ нѣмецкимъ, . . . менуэтамъ и курантамъ» у пѣвшаго шведскаго офицера. Не то ли же самое было и съ Татьяной: воспитаніе подъ крыломъ старушки-няни Оадеевны (пушкинская Арина Родионовна), яркаго воплощенія русскаго народнаго духа, и рядомъ съ этимъ, вмѣсто «плясокъ нѣмецкихъ», французскіе романы? На душу русско-й дѣвушки ложились наслоенія чужихъ, наносныхъ идей и чувствъ, и вотъ, выбитая изъ колен, бродитъ она «съ печальной думою въ очахъ, съ французской книжкой въ рукахъ» (VIII, 5). Старушка-няня, русскія сказки и поговорки, «старинныя были и небылицы», разговоры о старинѣ—и тутъ же рядомъ, въ письмѣ къ Онегину, пересказъ вычитанной у романтиковъ, а можетъ быть и слышанной отъ Ленскаго теоріи предназначенности другъ другу «родныхъ душъ». Въдѣ Ленскій не даромъ былъ «поклонникъ Канта и поэтъ»; «поклонникъ Шеллинга» долженъ былъ сказать Пушкинъ, если бы хотѣлъ взять наиболѣе общій типъ «любомудровъ» двадцатыхъ годовъ. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что проповѣдуемая Ленскимъ мысль почти буквально повторяетъ Татьяна.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна,
Что, безотрадно изнывая
Его всеневно ждетъ она (II, 8).

Вѣдѣ почти все письмо Татьяны къ Онегину составляетъ перифразу этихъ мыслей Ленскаго:

«То въ высшемъ суждено совѣтъ,
То воля Неба: я твоя!
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобою»...

Итакъ, «круглыя качели, подблюдныя нѣсни, хороводъ»—съ одной стороны, а съ другой—романтическая теорія любви, французскіе романы,—какъ же не сказать, что и Татьяна не могла избѣгнуть той искренней позы, которая была удѣломъ типическихъ исключеній этого поколѣнія?

Искренняя поза—это сочетаніе словъ нѣсколько странно, но оно вполне соответствуетъ дѣйствительности. Искренняя поза—это значитъ произвольная поза, бессознательная поза, и именно таково было положеніе типическихъ исключеній онегинскаго поколѣнія. Правда, когда онегин-

ство разлилось широкой волной, когда оно перешло въ мѣщанскую массу, то оно дѣйствительно стало дѣланной, сознательной позой,—мы это еще увидимъ; тогда появились безчисленные уѣздные кавалеры, напускавшіе на себя разочарованность, хандру, байронизмъ. А Онегинъ—и въ этомъ вся разница, и большая разница—не напускалъ на себя хандры, но былъ дѣйствительно въ ея власти. Точно также и Татьяна: она дѣйствительно была во власти своихъ двойственныхъ чувствованій и переживаній; она не была одной изъ тѣхъ «идеальныхъ дѣвъ», у которыхъ весь романтическій экстазъ на половину дѣланной, напускной.

Татьяна не была ни такой «идеальной дѣвой», о которыхъ такъ зло писалъ Бѣлинскій, ни одной изъ тѣхъ «уѣздныхъ барышень», о которыхъ такъ часто съ добродушной проіеіей говорилъ Пушкинъ. «Тѣ изъ моихъ читателей, которые не жили въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни!»—воскликаетъ Пушкинъ устами Бѣлкина въ «Барышнѣ-крестьянкѣ»; въ «Евгеніи Онегинѣ» поэтъ посвящаетъ двѣ строфы описанію альбома уѣздной барышни (IV, 28, 29) и даетъ этимъ прелестную характеристику всего типа уѣздныхъ барышень. Наконецъ, очень милую уѣздную барышню Пушкинъ нарисовалъ въ образѣ Ольги Лариной—веселой, простодушной дѣвицы, какихъ такъ много и въ жизни и въ литературѣ:

. . . . . любой романъ
Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ,
Но надобѣзъ онъ мнѣ безвѣрно... (II, 23).

Эти уѣздныя барышни являются типомъ дѣвушекъ той среды и эпохи: сравнительнымъ исключеніемъ изъ нихъ, по исключеніемъ довольно печальнымъ, являются «идеальныя дѣвы». Это о нихъ говорилъ Пушкинъ въ одной изъ черновыхъ строфъ четвертой главы своего романа:

Что можетъ быть, страна святая,
Неспособнѣй барышнѣ твоихъ,
Плаксивыхъ, скучныхъ, своеправныхъ...
Простилъ-бы имъ ихъ снѣтныя, чванство...
И неопрятность, и жемаństwo—
Но какъ простить имъ модный бредъ
И неуклюжій этикетъ?

Объ этомъ типѣ «идеальныхъ дѣвъ» очень мѣтко и зло писалъ Бѣлинскій, ра-

сказывая, какъ эти идеальныя дѣвы заноемъ читають книги и думаютъ, что понимаютъ ихъ: какъ онѣ мечтають, глядя на луну; какъ списываютъ стихи въ завитыя тетрадки; какъ ведутъ переписку (огромными тетрадищами) съ какой-нибудь подругой, которая живетъ въ томъ-же домѣ, только въ разныхъ комнатахъ. «Сверхъ того, каждая изъ нихъ ведетъ свой дневникъ, весь наполненный «выписными чувствами», въ которыхъ... нѣтъ ничего живого, истиннаго, только претензій и идеальничанье. Онѣ презирають толпу и землю, питають непримиримую ненависть ко всему матеріальному... Многія изъ нихъ не прочь бы и отъ замужества, и при первой возможности вдругъ измѣняютъ свои убѣжденія и изъ идеальныхъ дѣвъ скоро дѣлаются самыми простыми бабами; но въ иныхъ способность обманывать себя призраками фантазій доходить до того, что онѣ на всю жизнь остаются восторженными дѣвственницами и, такимъ образомъ, до семидесяти лѣтъ сохраняють способность къ сентиментальной экзальтаци, къ первическому идеализму» («Отеч. Зап.» 1845 г., т. XXXIX, № 4). Вотъ кто получилъ сполна по наслѣдству всю духовную изломанность дѣлаго ряда предковъ, вотъ чьей участію стала дѣланная поза, гримаса, жеманство..

Татьяна, повторяемъ еще разъ, и не несчастная «уѣздная барышня» и не слезоочивая «идеальная дѣва»; она и не общій шаблонный типъ и не печальное исключеніе, не дѣланная поза и гримаса; она, какъ мы уже сказали, типическое исключеніе своей среды и эпохи. Въ ней мы найдемъ передъ собою типъ дѣвушки съ сильной душой, порывающейся прочь отъ той среды, въ которую ее закинула судьба. Правда, отъ наслѣдственныхъ вліяній никто не можетъ отказаться; но вотъ яркій примеръ борьбы сильно очерченной индивидуальности съ наслѣдственными родовыми и бытовыми типическими чертами. Почему Ольга Ларина—кость отъ костей и плоть отъ плоти своихъ родителей, типичная «уѣздная барышня», а ея сестра, Татьяна, въ раннихъ лѣтахъ, «въ семьѣ своей родной казалась дѣвочкой чужой»? Здѣсь вступаетъ въ свои права, какъ говоритъ устами вѣбродушнаго Бѣлкина Пушкинъ, та «особенность характера, самобытность (individualité), безъ чего, по мнѣнію Жанъ-Польа, не существуетъ человѣческое величіе» («Барышня-крестьянка»). Сильная и глубокая индивидуальность Татьяны жаж-

детъ цѣльности, единства: по ей не дано преодолѣть наслѣдственнаго раздвоенія души и найти самое себя. Русская душою, она всегда будетъ думать по французски: есть печать эпохи, печать воспитанія, печать быта, которую могутъ до известной степени стереть только совершенно исключительные люди. Это было не по силамъ милой, поэтичной Татьянѣ; не находя исхода, она искала спасенія въ одиночествѣ, въ замкнутости, въ книгахъ.

И вотъ судьба столкнула ее съ человѣкомъ, котораго она полюбила, въ которомъ надѣялась найти поддержку, защитника, спасителя. Два раза пришлось ей столкнуться съ нимъ въ жизни, и оба эти столкновения окончательно вскрываютъ передъ нами характеры Татьяны и Онегина.

VIII.

Если бы Татьяна была представительницей массоваго типа русской провинціальной дѣвушки того времени, если бы Татьяна была того же типа, какъ ея сестра Ольга, то романъ Пушкина терялъ-бы свой смыслъ, или вѣрнѣе сказать, приобрѣталъ бы совершенно иной смыслъ: встрѣчи Онегина съ одной изъ тѣхъ темъ «уѣздныхъ барышень». Конечно, и эта задача представляетъ художественный интересъ, и любопытно, что, только-что окончивъ «Евгенія Онегина», Пушкинъ въ 1831 г. принялся именно за такой романъ (отъ него остались только «Отрывки изъ романа въ письмахъ»). Герой этого романа, Владиміръ Z., о которомъ мы уже упоминали—все тотъ-же Онегинъ, настолько тотъ же, что даже «подпись къ портрету княжны Ольги» онъ сочиняетъ въ стилѣ сужденій Онегина про Ольгу Ларину (Онегинъ: «кругла, красна...», какъ эта глупая луна; Владиміръ Z.: «глупа, скучна—et cetera»...). Это второе изданіе Онегина ухаживаетъ въ деревнѣ за своей петербургской знакомой, Лизой, и въ то же время «развлекается» со своей родственницей Машей, типичной «уѣздной барышней». На этомъ романъ обрывается, но дальнѣйшій ходъ его ясенъ: конечно, Владиміръ Z. разорветъ нить своего романа и съ той и съ другой и вернется продолжать онегинствовать въ Петербургъ; одна изъ главныхъ темъ этого неоконченнаго романа—столкновение этого Онегина съ «уѣздной барышней». Но психологическая задача «Евгенія Онегина» совсѣмъ другая: эта тема, эта задача, которую впоследствии

такъ богато развилъ и разработалъ Тургеневъ, является въ то же время и постоянной темой Пушкина. Мы уже указывали, что тема эта—столкновеніе слабого мужчины и сильной женщины.

Сильная женщина, сама не сознающая своей духовной силы, и въ то же время безсильная въ борьбѣ со средою, полюбила слабого мужчину, загроможденного чуть ли не титаномъ. Уже давно ея «душа ждала... кого-нибудь», кто бы не былъ похожъ на уѣзднаго франтика Пѣтушкова, на Буянова, на гусара Пыхтина—вообще на всѣхъ тѣхъ, за кого мечтали-бы выйти замужъ всѣ «уѣздныя барышни». Душа ждала—

И дождалась. Открылись очи;

Она сказала: это онъ! (III, 8).

Этотъ «онъ»—былъ Евгений Онегинъ. Конечно, Татьяна не могла видѣть въ немъ того, кѣмъ онъ дѣйствительно былъ; вѣдь онъ былъ героемъ ея романа, въ немъ она видѣла черты всѣхъ героевъ прочитанныхъ ею романовъ:

Всѣ для мечтательницы нѣжной

Въ единый образъ облеклись,

Въ одномъ Онегинѣ слились... (III, 9).

Она мечтаетъ о немъ; она идеализируетъ своего героя; она вѣритъ, что съ нимъ начнется для нея новая жизнь; что самой судьбой предназначены они другъ для друга; что онъ спасетъ ее отъ той среды, гдѣ она задыхается.

Все это выражено въ томъ письмѣ Татьяны, равнаго которому нѣтъ въ русской литературѣ; все оно пропитано ароматомъ нѣжной и глубокой распускающейся дѣвической души. Тутъ все такъ наивно и такъ глубоко по чувству, тутъ такая глубокая страсть и такой горькій призывъ о помощи, что даже Онегинъ «живо тронутъ былъ»; но, конечно, разочарованный во всемъ, онъ совершенно не сумѣлъ оцѣнить всей непосредственной прелести этого письма, всей глубины натуры Татьяны. Онегинъ не былъ Пушкинымъ, который «свято берегъ» это письмо и перечитывалъ его съ тайною тоскою *); Онегинъ не могъ понять и оцѣнить мятущуюся душу Татьяны.

*) «Письмо Татьяны предо мною, Его я свято берегу, Читаю съ тайною тоскою—И начитаться не могу» (III, 31); возможно, что это—автобиографическое признаніе Пушкина. Эти строки написаны имъ въ Михайловскомъ, въ концѣ 1824 г., когда Пушкинъ читалъ и перечитывалъ письмо своей «Татьяны»—графини Е. К. Воронцовой. См. стих. «Сожженное письмо», 1825 г. (наст. изд., т. II, стр. 287).

А вѣдь она искала въ немъ защиты, опоры, спасенія; она убѣждена, что онъ, сильный духомъ герой, посланъ ей Богомъ, что онъ ея избавитель. Въ удѣлѣвшей программѣ письма Татьяны Пушкинъ заставляетъ ее высказывать слѣдующія мысли: «Я ничего нехочу, я хочу васъ видѣть; у меня нѣтъ никого, придите, вы должны быть то и то; если нѣтъ, меня Богъ обманулъ»... Подчеркнутая нами фраза не передана дословно въ самомъ письмѣ, хотя этой мыслью и проникнуто все письмо; мысль эта—какъ-бы лейтъ-мотивъ его. Татьяна готова на все; она готова на жертву, на страданія, но въ то-же время она ждетъ защиты и спасенія:

. . . . . судьбу мою

Отнынѣ я тебѣ вручаю,

Передъ тобою слезы лью,

Твоей защиты умоляю. . .

Вообрази: я здѣсь одна,

Никто меня не понимаетъ,

Разсудокъ мой изнемогаетъ

И молча гнѣбнуть я должна.

Я жду тебя: единымъ взоромъ

Надежды сердца оживи. . .

Никто ея не понимаетъ; но—что еще хуже—она сама себя не можетъ понять. Гдѣ-то и въ чемъ-то есть спасеніе... Но гдѣ и въ чемъ? О, конечно, въ сильномъ героѣ, въ Онегинѣ: «вы должны быть то и то (читай: сильный духомъ герой, руководитель и т. п.); если нѣтъ—меня Богъ обманулъ»...

Да, дѣйствительно, «Богъ обманулъ» бѣдную Таню: вѣра въ Онегина обманула ее. Это случай общій, характерный для цѣлой эпохи развитія русской женщины. Долго и мучительно искала она дороги и всегда избирала путеводителями Онегиныхъ разныхъ родовъ: кнѣжна Мэри—Печорина, Анжа—Лавренкаго, Наталья—Рудина. И всѣ Онегины отвѣчали всѣмъ Татьянамъ однимъ и тѣмъ же: полнымъ непониманіемъ. И всегда это столкновеніе Онегиныхъ съ Татьянами происходило точно по одному трафарету, такъ гениально просто намѣченному Пушкинымъ: сильная женщина встрѣчалась со слабымъ мужчиной и искала въ немъ поддержки, пути къ новой жизни, спасенія; Онегины почти всегда или не умѣли поддержать, или отталкивали ее, и только впоследствии понимали, что они утратили... Но тогда было уже поздно: всѣ эти сильныя женщины начинали понимать всю духовную слабость своихъ героев.

Такъ это было и съ Татьяной. Послѣ холодной отповѣди Онѣгина на письмо Татьяны, послѣ убійства имъ Ленскаго

. . . . . начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яспѣ, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной...

Когда она прочла книги библіотеки Онѣгина—произведенія Байрона и еще «два-три романа, въ которыхъ отразились вѣкъ»,—то она, вѣроятно, съ трепетомъ, съ болью подумала, что быть можетъ ея герой вовсе не титанъ, не «надменный бѣсъ», а только

. . . . . подражанье,
Ничтожный призракъ, или еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ...
Ужъ не пародія-ли онъ?
Ужель загадку разрѣшила?
Ужель слово найдено? (VII, 24, 25).

Мы уже знаемъ, что въ слѣдующей главѣ самъ Пушкинъ отвѣтилъ отрицательно на послѣдніе вопросы (VIII, 8—10); мы знаемъ, что Евгеній Онѣгинъ не только подражанье, не только пародія; что не случайно надѣлъ онъ на себя Гарольдовъ плащъ; что причины этого коренились глубоко въ общественной почвѣ. Но мы знаемъ также—и это хорошо поняла Татьяна, что этотъ москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ вовсе не титанъ, не «надменный бѣсъ», а слабый, безвольный, тоскующій человекъ.

И когда Татьяна, на этотъ разъ уже «равнодушная княгиня», черезъ три года снова сталкивается съ Онѣгинымъ—она уже хорошо его понимаетъ; его слабость теперь для нея слишкомъ очевидна. Теперь ей обидно—и за себя и за него обидно—«мелкость» героя ея романа; она еще любить его («къ чему лукавить?»), но ей больно сознавать слабость бывшаго титана, котораго она въ немъ хотѣла когда-то видеть. О, какъ бы она и теперь хотѣла видеть его прежнимъ сильнымъ, твердымъ, могучимъ героемъ (вспомните: «прямо передъ ней, блистая взорами, Евгеній стоитъ подобно грозной тѣни», III, 41,—такимъ она представляла себѣ его). И вдругъ вмѣсто былого героя передъ нею слабый, растерянный, безвольный человекъ, какимъ онъ и былъ всегда въ дѣйствительности; она окончательно убѣждается въ этомъ.

Этимъ онъ наноситъ ей неизмѣримо болѣе жестокой ударъ, чѣмъ въ первый разъ, когда онъ въ отвѣтъ на ея письмо читалъ ей холоднымъ тономъ прописную мораль: «учитесь властвовать собою... Не всякій васъ, какъ я, пойметъ (!); къ бѣдѣ неопытность ведетъ»... (III, 16). О, какъ бы она хотѣла услышать отъ него и теперь «холодный разговоръ», вмѣсто жалкихъ слезъ и умоляющихъ посланій.

« . . . . . Знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда-бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла-бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ, и слезамъ...
А пынче!—Что къ мнѣ погамъ
Васъ привело? Какая малость! (VIII, 45).

Какая малость!—вотъ что ей обиднѣе, вотъ что ей горьче всего! Она обманулась въ своемъ идеалѣ; слабого безвольнаго человека она приняла за сильного духомъ героя...

И это разочарованіе—ключъ ко всему поведенію «бѣдной Тани» при послѣдней встрѣчѣ съ героемъ ея романа. Въ ней еще сохранилась любовь къ нему, но ни за что и никогда не рѣшится она связать свою и его судьбу... Легкая свѣтская интрига (былая спеціальность Онѣгина; см. I, 8—12) омерзительна для этой сильной душою женщины: ей нужно или все, или ничего. «Я другому отдана—и буду вѣкъ ему вѣрна»,—эти слова Татьяны, вызвавшія такъ много комментаріевъ на этической почвѣ (начиная съ Бѣлинскаго и вплоть до Достоевскаго *),—эти слова должны быть поняты прежде всего на почвѣ психологической: это отказъ связать свою судьбу съ Онѣгинымъ. О, если бы Татьяна могла вѣрить въ силу Онѣгина, въ его любовь! О, если-бы онъ былъ тѣмъ сильнымъ человекомъ, который тоже имѣетъ своимъ девизомъ: или все, или ничего! Тогда, быть-

*) Какъ извѣстно, Бѣлинскій негодовалъ: «Я другому отдана—именно отдапа, а не отда-ла съ! Вѣчная вѣрность—кому и въ чемъ? Вѣрность такимъ отношеніямъ, которыя составляютъ профанацію чувства и чистоты женственности»... («Отеч. Зап.» 1845 г., т. XXXIX, № 4); а Достоевскій въ своей знаменитой «Пушкинской рѣчи» отвѣчалъ на это: «кому, чему вѣрна?... Да вѣрна этому генералу, ея мужу, честному человеку, ее любящему и уважающему и ею гордящемуся... Пусть она вышла за него съ отчаянія, но теперь онъ ея мужъ, и измѣнивъ ея покровъ, онъ покровъ его позоромъ, стыдомъ и убьетъ его. А развѣ можетъ человекъ основать свое счастье на несчастіи другого?».

можетъ, Татьяна—а если не пушкинская Татьяна, то одна изъ послѣдующихъ многочисленныхъ Татьянъ, героинь Тургенева, въ родѣ Елены изъ «Наканунѣ»—быть-можетъ она ишла бы въ себѣ силы разорвать со средой, съ «мертвящимъ упоениемъ свѣта», съ традиціонной моралью, съ кастовыми предразсудками... Но въдѣ герой Татьяны—Онегинъ! Въдѣ онъ попрежнему охотно удовлетворится свѣтской интригой! Въдѣ любовь Онегина нуждается въ привычной атмосферѣ. Въдѣ онъ увлеченъ не прежней Таней Лариной,

Не этой дѣвочкой пестрѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,—
Но равнодушною кляпней,
Но неприступною богиней
Роскошной царственной Невы... (VIII, 27).

И Татьяна знаетъ это. «Вдали отъ суетной молвы я вамъ не правилась»—говоритъ она Онегину (VIII, 44). И съ такимъ человекомъ связать свою судьбу? Для его быть можетъ минутной вспышки сломать свою и не только свою жизнь? Она отталкиваетъ его, еще продолжая любить; но онъ уже болѣе не герой ея романа. Она плачетъ надъ его письмами; она оплакиваетъ свою былую любовь, свои былыя мечты и надежды; но съ Онегинымъ ихъ пути разошлись навсегда...

IX.

Эти двѣ встрѣчи, два столкновения Татьяны съ Онегинымъ не только окончательно уясняютъ намъ ихъ характеры, но болѣе того—даютъ намъ въ руки путеводную нить для пониманія дѣлаго ряда послѣдующихъ явленій русской общественной жизни, закрѣпленныхъ въ художественной литературѣ. И Татьяна и Онегинъ не сходили со сцены русской жизни и литературы, по крайней мѣрѣ, до эпохи шестидесятыхъ годовъ, да и врядъ ли когда-либо сойдутъ окончательно, такъ какъ въ нихъ есть элементы вѣчной сущности человѣческаго духа.

Татьяна стала родоначальницей лишнихъ женщинъ; онѣ будутъ существовать въ русской жизни и литературѣ до той поры, пока существуютъ Онегины. Кстати замѣтить, Пушкинъ вовсе не показавъ намъ въ Татьянѣ того «истинно-колоссальнаго исключенія», той «гениальной натуры», какую въ ней видѣлъ Бѣлинскій; Пушкинъ далеко не идеализировалъ Татьяны,

хотя и придавъ ея образу такую чарующую поэтическую прелесть. Татьяна, конечно, стоитъ выше окружающаго ея и въ деревнѣ и въ Петербургѣ общества, благодаря индивидуальнымъ особенностямъ своей натуры, но все же она дочь своей эпохи, своего круга людей. Не только стремиться, но и дѣйствительно стать выше ихъ можетъ только слишкомъ исключительная «гениальная натура», какою Татьяна не была. Вырваться своими силами изъ этой среды, приспособить ее къ себѣ, т.-е. создать себѣ особую дѣльную жизнь, Татьяна не можетъ, и при первомъ крушеніи своихъ мечтаній и надеждъ она сама быстро приспосабливается къ окружающей ея атмосферѣ:

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣнительнаго сана
Пріемы скоро поняла! (VIII, 28).

И то уже признакъ ея недюжинной натуры, что это приспособленіе является для нея только внѣшнимъ, видимымъ, только формой, подъ которой еще не потухли былыя мечты, былая любовь:

«.....сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикіи садъ,
За наше бѣдное жилище...» (VIII, 46).

Но эту сильную, недюжинную натуру сковываютъ условія жизни окружающей среды; одна она безсильна спасти себя. А когда она пытается найти поддержку, спасенье, она находитъ Онегина... Гибнетъ сильная натура, ненужной и лишней становится жизнь. И это общая жизнь всѣхъ сильныхъ женщинъ, всѣхъ Татьянъ послѣдующей эпохи: всѣ онѣ становятся лишними женщинами; всѣ онѣ гибнутъ не находя опоры и поддержки въ своихъ Онегиныхъ. Возьмите почти всѣхъ героинь Тургенева—и вы увидите, какъ въ нихъ повторялась въ общихъ чертахъ судьба «бѣдной Тани». Только въ эпоху нашего Sturm und Drang Period'а, въ эпоху шестидесятыхъ годовъ, русская женщина, благодаря духу времени, выбивается изъ-подъ давящей ея среды, гдѣ Онегины—еще одинъ изъ лучшихъ.

И Онегинъ, въ свою очередь, сталъ родоначальникомъ дѣлаго ряда лишнихъ людей, но не сильныхъ, а слабыхъ душею героевъ. Сначала Онегины были немно-

ПУШКИНЪ.

Портретъ кисти Капренскаго. 1827.

Полное собрание сочинений
А. С. Пушкина

численны; они были тѣмъ типическимъ исключеніемъ, о которомъ мы говорили выше; но вскорѣ онегинство, словно эпидемическая болѣзнь, быстро распространилось въ массѣ, въ мѣщанской толпѣ; оно стало модой, дѣланной позой, костюмомъ, стало достояніемъ не только типическихъ исключеній, но и широкой улыбки. Еще въ началѣ 1825 года, послѣ появленія въ печати первой главы «Евгенія Онегина», А. А. Бестужевъ писалъ Пушкину про героя его романа: «Я вижу франта, который душой и тѣломъ преданъ модѣ; вижу человека, которыхъ тысячи встрѣчаю на яву, ибо самая холодность и мизантропія и странность теперь въ числѣ туалетныхъ приборовъ» («Переписка», ed. cit. I, 187). Годомъ позднѣе Булгаринъ писалъ почти то же самое въ «Сѣверной пчелѣ» (1826 г., № 132), послѣ появленія второй главы романа: «До сихъ поръ,—писалъ онъ,—Онегинъ принадлежитъ къ числу людей, какихъ встрѣчаемъ дюжицами на всѣхъ большихъ улицахъ и во всѣхъ французскихъ ресторацияхъ...» А двумя годами позднѣе Иванъ Кирѣевскій, въ своей дѣланной статьѣ «Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина», отозвался объ Онегинѣ еще болѣе рѣзко: «Онегинъ есть существо совершенно обыкновенное и ничтожное... Нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого рода людей и всего меньше поэзіи въ такомъ характерѣ...» («Московскій Вѣстникъ» 1828 г., ч. VIII, № 6, стр. 178—179). Все это показываетъ, что критики той поры не могли еще понять типа Онегина; но, кромѣ того, это показываетъ, что уже къ концу двадцатыхъ и началу тридцатыхъ годовъ онегинство было широко распространеннымъ, массовымъ явленіемъ.

Пушкинъ не могъ не замѣтить массовости этого явленія, пока писалъ свой романъ. На вопросъ: неужто вся молодежь такова?—Пушкинъ могъ бы предвосхитить позднѣйшія слова Лермонтова о «печоринствѣ»: «что много есть людей, говорящихъ то же самое; что есть, вѣроятно, и такіе, которые говорятъ правду; что, впрочемъ, разочарованіе, какъ и всѣ моды, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ» («Герой нашего времени»; «Бѣла»). Пушкинъ видѣлъ это и, быть можетъ, отчасти потому сталъ относиться къ своему герою отрицательнѣе, чѣмъ раньше. Онъ готовъ былъ допустить, — хотя выразилъ это только въ вопросительной формѣ, и то отъ лица Татьяны, — что его герой—«пародія», «словъ модныхъ

полный лексиконъ», что онъ только «щеголяетъ маской», но, въ концѣ концовъ, онъ возсталъ противъ такого пониманія Онегина. «Зачѣмъ же такъ неблагоклонно вы отзываетесь о немъ?» (VIII, 9)—спросилъ онъ и читателей и критиковъ въ родѣ И. Кирѣевского. Этимъ онъ подчеркнул, что Онегинъ—одно, а онегинство—другое, что «странность» Онегина,—«неподражательная» (I, 45); что не надо смѣшивать Онегина съ тѣми добрыми малыми, которые донашивали его костюмъ. Заканчивая въ концѣ 1830 года свой «романъ въ стихахъ», Пушкинъ въ то же время написалъ свои «Повѣсти Бѣлкина», въ одной изъ которыхъ выводитъ на сцену такого добраго малаго, Алексѣя Берестова, донашивающаго онегинскій костюмъ; этотъ провинціальный герой сводилъ съ ума всѣхъ уѣздныхъ барышень, такъ какъ «первый явился передъ ними мрачнымъ и разочарованнымъ, первый говорилъ имъ объ утраченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности; сверхъ того, носилъ онъ черное кольцо съ изображеніемъ мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново въ той губерніи...» («Барышня-крестьянка»). Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше это входило въ моду; въ тридцатыхъ годахъ всѣ уѣздные кавалеры были уже Онегинскими и сводили этимъ съ ума всѣхъ уѣздныхъ барышень.

Но, конечно, не эти уѣздные кавалеры были духовными потомками Онегина; ими были тѣ «лишніе люди» николаевской эпохи, о которыхъ намъ уже приходилось упомянуть выше. Этимъ духовнымъ потомкамъ Евгенія Онегина слѣдовало бы удѣлять не меньше вниманія, чѣмъ его историко-генетическимъ предкамъ; этой обширной темѣ посвященъ многочисленный рядъ работъ. Мы замѣтимъ только, что какъ ни разнообразны характеры многочисленной группы лишенныхъ людей, но всѣ они принадлежатъ къ одному и тому-же типу: все это, начиная отъ Чацкого и Онегина и кончая героями Чехова,—ни павы, ни вороны; все это люди, отъ мѣщанскаго берега отставшіе и къ берегу индивидуализма не приставшіе; все это слабые, безвольные, мятущіеся люди. Николаевская система официального мѣщанства создала удобную почву, на которой развивались такіе характеры не только въ зависимости отъ историко-генетическаго происхожденія, но и въ силу социально-политическаго положенія. Въ силу этого положенія и роль лишенныхъ людей сороко-

выхъ—пятидесятихъ годовъ (Бельтовъ, Рудинъ) была пинал, чѣмъ въ свое время роль Евгенія Онѣгина: Онѣгинъ былъ почти пассивнымъ статистомъ на сценѣ русской общественной жизни, а Бельтовъ или Рудинъ были активными дѣателями, хотя и безсильными совершить что-либо. Правда, они ничего не сдѣлали; они «говорили, говорили, говорили—и только»; но уже давно замѣчено, что бываютъ времена, когда слово—большое дѣло. За Онѣгинымъ же не было ни слова, ни дѣла. Ну, конечно: «яремъ отъ барщины старинной оброкомъ легкимъ замѣнилъ, и рабъ судьбу благословилъ», на что до надобливости единодушно указываютъ всѣ комментаторы «Евгенія Онѣгина»; но вѣдь и это Онѣгинъ сдѣлалъ лишь для того, «чтобъ только время проводить!» (II, 4). То, что для современника Онѣгина, декабриста Якушкина, было дѣломъ нравственнаго долженствованія, для Онѣгина было лишь средствомъ какъ-нибудь убить время. Во сколько же разъ выше такого онѣгинскаго «дѣла» горячія «слова» Рудина, будившія мысль, поднимавшія энергію, пробуждавшія челоѣка!

Въ шестидесятихъ годахъ на смѣну лишнимъ людямъ, потомкамъ стараго служилаго дворянства, загубленнымъ и духовной наслѣдственностью и глухой петлей николаевскаго режима, пришли сильные и бодрые «разночипцы»; казалось, что онѣгинство навсегда похоронено. Такъ казалось; оказалось же нѣчто совершенно противоположное; оказалось, что чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ яснѣе и живѣе воскресаютъ среди русской интеллигенціи черты навсегда похороненнаго онѣгинства. Въ шестидесятихъ и семидесятихъ годахъ разладъ со средой сталъ больно чувствоваться, какъ оторванность отъ почвы, какъ разрывъ между интеллигенціей и народомъ; понадобилась еще четверть вѣка жизненнаго опыта и народа и интеллигенціи, чтобы выяснился путь ихъ взаимнаго пониманія. А если прибавить, что, кромѣ оторванности отъ почвы и разлада со средой—староаго наслѣдства всего XVIII и XIX вв.,—интеллигенція все это время испытывала тяжелое давленіе извнѣ, что борьба ея становилась все героичнѣе, но и все безнадежнѣе вплоть до восьмидесятихъ годовъ миновавшаго вѣка, то станетъ яснымъ неизбѣжность возрожденія къ этому времени онѣгинства, конечно, въ новыхъ формахъ. Появились слабые, безвольные, лишніе

люди восьмидесятихъ годовъ, чеховскіе герои, Лаевскіе, Ивановы и имъ подобные.

Всѣ они—несомнѣнные потомки Онѣгина, несомнѣнные наслѣдники его характера, его міропониманія. Еще въ 1821—1822 г. Пушкинъ писалъ, что въ «Кавказскомъ пѣвнѣ» онъ хотѣлъ изобразить «это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которая сдѣлалась отличительными чертами молодежи XIX вѣка» («Переписка», I, 36). Прибавимъ: молодежи и начала и конца XIX вѣка, какъ ни различны тѣ формы, въ которыхъ проявлялась ихъ преждевременная старость души. Пусть въ этой преждевременной старости социологъ ищетъ признаковъ дегенератства, «собачьей старости», вырожденія; черты эти несомнѣны хотя бы по одному тому, что на всемъ протяженіи исторіи русской интеллигенціи эта старость души всегда была слѣдствіемъ великой усталости послѣ безплодной борьбы цѣлыхъ поколѣній за жизнь. Пусть такъ; пусть онѣгинство—болѣзнь или усталость духа; пусть правъ осуждающій его историкъ и социологъ. Но вотъ вопросъ: нѣтъ ли въ этой «болѣзни» такихъ элементовъ, которые дороже и цѣннѣе самого здоровья? Или, возвращаясь къ Онѣгину, тотъ же вопросъ въ болѣе опредѣленной формѣ: не является ли «болѣзнь» Онѣгина для Пушкина самымъ цѣннымъ въ немъ свойствомъ, самой цѣнной стороной героя его романа и всѣхъ его поэмъ?

Да, это несомнѣнно такъ. Въ Онѣгинѣ, несомнѣнно, были такіе черты, которыя ставили его выше «хладной посредственности», и черты эти были особенно не по душѣ той массѣ, которой «посредственность одна по плечу и не странна»; въ этомъ состояла и «болѣзнь» Онѣгина. Болѣзнь эта—le mal du siècle—та «мировая скорбь», которой страдали многіе изъ лучшихъ людей на Западѣ, особенно послѣ крушенія надеждъ и иллюзій 1789—1793 гг.; на этой почвѣ выросъ, этимъ страданіемъ пропитался и байронизмъ, слабое отраженіе котораго мы видѣли въ русской литературѣ. Вопросы о цѣности бытія, о смыслѣ существованія стали во всей своей остротѣ передъ наиболѣе чуткими людьми, искавшими послѣднихъ отвѣтовъ на послѣдніе вопросы: «зачѣмъ я существую?... Зачѣмъ все живущее въ мірѣ такъ несчастно?» (Байронъ; «Каинъ»); а

безсиліе отвѣтить на подобныя вопросы было одною изъ причинъ «міровой скорби». Конечно, Онѣгинъ не былъ и не могъ быть носителемъ этой скорби за людей, за человѣчество, за міръ; конечно, въ Онѣгинѣ не было никакихъ элементовъ «богоборчества», какъ слѣдствія, проявленія и выраженія этой міровой скорби. И мы видѣли, что когда Пушкинъ понялъ это, то пересталъ воспринимать титаническихъ героевъ и перешелъ къ обрисовкѣ типа Евгенія Онѣгина. Все это такъ, но тѣмъ не менѣе крайне ошибочно было бы утверждать, что вся хандра и разочарованность Онѣгина—исключительное слѣдствіе Katzenjammer'a безъ малѣйшей черты Weltschmerz'a, какъ это утверждалъ когда-то Писаревъ: Да, конечно, Онѣгинъ не носитель осознанной міровой скорби; его хандра («недугъ котораго причину давно бы отыскать пора», I, 38) имѣетъ своей причиной не этические, философскіе или религіозныя мотивы, а историческія, общественныя и сословныя условія; но въ то же время въ Онѣгинѣ впервые—по крайней мѣрѣ впервые въ нашей литературѣ—русская интеллигенція подошла вплотную къ началу проклятыхъ вопросовъ, не разлучныхъ съ міровой скорбью:

Блаженъ, кто старъ! Блаженъ, кто боленъ!
Надъ тѣмъ лежитъ судьбы рука.
Но я здоровъ, я молодъ, воленъ;
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!

Такъ восклицаетъ Онѣгинъ и уже однимъ этимъ пріобщается къ «міровой скорби», правда, въ самомъ ея примитивномъ видѣ; тоже однимъ этимъ Пушкинъ отдѣляетъ его отъ безчисленной толпы добрыхъ малыхъ, донашивающихъ онѣгинскій костюмъ. Вопросы о цѣли бытія, о цѣли собственной жизни никогда не мучаютъ добрыхъ малыхъ—Алексѣевъ Берестовыхъ или позднѣйшихъ чеховскихъ «нормальныхъ» людей въ родѣ фонъ-Кореновъ и докторовъ Львовыхъ («Дуэль», «Ивановъ»); эти вопросы и эта иной разъ безсознательная тоска—удѣлъ Онѣгинскихъ. Онѣгинъ впервые подошелъ къ истоку этихъ «прямыхъ вопросовъ», которые впоследствии такимъ широкимъ потокомъ залили собою русскую жизнь и литературу и все глубже и глубже становились для русской интеллигенціи ея жизненной трагедіей.

И вотъ эта-то «болѣзнь» Онѣгина для Пушкина (да и для насъ) дороже всякаго здоровья добрыхъ малыхъ—Алексѣевъ Бе-

рестовыхъ и всѣхъ, яже съ ними. Пусть эта болѣзнь была въ Онѣгинѣ мало осознанной, по съ тѣмъ большей силой онъ страдалъ отъ нея. Пусть Онѣгинъ по умственному развитію былъ неизмѣримо ниже лучшихъ людей своей эпохи—Пестелей, Тургеневыхъ и прочихъ главарей декабризма, но зато была область, въ которой онъ, самъ того не сознавая, былъ гораздо выше ихъ: это именно область тѣхъ мучительныхъ недоумѣній о цѣли жизни, которыя были совершенно чужды позитивному міровоззрѣнію декабризма. Это не значитъ, разумѣется, что онѣгинство есть конечный этапъ чувства и мысли; онѣгинство есть первый вопросъ, на который надо такъ или иначе отвѣтить, и мы сейчасъ увидимъ, какъ отвѣчалъ и отвѣтилъ на этотъ вопросъ самъ Пушкинъ. Но, во всякомъ случаѣ, вотъ что несомнѣнно: поскольку онѣгинство есть «болѣзнь», близкая міровой скорби, постольку оно было дорого Пушкину. Это болѣзнь, которая дороже всякаго нравственнаго здоровья, всякой духовной сытости и ограниченности; это болѣзнь, которой только и можно желать для всѣхъ погруженныхъ въ самодовольную духовную спячку, для всѣхъ добровольныхъ кастратовъ духа, для всѣхъ слѣпо вѣрующихъ въ ту или иную догму или систему. Но въ то же время это болѣзнь, которой надо переболѣть не для того, чтобы погрузиться въ прежнюю духовную спячку, а для того, чтобы подняться на болѣе высокую ступень самосознанія; этой болѣзни надо переболѣть, но ее необходимо и преодолѣть.

Какъ преодолѣлъ ее Пушкинъ и къ чему онъ, мало-по-малу, пришелъ въ то время, когда писалъ свой романъ,—вотъ о чемъ намъ предстоитъ еще сказать. «Евгеній Онѣгинъ» и Россія XVIII и XIX вв.—этой темѣ мы посвятили предыдущія страницы; намъ осталось заключить нашъ очеркъ краткимъ по необходимости развитіемъ второй темы—«Евгеній Онѣгинъ» и міровоззрѣніе Пушкина.

X.

Пушкинъ началъ писать «Евгенія Онѣгина» (9 мая 1823 года) еще въ Бессарабіи, когда онъ былъ, по удачной игрѣ словъ его друзей, не столько «бессарабскій», сколько «бѣсъ арабскій»; онъ продолжалъ его въ 1823—1824 гг. въ «Одессѣ пыльной» (заключена первая глава, написана вторая,

начата третья), въ 1824—1826 гг. въ Михайловскомъ, «въ тѣни лѣсовъ Тригорскихъ» (закончена третья глава, написаны четвертая, пятая, шестая); наконецъ, послѣднія двѣ главы писались въ 1827—1830 гг. то въ Москвѣ, то въ Михайловскомъ, то въ Петербургѣ, то въ Болдинѣ; 25 сентября 1830 года Пушкинъ дописалъ послѣднія строки романа. Итакъ, по подсчету самого Пушкина, онъ писалъ этотъ свой романъ «7 лѣтъ, 4 мѣсяца, 17 дней», а въ дѣйствительности гораздо больше, такъ какъ въ теченіе почти всего 1831 года онъ продолжалъ работать надъ послѣдней главой романа; онъ былъ тогда уже женатъ, «остепенился» и вообще вступилъ уже въ послѣдній періодъ своей короткой и бурной жизни. Если же мы вспомнимъ, что колыбелью своего «Онѣгина» Пушкинъ считалъ Крымъ, и что въ Крыму онъ былъ въ 1820 году, то увидимъ, что «Онѣгинъ» сопровождалъ Пушкина въ теченіе лучшаго десятилѣтія его жизни, и что Пушкинъ имѣлъ основаніе заключить свое прощаніе съ Онѣгинымъ многозначительными словами: «прости жъ и ты, мой спутникъ странный» (VIII, 50).

Только къ концу романа, только мало-помалу, къ концу эпохи 1820—1830 гг., стали приходить къ гармоническому сочетанію разныя стороны мятушагося духа Пушкина; только въ этому времени у него сложилось въ окончательныя формы и осозналось его «міровосчувствованіе», свойственное его психологическому типу; только къ этому времени проявился во всей своей силѣ и чарующей красотѣ яркій, гармоничный «пушкинскій» взглядъ на міръ, на жизнь, на человѣка. Развитие этого взгляда закрѣплено въ лирическихъ произведеніяхъ Пушкина, начиная отъ лицейскаго періода и до 30-хъ годовъ; но развѣ и весь «Евгеній Онѣгинъ» не удивительная лирическая поэма? И, такимъ образомъ, если въ лирикѣ отражается сознательная или безсознательная философія поэта, то развѣ не въ «Евгеніи Онѣгинѣ» намъ надо искать эту «философію» Пушкина или, вѣрнѣе, его стихійную мудрость? Попробуемъ же снова обратиться къ «Евгенію Онѣгину», но оставимъ совершенно въ сторонѣ и Онѣгина, и Татьяну, какъ типы определенной эпохи, и петербургскій «большой свѣтъ», и провинціальныхъ чудаковъ; обратимся снова къ «Евгенію Онѣгину», но въ «небрежныхъ строфахъ» этого романа будемъ искать только самого

Пушкина, только его чувства, мысли, настроенія; посмотримъ, какъ и въ какомъ направленіи развивалось отношеніе Пушкина къ міру, жизни, человѣку въ эти «7 лѣтъ, 4 мѣсяца, 17 дней» (а въ сущности около десяти лѣтъ), когда онъ обдумывалъ и писалъ этотъ свой «романъ въ стихахъ».

Въ 1823 году, начиная «Евгенія Онѣгина», Пушкинъ написалъ своего знаменитаго «Демона»; въ 1830 году, только что закончивъ этотъ романъ, Пушкинъ написалъ тѣсно связанный по идеѣ съ «Демономъ» отрывокъ «Въ началѣ жизни школу помню я...». Оба эти стихотворенія—исповѣдь поэта, и оба они тѣсно связаны съ «Евгеніемъ Онѣгинымъ». Еще «въ началѣ жизни», еще въ тѣ дни, когда поэту «были новы все впечатлѣнія бытія», его вниманіе привлекли «двухъ бѣсовъ изображенія».

Одинъ (Дельфійскій плоть), лпкъ молодой—
Былъ гнѣвъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной...

Это былъ «сей ангелъ, сей надменный бѣсъ», который надолго сталъ Демономъ Пушкина, «страннымъ спутникомъ» его жизни:

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Непостоянкой клеветой
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновеніе презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ...

По этотъ Демонъ, знакомый Пушкину, по собственному признанію поэта, уже съ начала его сознательной жизни, сперва стоялъ въ тѣни и посѣщалъ поэта лишь мимоходомъ; въ послѣдніе годы лицейской жизни и въ первые годы свѣтской петербургской жизни Пушкина, т.-е. въ періодъ его жизни до 1820 года, властителемъ души поэта былъ

Другой—женообразный, сладострастный,
Сомнительный и живой идеалъ,
Возбѣдный демонъ—живой, но прекрасный.

Это была пора необузданнаго, безмѣрнаго пушкинскаго эпикуреизма, та пора, о которой онъ самъ вспоминалъ въ одной

пзъ позднѣйшихъ строфъ «Евгенія Онегина»:

И я, въ законъ себѣ вѣпя
Страстей единый произволъ,
Съ толпою чувства раздѣляя,
Я музу рѣвую привелъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ...
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары
И какъ вакханочка рѣвнлась... (VIII, 3).

Это была пора, когда «волшебный демонъ» нашептывалъ поэту простую и соблазнительную мудрость жизни: розы наслажденья, круговая чаша, «пиры, любовницы, друзья», жизнь, проведенная «межъ Вакха и Амура», и легкая смерть на груди любовницы—вотъ мудрость жизни, вотъ ея философія.

Какъ извѣстно, этотъ легкомысленный, юношескій эпикуреизмъ сталъ понемногу уступать мѣсто болѣе строгому взгляду на міръ и на жизнь еще въ періодъ свѣтской петербургской жизни Пушкина, до его ссылки 1820 года. Не надо забывать, что послѣднее Пушкинъ попалъ въ среду военной молодежи, весьма высокой въ ту эпоху по своему умственному уровню и проникнутой общественными и политическими интересами; къ этой эпохѣ относится и благотворное влияние Чаадаева на Пушкина. Въ рядѣ стихотвореній той эпохи, на ряду съ прежнимъ восхваленіемъ даровъ Вакха и Амура, мы слышимъ также первые звуки «разочарованія», первые звуки голоса пушкинскаго Демона. Правда, «кто чувствовалъ, того тревожитъ призракъ невозвратимыхъ дней: тому ужъ нѣтъ очарованій, того змѣя воспоминаній, того раскаянья грызеть»; но непосредственно за этимъ раскаяніемъ—предостная ядовитая выходка *pro domo sua*: «все это часто придаетъ большую прелесть разговору!» (I, 46). Какъ видимъ, во всемъ этомъ есть еще много «разговора»; и эту ядовитую бутаду нашептывалъ поэту его Демонъ. Этотъ Демонъ, «духъ отрицанія, духъ сомнѣнія» заставлялъ поэта не ограничиться легковѣснымъ порицаніемъ эпикуреизма былыхъ «невозвратимыхъ дней», а заставлялъ его подойти къ болѣе острому вопросу: да есть ли въ жизни вообще что либо цѣнное, во имя чего слѣдовало бы порицать бывшее прожиганіе жизни? Быть-можетъ, свобода и любовь—сказки, жизнь—пасмѣшка, природа и окружающій міръ—сплошное зло, прекрасное—недостижимая мечта? Мы знаемъ, что именно это и именно такими словами нашептывалъ Пушкину его Демонъ; онъ нашептывалъ ему, что жизнь—безсмыслица, что въ мірѣ и жизни нѣтъ никакой (ни объективной, ни субъективной) цѣнности.

Къ этому времени впервые Пушкинъ глубоко призадумался надъ жизнью; въ своемъ посланіи Чаадаеву Пушкинъ писалъ (въ апрѣлѣ 1821 года) изъ своей бессарабской ссылки:

... сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ пѣху
Для сердца повую вкушаю тишину;
Въ уединеніи мой своеобразный гений
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій...

Несомнѣнно, что въ это время Пушкина «къ размышленію влекло» все то, о чемъ онъ говоритъ въ «Евгеніи Онегинѣ»:

«плоды наукъ, добро и зло, и предрасудки вѣковые, и гроба тайны роковыя, судьба и жизнь...» (II, 16). Правда, во все это время Пушкинъ по вѣшности оставался тѣмъ же необузданнымъ повѣсой, какимъ былъ въ Петербургѣ; онъ все еще былъ неперебѣсившійся «бѣсъ арабскій»; онъ часто вспоминалъ о своей былой шумной и угарной жизни въ Петербургѣ, изнывалъ отъ скуки и бранилъ «проклятый городъ Кншинева», какъ позднѣе и Одессу. Эта вѣшность часто обманываетъ тѣхъ узкихъ ригористовъ, которые не могутъ понять,

Что умъ высокій можно скрыть

Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ...

Такъ не понимали и Пушкина. А между тѣмъ въ глубинѣ его души все сильнѣе и сильнѣе звучалъ голосъ разочарованія былой жизнью: «увы! на разныхъ забавы я много жизни погубилъ!» (I, 30). Но тутъ же рядомъ сталъ звучать и другой голосъ—голосъ пушкинскаго Демона. Правда, «кто чувствовалъ, того тревожитъ призракъ невозвратимыхъ дней: тому ужъ нѣтъ очарованій, того змѣя воспоминаній, того раскаянья грызеть»; но непосредственно за этимъ раскаяніемъ—предостная ядовитая выходка *pro domo sua*: «все это часто придаетъ большую прелесть разговору!» (I, 46). Какъ видимъ, во всемъ этомъ есть еще много «разговора»; и эту ядовитую бутаду нашептывалъ поэту его Демонъ. Этотъ Демонъ, «духъ отрицанія, духъ сомнѣнія» заставлялъ поэта не ограничиться легковѣснымъ порицаніемъ эпикуреизма былыхъ «невозвратимыхъ дней», а заставлялъ его подойти къ болѣе острому вопросу: да есть ли въ жизни вообще что либо цѣнное, во имя чего слѣдовало бы порицать бывшее прожиганіе жизни? Быть-можетъ, свобода и любовь—сказки, жизнь—пасмѣшка, природа и окружающій міръ—сплошное зло, прекрасное—недостижимая мечта? Мы знаемъ, что именно это и именно такими словами нашептывалъ Пушкину его Демонъ; онъ нашептывалъ ему, что жизнь—безсмыслица, что въ мірѣ и жизни нѣтъ никакой (ни объективной, ни субъективной) цѣнности.

И Пушкинъ одно время, повидимому, внявъ этому своему Демону, вѣрилъ—былъ побѣжденъ имъ:

Мнѣ было грустно, тяжело, больно,
Но, одолевъ мой умъ въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ.

Первая борьба съ Демономъ окончилась пораженіемъ поэта; Пушкинъ призналъ, по его же выраженію, «вѣчныя противорѣчія сущности»; онъ написалъ тогда своего «Демона» и «Телѣгу жизни» (1823 г.). Въ чемъ цѣль, въ чемъ смыслъ жизни? Ихъ нѣтъ; цѣль—«ночлегъ», могила, къ которой «время гонитъ лошадей»...

XI.

И вотъ, въ такую полосу своей жизни Пушкинъ началъ писать «Евгенія Онѣгина»; въ героѣ этой поэмы Пушкинъ мало-по-малу и на половину безсознательно преодолевалъ своего «злого гения», Демона, какъ это уже давно отмѣчено изслѣдователями, начиная съ Анненкова. Громадное значеніе имѣетъ поэтому тоже давно доказанная въ пушкинской литературѣ тѣсная связь типа Онѣгина съ чертами Демона ¹⁾; строфы 45—46 первой главы «Евгенія Онѣгина» составляютъ разработку тѣхъ же мотивовъ, которые выражены въ «Демонѣ» и въ черновыхъ наброскахъ къ нему:

Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ... (I, 45).

«Рѣзкій, охлажденный умъ» Онѣгина и его «язвительный споръ»—это тѣ самыя «язвительныя рѣчи» Демона, которыя вливали въ душу Пушкина «хладный ядъ», и насколько въ самомъ Пушкинѣ были тогда ярки эти общія и Онѣгину и Демону черты—ясно изъ того, что близко узнавшій Пушкина Мицкевичъ видѣлъ въ указанныхъ строфахъ «Евгенія Онѣгина» (I, 45—46) вѣрный портретъ самого поэта. Когда Пушкинъ нѣсколько привыкъ къ голосу своего Демона, «лукаваго», «злого гения», то понималъ, что въ нашептываемыхъ имъ словахъ нѣтъ ничего «демоническаго». Да, ни міръ, ни жизнь не имѣютъ абсолютной цѣнности, не имѣютъ объективнаго смысла; но для того, чтобы прійти къ этой истинѣ, нѣтъ никакой необходимости быть

«надменнымъ бѣсомъ», Демономъ; достаточно быть только человѣкомъ. Правда, Демонъ шелъ дальше: онъ нашептывалъ поэту, что жизнь и міръ не имѣютъ вообще никакой цѣнности—и вотъ именно это утвержденіе абсолютнаго нигилизма преодолевалъ Пушкинъ. Въ Онѣгинѣ мы имѣемъ такое отрицаніе всякой цѣнности жизни; одно время именно такой взглядъ на жизнь сталъ удѣломъ Пушкина:

Открылъ я жизни бѣдный кладъ,
Въ забвѣу прежнихъ заблужденій,
Въ забвѣу вѣры и надеждъ... ¹⁾

А эта вѣра и надежда нашла свое одетвореніе въ поэтическомъ образѣ Ленскаго.

Фарнгагенъ-фонъ-Энзе въ своей статьѣ о Пушкинѣ (въ „Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik“, 1838 г., Oct.) одинъ изъ первыхъ отмѣтилъ, что Онѣгинъ и Ленскій—раздвоеніе души самого поэта, подобно братьямъ Фультъ и Вальтъ у Ж.-П. Рихтера. Это положеніе стало скорѣе общепринятымъ; слишкомъ несомнѣнно, что Пушкинъ одновременно заключалъ въ своей душѣ и Онѣгина и Ленскаго. Конечно, въ то же самое время оба они не отвлеченные символы, а вполне реальныя общественныя типы, но въ томъ-то и состоитъ искусство художника, что онъ объективируетъ въ реальномъ образѣ свои внутреннія переживанія и мысли. Такъ и Ленскій, часть души поэта, сталъ въ то же время реальнымъ типомъ; его характеристика въ 6—10 строфахъ второй главы романа—цѣнный общественно-бытовой и психологическій портретъ «романтика» двадцатыхъ годовъ ²⁾. Его романтизмъ очерченъ сжато и великолѣпно; теорія любви, какъ соединенія предназначенныхъ другъ другу «родныхъ душъ», шеллингъанская вѣра въ «гения», мистическая вѣра въ прогрессъ—все это списано прямо съ натуры; съ натуры списанъ и тотъ сентиментальный псевдо-романтизмъ школы Карамзина—Жуковского, который въ то время считался истиннымъ романтизмомъ. «Темно и вяло» Ленскій «пѣлъ любовь..., разлуку и печаль, и нѣчто, и туману дадь, и романтическія розы»,—вообще, все то, «что ро-

¹⁾ См. объ этомъ статью Л. Поливанова, «Демонъ Пушкина» («Русск. Вѣстн.» 1886 г., № 8, стр. 827—830), и подробное примѣчаніе къ «Демону» Н. Лернера, въ т. II, стр. 618 настоящаго изданія. Въ этомъ же примѣчаніи читатели найдутъ указанія на связь образа Демона и типа Онѣгина съ лицомъ А. Н. Раевского,—вопросъ, который мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ.

¹⁾ Этотъ черновой отрывокъ (1823 г.) относится или къ «Демону», или къ 45—46 строфѣ I главы «Евгенія Онѣгина»: настолько они близки другъ другу.

²⁾ Предполагаютъ, что въ Ленскомъ обрисованы многія черты В. Кюхельбекера.

мантизмомъ мы зовемъ, хоть романтизма тутъ нисколько не вижу я», какъ проически замѣтилъ самъ Пушкинъ (II, 10; VI, 23). Во всякомъ случаѣ, Ленскій—яркій типъ той эпохи, одинъ изъ представителей философско-художественнаго теченія 1818—1826 годовъ, одновременнаго декабризму.

И въ то же время Ленскій, несомнѣнно, часть души самого Пушкина; если Онегинъ—это тотъ Пушкинъ, который отрицаетъ какую бы то ни было цѣнность жизни, то Ленскій—это тотъ Пушкинъ, который пытается противопоставить абсолютному нигилизму вѣру въ осмысленность жизни, въ ея тайную цѣль:

Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ
И чудеса подозревалъ (II, 7).

Эти «чудеса» не исчерпываются одною вѣрою въ соединеніе родныхъ душъ, но и заключаютъ въ себѣ вѣру въ блаженное будущее людей и счастье человѣчества: на пути къ совершенству ведутъ насъ избранные герои духа, гении, и «ихъ безсмертная семья неотразимыми лучами когда-нибудь насъ озаритъ и міръ блаженствомъ одаритъ» (II, 8; ср. II, 38). Но Ленскому мало было этой «вѣры въ прогрессъ», выражаясь современнымъ терминомъ; ему мало было вѣры въ блаженство будущихъ поколѣній; онъ хотѣлъ еще и личнаго безсмертія—и этимъ выражалъ собою чувства самого Пушкина. Пушкинъ страшился загробнаго «ничтожества», и въ то самое время, когда его все болѣе и болѣе склоняла къ себѣ система «чистаго Атеизма» («система..., къ несчастію, болѣе всего правдоподобная»; «Переписка», I, 103), въ это самое время онъ еще борется за вѣру, ищетъ спасенія въ «мечтахъ поэзіи прелестной» (см. отрывокъ «Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный», 1822 г., особенно въ его первоначальномъ видѣ). Такъ въ Пушкинѣ боролся абсолютный нигилизмъ Демонъ-Онегина съ простодушной вѣрой Ленскаго; нетрудно было предсказать, кто выйдетъ изъ этой борьбы побѣдителемъ: «романтикъ» Ленскій былъ убитъ въ Пушкинѣ скептикомъ Онегинымъ. Хотя Пушкинъ всегда завидовалъ вѣрѣ и осуждалъ сухой рационализмъ (см. еще «Безвѣріе», 1817 г., и ср. «Ев. Он.», IV, 51), но все же всегда Ленскій въ немъ оказывался побѣжденнымъ и, наконецъ, былъ побѣжденъ окончательно.

Но Онегинъ, въ свою очередь, оказался побѣжденнымъ; Пушкинъ преодолѣлъ и необоснованную слѣпую вѣру и разочарованное абсолютное отрицаніе. Правда, борьба съ Онегинымъ и преодолѣніе его были неизмѣримо болѣе трудными; не сразу одержалъ Пушкинъ побѣду, не сразу разогналъ тучи и разсвѣилъ бурю: это былъ тяжелый и постепенный процессъ освобожденія отъ путъ абсолютнаго нигилизма. Путь эти долго скрѣпляла та «скука», которой не могъ не испытывать Пушкинъ, отрѣзанный отъ привычной обстановки сперва въ южной ссылкѣ, а затѣмъ въ Михайловскомъ, и которой онъ продолжалъ платить дань и въ Москвѣ и въ Петербургѣ по своему возвращеніи¹⁾. Но скука эта—не только онегинская «хандра»; въ ней есть значительная доля горькаго пессимизма, какъ результата согласія съ Демонномъ, что въ жизни нѣтъ никакой цѣнности, никакого смысла. Міромъ и жизнью править не Богъ, не міровой разумъ, а безсмысленная, слѣпая сила, которая не вѣдаетъ, что творить. «Представь себѣ ее огромной обезьяной, которой дана полная воля,—пишетъ Пушкинъ въ серединѣ 1826 года К. Вяземскому,—кто посадить ее на цѣпь? Не ты, не я, никто...» («Переписка», I, 349). И если дѣйствительно такой намъ положенъ предѣлъ, если міромъ, жизнью и человѣкомъ безсмысленно править огромная обезьяна—судьба, если въ жизни нѣтъ рѣшительно никакой цѣнности, то какъ и чѣмъ побороть «хладный ядъ» абсолютнаго нигилизма? Остается сложить въ безсиліи руки и признать, что Демонъ правъ. И подъ влияніемъ такого настроенія Пушкинъ пишетъ вещи въ родѣ «26 Мая 1828 г.»: «даръ напрасный, даръ случайный, жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?... Цѣли нѣтъ передо мною: сердце пусто, празденъ умъ, и томить меня тоскою однозвучный жизни шумъ...» Бѣлинскій вѣрно замѣтилъ, что

¹⁾ Письмо къ Рылѣву, 1825 г.: «Тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть...»; изъ письма 1827 г.: «Здѣсь (въ Москвѣ) тоска попрежнему...»; изъ письма конца 1829 г.: «Въ Петербургѣ тоска, тоска...» («Переписка», I, 220; II, 7, 100 и др. Кстати замѣтить, въ послѣдней фразѣ Пушкинъ повторяетъ слова, вложенныя имъ въ уста Онегина). И въ эту же эпоху Пушкинъ началъ свою «Сцену изъ Фауста» развитіемъ приведенной выше мысли изъ письма къ Рылѣву: «Мнѣ скучно, бѣсъ!—Что дѣлать, Фаустъ! Таковъ вамъ положенъ предѣлъ, его жъ никто не преступаетъ; вся тварь разумная скучаетъ...»

это и подобныя ему стихотворенія были не «выраженіемъ пафоса пушкинской поэзіи», а скорѣе противорѣчіемъ этому пафосу; но изъ этихъ вспышекъ мрачнаго пессимизма видно, что не легко давалась Пушкину его побѣда надъ Онегиннымъ, какъ выраженіемъ всеотрицающаго начала.

Что же было, однако, этимъ «пафосомъ» Пушкинской поэзіи, пушкинскаго міровосчувствованія? Или, иначе говоря, какъ и чѣмъ преодолевалъ Пушкинъ Онегина, чѣмъ побѣдилъ онъ отрицаніе всякой цѣнности въ человѣческой жизни?—Въ Пушкинѣ побѣдила сама жизнь, радостное чувство красоты ея, признаніе не цѣнности въ ней, а цѣнности ея самой по себѣ. Въ жизни нѣтъ никакой абсолютной цѣнности—пусть такъ; но сама жизнь есть цѣнность, которая дала Пушкину твердую точку опоры. И Ленскій, и Онегинъ—оба были побѣждены этой стихійной мудростью великаго поэта; и хотя въ немъ до конца остались элементы и онегинскаго отрицанія и яснаго «пріятія міра» Ленскимъ, но все же онъ сталъ выше и того и другого. Да, Онегинъ (демоническій Онегинъ первой-второй главы) правъ: въ мірѣ и жизни нѣтъ никакого объективнаго смысла; но правъ и Ленскій: міръ долженъ быть принятъ нами во всей его полнотѣ. Выше всего стоитъ, надъ всѣмъ царитъ ясная, солнечная, радостная жизнь, не имѣющая объективнаго смысла, но великая въ своей субъективной цѣнности: вотъ постоянный «пафосъ» поэзіи Пушкина, ея вѣчная сущность...

ХІІ.

Все это ясно для читателей Пушкина теперь, на разстояніи почти столѣтія отъ пушкинской поэзіи, но врядъ-ли сознавалось самимъ поэтомъ. Однако, сознательно или безсознательно, но все ярче и сильнѣе выражалъ онъ эти свои чувства и настроенія въ своей лирикѣ, въ своемъ романѣ. И прежде всего онъ разгромилъ Онегина изъ Демона въ простого москвича въ гарольдовомъ плащѣ; онъ понялъ, что демоническаго въ его героѣ нѣтъ ничего. Демонъ сыгралъ свою роль: «хладнымъ лдомъ» своего скептицизма онъ убилъ «романтизмъ» Пушкина-Ленскаго; нѣтъ ничего цѣннаго, — нащептывалъ онъ: — все въ жизни одинаково бессмысленно, все одинаково пенужно, нелѣпо, безцѣльно. Но—

Сперва Онегина языкъ

Меня смущалъ; но я привыкъ

Къ его язвительному спору... (I, 46).

И преодолевъ первое смущеніе, Пушкинъ противопоставилъ отрицанію объективной цѣнности жизни—признаніе ея великой субъективной цѣнности; отрицанію объективнаго смысла жизни—признаніе ея великаго субъективнаго смысла.

Ленскій былъ убитъ, но Пушкинъ не отвергъ ни Ленскаго, ни Онегина *). Изъ взгляда Онегина поэтъ навсегда сохранилъ его отрицаніе абсолютной цѣнности міра, изъ философіи Ленскаго—ея ясное «пріятіе міра»; принятіе жизни въ ея цѣломъ, со всѣми ея радостями и горестями, съ ея добромъ и зломъ, мрачными и свѣтлыми переживаніями: «справъ судьбы законъ»—

Все благо: бдѣнія и сна

Приходитъ часъ опредѣленный;

Благословенъ и день заботъ,

Благословенъ и тьмы приходъ... (VI, 21).

Въ такіа формы вылилось ясное, простое и величавое въ своей простотѣ отношеніе поэта къ «міровому злу»; это была не надуманная теорія, это было врожденное міровосчувствованіе, стихійная мудрость яснаго эллинскаго отношенія къ міру. Проклятія міру, негодующіе вопли, онегинская хандра—бесильны: надо или устранить себя отъ міра, или принять міръ въ его цѣломъ, принять не только его добро, но и его зло, принять не только жизнь, но и смерть. И Пушкинъ принимаетъ смерть (и свою и чужую) съ такой ясной, величавой простотой, которой нѣтъ равнаго примѣра въ русской, а быть можетъ и не только русской литературѣ; онъ принимаетъ смерть и побѣждаетъ ее жизнью. «Спящій въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій»—это языческое міропониманіе отразилось стовой силой въ творчествѣ Пушкина.

Ленскій убитъ. «Друзья мои, вамъ жалко поэта?»—спрашиваетъ насъ Пушкинъ и рисуетъ двѣ картины возможной жизни Ленскаго: прочтите 37—39 строфы шестой главы романа. Изъ этихъ двухъ картинъ вѣроятнѣе, конечно, вторая, но если бы даже съ Ленскимъ погибли и великія неисполненныя надежды, если даже онъ унесъ съ собой въ могилу «святую тайну», то все же мы должны твердо принять и эту смерть, разъ мы принимаемъ весь міръ

*) Характерно, что тотчасъ же вслѣдъ за убійствомъ Ленскаго Онегиннымъ Пушкинъ подчеркиваетъ свою любовь къ нимъ обоимъ («...и сердечно люблю героя моего», VI, 43; о Ленскомъ см. VI, 36—37).

Проклиная, негодова—не въ духъ ясной,
языческой мудрости Пушкина:

Поэта память пронеслась,
Какъ дымъ по небу голубому;
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ... На что грустить?... (VIII, 14).

И таково было вѣчное міропониманіе, вѣрнѣе сказать—міровосчувствованіе Пушкина; такова была его вѣчная, стихійная мудрость. Еще въ 1821 году въ элегическомъ отрывкѣ «Гробъ юноши» (очень схожемъ со строфами VI, 40—41 и VII, 14 «Евгенія Онегина» 1826—1827 гг.) мы встрѣчаемъ этотъ же вопросъ: «изъ милыхъ женъ, его любившихъ, одна быть можетъ, слезы льетъ... Къ чему?...» Ни слезы, ни разговоры не помогутъ; «дѣлать нечего, такъ и говорить нечего», какъ писалъ Пушкинъ въ 1826 г. кн. Вяземскому, узнавъ о смерти его трехлѣтняго сына. И въ 1831 году, глубоко потрясенный извѣстіемъ о смерти Дельвига, Пушкинъ пишетъ Плетневу о своей грусти, тоскѣ, но заканчиваетъ свое письмо слѣдующими словами: «Вчера... (мы) говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! Согласимся. Покойникъ Дельвигъ. Быть такъ... Будь здоровъ—и постараемся быть живы» («Переписка», II, 220; ср. II, 286—7, письмо отъ 22/VII 1831 г.). Постараемся быть живы; а когда придетъ смерть, то—

..... пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять...

Такое пушкинское рѣшеніе о смерти, о жизни, о смыслѣ бытія кажется многимъ слишкомъ элементарнымъ, простымъ, ничего не рѣшающимъ; думающіе такъ не видятъ, не чувствуютъ всей стихійной мудрости, всей безсознательной глубины пушкинскаго міропониманія. Выражаясь современными философскими терминами, можно сказать, что Пушкинъ безсознательно преодолевалъ метафизическій пессимизмъ силою психологическаго оптимизма, силою чувства цѣнности и радости переживаній, полноты бытія—взглядъ, который позднѣе нашелъ выраженіе и въ философіи Герцена и въ творчествѣ Л. Толстого 60—70-хъ годовъ. Но ярче и гармоничнѣе, чѣмъ у Пушкина, взглядъ

этотъ не былъ выраженъ никѣмъ и никогда во всей русской литературѣ.

Вотъ чѣмъ преодолевалъ Пушкинъ Онегина, вотъ чѣмъ онъ сметалъ съ дороги всѣ капканы своего Демона, чѣмъ разрывалъ всѣ его путы, парировалъ всѣ его лживыя сомнѣнія: въ Пушкинѣ побѣдила стихійная, ясная, солнечная, безсознательная мудрость пріятія жизни; полноты бытія. И на этой высотѣ ничто не страшно—ни страданія, ни зло, ни самая смерть. Посмотрите, съ какой душевной ясностью, съ какой гармоніей духа Пушкинъ прощается со своей уходящей юностью или вспоминаетъ ее... *) Ему грустно встрѣчать каждую новую весну («съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ я наслаждаюсь доверіемъ въ лицо мнѣ вбьющей весны...», VII, 2), грустно потому, что никогда не вернутся его былые годы, потому, что невольно въ мысль ему приходитъ «иная, старая весна»; потому, что весна его дней протѣкала безвозвратно... Казалось бы, вотъ благодарная тема для «элегическихъ ку-ку», надъ которыми смѣялся Пушкинъ («Соловей и Кукушка», 1825 года), и всякій другой поэтъ, кромѣ Пушкина, непременно принялся бы куковать на столь благодарную тему. А теперь вспомните отвѣтъ самого Пушкина, его прощанье со своей уходящей юностью:

Такъ, полдень мой насталъ, и пужбо
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но такъ и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя...
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за млыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары—
Благодарю тебя. Тобою
Среди тревогъ и въ тишинѣ
Я наслаждался—и вполнѣ;
Довольно. Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть... (VI, 45).

Эта божественная, чисто-эллинская ясность и гармонія души—вотъ путь преодоленія онегинской тоски и демоническихъ сомнѣній; полнота бытія—вотъ отвѣтъ Пушкина на вопросъ о смыслѣ и цѣли существованія: Другого отвѣта нѣтъ; по крайней мѣрѣ Пушкинъ не видитъ никакой объективной цѣльности и цѣли жизни. Въ послѣдней

*) См., напримѣръ, «Вновь я посѣтилъ» (1835 г.) и ср. «Е. О.», II, 38; см. также «19 октября 1836 г.» (третья строфа) и ср. «Е. О.», VI, 44—46.

главъ своего романа онъ мимоходомъ только проиизируетъ надъ блаженствомъ того,

Кто цѣль имѣлъ и къ ней стремился,
Кто зналъ, зачѣмъ онъ въ свѣтъ родился,
И Богу душу передалъ,
Какъ откупщикъ или генералъ (VIII, 10; черн. рук.)

Правда, это сознаніе отсутствія объективнаго смысла жизни давалось Пушкину не даромъ; мы знаемъ, что бывали мрачныя минуты и въ ясномъ пушкинскомъ пониманіи міра, минуты усталости, тоски, разочарованія, стремленія къ объективной цѣпности жизни. Въ такія минуты онъ писалъ стихотворенія въ родѣ «Три ключа» (1827), «Даръ напрасный, даръ случайный» (1828 г.) и т. п.; но настроеніе минуты не мѣняетъ «паѳоса пушкинской поэзіи, какъ это замѣтилъ уже Бѣлинскій. Къ тому же—чѣмъ дальше шло время, тѣмъ эти минутныя вспышки становились рѣже; онѣ замѣнились вспышками возрастающей вражды къ безсмысленной «свѣтской жизни», вспышками протеста противъ той жизни, какую Пушкинъ принужденъ былъ вести въ 1831—1836 гг. Но на «паѳосъ» поэзіи Пушкина это не могло оказать никакого вліянія; къ тому времени, когда поэтъ кончалъ «Евгенія Онегина», сущность его творчества проявилась уже окончательно; уже окончательно преодолѣлъ въ себѣ поэтъ абсолютный нигилизмъ Демона и разочарованность Онегина признаніемъ цѣпности жизни самой по себѣ. Жизнь, полнота бытія—явилась «паѳосомъ» поэзіи Пушкина, и быть можетъ лучшей характеристикой сущности всей стихійной мудрости поэта является одна изъ строкъ довольно слабой передѣлки О. Ключниковымъ стихотворенія «26 Мая 1828 г.»: «Жизнь для жизни миѣ дана»... И самъ Пушкинъ почти буквально этими же словами высказалъ свою мысль въ посланіи «Къ вельможѣ» (1830 г.):

Ты понялъ жизни цѣль: счастливый человекъ,
Для жизни ты живешь...

Въ этомъ переработанномъ и углубленномъ эпикурейзмѣ—задушевное, главное чувство Пушкина, лейтмотивъ его поэзіи; цѣль

жизни—въ ней самой, въ полнотѣ бытія, въ каждомъ текущемъ моментѣ. И съ этой точки зрѣнія правъ М. Н. Катковъ, заявившій въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ о Пушкинѣ («Русскій Вѣстникъ», 1856 г., т. I и II), что Пушкинъ былъ «поэтъ мгновенія». Да, Пушкинъ былъ поэтъ мгновенія въ томъ смыслѣ, что въ мгновеніи, въ настоящемъ онъ видѣлъ всю цѣль жизни; на предыдущихъ страницахъ мы попробовали намѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ это воззрѣніе Пушкина на міръ и жизнь росло и крѣпло въ немъ въ тѣ годы, когда онъ писалъ «Евгенія Онегина», какъ оно проявлялось въ этомъ романѣ. Заканчивая этимъ по необходимости краткое изученіе связи «Евгенія Онегина» и міровоззрѣнія Пушкина, мы еще разъ въ двухъ словахъ резюмируемъ намѣченное выше положеніе пушкинскаго романа и всего міровоззрѣнія поэта: полнота бытія и его интенсивность есть величайшая субъективная цѣль жизни человека—вотъ глубокая стихійная мудрость Пушкина, вотъ безсознательная философія «Евгенія Онегина».

Исполненные прозрачной грусти послѣднія строки романа заключаютъ гармоничнымъ аккордомъ эту стихійную мудрость великаго поэта. Не въ объективныхъ цѣляхъ Бога или природы смыслъ жизни, не въ продолжительности переживаній цѣль человека, а въ полнотѣ и яркости этихъ переживаній, въ ихъ силѣ, разнообразіи, стройности; и не тотъ мудръ и счастливъ, кто, подобно гончаровскому Штольцу (и самому Гончарову) считаетъ нормальнымъ назначеніемъ человека «прожить... четыре возраста безъ скачковъ и донести сосудъ жизни до послѣдняго дня, не проливъ ни одной капли напрасно», а тотъ, кто жилъ всѣми струнами души, всей полнотой бытія—и не дожидаясь до ужасной старости Штольца-Гончарова; тотъ счастливъ и блаженъ,

..... кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
Кто не дочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онегинымъ моимъ...

Ивановъ-Разумникъ.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1825.

[Посвященіе при 1-мъ изданіи первой главы]:

ПОСВЯЩЕНО

брату Льву Сергѣевичу
Пушкину.

[Посвященіе Плетневу см. при IV Главѣ].

[ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ 1-МУ ИЗДАНІЮ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ]:

Вотъ начало большаго стихотворенія, которое, вѣроятно, не будетъ окончено.

Нѣсколько пѣсень или главъ Евгенія Олѣгина уже готовы. Писанныя подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ веселости, ознаменовавшей первый произведенія автора Руслана и Людмилы.

Первая глава представляетъ нѣчто цѣлое. Она въ себѣ заключаетъ описаніе свѣтской жизни Петербургскаго молодого человѣка въ концѣ 1819 г. и напоминаетъ Беппо, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона.

Дальновидные критики замѣтятъ конечно недостатокъ плана. Всякій воленъ судить о планѣ цѣлаго романа, прочитавъ первую главу онаго. Станутъ осуждать и антипоэтическій характеръ главнаго лица, сбивающагося на Кавказскаго Пльппика, также нѣкоторыя строфы, писанныя въ томительномъ родѣ повѣйшихъ элегій, въ коихъ чувство унынія поглотило всѣ прочія. Но да будетъ намъ позволено обратить вниманіе читателей на достоинства, рѣдкія въ сатирическомъ писателѣ: отсутствіе оскорбительной личности и наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ.

685. ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Pétri de vanité il avait, encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière

ЛИХАЯ ЪЗДА.

Литографія 1820-хъ н., Орловскаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

И жить торопится и чувствовать спѣшить.

К. Вяземскій.

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
«Когда не вшутку запомогъ,
«Онъ уважать себя заставилъ,
«И лучше выдумать не могъ;
«Его примѣръ другимъ наука:
«Но, Боже мой, какая скука
«Съ больнымъ сидѣть и день, и ночь,
«Не отходя ни шагу прочь!
«Какое низкое коварство
«Полуживаго забавлять,
«Ему подушки поправлять,
«Печально подносить лекарство,
«Вздыхать и думать про себя:
«Когда же чортъ возьметъ тебя!»

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ,
Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ.—
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа
Безъ предисловій сей же часъ
Позвольте познакомить васъ:
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на берегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родился вы,
Или блистали, мой читатель!
Тамъ иѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня. ^{1.}

III.

Служивъ отлично, благородно,
Долгами жилъ его отецъ;
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгения хранила:
Сперва *Madame* за нимъ ходила,
Потомъ *Monsieur* ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ,
Monsieur l'Abbé, Французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему, шутя;
Не докучалъ моралью строгой;
Слегка за шалости бранилъ,
И въ лѣтній садъ гулять водилъ.

IV.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной:
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онегинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ *Dandy* ² Лондонскій, одѣтъ:
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-Французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ;
Легко мазурку танцевалъ,
И кланялся непринужденно:
Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

V.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему нибудь и какъ нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.
Онегинъ былъ, по мнѣнью многихъ,
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
Ученый малый, но педантъ.
Имѣлъ онъ счастливый талантъ
Безъ принужденія въ разговорѣ
Коснуться до всего слегка,
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ неожиданныхъ эпиграммъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить *vale*,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли

Бытописанія земли:

Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить.
Бранилъ Гомера, Теоокрита;
За то читалъ Адама Смита,
И былъ глубокой экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгенийъ,
Пересказать мнѣ недосугъ;
Но въ чемъ онъ истинный былъ генийъ,
Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что было для него измлада
И трудъ, и мука, и отрада,
Что занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь,—
Была наука страсти нѣжной,
Которую воспѣлъ Назонъ,
За что страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежной
Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Италіи своей ³.

IX.

(Насъ пылъ сердечный рано мучить,
Какъ говоритъ Шатобрианъ
Любви насъ не природа учитъ,
А первый пакостный романъ.
Мы алчны жизни узнать заранѣ,
И узнаемъ ее въ романѣ,
Лѣта пройдутъ, и между тѣмъ
Не насладились мы ничѣмъ;
Прелестный опытъ упреждая
Мы только счастію вредимъ,
Незапно скроется и съ нимъ
Уйдетъ горячность молодая.
Онегинъ это испыталъ,
За то—какъ женщины онъ узналъ!)

X.

Какъ рано могъ онъ лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разувѣрять, заставить вѣрить,
Казаться мрачнымъ, изнывать,
Являться гордымъ и послушнымъ,
Внимательнымъ, нѣ равнодушнымъ!

Щеголь 1817—1820 г.г.
(Модная картинка).

Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
Какъ пламенно краснорѣчивъ,
Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
Однимъ дыша, одно любя,
Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
Какъ взоръ его былъ быстръ и иѣженъ,
Сыдливъ и дерзокъ, а порой
Высталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шутя невинность изумлять,
Играть отчаяньемъ готовымъ,
Пріятной лестью забавлять,
Ловить минуту умленья,
Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
Умомъ и страстью побѣждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звукъ,
Преслѣдовать любовь—и вдругъ
Дѣбаться тайнаго свиданья,
И послѣ ей наединѣ
Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
Сердца кокетокъ записныхъ!
Когда жъ хотѣлось уничтожить
Ему соперниковъ своихъ,
Какъ онъ язвительно злословилъ!
Какія сѣти имъ готовилъ!
Но вы, блаженные мужья,
Съ нимъ оставались вы друзья!

Его ласкалъ супругъ лукавый,
Фобласа давній ученикъ,
И педовѣрчивый старикъ,
И рогоносецъ величавый,
Всегда довольный самъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII.

(Какъ онъ умѣлъ вдовы смиренной
Привлечь благочестивый взоръ
И съ нею, скромный и смущенный,
Начать, краснѣя, разговоръ.
Какъ онъ умѣлъ съ любою дамой
О платонизмѣ разсуждать,
Смѣшить неожиданной эпиграммой
И въ куклы съ дурочкой играть.
Такъ хищный волкъ, томясь отъ глада,
Выходить изъ глуши лѣсовъ
И рыщетъ среди безпечныхъ псовъ,
Вокругъ неопытнаго стада;
Все спитъ... И вдругъ свирѣпый воръ
Ягненка мчитъ въ дремучій боръ).

XIV.

Бывало, онъ еще въ постелѣ:
Къ нему записочки несутъ.
Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
Три дома на вечеръ зовутъ:
Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ.
Куда жъ поскачетъ мой проказникъ?
Съ кого начнетъ онъ? Все равно:
Вездѣ поспѣть немудрено.
Покаместъ, въ утреннемъ уборѣ,
Надѣвъ широкій боливаръ,⁴
Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ,

Щеголь 1817—1820 г.г.
(Модная картинка).

И тамъ гуляетъ на просторѣ,
Пока недремлющій Брегетъ
Не прозвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темпо: въ санки онъ садится.
«Поди! поди!» раздался крикъ;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.
Къ *Talon* ^б помчался: онъ увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его *** [Каверинъ.]

Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
Гдѣ каждый, критикой дыша,
Готовъ охлопать *Entreechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Мопсу вызвать для того,
Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блесталъ Фонвизинъ, другъ свободы,

ЕКАТЕРИНА СЕМЕНОВНА СЕМЕНОВА.

Съ портрета Брюлова.

Вошелъ: и пробка въ потолокъ,
Вина кометы брызнулъ токъ,
Предъ нимъ *Roast-beef* окровавленный,
И трюфли—роскошь юныхъ лѣтъ,
Французской кухни лучшій цвѣтъ,—
И Стразбурга пирогъ неслѣпный
Межъ сыромъ Лимбургскимъ живымъ
И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда проситъ
Залить горячій жиръ котлетъ;
Но звонъ Брегета имъ доносить,
Что новый начался балетъ.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ актрисъ,
Почетный гражданинъ кулисъ,

И переимчивый Княжичиъ;
Тамъ Озеровъ невольны дапи
Народныхъ слезъ, рукоплескашій
Съ молодой Семеновой дѣлалъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля гений величавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣщался славой:
Тамъ, тамъ, подъ свѣцію кулисъ,
Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:
Все тѣ же ль вы? Другія ль дѣвы,
Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
Услышу ль вновь я ваши хоры?

Узрю ли Русской Терпсихоры
 Душой исполненный полетъ?
 Иль взоръ унылый не найдетъ
 Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
 И, устремивъ на чуждый свѣтъ,
 Разочарованный лорнетъ,
 Веселья зритель равнодушной,
 Безмолвно буду я звать
 И о быломъ вспоминать?

XX.

Театръ ужъ полночь; ложи блещутъ,
 Партеръ и кресла, все кипитъ;

Ужасно недоволенъ онъ:
 Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
 Расклатая, потомъ на сцену
 Въ большомъ разбѣяньи взглянулъ.
 Отворотился, и зѣвнулъ,
 И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну
 Балеты долго я терпѣлъ,
 Но и дидло мнѣ надоѣлъ.»

XXII.

Еще амуръ, черти, змѣи
 На сценѣ скачутъ и шумятъ:
 Еще усталые лакеи

АВДОТЯ ПЛЫНИШИНА ПСТОМИНА.

(«Русская Талія» 1825 г.).

Въ райкѣ петербургско плещутъ,
 И, взвившись, запавѣсь шумятъ.
 Блистательна, полувоздушна,
 Смычку волшебному послушна,
 Толпою нимфъ окружена,
 Стоитъ Пстомина; она,
 Одной ногой касаясь пола,
 Другою медленно кружить,
 И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
 Летитъ какъ пухъ отъ устъ Эола;
 То станъ советъ, то разовѣтъ,
 И быстрой ножкой ножку бьетъ.

XXI.

Все хлопаютъ. Онегинъ входитъ:
 Идетъ межъ креселъ по ногамъ,
 Лорнетомъ лорнетъ, скосясь, наводитъ
 На ложи незнакомыхъ дамъ;
 Всѣ ярусы окинулъ взоромъ,
 Все видѣлъ: лицами, уборомъ

На тубахъ у подъязда спятъ:
 Еще не перестали топтать,
 Сморгаться, кашлять, шикать, хлопать;
 Еще снаружи и внутри
 Вездѣ блистаютъ фонари;
 Еще, прозябнувъ, бьются кони,
 Наскуча упряжью своею,
 И кучера, вокругъ огней,
 Брапятъ господъ и бьютъ въ ладони:
 А ужъ Онегинъ вышелъ вонъ;
 Домой одѣться ѣдетъ онъ.

XXIII.

Изображу ль въ картинѣ вѣрной
 Уединенный кабинетъ,
 Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
 Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
 Все, чѣмъ для прихоти обильной
 Торгуется Лондонъ щенетильной
 И по Балтическимъ волнамъ

За лѣсъ и сало возить намъ,
 Все, что въ Парижѣ вкусъ голодной,
 Полезный промыселъ избравъ,
 Изобрѣтаетъ для забавъ,
 Для роскоши, для пѣги модной,—
 Все украшало кабинетъ
 Философа въ осьмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
 Фарфоръ и бронза на столѣ,
 И, чувствъ изнѣженныхъ отрада,
 Духи въ граненомъ хрусталѣ:
 Гребенки, пилочки стальные,
 Прямые ножницы, кривые,
 И щетки тридцати родовъ—
 И для ногтей, и для зубовъ.
 Руссо (замѣчу мимоходомъ)
 Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
 Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
 Краснорѣчивымъ сумасбродомъ: ?
 Защитникъ вольности и правъ
 Въ семь случаевъ совѣтъ неправъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человекомъ
 И думать о красѣ ногтей:
 Въ чему безплодно спорить съ вкусомъ?
 Обычай деспотъ межъ людей.
 Второй *** [Каверинъ], мой Евгенийъ,
 Боясь ревнивыхъ осужденій,
 Въ своей одеждѣ былъ педантъ
 И то, что мы назвали франтъ.
 Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
 Предъ зеркалами проводилъ,
 И изъ уборной выходилъ
 Подобный вѣтренной Венерѣ,
 Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
 Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
 Запаявъ вашъ любопытный взглядъ,
 Я могъ бѣ предъ ученымъ свѣтомъ
 Здѣсь описать его нарядъ;
 Конечно бѣ это было смѣло,
 Описывать мое же дѣло:
 Но панталоны, фракъ, жилетъ,
 Всѣхъ этихъ словъ на Русскомъ нѣтъ;
 А вижу я, винюсь предъ вами,
 Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
 Пестрѣтъ гораздо меньше бѣ могъ
 Иноязычными словами,
 Хотя и заглядывалъ я встарь
 Въ Академическій Словарь &.

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметѣ:
 Мы лучше поспѣшимъ на балъ,

Куда стремглавъ въ ямской каретѣ
 Ужъ мой Онегинъ поскакалъ.
 Передъ померкшими домами
 Вдоль сонной улицы рядами
 Двойные фонари каретъ
 Веселый изливаютъ свѣтъ,
 И радуги на снѣгъ наводятъ;
 Усѣявъ площадями кругомъ,
 Блеститъ великолѣпный домъ;
 По цѣльнымъ окнамъ тѣни ходятъ,
 Мелькають профили головъ
 И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подѣхалъ къ сѣнямъ;
 Швейцара мимо, онъ стрѣлой
 Взлетѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
 Расправилъ волосы рукой,
 Вошелъ. Полна народу зала:
 Музыка ужъ гремѣтъ устала;
 Толпа мазуркой занята;
 Кругомъ и шумъ, и тѣснота;
 Бренчатъ кавалергарда шпоры;
 Летають ножки милыхъ дамъ;
 По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
 Летають пламенные взоры,
 И ревомъ скрипокъ заглушень
 Ревнивый попотъ модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
 Я былъ отъ баловъ безъ ума:
 Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
 И для врученія письма.
 О вы, почтенные супруги!
 Вамъ предложу свои услуги;
 Прошу мою замѣтить рѣчь:
 Я васъ хочу предостеречь.
 Вы также, мамочки, построже
 За дочерями смотрите вслѣдъ:
 Держите прямо свой лорнетъ!
 Не то... не то, избави Боже!
 Я это потому пишу,
 Что ужъ давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разныя забавы
 Я много жизни погубилъ!
 Но если бѣ не страдали нравы,
 Я балы бѣ до сихъ поръ любилъ.
 Люблю я бѣшеную младость,
 И тѣсноту, и блескъ, и радость,
 И дамъ обдуманый нарядъ;
 Люблю ихъ ножки: только вриды
 Найдете вы въ Россіи цѣлой
 Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.
 Ахъ, долго я забыть не могъ
 Двѣ ножки!... Грустный, охладѣлой,

Я все ихъ помню, и во снѣ
Онѣ тревожатъ сердце мнѣ.

XXXI.

Когда жъ, и гдѣ, въ какой пустынѣ,
Безумецъ, ихъ забудешь ты?
Ахъ, ножки, ножки! гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ мнете вѣшнѣ двѣты?
Взлелѣяны въ восточной нѣдрѣ,
На сѣверномъ, печальномъ снѣгѣ
Вы не оставили слѣдовъ:
Любили мягкихъ вы ковровъ
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для васъ, я забывалъ
И жажду славы, и похвалъ,
И край отцевъ, и заточенье?
Исчезло счастье юныхъ лѣтъ—
Какъ на лугахъ вашъ легкій слѣдъ!

XXXII.

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоцѣненную награду,
Влечетъ условную красой
Желаній своевольный рой.
Люблю ее, мой другъ Эльвина,
Подъ длинной скатертью столовъ,
Весной на муравѣ луговъ,
Зимой на чугуиѣ каминна,
На зеркальномъ паркети залъ,
И моря на гранитѣ скалъ.

XXXIII.

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Вбѣгущимъ бурной чередою
Въ любовную лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Поснаться милыхъ ногъ устами!
Лѣтъ, никогда среди пылкихъ дней
Всплывшей младости моеи
Не желалъ съ такимъ мученьемъ
Обзавать уста молодыхъ Армидъ,
Нѣтъ, розы пламенныхъ ланитъ,
Нѣтъ, перси, полныя томленьемъ;
Лѣтъ, никогда порывъ страстей
Какъ не терзалъ души моеи!

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время:
Въ заветныхъ иногда мечтахъ
Держу я счастливое стремя,
И ножку чувствую въ рукахъ;
И опять кипитъ воображенье,
И опять ея прикосновенье

Зажгло въ увидшемъ сердцѣ кровь,
Опять тоска, опять любовь...
Но полно прославлять надменныхъ
Болтливой лирою своею:
Онѣ не стоятъ ни страстей,
Ни пѣсень, ими вдохновенныхъ;
Слова и взоръ волшебницъ сихъ
Обманчивы, какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что жъ мой Онегинъ? Полусонный
Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ:
А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробужденъ.
Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ,
На биржу тянется извозчикъ,
Съ кувшиномъ Охтенка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный,
Открыты ставни, трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ,
И хлѣбникъ, и вѣнецъ акуратный,
Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой *васисдагъ*.

XXXVI.

Но, шумомъ бала утомленной,
И утро въ полночь обратя,
Спокойно спитъ въ тѣни блаженной
Забавъ и роскоши дитя.
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра тоже, что вчера.
Но былъ ли счастливъ мой Евгенийъ,
Свободный, въ цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ,
Среди блистательныхъ побѣдъ,
Среди всеневныхъ наслаждений?
Вотще ли былъ онъ средъ пировъ
Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ: рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы не долго были
Предметъ его привычныхъ думъ:
Измѣны утомить успѣли;
Друзья и дружба надѣли,
Затѣмъ, что не всегда же могъ
Beef-steaks и Стразбургскій пирогъ
Шампанскою обливать бутылкой
И сыпать острыя слова,
Когда болѣла голова:
И хотъ онъ былъ повѣса пылкой,
Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,

Подобный англійскому *сплину*
 Короче: Русская *хандра*
 Имъ овладѣла понемногу;
 Онъ застрѣлится, слава Богу,
 Попробовать не захотѣлъ:
 Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
 Какъ *Child-Harold*, угрюмый, томный,
 Въ гостиныхъ появлялся онъ;
 Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
 Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
 Ничто не трогало его,
 Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

. . . . .

XLII.

Причудницы большого свѣта!
 Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
 И правда то, что въ наши лѣта
 Довольно скученъ высшій тонъ.
 Хоть, можетъ быть, иная дама
 Толкуетъ Сел и Бенгата;
 Но вообще ихъ разговоръ
 Неспособный, хоть невинный вздоръ.
 Къ тому жъ онѣ такъ непорочны,
 Такъ величавы, такъ умны,
 Такъ благочестія полны,
 Такъ осмотрительны, такъ точны,
 Такъ неприступны для мужчинъ,
 Что видъ ихъ ужъ рождастъ сплинъ.⁹

XLIII.

И вы, красотки молодцы,
 Которыхъ позднею порой
 Уносятъ дрожки удалыя
 По Петербургской мостовой,
 И васъ покинулъ мой Евгений.
 Отступникъ бурныхъ наслажденій,
 Онегинъ дома заперся,
 Зѣвая, за перо взялся,
 Хотѣлъ писать: но трудъ упорный
 Ему былъ тошенъ; ничего
 Не вышло изъ пера его,
 И не попалъ онъ въ цехъ заборный
 Людей, о коихъ не сужу,
 Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова, преданный бездѣлю,
 Томясь душевной пустотой,
 Усѣлся онъ съ похвальной цѣлю
 Себѣ присвоить умъ чужой;
 Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
 Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
 Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
 Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
 На всѣхъ различныя вериги;

И устарѣла старина,
 И старымъ бредить новизна.
 Какъ женщина, онъ оставилъ книги.
 И полку, съ пыльной ихъ семьей,
 Задержнулъ траурной тафтой.

XLV.

Условіи свѣта свергнувъ бремя,
 Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
 Съ нимъ подружился я въ то время.
 Мнѣ нравились его черты,
 Мечтамъ невольная преданность,
 Неподражательная странность
 И рѣзкій, охлажденный умъ.
 Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
 Страстей игру мы знали оба:
 Томила жизнь обоихъ нать;
 Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
 Обоихъ ожидала злоба
 Слѣпой Фортуны и людей
 На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
 Въ душѣ не презирать людей;
 Кто, чувствовалъ, того тревожитъ
 Призракъ невозвратимыхъ дней:
 Тому ужъ нѣтъ очарованій,
 Того змѣя воспоминаній,
 Того раскаянье грызетъ.
 Все это часто придаетъ
 Большую прелесть разговору.
 Сперва Онегина языкъ
 Меня смущалъ; но я привыкъ
 Къ его язвительному спору,
 И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
 И къ злости мрачныхъ эниграммъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
 Когда прозрачно и свѣтло
 Ночное небо надъ Невойю¹⁰,
 И водъ веселое стекло
 Не отражаетъ ликъ Дианы,
 Воспоминанія прежнихъ лѣтъ романы,
 Воспоминанія прежнюю любовь,
 Чувствительны, безпечны вновь,
 Дыханьемъ ночи благосклонной
 Безмолвно упивались мы!
 Какъ въ лѣсъ зеленой изъ тюрьмы
 Перенесенъ колодникъ сонной,
 Такъ уносились мы мечтой
 Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
 И опершися на гранитъ,
 Стоялъ задумчиво Евгений,
 Какъ описалъ себя Пинтъ¹¹.
 Все было тихо; лишь ночные

1. хвостъ — 2. голова
 3. хвостъ — 4. голова
 4. хвостъ — 5. голова
 6. хвостъ — 7. голова
 8. хвостъ — 9. голова
 10. хвостъ — 11. голова
 12. хвостъ — 13. голова
 14. хвостъ — 15. голова
 16. хвостъ — 17. голова
 18. хвостъ — 19. голова
 20. хвостъ — 21. голова
 22. хвостъ — 23. голова
 24. хвостъ — 25. голова
 26. хвостъ — 27. голова
 28. хвостъ — 29. голова
 30. хвостъ — 31. голова
 32. хвостъ — 33. голова
 34. хвостъ — 35. голова
 36. хвостъ — 37. голова
 38. хвостъ — 39. голова
 40. хвостъ — 41. голова
 42. хвостъ — 43. голова
 44. хвостъ — 45. голова
 46. хвостъ — 47. голова
 48. хвостъ — 49. голова
 50. хвостъ — 51. голова
 52. хвостъ — 53. голова
 54. хвостъ — 55. голова
 56. хвостъ — 57. голова
 58. хвостъ — 59. голова
 60. хвостъ — 61. голова
 62. хвостъ — 63. голова
 64. хвостъ — 65. голова
 66. хвостъ — 67. голова
 68. хвостъ — 69. голова
 70. хвостъ — 71. голова
 72. хвостъ — 73. голова
 74. хвостъ — 75. голова
 76. хвостъ — 77. голова
 78. хвостъ — 79. голова
 80. хвостъ — 81. голова
 82. хвостъ — 83. голова
 84. хвостъ — 85. голова
 86. хвостъ — 87. голова
 88. хвостъ — 89. голова
 90. хвостъ — 91. голова
 92. хвостъ — 93. голова
 94. хвостъ — 95. голова
 96. хвостъ — 97. голова
 98. хвостъ — 99. голова
 100. хвостъ — 101. голова

ПУШКИНСКИЙ ПРОЕКТЪ ИЛЛЮСТРАЦИИ КЪ СТРОФЪ XLVIII.

(Посланъ при письмѣ къ брату Льву. На основаніи этого проекта нарисована «Картинка» въ «Несколько Альманахъ» на 1829 г.—см. выше стр. 63).

Переключались часовые;
 Да дрожекъ отдаленный стукъ
 Съ Мильоной раздавался вдругъ;
 Лишь лодка, веслами махая,
 Плыла по дремлющей рѣкѣ:
 И пашь пѣвнели вдалекѣ
 Рожекъ и пѣсня удалая.
 Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
 Папѣвъ Торкватовыхъ октавъ!

XLIX.

Адриатическія волны,
 О, Брента! пѣтъ, увижу васъ,
 И, вдохновенья снова полный,
 Услышу вашъ волшебный гласъ!
 Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
 По гордой лирѣ Альбіона
 Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
 Почей Италиі златой
 Я пѣгой наслажусь на волѣ,
 Съ Венеціанкою молодой,
 То говорливой, то пѣмой,
 Плыя въ таинственной-гондолѣ,—
 Съ ней обрѣтутъ уста мои
 Языкъ Петрарки и любви.

I.

Придетъ ли часъ моей свободы?
 Пора, пора!—взываю къ ней;
 Брожу надъ моремъ, ¹² жду погоды,
 Маню вѣтрила кораблей.
 Подъ ризой бурь, съ волнами споря,
 По вольному распутью моря
 Когда жъ начну я вольный бѣгъ?
 Пора покинуть скучный берегъ.
 Мнѣ непріязненной стихіи,
 И средь полуденныхъ зыбей,
 Подъ небомъ Африки моей ¹³,
 Вздыхать о сумрачной Россіи,
 Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
 Гдѣ сердце я похоронилъ.

II.

Онегинъ былъ готовъ со мною
 Увидѣть чуждыя страны;
 Но скоро были мы судьбою
 На долгій срокъ разведены.
 Отецъ его тогда скончался.
 Передъ Онегинымъ собрался
 Займодавцевъ жадный полкъ.
 У каждаго свой умъ и толкъ:
 Евгений, тяжбы ненавидя,
 Довольный жребіемъ своимъ,
 Наслѣдство предоставилъ имъ,
 Большой потери въ томъ не видя,
 Иль предузнавъ издалика
 Кончину дяди старика.

LII.

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ
 Отъ управителя докладъ,
 Что дядя при смерти въ постелѣ
 И съ нимъ проститься былъ бы радъ.
 Прочтя печальное посланье,
 Евгений тотчасъ на свиданье
 Стремглавъ по почтѣ поскакалъ
 И ужъ заранѣе зѣвалъ,
 Приговарывая, денегъ ради,
 На вздохи, скуку и обманъ
 (И тѣмъ я началъ свой романъ);
 Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
 Его нашелъ ужъ на столѣ,
 Какъ дань, готовую землѣ.

LIII.

Нашелъ онъ полонъ дворъ услуги;
 Къ покойнику со всѣхъ сторонъ
 Сѣзжались недруги и други,
 Охотники до похоронъ.
 Покойника похоронили.
 Попы и гости ѣли, пили,
 И послѣ важно разошлись,
 Какъ будто дѣломъ занялись.
 Вотъ нашъ Онегинъ сельскій житель,
 Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
 Хозяинъ полный, а досель
 Порядка врагъ и расточитель,
 И очень радъ, что прежній путь
 Перемѣнилъ на что нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
 Уединенныя поля,
 Прохлада сумрачной дубровы,
 Журчанье тихаго ручья;
 На третій, роща, холмъ и поле
 Его не занимали болѣ,
 Потому ужъ наводили сонъ;
 Потому увидѣлъ ясно онъ,
 Что и въ деревнѣ скука та же,
 Хотя пѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
 Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
 Хандра ждала его на стражѣ,
 И бѣгала за нимъ она,
 Какъ тѣнь, или вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
 Для деревенской тишины:
 Въ глуши звучитъ голосъ лирной,
 Живѣ творческіе сны.
 Досугамъ посвящать невиннымъ,
 Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
 И *far niente* мой законъ.
 Я каждымъ утромъ пробуждѣнъ
 Для сладкой пѣги и свободы:
 Читаю мало, много сплю,
 Летучей славы не ловлю.

Не такъ ли я въ былые годы
Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши,
Мои счастливейшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
Поля! я преданъ вамъ душой.
Всегда я рѣдъ замѣтить разность
Между Онегинимъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель,
Или какой нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ—
Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ?

LVII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты—
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ тайный сохранила;
Ихъ послѣ Муза оживила:
Такъ я, безпеченъ, воспѣвалъ
И дѣву горъ, мой идеалъ,
И плѣнницъ береговъ Салгира.
Теперь отъ васъ, мои друзья,
Вопросъ не рѣдко слышу я:
«О комъ твоя вздыхаетъ лира?
«Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
«Ты посвятилъ ея напѣвъ?»

LVIII.

«Чей взоръ, волнуя вдохновенье,
«Умилъ лаской награждать
«Твое задумчивое пѣнье?
«Кого твой стихъ боготворилъ?»—
И, други, никого, ей-Богу!

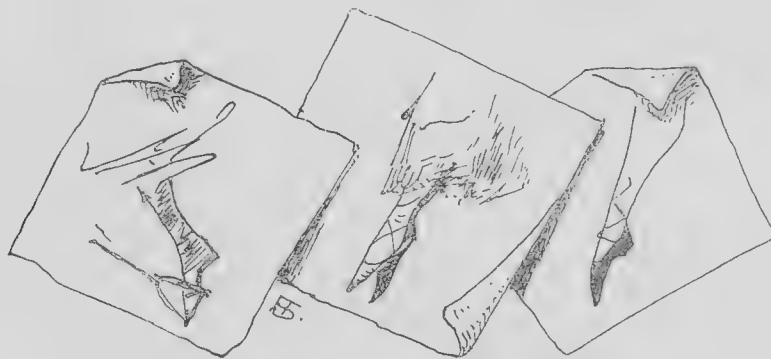
Любви безумную тревогу
Я безотрадно испыталъ.
Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
Горячку рифмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
Поэзіи священный бредъ,
Петраркѣ шествуя вослѣдъ,
А муки сердца успокоилъ,
Поймалъ и славу между тѣмъ;
Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не тоскуетъ;
Перо, забывшись, не рисуетъ,
Близъ неоконченныхъ стиховъ
Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ,
Я все грущу; но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ:
Тогда-то я начну писать
Поэму, пѣсенъ въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
И какъ героя назову.
Покаместъ моего романа
Я кончилъ первую главу;
Пересмотрѣлъ все это строго:
Противорѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу.
Ценсурѣ долгъ свой заплачу,
И журналистамъ на съѣденіе
Плоды трудовъ моихъ отдамъ;
Иди же къ Невскимъ берегамъ,
Новорожденное твореще!
И заслужи мнѣ славы дань—
Кривые толки, шумъ и брань! 14

ЖЕНСКІЯ НОЖКИ ВЪ ЧЕРНОВИКАХЪ ПУШКИНА.

Воспроизводятся впервые по тетрадямъ Гумяниц. музея № 2369, листъ 1 оборотъ;
2370, листы 2 и 8.

ВЪ БОГАТОЙ БАРСКОЙ УСАДЬБѢ НАЧАЛА 1820-хъ гг.

Изъ современныхъ силуэтовъ графа Федора Толстого.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

O rus!

Hor.

O Русь!

I.

Деревиа, гдѣ скучалъ Евгений,
 Была прелестный уголокъ;
 Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
 Благословить бы Небо могъ.
 Господскій домъ, уединенный,
 Горой отъ вѣтровъ огражденный,
 Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
 Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
 Луга и нивы золотыя,
 Мелькали села здѣсь и тамъ,
 Стада бродили по лугамъ
 И сѣни расширялъ густыя
 Огромный запущенный садъ.
 Пріютъ задумчивыхъ Дріадъ.

II.

Почтенный замокъ былъ построенъ,
 Какъ замки строятся должны:
 Отмѣнно проченъ и спокоенъ,
 Во вкусѣ умной старины.
 Вездѣ высокіе покои,
 Въ гостиной штофиные обои,
 Портреты дѣдовъ на стѣнахъ,
 И печи въ пестрыхъ пзрасцахъ.
 Все это нынѣ обветшало,
 Не знаю, право, почему:
 Да впрочемъ другу моему
 Въ томъ нужды было очень мало,
 Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
 Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
 Гдѣ деревенскій старожилъ
 Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
 Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
 Все было просто: полъ дубовый,
 Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
 Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
 Онегинъ шкафы отворилъ:
 Въ одномъ нашель тетрадь расхода,
 Въ другомъ наливockъ цѣлый строй,
 Кувшины съ яблочной водой,
 И календаръ осьмаго года;
 Старикъ, имѣя много дѣлъ,
 Въ пныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
 Чтобъ только время проводить,
 Сперва задумалъ нашъ Евгений
 Порядокъ новый учредить.
 Въ своей глуши мудрецъ пустынный.
 Яремъ онъ барщины стариной
 Оброкомъ легкимъ замѣнилъ;
 И рабъ судьбу благословилъ.
 За то въ углу своемъ надулся,
 Увидя въ этомъ страшный вредъ,
 Его расчетливый сосѣдъ.
 Другой лукаво улыбнулся,
 И въ голосъ всѣ рѣшили такъ:
 Что онъ опасѣйшій чудакъ.

ВЛАДИМИРЪ ЛЕНСКІЙ.

Этотъ впервые извлеченный нами изъ черновиковъ «Евгенія Онегина» (тетрадь Румяна, издана № 2369, л. 35 обор.) профиль представляется намъ портретомъ Ленскаго. Юноша и очень молодой и красивъ, и видъ мечтательный у него и кудри до плечъ. Ср. на стр. 205 и 251 портреты, которые намъ кажутся портретами Онегина.

V.

Сначала всѣ къ нему възжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему Донскаго жеребца,
Ишь только вдоль большой дороги
Заслышатъ ихъ домашни дроги:
Поступкомъ оскорблясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
«Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродить,
«Онъ фармазонъ; онъ цѣтъ одно
«Стаканомъ красное вино;
«Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
«Все да да нтъ, не скажетъ да-съ
«Иль нтъ-съ». Таковъ былъ общій
гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ,
И столь же строгому разбору
Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ.
По имени Владиміръ Ленскій,
Съ душою прямо Геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно страшный,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечъ.

VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;

Его лелѣла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ,
И чудеса подозревалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно пнывая,
Его всендневно ждетъ она!
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнетъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника;
Что есть избранные судьбами
(Людей священные друзья,
Что ихъ бессмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда нибудь насъ озаритъ).
И міръ блаженствомъ одаритъ).

IX.

Негодоваѣе, сожалѣнне.
Ко благу чистая любовь.
И славы сладкое мученіе
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой страствовалъ на свѣтѣ:
Подъ небомъ Шиллера и Гете
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ.
И Музъ возвышенныхъ искусства.
Счастливецъ, онъ не постыдился:
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,

Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ пѣжныхъ.
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И пѣчто, и туману даль,
И романтическія розы;

Онъ пѣлъ тѣ дальнія страны,
Гдѣ долго въ лоно тишины
Лились его живыя слёзы;
Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгений
Могъ оцѣнить его дары,
Господь сосѣдственныхъ селеній
Ему не нравились пиры;
Вѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
Ихъ разговоръ благоразумный

И запищитъ она (Богъ мой)!
Приди ко мнѣ въ чертогъ златой!...
(«Невскій Альманахъ» на 1829 г.).

О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарѣ, о своей роднѣ,
Конечно не блистала ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнемъ,
Ни острою, ни умомъ,
Ни общежитіа искусствомъ;
Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ:

Таковъ обычай деревенскій;
Все дочекъ прочли своихъ
За полурусскаго сосѣда;
Взойдетъ ли онъ—тотчасъ бесѣда
Заводитъ слово стороной
О скукѣ жизни холостой;
Зовутъ сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаетъ чай,
Ей шепчутъ: «Дуня, примѣчай!»
Потомъ приносятъ и гитару,
И запищитъ она (Богъ мой!):
Приди ко мнѣ въ чертогъ златой!... 15

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно
Охоты узы брака несть,
Съ Онегинымъ желать сердечно
Знакомство покороче свести.
Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.
Сперва взаимной разнотой
Они другъ другу были скучны;

Потомъ поправились; потомъ
Съѣзжались каждый день верхомъ,
И скоро стали неразлучны.
Такъ люди—первый каюсь я—
Отъ дѣлать нечего—друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами;
Всѣ предразсудки истребя,
Мы почитаемъ всѣхъ—чулями.
А единицами—себя;

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

Этотъ, впервые извлеченный нами изъ черновиковъ романа портретъ (Румянецъ, музей, № 2369 л. 49), въ сопоставленіи съ профилемъ, воспроизведеннымъ выше на стр. 249, намъ представляется

Евгеніемъ Онегинымъ.

Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей миллионы
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно.
Сноснѣе многихъ былъ Евгений;
Хоть онъ людей конечно зналъ,
И вообще ихъ презиралъ;
Но правилъ нѣтъ безъ исключеній:
Иныхъ онъ очень отличалъ,
И вчужѣ чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ,
И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкой,
И вѣчно вдохновенный взоръ —
Онегину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать,
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству;
И безъ меня пора придетъ;

Пусть покаместъ онъ живетъ,
Да вѣрить міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племень минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предрасудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.
Поэтъ въ жару своихъ сужденій
Читалъ, забывшись, между тѣмъ,
Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
И снисходительный Евгений,
Хоть ихъ не много понималъ,
Прилѣжно юношѣ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынниковъ моихъ.
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
Онегинъ говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненія
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ,
Кто охлаждалъ любовь разлукой,
Вражду злословіемъ; порой
Зѣвалъ съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной двойкѣ не вѣрялъ!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснетъ пламя,
И намъ становятся смѣшны
Ихъ своеволие, пль порывы
И запоздалые отзывы:
Смиренные не безъ труда,
Мы любимъ слушать иногда
Страстей чужихъ языкъ мятежный
И намъ онъ сердце шевелитъ;
Такъ точно старій нивалидъ
Охотно клонитъ слухъ прилѣжный
Рассказамъ юныхъ усачей,
Забывшій въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можетъ ничего скрывать:
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
Въ любви считаясь нивалидомъ,
Онегинъ слушалъ съ важнымъ видомъ,
Какъ, сердца исповѣдь любя,

Поэтъ высказывалъ себя;
Свою довѣрчивую совѣсть
Онъ простодушно обнажалъ.
Евгений безъ труда узналъ
Его любви младую повѣсть,
Обильный чувствами рассказъ,
Давно не новыми для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ; какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, вездѣ одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлаждающая даль,
Ни долгія лѣта разлуки,
Ни музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою пѣвниный,
Сердечныхъ мукъ еще не зная,
Онъ былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ;
Въ тѣни хранительной дубравы
Онъ раздѣлялъ ея забавы,
И дѣтямъ прочили вѣщцы
Друзья-сосѣди, ихъ отцы.
Въ глуши подъ сѣнію смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ, родителей, она
Цвѣла какъ ландышъ потаенный.
Незнаемый въ травѣ глухой,
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ,
И мысль о ней одушевила
Его цѣвницы первый стонъ.
Простите, игры золотыя!
Онъ рожи полюбилъ густыя,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звѣзды, и луну—
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тмы,
И слезы, тайныхъ мукъ отраду...
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,

ОЛЬГА ЛАРИНА.

Рисунокъ Е. Самокишъ-Суоковской.

Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ... по любой романъ
Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
И прежде самъ его любилъ,
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна... 16
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жъ? оно пріятно, звучно,
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль дѣвичей. Мы все должны
Признаться, вкуса очень мало
И насъ и въ нашихъ именахъ
Не говоримъ ужъ о стихахъ;
Намъ просвѣщеніе не пристало,
И намъ досталось отъ него
Неманство—больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,

ни свѣжестью ея румяной
Не привлекла бъ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань дѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто, цѣлый день одна,
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склоняясь на пальцы.
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою, дитя
Приготавливается шути
Къ приличію, закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

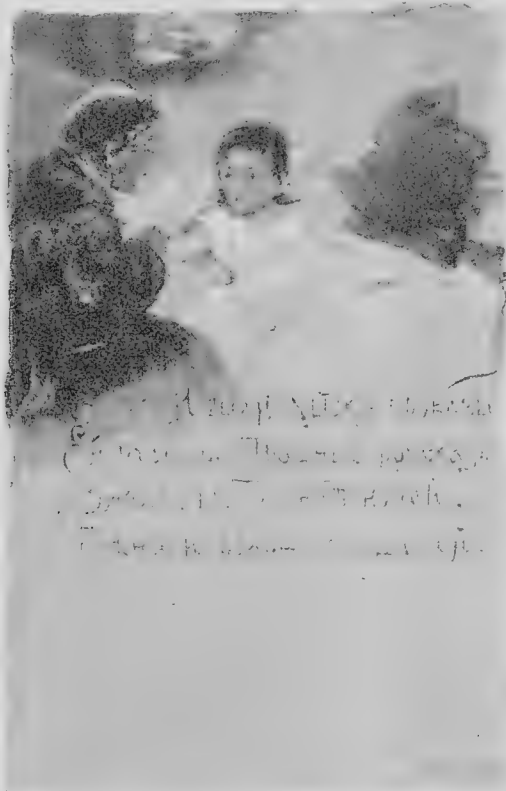
Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;

Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; страшные рассказы
Зимою, въ темнотѣ почей,
Плѣнили больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкій лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла,

Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтренныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.

ТАТЬЯНА РЕБЕНКОМЪ.

Рисунокъ Ел. Вель.

Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли всё;
Она влюблялася въ обманы
И Ричардсона, и Руссо.
Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый;

Но въ книгахъ не видалъ вреда;
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой,
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла;¹⁷
Но встарину, Княжна Полина

ТАТЬЯНА.

Картина барона М. Клодта.

Ея Московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ
Ея супругъ, по по неволѣ;
Она вздыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей правился гораздо болѣ;
Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта,
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но, не спросясь ея совѣта,
Дѣвицу повезли къ вѣнцу
И чтобъ ея разсѣять горе,
Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала.
Съ супругомъ чуть не развелась;
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла, и довольна стала.
Привычка свѣше намъ дана,
Замѣна счастью она. ¹⁸

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ.
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять,
И все тогда пошло на стать.
Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ была осердясь—
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало, писывала кровью
Она въ альбомы пѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полною Прасковью,
И говорила на расцѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій И, какъ N Французскій
Произносить умѣла въ пось;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, Княжну Полину,
Станковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла—стала звать
Акулькой прежнюю Селицу,
И обновила наконецъ
На ватѣ шлафоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ея затѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровалъ безпечно,
А самъ въ халатѣ ѣлъ и пилъ.
Покойно жизнь его катилась;
Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Недеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмѣяться кой о чемъ.
Проходитъ время; между тѣмъ
Прикажутъ Ольгѣ чай готовить;
Тамъ ужинъ, тамъ и спать пора,
И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины;
У нихъ на масляницѣ жирной
Водились Русскіе блины.
Два раза въ годъ они говѣли;
Любили круглыя качели,
Подблюдны пѣсни, хороводъ;
Въ день Троицынъ, когда народъ
Зѣвая слушаетъ молебенъ,
Умилно на пучекъ зари
Они роняли слезки три;
Имъ квасъ, какъ воздухъ былъ потребенъ.
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
И отворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣтми и вѣрною женой,
Чистосердечіей, чѣмъ иной.
Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
*Смиранный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.*

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
Владиміръ Ленскій посѣтилъ
Сосѣда памятникъ смиренный,
И вздохъ онъ пеплу посвятилъ;
И долго сердцу грустно было.
«Poor Yorick! ¹⁹ молвилъ онъ уныло,
«Онъ на рукахъ меня держалъ.
«Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ

«Его Очаковской медалью!
«Онъ Ольгу прочилъ за меня,
«Онъ говорилъ: дождусь ли дня?...»
И полный искренней печалью,
Владимиръ тутъ же начерталъ
Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
Отца и матери, въ слезахъ,
Почтилъ онъ прахъ патриархальной..
Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ, и падаютъ;
Другія имъ во слѣдъ идутъ...
Такъ наше вѣтренное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадедовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ!

XXXIX.

Покаместъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнью, друзья!
Ея ничтожность разумѣю,
И мало къ ней привязанъ я;

Для призраковъ закрыть я вѣжды;
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда:
Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было бы грустно міръ оставить.
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XI.

И чье нибудь онъ сердце тронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Лѣтѣ не потонетъ
Строфа, слагаемая мной:
Быть можетъ—лестная надежда!—
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ
И молвитъ: тотъ-то былъ Поэтъ!
Прими жъ мое благодаренье,
Поклоникъ мирныхъ Аонидъ,
О ты, чья память сохранить
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика!

ТАТЬЯНА.

Статуя П. П. Забѣллы.

ЛЕНСКІЙ ВВОДИТЪ ВЪ ДОМЪ ЛАРИНЫХЪ «ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА».

Изъ неизданныхъ силуэтовъ къ «Евгенію Онегину» В. В. Гельмерсена.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

*Elle étoit fille, elle étoit amoureuse
Malfilatre.*

I.

— Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!
Прощай, Онегинъ, мнѣ пора.»
«Я не держу тебя; но гдѣ ты
Свой проводишь вечера?»
— «У Лариныхъ. «Вотъ это чудно.
Помилуй! и тебѣ не трудно
Такъ каждый вечеръ убивать?»
— «Нимало.» «Не могу понять.
Отселѣ вижу, что такое:
Во-первыхъ—слушай, правъ ли я?—
Простая, Русская семья,
Къ гостямъ усердіе большое,
Варенье, вѣчный разговоръ
Про дождь, про лень, про скотный
дворъ...»

II.

— «Я тутъ еще бѣды не вижу.»
«Да скука, вотъ бѣда, мой другъ.»
— «Я модный свѣтъ вашъ ненавижу;
Милѣе мнѣ домашній кругъ,
Гдѣ я могу...» «Опять эклога!
Да полно, милый, ради Бога.
Ну, что жъ? ты ѣдешь: очень жаль.
Ахъ, слушай, Ленской; да нельзя ль
Увидѣть мнѣ Филлиду эту,
Предметъ и мыслей и пера,
И слезъ, и рифмъ et cetera?
Представь меня.»—Ты шутишь. «Нѣту.»
— «Я радъ». «Когда же?»—«Хоть сейчасъ.
Онѣ съ охотой примутъ насъ.

III.

Поѣдемъ.—

Поскакали други,
Явились; имъ расточены
Порой тяжелыя услуги
Гостепріимной старины.
Обрядъ извѣстный угощенья:
Несутъ на блюдечкахъ варенья,
На столикъ ставятъ воцарной
Кувшинъ съ брусничною водою.
(Въ деревнѣ день есть дѣнь обѣда
Поджавши руки, у дверей
Сбѣжались дѣвушки скорѣй
Взглянуть на новаго сосѣда,
И на дворѣ толпа людей
Критиковала ихъ коней.)

IV.

Они дорогой самой краткой
Домой летятъ во весь опоръ.²⁰
Теперь подслушаемъ украдкой
Героевъ нашихъ разговоръ.
— «Ну, что жъ, Онегинъ? Ты зѣваешь.»
«Привычка, Ленскій.»—Но скучаешь
Ты какъ-то больше.»—Нѣтъ, равно.
Однако въ полѣ ужъ темно;
Скорѣй! пошолъ, пошолъ, Андриюшка!
Какія глупыя мѣста!
А, кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мнѣ не надѣлала бъ вреда.

V.

Скажи: которая Татьяна?
 «Да та, которая, грустна
 И молчалива какъ Светлана,
 Вошла и сѣла у окна.»
 — «Неужь-то ты влюбленъ въ меньшую?»
 — «А что?» — «Я выбралъ бы другую,
 Когда бъ я былъ какъ ты поэтъ.
 Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
 Точь въ точь въ Вандиковой Мадоннѣ:
 Кругла, красна лицомъ она,
 Какъ эта глупая луна
 На этомъ глупомъ небосклонѣ.» —
 Владимиръ сухо отвѣчалъ,
 И послѣ во весь путь молчалъ.

VI.

Межъ тѣмъ Онегина явленье
 У Лариныхъ произвело
 На всѣхъ большое впечатлѣнье,
 И всѣхъ сосѣдей развлекало.
 Пошла догадка за догадкой.
 Всѣ стали толковать украдкой,
 Шутить, судить не безъ грѣха,
 Татьянѣ прочить жениха;
 Иные даже утверждали,
 Что свадьба слажена совсѣмъ,
 Но остановлена затѣмъ,
 Что модныхъ колецъ не достали
 О свадьбѣ Ленскаго давно
 У нихъ ужъ было рѣшено.

VII.

Татьяна слушала съ досадою
 Такія сплетни; но тайкомъ
 Съ неизъяснимою отрадою
 Цевольно думала о томъ
 И въ сердце дума зародилась
 Пора пришла, она влюбилась;
 Такъ въ землю падшее зерно
 Весны огнемъ оживлено.
 Давно ся воображенье,
 Старая нѣгой и тоской,
 Алкало пищи роковой;
 Давно сердечное томленье
 Тѣснило ей младую грудь;
 Душа ждала... кого нибудь.

VIII.

И дождалась. Открылись очи;
 Она сказала: это онъ!
 Увы! теперь и дни, и ночи,
 И жаркій, одинокій сонъ,
 Все полно имъ; все дѣлѣ милой
 Безъ умолку волшебной силой
 Твердить о немъ. Докучны ей
 И звуки ласковыхъ рѣчей,
 И взоръ заботливой прислуги.

Въ уныніе погружена,
 Гостей не слушаетъ она,
 И проклиная ихъ досуги,
 Ихъ неожиданный прїѣздъ
 И продолжительный прїѣздъ.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
 Читаетъ сладостный романъ,
 Съ какимъ живымъ очарованьемъ
 Пьетъ обольстительный обманъ!
 Счастливой силою мечтанья
 Одушевленные созданья,
 Любовники Юліи Вольмаръ,
 Малекъ-Адель и де-Линаръ,
 И Вертеръ, мученикъ мятежной,
 И неподобный Грандисонъ,²¹
 Который намъ наводитъ сонъ;
 Всѣ для мечтательницы нѣжной
 Въ единый образъ облеклись,
 Въ одномъ Онегинѣ слились.

X.

Воображаясь героиней
 Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
 Кларисой, Юліей, Дельфиной,
 Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
 Одна съ опасной книгой бродитъ,
 Она въ ней ищетъ и находитъ
 Свой тайный жаръ, свои мечты,
 Плоды сердечной полноты,
 Вздыхаетъ, и себѣ присвоя
 Чужой восторгъ, чужую грусть,
 Въ забвеньи шепчетъ наизусть
 Письмо для милаго героя...
 Но нашъ герой, кто бъ ни былъ онъ,
 Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
 Бывало, пламенный творецъ
 Являлъ намъ своего героя
 Какъ совершенства образецъ.
 Онъ одарялъ предметъ любимый,
 Всегда несправедно гонимый,
 Душой чувствительной, умомъ
 И пріятельнымъ лицомъ.
 Питая жаръ чистѣйшей страсти,
 Всегда восторженный герой
 Готовъ былъ жертвовать собой,
 И при концѣ послѣдней части
 Всегда наказанъ былъ порокомъ,
 Добру достойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынче всѣ умы въ туманѣ,
 Мораль на насъ чаводитъ сонъ,
 Порокъ любезенъ и въ романѣ,
 И тамъ ужъ торжествуетъ онъ.

Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы,
И сталъ теперь ея кумиръ
Или задумчивый Вампиръ,
Или Мельмотъ, бродяга мрачной,
Иль вѣчный жидъ, или Корсаръ,
Или таинственный Сбогаръ.²²
Лордъ Байронъ прихотью удачной
Облекъ въ улыль романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

XIII.

Друзья мои, что жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею Небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья Русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны!
Да правы нашей старины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условенныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...
Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которыя въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Миѣ приходили на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвыкъ.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью;
Ты въ руки моднаго тирана
Ужъ отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ
Блаженство темное зовешь,
Ты нѣгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслѣдуютъ мечты:
Вездѣ воображаешь ты
Пріюты счастливыхъ свиданій;
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твой искуситель роковой.

XVI.

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ,
И лѣнь ей даѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Настанетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальный сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ деревьевъ
Напѣвы звучные заводитъ.
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ:

XVII.

— «Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
Открой окно, да сядь ко миѣ.»
— «Что, Таня, что съ тобой?» Миѣ скучно,
Поговоримъ о старинѣ.»
— «О чемъ же, Таня! Я, бывало,
Хранила въ памяти немало
Старинныхъ былей, небылицъ;
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынѣ все миѣ темно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая чередъ!
Зашибло...» — «Расскажи миѣ, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

— И! полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь.»
— «Да какъ же ты вѣчилась, няня?»
— Такъ видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было миѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣля двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ!
Я горько плакала со страха;
Миѣ съ плачемъ косу расплели,
Да съ пѣнемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую...
Да ты не слушаешь меня...»
— «Ахъ, няня, няня, я тоскую,
Миѣ тошно, милая моя:
Я плакать, и рыдать готова!...»
— Дитя мое, ты нездорова;
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси...
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горюшь...» — «Я не больна;

И... знаешь, няня... влюблена.

Акварель Павла Соколова.

Я... знаешь, няня... влюблена »
 — «Дитя мое, Господь съ тобою!»—
 И няня дѣвушку съ мольбой
 Крестила дряхлою рукой.

XX.

— «Я влюблена,» шептала снова
 Старушкѣ съ горестью она.

— «Сердечный другъ, ты нездорова.
 — «Оставь меня: я влюблена.»—
 И между тѣмъ луна сіяла
 И темнымъ свѣтомъ озаряла
 Татьяны блѣдныя красы,
 И распущенныя власы,
 И капли слезъ, и на скамейкѣ
 Предъ героиней молодой,

Съ платкомъ на головѣ сѣдой,
Старушку въ длинной тѣлѣгѣ;
И все дремало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко посылась
Татьяна, смотря на луну...
Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась...
— «Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,
Да столъ подвинь; я скоро лягу;
Прости.» И вотъ она одна.
Все тихо. Свѣтитъ ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишетъ,
И все Евгений на умѣ,
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь невинной дѣвы дышетъ.
Письмо готово, сложено...
Татьяна! для кого жъ оно?

XXII.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
Холодныхъ, чистыхъ какъ зима;
Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
Непостижимыхъ для ума;
Дивился я ихъ спѣси модной,
Ихъ добродѣтели природной,
И, признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,
И, мнителъ, съ ужасомъ читалъ
Надъ ихъ бровями надпись ада:
*Оставь надежду навсегда.*²³
Внушать любовь для нихъ бѣда,
Пугать людей для нихъ отрада.
Быть можетъ, на берегахъ Невы
Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ
Другихъ причудницъ я видалъ,
Самолюбиво равнодушныхъ
Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.
И что жъ нашелъ я съ изумленьемъ?
Онѣ суровымъ поведеньемъ
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умѣли вновь,
По крайней мѣрѣ, сожалѣньемъ,
По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
Казался иногда нѣжнѣй,
И съ легковѣрнымъ ослѣпленъ
Опять любовникъ молодой
Бѣжалъ за милой суетой.

XXIV.

За что жъ виновнѣ Татьяна?
За то ль, что въ милой простотѣ
Она не вѣдаетъ обмана
И вѣрить избранной мечтѣ?
За то ль, что любить безъ искусства,
Послушная влеченю чувства,

Что такъ довѣрчива она,
Что отъ Небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живою,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслія страстей?

XXV.

Кокетка судить хладнокровно,
Татьяна любить не шутя
И предается безусловно
Любви, какъ милое дѣтя.
Не говоритъ она: отложимъ—
Любви мы дѣлу тѣмъ умножимъ,
Вѣришь въ сѣти заведемъ;
Сперва тщеславіе колышетъ
Надеждой, тамъ недоумѣньемъ
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнемъ:
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

XXVI.

Еще предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-Русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалась съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ.
И такъ писала по-Французски...
Что дѣлать! повторяю вновь:
Донынѣ дамская любовь
Не изъяснялась по-Русски,
Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хотѣтъ заставить
Читать по-Русски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ «Благонамѣреннымъ»²⁴ въ рукахъ!
Я шлюсь на васъ, мои поэты,
Не правда ль: милые предметы,
Которымъ, за свои грѣхи,
Писали втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ ли, Русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило пскажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ
Иль при раздѣлѣ на крыльцѣ

Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ
Иль съ Академикомъ въ чепцѣ!
Какъ усть румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я Русской рѣчи не люблю.
Быть можетъ, на бѣду мою,
Красавицъ новыхъ поколѣнье,
Журналовъ внявъ молящій гласъ,
Къ Грамматикѣ приучить насъ;
Стихи введутъ въ употребленье:
Но я... какое дѣло мнѣ?
Я вѣренъ буду старинѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепетъ,
Неточный выговоръ рѣчей;
По прежнему сердечный трепетъ
Произведутъ въ груди моей;
Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы,
Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи.
Но полно. Мнѣ пора заняться
Письмомъ красавицы моей;
Я слово далъ, и что жъ? ей ей,
Теперь готовъ ужъ отказаться.
Я знаю: пѣжнаго Парни
Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ Пировъ и грусти томной,²⁵
Когда бъ еще ты былъ со мной,
Я сталъ бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой;
Чтобъ на волшебные напѣвы
Переложилъ ты страстной дѣвы
Иноязычныя слова.
Гдѣ ты? приди—свои права
Передаю тебѣ съ поклономъ...
Но посреди печальныхъ скалъ,
Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
Одинъ, подлѣ Финскимъ небосклономъ
Онъ бродить, и душа его
Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю съ тайною тоскою
И пачитаться не могу.
Кто ей внушалъ и эту пѣжность,
И словъ любезную небрежность?
Кто ей внушалъ умильный вздоръ,
Безумный сердца разговоръ
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный,

Или разыгранный Фрейшинъ
Перстами робкихъ ученицъ:

ТАТЬЯНА ПИШЕТЪ ПИСЬМО ОНЕГИНУ

Акварель Ел. Бемъ.

Письмо Татьяны къ Онегину.

«Я къ вамъ пишу—чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храни,
Вы не оставите меня.
Сначача я молчать хотѣла
Повѣрите: моего стыда
Вы не узнали бъ никогда,
Когда бъ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи.
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.

Но говорятъ, вы неслодимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ все вамъ скучно;
А мы... ничѣмъ мы не блеснимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.

«Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья,
Я никогда не знала бѣ васъ,
Не знала бѣ горькаго мученья.
Душа неопытной волненья
Смиривъ со временемъ (какъ знать?)
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

«Другой!.. Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
То въ высшемъ суждено совѣтѣ...
То воля Неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся,
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно... нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запыхала
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой улаживала
Тоску волнующей души?
И въ это самое мгновеніе
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью?
Не ты ль, съ отрадой и любовью,
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой Ангелъ ли хранитель,
Или коварный искушитель?
Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, все это пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совѣмъ инос...
Но такъ и быть! Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И, молча, гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взглядомъ
Надежды сердца оживи,

Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!
«Кончаю! страшно перечестъ...
Стыдомъ и страхомъ замираю...
Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя вѣрряю...»—

XXXII.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ:
Письмо дрожитъ въ ея рукѣ;
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась,
Сорочка легкая спустилась,
Съ ея прелестнаго плеча.
Но вотъ ужъ лунаго луча
Сіянье гаснетъ. Тамъ долина
Сквозь паръ лѣшеть. Тамъ потокъ
Засеребрился; тамъ рожокъ
Пастушій будитъ селянина.
Вотъ утро; встали всѣ давно:
Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
Сидитъ съ поникшею главой
И на письмо не напираетъ
Своей печати вырѣзкой.
Но, дверь тихонько отпирая,
Ужъ ей Филипповна сѣдая
Приноситъ на подносѣ чай.
— «Пора, дитя мое, вставай:
Да ты, красавица, готова!
О, пташка ранняя моя!
Вечоръ ужъ какъ боялась я!
Да, слава Богу, ты здорова!
Тоски ночной ужъ слѣду нѣтъ,
Лице твое какъ макъ цвѣтъ.»

XXXIV.

— «Ахъ! няня, сдѣлай одолженіе...»
— Изволь, родная, прикажи.»
«Не думай... право... подозрѣнье...
Но видишь... Ахъ! не откажи.»
— «Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ порука.»
— «И такъ пошли тихонько внука
Съ запиской этой къ О... къ тому...
Къ сосѣду... да велѣть ему—
Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
Чтобъ онъ не называлъ меня...»
— Кому-же, милая моя?
Я нынче стала безтолкова.
Кругомъ сосѣдей много есть—
Куда мнѣ ихъ и перечестъ.»

XXXV.

— «Какъ недогадлива ты, няня!»
— «Сердечный другъ, ужъ я стара,

ТАТЬЯНА и НЯНЯ.

Рисунокъ Микльшица.

Стара; тупѣтъ разумъ, [Таня;
А то, бывало, я востра:
Бывало, слово барской воли...»
— «Ахъ, няня, няня! до того ли?
Что нужды мнѣ въ твоёмъ умѣ?
Ты видишь, дѣло о письмѣ
Къ Онѣгину.»—«Ну, дѣло, дѣло.
Не гиѣвайся, душа моя,
Ты знаешь, непонятна я...
Да что жъ ты снова поблѣднѣла?»
— «Такъ, няня, право ничего.
Пошли же внука своего.»—

XXXVI.

Но день протекъ, и пѣтъ отвѣта.
Другой насталъ: все пѣтъ, какъ пѣтъ.
Блѣдна какъ тѣнь, съ утра одѣта,
Татьяна ждетъ: когда жъ отвѣтъ,
Пріѣхалъ Ольгинъ обожатель.

— «Скажите: гдѣ же вашъ пріятель?»
Ему вопросъ хозяйки былъ:
«Онъ что-то насъ совсѣмъ забылъ.»
Татьяна, вспыхнувъ, задрожала.
— «Сегодня быть онъ обѣщалъ.»
Старушкѣ Ленской отвѣчалъ:
— «Да, видно, почта задержала.»—
Татьяна потупила взоръ,
Какъ будто слыша злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столѣ, блистая,
Шипѣлъ вечерній самоваръ,
Китайскій чайникъ нагрѣвая;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкамъ темною струею
Уже душистый чай бѣжалъ,
И сливки мальчикъ подавать;

Татьяна предъ окномъ стояла;
 На стекла хладныя дыша,
 Задумавшись, моя душа,
 Прелестнымъ пальчикомъ писала
 На отуманенномъ стеклѣ
 Завѣтный вензель: *О да Е.*

XXXVIII.

И между тѣмъ, душа въ ней пыла,
 И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
 Вдругъ топотъ!... кровь ея застыла.
 Вотъ ближе! скачутъ... и на дворъ
 Евгений! «Ахъ!»—и легче тѣни
 Татьяна прыгъ въ другія сѣни,
 Съ крыльца на дворъ, и прямо въ садъ;
 Летитъ, летитъ; взглянуть назадъ
 Не смѣетъ; мигомъ обѣжала
 Куртины, мостики, лужокъ,
 Аллею къ озеру, лѣсокъ,

Кусты сирень переломала,
 По двѣтникамъ летя къ ручью
 И задыхалась на скамью.

XXXIX.

Упала...

«Здѣсь онъ! здѣсь Евгений!
 О Боже! что подумалъ онъ!»—
 Въ ней сердце, полное мученій,
 Храпитъ надежды темный сонъ;
 Она дрожитъ и жаромъ пышетъ,
 И ждетъ: нейдетъ ли? Но не слышитъ.
 Въ саду служанки, на грядахъ,
 Сбирали ягоды въ кустахъ
 И хоромъ по наказу пѣли
 (Наказъ, основанный на томъ,
 Чтобъ барской ягоды тайкомъ
 Уста лукавыя не бѣли,
 И пѣснемъ были заняты:
 Затѣя сельской остроты!).

Пѣсня дѣвушекъ.

«Дѣвицы, красавицы,
 Душеньки, подруженьки,
 Разыграйтесь, дѣвицы,
 Разгуляйтесь, милыя!
 Затяните пѣсенку,
 Пѣсѣнку завѣтную,
 Заманите молодца
 Къ хороводу нашему.
 Какъ заманятъ молодца,

Какъ завидимъ издали,
 Разбѣжимтесь, милыя,
 Закидаемъ вишеньемъ,
 Вишеньемъ, малиною,
 Красною смородиной.
 Не ходи подслушивать
 Пѣсенки завѣтныя,
 Не ходи подсматривать
 Игры наши дѣвичьи.»—

ПѢСНЯ ДѢВУШЕКЪ.

Рисунокъ И. Попова.

Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель О де Е.

Рисунокъ Микшиина.

XI.

Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ
Внимая звонкій голосъ ихъ,
Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ трепетъ сердца въ ней затихъ,
Чтобы прошло ланитъ пыланье.
Но въ персяхъ тоже трепетанье,
И не проходитъ жаръ ланитъ,
Но ярче, ярче лишь горитъ.
Такъ бѣдный мотылекъ и блещетъ,
И бьется радужнымъ крыломъ,
Плѣченный школьнымъ шалуномъ;
Такъ зайчикъ въ озири трепещетъ,
Увидя вдругъ издалика
Въ кусты припадшаго стрѣлка.

XII.

Но наконецъ она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла, но только повернула
Въ аллею—прямо передъ ней,
Блестая взорами, Евгенийъ
Стоитъ подобно грозной тѣни,
И какъ огнемъ обожжена
Остановилась она.
Но слѣдствіи неожиданной встрѣчи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не въ силахъ я,
Миѣ должно послѣ долгой рѣчи
И погулять и отдохнуть:
Докончу послѣ какъ нибудь.

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПЛЕТНЕВЪ.

[Первому изданію четвертой и пятой главы—Спб. 1828 — было предпослано нижеслѣдующее посвященіе П. А. Плетневу. Въ первомъ полномъ изданіи всего романа—Спб. 1833.—оно помѣщено въ примѣчанія автора. Во второмъ полномъ изданіи «Евгенія Онегина».—Спб. 1837—впередъ книги].

Не мысля гордый светъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я теперь представить
Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты,
Но такъ и быть—рукой пристрастной
Прими собранье нестранныхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Бессонницъ легкихъ вдохновеній
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюдений
И сердца горестныхъ заметъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

La morale est dans la nature des choses.
Necker.

ЖЕНСКІЯ ГОЛОВКИ ИЗЪ ЧЕРНОВИКОВЪ «ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА».

(Воспроизводятся здѣсь впервые по тетрадямъ Румянцев. музея № 2369 лл. 29 оборотъ и 35; 2370. л. 5 оборотъ).

I.

(Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый полъ;
Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единый произволъ,
Душа лишь только разгоралась
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ.
Владѣя чувствами, умомъ,
Она сіяла совершенствомъ.
Предъ ней я таялъ въ тишинѣ;
Ея любовь казалась мнѣ
Недостижимымъ блаженствомъ.
Жить, умереть у мнѣхъ ногъ—
Инаго я желать не могъ.)

II.

(То вдругъ ее я ненавидѣлъ,
И трепеталъ и слезы лилъ,
Съ тоской и ужасомъ въ ней видѣлъ
Созданье злобныхъ, тайныхъ силъ;
Ея пропитательные взоры,
Улыбка, голосъ, разговоры,
Все было въ ней отравлено,
Измѣнной злой напоено,
Все въ ней алкало слезъ и стоновъ,
Питалось кровію моею...
То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней
Передъ мольбой Пигмаліона
Еще холодной и нѣмой,
Но вскорѣ жаркой и живой.)

III.

(Словами вѣщаго поэта
Сказать и мнѣ позволено;
Темира, Дафна и Лилета—
Какъ сонъ, забыты мной давно,
Но есть одна межъ ихъ толпою...

Я долго былъ плѣненъ одною...

Но былъ ли я любимъ, и кѣмъ,
И гдѣ, и долго ли?... зачѣмъ
Вамъ это знать? не въ этомъ дѣло!
Что было, то прошло, то вздоръ;
А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
Закрылось для любви оно,
И все въ немъ пусто и темно).

IV.

(Дознался я, что дамы сами,
Душевною тайнѣ измѣня,
Не могутъ надвинуться нами,
Себя по совѣсти цѣня.
Восторги наши свосправны
Имъ очень кажутся забавны;
И право, съ нашей стороны,
Мы непростительно смѣшны.
Закабалась неосторожно,
Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,
Какъ будто требовать возможно
Отъ мотыльковъ иль отъ лилей
И чувствъ глубокихъ и страстей!)

V. VI. VII. ²⁶

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче правимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Развратъ, бывало, хладнокровной
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя,
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ времянъ.

Деласовъ обветшала слава
Со славою красивыхъ каблучковъ
И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно повторять одно;
Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно;
Всѣ тѣ же слышать возраженья;
Уничтожать предразсужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У дѣвочки въ тринадцать лѣтъ!
Кого не утомятъ угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страхъ,
Записки на шести листахъ,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей,
И дружба тяжкая мужей!

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгенийъ.
Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблужденій
И необузданныхъ страстей.
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ на время очарованъ,
Разочарованный другимъ,
Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и внутреннимъ успѣхомъ,
Внимая въ шумъ и въ тишю
Роптанье вѣчное души,
Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
Вотъ какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утратя жизни лучший дѣвѣтъ.

X.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
А волочился какъ пибудь;
Откажутъ—мигомъ утѣшался;
Измѣнятъ—радъ былъ отдохнуть.
Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
А оставлялъ безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость.
Такъ точно равнодушный гость
На *вистъ* вечерній прѣзжаешь,
Садится; кончилась игра:
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ,
И самъ не знаетъ поутру,
Куда поѣдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
Онегинъ живо тронутъ былъ:
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмущилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный дѣвѣтъ, и видъ унылой;
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душею погружился онъ.

Быть можетъ, чувствій пылъ старинной
Имъ на минуту овладѣлъ;
Но обмануть онъ не хотѣлъ.
Довѣрчивость души невинной.
Теперь мы въ садъ перелетимъ,
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
Но къ ней Онегинъ подошелъ
И молвилъ:—«Вы ко мнѣ писали,
Не отпирайтесь. Я прочелъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной изліянья:
Мнѣ ваша искренность мила:
Она въ волненье привела
Давно умолкнувшія чувства:
Но васъ хвалить я не хочу:
Я за нее вамъ отплачу
Признаньемъ также безъ искусства;
Примите исповѣдь мою:
Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII.

«Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;
Когда бъ мнѣ быть отцемъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда бъ семейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единой:
То вѣрно бъ, кромѣ васъ одной,
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блесстокъ мадригальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ... сколько могъ!

XIV.

«Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Цхъ вовсе недостойнъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
И, сколько ни любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронутъ сердца моего.
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите жъ вы, какія розы
Намъ заготовить Гименей
И, можетъ быть, на много дней!

XV.

«Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недостойномъ мужѣ,
И днемъ и вечеромъ одна;

Гдѣ скучный мужъ, ей дѣлу зная
(Судьбу однако жъ проклиная),
Всегда нахмуренъ, молчаливъ,
Сердитъ и холодно-ревнивъ!
Таковъ я. И того ль искали
Вы чистой пламенной душой,
Когда съ такою простотою,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужели жребій вамъ такой
Назначенъ строгою судьбой?

XVI.

«Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата;
Не обновлю души моеи...
И васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, еще нѣжливѣй.
Послушайте жъ меня безъ гнѣва:
Смѣнить не разъ молодая дѣва
Мечтами легкія мечты;
Такъ деревцо свои листы
Мѣняетъ съ каждою весною.
Такъ видно Небомъ суждено.
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою,
Не всякой васъ, какъ я, пойметъ;
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.»

XVII.

Такъ проповѣдывалъ Евгений.
Сквозь слезъ не видя ничего,
Едва дыша, безъ возраженій,
Татьяна слушала его.
Онъ подавъ руку ей. Печально
(Какъ говорится, *машинально*)
Татьяна, молча, оперлась;
Головкой томною склонясь,
Пошла домой вокругъ огорода;
Явился вѣстѣ, и никто
Не вздумалъ имъ дѣлать на то:
Имѣть сельская свобода
Свои счастливыя права,
Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступилъ
Съ печальной Таней нашъ пріятель:
Не въ первый разъ онъ тутъ явилъ
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство
Въ немъ не щадило ничего:
Враги его, друзья его
(Что, можетъ быть, одно и тоже)
Его честили такъ и сякъ.
Враговъ имѣть въ мірѣ всякъ.
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
Объ нихъ педаромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что? Да такъ. Я усыпляю
Пустыя, черныя мечты;
Я только въ *скобкахъ* замѣчаю,
Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
На чердакѣ вралемъ рожденной
И свѣтской чернью ободренной,
Что нѣтъ нелѣпицы такой,
Ни эпиграмы площадной,
Которой бы вашъ другъ съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затѣй,
Не повторилъ стократъ ошибкой;
А впрочемъ онъ за васъ горой:
Онъ васъ такъ любитъ... какъ родной!

XX.

Гм. гм., читатель благородной,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: можетъ быть, угодно
Теперь узнать вамъ отъ меня,
Что значать именно *родные*.
Родные люди вотъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать,
И, по обычаю народа,
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Или по почтѣ поздравлять,
Чтобъ остальное время года
Не думали о насъ они...
И такъ, дай, Богъ, имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красавицъ нѣжныхъ
Надежливѣй дружбы и родства:
Надъ нею и средь бурь мятежныхъ
Вы сохраняете права.
Конечно такъ. Но вихорь моды,
Но своеправіе природы,
Но мнѣнья свѣтскаго потокъ...
А милый полъ, какъ пухъ, легокъ.
Къ тому жъ и мнѣнія супруга
Для добродѣтельной жены
Всегда почтены быть должны;
Такъ ваша вѣрная подруга
Бываетъ вмигъ увлечена:
Любовью шутитъ сатана.

XXII.

Кого жъ любить? Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣнитъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не сѣетъ?
Кто насъ заботливо лелѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскутитъ никогда?
Призрака суетный искатель,

ТАТЬЯНА.
Статуя М. Л. Диллонъ.

Трудовъ напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предметъ достойный: ничего
Любезнѣй вѣрно пѣтъ его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Любви безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ;
Ея постели сонъ бѣжитъ;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣвственный покой,
Пропало все, что звукъ пустой,
И меркнетъ милой Тани младость:
Такъ одѣваетъ бури тѣнь
Едва рождающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна увядаетъ;
Блѣднѣетъ, гаснетъ и молчитъ!
Ничто ее не занимаетъ,
Ея души не шевелитъ.
Качая важно головою,
Сосѣды шепчутъ межъ собою:
Пора, пора бы замужъ ей!..
Но полно. Надо мнѣ скорѣй
Развеселить воображеніе
Картиной счастливой любви.
Неволью, милые мои,
Меня стѣсняетъ сожалѣнье;
Простите мнѣ: я такъ люблю
Татьяну милую мою!

XXV.

Часъ отъ часу плѣнительнѣе болѣ
Красами Ольги молодой,
Владиміръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
Они сидятъ впотемкахъ двое;
Они въ саду, рука съ рукой,
Гуляютъ утренней порой;
И что жъ? Любовью упоенный,
Въ смятеніи вѣжнаго стыда,
Онъ только смѣетъ иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитымъ локономъ играть,
Иль край одежды цѣловать.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Олѣ
Нравоучительный романъ,
Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобріанъ;
А между тѣмъ двѣ, три страницы

(Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаетъ, покраснѣвъ.
Уединясь отъ всѣхъ далѣко,
Они надъ шахматной доской,
На столъ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Ленскій пѣшкою ладью
Беретъ въ разсѣяньи свою.

XXVII.

Поѣдетъ ли домой: и дома
Онъ занять Ольгою своею.
Летучіе листки альбома
Прилежно украшаетъ ей:
То въ нихъ рисуетъ сельски виды,
Надгробный камень, храмъ Киприды,
Или на лирѣ голубка
Перомъ и красками слегка;
То на листахъ воспоминанья,
Пониже подписи другихъ,
Онъ оставляетъ пѣжный стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья,
Мгновенной думы легкій слѣдъ,
Все тотъ же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно, вы не разъ видали
Увѣдной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣрной внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первомъ листикѣ встрѣчаешь:
Qu'écirez vous sur ces tablettes?
И подпись: t. à v. Annette;
А на послѣднемъ прочитаешь:
*„Кто любитъ больше тебя,
„Пусть пишетъ далѣе меня.“*

XXIX.

Тутъ непременно вы найдете
Два сердца, факелъ и цвѣтки;
Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете:
Въ любви до гробовой доски
Какойнибудь *пѣтъ* армейской
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской.
Въ такой альбомъ, мои друзья,
Признаться, радъ писать и я,
Увѣренъ будучи душою,
Что всякой мой усердный вздоръ
Заслужитъ благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злою
Не станутъ важно разбирать,
Остро, иль нѣтъ я могъ соврать.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

Композиція Шарлеманя («Художественный Листокъ» Гамб. 1862).

ЕРЛЕИИ ОНЛННД

Коллекция Иллюстраций (Землеустройство, Лесное хозяйство) 1922

РУССКІЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ. 1862-го года

СВЯТЫЙ ОМНИУСЪ РОМАНА ВЪСПОМНЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.

Посвящается ПАМЯТИ

А. С. ПУШКИНА.

А. ШАРЛЕМАНЬ.

XXX.

Но вы, разрозненные томы
Изъ библиотеки чертей,
Великолѣпные альбомы,
Мученье модныхъ рюмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстою кистью чудотворной,
Иль Баратынскаго перомъ,
Пускай сожжетъ васъ Божій громъ!
Когда блистательная дама
Мнѣ свой in-quarto подаетъ,
И дрожь и злость меня беретъ,
И шевелится эпиграма
Во глубинѣ моей души,
А мадригалы имъ пиши!

XXXI.

Не мадригалы Лепскій пишетъ
Въ альбомѣ Ольги молодой;
Его перо любовью дышетъ,
Не хладно блещетъ острою;
Что ни замѣтитъ, ни услышитъ
Объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ:
И полны истины живыя
Текутъ элегій рѣкой.
Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
Въ порывахъ сердца своего,
Поешь, Богъ вѣдаетъ; кого,
И сводъ элегій драгоцѣнный
Представить нѣкогда тебѣ
Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но тише! Слышишь? Критикъ строгій
Повелѣваетъ сбросить намъ
Элегіи вѣнокъ убогой,
И нашей братьѣ рюмачамъ
Кричитъ: «да перестаньте плакать,
«И все одно и то же квакать,
«Жалѣть о презнемъ о, быломъ;
«Довольно—пойте о другомъ!»
— Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
Трубу, личину и кинжалъ,
И мыслей мертвый капиталъ
Отсюду воскресить прикажешь:
Не такъ ли, другъ? Ничуть. Куда!
«Пишите оды, господа,

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощны годы,
«Какъ было встарь заведено...»
— Однѣ торжественныя оды!
И, полно, другъ; не все ль равно?
Припомни, что сказалъ сатирикъ!
Чужаго толка хитрый лирикъ
Ужели для тебя спосибѣй
Унылыхъ нашихъ рюмачей?—
«Но все въ элігій ничтожно;
«Пустая цѣль ея жалка;

«Межъ тѣмъ цѣль оды высока
«И благородна...» Тутъ бы можно
Поспорить намъ, но я молчу:
Два вѣка ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,
Въ вольненьи бурныхъ думъ своихъ,
Владиміръ и писалъ бы оды,
Да Ольга не читала ихъ.
Случалось ли портамъ слезнымъ
Читать въ глаза своимъ любезнымъ
Свои творенья? Говорятъ,
Что въ мірѣ выше нѣтъ наградъ.
И впрямъ; блаженъ любовникъ скромной,
Читающій мечты свои
Предмету пѣсень и любви,
Красавицѣ пріятно-томной!
Блаженъ... хоть, можетъ быть, она
Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаний
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой пянѣ,
Подругѣ юности моей
Да послѣ скучнаго обѣда
Ко мнѣ забредшаго сосѣда,
Поймавъ нежданно за полу,
Душу трагедіей въ углу,
Или (но это кромѣ шутокъ),
Тоской и рюмами томимъ,
Бродя надъ озеромъ моимъ,
Пугаю стадо дикихъ утокъ:
Виявъ пѣнию сладкозвучныхъ строкъ,
Онѣ слетаютъ съ береговъ.

XXXVI.

(Ужъ ихъ далече взоръ мой ищетъ...
А лѣсомъ кравшіяся стрѣлокъ
Поэзію кличетъ и свищетъ,
Спуская бережно курокъ.
У всякаго своя охота,
Своя любимая забота:
Кто цѣлитъ въ утокъ изъ ружья,
Кто бредитъ рюмами, какъ я,
Кто бьетъ хлопущей мухъ нахальныхъ,
Кто правитъ въ замыслахъ толпой,
Кто забавляется войной,
Кто въ чувствахъ нѣжится печальныхъ,
Кто занимается виномъ:
И благо смѣшано со зломъ.)

XXXVII.

А что жъ Онегинъ? Кстати, братья!
Терпѣнья вашего прошу:
Его всеневныя занятя
Я вамъ подробно опишу.
Онегинъ жилъ Анахоретомъ;
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправлялся налегкѣ

Къ бѣгушей подъ горой рѣкъ;
Пѣвцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонтъ переплывалъ,
Потомъ свой кофе выпивалъ,
Плохой журналъ перебирая,
И одѣвался:

(только врядъ
Носили вы такой нарядъ.

XXXVIII.

Носилъ онъ русскую рубашку,
Платокъ шелковый кушакомъ.
Армякъ татарскій на-распашку
И шапку съ бѣлымъ козырькомъ
И только. Симъ уборомъ чуднымъ,
Безправственнымъ и безразсуднымъ,
Была весьма огорчена
Его сосѣдка Дурина,
А съ ней Мизинчиковъ.—Евгеній,
Быть можетъ, толкъ презиралъ,
Быть можетъ, и про нихъ не звалъ,
Но все своихъ обыкновений
Не измѣнялъ въ угоду имъ;
За то былъ ближнимъ пестерпимъ.)

XXXIX.

Прогулки, чтение, сонъ глубокой,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина:
Вотъ жизнь Онегина святая;
И нечувствительно онъ ей
Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
Въ безпечной нѣгѣ не считая
Забывъ и городъ и друзей
И скуку праздничныхъ затѣй.

XL.

Но наше сѣверное лѣто,
Карриатура южныхъ зимъ,
Мелькнетъ и пѣтъ: извѣстно это,
Хоть мы признаться не хотимъ.
Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ Ноябрь ужъ у двора.

XLI.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На пивахъ шумъ работъ умолкъ;

Съ своей волчихою голодной
Выходить на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ—и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ пѣзъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ расцвѣвая, дѣва²⁷
Прядетъ и, зимнихъ другъ почей,
Трещитъ лучинка передъ ней.

XLII.

И вотъ уже трещать морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждетъ ужъ рimes—*розы*;
На вотъ возьми ее скорѣй!)
Опрятнѣй моднаго паркета,
Блестаетъ рѣчка, льдомъ одѣта,
Мальчишекъ радостный народъ²⁸
Коньками звучно рѣжетъ лѣдъ;
На красныхъ лапкахъ гуся тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на лѣдъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

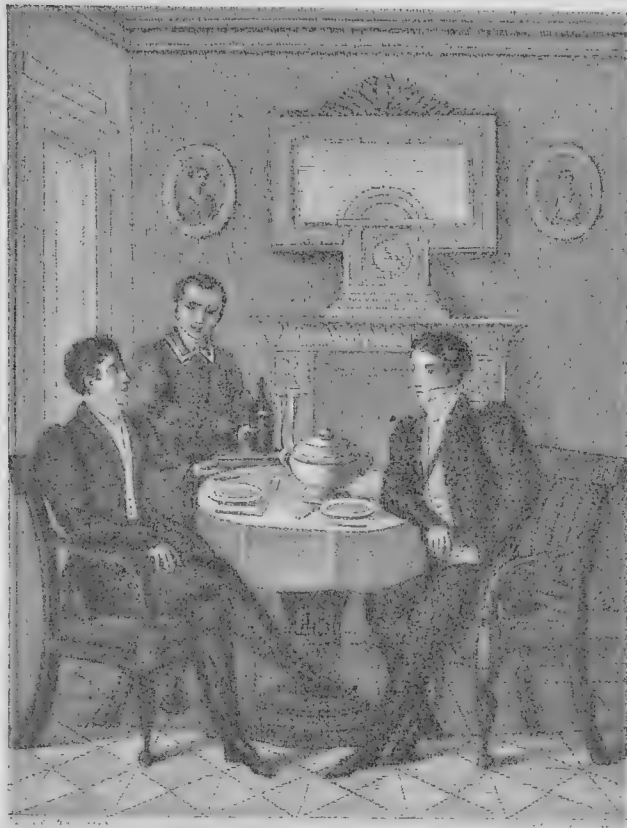
XLIII.

Въ глуши чтѣ дѣлать въ эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучаетъ взору
Однообразной наготой.
Скакать верхомъ въ степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Невѣрный зацѣпляя ледъ,
Того и жди, что упадетъ.
Сиди подъ кровлею пустынной,
Читай: вотъ Прадтъ, вотъ W. [alter] Scott!
Не хочешь? Повѣрай расходъ,
Сердись, иль пей, и вечеръ длинной
Кой-какъ пройдетъ, и завтра тожъ,
И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямымъ Онегинъ Чильдъ Гарольдомъ
Вдался въ задумчивую лѣнь:
Со сна садится въ ванну со льдомъ,
И послѣ, дома цѣлый день,
Одигъ, въ расчеты погруженный,
Тупымъ кіемъ вооруженный,
Онъ на бильярдѣ на два шара
Играетъ съ самаго утра.
Настанетъ вечеръ деревенскій:
Бильярдъ оставленъ, кій забытъ,
Передъ каминномъ столъ накрытъ,
Евгеній ждетъ: вотъ ѣдетъ Ленскій
На тройкѣ чалыхъ лошадей:
Давай обѣдать поскорѣй!

Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.

(Рисунокъ Нотбека, въ гравюрѣ М. Неанова «Невскій Альманахъ» на 1829 г.).

XLV.

Вдовы клико или Мюста
Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.
Оно сверкаетъ Инокреной; ²⁹
Оно своей игрой и цѣной
(Подобіемъ того-сего)
Меня плѣняло: за него
Послѣдній бѣдный лептъ, бывало,
Давалъ я, помните ль, друзья?
Его волшебная струя
Раздала глупостей не мало,
А сколько шутокъ, и стиховъ,
И споровъ, и веселыхъ сновъ!

XLVI.

Но измѣняетъ пѣной шумной
Оно желудку моему,
И я *Бордо* благоразумной
Ужъ нынче предпочелъ ему.
Къ *Аи* я больше неспособенъ:

Аи любовницѣ подобенъ
Блестящей, вѣтренной, живой,
И своеправной, и пустой...
Но ты, *Бордо*, подобенъ другу,
Который, въ горѣ и въ бѣдѣ,
Товарищъ всегда, вездѣ,
Готовъ намъ оказать услугу,
Иль тихой раздѣлить досугъ.
Да здравствуетъ *Бордо*, нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потухъ; едва золою
Подернуть уголь золотой;
Едва замѣтною струею
Віется паръ, и теплотою
Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ
Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
Еще шипитъ среди стола.
Вечерняя находитъ мгла...
(Люблю я дружескія враки
И дружескій бокалъ вина

Порою той, что названа
Пора межъ волка и собаки,
А почему, не вижу я).
Теперь бесѣдуютъ друзья:

XLVIII.

— «Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
Что Ольга рѣзвая твоя?»
— «Налей еще мнѣ полстакана...
Довольно, милый... Вся семья
Здорова; кланяться велѣли.
Ахъ, милый, какъ похорошѣли
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа!.. Когда нибудь
Заѣдемъ къ нимъ; ты ихъ обяжешь:
А то, мой другъ, суди ты самъ:
Два раза заглянулъ, а тамъ
Ужъ къ нимъ и носу не покажешь.
Да вотъ... какой же я болванъ!
Ты къ нимъ на той недѣлѣ званъ.»

XLIX.

«Я?»—«Да, Татьяны именины
Въ субботу. Олениха и мать
Велѣли звать, и нѣтъ причины
Тебѣ на зовъ не прѣзжать.»
«Но куча будетъ тамъ народу
И всякаго такого сброду...»
— «И! никого, увѣренъ я!
Кто будетъ тамъ? своя семья.
Поѣдемъ, сдѣлай одолженіе!
Ну, чтожъ? — «Согласенъ.» — «Какъ ты
милъ» —
При сихъ словахъ онъ осушилъ
Стаканъ, сосѣдкѣ приношеніе,

Потомъ разговорился вновь
Про Ольгу: такова любовь!

L.

Онъ веселъ былъ. Черезъ двѣ недѣли
Назначенъ былъ счастливый срокъ.
И тайпа брачныя постели,
И сладостной любви вѣнокъ
Его восторговъ ожидали.
Гимена хлопоты, печали,
Зѣвоты хладная череда
Ему ни сплились никогда.
Межъ тѣмъ какъ мы, враги Гимена,
Въ домашней жизни зримъ одинъ
Рядъ утомительныхъ картинъ,
Романъ во вкусѣ Лафонтена... ³⁰
Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
Для оной жизни былъ рожденъ.

LI.

Онъ былъ любимъ... по крайней мѣрѣ
Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
Сократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
Кто хладный умъ утомивъ,
Покоится въ сердечной нѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ,
Или, нѣжливѣй, какъ мотылекъ,
Въ весенній впавшійся цвѣтокъ;
Но жалокъ тотъ, кто все предвидитъ,
Чья не кружится голова,
Кто всѣ движенья, всѣ слова
Въ ихъ переводѣ ненавидитъ,
Чье сердце опытъ остудилъ
И забываться запретилъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, мой Свѣтлана!

Жуковский.

О С Е Н Ъ.

Изъ иллюстрацій къ Пушкину П. Панова.

I.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ,
Зимы ждала, ждала природа.
Снѣгъ выпалъ только въ Январѣ
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру поблѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ.
Все ярко, все блѣло кругомъ.

II.

Зима!... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ инбудъ;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.

Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки *жулику* посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно...

Рисунокъ П. Панова.

III.

Но, можетъ быть, такого рода
Картины васъ не привлекутъ:
Все это низкая природа;
Изящнаго немного тутъ.

Согрѣтый вдохновенья богомъ,
 Другой поэтъ роскошный слогомъ
 Живописалъ намъ первый снѣгъ
 И всѣ отѣнки зимнихъ нѣгъ: ³¹
 Онъ вась плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
 Рисуя въ пламенныхъ стихахъ,
 Прогулки тайныя въ санихъ;
 Но я бороться не намѣренъ
 Ни съ нимъ покамѣсть, ни съ тобой,
 Пѣвецъ Финляндки молодой! ³²

IV.

Татьяна (Русская душою,
 Сама не зная почему)
 Съ ея холодною красою
 Любила Русскую зиму,
 На солнцѣ пней въ день морозной,
 И сани, и зарю поздной
 Сіянье розовыхъ снѣговъ,
 И мглу Крещенскихъ вечеровъ.
 По старинѣ торжествовали
 Въ ихъ домѣ эти вечера:
 Служанки со всего двора
 Про барышень своихъ гадали
 И имъ сулили каждый годъ
 Мужевъ военныхъ и походъ.

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
 Простонародной старинны,
 И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
 И предсказаньямъ луны.
 Ее тревожили примѣты;
 Таинственно ей всѣ предметы
 Провозглашали что нибудь,
 Предчувствія тѣснили грудь.
 Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
 Мурлыча, лапкой рыльцо мылъ:
 То несомнѣнный знакъ ей былъ,
 Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
 Младой двурогой ликъ луны
 На небѣ съ лѣвой стороны,

VI.

Она дрожала и блѣднѣла.
 Когда жъ падучая звѣзда
 По небу темному летѣла
 И разсыпалась, тогда
 Въ смятеньи Таня торопилась,
 Пока звѣзда еще катилась,
 Желанье сердца ей шепнуть.
 Когда случалось гдѣ нибудь
 Ей встрѣтить чернаго монаха,
 Иль быстрый залцъ межъ полей
 Перебѣгалъ дорогу ей—
 Не зная, что начать со страха,
 Предчувствій горестныхъ полна,
 Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что жъ? Тайну прелесть находила
 И въ самомъ ужасѣ она:
 Такъ насъ природа сотворила,
 Къ противорѣчію склонна.
 Настали святки. То-то радость!
 Гадасть вѣтренная младость,
 Которой ничего не жаль,
 Передъ которой жизни даль
 Лежитъ свѣтла, необозрима,
 Гадасть старость сквозь очки
 У гробовой своей доски,
 Все потерявъ невозвратно;
 И все равно: надежда имъ
 Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
 На воскъ потопленный глядитъ:
 Овъ чудно-вылитымъ узоромъ
 Ей что-то чудное гласитъ;
 Изъ блюда, полного водою,
 Выходятъ кольца чередою;
 И вышлось колечко ей
 Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
 „Тамъ мужички-то все богаты;
 „Гребутъ лопатой серебро;
 „Кому поемъ, тому добро
 „И слава!“ По сулитъ утраты
 Сей пѣсни жалостный напѣвъ;
 Милѣй кошурка сердцу дѣвъ. ³³

IX.

Морозна ночь; все небо ясно;
 Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
 Течетъ такъ тихо, такъ согласно...
 Татьяна на широкій дворъ
 Въ открытомъ платицѣ выходитъ,
 На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
 Но въ темномъ зеркалѣ одна
 Дрожитъ печальная луна...
 Чу... снѣгъ хруститъ... прохожій; дѣва
 Къ нему на дыпочкахъ летитъ,
 И голосокъ ея звучитъ
 Нѣжливый свирѣлаго напѣва:
 Какъ ваше имя? ³⁴ Смотритъ онъ
 И отвѣчаетъ: Агафонъ.

X.

Татьяна по совѣту няни,
 Сбираясь ночью ворожить,
 Тихонько приказала въ бани
 На два прибора столъ накрыть;
 Но стало страшно вдругъ Татьянѣ...
 И я—при мысли о свѣтлѣхъ
 Мнѣ стало страшно—такъ и быть...
 Съ Татьяной намъ не ворожить.

Татьяна поясокъ шелковой
Сняла, раздѣлась и въ постель
Легла. Надъ нею вѣется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ.
Ей снится, будто бы она
Идетъ по сѣнговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ сѣнжныхъ передъ нею
Шумитъ, клубитъ волной своею

Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, нескованный зимой;
Двѣ жердочки, склеены льдиной,
Дрожащій, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ:
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилась она.

XII.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей,
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подастъ бы ей;

ТАТЬЯНА ГАДАЕТЪ.

Рисунокъ Нотбека («Невск. Альманахъ» на 1829 г.).

Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто жъ изъ-подъ него явился?
Большой взерошенный медвѣдь;
Татьяна ахъ! а онъ реветъ,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она, скрѣпясь,
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливыми шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла—и что жъ? медвѣдь за ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ;
Но отъ косматого лакея
Не можетъ убѣжать никакъ;
Крахтя, валитъ медвѣдь неспособный,
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей пахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ

Клоками снѣга; сквозь вершины
Осины, березы и липы пагихъ;
Сіяетъ лучъ свѣтилъ почныхъ;
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Метелью все занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ лѣсъ; медвѣдь за нею;
Снѣгъ рыхлой по колѣно ей;
То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпитъ вдругъ, то изъ ушей
Златыя серьги вырветъ силой;
То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
Увязнетъ мокрой башмачокъ;
То выронитъ она платокъ;
Поднять ей нѣкогда; бонется,
Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все вослѣдъ:
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;
Она безчувственно-покорна;
Не шевелится, не дохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой:
Вдругъ межъ деревьевъ шалашъ убогой;
Кругомъ все глушь, отсюду онъ
Пустыннымъ снѣгомъ занесенъ,
И ярко свѣтится окошко,
И въ шалашѣ и крикъ, и шумъ;
Медвѣдь промолвилъ: *здесь мой кумъ!*
Погрысь у него немножко!
И въ сѣни прямо онъ идетъ,
И на порогъ ее кладетъ.

XVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она тихонько въ шелку,
И что же! видитъ... за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ;
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ оловякъ, чопорный и гордой,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе;
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепаха на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,

Вотъ мельница въ присядку плишетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молва и конскій топъ! ³⁵
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала межъ гостей
Того, кто милъ и страшенъ ей—
Героя нашего романа!
Онѣгинъ за столомъ сидитъ
И въ дверь украдкой глядитъ.

XVIII.

Онъ знакъ подастъ: и все хлопочутъ;
Онъ пьетъ: все пьютъ и все кричатъ;
Онъ засмѣется: все хохочутъ;
Нахмуришь брови: все молчатъ;
Онъ тамъ хозяинъ, это ясно:
И Таня ужъ не такъ ужасно,
И любопытная теперь
Немного растворила дверь...
Вдругъ вѣтеръ дунулъ, загасая
Огонь свѣтильниковъ почныхъ:
Смутилась шайка домовыхъ;
Онѣгинъ, взорами сверкая,
Изъ-за стола гремя встаетъ;
Все встали: онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И страшно ей; и торопливо
Татьяна сплится бѣжать:
Нельзя никакъ; петербургливо
Метаясь, хочетъ закричать:
Не можетъ; дверь толкнулъ Евгений:
И взорамъ адскихъ привидѣній
Явилась дѣва; ярый смѣхъ
Раздался дико; очи всехъ,
Концы, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавыя языки,
Рога и пальцы костяные,
Все указываетъ на нее,
И все кричатъ: мое! мое!

XX.

Мое! сказалъ Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдругъ;
Осталась во тмѣ морозной
Младая дѣва съ нимъ самъ-другъ;
Онѣгинъ тихо увлекаетъ ³⁶
Татьяну въ уголъ и слагаетъ
Ее на шаткую скамью,
И клонитъ голову свою
Къ ней на плечо; вдругъ Ольга входитъ,
За нею Ленская; свѣтъ блеснулъ;
Онѣгинъ руку замахнулъ,
И дико онъ очами бродитъ,
И незваныхъ гостей бранитъ:
Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI.

Споръ громче, громче: вдругъ Евгений
Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ
Поверженъ Ленскій; страшно тѣни
Сгустились; нестерпимый крикъ
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня въ ужасѣ проснулась...
Глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтло;
Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
Зари багряный лучъ играетъ;
Дверь отворилась. Ольга къ ней,
Авроры сѣверной алѣи
И легче ласточки, влетаетъ;
Ну, говорить: «скажи жъ ты мнѣ,
Кого ты видѣла во снѣ?»

XXII.

Но та, сестры не замѣчая,
Въ постелѣ съ книгою лежитъ,
За листомъ листъ перебирая,
И ничего не говоритъ.
Хоть не являла книга эта
Ни сладкихъ вымысловъ поэта,
Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ;
Но ни *Виргилій*, ни *Расинъ*,
Ни *Скоттъ*, ни *Байронъ*, ни *Сенека*,
Ни даже *Дамскихъ Модъ Журналъ*
Такъ никого не занималъ:
То былъ, друзья, *Мартынъ Задека*,³⁷
Глава халдейскихъ мудрецовъ,
Гадатель, толкователь сновъ.

СОНЪ ТАТЬЯНЫ.

Рисунокъ Коровина.

XXIII.

Сіе глубокое творенье
Завезъ кочующій купецъ
Однажды къ нимъ въ уединенье,
И для Татьяны наконецъ
Его съ разрозненной *Малыиной*
Онъ уступилъ за три съ полтиной,
Въ придачу взявъ еще за нихъ
Собранье басенъ площадныхъ,
Грамматику, двѣ *Патріады*,
Да *Мармонтеля* третій томъ.
Мартынъ Задека сталъ потомъ
Любимецъ Тани... Онъ отрады
Во всѣхъ печаляхъ ей дарить,
И безотлучно съ нею спать.

XXIV.

Ее тревожитъ сповидѣнье.
Не зная, какъ его понять,
Мечтанья страшнаго значенье
Татьяна хочетъ отыскать.
Татьяна въ оглавленьи краткомъ
Находитъ азбучнымъ порядкомъ
Слова: *боръ*, *бура*, *воронъ*, *ель*,
Ежъ, *мракъ*, *мостокъ*, *медвѣдь*, *метель*,
И прочая. Ея сомнѣній
Мартынъ Задека не рѣшитъ;
Но сонъ зловѣщій ей сулитъ
Печальныхъ много приключеній.
Дней нѣсколько она потомъ
Все беспокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою ³⁸
 Заря отъ утреннихъ долинъ
 Выводитъ съ солнцемъ за собою
 Веселый праздникъ пмянинъ.
 Съ утра домъ Лариной гостями
 Весь полонъ; цѣлыми семьями
 Сосѣди стѣхались въ возкахъ,
 Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ
 Въ передней толкотня, тревога;
 Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
 Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
 Шумъ, хохотъ, давка у порога,
 Поклоны, шарканье гостей,
 Кормилицъ крикъ и плачь дѣтей.

XXVI.

Съ своею супругою дорожной
 Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;
 Гвоздинъ, хозяинъ превосходной,
 Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
 Скотинины, чета сѣдалъ,
 Съ дѣтми всѣхъ возрастовъ, считалъ
 Отъ тридцати до двухъ годовъ;
 Уѣздный франтикъ Пѣтушковъ;
 Мой братъ двоюродный Буяновъ,
 Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ ³⁹
 (Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
 И отставной совѣтникъ Фляновъ,
 Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
 Обжора, взяточникъ и шутъ.

XVII.

Съ семьей Панфила Харликова
 Пріѣхалъ и мосеъ Трике,
 Острякъ, недавно изъ Тамбова,
 Въ очкахъ и рыжемъ парикѣ.
 Какъ истинный Французъ, въ карманѣ
 Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
 На голосъ, знаемый дѣтми:
 Reveillez vous, belle endormie.
 Межъ ветхихъ пѣсень альманаха
 Былъ напечатанъ сей куплетъ;
 Трике, догадливой поэтъ,
 Его на свѣтъ явилъ изъ праха,—
 И смѣло—вмѣсто belle Nina—
 Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада
 Созрѣвшихъ барышень кумиръ,
 Уѣздныхъ матушекъ отрада,
 Пріѣхалъ ротный командиръ;
 Вошелъ... Ахъ, новость, да какая!
 Музыка будетъ полковая!
 Полковникъ самъ ее послалъ.
 Какая радость: будетъ балъ!
 Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ; ⁴⁰
 Но кушать подали. Четой

Идутъ за столъ рука съ рукою,
 Тѣснятся барышни къ Татьянѣ;
 Мужчины противъ: и, крестясь,
 Толпа жужжитъ, за столъ садясь.

XXIX.

На мигъ умолкли разговоры;
 Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
 Гремятъ тарелки и приборы,
 Да рюмокъ раздастся звонъ.
 Но вскорѣ гости понемногу
 Подъемятъ общую тревогу.
 Никто не слушаетъ, кричать,
 Смѣются, спорять и пищать.
 Вдругъ двери настезь. Ленскій входитъ
 И съ нимъ Онегинъ.—«Ахъ, Творецъ!»
 Кричитъ хозяйка: «наконецъ!»
 Тѣснятся гости; всякъ отводитъ
 Приборы, стулья поскорѣй;
 Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

XXX.

Сажаютъ прямо противъ Тани,
 У утренней луны блѣднѣй
 И трепетнѣй гонимой лани,
 Она темпѣющихъ очей
 Не подымаетъ: пышетъ бурно
 Въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно;
 Она привѣтствій двухъ друзей
 Не слышитъ; слезы изъ очей
 Хотятъ ужъ капать; ужъ готова
 Бѣдняжка въ обморокъ унасть:
 Но воля и разсудка власть
 Превозмогли. Она два слова
 Сквозь зубы молвила тишкомъ
 И успѣла за столомъ.

XXXI.

Траги-первическихъ явленій,
 Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
 Давно терпѣть не могъ Евгений:
 Довольно ихъ онъ перенесъ.
 Чудакъ, понавъ на ниръ огромной,
 Ужъ былъ сердитъ. Но, дѣвы томной
 Замѣтя трепетный порывъ,
 Съ досады взоры опутивъ,
 Надулся онъ, и негодуя,
 Поклялся Ленскаго взбѣсить
 И ужъ порядкомъ отомстить.
 Теперь, заранѣ торжествуя,
 Онъ сталъ чертить въ душѣ своей
 Каррикатуры всѣхъ гостей.

XXXII.

Конечно, не одинъ Евгений
 Смятенъ Тани видѣть могъ;
 Но цѣлю взоровъ и сужденій
 Въ то время жирный былъ пирогъ
 (Къ несчастію, пересоленной);
 Да вотъ въ бутылкѣ засмоленной,
 Между жаркимъ и бланманже,

Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рямокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ талин твоей,
Зизи, кристаллъ души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви приманчивый фιάлъ,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ!

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипитъ; и вотъ съ осанкой важной,
Куплетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ; предъ нимъ собранье
Хранить глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
Къ ней обратясь съ листкомъ въ рукѣ,
Запѣлъ, фальшивя. Плески, клики
Его привѣтствуютъ. Она
Пѣвцу присѣсть принуждена;
Поэтъ же скромный, хотъ великій,
Ея здоровье первый пьетъ
И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты, поздравленья;
Татьяна всѣхъ благодаритъ.
Когда же дѣло до Евгенья
Дошло; то дѣвы томный видъ,
Ея смущеніе, усталость
Въ его душѣ родили жалость:
Онъ, молча, поклонился ей,
Но какъ-то взоръ его очей
Былъ чудно нѣженъ. Отъ того ли,
Что онъ и вправду тронуть былъ,
Иль онъ, кокетствуя, шалилъ,
Невольно ль, иль изъ доброй воли;
Но взоръ сей нѣжность изъяснилъ:
Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отодвинутые стулья;
Толпа въ гостиную валитъ:
Такъ пчелъ изъ лакомаго улья
На пиву шумный рой летитъ.
Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
Сосѣдъ сонитъ передъ сосѣдомъ;
Подсѣли дамы къ комельку;
Дѣвицы шепчутъ въ уголку;
Столы зеленые раскрыты:
Зовутъ задорныхъ игроковъ
Бостонъ и ломберъ стариковъ,
И вистъ; донныѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь роверовъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мѣста перемѣняли;

И чай несутъ. Люблю я часть
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
Желудокъ—вѣрный нашъ брегетъ;
И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, трагикъ вѣкомъ кумиръ!

XXXVII.

(Въ пирахъ готовъ я непослушно
Съ твоимъ бороться божествомъ;
Но, признаюсь великодушно,
Ты побѣдилъ меня въ другомъ:
Твой свирѣные герои,
Твой неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевесъ
Большой имѣютъ перевѣсъ
Передъ Онѣгинымъ холоднымъ,
Передъ сонной скукою полей,
Передъ И — — — [стомпной] моей,
Передъ нашимъ воспитаньемъ моднымъ;
Но Таня (присягну) милѣй
Елены пакостной твоей.)

XXXVIII.

(Никто и спорить тутъ не станетъ,
Хоть за Елену Менелай
Сто лѣтъ еще не перестанетъ
Казнить Фригійскій бѣдный край,
Хоть вокругъ почтеннаго Пріама,
Собранье стариковъ Пергама,
Ее завидя, вновь рѣшится:
Правъ Менелай и правъ Паридъ.
Что жъ до сраженій, то немного
Я попрошу васъ подождать:
Извольте далѣе читать;
Начала не судите строго;
Сраженіе будетъ. Не солгу,
Честное слово дать могу.)

XXXIX.

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдругъ изъ-за двери въ залъ длинной
Фаготъ и флейта раздалась.
Обрадованъ музыки громомъ,
Оставя чашку чаю съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ,
Подходитъ къ Ольгѣ Пѣтушковъ,
Къ Татьянѣ Ленскій, Харликову,
Невѣсту переспѣлыхъ лѣтъ,
Берегъ Тамбовскій мой поэтъ;
Умчалъ Буиновъ Пустякову,
И въ залу высыпали всѣ.
И балъ блеститъ во всей красѣ.

XL.

Въ началѣ моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
Балъ Петербургскій описать;
Но, развлеченъ пустымъ мечтаньемъ,
Я занялся воспоминаемъ
О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ.
По вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
О ножки, полно заблуждаться!
Съ измѣнной юности моей
Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
Въ дѣлахъ и въ слогѣ поправляться.
И эту пятую тетрадь
Отъ отступлений очищать.

XLI.

Однообразный и безумный,
Какъ вихоръ жизни молодой,
Кружится вальса вихоръ шумный;
Чета мелкаетъ за четой.
Къ минутѣ мщенія приближаясь,
Онѣгинъ, въ тайнѣ усмѣхаясь,
Подходить къ Ольгѣ. Быстро съ ней
Вертится около гостей,
Потомъ на стулъ ее сажаетъ,
Заводитъ рѣчь о томъ, о семъ:
Спусти минуты двѣ, потомъ
Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ;
Всѣ въ изумленье. Ленскій самъ
Не вѣритъ собственнымъ глазамъ

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремѣлъ мазурки громъ,
Въ огромной залѣ все дрожало,
Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
Но въ городахъ, по деревнямъ,
Еще мазурка сохранила
Первоначальныя красоты:
Припрыжки, каблучки, усы
Все тѣ же; пхъ не измѣнила
Лихая мода, нашъ тиранъ,
Недугъ новѣйшихъ Россiянъ.

XLIII.

(Какъ гонить бичъ въ песку манежномъ
На кордѣ гордыхъ кобылицъ,
Мужчины въ округѣ мятежномъ
Погнали, дернули дѣвицъ.
Подковы, шпоры Пѣтушкова
(Канцеляриста отставнаго)
Стучать; Буянова каблукъ
Такъ и ломаетъ полъ вокругъ;
Трескъ, топотъ, грохотъ по порядку:
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ;
Теперь пошло на молодцовъ;
Пустились, только не въ присядку.
Ахъ, легче, легче: каблучки
Отдавать дамскіе носки.)

Танцы 1820-хъ гг.

Современная литографія Мартынова изъ коллекціи Е. Н. Тевляшева.

XLIV.

Буяновъ, братецъ мой задорной,
Къ герою нашему подвелъ
Татьяну съ Ольгою: проворной
Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ;
Ведетъ ее, скользя небрежно,
И наклонясь, ей шепчетъ лѣжно

Какой-то пошлый мадригалъ,
И руку жметъ—и запыхалъ
Въ ея лицѣ самолюбивомъ
Румянецъ ярче. Ленскій мой
Все видѣлъ: вспыхнулъ, самъ не свой;
Въ негодованіи ревнивомъ
Поэтъ конца мазурки ждетъ
И въ котильонъ ее зоветъ.

ОНЕГИНЪ ТАНЦУЕТЪ СЪ ОЛЬГОЙ.

Акварель Е. Самокина-Судковской.

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
 Да Ольга слово ужъ дала
 Онегину. О, Боже, Боже!
 Что слышитъ онъ? Она могла...
 Возможно ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,
 Кокетка, вѣтренный ребенокъ!
 Ужъ хитрость вѣдаетъ она,
 Ужъ измѣнять научена!
 Не въ силахъ Ленскій снести удара:
 Проказы женскія кляня,
 Выходить, требуетъ коня
 И скачетъ. Пистолетовъ нара,
 Двѣ пули—больше ничего—
 Вдругъ разрѣшатъ судьбу его.

ИДУТЪ УЖИНАТЬ.

(Изъ жанровыхъ картинокъ изданнаго въ 1832 г. Полемымъ «Новаго живописца Общества и литературы»).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

La sotto giorni nubilosi e brevi
Nasce una gente a cui l'morir non dole
Petr.

I.

Замѣтивъ, что Владиміръ скрылся,
Онѣгинъ, скукой вновь гонимъ,
Близъ Ольги въ думу погрузился,
Довольный мнѣніемъ своимъ.
За нимъ и Олинька зѣвала,
Глазами Лепскаго искала,
И безконечный котильонъ
Ее томилъ, какъ тяжкій сонъ.
Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ.
Постели стелютъ; для гостей
Ночлетъ отводить отъ сѣней
До самой дѣвчын. Всѣмъ нуженъ
Покойный сонъ. Онѣгинъ мой
Одинъ уѣхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось: въ гостиной
Храпиль тяжелый Пустяковъ
Съ своей тяжелой половиной.
Гвоздинъ, Буяновъ, Пѣтушковъ
И Фляповъ, не совѣтъ здоровой,
На ступяхъ улеглись въ столовой,
А на полу мосье Трике,
Въ фуфайкѣ, въ старомъ кошапѣ.
Дѣвцы въ комнатахъ Татьяны
И Ольги всѣ объаты сномъ.
Одна, печально подъ окномъ
Озарена лучемъ Діаны,
Татьяна бѣдная не спитъ
И въ поле темное глядитъ.

III.

Его неожиданнымъ появленіемъ,
Мгновенной нѣжностью очей
И страннымъ съ Ольгой поведеніемъ
До глубины души своей
Она проникнута; не можетъ
Никакъ понять его; тревожить
Ее рѣшивая тоска,
Какъ будто холодная рука
Ей сердце жметъ, какъ будто бездна
Подъ ней чернѣетъ и шумитъ...
«Погибну!» Таня говоритъ:
«Но гибель отъ него любезна.
Я не рошусь: зачѣмъ роптать?
Не можетъ онъ мнѣ счастья дать.»

IV.

Впередъ, впередъ, моя исторья!
Лице насъ новое зоветъ.
Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
Деревни Лепскаго, живетъ
И здравствуетъ еще донынѣ
Въ философической пустынѣ
Зарѣцкій, нѣкогда буянтъ,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повѣсь, трибунъ трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отецъ семейства холостой,
Надежный другъ, помѣщикъ мирный
И даже честный человѣкъ:
Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

ЗАРѢЦКІЙ.

Рисунокъ Павла Сокколова.

V.

Бывало, лъстивый голосъ свѣта
Въ немъ злую храбрость выхвалялъ:
Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета
Въ пяти саженьяхъ попадалъ,
И то сказать, что и въ сраженьи
Разъ въ настоящемъ упоеньи
Онъ отличился, смѣло въ грязь
Съ коня Калмыцкаго сваясь,
Какъ зюзя пьяный, и Французамъ
Достался въ плѣвъ: драгой залогъ!
Новѣйшій Регулъ, чести богъ,
Готовый вновь предаться узамъ,
Чтобъ каждымъ утромъ у Веры⁴¹
Въ долгъ осушать бутылки три.

VI.

Бывало, онъ трунилъ забавно,
Умѣлъ морочить дурака
И умнаго дурачить славно,
Нлъ явно, нлъ исподтишка,
Хоть и ему нныя штуки
Не проходили безъ науки,
Хоть иногда и самъ въ просакъ
Онъ попадался, какъ простакъ.
Умѣлъ онъ весело поспорить,
Остро и туго отвѣчать,
Порой расчетливо смолчать,
Порой расчетливо повздорить,
Друзей поссорить молодыхъ
И на барьеръ поставить ихъ.

VII.

Нлъ помириться ихъ заставить,
Дабы позавтракать втроемъ,
И послѣ тайно обезславить
Веселой шуткою, враньемъ,
Sed alia tempora! Удастся
(Какъ сонъ любви, другая шалость)
Проходить съ юностью живой.

Какъ я сказалъ, ЗарѢцкій мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,
Живетъ, какъ истинный мудрецъ,
Капусту садитъ, какъ Горацій,
Разводитъ утокъ и гусей
И учитъ азбукѣ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой Евгений,
Не уважая сердца въ немъ,
Любилъ и духъ его суждений,
И здравый толкъ о томъ, и семъ.
Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
Видался съ нимъ и такъ нмало
Поутру не былъ удивленъ,
Когда его увидѣлъ онъ.
Тотъ послѣ перваго привѣта,
Прервалъ начатый разговоръ,
Онѣгину, осклабя взоръ,
Вручилъ записку отъ поэта.
Къ окну Онѣгинъ подошелъ
И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благородный,
Короткій вызовъ нлъ *картель*
Учтиво, съ ясностью холодной
Звалъ друга Ленскій на дуэль.
Онѣгинъ съ перваго движенія,
Къ послу такого порученія
Оборотясь, безъ лишнихъ словъ
Сказалъ, что онъ *всегда готовъ*.
ЗарѢцкій всталъ безъ объясненій:
Остаться долѣ не хотѣлъ,
Нмѣя дома много дѣлъ,
И тотчасъ вышелъ; но Евгений
Наединѣ съ своей душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

X.

И подбломъ: въ разборѣ строгомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,
Онъ обвинялъ себя во многомъ:
Во-первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
Что надъ любовью робкой, пѣжной
Такъ подшутилъ вечеръ небрежно.
А во-вторыхъ: пускай поэтъ
Дурачится; въ осьмнадцать лѣтъ
Оно простиительно. Евгенийъ,
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Былъ долженъ оказать себя
Не мячкомъ предразсуждений,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувства обнаружить,
А не щетиниться какъ звѣрь;
Онъ долженъ былъ обезоружить
Младое сердце. «Но теперь
Ужъ поздно; время улетѣло...
Къ тому жъ—онъ мыслить—въ это дѣло
Вмѣшался старый дуэлистъ;
Онъ золь, онъ сплетникъ, онъ рѣчиствъ...
Конечно: быть должно презрѣнье
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопотъ, хохотъ, глумцовъ...»
И вотъ общественное мнѣнье! ⁴²
Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ на чемъ вертится міръ!

XII.

Кипя враждой нетерпѣливой,
Отвѣта дома ждетъ поэтъ;
И вотъ сосѣдъ велерѣчивой
Привезъ торжественно отвѣтъ.
Теперь ревниву то-то праздникъ!
Онъ все боялся, чтобъ проказникъ,
Не отшутился какъ нибудь,
Уловку выдумавъ и грудь
Отворотивъ отъ пистолета.
Теперь сомнѣнья рѣшены:
Они на мельницу должны
Пріѣхать завтра до разсвѣта,
Взвести другъ на друга курокъ
И мѣтить въ ляжку или въ високъ.

XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣть,
Кипящій Ленскій не хотѣлъ
Предъ поединкомъ Ольгу видѣть,
На солиде, на часы смотрѣлъ,
Махнулъ рукою напоследокъ—
И очутился у сосѣдокъ.
Онъ думалъ Олиньку смутить,
Своимъ пріѣздомъ поразить;
Ие тутъ-то было: какъ и прежде,
Навстрѣчу бѣднаго пѣвца

Прыгнула Олинька съ крыльца,
Подобна вѣтренной надеждѣ,
Рѣзва, безпечна, весела,
Ну, точно та же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вечеръ такъ рано скрылись?»
Былъ первый Олинькимъ вопросъ.
Всѣ чувства въ Ленскомъ помутились,
И, молча, онъ повѣсилъ носъ.
Исчезла ревность и досада
Предъ этой явностію взгляда,
Предъ этой пѣжной простотой,
Предъ этой рѣзвою душой!...
Онъ смотритъ въ сладкомъ умиленіи;
Онъ видитъ: онъ еще любимъ!
Ужъ онъ, раскаянемъ томимъ,
Готовъ просить у ней прощенье,
Трепещетъ, не находитъ словъ:
Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ...

XV.

(Да, да, вѣдь ревности припадки—
Болѣзнь, такъ точно какъ чума,
Какъ черный сплитъ, какъ лихорадка,
Какъ поврежденіе ума.
Она горячкой пламенѣтъ,
Она свой жаръ, свой бредъ имѣтъ,
Сны злые, признаки свои.
Помилуй Богъ, друзья мои!
Мучительнѣйшій пѣтъ въ мірѣ казни
Ея терзаній роковыхъ.
Повѣрьте мнѣ: кто вынесъ ихъ,
Тотъ ужъ конечно безъ боязни
Взойдетъ на пламенный костеръ,
Иль шею склонитъ подъ топоръ.)

XVI.

(Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя ужъ пѣтъ,—о ты, которой
Я въ бурахъ жизни молодой
Обязанъ опытомъ ужаснымъ
И раю мигомъ сладострастнымъ!
Какъ учать слабое дитя,
Ты душу пѣжную, мутя,
Учила горести глубокой;
Ты пѣгой волновала кровь,
Ты воспаляла въ ней любовь
И пламя ревности жестокой.
Но онъ прошелъ, сей тяжкій день;
Почій, мучительная тѣнь!)

XVII.

И вновь задумчивый, унылый
Предъ милой Ольгою своей,
Владиміръ не имѣетъ силы
Вчерашній день напомнить ей;
Онъ мыслитъ: «буду ей спаситель.
Не потерплю, чтобъ развратитель
Огнемъ и вздохомъ и похвалъ

Младое сердце искушалъ;
 Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
 Точилъ лилея стебелекъ;
 Чтобы двухутренній цвѣтокъ
 Увяль еще полураскрытый».
 Все это значило, друзья:
 Съ пріятелемъ стрѣляюсь я.

XVIII.

Когда бъ онъ зналъ, кака я рана
 Моей Татьяны сердце жгла!
 Когда бы вѣдала Татьяна,
 Когда бы знать она могла,
 Что завтра Ленскій и Евгенийъ
 Заспорятъ о могильной сѣни:
 Ахъ, можетъ быть, ея любовь
 Друзей соединила бъ вновь!
 Но этой страсти и случайно
 Еще никто не открывалъ.
 Онегинъ обо всемъ молчалъ;
 Татьяна изнывала тайно;
 Одна бы ния знать могла,
 Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій былъ разсѣянъ,
 То молчаливъ, то весель вновь;
 Но тотъ, кто музою взлѣблянъ,
 Всегда таковъ: нахмура бровь,
 Садился онъ за клавикорды,
 И бралъ на нихъ одни аккорды;
 То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
 Шепталъ: «не правда ль? я счастливъ.
 Но поздно; время ѣхать. Сжалось
 Въ немъ сердце, полное тоской;
 Прощаясь съ дѣвой молодой,
 Оно какъ будто разрывалось.
 Она глядитъ ему въ лицо.
 — «Что съ вами?» — «Такъ». — И на крыльцо.

XX.

Домой пріѣхавъ, пистолеты
 Онъ осмотрѣлъ, потомъ вложилъ
 Опять ихъ въ ящикъ и, раздѣтый,
 При свѣчкѣ, Шиллера открылъ;
 Но мысль одна его объемлетъ;
 Въ немъ сердце грустное не дремлетъ:
 Съ неизъяснимою красой
 Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
 Владиміръ книгу закрываетъ,
 Берегъ перо; его стихи,
 Полны любовной чепухи,
 Звучать и льются. Ихъ читаетъ
 Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
 Какъ Д. [ельвингъ] пьяный на пиру.

XXI.

Стихи на случай сохранились;
 Я ихъ имѣю; вотъ они:
 «Куда, куда вы удалились,

«Весны моей златые дни?
 «Что день грядущій мнѣ готовить?
 «Его мой взоръ напрасно ловить,
 «Въ глубокой мглѣ таится онъ.
 «Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ.
 «Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
 «Иль мимо пролетитъ она,
 «Все благо: бдѣнія и сна
 «Приходитъ часъ опредѣленный;
 «Благословенъ и день заботъ,
 «Благословенъ и тмы приходъ!

XXII.

«Блеснетъ завтра лучъ денницы
 «И заиграетъ яркій день;
 «А я—быть можетъ, я гробницы
 «Сойду въ таинственную сѣнь,
 «И память юнаго поэта
 «Поглотитъ медленная Лета.
 «Забудетъ міръ меня; но ты
 «Придешь ли, дѣва красоты!
 «Слезу пролить надъ ранней урной
 «И думать: онъ меня любилъ,
 «Онъ мнѣ единой посвятилъ
 «Разсвѣтъ печальной жизни бурной!
 «Сердечный другъ, желанный другъ,
 «Приди, приди; я твой супругъ!...»

XXIII.

Такъ онъ писалъ *темно и вяло*
 (Что романтизмомъ мы зовемъ,
 Хоть романтизма тутъ нимало
 Не вижу я; да что намъ въ томъ?)
 И наконецъ передъ зарёю,
 Склонясь усталой головою,
 На модномъ словѣ *идеалъ*
 Тихонько Ленскій задремалъ;
 Но только соннымъ обаяньемъ
 Онъ позабылся, ужъ сосѣдъ
 Въ безмолвный входитъ кабинетъ
 И будетъ Ленскаго воззваньемъ:
 «Пора вставать: седьмой ужъ часъ.
 Онегинъ вѣрно ждетъ ужъ насъ».

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгенийъ
 Спалъ въ это время мертвымъ сномъ.
 Уже рѣдѣютъ ночи тѣни
 И встрѣченъ Вesperъ пѣтухомъ;
 Онегинъ спитъ себѣ глубоко.
 Ужъ солнце катится высоко
 И перелетная мятель
 Блеститъ и вьется; но постель
 Еще Евгенийъ не покинулъ,
 Еще надъ нимъ летаетъ сонъ.
 Вотъ наконецъ проснулся онъ
 И полы завѣса раздвинулъ;
 И глядитъ—и видитъ, что пора
 Давно ужъ ѣхать со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонить. Вбѣгаетъ
 Къ нему слуга французъ Гильо,
 Халатъ и туфли предлагаетъ
 И подаетъ ему бѣлье.
 Слѣшитъ Онегинъ одѣваться,
 Слугѣ велитъ приготовляться
 Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать и съ собой
 Взять также ящикъ боевой.
 Готовы санки бѣговые.
 Онъ сѣлъ, на мельницу летитъ.
 Примчался. Онъ слугѣ велитъ
Лепажу ⁴³⁾ стволы роковые
 Нести за нимъ, а лошадямъ
 Отъѣхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій
 Давно нетерпѣливо ждалъ;
 Межъ тѣмъ, механикъ деревенскій,
 Зарѣцкій жорновъ оуждалъ.
 Идетъ Онегинъ съ извиненьемъ.
 «Но гдѣ же, молвилъ съ изумленьемъ
 Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ?»
 Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
 Любилъ методу онъ изъ чувства,
 И человѣка растянуть
 Онъ позволялъ—не какъ-нибудь,
 Но въ строгихъ правилахъ искусства,
 По всѣмъ преданьямъ старины
 (Что похвалить мы въ немъ должны).

XXVII.

— «Мой секундантъ?»—сказалъ Евгений;
 «Вотъ онъ: мой другъ monsieur Guillot.
 Я не предвижу возраженій
 На представленіе мое:
 Хотя человѣкъ онъ неизвѣстный,
 Но ужъ конечно малый честный». —
 Зарѣцкій губу закусилъ.
 Онегинъ Ленскаго спросилъ:
 — «Что жъ, начинать?»—«Начнемъ по-
 жалуй»,

Сказалъ Владиміръ. И пошли
 За мельницу. Пока вдали
 Зарѣцкій нашъ и честный малый
 Вступили въ важный договоръ,
 Враги стоятъ, потупя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно ли другъ отъ друга
 Ихъ жажда крови отвела?
 Давно ль они часы досуга,
 Трапезу, мысли и дѣла
 Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
 Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
 Какъ въ страшиломъ, непонятномъ снѣ,
 Они другъ другу въ тишинѣ
 Готовятъ гибель хладнокровно...

Не засмѣяться ль имъ, пока
 Не обагрѣлась ихъ рука,
 Не разойтись ль полюбовно?...
 Но дико свѣтская вражда
 Бонтея ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули.
 Гремить о шомполъ молотокъ.
 Въ граненый стволъ уходятъ пули
 И шелкнулъ въ первый разъ курокъ.
 Вотъ порохъ струйкой сфриватой
 На полку сыплется. Зубчатый,
 Надежно винченный кремей
 Введенъ еще. За ближній пень
 Становится Гильо смущенный.
 Плащи бросають два врага
 Зарѣцкій тридцать два шага
 Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной,
 Друзей развелъ по крайній слѣдъ
 И каждый взялъ свой пистолетъ.

XXX.

«Теперь сходитесь».

Хладнокровно,

Еще не дѣля, два врага
 Походкой твердой, тихо, ровно
 Четыре перешли шага,
 Четыре смертныя ступени.
 Свой пистолетъ тогда Евгенийъ,
 Не преставаая наступать,
 Сталъ первый тихо подымать.
 Вотъ пять шаговъ еще ступили,
 И Ленскій жмуря лѣвый глазъ,
 Сталъ также дѣлать—но какъ разъ
 Онегинъ выстрѣлилъ... Пробили
 Часы урочные: поргъ
 Роняетъ, молча, пистолетъ.

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку
 И падаетъ. Туманный взоръ
 Изображаетъ смерть, не муку.
 Такъ медленно по скату горъ,
 На солнцѣ искрами блистая,
 Спадаетъ глыба снѣговая.
 Мгновеннымъ холодомъ облитъ,
 Онегинъ къ юношѣ слѣшитъ,
 Глядитъ, зоветъ его... напрасно:
 Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
 Нашелъ безвременный конецъ!
 Дохнула буря, цвѣтъ прекрасной
 Увялъ на утренней зарѣ,
 Потухъ огонь на алтарѣ...

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страшенъ
 Былъ томный миръ его чела.
 Подъ грудь онъ былъ навывлетъ раненъ;

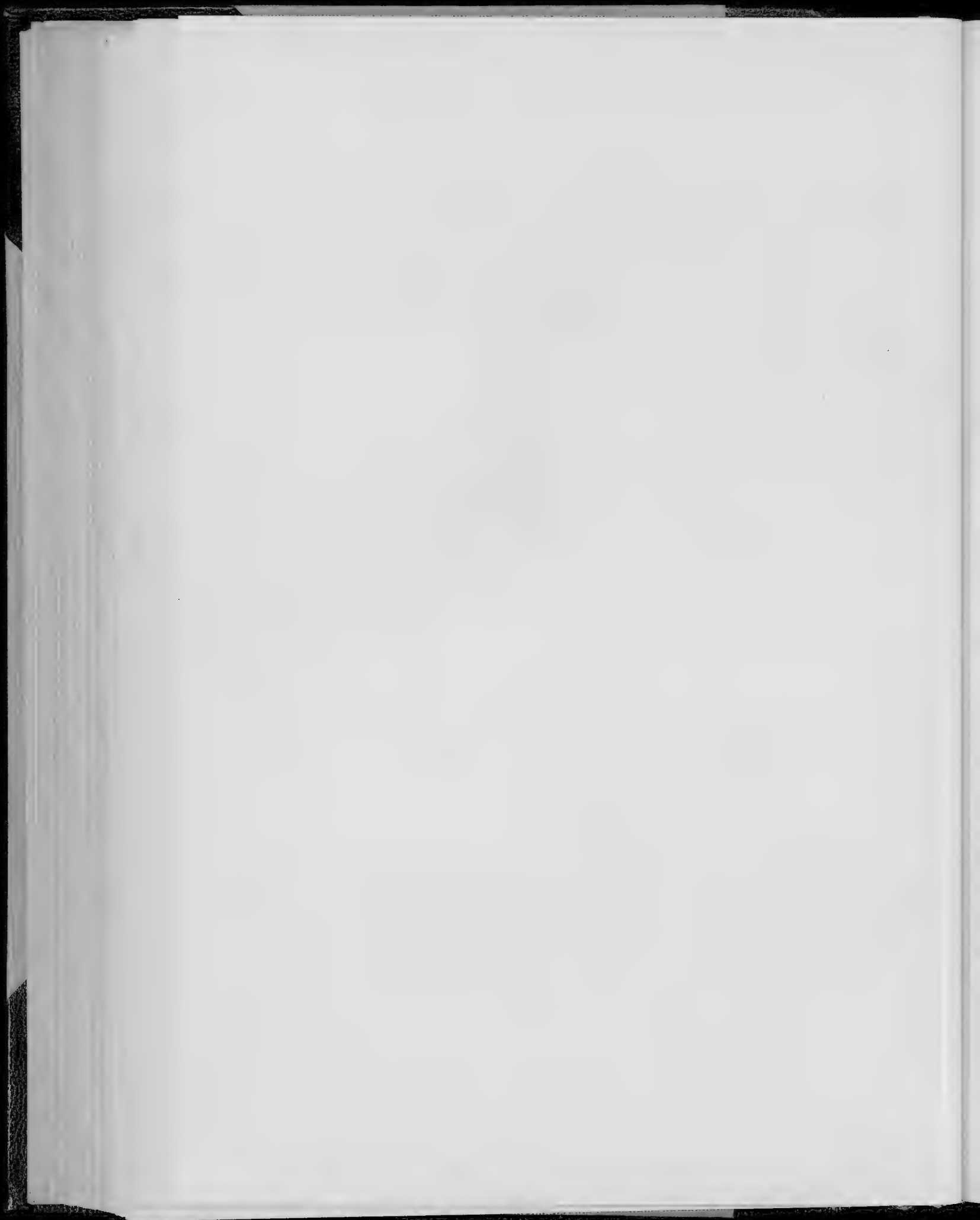
ДУЭЛЬ ЛЕНСКАГО СЪ ОНЪГИНЫМЪ.

Акварель Н. Е. Рѣпина.

ДЛЯ ПЕЧАТАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Дымясь, изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновеніе,
Въ семь сердецъ билось вдохновеніе,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь:
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо, и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ.
А гдѣ, Богъ вѣсть. Пропалъ и слѣдъ.

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпиграммой
Взбѣсить оплошнаго врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: это я!
Еще пріятнѣе въ молчаньи
Ему готовить честный гробъ
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ.
На благородномъ разстояньи;
Но отослать его къ отцамъ,
Едва ль пріятно будетъ вамъ?

XXXIV.

Что жъ, если вашимъ пистолетомъ
Сраженъ пріятель молодой,
Нескромнымъ взглядомъ, или отвѣтомъ,
Или бездѣлицей нпой
Васъ оскорбившій за бутылкой,
Иль даже самъ въ досадѣ пылкой
Васъ гордо вызвавшій на бой,
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладѣетъ,
Когда недвижимо, на землѣ
Предъ вами съ смертью на челѣ,
Онъ постепенно костенеетъ,
Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызеній,
Рукою стиснувъ пистолетъ,
Глядитъ на Ленскаго Евгенія.
«Ну, что жъ? убитъ,» рѣшилъ сосѣдъ.
Убитъ!... смѣтъ страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ, Онегинъ съ содроганьемъ
Отходить и людей зоветь.
Зарѣцкій бережно кладетъ
На сани трупъ оледенѣлый;
Домой везетъ онъ страшный кладъ.
Почуя мертваго, храпятъ
И бьются кони, пѣной бѣлой
Стальные мочатъ удила,
И полетѣли, какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
Увлѣлъ! Гдѣ жаркое волненіе,
Гдѣ благородное стремленіе
И чувствъ и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, пѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рожденъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ времени,
Благословеніе племенъ.

XXXVIII.

(Исполня жизнь свою отравой,
Не сдѣлавъ многого добра,
Увы! онъ могъ безсмертной славой
Газетъ наполнить нумера.
Уча людей, мороча братіи,
При громѣ плесковъ или проклятій,
Онъ совершить могъ грозный путь,
Дабы въ послѣдній разъ вздохнуть
Въ виду торжественныхъ трофеевъ,
Какъ нашъ Кутузовъ или Нельсонъ,
Иль въ ссылкѣ, какъ Наполеонъ,
Иль быть повѣшенъ, какъ Рылѣевъ).

XXXIX.

А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юношества лѣта:
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
Во многомъ онъ бы измѣнился.
Разстался бъ съ музами, женился,
Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
Посилъ бы стеганный халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Поагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ.
И наконецъ въ своей постелѣ

Скончался бѣ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабѣ и лекарей.

XL.

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовникъ молодой,
Поэтъ, задумчивый мечтатель,
Убить пріятельской рукой!
Есть мѣсто: вѣнчо отъ селенья,
Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья,
Дѣв сосны корнями срослись;
Подъ ними струйки извились
Ручья сосѣдственной долины.
Тамъ пахарь любить отдыхать,
И жницы въ волны погружать
Приходятъ звонкіе кувшины;
Тамъ у ручья въ тѣни густой,
Поставленъ памятникъ простой.

XLI.

Подъ нимъ (какъ начинается капать
Весенній дождь на злакъ полей)
Пастухъ, плетя свой пестрый лапотъ,
Поетъ про Волжскихъ рыбарей;
И горожанка молодая,
Въ деревнѣ лѣто провождая,
Когда стремглавъ верхомъ она
Несется по полямъ одна,
Коня предъ нимъ останавливаетъ,
Ремянный поводъ натянуть,
И, флеръ отъ шляпы отвернувъ,
Глазами бѣглыми читаетъ
Простую надпись—и слеза
Туманитъ нѣжные глаза.

XLII.

И шагомъ ѣдетъ въ чистомъ полѣ,
Въ мечтанье погружаясь, она;
Душа въ ней долго поневолѣ
Судбою Ленскаго полна;
И мыслить: «что-то съ Ольгой стало?
Въ ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слезъ прошла пора?
И гдѣ теперь ея сестра?
И гдѣ жъ бѣглецъ людей и свѣта,
Красавицъ модныхъ модный врагъ,
Гдѣ этотъ пасмурный чудакъ,
Убийца юнаго поэта?»
Современемъ отчетъ я вамъ
Подробно обо всемъ отдамъ.

XLIII.

Но не теперь. Хотя я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь къ нему конечно,
Но мнѣ теперь не до него.
Лѣта къ суровой прозѣ клонятъ,
Лѣта шалую рпему гонятъ,
И я—со вздохомъ признаюсь—
За ней лѣнивѣй волочусь.

Перу старинной нѣтъ охоты
Марать летучіе листы;
Другія, хладныя мечты,
Другія, строгія заботы
И въ шумѣ свѣта и въ тиши
Тревожатъ сонъ моей души.

XLIV.

Позналъ я гласъ нпыхъ желаній,
Позналъ я новую печаль;
Для первыхъ нѣтъ мнѣ упованій,
А старой мнѣ печали жаль.
Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гдѣ, вѣчная къ ней рпема, *младость*?
Ужель и вправду наконецъ
Увяль, увяль ея вѣицеъ?
Ужель и впрямъ и въ самомъ дѣлѣ,
Безъ элегическихъ затѣй,
Весна моихъ промчалась дней
(Что я, шутя, твердилъ доселѣ)?
И ей ужель возврата нѣтъ?
Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары;
Благодарю тебя. Тобою
Среди тревогъ и въ тишинѣ
Я наслаждался... и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои текли въ глуши,
Исполнены страстей и лѣни
И снова задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ унои свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,

Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ.

Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетовъ, думъ и разговоровъ.
Въ семь омутъ, гдѣ съ вами я
Кунаюсь, милые друзья!

И, флеръ отъ шляпы отвернувъ
Глазами бѣглыми читаетъ
Простую надп съ—и слеза
Туманить нѣжные глаза.
(„Невскій Альманахъ“ на 1829 г.).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать?

Дмитріевъ.

Какъ не любить родной Москвы!

Баратынскій.

Гоненье на Москву! что значить видѣть свѣтъ.

Гдѣ жъ лучше?

Гдѣ насъ нѣтъ.

Грибѣдовъ.

I.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.

Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года:
Снѣга, блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.

Пчела за дамыю полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ твоё явленіе,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!
Съ какимъ тяжелымъ умиленіемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лице мнѣ вѣющей весны
На лонѣ сельской тишины!
Или мнѣ чуждо наслажденье,
И все, что радуетъ, живитъ,
Все, что ликуетъ и блещитъ,
Наводитъ скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ;
Или съ природой оживленной
Сближаемъ дуною смущенной
Мы увяданья нашихъ лѣтъ
Которымъ возрожденья нѣтъ?
Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ,
Средь поэтическаго сна
Иная, старая весна,
И въ трепетъ сердце намъ приводитъ
Мечтой о дальшой сторонѣ,
О чудной ночи, о луиѣ...

IV.

Вотъ время: добрые лѣтницы,
Эпикурейцы-мудрецы,
Вы, равнодушные счастливы,
Вы, школы Левинна⁴⁵ птенцы,
Вы, деревенскіе Пріамы,
И вы чувствительныя дамы,
Весна въ деревню васъ зоветъ,
Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ ночей.
Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
Въ каретахъ тяжело нагруженныхъ,
На долгихъ иль на почтовыхъ
Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
Въ своей коляскѣ выписной
Оставьте градъ пеугомонный,
Гдѣ веселились вы зимой;
Съ моею музою своенравной
Пойдемте слушать шумъ дубравной

Надъ безыменною рѣкой,
Въ деревнѣ, гдѣ Евгений мой,
Отшельникъ праздный и унылой,
Еще недавно жилъ зимой
Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
Моей мечтательницы милой:
Но гдѣ его теперь ужъ нѣтъ...
Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ,
Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ,
Віясь, бѣжитъ зеленымъ лугомъ
Къ рѣкѣ сквозь липовой лѣсокъ.
Тамъ соловей, весны любовникъ,
Всю ночь поетъ; цвѣтетъ шиповникъ,
И слышенъ говоръ ключевой—
Тамъ виденъ камень гробовой
Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
Пришельцу надпись говоритъ:
«Владиміръ Ленской здѣсь лежитъ,
«Погибшій рано смертию смѣлыхъ,
«Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.
«Покойся, юноша-поэтъ!»

VII.

На вѣтви сосны преклоненной,
Бывало, ранній вѣтерокъ
Надъ этой урною смиренной
Качалъ таинственный вѣпокъ:
Бывало, въ поздніе досуги
Сюда ходили двѣ подруги,
И на могилѣ при луиѣ,
Обнявшись плакали онѣ.
Но нынѣ... памятникъ унылой
Забылъ. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣвка на вѣтви нѣтъ;
Одинъ подъ нимъ, сѣдой и хилой,
Пастухъ попрежнему поетъ,
И обувь бѣдную плететъ.

VIII.

(... разъ вечернею порою
Одна изъ дѣвъ сюда пришла;
Казалось, тайною тоскою
Она встревожена была.
Объятая невольнымъ страхомъ,
Она въ слезахъ предъ милымъ прахомъ
Стояла, голову склонивъ
И руки съ трепетомъ сложила...
По тѣмъ поспѣвшимъ шагамъ
Ее настѣгъ молодой уланъ,
Затянуть, степенъ и румянъ,
Красуясь черными усами,
Нагнувъ широкія плеча
И гордо шпорами звуча).

IX.

(Она на воина взглянула:
Горѣлъ досадой взоръ его—
И тихо руку протянула,

У МОГИЛЫ ЛЕНСКАГО.

Рисунокъ Волкова.

Но не сказала ничего.
И молча Ленскаго невѣста
Отъ сиротвующаго мѣста
Съ нимъ удалилась и съ тѣхъ поръ
Ужъ не являлась изъ-за горъ...)

X.

Мой бѣдный Ленской! пзнывая,
Не долго плакала она.
Увы! невѣста молодая
Своей печали невѣрна.
Другой увлекъ ея вниманье,
Другой успѣлъ ея страданье
Любовной лестью усыпить,
Уланъ умѣлъ ее плѣнить,
Уланъ любимъ ея душою...
И вотъ ужъ съ нимъ предъ алтаремъ
Она стыдливо подъ вѣнцомъ
Стоитъ съ поникшей головою,
Съ огнемъ въ потупленныхъ очахъ,
Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Ленской! за могилой,
Въ предѣлахъ вѣчности глухой,
Смутился ли, пѣвецъ унылой,
Измѣны вѣстью роковой,
Или надъ Летою усыпленной,
Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
Ужъ не смущается ничѣмъ,
И міръ ему закрытъ и пѣмъ?...
Такъ! равнодушное забвенье
За гробомъ ожидаетъ насъ.
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣнье
Наслѣдниковъ сердитый хоръ
Заводитъ непристойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Ларяныхъ умолкъ.
Уланъ, своей невольникъ доли,
Былъ долженъ ѣхать съ нею въ полкъ.
Слезамъ горько обливаясь,
Старушка, съ дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таия плакать не могла;
Лишь смертной блѣдностью покрылось
Ея печальное лицо.
Когда всѣ вышли на крыльцо,
И все, прощаясь, суетилось
Вокругъ кареты молодыхъ,
Татьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядѣла имъ вослѣдъ...
И вотъ одна, одна Татьяна!
Увы! подруга столькихъ лѣтъ,
Ея голубка молодая,
Ея наперстница родная,

Судьбою вдаль занесена,
Съ ней навсегда разлучена.
Какъ тѣнь, она безъ цѣли бродитъ;
То смотреть въ опустѣлый садъ...
Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрадъ,
И облегченія не находятъ
Она подавленнымъ слезамъ—
И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,
И объ Онегинѣ далекомъ
Ея сердце громче говоритъ.
Она его не будетъ видѣть;
Она должна въ немъ ненавидѣть
Убійцу брата своего;
Поэтъ погибъ... но ужъ его
Никто не помнитъ, ужъ другому
Его невѣста отдалась.
Поэта память пропеслась,
Какъ дымъ по небу голубому,
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ... Начто грустить?...

XV.

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы;
Ужъ за рѣкой, дымясь, пылалъ
Огонь рыбацій. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ,
Въ свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видятъ домъ,
Селенье, рошу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ—и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ея сомнѣнія смущаютъ:
«Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ?...
Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ...
Взгляну на домъ, на этотъ садъ!»
И вотъ съ холма Татьяна сходитъ,
Едва дыша; кругомъ обводитъ
Недоумѣнья полный взоръ...
И входитъ на пустынный дворъ.
Къ ней, лая, кинулись собаки.
На крикъ испуганный ея
Ребятъ дворовая семья
Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разогнали псовъ,
Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барской домъ не льзя ли?»
Спросила Таля. Поскорѣй
Къ Анисѣ дѣти побѣжали,
У ней ключи взять отъ сѣпей:

ТАТЬЯНА ВЪ КАБИНЕТѢ ОНѢГИНА.

Рисунокъ Павла Соколова.

Анися тотчасъ къ ней явилась,
И дверь предъ ними отворилась,
И Талья входитъ въ домъ пустой.
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.

Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ;
На смятомъ канapé лежалъ
Манежный хлыстикъ. Таня далѣ;
Старушка ей:—«а вотъ каминъ;
Здѣсь баринъ саживалъ одинъ.

XVIII.

«Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вотъ это барскій кабинетъ;
Здѣсь почивалъ онъ, кофей кушалъ,
Приващика доклады слушалъ
И книжку поутру читалъ...
И старый баринъ здѣсь живалъ;
Со мной, бывало, въ воскресенье,
Здѣсь подъ окномъ надѣвалъ очки,
Играть изволилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!» —

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ;
И все ей кажется безцѣннымъ.
Все душу томную живить
Полумучительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И грудa книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И Лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
Какъ очарована стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодной.
Темно въ долинь. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,
И пилигримъ молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь.
Но прежде проситъ позволенья
Пустынный замокъ навѣщать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
За воротами. Черезъ день
Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ.
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялась.
Сперва ей было не до нихъ.
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалась
Татьяна жадною душой;
И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгенийъ
Издавна чтенье разлюбилъ,
Однако жъ иѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гюга и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современнѣйшій человекъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безправственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безвѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствиіи нустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую погтей;
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ
Бывалъ Онегинъ пораженъ,
Съ чѣмъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша.
Вездѣ Онегина душа
Себя невольно выражаетъ,
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинается понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе—слава Богу—
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада или небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, или еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?
Ужъ не пародія ли онъ?

XXV.

Ужель загадку разрѣшила?
Ужели слово найдено?
Часы бѣгутъ; она забыла,
Что дома ждутъ ее давно,
Гдѣ собралися два сосѣда
И гдѣ объ ней идетъ бесѣда.
«Какъ быть? Татьяна не дитя,»
Старушка молвила крехтя.
«Вѣдь Олинька ея моложе.
Пристроить дѣвушку, ей-ей,
Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
Всѣмъ на отрѣзъ одно и то же:
Нейду. И все грустить она,
Да бродить по лѣсамъ одна.

XXVI.

«Не влюблена ль она? Въ кого же?
Буиновъ сватался: отказъ.
Ивану Пѣтушкову—тоже.
Гусаръ Пыхтинъ гостилъ у насъ;
Ужъ какъ онъ Танею прельщался,
Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался!
Я думала: пойдетъ, авось;
Куда! и снова дѣло врозь.»
— Что жъ, матушка? зачѣмъ же стало?
Въ Москву, на ярмарку невѣсть!
Тамъ, слышиш, много праздныхъ мѣстъ...»
— «Охъ, мой отецъ! доходу мало.»
— «Довольно для одной зимы,
Не то ужъ дамъ хоть я въ займы.»

XXVII.

Старушка очень полюбила
Совѣтъ разумный и благой:
Сочлась—и тутъ же положила
Въ Москву отправиться зимой—
И Таня слышитъ новость эту.
На судъ взыскательному свѣту
Представить ясныя черты
Провинціальной простоты,
И запоздалые наряды,
И запоздалый складъ рѣчей;
Московскихъ франтовъ и цирцей
Привлечь насмѣшливые взгляды!...
О страхъ! и вѣтъ, лучше и вѣрнѣй
Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
Теперь она въ поля спѣшитъ
И, умиленными очами
Ихъ озирая, говоритъ:
«Простите, мирныя долины,
И вы, знакомыхъ горъ вершины,
И вы, знакомые лѣса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Мѣняю милый, тихій свѣтъ
На шумъ-блестательныхъ суетъ!...
Прости жъ и ты, моя свобода!
Куда, зачѣмъ стремлюся я?
Что мнѣ сулитъ судьба моя?—

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
Теперь то холмикъ, то ручей
Останавлиютъ поневолѣ
Татьяну прелестью своею.
Она, какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами
Еще бесѣдовать спѣшитъ,
Но лѣто быстрое летитъ,
Настала осень золотая.
Природа, трепетна блѣдна,
Какъ жертва, пышно убрана...
Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнуть, завылъ—и вотъ сама
Идетъ волшебница Зима.

XXX.

Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ:
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравнила пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки Зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдетъ она зимы встрѣчать,
Морозной пылью подышать
И первымъ свѣгомъ съ кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьянѣ страшнѣй зимній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просроченъ,
Проходить и послѣдній срокъ.
Осмотрѣвъ, вновь обитъ, упроченъ
Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный, три кибитки
Везутъ домашніе пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье въ банкахъ, тюфяки,
Перины, кѣтки съ пѣтухами,
Горшки, тазы et cetera,

Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный плачъ:
Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячъ.

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ,
Готовятъ завтракъ повара,
Горой кибитки нагружаютъ,
Бранятся бабы, кучера.
На клячѣ тощей и косматой
Сидитъ форрейторъ бородатый.
Сбѣжалась челядь у воротъ
Прощаться съ барами. И вотъ
Усѣлись, и возокъ почтенный,
Скользя, ползетъ за ворота.
«Простите, мирныя мѣста!
«Прости, приютъ уединенный!
«Увижу ль васъ?...» И слезъ ручей
У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью
Отдвинемъ болѣе границъ,
Современемъ (по расчисленью
Философическихъ таблицъ,
Лѣтъ чрезъ пять сотъ) дороги вѣрно
У насъ измѣнятся безмѣрно:
Шоссе Россію здѣсь и тутъ,
Соединивъ пересѣкутъ;
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнуть широкою дугой,
Раздвинемъ горы, подъ водой
Пророемъ дерзостные своды,
И заведетъ крещеный міръ
На каждой стациіи трактиръ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи, ⁴⁶
Мосты забытые гниютъ,
На стациіяхъ клопы да блохи
Заснутъ минуты не даютъ;
Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной,
Высокопарный, но голодной,
Для виду преискурантъ виситъ
И тщетный дразнитъ аппетитъ,
Межъ тѣмъ, какъ сельскіе цыклопы
Передъ медлительнымъ огнемъ
Россійскимъ печатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колѣн
И рвы отеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной
Бзда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной—
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,

Въ глазахъ мелькаютъ какъ заборъ. ⁴⁷
Къ несчастію Ларина тащилась,
Боясь прогоновъ дорожныхъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ,
И наша дѣва насладилась
Дорожной скукою вполне:
Семь сутокъ ѣхали онѣ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы
Какъ жаръ крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва.. какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенной
Москвы колыбнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою,
Не праздникъ, не приѣмный даръ,
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселъ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель падшей славы,
Петровскій замокъ. Ну! не стой,
Пошолъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо бутки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

XXXIX.

Москва! Москва! . . . . .

ТВЕРСКОЙ ВУЛЬВАРЬ.
Съ литографіи 1830-хъ гг.

XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
Проходитъ часть, другой, и вотъ
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домомъ у воротъ
Остановился. Къ старой теткѣ,
Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
Онѣ пріѣхали теперь.
Нмѣ настѣжь отворяетъ дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ.
Съ чулкомъ въ рукѣ, съдой калмыкъ.
Встрѣчаетъ ихъ въ гостиной крикъ
Княжны, простертой на диванѣ.
Старушки съ плачемъ обнялись.
И восклицанья полнились.

XLI.

Княжна, mon ange!—Pachette—Алиа!
— Кто бѣ могъ подумать? Какъ давно!
Надолго ль?—Милая! Кузина!
Садись—какъ это мудро!
Ей-Богу, сцена изъ романа..
— А это дочь моя, Татьяна.—
Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ—
Какъ будто брежу я во снѣ..
Кузина, помнишь Грандисона?—
Какъ, Грандисонъ?... а, Грандисонъ!
Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?—
«Въ Москвѣ, живетъ у Симеона;
Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А тотъ... но послѣ все расскажемъ,
Не правда ль? Всей ея роднѣ
Мы Таню завтра же покажемъ.
Жаль, разбѣжать нѣтъ мочи мнѣ;
Едва, едва таскаю ноги.
Но вы замучены съ дороги;
Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть..
Охъ, силы нѣтъ... устала грудь..
Мнѣ тяжела теперь и радость,
Не только грусть.. душа моя,
Ужъ никуда не годна я..
Подъ старость жизнь такая гадость..
И тутъ, совсѣмъ утомлена,
Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки и веселье
Татьяну трогаютъ; но ей
Не хорошо на новосельѣ,
Привыкшей къ горницѣ своей.
Подъ занавѣскою шелковой
Не спится ей въ постелѣ новой,
И ранній звонъ колоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,
Ее съ постели подымаетъ.
Садится Таня у окна.
Рѣдѣетъ сумракъ; но она
Своихъ полей не различаетъ:
Предъ нею незнакомый дворъ,
Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ: по родственнымъ обѣдамъ
Развозятъ Таню каждый день—
Представить бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣянную лѣнь.
Роднѣ, прибывшей издалеча,
Повсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
«Какъ Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?
А я такъ на руки брала!
А я такъ за уши драла!
А я такъ приникомъ кормила!»
И хоромъ бабушки твердятъ:
«Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ не видно перемѣны;
Все въ нихъ на старый образецъ:
У тетушки Княжны Елены
Все тотъ же тюдовый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все то же жжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ также глупъ,
Семейъ Петровичъ также скупъ,
У Пелагѣи Николаевны
Все тотъ же другъ, мосье Финмушъ,
И тотъ же шинцъ, и тотъ же мужъ,
А онъ, все клуба членъ исправный,
Все такъ же смиренъ, такъ же глухъ,
И такъ же вѣсть и пѣть за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимаютъ.
Младья граціи Москвы
Сначала молча озираютъ
Татьяну съ ногъ до головы:
Ее находятъ что-то странной,
Провинціальной и жеманной,
И что-то блѣдной и худой,
А впрочемъ очень педурной;
Потомъ, покорствуя природѣ,
Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
Взбиваютъ кудри ей по модѣ,
И повѣряютъ нараспѣвъ
Сердечны тайны, тайны дѣвъ.

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
Надежды, шалости, мечты.
Текутъ невинныя бесѣды
Съ прикрасой легкой клеветы.
Потомъ, въ отплату лепетанья,
Ея сердечнаго признанья
Умилно требуютъ онѣ.
Но Таня, точно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышитъ безъ участя,
Не понимаетъ ничего,
И тайну сердца своего,

Завѣтный кладъ и слезъ и счастья,
Хранить безмолвно между тѣмъ,
И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ:
Но всѣхъ въ гостиную занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевету даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Роспросовъ, сплетень и вѣстей
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

LXIX.

Архивны юности толпою
На Таню чопорно глядятъ,
И про нее между собою
Неблагосклонно говорятъ.
Одинъ какой-то шутъ печальной
Ее находитъ идеальной,
И, прислонившись у дверей,
Элегію готовить ей.
У скучной тетki Таню встрѣтя,
Къ ней какъ-то В...[яземскій] подсѣлъ.
И душу ей занять успѣлъ.
И близъ него ее замѣтя,
Объ ней, поправя свой парикъ,
Освѣдомляется старикъ.

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантией мишурной
Она предъ хладною толпой,
Гдѣ Талія тихоно дремлетъ
И плескамъ дружескимъ не внимлетъ,
Гдѣ Терпсихорѣ лишь одной
Дивится зритель молодой
(Что было также въ прежні лѣты,
Во время ваше и мое),
Не обратились на нее
Ни дамъ ревнивыя лорнеты,
Ни трубки модныхъ знатоковъ
Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

LI.

Ее привозятъ и въ Собранье.
Тамъ тѣснота, волненье, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣтъ блистанья,
Мельканье, вихорь быстрыхъ паръ;
Красавицъ легкіе уборы,
Людми нестрѣющіе хоры,
Невѣсть обширный полукругъ
Всѣ чувства поражаютъ вдругъ.

Здѣсь кажутъ франты записные
Свое нахальство, свой жилетъ
И невнимательный лорнетъ.
Сюда гусары отпускные
Слѣшатъ явиться, погремѣть,
Блеснуть, плѣнить и улетѣть.

LII.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ.
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую не смѣю
Тревожить лирою моею,
Какъ величавая луна
Средь женъ и дѣвъ блеснѣть одна.
Къ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ пѣгой грудь ея полна!
Какъ томень взоръ ея чудесной!...
Но полно, полно; перестань:
Ты заплатилъ безумству дань.

LIII.

Шумъ, хохотъ, бѣготня, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ... Межъ тѣмъ,
Между двухъ тегокъ, у колонны,
Не замѣчаема никѣмъ,
Татьяна смотритъ и не видитъ,
Волненье свѣта ненавидитъ;
Ей душно здѣсь... она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеекъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,

И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ онъ являлся ей.

LIV.

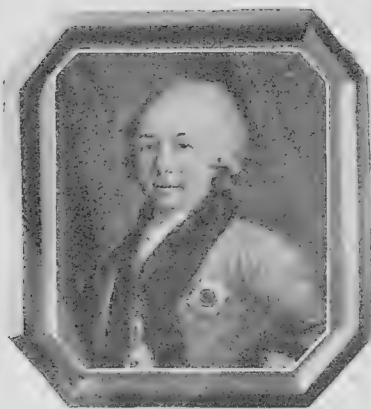
Такъ мысль ея далече бродитъ:
Забить и свѣтъ, и шумный балъ,
А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводитъ
Какой-то важный Генераль.
Другъ другу тетушки мигнули,
И локтемъ Таню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей:
— «Взгляни налѣво поскорѣй.
— «Налѣво? гдѣ? что тамъ такое?»
— «Ну, что бы ни было, гляди...
Въ той кучкѣ, видишь? впереди,
Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двое...
Вотъ отошелъ... вотъ бокомъ сталъ...»
— «Кто? толстый этотъ Генераль?»

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою.
И въ сторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть о комъ пою...
Да кстати, здѣсь о томъ два слова:
Пою пріятеля млодова
И множество его причудъ.
Благослови мой долій трудъ,
О ты, эническая муза!
И, странный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкось и скривъ.
Довольно. Съ плечъ долой обуза!
Я классицизму отдалъ честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

Московскія моды 1825 г.

ДЕРЖАВИНЪ.

ЖУКОВСКІЙ.

ДМИТРИЕВЪ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.
Byron.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться Муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: Муза въ ней
Открыла пиръ молодыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II.

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ:
Успѣхъ нашъ первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ нашъ замѣтилъ
И въ гробъ сходя, благословилъ.
(И Дмитревъ не былъ нашъ хулитель;
И быта русскаго хранитель,
Скрижалъ оставя, намъ внималъ
И Музу робкую ласкалъ.
И ты, глубоко-вдохновенный,
Всего прекраснаго пѣвецъ,
Ты, идолъ дѣвственныхъ сердецъ!
Не ты ль, пристрастѣемъ увлеченный,
Не ты ль мнѣ руку подавалъ
И къ славѣ чистой призывалъ.)

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволъ,
Съ толпою чувства раздѣляя,
Я Музу рѣвую привѣлъ

На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ:
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары,
И какъ Вакханочка рѣзвилась,
За чашей пѣла для гостей,
И молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочилась—
А я гордился межъ друзей
Подругой вѣтренной моей.

IV.

Но рокъ мнѣ бросилъ взоры глѣба
И вдаль занесъ... она за мной.
Какъ часто ласковая дѣва
Мнѣ улаждала путь нѣмой
Волшебствомъ тайнаго разсказа!
Какъ часто по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой, при лунѣ
Со мной скакала на конѣ!
Какъ часто по берегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Неревы,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальшой
И блескъ, и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смренныя шатры
Племенъ бродящихъ посѣщала,
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,

Для пѣсенъ стени ей любезной...
Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ она въ саду моёмъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ Французской книжкою въ рукахъ.

VI.

И пылъ Музу я впервые
На свѣтскій раутъ ⁴⁸ привожу;
На прелести ея стѣнные
Съ ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тѣсный рядъ Аристократовъ,
Военныхъ франтовъ, дипломатовъ
И гордыхъ дамъ она скользитъ,
Вотъ сѣла тихо и глядитъ,
Любуясь шумной тѣнотою,
Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
Явленьемъ медленнымъ гостей
Передъ хозяйкой молодою,
И темной рамою мужчинъ.
Вкругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей правится порядокъ стройной
Олигархическихъ бесѣдъ,
И холодъ гордости спокойной,
И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
Но это кто въ толпѣ избранной
Стоитъ безмолвный и туманный?
Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
Мелькаютъ лица передъ нимъ,
Какъ рядъ докучныхъ привидѣній?
Что, спланивъ или страждущая спѣшь
Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
Кто онъ таковъ? Ужель Евгений?
Ужели онъ?... Такъ, точно онъ.
— Давно ли къ намъ онъ занесенъ?

VIII.

«Все тотъ же ль онъ, или усмирился?
Пль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представитъ онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патриотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжѣй
Иль маской щегольнетъ пной?
Иль просто будетъ добрый малой,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
По крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалою.
Довольно онъ морочилъ свѣтъ...
— Знакомъ онъ вамъ?—И да и нѣтъ.

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблагоклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкихъ душъ неосторожность

Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ или смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ,
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто съ молодю былъ молодъ,
Блаженъ, кто вовремя созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ,
Кто страннымъ снамъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался,
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ или хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ,
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человекъ.

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Ити, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей.

XII.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
Несносно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,
Иль даже Демономъ моимъ.
Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ переменѣ мѣстъ

(Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный крестъ).
Оставилъ онъ свое селенье,
Лѣсовъ и нивъ уединенье,
Гдѣ окровавленная тѣнь
Ему являлась каждый день,
И началъ странствія безъ цѣли
Доступный чувству одному;
И путешествія ему,
Какъ все на свѣтѣ, надоѣли;
Онъ возвратился и попалъ,
Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
По залѣ шопотъ пробѣжалъ...
Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный Генераль.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ притязаній на успѣхъ,
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ затѣй...
Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ
Du Comme il faut...*** [Шишковъ] прости:
Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялись ниже,
Ловили взоръ ея очей;
Дѣвицы проходили тише
Предъ ней по залѣ: и всѣхъ выше
И носъ и плечи подымалъ
Вошедшій съ нею Генераль.
Никто бъ не могъ ее прекрасной
Назвать; но съ головы до ногъ
Никто бы въ ней найти не могъ
Того, что модой самовластной
Въ высокомъ, Лондонскомъ кругу
Зовется vulgar. Не могу...

XVI.

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести:
Оно у насъ покажется ново,
И врядъ ли быть ему въ чести,
Оно бъ годилось въ эпиграммѣ...
Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
Безпечной прелестью мила,
Она сидѣла у стола
Съ блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы:
И вѣрно бъ согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить сосѣдку не могла,
Хоть ослѣпительна была.

XVII.

«Ужели,» думаетъ Евгений:
«Ужель она? Но точно... Нѣтъ...
Какъ? изъ глуши степныхъ селеній...»
И неотвязчивый лорнетъ
Онъ обращаетъ поминутно
На ту, чей видъ напомнилъ смутно
Ему забытыя черты.
«Скажи мнѣ, Князь, не знаешь ты.
Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ
Съ Посломъ Испанскимъ говорить?»
Князь на Онѣгина глядитъ.
— «Ага! давно жъ ты не былъ въ свѣтѣ.
Постой, тебя представлю я.»
«Да кто жъ она?» — Жена моя.»

XVIII.

— «Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!
Давно ли?» — Около двухъ лѣтъ.»
«На комъ?» — «На Лариной.» — «Татьянѣ!»
— «Ты ей знакомъ?» — «Я имъ сосѣдъ.»
— «О, такъ пойдѣмъ же.» — Князь под-
ходитъ

Къ своей женѣ, и ей подводитъ
Родню и друга своего.
Княгиня смотритъ на него...
И что ей душу ни смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не измѣнило:
Въ ней сохранился тотъ же тонъ,
Быль также тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей—ей! не то, чтобъ содрогнулась,
Иль стала вдругъ блѣдна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губъ она.
Хоть онъ глядѣлъ нельзя прилежнѣй,
Но и слѣдовъ Татьяны прежней
Не могъ Онѣгинъ обрести.
Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести
И—и не могъ. Она спросила,
Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ
И не изъ ихъ ли ужъ сторонъ?
Потомъ къ супругу обратила
Усталый взглядъ; скользнула вонъ...
И недвижимъ остался онъ.

XX.

Ужель та самая Татьяна,
Которой онъ наединѣ,
Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой—далекой сторонѣ,
Въ благомъ пылу нравоученья,
Читалъ когда-то наставленья,—
Та, отъ которой онъ хранить
Письмо, гдѣ сердце говоритъ,
Гдѣ все наружѣ, все навождѣ,
Та дѣвочка... иль это сонъ?...

Та дѣвочка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
Ужели съ нимъ сейчасъ была
Такъ равнодушна, такъ смѣла?
XXI.

Онъ оставляетъ раутъ тѣсный.
Домой задумчивъ ѣдетъ онъ;
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревоженъ поздній сонъ.
Проснулся онъ; ему приносятъ

Письмо: князь N. покорно проситъ
Его на вечеръ.—«Боже! къ ней!...
О! буду, буду!»—и скорѣи
Мараешь онъ отвѣтъ учтивый.
Что съ нимъ? Въ какомъ онъ странномъ
снѣ!

Что шевельнулось въ глубинѣ
Души холодной и лѣнивой?
Досада? суетность? или вновь
Забота юности—любовь?

INTERIEUR ЗНАТНАГО ДОМА НАЧАЛА 1830-хъ гг.

Неизданная современная акварель проф. И. П. Вольскаго (изъ коллекции В. К. Весселовскаго).

XXII.

Онѣгинъ вновь часы считаетъ,
Вновь не дождется дня конца.
Но десять бьетъ: онъ возбуждается,
Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца,
Онъ съ трепетомъ къ Княгинѣ входитъ;
Татьяну онъ одну находитъ
И вмѣстѣ нѣсколько минутъ
Они сидятъ. Слова нейдутъ
Изъ устъ Онѣгина. Угрюмой,
Неговкій, онъ едва, едва
Ей отвѣчаетъ. Голова
Его полна упрямой думой.
Упрямо смотритъ онъ: она
Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходитъ мужъ. Онъ прерываетъ
Сей непріятный tête à tête;
Съ Онѣгинымъ онъ вспоминаетъ
Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
Они смѣются. Входятъ гости.
Вотъ крупной солью свѣтской злости
Сталъ оживляться разговоръ;
Передъ хозяйкой легкій вздоръ
Сверкаетъ безъ глупаго жеманства,
И прерывалъ его межъ тѣмъ
Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ,
Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педанства,
И не пугалъ ничьихъ ушей
Свободной живостью своей.

XXIV.

Тутъ былъ однако цвѣтъ столицы,
И знать и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица,
Необходимые глупцы;
Тутъ были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, свиду злая;
Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,
Не улыбающихся лицъ;
Тутъ былъ Посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ, постарому шутившій,
Отмѣнно толко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно.

XXV.

Тутъ былъ на эпиграммы падкій,
На все сердитый господишъ;
На чай хозяйскій слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, на тонъ мужичишъ,
На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
На ложъ журналовъ, на войну,
На снѣгъ, и на свою жену.

(Тутъ также дочь его была,
Ужъ такъ горбата, такъ мала,
Такъ неопрятна, такъ писклива,
Что поневолѣ каждый гость
Предполагалъ въ ней умъ и злость).

XXVI.

Тутъ былъ ***[Сабуровъ], заслужившій
Извѣстность низостью души,
Во всѣхъ альбомахъ притупившій,
St.-P**[St-Priest], твои карандаши;
Въ дверяхъ другой диктаторъ бальной
Стоялъ картинкою журнальной,
Румянь—какъ вербный херувимъ,
Затянутъ, нѣмъ и недвижимъ,
И путешественникъ залѣтной,
Перекрахмаленный нахаль,
Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
Своей осанкою заботной,
И молча обвиненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онегинъ вечеръ дѣлой
Татьяной занять былъ одной,
Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,
Но равнодушною Княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.
О люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанной змѣй зоветъ

Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Пріемы скоро приняла!
Кто бѣ смѣлъ пскать дѣвчонки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ залъ?
И онъ ей сердце волновалъ!
Объ немъ она во мракѣ ночи,
Пока Морфей не прилетитъ,
Бывало, дѣвственно груститъ,
Къ лунѣ подъемлетъ томны очи,
Мечтая съ нимъ, когда нибудь
Свершить смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣ возрасты покорны;
Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ.
Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
И обновляются, и зрѣютъ—
И жизнь могущая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
Но въ возрастъ поздній и бесплодный,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печалень страсти мертвой слѣдъ:
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращаютъ лугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгенийъ
Въ Татьяну какъ дитя влюбленъ;
Въ тоскѣ любовныхъ помысленій
И день и ночь проводитъ онъ.
Ума не внемля строгимъ пѣнямъ,
Къ ея крыльцу, стекляннымъ свѣтамъ
Онъ подъѣзжаетъ каждый день;
За ней онъ гонится какъ тѣнь;
Онъ счастливъ, если ей накинеть
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
Или платокъ поднять ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
Какъ онъ ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимаетъ,
Въ гостяхъ съ нимъ молвитъ слова три,
Порой однимъ поклономъ встрѣтитъ,
Порою вовсе не замѣтитъ:
Кокетства въ ней ни капли нѣтъ—
Его не терпять высшій свѣтъ.

ОНЪГНЪ ПИШЕТЪ ПИСЬМО ТАТЬЯНѢ.

Неизданный рисунокъ Д. Н. Кардовскаго.

Блѣднѣть Онегинъ начинаетъ:
Ей или не видно, или не жалъ;
Онегинъ сохнетъ, и едва ль
Ужъ не чахоткою страдаетъ.
Всѣ шлютъ Онегина къ врачамъ,
Гдѣ хоромъ шлютъ его къ водамъ.

XXXII.

А онъ не ѣдетъ; онъ заранѣ
Писать ко прадѣдамъ готовъ
О скорой встрѣчѣ; а Татьянѣ

И дѣла нѣтъ (ихъ полъ таковъ);
А онъ упрямъ, отстать не хочетъ,
Еще надѣется, хлопочетъ;
Смѣлѣй здороваго, больной,
Княгинѣ слабою рукой
Онъ пишетъ страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Онъ въ письмахъ видѣлъ невообще;
Но, знать, сердечное страданье
Уже пришло ему не въ мочь.
Вотъ вамъ письмо его точь въ точь.

Письмо Онегина къ Татьянѣ.

«Предвижу все: васъ оскорбитъ
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презрѣнье
Вашъ гордый взглядъ изобразитъ!
Чего хочу? съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?
Какому злобному веселью,
Быть можетъ, поводъ подаю!
«Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣрить не посмѣлъ.
Привычкѣ милой не далъ ходу;
Свою посылую свободу
Я потерять не захотѣлъ.
Еще одно насъ разлучило...
Несчастной жертвой Ленскій палъ...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связавъ,
Я думалъ: вольность и покой
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказавъ!
«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Блѣднѣть и гаснуть... вотъ блаженство!

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье:
Второму, третьему письму
Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
Онъ ѣдетъ; лишь вошелъ... ему
Она на встрѣчу. Какъ сурова!
Его не видятъ, съ нимъ ни слова;

«И я лишень того: для васъ
Тащусь повсюду наудачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:
А я въ напрасной сукѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣренъ;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я...
«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увидитъ вашъ суровый взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной—
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томится жаждою любви,
Пылать—и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пѣни,
Все, все, что выразить бы могъ,
А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооружать и рѣчь, и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ!...
«Но такъ и быть: я самъ себѣ
Противиться не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ.»—

У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холодомъ она!
Какъ удержать негодованье
Уста упрямые хотятъ!
Вперилъ Онегинъ зоркій взглядъ:
Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
Гдѣ пятна слезъ?... Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
На семь лицъ лишь гнѣва слѣдъ...

XXXIV.

Да, можетъ быть, боязни тайной,
Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
Проказы, слабости случайной...
Всего, что мой Онегинъ зналъ...
Надежды ибѣтъ! Онъ убѣждаетъ
Свое безумство проклиная—
И, въ немъ глубоко погруженъ,
Отъ свѣта вновь отрекся онъ.
И въ молчаливомъ кабинетѣ
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
Поймала, за воротъ взяла
И въ темный уголъ заперла.

XXXV.

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора.
Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо,
Прочелъ скептическаго Беля,
Прочелъ творенія Фонтенеля,
Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынче такъ меня брашатъ,
А гдѣ такіе мадригалы
Себѣ встрѣчалъ я иногда.
E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что жъ? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанія, печали
Тѣснились въ душу глубоко.
Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ-то онъ
Былъ совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чѣмъ несвязанные слы,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ.
А передъ нимъ Воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ.
То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ,
Какъ будто спящій на почлегѣ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышитъ голосъ: что жъ? убить!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,

Клеветниковъ, и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ,
То сельскій домъ—и у окна
Сидитъ она... и все она!...

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
Что чуть съ ума не своротилъ,
Или не сдѣлался поэтомъ.
Признаться: то-то бѣ одолжилъ!
А точно: силой магнетизма
Стиховъ Россійскихъ механизма
Едва въ то время не постигъ
Мой безтолковый ученикъ.
Какъ походилъ онъ на поэта,
Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
И передъ нимъ пылалъ каминъ,
И онъ мурлыкалъ: *Benedetta*
Иль *Idol mio*, и ронялъ
Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчались; въ воздухѣ нагрѣтомъ
Ужъ разрѣшалася зима;
И онъ не сдѣлался поэтомъ,
Не умеръ, не сошелъ съ ума.
Весна живетъ его: впервые
Свои покои запертые,
Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ,
Двойныя окна, камелекъ
Онъ яснымъ утромъ оставляетъ.
Несется вдоль Невы въ саняхъ.
На снѣгахъ, изсѣченыхъ льдахъ
Играетъ солище; грязно тастъ
На улицахъ разрытый снѣгъ.
Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремится Онегинъ? Вы заранѣ
Ужъ угадали; точно такъ:
Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ
Мой неисправленный чудакъ.
Идетъ, на мертвеца похожій.
Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
Онъ въ залу: дальше: никого.
Дверь отворилъ онъ. Что жъ его
Съ такою силой поражаетъ?
Княгиня передъ нимъ, одна,
Сидитъ не убрана, блѣдна,
Письмо какое-то читаетъ,
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Опершись на руку щекой.

XLI.

О, кто бѣ пѣмъыхъ ся страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ!
Кто прежней Тани, бѣдной Тани
Теперь въ Книжницѣ бѣ не узналъ!

Акварель Ел. Вемъ.

Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
 Къ ея ногамъ упалъ Евгений;
 Она вздрогнула, и молчитъ;
 И на Онегина глядитъ
 Безъ удивленія, безъ гнѣва...
 Его больной, угасшій взоръ,
 Молящій видъ, пѣмой укоръ
 Ей внятны все. Простая дѣва,
 Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
 Теперь воскресла въ ней.

XLII.

Она его не подымаетъ,
 И, не сводя съ него очей,
 Отъ жадныхъ устъ не отымаетъ
 Безчувственной руки своей...
 О чемъ теперь ея мечтанье?...
 Проходитъ долгое молчанье,
 И тихо наконецъ она:
 «Довольно; встаньте. Я должна
 Вамъ объяснитьсь откровенно.
 Онегинъ, помните ль тотъ часъ,
 Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
 Судьба свела, и такъ смиренно
 Урокъ вашъ выслушала я?
 Сего дня очередь моя.

XLIII.

Онегинъ, я тогда моложе,
 Я лучше, кажется, была,
 И я любила васъ; и что же?
 Что въ сердцѣ вашемъ я нашла?
 Какой отвѣтъ? Одну суровость.
 Не правда ль? Вамъ была не новость
 Смиренной дѣвочки любовь?
 И нынче—Боже!—стынетъ кровь,
 Какъ только вспомню взглядъ холодной
 И эту проповѣдь... Но васъ
 Я не виню: въ тотъ страшный часъ
 Вы поступили благородно,
 Вы были правы предо мной:
 Я благодарна всей душой...

XLIV.

«Тогда—не правда ли?—въ пустынь,
 Вдали отъ суетной Молвы,
 Я вамъ не правила... Что же пылъ
 Меня преслѣдуете вы?
 Зачѣмъ у васъ я на примѣтъ?
 Не потому ль, что въ высшемъ свѣтъѣ
 Теперь являться я должна;
 Что я богата и знатна;
 Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;

Что насъ за то ласкаетъ Дворъ?
Не потому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣмъ былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принести
Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

«Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче!—что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? какая малость!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?»

XLVI.

«А мнѣ, Онегинъ, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветوشь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онегинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной пianeю моею...

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!.. Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.»—

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгенийъ,
Какъ будто громомъ пораженъ.
Въ какую бурю ощущений
Теперь онъ сердцемъ погруженъ!

Но шпоръ незапный звонъ раздался,
И мужъ Татьянинъ показался,
И здѣсь героя моего,
Въ минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставимъ,
Надолго... навсегда. За нимъ
Довольно мы путемъ однимъ
Бродили по свѣту. Поздравимъ
Другъ друга съ берегомъ. Ура!
Давно бъ (не правда ли?) пора!

XLIX.

Кто бъ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ,
Воспоминаній ли мятенныхъ,
Отдохновенья ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, или острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
Для развлечения, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ спибокъ,
Хотя крупину могъ найти.
Засимъ разстанемся, прости!

L.

Простижъ и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеаль,
И ты живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта:
Забвеніе жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онегинъ въ смутномъ снѣ
Явились впервые мнѣ—
И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристалъ
Еще не ясно различалъ.

LI.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ...
Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Садн нѣкогда сказалъ.
Безъ нихъ Онегинъ дорисованъ.
А ты, съ которой образованъ
Татьяны милый идеаль...
О, много, много рокъ отъялъ!
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
Кто не дочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онегинымъ моимъ.

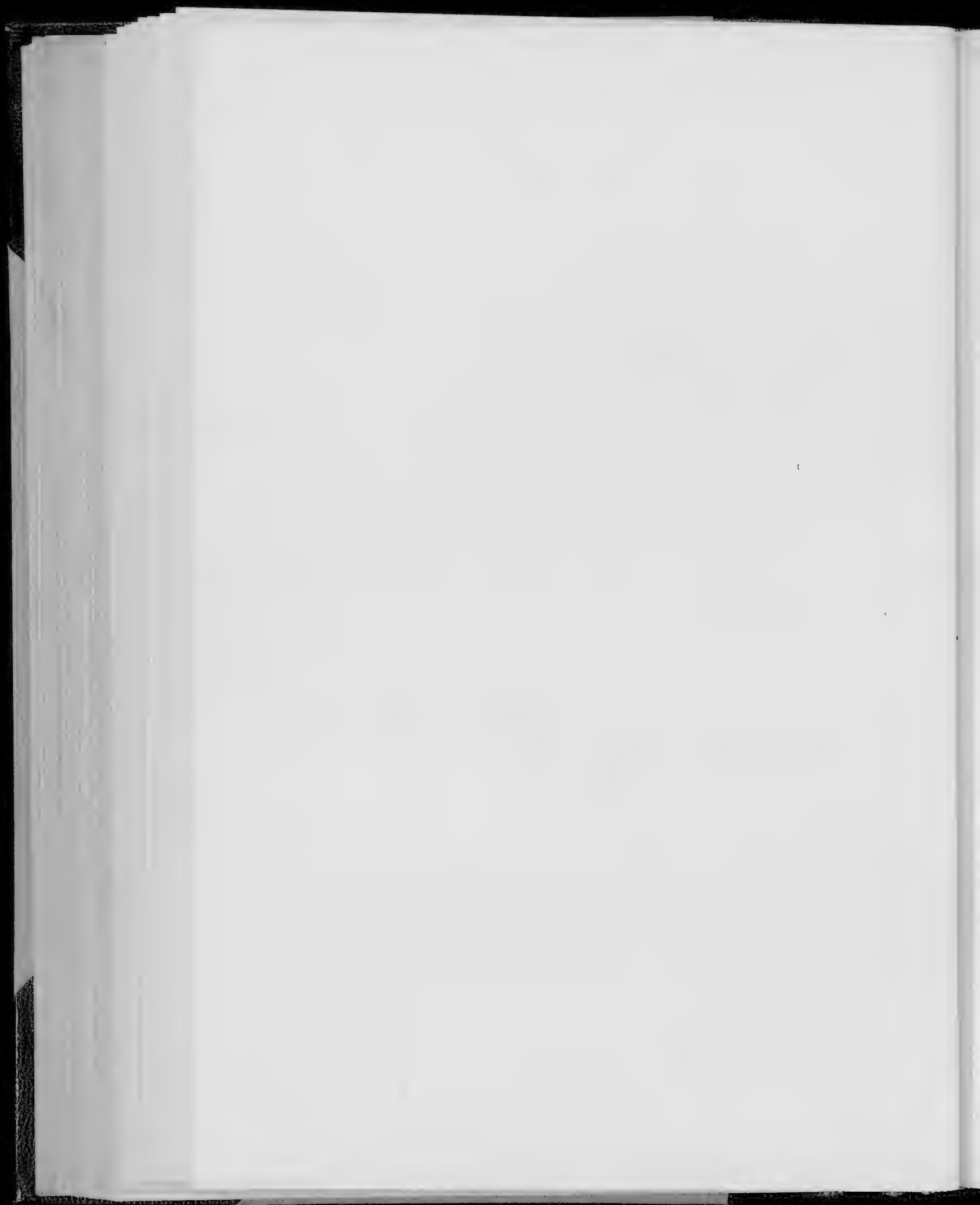

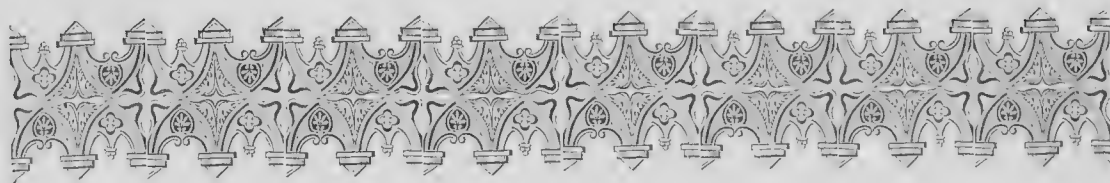

ОНЪГИНЪ и ТАТЬЯНА-КНЯГИНЯ.

Съ акварели Павла Соколова.

Приложенія къ „Евгенію Онѣгину“.

I.

СТРАНСТВІЕ ОНѢГИНА.

Послѣдняя Глава Евгенія Онѣгина издана была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (въпрочемъ весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую Главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную Главу точками или цифромъ; но въ избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой надъ послѣдней Главою Евгенія Онѣгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строкъ:

Пора: перо покоя просить;
И девять пѣсенъ написать;
На берегъ радостный выносить

Мою ладью девятый валъ—
Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.»

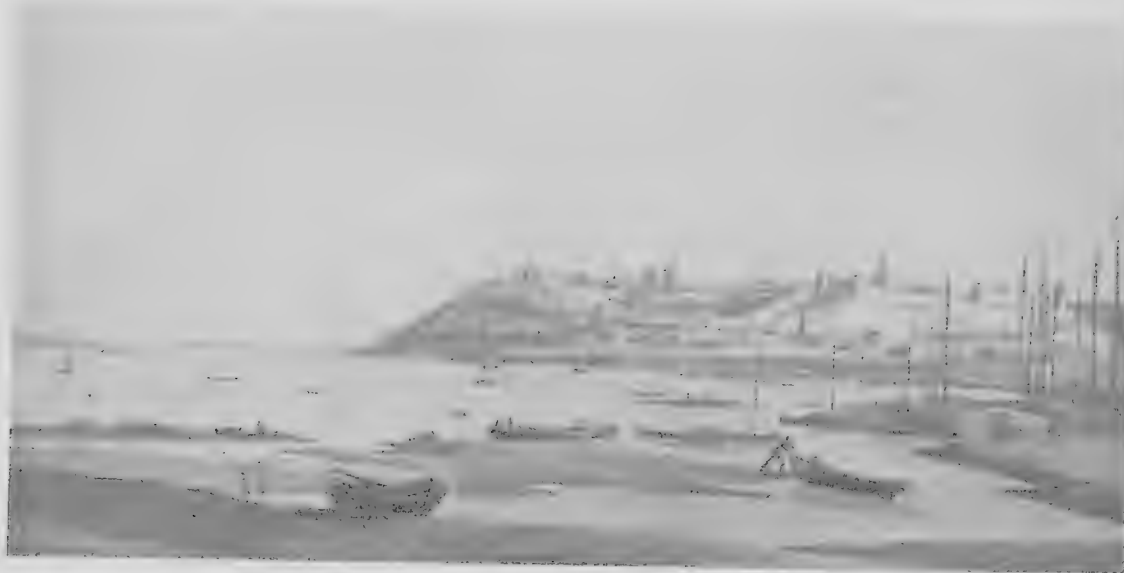
П. А. Катенинъ (коему прекрасный поэтический талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замѣтилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и выгодное для читателей, вредитъ однако жъ плану цѣлаго сочиненія; ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны, уѣздой барышни, къ Татьянѣ, знатной дамѣ, становится слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ.—Замѣчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго, но рѣшился выпустить эту Главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки были напечатаны; мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько строкъ». [Изъ изд. 1833 г.].

I.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ
Несносно, согласитесь въ томъ,
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Какимъ-то квакеромъ, масономъ,
Иль доморощеннымъ Байрономъ,
Иль даже Демономъ моимъ.
Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
Доживъ безъ цѣли и трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Убивъ на поединкѣ друга,
Томясь въ объятіяхъ досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Быть чѣмъ нибудь давно хотѣлъ.

II.

Наскуча или слыть Мельмотомъ,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся разъ онъ патріотомъ
Дождливой, скучною порой.
Россія, господа, мгновенно
Ему понравилась отменно,
И рѣшено—ужъ онъ влюбленъ,
Ужъ Русью только бредитъ онъ.
Ужъ онъ Европу ненавидитъ
Съ ея политикой сухой,
Съ ея развратной суетой.
Онѣгинъ вдетъ: онъ увидитъ
Святую Русь, ея поля,
Пустыни, грады и моря.

НИЖНИЙ НОВГОРОДЪ.

Изъ хранящихся въ библиотекѣ Академіи Художествъ неизданныхъ рисунковъ Никанора Чернецова; набросаны во время путешествія братьевъ Чернецовыхъ въ 1835—1836 гг.

III.

Опѣ собрался—и слава Богу!
Юня третьяго числа
Коляска легкая въ дорогу
Его по почтѣ понесла.
Среди равнины полудикой
Онъ видитъ Новгородъ Великой:
Смирились площади—среди нихъ
Мятежный колоколъ утихъ,
Но бродятъ тѣни великановъ:
Завоеватель Скандинавъ,
Законодатель Ярославъ,
Съ четою грозныхъ Іоанновъ,
И вкругъ поникнувшихъ церквей
Кипитъ народъ мцнувшихъ дней.

IV.

Тоска, тоска!... Слѣшнѣ Евгений
Скорѣе далѣе... Теперь
Мелькаютъ мелькомъ, будто тѣни,
Предъ нимъ Валдай, Торжокъ и Тверь.
Тутъ у привязчивыхъ крестьянокъ
Беретъ три связки онъ баранокъ;
Здѣсь покупаетъ туфли,—тамъ
По гордымъ волжскимъ берегамъ
Онъ скачетъ сонный. Кони мчатся
То по горамъ, то вдоль рѣки;
Мелькаютъ версты; ямщики
Поютъ, и свищутъ, и бранятся;
Пылъ вьется.—Вотъ Евгений мой
Въ Москвѣ проснулся на Тверской.

V.

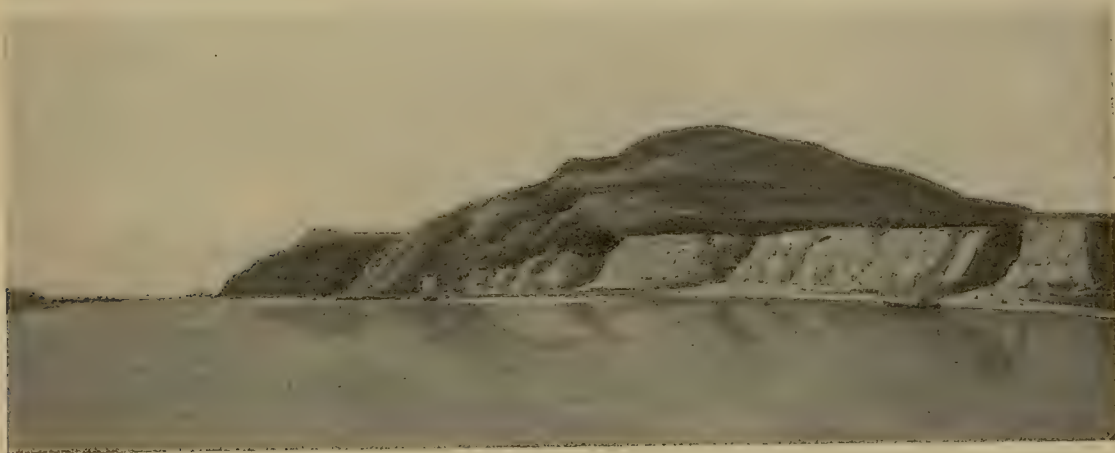
Москва Опѣгина встрѣчаетъ
Своей спесивой суетой,
Своими дѣлами прельщаетъ,
Стерляжей потчуетъ ухой.
Въ палатѣ англійскаго клоба
(Народныхъ засѣданій проба),
Безмолвно въ думу погруженъ,
О кашахъ пренія слышитъ онъ.
Замѣченъ онъ. Объ немъ толкуетъ
Разнорѣчивая молва.
Имъ занимается Москва,
Его шпіономъ именуетъ;
Слагаетъ въ честь его стихи
И производитъ въ женихи.

VI.

Тоска, тоска! Онъ въ Нижній хочетъ,
Въ отчизну Минина! Предъ нимъ
Макарьевъ суетно хлопочетъ,
Кипитъ обиліемъ своимъ.
Сюда жемчугъ привезъ Индеецъ,
Поддѣльны вина Европеецъ.
Табунъ бракованныхъ коней
Пригналъ заводчикъ изъ степей,
Игрокъ привезъ свои колоды
И горсть услужливыхъ костей,
Помѣщикъ—спѣлыхъ дочерей,
А дочки—прошлогодни моды.
Всякъ суетится, лжеть за двухъ
И всюду меркантильный духъ.

ВОЛГА НА ГРАНИЦѢ НИЖЕГОРОДСКОЙ И КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІЙ.

БУГОРЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

АСТРАХАНЬ.

VII.

Тоска!... Евгений ждет погоды.
 Ужъ Волга—рѣкъ, озеръ краса—
 Его зоветь на пышины воды
 Подъ полотняны паруса.
 Взманить охотника не трудно;
 Нанявъ купеческое судно,
 Поплылъ онъ быстро внизъ рѣки.
 Надулась Волга; бурлаки,
 Опершись на багры стальные,
 Унывымъ голосомъ поютъ
 Про тотъ разбойничій пріютъ,
 Про тѣ разбѣды удалые,
 Какъ Стенька Разинъ встарину
 Кровавилъ волжскую волну;

VIII.

Поютъ про тѣхъ гостей незваныхъ,
 Что жгли да рѣзали. Но вотъ,
 Среди степей своихъ песчаныхъ,
 На берегу соленыхъ водъ
 Торговый Астрахань открылся.
 Онѣгинъ только углубился
 Въ воспоминанье прошлыхъ дней,
 Какъ жаръ полуденныхъ лучей
 И комаровъ нахальныхъ тучи,
 Пища, жужжа со всѣхъ сторонъ,
 Его встрѣчаютъ—и, взбѣшенъ,
 Каспійскихъ водъ берега сыпучи
 Онъ оставляетъ тотъ же часъ
 Тоска!... Онъ ѣдетъ на Кавказъ.

IX.

Онъ видитъ, Терекъ своенравный
 Крутые роетъ берега;
 Предъ нимъ царитъ орелъ державный,
 Стоитъ олень, склонивъ рога;
 Верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса,
 Въ лугахъ песется конь Черкеса,
 И вокругъ кочующихъ шатровъ
 Пасутся овцы Калмыковъ.
 Въ дали—Кавказскія громады:
 Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
 За ихъ естественную грань,
 Черезъ ихъ опасныя преграды;
 Берега Арагвы и Куры
 Узрѣли Русскіе шатры.

X.

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
 Стѣпенный холмами вокругъ,
 Стоитъ Бешту остроконечный
 И зеленѣющій Машукъ,
 Машукъ податель струй дѣлбныхъ;
 Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
 Больныхъ тѣснится блѣдный рои;
 Кто жертва чести боевой,
 Кто Почечуя, кто Киприды;
 Страдалецъ мыслить жизни нить
 Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
 Кокетка злыхъ годовъ обиды
 На дѣл оставить, а старикъ
 Помолодѣть—хотя на мигъ.

ПЯТИГОРСКЪ.

Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1835—1836).

ТЕРЕКЪ.

Изъ неизданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 г.).

СЛІЯНІЕ КУРЫ И АРАГВЫ.

Изъ неизданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 г.).

ТАТАРСКАЯ ХИЖИНА ВЪ КРЫМУ.

Изъ неизданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 г.).

XI.

Питая горьки размышленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгнинъ взоромъ сожалѣнья
Глядитъ на дымныя струи
И мыслить, грустью отуманенъ:
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилой я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ Тульскій Засѣдатель!
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма?—Ахъ, Создатель,
И я, какъ эти господа,
Надежду могъ бы знать тогда!

XII.

«Блаженъ, кто старъ! Блаженъ, кто
боленъ!

«Надъ нимъ лежитъ судьбы рука.
«Но я здоровъ, я молодъ, воленъ,
«Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!...»
Простите, сибѣжныхъ горъ вершины,
И вы, кубанскія равнины!
Онъ ѣдетъ къ берегамъ инымъ.
Онъ прибылъ изъ Тамани въ Крымъ.

XIII.

Воображенью край священный!
Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
Тамъ закололся Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный
И, посреди прибрежныхъ скалъ,
Свою Литву воспоминалъ.

XIV.

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ спиемъ и прозрачномъ
Сіяли груди вашихъ горъ;
Долинъ, деревьевъ, селъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хиженокъ татаръ...
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣнилась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь.

XV.

Какія бъ чувства ни таились,
Тогда во мнѣ—теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли или измѣнились...
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волиъ края жемчужины,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безыменныя страданья...
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.

ГУРЗУФЪ.

Изъ неизданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 г.).

ВИДЪ НА ЛЮДАГЪ.

Изъ неизданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 г.).

XVI.

Иныя нужны миѣ картины:
 Люблю песчаный косогоръ,
 Передъ избушкой двѣ рябины,
 Калитку, сломанный заборъ,
 На небѣ сѣренькія тучи,
 Передъ гумномъ соломы кучи—
 Да прудъ подъ сѣнью пивъ густыхъ,
 Раздолье утокъ молодыхъ;
 Теперь мила миѣ балалайка
 Да пьяный топотъ трепака
 Передъ порогомъ кабака.
 Мой идеалъ теперь—хозяйка,
 Мои желанія—покой,
 Да шей горшокъ, да самъ большой.

XVII.

Порой дождливою намедни
 Я, завернувъ на скотный дворъ...
 Тьфу! прозапческія бредни,
 Фламандской школы пестрый соръ!
 Таковъ ли былъ я, раздѣвтая?
 Скажи, Фонтанъ Бахчисарая!
 Такія ль мысли миѣ на умъ
 Навелъ твой безконечный шумъ,
 Когда безмолвно предъ тобою
 Зарему я воображалъ...
 Средь пышныхъ, опустѣлыхъ залъ,
 Спусти три года, вслѣдъ за мною,
 Скитаясь въ той же сторонѣ,
 Онѣгинъ вспомнилъ обо мнѣ.

XVIII.

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...
 Тамъ долго ясны небеса,
 Тамъ хлопотливо торгъ обильной
 Свои подъемлетъ паруса;
 Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
 Все блещетъ Югомъ и пестрѣетъ
 Разнообразиемъ живой.
 Языкъ Италіи златой
 Звучитъ по улицѣ веселой,
 Гдѣ ходитъ гордый Славянинъ,
 Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
 И Грекъ, и Молдавецъ тяжелой,
 И сынъ Египетской земли,
 Корсаръ въ отставкѣ, Морали.

XIX.

Одессу звучными стихами
 Нашъ другъ Туманскій описалъ,
 Но онъ пристрастными глазами
 Въ то время на нее взиралъ.
 Пріѣхавъ онъ прямымъ Поэтомъ,
 Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
 Одинъ надъ моремъ—и потомъ
 Очаровательнымъ перомъ
 Сады Одесскіе прославилъ.
 Все хорошо, но дѣло въ томъ,
 Что стень нагая тамъ кругомъ;
 Кой-гдѣ недавний трудъ заставилъ
 Младья вѣтви въ знойный день
 Давать насильственную тѣнь.

XX.

А гдѣ, бишь, мой рассказъ несвязной?
 Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
 Я бъ могъ сказать: въ Одессѣ грязной—
 И тутъ бы право не солгалъ.
 Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
 По волѣ бурнаго Зевеса,
 Потоплена, запружена,
 Въ густой грязи погружена.
 Всѣ дома на аршинъ загризнуть;
 Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
 По улицѣ держаетъ въ бродъ;
 Кареты, люди топутъ, вьзнутъ,
 И въ дрожжахъ волъ, рога склоня,
 Смѣняетъ хилаго коня.

XXI.

Но ужъ дробить каменья молотъ,
 И скоро звонкой мостовой
 Покроется спасенный городъ,
 Какъ будто кованной броней.
 Однако въ сей Одессѣ влажной
 Еще есть недостатокъ важной;
 Чегобъ вы думали?—воды.
 Потребны тяжкіе труды...
 Что жъ? это небольшое горе?
 Особенно, когда вино
 Безъ пошлины привезено.
 Но солнце южное, по море...
 Чего жъ вамъ болѣе, друзья?
 Благословенные края!

XXII.

Бывало, пушка зарева
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленной,
Какъ Мусульманъ въ своемъ раю,
Съ Восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный
Открытъ Casino; чашекъ звонъ
Тамъ раздастся; на балконъ
Маркеръ выходитъ полусонный
Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Ужъ сошлись два купца.

XXIII.

Глядишь и площадь заедрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя расчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знакомы паруса?
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
И что чума? и гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны?

XXIV.

Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устрицъ ожидали
Отъ Цареградскихъ береговъ.
Что устрицы? пришли! О радость!
Летитъ обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ
Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
Слегка обрызгнутыхъ лимономъ.
Шумъ, споры—легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столъ услужливымъ Отономъ. 49
Часы летятъ, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растетъ.

XXV.

Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій,
Пора намъ въ Оперу скорѣй:
Тамъ упительный Россини,
Европы баловень-Орфей.
Не внемля критикѣ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новой,
Онъ звуки льетъ—они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ подблудн молодые,
Всѣ въ пѣтѣ, въ пламени любви,
Какъ закипѣвшего Ан
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
Съ виномъ равнять do-re-mi-sol?

XXVI.

А только ль тамъ очарованій?
А разыскательный лорнетъ?
А закулисныя свиданья?
А prima dona? а балетъ?
А ложа, гдѣ красой блистая,
Негоціанка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью пополамъ...
А мужъ—въ углу за нею дремлетъ,
Въ просонкахъ фора закричитъ,
Зѣвнетъ—и снова захрипитъ.

XXVII.

Финаль гремитъ; пустѣетъ зала;
Шумя, торопится разбѣжать;
Толпа на площадь побѣжала
При блескѣ фонарей и звѣздъ.
Сыны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривой,
Его неволью затвердивъ,
А мы режемъ речитативъ
Но поздно. Тихо спитъ Одесса;
И бездыханна и тепла
Нѣмая почъ. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ;
Лишь Море Черное шумитъ...

ЛѢСЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТИ ТРИГОРСКАГО.

Картина В. Максимова (1899).

XXVIII.

И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ
Средь новопозбравныхъ друзей,
Забывъ о сумрачномъ повѣсѣ,
Героѣ повѣсти моей.
Онѣгинъ никогда со мною
Не хвасталъ дружбой почтовою.
А я, счастливый человѣкъ,
Не переписывался вѣкъ
Ни съ кѣмъ. Какимъ же изумленьемъ,
Судите, былъ я пораженъ,
Когда ко мнѣ явился онъ
Неприглашеннымъ привидѣньемъ,
И какъ заахали друзья,
И какъ обрадовался я!

XXIX.

Святая дружба! Дань натуры!
Взглянувъ другъ на друга, потомъ,
Какъ Цидероновы авгуры,
Мы разсмѣялись тишкомъ...

. . . . .
. . . . .

XXX.

Не долго вмѣстѣ мы бродили
По берегамъ Эвксинскихъ водъ:
Судьбы насъ снова разлучили
И намъ назначили походъ.
Онѣгинъ, очень охлажденный
И тѣмъ, что видѣлъ, пресыщенный,
Пустился къ невскимъ берегамъ,
А я отъ милыхъ южныхъ дамъ,
Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ,
И, слава Богу, отъ вельможъ,
Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ,
Въ далекій сѣверный уѣздъ —
И былъ печаленъ мой пріѣздъ.

XXXI.

О, гдѣ бѣ судьба ни назначала
Мнѣ безыменный уголокъ,
Гдѣ бѣ ни былъ я, куда бѣ ни мчала
Она смреннѣйшій мой челнокъ,
Гдѣ поздній миръ мнѣ бѣ ни сулила,
Гдѣ бѣ ни ждала меня могила,

БЕРЕГА СОРОТН У ТРИГОРСКОГО.

Картина В. Максимова (1899).

Вездѣ, вездѣ въ душѣ моей
Благословлю моихъ друзей.
Нѣтъ, нѣтъ! Нигдѣ не позабуду
Ихъ милыхъ, ласковыхъ рѣчей.
Вдали, одинъ, среди людей
Воображать я вѣчно буду
Васъ, тѣни прибрежныхъ нивъ,
Васъ, миръ и сонъ Тригорскихъ нивъ.

XXXII.

И берегъ Соротн отлогій,
И полосатые холмы,

И въ рошѣ скрытыя дороги,
И домъ, гдѣ пировали мы,—
Пріютъ, сіяньемъ музъ одѣтый,
Младымъ Языковымъ воспѣтый,
Когда изъ капища наукъ
Явился онъ въ нашъ сельскій кругъ
И воды Соротн прославилъ,
И огласилъ поля кругомъ
Очаровательнымъ стихомъ.
Но тамъ и я мой слѣдъ оставилъ
И вѣтру въ даръ, на темну ель
Повѣсилъ звонкую свирѣль.

II.

А Л Б О М Ъ О Н Е Г И Н А .

[Относится къ зачеркнутой XXII строфѣ VII главы].

XXII.

Опрятно по краямъ окованъ,
Позолоченнымъ серебромъ,
Онъ былъ изписанъ, изрисованъ
Рукой Онегина кругомъ.
Межъ непонятнаго маражня
Мелькали мысли, замѣчанья,

Портреты, числа, имена,
Да буквы, тайны письменна,
Отрывки, письма черновыя,
И словомъ,—искренній журналъ,
Въ который душу изливалъ
Онегинъ въ дни свои молодые,
Дневникъ мечтаній и проказъ.
Кой-что я выпишу для васъ.

Альбомъ Онегина.

1.

Меня не любятъ и клеветуютъ
Въ кругу мужчинъ несносенъ я
Дѣвчонки предо мной трепещутъ—
Косятся дамы на меня
За что? за то, что разговоры
Принять мы рады за дѣла
Что вздорнымъ людямъ важны вздоры,
Что глупость вѣтрена и зла
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ нѣ смѣшить,
Что умъ любя просторъ тѣснить.

2.

Бойтесь вы Граф[ини]—овой
Сказала мнѣ Элиза В.
Да, возразилъ Н. Н. суровый,
Боймся мы Гр-[афини]—овой;
Какъ вы бойтесь наука.

3.

Въ Коранѣ много мыслей здравыхъ.
Вотъ напримѣръ: Предъ каждымъ сномъ
Молись; бѣги путей лукавыхъ;
Что Бога и не спорь съ глупцомъ.

4.

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
Въ ручьѣ Кавказскомъ каменьветъ;
Въ вольненьѣ жизни такъ мертвѣетъ
И вѣтрепой и пѣжнѣй правъ.

5.

Шестаго. Былъ у В. на балѣ
Довольно пусто было въ залѣ—
Р. С. какъ Ангелъ хороша:
Какая вольность въ обхожденьѣ!
Въ улыбкѣ, въ томномъ глазѣ движенъи
Какая пѣга и душа!
(Она сказала, Nota bene,—
Что завтра ѣдетъ къ Селименѣ)

6.

Вечоръ сказала мнѣ Р. С.
Давно желала я васъ видѣть
Зачѣмъ?—мнѣ говорили всѣ,
Что я васъ буду ненавидѣть.
За что?—за рѣзкій разговоръ,
За легкомысленное мнѣнье
О всемъ; за колкое презрѣнье
Ко всѣмъ; однако жъ это вздоръ.

Вы надо мной смѣяться властны,
Но вы совсемъ не такъ опасны
И знали ль вы до сей поры,
Что просто—очень вы добры?—

7.

Сокровища роднаго слова
Замѣтать важные умы
Для лепетанія чужаго
Безумно пренебрегли мы
Мы любимъ Музъ чужихъ игрушки
Чужихъ нарѣчій погремужки
А не читаемъ книгъ своихъ—
Да гдѣ жъ опи? давайте ихъ.
А гдѣ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли
Гдѣ повѣряли испытанья
Гдѣ узнаемъ судьбу земли
Не въ переводахъ одичалыхъ
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ
Гдѣ Русскій умъ и Русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ.

8.

Морозъ и солнце! чудный день—
Но нашимъ дамамъ видно лѣнь
Сойти съ крыльца и падъ Невою
Блеснуть холодною красотою—
Сидятъ—напрасно ихъ манитъ
Пескомъ усыпанный гранитъ.
Умна восточная система,
И правъ обычай стариковъ:
Онѣ родились для Гарема
Иль для неволи теремовъ.

9.

(Вчера, у В.)—оставя пиръ
Р. С. летѣла какъ Зефиръ,
Не внемля жалобамъ и пѣнямъ;
А мы по лаковымъ ступенямъ
Летѣли шумною толпой
За Одалиской молодой
Послѣдній звукъ послѣдней рѣчи
Я отъ нее поймать успѣлъ;
Я чернымъ соболемъ одѣлъ
Ея блистающія плечи
На кудри милой головы
Я шаль зеленую накинулъ;
Я предъ Венерою Невы
Толпы влюбленную раздвинулъ.

10.

. . . я васъ люблю, etc.

11.

Сегодня былъ я ей представленъ,
Глядѣлъ на мужа съ полчаса:
(Онъ важенъ); красить волоса;
Онъ чиномъ отъ ума избавленъ.

12.

Когда бы грузъ меня гнетущій
Былъ страсть, пещастіе . . . .
Такъ, напряженьемъ воли твердой
Мы страсть безумную смиримъ,
Бѣду снесемъ душою гордой,
Печаль надеждой усладимъ...
Но скуку? чѣмъ ее смиримъ?

13.

Вчера былъ день довольно скучный;
Чего же такъ хотѣлось ей?
Сказать ли первыя три буквы:
К—л—ю—к.лю... возможно ль? клюквы!

14.

Конечно, презирать не трудно
Отдѣльно каждаго глупца,
Сердиться также безразсудно
И на отдѣльнаго страмца;
Но въ кучкѣ какъ-то мудрено
Всѣхъ вмѣстѣ презирать и трудно
Ихъ эпиграммы площадныя
Изъ Bievri'аны занятыя...

15.

Строгій свѣтъ
Смягчить свои предубѣжденья
Иль простить мнѣ заблужденья,
Давно минувшихъ, темныхъ лѣтъ.

16.

Порой [одно] воспоминанье
Какъ тѣнь опять бѣжитъ ко мнѣ...
Грызеть мнѣ сердце въ тишинѣ.

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТЪ ВО ВРЕМЯ ЕВГЕНІЯ ОНЕГИНА.

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА КЪ «ЕВГЕНІЮ ОНЕГИНУ».

[Изъ изданій отдѣльных главъ и изъ полного изданія всего романа—Спб., 1833].

1) Писано въ Бессарабіи.

2) Dandy—франтъ.

3) Миѣніе, будто бы Овидій былъ сосланъ въ изгнѣніи Акерманъ, ни на чемъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ *Ex ponto*, онъ ясно означаетъ мѣсто пребыванія городъ *Томы* при самомъ устьѣ Дуная. Столь же несправедливо и миѣніе Вольтера, полагающаго причиной его изгнанія тайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ, а развратная Юлія, десять лѣтъ тому прежде, была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ не что иное, какъ догадки. Поэтъ сдержалъ свое слово и тайна его съ нимъ умерла:

Alterius facti culpa silenda mihi.

4) Шляпа à la Bolivar.

5) Извѣстный рестораторъ.

6) Черта охлажденнаго чувства, достойная Чальдъ-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе Поэзіи, нежели во всей Французской Литературѣ.

7) Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençai de le croire. non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau.

Confessions de J. J. Rousseau.

Гриммъ опередилъ свой вѣкъ: нѣтъ во всей просвѣщенной Европѣ чистѣе погги особенной щеточкой.

8) Нельзя не пожалѣть, что наши писатели слишкомъ рѣдко справляются съ словаремъ Россійской Академіи. Онъ останется вѣчнымъ памятникомъ попечительной воли Екатерины и просвѣщеннаго труда наслѣдниковъ Ломоносова, строгихъ и вѣрныхъ опекуновъ языка отечественнаго. Вотъ что говоритъ Карамзинъ въ своей рѣчи:

«Академія Россійская ознаменовала самое начало бытія своего твореніемъ, важнѣйшимъ для

языка, необходимымъ для авторовъ, необходимымъ для всякаго, кто желаетъ предлагать мысли съ ясностію, кто желаетъ понимать себя и другихъ. Полный словарь, изданный Академіею, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иностранцевъ. Наша, безъ сомнѣнія счастливая, судьба, во всѣхъ отношеніяхъ есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія славилась уже многими великими писателями, еще не имѣя словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академіи Флорентинской и Парижской. Екатерина Великая... кто изъ насъ и въ самый цвѣтущій вѣкъ Александра I можетъ произносить имя Ея безъ глубокаго чувства любви и благодарности?... Екатерина, любя славу Россіи, какъ собственную, и славу побѣдъ, и мирную славу разума, приняла сей счастливый плодъ трудовъ Академіи съ тѣмъ лестнымъ благоволеніемъ, коимъ Она умѣла награждать все достохвальное, и которое осталось для насъ, милостивые государи, незабвеннымъ, драгоценнѣйшимъ воспоминаніемъ».

9) Вся сія пролическая строфа не что иное, какъ тонкая похвала прекраснымъ нашимъ соотечественникамъ. Такъ Буало, подъ видомъ укоризны, хвалитъ Людовика XIV. Наши дамы соединяютъ просвѣщеніе съ любезностію и строгую чистоту нравовъ съ этою восточною прелестію, столь извѣстною г-жу Сталь. (См. *Dis ans d'éveil*).

10) Читатели помнятъ прелестное описаніе Петербургской ночи въ идилліи Гиббича:

Вотъ ночь: но не меркнуть златистыя полосы
облакъ.
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца вся озаряется даль-
ностію.
На взморьѣ далеко въ сребристыя видны вѣтрила
Чуть видныхъ судовъ, какъ по спящему небу плывущихъ.
Синьемъ безсумрачнымъ небо ночное сіяетъ,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока:
Какъ будто ленища за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
днѣ.
Сумяное утро. Была то година златая,
Какъ дѣтніе дни похищаютъ владычество ночи;
Какъ взоръ иностранца на сѣверномъ небѣ плывающа
Синьне волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
Какимъ никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алые щекки
Вдвѣ отбѣгаются русыми локонами волнами.
Когда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ
видать
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;
Когда Филомела полночныя пѣсни дини кончитъ,
И пѣсни заводитъ, привѣтствуя день восходящій.
Но поздно; повѣяла свѣжесть на Невскія тундры;
Роса опустилась;
Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячею ве-
селъ,
Нева не колышетъ; развѣхались гости градскіе;
Ни гласа на брегѣ, ни зыби на волгѣ, все тихо:
Вѣшь изрѣдка гулъ отъ мостовъ пробѣгающихъ надъ
водою;
Вѣшь крикъ протяженный изъ дальней промчится
деревни,

Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.
Все спитъ . . . . .

11) Въявь богиню благосклонну
Зрѣть восторженный пѣитъ,
Что проводить ночь безсонну,
Оперниши на гранитъ.
(Муравьевъ. *Богиня Песнь*).

12) Писано въ Одессѣ.

13) Авторъ, со стороны матери, происхожденія Африканскаго. Его прадѣдъ, Абрамъ Петровичъ Аннибалъ на 8-мъ году своего возраста былъ похищенъ съ береговъ Африки и привезенъ въ Константинополь. Россійскій посланникъ, выручивъ его, послалъ въ подарокъ Петру Великому, который крестилъ его въ Вильнѣ. Вслѣдъ за нимъ братья его прѣзжали сперва въ Константинополь, а потомъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ; но Петръ I не согласился возвратитъ своего крестника. До глубокой старости Аннибалъ помнилъ еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьевъ, изъ коихъ онъ былъ меньшой; помнилъ, какъ ихъ водили къ отцу съ руками, связанными за спину, между тѣмъ, какъ онъ одинъ былъ свободенъ и плакалъ подъ фонтанами отеческаго дома; помнилъ также любимую сестру свою *Лаганъ*, ильвину издали за кораблемъ, на которомъ онъ уезжалъ.

18-ти лѣтъ отъ роду Аннибалъ посланъ былъ Царемъ во Францію, гдѣ и началъ свою службу въ арміи Регента; онъ возвратился въ Россію съ разрубленною головою и съ чиномъ французскаго лейтенанта. Съ тѣхъ поръ находился онъ неотлучно при особѣ Императора. Въ царствованіе Анны, Аннибалъ, личный врагъ Бирона, посланъ былъ въ Сибирь подъ благовиднымъ предлогомъ. Наскуча безлюдствомъ и жестокостію климата, онъ самовольно возвратился въ Петербургъ и явился къ своему другу Миниху. Минихъ изумился и совѣтовалъ ему скрыться немедленно, Аннибалъ удалился въ свои помѣстья, гдѣ и жилъ во все время царствованія Анны, считался въ службѣ и въ Сибири. Елизавета, вступивъ на престолъ, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибалъ умеръ уже въ царствованіе Екатерины, уволенный отъ важныхъ занятій службы съ чиномъ Генераль-Аншефа, на 92 г. отъ рожденія.

Въ Россіи, гдѣ память замѣчательныхъ людей скоро исчезаетъ по причинѣ недостатка историческихъ записокъ, странная жизнь Аннибала извѣстна только по семейственнымъ преданіямъ.

Сынъ его Генераль-Лейтенантъ П. А. Аннибалъ принадлежитъ безспорно къ числу отличнѣйшихъ людей Екатерининскаго вѣка (умеръ 1800 г.).

14) Всѣ пропуски въ семъ сочиненіи, означенныя точками, сдѣланы самимъ авторомъ.

15) Изъ первой части ДиВпровской Русалки.

16) Сладкозвучнѣйшія греческія имена, каковы, напримѣръ: Агаѳонъ, Филать, Федора, Фекла и проч., употребляются у насъ только между простонародными.

17) Грандисонъ и Дюлакъ, герои двухъ славныхъ романовъ.

18) Si j'avois la folie de croire encor e au bonheur, je le chercherois dans l'habitude. (Шатобрианъ).

Мы современемъ надѣемся издать полную его біографію.

19) Бѣдный Юрикъ! восклицаніе Гамлета надъ черепомъ шута (См. Шекспира и Стерна).

20) Въ прежнемъ изданіи, вмѣсто *домой летятъ*, было ошибкою напечатано *зимой летятъ* (что не имѣло никакого смысла) Критики, того не разобравъ, находили анахронизмъ въ слѣдующихъ строфахъ. Слѣдуетъ увѣрить, что въ нашемъ романѣ время расчислено по календарю.

21) Юлія Вольмаръ, Новая Элизе. Малекъ-Адель—герой посредственнаго романа М-ше Cottin. Густавъ де-Линоръ, герой прелестной повѣсти Баронессы Крюднеръ.

22) Вампиръ, повѣсть, неправильно приписанная лорду Байрону. Мельмотъ, гениальное произведеніе Матюрина. Jean Sbogar, извѣстный романъ Карла Нодье.

23) *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate*. Скромный Авторъ нашъ перевелъ только первую половину славнаго стиха.

24) Журналъ, нѣкогда издаваемый покойнымъ А. Измайловымъ довольно несправно. Издатель однажды печатно извинился передъ публичною тѣмъ, что онъ на праздникахъ *гулялъ*.

25) Е. А. Баратынскій.

26) Четвертая и пятая главы вышли въ свѣтъ, съ слѣдующимъ посвященіемъ П. А. Илтенву: [См. т. III, стр. 269. *Ред.*].

27) Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать *дѣвою* простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни, немного ниже, названы *дѣвочками*!

28) «Это значитъ», замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ критиковъ: «что мальчишки катаются на конькахъ». Справедливо.

29) Въ дѣта красныя мои
Поэтическій Ан
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Силь подобіемъ любви
Или юности безумной, и проч.
(*Посланіе къ Л. И.*)

30) Августъ Лафонтенъ, Авторъ множества семейственныхъ романовъ.

31) См.: *Первый шагъ*, стихотвореніе Князя Вяземскаго.

32) См.: описанія Финляндской Зимы въ Эдѣ Баратынскаго.

33) Зоветъ котъ кошку
Въ пещурку спать.

Предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрекаетъ смерть.

34) Такимъ образомъ узнаютъ имя будущаго жениха.

35) Въ журналахъ осуждали слова: *хлопъ*, *мопъ* и *топъ*, какъ неудачное нововведеніе. Слова сіи коренныя Русскія. «Вышелъ Бова изъ шатра прохладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую моль и конскій топъ». (*Сказка о Бовѣ Коровичѣ*). *Хлопъ* употребляется въ просторѣчій. вмѣсто *хлопаніе*, какъ *шипъ* вмѣсто *шипѣніе*.

Онъ шипъ пустилъ по змѣиноу.
(*Древнія Русскія стихотворенія*).

Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.

36) Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, находитъ въ этихъ стихахъ непонятную для насъ неблагопристойность.

37) Гадательныя книги издаются у насъ подъ фирмою Мартына Задеки, почтеннаго человѣка, не писавшаго никогда гадательныхъ книгъ, какъ замѣчаетъ Б. М. Федоровъ.

38) Народія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова:
Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою—
и проч.

39) Буяновъ мой сосѣдъ

Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми
усами,
Растрепанный, въ пуху, въ картузѣ съ
козырькомъ...
(*Опасный Сосѣдъ*).

40) Наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола, сильно осуждали неприличіе сего стиха.

41) Парижскій рестораторъ.

42) Стихъ Грѣбодова.

43) Славный ружейный мастеръ.

44) Въ первомъ изданіи шестая глава оканчивалась слѣдующимъ образомъ:

А ты, младое вдохновеніе.

[и т. д.—см. стр. 294—95, строфы XLVI и XLVII *Ред.*].

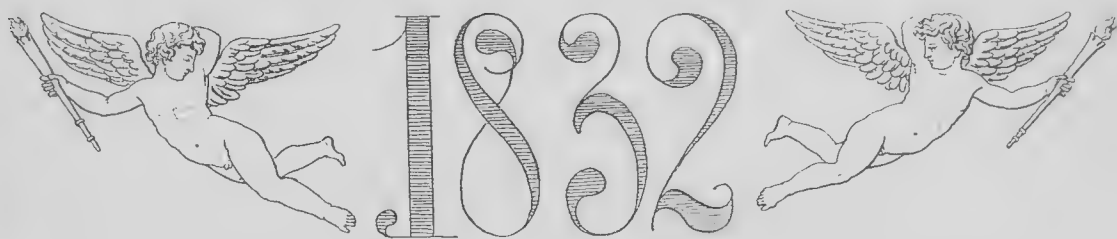
45) Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной.

46) Дороги наши—садъ для глазъ
Деревя, съ дерномъ валъ, канавы;
Работы много, много славы,
Да жалъ, проѣзда нѣтъ подъ часть.
Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,
Проѣзжимъ мало барыша;
Дорога, скажешь, хороша—
И вспомнишь стихи: *для проходившихъ!*
Свободна Русская Ёзда
Въ двухъ только случаяхъ: когда
Нашъ *Макъ-Адамъ*, или *Макъ-Ева*
Зима свершитъ, треща отъ гнѣва,
Опустошительный набѣгъ,
Путь окуетъ чугуномъ льдистымъ,
И запорошитъ ранній снѣгъ
Слѣды ея пескомъ пушистымъ,
Или когда поля пройметъ
Такая знойная засуха,
Что черезъ лужу можетъ въ бродъ
Пройти, глаза зажмуривъ, муха.
(*Станція Князь Вяземскій*).

47) Сравненіе, заимствованное у К**, столь извѣстнаго и привѣстнаго воображенія. К... разсказывалъ, что будучи однажды посланъ курьеромъ отъ Князя Потемкина къ Императрицѣ, онъ ѣхалъ такъ скоро, что шпала его, высунувшись концемъ изъ телѣжки, стучала по верстамъ, какъ по чашечкѣ.

48) *Rout*, вечернее собраніе безъ танцевъ, собственно значитъ толпа.

49) Извѣстный рестораторъ въ Одессѣ.

686. НѢТЬ, Я НЕ ДОРОЖУ МЯТЕЖНЫМЪ НАСЛАЖДЕНЬЕМЪ.

НѢть, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, пзступленьемъ,
Стенаньемъ, криками вакханки молодой,
Когда, вѣясь въ моихъ объятіяхъ змѣей,
Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою лобзаній
Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганій.

О какъ милѣе ты, смиренница моя,
О какъ мучительно тобою счастливъ я,
Когда, склонясь на долгія моленія,
Ты предаешься мнѣ нѣжна безъ упоенья,
Стыдливо холодна, восторгу моему
Едва отвѣтствуешь, не внемлешь ничему,
И разгораясь потомъ все болѣ, болѣ—
И дѣлишь наконецъ мой пламень по-неволѣ.

687. ВЪ ТРЕВОГѢ ПЕСТРОЙ И БЕЗПЛОДНОЙ.

[Въ Альбомѣ А. О. Россетти].

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большаго свѣта и Двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный,
И какъ дитя была добра,
Смѣялась надъ толпою вздорной—
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо на-бѣло.

688. ГОНИМЫЙ РОКА САМОВЛАСТЬЕМЪ.

[Въ Альбомѣ].

Гонимый рока самовластьемъ
Отъ пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать съ участиемъ
То мѣсто, гдѣ цвѣтете вы.
Столичный шумъ меня тревожитъ:
Всегда въ немъ грустно я живу—
И ваша память только можетъ
Одна напоминать мнѣ Москву.

689. НѢТЬ, НѢТЬ, НЕ ДОЛЖЕНЪ Я, НЕ СМѢЮ, НЕ МОГУ.

НѢть, нѢть, не долженъ я, не смѢю,
не могу
Волеи́ямъ любви безумно предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
НѢть, полно мнѣ любить! Но почему жъ
порой
Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда печально пройдетъ предо мной
Младое, чистое, небесное созданье?

Пройдетъ и скроется!... Ужель не можно
мнѣ,
Любуясь дѣвою въ томлени сладострастья,
Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ еѣ желать всѣ блага жизни
сей:
Вселяя, миръ-души, безпечные досуги,
Все... даже счастье того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

690. ВЪ Еврейской хижинѣ лампада [не закончено].

Въ Еврейской хижинѣ лампада
Въ одномъ углу горитъ;
Передъ лампадою старикъ
Читаетъ Библию. Сѣдые
На книгу падаютъ влася.
Надъ колыбелію пустой
Еврейка плачетъ молодая.
Въ другомъ углу, главой
Поникнувъ, молодой Еврей
Глубоко въ думу погруженъ.
Въ печальной хижинѣ старушка
Готовитъ скудную трапезу.
Старикъ, закрывъ святую книгу,
Застежки мѣдныя сомкнулъ.

Старуха ставитъ бѣдный ужинъ
На столъ, и всю семью зоветъ:
Никто нейдетъ, забывъ о пищѣ.
Текутъ въ безмолвіи часы.
Уснуло все подъ сѣбною ночи;
Еврейской хижинѣ одной
Не посѣтилъ отрадный сонъ.
На колокольнѣ городской
Бьетъ полночь.—Вдругъ рукой тяжелой
Стучатся къ нимъ—семья вздрогнула.
Младой Еврей встаетъ и дверь
Съ недоумѣньемъ отворяетъ—
И входитъ незнакомый странникъ...

691. А Л Ы Ф О Н С Ъ [не закончено].

Альфонсъ садится на коня;
Ему хозяинъ держитъ стремя,
«Сеньоръ, послушайте меня:
Пускаться въ путь теперь не время,
Въ горахъ опасно, ночь близка,
Другая вента далека,
Останьтесь здѣсь: готовъ вамъ ужинъ;
Въ каминѣ разложенъ огонь;
Постеля есть—покой вамъ нуженъ,
А къ стойлу тянется вашъ конь.»
— «Мнѣ путешествіе привычно
И днемъ, и ночью—былъ бы путь»,
Тотъ отвѣчаетъ.—«Неприлично
Бояться мнѣ чего-нибудь.
Я дворянинъ: ни чертъ, ни воры
Не могутъ удержать меня,
Когда сиѣшу на службу я».
И донъ-Альфонсъ коню далъ шпоры,
И ѣдетъ рысью. Передъ нимъ
Одна идетъ дорога въ горы
Ущельемъ тѣснымъ и глухимъ.
Вотъ выѣзжаетъ онъ въ долину...
Какую жъ видитъ онъ картину?

Кругомъ пустыня, дичь и голь,
А въ сторонѣ торчитъ глаголь,
И на глаголѣ томъ два тѣла
Висятъ. Закаркавъ, отлетѣла
Ватага черная воронъ,
Лишь только къ нимъ подѣхалъ онъ.

То были трупы двухъ гитановъ,
Двухъ славныхъ братьевъ-атамановъ,
Давно повѣшенныхъ и тамъ
Оставленныхъ въ примѣръ ворами.
Дождями небо ихъ мочило,
А солнце знойное сушило,
Пустынный вѣтеръ ихъ качалъ,
Клевать ихъ воронъ прилеталъ.
И шла молва въ простомъ народѣ,
Что, обрываясь по почамъ,
Они до утра, на свободѣ
Гуляли, мстя своимъ врагамъ...
Альфонсовъ конь всхрапѣлъ—и бокомъ
Прошелъ ихъ мимо—и потомъ
Понесся рѣзво легкимъ скокомъ
Съ своимъ безстрашнымъ сѣдокомъ.

КНЯЗНА АННА ДАВЫДОВНА АБАМЕЛЕКЪ,
ПОЗДНѢ БАРАТЫНСКАЯ.

692. КОГДА-ТО, ПОМНЮ, СЪ УМИЛЕНЬЕМЪ.
[Князь А. Д. Абамелекъ].

Когда-то, помню, съ умиленьемъ,
Я смѣлъ васъ нянчить съ восхищеньемъ:
Вы были дивное дитя,
Вы разцвѣли: съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ трепетомъ ношусь,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянька старая, горжусь.

693. И ДАЛѢ МЫ ПОШЛИ. [Подражаніе Данту].

I.

И далѣ мы пошли—и страхъ обнялъ меня.
 Бѣсенокъ, подѣ себя поджавъ свое копыто,
 Крутилъ ростовщика у адекаго огня.
 Горячій копалъ жиръ въ конченное корыто,
 И лопалъ на огнѣ печеный ростовщикъ.
 А я: повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто?
 Виргилій мнѣ: мой сынъ, сей казни смыслъ великъ;
 Одно стяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
 Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой старикъ.
 И ихъ безжалостно крутилъ на нашемъ свѣтѣ.
 Тутъ грѣшникъ жареный протяжно возопилъ:
 «О, если бѣ я теперь тонулъ въ холодной Летѣ,
 «О, если бѣ зимній дождь мнѣ кожу остудилъ!
 «Сто на сто я терплю: прощентъ немовѣрный!»
 Тутъ звучно лопнулъ онъ—я взоры потушилъ.
 Тогда услышалъ я (о, диво) запахъ скверный,
 Какъ будто тухлое разбилося яйцо,
 Иль карантинный стражъ курилъ жаровней сѣрной.
 Я, носъ себѣ зажавъ, отворотилъ лицо.
 Но мудрый вожь тащилъ меня все далѣ, далѣ—
 И, камень приподнявъ за мѣдное кольцо,
 Сошли мы внизъ—и я узрѣлъ себя въ подвалѣ....

II.

Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой,
 Подобный издали ватагѣ муравьиной;
 И бѣсы тѣшились проклятою игрой:
 До свода адекаго касалася вершиной
 Гора стеклянная, гладкая, крутая, острая—
 И разлегалася надъ темною равниной;
 И бѣсы, раскаливъ какъ жаръ чугуна ядра,
 Пустили внизъ его смердящими когтями.
 Ядро запрыгало—и гладкая гора,
 Звеня, растрескалась колючими звѣздами;
 Тогда другихъ чертей нетерпѣливый рой
 За жертвой кинулся съ ужасными словами.
 Схватили подѣ-руку жену съ ея сестрой,
 И обнажили ихъ, и внизъ пихнули съ крикомъ—
 И обѣ, сидючи, пустились внизъ стрѣлой:
 Порывъ отчаянья являлъ ихъ въ воплѣ дикомъ;
 Стекло ихъ рѣзало, вшивалось въ тѣло имъ—
 А бѣсы прыгали въ веселіи великомъ.
 Я издали глядѣлъ—смущеніемъ томимъ.

.....

694. ДОЛГО СИХЪ ЛИСТОВЪ ЗАВѢТНЫХЪ. [Въ Альбомѣ].

Долго сихъ листовъ завѣтныхъ
 Не касался я перомъ;
 Виновать, въ столѣ моемъ
 Ужъ давно безъ строкъ привѣтныхъ
 Залежался твой альбомъ.
 Въ именины, очень кстати,
 Пожелать тебѣ я радъ

Много всякой благодати,
 Много сладостныхъ отрадъ,
 На Парнасѣ много грома,
 Въ жизни много тихихъ дней,
 И на совѣсти твоей
 Ни единого альбома
 Отъ красавицъ, отъ друзей.

ПОСЛѢ ССЫЛКИ ВЪ МОСКВѢ.

При самыхъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ встрѣтилъ Пушкинъ 1826 годъ. Началось слѣдствіе надъ декабристами, и Пушкинъ боялся, что оно не только помѣшаетъ его освобожденію изъ Михайловскаго, о которомъ онъ уже давно сталъ хлопотать, но, пожалуй, задѣнетъ его гораздо ближе. «Я отъ жандарма еще не ушелъ»,—писалъ онъ Жуковскому въ январѣ. Пушкинъ былъ увѣренъ, что правительство не сможетъ заподозрить его въ участіи въ заговорѣ, но боялся кары за «педонесеніе»,—хотя «кто же кромѣ полиціи и правительства не зналъ о немъ?» И поэтъ былъ «готовъ условливаться» съ правительствомъ и хотѣлъ выговорить себѣ почетныя «условія сдачи»: «мое будущее поведеніе зависить отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства». Дельвигу онъ вскорѣ писалъ уже нѣсколько увѣривъ тонъ, что «выполнивъ и искренно желая бы примириться съ правительствомъ, и, конечно, это ни отъ кого, кромѣ его, не зависить. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны». Серьезно думая, что правительство намѣрено договориваться съ нимъ объ условіяхъ капитуляціи, онъ послалъ Жуковскому оффиціальное письмо (17 марта), которое тотъ долженъ былъ показать молодому царю. «Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей, политическій и религіозный»,—писалъ Пушкинъ,—«я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости». Конечно, представить Николаю Павловичу такого письма Жуковскій не хотѣлъ въ интересахъ самого Пушкина и указалъ ему, откуда можно ждать бѣды: «ты ни въ чемъ не замѣшанъ—это правда. Но въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ находятся стихи твои. Это худой способъ подружиться съ правительствомъ». Помню этого, сами декабристы говорили о влияніи на нихъ

Пушкина. «Кто изъ молодыхъ людей, нѣсколько образованныхъ»,—писалъ Николаю Павловичу баронъ Штейнгель — «не читалъ и не увлекался сочиненіями Пушкина, дышущими свободой?» Другой декабристъ, А. В. Поджіо, говоря о Рылѣевѣ, показалъ, что онъ хотѣлъ «дѣйствовать на умъ народа сочиненіемъ пѣсень, пародіями существующихъ иныхъ на подобіе «Боже, спаси царя», Пушкинымъ пародированной...¹⁾». Вяземскій, которому Пушкинъ писалъ (27 мая): «если царь дастъ мнѣ свободу, то я мѣсяца не останусь» (въ Россіи), совѣтовалъ ему (письмо 12 июня): «написалъ бы къ государю письмо искреннее, убѣдительное; сознался бы въ шалостяхъ языка и пера съ указаніемъ однакоже, что поступки твои не были сообщниками твоихъ словъ, ибо ты остался цѣлъ и невредимъ въ общую бурю; обѣщалъ бы держать впредь языкъ и перо на привязи, посвящая все время свое на одни занятія, которыя могутъ быть признаваемы, (а пуще всего сдержалъ бы свое слово) и просилъ бы дозволенія ѣхать лѣчиться въ Петерб., Москву или чужіе края». Пушкинъ отвѣчалъ (10 іюля): «я уже писалъ Царю тотчасъ по окончаніи слѣдствія, заключаая прошеніе точно твоими словами. Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились, это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перекресткѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова. Если бъ я

¹⁾ Н. Е. Щеголевъ, «Катехизисъ Сергія Муравьева-Апостола» — «Минувшіе Годы» 1908 г., ноябрь, 52. По мнѣнію Щеголева, показаніемъ Поджіо «устанавливается авторство Пушкина». Непонятно, почему г. Щеголевъ принимаетъ безъ критики показаніе Поджіо, который могъ (и, вѣрнѣе всего, такъ оно и было) добросовѣстно ошибаться, считая Пушкина авторомъ пародій. Что только не приписывалось популярному поэту!

былъ потребованъ комиссіей, то я бы, конечно, оправдался, но меня оставили въ покоѣ, и кажется, это не къ добру. Вирочемъ, чортъ знаетъ». Къ слѣдствію Пушкина не привлекли. Историкъ декабрьскаго движенія П. Е. Щеголевъ рассказываетъ ²⁾, что, «задавая на основаніи показанія Поджіо (о Пушкинѣ) вопросъ привлеченнымъ къ дѣлу, комиссія его слова такъ и поняла, что Пушкинъ былъ на собраніи и на собраніи же пародировалъ «Боже, спаси царя». Такъ какъ собраніе это происходило въ Петербургѣ въ 1823 г., то самой слѣдственной комиссіи, вѣроятно, нетрудно было установить его alibi. Во всякомъ случаѣ, правительство далеко не считало его безопаснымъ. По такому невинному поводу, какъ принятіе на себя П. А. Плетневымъ наблюденія за печатаніемъ стиховъ Пушкина, возникла секретная официальная переписка, и за благонамѣреннѣйшимъ Плетневымъ былъ установленъ надзоръ ³⁾. Еще въ началѣ 1826 г. секретный агентъ, по разсказу Анненкова ⁴⁾, при проѣздѣ черезъ Псковъ собралъ тамъ «точные и положительные свѣдѣнія» о поэтѣ. При всей бдительности, мѣстные власти не замѣчали ничего предосудительнаго въ жизни поднадзорнаго Михайловскаго отшельника. Друзья Пушкина были увѣрены, что онъ будетъ освобожденъ изъ ссылки. «Пушкина вѣрно пустятъ на всѣ четыре стороны» — писалъ П. А. Осиповой Дельвингъ, — «но надо сперва кончиться суду» ⁵⁾. Отецъ поэта говорилъ П. И. Липранди ⁶⁾, что Пушкину разрѣшать пріѣздъ въ Петербургъ за поручительствомъ отца. Конецъ и хлопотамъ и сомнѣніямъ положило посланное Пушкинымъ государю прошеніе, дѣйствительно сходное съ тѣмъ, которое было предложено Вяземскимъ, съ той лишь разницей, что Пушкинъ былъ въ своемъ прошеніи относительно довольно сдержанъ. Изложивъ въ нѣсколькихъ строкахъ исторію своей ссылки въ деревню за «легкомысленное сужденіе касательно адепта», Пушкинъ писалъ: «съ надеждой на великодушіе в. и в., съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моимъ мнѣніямъ общепринятому по-

рядку (въ чемъ и готовъ обязатся подпиской и честнымъ словомъ), рѣшился я прибѣгнуть къ в. и в. со всеподданнѣйшею моею просьбою». И, ссылаясь на болѣзнь, Пушкинъ просилъ позволенія ѣхать въ одну изъ столицъ или за границу ⁷⁾. Въ связи съ удостовѣреніемъ генералъ-губернатора, что «Пушкинъ ведетъ себя хорошо» ⁸⁾, и хлопотами петербургскихъ друзей, прошеніе рѣшило судьбу Пушкина.

Между тѣмъ, кончилось трагическимъ финаломъ дѣло декабристовъ. Казнь пяти человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ Рылѣевъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ Пушкина, произвела на поэта тяжелое впечатлѣніе. Вяземскому, который напелъ его письмо къ царю «сухимъ и холоднымъ», онъ отвѣтилъ (14 августа): «иначе и быть не возможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы». Но и этого было достаточно. Прошенію былъ данъ ходъ ⁹⁾, и результаты обнаружались не только быстро, но и совершенно неожиданно.

28 августа, черезъ нѣсколько дней послѣ коронаціи, состоялось высочайшее повелѣніе, которое начальникъ главнаго штаба Дибичъ записалъ такъ: «Пушкина призвать сюда. Для сопровожденія его командировать фельдгегеря. Пушкину позволяется ѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, подъ надзоромъ фельдгегеря, не въ видѣ арестанта» ¹⁰⁾. Черезъ три дня Дибичъ послалъ сообщеніе объ этомъ псковскому губернатору. Оно было получено въ Псковѣ 3 сентября. Трудно сказать, связывалъ ли Пушкинъ разрѣшеніе своей просьбы объ освобожденіи изъ ссылки съ коронаціей, но въ его черновой тетради сохранилась карандашная пометка: «1-го сентября 1826, изв. о корон.» ¹¹⁾. Вечеромъ 3 сентября Пушкинъ получилъ отъ псковскаго губернатора Адеркаса письмо съ просьбой пріѣхать немедленно; привезшій письмо посланецъ в тотъ же вечеръ увезъ поэта въ Псковъ, гдѣ его ждалъ прибывшій изъ Москвы фельдгегеръ. Пушкинъ едва успѣлъ набросить на плечи шинель и захватить съ собой деньги и шутиливо успокаивалъ горько-

²⁾ Тамъ же.

³⁾ И. К. Гротъ, «П. его лицейскіе товарищи и наставники», СПб., 1899 г., стр. 255—256; «Русс. Стар.» 1889 г., июнь, 509—510.

⁴⁾ «П. въ Александровскую эпоху», 320.

⁵⁾ Ibid., 317.

⁶⁾ «Русс. Арх.» 1866 г., стр. 1487.

⁷⁾ Анненковъ, «П. въ Александр. эпоху» 315—316.

⁸⁾ Ibid., 319—320; «Русс. Стар.» 1908 г., октябрь, 116.

⁹⁾ 30 июля генералъ-губернаторъ маркизъ Ф. О. Паулуччи отиравилъ его графу К. В. Несельроде (ibid.).

¹⁰⁾ Анненковъ, «П. въ Александр. эп.», 321.

¹¹⁾ «Русс. Стар.» 1884 г., май, 339.

плакавшую няню: «не плачь, мама, сыты будемъ; царь хоть куда ни пошлетъ, а все хлѣба дастъ»¹²⁾. Няня, подозрѣвавшая что-то недоброе, по отъѣздѣ своего барина и друга бросилась уничтожать предметы, которые казались ей опасными, и, между прочимъ, истребила «сыръ проклятый, отъ котораго такъ скверно пахнетъ»¹³⁾; долго волновалась она и твердила специально выученную по этому случаю молитву «о умиленіи сердца владыки и укрощеніи духа его свирѣпости», какъ писалъ Пушкинъ¹⁴⁾ (вѣроятно, акаѳистъ Покрову Божіей Матери). Внезапный отъѣздъ Пушкина напугалъ и его тригорскихъ друзей, которыхъ онъ на другой день успокоилъ письмомъ изъ Пскова: «у насъ безъ фельдъегеря ничего не умѣють сдѣлать». Получивъ въ Псковѣ очень любезное письмо Дибича (этимъ письмомъ, не безъ проѣвъ говорилъ поэтъ, онъ могъ бы весьма гордиться) и откланявшись мѣстному начальству, Пушкинъ выѣхалъ утромъ 5 сентября¹⁵⁾ въ Москву. Путь этотъ былъ совершенъ съ сказочной быстротой; Анненковъ, считавшій, что Пушкинъ пробылъ въ дорогѣ четыре дня, называетъ эту скорость «молинеобразной»; на самомъ дѣлѣ бѣшеная скачка была еще быстрее, и утромъ 8 сентября Пушкинъ былъ уже въ Москвѣ. «Евгеній Онѣгинъ» разсказалъ намъ, какъ билось сердце Пушкина, когда онъ въѣзжалъ въ родной городъ, который покинулъ еще ребенкомъ: «Ахъ, братья! какъ я былъ доволенъ, когда церковей и колоколенъ, садовъ, чертоговъ полукругъ открылся предо мною вдругъ! Какъ часто въ горестной разлукѣ, въ моей блуждающей судьбѣ, Москва, я думалъ о тебѣ!»...

Фельдъегерь привезъ Пушкина прямо къ дежурному генералу, который, задержавъ его при своей канцеляріи, тотчасъ извѣстилъ Дибича о пріѣздѣ поэта. Тотъ отвѣтилъ: «высочайше повелѣно, чтобы вы привезли его въ Чудовъ дворецъ, въ мои комнаты, къ 4 часамъ пополудни»¹⁶⁾. Въ Чудовомъ дворцѣ жилъ тогда государь, которому въ назначенный часъ и былъ пред-

ставленъ Пушкинъ; въ дорожномъ платьѣ; усталый отъ трехсуточной тряски.

«Свободно, подѣ надзоромъ, не въ видѣ арестанта»... Эти слова можно поставить эпиграфомъ надъ всей исторіей остальныхъ годовъ жизни Пушкина. Такимъ «свободнымъ поднадзорнымъ» вышелъ онъ изъ кабинета Чудовскаго дворца. Сразить Пушкина однимъ ударомъ, какъ были сражены Пестель, Рылѣевъ, Каховскій, возможности не было. Всѣмъ была ясна разница между вожаками бунта и свободолюбивымъ пѣвцомъ, который, на самый худой конецъ, много-много что поддѣлывалъ иногда въ ладъ бунтарямъ. Разумѣется, слѣдственной коммиссіи нетрудно было бы найти поводъ сослать Пушкина, но Николай сумѣлъ понять, какую силу на сторонѣ оппозиціи могъ бы представить собою разгнѣванный гоненіемъ поэтъ. «Милость», оказываемая любимому обществомъ поэту, какъ бы стусевывала скорбную и сравнительно все-таки малозамѣтную тѣнь Рылѣева. Николай понималъ, что рыцарски-благородное сердце Пушкина отзовется на ласку самой горячей благодарностью. Онъ сумѣлъ взять Пушкина въ руки легко и мягко; желѣзная рука Николая Павловича подчасъ облакалась въ бархатную перчатку. «Умный покорилъ мудраго». Младенчески-божественная мудрость гениальнаго пѣвца, человѣка вдохновенія, уступила осторожной тонкости. Пушкинъ, который самъ думалъ о компромиссѣ съ правительствомъ, «объ условіяхъ», вышелъ отъ государя безусловно преданнымъ ему, покореннымъ его личностью. Какъ готовъ былъ Николай Павловичъ смотрѣть на Пушкина, объ этомъ можно судить по его вопросу, что сталъ бы дѣлать поэтъ 14 декабря, если бы находился тогда въ Петербургѣ. Этимъ вопросомъ Николай Павловичъ зондировалъ почву, какъ бы стараясь разгадать, насколько можетъ быть опасенъ Пушкинъ, какъ силенъ въ немъ духъ оппозиціи. Смѣлый отвѣтъ Пушкина: «былъ бы въ рядахъ мятежниковъ» долженъ былъ воочію показать государю, что онъ имѣетъ дѣло съ рыцарски-благородной натурой. Трудно сказать навѣрное, что Пушкинъ такъ бы и поступилъ 14 декабря, но отвѣтить иначе—значило отречься отъ тѣхъ, кого Пушкинъ любилъ и звалъ братьями, друзьями, отречься не отъ ихъ идей, Пушкинъ эти идеи никогда не раздѣлялъ всецѣло и не ощущалъ ихъ могучія влеченія съ жаромъ людей типа Рылѣева или Каховскаго,—но отъ ихъ личностей. Нико-

¹²⁾ К. А. Тимоевъ, «Могила П.—на и с. Михайловское». «Ж. М. П. Пр.» 1859 г., ч. СШ; перепеч. въ «Русск. Стар.» 1899 г., май, 273—274.

¹³⁾ М. Семевскій, «Прогулка въ Тригорское».—«Спб. Вѣдом.» 1866 г.; цитир. по Анненкову, «П. въ Алекс. эп.», 323.

¹⁴⁾ Перевеска П., академич. изд., I, 382.

¹⁵⁾ «Русск. Стар.» 1908 г., октябрь, 117—118.

¹⁶⁾ Анненковъ, ор. с., 324.

лай не могъ не понять чувства, которымъ былъ вызванъ этотъ отвѣтъ. На вопросъ царя, «перемѣнился ли его образъ мыслей и даесть ли онъ слово думать и дѣйствовать иначе», Пушкинъ отвѣтилъ не сразу и послѣ долгаго молчанія, наконецъ, протянулъ государю руку съ общаніемъ «сдѣлаться другичъ». (Такъ рассказывалъ Николай Павловичъ Корфу). Онъ сказалъ Пушкину, что возлагаетъ великія надежды на его гениі, что беретъ на себя цензуру его произведеній, и что дастъ ему серьезныя занятія. Содержаніе бесѣды царя съ поэтомъ¹⁷⁾ извѣстно намъ лишь въ этихъ туманныхъ очертаніяхъ. Впрочемъ, нѣкоторый свѣтъ на нее проливаетъ пушкинская записка о народномъ воспитаніи, о которой будемъ говорить ниже.

Царь и поэтъ другъ на друга произвели хорошее впечатлѣніе. Въ тотъ же вечеръ Николай Павловичъ сказалъ Блудову: «знаешь ли, что я нынче долго говорилъ съ умнѣйшимъ человекомъ въ Россіи?» И такъ какъ Блудовъ недоумѣвалъ, кто бы это могъ быть, царь назвалъ Пушкина. Черезъ недѣлю Пушкинъ писалъ Осиповой: «l'empereur m'a rescu de la manière la plus aimable». Это письмо, первое изъ извѣстныхъ намъ московскихъ писемъ Пушкина, дышитъ упоеніемъ вырвавшимся на волю узника, который спѣшитъ насладиться свободой. Поэтъ говоритъ, что уже устаетъ въ этомъ вихрѣ веселья, но упоенно описываетъ народный праздникъ на Девичьемъ Полѣ и приготовленія къ балу у графини Орловой и тутъ же упоминаетъ о новомъ цензурномъ уставѣ. Извѣстіе о милости, оказанной Пушкину царемъ, произвело сильное впечатлѣніе на семью Пушкиныхъ, сразу проникнулося небывалой до того любовью къ нему. «Какъ счастлива семья твоя»,—писалъ ему благодущный Дельвингъ,—«ты не можешь представить. Особливо мать, она на верху блаженства. Я знаю твою благородную душу, ты не возмудишь ихъ счастья упорнымъ молчаніемъ. Они доказали тебѣ любовь свою»... Замолчали и всевозможные сикофанты. П. Н. Карзинъ, въ одномъ изъ своихъ прежнихъ дописокъ назвавшій Пушкина въ числѣ лицъ, которыхъ считалъ подозрительными, писалъ Николаю Павловичу 18 сентября: «Ваше Имп. Вел. изволите сами замѣтить,

что изъ прежде вышепоименованныхъ лицъ, казавшихся мнѣ сомнительными, Пушкинъ одинъ оказался незамѣшаннымъ въ дѣлѣ, о которомъ да погибнетъ память! Впрочемъ, потому лишь, что онъ былъ побужденъ милосердіемъ, простившимъ ему дерзкія его стихотворенія¹⁸⁾. Въ Москвѣ пріѣздъ Пушкина вызвалъ необычайную сенсацию. Въ разгарѣ коронаціонныхъ торжествъ, среди множества русскихъ и иностранныхъ гостей общее вниманіе останавливалось на Пушкинѣ. Современница¹⁹⁾ рассказывала, что «впечатлѣніе, произведенное на публику появленіемъ Пушкина въ московскомъ театрѣ послѣ возвращенія изъ ссылки можетъ сравниться только съ волненіемъ толпы въ залѣ дворянскаго собранія, когда вошелъ въ нее Ермоловъ, только что оставившій кавказскую армію. Мгновенно разпелась по залѣ вѣсть, что Пушкинъ въ театрѣ; имя его повторялось въ какомъ-то общемъ гулѣ; всѣ лица, всѣ бинокли обращены были на одного человека, стоявшаго между рядами и окруженнаго густою толпой». Когда онъ впервые пріѣхалъ къ Вяземскимъ,—вспоминалъ князь П. П. Вяземскій²⁰⁾,—«Пушкинъ, Пушкинъ пріѣхалъ» раздалось по нашимъ дѣтскимъ, и всѣ, дѣти, учителя, гувернантки, все бросилось въ верхній этажъ, въ пріемныя комнаты, взглянуть на героя дня». С. П. Шевыревъ рассказывалъ: «Москва приняла его съ восторгомъ; вездѣ его носили на рукахъ... Пріѣздъ поэта... составлялъ событіе въ жизни нашего общества... Во всѣхъ обществахъ, на всѣхъ балахъ первое вниманіе устремлялось на нашего гостя... въ мазуркѣ и котильонѣ наши дамы выбирали поэта непрерывно. Пріемъ отъ Москвы Пушкину—одна изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ его біографіи²¹⁾. Пушкинъ сразу сталъ однимъ изъ московскихъ львовъ; его популярность въ старой столицѣ Герценъ²²⁾ сравниваетъ съ популярностью Ермолова, Чаадаева, Мих. Орлова, любимцевъ Москвы.

Ободренный добрымъ расположеніемъ государя, Пушкинъ, которому было самому ясно или, что очень возможно, было свыше дано понять, что царская милость не под-

¹⁸⁾ Сообщеніе Н. К. Кульмана и «Русск. Стар.», 1870 г., II, 534—535.

¹⁹⁾ Л. П. Майковъ, «Пушкинъ», стр. 361.

²⁰⁾ «Къ біографіи А. С. Пушкина», вып. II. М., 1883, стр. 33.

²¹⁾ Майковъ, «П-тъ», 329, 333.

²²⁾ «Былое и думы»—Сочин., II, СПб., 1905, стр. 353.

¹⁷⁾ «Русск. Стар.» 1874 г., августъ 691; 1880 г., январь, 132; 1899 г., августъ, 310; 1900 г., мартъ, 574; Анненковъ, оп. с., 324—325.

лежитъ распространительному толкованію, просилъ позволенія сѣздить въ Петербургъ, и 30 сентября шефъ жандармовъ и начальникъ III отдѣленія собственной Его Имп. Вел. канцеляріи А. Х. Бенкендорфъ, надзору котораго Пушкинъ былъ отнынѣ порученъ, сообщилъ ему, что государь «не только не запрещаетъ прїѣзда въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю — но, — слѣдовала оговорка, — съ тѣмъ только, чтобы предварительно испрашивали разрѣшенія черезъ письмо». При этомъ Бенкендорфъ подтверждалъ Пушкину, что сочиненій его никто, кромѣ государя, разсматривать не будетъ, и передать ему царское порученіе — заняться «предметомъ о воспитаніи юношества». «Вы можете употребить весь досугъ», — писалъ Бенкендорфъ, — «вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія; и предметъ сей», — наставлялъ Бенкендорфъ, — «долженъ представить вамъ тѣмъ обширѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія». Можно думать, что на такой выборъ темы государя навела бесѣда съ Пушкинымъ, и онъ хотѣлъ если не серьезно воспользоваться мыслями поэта то, во всякомъ случаѣ, заставить его высказаться по этому щекотливому предмету; весьма характерно, что Бенкендорфъ заключилъ предложеніе довольно вѣскимъ намекомъ или, вѣрнѣе, просто предупрежденіемъ. Впервые въ жизни Пушкину пришлось писать на заданную тему, да еще на такую, о которой онъ едва ли когда-нибудь серьезно размышлялъ, и при этомъ ни на минуту не терять изъ виду, что малѣйшее уклоненіе отъ строго и точно предписанной ему, несмотря на предоставленную Бенкендорфомъ «свободу», программы можетъ повредить ему въ той сферѣ, сношеніями съ которой онъ добылъ себѣ относительную свободу передвиженія. Черезъ полтора мѣсяца записка была готова. Учтя въ примѣненіи къ печальному прошлому своихъ друзей и къ неизвѣстному собственному будущему «пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія», Пушкинъ съ чрезвычайной легкостью и уступчивостью предложилъ Николаю проектъ реформы воспитательной системы — совершенно не прямымъ и самодовлѣющимъ дѣламъ воспитанія, а видамъ правительства. Съ ужасомъ вспоминалъ онъ о декабристахъ («недостатокъ просвѣщенія и прав-

ственности вовлекъ многихъ молодыхъ людей въ преступныя заблужденія») и съ явнымъ сочувствіемъ — о томъ времени, «лѣтъ пятнадцать тому назадъ», до отечественной войны и европейскихъ походовъ, когда «молодые люди занимались только военною службою, стараясь отличиться одною свѣтскою образованностью или шалостями; литература (въ то время столь свободная) не имѣла никакого направленія... Десять лѣтъ спустя мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политической, литературу (подавленную самою своею цензурою) превратившуюся въ рукописныя пасквили на правительство и въ возмутительныя пѣсни; наконецъ, и тайныя общества, заговоры, замыслы болѣе или менѣе кровавыя и безумныя». Отъ всѣхъ этихъ золъ Пушкинъ совѣтовалъ «защитить новое, возрастающее поколѣніе». Для этого правительство должно взять дѣло воспитанія въ свои руки — «нечего колебаться: во что бы то ни стало подавить воспитаніе частное». Въ кадетскихъ корпусахъ Пушкинъ предлагалъ завести особый институтъ — «полицію, составленную изъ лучшихъ воспитанниковъ». За «похабиую» рукопись, писалъ Пушкинъ, словно совѣмъ забывая про свои лицейскіе годы, слѣдуетъ «положить тягчайшее наказаніе», а за «возмутительную», т. е. содержащую политическій протестъ, попросту исключать. Тѣлесныя наказанія воспитанниковъ Пушкинъ предлагалъ уничтожить, чтобы слишкомъ жестокое воспитаніе не слѣдало изъ нихъ палачей, такъ какъ «они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатами». (Замѣчательно, что противъ послѣдняго гнуснаго «права» Пушкинъ не обмолвился ни словомъ. Едва ли онъ слѣдалъ это потому, что долженъ былъ говорить только объ учебномъ воспитаніи; въ запискѣ онъ говоритъ смѣло и о другихъ предметахъ: «чины слѣдались страстію русскаго народа», «въ Россіи все продажно»... Просто Пушкинъ слишкомъ привыкъ къ обычнымъ картинамъ русскаго военного быта своей глѣзъ, который когда-то съ отвращеніемъ глядѣлъ на нихъ; прошлы тѣ годы, когда онъ хвалилъ Алексѣя и Михаила Орловыхъ за гуманное обращеніе съ солдатами). Забывая о разныхъ «Неопытныхъ перьяхъ» и «Лицейскихъ мудрецахъ», сыгравшихъ такую хорошую роль въ жизни первыхъ лицейстовъ, забывая свои первые литературные дебюты

или, наоборотъ, намекая на свою полную «заблужденій» юность и косвенно испрашивая ей забвенія, Пушкинъ писалъ: «во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, приучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя». Таковы были рекомендуемыя Пушкинымъ мѣропріятія отрицательнаго характера. Отчасти искренно выражая свои мысли, отчасти сознавая, что царь подвергаетъ его экзамену, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая принести пользу, Пушкинъ, вѣроятно, старался какъ можно яснѣе удостоверить свою благонамѣренность. Подъ флагомъ ея онъ высказалъ нѣсколько важныхъ истинъ и далъ нѣсколько дѣйствительно полезныхъ совѣтовъ. Онъ предлагалъ расширить учебныя программы, повысить научныя требованія, ввести въ курсъ правовѣдѣніе, статистику, политическую экономію, исторію (конечно, по Карамзину). Особенное вниманіе Пушкинъ обратилъ на преподаваніе послѣдней. «Не должно, чтобы республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и пмѣли для нихъ прелесть повизны; для этого «можно съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ». Въ концѣ записки авторъ выразилъ надежду, что государь позволитъ ему «подвергнуть предъ нимъ мысли касательно предметовъ болѣе близкихъ и знакомыхъ». Вѣроятно, Пушкинъ разумѣлъ цензуру, которая тогда реформировалась; поэтъ очень интересовался этой реформой²³). Основной принципъ Пушкина былъ выраженъ въ словахъ: «одно просвѣщеніе въ состояніи удержатъ новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія». Но царь не поддавался на «авансы» Пушкина, и записка была принята холодно. Шефъ жандармовъ отвѣтилъ поэту (23 декабря) отъ имени государя, что не просвѣщеніе и не «геній» (о послѣднемъ у Пушкина не сказано ни слова,—это, конечно, прямой уколъ Пушкину) служатъ «основаніемъ совершенству», а «нравственность, прилежное служеніе, усердіе»...²⁴). Подъ флагомъ благонамѣ-

ренности Пушкину не удалось провезти свою небогатую либеральную контрабанду, и записка не принесла никакихъ плодовъ. Пушкинъ ею не угодили. «Миѣ»—говорилъ онъ одному пріятелю²⁵)—«легко было бы написать то, чего хотѣли, но не надобно же пропускать такого случая, чтобы сдѣлать добро»... Но добро, необходимо замѣтить, покупалось немнѣнно дорогой цѣною: условія, при которыхъ Пушкинъ рассчитывалъ провести въ жизнь это добро, должны были только парализовать его дѣйствіе, и правительство, которое отказалось совмѣстить несомнѣнное, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ послѣдовательности.

Портфель Пушкина интересовалъ интеллигентную Москву не меньше, чѣмъ его личность. Всѣ хотѣли знать, что написалъ поэтъ въ своемъ уединеніи. Уже черезъ два дня по пріѣздѣ въ столицу онъ читалъ своего «Годунова» у Веневитиновыхъ. На другой день сынъ хозяевъ, молодой поэтъ, вскорѣ сблизившійся съ Пушкинымъ, говорилъ Погодину: «Борисъ Годуновъ—чудо. У него еще Самозванецъ²⁶), Моцартъ и Сальери, Наталья Павловна, (Графъ Нулинъ) продолженіе Фауста, восьмая нѣснѣ Опѣгива²⁷)». За этимъ чтеніемъ послѣдовалъ рядъ другихъ—у Вяземскаго²⁸), Соболевскаго, опять у Веневитиновыхъ²⁹)... Слушатели вынесли самое восторженное впечатлѣніе. Объ одномъ изъ этихъ чтеній Погодинъ вспоминалъ потомъ: «Мы просто какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы становились дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться... Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пуш-

торый говоритъ царю: «просвѣщенія плодъ—развратъ иль нѣкій духъ мятежный»... и стремится «изъ его державныхъ правъ одну лишь милость ограничить»...

²⁵) Л. Майковъ, «Пушкинъ», 177.

²⁶) «Самозванецъ»—задуманное, но не осуществленное Пушкинымъ продолженіе драматической хрѣстки изъ смутнаго времени, послѣднее въ переданномъ Анненковымъ («Матеріалы», 276) спискѣ предложенныхъ Пушкинымъ драмъ, названіе «Дмитрій и Марина». См. также «Русс. Арх.» 1865 г., 2-ое изд., стр. 1251; «Пушкинъ» Л. Н. Майкова, 331; П. В. Анненковъ, «Литературные проекты А. С. Пушкина»—«Вѣстн. Евр.» 1881 г., июль, стр. 60).

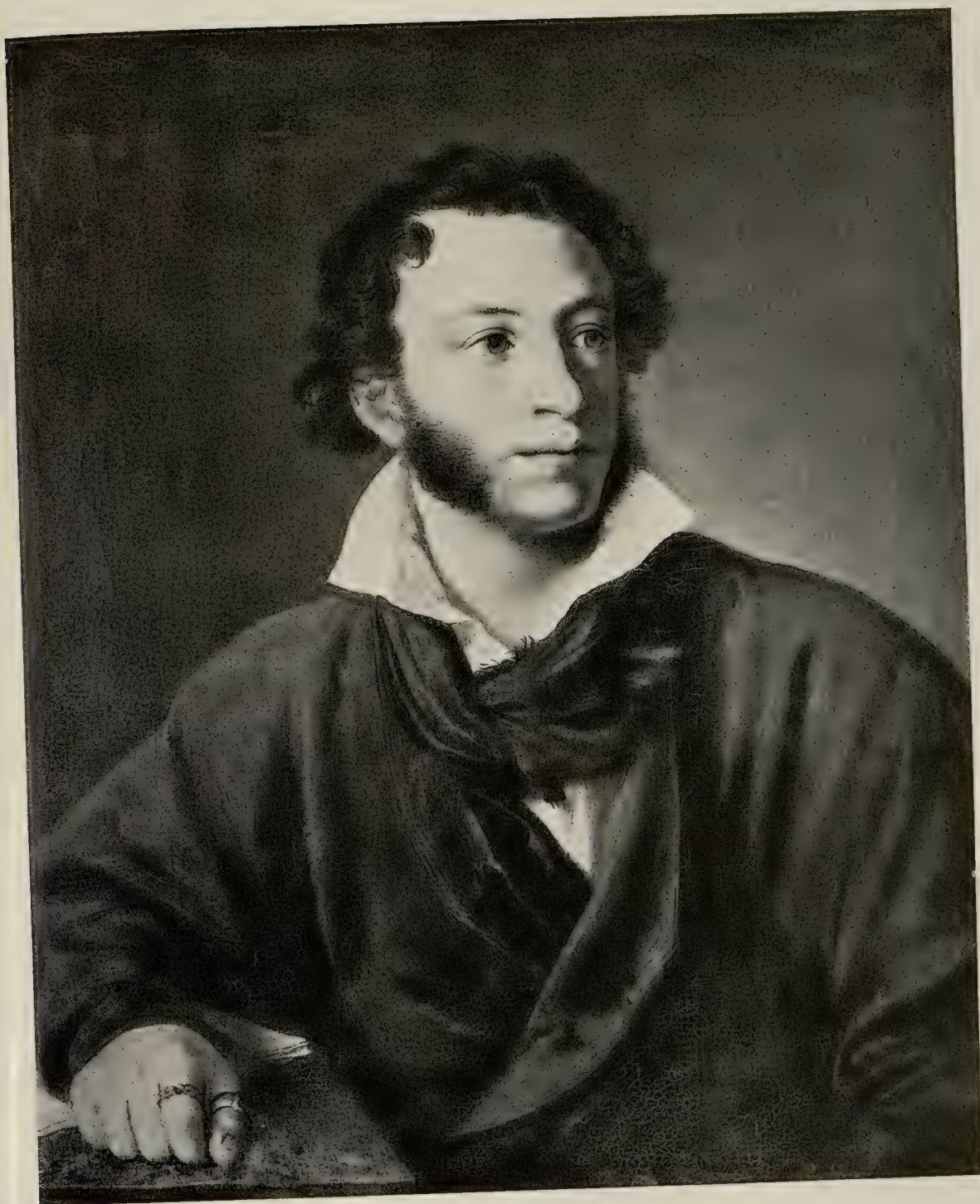
²⁷) Н. Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», II, 42.

²⁸) Сочин. Вяземскаго, X, 266; Переписка Вяземскаго съ А. П. Тургеневымъ, подъ ред. П. Кузьмана, I, 42.

²⁹) «Русс. Арх.» 1865 г., 2-ое изд., 1249—1251. Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», II, 43.

²³) См. его письма къ П. А. Осиповой, 15 сентября, и къ Н. М. Языкову, 9 ноября 1826 г.

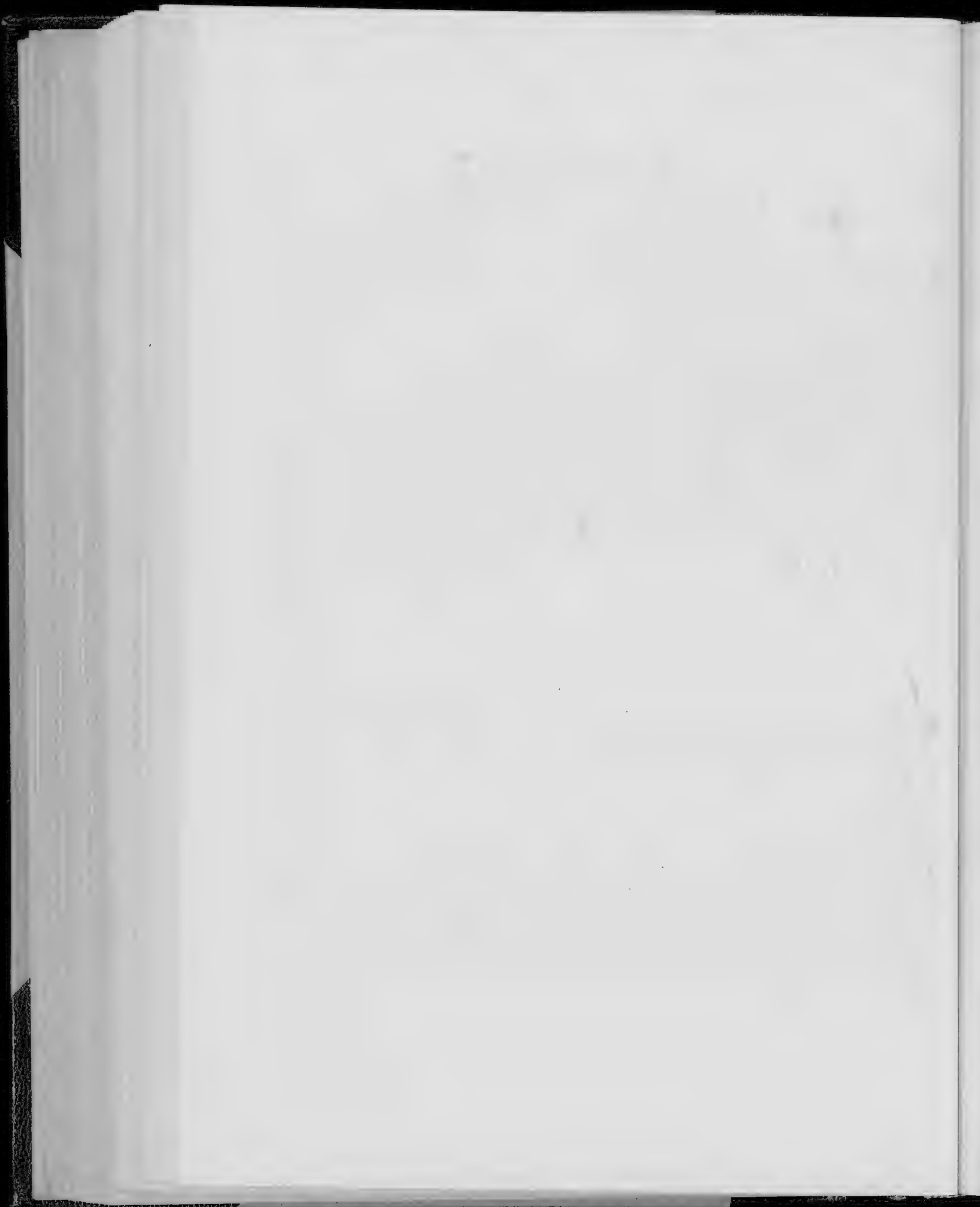
²⁴) Быть можетъ, Пушкинъ, думая о Бенкендорфѣ, когда писалъ («Друзьямъ») о льстецѣ, ко-

ПУШКИНЪ ВЪ 1827 ГОДУ.

Портретъ В. А. Тропинина.

кину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія...³⁰⁾ Вдохновеніе такъ претворяло Пушкина, что онъ показался Шевыреву просто «красавцемъ»³¹⁾. На московскіе восторги молодыхъ друзей всевѣдущій Бенкендорфъ, до котораго дошла вѣсть о чтеніи Пушкинымъ трагедіи, взглянулъ по-своему и послалъ поэту 22 ноября письмо, въ которомъ напоминалъ ему о своемъ прежнемъ письмѣ, гдѣ Пушкину было сообщено, что «первымъ цѣнителемъ» и цензоромъ его сочиненій будетъ государь. Теперь выяснялось точно, что надо разумѣть подъ этой «первой оцѣнкой»:— «обратился я къ вамъ письменно съ объявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы вы въ случаѣ какихъ-либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до печатанія или распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ или чрезъ посредство мое, или даже и прямо Е. И. Величеству. Не имѣя отъ васъ извѣщенія о полученіи сего моего отзыва, я долженъ однако же заключить, что оный къ вамъ дошелъ, ибо вы сообщали о содержаніи оного нѣкоторымъ особамъ». (Въ этихъ словахъ Пушкинъ не могъ, конечно, не увидѣть яснаго намека на то неусыльное «вниманіе», которое обращало на него правительство). И Бенкендорфъ просилъ Пушкина дать ему знать, «справедливы ли» слухи о чтеніи имъ новой трагедіи, и внушительно предупреждалъ: «вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ столь великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ оного». Отвѣтъ Пушкина доказываетъ, какъ испугало его требованіе шефа жандармовъ. Онъ увѣрялъ, что «чувствуетъ милость и великодушіе государя», что трагедію свою читалъ «не изъ послушанія, но только потому, что худо понять высочайшую волю» (изъ перваго письма Бенкендорфа никакъ нельзя было сдѣлать тотъ выводъ, который былъ желателенъ шефу жандармовъ) и, посылая списокъ трагедіи, просилъ «разрѣшенія неумышленной вины», состоявшей въ томъ, что онъ отдалъ въ печать нѣсколько стихотвореній, которые, впрочемъ, обѣщалъ задержать въ цензурѣ. Бенкендорфъ отвѣтилъ просьбой—«сооб-

щать всѣ и мелкіе труды блистательнаго пера вашего». Несмотря на то, что поэту, по его словамъ, «вымыли голову (очень мило, очень учтиво)», онъ былъ отчасти доволенъ этой придиркой, избавлявшей его отъ назойливыхъ «альманашиковъ, журнальщицковъ и прочихъ щепетильныхъ литературщиковъ», развязаться съ которыми онъ самъ не умѣлъ.

Давно уже рвался Пушкинъ на журнальное поприще, гдѣ стремился занять мѣсто постоянного работника и руководителя. Личное знакомство съ Полевымъ, въ «Московскій Телеграфъ» которому Пушкинъ изрѣдка посылалъ стихи, не привело къ сближенію между ними. Для Пушкина, мечтавшаго о главенствѣ и руководствѣ другими, Полевой былъ слишкомъ крупной величиною. Зато онъ вошелъ въ боготворившій его кружокъ Веневитинова, Шевырева, Погодина, Рожалина, Титова, Соболевскаго, Одоевскаго, Мельгунова, Кирѣевскихъ и другихъ «архивныхъ юношей». Несмотря на то, что эта молодежь была, по выраженію Баратынскаго, «помѣшана на трансцендентальной философіи», къ которой Пушкинъ былъ холоденъ, его привлекла къ ней идеалистическая любовь къ искусству, юношеская горячность, личная даровитость нѣкоторыхъ участниковъ кружка. Въ нихъ было нѣчто общее съ любимцемъ поэта—Ленскимъ: и «бурная любовь желанія, и жажда знаній и труда, и страхъ порока и стыда», и «сны поэзіи святой»... Этотъ кружокъ задумалъ издавать журналъ, Веневитиновъ составилъ программу, и съ 1827 г. сталъ выходить «Московскій Вѣстникъ». Вопреки всегдашнимъ намѣреніямъ поэта, его участіе въ журналѣ было не постояннымъ, а случайнымъ; оно продолжалось до 1830 г., когда Пушкинъ, охладѣвъ къ «Московскому Вѣстнику», перешелъ въ «Литерат. Газету» Дельвига.

Для московскаго шеллигiанскаго кружка Пушкинъ значилъ неизмѣримо больше, чѣмъ кружокъ для него. До сихъ поръ, однако, не установился прочный взглядъ на роль кружка въ жизни Пушкина. Впервые раздуть ее одинъ изъ участниковъ кружка, Шевыревъ, который писалъ: «въ Москвѣ объявилъ онъ живое свое сочувствіе молодымъ литераторамъ, въ которыхъ особенно привлекала его художественная теорія Шеллинга, и подъ вліяніемъ послѣдней, проповѣдывавшей освобожденіе пе-

³⁰⁾ Ibid.³¹⁾ «П—тъ» .Л. Майкова, 331.

куства, были написаны стихи «Чернь»³²⁾. Аппенковъ воспринялъ это мифіе: «изъ круга молодыхъ людей, содѣйствовавшихъ усиѣху журнала³³⁾, вынесъ онъ свой полный, установившійся взглядъ на художника и искусство. Тѣмъ быстрѣе усвоилъ онъ себѣ ихъ теорію творчества, что она только развила собственное его пониманіе предмета»... Недавно къ этому мифію примкнулъ Н. А. Котляревскій³⁴⁾. «Давно уже,—говоритъ онъ,—иссѣдователи жизни и творчества Пушкина высказывали предположеніе, что въ стихотвореніи «Чернь» поэтъ выразилъ итогъ чужой мысли, съ которою согласился. Одно обстоятельство въ жизни поэта дѣлало такое предположеніе вѣроятнымъ». Это обстоятельство—знакомство съ шеллингианцами. «Слушая ихъ и претворяя ихъ теоретическія выкладки въ образы, Пушкинъ и создалъ свой «ямбъ», свою «Чернь». Такъ иногда говорятъ, когда хотятъ разрѣшить загадку происхожденія этого стихотворенія. Такъ ли на самомъ дѣлѣ это было?»—спрашиваетъ Н. А. Котляревскій и тутъ же отвѣчаетъ: «Легко можетъ быть, что непосредственныя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ общенія съ этими людьми, и вызвали въ его фантазіи тотъ образъ художника на молитвѣ, который глухъ и нѣмъ для толпы и такъ краснорѣчивъ передъ алтаремъ своего Бога». Это предположеніе, ничѣмъ, однако, не подтверждаемое, затѣмъ обращается уже въ утвержденіе: «въ сферу вліянія этой философской идеи Пушкинъ попалъ на собраніяхъ у Веневитинова. Пусть онъ и неохотно на нее отзывался,—а отвлеченныхъ тонкостей Пушкинъ дѣйствительно не любилъ,—но по своей способности не пропускать ни одного впечатлѣнія жизни безъ отклика онъ, спустя нѣкоторое время, отойдя на извѣстное разстояніе отъ лицъ и событій, претворилъ въ образы нити новыхъ мыслей, его поразившихъ». По развѣ изъ нерѣшительно высказаннаго предположенія выбросить осторожное «можетъ быть» значитъ найти вѣрный отвѣтъ? Г. Котляревскій пишетъ: «все, что онъ до этого стихотворенія говорилъ о поэтѣ и его отношеніи къ толпѣ, было—либо повтореніе сказаннаго старшими, Жуковскимъ и Батюшковымъ, либо воспоминаніе про-

читаннаго въ образцахъ античной словесности, либо, какъ думаютъ нѣкоторые, отзвукъ ученія Руссо». Но развѣ пушкинскій Андрей Шенье не говоритъ того же, что и поэтъ въ «Черни», горько виня себя: «Миѣ, вѣрному любви, стихахъ и тишиѣ» (т.-е. «вдохновенію, звукамъ сладкимъ и молитвамъ»),—«миѣ ль было управлять строптивыми конями и круто напирать безсмысленныя бразды»? «Очевидно, Пушкинъ,—говоритъ Котляревскій,—долго и много думалъ о цѣлѣ такихъ мирныхъ пѣсень, далекихъ отъ всякой злобы дѣла, злобы политической, общественной или просто суетливой. А между тѣмъ ни въ стихахъ Пушкина, ни въ его перепискѣ тѣхъ лѣтъ слѣдовъ такихъ долгихъ думъ не осталось». И съ этимъ можно спорить; но развѣ на основаніи отсутствія такихъ доказательствъ можно строить убѣжденіе, что Пушкинъ не самъ продумалъ свой взглядъ на поэта и лишь согласился съ чужою мыслью? Неужели же Пушкинъ былъ такъ жалко несамостоятеленъ? Погодинъ разсказывалъ, что однажды онъ «декламировалъ цѣлѣпо противъ философіи»,—но понималъ ли его Погодинъ, который, по собственнымъ словамъ³⁵⁾, «не могъ возражать дѣльно и больше молчалъ»? Можетъ быть, Пушкинъ и чуждался абстрактнаго мышленія, но не надо забывать, что Пушкинъ былъ мудрецъ, въ области поэзіи державный властитель, чего нельзя сказать о Шеллингѣ и его русскихъ ученикахъ, и что философскій элементъ былъ невольно присущъ его гению, независимо отъ того, интересовался ли онъ философіей какъ ученіемъ, или нѣтъ. Да и степень близости его къ шеллингианскому кружку, которую обычно преувеличиваютъ, была не такъ ужъ значительна. Это видно изъ его отзывовъ о кружкѣ, въ которыхъ сквозитъ явное сознаніе собственного превосходства, не вяжущееся съ подчиненіемъ кружку въ какомъ бы то ни было отношеніи. Нѣмецкую философію, которая «пашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей», онъ цѣнилъ лишь постольку, поскольку она сыграла своеобразную политическую роль—«спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи и удалила ее отъ упорныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшихъ

³²⁾ Майковъ, «П—нъ», 330.

³³⁾ «Матеріалы», изд. 2-ое, 170.

³⁴⁾ «Н. и Д. В. Веневитиновъ»—«Старинные портреты», Спб., 1907.

³⁵⁾ Н. Барсуковъ, «Ж. и тр. Погодина», II, 71.

цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія»³⁶⁾. Признавая благотворное значеніе послѣдователей германской философіи, Пушкинъ отмѣтилъ, что «говорили они языкомъ, мало понятнымъ для непосвященныхъ»³⁷⁾. Среди нихъ онъ нашелъ типъ педагога, которому хотѣлъ отвести мѣсто въ «Египетскихъ ночахъ»: это надоедливый, хвастающій своей пачитанностью Вершиневъ, «одинъ изъ тѣхъ людей; одаренныхъ убійственной памятью, которые все знаютъ и все читали, и которыхъ стоитъ только тронуть пальцемъ, чтобъ изъ нихъ полилась ихъ всемірная ученость». Первоначально въ рукописи Вершиневъ былъ названъ Титовымъ (такъ звали дѣйствительно одного изъ участниковъ кружка), и о немъ было сказано: «одинъ изъ тѣхъ юношей, которые воспитывались въ московскомъ университетѣ, служатъ въ московскомъ архивѣ и толкуютъ о Гегелѣ»... Въ «Онѣгинѣ» поэтъ не отмѣлялъ архивныхъ юношей отъ всего пустого большого свѣта; они не раздѣляютъ съ авторомъ его симпатій къ Таубѣ, на которую «чопорно глядятъ и про все между собою неблагоклонно говорятъ»... «Московскому Вѣстнику» онъ ставилъ въ минусъ его излишнюю серьезность: «главная ошибка паша—писалъ онъ Погодину³⁸⁾—была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза, можетъ быть, еще лучше, но вотъ бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору». Оставляя въ сторонѣ главные интересы кружка, Пушкинъ просто обратилъ вниманіе на эту даровитую, блестящую молодежь, подававшую много надеждъ. Самый выдавшійся во всемъ кружкѣ, его душа, Д. В. Веневитиновъ приглашалъ Пушкина почтить Гете, который «наставникъ нашъ, наставникъ твой» (намекъ на «Сцену изъ Фауста»), «веселыми хвалебными»; быть можетъ, «онъ съ радостью живой въ пріютѣ старости унылой еще услышитъ голосъ твой и, можетъ быть, тобой плѣненный, послѣднимъ жаромъ вдохновенный, откликно лебедь запоетъ»... Но Гете могъ быть названъ наставникомъ Пушкина лишь въ слишкомъ общемъ и неопредѣленномъ смыслѣ, и неизвѣстно, послѣдовалъ ли Пушкинъ совѣту Веневитинова. (По словамъ Анненкова³⁹⁾, Гете зналъ о сценѣ изъ Фауста и прислалъ

Пушкину въ благодарность свое перо). «Доля вліянія на Пушкина», которое, по мнѣнію Анненкова⁴⁰⁾, оказалъ Веневитиновъ, незамѣтна и неуловима, хотя отрицать ее, конечно, нельзя: Пушкинъ впитывалъ на каждомъ шагу впечатлѣнія, ни одна встрѣча не проходила для него безслѣдно, но знакомство съ Веневитиновымъ и его друзьями не представляло собою въ исторіи его развитія такого существеннаго элемента, слѣдъ котораго было бы легко отмѣтить въ безконечномъ смѣшеніи обстоятельствъ, встрѣчъ, впечатлѣній, претворенномъ неустанный внутренней работой, совершавшюся въ душѣ Пушкина. Наоборотъ, значеніе величайшаго русскаго поэта въ жизни любого изъ членовъ кружка имѣла всякаго сомнѣнія: все живое, молодое, отзывчивое не могло не льнуть къ Пушкину-поэту и Пушкину-человѣку Шевыревъ рассказывалъ: «бесѣды съ Пушкинымъ... принадлежатъ къ числу тѣхъ плодотворныхъ впечатлѣній, которыя содѣйствовали образованію моего вкуса и развитію во мнѣ истинныхъ понятій о поэзіи»⁴¹⁾. Для Веневитинова, настоящаго центра кружка, Пушкинъ могъ быть только старшимъ собратомъ и наставникомъ не меньше, чѣмъ Гете.

Кружокъ «архивныхъ юношей» и домъ извѣстной красавицы, пѣвицы и поэтессы княгини З. А. Волконской доставили Пушкину знакомство съ жившимъ тогда въ Москвѣ Мицкевичемъ.—«Тутъ—рассказываетъ кн. П. А. Вяземскій⁴²⁾—соединялись представители большого свѣта, сановники и красавицы, молодежь и возрастъ зрѣлый, люди умственнаго труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все въ этомъ домѣ носило отпечатокъ служенія искусству и мысли. Бывали въ немъ чтенія, концерты, дилетантами и любительницами представленія итальянскихъ оперъ. Посреди артистовъ и во главѣ ихъ стояла сама хозяйка дома... Помнится и слышится еще, какъ она, въ присутствіи Пушкина, въ первый день знакомства съ нимъ, пропѣла элегію его, положенную на музыку Гениш-тою, «Погасло дневное свѣтило»... Пушкинъ былъ живо тронутъ этимъ обольщеніемъ тонкаго и художественнаго кокетства. По обыкновенію, краска вспыхивала въ лицѣ его. Въ немъ этотъ дѣтскій и женскій признакъ сильной впечатлительности былъ

³⁶⁾ «Мысли на дорогѣ».

³⁷⁾ «Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности».

³⁸⁾ 31 августа 1827 г.

³⁹⁾ «Матеріалы», 177.

⁴⁰⁾ Ibid.

⁴¹⁾ Сочин. Н. С. Тихомирова, III, ч. 2, стр. 223.

⁴²⁾ Соч. Вяземскаго, VI, 329.

несомнѣннымъ: выраженіемъ внутренняго смущенія, радости, досады, всякаго потрясающаго ощущенія. Нечего и говорить, что Мицкевичъ съ самаго пріѣзда въ Москву былъ усерднымъ посѣтителемъ и въ числѣ любимыхъ и почетныхъ гостей въ домѣ княгини Волконской». Пушкинъ плѣнился поэтическимъ талантомъ, импровизаторскимъ даромъ и остроуміемъ польскаго поэта. Сохранился⁴³⁾ любопытный анекдотъ, что, встрѣясь однажды на улицѣ съ Мицкевичемъ, Пушкинъ посторонился и сказалъ: «съ дороги двойка, тузъ идетъ», на что Мицкевичъ тутъ же отвѣтилъ: «козырная двойка туза бьетъ». Въ авторѣ «Бориса Годунова» онъ усмотрѣлъ возможность возвыситься до шекспировской гениальности: «et tu Shakespeare eris si fata sinant»⁴⁴⁾. Своему другу А. Олдицу Мицкевичъ писалъ въ мартѣ 1827 г.⁴⁵⁾ о Пушкинѣ: «я съ нимъ знакомъ, и мы часто видаемся. Пушкинъ почти ровесникъ мнѣ... Въ бесѣдѣ онъ очень остроуменъ и пылокъ, читалъ много и хорошо знаетъ современную литературу; понятія его о поэзіи чистыя и возвышенныя. Онъ теперь написалъ трагедію «Борисъ Годуновъ»; я знаю нѣсколько сценъ ея въ историческомъ родѣ, хорошо задуманныхъ и съ прекрасными частностями»... Отношенія Пушкина и Мицкевича, продолжавшіяся и въ Петербургѣ, оставили выдающійся слѣдъ въ жизни обоихъ поэтовъ⁴⁶⁾.

Какъ салонъ Волконской вводилъ Пушкина въ «Европу», такъ сближалъ его съ старой Москвой радушный домъ М. И. Римской-Корсаковой. «Марія Ивановна Римская-Корсакова—вспоминаетъ о ней князь П. А. Вяземскій⁴⁷⁾—должна имѣть почетное мѣсто въ преданіяхъ хлѣбосольной и гостепріимной Москвы. Она жила, что называется, открытымъ домомъ, давала часто обѣды, вечера, балы, маскарады, разные увеселенія, зимою санныя катанья за городомъ, импровизированные завтраки... Красавицы-дочери ея, и особенно одна изъ нихъ, намеками воспитая Пушкинымъ въ «Онѣгинѣ», были душою и прелестью этихъ собраній. Сама Марія Ивановна была типъ московской барыни въ хорошемъ и лучшемъ

значеніи этого слова. Въ ней отзывались и русскія преданія екатерининскихъ временъ, и выражались понятія и обычаи поваго обществитія... Всѣ эти разнородныя впечатлѣнія, старый вѣкъ и новый вѣкъ, сливались въ ней въ разнообразной стройности и придавали личности ея особенное и привлекательное значеніе». Ея сынъ Григорій Александровичъ, Вяземскій и Пушкинъ составили «тріумвиратъ», который «въ отношеніи къ баламъ отслуживалъ службу свою на подобіе бригадировъ и кавалеровъ св. Анны, непремѣнныхъ почетныхъ гостей, безъ коихъ обойтись не могла ни одна купеческая свадьба, ни одинъ именитый купеческій обѣдъ». Намекъ въ «Онѣгинѣ» на одну изъ дѣвицъ Корсаковыхъ заключается въ первыхъ четырехъ стихахъ III строфы седьмой главы: «У почи много звѣздъ прелестныхъ, красавицъ много на Москвѣ,—но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ луна въ воздушной синевѣ»... Въ другой разъ⁴⁸⁾ Вяземскій указалъ, что эти стихи относятся къ дочери М. И. Римской-Корсаковой, Александрицѣ, впоследствии княгинѣ Вяземской. Быть можетъ о ней Пушкинъ писалъ брату въ письмѣ (8 мая 1827 г.), которое послалъ черезъ ея мать: «письмо мое доставить тебѣ М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Пріѣзжай на Кавказъ и познакомься съ нею—да прошу не влюбись въ дочь». Въ извѣстіи о «донъ-жуанскомъ» спискѣ, внесенномъ Пушкинымъ въ ушаковский альбомъ⁴⁹⁾, «Александра» упоминается два раза: одна изъ двухъ посетительницъ этого имени, конечно, дочь М. И. Римской-Корсаковой.

Рядомъ съ одною изъ Александеръ въ этомъ спискѣ стоитъ «Софья»—С. О. Пушкина, за которую неудачно сватался Пушкинъ. Исторія сватовства разсказана въ настоящемъ томѣ⁵⁰⁾ А. О. Конн, къ статьѣ котораго отсылаемъ читателя.

⁴³⁾ «Русск. Арх.» 1887, III, 578.

⁴⁴⁾ «Альбомъ московской Пушкинкой» выставки 1880 г., М., 1882, стр. 123 и снимокъ.

⁴⁵⁾ Стр. 181—186; см. также его же статьи въ «Журн. для всехъ» 1905 г., № 1, и въ «Изв. Отд. русск. яз. и словесн. И. Акад. Наукъ», 1905 г., т. X, кн. 1; Б. А. Модзалевскій, «В. П. Зубковъ и его записки»—«П. и его современники», вып. IV, стр. 104—108. И Модзалевскій, и Конн думаютъ, что съ мыслью о ней непосредственно связаны стихи «Зачѣмъ безвременную скуку»... Едва ли это вѣрно, потому что стихи набросаны еще въ 1820 г. и отдѣланы въ 1821-мъ, задолго до знакомства съ С. О. Пушкиной. См. объ этомъ мою ст. «Загадочное» стихотвореніе Пушкина—«Ж. М. П. Пр.» 1909, январь, 99—103, и ниже примѣч. къ № 840.

⁴³⁾ Ibid., 309.

⁴⁴⁾ Ibid., 314.

⁴⁵⁾ «Korrespondencya Adama Mickiewicza», t. IV, wyd. 4-to, Par., 1885 г., 91.

⁴⁶⁾ Объ этомъ еще будетъ рѣчь въ настоящемъ изданіи.

⁴⁷⁾ Сочин. Вяземскаго VII, 170, 171.

КАРРИКАТУРА НА СВѢТСКІЕ УСПѢХИ ПУШКИНА.

Съ современной акварели, принадлежащей д-ру С. С. Жижареву. На оборотѣ акварели написано, что дама—гр. Хвостова.

Весною 1827 г. Пушкинъ часто бывалъ въ домѣ князя А. М. Урусова, куда его привлекали радушіе хозяевъ и красота трехъ дочерей ихъ. Отношенія поэта къ семьѣ Урусовыхъ чуть не вызвали кроваваго столкновенія Пушкина съ однимъ изъ посѣтителей этого дома. Безъ столкновенія, впрочемъ, прошло у него, кажется, только время его невольнаго уединенія въ Михайловскомъ, вдали отъ общества, хотя и тамъ онъ упражнялся въ стрѣльбѣ въ дѣль, готовясь къ дуэли со своимъ стариннымъ непріателемъ, графомъ О. П. Толстымъ—«Американцемъ»⁵¹⁾. Какъ только Пушкинъ

очутился въ Москвѣ, гдѣ жилъ Толстой, онъ сейчасъ же посѣдѣшилъ вызвать его на дуэль. Къ счастью для Пушкина, дѣло обошлось безъ поединка съ этимъ замѣчательнымъ дуэлистомъ, отличавшимся необыкновеннымъ хладнокровіемъ и уже не одного противника отправившимъ къ праотцамъ⁵²⁾. Пушкина и Толстого помирили, и они стали друзьями. Толстой даже былъ сватомъ Пушкина и просилъ для него у Н. И. Гончаровой руки ея дочери. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ столкновенія съ графомъ Толстымъ, и Пушкину снова едва не пришлось драться на дуэли. На этотъ разъ не онъ вызвалъ противника на поединокъ, а самъ былъ вызванъ. Къ одной изъ сестеръ Урусовыхъ былъ — рассказы-

⁵¹⁾ М. И. Семевскій, «Прогулка въ Тригорское»—«СПбурск. Вѣдом.» 1866 г., № 139. Объ ихъ ссорѣ см. II т. настоящаго изданія, стр. 548—549, 564—565.

⁵²⁾ «Русс. Арх.» 1863 г., 2-ое изд., 1240, 1351.

васть М. И. Семевскій⁵³)—очень неравнодушенъ «родственникъ княгини Урусовой, артиллерійскій офицеръ С., человекъ образованный, хорошо знавшій англійскій языкъ, угрюмый поклонникъ поэзіи Байрона и скромный подражатель ему». Пушкинъ проводилъ у Урусовыхъ вечера и «бывалъ весьма веселъ, остеръ и словоохотливъ; въ разсказахъ, импровизаціяхъ (?) и шуткахъ бывалъ въ это время неистощимъ». Пушкинъ сблизился съ В. Д. Соломирскимъ (такъ звали артиллериста), которому подарилъ сочиненія Байрона съ очень дружественною надписью. «Тѣмъ не менѣе, легко было замѣтить, что ревнивый и крайне самолюбивый Соломирскій чѣмъ чаще сходилъ съ Пушкинымъ у князя Урусова, тѣмъ становился угрюмѣе и холоднѣе къ своему пріятелю. Особенное вниманіе, которое встрѣчалъ Пушкинъ въ этомъ семействѣ, и въ особенности вниманіе молодой княжны, предмета сокровеннаго обожанія со стороны Соломирскаго, возбуждало въ немъ сильнѣйшую ревность. Такія напряженныя отношенія должны были привести къ вспышкѣ; она скоро произошла и притомъ, какъ большей частью бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, произошла изъ-за самой пустой причины». Пушкинъ разсказалъ что-то смѣшное о графинѣ Б. Прослушавъ весь разсказъ, Соломирскій придрался къ Пушкину.—«Какъ вы смѣли отозваться неуважительно объ этой особѣ?—задорно сказалъ онъ.—Я хорошо знаю графиню, это во всѣхъ отношеніяхъ почтенная особа, и я не могу допустить оскорбительныхъ объ ней отзывовъ.—«Зачѣмъ же вы не остановили меня, когда я только начиналъ разсказъ?—отвѣчалъ Пушкинъ. Почему вы не сказали мнѣ раньше, что вы знакомы съ графиней Б.? А то вы спокойно выслушали весь разсказъ и потомъ какимъ-то Донъ-Кихотомъ становитесь въ защитники этой дамы и берете ее подъ свою протекцію»...

Дѣло было въ присутствіи А. А. Муханова, разсказавшаго Семевскому объ этой исторіи. На другой день, рано утромъ, къ Муханову является Пушкинъ и передаетъ ему, что только что получилъ отъ Соломирскаго письменный вызовъ на дуэль.

⁵³) «Къ біографіи Пушкина»—«Русс. Вѣстн.», 1869 г., ноябрь, 81—85; см. поправку гр. В. Мушицъ-Пушкина въ «Русс. Стар.» 1909 г., январь, 191. См. мою ст. «Несостоявшаяся дуэль Пушкина въ 1827 г.»—«Русс. Стар.» 1907 г., июль, 101—104.

Пушкинъ, не медля ни минуты, отвѣтилъ Соломирскому запиской (15 апрѣля): «A l'instant, si vous désirez, venez avec un témoin». Пушкинъ разсказалъ Муханову, что у него уже былъ секундантъ Соломирскаго, А. В. Шереметевъ, и онъ направилъ его для переговоровъ къ Муханову, котораго поэтъ и просилъ быть секундантомъ. Пушкинъ уѣхалъ, и сейчасъ же къ Муханову явился Шереметевъ; это былъ товарищъ Соломирскаго, тоже артиллерійскій офицеръ. Мухановъ рѣшилъ предотвратить грозившую Пушкину опасность и сталъ склонять Шереметева употребить всѣ усилія къ тому, чтобы не дать произойти дуэли. Онъ изобразилъ тотъ позоръ, который падетъ на головы секундантовъ, если поэтъ будетъ убитъ или раненъ, и было рѣшено примирить враждующія стороны. Въ то же утро Шереметевъ привезъ Соломирскаго къ другу Пушкина, С. А. Соболевскому, у котораго жилъ поэтъ (на Собачьей площадкѣ, въ домѣ Ревкевичевой). Сюда же пришелъ Мухановъ, и секунданты помирили противниковъ при дѣятельномъ участіи Соболевскаго, угостившаго всѣхъ роскошнымъ завтракомъ.

Въ поэзіи Пушкина знакомство его съ Урусовыми не оставило слѣда, но другому московскому великосвѣтскому семейству стихи Пушкина дали безсмертіе. Это—семья Ушаковыхъ, у которыхъ Пушкинъ любилъ бывать; онъ ухаживалъ за обѣими дочерьми Ушаковыхъ—Екатериной Николаевной (старшей) и Елизаветой Николаевной. Первой поэтъ, впрочемъ, отдавалъ предпочтеніе. Ей онъ посвятилъ (въ 1827 г.) два стихотворенія: «Когда, бывало, въ старину»... и «Въ отдаленіи отъ васъ»... Эти стихи не говорятъ о серьезности и силѣ чувства, но очень возможно, что подъ шуткой скрывались серьезныя намѣренія. Одна знакомая Ушаковыхъ писала въ 1827 г. объ этихъ барышняхъ⁵⁴): «меньшая очень, очень хорошенькая, а старшая чрезвычайно интересуетъ меня, потому что, повидимому, нашъ поэтъ, нашъ знаменитый Пушкинъ намѣренъ вручить ей судьбу жизни своей, ибо уже положилъ оружіе свое у ногъ ея, то-есть, сказать просто, влюбленъ въ нее. Это общія молва, а гласъ народа—гласъ Божій. Еще не издавши ихъ, я слышала, что Пушкинъ во все пребываніе свое въ Москвѣ только и занимался, что N****: на балахъ, на гуляньяхъ онъ говорилъ только

⁵⁴) «Н. и его современники», вып. V, стр. 121—122.

съ нею, а когда случилось, что въ собраніи N**** нѣтъ, то Пушкинъ сидитъ цѣлый вечеръ въ углу, задумавшись, и ничто уже не въ силахъ развлечь его!.. Знакомство же съ ними удостоивило меня въ справедливости сихъ слуховъ. Въ ихъ домѣ все напоминаетъ о Пушкинѣ: на столѣ найдете его сочиненія, между нотами—«Черную шаль» и «Цыганскую пѣсню», на фортепіаныхъ—его «Талисманъ»... Въ альбомѣ—нѣсколько листочковъ картинъ, стиховъ и каррикатуръ, а на языкѣ безпрестанно вертится имя Пушкина». Къ Ушаковымъ Пушкинъ, рассказываетъ племянникъ Екатерины Николаевны, Н. С. Киселевъ⁵⁵⁾, — ѣздилъ очень часто, иной разъ заглядывалъ по три раза на дню; у нихъ онъ встрѣчался съ Н. Д. Иваницкимъ-Писаревымъ и писателемъ «для милыхъ», кн. П. И. Шаликовымъ; бывалъ у нихъ и кн. П. А. Вяземскій. Старуха Ушакова диктовала и напѣвала Пушкину русскія пѣсни.

«Въ тревогѣ пестрой и бесплодной» московскихъ развлеченій Пушкину было не до работы, но едва наступила глубокая осень, любимое рабочее время поэта, его потянуло въ деревню. Надо было кое-что передѣлать въ «Годуновѣ», продолжать «Онѣгина». 1 ноября 1826 г., не пробывъ въ Москвѣ и полныхъ двухъ мѣсяцевъ, Пушкинъ поѣхалъ въ Михайловское; съ дороги онъ писалъ княгинѣ В. О. Вяземской: «С. П. (т.-е., конечно, С. О. Пушкина) мой добрый ангелъ, но другая—мой демонъ; это меня смущаетъ въ моихъ поэтическихъ и забавныхъ размышленіяхъ... Буду похоронить себя среди моихъ сосѣдокъ. Молитесь Богу за упокой моей души». «Другая» — намекъ на недавно оставленную имъ въ Тригорскомъ, любимую его Анну Никол. Вульфъ; въ день пріѣзда онъ побывалъ въ Тригорскомъ. «Деревня мнѣ припала какъ-то по сердцу» — писалъ онъ Вяземскому — «Есть какое-то поэтическое наслажденіе возвратиться вольнымъ въ покиннутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей няни, ей Богу, пріятнѣе щекотить сердце, чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и пр... Долго здѣсь не останусь, въ ПБ. не побѣду, буду у вась къ 1-му⁵⁶⁾. . . она⁵⁷⁾ велѣла! Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе»... Но работа въ Михайловскомъ

КАРРИКАТУРА ПУШКИНА НА ВЕНЕВІТИНОВА.

Изъ коллекціи П. С. Остроужова. Воспроизводится въ первый разъ.

спорила плохо. «Въ деревнѣ» — сообщалъ Пушкинъ 1 декабря Вяземскому, который спрашивалъ его: «вдался ли въ завой стиховъ, или не можешь еще справиться съ московскаго похмѣлья?» — «я писалъ презрѣнную прозу, а вдохновеніе не лѣзетъ. Во Псковѣ, вмѣсто того, чтобъ писать 7-ую главу Онѣгина, я проигрываю въ штокъ четвертиною: незабавно». Подъ «презрѣнной прозой» Пушкинъ разумѣлъ, вѣроятно, заказанную ему записку о народномъ воспитаніи. Въ Псковѣ Пушкинъ велъ непріятную переписку съ Бенкендорфомъ по поводу чтенія «Годунова». 20 декабря онъ былъ снова въ Москвѣ.

Жалуясь Вяземскому на «непріятное впечатлѣніе» Москвы, Пушкинъ прибавлялъ:

⁵⁵⁾ Л. Майковъ, «П — нъ», 361—362.

⁵⁶⁾ Декабря.

⁵⁷⁾ Ссѣля Пушкина.

Елизавета Михайловна
Пушкина Татьяна Языкова

КАРРИКАТУРА ПУШКИНА НА ЕЛИЗАВЕТУ УШАКОВУ.

Изъ «Ушаковского альбома».

«все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться. Къ тому же журналъ... Намъ надо завладѣть однимъ журналомъ и царствовать самовластно и единовластно»... И Пушкинъ приглашалъ друга оставить «Московскій Телеграфъ» Полевого и перейти въ «Московск. Вѣстникъ». Но Вяземскій отказался не только потому, что самъ подбѣлъ Полевого издавать журналъ и бралъ съ него половину дохода, на что въ «Моск. Вѣстникѣ» ему нельзя было разсчитывать, но еще и потому, что не надѣялся на прочность связи Пушкина съ молодой редакціей и предвидѣлъ, что «управленіе жур-

наломъ можетъ надобѣсть ему»⁵⁸); въ этомъ Вяземскій оказался правъ. Но на первыхъ порахъ Пушкинъ относился къ дѣлу горячо. Онъ писалъ Языкову (21 декабря): «я участвую въ Моск. Вѣстникѣ, слѣдственно и вы также... Непремѣнно будьте же нашъ... Пора задуть альманахи. Дельный нашъ». Привлекалъ Пушкинъ къ сотрудничеству Туманскаго: «подкрѣпи насъ прозою своею и утѣшь стихами», и другого одессита— А. П. Левшина⁵⁹).

⁵⁸) Переписка Вяземскаго съ А. П. Тургеневымъ, подъ ред. А. П. Кульмана, I, 46.

⁵⁹) Переписка П—на, академич. изд., II, 5—6.

Емса
/ Мокна
А. Д. Д. Д.

Не искушаа (са) менѣ
Будь Кузнецъ —

Автопортретъ Пушкина. Изъ «Ушаковского» альбома.

Считая себя «вольнымъ», свободнымъ, не чувствуя мягко и ласково опутывавшихъ цѣпей, Пушкинъ былъ за эту «независимость» безпредѣльно благодаренъ царю, проявившему по отношенію къ нему «рѣдкую прощательность», какъ выразился Мицкевичъ⁶⁰). Оптимистъ по натурѣ, поэтъ глядѣлъ на Николая Павловича сквозь призму этой благодарности, и фигура царя,

котораго онъ въ извѣстныхъ «Стансахъ» сравнилъ по «семейному сходству» съ Петромъ Великимъ, окрасилась въ его воображеніи неестественнымъ, пѣжно-розовымъ свѣтомъ. Вся суровость Николаевской эпохи совершенно пропала въ этихъ чаяніяхъ «Славы и добра» и въ призывѣ: «будь памятью» незлобенъ.

Уповая на готовность Николая примириться и забывать, Пушкинъ ободрялъ и утѣшалъ своихъ друзей-декабристовъ. Въ концѣ

⁶⁰) Соч. Вяземскаго, VII, 313.

1826 г. онъ встрѣтился у кн. Зинаиды Волконской на музыкальномъ вечерѣ съ другой Волконской — Маріей Николаевной, старой знакомкой поэта — Раевской, отправлявшейся въ Сибирь къ мужу⁶¹⁾. Съ нею была жена и другого декабриста — Александра Григорьевича Муравьева; по преданію, послѣдней Пушкинъ передалъ свое «Послание въ Сибирь»⁶²⁾, въ которомъ ободрялъ друзей: «Храните гордое терпѣнье... Любовь и дружба до насъ дойдутъ сквозь мрачные затворы, какъ въ ваши каторжныя поры доходить мой свободный гласъ... Братья мечъ вамъ отдадутъ»... И долго еще Пушкинъ безуспѣшно ждалъ амнистии для декабристовъ.

Личность царя Пушкинъ рѣшительно отбѣлялъ отъ правительственной системы. Онъ говорилъ о Николаѣ Павловичѣ: «о мнѣ почтилъ онъ вдохновенье, освободилъ онъ мысль мою»... Этой иллюзии не могли разсѣять самые чувствительные уроки, которые Пушкинъ сталъ получать съ первыхъ дней своей «свободы». Поэтъ былъ еще въ Михайловскомъ, когда о немъ заварилось серьезное «дѣло»; оно тянулось долго, кончилось не скоро и принесло ему много огорченій. Молодежь жадно переписывала въ заветныя тетради цѣлые стихи любимаго поэта, стараясь найти въ нихъ сокровенный смыслъ. Примѣнительно къ «14 декабря» было истолковано нѣсколько непропущенныхъ цензурою стиховъ изъ оды «Андрей Шенье», гдѣ говорится о «великодушной присягѣ», «священной свободѣ», «безтрепетномъ отвѣтѣ самовластію». По доносу полицейскаго агента былъ преданъ суду кандидатъ московскаго университета Леопольдовъ, у котораго агентъ раздобылъ стихи Пушкина, озаглавленные «14 декабря». Дѣлу, конечно, былъ данъ ходъ. Леопольдовъ показалъ, что получилъ стихи отъ прапорщика Молчанова, который заявилъ, что стихи писаны дѣйствительно Пушкинымъ; былъ арестованъ и передававшій Молчанову стихи штабсъ-капитанъ Алексѣевъ. Пушкина, который находился тогда (въ январѣ 1827 г.) въ Москвѣ допросили, онъ ли сочинялъ «извѣстные стихи, когда, съ какою цѣлью, почему извѣстно ему сдѣлалось намѣреніе злоумышленниковъ, въ стихахъ изъясненное»; если же они не имѣ-

написаны, то «къмъ сочинены». Пушкинъ отвѣтилъ, что не знаетъ, о какихъ стихахъ идетъ рѣчь. Тогда ему были предъявлены стихи, и онъ объяснилъ (27 января), что они были написаны имъ гораздо раньше декабрьскаго мятежа, и что въ нихъ говорится о французской революціи, такъ что они «безъ явной безсмыслицы не могутъ относиться къ 14 декабря». Это объясненіе Пушкину пришлось повторить черезъ нѣсколько мѣсяцевъ еще разъ. Дѣло окончилось лишь въ слѣдующемъ году отдачей Пушкина подъ надзоръ полиціи и строгимъ винушеніемъ, «дабы впредь никакихъ своихъ произведеній безъ разсмотрѣнія и пропуска цензуры не осмѣливался выпускать въ публику»⁶³⁾.

Несмотря на заключенный съ поэтомъ договоръ, правительство не спускало съ него подозрительныхъ глазъ. Для него Пушкинъ не переставалъ быть пѣвцомъ «вольности». Когда Бенкендорфъ получилъ отъ него письмо, при которомъ Пушкинъ прислалъ рукопись «Годунова», царь приказалъ поручить «надежному человеку сдѣлать извлеченіе изъ его сочиненія, чтобы оно не распространялось». «Надежный человекъ» отмѣтилъ, что «духъ сочиненія монархическій, ибо нигдѣ не введены мечты о свободѣ, какъ въ другихъ сочиненіяхъ сего автора»; впрочемъ, «должно выкинуть весь монологъ боярина Пушкина: во-первыхъ, царская власть представлена въ ужасномъ видѣ; во-вторыхъ, явно говорится, что кто только будетъ обѣщать свободу крестьянамъ, тотъ взбунтуетъ ихъ». Хотя критикъ изъ III Отдѣленія и не видѣлъ препятствій къ разрѣшенію драмы, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, державный цензоръ нашелъ, что «цѣль Пушкина была бы выполнена, если бы съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ,

⁶³⁾ Ср. въ настоящемъ томѣ примѣчаніе къ № 428. Объ этомъ процессѣ см. въ «Русс. Стар.» 1874 г., т. X, стр. 693—694; т. XI, стр. 584—588; 1882 г., т. XXIII, стр. 463—468; 1899 г., т. XCIX, стр. 313—326; П. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», 339—344; Записки Ф. Ф. Вигеля, изд. 1892 г., VII, 111—114; П. П. Васильевъ, «Слѣды пребыванія П.—на въ Псковской губерніи», 32—36; Сочиненія П.—на, изд. П. А. Ефремова, т. VII; 1903 г., стр. 259—261, 276—277, 286—287, 298—300, VIII, 1903 г., стр. 597—601; «Дѣла III Отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи объ А. С. П.—нѣ», Спб., 1906, стр. 14—17, 75—80, 263—300; П. Лернеръ, «Труды и дни Пушкина», изд. 2-ое; Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. П. Тургеневымъ, подъ ред. П. Кульмапа, I, 42.

⁶¹⁾ Записки княгини М. Н. Волконской, Спб., 1904, стр. 22.

⁶²⁾ «Русс. Арх. 1874 г., II, 703; «Записки П. П. Пушкина о Пушкинѣ», Спб., 1907, стр. 93—94; Записки П. Д. Якушкина, 2-ое изд., М., 1903, стр. 52.

на подобіе Вальтера Скота⁶⁴⁾. Но передѣлать драму Пушкинъ все-таки отказался⁶⁵⁾, и печатаніе «Годунова» ему по повелѣнію пришлось отложить. Повинуясь приказанію представлять свои произведенія на высшее усмотрѣніе, Пушкинъ представилъ Бенкендорфу «Цыганъ», два отрывка изъ «Онегина», «19 октября 1825 г.» и стихи къ Кернъ. Казенный рецензентъ писалъ по этому поводу: въ «Цыганахъ» хотя говорится о свободѣ и вольности, или, лучше сказать, хотя въ сей піесѣ упоминаются сіи слова, но это не стремленіе къ воспламененію умовъ, не политическая свобода и вольность (такъ называемая), но вольность цыганской бездомной жизни, свобода степеней. Безъ всякаго сомнѣнія, сколь ни будетъ хорошо описана цыганская жизнь и нравы кочующихъ, никто не броситъ своего и не промѣняетъ жизнь городскую на цыганскую». «19 октября 1825 г.» вызвало такое замѣчаніе: «вовсе не пужно говорить о своей опалѣ, о несчастіяхъ, когда авторъ не былъ въ ономъ, но былъ милостиво и отечески оштрафованъ за такіе проступки, за которые въ другихъ государствахъ подвергнули бы суду и жестокому наказанію⁶⁶⁾».

Еще въ сентябрѣ 1826 г. Пушкину дано было знать, что пріѣздъ въ Петербургъ ему дозволенъ—при условіи предварительнаго психодатативствованія разрѣшенія на это 24 апрѣля 1827 г. Пушкинъ написалъ Бенкендорфу, что проситъ разрѣшенія пріѣхать въ Петербургъ, и получилъ его отвѣтъ съ напominаніемъ: «его величество отозваться соизволило, что не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно будетъ въ

Два автопортрета Пушкина, писанные имъ въ Москвѣ. (Изъ коллекціи И. С. Остроухова. Воспроизводятся здѣсь впервые).

полномъ смыслѣ сдержано». Такимъ образомъ, власти довольно недумсмысленно заявили Пушкину о своемъ недоверіи къ нему и даже не находили нужнымъ особенно церемониться съ поэтомъ.

Москва успѣла надѣсть Пушкину. Одинъ его знакомый писалъ въ мартѣ 1827 г.: «судя по всему, что я слышалъ и видѣлъ, Пушкинъ здѣсь на рогахъ. Его знаетъ весь городъ, всѣ имъ интересуются; отличнѣйшая молодежь собирается къ нему, какъ древле къ великому Аристотелю собирались всѣ имѣвшіе немного здраваго смысла въ головѣ. Со всѣмъ тѣмъ Пушкинъ скучаетъ! Такъ онъ мнѣ самъ сказалъ... Пушкинъ очень перемѣнился наружностію: страшные черные бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выраженіе; впрочемъ, онъ все тотъ же—такъ же живъ, скоръ и по прежнему въ одну минуту переходитъ отъ веселости и смѣха къ задумчивости и размышленію»⁶⁷⁾. Одной изъ причинъ охлажденія Пушкина къ Москвѣ были сплетни, жертвою которыхъ онъ быстро сталъ. «Москва неблагородно поступила съ нимъ»—разска-

зываетъ Шевыревъ: — «послѣ неумѣренныхъ похвалъ и лестныхъ пріемовъ охладѣли къ нему, начали даже клеветать на него, возводить на него обвиненія въ ласкательствѣ и даже наущинствѣ передъ государемъ. Это и было причиною, что онъ оставилъ Москву»⁶⁸⁾. Той же участи подвергъ, было, поэтъ своего Онегина, когда онъ, странствуя по Россіи, посѣтилъ старую столицу: «замѣченъ онъ. Объ немъ толкуетъ разнорѣчивая молва, имъ занимается Москва, его шпиономъ

⁶⁷⁾ «Русск. Стар.» 1903, июнь, 638. сборн. «Памяти А. П. Майкова», 249.

⁶⁸⁾ А. П. Майковъ, «П—нъ», 330.—Во время путешествія Пушкина въ 1833 г. разнесся слухъ, что онъ ѣздитъ не для изученія пугачевщины, а для собиранія секретныхъ свѣдѣній о провинціальныя чиновникахъ» («Воспоминанія графа В. А. Сологуба. М. 1866, стр. 18—19).

⁶⁴⁾ «Старина и Новизна», VI, 4—5; М. Сухомятиновъ, «Исслѣдованія», II, 219—228. Ср. въ настоящемъ томѣ примѣчаніе къ «Борису Годунову».

⁶⁵⁾ Письмо къ Бенкендорфу 3 января 1827 г.

⁶⁶⁾ Сухомятиновъ, II, 216; «Дѣла III Отдѣленія», 43.

именуесть»...⁶⁹⁾. Когда одинъ изъ извѣстныхъ братьевъ Критскихъ предложилъ избрать Пушкина въ предсѣдатели тайнаго общества, кто-то изъ членовъ возразилъ, что «Пушкинъ нынѣ предался большому свѣту и думаетъ болѣе о модахъ и остренькихъ стишкахъ, нежели о благѣ отечества⁷⁰⁾. Даже въ глазахъ зеленой молодежи Пушкинъ уже не былъ прежнимъ Пушкинымъ. Что происходило въ душѣ

его,—этого никто не зналъ. Поэтъ былъ одинокъ.

Еще нѣсколько лѣтъ суждено было Пушкину влечить скитальческую жизнь, безъ вѣшняго спокойствія и безъ внутренняго мира съ самимъ собою. Москва была для него въ 1826—1827 гг. лишь станціей на этомъ пути. Вскорѣ онъ опять пустился въ дорогу, и во второй половинѣ мая 1827 г. мы застаемъ его уже въ Петербургѣ.

Н. Лернеръ.

⁶⁹⁾ «Русск. Стар.» 1888 г., январь, 242.

⁷⁰⁾ «Былое» 1906 г., июнь, 46.

Автопортретъ Пушкина. Изъ «Ушаковского» альбома.

ПУШКИНЪ И ЕГО ДРУЗЬЯ СЛУШАЮТЪ ДЕКЛАМАЦІЮ
МИЦКЕВИЧА ВЪ САЛОНѢ КН. ЗІНАИДЫ ВОЛКОНСКОЙ.

Картина Г. Г. Мясоедова.

ИЗМЕНЕНИЯ ВЪ СЪСТАВѢ И СЪСТАВЛЕНІИ
ПОСЛАНИЙ КЪ СЪСТАВЛЕНІИ ВОПРОСОВЪ

Составилъ А. А. Мухоморовъ

Р У С А Л К А.

Пьеса эта, оставшаяся въ бумагахъ Пушкина неоконченною и неотдѣланною, появилась въ печати уже послѣ смерти поэта, въ VI томѣ Современника, съ произвольными передѣлками, принадлежащими, можетъ быть, Жуковскому, которымъ, вѣроятно, дано также и заглавіе, въ рукописи отсутствующее. Въ настоящее время она извѣстна намъ въ перебѣленномъ автографѣ, съ поправками Пушкина, а также и въ черновыхъ листахъ, писанныхъ отчасти чернилами, отчасти—карандашемъ. Всѣ эти рукописи изданы фототипически А. де-Біонкуръ, подъ редакціей Л. П. Бѣльскаго, въ М. 1901 г. Кромѣ того, въ бумагахъ А. С. Норова сохранился первоначальный набросокъ разговора княгини съ мамкой. Онъ напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ 1865, № 12, а снимокъ съ него данъ въ книгѣ В. Я. Брюсова: «Письма Пушкина и къ Пушкину», М. 1903.

Въ бумагахъ Пушкина оказался также небольшой набросокъ, бывшій въ свое время въ рукахъ П. В. Анненкова, который, однако, почему-то совсѣмъ забылъ о немъ въ своихъ «Матеріалахъ». Этотъ набросокъ будетъ напечатанъ въ 4-мъ томѣ академическаго изданія сочиненій Пушкина. По времени написанія его слѣдуетъ приурочить къ 1826 году. Изъ него видно, что въ воображеніи Пушкина уже задолго до созданія извѣстной намъ теперь «Русалки» носился образъ фантастическаго существа, водяной красавицы, съ которою смертный находится въ близкихъ любовныхъ отношеніяхъ. Но въ ту пору поэтъ еще очень «неясно различалъ сквозь магическій кристаллъ» своей фантазіи «даль» той драмы, какая создастся у него впоследствии...

Что касается этой драмы, то она, по свидѣтельству Анненкова, основанному на изученіи пушкинскихъ рукописей, была задумана Пушкинымъ въ ту осень 1830 г., которая отмѣчена въ біографіи нашего поэта поразительнымъ приливомъ творческихъ силъ. Въ эту осень Пушкинъ застрѣлъ

въ своей дальней и глухой нижегородской вотчинѣ, Болдинѣ, отрѣзанный холерными карантинами отъ всего остального міра, въ полномъ одиночествѣ, и съ жаромъ принялся за осуществленіе творческихъ плановъ, быть можетъ, уже давно роившихся въ его головѣ и теперь нашедшихъ себѣ выходъ въ усиленной работѣ. Извѣстно, что въ эту пору, кромѣ цѣлаго ряда мелкихъ стихотвореній, Пушкинымъ были написаны Повѣсти Бѣлкина, Исторія села Горохина, Домикъ въ Коломнѣ, Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Каменный Гость, Пиръ во время чумы... Одновременно была начата и Русалка, съ которою поэтъ, однако, не снѣвши, отложилъ ее въ сторону и вернулся къ ней только полтора года спустя, уже въ Петербургѣ: 1-я сцена помѣчена, въ окончательномъ видѣ, 27 апрѣля 1832 г.

Въ это время Пушкинъ занимался переложеніемъ извѣстнаго сборника Мериме въ Пѣсни Западныхъ Славянъ—и, между прочимъ, написалъ усвоеннымъ имъ сербскимъ эпическимъ размѣромъ пѣсню XV «Янышъ-королевичъ», замѣтивъ о ней въ выносѣ: «Пѣсня о Янышѣ-Королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую, и то не всю». О какомъ «подлинникѣ» говорить здѣсь поэтъ? Въ сборникѣ Мериме этой пѣсни не находится; среди произведеній славянской народной поэзіи, въ настоящее время уже достаточно обследованныхъ, также не встрѣтилось ничего подходящаго; пѣсня, провозглашенная, съ легкой руки Анненкова, «чешскимъ сказаніемъ», не говоря уже о сербскомъ ея размѣрѣ, заключаетъ въ себѣ упоминаніе о «вилѣ», извѣстной только въ сербской поэзіи; наконецъ, и самое имя «Янышъ» звучитъ какъ-то странно: ни по чешски, ни по сербски... Въ нашей литературѣ было уже высказано вскользь (О. Е. Коршемъ) предположеніе,—не сочинена ли пѣсня о Янышѣ самимъ Пушкинымъ, который только выдалъ ее за переводъ съ неизвѣстнаго «подлинника», какъ сдѣлалъ то же самое

со Скупымъ Рыцаремъ? Это предположеніе представляется вполнѣ вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшей обработкѣ того же сюжета—въ Русалкѣ—Пушкинъ цѣликомъ взялъ изъ пѣсни о Янышѣ не только общій ходъ разсказа, но и нѣкоторые отдѣльныя положенія и выраженія. Въ пѣснѣ Янышъ—

Съ прежней любовью идеть проститься,
Ей приносить съ червонцами чересь,
Да гремучія серьги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Самъ ей вдѣлъ онъ серьги золотыя,
Навязать на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами
чересь...

Какъ одна осталася Елица,
Деньги на земь она пометала,
Изъ ушей выдернула серьги,
Ожерелье на двое разорвала,
А сама кинулася въ Мораву.
Тамъ, на днѣ, молодая Елица
Водяною царицей очулася,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей...

Въ драмѣ серьги замѣнены повязкой, «чересь»—мѣшкомъ (что одно и тоже); по огѣвѣдѣ князя, дѣвушка рветъ съ себя жемчугъ, снимаетъ повязку и бросается въ рѣку. Затѣмъ она «въ глубинѣ рѣки очулася съ русалкою холодною и могучей», которую русалки называютъ «царицей», и родила тамъ дочь. Другое совпаденіе касается мелкой детали: въ пѣснѣ маленькая Водяница виснеть на уздѣ коня Яныша; въ драмѣ дочь говорить:

И я, безумная, его пустила!
Я за полы его не уцѣпилась!
Я не повисла на уздѣ коня!

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что пѣсня о Янышѣ послужила основою для Русалки. Замыселъ поэта нашель себѣ выраженіе сначала въ эпической формѣ, затѣмъ развернулся въ драму; но какъ пѣсня, такъ и драма не были доведены до конца...

Въ пору созданія Русалки Пушкинъ уже вполнѣ владѣлъ народною поэтическою рѣчью и былъ основательно знакомъ съ пріемами народнаго поэтическаго творчества, хотя и не могъ еще освободиться отъ свойственнаго тому времени романтическаго воззрѣнія на «народность». Этимъ объясняется нѣкоторая двойственность въ характерѣ его драмы: съ одной стороны, мы видимъ въ

Русалкѣ отраженія русской народной жизни и поэзіи, особенно яркія въ сценѣ свадебнаго пира, а съ другой стороны—изображеніе «подводнаго царства» и балладную фигуру мельника-ворона. Въ сценѣ съ тѣмъ, въ произведеніи Пушкина отразились довольно замѣтными чертами и литературныя вліянія: баллады Мицкевича и въ особенности—чрезвычайно популярная въ свое время опера Генслера (музыка Кауэра) «Donauweibchen», переведенная въ 1803—1807 гг. и приспособленная для русской сцены Николаемъ Краснополскимъ, подъ заглавіемъ: «Днѣпровская Русалка». Тематическое сходство этой, хорошо извѣстной всѣмъ современникамъ нашего поэта, оперы съ драмой Пушкина и даже совпаденіе въ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностяхъ было впервые обстоятельно изслѣдовано академикомъ И. Н. Ждановымъ *). «Изученіе такого именно матеріала», говоритъ авторъ изслѣдованія,—«наблюденіе надъ способомъ обработкисего матеріала великимъ художникомъ представляетъ значительный интересъ. Сопоставленіе малоцѣннаго матеріала съ художественной его обработкой можетъ служить показателемъ силы и гибкости литературнаго таланта. Тяжело наблюдать, когда «художникъ-варваръ кистью сонной картину генія чернить и свой рисунокъ беззаконный надъ ней безсмысленно чертить»; противоположное наблюденіе вызываетъ и противоположное чувство. Отраднѣе присматриваться, когда кисть истиннаго художника превращаетъ «беззаконный рисунокъ въ гениальную картину».

«Днѣпровская Русалка» Краснополяскаго пользовалась у насъ, въ теченіе чуть ли не полулѣтка, огромнымъ успѣхомъ и на столбчатыхъ, и на провинціальныхъ сценахъ. «Пьеса эта»,—разсказываетъ лѣтописецъ русскаго театра Араповъ,—«была представлена въ первый разъ 26 октября 1803 г. на Большомъ театрѣ, съ великолѣпнымъ спектаклемъ, и обставлена лучшими артистами... Не смотря на всю нецѣльность своего содержанія, она произвела фуроръ, и въ Петербургѣ только что и говорили о ней и пѣли повсюду изъ нея арии и куплеты: «Приди въ чертогъ ко мнѣ златой». «Мушкетеры на свѣтѣ какъ мухи къ намъ льнутъ» и «Вы къ намъ вѣрность никогда не хо-

*) «Памяти Пушкина», Сборникъ статей преподавателей и слушателей ист.-фил. факультета Имп. Спб. университета, Спб., 1900, стр. 139—178.

тите сохранишь». Эти арии были въ болъшой модѣ, и повторялось представленіе Русалки черезъ день... 5 мая, 1804 г. было первое представленіе второй части... Обѣ части давали попеременно, обѣ равно нравились... 25 октября, 1805 г. давали третью часть...»). Арии и хоры изъ Русалки переходили и въ пѣсенники,—и Пушкинъ въ Онегинѣ (II, 12) отмѣтилъ ихъ исполненіе въ деревенскомъ помѣщичьемъ обиходѣ:

Потомъ приносятъ и гитару,
И запищитъ она—Богъ мой!
«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!»

Общее содержаніе оперы заключается въ слѣдующемъ: полоцкій князь Видостанъ женится на дочери черниговскаго князя Славомысла, Милославѣ. Во время сватовства и свадьбы къ Видостану и Милославѣ нѣсколько разъ является, въ различныхъ превращеніяхъ, дѣвировская русалка Леста. Видостанъ нѣкогда любилъ ее, и она являлась ему въ видѣ крестьянской дѣвушки. Теперь Видостанъ узнаетъ отъ нея, что онъ—отецъ: Леста показываетъ ему ихъ дитя, дѣвочку Лиду, и требуетъ, чтобы Видостанъ и послѣ женитьбы не забывалъ своей прежней любви: онъ можетъ жениться, но долженъ три дня въ году проводить въ подводномъ теремѣ Лесты. Свиданія съ Лестой, ея рѣчи, вносятъ смущеніе въ сердце Видостана. Онъ колеблется между привязанностью къ женѣ и воспоминаніями о прежней любви. Тревожится и Милославъ, предчувствуя что-то недоброе. Вся эта тревога завершается перенесеніемъ Видостана въ подводный теремъ русалки; по званію по волѣ Лесты князь возвращается къ своей женѣ. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ новыхъ явленій и превращеній Лесты. Она отдаетъ свою дочь на воспитаніе женѣ Видостана, который долженъ былъ поклясться, что никогда и никому не откроетъ тайны рожденія маленькой Лиды. Видостанъ не сдержалъ клятвы и въ наказаніе за это лишается жены: Милослава умираетъ, пораженная молніей; но Леста возвращаетъ ее къ жизни и переноситъ въ свое подводное царство. Здѣсь она и должна оставаться до тѣхъ поръ, пока Видостанъ не докажетъ своего раскаянія, пока въ его сердцѣ снова не проснется любовь къ женѣ.

За множествомъ сценъ, напоминающихъ

то феерию, то фарсъ, за виѣшней пестротой содержанія скрывается чрезвычайно скудное драматическое дѣйствіе. Пьеса открывается сценой княжеской охоты. Видостанъ на берегу Дѣвирѣ. Появляются русалки; слышенъ голосъ Лесты. Этотъ знакомый голосъ напоминаетъ князю былое. Видостанъ убѣждается, что чары прежней любви еще сохраняютъ надъ нимъ свою силу: онъ не можетъ забыть минувшаго счастья и хотѣлъ бы его вернуть. Эта сцена охоты, сопровождаемая появленіемъ Лесты и тяжелымъ раздумьемъ Видостана, повторяется въ первой части пьесы нѣсколько разъ. Князь борется съ чувствомъ привязанности къ былому, желаетъ разорвать союзъ съ русалкой, но «память сердца» оказывается слишкомъ сильною. Въ началѣ III-й части мы снова находимъ Видостана на берегу Дѣвирѣ. Онъ радъ, что можетъ «предаться восхитительнымъ воспоминаніямъ о величественномъ Дѣвирѣ, въ которомъ обитаетъ прелестная Леста. О, если бѣ могъ я,—говоритъ онъ,—увидѣть ее еще однажды, если бѣ могъ я услышать пріятный ея голосъ!» и т. д.

Очень вѣроятно, что рѣшеніе Пушкина возсоздать сюжетъ пьесы о королевичѣ Янышѣ въ драматической формѣ было подсказано именно Дѣвировской Русалкой, подобно тому, какъ новая переработка сюжета о Донъ-Жуанѣ была навѣяна оперой Моцарта. Тема Русалки, занимавшая нашего поэта, была имъ воспринята и освобождена отъ той шелухи, въ которой она изложена въ оперѣ Генслера,—отъ всѣхъ этихъ ненужныхъ и неумѣлыхъ фіоритуръ то сентиментальнаго, то комическаго характера—развита и углублена въ своемъ существѣ и сближена съ русскою жизнью. Въ результатѣ этой переработки явилось совсѣмъ новое, высокохудожественное произведеніе; подъ неумѣло наложенными красками «варвара» заблестѣло твореніе гениа.

Сходство общаго содержанія двухъ Русалокъ очевидно. Въ томъ и другомъ произведеніи главные дѣйствующія лица—одинъ и тѣ же: князь, его бывшая подруга—русалка, маленькая дочь этой русалки и жена князя. Завязка драмы и здѣсь и тамъ связана съ женитьбою князя. Свадьба сыграна; но и послѣ женитьбы князь возвращается мыслью и сердцемъ къ воспоминаніямъ о прежней любви. Жена князя у Пушкина страдаетъ, замѣчая охлажденіе мужа; страдаетъ и Милослава, замѣчая

*) П. Араповъ. Лѣтопись рус. театра, Спб. 1861, стр. 163—164, 166, 172, 182.

охлаждение Видостана. Тяжелое положение осложняется существованием маленькой русалочки, дочери князя и русалки. В дальнейшем развитии действия Пушкин уже совершенно отклонился от плана Дибровской Русалки; но многие отдельные частности все-таки обнаруживают некоторые, иногда очень любопытные, совпадения этих двух произведений, столь различных между собою по духу и по литературному достоинству.

Место действия пушкинской Русалки представляет берег Дибра (сцены 1, 4, 6), княжеский терем (сц. 2, 3) и терем русалки на дибрѣ (сц. 5). Тот же берег Дибра и тот же подводный дворец находим и в переводной Русалке. На берегу Дибра мы застаем и Видостана и пушкинского князя. В конце первой части оперы «театр представляет хрустальные чертоги русалки на дибрѣ». Русалки поют: «Благоденствуй, царица драгая», и пр. В такой же обстановке начинается и действие второй части оперы. У Пушкина в 5-й сцене Русалки место действия определяется так: «Дибровское дно. Терем русалокъ. Русалки прыдут около своей царицы». Есть в переводной пьесе и мельница на берегу Дибра, а рядом с нею большое дерево (у Пушкина—«Дубъ завѣтный»). Пушкинская русалка—дочь мельника; в виде мельничихи появляется и Леста в некоторых сценах оперы. На вопрос: «Кто ты такова?» она отвечает: «Я дочь здѣшняго мельника и послана къ прѣзжему князю, который называется Видостаномъ». Между первой и третьей сценами пушкинской Русалки проходит пять лѣтъ; то же число лѣтъ указано и в оперѣ. Веселье гостей, пирующих на княжеской свадьбѣ, смущено голосом невѣдомой пѣвицы, которая поет не свадебную пѣсню. Князь догадывается, что пѣла дочь мельника. Онъ «встаетъ изъ-за стола и говоритъ тихо конюшему:

Вѣдь мельничиха здѣсь?
Скорѣ выведи ее. Да свѣдай,
Кто смѣлъ ее впустить».

По первоначальной редакціи Русалки пѣвица была замѣчена, но не узнана. «Дѣвушка подъ покрываломъ проходитъ черезъ комнату». Ее видѣли дружки и сваха. На свадебномъ пиру князя Видостана также появляется русалка въ видѣ странствующей пѣвицы. Она играетъ на бандурѣ и поетъ

пѣсню. «По окончаніи аріи... Леста глядитъ пристально на Видостана». Этотъ взглядъ обращаетъ на себя общее вниманіе. Одинъ изъ княжескихъ слугъ готовъ прогнать пѣвицу: «Этакихъ гостей знаешь ли, какъ провожаютъ?»—говоритъ кравчій, обращаясь къ Лестѣ. Она требуетъ, чтобы князь угостилъ ее «кубокъ меду сладкаго». Видостанъ подаетъ ей кубокъ трепеща...

Въ III сценѣ пушкинской Русалки князь, отправившійся на охоту, остается одинъ на берегу Дибра. Охотники возвращаются домой. Княгиня спрашиваетъ ловчаго, гдѣ князь и что съ нимъ, и приказываетъ сейчасъ же скакать за нимъ. Сходная сцена встрѣчается въ III части оперы. Видостанъ отправляется на охоту и долго не возвращается домой. «Что мнѣ дѣлать?»—говоритъ онъ: «Развѣ слышать скучные упреки отъ Милославы?» Охотники ищутъ князя, но не находятъ его. Милослава тревожится, одинъ изъ слугъ ее успокаиваетъ и пр.

Въ IV сценѣ Русалки князь на берегу Дибра вспоминаетъ бывшее и, между прочимъ, идетъ къ деревьямъ; на него сыплются листья.

Что это значитъ? Листья.
Поблкнувъ, вдругъ свернулись съ шумомъ
Посыпались, какъ пепелъ, на меня...

Въ I-й части оперы Видостанъ «садится подъ дерево и говоритъ: Я какъ будто приколдованъ къ этому мѣсту и не могу забыть того, что со мною приключилось. (Листья съ дерева на него сыплются. Вскочивъ). Что это значитъ? Какое невидимое существо окружаетъ меня?»

Въ другой сценѣ князь снова на берегу. «Напрасно хожу я по берегу быстрого Дибра»,—говоритъ онъ. «Напрасно ожидаю съ нетерпѣніемъ ненастижимаго привидѣнія; очаровательное пѣніе, которое восхищало меня сегодня, безпрестанно раздается въ душѣ моей и влечетъ меня сюда подобно магниту». У Пушкина: «Неволью къ этимъ грустнымъ берегамъ меня влечетъ невѣдомая сила...»

«Сопоставленіе Русалки Пушкина съ Русалкой Краснопольскаго убѣждаетъ насъ въ несомнѣнномъ родственномъ сходствѣ этихъ произведеній», говоритъ акад. Ждановъ. «Но это же сопоставленіе двухъ Русалокъ открываетъ намъ и глубокую разницу «беззаконнаго рисунка» и гениальной картины. Пушкинъ зналъ переводную Русалку; онъ перенесъ изъ нея въ свое

произведение и некоторые литературные мотивы, но в передѣлкѣ великаго поэта и основной сюжетъ драмы и ея частности получили не только новую, болѣе блестящую оболочку, но и новый, болѣе глубокий смыслъ. Передѣлка коснулась и построения драмы, и изложенія отдѣльных подробностей... Все, напоминающее театральную феерію и фарсъ, всѣ превращенія и путевскія сцены исчезли, конечно, въ Русалкѣ Пушкина... Въ переводной оперѣ изложеніе драматическаго сюжета растянута на сотни явленій. Русалка Пушкина обрывается на шестой сценѣ; но въ этихъ немногихъ сценахъ великій поэтъ успѣлъ развернуть передъ нами такую потрясающую психологическую картину, о какой и не думали Генслеръ и Краснополскій...

Леста въ оперѣ—фантастическое существо, безсмертная водяная фея—«никса», лишь случайно, по прихоти своей, принимающая видъ крестьянской дѣвушки и въ этомъ видѣ затѣвающая любовную игру съ Видостаномъ. Такимъ образомъ, въ оперѣ отсутствуетъ главный, существенный элементъ драмы—страданія покинутой любовницы. У Пушкина и въ пѣснѣ о Янышъ-королевичѣ и въ Русалкѣ князь находится въ связи не съ фантастической, а вполне реальной дѣвушкой, дочерью мельника, которая становится русалкою только послѣ того, какъ, брошенная милымъ, утопилась въ Дибрѣ. Такая русалка уже не можетъ «играть» съ прежнимъ своимъ возлюбленнымъ; нѣтъ, она въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ каждый день помышляетъ о мести и радуется, когда ей кажется, что «часъ насталъ». Фантастическій элементъ пьесы Пушкина развивается рядомъ съ вполне реальными картинами русскаго быта. Вся вторая сцена Русалки представляетъ художественное воспроизведеніе старо-русскаго свадебнаго обряда. «Молодыхъ кормятъ жаренымъ пѣтухомъ, осыпаютъ хмелемъ»; дружка долженъ разбѣжать ночью подъ окнами княжеской опочивальни; хоръ дѣвушекъ поетъ пѣсни; одна изъ этихъ пѣсенъ подшучиваетъ надъ сватомъ и т. д. Всѣ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, пѣсни дѣвушекъ и русалокъ у Пушкина представляютъ, говоря словами акад. Жданова, «рѣдкій образецъ художественнаго пересозданія народной рѣчи». Неуклюжее издѣліе Краснополскаго, не имѣвшее никакой литературной цѣнности, у Пушкина превратилось въ одинъ изъ перловъ русскаго поэзіи.

Что касается балладъ Мицкевича, то съ ними пушкинская Русалка находится въ гораздо болѣе отдаленной связи.

Тема покинутой дѣвушки разработана польскимъ поэтомъ въ двухъ балладахъ, содержаніе которыхъ заимствовано изъ литовскихъ народныхъ преданій: «Свитезянка» и «Рыбка». Въ первой изъ этихъ балладъ фантастическая Свитезянка, принявъ образъ реальной дѣвушки, сходится съ молодымъ охотникомъ, который клянется любить ее вѣчно. Для испытанія его вѣрности красавица снова принимаетъ свой прежній образъ русалки и, незнанная возлюбленнымъ, манитъ его къ себѣ. Когда же онъ поддается на приманку, русалка горько упрекаетъ его въ вѣроломствѣ, и охотникъ погибаетъ въ волнахъ рѣки. Такимъ образомъ, общее съ пушкинской драмой тутъ только то, что русалка мститъ своему возлюбленному за измѣну. Но, вѣдь, въ сущности, мститъ она за измѣну, въ которой она сама является соучастницей. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ существенно расходится съ Мицкевичемъ. Кромѣ того, Свитезянка съ самаго начала является русалкою, между тѣмъ какъ у Пушкина въ русалку обращается загубленная измѣной милаго дѣвушка.

Во второй балладѣ дѣвушка-крестьянка, огорченная измѣной молодого барина, бросается въ озеро съ угрозой отомстить измѣннику. У нея осталась малютка-дочь, отданная на попеченіе старика-слуги. Въ то время, какъ въ барскихъ хоромахъ идетъ свадебное веселье, старикъ подходитъ къ озеру съ ребенкомъ погибшей, горько жалуется на то, что младенца некому покормить грудью, и зоветъ утонувшую мать. Появляется рыбка, превращается въ дѣвцу, беретъ ребенка, кормитъ его, затѣмъ снова оборачивается рыбкой и уплываетъ. Такъ продолжается нѣсколько дней. Но вотъ, однажды, старый слуга увидѣлъ, что баринъ съ молодой женой пошли гулять по направленію къ озеру. Когда и онъ черезъ нѣкоторое время, понесъ туда ребенка, онъ былъ пораженъ исчезновеніемъ озера; на прежнемъ берегу онъ увидѣлъ только два камня, подобные двумъ человѣческимъ тѣламъ. Слуга догадался, что это—тѣла барина, погубившаго крестьянку, и его жены, «дикю усмѣхнулся» и, читая молитвы, возвратился къ себѣ домой.

Въ этой балладѣ больше сходства съ основнымъ мотивомъ пушкинской русалки. Здѣсь мы видимъ такую же, какъ и у Пуш-

кина, крестьянку, обольщенную и покинутую знатным господином; далѣе, свадебный пиръ у Мицкевича парушается плачемъ ребенка, а у Пушкина—голосомъ погибшей дочери мельника. Но этими двумя чертами и ограничивается сходство польской баллады съ нашей драмой; дальше между ними нѣтъ уже ничего общаго *).

Такимъ образомъ, зависимость Русалки отъ баллады Мицкевича,—если вообще выраженіе «зависимость» въ данномъ случаѣ уместно,—не простирается дальше самаго общаго тематическаго сходства. Пушкинъ, конечно, зналъ эти баллады; но думать, что онъ имъ, такъ или иначе, «подражалъ» было бы черезчуръ смѣло. Вообще же слѣдуетъ сказать, что Пушкинъ—какъ и Мицкевичъ,—былъ хорошо знакомъ съ народными преданіями и сказками о русалкахъ, бѣсахъ, мертвецахъ и т. п. и сообразно духу своего времени придавалъ имъ, въ своей обработкѣ, условное, романтическое освѣщеніе. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ, безъ сомнѣнія, гораздо ближе польскаго поэта подошелъ къ дѣйствительной жизни. Сравненіе Русалки съ названными выше балладами служить однимъ изъ яркихъ доказательствъ этого различія между двумя поэтами.

Существовало во времена, довольно близкія къ Пушкину, смутное преданіе о томъ, будто Русалка была написана въ качествѣ опернаго либретто. Въ печати извѣстіе объ этомъ было впервые передано какъ «слухъ», Бѣлинскимъ, въ его извѣстномъ разборѣ «Сочиненій А. Пушкина», въ 1846 г., т. е. спустя всего девять лѣтъ послѣ смерти поэта и появленія Русалки въ Современникѣ. «Если бы это было и правда», прибавляетъ критикъ,—«то хотя самъ Моцартъ написалъ бы музыку на эти слова, опера не была бы выше своего либретто, тогда какъ до сихъ поръ лучшія оперы писаны на глупѣйшія и пошлѣйшія слова... Но это предположеніе едва ли основательно. За исключеніемъ двухъ хоровъ русалокъ и одной свадебной пѣсни, да голоса невидимой русалки на свадебномъ пирѣ, вся пѣса написана пятистопнымъ ямбомъ, слишкомъ длиннымъ и однообразнымъ для пѣнія». Такое же извѣстіе на-

ходимъ и въ «Матеріалахъ» Анненкова, который, передавая его, основывался на «нѣкоторыхъ разсказахъ, сообщенныхъ недавно публикѣ». Анненковъ высказалъ предположеніе, что композиторомъ, для котораго Пушкинъ сталъ писать свою Русалку, былъ молодой музыкантъ Андрей Петровичъ Есауловъ, посившій, собственно, фамилію Петрова, незаконный сынъ помѣщика Есаулова. Близкій другъ Пушкина, П. В. Нащокинъ, принимавшій въ судьбѣ Есаулова горячее участіе, заинтересовалъ поэта личностью этого талантливаго, но безпутнаго художника, и Пушкинъ, какъ видно изъ его писемъ, самъ принялся за него хлопотать и, вмѣстѣ съ Соболевскимъ, кое-чѣмъ помогалъ ему. Можетъ быть, поэтъ и въ самомъ дѣлѣ подумывалъ о переработкѣ Русалки въ либретто: на это, какъ будто, намекаетъ «иновскій» отрывокъ сцены княгини съ мамкой, написанный болѣе музыкальнымъ размѣромъ, нежели обычный драматическій ямбъ. Но Есауловъ вскорѣ уѣхалъ въ провинцію (въ Рязанскую губернію), гдѣ и умеръ, и Пушкинъ такъ и не довѣлъ своего намѣренія до конца, да не окончилъ и самой драмы «Русалка».

Критика встрѣтила отрывокъ драмы, при его появленіи въ печати, восторженными похвалами. «Чего лишили мы въ неоконченной Русалкѣ, которая обѣщала быть однимъ изъ первыхъ, однимъ изъ самыхъ народныхъ произведеній Пушкина!» писалъ Шевыревъ въ Москвитинѣ 1841 г. (ч. V, № 9).

Бѣлинскій о драматическихъ произведеніяхъ Пушкина вообще говоритъ (Соч., изд. Венгеровъ, VI, 110), что нашъ поэтъ «создалъ особый родъ драмы, которая къ настоящей относится, какъ повѣсть къ роману. По формѣ и объему это—не больше, какъ драматическіе очерки, но по содержанію и его развитію это—трагедія въ полномъ смыслѣ слова. По оригинальности и самобытности онѣ не могутъ быть сравниваемы ни съ какими другими, но по глубокости идей и художественности формы, свидѣтельствующей о непосредственности акта творчества, изъ котораго онѣ вышли, ихъ достоинство можетъ измѣряться только шекспировскими драмами».

Обращаясь, въ частности, къ Русалкѣ, Бѣлинскій замѣчаетъ, что «въ фантастической формѣ этой поэмы скрыта самая простая мысль, разсказана самая обыкновенная, но тѣмъ болѣе ужасная исторія...

*) Это сходство указано П. Эйзенбетомъ въ Пушкинскомъ Сборникѣ студентовъ Московскаго университета, М. 1900, стр. 160—161. Но г. Эйзенбетъ совершенно напрасно сравниваетъ стараго слугу съ мельникомъ.

Какъ жалѣ, что эта піеса не кончена! Хотя ея конецъ и понятенъ: князь долженъ погибнуть, увлеченный русалками на дно Днѣпра. Но какими бы фантастическими красками, какими бы дивными образами все это было сказано у Пушкина—и все это погибло для насъ!... Русалка въ особенности обнаруживаетъ необыкновенную зрѣлость таланта Пушкина: великій талантъ только въ эпоху полного своего развитія можетъ въ фантастической сказкѣ высказать столько обще-человѣческаго, дѣйствительнаго, реальнаго, что, читая ее, думаешь читать совсѣмъ не сказку, а высокую трагедію...

Чернышевскій въ своихъ «Очеркахъ гоголевскаго періода» высказываетъ, что Русалка «рѣшительно должна быть названа однимъ изъ превосходѣйшихъ произведеній поэзіи Пушкина».

Дружининъ (соч. т. VII, стр. 75.) находилъ, что въ «Русалкѣ» «мы видимъ Пушкина на одной дорогѣ съ Шекспиромъ—за готовымъ, вычитаннымъ планомъ, за простой легендой, за сказочкою, многими поколѣніями слушанной до нашего поэта, за одной изъ тѣхъ простыхъ темъ, о которыхъ сотнями сокрушаютъ себя крылья художники не первоклассные. И, не смотря на неимовѣрную трудность задачи, все произведение дивитъ насъ какъ замысломъ и сочиненіемъ, такъ и высокой гармоніей подробностей. Поэзія, которою проникнута вся Русалка отъ первой строки до послѣдней, непредѣльна, какъ горизонтъ небесный... Въ этомъ твореніи мы находимъ все, что составляетъ прелесть поэмъ безсмертныхъ и первоклассныхъ: величественную стройность дѣлаго, безукоризненную прелесть въ малѣйшихъ подробностяхъ, силу замысла и, наконецъ, стихъ, дѣйствующій на насъ подобно великолѣпной музыкѣ, уносящей душу читателя въ тотъ заповѣднй міръ, гдѣ самые звуки простыхъ словъ рождаютъ собой и мысли, и рой поэтическихъ образовъ... Великая сила Пушкина вся сказывается въ Русалкѣ, образцовомъ твореніи по своей правдѣ и своей поэзіи!.. Стихи, которыми написана Русалка, по совершенству своему до такой степени превышаютъ все, писанное мастерами дѣла у насъ, что мы поневолѣ должны будемъ ихъ сравнивать съ бѣлыми стихами тѣхъ иностранныхъ поэтовъ, которые сдѣлали изъ такого стиха лучший органъ для передачи многихъ изъ своихъ вдохновеній. Бѣлый стихъ Байрона въ Манфредѣ,

драмахъ и въ некоторыхъ поэмахъ рѣшительно уступаетъ стиху Пушкина. Кромѣ Гете и Мильтона съ Шекспиромъ мы не знаемъ поэтовъ, которыхъ бѣлый стихъ могъ бы идти рядомъ съ неподобнымъ стихомъ, которому мы не можемъ достаточно удивиться, читая Русалку Пушкина».

Русалка осталась неоконченною. Въ рукописи, находящейся въ настоящее время въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ (№2376 А, л. 18 об.) имѣется набросокъ программы: «Мельникъ и его дочь.—Свадьба.—Княгиня и мамка.—Русалки.—Князь, старикъ и русалочка.—Охотники».

Сравнивая эту программу съ ея исполненіемъ, мы видимъ, что Пушкину оставалось сдѣлать только еще небольшое усиліе для того, чтобы закончить свою драму: недостаетъ только появленія «охотниковъ»,—очевидно, посланныхъ княгиней на розыски князя. Но тутъ, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была разыгратъ окончательная катастрофа,—поэтъ задумался и отложилъ свою рукопись, къ которой затѣмъ ему уже не пришлось вернуться. Почему это случилось? Г. Суворинъ *) высказалъ мнѣніе, что Пушкинъ не окончилъ Русалки потому, что «подошелъ къ сценѣ, требовавшей всего напряженія его таланта. Онъ остановился тамъ, гдѣ предстояло ему написать нѣчто, вполне достойное великаго поэта. Никогда такая трудная задача еще ему не представлялась. Живой отецъ—виновникъ гибели любимой женщины, и дочь его—фантастическое лицо. Столкновеніе реальнаго съ фантастическимъ, свиданіе отца и дочери въ такихъ положеніяхъ, какія едва-ли когда являлись во всемірной литературѣ. Все, что предшествуетъ этой сценѣ, для Пушкина было сравнительно легко; но тутъ былъ центръ драмы, ея сущность, ея идея, ея значеніе. Дѣло не столько въ томъ, что дѣвушка бросилась въ воду, но въ томъ главнымъ образомъ, что она унесла съ собою и другую жизнь—ребенка... Посылая на берегъ свою дочь, Русалка еще не знаетъ навѣрное, что выйдетъ изъ этого свиданія; но она не можетъ сомнѣваться въ томъ, что это свиданіе возбудитъ въ князѣ воспоминанія о прежней любви и пробудитъ въ немъ родительскія чувства. Интересъ къ драмѣ растетъ именно въ главномъ ея пунктѣ, онъ идетъ къ высшему

*) Поддѣлка Русалки Пушкина, Спб. 1900, стр. 188—189.

ся подъему, который именно тутъ, въ этомъ свиданіи отца съ дочерью»...

Какъ-то странно читать, будто Пушкинъ, «въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный», вдругъ испугался лившагося передъ нимъ затрудненія и не рѣшился дописать заключительную сцену драмы. Не вѣришь ли предположить, что поэтъ остановился на распутьѣ между нѣсколькими развязками, мелькавшими въ его умѣ? Самая простая и вѣроятнѣйшая—самая банальная изъ всѣхъ развязокъ заключалась бы въ томъ, что Русалка, такъ давно помышляющая о мести, губить князя, увлекающая его въ волны Днѣпра. Но такая развязка могла внушить сомнѣніе именно своей банальностью. Можно было дать драмѣ и другой исходъ,—такой, которымъ разрѣшается пѣсня о Янышѣ-королевичѣ: въ князѣ просыпается прежняя любовь, онъ умоляетъ Русалку выйти къ нему на берегъ, но бывшая любя отказывается, напоминая ему о молодой женѣ. Наконецъ, и мы имѣемъ нѣкоторое основаніе для такого утвержденія въ остающихся еще неизданными отрывкахъ Пушкина—возможно было и третье предположеніе: Русалка согласится на мольбы князя, прежнее чувство злобы и мести уступить свое мѣсто новой вспышкѣ любви и водяная красавица станетъ ласкать своего покаивагося любовника и цѣловать его своими холодными, мертвыми устами... Такъ Леста ласкала своего Видостана. Вопросъ о томъ, какую изъ трехъ возможныхъ развязокъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ предпочесть, могъ остановить на себя вниманіе Пушкина и заставить его повременить съ окончаніемъ Русалки. А затѣмъ явились другіе поэтическіе замыслы, другія заботы, и драма такъ и осталась незавершеною.

Это обстоятельство послужило поводомъ для нѣсколькихъ попытокъ разныхъ лицъ присочинить къ пушкинской Русалкѣ свое собственное окончаніе. Первая изъ этихъ попытокъ принадлежитъ извѣстному современнику и поклоннику Пушкина, А. О. Вельтману (1800—1870). Въ его бумагахъ, поступившихъ въ Московскій Публичный Музей, нашелся планъ продолженія Русалки съ тѣхъ словъ, на которыхъ обрывается подлинный пушкинскій текстъ, и начало самаго «продолженія». Другое продолженіе написано нижеперомъ А. И. Штуkenбергомъ и напечатано въ изданной имъ въ Спб. 1866 г. книжкѣ:

«Осенніе листы. Собраніе стихотвореній Антонія Крутогорова». Третье сочинено г-жей Е. Богдановой, напечатанной въ Москвѣ въ 1877 г., подъ буквами: «И. О. П.» «Продолженіе и окончаніе драмы Пушкина Русалка». Всѣ названные «продолжатели» Пушкина писали, разумѣется, на свой страхъ, нисколько не прикрываясь именемъ великаго поэта и стараясь лишь, по мѣрѣ своихъ способностей и разумѣнія, подойти къ пушкинскому замыслу. Но въ 1897 г. на страницахъ Русскаго Архива (кн. III) появилась грубо сфабрикованная мистификація инженера Д. П. Зуева, который увѣрялъ, что онъ еще въ 1836 г., 14-лѣтнимъ мальчикомъ слышалъ у поэта Губера чтеніе Пушкинымъ конца Русалки, запомнилъ его отъ слова до слова и затѣмъ спустя болѣе 50-ти лѣтъ, записавъ по памяти, читалъ въ собраніи Литературнаго Общества 1889 г., и, наконецъ, уступая настояніямъ Б. Н. Чичерина, опубликовалъ въ Русскомъ Архивѣ. Достаточно, казалось бы, одного взгляда на это произведеніе, въ которомъ то и дѣло встрѣчаются такіе будто бы стихи, какъ: «Въ Днѣпрѣ бросилась, русалкой вѣщей, стала», «Сказки... несправдливо... погибла... важность» или «мама, мама! Злой дѣдка обижаетъ», чтобы увидѣть всю пелѣность мысли, что эта неуклюжая поддѣлка имѣетъ что-то общее съ Пушкинымъ. Тѣмъ не менѣе нашлись почтенные люди, которые приняли эту грубо намалеванную дѣтскимъ карандашемъ бумажку за настоящій кредитный билетъ и принялись усердно доказывать ея подлинность,—и конечно, только лишній разъ доказали легковѣріе русскихъ читателей, съ давняго времени склонныхъ приписывать Пушкину всякія безграмотныя стихотворныя упражненія. Вопросъ о зувеской Русалкѣ¹⁾ вызвалъ въ свое время цѣлую литературу, собранную А. С. Суворинымъ въ книжкѣ: «Поддѣлка Русалки Пушкина (Спб. 1900) и послужилъ поводомъ къ замѣчательному во многихъ отношеніяхъ труду академика О. Е. Корша («Извѣстія Отдѣленія рус. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ» 1898 г.), который, желая доказать подлинность зувеской поддѣлки, представилъ прекрасный и подробный анализъ пушкинскаго стиха.

П. Морозовъ.

¹⁾ Ср. о ней дальше въ исторіи Пушкинскаго текста.

СВИДАНИЕ КНЯЗЯ СЪ ДОЧЕРЬЮ МЕЛЬНИКА.

Рисунокъ К. Лебедева.

695. [РУСАЛКА.].

[Не отдѣлано и не окончено].

[СЦЕНА ПЕРВАЯ].

Берегъ Днѣпра. Мѣльница.

Мѣльникъ, дочь его.

мѣльникъ.

Охъ то-то всѣ Вы, дѣвки молодая,
 Всѣ глупы вы. Ужъ если подвернулся
 Къ Вамъ человѣкъ завидный, не простой
 Такъ должно вамъ его себѣ упрочить
 А чѣмъ? разумнымъ, честнымъ повѣдѣнемъ,
 Заманивать то строгостью, то лаской;
 Порою изподволь, обнякомъ
 О свадьбѣ заговаривать—а пуше
 Беречь свою дѣвическую честь—
 Бездѣльное сокровище; она—
 Что слово—разъ упустишь, не веротишь.
 А коли пѣтъ на свадьбу ужъ надежды,
 То, всетаки, по крайней мѣрѣ можно
 Какой нибудь барышъ себѣ—или пользу
 Роднымъ да выгадать; подумать надо
 Не вѣчно-жъ будетъ онъ меня любить
 («И слушаться моей малѣйшей воли») —
 И баловать меня.»—Да пѣтъ! куда
 Вамъ помышлять одобрѣмъ дѣлѣкъ стати-ль?
 Вы тотчасъ одурѣете; Вы рады
 Исполнить даромъ прихоти его,
 Готовы цѣлый день висѣть на шеѣ
 У милаго дружка—а милый другъ

Глядь и пропасть, и слѣдъ простылъ; а вы
 Остались ни съ чѣмъ: Охъ, всѣ вы глупы!
 Не говорилъ-ли я тебѣ сто разъ:
 Эй, дочь, смотри, не будь такая дура
 Не прозѣвай ты счастья своего,
 Не упускай ты Князя, да съ проста
 Не погуби самой себя.—Что жъ вышло?..
 Сиди теперь, да вѣчно плачь о томъ,
 Чего ужъ не веротишь.

дочь.

Почему же

Ты думаешь что бросаешь онъ меня?

мѣльникъ.

Какъ, почему? Да сколько разъ бывало
 Въ недѣлю онъ на мѣльницу ѣзжалъ?
 А? всякой Божій день, а иногда
 И дважды въ день—а тамъ все рѣже рѣже
 Сталъ приѣзжать—и вотъ девятый день
 Какъ не видали мы его. Что скажешь?

дочь.

Онъ занятъ; мало-ль у него заботы?
 Вѣдь онъ не мѣльникъ—за него не станеть
 Вода работать. Часто онъ твердитъ
 Что всѣхъ трудовъ его труды тяжелѣ.

мѣльникъ.

Да, вѣрь ему! Когда Князя трудятся,
И что ихъ трудъ? травить лисицъ и зай-
цевъ

Да пировать, да обижать сосѣдей,
Да подговаривать вась бѣдныхъ дуръ
Онъ самъ работаетъ; куда какъ жалко!
А за меня вода!.. а мнѣ покою
Ни днемъ, ни ночью нѣтъ, а тамъ посмо-
тришь:

То здѣсь то тамъ нужна еще починка
Гдѣ гниль, гдѣ течь.—Вотъ если бѣ ты у
Князя

Умѣла выпросить на перестройку
Хоть нѣсколько деньжонокъ, былобъ лучше.

дочь.

Ахъ!

мѣльникъ.

Что такое?

дочь.

Чу! я слышу топотъ
Его коня... Онъ, онъ!

мѣльникъ.

Смотри-же, дочь,
Не забывай моихъ совѣтовъ, помни...

дочь.

Вотъ онъ, вотъ онъ.

(Входитъ Князь. Колюшій уводитъ его коня).

князь.

Здорово, милый другъ!
Здорово—мѣльникъ.

мѣльникъ.

Милостивый Князь,
Добро пожаловать! Давно давно
Твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали.
Пойду тебѣ готовить угощенье. (Уходитъ).

дочь.

Ахъ наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ!
Не стыдно ли тебѣ такъ долго мучить
Меня пустымъ жестокимъ ожиданьемъ?
Чего мнѣ въ голову не приходило?
Какимъ себя я страхомъ не пугала?
То думала что конь тебя занесъ
Въ болото или пропасть; что медвѣдь
Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ,
Что боленъ ты; что разлюбилъ меня
Но славу Богу! живъ ты, невредимъ,
И любишь все по прежнему меня,
Не правда ли?

князь.

По прежнему, мой ангелъ
Нѣтъ, больше прежняго—

Любовь [и ц а].

Однако ты
Печаленъ; чтó съ тобою

князь.

Я печаленъ?

Тебѣ такъ показалось—нѣтъ я веселъ
Всегда когда тебя лишь вижу—

она.

нѣтъ

Когда ты веселъ, издали ко мнѣ
Слѣвшишь и кличешь—гдѣ моя голубка,
Что дѣлаетъ она? а тамъ цалуешь
И вопрошаешь: рада ль я тебѣ
И ожидала-ли тебя такъ рано—
А нынче—слушаешь меня ты молча,
Не обнимаешь не цалуешь въ очи,
Ты чѣмъ нибудь встревоженъ вѣрно. Чѣмъ-
же

Ужъ на меня не сердись-ли ты?

князь.

Отъ сокола не скрыться вороненку,
Отъ глазъ любви душѣ не утаиться
Я не хочу притворствовать напрасно
Ты права: въ сердце я ношу печаль
Тяжелую—и ты ея не можешь
Ни ласками любовными разсѣять,
Ни облегчить (ни) даже раздѣлить—

она.

Но больно мнѣ съ тобою не грустить
Единой грустью—тайну мнѣ повѣдай.
Позволишь—буду плакать; не позволишь,
Ни слезкой я тебѣ не досажу.

князь.

Зачѣмъ—мнѣ медлить? чѣмъ скорѣй, тѣмъ
лучше
Мой милый другъ—ты знаешь, нѣтъ на
свѣтѣ
Блаженства прочнаго: ни знатный родъ
Ни красота, ни сила, ни богатство,
Ничто бѣды не можетъ миновать.
Кто разъ сказалъ: я щастливъ, тотъ ужъ
вѣдай

Что близокъ близокъ щастію конецъ
И мы—не правда ли, моя голубка?
Мы были щастливы; по крайнѣй мѣрѣ
Я щастливъ былъ тобой, твоей любовью
И что впередъ со мною ни случится,
Гдѣбъ нибылъ я, всегда я буду помнить
Тебя мой другъ; того что я теряю
Ничто на свѣтѣ мнѣ не замѣнитъ.

она.

Я словъ твоихъ еще не понимаю
Но ужъ мнѣ страшно. Намъ судьба грозитъ.
Готовитъ намъ невѣдомое горе,
Разлуку, можетъ быть.

князь.

Ты угадала
Разлука намъ судьбою суждена

Она.

Кто разлучитъ насъ? Развѣ за тобою
Идти вослѣдъ я всюду не властна
Я мальчикомъ одѣнусь. Вѣрно буду
Тебѣ служить, дорогою, въ походѣ
Иль на войнѣ—войны я не боюсь,
Лишь видѣла бъ тебя—нѣтъ нѣтъ не вѣрю
Иль вывѣдать мои ты мысли хочешь
Или со мной пустую шутку шутишь.

Князь.

Нѣтъ, шутки мнѣ паумъ нейдутъ сегодня
Вывѣдывать тебя не нужно мнѣ;
Не снаряжаюсь и ни въ дальнѣй путь
Ни на войну—я дома остаюсь
Но долженъ я съ тобой навѣкъ проститься

Она.

Постой, теперь я понимаю все...
Ты женишься (*Князь молчитъ*). Ты женишься.

КНЯЗЬ И ДОЧЬ МЕЛЬНИКА.

Рисунокъ В. Васнецова.

Князь.

Что дѣлать?

Сама ты разсуди. Князя невольны,
Какъ дѣвицы—не по сердцу они
Себѣ подругъ берутъ, а по расчетамъ.
Иныхъ людей, для выгоды чужой—

Твою печаль утѣшить богъ и время
Не забывай меня; возьми на память
Алмазную повязку—дай я самъ
Тебѣ ее надѣну—(вотъ еще)
Жемчужное въ подарокъ ожерелье—
Возьми его.—Да вотъ еще: отцу

Я это посулил. Отдай ему.

(Даетъ ей въ руки мѣшокъ съ золотомъ).

Прощай.—

она.

Постой, тебѣ сказать должна я
Не помню что.

князь.

Припомни.

она.

Для тебя

Я все готова... Нѣтъ не то... постой...
Нельзя, чтобы навѣки въ самомъ дѣлѣ
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да!... вспомнила: сегодня... у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся

князь.

Нешастная! Какъ быть? хоть для него
Побереги себя; я не оставлю
Ни твоего ребенка, ни тебя
Современемъ, быть можетъ, самъ приѣду
Васъ навѣстить. Утѣшься; не крупись
Дай обниму тебя въ послѣдній разъ
(Уходитъ). Ухъ! кончено—душѣ какъ будто
легче.

Я бури ждалъ, но дѣло обошлось
Довольно тихо. *(Уходитъ. Она остается неподвижною).*

мѣльникъ *(входитъ).*

Не угодно ль, *(будетъ)*

Пожаловать на мѣльницу. Да гдѣ жъ онъ
Скажи, гдѣ Князь нашъ? ба, ба, ба! какая
Повязка! вся въ камняхъ дорогихъ!
Такъ и горитъ! и бусы!.. Ну, скажу
Подарокъ Царскій. Ахъ онъ благодѣтель
А это что? мошонка! ужъ не деньги ль?
Да что-же ты стоишь, не отвѣчаешь,
Не вымолвишь словечка? али ты
Отъ радости неожиданной одурѣла,
Иль на тебя столбнякъ нашелъ?

дочь.

Не вѣрю,
Не можетъ быть. Я такъ его любила,
Или онъ звѣрь? иль сердце у него
Косматое?

мѣльникъ.

О комъ ты говоришь?

дочь.

Скажи, родимый, какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣлку развѣ
Моя краса пропала? иль его
Отравой опоили?

мѣльникъ.

Что съ тобою?

дочь.

Родимый, онъ уѣхалъ!—Вонъ онъ скачетъ—
И я, безумная, его пустила,

Я за полы его не уцѣпилась,
Я не повисла на уздѣ коня!

Пускай-же бѣ онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки полокоть, пускай бы тутъ-же
Онъ растопталъ меня своимъ конемъ!

мѣльникъ.

(Ты бредишь)

дочь.

(Видишь-ли)—Князя невольны,

Какъ дѣвицы, не по сердцу опи
Берутъ жену себѣ... а вольно имъ,
Небось, подманивать, божиться, плакать
И говорить: тебя я повезу
Въ мой свѣтлый теремъ, въ тайную свѣтлицу
И наряжу въ парчу и въ бархатъ алой
Имъ вольно бѣдныхъ дѣвушекъ учить
Съ полуночи на свистъ ихъ подыматься
И до зари за мѣльницей сидѣть—
Имъ любо сердце Княжеское тѣшить
Бѣдами нашимъ, а тамъ сказать прощай
Ступай, голубушка, куда захочешь
Люби, кого замислишь;

мѣльникъ.

Вотъ въ чемъ дѣло.

дочь.

Да ктожъ невѣста—на кого
Онъ промѣнялъ меня. Я узнаю
Я доберусь я ей скажу злодѣйкѣ—
Отстань отъ Князя, видишь, дѣв волчихи
Не водятся въ одномъ оврагѣ

мѣльникъ.

Дура!

Ужъ если Князь беретъ себѣ невѣсту,
Кто можетъ помѣшать ему. Вотъ то-то
Не говорилъ-ли я тебѣ...

дочь.

И могъ онъ,
Какъ добрый человекъ со мной прощаться,
И мнѣ давать подарки—каково!..
И деньги! выкупить себя онъ думалъ
Онъ мнѣ хотѣлъ языкъ засеребрить
Что[бъ] не прошла о немъ худая слава
И не дошла до молодой жены.
Да бишь, забыла я—тебѣ отдать
Велѣлъ онъ это серебро за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
Моя гибель! *(Отдаетъ ему мѣшокъ).*

мѣльникъ *(въ слезахъ).*

До чего я дожилъ!

Что Богъ привелъ услышать—грѣхъ тебѣ
Такъ горько упрекать отца роднаго.
Одно дитя ты у меня на свѣтѣ,
Одна отрада въ старости моей
Какъ было мнѣ тебя не баловать

(Какъ огорчить тебя бѣ я могъ рѣшиться)
 Богъ наказалъ меня за то что слабо
 Я выполнилъ отцовскій долгъ

дочь.

Охъ душно

Холодная змѣя мнѣ шею давить
 Змѣею подкодной онъ меня
 Не жемчугомъ опуталъ... *(Рветъ съ себя жем-
 чугъ).*

Такъ бы я

Разорвала тебя, змѣю-злѣдѣйку,
 Проклятую разлучницу мою!

мельникъ.

Ты бредишь, право бредишь.

дочь *(снимаетъ съ себя повязку).*

Вотъ вѣнецъ мой

Вѣнецъ позора! вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ
 Лукавый врагъ, когда я отеклася
 Ото всего чѣмъ прежде дорожила
 И предалась обманщику. Довольно!
 Мы развѣнчались—сгинь ты мой вѣнецъ

(Бросаетъ повязку въ Днѣпръ).

Теперь все кончено... *(Бросается въ рѣку).*

старикъ *(падая).*

Охъ горе, горе!

ПРОЩАНИЕ ДОЧЕРИ МЕЛЬНИКА СЪ КНЯЗЕМЪ.

Рисунокъ Коверзнева.

[СЦЕНА ВТОРАЯ].

Княжескiй теремъ.

Свадьба. Молодые сидятъ за столомъ. Гости. Хоръ дѣвушекъ.

свѣтъ.

Веселую мы свадебку сыграли.
 Ну, здравствуй Князь съ Княгиней молодой
 Дай Богъ вамъ жить въ любви да совѣтѣ

А намъ у Васъ почаще пировать.
 Что жъ, красныя дѣвицы вы примолкли?
 Что жъ бѣлыя лебедушки притихли?
 Али всѣ пѣсенки вы переѣли?
 Аль горлошки отъ пѣнья пересохли?

хоръ.

Сватушка, сватушка,
Безтолковой сватушка!
По невѣсту ѣхали
Въ огородъ заѣхали
Пива бочку пролили
Всю капусту полили
Тыну поклонилися
Веревъ молилися
Веревъ-ль, вереюшка
Укажи дороженьку
По невѣсту ѣхати.
Сватушка догадайся
За мошоночку принимайся
Въ мошнѣ денежка шевелится
Къ краснымъ дѣвушкамъ поровится

сватъ.

Насмѣшники, ужъ выбрали вы пѣсню!
На, на возьмите, не корите свата. *(даритъ дѣвушкамъ).*

одинъ голосъ.

По камушкамъ по желтому песочку
Пробѣгала быстрая рѣчка
Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки;
Двѣ рыбки, двѣ малыя платицы
А слышала-ль ты рыбка-сестрица,
Про вѣсти-то наши, про рѣчныя?
Какъ вечеръ у насъ красна дѣвица утопи-
лась

Утоная мила друга проклинала

сватъ.

Красавицы! да это что за пѣсня
Она, кажись, не свадебная; нѣтъ.
Кто выбралъ эту пѣсню? а?

дѣвушки.

Не я—

Не я—не мы...

сватъ.

Да кто жъ пропѣлъ ее
*(Шопотъ и смятеніе между дѣ-
вушками).*

князь.

Я знаю кто.

*(Встаетъ изъ стола и говоритъ тихо
князю).*

Мѣльничиха здѣсь

Скорѣ выведи ее. Да свѣдай

Кто смѣлъ ее впустить.

*(Князь подходитъ къ дѣ-
вушкамъ).*

князь *(сидитъ, про себя).*

Она, пожалуй,

Готова здѣсь надѣлать столько шума

Что со стыда не буду знать куда

И спрятаться.

конюшій.

Я не нашелъ ея.

князь.

Ищи. Она, я знаю, здѣсь. Она
Пропѣла эту пѣсню.

гость.

Ай да медь!

И въ голову и въ поги такъ и бьетъ—
Жаль горекъ: подсластить его бѣ не худо
*(Молодые цалуются. Слышенъ сла-
бый крикъ).*

князь.

Она! вотъ крикъ ея ревнивый. *(Князюшему).*
Что?

конюшій.

Я не нашелъ ея нигдѣ.

князь.

Дуракъ.

дружко *(вставая).*

Не время ль намъ Княгиню выдать мужу
Да молодыхъ въ дверяхъ осыпать хмѣ-
лемъ?

(все встаетъ).

свахъ.

Вѣстимо, время. Дайте жъ пѣтуха
*(Молодые кормятъ жаренымъ пѣтухомъ,
осыпаютъ хмѣлемъ и ведутъ въ спальню).*

свахъ.

Княгиня душенька, не плачь, не бойся
Послушна будь.

*(Молодые уходятъ въ спальню, все
расходится, кромѣ свахи и дружка).*

дружко.

Гдѣ чарочка? Всю ночь

Подъ окнами я буду разѣзжать,
Такъ укрѣпиться мнѣ виномъ не худо

свахъ *(наливаетъ ему чарку).*

На кушай, на здоровье

дружко.

Ухъ спасибо.

Все хорошо, не правда ль, обошлось
И свадьба хоть куда—

свахъ.

Да слава Богу

Все хорошо—одно пехорошо

дружко.

А что

свахъ.

Да не къ добру пропѣли пѣсню
Не свадебную а Богъ, вѣсть какую

дружко.

Ужъ эти дѣвушки—никакъ нельзя имъ

Не попроказить—статочно ли дѣло

Мутить нарочно Княжескую свадьбу

Пойти-ка мнѣ садиться на коня.

Прощай, кума! *(Уходитъ).*

свахъ.

Охъ сердце не на мѣстѣ!

Не въ пору сладили мы эту свадьбу.—

[СЦЕНА ТРЕТЬЯ].

Свѣтлица.

Княгиня и Мамка.

княгиня.

Чу—кажется трубятъ; нѣтъ онъ не ѣдетъ.
Ахъ мамушка, какъ былъ онъ женихомъ
Онъ отъ меня на шагъ не отлучался
Съ меня очей бывало не сводилъ
Женился онъ и все пошло не такъ
Теперь меня ранешенько разбудить,
И ужъ велитъ себѣ коня сѣдлатъ;
Да до ночи Богъ вѣдаетъ гдѣ ѣздитъ
Воротится, чуть ласковое слово
Промолвитъ мнѣ, чуть ласковой рукой
По бѣлому лицу меня потреплетъ.

мамка.

Княгинюшка, муштина что нѣтухъ:
Кири куку! махъ махъ крыломъ и прочь
А женщина, что бѣдная насѣдка
Сиди себѣ да выводилъ цыплятъ.
Пока женихъ—ужъ онъ не насидится
Ни пьетъ ни ѣстъ глядитъ не наглядится
Женился—и заботы настанутъ
То надобно сосѣдей навѣстить
То на охоту ѣхать съ соколами
То на войну нелегкая несетъ
Туда сюда—а дома не сидится

княгиня.

Какъ думаешь? Ужъ нѣтъ ли у него
Разнобы тайной

мамка.

Полно, не грѣши:
Да на кого тебя онъ промѣняетъ?
Ты всѣмъ взяла: умомъ, красою ненагляд-
ной

Обычаемъ и разумомъ. Подумай:
Ну въ комъ ему найти какъ не въ тебѣ
Сокровища такова?

княгиня.

Когда бъ услышалъ Богъ мои молитвы
И мнѣ послалъ дѣтей. Къ себѣ тогда бъ!
Умѣлъ вновь я мужа привязать.
А! полно въ дворъ охотниками. Мужъ
Домой пріехалъ. Что жъ его не видно?

(Входитъ ловчій.)

Что Князь, гдѣ онъ?

ловчій.

Князь приказалъ домой

Отъѣхать намъ.

княгиня.

А гдѣ жъ онъ самъ?

ловчій.

Остался

Одинъ въ лѣсу на берегу Днѣпра

княгиня.

И Князя Вы осмѣлились оставить
Тамъ одного; усердные вы слуги!
Сей часъ назадъ, сей часъ къ нему скачите
Сказать ему что я прислала васъ—

(Ловчій уходитъ.)

Ахъ, Боже мой! въ лѣсу почной порою
И дикій звѣрь и лютый человѣкъ
И лѣшій бродить—долго ль до бѣды
Скорѣй зажги свѣчу передъ иконою.

мамка.

Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу...

[СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ].

Днѣпръ. Ночь.

РУСАЛКИ.

Веселой толпою
Съ глубокаго дна
Мы ночью всплываемъ
Насъ грѣетъ луна
Любо намъ порой почною
Дно рѣчное покидать
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать
Подавать другъ дружѣ голосъ
Воздухъ звонкій раздражать
И зеленый влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхать

одна.

Тише, тише! подъ кустами
Птичка пискнула во мглѣ.

ДРУГАЯ.

Между мѣсяцемъ и нами
Кто-то ходитъ по землѣ. (Прячутся).

князь.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила
Знакомыя, печальныя мѣста!
Я узнаю окрестные предметы—
Вотъ мѣльница! Она ужъ развалилась;
Веселый шумъ ея колесъ омокнулъ;
Сталь жерновъ—видно умеръ и старикъ.
Дочь бѣдную оплакалъ онъ недолго.
Тропинка тутъ вилась—она заглохла
Давно, давно сюда никто не ходитъ—
Тутъ садикъ былъ съ заборомъ—неужели
Разросся онъ кудрявой этой рошей?

Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный. Здѣсь она,
Обнявъ меня, поникла и умолкла...
Возможно ли?... *(Идетъ къ деревьямъ; листья сыплются).*

Что это значитъ? листья
Поблекнувъ вдругъ свернулись и съ шумомъ

Посыпались какъ пепелъ на меня
Передо мной стоитъ онъ голъ и черенъ,
Какъ дерево проклятое...
(Входитъ старикъ въ лохмотьяхъ и полунагой).

старикъ.

Здорово,

Здорово зять—

князь.

Кто ты?

старикъ.

Я здѣшній воронъ.

князь.

Возможно ль? Это мѣльникъ!

старикъ.

Что за мѣльникъ!

И продалъ мѣльницу бѣсамъ за пѣчнымъ,
А денежки отдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онѣ въ песку дѣвпра-рѣки зарыты
Ихъ рыбка одноглазка стережетъ—

князь.

Нешастный, онъ помѣшанъ. Мысли въ немъ

Разсѣяны какъ тучи послѣ бури.

старикъ.

Зачѣмъ вѣчоръ ты не прѣхалъ къ намъ?

У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали

князь.

Кто ждалъ меня?

старикъ.

Кто ждалъ? вѣстимо дочь

Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы

И волю вамъ даю: сиди она

Съ тобою хоть всю ночь, до пѣтуховъ

Ни слова не скажу я

князь.

Бѣдный мѣльникъ!

старикъ.

Какой я мѣльникъ, говорятъ тебѣ

Я воронъ а не мѣльникъ. Чудный случай:

Когда (ты помнишь) бросилась она

Въ рѣку, я побѣждалъ за нею слѣдомъ,

И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да
вдругъ

Почувствовалъ, два сильные крыла

Мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ

И въ воздухъ сдержали. Съ той поры

То здѣсь то тамъ летаю, то клюю

Корову мертвую, то на могилкѣ

Сажу, да каркаю.

князь.

Какая жалость!

Кто-жъ за тобою смотритъ?

старикъ.

Да, за мною

Присматривать не худо—старъ я сталъ
И шаловливъ—за мной, спасибо, смотритъ
Русалочка.

князь.

Кто?

старикъ.

Внучка.

князь.

Невозможно

Понять его. Старикъ, ты здѣсь въ лѣсу
Иль съ голоду умрешь иль звѣрь тебя
Забьетъ. Не хочешь ли пойти въ мой
теремъ

Со мною жить!

старикъ.

Въ твой теремъ? Нѣтъ спасибо

Заманишь а потомъ меня пожалуй

Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ

И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ
(Уходитъ).

князь.

И этому все я виною! страшно

Ума лишиться. Легче умереть .

На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,

Творимъ о немъ молитвы. Смерть равняетъ

Съ нимъ каждаго. Но человѣкъ лишенный

Ума, становится не человѣкомъ

Напрасно рѣчь ему дана, не правитъ

Словами онъ: въ немъ брата своего

Звѣрь узнаетъ, онъ людямъ въ посмѣянье

Надъ нимъ всякъ воленъ, Богъ его не

судитъ.

Старикъ несчастный! Видъ его во мнѣ

Разкаинья всѣ муки разтравилъ.

ловчій.

Вотъ онъ. Насилу то его сыскали!—

князь.

За чѣмъ вы здѣсь?

ловчій.

Княгиня насъ послала.

Она боялась за тебя

князь.

Неспособна

Ея заботливость! иль я ребенокъ—

Что шагу мнѣ ступить нельзя безъ няньки?
(Уходитъ. Русалки показываются надъ водой).

Что, сестрицы? въ полѣ чистомъ

Не догнать ли ихъ скорѣй

Плескомъ, хохотомъ и свистомъ

Не пугнуть ли ихъ коней?

русалка.

Поздно. Волны охладѣли,

Пѣтухи въ дали пропѣли,
Высь небесная темна,
Закатилася луна.

одна.

Подождемъ еще, сестрица.

другая.

Нѣтъ пора пора пора
Ожидаетъ насъ царица,
Наша строгая сестра. *(Скрываются).*

ПАЛЯПИНЪ ВЪ РОЛИ СУМАСШЕДШАГО МЕЛЬНИКА.

(Опера Даргомыжскаго «Русалка»).

[СЦЕНА ПЯТАЯ].

Дибировское дно. Теремъ русалокъ.

Русалки прѣдутъ около своей Царицы.

СТАРШАЯ РУСАЛКА.

Оставьте пряжу, сестры. Солнце сѣло
Столбомъ луна блеститъ надъ нами. Полно
Нылите вверхъ подъ небомъ поиграть,
Да никого не трогайте сегодня
Ни пѣшехода щекотать не смѣйте

Ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчать
Травой и тиной—ни ребенка въ воду
Заманивать разсказами о рыбахъ.

(Входитъ Русалочка.)

Гдѣ ты была?

ДОЧЬ.

На землю выходила
Я къ дѣдушкѣ. Все просить онъ меня
Со дня рѣки собрать ему тѣ деньги
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ, я долго ихъ искала;
Но что такое деньги, я не знаю.—
Однако же я вынесла ему
Пригоршню раковинокъ самоцѣльныхъ:
Онъ очень былъ имъ радъ.

РУСАЛКА.

Безумный скряга
Послушай дочка. Нынче на тебя
Надѣюсь я. На берегъ нашъ сегодня
Придетъ мушкетеръ. Стереги его
И выдь ему навстрѣчу. Онъ намъ близокъ,
Онъ твой отецъ.

ДОЧЬ.

Тотъ самый что тебя
Покинулъ и на женищиѣ женился?

РУСАЛКА.

Онъ самъ; къ нему иѣжиѣ приласкайся
И расскажи все то, что отъ меня
Ты знаешь про свое рожденіе; также
И про меня. И если спроситъ онъ
Забыла ль я его или нѣтъ: скажи,
Что все его я помню и люблю
И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

ДОЧЬ.

О, поняла!

РУСАЛКА.

Ступай же (Одна). Съ той поры,
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,
И въ глубинѣ дѣбра-рѣки очулась
Русалкою холодной и могучей
Я каждый день о мщеніи помышляю
И нынѣ, кажется мой часъ насталъ.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Берегъ.

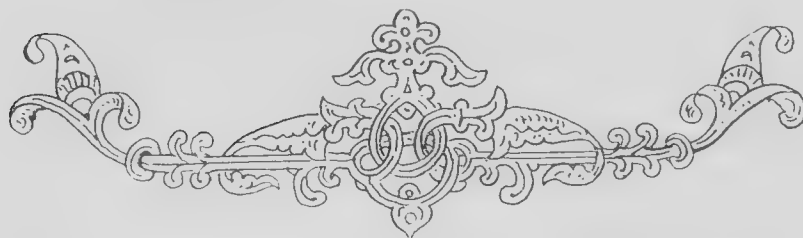
ПЯЗЬ.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ бывшее
И вольной, красной юности моею
Любимую, хоть горестную повѣсть
Здѣсь иѣкогда любовь меня встрѣчала
Свободная, свободная любовь—
Я щастливъ былъ, безумецъ!... И я могъ
Такъ вѣтрено отъ щастья отказаться.
Печальныя, печальныя мечты
Вчерашня мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ несчастный! какъ ужасенъ онъ
Авось опять его сегодня встрѣчу
И согласится онъ оставить дѣсь
И къ намъ переселиться..

(Русалочка выходитъ на берегъ).

Что я вижу!

Откуда ты прекрасное дитя?

РУСАЛКИ.

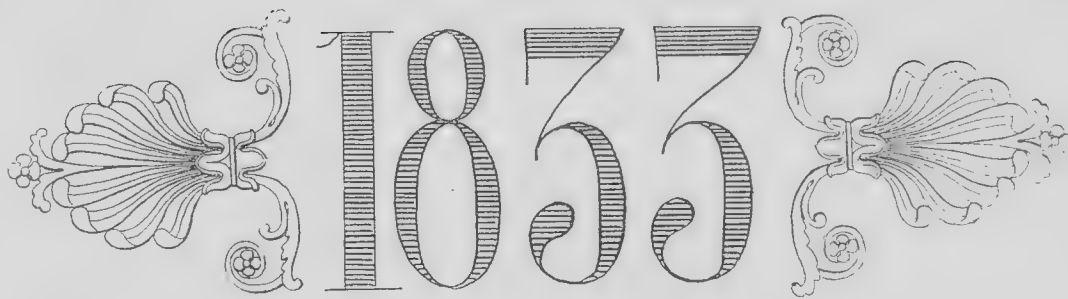
Картина Константина Маковского.

БЪЛГАРИИ
КРАЙНОЕ ПОСЛАНИЕ

696—697—698. ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

I.

(Изъ Ксенофана Колофонскаго).

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ;
 Всѣ ужъ увѣнчаны гости; нѣмой обоняетъ, зажмурясь,
 Ладопа сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
 Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
 Свѣтлой, студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
 Медъ и сыръ молодой:—все готово; весь убранный цвѣтами
 Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о други,
 Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
 Должно Безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
 Правду блюсти: вѣдь оно жъ и легче. Теперь мы приступимъ:
 Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
 Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
 Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо!

II.

(Изъ Аэнея).

Славная флейта, Феонъ, здѣсь лежитъ. Предводителя хоры
 Старецъ ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скирпалъ родилъ,
 И вдохновенный, нарекъ онъ младенца Феономъ. За чашей
 Сладостно Вакха и Музъ славилъ пріятный Феонъ.
 Славилъ и Ватала онъ, молодаго красавца: прохожій!
 Мимо гробницы спѣша, вымолви: здравствуй, Феонъ!

III.

ВИНО.

(Изъ Хіосскій).

Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ добронравный,
 Шумный зачищикъ обидъ, милый заступникъ любви.

«ГУСАРЬ».
Рисунокъ Р. Штейна.

Нашьюсь—уложить, и сама
Опохмѣлится приготовить;
Мигну бывало: Эй, кума!—
Кума ни въ чемъ не прикословить.
Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? врагъ попуталъ видно.
За чѣмъ бы ей, сталъ думать я,
Вставать до нѣтуховъ! кто просить?
Шалить Марусинька моя;
Куда ее лукавый посылъ?
Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря)
И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь издула,
И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой,
Тамъ съ полки скляночку взяла,
И сѣвъ на вѣнникъ передъ печкой,
Раздѣлась донага; потомъ
Изъ склянки три раза хлебнула,
И вдругъ на вѣнникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.
Эге! смекинулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!..
И съ печи слѣзъ—и вижу: склянка.
Попоухалъ: кисло! что за дрянъ!
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лаханъ,
И оба въ печь. Я вижу: худо!
Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
И на него я брызнулъ склянкой—
Какъ фыркнулъ онъ! я: брысь!.. И вотъ —
И онъ туда же за лаханкой.
Я ну кропить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужъ ни попало;

И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ! маршъ! все въ печку поскакало.
Кой чортъ! подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю склянку выпилъ; вѣрь и не вѣрь—
Но къ верху вдругъ взвился я пухомъ.
Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!... и па земь упадаю.
Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ, и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.
Я плюнулъ и сказать хотѣлъ...
И вдругъ бѣжитъ моя Маруся:
Домой! кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя сѣдятъ! Но я, не струся:
Домой? да! чорта съ два! почему
Мнѣ знать дорогу!—Ахъ онъ, странный!
Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окалинный.
Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусарь присяжный! Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебѣ двойная шкура?
Коня!—На, дурень, вотъ и конь.
И точно: конь передо мною,
Скребеть копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.
Садись.—Вотъ, сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки—нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня—
И очутились мы у печки.
«Гляжу: все также; самъ же я
Сижу верхомъ и подо мною
Не конь—а старая скамья:
Вотъ что случается порою».
И сталъ крутить свой длинный усь,
Прибавя: молвить безъ обиды,
Ты хлопещъ, можетъ быть, не трусь,
Да глупъ, а мы видалъ виды.

702. ПОЛЮБУЙТЕСЬ ЖЕ ВЫ, ДѢТИ.

Полюбуйтесь же вы, дѣти,
Какъ въ сердечной простотѣ
Длинный Фирсъ играетъ въ эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.
Черноокая Россети
Въ самовластной красотѣ

Всѣ сердца плѣнила эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.
О, какія же здѣсь сѣти
Рокъ намъ стелеть въ темнотѣ:
Рюмы, деньги, дамы эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

АЛЕКСАНДРА ОСИПОВНА РОССЕТЪ-СМИРНОВА.

Современная литографія.

«ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ».

Славянскіе мотивы не разъ привлекали къ себѣ Пушкина, быть можетъ, меньше, чѣмъ мы могли бы ожидать отъ него теперь, послѣ новыхъ разысканій, когда образъ поэта на нашихъ же глазахъ вырастаетъ до громадныхъ размѣровъ, когда къ нему можно предъявлять требованія, какъ къ гению, охватывающему своимъ взоромъ все достойное великаго художника. Но и сдѣланнаго Пушкинымъ въ данной области достаточно, чтобы увидѣть въ обращеніи его къ славянству прежде всего ту широту интересовъ, которой не было у остальныхъ гениевъ на пространствѣ всей русской литературы.

Среди славянскихъ мотивовъ Пушкина первое мѣсто, по крайней мѣрѣ по размѣрамъ и относительной цѣльности всего замысла, занимаютъ «Пѣсни западныхъ славянъ», числомъ семнадцать. Для начала 30 годовъ онѣ составляютъ цѣлый циклъ до тѣхъ поръ почти неизвѣстнаго у насъ поэтического жанра и исполненнаго съ обычнымъ для Пушкина чутьемъ и тактомъ. Несмотря на то, что главный источникъ его, «La Guzla» Мериме, оказался поддѣлкой, правда, талантливой и сравнительно умѣлой, но лишенной какъ разъ чутъя и такта, которыхъ мы въ правѣ требовать отъ великаго славянскаго поэта, оба эти достоинства не измѣнили Пушкину и здѣсь. Даже послѣ того: всѣ отступленія отъ французскаго подлинника, всѣ замѣны даже отдѣльных словъ и выраженій всегда говорятъ о великомъ переводчикѣ, именно какъ о великомъ славянскомъ поэтѣ.

I.

Одиннадцать пѣсенъ изъ семнадцати переведены Пушкинымъ изъ «Гузлы» Мериме, три—изъ сборника Вука Караджича, для трехъ пѣсенъ источники неизвѣстны, и онѣ оказываются почти самостоятельными. Французскія заглавія нижеслѣдующей

таблицы указываютъ на «Гузлу», а сербскія на «Пѣснѣ» Караджича:

I. «Видѣніе короля».	«La vision de Thomas II, roi de Bosnie».
II. «Янко Марнавичъ».	«La flamme de Perrusich».
III. «Битва у Зеницы-Великой».	«Le combat de Zenifza-Velika».
IV. «Ѳеодоръ и Елена».	«La belle Hélène».
V. «Влахъ въ Венеціи».	«Le Morlaque à Venise».
IV. «Гайдукъ Хризъчъ».	«Les braves Heyduques».
VII. «Похоронная пѣсня».	«Chant de mort».
VIII. «Марко Якубовичъ».	«Constantin Jacoubovich».
IX. «Бонапартъ и черногорцы».	«Les Monténégrins».
X. «Соловей».	«Три najvehe ture».
XI. «Пѣсни о Георгии Черномъ».	Источники неизвѣстны.
XII. «Восвода Милошъ».	«Jeannot».
XIII. «Вурдалакъ».	«Богъ никомъ, дужанъ не остае».
XIV. «Сестра и братья».	Источники неизвѣстны.
XV. «Янышевъ Королевичъ».	«Le cheval de Thomas II».
XVI. «Конь».	«Хасапагиница».
XVII. «Что бѣлѣтся».	

Свои наблюденія надъ текстами «Пѣсенъ западныхъ славянъ» мы начинаемъ съ тѣхъ, которыя переведены изъ Мериме, затѣмъ—изъ Караджича; наконецъ, разсмотримъ три пѣсни, для которыхъ готовыхъ книжныхъ источниковъ у Пушкина не было.

Просперъ Мериме (1803—1870)—дарованіе вполне французскаго характера, живое, поверхностное, занимательное, блестящее и изящное—считается любителемъ литературныхъ мистификацій. Одно изъ первыхъ его произведеній, «Théâtre de Clara Gazul»¹⁾ появившееся подъ псевдонимомъ Lestrangé въ 1825 году, т.-е. когда автору было двадцать два года, оказалось талантливой поддѣлкой. Это—небольшія драмы по образцу испанскихъ интермеццо, легкія, живыя, поэтичныя, полныя задора и пре-

¹⁾ Было бы интересно услышать отъ специалистовъ по испанской драмѣ мнѣніе о терминѣ Gazul, но едва ли случайнымъ является слѣдующее

красно передававшия весь аромат своеобычнаго испанскаго быта, съ блестящими пятнами моднаго въ тѣ годы «мѣстнаго колорита», почему у читателей долго не являлось сомнѣній, что авторъ дѣйствительно слыхалъ ихъ отъ одной испанской странствующей актрисы, бывшей монахини, и что весь трудъ его состоялъ въ одной только записи. Всего черезъ годъ, сочиняя славянскія пѣсни, такимъ же образомъ записанныя будто бы имъ въ Далмаціи, Босніи, Хорватіи и Герцеговинѣ, Мериме еще разъ попробовалъ дать драму изъ славянской жизни и сочинилъ небольшую пьесу изъ сербскаго быта «La belle Sophie», гдѣ дѣйствуютъ 8 лицъ. Эту «илирійскую сцену» онъ напечаталъ въ сборникѣ «La Guzla» и снабдилъ примѣчаніемъ, называя свой «отрывокъ въ драматической формѣ» «очень древнимъ», «встрѣчающимся въ илирійской поэзіи рѣдко», приводя его скорѣе только «въ видѣ образца этого стиля гусяровъ-морлаковъ» и ссылаясь даже на мѣстность, гдѣ похоронены Софія и бей. Нечего и прибавлять, что это именно драма, необычная для народной поэзіи славянской, больше остальныхъ пѣсень не только выдавала автора («La Guzla» издана была анонимно), но и заставляла нѣкоторыхъ сомнѣваться въ подлинности всего сборника.

Въ предисловіи къ «Гузлѣ» Мериме говоритъ, что большинство пѣсень записано имъ отъ гусяра Іоакима Маглановича. Своего мнимаго гусяра онъ называетъ единственнымъ пѣвцомъ, котораго первыи разъ слыхалъ онъ въ Задрѣ въ 1816 году, а черезъ годъ—въ домѣ самого «далматинскаго барда», который не только поетъ народныя пѣсни, но и самъ сочиняетъ ихъ. Среди пѣсень «Гузлы» дѣйствительно напечатано три такихъ сочиненія «par Hyacinthe Maglanovich»; о немъ же, какъ авторѣ другихъ трехъ пѣсень говорится или въ самомъ текстѣ, или въ примѣчаніяхъ: «La vision de Thomas II», «Ghant de mort», «Les braves Heyduques», «Maxime et Zoé», «La flamme de Ferrussich», «Improvisation de Hyacinthe Maglavich». Въ вводной статьѣ «Notice sur Hyacinthe Maglanovich» (стр. 1—12) и въ нѣсколькихъ примѣчаніяхъ Мериме сообщаетъ и біографическія данныя о своемъ пѣвцѣ. Маглановичъ родился въ Звониградѣ; когда былъ ре-

бенкомъ, его украли цыгане и потурчили, но впоследствии какой-то монахъ снова его крестилъ; затѣмъ онъ бѣжалъ въ горы, такъ какъ убилъ своего соперника, женился на дочери богача Злариповича—Маріи; живетъ въ Которѣ, недалеко отъ Смоковичей, на берегу небольшой рѣчки, впадающей въ озеро Врану, и совершенно неграмотенъ. Дома Маглановичъ никогда не сидитъ, несмотря на свои преклонные годы; во время изданія «Гузлы» ему было подѣ 70 лѣтъ. А въ началѣ сборника напечатанъ недурно исполненный литографіей портретъ пѣвца, и это, казалось бы, устраняло всякое сомнѣніе въ полной мистификаціи автора.

Второй примѣтъ, скрывающій подѣлку, состоялъ въ томъ, что въ примѣчаніяхъ Мериме не разъ приводитъ подлинныя слова пѣсень въ сноской для иностраннаго туриста двадцатыхъ годовъ транскрипціи; напр.: «slibovice» (стр. 25), «hayduk» (25), «Ko ne se osveti on se ne posveti» и «osveta» (26), «Passa-vierro» (31), «caftan» (41), «zapis» (65), «Vézelé! Vézelé!» (66), «Lantzmantzka vjerro» (89), «pobratimi» и «posestrimi» (122), «vudkodlak» (135), «Da prosite, moja xena» (185), «paçterma» (205), «opanke» и «poshmaks» (243), «knigu oprochienia» (257), и въ одномъ мѣстѣ—«двустипшіе», какъ не ясное для перевода (256):

Oblazi ga mater i sestriza;

A glivbouza od stida ne mogla.

Рядъ другихъ примѣтовъ Мериме также отдалялъ мысль о подѣлкѣ. Въ первомъ примѣчаніи къ пятой пѣснѣ онъ говоритъ, что это—«старая пѣсня», трудная для перевода, и приводитъ древнія, по его мнѣнію, славянскія слова; о второй пѣснѣ онъ замѣчаетъ: «Стиль этой баллады трогателенъ своею простотой; это—рѣдкая особенность въ илирійской поэзіи нашихъ дней» и т. п. Въ самый текстъ вводитъ обращенія отъ лица пѣвцовъ; напр., «Боярышникъ (верескъ) Велико, сочиненіе Іоакима Маглановича, необыкновеннаго гусяра. Слушайте внимательно!»; «кто хочетъ узнать конецъ этой исторіи, пусть дастъ что-нибудь Ивану Бетко» (IV), или же свѣдѣнія о сочинителѣ; напр.: «тотъ, кто сочинилъ эту пѣсню, со своими братьями былъ на сѣрой вершинѣ. Онъ называется Гушцаръ Восерачь» (IX); наконецъ, пожеланія въ родѣ слѣдующаго: «Пусть Господь будетъ милосердъ къ нему (мужу Елены) и ко всей компаніи» (IV). Пятый примѣтъ,

наблюденіе: *Gazul* составлена просто путемъ перестановки буквъ слова *Guzla*—названія слѣдующаго сборника Мериме.

ПОДЛИННЫЙ ЮЖНО-СЛАВЯНСКИЙ ГУСЛЯРЬ КОНЦА 18 И НАЧАЛА 19 ВѢКА.

(Портретъ Филипа Вукича въ роскошномъ изданіи «Знаменити Сербы», Загребъ 1903).

это—мнимые варианты, напримѣръ, въ пѣснѣ о «Прекрасной Еленѣ».

Текстъ: «Когда у нея была отрубана голова, онъ сказалъ: Этотъ ребенокъ, который находится въ проклятомъ чревѣ, нисколько не виноватъ. Я его выну изъ чрева и воспитаю. Я посмотрю, на кого похожъ онъ, и такимъ образомъ, узнаю, кто такой предатель, кто его отецъ, и убью его».

Вариантъ: «Когда у нея отрубана была голова, онъ сказалъ: Я выну его изъ проклятаго чрева и выставлю его въ странѣ, какъ бы желалъ, чтобы онъ умеръ. Тогда отецъ его придетъ искать. И этимъ средствомъ я узнаю предателя, кто отецъ и убью его».

А въ связи съ вариантами должны стоять рефрены, на первый взглядъ вполне характерные для поэзии народной, но уже тотъ фактъ, что изъ такихъ рефреновъ, составляющихъ 1, 4 и 10 строфы въ VII пѣснѣ, Пушкинъ оставилъ только первую и послѣднюю, и вся пѣсня у него вышла всего изъ семи строфъ, говоритъ о ложности подобнаго приема.

Наконецъ, кромѣ предисловія и «Замѣтки о Іоакимѣ Маглановичѣ», въ сборникѣ напечатаны двѣ статьи этнографическаго характера: «Introduction sur la mo-

vais oeil» (91—100) и «Sur le Vampirisme» (135—156). Какъ и примѣчанія, въ которыхъ разбросано много свѣдѣній по этнографіи, географіи и исторіи юго-славянскихъ народовъ¹⁾, сравненіе «Impromptu» съ текстомъ киргизской пѣсни (стр. 188) и т. д.,—все здѣсь поверхностно, все говоритъ о слишкомъ легкомъ багажѣ туриста, правда, наблюдательнаго, живого, интереснаго, умѣющаго схватывать характерныя черты экзотическаго быта, но не проникавшаго въ глубь народной жизни, самая психологія которой была ему чужда. Кромѣ того, и въ текстѣ, и въ статьяхъ, и въ примѣчаніяхъ поражаетъ обиліе собственныхъ именъ и географическихъ названій, связывающихъ пѣсни съ историческими и вообще настоящими лицами и мѣстностями. Какъ увидимъ изъ слѣдующихъ

¹⁾ Иногда точно указаны источники, но кое-что Мериме сообщаетъ изъ запаса своихъ наблюдений; напр.: говоритъ, что въ Книгѣ видѣлъ двѣ вешку-морлячку, которая умерла съ тоски, когда ее побратимъ-другъ уналъ изъ окна и убился (1 прим. ко II пѣснѣ).

главъ, чуткій Пушкинъ или совсѣмъ опускалъ наиболѣе сомнительные приемы своего оригинала, или сильно измѣняли ихъ.

Но если это такъ ясно обнаруживается въ наше время, то почти столѣтіе назадъ, когда было мало надежныхъ критеріевъ для сравненій, вся «Guzla» съ примѣчаніями не только открывала особый міръ поэзій и привлекательнаго дикаго быта «иллирійцевъ», но говорила о нѣкоторой эрудиціи автора, о его бережности въ обращеніи съ горными и полевыми цвѣтами славянскаго эпоса и о великолѣпно сохранинномъ имъ «мѣстномъ колоритѣ».

Въ подлинность пѣсенъ повѣрилъ не одинъ Пушкинъ. Это было время увлеченія всѣмъ народнымъ, экзотическимъ, привлекательнымъ по своей нетронутости и дикой красотѣ, когда лучшіе поэты Запада, а затѣмъ и славянскаго міра преклонялись предъ невѣдомыми родичами народной поэзій и видѣли въ ней залогъ неумирающаго всякой поэзій. Это было время увлеченія Макферсоновыми поддѣлками, «Словомъ о полку Игоревѣ», записями Караджича, поддѣлками Ганки и т. д. Всего черезъ два мѣсяца послѣ выхода «Гузлы» обнаруженный уже авторъ получилъ отъ англійскаго чиновника, Mr. John Bowringa, занимавшагося къ то время славянскою антологіей, просьбу сообщить ему оригиналы пѣсенъ. Еще немного спустя тайный совѣтникъ и бывший докторъ въ Германіи Вильгельмъ Гергардъ прислалъ ему двѣ связки своихъ стихотворныхъ нѣмецкихъ переводовъ славянскихъ пѣсенъ, въ томъ числѣ и изъ «Гузлы», причемъ, по словамъ корреспондента, ему необыкновенно легко было переводить съ французской прозы стихами и открывать или просто подбирать подходящіе размѣры ихъ въ предполагаемомъ «иллирійскомъ» первоисточникѣ¹⁾. Объ этихъ двухъ случаяхъ говоритъ самъ Мериме въ предисловіи ко второму изданію «Гузлы», появившемуся черезъ 13 лѣтъ послѣ перваго. Въ обширной рецензій «Journal de Savans» (1829, стр. 126) говорилось, что пѣсни не лишены интереса и переведены старательно, а въ авторитетномъ «Globe» (1827, стр. 29) онѣ сравнивались по достоинству не болѣе, какъ съ арфой Оссіана. Гёте, Мицкевичъ и Пушкинъ переводили и печатали переводы изъ нея, и могъ бы возникнуть даже

литературно-научный споръ о подлинности пѣсенъ, какъ не прерывающійся до нашихъ дней споръ о чешскихъ пѣсняхъ краледворской и зеленогорской рукописей. Но, во-первыхъ, самъ авторъ не замедлил сознаться въ поддѣлкѣ; во-вторыхъ, всего черезъ годъ послѣ выхода книги Мериме, чуткій ко всякой «народности» въ поэзій, Гёте первый въ разборѣ «Гузлы» открыто усомнился въ подлинности сборника¹⁾.

Къ началу 1835 года относится первое признаніе автора въ мистификаціи—въ частномъ письмѣ Мериме къ С. А. Соболевскому на запросъ Пушкина,—а черезъ пять лѣтъ, когда въ 1840 году появилось второе изданіе сборника этихъ пѣсенъ, Мериме вполнѣ сознался во всей поддѣлкѣ, которую объяснилъ простой шуткой, простительной «романтику». Воспитанникъ Шекспира, Шиллера, Гёте, Скотта, Лопе де Вега, Байрона, поэтъ-романтикъ могъ въ борьбѣ съ классиками, по его словамъ, указать своимъ противникамъ новый источникъ поэзій, а искусной поддѣлкой посмѣяться надъ «мѣстнымъ колоритомъ». Сокровища такой поэзій, неизвѣстные до тѣхъ поръ никому, найдены были имъ, вмѣстѣ съ другомъ I. Амперомъ, во время путешествія изъ Италіи на сѣверо-востокъ: черезъ Венецію—въ Триестъ, на берега Адриатики—до Дубровника. Здѣсь онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ товарищемъ задержаться, такъ какъ у нихъ вышли всѣ деньги. Сначала они рѣшили просто описать свое путешествіе и выгодно продать его издателю; но записки ихъ оказались не въ порядкѣ, и мысль эта смѣнилась другою, болѣе удачною и остроумною. По предложенію товарища, знавшаго чуть не всѣ европейскіе языки, Мериме сталъ собирать простонародныя «иллирійскія» пѣсни, читать итальянскія и французскія путешествія по Далмаціи, немного научился по-славянски и написалъ баллады, вошедшія въ сборникъ. Противорѣчіе, странное и оставившее вопросъ о поддѣлкѣ какъ будто открытымъ; другими словами, основа пѣсенъ была все-таки народная, или нѣтъ? И печатаніе сборника не обошлось безъ таинственности: печатался онъ въ Страсбургѣ, анонимно, съ портретомъ и

¹⁾ Напечатаны во II выпускѣ «Wila. Serbische Volkslieder und Heldenmährchen». 1828.

¹⁾ Впрочемъ, проникновенность Гёте можетъ быть нѣсколько заподозрѣна здѣсь тѣмъ, что въ надписи-посвященіи Гёте на экземплярѣ, посланномъ Мериме черезъ одного русскаго, проѣзжавшаго черезъ Веймаръ, не безъ хвастливости былъ сдѣланъ намекъ на авторство самого Мериме.

біографіей гусляра Маглановича, какъ автора пѣсенъ, съ такимъ заглавіемъ: «La Guzla, ou choix de poésie illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, Croatie et l'Herzégowine» (A Paris chez F. G. Levrault, rue de la Harpe, № 81; et rue des Juifs, № 33 à Strasbourg).

Но скоро послѣ выхода книги мистификація обнаружилась, почему, какъ объясняетъ самъ авторъ, продавалась она туго, и Мериме сожалѣть издателя. Впрочемъ, невниманіе къ его книгѣ со стороны французскихъ читателей вознаграждено было тѣмъ, что книгой заинтересовались иностранцы, особенно Пушкинъ. Это напоминать ему переводъ «Жиль Блаза» на испанскій языкъ и «Писемъ португальской монахини» на португальскій. Конечно, такой успѣхъ радовалъ автора и окрылялъ его въ борьбѣ съ французскими классиками, но все-таки сознаніе легкомысленности и даже наивности всей затѣи взяло верхъ, и теперь онъ сознается во всемъ. Въ упомянутомъ письмѣ къ Соболевскому отъ 18 января 1835 года Мериме говоритъ приблизительно то же, что въ предисловіи къ изданію «Гузлы» 1840 года. Разница, интересная для исторіи его поддѣлки, заключается только въ томъ, что, по его словамъ, онъ съ другомъ своимъ не могли продолжать дальнѣйшій путь уже изъ Венеціи до Дубровника, но при этомъ прибавляетъ: «разумѣется, на картѣ», и что «мѣстный колоритъ» пѣсенъ онъ заимствовалъ изъ брошюры французскаго консула въ Баньялукѣ (въ Босніи), гдѣ послѣдній доказываетъ, что «босняки—большія свиньи», и вводитъ въ текстъ нѣсколько славянскихъ словъ просто изъ желанія похвастаться своею освѣдомленностью («а онъ, вѣрно, знаетъ по славянски столько же, какъ я»), и эти самыя слова повторилъ въ примѣчаніяхъ Мериме ¹⁾. Другой его источникъ—«Путешествіе по Далмаціи» Фортиса. Здѣсь въ главѣ «Объ обычаяхъ морлаковъ» приводится сербскій текстъ съ итальянскимъ переводомъ баллады «Жалоба Гасановой жены», а переводилъ онъ текстъ этой пѣсни при помощи какого-то пріятеля,

¹⁾ Очевидно, имѣется въ виду рѣдкая книга Voyage en Bosnie dans les années 1807 et 1808. Par M. Amédée Chaumette-des-Fossés, membre de plusieurs académies et sociétés; chevalier de l'étoile polaire; ancien consul de France en Norvège, Suède, Prusse, Turquie; ancien rédacteur au département des affaires étrangères; autrefois chancelier du consul t-général de Bosnie, etc. etc., изданная въ 1822 году въ Парижѣ.

знавшаго по-русски и сообщавшаго переводу точность. Въ концѣ письма Мериме указываетъ на одну неточность въ первомъ стихѣ объ Асанѣ Аганичѣ (у Пушкина—«Что бѣлѣется») у предшествующаго французскаго переводчика.

II.

Такимъ образомъ, въ силу признанія автора, изслѣдователи освобождены отъ необходимости сравнивать тексты Мериме съ народными сербскими пѣснями, и, дѣйствительно, почти весь бытовой багажъ и всѣ свѣдѣнія примѣчаній оказываются взятыми изъ книги автора «Viaggio in Dalmazia», необыкновенно точнаго ученаго аббата Джованни-Баттиста Фортиса (1741—1803), путешествовавшаго по берегамъ Далмаціи въ началѣ 70-хъ годовъ XVIII вѣка ¹⁾. Но новѣйшее изслѣдованіе Т. Матича показало, что Мериме имѣлъ кое-какіе и другіе источники, и что, въ концѣ концовъ, дѣло не обошлось, по крайней мѣрѣ, безъ тѣхъ слабыхъ впечатлѣній отъ настоящихъ сербскихъ пѣсенъ, которыя французскій писатель дѣйствительно могъ слышать отъ «иллирійскихъ бардовъ».

И если припомнить біографическіе факты вмѣстѣ съ нѣкоторыми историческими, то вся «Guzla»—явленіе не случайное. Это закономѣрный результатъ того интереса къ сербохорватской поэзіи, который сталъ замѣтенъ у французовъ послѣ шенбрунскаго мира (1809), когда образована была особая провинція «Иллирія» подъ французскимъ управленіемъ ²⁾. Отецъ Проспера Мериме, живописецъ и архитекторъ Леонаръ Мериме, служилъ при маршалѣ Мармонѣ, который управлялъ Иллирійскимъ королевствомъ, и есть указанія, что будущій авторъ «Гузлы» провелъ дѣтскіе годы въ Рагузѣ. Въ предисловіи къ сборнику Мериме переплетаетъ истину съ измышленіями. Такъ, сообщая о томъ, что въ дѣтствѣ онъ долго жилъ въ иллирій-

¹⁾ Переведена по нѣмецки, англійски и по французски «Voyage en Dalmatie»; издана въ Берлѣ въ 1778 году.

²⁾ Интересно, между прочимъ, что первая по времени французская же мистификація въ этой области принадлежитъ французскому писателю Шарлю Нодье (Nodier), редактору «Télégraph Officiel», выходившаго въ Люблинѣ съ 1813 года. Въ своемъ романѣ изъ сербскаго быта «Smaga» Нодье напечаталъ переводъ трехъ сербскихъ пѣсенъ, и одна изъ нихъ (Le bey Spalatin) считается полной поддѣлкой. Затѣмъ уже появилась свободная отъ нареканій «Poésies serviennes» г-жи Belloc.

скихъ провинціяхъ и говорилъ въ тѣ годы больше даже «по-иллирійски», чѣмъ по-итальянски, онъ называетъ свою мать морлачкой изъ Сполато (Сплета) ¹⁾.

Помѣщая письмо Мериме цѣлкомъ въ предисловіи къ своимъ переводамъ, Пушкинъ все-таки не соглашается съ его признаніемъ и задаетъ вопросъ: «на чемъ основано изобрѣтеніе странныхъ снхъ пѣсенъ?» Быть можетъ, здѣсь играютъ нѣкоторую роль гордость и сознаніе, что славянская простонародная поэзія, полная своеобразныхъ красотъ, грацій и силъ, дошла до Запада и соединена съ именемъ популярнаго французскаго писателя. Развѣ не странно, что нѣсколько раньше вниманіе Запада къ славянской поэзіи привлекали такія же поддѣлки, именно «открытыя» Вячеславомъ Гапкой чешскія пѣсни, а можетъ быть и русскія конца XVIII вѣка? Быть можетъ, въ густомъ слоѣ сочиненныхъ Мериме образовъ Пушкинъ угадывалъ тѣ истинныя народныя черты, которыя, въ концѣ концовъ, будутъ видны каждому гению, и понималъ все значеніе подобныхъ «свободныхъ переложеній» для возрожденія славянскихъ народовъ, которое въ то время уже совершалось. Недаромъ, повторяемъ, названные «новѣйшіе памятники древней чешской поэзіи» сыграли въ дѣлѣ возрожденія чеховъ такую незамѣнимую роль.

Пушкинъ называлъ Мериме острымъ и оригинальнымъ писателемъ; но вполне, какъ кажется, вѣря въ подлинность пѣсенъ, сообщая, что «какой то ученый пѣмецъ написалъ о нихъ пространную диссертацію», и ссылаясь на Мицкевича, какъ на «зоркаго критика и тонкаго знатока въ славянской поэзіи», онъ для чего-то расточается въ похвалахъ Мериме и говоритъ, что раннія произведенія его «чрезвычайно замѣчательны въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней французской литературы» ²⁾... Очевидно, въ концѣ концовъ

¹⁾ Дальнѣйшія изслѣдованія мѣстности, гдѣ Мериме могъ познакомиться съ мотивами сербской поэзіи, должны принять во вниманіе замѣтно частыя упоминанія его о морлакахъ, чаще всего на первомъ же мѣстѣ; напр., въ пѣснѣ I, примѣчанія 6 и 10; IV, 1; VI, 2; VII, 2 и 3; IX, 1; X, 1; XII, 1; XIV, 2; XV, 1; XVIII, 1; XIX, 1; XXI, 1; XXIV, 3.

²⁾ Въ «Телескопѣ» (за 1832 г. № 14, стр. 247—265) былъ помѣщенъ переводъ «Испанскихъ рассказовъ» (1830 г.) Мериме изъ «Revue de Paris» (полѣбрь), а въ годъ смерти Пушкина вышелъ переводъ Ильяской «Венеры» въ «Библіотекѣ для чтенія» (т. XXIV, стр. 59—95).

Пушкинъ внутренне колебался въ вопросѣ о подлинности; но переводъ былъ сдѣланъ въ 1832—1833 годахъ, одна изъ пѣсенъ («Конь») напечатана въ «Библіотекѣ для чтенія» во II книгѣ за 1835 годъ, остальные въ III книгѣ, и своимъ вопросомъ-сомнѣніемъ поэтъ какъ бы старался смягчить, по крайней мѣрѣ въ глазахъ читателей, мысль о мистификаціи. Недаромъ въ рецензіи той же «Библіотеки для чтенія» (т. XII, за 1835 годъ) на четвертую часть «Стихотвореній», гдѣ впервые при «Пѣсняхъ западныхъ славянъ» помѣщено письмо-признаніе Мериме, въ оригиналѣ, данъ былъ переводъ этого письма съ объясненіями безусловно извинительнаго характера предъ читателями журнала.

Послѣ приведенныхъ свѣдѣній о происхожденіи «Гузлы» о отношеніи къ ней Пушкина, поскольку послѣднее выясняется изъ заявленій самого поэта, мы переходимъ къ параллельному сравненію французскаго и русскаго текстовъ. Къ голословнымъ похваламъ послѣднему въ первыхъ же рецензіяхъ на «Пѣсни западныхъ славянъ», въ томъ духѣ, что «переводъ лучше самого подлинника» (напр., въ «Библіотекѣ для чтенія» 1835 г., т. XII), или къ вѣрнымъ словамъ вдумчиваго Анненкова, что «у нашего поэта, вышедшаго совѣмъ изъ роли своей переводчика, начертаны яркіе образы, между тѣмъ какъ у подлинника они обозначены только слабыми намеками» («Матеріалы», стр. 354); наконецъ, къ новѣйшимъ наблюденіямъ о дарѣ необыкновенной девинаціи Пушкина: что «онъ открывалъ подъ большимъ наносомъ въ разсказахъ Мериме истинно народную подкладку и умѣлъ изобразить ее въ своемъ чудномъ русскомъ словѣ» (П. Кулаковскій, «Рѣчь», стр. 20), и др., мы можемъ прибавить рядъ фактовъ, подтверждающихъ подобныя похвалы и почему то старательно избѣгаемыхъ предшествующими изслѣдователями.

Прежде всего Пушкинъ выбралъ для перевода не только лучшія въ художественномъ отношеніи пѣсни, но и такія, гдѣ меньше фальши противъ эпоса вообще и славянскаго въ частности. Стоитъ прочесть остальные пѣсни «Гузлы» ¹⁾, и наше наблюденіе подтвердитъ каждый. Во вторыхъ,

¹⁾ Именно, Пушкинъ не перевелъ слѣдующія 15 пѣсенъ: «L'aubépine de Velico», «La mort de Thomas II, roi de Bosnie», «Le Seigneur Mercure», «L'amante de Danisich», «Maxime et Zoé», «Les mauvais oeil», «Barcarole», «La belle Sophie».

измѣняя отдѣльные слова, цѣлыя выраженія, тонъ, выбрасывая неудачныя картины, обороты, образы, имена, названія, фактическія подробности и т. д., вообще, относясь къ формѣ подлинника вполне самостоятельно, Пушкинъ бережно обходился съ содержаніемъ. Можно замѣтить только одну перестановку событій во II пѣснѣ, причемъ такая перестановка вполне оправдывается хронологическими соображеніями. У Мериме говорится сначала о нечаянномъ убійствѣ побратима на пиру, а затѣмъ уже объ обрядѣ побратимства. Благодаря такому порядку, неясно, о какомъ дѣлѣ идетъ рѣчь въ непосредственно слѣдующей фразѣ: «Съ этого дня бей Янко не пьетъ больше ни вина, ни водки», и эта неясность не вполне устраняется даже совершенно излишнимъ повтореніемъ у него разсказа объ убійствѣ,—прибавимъ, повтореніемъ не эпического характера. У Пушкина же сначала разсказывается о побратимствѣ, а затѣмъ о несчастномъ случаѣ на пиру, и благодаря этому не только на своемъ мѣстѣ логически оказывается описаніе тоски невольнаго убійцы, но ксатати является и ожидаемое здѣсь музыкальное пониженіе тона разсказа. Въ IV пѣснѣ, посылая отравленный плодъ Еленѣ, Стаматинъ говоритъ мальчику: «скажи, что его посылаетъ моя жена». Но вся предшествующая часть разсказа, начиная съ наглыхъ приставаній Стаматинъ и кончая подготовкой къ ужасной мести, не позволяетъ допустить, чтобы Елена повѣрила, что жена «иллирійскаго» сатпра была бы такъ милостива къ пей. И замѣна у Пушкина, «отъ племянницы въ подарокъ», напрашивается какъ бы сама при чтеніи дѣйствительно страшнаго мѣста во французскомъ текстѣ. Въ VII пѣснѣ у Пушкина прибавлена вся 3 строфа, вполне гармонирующая со 2 и 4, и это прибавленіе не вполне произвольно, такъ какъ вызвано вторымъ примѣчаніемъ Мериме къ той же пѣснѣ, именно, что «родители и друзья покойнаго всегда даютъ ему свои порученія на томъ свѣтѣ»¹⁾.

Improvisation de Hyacinthe Maglanovich, «Impromptu», «La querelle de Lepa et de Tchernygor», «L'amant en bouteille», «Cara-Ali, le vampire», «Les pobratimi», «Hadagny», а послѣдняя, Triste ballade de la noble épouse d'Asan-Aga», взята имъ, песеннино, изъ сборника Вука Караджича, правда, не безъ слѣдовъ текста Мериме.

¹⁾ Вообще при переводѣ были приняты во вниманіе примѣчанія Мериме; напримѣръ, изъ III пѣсни приводятся всѣ примѣчанія, правда, въ значительномъ сокращеніи, за исключеніемъ 5-го,

Изъ крупныхъ пропусковъ мы имѣемъ только одинъ случай, именно, оставлено безъ перевода начало пѣсни «Теодоръ и Елена», съ отмѣткой Пушкина: «начало не переведено» и двумя строками точекъ. Въ подлинникѣ здѣсь читается пять съ половиною строфъ, и стоитъ познакомиться съ ними, чтобы безъ всякихъ объясненій понять, почему Пушкинъ совсѣмъ опустилъ начало, несмотря на его пѣкаторую живость и на занимательность завязки всей драмы.

«Садитесь вокругъ Ивана Бетко всѣ, кто хочетъ прослушать печальную исторію о прекрасной Еленѣ и о мужѣ ея Федорѣ Конопкѣ. Иванъ Бетко—лучшій гусларь (*jeuneur de guzla*), какого вы слышали или же услышите когда-нибудь.

Федоръ Конопка былъ храбрый охотникъ временъ моего дѣда, отъ котораго я знаю эту исторію. Онъ женился на прекрасной Еленѣ, отдавшей ему предпочтеніе предъ Перо Стаматинъ. Потому что былъ онъ прекрасенъ, а Перо—некрасивый, злой.

Однажды Перо Стаматинъ пришелъ въ домъ Федора Конопки.—«Елена, правда ли это, что вашъ мужъ уѣхалъ въ Венецію и долженъ пробыть тамъ годъ?»—«Это—правда, и я опечалена, потому что должна остаться одна въ этомъ большомъ домѣ.»

— «Не плачьте, Елена, что должны одни остаться въ домѣ. Къ вамъ кто-то придетъ, чтобы составить компанію. Позвольте мнѣ спать съ вами, и я дамъ вамъ большую горсть блестящихъ цеккиновъ, которыми вы украсите свои черные волосы».

— «Прочь отъ меня злой . . . . .»

— «Но, — сказалъ злой Стаматинъ, — позвольте мнѣ спать съ вами, и я дамъ вамъ бархатное платье со столькоми цеккинами, сколько можетъ помѣститься въ глубинѣ моей шапки».

— «Прочь отъ меня, злой! или я скажу о твоей подлости моимъ братьямъ, которые тебя убьютъ!»

Прежде всего здѣсь бросается въ глаза необычность въ славянскомъ эпосѣ самаго тона любовныхъ сценъ, совершенно непужныхъ діалоговъ и той живости мнимаго движенія, которая такъ претитъ эпокойствію всякаго эпоса.

III.

Сравненіе пушкинскаго перевода съ подлинникомъ показываетъ прежде всего, что цѣлый рядъ отдѣльных мѣстъ, картинъ,

такъ какъ Пушкинымъ пропущено и выраженіе изъ самаго текста, къ которому оно относится: «Puis nous avons brisé nos rougeaux». Изъ примѣчаній Мериме мы могли выяснитъ и слѣдующее выраженіе въ текстѣ VIII пѣсни: «и дождь, когда рѣжутъ ей бокъ», и т. д., не переводя французскій текстъ, а скорѣе объясняя его на основаніи примѣчаній: «стременими острыми лезвиемъ».

описаній, оборотовъ и выраженій у Мериме грѣшатъ противъ эпикки вообще, т.-е. безотносительно къ избирательнымъ средствамъ специально эпоса славянскаго, о чемъ рѣчь будетъ дальше. Въ то же время рядъ отдѣльных примѣровъ говоритъ объ умѣнн Пушкина переводить вполне точно, на примѣръ, стоитъ сравнить начала хотя бы V и VI пѣсенъ:

«Quand Prascovie m'eut abandonné, quand j'étais triste et sans argent, un rusé Dalmate vint»—

«Какъ покинула меня Парасковья,
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ далмать пришелъ лукавый!».

«Dans une caverne, couché sur de cailloux aigus, est un brave Heyduque».—

«Въ пещерѣ на острыхъ камняхъ
Притаился храбрый гайдукъ».

Примѣровъ, которые показываютъ отсутствіе у Мериме чутія эпичности, очень много, и во всѣхъ такихъ случаяхъ Пушкинъ или совсѣмъ выпускалъ ихъ, или же замѣнялъ болѣе гармонирующими съ общимъ тономъ эпоса.

Во-первыхъ, сюда относятся всякаго рода разъясненія, неумѣстныя въ эпосѣ. Король Оома вышелъ изъ комнаты съ саблей въ рукѣ, «такъ какъ видѣлъ, что небо посылаетъ ему предзнаменованіе будущаго» (I). Этой всей фразы нѣтъ въ русскомъ переводѣ. Совсѣмъ опущено и слѣдующее мѣсто въ VI пѣснѣ. Осаждаемые врагами гайдуки томятся въ пещерѣ отъ жажды: «между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ издать стона жалобы, такъ какъ боялись они не угодить Христичу Младичу». Излишне и свидѣтельствуетъ объ отсутствіи у Мериме чутія эпикки объясненіе причины, почему жена Якубовича проситъ мужа помочь ей: «этотъ чужестранецъ слишкомъ тяжелъ» и т. д. (VIII).

Во-вторыхъ, грѣшатъ противъ эпикки тѣ мѣста, гдѣ Мериме входитъ въ психологію своихъ героев и излагаетъ ихъ ощущенія вмѣсто того, чтобы описывать самые факты. Поэтому Пушкинъ всегда замѣняетъ выраженія, характеризующія индивидуальныя ощущенія, вполне эпическими представленіями. Фраза «и добрый король Оома почувствовалъ руки басурманъ, разрывающихъ его платье», замѣнена у него всего четырьмя словами: «до пага его раздѣли» (I). Совсѣмъ выпущена фраза изъ той же пѣсни: «и король могъ думать, что миръ

царить», и т. д. Въ концѣ II пѣсни, послѣ третьяго видѣнія, Мериме говоритъ: «тогда она услышала тяжелый вздохъ» и т. д.; у Пушкина здѣсь вполне эпично и кратко: «Вей вздохнулъ», а немного дальше совсѣмъ выпущено замѣчаніе о душевномъ состояніи Маривича («и казался болѣе спокойнымъ»), которое гораздо лучше вытекаетъ изъ самыхъ фактовъ въ ихъ стройной послѣдовательности, не нуждаясь въ подобныхъ замѣчаніяхъ отъ лица автора. Сюда же относится весь монологъ умирающаго путника, принятаго Якубовичемъ, его жалоба на боль, предчувствіе смерти, воспоминаніе о печальной жизни и т. д. Пушкинъ выпускаетъ все это и въ двухъ-трехъ словахъ говоритъ о фактѣ смерти путника (VIII).

Въ-третьихъ, рядъ картинъ и выраженій свойственны автору-наблюдателю, говорятъ о его субъективныхъ впечатлѣніяхъ или ощущеніяхъ—и необычны въ эпикѣ народной. Однимъ только словомъ, именно, назвавъ вурдалака «чудовищемъ», Мериме нарушилъ эпическій тонъ разсказа, и совершенно неумѣстенъ его переходъ къ описанію послѣдствій бѣгства вурдалака изъ могилы: «и его буйство было таково, что» и т. д. (VIII). Помимо того, что цѣлая строфа у Мериме въ IX пѣснѣ не соответствуетъ дѣйствительности (вѣдь это—войска Бонапарта, а не турки), все здѣсь растянута, неудачно испещрено тѣмъ «пятнами», которыхъ народный эпосъ не знаетъ. «Они отправились. Ихъ оружіе блестѣло на солнце. Въ порядкѣ поднялись они, чтобы сжечь наши селенія; поднялись они, чтобы увести нашихъ женъ и дѣтей». Все это мѣсто передано Пушкинымъ въ двухъ стихахъ:

Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя все кругомъ.

Нарисованная Мериме картина «зажженные факелы превращаютъ ночь въ день» во всѣхъ отношеніяхъ несвойственна народной эпикѣ, и у Пушкина вышло много проще и реальнѣе: «вся свѣчами озарена церковь» (I). Нераздѣльная съ опредѣленностью и законченностью всякихъ очертаній, эпичность нарушается у Мериме даже такими на первый взглядъ незначительными мелочами, какъ слишкомъ общее обозначеніе: «прекрасный фруктъ» или «красивый фруктъ», которыми отравили Елену, и Пушкинъ во всѣхъ этихъ случаяхъ исправилъ при помощи самостоятельной замѣны—«сли-

ва» (IV). И уже окончательно искажаютъ ту же эпичность минимы сентенцій, какъ отвѣтъ визиря султану: «слышать—значить исполнить» (I), взятыя Мериме изъ популярной и на Западѣ восточной поговорки.

Совершенно уже искусственнымъ для народныхъ пѣсенъ эпического содержанія кажется такое «лирическое отступленіе» у Мериме, вставленное послѣ картины исчезновенія видѣнія короля Оомы въ церкву: «Видѣли ли вы блестящую звѣзду, которая быстрымъ полетомъ несется по небу и далеко освѣщаетъ землю? Вскорѣ этотъ блестящій метеоръ исчезаетъ среди ночи, и мракъ возвращается болѣе темнымъ, чѣмъ былъ онъ раньше. Такъ исчезло видѣніе Оомы» (I). Нечего и говорить, что весь этотъ отрывокъ не нашелъ у Пушкина отраженія хотя бы въ самомъ слабомъ намекѣ на оригиналъ, и ничто у него не нарушаетъ здѣсь выдержаннаго въ общемъ безличнаго тона. Вообще, чутье эпичности никогда не покидало переводчика, и онъ безъ всякихъ слѣдовъ опускалъ рядъ картинъ и моментовъ, которые сами по себѣ и имѣютъ нѣкоторый смыслъ, но въ связи съ предшествующими и послѣдующими картинами и моментами оказываются совершенно излишними повтореніями, повтореніями опять-таки не эпического характера, т.-е. не механическими, а новыми переказами уже знакомаго. Напримѣръ, въ IV пѣснѣ имъ выпущено четыре мѣста: 1) «когда она съѣла этотъ фруктъ, который имѣлъ такой прекрасный цвѣтъ, то почувствовала въ себѣ какое то безпокойство»; 2) «когда прекрасная Елена съѣла яблокъ, то сотворила крестное знаменіе, но не почувствовала при этомъ облегченія, и что-то шевелилось у нея въ животѣ»; 3) «потому что я оставалась вѣрна. Петръ Стамати заколдовалъ меня съ помощью злого еврея, который живетъ въ Долинѣ Могилъ»; 4) языкъ ея «никогда больше не говорилъ».

Въ пятихъ, рядъ подробностей описательнаго характера не только не усиливаетъ эпичности у Мериме, но, наоборотъ, вредитъ ей. Къ числу такихъ случаевъ принадлежитъ слѣдующій: «Холодный потъ струился по его спинѣ, зубы стучали отъ ужаса», передаваемый у Пушкина проще и короче: «короля внезапный обнялъ холодъ» (I). Въ особенности это бросается въ глаза, когда у Мериме находимъ ложную образность выраженій; наприимѣръ: «А другой (рукой) держалъ платье намѣстника Сатаны

и приближалъ платье къ своимъ губамъ, чтобы поцѣловать», что Пушкинъ передалъ всего тремя словами: «край полы цѣлуетъ» (I). Или неумѣстный контрастъ въ описаніи смерти Елены: мужъ «вытащилъ свою саблю» и затѣмъ «вскрылъ ея прекрасное бѣлое чрево»: въ переводѣ имѣется только «мертвое тѣло» (IV). «Янко съ того дня не пьетъ больше ни вина, ни водки; онъ ѣстъ только корни и бѣгаетъ изъ стороны въ сторону»; у Пушкина—въ томъ же духѣ: «онъ тоскуя бродитъ» (II). Старикъ Стамати и еврей кололи жабу, «пока изъ всѣхъ укуловъ не показались крупныя капли яда, и они собрали этотъ ядъ въ стеклянную банку» (IV); у Пушкина это совсѣмъ выпущено. Также выпущена у него и слѣдующая подробность въ той же пѣснѣ: «Онъ съѣлъ въ прекрасно вызолоченную галеру и счастливо вернулся въ свою страну. Его сосѣди и друзья, одѣтые въ свои лучшія одежды», вышли къ нему навстрѣчу. Незнакомецъ, который въ дальнѣйшемъ явится въ видѣ вурдалака, у Мериме описанъ совсѣмъ не въ духѣ эпоса: «фигурой онъ похожъ на молодого человѣка, но волосы—бѣлые, глаза—мертвенные, щеки—со впалинами»; у Пушкина о наружности путника сказано только: «блѣденъ»; но этимъ достигается здѣсь удивительная сила. Далѣе имъ выпущенъ рядъ подробностей при описаніи смерти того же путника: «Уста его улыбнулись, а глаза вышли изъ орбитъ. Вдругъ онъ опустилъ голову». При первомъ явленіи вурдалака «заворчала собака и спряталась между колѣнъ хозяйина»; у Пушкина—только «завыла» (VІІІ).

Нное дѣло, конечно,—подробности, способствующія пластичности изображенія и свойственныя эпикѣ съ ея холоднымъ ужасомъ; напр.: «И такъ они снимали кожу до ногтей на ногахъ» (Мериме)—«обнажили и мясо и жилы, и до самыхъ ногтей ободрали» (Пушкинъ, I).

Къ слѣдующей группѣ относятся особенно неудачныя у Мериме распространенія въ діалогахъ и замѣтное злоупотребленіе прямой рѣчью. У Пушкина часто она замѣнена простымъ описаніемъ, отчего усиливается эпичность. Въмѣсто фразы: «И бей Янко сказалъ: хорошо! Ложись опять возлѣ меня», у него находимъ: «повернулся Янко Марнавичъ», а слѣдующія два описанія совсѣмъ уже пропущены: «и сказалъ: хорошо! Ложись опять», или «она сказала: господи!» и т. д. (II). Нечего и говорить, что, благодаря такимъ замѣнамъ и сокраще-

ніямъ, выходитъ гораздо сильнѣе. Въ силу того же чутья эпичности Пушкинъ выпускаетъ цѣлую повѣствовательную фразу вмѣстѣ съ обращеніемъ мужа къ женѣ, мнимой пзмѣнницѣ: «И онъ увидѣлъ ея животь, который былъ такъ великъ. Что это, Елена? Вѣдь больше году, какъ я не спалъ съ вами». Вмѣсто всего этого у Пушкина находимъ только: «взглянуть сурово» (IV). «Братъ,—говоритъ незнакомецъ Якубовичу,—я жажду и хотѣлъ бы напиться». Къ чему въ эпосѣ это обращеніе путника въ прямой рѣчи, не имѣющее никакого значенія для дальнѣйшаго разсказа? Пушкинъ и на этотъ разъ проявилъ свое пониманіе и перевелъ просто: «спроситъ онъ напиться ради Бога». Далѣе имъ выпущенъ такой же излишній, свидѣтельствующій только о болтливости мнимыхъ «иллпротъ», вопросъ хозяина: «Развѣ ты никогда не былъ еще въ этой странѣ, что не знаешь?» и т. д. (VIII). Вообще, умирающій путникъ у Мериме говоритъ слишкомъ много, какъ въ либретто большинства оперъ, и Пушкинъ не постѣснялся выпустить еще нѣсколько фразъ: «Я не могу ни жить, ни умереть». «Печальна, печальна была моя жизнь. Печальна будетъ и смерть моя» и др.

IV.

Въ выборѣ поэтическихъ средствъ, которые могли, по мнѣнію Пушкина, сообщить славянскимъ пѣснямъ характеръ народнаго эпоса, огромное значеніе имѣли эпитеты. Конечно, не всѣ они—обычные, т. е. такъ-называемые постоянные эпитеты, какъ и въ его уже русскихъ сказкахъ, въ аналогичныхъ переводахъ и подражаніяхъ; но въ собранныхъ нами примѣрахъ изъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ» большинство эпитетовъ падаетъ на вставку ихъ и иныхъ опредѣленій, которыхъ нѣтъ у Мериме.

Прибавленные Пушкинымъ опредѣленія часто взяты изъ русской устной поэзіи, нерѣдко сочинены имъ въ духѣ мнимой «славянской поэзіи», конечно, согласно представленію о ней русскихъ писателей 20-хъ и 30-хъ годовъ, но всегда они сообщаютъ пѣснямъ народный характеръ своей образностью и, иногда, удлинняя стихъ, своей музыкальностью и т. д. Вотъ эти примѣры: «птенцовъ»—«птенцовъ горемычныхъ» (I); «предчувствуютъ, что»...—«чуветъ бѣду неминуемую»; «церковь»—«Божію церковь»; «осенью»—«осени дождливою»; «видѣніе»—«чуждое

видѣніе»; «Магометъ»—«султанъ безбожный»; «окровавленная (сабля)»—«кровь по саблѣ алая струится»; «до рукояти»—«до самой рукояти»; «отца»—«несчастнаго старца»; «съ тюрбаномъ»—«басурманскою чалмою»; «гайдуки»—«гайдукъ бездомный» (II); «Кирилъ»—«Кирила несчастливый»; «отъ руки своего брата»—«отъ руки имъ избраннаго брата»; «праздникъ»—«веселое пированіе»; «въ церковь Перусича»—«въ церковь святого Спаса»; «покрыта туманомъ»—«густые туманы»; «усы»—«длинные усы» (III); названіе рѣки—«заповѣдную рѣку»; «съ 1000 всадниками»—«съ новымъ войскомъ»; «съ копницею свѣжей»; «ей»—«бѣдой молодой» (IV); «фруктъ»—«поганую сливу», «Елена»—«молодая Елена»; «сестру»—«сестру свою меньшую»; «Елена»—«прекрасная Елена»; «мужъ»—«милому мужу»; «годъ»—«круглый годъ»; безличный оборотъ (два раза)—«злые люди»; «ребенокъ»—«несвиного младенца»; «ребенка»—«милаго дитяти»; «губы»—«мертвые уста»; «Стаматъ»—«старый Стаматъ»; «муравей»—«бѣдная муравка» (V); «враги»—«недрузи злые» (VI); «мою кровь»—«горячей моей крови»; «враговъ»—«недруговъ спящихъ»; «пуля»—«свинцовую пулю» (VIII); «его»—«мертвое тѣло»; «на свою лошадь»—«на коня вороного»; «могилу»—«глубокую могилу» (два раза); «на его шею»—«на его бѣлую шею»; «отшельникъ»—«старцемъ калуеромъ»; «кровавыя» (губы)—«алой кровью»; «ребенка»—«ребенка больного»; «вамширъ»—«вурдалакъ проклятый»; «солдатъ»—«царскіи рекрутъ»; «глаза»—«злые глазки» и др.

Вторую, менѣе значительную по числу примѣровъ группу въ наблюденіяхъ надъ эпитетами составляютъ замѣны переводчикомъ эпитетовъ Мериме другими, болѣе подходящими, по представленію Пушкина, къ славянской народной поэзіи, отчасти болѣе подходящими къ тону пѣсенъ; на примѣръ: «великую церковь»—«церковь Божію» (I); «споръ между двумя славными беями»—«два могучіе бѣя побрались» (II); «слабый свѣтъ»—«малый огонечекъ»; «на эту бѣлую, какъ свѣтъ, лошадь»—«на коня вороного» (III); «несчастнаго еврея»—«жиду-лиходѣю» (IV); «имя великаго апостола»—«христіанское имя»; «черной жабѣ»—«поганой твари»; «прекрасный фруктъ»—«испѣлую сливу»; далматъ хитрый—

ВУКЪ КАРАДЖИЧЪ.

(Изъ роскошнаго изданія «Знаменити Сербѣ», Загребъ, 1903)

«далматъ лукавый» (V); «старый обычай» — «родной обычай»; «съ золотой цѣпочкой» — «на серебряной цѣпочкѣ»; «стоячую воду» — «воду дождевую» (VI); «два храбрые сына» — «два милые сына»; «добрыи путь» — «въ дальнюю дорогу» (VII); «великій воинъ» — «славный воинъ» (VIII); «странной болѣзнью» — «опасною болѣзнью»; «красное пятно» — «кровавую ранку»; «птичьи когти» — «вороньи когти» и т. п.

Чтобы убѣдиться въ томъ, что Пушкинъ почти не пропускалъ всякаго рода опредѣлений изъ французскаго текста, находя ихъ характерными для поэзии славянской, приведемъ всѣ замѣченные случаи такихъ пропусковъ (здѣсь приводится только текстъ Мериме: выдѣленныхъ опредѣлений у Пушкина нѣтъ): «ты найдешь черную жабу» (VI); «въ глиняномъ горшкѣ»; «прекрасная Елена» (два раза у Мериме, но у Пушкина есть въ другихъ мѣстахъ); «большое озеро» (V); «прекрасная Катерина» (VI); «подлые враги»; «широкій красный поясъ» (VIII). Изъ этого краткаго списка еще разъ видно, какое значеніе придавалъ Пушкинъ подобнымъ опредѣленіямъ, если онъ нашелъ

необходимымъ опустить ихъ только въ семи случаяхъ.

Въ началѣ очерка мы указали въ общихъ чертахъ, что однимъ изъ приѣмовъ мистификаціи Мериме является обиліе настоящихъ славянскихъ, славянизованныхъ или просто экзотическихъ для французскаго туриста собственныхъ именъ и мѣстныхъ названій. И замѣчательно, что, считая пѣсни подлинными, Пушкинъ сплошь и рядомъ совсѣмъ выпускалъ и тѣ и другія. Это нельзя объяснить ни требованіями стиха, ни его неумѣніемъ (или же извѣстной осторожностью) возстановить ихъ по не всегда послѣдовательной транскрипціи въ своемъ оригиналѣ (напр., *ч* передается чрезъ *ch* и *tch*, а *z* означаетъ *з* и *и*), ни даже отсутствіемъ въ нихъ нѣкоторой стилистики. Поэтому скорѣе то же чутіе поэта, которое не обманывало его и въ другихъ случаяхъ, заставляло его выпустить цѣлый рядъ именъ и названій, которыя, какъ казалось бы, самымъ надежнымъ способомъ приурочивали пѣсни къ опредѣленнымъ мѣстностямъ, а иногда и къ эпохамъ. Отсутствие у Пушкина нѣсколькихъ именъ и названій (правда, во всѣхъ случаяхъ второстепенныхъ и только

въ видѣ простыхъ упоминаній у Мериме) придаетъ его повѣствованію характеръ эпичности, неопредѣленности, которая свойственна народной поэзіи вообще. Въ общемъ Пушкинымъ не названо 18 лицъ и мѣстностей: султанъ Магометъ (I), король Оома II, долина Пролога, старикъ Оома I, побратимъ Кирилъ Перванъ (II), церковь Перусича съ горы Пристежъ (у П.—«отселѣ»), Морполацца покрыта туманомъ (у П.—«за рѣкою густые туманы»), Прасковья (П.—«жѣнка»), мы перешли Цеттину (П.—«перешли мы заповѣдную рѣчку»), III), селихтаръ Мехеметъ, пришелъ нашъ Мехеметъ (П.—«враги наскочили»), Венеція (П.—«изъ за моря»), IV), Петръ Стамати; Теодоръ Конопка; дѣти гайдуга Александръ и Христичъ (второе, впрочемъ, придумано Мериме неудачно, такъ какъ это—ихъ фамилія, и отецъ называется Младнѣ Христичъ, XI); названіе мѣстности, отъ которой преслѣдовали врага—Чаплисса (VII); имя жены гайдуга, отъ лица котораго идетъ пѣсня, Елена; похитившій его же дочь Круничъ. Кромѣ того, при повтореніяхъ Пушкинъ не пропускалъ случая замѣнить собственное имя нарицательнымъ; напр., вмѣсто имени «Радивой» одинъ разъ говорить «отступникъ», другой разъ—«мученикъ» (I).

Трудно объяснить, почему въ нѣсколькихъ мѣстахъ Пушкинъ замѣнилъ имена. Конечно, можно не говорить о такихъ примѣрахъ, какъ воплѣ удачный переводъ греческаго названія «Константинополь» турецко-славянскимъ «Стамбулъ» въ первой пѣснѣ. Но въ другихъ случаяхъ нелегко дать ясный отвѣтъ. Почему, напримѣръ, самый младшій изъ 20 героев Оома названъ у Пушкина Георгіемъ (III), или Константиномъ Якубовичъ—Маркомъ (VIII), жена его Милиада—Зоей (VIII)? Можно только предположить, что послѣднее имя взято, какъ красивое, изъ непереведенной Пушкинымъ пѣсни «Гузлы»—«Maxime et Zoé»; Марко—излюбленный герой сербскаго эпоса, извѣстный Марко Краевичъ, которому посвященъ не одинъ десятокъ пѣсенъ въ сборникѣ Вука Караджича; наконецъ, Георгій—очень распространенное у сербовъ имя. Замѣну Христича (Christich) Хризичемъ (VII) можно объяснить вліяніемъ извѣстныхъ погугу по Бессарабіи сербскихъ фамилій, среди которыхъ суффиксъ *изичъ* не только встрѣ-

чается часто, но по самому комплексу звуковъ характеренъ для сербскихъ фамилій; кромѣ того, и у Мериме имѣются *Danisich, Krousich, Perrusich* и т. п. Янъ (вмѣсто Владина, VII) явился, по всей вѣроятности, потому, что это—имя въ огласовкѣ «западныхъ» славянъ. Единственный случай, когда у Пушкина приводится мѣстное названіе, котораго нѣтъ въ данной пѣснѣ у Мериме, это въ стихѣ «дочь моя живетъ въ Лизгорѣ» (VII). Трудно допустить, чтобы здѣсь нужна была только рима въ «море»; скорѣе это передѣлка названія «Вергора», которое встрѣчалось у Мериме три раза ¹⁾.

Въ связи съ тѣмъ же чутьемъ эпичности въ пропускахъ именъ и названій, стоитъ примѣръ Пушкина въ опредѣленіи всякаго рода сроковъ цифръ. Онъ пропускаетъ «спустя два мѣсяца»—время, прошедшее послѣ обряда побратимства (II), и «десять мѣсяцевъ»—срокъ отсутствія мужа Елены (IV); смягчаетъ опредѣленность срока «спустя недѣлю» (VIII) типичнымъ русскимъ оборотомъ «вотъ проходитъ недѣля—другая»; два раза замѣняетъ еще болѣе точные сроки, притомъ обозначенные необычнымъ у славянъ дѣленіемъ сутокъ: «въ тотъ же самый часъ»—«ту же пору», «въ этотъ самый часъ»—«ровно двѣ тому недѣли» (VIII) и т. п.

То же самое наблюденіе бросается въ глаза при параллельномъ сравненіи мѣстъ, гдѣ рѣчь идетъ о цифрахъ. Обыкновенно Пушкинъ или совсѣмъ пропускаетъ цифры, или же замѣняетъ ихъ числами эпическими. У Мериме въ «Похоронной пѣснѣ» читаемъ: «твой сынъ Иванъ отомстилъ за тебя: онъ убилъ пятерыхъ»; у Пушкина просто: «но твой сынъ убилъ его» (VII). У Мериме—«онъ заказалъ отслуживать 30 обѣденъ за упокой души своей жены»; у Пушкина—«и отпѣлъ по женѣ панихиду» (IV). Сообщенные Мериме цифры «500 храбрыхъ черногорцевъ» и «20000 солдатъ» отсутствуютъ въ русскомъ переводѣ (IX), а съ 1000 всадниковъ и съ 2000 босняковъ замѣнены просто «съ конницею свѣжей» и «со своими босняками» (III). Въ одномъ только мѣстѣ «25 человекъ» превратились у Пушкина въ «120 человекъ» (IX); вѣроятно, для подвига храбрыхъ черногорцевъ, навѣки испугавшихъ войско

¹⁾ «Montagnes de Vergoraz» въ пѣснѣ «La flamme de Perrusich» (стр. 117), «Vergoraz» въ статьѣ о вампиризмѣ (стр. 145) и въ пѣснѣ «Les pobratimi» (стр. 227).

Бонапарта, первая цифра показалась переводчику слишкомъ незначительной.

Иное дѣло—числа эпическія ¹⁾, къ которымъ Пушкинъ прибѣгаетъ нѣсколько разъ, и его замѣны всегда удачны и красивы: «каждый человѣкъ изъ нашей арміи стоилъ десятерыхъ»—«всякъ изъ насъ троиухъ воиновъ стоилъ» (III); «со вчерашняго дня»—«три дня» (VIII); «каждый убилъ десятерыхъ человѣкъ, и каждый получилъ десять пуль въ грудь»—«семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый, семью пулями каждый изъ нихъ прострѣлъ» (VI); «сотни ружей будутъ направлены противъ нихъ»—«въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей» (XI). Къ тому же приему Пушкинъ прибѣгаетъ и тогда, когда у Мериме не указаны цифры; напримѣръ, «трижды полъ окровавленный цѣлуетъ» (I).

VI.

Выше мы уже замѣтили, что многіе обороты у Пушкина вышли короче, а потому сильнѣе, чѣмъ въ оригиналѣ. Это общее наблюденіе подкрѣпимъ нѣсколькими примѣрами. Изъ фразы, состоящей изъ трехъ предложеній: «Когда король Оома увидѣлъ, что было на клиросѣ, храбрость готова была покинуть его», Пушкинъ оставляетъ только одно: «Ужасомъ замерло въ немъ сердце» (I). «Чтобы пройти въ церковь, онъ (король Оома) долженъ былъ перешагнуть трупы и погрузиться въ кровь по щиколку» (*jusqu'à la cheville*). Съ этой фразой переводчикъ поступаетъ такъ же: «Онъ идетъ, шагая черезъ трупы, кровь по щиколку ему досягаетъ». И въ концѣ той же первой пѣсни сокращеніе сообщаетъ повѣствованію обычную силу эпоса. Описаніе Мериме: «И король могъ думать, что миръ царилъ вокругъ Ключа, какъ вдругъ бомба, брошенная невѣрными, упала предъ нимъ и дала сигналъ къ приступу», замѣнено пластичной картиной: «Вдругъ взвилась изъ за города бомба, и пошли басурмане на приступъ». Такое же впечатлѣніе производитъ первый вопросъ

второй пѣсни: «Почему бей Янко Марновичъ никогда не живетъ въ своей странѣ? Зачѣмъ путешествуетъ онъ по горамъ» и т. д.? Сила и образность тѣхъ же вопросовъ у Пушкина достигается прежде всего—краткостью. «Что въ развѣздахъ бей Янко Марновичъ? Что ему дома не сидится?» Нѣсколько не проигрываетъ эпичность разсказа съ точки зрѣнія мнимаго обилія подробностей, а несомнѣнно увеличивается тѣмъ, что переводчикъ въ третьей пѣснѣ не внесъ въ свой текстъ двухъ фразъ изъ подлинника: «господинъ, мы не покинемъ васъ, какъ эти подлецы», и «пока они находились въ живыхъ, они защищали бѣя, своего вождя». Мнимая послѣдовательность у Мериме обнаруживается сравненіемъ въ оригиналѣ и въ переводѣ слѣдующихъ фразъ: «Вотъ ея животъ постепенно началъ пухнуть, съ каждымъ днемъ все больше: настолько, что» и т. д.—«Стала пухнуть прекрасная Елена» (IV). «Воздухъ душитъ меня,—жалуется у Мериме влахъ, попавшій въ Венецію,—и хлѣбъ—ядъ для меня; я не могу идти, куда хочу, не могу дѣлать, что хочу. Я—какъ собака на привязи». Та же жалоба въ переводѣ дышитъ силой, прежде всего благодаря краткости (V):

Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ
камень,

Я неволенъ, какъ на привязи собака.

Нечего и говорить, что въ сокращеніяхъ характера механическаго выброшены наиболѣе неудачные обороты, напримѣръ: скрывающіеся въ пещерѣ гайдуки «такъ хотятъ пить, что ихъ языкъ распухъ и сталъ чернымъ» (VI). Когда обезумѣвшій на пятый день младшій сынъ Христича «вытащилъ ножъ» и сталъ глядѣть на трупъ матери, тогда старшій сынъ «испугался его, вынулъ свой ножъ и прокололъ себѣ руку: пей мою кровь, Христичъ, и не совершай преступленія» (VI). Выдѣленныхъ нами выраженій нѣтъ у Пушкина, и стоитъ хотя бы бѣгло прочесть всю пѣсню, чтобы убѣдиться въ неудачности именно выпущенныхъ фразъ.

А вмѣстѣ съ краткостью и силой у Пушкина всегда является живость, въ слѣдующемъ примѣрѣ равносильная живости поговорки. Фразы Мериме: «Мы ничего не знаемъ о немъ. Можетъ быть, ты встрѣтишь его въ странѣ, куда идешь», (авторъ обращается къ покойнику), у Пушкина превратились въ великолѣпное: «живъ иль нѣтъ, узнаешь самъ» (VII). Растяну-

¹⁾ Ср. T. Maretić, Die typischen Zahlen in der russischen Volksepik, Archiv für slav. Philologie, Bd. XXV, 452—462; Фр. Миклошичъ, Изобразительныя средства славянскаго эпоса, Древности. Груды Слав. Ком. Моск. Археол. Общ-ва, т. I, и югославянскія параллели въ очеркѣ Н. Бобчева «Изображеніе въ болгарската народни епика», Сборникъ за народни умотворенія и т. д., кн. X, 196—220.

тость въ описаніи прихода въ мирную семью незнакомца, который окажется злымъ вурдалакомъ, лишаетъ у Мериме всю сцену той таинственности и силы, которая у Пушкина достигается краткостью и простотой, для чего имъ пропущены всякія упоминанія о томъ, что путникъ «выходитъ изъ лѣсу», «кланяется хозяйкѣ, взявъ ее за руку», и т. д. (VIII). «Но я хочу,—говоритъ хозяину путникъ,—чтобы меня похоронили на вершинѣ кургана, въ этомъ мѣстѣ противъ солида» и т. д. Пушкинъ пропустилъ это «противъ солида» и здѣсь, и въ одной изъ дальнѣйшихъ строфъ, передавъ всю просьбу въ краткой и сильной формѣ: «ты зарой мое тѣло за горой, подъ зеленою ивой». А описаніе явленія вурдалака въ образѣ великана, который «улыбаясь» смотритъ на хозяина, у Мериме напоминаетъ просто «страшную» картину съ попыткой просвѣщеннаго европейца объяснить дѣйствіе глазъ вампира, по повѣрью дикарей, на человѣка и т. д.; у Пушкина такъ много силы въ этомъ эпически-продолжительномъ «глядѣлъ неподвижно», которымъ замѣняются излишніе подробности оригинала! И дальше, «привидѣніе» Мериме Пушкинъ передаетъ просто «великанъ», не желая точнымъ переводомъ давать какъ бы реальное объясненіе всей картинѣ.

Особенную силу приобретаютъ сокращенія въ такихъ случаяхъ, когда Пушкину удается цѣлую фразу превратить въ одно-два слова, напримѣръ: король Оома ходитъ по комнатѣ «въ то время, какъ его солдаты спятъ, опершись на свое оружіе»—«люди спятъ» (I); далматы «бросились бѣжать и покинули насъ»—«разбѣжались» (III); «чтобы намъ объявить сраженіе»—«противъ насъ» (III); «этотъ ребенокъ, который находится въ ея проклятомъ чревѣ, несколько не виновецъ»—«невиннаго младенца» (IV); когда мужъ вошелъ въ домъ, «онъ увидѣлъ свою жену спящей» и т. д.—«и видитъ».... (IV). Иногда такіе сокращенія превращаются не больше, какъ въ восклицаніе, въ энергичный вопросъ, и отъ этого необыкновенно выигрываетъ сила впечатлѣнія. Напримѣръ, цѣлая фраза у Мериме: «И эти трупы—вѣрныхъ его слугъ, и кровь эта—кровь христіанъ»—замѣнена у Пушкина однимъ «горе!»; но стоятъ припомнить предшествующую и слѣдующую за восклицаніемъ картины, чтобы признать въ замѣнѣ артистичность (I). Или предъ сценой свиданія вернушагося изъ-за моря послѣ долгой разлуки мужа съ мнимой

измѣнницей-женой: «Что случилось съ прекрасной Еленой, моею женой? Почему ея нѣтъ здѣсь?» Два всего слова у Пушкина говорятъ о цѣлой трагедіи въ душѣ мужа, предвѣщаютъ грозу въ недалекомъ будущемъ: «Гдѣ жъ Елена?» (V).

Конечно, стихотворная форма у Пушкина играетъ большую роль при сравненіи съ прозой Мериме, но чутье художественности у переводчика засвидѣтельствовано рядомъ необыкновенно живыхъ оборотовъ. Приказаніе воинамъ Радивоя у Мериме: «Тѣ, которые не ранены, постараются достигнуть лѣса съ тѣмъ расчетомъ, чтобы избѣжать всадниковъ наши селихтара»—очень неудачно въ сравненіи съ энергичной формой рѣшительнаго приказанія у Пушкина: «Кто не раненъ—въ лѣсъ бѣги скорѣе и спасайся тамъ отъ селихтара» (III). Вялая и безцвѣтная строфа Мериме, которой Пушкинъ начинаетъ IV пѣсню (все начало ея до этой строфы выпущено), въ русскомъ переводѣ вышла задорной, сильной, пѣвучей, съ темпераментомъ, и эту великолѣпную живость, этотъ музыкальный тонъ пушкинской строфы не замѣняютъ даже ряды точекъ, избыточно поставленныхъ здѣсь у Мериме, очевидно, съ цѣлю оживить рассказъ недосказанностью, намекомъ на пикантныя подробности и т. д.

« . . . . . Помимо того, Стамати былъ маленькій старикъ, съ плоскимъ носомъ пизенькій. А Елена—высокая и сильная.

Ему захотѣлось стать больнымъ и сильнымъ . . . . . Стаматъ упалъ навзничъ и вернулся домой въ слезахъ, съ согнутыми колѣнами и покачивался».

Даже при всей близости перевода трудно узнать оригиналъ въ соотвѣтствующей пушкинской строфѣ, въ стилѣ рефрена:

Стамати былъ старъ и безсиленъ,
А Елена-молода и проворна:
Она такъ-то его оттолкнула,
Что ушелъ онъ, охая да хромая.

И затѣмъ Пушкинъ чувствуетъ, что чего-то не достааетъ для музыкальности стиховъ, и прибавляетъ поощреніе-похвалу въ пѣсенномъ стилѣ, въ стилѣ рефрена

Подѣломъ тебѣ старій безстыдникъ!
Ай да баба! Отдѣлаза(сь) славно!

Въ IX пѣснѣ переводъ менѣе близокъ съ точки зрѣнія текстуальной, и все-таки въ немъ нѣтъ ничего новаго, чего бы не было въ подлинникѣ, кромѣ недостающей

послѣднему живости, естественности. «Послушайте эхо нашихъ ружей,—сказалъ капитанъ» (Мериме). У Пушкина:

«Это что?»—

Удивясь они сказали:

«Эхо, что ли? Нѣтъ, не то!»

По тѣмъ же причинамъ переводъ Пушкина въ начальной строфѣ той же пѣсни отступаетъ отъ подлинника не въ смыслѣ, а въ тонѣ. «Наполеонъ сказалъ: что это за люди, чтó осмѣливаются мнѣ противиться? Я хочу, чтобы они явились и бросили къ моимъ ногамъ свои ружья и ятаганы, украшенные чернью». У Пушкина опять выходитъ картинѣ, много задора въ похвальбѣ Бонапарта, удаченъ ритмъ угрозы маленькаго корсиканца, ожидается роковое столкновение «племени злого», горсти черногорцевъ, съ могучимъ полководцемъ и т. д. Послѣ ряда короткихъ вопросовъ идетъ угроза:

Такъ раскаются жѣ нахалы:

Объявить ихъ старшинамъ,

Чтобы ружья и книжкины

Всѣ несли къ моимъ ногамъ!

Или немного дальше въ той же пѣснѣ: «Тогда капитанъ ихъ сказалъ, чтобы каждый солдатъ направилъ свое ружье, и чтобы каждый человѣкъ убилъ одного черногорца» (Мериме). Какъ мы видѣли, въ большинствѣ случаевъ Пушкинъ измѣняетъ живую рѣчь на косвенную, а здѣсь поступаетъ наоборотъ, чѣмъ достигается необыкновенная живость:

Стои! Пали! Пусть каждый сброситъ

Черногорца одного!

Вообще, во всей IX пѣснѣ Пушкинъ относится къ подлиннику болѣе самостоятельно, чѣмъ въ другихъ пѣсняхъ, даже оставляетъ «мамлюковъ роты и косматыхъ кирасиръ», вмѣсто однихъ «драгунъ» подлинника,—такъ какъ небольшая и притомъ военная пѣсня черногорцевъ требовала, по тѣмъ же причинамъ, особаго стиля, особой живости, ритма и картинности. А особенность этого поэтическаго жанра, вмѣстѣ съ иной обстановкой и сравнительно поздней эпохой событій, давала ему право измѣнить тонъ сначала и до конца пѣсни. II тонъ великолѣпно выдержанъ.

VI.

До сихъ поръ мы разсматривали текстъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ» съ точки зрѣнія требованій народнаго эпоса вообще

и только случайно касались изобразительныхъ средствъ эпоса славянскаго, конечно, повторяемъ, того эпоса, который могъ быть извѣстенъ Пушкину, и какимъ онъ представлялся поэту. Во-первыхъ, въ этихъ средствахъ поэтъ не отдѣляетъ русскихъ чертъ отъ сербскихъ, и все у него претворяется въ томъ «общеславянскомъ» тонѣ народной поэзии, который у насъ господствовалъ долго, а иногда повторяется и въ наше время. Во-вторыхъ, чисто-русская народная поэтика въ представленіи Пушкина была значительно «особенной», по сравненію съ подлинной, какъ и раньше до него—у Чулкова, Радищева, Карамзина, такъ и позднѣе—у Алексѣя Толстого, Мая, Сурикова и др. Это лишаетъ изслѣдователя возможности и даже права предъявлять строгія требованія къ такимъ произведеніямъ—«подражаніямъ», а въ данномъ случаѣ надо имѣть въ виду и состояніе изученія народной словесности въ то время, когда писалъ Пушкинъ.

Прежде всего, Пушкинъ угадывалъ и удачно замѣнилъ французскія слова подлинника русскими терминами, старинными или народными выраженіями или же тѣми же словами, но съ суффиксами специально русскими и т. д., какъ «комната»—«палаты» (I); «рабъ»—«холопъ»; «распростерся»—«билъ челомъ» (султану); «Jusqu'à la cheville»—по щиколку; «невѣрные»—«басурманы» (I, III и др.); «визиря»—«прислужниковъ» (I); «враги»—«недрузи» (II); «врагъ»—«супротивникъ»; «сказалъ»—«молвилъ» (II, V, VIII и др.); «окно» «окошко» (II, V); «жена»—«жѣнка» (II); «на уши»—«на бѣздрень» (III); «напалъ»—«съ крыла ударилъ»; «двоюродные братья»—«друзья, родные»; «назвалъ», «назвать»—«нарекаетъ», «нареди» (IV); «спросилъ»—«молвилъ»; «я убилъ»—«я сгубилъ» (понапрасну); «позвала»—«кликнула»; «говорили»—«стали баять»; «сказала»—«провѣщала» (голова); «заказалъ отслужить»—«отпѣлъ панихиду»; «одѣты въ золото и шелкъ»—«въ шелковыхъ кафтанахъ» (V); «разстегнулъ» (поясъ)—«развилъ» (VIII); «показалъ»—«кажетъ»; «собаки-нехристи»—«басурмане»; «капитанъ»—«полковникъ» (IX); и т. п. Извѣстную долю колоритности придаютъ «Пѣснямъ» и формы уменьшительныя, какъ «огонечекъ» (II), «сестрица» (IV), «кустникъ» (V), кусточки» (VIII) и т. д.

Рядъ отдѣльныхъ мѣстъ у Пушкина кажутся выхваченными изъ сказки, былинны, пѣсни, причемъ соотвѣтствующія выраже-

нія оригинала не давали, казалось бы, даже намека для такихъ стильныхъ переводовъ, напримѣръ, «я вижу слабый и дрожащій свѣтъ» — «вижу, вонъ, малый огонечекъ чуть-чуть брежжетъ» (II); «бей Янко былъ мертвъ» — «тутъ и смерть ему приключилась»; «мы не сможемъ скрыться отъ нихъ» — «намъ управиться съ ними невозможно» (III); и вернетъ тебя въ нашу страну» — «тебя изъ погибели вымчитъ»; «сталъ онъ думу думать» (IV); показалось бѣдной молодикѣ»; «воротился на свою сторонку»; «его привѣтно поздравляютъ»; «проводятъ время во всевозможныхъ развлеченіяхъ» — «только что пьютъ да гуляютъ» (V); «но здѣсь я не встрѣчаю ни одной дружественной фигуры» — «здѣсь не слышу добраго привѣта, не дождуся ласковаго слова» (V); «въ ней больше цекиновъ, чѣмъ камней въ твоей страпѣ», — «тамъ цекины — что у насъ каменья»; «пуля разорвала мнѣ грудь» — «пулю... ношу подъ сердцемъ» (VIII); вечеромъ — «на закатѣ краснаго солнца». Особенно удачны два выраженія въ IV пѣснѣ: «мнѣ подбросили колдовство (sort), которое сдѣлало мнѣ распухшій животъ» — «испортили меня злые люди» и «заколдовали меня изъ мести» — «окормили».

Слѣдующую группу составляютъ обороты, на которыхъ лежитъ отпечатокъ стариннаго синтаксиса, какъ: «расскажемъ объ этомъ сраженіи» — «расскажемъ эту битву» (III); «убивать невѣрныхъ» — «воевать басурмановъ» (III). Наконецъ, славянской характеристикѣ усиливается частицами «али», «аль»; «что» въ значеніи «почему», «какъ» и «который»; «какъ» въ значеніи «когда»; нечленными формами прилагательныхъ; «до вострія» и т. п. И если одно мѣсто перевода, привѣтствіе «здравствуй Дмитрій Алексѣичъ» (V), ужъ слишкомъ руссифицируетъ пѣсню (славяне, какъ извѣстно, не называютъ по имени-отчеству), то и здѣсь Пушкинъ свободенъ отъ нареканій: онъ нашелъ его въ оригиналѣ: «да будетъ Богъ съ тобой, сынъ Алексѣя».

Музыкальная стройность у Пушкина въ народномъ духѣ (опять, конечно, размѣры здѣсь своеобразные) достигается еще такими повтореніями въ народномъ духѣ, какъ «по никто барабановъ не слышитъ, никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ; лишь король то слышалъ и видѣлъ» (I). Этому мѣсту соответствуетъ неуклюжая и антиэпическая фраза у Мериме: «А вокругъ великаго короля Оомы стоятъ его вѣрныя

слуги, и ни одно ухо, кромѣ его собственнаго, не слышитъ этого ужаснаго шума». Султанъ у Пушкина велитъ дать Радивою «не бархатный кафтанъ, не парчевый»; и этотъ приемъ заимствованъ не у Мериме, у котораго здѣсь — такая же тяжелая и чуждая эпичности фраза: «Кафтанъ, который будетъ носить онъ, будетъ болѣе драгоценный, чѣмъ венеціанская парча» (brocard, sic). То же самое можно сказать о слѣдующихъ фразахъ у обоихъ поэтовъ. «Кто смутился, и кто усмѣхнулся» — «Его сосѣди начали улыбаться; его друзья покраснѣли, но ни одинъ не отвѣчалъ» (IV). Или: «горько плача и жалостно рыдая» — «проливая горькія слезы» (II). И ложнымъ приемомъ подобной стройности слѣдуетъ назвать слѣдующую фразу у Мериме: «Для ихъ пушекъ тамъ есть пропасти, для ихъ драгунъ — утесы и для ихъ пѣхоты — 500 хорошихъ ружей». Это — отрывокъ изъ официальной диспозиціи, а не изъ народного эпоса, и Пушкинъ избѣгъ ошибки, передавъ всю фразу чрезъ: «для коней и для пѣхоты камни есть у насъ и рвы» (IX).

Та же стройность въ духѣ народного эпоса наблюдается еще въ отрицательныхъ сравненіяхъ, одно изъ которыхъ, напримѣръ, въ 3 строфѣ подлинника Пушкинъ великолѣпно угадалъ: «Ce n'est point la chouette qui cause ce bruit étrange; ce n'est point la lune qui éclaire ainsi les vitraux de l'église de Kloutch; mais dans l'église» и т. д. (I). Иногда неудачныя выраженія Мериме превращались подъ перомъ русскаго поэта въ красивыя и музыкальныя сравненія; стоитъ сопоставить длинную фразу французскаго подлинника съ точнымъ соотвѣтствіемъ ей въ русскомъ текстѣ: «Но онъ ищетъ пустынныхъ мѣстъ, и ему правятся пещеры, гдѣ живутъ гайдуки, такъ какъ сердце его обречено печали», — у Пушкина: «Но онъ бродитъ, какъ гайдукъ бездомный» (II). Другія три сравненія у обоихъ поэтовъ вышли различными: «словно быкъ, испуганный оводомъ» — «словно волъ, ужаленный змією» (II); «я — какъ пересаженное во время лѣта дерево. Я сохну и умираю». — «Я завялъ, какъ пересаженный кустикъ» (V); обезумѣвшій младшій сынъ гайдуга сидитъ возлѣ матери, «какъ волкъ возлѣ ягненка», — онъ смотритъ на мать, какъ на спящую козу» (VI).

Стройность, въ большинствѣ случаевъ, едва-ли отдѣлимая отъ музыкальности, достигается у Пушкина еще тѣмъ, что отвѣты прямо вытекаютъ изъ вопросовъ, какъ въ

устной славянской поэзии. Напримѣръ, въ началѣ пѣсни, на вопросы о боязни Марнавича, у Мериме даются такіе отвѣты: «Нѣтъ бей Янко богатъ и могучъ. Никто не посмѣетъ назваться его врагомъ, такъ какъ по его зову сразу же выйдутъ изъ ноженъ болѣе двухъ сотъ сабель». Но раньше не было вопроса о бѣдности Янка, и пушкинскій двойной отвѣтъ на два вопроса вполне подходитъ къ народнымъ образцамъ: «не боится бей Янко Марнавичъ ни враговъ своихъ, ни кровомщенья» (II).

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ такими приемами пушкинской поэтики, которые сравнительно легко поддаются анализу и могутъ быть иллюстрированы. Много можно было бы сказать о тѣхъ приемахъ, которые нельзя такъ же распределить по группамъ и которые не словами, не выраженіями, даже не музыкальностью, а самымъ духомъ говорить о художественно-эпическомъ чутьѣ Пушкина и объ отсутствіи его у Мериме. Но здѣсь у изслѣдователя кончается область приложенія научныхъ методовъ, и начинается всегда спорная область вкусовъ. Поэтому мы прекращаемъ наблюденія и ограничимся сравнительной характеристикой только одной пѣсни, совершенно неудачной въ подлинникѣ и удачно, по крайней мѣрѣ, исправленной у переводчика. Вся пѣсня «Jeannot» у Мериме похожа на «справоучительный» рассказъ изъ хрестоматіи съ готовой моралью и попыткой реального объясненія повѣрій о вурдалакахъ у «свиной-босняковъ», о которыхъ говорятъ французскій консулъ—однѣ изъ источниковъ Мериме. Особенно жалко и убого начало пѣсни. «Ваня долженъ былъ вернуться въ городъ и провести ночь на кладбищѣ. Между тѣмъ, онъ былъ трусъ болѣе подлый, чѣмъ женщина. Онъ трясся, какъ въ лихорадкѣ». Въ этихъ фразахъ нельзя угадать даже элементовъ для соответствующихъ живыхъ и не лишенныхъ эпической пластики стиховъ у Пушкина, хотя и его «Вурдалакъ» принадлежитъ къ числу наиболѣе слабыхъ пѣсенъ:

Трусовать былъ Ваня бѣдный.
Разъ онъ поздною порой,
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Черезъ кладбище шелъ домой.

Взявъ этотъ тонъ, тонъ шутливаго сказа, но безъ отпечатка эпичности, по крайней мѣрѣ—тонъ занимательнаго дѣтскаго рассказа, Пушкинъ выдержалъ его до конца. Поэтому у него пѣтъ такихъ

подробностей: «Ваня смотрѣлъ направо и налево», а вурдалакъ «бѣлъ въ своей могилѣ»; «я пропалъ: если онъ увидитъ меня»,—говоритъ трусъ,—то захочетъ съѣсть, потому что я—такой жирный» и т. д. Хуже всего—последняя строфа у Мериме: «Тогда онъ нагнулся, чтобы достать земли; но собака, которая глодала баранью кость, подумала, что онъ хочетъ отнять ее, вскочила на ноги и укусила его до крови». Въдѣ это—«благонамѣренный» рассказъ на тему, почему дѣти, да притомъ толстыя, не должны ходить ночью на кладбище, и какія отъ этого непріятности могутъ вослѣдовать.

VII.

Юго-славянскую народную поэзію, точнѣе сербскую, Пушкинъ зналъ очень мало, меньше, чѣмъ русскую, и при переводѣ пѣсенъ изъ Мериме не пользовался изобразительными средствами первой. Быть можетъ, въ этомъ виденъ опять-таки тотъ художественный тактъ поэта, о которомъ мы упоминали нѣсколько разъ: выражая сомнѣніе въ подлинности пѣсенъ Мериме, Пушкинъ въ то же время чувствовалъ, что дѣло здѣсь—не вполне чистое, и поэтому самъ не сдѣлалъ ошибки путемъ обратнаго и вполне уже искусственнаго приближенія своего перевода къ мнимому сербскому первоисточнику средствами, взятыми изъ подлинныхъ сербскихъ пѣсенъ изъ сборника Караджича. Гораздо естественнѣе было внесеніе имъ въ свой русскій переводъ чертъ русской же народной поэзіи, а не сербской. Поэтому мы не находимъ, повторяемъ, слѣдовъ такого же приближенія оборотовъ у Мериме съ сходными оборотами сербскихъ пѣсенъ, за исключеніемъ, пожалуй, одного выраженія, которое производитъ впечатлѣніе какъ бы выхваченнаго изъ сербской пѣсни: «они братовались и были по Богу братья» (II, у Мериме: «они поклялись; они дали клятву вмѣстѣ жить и умереть»). Изъ отдѣльныхъ юго-славянскихъ выраженій, внесенныхъ Пушкинымъ самостоятельно, укажемъ два: «собаки» — «гяуры-христіане» (I), «отшельникъ» (hermite)—«калуѣръ» (серб. калуѣръ отъ греч. *καλόγερος*, VIII), и отмѣтимъ удачный выговоръ этнографическаго термина «съ своими бошняками» (III), основанный на живомъ произношеніи, а не на французской транскрипціи.

Не могъ и не имѣлъ случая познано-

миться Пушкинъ съ бытомъ южныхъ славянъ настолько, чтобы отнестись критически къ описанію его у Мериме или къ книжнымъ источникамъ послѣдняго. Если въ Бессарабіи Пушкинъ и видѣлъ болгарскія села, видѣлъ въ Кишиневѣ сербовъ, бесѣдовалъ съ ними и т. д., то этого слишкомъ мало; кромѣ того, онъ видалъ тѣхъ и другихъ на чужбинѣ, а хорошихъ книгъ, которыя могли бы замѣнить ему непосредственное знакомство съ этимъ бытомъ, въ то время не существовало. Вотъ почему, нѣсколько разъ и всегда удачно исправляя сомнительныя бытовыя свѣдѣнія Мериме о славянахъ, поэтъ руководствовался скорѣе чутъемъ, чѣмъ фактическими справками. Изъ такихъ чертъ несвойственныхъ славянскому быту, укажемъ слѣдующія. Прежде, чѣмъ войти въ церковь, король Ома «взялъ лѣвой рукой уже испытанный въ вѣрности талисманъ и тогда болѣе спокойно вошелъ въ большую церковь Ключа». Пушкинъ почувствовалъ всю неумѣстность этого образа для православнаго человѣка или просто для славянина и замѣнилъ его вполне реальнымъ образомъ: «Но великую творить онъ молитву и спокойно въ Божию церковь входитъ» (I). Послѣ вторичной просьбы посмотреть въ окошко, бей Янко у Мериме «взялъ свои четки» и началъ молиться, и затѣмъ еще разъ упоминается о нихъ: «когда онъ перечелъ свои четки» и т. д. У Пушкина не упоминается о четкахъ (II). Хотя сербы недуховные держатъ у себя въ домѣ четки, привезенныя изъ чтимыхъ монастырей, и хранятъ ихъ около иконъ, но молитва ихъ съ четками—картина совершенно неестественная, и представить православнаго славянина на молитвѣ въ такой именно обстановкѣ трудно. Выпущена въ той же пѣснѣ и другая подробность, какъ характерная скорѣе для католика,—о томъ, что Марнавичъ молился «на паперти съ скрещенными руками». Пѣніе съ гусями подъ окнами дѣвушекъ и бросаніе мужчинамъ цвѣтовъ также необычно у сербовъ, почему Пушкинъ измѣнилъ подробности слѣдующаго мѣста: «И тогда, о Дмитрій, какая юная дѣва устоитъ, чтобы не позвать тебя изъ своего окна и не бросить тебѣ букетъ, когда ты настроишь свои гусли?» Весь этотъ отрывокъ измѣненъ и болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности:

И тогда-то играй себѣ на гусяхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ
И подарками тебя закупаютъ.

Незнаніе Мериме славянскаго быта заставило хозяйку напоить путника, который жалуется на жажду, «водой и молокомъ», а у Пушкина хозяйка «пошла за водою и прохожему вынесла ковшикъ» (VIII). Измѣненія и въ другихъ пѣсняхъ показываютъ, что Пушкинъ понималъ нравственный обликъ славянъ, быть можетъ, и нѣсколько своеобразно, въ духѣ славянофильства, но во всякомъ случаѣ представлялъ себѣ славянъ «смирными», смягчивъ слишкомъ энергичную фразу «сожгли всѣ города и деревни этихъ обрѣзанныхъ собакъ» оборотомъ «начинательнымъ» и выпустивъ все лишнее: «стали жечь ту-редки деревни» (III). Изъ неумѣстной похвалы умирающаго путника: я «былъ великимъ воиномъ, и рука моя не находила достаточно тяжелой для себя сабли»—онъ создалъ, въ данномъ случаѣ самостоятельно, завѣтъ умирающаго безъ подобной похвалы, несвойственной славянину: «со мной положи мою саблю» (VIII). Наконецъ, какъ и славянофилы, онъ представлялъ себѣ славянскую идеальную «общину», прибавивъ отъ себя два раза, что на кладбище отправилась «вся деревня» (VIII), что «вся деревня» вышла навстрѣчу мужу Елены (IV), и т. п.

Славяне у Пушкина рисуются благочестивыми, и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ удобно было, поэтъ прибавлялъ отдѣльныя слова и выраженія, которыхъ нѣтъ у Мериме. Кромѣ указанныхъ въ другихъ мѣстахъ очерка примѣровъ, приведемъ еще слѣдующія вставки поэта. Король ошупью пробирался къ дверямъ церкви «и съ молитвой на лицу вышелъ» (I). Въ другомъ мѣстѣ той же пѣсни прибавлено: «великую молитву... творитъ онъ». Говоря, что Янко Марнавичъ «молился», Пушкинъ прибавилъ: «Богу» (II). Вурдалака похоронили на родовомъ кладбищѣ «съ молитвой», затѣмъ калуеръ потерялъ тѣло мальчика землей изъ могилы вурдалака «и весь день творилъ надъ нимъ молитвы» (VIII). И при всемъ томъ, это благочестіе славянъ лишено тѣхъ крайностей, которыхъ легко было бы не избѣжать. Не столько, быть можетъ, личное убѣжденіе Пушкина въ ненужности славянской вражды на почвѣ конфессіональныхъ различій, сколько пониманіе имъ чисто-славянской терпимости въ этихъ вопросахъ, свойственной, пожалуй, однимъ славянамъ, заставило его совершенно выпустить слѣдующій дѣйствительно нелѣпый мотивъ въ пѣснѣ «Марко Якубовичъ» (VIII).

ТИПЫ ВОЕВОДЪ-ВОЖДЕЙ СЕРБСКАГО ВОЗСТАНІЯ.
 (Изъ роскошнаго изданія «Знаменити Сербы» Загребъ 1903).

Послѣ смерти путника Марко отвезъ его тѣло на кладбище, «не заботясь о томъ, что латинская земля будетъ терпѣть въ своихъ нѣдрахъ трупъ грека-схизматика». Мериме снабжаетъ этотъ отрывокъ примѣчаніемъ: «Грекъ, попавшій на латинское кладбище, становится вампиромъ, и наоборотъ» (прим. 2).

Но зато всѣ свидѣтельства о культѣ Богоматери, какъ о чертѣ чисто-католической, всегда опускаются Пушкинымъ. «Когда прошло три дня—читаемъ у Мериме—Екатерина воскликнула: пусть Святая Дѣва сжалится надъ вами и пусть отомститъ за васъ вашимъ врагамъ». У Пушкина молитва ея формулирована проще и естественнѣе, безъ упоминанія о Богоматери: «Господь Богъ! Помилуй наши души» (VI). Изъ III пѣсни выпущено «съ помощью Святой Дѣвы». Въ IV пѣснѣ фраза «клянусь вамъ именемъ Блаженной Дѣвы Маріи» измѣнена въ русскомъ переводѣ въ томъ же направленіи: Елена клянется «Богомъ и пречистымъ именемъ Маріи». Мнимый колоритъ религіозности, несвойственной славянской эпикѣ, устраненъ Пушкинымъ передѣлкой фразы «но Провидѣніе привело въ домъ Константина святого отшельника»—«къ Якубовичу калуеръ приходитъ» (VIII). Наконецъ, въ I пѣснѣ выпущено обращеніе къ «божественному Христу».

Наблюденія надъ различіями сравниваемыхъ текстовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о религіозныхъ мотивахъ, показываютъ, что Пушкинъ не свободенъ былъ отъ нѣкоторой тенденціи, по опять въ предѣлахъ того же невопнствующаго благочестія. Въ началѣ II пѣсни, когда прекрасная Елена стѣла отравленный плодъ, то «сотворила крестное знаменіе, но не почувствовала облегченія». Такимъ образомъ, Мериме рисуетъ, какъ бы безсиліе крестнаго знаменія. Пушкинъ пропустилъ всю фразу. Когда явился великанъ-вурдалакъ въ домъ Якубовича, то отшельникъ, по Мериме, «заклялъ его именемъ Іисуса». Пушкинъ пропустилъ эту фразу, потому что фактъ второго и третьяго появленій вурдалака, несмотря на призываніе такого великаго имени, говорилъ бы о бесплодности подобнаго призыванія. Первый разъ калуеръ прогналъ вурдалака, у Пушкина; дымомъ кипарисовой вѣтки, второй—молитвой; о способѣ изгнанія при третьемъ появленіи уже не упомянуто. То же чутъе, а не реальное знакомство съ бытомъ и

характеромъ славянскихъ народовъ, заставило его пропустить такіа мнимыя реальныя подробности, какъ упоминаніе о «великой мечети» въ Константинополѣ, куда султанъ хотѣлъ отправить голову боснійскаго короля Оомы, или о «дворцѣ» того же короля, о звучащихъ въ церкви «трубахъ», о томъ, что король выходитъ изъ комнаты въ церковь «съ своей саблей въ рукѣ» (I); о томъ, что Радивой былъ «великій бей», а селихтаръ «пашой»; что далматинцы намѣрепы «перенести головы ихъ (невѣрныхъ) въ свою страну»; что славянскія войска сожгли не только деревни, но и «всѣ города» турокъ, какъ дѣло фактически невозможное (III); что старикъ-ловлазъ и еврей-колдунъ жабу искололи «своими ятаганами» (V); по къ картинѣ: пандуры схватили скрывавшихся въ пещерѣ гайдуковъ и отсѣкли имъ головы—Пушкинъ прибавилъ: «и на копыа свои насадили» (VI). Отшельникъ, по Мериме, взялъ изъ могилы вурдалака не только земли, но «и крови», и ею не только больной ребенокъ намазалъ свое тѣло, но «то же самое дѣлали Константины и Миліада» (VIII). У Пушкина нѣтъ этихъ подробностей, и около пяти разъ въ разныхъ пѣсняхъ пропущены имъ выраженія «въ горахъ», «въ горы» и т. п., которыми Мериме желалъ придать колоритъ экзотичности и всегда дѣлалъ это некстати.

Благодаря чутью эпикки, удачно взятому тону пѣсенъ и пониманію духовнаго облика славянъ, цѣлый рядъ оборотовъ у Пушкина кажется взятымъ изъ настоящей былины или сказки, и во всѣхъ случаяхъ текстъ Мериме не даетъ даже намека на славянскій «оригиналъ», хотя бы нѣсколько искаженный французской передачей. Такова, напримѣръ, фраза: «Это было большое преступленіе—дать черной жабѣ имя великаго апостола», превращенная подъ перомъ Пушкина въ архаизованную чисторусскую по духу сентенцію: «Грѣхъ великъ—христіанское имя парещи такой поганой твари» (IV). Или опасенія сосѣдокъ по поводу беременности Елены: «Но какъ это случилось, когда мужъ ея отсутствуетъ? Онъ поѣхалъ въ Венецію болѣе десяти мѣсяцевъ назадъ!» У Пушкина здѣсь все просто, сильно и въ духѣ русскаго эпоса: «Каково-то будетъ ей отъ мужа, какъ воротится онъ изъ-за моря?» (IV). «Хорошо,—говорить у Мериме усталый, умирающій путникъ пріютившему его сербу,—я желаю тамъ отдыхать, такъ какъ чувствую,

что постепенно умираю». И при переводѣ этой фразы Пушкинъ почувствовалъ всю дѣланность конструкции, страннаго подбора выражений во французскомъ текстѣ и художественно «возстановилъ» ее въ духѣ русскаго эпоса въ такомъ эпически стройномъ видѣ: «отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ, потому что мнѣ жить ужъ недолго» (VIII). Наконецъ, безъ сравненія съ текстомъ Мери́ме нельзя было бы даже догадаться, что фразы той же пѣсни: «Ребенокъ Константина имѣлъ блѣдныя губы и едва могъ ходить; печальный легъ онъ на солому, онъ, который любилъ бѣгать повсюду», переданы у Пушкина ближе къ тексту, въ то же время въ духѣ русской сказки, а не прямо взяты изъ какого-нибудь народнаго источника:

Сталъ худѣть сыночекъ у Марка,
Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.

Вполнѣ удачными замѣнами мы назовемъ и такія, какъ «лучше хороша пуля, чѣмъ агонія голода»—«лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда» (VI) и «Прощай, прощай, добрый путь»—«Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!» (VII). Первое слово послѣдней фразы это—дословный переводъ «Adieu» и вполнѣ соответствуетъ реальному сербскому при-
вѣтствію при разставаніи. «Когда онъ (сынъ) вырастетъ, я научу его стрѣлять изъ ружья и переносить, какъ слѣдуетъ храброму воину»—«ужъ владѣть ятаганомъ и стрѣлять изъ ружья» (VIII), а въ началѣ VIII пѣсни Пушкинъ выбросилъ подробность, что ребенокъ игралъ «саблею», такъ какъ вся мирная сцена дѣйствительно служить прекраснымъ контрастомъ для дальнѣйшихъ ужасовъ, когда появится на сцену вурдалакъ. «Круси́чъ похитилъ мою старшую дочь, и она беременна уже шесть мѣсяцевъ. Я думаю, она родитъ здороваго и красиваго мальчика»,—эта фраза настолько уже неудачна, что Пушкинъ, не умѣя, быть можетъ, даже уяснить значенія всѣхъ подробностей, принужденъ былъ просто упомянуть о дочери и дать простую картину: «Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ; съ мужемъ ей не скучно тамъ» (VII).

VII.

О достоинствахъ Пушкина-переводчика съ сербскаго можно судить по прекрасной и цѣльной пѣснѣ «Соловей» (X), напеча-

танной Караджичемъ съ заглавіемъ «Три највеће туге» (въ изданіи (1824 года, ч. I, стр. 192). Это—одна изъ наиболѣе распространенныхъ сербскихъ пѣсень, и, какъ на фактъ этого, указываютъ обыкновенно на то, что въ изданіи Кухача «Južno-slovjenske narodne popievke» (Загребъ, 1878, ч. I, №№ 41—45) помѣщено пять мелодій ея, собранныхъ въ одной только Далмаціи. При всей близости къ подлиннику даже въ размѣрахъ, у Пушкина находимъ наиболѣе крупныя измѣненія въ слѣдующемъ. Первая забота молодца у него—«рано молодца женили», а въ оригиналѣ—«что мать не женила меня, молодого, рано». Это объясняется, какъ въ свое время указалъ П. Морозовъ, тѣмъ, что въ пушкинской копіи сербскаго текста вкралась неточность: вмѣсто «ме ни је мајка» и т. д.—«мене је мајка» и т. д., т. е. первый слогъ отрицанія отнесенъ къ мѣстоименію, а второй принять за форму 3 л. ед. ч. глагола «быть». Во-вторыхъ, активный оборотъ—причина третьей заботы—въ сербской пѣснѣ: «что моя милая на меня разгнѣвалась», у Пушкина переданъ оборотомъ пассивнымъ: «красну дѣвицу со мною разлучили злые люди». Наконецъ, прибавлены три эпитета: эпитетъ соловья—птица лѣсная (въ рукописи Пушкина—«почная»); воды—ключевая; заботъ—великія. Такимъ образомъ, въ послѣднемъ приѣмѣ переводчикъ повторилъ излюбленный свой приѣмъ, которымъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ пользовался при переработкѣ текстовъ Мери́ме. Затѣмъ въ той же пѣснѣ измѣнено основаніе для антитезы въ сербскомъ оригиналѣ: «ты (соловей) всѣмъ дала покой, а мнѣ-молодцу доставила три печали», у Пушкина же въ основу антитезы положена другая мысль: «у тебя ль, у малой птицы—незамѣныя три пѣсни; у меня ль, у молодца—три великія заботы». Пропущено въ перечисленіи второй заботы «на моемъ сердечкѣ» и третьей—«на моемъ сердцѣ». Красивая картина: что мой вороной конекъ «подо мною не пляшетъ» замѣнена болѣе прозаическимъ: «воронъ конь мой притомился». Пропущены, вѣроятно, потому, что для русскихъ читателей потребовался бы реальный комментарий, размѣры могилы: «шириной въ два копыя, а въ длину—четыре». Наконецъ, влияніемъ русской поэзіи объясняются также неточные переводы, несвойственные южно-славянскимъ пѣснямъ, какъ «забота» вм. «печаль» («туга»); «салы цвѣтики-цвѣ-

точки» вм. «роза»; «красны дѣвки» вм. «молодыя».

Пѣсня XIV, «Сестра и братья», переведена изъ Караджича; въ изданіи 1824 года она озаглавлена: «Богъ никомъ дужанъ не остае» (ч. I, стр. 305), т.-е. «Богъ ни у кого не остается въ долгу». Прежде всего—относительно заглавія. Очевидно, Пушкинъ взялъ заглавіе готовымъ изъ сербской же пѣсни, по не изъ той, которую переводилъ, а изъ напечатанной у Караджича непосредственно передъ указанной выше. Она также считается одной изъ лучшихъ въ сербской поэзіи, обошедшей почти всѣ хрестоматіи, пѣсенники и сборники. И въ ней сохранены размѣры подлинника (только съ послѣдняго отвѣта Павлихи вмѣсто 10-тисложнаго стиха начинаются 11, 12 и 13-тисложные). Наибольше характерныя мѣста переданы съ вполне-текстуальной точностью, прекрасно сохранены колоритъ полнаго трагизма разсказа и т. д. Крупныхъ отличій почти нѣтъ: «сестрица се брату кунѣаше» (клялась)—«Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ»; «скочи Павле, кан да се помами» (словно съ ума сошелъ)—«вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это»; «растргни ме на четири стране»—«пусть они мое бѣлое тѣло разорвутъ на четыре части»; «ѣе је она сама собом пала»—«гдѣ осталось ея бѣлое тѣло» и др. Не переводомъ, дѣйствительно труднымъ, а скорѣе объясненіемъ надо назвать «альме цвѣточки», какъ и въ предыдущей пѣснѣ, вм. «смиже и ковиже» подлинника. Въ одномъ мѣстѣ Пушкинъ сохранилъ даже двойную рѣму въ одномъ стихѣ подлинника, хотя ему пришлось вставить послѣднія слова отъ себя: «очи пију, у траву се крију»—«пьеть ей очи, самъ уходитъ къ почи». Удачное сокращеніе—«рано утромъ», вмѣсто цѣлаго предложенія подлинника: «и когда утромъ утро разсвѣтало». Иногда для оживленія прибавляется «вотъ». Оставлены безъ перевода фразы: «Когда это услышала молодая Павлиха» (два раза), «Когда это увидѣлъ Павелъ хозяинъ», «Когда это услышалъ Павелъ хозяинъ» и др. Выраженіе подлинника «растеніе для ненависти» (близко отъ омразе) Пушкинъ распространилъ въ цѣлую фразу: «Зелія такова, чтобъ сестра омерзѣла братьямъ». Наконецъ, клятва перенесена въ отвѣтъ Елпиды, прибавлены или замѣнены эпитеты «золоченая колыбелька», «полюсной ножъ»—«ножъ злаченый».

Если переводъ двухъ разсматриваемыхъ

пѣсенъ изъ сборника Караджича можно назвать удачнымъ, то въ полномъ смыслѣ шедевромъ въ этомъ дѣлѣ будетъ пѣсня, названная Анненковымъ въ первомъ ея изданіи «Отрывкомъ» и съ этимъ названіемъ перешедшая во всѣ послѣдующія изданія (въ настоящемъ—«Что бѣлѣтъ», Ред.). Пѣсня XVII (13 первыхъ стиховъ сербскаго подлинника, а послѣ находки И. Шляпкина—26) справедливо считается жемчужиной хорватской народной поэзіи, и пушкинскій переводъ обыкновенно признается близкимъ къ подлиннику; очевидно, подъ послѣднимъ терминомъ здѣсь понимаютъ или близость прозаическаго текста Мериме «Triste ballade de la noble épouse d'Asan-Aga» къ пѣснѣ народной, которая послѣднему была извѣстна по итальянскому переводу аббата Фортиса (во французскомъ переводѣ «Путешествія» Фортиса озаглавлена: «Chanson sur la mort de l'illustre épouse d'Asan-Aga», 143), или близость пушкинскаго перевода къ тексту Караджича, который самъ перевелъ балладу на сербскій яз. и сдѣлалъ это артистически.

Это единственная изъ всѣхъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ», которая и раньше существовала въ русскомъ переводѣ А. Х. Востокова, и была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 годъ (стр. 277—278 ¹). Кроме того, въ переводѣ Гёте она напечатана была въ первомъ выпускѣ «Volkslieder» Гердера (1778) съ заглавіемъ «Klaggesang von der edeln Frauen des Asan-Aga», а во французскомъ переводѣ помѣщена въ 1821 году въ романѣ Шарля Нодье «Smarra ou les Demons de la nuit. Sonnets romantiques, traduits de l'esclavon du Camil Maxime Odin» ²). Это одно показываетъ давнишній интересъ поэтовъ и ученыхъ къ пѣснѣ и возбуждаетъ интересъ къ ней изслѣдователя «Пѣсенъ западныхъ славянъ». Интересно также, что этотъ лучший переводъ Пушкина не былъ помѣщенъ имъ ни въ «Библіотекѣ для чтенія» за 1835 годъ, ни въ 4 книгѣ «Стихотвореній», и 13 стиховъ впервые появились въ «Матеріалахъ» Анненкова 1855 года, а остальные въ книгѣ И. Шляпкина «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина» (стр. 32). О своемъ источникѣ Мериме говоритъ въ письмѣ къ С. А. Со-

¹) Тамъ же помѣщены переводы Востокова еще трехъ сербскихъ пѣсенъ изъ сборника Караджича: «Яня Мизеница», «Сестра девяти братьевъ» и «Дѣвица и солнце».

²) Ср. Oeuvres de Charles Nodier. Paris. 1832. Т. III, 149.

болеvesкому отъ 18 января 1835 года и называется пѣсню «настоящей илирійской». Дѣйствительно, она не даромъ привлекала вниманіе западныхъ писателей, и съ текстомъ ея познакомились на Западѣ еще въ 1778 году черезъ Гердера; затѣмъ о ней высказалъ свое мнѣніе Гёте, сразу же бросившій сомнѣніе относительно остальныхъ пѣсенъ Мериме. Въ новѣйшее время она болѣе правильно называется «хорватской», а не «сербской», хотя Мериме приурочиваетъ ее безъ всякихъ основаній къ Босні (примѣчаніе 1).

При чтеніи пушкинскихъ переводовъ, «Что бѣлѣетъ» замѣтно выдѣляется изъ остальныхъ пѣсенъ, связанныхъ съ именемъ Мериме, и особеннымъ размѣромъ, и выдержанностью стила, и болѣе подходящими къ духу сербскихъ пѣсенъ выраженіями и т. д. Это, повторяемъ, — одно изъ немногихъ среди «Пѣсенъ западныхъ славянъ» вполне цѣльное и художественное произведение. И дѣло заключается не въ красотахъ оригинала, а въ томъ, что подлинникомъ для Пушкина служилъ не столько переводъ Мериме, сколько переводъ-сочиненіе такого чуткаго артиста по части сербской эпикн и лирикн, какимъ былъ Вукъ Караджичъ, который необыкновенно умѣло, артистично, тонко, не безъ пропикновенности перевелъ съ итальянскаго перевода на сербскій языкъ, угадавъ и размѣры ¹⁾, и выраженія, и общій духъ утраченнаго или же пока не записаннаго сербскаго оригинала, которымъ воспользовался итальянскій аббатъ-туристъ XVIII вѣка. Свой переводъ Караджичъ внесъ въ вѣнское изданіе сербскихъ пѣсенъ 1814 года («Мала проstonародна . Славяно-Сербска песмарца», стр. 163), нисколько не скрывъ источника, и перепечатавъ ее въ изданіи 1824 года съ оговоркой — надеждой когда-нибудь услышать подлинникъ отъ краица или далматинца (Предисловіе, стр. XVI).

Что переводъ поражаетъ своей точностью во всѣхъ отношеніяхъ, объ этомъ можно не распространяться. Пушкинъ пользовался нѣсколькими текстами. Изъ текста Караджича имъ сохранены слова «люба» (два раза) и «кадуна»; по «у гори зеленој» передано не «у зеленого лѣса», а «на горѣ зеленой» въ зависимости отъ «sur ces collines verdoyantes» Мериме (стр. 251).

¹⁾ Впрочемъ и Мериме приводитъ изъ Фортиса два сербскихъ стиха (см. выше) какъ «нѣсколько темные».

Зависимость Пушкина отъ текста Востокова видна, быть можетъ, изъ перевода «у двору бѣлому» чрезъ «въ моемъ бѣломъ домѣ» (Востоковъ: «въ дому моемъ» у Мериме — «dans ma maison blanche»). Такимъ образомъ, трудно согласиться съ И. Шляпкинымъ, что «Пушкинъ здѣсь совершенно независимъ отъ Мериме и Востокова» (стр. 33).

VIII.

Для пѣсенъ XI и XII, «Пѣсня о Георгіи Черномъ» и «Воевода Милошъ», источники не найдены, почему сравнивать ихъ тексты не съ чѣмъ, и Анненковъ первый сдѣлалъ правдоподобное предположеніе, что Пушкинъ самъ сочинилъ ихъ по мотивамъ сербской народной поэзи. Такъ на нихъ смотрятъ до настоящаго времени, и попытки найти для нихъ какіе-нибудь книжные источники имѣютъ очень мало шансовъ. Обѣ пѣсни касаются не только современныхъ Пушкину событій, но больше того: живя въ Кишиневѣ въ началѣ 20-хъ годовъ, когда волна греческаго возстанія выбросила изъ «страны героевъ и боговъ» массы эмигрантовъ въ Бессарабію, живо увлекался всѣмъ, что касалось борьбы угнетаемыхъ полумѣсяцемъ народовъ за свободу, народовъ, поднявшихся для «росторженія рабскихъ веригъ», поэтъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ борьбѣ, въ которой принялъ участіе Байронъ. И естественно, взоръ его долженъ былъ обратиться прежде всего къ сербамъ, которые незадолго передъ тѣмъ подняли такое же возстаніе противъ турокъ-притѣснителей, вели его съ успѣхомъ и въ значительной степени добились политической свободы. Поэтому рассказы о недавнемъ прошломъ, рассказы участниковъ и очевидцевъ возстанія, главныхъ воеводъ Георгія Чернаго, героевъ, воспитанныхъ сербами-гуслирами, были теперь особенно живыми, казались уже не прошлымъ, а свѣжими страницами настоящаго, — и въ центрѣ такихъ рассказовъ была личность Кара-Георгія. Припомнимъ еще, что въ 1816 году Кара-Георгій прѣзжалъ въ Петербургъ для представленія Александру I, и тогда еще рассказы о необыкновенной наружности и героизмѣ освободителя сербовъ могли заинтересовать Пушкина-лиценста, какъ интересовали они многихъ петербуржцевъ.

Съ воеводами Георгія Чернаго Пушкинъ встрѣчался, между прочимъ, у Ли-

прадци, который могъ сообщить дѣльные комментаріи къ ихъ рассказамъ. Въ самомъ Кишиневѣ жили въ это время главный секретарь Кара-Георгія Джуричъ, бывшій комендантъ Смедерева Иличъ, бывшій комендантъ Шабца Лазаревичъ, воевода крушевацкій Симоновичъ, воевода Чарапичъ, въ Хотинѣ жили Алекса Карагеоргиевичъ и воевода велевскій Ненадовичъ.

Главари етерін также понимали все значеніе привлеченія къ своему дѣлу сербовъ; еще въ 1817 году уговаривали Кара-Георгія покинуть Россію (съ 1813 года онъ жилъ въ г. Хотинѣ на сѣверѣ Бессарабіи) и вернуться въ Сербію для подготовленія возстанія. И если мы припомнимъ главныя черты образа Кара-Георгія, сложившіяся въ представленіи сербовъ-современниковъ и закрѣпленныя не въ пѣсняхъ, а въ мемуарахъ, то найдемъ, что матеріалъ для Пушкина былъ вполне надежный, и что именно послѣдній онъ передалъ въ художественныхъ образахъ. У Пушкина взятъ всего одинъ моментъ изъ исторіи этого возстанія, правда, необыкновенно характерный, эпичный, дѣльный и сильный,—убійство Кара-Георгиемъ своего отца (на самомъ дѣлѣ—не родного). Надо отдать поэту справедливость: безъ этого факта вся фигура «грозы луны, свободы вопи» теряетъ все обаяніе, и не даромъ объ этомъ отцеубійствѣ не разъ говорятъ сербы-современники и иностранные туристы начала XIX вѣка¹⁾.

Вотъ главные варианты этого эпизода. Георгій выѣхалъ съ семьей бѣжалъ изъ Бѣлграда въ Сремъ, т. е. въ Австро-Венгрію, и когда бѣглецы ожидали переправы у рѣки Савы возлѣ Дубоко, отецъ Георгія, по имени Пётро, потерялъ увѣренность въ успѣхѣхъ дѣла и сталъ малодушествовать. Онъ хотѣлъ вернуться и началъ убѣждать сына бросить дѣло: иначе онъ, старикъ, донесетъ бѣлградскому пашѣ. Съ этими словами Пётро направился по дорогѣ къ Бѣлграду. «Останься съ нами, не уходи и раздѣли общую участь!»—закричалъ Георгій вслѣдъ ему. И вдругъ вынулъ изъ-за пояса пистолетъ и выстрѣлилъ въ отца, тихо сказавъ при этомъ:

— Лучше погнѣбнуть тебѣ одному, чѣмъ всѣмъ намъ!

Другой вариантъ прибавляетъ, что и мать-старуха была на сторонѣ сына, пони-

мала весь ужасъ и позоръ прекращенія народнаго дѣла, назвала мужа «сумасшедшимъ» и велѣла Георгію силой остановить старика. Георгій три раза направлялъ пистолетъ (или ружье) въ спину удалявшагося отца, но рука дрожала и опускалась. Тогда мать закричала:

— Гдѣ твоя твердая рука и вѣрный глазъ? Отправь его туда, гдѣ турки ужъ не услышатъ его!

Георгій передалъ пистолетъ (или ружье) товарищу Остричу и сказалъ приблизительно то же, что и въ первомъ вариантѣ:

— Стрѣляй! Не должны столько людей погибать изъ-за одного. Пусть лучше одинъ погибнетъ. Если существуетъ правда, если это угодно Богу, то ты попадешь въ него.

Сопоставленіе обѣихъ вариантовъ показываетъ намъ, къ чему направлено было народное сознаніе. Очевидно, къ тому, чтобы хотя чѣмъ-нибудь смягчить весь ужасъ отцеубійства, и на сцену являются голосъ матери, робость сына, новые мотивы, оправдывающіе преступленіе, наконецъ, старикъ погибаетъ не отъ руки сына. Прибавляютъ еще, что Георгій велѣлъ съ честью похоронить отца и совершать поминки по немъ.

Остальные варианты можно не приводить (они собраны въ новѣйшей монографіи Милека Вукичевича о Кара-Георгіи). Для нашихъ цѣлей важно только то, что Пушкину была извѣстна не одна версія: объ этомъ говоритъ его же примѣчаніе къ пѣснѣ: «по другому преданію, Георгій сказалъ товарищамъ» и т. д. Почему Пушкинъ не воспользовался тѣми подробностями изъ рассказанныхъ выше, которыя смягчаютъ картину отцеубійства? Мы думаемъ, что въ глазахъ его сложился дѣльный образъ «преступника и героя», который «и ужаса людей, и славы былъ достоинъ» («Дочери Кара-Георгія»). Ему нужно было примирить «ужасъ людей» со «славой», а послѣдняя густымъ ореоломъ окружала героя, рисовала его человекомъ необычайно твердой воли, способнымъ устранять съ пути всякія препятствія, гордымъ, одинокимъ и т. д. Поэтому, если поэтъ и зналъ о роли матери въ преступленіи, то долженъ былъ не только замолчать ее, но еще придать своему герою образъ одиночества во всемъ, даже въ борьбѣ за общее дѣло. И вотъ, у него является окончаніе пѣсни, мотивъ котораго не извѣстенъ ни одному современному преданію, ни одному свидѣтельству мемуаровъ и т. д.,

¹⁾ Особенно Ami Boué «La Turquie d'Europe». Paris. 1840.

Остается еще сказать объ отношеніи «Пѣсни о Георгіи Черномъ» къ «Сербіянкѣ», героической поэмѣ сербскаго писателя Симы Милутиновича Сарайли (1791—1848), воспитателя черногорскаго князя Петра Петровича Нѣгоша. Не забудемъ, что «сербскій Оссіанъ» и пѣвецъ возстанія, Милутиновичъ писалъ «Сербіянку» въ Кишиневѣ и въ 1821—1825 годахъ, гдѣ жилъ съ 1819 по 1825 годъ, пользуясь пособіемъ отъ русскаго правительства, и издалъ ее въ Лейпцигѣ въ 1826 году. Возможно, что Пушкинъ зналъ поэму если не всю, то, по крайней мѣрѣ, тѣ отрывки, которые имѣютъ отношенія къ попавшимъ въ «Пѣсни западныхъ славянъ» сюжетамъ. Такъ, во второй книгѣ «Сербіянки» разсказывается приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ объ убійствѣ Кара-Георгіемъ отца. Старикъ убѣждаетъ сербовъ-бѣглецовъ и сына вернуться и грозитъ:—«Ага... такъ знайте же, что вотъ иду я къ туркамъ, сейчасъ же, сію минуту иду въ Бѣлградъ и донесу имъ на васъ. Вотъ что будетъ, если вы не послушаетесь меня!—Сказалъ онъ это и сталъ спускаться внизъ въ оврагъ, по направленію къ дорогѣ».

Здѣсь интересно упоминаніе даже объ оврагѣ (жаруга), чего нѣтъ въ общераспространенныхъ преданіяхъ, но есть у Пушкина («Не два волка въ оврагѣ грызутся...») и въ разсказѣ Йокича, участника возстанія, челоѣка, близкаго къ главному вождю сербовъ въ этомъ дѣлѣ. Однажды, уже послѣ окончанія возстанія, на охотѣ Кара-Георгій вспомнилъ мѣсто, гдѣ убить былъ отецъ, и сказалъ спутнику: «Видишь ли, Петро, этотъ красный оврагъ?»—«Вижу, господарь»,—отвѣчалъ Йокичъ. «Тамъ зарытъ мой отецъ». Этимъ разговоръ и кончился.

Продолжаемъ пересказъ по Милутиновичу. Сербы стали упрашивать старика остаться. Георгій все время молчалъ, затѣмъ говоритъ: «Ей, остановись, отецъ. Куда ты прешь?» Отецъ не слушаетъ и продолжаетъ ворчать. «Воротись, отецъ,—кричитъ Георгій,—грѣхъ на твоей душѣ! Вернись сюда: иначе погибнешь. Послушайся меня первый и послѣдній разъ!» Тогда Георгій прицѣпляется въ спину, между плечъ, и при выстрѣлѣ говоритъ: «Лучше—одинъ, чѣмъ такое множество!» (стр. 18—19). И прозвище, по Милутиновичу, дано матерью, но не сейчасъ же послѣ убійства, а позднѣе, когда Георгій вернулся въ Сербію: «Завопила баба: «Ей,

мой сынокъ Черный! Что сдѣлалъ ты съ своей матушкой?...» (стр. 26). И турки, по Милутиновичу, стали звать Георгія Чернымъ, но уже по другой причинѣ: «послѣ необыкновенно удачной войны, за то, что онъ всюду началъ разбивать ихъ».

Вотъ главные точки соприкосновенія пушкинской пѣсни и «Сербіянки», правда, не дающія основаній для текстуальнаго сходства и говорящія, по нашему убѣжденію, скорѣе объ одинаковыхъ преданіяхъ, какъ первоисточникахъ для обоихъ писателей. Что Милутиновичъ, какъ сербъ, вообще близко держался народныхъ текстовъ, видно хотя бы потому, что Гергардъ внесъ въ свои переводы сербскихъ народныхъ пѣсень на нѣмецкій языкъ кое-что изъ «Сербіянки», какъ и Караджичъ изъ такой же искусственной поэмы Петра Нѣгоша «Горскій вѣнокъ»¹⁾.

X.

Къ той же «Сербіянкѣ» Милутиновича долженъ обратиться изслѣдователь и при изученіи XII пѣсни «Воевода Милошъ».

Милошъ I Обреновичъ, котораго воспѣваетъ и Милутиновичъ, правилъ Сербіей въ 1817—1839 годахъ, т.-е. въ то время, когда Пушкинъ былъ въ Бессарабіи, впервые знакомясь съ сербской устной поэзіей, и затѣмъ, когда поэтъ жилъ уже на сѣверѣ Россіи, сохраняя, конечно, интересъ къ славянскому міру. Въ числѣ лицъ, подписавшихся на «Сербіянку», значится воевода Милошъ, внесшій деньги за 100 экземпляровъ.

Милошъ считается виднымъ борцомъ за свободу сербскаго народа, а предъ его правленіемъ въ Сербіи съ необыкновенной силой повторялись турецкія звѣрства, рисующія всю тяжесть мусульманскаго гнета былыхъ временъ, съ которымъ связано все прошлое сербовъ на пространствѣ четырехъ столѣтій—послѣ паденія ихъ политической самостоятельности. Записки современниковъ сохранили ужасающія подробности о томъ, что творилось въ Сербіи, какъ сербовъ дѣйствительно «заѣдали волки-янычары». Живя въ Кишиневѣ, Пушкинъ, навѣрное, не разъ слышалъ отъ очевидцевъ разказы о томъ, какъ турки поджаривали живыхъ

¹⁾ Оѣнику этнографическаго матеріала Милутиновича см. у А. Soerensen'a, Beitrag zur Geschichte der Entwicklung der serb. Heldendichtung Archiv für slav. Philologie. Bd. XVII, глава «Die Milutinovic'sche Liedersammlung», 198—253.

сербовъ, привязывали къ погамъ ихъ камни и затѣмъ подвѣшивали или топили, сажали на колъ, оскорбляли женщинъ, уводили дѣвицъ въ гаремы и т. д. Что здѣсь не картина въ общихъ тонахъ, которую найдемъ въ любомъ историческомъ романѣ изъ этой эпохи, говорить, между прочимъ, упоминаніе Пушкинымъ о цыганахъ («Или вы ужъ не сербы—цыганы?»). Оно имѣетъ реальный смыслъ, такъ какъ цыгане-магометане безъ всякаго опасенія имѣли въ это самое время право обижать православныхъ сербовъ и, встрѣчаясь съ ними по дорогѣ, просто снимали одежды, оставляя имъ свои лохмотья. На это есть прямые свидѣтельства современниковъ.

Нѣсколько сходныхъ мѣстъ въ «Воеводѣ Милошѣ» можно привести изъ «Сербіанки» Милутиновича, но конечный выводъ о заимствованіяхъ будетъ такой же, что и относительно разобранной выше пѣсни. Напримѣръ, у Милутиновича говорится: «содрогаться станутъ сербскій народъ и его старшины («кнезы»), и станутъ у нихъ волосы дыбомъ... при грустныхъ злодѣяніяхъ турокъ, при отниманіи женъ и дѣвицъ, убійствѣ виновнаго и невиннаго, оскверненіи вѣры и храмовъ» (I, стр. 80). Или для мотива укора гусляровъ: «и отъ этого начнутъ говорить имъ (сербамъ) въ глаза, что опечалили они совѣсть народную..., что осиротѣлъ народъ: нѣтъ имущества, нѣтъ ни житія» (тамъ же). Въ III пѣснѣ «Сербіанки» слѣпецъ Филиппъ Вишнѣичъ предлагаетъ дать ему сотню слѣпцовъ, и съ ними онъ готовъ напасть на турокъ: пусть люди увидятъ слѣпыхъ юнаковъ, а за ними пойдутъ на притѣснителей и зрячіе. И на это предложеніе начальникъ отряда укрѣпляетъ сербовъ: «смотрите, братья и славная дружина, что говорятъ и наши слѣпцы! Что же каждый изъ насъ долженъ дѣлать?—Презирать всѣ ужасы войны» и т. д. (стр. 74). Можно привести еще нѣсколько мѣстъ, но все это—общія мѣста, правда, говорящіе скорѣе только объ одинаковыхъ преданіяхъ у обоихъ поэтовъ. Находить сходство между «Сербіанкой» и пѣсню Пушкина очень трудно: общіе моменты, даже въ болѣе близкой формѣ, найдутся и въ любомъ стихотвореніи сербскихъ поэтовъ-патріотовъ, вдохновлявшихъ свой народъ на борьбу противъ турокъ, и даже въ любой газетной статьѣ второй половины 70-хъ годовъ, когда выработался особый стиль при описаніи турецкихъ звѣрствъ, и не даромъ въ «Дневникѣ писателя» въ

февралѣ 1877 года Достоевскій очень кстати припоминаетъ кое-что изъ пушкинскихъ «Пѣсень».

Въ заключеніе разбора «Воеводы Милоша» мы должны снѣтъ съ Пушкина пезаслуженный упрекъ въ измышленіи. Именно проф. П. Лавровъ говоритъ, что «нигдѣ не упоминается Велійское ущелье при разсказѣ о возстаніи Милоша, и напрасно воевода Милошъ названъ «старый сербинъ» если этимъ нашъ поэтъ хотѣлъ отмѣтить его происхожденіе изъ старой Сербіи» («Пушкинъ и славяне», Рѣчь, стр. 13). Голословное обвиненіе не имѣло бы мѣста, если бы авторъ обратился хотя бы къ учебнику сербской исторіи для среднихъ школъ, гдѣ онъ нашелъ бы подробныя свѣдѣнія. Въ концѣ апрѣля 1815 года, послѣ первыхъ битвъ у Любича и Чачка, т.-е. въ началѣ войны, нѣсколько сербскихъ воеводъ и кнезовъ, служившихъ при Кара-Георгіи, явились изъ Срема, чтобы помочь въ борьбѣ противъ турокъ, и Милошъ рѣшилъ соединиться съ ними. Для этого онъ сдалъ команду надъ любичскимъ отрядомъ брату своему Іовану, а Милича Дринчича послалъ противъ турокъ, засѣвшихъ въ Вальевѣ. При помощи сремскихъ воеводъ, 14—16 мая Вальево было очищено отъ турокъ, затѣмъ сюда прибылъ Милошъ и отсюда сталъ готовиться, чтобы вернуть Любичъ и Чачакъ¹⁾. Называть же Милоша «старымъ сербиномъ» на основаніи его происхожденія изъ Старой Сербіи, этого Пушкинъ не желалъ; кромѣ того, это было бы не больше, какъ дешевой игрой словъ. Не могъ назвать его онъ просто «старымъ» потому, что Милошъ въ періодъ возстанія былъ молодъ (Милошъ родился въ 1780 году), и весь эпитетъ равносильнъ «старому казаку» русскихъ былинъ (обыченъ для Ильи Муромца).

Совершенно особое мѣсто съ точки зрѣнія техники занимаетъ пѣсня XVI, «Конь», снова возвращающая насъ къ «Гузлѣ», но въ то же время и къ Караджичу. «Коня Оомы II» слѣдуетъ отнести къ удачнымъ импровизаціямъ Мериме, съ дѣльнымъ запасомъ изобразительныхъ средствъ эпики, выдержаннымъ по настроенію, съ самыми незначительными фальшивыми нотками, ко-

¹⁾ М. Вукићевичъ. Историја српскога народа. Друга књига. Београд. 1906, стр. 93—96. Разсказы о Милошѣ современниковъ собраны М. Милићевичемъ «Кнез. Милош. у причама» (Београд. 1891).

торыя всегда умѣлъ скрасить Пушкинъ, несмотря на то, что здѣсь его переводъ сравнительно близокъ къ французскому тексту. И при всей близости, «Конь» Пушкина—прекрасный отрывокъ изъ вполне славянскаго по духу и по технике эпоса: все зависитъ отъ артистичности перевода.

Прежде всего, опустивъ имя короля Оомы, названіе Босны (да еще плодородной), терминъ «невѣрный», замѣненный «суровымъ врагомъ», Пушкинъ не только отнялъ у пѣсни ея мнимый боснійскій характеръ и даже сербскій, но придалъ ей характеръ общій, который можно приурочить къ любому славянскому народу, хотя, казалось бы, ни одно слово, ни одно названіе не намекаютъ здѣсь на славянъ. Стоитъ только вдуматься во весь смыслъ прибавленій слѣдующихъ вопросовъ коню: «не потряхиваешь гривой», «не грызешь своихъ удила», «или я тебя не холою, али ѣшь овса не въ волю,... аль поводья не шелковы?»; въ смыслъ пропуска «печально» при «ржешь» и въ замѣну его цѣлымъ фигуральнымъ образомъ: «что ты шею опустил?»; въ замѣну «золотыхъ гвоздей» на серебряныхъ подковахъ новыми подробностями эпического характера—«не злечены стремяна?» и т. д.,—чтобы понять, почему одно здѣсь прибавлено, а другое убавлено. Сколько спокойствія, пластики и музыки въ рядѣ вставокъ Пушкина въ отвѣтъ коня: «я слышу топотъ дальній, трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ... Въ полѣ ужъ недолго мнѣ гулять, проживать въ красѣ и холѣ, свѣтлой сбруей щеголять... У Пушкина конь не «плачетъ», а его шаблонный эпитетъ «прекрасный» замѣненъ необыкновенно отбѣняющимъ здѣсь всю пылѣвшую печаль коня, «ретивый» и т. д. Далѣе, пропущены «серебряные бубенчики на твоей шеѣ», дѣйствительно едва ли идущіе боевому коню и не оправдываемые реальной необходимостью для боевого коня—соблюдать тишину при движеніи. Какъ красива и пластична замѣна первой фразы въ отвѣтъ коня: «я плачу, мой господинъ»—такимъ простымъ и опять рисующимъ картину контраста: «я при-смирѣлъ». А вставка, не находящая соотвѣтствія у Мериме: «оттого мой духъ и поетъ», кажется выхваченной изъ народной пѣсни, хотя такого именно выраженія въ сербскихъ пѣсняхъ нѣтъ. Всегда удачно прибавленъ цѣлый рядъ эпитетовъ, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ подлинникѣ, какъ, напримѣръ: злеченыя стремяна, шелковыя поводья, дальній топотъ, трубный звукъ, свѣт-

лая сбруя, суровый врагъ, легкія ноги, вспотѣвшіе бока и др.

Меньше всего можно сказать о пѣснѣ XV—«Янышъ Королевичъ». Самъ Пушкинъ слишкомъ осторожно говоритъ въ примѣчаніи о ея происхожденіи, указывая только на «длину подлинника», не соображая даже, о какомъ языкѣ идетъ здѣсь рѣчь. Обыкновенно она считается «чешскимъ народнымъ сказаніемъ», и существуютъ попытки сблизить ее, по крайней мѣрѣ, по вѣнскимъ даннымъ, съ чешской народной поэзіей, но попытки неудачныя. Въ самомъ дѣлѣ, имя Янышъ, по суффиксу венгерское (Janos), встрѣчается у словаковъ, отъ которыхъ, естественно могло перейти къ мораванамъ, но не у чеховъ. О мораванахъ могла бы говорить и «зеленая Морава», если бы на нихъ указывала еще хотя одна подробность; но названіе Моравы первѣдко встрѣчается и въ сербскихъ земляхъ. На мораванъ не указываетъ королева Любуса (правильнѣе—Любуша), имя которой Пушкину было извѣстно по русскимъ переводамъ Ганковыхъ поддѣлокъ («Зеленогорская рукопись»), но опять вставка и этого имени поражаетъ своей случайностью; а Елица—имя сербское, встрѣтившееся у Пушкина же въ XVI пѣснѣ. Ни Дивъ-Рыбы, ни виль, ни Водяницы чешская народная поэзія не знаетъ; если wily встрѣтились въ одномъ памятникѣ моравскаго происхожденія (Лавровъ, «Рѣчь», стр. 22), то самый памятникъ этотъ не чешскій. Словомъ, припомнивъ своеобразный взглядъ Пушкина на «Пѣсни западныхъ славянъ», куда онъ хотѣлъ включить и вполне русскую «Сказку о рыбацкѣ и рыбкѣ», мы можемъ вполне согласиться съ прежними предположеніями, именно, что «Янышъ Королевичъ»—эпическая обработка первоначальнаго сюжета «Русалки», почему параллели надо искать въ пѣмекской поэзіи ¹⁾.

Наблюденія надъ техникой Пушкина-переводчика изъ славянскаго эпоса затрудняются тѣмъ, что у насъ нѣтъ вполне классическихъ подобныхъ переводовъ, и мы не знаемъ, какъ поступилъ бы въ томъ или иномъ случаѣ другой переводчикъ-артистъ, имѣвшій подъ руками вполне надежный оригиналъ, а не сочиненія Мериме или самостоятельны задуманные сюжеты, какъ въ большинствѣ «Пѣсней» Пушкина.

¹⁾ П. Н. Жаповъ, «Русалка» Пушкина и Donauweibchen, Спб. 1900.

Даже Л. Майковъ долженъ былъ ограничиться въ характеристикѣ переводовъ Пушкина со славянскаго самыми общими выраженіями: «Разнообразя въ этихъ опытахъ характеръ и тонъ изложенія и самый размѣръ, поэтъ, очевидно, искалъ наиболѣе подходящей формы для подобныхъ произведеній въ духѣ народнаго творчества. «Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ» была однимъ изъ такихъ опытовъ, и, безъ сомнѣнія, самымъ счастливымъ. Она и сложена тѣмъ же сербскимъ эпическимъ размѣромъ, который онъ употреблялъ для нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ (стр. 426). Далѣе, у Майкова идетъ рѣчь о вліяніи на Пушкина сказокъ Дали—Казака Луганскаго.

Наблюденіе надъ «разнообразіемъ въ этихъ опытахъ», т.-е. колебаніями поэта и слѣдами исканій, мы должны повторить и теперь. Припомнимъ, что говорилось раньше о свободной замѣнѣ Пушкинымъ всякихъ чертъ сербской поэзіи русскими и наоборотъ, особенно въ размѣрахъ. Если и въ наше время нѣтъ вполне художественныхъ и близкихъ переводовъ сербскихъ пѣсенъ, то въ началѣ 30-хъ годовъ каждый переводчикъ былъ воленъ придумывать свои размѣры, сколько угодно руссифицировать славянскія пѣсни и т. д. Въ этомъ отношеніи интересно мнѣніе о такихъ переводахъ Ю. Венелина, человѣка, для своего времени авторитетнаго въ вопросахъ славянской филологіи. Его очеркъ написанъ по поводу изданія Караджичемъ 4-ой части «Народныхъ сербскихъ пѣсенъ» (Вѣна, 1833). Авторъ останавливается какъ разъ на пѣсняхъ юнацкихъ, т.-е. «ирическихъ», болѣе другихъ подходящихъ по содержанію къ пушкинскимъ, и говоритъ: «Можно было двояко переводить: стихами и прозою; но плетеніе стиха и приписываніе рѣсмы, эти настоящіе кандалы для мысли, не позволили бы передать сербскій стихъ слово въ слово и стихъ въ стихъ, какъ мнѣ хотѣлось. Прозою же передавать рассказъ ирической пѣсни—значило лишить его музыкальности; въ этомъ же случаѣ языкъ разговорный, т.-е. кухонность человѣческаго слова, очень непріятна. Для избѣжанія какъ кухонности, такъ и стопоплетнаго и ирическаго стѣсненія въ буквальной передачѣ стиха я придумалъ для себя одактиленную прозу. Читается она свободно съ тѣмъ только, чтобы налегать на окончательный дактиль тѣмъ больше, что имъ вездѣ оканчивается реченіе». Затѣмъ слѣдуютъ en regard сербскіе тексты и переводы Венелина въ такомъ родѣ:

Двинулся въ дорогу Живко Дамяновичъ,
Онъ съ дружиной ъдетъ на горы высокія,
А при немъ осмнадцать товарищей.
И взошли они на гору Кштацкую
Исходили ужъ ночь до полуночи,
Какъ огонекъ увидѣли надъ Кусидою,
Подѣл бѣлаго мосту Кусидскаго.
И говорить имъ Живко Дамяновичъ;
«Вы, дружино моя и братія . . . . .»¹⁾

Что требованія въ этой области лучшихъ критиковъ не могли опираться на хорошіе образцы, показываетъ отзывъ Бѣлинскаго о переводахъ Венелина. Бѣлинскій на этотъ разъ ошибся и говоритъ: «переводъ сдѣланъ самимъ авторомъ и сдѣланъ прекрасно. Онъ близокъ, вѣренъ, поэтиченъ, если можно такъ сказать, и русскій языкъ нигдѣ не изнасилованъ, нигдѣ не страждетъ насчетъ этой близости» (Молва, 1836, кн. I).

Лучше были, какъ намъ кажется, переводы А. Востокова изъ того же сборника Караджича. Кромѣ упомянутаго раньше, въ «Трудахъ вольнаго общества любителей рос. словесн.» за 1825 годъ была напечатана пѣсня «Марко Краевичъ» (стр. 169—176, въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» за 1825 г.—«Братья Якшичи», «Смерть любовниковъ», «Свадебный поѣздъ» (стр. 331—337), за 1826 годъ—«Строеніе Скадра» (стр. 43—52). Но руссификація и здѣсь слишкомъ сильна, а юго-славянскаго колорита нѣтъ и поминуту. О другихъ переводахъ можно не упоминать.

Такимъ образомъ, и въ этой области Пушкинъ былъ новаторомъ, не повторялъ заученныхъ уроковъ, но давалъ ихъ другимъ. И если «Пѣсни западныхъ славянъ»—произведеніе далеко не изъ выдающихся даже для начала 30-хъ годовъ, то неопѣнимая заслуга Пушкина все-таки въ томъ, что этими именно опытами онъ заинтересовалъ русскихъ славянами, отчасти славянъ русской литературой и выяснилъ поддѣлку Мерике заслугой Пушкина это выясненіе назвалъ Мицкевичъ въ университетскомъ курсѣ славянскихъ литературъ, и здѣсь слышится не только намекъ на собственный «грѣхъ» (Мицкевичъ перевелъ изъ

¹⁾ «О характерѣ народныхъ пѣсенъ у славянъ задунайскихъ. Набросано Юріемъ Венелинымъ. I. Османъ Пеовичъ. Женитьба Павла». (М. 1833, стр. 5 и 15). Въ «литературной лѣтописи» «Библиотеки для чтенія» (т. XVI, отд. VI, стр. 41—44, помѣщена ядовитая и вѣрная рецензія на книгу Венелина, гдѣ переводъ даже слишкомъ мягко названъ «полусербскимъ» или «кариаторосскимъ», намекомъ на происхожденіе Венелина.

1906. Bd. XXVIII, 321—350, XXIX, 49—96. Мериме «Влахъ въ Венеціи»), но и безпристрастный голосъ великаго славянскаго поэта.

Въ заключеніи—о названіи пѣсень: «Пѣсни западныхъ славянъ». Конечно, въ глазахъ Пушкина терминъ этотъ не означалъ того же понятія, какое онъ имѣетъ въ наше время, и одна только—«Янышъ Королевичъ», и то, какъ мы видѣли, съ большими оговорками, можетъ подойти подъ рубрику пѣсень славянъ западныхъ. Остальныя всѣ 16 пѣсень—пѣсни славянъ южныхъ. Но, во-первыхъ, Пушкинъ видѣлъ въ сербахъ, тѣмъ болѣе въ «иллирійцахъ», просто западный славянскій народъ, т.-е. живущій на границахъ съ міромъ романскимъ и германскимъ, живущій на западѣ отъ русскихъ; во-вторыхъ, такаа неточность въполнѣ допустима для его времени, когда присяжные филологи предполагали, напримѣръ, что при Владимирѣ въ Х вѣкѣ русскіе говорили на языкѣ елизаветинской печатной библіи; въ-третьихъ, въ то время думали о близости всѣхъ «славянскихъ ручьевъ» другъ къ другу и къ «русскому морю» и дорожили каждой такой чертой; въ-четвертыхъ—и это главное—Пушкинъ едва ли случайно измѣнилъ кое-что изъ бытовыхъ подробностей у Мериме въ сторону реального быта западныхъ славянъ. Такъ, Jean подлинника онъ переведилъ Янко (II) или Янъ (VII); когда же рѣчь шла о «христіанскомъ имени»—Иванъ (IV). Soldat онъ передалъ черезъ цесарскій рекрутъ (VIII); что также должно было говорить о западныхъ славянъ. Фраза Мериме въ описаніи пѣра «водка лилась обильными потоками» у Пушкина превратилась въ «много пили меду и горѣлки» (II), хотя дальше во французскомъ текстѣ упоминается о «винѣ и водкѣ». Очевидно, Пушкинъ представлялъ себѣ быть «западныхъ» славянъ въ значительной степени правдоподобно.

Литература: отзывъ о IV части «Стихотвореній».—«Библіотека для чтенія», 1835 г. т. XII, отд. 6, А. Мартыновъ, въ «Маякѣ», 1843 г., т. XI, кн. XXII, октябрь, отдѣлъ «Критики», стр. 133—145; P. Lacroix, M. Léonor Mérimée. Paris, 1860; M. Tamisier, Pr. Mérimée l'écrivain et l'homme. Marseille, 1875; Paulet-Malassis, P. Mérimée tour à tour en homme et en femme.

Paris, 1876; M. Tournoux, Prosper Mérimée, ses portraits, ses dessins, sa bibliothèque. Paris, 1879 (и «Bibliographie de Mérimée», 1876); О. Достоевскій, «Дневникъ писателя за 1877 г.» (изд. Маркса, т. XI, ч. I, стр. 40—43, 100—101); V. Jagić, Zum Klagegesang der Asanagica, Archiv für slav. Philologie, Bd. X (1887), 659—660; П. Матвѣевъ, Просперъ Мериме и его отношенія къ русской литературѣ, «Новое Время», 1894, ^{25/6}; А. Скерлиъ, Проспер Мериме и ѣгова мистификація српскихъ народныхъ песамъ, Српски Књижевни Гласник; 1894, IV, 5; A. Filon, Mérimée et ses amis. Paris, 1894; Kasimir Lönnbohm, Prosper Mérimée. Helsingissâ, 1895, 34—40; A. Filon, Les grands écrivains français, Tome XL. Paris, 1898; Milivoj Jrepeš, Puškin i hrvatska književnost. Ljetopis Jugoslavenske Akademije... za godinu 1898. U. Zagrebu, 1899, 118—131; П. Кулаковскій, Славянскіе мотивы въ творчествѣ Пушкина. Русскій Филос. Вѣстн. 1899 кн. III—IV, 1—16; его же, А. С. Пушкинъ въ славянскихъ переводахъ. Варшава, 1899; П. Лавровъ, Пушкинъ и славяне. Одесса, 1900, 8—13, 16—21; А. Яцимирскій, Румынскія параллели и отрывки въ пѣкоторыхъ произведеніяхъ Пушкина, Русскій Филологич. Вѣстникъ, 1901, кн. I—II, очеркъ II (о вурдалакахъ Ср. V. Jagić, Vukodlak—kodlak—vor Gericht. Archiv für slav. Philologie, Bd. VI, 618—620); А. Скерлиъ, Французскіе романтичари и српска народна поезія, Српски Књижевни Гласник, 1902, XII, 2—3; его же, Још Јеодномъ о «Гулама» Проспера Мериме, тамъ же, 1902, XII, 5; И. Шляпкинъ, Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. СПб. 1903, стр. 32—35; Félix Chambon, Prosper Mérimée et la Russie. Paris, 1904, съ библиографическимъ спискомъ работъ М., касающихся Россіи; Milan Curcin, Das serbische Volkslied in der deutschen Literatur. Leipzig. 1905; Kamilla Lucerna, Die südslavische Ballade von Asan Agas Gatin und ihre Nachbildung durch Goethe, Berlin, 1905; Matić, Prosper Mérimée's Mystifikation kroatisher Volkslieder, Archiv für slav. Philologie.

А. Яцимирскій.

ПРОСПЕРЪ МЕРИМЕ.
Литографія Deveria, 1829 г.

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПУШКИНА КЪ ИЗДАНІЮ 1835 г.

Большая часть этихъ пѣсень взята мною изъ книги, вышедшей въ Парижѣ въ концѣ 1727 года, подъ названіемъ: «La Guzla, ou choix de Poësies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine». Неизвѣстный издатель говорилъ въ своемъ предисловіи, что, собирая нѣкогда безыскусственные пѣсни полудикаго племени, онъ не думалъ ихъ обнародовать, но что потомъ, замѣтивъ распространяющійся вкусъ къ произведеніямъ иностраннымъ, особенно къ тѣмъ, которые въ своихъ формахъ удаляются отъ классическихкихъ образцовъ, вспомнилъ онъ о собраніи своемъ и, по совѣту друзей, перевелъ нѣкоторыя изъ сихъ поэмъ и проч. Сей неизвѣстный собиратель былъ нѣкто

иной, какъ Мериме, острый и оригинальный писатель, Авторъ Театра Клары Газюль, Хроники времени Карла IX, Двойной Ошибки и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней Французской литературы. Поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій, и тонкій знатокъ въ Славянской Поэзии, не усумнился въ подлинности сихъ пѣсень, а какой-то ученый Пѣмедъ написалъ о нихъ пространную диссертацию.

Мнѣ очень хотѣлось знать, на чемъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсень: С. А. С. [оболевскій], по моей просьбѣ, писалъ о томъ къ Мериме, съ которымъ былъ онъ коротко знакомъ, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо:

Je croyois, Monsieur, que la Guzla n'avoit eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus, ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier étoit de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grace 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avions formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire. Arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et enuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis delà à Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent et cette «douleur pompareille,» comme dit Rabelais nous arrêta au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire; on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passai l'automne à la campagne. On déjeunait à Midi et je me levais à dix heures; quand j'avois fumé un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au Salon, j'écrivais une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale

Paris, 18 Janvier, 1835.

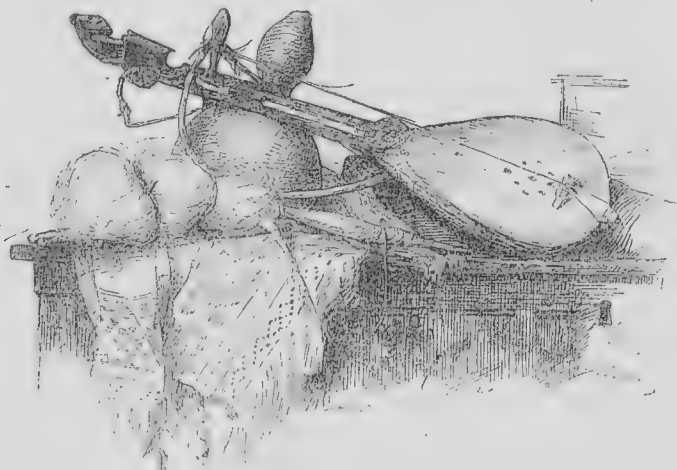
tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Bonialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en seroit facile. L'auteur cherche à prouver, que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots illyriques pour faire parade de son savoir (il en savoit peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avois lu le chapitre intitulé *Dei costumi dei Morlachi* dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan Aga, qui est réellement Illyrique; mais cette traduction étoit en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte, qui étoient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins le mot à mot, mais j'étois embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avoit déterré Fortis et la ballade de Hassan Aga, et l'avoit traduite sur la traduction poétique de l'abbé, en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avois pillé. Le premier vers illyrique est:

Seto se bieli u gorje zelenoi

Fortis a traduit

Che mai biancheggia nel verde *Bosco*.

Nodier a traduit *Bosco*, par *plaine verdoyante*; c'étoit mal tomber, car on me dit, que *gorje* veut dire colline. Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

ЮЖНО-СЛАВЯНСКІЯ ГУСЛИ и ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ.

КОРОЛЬ БОСНИИ СТЕФАНЪ ТОМАСЕВИЧЪ на молитвѣ.
Со старинной картины въ Загребской галлерей.

703.

1. ВИДѢНІЕ КОРОЛЯ. ¹

Король ходитъ большими шагами
Взадъ-и-впередъ по палатамъ;
Люди спать—королю лишь не спится:
Короля Султанъ осаждастъ,
Голову отѣчь ему грозитъ
И въ Стамбуль отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку;
Не услышитъ-ли какого шума?
Слышитъ, воетъ ночная птица,
Она чуетъ бѣду неминучу,
Скоро ей искать новой кровли
Для своихъ птецовъ горемычныхъ.

Не сова воетъ въ Ключѣ-Градѣ,
Не дуна Ключъ-Городъ озаряетъ,
Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,
Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
И идетъ одинъ въ Божію церковь.

Сталъ на паперти, дверь открываетъ...
Ужасомъ въ немъ замерло сердце;
Но великую творить онъ молитву
И спокойно въ церковь Божію входитъ.

Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
На помостѣ валяются трупы,
Между ими хлещетъ кровь ручьями
Какъ потоки осени дождливой.
Онъ идетъ, шагая черезъ трупы
Кровь по щиколку² ему достягаетъ...

Горе! въ церкви Турки и Татары
И предатели враги *Богумилы*.³
На амвоѣ самъ Султанъ безбожный.
Держитъ онъ на-голо саблю,
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Съ вострія до самой рукояти.

Короля незнакомый обнялъ холодъ:
Тутъ же видитъ онъ отца и брата.
Предъ Султаномъ старикъ бѣдный справа,
Униженно стоя на колѣняхъ,
Подаетъ ему свою корону;
Слѣва, также стоя на колѣняхъ,
Его сынъ, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый,
(Съ тою самою веревкою, которой
Удавилъ онъ несчастнаго старца),
Край полы у Султана дѣлуетъ,
Какъ холопъ, наказанный *балагой*.⁴

И Султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взялъ корону, растопталъ ногами,
И промолвилъ потомъ Радивой:
«Будь надъ Босніей моею ты властелиномъ,
Для гяуръ-христіанъ беглербеемъ». ⁵
И отступникъ билъ челомъ Султану,
Трижды полъ окровавленный дѣлуя.

И Султанъ прислужниковъ кликнулъ.
И сказалъ: «Дать кафтанъ Радивой!»⁶
Не бархатной кафтанъ, не парчевой,
А содрать на кафтанъ Радивой
Кожу съ брата его роднаго». ⁶
Бусурмане на короля наскочили,
До-нага всего его раздѣли,
Атаганомъ ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивой.

РАЗВАЛИНЫ КЛЮЧЪ-ГРАДА ВЪ БОСНІИ.

Рисунокъ С. Адьякевича.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Правъ ты, Боже! меня наказуй!
Плоть мою предай на растерзанье;
Лишь помилуй мнѣ душу, Исусе!»

При семъ имени церковь задрожала,
Все внезапно утихло, померкло,—
Все исчезло—будто не бывало.

И король ощупью въ потемкахъ
Кое-какъ до двери добрался,
И съ молитвою на уиду вышелъ.

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озарила.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба, ⁷
И пошли бусурмане на приступъ.

СУЛТАНЪ МАГОМЕТЪ ЭЛЬ-ФАТИ.

Съ оригинала, находящагося въ Вѣнской Импер. Библиотекѣ.

704.

2. ЯНКО МАРНАВИЧЪ.

Что въ развѣздахъ Бей Янко Марнавичъ?
Что ему дома не сидится?
Отъ чего двухъ ночей онъ сряду
Подъ одною кровлей не ночуетъ?
Али недруги его могучи?
Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится Бей Янко Марнавичъ
Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья.
Но онъ бродитъ, какъ гайдукъ бездомный,
Съ той поры какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались, ⁸
И были по Богу братья;
Но Кирила несчастливый умеръ
Отъ руки избраннаго имъ брата.

Веселое было пиrowанье,
Много пили меду и горѣлки;
Охмѣляли, обезумѣли гости,
Два могучіе Бей побрались.

Янко выстрѣлилъ изъ своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.
Въ супротивника своего не попалъ онъ,
А попалъ онъ въ своего друга.
Съ того времени онъ тоскуя бродитъ,
Словно волъ, ужаленный змѣю.

Наконецъ онъ на родину воротился,
И вошелъ въ церковь святаго Спаса.
Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
И отужиналъ со своею семьею,
Потомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
«Посморти, жена, ты въ окошко,
Видишь ли церковь Спаса отсель?»
Жена встала, въ окошко поглядѣла,
И сказала: «На дворѣ полночь,
За рѣкою густые туманы,

За туманомъ ничего не видно!»
 Повернулся Янко Марнавичъ
 И тихонько сталъ читать молитву.
 Помолившись, онъ опять ей молвилъ:
 «Посмотри, что ты видишь въ окошко?»
 И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
 «Вижу, вонъ, малый огоніочекъ
 Чуть-чуть брежжетъ въ темнотѣ за рѣкою».
 Улыбнулся Янко Марнавичъ,

И опять сталъ тихонько молиться.
 Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
 «Отвори-ка, женка, ты окошко:
 Посмотри, что тамъ еще видно?»
 И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
 «Вижу я на рѣкѣ сіянье,
 Близится оно къ нашему дому.»
 Бей вздохнулъ и съ постели свалился.
 Тутъ ему и смерть приключилась.

БОСНИЙСКІЙ ВОЕВОДА ЭПОХИ ЗАВОЕВАНИЯ БОСНИИ ТУРКАМИ.

Миниатюра Глаголитскаго писала, наход. въ Константинополѣ, въ библиотекѣ Эски-Сарай.

705.

3. БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ. 9

Радивой поднялъ желтое знамя:
 Онъ идетъ войной на бусурмана
 А Далматы, завидя наше войско,
 Свои длинные усы закрутили,
 На бекрень надѣли свои шапки,
 И сказали: «Возьмите насъ съ собою: 10
 Мы хотимъ воевать бусурмановъ.»
 Радивой дружелюбно ихъ принялъ
 И сказалъ имъ: «Милости просимъ!»
 Перешли мы заповѣдную рѣчку,
 Стали жечь Турецкія деревни,
 А Жидовъ на деревьяхъ вѣшать. 11
 Беглербей со своими Бошняками
 Противъ насъ пришелъ изъ Банялуки; 12
 Но лишь только зарядили ихъ кони,
 И на солидѣ ихъ кривыя сабли
 Засверкали у Зеницы-Великой.

Разбѣжались измѣнники Далматы;
 Окружили мы тогда Радивой
 И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
 Мы домой воротимся съ тобою
 И расскажемъ эту битву нашимъ дѣтямъ».
 Стали биться мы тогда жестоко,
 Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ;
 Кровью были покрыты наши сабли
 Съ острія до самой рукоятки.
 Но когда черезъ рѣчку стали
 Тѣсною кучкою мы переправляться,
 Селихтаръ 13 съ крыла на насъ ударилъ
 Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
 Радивой сказалъ тогда намъ: «Дѣти,
 «Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
 «Намъ управиться съ ними невозможно.
 «Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,

И спасайся тамъ отъ Селихтара.»
 Всѣхъ-то насъ осталось двадцать,
 Всѣ друзья, родные Радивою:
 Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
 Закричалъ Георгій Радивою:
 «Ты садись, Радивой, поскорѣ
 На коня моего вороного;

Черезъ рѣчку вплавъ переправляйся,
 Конь тебя изъ погибели вымчитъ.»
 Радивой Георгія не послушалъ,
 Наземь сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
 Тутъ враги на него наскочили,
 Отрубили голову Радивою.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА СЛАВЯНСКАГО
 ПОВЕРЕЖЬЯ АДРИАТИЧЕСКАГО МОРЯ.

(Изъ *Viaggio in Dalmazia* аббата Фортиса,
Venezia, MDCCLXXIV).

706.

4. ТЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

Стамати былъ старъ и безпленъ,
 А Елена молода и проворна;
 Она такъ-то его оттолкнула,
 Что ушелъ онъ, охая да хромая.
 Подбломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
 Ай да баба! отдѣлалась славно!

Вотъ Стамати сталъ думать думу:
 Какъ ему погубить бы Елену?
 Онъ къ Жиду-лиходѣю приходитъ,
 Отъ него онъ требуетъ совѣта.

Жидъ сказалъ: «Ступай на кладбище,
 Отыщи подъ камнями жабу,
 И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ.»

На кладбище приходитъ Стамати,
 Отыскалъ подъ камнями жабу,¹⁴
 И въ горшкѣ Жиду ее приносить.
 Жидъ на жабу поливаетъ воду,
 Нарекаетъ жабу Иваномъ
 (Грѣхъ великъ Христіанское имя
 Наречи такой поганой твари!).
 Они жабу всю потомъ изкололи,
 И ее—ея жъ кровью напоили:
 Напивши, заставили жабу
 Облизать посидлую сливу.

И Стамати мальчику молвилъ:
 «Отнеси ты Еленѣ эту сливу,
 Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
 Принесъ мальчикъ Еленѣ эту сливу,
 А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
 Показалось бѣдной молодикѣ,
 Что змѣя у ней въ животѣ шевелится.

ЗНАТНЫЙ ИЛИРИЕЦЪ.

(Изъ *Viaggio in Dalmazia* аббата Фортиса
Venezia, MDCCLXXIV).

Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молокомъ напоила,
Но змѣя въ животѣ все шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали банть: Елена брюхата.
Каково-то будетъ ей отъ мужа,
Какъ воротится онъ изъ-за моря!
И Елена стыдится и плачетъ,
И на улицу выдти не смѣетъ,
День сидитъ, почью ей не спится.
Поминутно сестрицѣ повторяетъ:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходитъ, и—Отеодоръ
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бѣжитъ къ нему навстрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ не ищетъ ее глазами.
«Гдѣ жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой—и видитъ,
На постелѣ сидитъ его Елена.
«Встань, Елена,» говоритъ Отеодоръ.
Она встала—онъ взглянулъ сурово.
«Господинъ ты мой, клянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,
Предъ тобою я не виновата;

Испортили меня злые люди.»

Но Отеодоръ женѣ не повѣрилъ:
Онъ отсѣкъ ей голову по плечи.
Отсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
«Не сгублю я невиннаго младенца,
Изъ нее вышу его живаго,
При себѣ воспитывать буду.
Я увижу, на кого онъ походитъ.
Такъ навѣрно отца его узнаю
И убью своего я злодѣя.»

Распоролъ онъ мертвое тѣло.
Что-жъ?—на мѣсто милаго дитяти,
Онъ черную жабу находитъ.
Взвылъ Отеодоръ: «Горе мнѣ, убійцѣ!
Я сгубилъ Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди.»

Поднял онъ голову Елены,
Сталъ ее дѣловать умиленно,
И мертвые уста отворились,
Голова Елены провѣщала:
«Я невинна. Жидъ и старшій Стамати
Черной жабой меня окормили.»
Тутъ опять уста ея сомкнулись,
И языкъ пересталъ шевелиться.
И Отеодоръ Стамати зарѣзалъ,
А Жидъ убилъ какъ собаку,
И отпѣлъ по женѣ панихиду.

707.

5. ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦИИ.

Какъ покинула меня Парасковья
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ Далматъ пришелъ ко мнѣ лукавый:
«Ступай, Дмитрій, въ морской ты городъ,
Тамъ цехины—что у насъ каменья.

«Тамъ солдаты въ шолковыхъ кафтанахъ,
И только что пьютъ да гуляютъ:
Скоро самъ ты разбогатѣешь,
И воротиться въ шитомъ долиманѣ,
Съ книжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусляхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,
И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
Воротись, когда разбогатѣешь.»

Я послушался лукаваго Далмата.
Вотъ живу въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволенъ какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я по нашему молвлю.
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай;
Я завялъ, какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ бывало кого встрѣчу,
Слышу—Здравствуй, Дмитрій Алексѣичъ!
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Занесенная въ озеро бурей.

ТИПЫ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХЪ ПОЛУРАЗБОЙ-
НИКОВЪ, ПОЛУВОРОЦОВЪ ЗА СВОБОДУ.

Картина Милана Суйко-Ускокъ.

708.

6. ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ.

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ
Притаился храбрый гайдукъ Хризичъ.¹⁶
Съ нимъ жена его Катерина,
Съ нимъ его два милые сына,
Имъ нельзя изъ пещеры выйти:
Стерегутъ ихъ недруги злые.
Если чуть они голову подымутъ,
Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.
Они три дня, три ночи не ѣли,
Пили только воду дождевую,
Наполненную во впадинѣ камня.
На четвертый взошло красно-солнце,
И вода во впадинѣ изсякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь Богъ! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризичъ глядя на нее не заплакалъ,
Сыновья плакать при немъ не смѣли;
Они только очитирали
Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
Въ пятый день старший сынъ обезумѣлъ,
Сталъ глядѣть онъ на мертвую мать,

Будто волкъ на спящую кѣзу.
Его братъ, видя то, испугался
Закричалъ онъ старшему брату:
«Милый братъ! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умремъ мы голодною смертию,
Станемъ мы выходить изъ могилы
Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ».¹⁷⁾
Хризичъ всталъ и промолвилъ: «полно!
«Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда.»
И все трое со скалы въ долину
Сбѣжали какъ бѣшеные волки.
Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
Семью пулями каждый изъ нихъ прострѣлъ;
Головы враги у нихъ отсѣкли
И на коня свои насадили—
А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли.
Такъ имъ страшнѣе былъ Хризичъ съ
сыновьями.

709.

7. ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ,

Іакима Маглановича.¹⁸

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, славу Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Волею умеръ ты какъ жилъ.
Врагъ твой мчался безъ оглядки;
Но твой сынъ его убилъ.

Вспомниай насъ за могилой,
Коль сойдется какъ-нибудь;
Отъ меня отду, братъ милой,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила,
Я здоровъ—и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ:
Умный мальчикъ у меня;
Ужъ владѣть Атаганомъ
И стрѣляетъ изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
Съ мужемъ ей не скучно тамъ.
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
Живъ или нѣтъ,—узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

710.

8. МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
 Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
 А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
 По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ,
 Блѣденъ онъ и чуть ноги волочить,
 Просить онъ напиться, ради Бога.
 Зоя встала и пошла за водою,
 И прохожему вынесла ковшикъ,
 И прохожій до дна его выпилъ.
 Вотъ, напившись, говоритъ онъ Маркѣ:
 «Это что подъ горою тамъ видно?»
 Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
 «То кладбище наше родовое.»
 Говоритъ незнакомый прохожій:
 «Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
 Потому что мнѣ жить ужъ не долго.»
 Тутъ широкій розвилъ онъ полясь,
 Кажется Маркѣ кровавую рану.
 «Три дня, молвилъ, пошу я подъ сердцемъ
 Бусурмана свищовую пулю.
 Какъ умру, ты зарой мое тѣло
 За горой, подъ зеленою нвой.
 И со мной положи мою саблю,
 Потому что я славный былъ воинъ.»
 Поддержала Зоя незнакомца,
 А Марко сталъ осматривать рану.
 Вдругъ сказала молодая Зоя:
 «Помоги мнѣ, Марко: я не въ силахъ
 Поддержать гостя нашего долѣ.»
 Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
 Что прохожій на рукахъ ея умеръ.

Марко сѣлъ на коня воропаго,
 Взялъ съ собою мертвое тѣло,
 И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
 Тамъ глубокую вырыли могилу,
 И съ молитвой мертвеца схоронили.
 Вотъ проходитъ недѣля, другая,
 Сталъ худѣть сыночекъ у Марка;
 Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
 Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
 Къ Якубовичу Калуерь приходитъ,—
 Посмотрѣлъ на ребенка и молвилъ:
 «Сынъ твой боленъ опасною болѣзью;
 Посмотри на бѣлую его шею:

Видишь ты кровавую ранку? 19)
 Это зубъ Вурдалака, повѣрь мнѣ.»

Вся деревня за старцемъ Калуеромъ
 Отправилась тотчасъ на кладбище;
 Тамъ могилу прохожаго разрыли,
 Видятъ,—трупъ румяный и свѣжій,—
 Ногти выросли какъ вороньи когти,
 А лицо обросло бородою,—
 Алой кровью вымазаны губы,—
 Полна крови глубокая могила.
 Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
 Но мертвецъ завизжалъ, и проворно
 Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
 Онъ бѣжалъ быстрѣе чѣмъ лошадь,
 Стремянами острыми извивая;
 И кусточки подъ нимъ такъ и гиулись,
 А сѣки деревъ такъ и трещали,
 Ломаясь какъ замерзлые прутья.

Калуерь могильною землею 20)
 Ребенка большаго всего вытеръ,
 И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.
 На закатѣ краснаго солнца
 Зоя мужу своему сказала:
 «Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
 Въ эту пору умеръ злой прохожій».
 Вдругъ собака громко завывла,
 Отворилась дверь сама собою,
 И вошелъ великанъ, наклонившись,
 Сѣлъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
 Потолка головою касаясь.
 Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
 Неподвижно глядѣлъ на него Марко
 Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
 Но старикъ, молитвенникъ раскрывши,
 Запалилъ кипарисную вѣтку,
 И подулъ дымъ на великана.
 И затрясся Вурдалакъ проклятый,
 Въ двери бросился и бѣжать пустился.
 Будто волкъ охотникомъ гонимый.

На другія сутки въ ту же пору
 Песъ залаялъ, дверь отворилась,
 И вошелъ человѣкъ незнакомый.
 Былъ онъ ростомъ, какъ Цесарскій рекрутъ,
 Сѣлъ онъ молча и сталъ глядѣть на Марко;
 Но старикъ молитвой его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карликъ малый,—
 Могъ бы онъ верхомъ сидѣть на крысѣ,
 Но сверкали у него злые глазки.
 И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
 И съ тѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

Черногорскіе типы.

«Стой! пали! Пусть каждый сброситъ
Черногорца одного.

Здѣсь пощады врагъ не просить:
Не шадите жъ никого!»

Ружья грянули,—упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Прятаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы Французамъ:—«Это что?»

ЧЕРНОГОРІЯ СЪ ПТИЧЬЯГО ПОЛЕТА.

711.

9. БОНАПАРТЪ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?»

Бонапарте спросилъ:

«Правда ль: это племя злое

«Не боится нашихъ силъ?»

«Такъ раскается жъ нахалы:

Объявить ихъ старшинамъ,

Чтобы ружья и кинжалы

«Всѣ несли къ моимъ ногамъ»».

Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту

Съ сотней пушекъ и мортиръ,

И своихъ Мамлюковъ роту,

И косматыхъ Кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты,—

Черногорцы таковы!

Для коней и для пѣхоты

Камни есть у насъ и рвы...

Мы засѣли въ наши норы

И гостей незваныхъ ждемъ,—

Вотъ они вступили въ горы,

Истребляя все кругомъ.

.....

Идутъ тѣсно подъ скалами.

Вдругъ,—смятеніе!.. Глядятъ:

У себя надъ головами

Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

Удивясь, они сказали:

«Эхо что ли?» Иѣтъ, не то!

Ихъ полковникъ повалился,

Съ нимъ сто двадцать человѣкъ.

Весь отрядъ его смутился,

Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.

И Франгузы ненавидятъ

Съ той поры нашъ вольный край,

И краснѣютъ, коль завидятъ

Шапку нашу не взначай.

10. СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко
Птица малая лѣсная!
У тебя ль у малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни,
У меня ли у молодца
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота,
Рано молодца женили;
А вторая-то забота,—
Воронъ конь мой притомился,
Какъ ужъ третья-то забота,
Красну дѣвицу со мною

Разлучили злые люди.
Выкопайте мнѣ могилу
Въ полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы дѣвочки дѣвочки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки.
Такъ сплетутъ себѣ вѣпочки.
Пойдутъ мимо стары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

ГЕОРГІЙ ЧЕРНЫЙ.

(Изъ роскошнаго изданія «Знаменити Сербы», Загребъ 1903).

11. ПѢСНЯ О ГЕОРГІИ ЧЕРНОМЪ.

Не два волка въ оврагѣ грызутся,
Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
Старый Петро сына укоряетъ:
«Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый!
Не боишься ты Господа Бога,
Гдѣ тебѣ съ Султаномъ тягаться,
Воевать съ Бѣлградскимъ пашею!
Аль о двухъ головахъ ты родился?
Пропадай ты себѣ, окаленный,
Да за чѣмъ ты всю Сербію губишь?»
Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
«Изъ ума, старикъ, видно, выжилъ,
Коли лаешь безумныя рѣчи.»
Старый Петро пуще осердился,
Пуще онъ бранится, бушуетъ.
Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
Туркамъ выдать ослушнаго сына,
Объявить убѣжище Сербовъ.
Онъ изъ темной пещеры выходитъ;
Георгій старика догоняетъ:
«Воротися, отецъ, воротися!

Отпусти мнѣ невольное слово.»
Старый Петро не слушаетъ, грозитъ:
«Вотъ уже, разбойникъ, тебѣ будетъ!»
Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
Старику кланяется въ ноги.
Не взглянулъ на сына старый Петро.
Догоняетъ вновь его Георгій,
И хватается за свую косу.
«Воротися, ради Господа Бога:
Не введи ты меня въ искушенье!»
Отпихнулъ старикъ его сердито,
И пошелъ по Бѣлградской дорогѣ.
Горько, горько Георгій заплакалъ,
Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
Взвелъ курокъ, да и выстрѣлилъ тутъ же.
Закричалъ Петро, зашатавшись:
«Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
И упалъ на дорогу бездыханенъ.
Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
Его мать вышла ему на встрѣчу.
«Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»

Отвѣчаетъ Георгій сурово:
«За обѣдомъ старикъ пьянъ напился,
И заснулъ на Бѣлградской дорогѣ.» ²¹⁾
Догадалась она, завопила:

«Будь же Богомъ проклятъ ты, черный,
Коль убилъ ты отца роднаго!»
Съ той поры Георгій Петровичъ
У людей прозывается Черный.

714.

12. ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

Надъ Сербіей смилуйся ты, Боже!
Заѣдають насъ волки Янычары!
Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
Сыновей въ неволю забирають,
Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку
Распѣвать зазорныя пѣсни
И плясать бусурманскія пляски.
Старикъ даже съ нами согласенъ:
Унимать насъ они перестали,—
Ужъ и имъ нестерпимо насилье.

Гусляры насъ въ глаза укоряютъ:
Долго ль вамъ мирволить Янычарамъ?
Долго ль вамъ терпѣть оплеухи!
Или вы ужъ не Сербы,—Цыганы?
Или вы не мужчины,—старухи?
Вы бросайте ваши бѣлые домы,
Уходите въ Велійское ущелье,—
Тамъ гроза готовится на Турокъ,
Тамъ дружину свою собираетъ
Старый Сербинъ, воевода Милошъ.

МИЛОШЪ ОБРЕНОВИЧЪ.

(Изъ роскошнаго изданія—«Знаменити Сербы». Загребъ 1903).

715.

13. ВУРДАЛАКЪ.

Трусовать былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ поздною порой,
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Черезъ кладбище шелъ домой.
Бѣдный Ваня еле дышетъ,
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ,—
Кто-то кость, ворча, грызетъ.
Ваня сталъ;—шагнуть не можетъ.
Боже! думаетъ бѣднякъ,

Это вѣрно кости гложетъ
Красногубый Вурдалакъ.
Горе! малый я не сильный;
Стѣстъ Упырь меня совѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не стѣмъ.
Что же? вмѣсто Вурдалака
(Вы представьте Вани злость!)
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

716.

14. СЕСТРА И БРАТЯ. ²²⁾

Два дубочка выросли рядомъ,
Между ими тонковерхая елка.
Не два дуба рядомъ выросли,
Жили вмѣстѣ два брата родные:

Одинъ Павелъ, а другой Радула,
А межъ ими сестра ихъ Елица.
Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
Всякую ей оказывали милость;

На послѣдокъ ей ножъ подарили
 Золоченый въ серебряной оправѣ.
 Огорчилась молодая Павлиха
 На золовку, стало ей завидно;
 Говоритъ она Радуловой любѣ:
 «Не вѣстушка, по Богу сестрица!
 Не знаешь ли ты зеля такова,
 Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
 Отвѣчаетъ Радулова любя;
 «По Богу сестра моя, невѣстка;
 Я не знаю зеля такова;
 Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала;
 И меня братья мои любили,
 И мнѣ всякую оказывали милость.»
 Вотъ пошла Павлиха къ водопою,
 Да зарѣзала коня вороного,
 И сказала своему господину:
 «Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
 На бѣду даришь ей подарки:
 Извела она коня вороного.»
 Сталъ Елици допытывать Павелъ:
 «За что это? скажи Бога ради.»
 Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
 «Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!»
 Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ,
 Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый
 Сиваго сокола тамъ заколола,
 И сказала своему господину:
 «Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
 На бѣду даришь ты ей подарки:
 Вѣдь она сокола заколола.»
 Сталъ Елици допытывать Павелъ:
 «За что это? скажи Бога ради.»
 Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
 «Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!»
 И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
 Вотъ Павлиха по вечеру поздно
 Ножъ украла у своей золовки,
 И ребенка своего заколола
 Въ колыбелькѣ его золоченой.
 Рано утромъ къ мужу прибѣжала,
 Громко вой и лицо терзая.
 «Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
 На бѣду даришь ты ей подарки:
 Заколола у насъ она ребенка;
 А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
 Осмотри ты ножъ ея злеченый.»
 Вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это,
 Побѣжалъ къ Елицѣ, во свѣтлицу:
 На перинѣ Елица почивала,
 Въ головахъ ножъ висѣлъ злеченый.
 Изъ ноженъ выпулъ его Павелъ,—
 Ножъ злеченый весь былъ окровавленъ.
 Дернулъ онъ сестру за бѣду руку:

«Ой сестра, убей тебя Боже,
 Извела ты коня вороного,
 И въ саду сокола заколола;
 Да за что ты зарѣзала ребенка?»
 Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
 «Не я братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!
 Коли жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,
 Выведи меня въ чистое поле,
 Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
 Пусть они мое бѣлое тѣло
 Разорвутъ на четыре части.»
 Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
 Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
 Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
 И погналъ ихъ по чистому полю.
 Гдѣ попала капля ея крови,
 Выросли тамъ алыя цвѣточки;
 Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
 Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
 Прошло малое послѣ того время,
 Захворала молодая Павлиха:
 Девять лѣтъ Павлиха все хвораетъ,—
 Выросла трава сквозь ея кости,
 Въ той травѣ лютый змѣй гнѣздится,
 Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
 Люто страждетъ молода Павлиха;
 Говоритъ она своему господину:
 «Слышишь ли, господинъ ты мой, Павелъ,
 Сведи меня къ золовкиной церкви,
 У той церкви авось исцѣлюся.»
 Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,
 И какъ были они уже близко,
 Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
 «Не входи, молодая Павлиха,
 Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
 Какъ услышала то молодая Павлиха,
 Она молвила своему господину:
 «Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
 Не веди меня къ бѣлому дому,
 А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
 И пусти ихъ по чистому полю.»
 Своей любви послушался Павелъ,
 Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
 И погналъ ихъ по чистому полю.
 Гдѣ попала капля ея крови,
 Выросло тамъ тернье да крапива;
 Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
 На томъ мѣстѣ озеро провалило.
 Воронъ конь по озеру выплываетъ,
 За конемъ золоченая люлька,
 На той люлкѣ сидитъ соколъ-птица,
 Лежитъ въ люлкѣ маленькій мальчикъ:
 Рука матери у него подъ горломъ,
 Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

В И Л А.

Рисунокъ Павла Ивановича.

717.

15. ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ ²³⁾.

Полюбилъ королевичъ Янышъ
Молодую красавицу Елицу,
Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
На Любусѣ, Чешской королевѣ.
Съ прежней любовью идеть онъ проститься.
Ей приносить съ червонцами чересь,
Да гремучія серги золотыя,

Да жемчужное тройное ожерелье
Самъ ей вдѣлъ онъ серги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами чересь,
Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,
И поѣхалъ своею дорогою.
Какъ одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,

Изъ ушей выдернула серги,
Ожерелье на-двое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ на днѣ молодая Елица
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вотъ проходятъ три года и болѣ,
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы;
Захотѣлъ онъ коня воронова
Напоить студеною водою.
Но лишь только зафѣнненную морду
Сунулъ конь въ студеную воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
Хватъ коня за узду золотую!
Конь отдернулъ голову въ испугѣ,
На уздѣ виситъ Водяница
Какъ на удѣ пойманная рыбка,—
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою!
Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня воронова,
Осадивъ могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говорить ей Янышъ королевичъ:
«Расскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль Богомъ проклятая Вила?»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,
Мой отецъ Янышъ королевичъ,
А зовутъ меня Водяницей!»
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня воронова,
Обнялъ дочь свою Водяницу
И слезами заливаясь, молвилъ:
«Гдѣ, скажи, твоя мать Елица?
Я слышалъ, что она потонула.»

Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ.
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»
Водяницѣ молвилъ королевичъ:
«Такъ иди же къ водяной царицѣ,
И скажи ей: Янышъ королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаетъ,
И у ней свиданія проситъ
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я заѣду за отвѣтомъ.»
Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, что заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлымъ груди,
Поднялась царица водяная,
И сказала: «Янышъ королевичъ
У меня свиданія просилъ ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлся снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выйди ко мнѣ на зеленой берегъ,
Подѣлуй меня по прежнему сладко,
По прежнему полюблю тебя крѣпко.»
Королевичу Елица не внимаетъ:
Не внимаетъ, головою киваетъ:
«Нѣтъ, не выду, Янышъ королевичъ,
Я къ тебѣ на зеленой берегъ.
Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Расскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любовью, съ молодой женою?»
Отвѣчаетъ Янышъ королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ.»

718.

16. К О Н Ъ.

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустилъ;
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не хожу?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злочены стремяна?
Отвѣчаетъ конь печальный:
Отъ того я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальный,

Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Отъ того я ржу, что въ полѣ
Ужъ недолго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и въ холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять;
Что ужъ скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьметъ,
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ:
Оттого мой духъ и поетъ,
Что на мѣсто чапрака,
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшія бока:

ЮЖНО-СЛАВЯНСКІЙ ГУСЛЯРЪ.

Рисунокъ Тисова.

719.

17. ЧТО БѢЛѢТЬ НА ГОРѢ ЗЕЛЕННОЙ.

Что бѣлѣть на горѣ зеленой?
 Сидѣлъ ли то, али лебеди бѣлы?
 Былъ бы сидѣлъ—онъ давно бѣ разтаялъ,
 Были бѣ лебеди—они бѣ улетѣли..
 То не сидѣлъ и не лебеди бѣлы,
 А шатеръ Аги Асанъ-аги:
 Онъ лежитъ въ немъ весь люто израненъ.
 Уосѣтили его сестра и матеръ;
 Его любя не можетъ, застыдилась.
 Какъ ему отъ боли стало легче,
 Приказалъ онъ своей вѣрной любѣ:
 Не жди меня въ моемъ бѣломъ домѣ,
 Въ бѣломъ домѣ, ни во всемъ моемъ родѣ.

Какъ услышала мужнины рѣчи,
 Запечалилась бѣдная кадуна..
 Она слышитъ—на дворѣ бьютъ кони,
 Побѣжала Асанъ-агиница,
 Хочетъ броситься бѣдная въ окошко,
 За ней вспать двѣ милыя дочки:
 Воротися милая мать наша,
 Пріѣхалъ не мужъ Асанъ-ага.
 А пріѣхалъ братъ твой Пинторъ
 Воротилась Асанъ-агиница
 И повисла она брату на шею:
 Братецъ милый, что за посрамленье,
 Меня гонять отъ пятерыхъ дѣтокъ...

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА КЪ «ПѢСНЯМЪ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ».

1) Ома1 былъ тайно умерщвленъ своимъ двумя сыновьями Стефаномъ и Радивомъ въ 1460 году. Стефанъ ему наследовалъ. Радивой, негодуя на брата за похищеніе власти, разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцію къ Магомету II. Стефанъ, по внушенію Папскаго легата, рѣшился воевать съ Турками. Онъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Ключъ-городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его. Захваченный въ плѣнъ, онъ не согласился принять Магометанскую вѣру, и съ него содрали кожу.

2) Щиколодка, по Московскому нарѣчію щиколка.

3) Такъ называютъ себя нѣкоторые Пилірійскіе раскольники.

4) *Фаланага*, палочные удары по пятамъ.

5) Радивой никогда не имѣлъ этого сана; и всѣ члены Королевскаго семейства пострелены были Султаномъ.

6) Кафтанъ, обыкновенный подарокъ Султановъ.

7) Анахронизмъ.

8) Трогательный обычай *братованія*, у Сербовъ и другихъ западныхъ Славянъ, освящается духовными обрядами.

9) Неизвѣстно къ какому происшествію относится эта пѣсня.

10) Потеря сраженія приписывается Далматамъ, ненавистнымъ для Влаховъ.

11) Жиды въ Турецкихъ областяхъ суть вѣчные предметы гоненія и ненависти. Во время войны имъ доставалось отъ Мусульманъ и Христіанъ. Участъ ихъ, замѣчаетъ В. Скоттъ, походить на участъ летучей рыбы—М. [ериме].

12) Банялука, прежняя столица Боснійскаго Пашалыка.

13) Селпхтаръ, мечепосецъ.

14) Всѣ народы почитали жабу ядовитымъ животнымъ.

15) Мидкевичъ перевелъ и украсилъ эту пѣсню.

16) Гайдукъ, глава, начальникъ. Гайдуки не имѣютъ пристанища и живутъ разбоями.

17) Западные Славяне вѣрятъ существованію *Упырей* (vampire). См. пѣсню о *Маркѣ Якубовичѣ*.

18) Мериме помѣстилъ въ началѣ своей *Guzla* извѣстіе о старомъ гуслярѣ Іакинѣ Маглановичѣ; неизвѣстно, существовалъ ли онъ когда-нибудь; но статья его Біографа имѣетъ необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобія. Книга Мериме рѣдка и читателя, думаю, съ удовольствіемъ найдутъ здѣсь жизнеописаніе Славянина-поэта.

Notice sur Hyacinthe Maglanovich.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de guzla, que j'ai vu, qui fût aussi poète; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches, en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

Notre poète est né à Zuonigrad, comme il le dit lui-même dans sa ballade, intitulée *L'Aubépine de Veliko*. Il était fils d'un cordonnier, et ses parents ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des *Tchingénehs* ou Bohémiens. Ces gens le menèrent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le souvertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart ¹⁾. Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert; car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'est pas de peine à se décider à quitter un maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitements. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins, qu'il put dérober. Le moine, qui l'avait rebaptisé, l'accompagna dans sa fuite, que peut-être, il avait conseillé.

De Livno à Seign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade, qui trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation ²⁾.

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitants des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par cœur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterrements, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête, si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs de Seign, se souciant fort peu de ses parents, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zuonigrad depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur et de plus poète et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait se nommait Marie et était fille d'un riche Morlaque, nommé Ziarinovich. Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé

¹⁾ Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même.

²⁾ J'ai fait de vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie.

МНИМЫЙ ГУСЛЯРЬ МАГЛАНОВИЧЪ.

Портретъ, приложенный къ «Guzla» Мериме.

Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les mœurs illyriennes l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisa d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlèvement, il parut accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parents pour l'aider, et il restait seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des Heyduques ¹⁾.

Il vécut long-temps avec eux, et même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les Pandours ²⁾. Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfans. Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une

petite rivière ou d'un torrent qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfans s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les Heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très-facilement l'illirique, et je désirais beaucoup entendre un poète en réputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicolas * * *, avait rencontré à Biograd, où il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait, que si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait le faire boire; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement basanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liquers fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement, quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une partie de la joue. Il est très-extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'œil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général,

¹⁾ Espèce de bandits.

²⁾ Soldats de la police.

let il portait un bonnet d'agneau noir: ses vêtements étaient assez vieux, mais encore très-propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand l'eus fini de lire: vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue, que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien, dit-il; mais j'ai faim et soif: je chanterai, quand je serai rassasié. Nous dinâmes ensemble. Il me semblait, qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, remplissaient son verre à chaque instant. Nous espérions, que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient anaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques-uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en Décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eût moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux une autre fois: j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer, et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle, mais alors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange: il demeurait depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement jusqu'au soir. J'appris, qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui; mais en même temps je m'aperçus, qu'il me manquait une paire de pistolets anglais, qui, avant son départ précipité, étaient pendus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange, qu'il aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or, qui valaient dix fois plus que les pistolets, qu'il m'avait pris.

En 1817, je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfans et petits-enfans me sautèrent au cou, et quand je le quittai, son fils aîné me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récompense.

19) Вурдлаки, Вудкодлаки, Упыри, мертвецы, выходящіе изъ своихъ могилъ и сосущіе кровь живыхъ людей.

20) Лѣкарствомъ отъ укушенія Упыря служитъ земля, взятая изъ его могилы.

21) По другому преданію, Георгіиі сказалъ товарищамъ: Старикъ мой умеръ; возьмите его съ дороги.

22) Прекрасная эта поэма взята мною изъ Собранія Сербскихъ пѣсней Вука Стефановича.

23) Пѣсня о Янышѣ Королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ только первую, и то не всю.

ТИПЪ ГАЙДУКА.
(Гайдукъ Велько Петровичъ).

720—726. [ПОПЫТКИ ВЕРНУТЬСЯ КЪ «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»].

1.

Ты мнѣ совѣтуешь, Плетневъ любезный,
Оставленный романъ мой продолжать
И, потчужа стихами, вѣкъ желѣзный
Разсказами пустыми угощать;
Ты думаешь, что съ цѣлю полезной
Тревогу славы можно сочетать.
А для того совѣтуешь собрату
Брать съ публики умѣренную плату, —
За каждый стихъ по 10 рублей
(Составить [стало быть] за [каждую] строфу
сто сорокъ) —

Оброкъ пустой для нынѣшнихъ людей.
Неужто жалъ кому пяти рублей?
Пустое! Всякъ то дастъ безъ отговорокъ!
Съ книгопродавца можно взять, ей-ей.

2.

Ты говоришь: «Пока Онегинъ живъ,
«Дотоль романъ не конченъ; итъ причины
«Его кончать; къ тому же планъ счастливъ
кончины

Со славы, виявъ ея призванью,
Сбирай оброкъ хвалой и бранью,
Съ почтенной публики, межъ тѣмъ,
Бери умѣренную плату,—
За книжку по пяти рублей;
Неужто жалъ ихъ будетъ ей?

3.

Вы за Онегина совѣтуете, други,
Опять приняться мнѣ въ осеніе досуги;
Выговорите мнѣ: «Онъ живъ и не женатъ—
«Итакъ, еще романъ не конченъ: это кладъ!
«Въ его свободную, выѣстительную раму
«Ты вставишь рядъ картинъ, откроешь
діораму,
«Прихлынетъ публика, платя тебѣ за входъ,
«Что дастъ еще тебѣ и славу, и доходъ».
Пожалуй, я бы радъ...

4.

Въ мои осеніе досуги,
Въ тѣ дни, какъ любо мнѣ писать,
Вы мнѣ совѣтуете, други,
Разсказъ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво

Романъ, не конча, прерывать,
Отдавъ его уже въ печать;
[. . . . . въ печать,
Романъ неконченный отдать].
Что должно своего героя,
Какъ бы то ни было женить
По крайней мѣрѣ,—уморить,
И лица прочія пристроить,
Отдавъ имъ дружескій поклонъ,
Изъ либиринта выслать вонъ.

5.

Вы говорите: «Слава Богу!
«Покаместъ твой Онегинъ живъ,—
«Романъ не конченъ. Понемногу
«Пиши жъ его—не будь лѣнивъ.
«Со славы, виявъ ея призванью,
«Сбирай оброкъ хвалой и бранью,
«Рисуй и франтовъ городскихъ,
«И милыхъ барышень своихъ,
«Войну и балъ, дворецъ и хату,
«Чердакъ, и келью, и харемъ,
«И съ нашей публики, межъ тѣмъ,
«Бери умѣренную плату:
«За книжку по пяти рублей—
«Налогъ не тягостный, ей-ей».

6.

Вы говорите: «Славу Богу!
«Онегинъ живъ, такъ понемногу
«[Пиши] затѣйливый [романъ]
«[Герой готовый, славный планъ],
«[Ну съ богомъ]...
«И снова будешь [ты] внимать
«Молвы и критики набату».
«[Готово все]...

7.

Ты мнѣ велишь, мой строгій судія,
На прежній ладъ... настроя,
Давно забытаго героя,
Когда-то бывшаго въ чести,
Опять на сцену привести,
Чтобъ...
Ты говоришь...
«Онегинъ живъ и будетъ онъ
«Еще не скоро схороненъ,
«О немъ вѣстей ты знаешь много...

727. КОГДА БЪ НЕ СМУТНОЕ ВЛЕЧЕНЬЕ.

Когда бъ не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здѣсь остался бъ,—наслажденье
Вкушать въ невѣдомой тиши:

Забылъ бы всѣхъ желаній трепеть,
Мечтою бъ цѣлый міръ называть—
И все бы слушалъ этотъ лепетъ,
Все бъ эти пожки цѣловать...

728. РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

[Не закончено и не отдѣлено].

[I].

Начнемъ ad ovo:

Мой Езерскій
 Происходилъ отъ тѣхъ вождей,
 Чей въ древни вѣки парусъ дерзкій
 Поработилъ берега морей.
 Одульфъ, его начальникъ рода,
 Вельми бѣ грозенъ воевода
 (Гласитъ Софійскій хронографъ).
 При Ольгѣ, сынъ его Варлафъ
 Пріѣлъ крещенье въ Царѣградѣ
 Съ приданымъ Греческой княжны.
 Отъ нихъ два сына рождены,
 Якубъ и Дороей. Въ засадѣ
 Убить Якубъ, а Дороей
 Родилъ двѣнадцать сыновей.

[II].

Ондрей, по прозвищу Езерскій,
 Родилъ Ивана да Илью,
 И въ Лаврѣ схимился Печерской.
 Отселя фамилію свою
 Ведутъ Езерскіе. При Калкѣ
 Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалкѣ,
 А тамъ раздавленъ какъ комаръ
 Задами тяжкими Татаръ;
 За то со славой, хоть съ урономъ,
 Другой Езерскій, Елизаръ,
 Упился кровію Татаръ
 Между Непрядвою и Дономъ,
 Ударя съ тыла въ таборъ ихъ
 Съ дружиной Суздальцевъ своихъ.

[III].

Въ вѣка старинной нашей славы,
 Какъ и въ худыя времена,
 Крамоль и смуть во дни кровавы
 Блестятъ Езерскихъ имена.
 Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
 На воеводствѣ и въ отвѣтѣ *)
 Служили доблестно Царямъ,
 Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ
 Гордыней славился боярской;
 За споръ то съ тѣмъ онъ, то съ другимъ,
 Съ большимъ безчестьемъ выводимъ
 Бывалъ изъ-за трапезы Царской,
 Но снова шелъ подъ тяжкій гнѣвъ
 И умеръ, Сидкихъ перестыгъ **).

[IV].

Когда отъ думы величавой
 Пріѣлъ Романовъ свой вѣнецъ,

* въ посольствѣ.—А. П.

**) Перестыгъ кого, старинное выраженіе,
 значитъ занять мѣсто выше.—А. П.

Какъ подъ отеческой державой
 Русь отдохнула наконецъ,
 А наши вороги смирились—
 Тогда Езерскіе явились
 Въ великой силѣ при дворѣ,
 При Императорѣ Петрѣ...
 Но извините, статья можетъ,
 Читатель, вамъ я досадилъ;
 Вашъ умъ духъ вѣка просвѣтилъ,
 Васъ силъ дворянская не гложетъ,
 И пужды нѣтъ вамъ никакой
 До вашей книги родовой.

[V].

А кто въ ни былъ вашъ родоначалникъ,—
 Мстиславъ, князь Курбскій, иль Ермакъ,
 Или Митюшка цаловальникъ,
 Вамъ все равно. Конечно, такъ:
 Вы презираете отцами,
 Ихъ славой, честію, правами—
 Великодушно и умно;
 Вы отреклись отъ нихъ давно,
 Прямаго просвѣщенія ради,
 Гордясь (какъ общей пользы другъ)
 Красою собственныхъ заслугъ,
 Звѣздой двоюроднаго дяди,
 Иль приглашеніемъ на балъ
 Туда, гдѣ дѣлъ вашъ не бывалъ.

[VI].

Я самъ, хоть въ книжкахъ и словесно
 Собратъ надо мной трунать,
 Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно
 И въ этомъ смыслѣ демократъ;
 Но каюсь: новый Ходаковской, ***)
 Люблю отъ бабушки Московской
 Я толки слушать о роднѣ,
 Объ отдаленной старинѣ.
 Мнѣ жаль, что нашей славы звуки
 Уже намъ чужды; что спроста
 Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état;
 Что намъ не въ-прокъ пошли науки,
 И что спасибо намъ за то
 Не скажетъ, кажется, никто.

[VII].

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
 Блѣдитъ блескъ и никнетъ духъ;
 Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
 Что о другихъ пропалъ и слухъ;
 Что ихъ поноситъ и Фигляринъ;
 Что Русскій вѣтранный бояринъ
 Считаетъ грамоты Царей
 За пыльный сборъ календарей;

***) Извѣстный любитель древности, умершій
 нѣсколько лѣтъ тому назадъ.—А. П.

АННА АЛЕКСѢВНА ОЛЕНИНА,
въ замужествѣ Андрю.

*Неизданный портретъ, теперь принадлежащій ея дочери,
А. Ф. Войдо.*

Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава:
Что геральдическаго льва
Демократическимъ копытомъ
Теперь лягаетъ и оселъ:
Духъ вѣка вотъ куда зашелъ!

[VIII].

Вотъ почему, архивы роя
Я разбиралъ въ досужій часъ
Всю родословную героя,
О комъ затѣялъ свой рассказъ,
И здѣсь потомству заповѣдалъ;
Езерскій самъ же твердо вѣдалъ,
Что дѣлъ его, великій мужъ,
Имѣлъ двѣнадцать тысячъ душъ;
Изъ нихъ отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А самъ онъ жалованьемъ жилъ,
И регистраторомъ служилъ.

[IX].

Допросомъ музу безпокою,
Съ усмѣшкой скажетъ критикъ мой:
«Куда завиднаго героя
Избрали вы! Кто вашъ герой?
А что? Коллежскій регистраторъ.
Какой вы строгій литераторъ!
Его пою. Зачѣмъ же нѣтъ?
Онъ—мой пріятель и сосѣдъ.
Державинъ двухъ своихъ сосѣдовъ
И смерть Мещерскаго воспѣлъ;
Пѣвецъ Фелицы быть умѣлъ
Пѣвцомъ ихъ свадебъ, ихъ обѣдовъ
И похоронъ, смѣнившихъ пиръ,—
А зналъ ли ихъ, скажите, міръ?»

[X].

Замѣтятъ мнѣ, что есть же разность
Между Державинымъ и мной,
Что красота и безобразность
Раздѣлены чертой одной;
Что князь Мещерскій былъ сенаторъ,
А не коллежскій регистраторъ;
Что лучше, ежели поэтъ
Возьметъ возвышенный предметъ;
Что нѣтъ, къ тому же, перевода
Прямымъ героямъ; что они
Совсѣмъ не чудо въ наши дни—
Куда! намъ нѣтъ отъ нихъ прохода,

И развѣ межъ моихъ друзей
Двухъ, трехъ великихъ нѣтъ людей?

[XI].

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ степь и пыль несетъ,
Когда корабль въ недвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшенъ,
На пень гнилой?—Спроси его!
Зачѣмъ арапа своего
Младая любитъ Дездемона,
Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?
Зачѣмъ, что вѣтру и орлу
И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
Гордись! таковъ и ты, поэтъ,
И для тебя закона нѣтъ.

[XII].

Исполненъ мыслями златыми,
Непонимаемый пикѣмъ,
Передъ кумирами земными
Проходишь ты унылъ и пѣмъ.
Съ толпой не дѣлишь ты ни глѣба,
Ни нужды, ни хохота, ни рева,
Ни удивленія, ни труда.
Глупецъ кричитъ: «куда? куда?
Дорога здѣсь!» Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекутъ
Мечтанья тайныя. Твой трудъ
Тебѣ награда: имъ ты дышешь,
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ, рабынѣ суеты.

[XIII].

Скажите: «экой вздоръ!» или «браво!»
Или не скажите ничего—
Я въ томъ стою: имѣлъ я право
Избрать сосѣда моего
Въ герои повѣсти смиренной.
Хоть человекъ онъ не военный,
Не бунтовщикъ, не Донъ-Жуанъ,
Не Демонъ, даже не Цыганъ,
А просто гражданинъ столичный,
Какихъ встрѣчаемъ всюду тму
Ни по лицу, ни по уму,
Отъ нашей брати не отличный,
Благопристойный и простой,
А впрочемъ малый дѣловый.

СКАЗКА О РЫБКѢ И РЫБКѢ

729. СКАЗКА О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.

Рисунокъ В. Маковского.

Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одною тинной.
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морской.
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотою рыбкою,
Съ непростой рыбкой, золотою.
Какъ взмолился золотая рыбка,
Голосомъ молвить человѣчьиимъ:
Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь.
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;

Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.

Воротился старикъ ко старухѣ
Рассказалъ ей великое чудо.
Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, непростую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.
Старика старуха забранила:
Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совѣтъ раскололось.»

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совѣтъ раскололось.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ
Будетъ вамъ новое корыто.

Воротился старикъ ко старухѣ;
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много-ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю,
(Помутилося синее море),
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка:
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу просить, сварливая баба.

Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ,
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.

Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой
Съ кирпичною, бѣленою трубою
Съ дубовыми, тѣсовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ.
Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простифиля, избу!
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою Дворянкой.»

Пошелъ старикъ къ синему морю;
(Неспокойно синее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка:
Пуше прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой.

Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ.

Воротился старикъ къ старухѣ,
Что жъ онъ видитъ? Высокій теремъ.

Рисунокъ В. Маковского.

На крыльцѣ стоитъ его старуха;
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ.
Парчевая на моковѣ кичка,
Жемчуги окружили шею.

На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говорить старикъ своей старухѣ:
Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душевѣйка довольна.
На него прикрикнула старуха,
На конюшнѣ служить его послала.

Вотъ недѣля, другая проходитъ;
Еще пуше старуха вздурилась:
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ:
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною Царицей.
Испугался старикъ, взмолился:
Что ты, баба, белены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь,
Насмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилась пуше старуха,
По щекѣ ударила мужа,
Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить, со мною,

Со мною, дворянкой столбовою?—
Ступай къ морю; говорить тебѣ честию,
Не пойдешь, поведутъ по неволѣ.

Старичокъ отправился къ морю:
(Почернѣло синее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой
Хочетъ быть вольною Царицей.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха Царицей!»

Старичокъ къ старухѣ воротился.
Чтожъ? передъ нимъ Царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ онъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она Царицей,
Служать ей Бояре, да Дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина;
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорники держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ, испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ, здравствуй, грозная Царица!
Ну теперь твоя душевѣйка довольна.
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали Бояре и Дворяне,
Старика въ зашен затолкали.

Рисунок В. Маковского.

А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
Подѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука:
Не садися не въ свои сани! —

Вотъ педѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ,
Отыскали старика, привели къ ней.
Говорить старику старуха:
Воротись, поклонися рыбкѣ,
Не хочу быть вольною Царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мнѣ въ Окіанѣ морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бѣ у меня на посылкахъ.

Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ спящему морю;
Видитъ, на морѣ черная буря:
Такъ и вздулись сердитыя волны,

Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она Царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобы жить ей въ Окіанѣ морѣ.
Чтобъ ты сама ей служила
И была бы у ей на посылкахъ. —
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.

Рисунок В. Маковского.

Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился...
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А предъ нею разбитое корыто.

ИЛЛЮСТРАЦИИ А. АФАНАСЬЕВА КЪ «СКАЗКѢ О РЫБАКѢ И РЫБКѢ».

Книжный орнаментъ рампыго Ренессанса.

АНДЖЕЛО.

Вдво ограничивается Пушкинъ ролью простого переводчика. Не составляет исключенія въ данномъ случаѣ и «Анджело» — эта «новѣсть», взятая изъ шекспировой трагедіи Measure for Measure» (какъ она озаглавлена въ подлинной рукописи Пушкина, находящейся въ Императорской Публичной Библиотекѣ). Написанъ «Анджело» въ Болдинѣ, въ 1833 г., одновременно съ Мѣднымъ Всадникомъ. Первоначально Пушкинъ попробовалъ было просто перевести драму Шекспира: въ бумагахъ П. В. Анненкова сохранилась*) копія съутраченного и вѣроятно

*) Шлякинъ, Изъ неизд. бум. Пушкина, стр. 71.

пушкинской рукописи начала этого перевода:

(Герцогъ).

Вамъ объяснять правленія начала
Излишнимъ было бѣ для меня трудомъ.
Не пужно вамъ ничьихъ совѣтовъ,
Превыше сами вы всего; мнѣ только
Во всемъ на васъ осталось положиться.
Порочный духъ народа, ходъ правленія
Постигли вы вѣрнѣй, чѣмъ кто бѣ то
ни былъ.
Вотъ вамъ наказъ. Желательно бѣ намъ
было.

Чтобъ отъ него не отшатнулись вы.

Позвать намъ Анджело.

Каковъ онъ будетъ,

По мнѣнью вашему, на нашемъ мѣстѣ?
Вы знаете, что нами онъ назначенъ
Насъ замѣнять въ отсутствіе,—что мы
И милостью, и страхомъ облекли
Намѣстника всей нашей власти. Что же
Объ немъ вы мните?

(Эскаль).

Если въ дѣломъ свѣтѣ
Сей почести достоинъ кто-нибудь,
Такъ это—Анджело.

(Герцогъ).

Вотъ онъ идетъ.

(Анджело).

Послушень вашей милостивой воли:
Спѣшу принять я ваше предложение.

Пушкинъ, видимо, ограничился переводомъ только одной этой начальной сцены, да и то не всей, и затѣмъ рѣшилъ свободно обработать шекспировскую драму въ формѣ стихотворной повѣсти. Извѣстно, что переводы вообще его стѣсняли, и всякій разъ, когда онъ за нихъ принимался, онъ бросалъ начатое дѣло почти съ первыхъ же строкъ. «Эпическій рассказъ,—говоритъ Анненковъ *) въ объясненіе перемѣны плана поэта, «сдѣлался столь важенъ и такъ завладѣлъ всею творческою способностью Пушкина, что, можетъ быть, хотѣлъ онъ видѣть, какъ одна изъ самыхъ живыхъ драмъ новаго искусства отразится въ повѣствованіи». Слѣдуетъ при этомъ, однако, замѣтить, что нѣкоторымъ сценамъ Пушкинъ нашелъ пужнымъ придать, какъ и въ подлинникѣ, диалогическую форму, сохранивъ многое изъ шекспировскаго текста, переводя цѣлыя фразы, подписывая даже имена дѣйствующихъ лицъ, какъ въ настоящей драмѣ. Содержаніе другихъ частей пьесы онъ передаетъ своими словами, иногда резюмируя въ очень сжатой формѣ то, что происходитъ въ нѣсколькихъ явленіяхъ или, напротивъ, даже въ цѣломъ четвертомъ дѣйствіи. Сравнительно близко къ тексту Шекспира, съ сохраненіемъ притомъ диалогической формы, переданы: бесѣда Люціо съ Изабелой, впервые узнающей объ опасности, которая грозитъ Клавдіо («Мѣра за мѣру», д. I, сц. 4); два объясненія между Анджело и Изабелой (II, 2 и 4); свиданіе брата съ сестрой въ тюрьмѣ (III, 1); наконецъ, разоблаченіе вины Анджело и примирительная развязка, вызванная заступничествомъ Изабелы и великодушіемъ герцога. Остальное изложено въ формѣ пересказа, часто сильно сжатаго.

Характеръ Анджело видимо интересовалъ Пушкина и казался ему однимъ изъ лучшихъ характеровъ, созданныхъ Шекспиромъ. Въ томъ же 1833 году, къ которому относится созданіе «Анджело», Пушкинъ набросалъ небольшую замѣтку, гдѣ, между прочимъ, сравниваетъ Анджело съ Тартюфомъ. Высказавъ общее положеніе, что герой Мольера во всѣхъ случаяхъ жизни является исключительно лицемеромъ, поэтъ продолжаетъ: «У Шекспира лицемеръ про-

износить судебный приговоръ съ тщеславною строгостью, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшную смѣсью набожности и волокитства. Анджело—лицемеръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ. А какая глубина въ этомъ характерѣ!»

амую фабулу Шекспировской драмы Пушкинъ нѣсколько измѣнилъ. Такъ, изъ вѣны онъ перенесъ дѣйствіе въ Италію, приурочивъ его къ эпохѣ Возрожденія, на которую ясно указываютъ и любовь Дука къ наукамъ и искусствамъ, и

ученость Анджело, и самый сюжетъ пьесы, первоосновою котораго послужила итальянская новелла XVI столѣтія. У Шекспира герцогъ Випченціо—человѣкъ далеко не старый, въ концѣ концовъ увлекающійся красотою и добродѣтелью Изабелы и готовый сдѣлать ее своею женою; у Пушкина это—«предобрый старый Дукъ», съ спокойнымъ, возвышеннымъ и безстрастнымъ возрѣніемъ на жизнь. Шекспировскій герцогъ, передавая на время свою власть Анджело, имѣетъ цѣлью испытать этого человѣка, подозрѣваемаго имъ въ лицемеріи; пушкинскій Дукъ вовсе не желаетъ подвергать временнаго правителя какимъ-нибудь соблазнамъ, а стремится только съ помощью его строгости возстановить расшатанный нравственный порядокъ. Далѣе, у Пушкина совсѣмъ не выступаютъ Эскаль, Профосъ, братъ Петръ, Джульета, Франциска; устраненъ также и комическій элементъ, играющій такую важную роль у Шекспира. Изъ всей веселой компаніи, введенной Шекспиромъ, у Пушкина удѣлѣлъ только Люціо, который приходитъ къ Изабелѣ, чтобы сообщить ей объ участи ея брата; но Пушкинъ не даетъ ему слишкомъ распространяться, замѣтивъ только, что онъ «въ подробныя пустился объясненія, немного жесткія своею паготой для дѣв-

*) Матеріалы, стр. 381.

ственных ушей отшельницы молодой». Въ концѣ разсказа онъ уже не появляется, какъ у Шекспира, чтобы получить заслуженное наказаніе за свои нелѣпыя розсказни объ отсутствующемъ герцогѣ. Интересно также, что Пушкинъ представилъ Маріанну не невѣстой, а женой Анджело, отвергнутой имъ изъ-за какой-то вздорной сплетни, между тѣмъ, какъ по Шекспиру Анджело бросилъ Маріанну, когда она была еще только его невѣстой,—бросилъ потому, что обѣщанное за нею приданое погибло во время кораблекрушенія. Мотивомъ этой перемѣны для Пушкина послужило, конечно, желаніе устранить обвиненіе Анджело въ низкихъ корыстолюбивыхъ помыслахъ и представить его человѣкомъ дѣйствительно строгой нравственности.

анджело» явился въ печати въ альманахѣ Смирдина «Новоселье» 1834 г., ч. II, стр. 49—80, съ цензурными поправками, урѣзками и другими искаженіями, глубоко огорчившими Пушкина. А. В. Никитенко въ своихъ за-

пискахъ (I, 324) рассказываетъ по этому поводу слѣдующее:

«Прежде государь самъ разсматривалъ поэмы Пушкина. Теперь министр Уваровъ приказалъ мнѣ поступать въ отношеніи Пушкина на общемъ основаніи. Онъ самъ прочелъ «Анджело» и потребовалъ, чтобы нѣсколько стиховъ были исключены... Этотъ урѣзъ сильно оскорбилъ поэта. Онъ взбѣсился. Смирдинъ платилъ ему за каждый стихъ по червонцу; слѣдовательно, Пушкинъ теряетъ здѣсь нѣсколько десятковъ рублей. Онъ потребовалъ, чтобы на мѣсто исключенныхъ стиховъ были поставлены точки, съ тѣмъ, однако жъ, чтобы Смирдинъ заплатилъ ему деньги и за точки!»

Разсказъ этотъ не вполне точенъ, а въ отношеніи «точекъ» кажется просто сплетней, вызванной, вѣроятно, недоброжелательствомъ къ Пушкину Никитенка, узнаваго о томъ, что Пушкинъ называлъ его цензорскія исправленія «безполезно-скудными» и говорилъ: «Ужели залагаетъ

меня ослепокъ Никитенко?» Изъ прошенія Пушкина въ Главный Комитетъ Цензуры 28 августа 1835 г. мы видимъ, что поэтъ, намѣреваясь вновь напечатать свою повѣсть, «неисправно и съ своевольными поправками напечатанную книгопродавцемъ Смирдинымъ», представилъ это сочиненіе государю, который «изволилъ возвратитъ его, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ собственноручно замѣченныхъ мѣстъ». Но Уваровъ воспротивился этому изданію и приказалъ попечителю Спб. учебнаго округа объявить Пушкину, что не можетъ болѣе позволять ему печатать его сочиненій, какъ доселѣ они печатались, т.-е. съ надписью чиновника С. Е. И. В. Канцеляріи. Такимъ образомъ, поэтъ былъ лишенъ права печатать свои произведенія, дозволенные самимъ государемъ. Онъ и обратился въ Главный Комитетъ съ просьбою сообщить: «какую новую форму соизволитъ онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію?» Не получая отвѣта, Пушкинъ жаловался Бенкендорфу, указывая, между прочимъ, на «своевольныя поправки цензора» (т.-е. Никитенка). Затѣмъ Главное Управление Цензуры постановило: «объявить Пушкину, что рукописи, издаваемые съ особаго Высочайшаго разрѣшенія, печатаются независимо отъ цензуры министерства народнаго просвѣщенія; но всѣ прочія изданія, назначаемыя въ печать, должны... быть представляемы въ Цензурный Комитетъ, коимъ разсматриваются и одобряются на общихъ цензурныхъ правилахъ».

Эта тяжба Пушкина съ цензурой не имѣла видимыхъ послѣдствій: второе изданіе «Анджело» вошло въ составъ II-й части Поэмъ и Повѣстей 1835 безъ перемѣнъ. Затѣмъ повѣсть появилась въ посмертномъ изданіи, съ добавленіемъ нѣсколькихъ новыхъ ошибокъ противъ текста Новоселья.

Вопросъ о томъ, какіе стихи были признаны государемъ неудобными къ печати, остается открытымъ, такъ какъ мы имѣемъ въ настоящее время только черновую рукопись «Анджело», а не ту, которая была представлена Пушкинымъ своему высокому цензору. Сличеніе этой черновой съ текстомъ, напечатаннымъ при жизни поэта, позволяетъ, впрочемъ, не безъ нѣкотораго основанія предполагать, что въ числѣ «собственноручно замѣченныхъ мѣстъ» находились стихи о смертной казни, исклю-

ченные при печатаніи безъ замѣны ихъ точками:

Ужели Господу пошлемъ неосторожно

Мы жертву паскоро? Мы даже и дылтитъ

Не бьемъ до времени. Такъ скоро

не казнятъ.

«Если допустить, что отвѣтъ Изабелы Анджело былъ урѣзанъ по требованію императора Николая Павловича, говоритъ Н. И. Черняевъ ¹⁾,—то особенное вниманіе, обращенное имъ на этотъ отвѣтъ, нельзя ничѣмъ будетъ объяснить, кромѣ нежеланія допускать въ печати обсужденія вопроса о смертной казни и опасенія, что слова Изабелы могутъ быть примѣнены съ неблагопріятными для правительства выводами къ казнямъ декабристовъ, которыя въ первой половинѣ 30-хъ годовъ были еще у всѣхъ въ памяти».

равнодушно и даже отрицательно встрѣтила критика «Анджело». Въ № 22 «Молвы» 1834 г. появилась небольшая статья, посвященная Пушкину и тому охлажденію, какое стало замѣчаться къ поэту въ публикѣ. Въ этой статьѣ, ко-

торую Ап. Григорьевъ приписывалъ Бѣлинскому ²⁾, по поводу «Анджело» говорится: «Имѣетъ ли право талантъ, не обращая вниманія на современное, его окружающее, постоянно усиливаться воскресить прошлое, идти назадъ, не стремиться впередъ? Можетъ ли имѣть успѣхъ подобное направленіе? Въ правѣ ли писатель винить публику, если она не раздѣляетъ его стремленій къ минувшему, а въ силу вѣчно неизмѣняемаго влеченія къ будущему остается равнодушною, непризнательною къ его тягостному борею съ вѣкомъ, усиленно, часто обнаруживающему тѣмъ разительнѣе

всю великость его дарованія? Вотъ вопросы, которые въ настоящее время было бы кстати предложить на разрѣшеніе и отвѣчать на которые мы не можемъ въ статьѣ библиографической, хотя и въ нихъ-то существенно должна заключаться истинная оценка пьесы Пушкина, полной искусства, доведеннаго до естественности, ума, скрытаго въ простотѣ разительной, и, сверхъ того, неотъемлемо отличающейся истиннымъ признакомъ зрѣлости поэта, тѣмъ спокойствіемъ, которое мы постигаемъ въ твореніяхъ первоклассныхъ писателей».

Въ этой коротенькой замѣткѣ, по крайней мѣрѣ, отдается должное таланту и искусству поэта, обвиняемаго только въ томъ, что онъ не «идетъ за вѣкомъ», или, говоря словами пушкинской «Черни», что отъ его пѣсни нѣтъ никакой «пользы». Съ гораздо болѣе рѣшительнымъ приговоромъ выступилъ въ № 24 той же «Молвы» нѣкто, подписавшійся: «Житель Сивцева Вражка». Онъ прямо заявляетъ: «По моему искреннему убѣжденію, «Анджело» есть самое плохое произведеніе Пушкина... Такъ мало походитъ оно на пушкинское даже самую версификацію, изобилующую до невѣроятности усѣченными прилагательными и распространенными предлогами!»

Бѣлинскій, въ своихъ Литературныхъ Мечтаніяхъ, также отозвался о повѣсти Пушкина крайне неблагопріятно. «Теперь мы не узнаемъ Пушкина»,—говоритъ онъ: «онъ умеръ, или, быть можетъ, обмеръ на время... По крайней мѣрѣ, судя по его сказкамъ, по его поэмамъ «Анджело» и по другимъ произведеніямъ, обрѣтающимся въ Новосельѣ и Библиотекѣ для чтенія, мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю... Гдѣ теперь эти картины жизни и природы, передъ которыми была блѣдна жизнь и природа?... Увы, вмѣсто нихъ мы читаемъ теперь стихи съ правильною цезурою, съ богатыми и полубогатыми римами, съ пѣтическими вольностями, о коихъ такъ странно, такъ удовлетворительно и такъ глубоко мысленно разсуждали архимандритъ Аполовъ и г. Остолоповъ! Странная вещь, неопытная вещь!»

Такъ же отрицательно отнесся къ «Анджело» Бѣлинскій и 12 лѣтъ спустя, въ статьѣ о Пушкинѣ 1846 года: «Анджело» принять публикою очень сухо—и подѣломъ. Въ поэмѣ видно какое-то усиленіе на простоту, отчего простота ея слога вышла какъ-то искусственна. Можно найти въ

¹⁾ Критич. статьи и замѣтки о Пушкинѣ, Харьк. 1900, стр. 374—375.

²⁾ Тамъ-же, 144.

«Анджело» счастливыя выраженія, удачныя стихи, если хотите—много искусства, но искусства чисто-техническаго, безъ вдохновенія, безъ жизни. Короче: эта поэма недостойна таланта Пушкина. Больше о ней печего сказать» ¹⁾.

Одобрительный отзывъ о повѣсти Пушкина, на протяжении слишкомъ двухъ десятилѣтій, нашелся только одинъ,—и то въ формѣ эпиграммы на манеръ XVIII столѣтія, въ мало кѣмъ читавшемся журналѣ «Маякъ Просвѣщенія» ²⁾.

Пускай Андже́ло крутъ, жестокосердѣе
лихъ,

И вытѣнутъ разска́зъ въ Александрійскій стихъ;

Пускай за то пѣвѣдъ слыветъ за старовѣра:

Титулъ еретика и злого изувѣра

Къ нему совсѣмъ нейдетъ. Я тоже старовѣръ

По мнѣ, такъ мастерски расписанъ изувѣръ.

Только Ап. Григорьевъ, въ половинѣ 50-хъ гг., попытался возстановить художественную репутацію пушкинской повѣсти.

¹⁾ Соч. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, I, 364; изд. Солдатенкова 5-е, VIII, 668.

²⁾ 1843 г. X, Критика, стр. 31, въ статьѣ А. Мартынова: «Обзоръ стихотвореній А. Пушкина, помѣщенныхъ въ полномъ собраніи сочиненій его».

Критикъ съ восторгомъ отзывался о «суровой жестокости манеры», съ какою написанъ «Анджело», обнаружившій «тяготѣніе къ Шекспиру» великаго русскаго поэта. Но подробнаго разбора повѣсти онъ, все-таки, не далъ ³⁾.

Въ 1800 г. Н. И. Стороженко, въ своей рѣчи по поводу открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, характеризуя отношенія нашего поэта къ Шекспиру, высказалъ, что «Анджело» несомнѣнно обладаетъ многими существенными достоинствами: «помимо художественной простоты разсказа и прекраснаго стиха, Пушкинъ былъ сильно заинтересованъ психологической проблемой, заключающейся въ характерѣ Андже́ло... Разсматриваемый, какъ психологическій этюдъ, «Анджело» окажется весьма замѣчательнымъ произведеніемъ, а мастерской переводъ нѣсколькихъ сценъ показываетъ, что мы лишились въ Пушкинѣ великаго переводчика Шекспира» ⁴⁾.

Подробный и интересный этюдъ объ «Анджело» данъ Н. И. Черняевымъ въ книгѣ: «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», Харьк. 1900, стр. 144—232 и 365—375.

П. Морозовъ.

³⁾ Соч. Ап. Григорьева, I, 109, 237.

⁴⁾ Вѣнокъ на памятникъ Пушкину, Спб. 1880, стр. 223—226.

Книжный орнаментъ ренессанса.

Книжный орнаментъ ранняго ренессанса.

730. А Н Д Ж Е Л О.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одномъ изъ городовъ Италіи счастливой
 Когда-то властвовалъ предобрый, старый Дукъ,
 Народа своего отецъ чадолубивой,
 Другъ мира, истины, художествъ и наукъ.
 Но власть верховная не терпѣть слабыхъ рукъ,
 А добротѣ своей онъ слишкомъ предавался.
 Народъ любилъ его, и вовсе не боялся.
 Въ Судѣ его дремалъ карающій Законъ
 Какъ дряхлый звѣрь уже къ ловитвѣ неспособный.
 Дукъ это чувствовалъ въ душѣ своей незлобной,
 И часто сѣтовалъ. Самъ ясно видѣлъ онъ,
 Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были внуки,
 Что грудь кормилицы ребенокъ ужъ кусалъ,
 Что правосудіе сидѣло сложа руки
 И по носу его лѣнивый не щелкалъ.

II.

Нерѣдко добрый Дукъ, раскаяньемъ смущенный,
 Хотѣлъ возстановить порядокъ упущенный;
 Но какъ? Зло явное, терпимое давно,
 Молчаніемъ Суда уже дозволено,
 И вдругъ его казнить совсѣмъ несправедливо
 И странно было бы, тому-же особливо,
 Кто первый самъ его потворствомъ ободралъ.
 Что дѣлать? долго Дукъ терпѣлъ и размышлялъ,
 Размысливъ наконецъ, рѣшился онъ на время
 Предать инымъ рукамъ верховной власти бремя.

Чтобъ новый властелинъ расправой новой могъ
Порядокъ вдругъ завести и былъ бы кругъ и строгъ.

III.

Быль пѣкто Анджело, мужъ опытный, не новый
Въ искусствѣ властвовать, обычаемъ суровый,
Блѣднѣющій въ трудахъ, ученьи и постѣ,
За правы строгіе прославленный вездѣ,
Стѣснившій весь себя оградой законной,
Съ нахмуреннымъ лицомъ и съ волей непреклонной,
Его-то старый Дукъ намѣстникомъ нарекъ,
И въ ужасъ ополчилъ и милостью облекъ,
Неограниченны права ему вручая.
А самъ докучнаго вниманья избѣгая,
Съ народомъ не простясь, incognito одинъ
Пустился странствовать какъ древній Паладинъ.

IV.

Лишь только Анджело вступилъ во управленіе,
И все тотчасъ другимъ порядкомъ потекло,
Пружины ржавыя опять пришли въ движеніе,
Законы поднялись, хватая въ когти зло,
На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ отъ боязни,
По пятницамъ пошли разыгрываться казни,
И ухо сталъ себѣ почесывать народъ
И говорить хе! хе! да этотъ ужъ не тотъ.

V.

Между Законами забытыми въ ту пору
Жестокій былъ одинъ: Законъ сей изрекалъ
Прелюбодѣю смерть. Такова приговору
Въ томъ городѣ никто не помнилъ, не слыхалъ.
Угрюмый Анджело въ громадѣ уложенъ
Отрылъ его, и въ страхъ повѣсамъ городскимъ
Опять его на свѣтъ пустилъ для исполненъ,
Сурово говоря помощникамъ своимъ:
«Пора намъ зло пугнуть. Въ балованномъ народѣ
Преобратились привычки ужъ въ права,
И шмыгаютъ кругомъ Закона на свободѣ,
Какъ мыши около зѣвающего льва.
Законъ не долженъ быть пужало изъ тряпицы,
На коемъ наконецъ уже садятся птицы.»

VI.

Такъ Анджело на всѣхъ навелъ невольно дрожь.
Роптали вообще, смѣялась молодежь,
И въ шуткахъ строгаго вельможи не щадила,
Межъ тѣмъ какъ вѣтрено надъ безпной скользила
И первый подъ топоръ безпчной головой
Попался Клавдіо, патрицій молодой,
Въ надеждѣ всю бѣду современемъ исправить,
И не любовницу, супругу въ свѣтъ представить,
Джюльету пѣжнюю успѣлъ онъ обольстить,
И къ таинствамъ любви безбрачной преклонить.
Но ихъ послѣдствія къ несчастью явны стали;
Младыхъ любовниковъ свидѣтели засталъ,
Ославили въ судѣ взаимный ихъ позоръ,
И юношѣ прочли законный приговоръ.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Giorgione.

VII.

Несчастный, выслушавъ жестокое рѣшеніе,
 Съ поникшей головой обратно шелъ въ тюрьму,
 Невольно каждому внушая сожалѣнье
 И горько сѣтуя. На встрѣчу вдругъ ему
 Попался Луціо, гуляка беззаботной,
 Повѣса, вздорный враль, но малый доброхотной.
 Другъ, молвилъ Клавдіо, молю! не откажи:
 Сходи ты въ монастырь къ сестрѣ моей. Скажи,
 Что долженъ я на смерть идти; чтобъ поспѣшила
 Она спасти меня, друзей бы упросила,
 Иль даже бы пошла къ намѣстнику сама.
 Въ ней много, Луціо, искусства и ума,
 Богъ далъ ей рѣчамъ увѣрчивость и сладость
 Къ тому жъ, и безъ рѣчей рыдающая младость
 Мягчитъ сердца людей.—Изволь! поговорю,
 Гуляка отвѣчалъ, и самъ къ монастырю
 Тотчасъ отправился.

VIII.

Младая Изабела

Въ то время съ важною монахиней сидѣла.
 Постричься черезъ день она должна была
 И разговоръ о томъ со старицей вела.
 Вдругъ Луціо звонить и входитъ. У рѣшетки
 Его привѣтствуетъ, перебирая четки,
 Полузатворница: «Кого угодно вамъ?»
 — Дѣвица (и суди по розовымъ щекамъ
 Увѣрять я что вы дѣвица въ самомъ дѣлѣ)
 Непызали доложить прекрасной Изабелѣ,
 Что къ ней меня прислалъ ея несчастный братъ?
 — Несчастный?... почему? что съ нимъ? скажите смѣло:
 Я Клавдіо сестра. — Нѣтъ, право? очень радъ.
 Онъ кланяется вамъ сердечно. Вотъ въ чемъ дѣло:
 Вашъ братъ въ тюрьмѣ — За что? За то, за чтобы я
 Благодарилъ его, красавица моя,
 И не было бъ ему иного наказанья.
 (Тутъ онъ въ подробныя пустился описанья,
 Немного жесткія своею наготой.
 Для дѣвственныхъ ушей отшельницы молодой,
 Но со вниманіемъ все выслушала дѣва
 Безъ приторныхъ причудъ стыдливости и глѣва.
 Она чиста была душою какъ Зенръ.
 Ее смутить не могъ невѣдомый ей міръ
 Своею суетой и праздными рѣчами).
 Теперь, промолвилъ онъ, осталось лишь мольбами
 Вамъ тронуть Анджело, и вотъ о чемъ просилъ
 Васъ братецъ. Боже мой, дѣвица отвѣчала,
 Когда бъ отъ словъ моихъ я пользы ожидала!..
 Но сомнѣваюся; во мнѣ не станеть силъ...
 Сомнѣнья намъ враги, тотъ съ жаромъ возразилъ,
 Насъ неудачею предатели страшатъ,
 И благо вѣрное достать не допущаютъ.
 Ступайте къ Анджело, и знайте отъ меня,
 Что если дѣвица, колѣна преклоня
 Передъ мужчиною и просить и рыдаетъ,
 Какъ Богъ онъ все даетъ, чего ни пожелаетъ.

IX.

Дѣвица, отпросясь у матери честной
 Съ усерднымъ Луціо къ Вельможѣ поспѣшила,
 И на колѣна ставъ, смиренною мольбой
 За брата своего Намѣстника молила.
 Дѣвица, отвѣчалъ суровый человѣкъ,
 Спасти его нельзя; твой братъ свой отжилъ вѣкъ;
 Онъ долженъ умереть. Заплакавъ, Изабела
 Склонилась передъ нимъ и прочь идти хотѣла,
 Но добрый Луціо дѣвицу удержалъ;
 «Не отступайтесь такъ, онъ тихо ей сказалъ,
 Просите вновь его; бросайтесь на колѣни,
 Хватайтесь за плащъ, рыдайте; слезы, пѣни,
 Всѣ средства женскаго искусства вы должны
 Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны.
 Какъ будто рѣчь идетъ межъ вами про иголку.
 Конечно, если такъ, не будетъ вѣрно толку.
 Не отставайте-же! еще!

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Marco Basaito.

X.

Она опять

Усердною мольбой стыдливо умолять
Жестокосердаго блюстителя Закона.
Повѣрь мнѣ, говоритъ, ни Царская корона,
Ни мечъ Намѣстника, ни бархатъ Судин,
Ни полководца жезлъ—всѣ почести сіи—
Земныхъ властителей ничто не украшаетъ
Какъ Милосердіе. Оно ихъ возвышаетъ.
Когда бъ во власть твою мой братъ былъ облеченъ,
А ты былъ Клавдіо; ты могъ бы пасть какъ онъ,
Но братъ бы не былъ строгъ какъ ты.

XI.

Ея укоромъ

Смущенъ былъ Анджело. Сверкая мрачнымъ взоромъ,
Оставъ меня, прошу, сказалъ онъ тихо ей;
Но дѣва скромная и жарче и смѣлѣй
Была часть отъ часу. Подумай, говорила,
Подумай, если тотъ, чья праведная сила
Прощаетъ и дѣлитъ, судилъ бы грѣшныхъ пасть

Безъ милосердія; скажи: что было-бъ съ нами?
Подумай—и любви услышишь въ сердцѣ гласъ
И милость нѣжная твоими дхнеть устами,
И новый человѣкъ ты будешь.

XII.

Опъ въ отвѣтъ:
Поди; твои мольбы пустая словъ утрата.
Не я, законъ казнить. Спасти нельзя мнѣ брата
И завтра онъ умретъ.

ИЗABELLA.

Какъ завтра! что? нѣтъ, нѣтъ.
Опъ не готовъ еще... казнить его не можно...
Ужели Господу пошлемъ неосторожно
Мы жертву наскоро?... Мы даже и дышать
Не бьемъ до-времени... Такъ скоро не казнять...
Спаси, спаси его!... Подумай, въ самомъ дѣлѣ:
Ты знаешь, Государь, несчастный осужденъ
За преступленіе, которое доселѣ
Прощалось каждому; постраждетъ первый онъ.

АНДЖЕЛО.

Законъ не умиралъ, но былъ лишь въ усыпленіи,
Теперь проснулся онъ.

ИЗABELLA.

Будь милостивъ!

АНДЖЕЛО.

Нельзя.

Потворствовать грѣху есть то же преступленіе,
Карая одного, спасаю многихъ я.

ИЗABELLA.

Ты ль первый изречешь сей приговоръ ужасной?
И первой жертвою мой будетъ братъ несчастной.
Нѣтъ, нѣтъ! будь милостивъ. Ужель душа твоя
Совсѣмъ безвинная? Спросись у ней: ужели
И мысли грѣшныя въ ней отроду не тѣли?

XIII.

Невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой
И прочь идти хотѣлъ. Она: постой, постой!
Послушай, воротись. Великими дарами
Я задарю тебя... прими мои дары,
Они не суетны, но честны и добры,
И будешь ими ты дѣлиться съ небесами:
Я одарю тебя молитвами души
Предъ утренней зарей въ полунощной тиши,
Молитвами любви, смиренія и мира,
Молитвами святыхъ угодныхъ небу дѣвъ
Въ уединеніи умершихъ ужъ для міра,
Живыхъ для Господа.

Смущенъ и примирѣвъ,
Опъ ей свиданіе на завтра назначаетъ
И въ отдаленные покои поспѣшаетъ.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ
ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Dossò Dossi.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

День цѣлый Андже́ло безмолвный и угрюмой,
Сидѣлъ, уединясь, объять одною думой,
Однимъ желаніемъ; всю ночь не тронулъ сонъ
Усталыхъ вѣждъ его. «Что жъ это, мыслить онъ,
Ужель ее люблю, когда хочу такъ сильно
Услышать вновь ее, и взоръ мой усладить
Дѣвичьей прелестью? По ней грустить умильно
Душа... или когда святова уловить
Захочетъ бѣсъ, тогда приманкою святою
И манитъ онъ на крюкъ? Нескромной красотою
Я не былъ отроду къ соблазнамъ увлеченъ,

И чистой дѣвою теперь я побѣжденъ.
Влюбленный человѣкъ доселѣ мнѣ казался
Смѣшнымъ, и я его безумству удивлялся.
А нынѣ!...»

II.

Размышлять, молиться, хочетъ онъ,
Но мыслить, молится разсѣянно. Словами
Онъ небу говоритъ, а волей и мечтами
Стремится къ ней одной. Въ унынье погруженъ,
Устами праздными вращалъ онъ имя Бога,
А въ сердцѣ грѣхъ кипѣлъ. Душевная тревога
Его осилила. Правленіе для него,
Какъ дѣльная, давно затверженная книга,
Несноснымъ сдѣлалось. Скучалъ онъ; какъ отъ яга
Отречься былъ готовъ отъ сана своего;
А важность мудрую, которой столь гордился,
Которой весь народъ безмысленно дивился,
Цѣнилъ онъ ни во что и сравнивалъ съ перомъ
Носимымъ въ воздухѣ летучимъ вѣтеркомъ...

.....
Путру къ Анджело явилась Изабела
И страшный разговоръ съ Намѣстникомъ имѣла.

III.

АНДЖЕЛО.

Что скажешь?

ИЗАБЕЛА.

Волю я твою пришла узнать.

АНДЖЕЛО.

Ахъ, если бы ее могла ты угадать!..
Твой братъ не долженъ жить... а могъ бы.

ИЗАБЕЛА.

Почему-же

Простить нельзя его?

АНДЖЕЛО.

Простить? что въ мірѣ хуже
Столь гнуснаго грѣха? Убіиство легче.

ИЗАБЕЛА.

Да,

Такъ судятъ въ небесахъ, но на землѣ когда?

АНДЖЕЛО.

Ты думаешь? такъ вотъ тебѣ предположеніе:
Что если бѣ отдали тебѣ на разрѣшеніе
Оставить брата влечь ко плахѣ на убой,
Иль искупить его, пожертвовавъ собой
И плоть предавъ грѣху?

ИЗАБЕЛА.

Скорѣ чѣмъ душою

Я плотью жертвовать готова.

АНДЖЕЛО.

Я съ тобою

Теперь не о душѣ толкую... дѣло въ томъ:
Братъ осужденъ на казнь; его спасти грѣхомъ
Не милосердіе-ль?

ИЗABELA.

Предъ Богомъ я готова
 Душою отвѣчать: грѣха въ томъ никакова,
 Повѣрь, и пѣть. Спаси ты брата моего!
 Тутъ милость, а не грѣхъ.

АНДЖЕЛО.

Спасешь-ли ты его
 Колю милость на вѣсахъ равно съ грѣхомъ потянетъ?

ИЗABELA.

О пусть моимъ грѣхомъ спасенье брата станеть!
 (Колю только это грѣхъ). О томъ готова я
 Молиться день и ночь.

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, выслушай меня,
 Или ты словъ моихъ совѣмъ не понимаешь,
 Или понять меня нарочно избѣгаешь,
 Я проще изъяснюсь: твой братъ приговоренъ.

ИЗABELA.

Такъ.

АНДЖЕЛО.

Смерть изрекъ ему рѣшительно Законъ.

ИЗABELA.

Такъ точно.

АНДЖЕЛО.

Средство есть одно къ его спасенью.
 (Все это клонится къ тому предположенью,
 И только есть вопросъ и больше ничего.)
 Положимъ: тотъ, кто бѣ могъ одинъ спасти его
 (Наперсникъ Судии, или самъ по сану властный
 Законы толковать, смягчить ихъ смыслъ ужасный),
 Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ воспаленъ,
 И требовалъ, чтобъ ты казнь брата искупила
 Своимъ паденьемъ; не то—рѣшить Законъ.
 Что скажешь? какъ бы ты въ умѣ своемъ рѣшила?

ИЗABELA.

Для брата, для себя рѣшилась бы скорѣй,
 Повѣрь, какъ яхонты носить рубцы бичей
 И лечь въ кровавый гробъ спокойно какъ на ложе,
 Чѣмъ осквернить себя.

АНДЖЕЛО.

Твой братъ умереть.

ИЗABELA.

Такъ что-же?

Онъ лучшій путь себѣ конечно избереть.
 Безчестіемъ сестры души онъ не спасеть.
 Братъ лучше разъ умри, чѣмъ гибнуть мнѣ навѣчно.

АНДЖЕЛО.

За что-жъ казалось тебѣ безчеловѣчно
 Рѣшеніе суда? Ты обвиняла насъ
 Въ жестокосердіи. Давно ль еще? Сей часъ
 Ты праведный Законъ тираномъ называла,
 А братній грѣхъ едва ль не шуткой почитала.

ИЗABELA.

Прости, прости меня. Невольно я душой
Тогда лукавила. Увы! себѣ самой
Противурѣчила я милое спасая,
И ненавистное притворно извиняя
Мы слабы.

АНДЖЕЛО.

Я твоимъ признаньемъ ободренъ.
Такъ женщина слаба, я въ этомъ убѣжденъ
И говорю тебѣ: будь женщина, не болѣ—
Иль будешь ничего. Такъ покорися волѣ
Судьбы своей.

ИЗABELA.

Тебя я не могу понять.

АНДЖЕЛО.

Поймешь: люблю тебя.

ИЗABELA.

Увы! что мнѣ сказать?
Джюльету братъ любилъ, и онъ умеръ, несчастный.

АНДЖЕЛО.

Люби меня, и живъ онъ будетъ.

ИЗABELA.

Знаю: властный
Испытывать другихъ, ты хочешь...

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, клянусь,
Отъ слова моего теперь не отопрусь;
Клянуся честію.

ИЗABELA.

О много, много чести!
И дѣло честное!... Обманщикъ! Дѣмонъ лести
Сей часъ мнѣ Клавдію свободу подпиши,
Или поступокъ твой и черноту души
Я всюду разглашу—и полно лицемѣрить
Тебѣ передъ людьми.

АНДЖЕЛО.

И кто же станетъ вѣрить?
По строгости моей извѣстенъ свѣту я;
Молва всеобщая, мой санъ, вся жизнь моя
И самый приговоръ падъ братней головою
Представить твой доносъ безумной клеветой.
Теперь я волю далъ стремленію страстей.
Подумай и смирись предъ волею моей;
Брось эти глупости: и слезы, и моленья,
И краску робкую. Отъ смерти, отъ мученья
Тѣмъ брата не спасешь. Покорностью одной
Искупишь ты его отъ плахи роковой.
До завтра отъ тебя я стану ждать отвѣта.
И знай, что твоего я не боюсь извѣта.
Что хочешь говори, не пошатнуся я.
Всю истину твою низвергнетъ ложь моя.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИШЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ
ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Боттичелли.

IV.

Сказалъ, и вышелъ вонъ, невинную дѣвицу
Оставя въ ужасѣ. Поднявши къ небесамъ
Молящій, ясный взоръ и чистую десницу,
Отъ мерзостныхъ палатъ спѣшитъ она въ темницу.
Дверь отворилась ей; и братъ ея глазамъ
Представился.

V.

Въ цѣпяхъ, въ уныніи глубокомъ,
О свѣтскихъ радостяхъ стараясь не жалѣть,
Еще надѣясь жить, готовясь умереть,
Безмолвенъ онъ сидѣлъ и съ нимъ въ плащѣ
широкомъ
Подъ чернымъ куколемъ, съ Распятіемъ въ рукахъ,
Согбенный старостью бесѣдовалъ монахъ.

Старикъ доказывалъ страдальцу молодому,
 Что смерть и бытіе равны одна другому,
 Что здѣсь и тамъ одна безсмертная душа
 И что подлунный міръ не стоитъ ни гроша.—
 Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,
 А въ сердцѣ милою Джюльстой занимался.
 Отшельница вошла: миръ вамъ!—очнулся онъ
 И смотритъ на сестру, мгновенно оживлёнъ.
 Отецъ мой, говоритъ монаху Изабела,
 Я съ братомъ говоритъ одна бы здѣсь хотѣла.
 Монахъ оставилъ ихъ.

VI.

КЛАВДІО.

Что жъ, милая сестра,

Что скажешь?

ИЗАБЕЛА.

Милый братъ, пришла тебѣ пора.

КЛАВДІО.

Такъ нѣтъ спасенья?

ИЗАБЕЛА.

Нѣтъ иль развѣ заплатиться

Душой за голову?

КЛАВДІО.

Такъ средство есть одно?

ИЗАБЕЛА.

Такъ, есть. Ты могъ бы жить. Судья готовъ смягчиться.
 Въ немъ милосердіе бѣсовское: оно
 Тебѣ даруетъ жизнь за узы муки вѣчной.

КЛАВДІО.

Что? вѣчная тюрьма?

ИЗАБЕЛА.

Тюрьма—хоть безъ оградъ,

Безъ цѣпи.

КЛАВДІО.

Изъяснись, что жъ это?

ИЗАБЕЛА.

Другъ сердечной,
 Братъ милый! Я боюсь... Послушай, милый братъ,
 Семь, восемь лишнихъ лѣтъ ужель тебѣ дороже
 Всегдашней чести? Братъ, боишься-ль умереть?
 Что чувство смерти? мигъ. И много ли терпѣть?
 Раздавленный червякъ при смерти терпитъ тоже,
 Что терпитъ великанъ.

КЛАВДІО.

Сестра! или я трусь?

Или идти на смерть во мнѣ не станетъ силы?
 Повѣрь, безъ трепета отъ міра отрѣшусь,
 Колю долженъ умереть; и встрѣчу ночь могилы
 Какъ дѣву милую.

ИЗАБЕЛА.

Вотъ братъ мой! узнаю;
 Изъ гроба слышу я отцевскій голосъ. Точно:
 Ты долженъ умереть; умри же безпорочно.
 Послушай, ничего тебѣ не утаю:

Тотъ грозный Судія, святоша тотъ жестокой,
 Чьи взоры строгіе во всѣхъ родятъ болзнь,
 Чья избранная рѣчь шлетъ отроковъ на казнь,
 Самъ Демонъ; сердце въ немъ черно какъ адъ глубокой
 И полно мерзостью.

КЛАВДІО.

Намѣстникъ?

ИЗАБЕЛА.

Адъ облекъ

Его въ свою броню. Лукавый человѣкъ!...
 Знай: если бъ я его безстыдное желанье
 Рѣшила съ утолить, тогда бы могъ ты жить.

КЛАВДІО.

О нѣтъ, не надобно.

ИЗАБЕЛА.

На гнустное свиданье,

Сказалъ онъ, нынче въ ночь должна я поспѣшить,
 Иль завтра ты умрешь.

КЛАВДІО.

Нейди, сестра.

ИЗАБЕЛА.

Братъ милой!

Богъ видитъ: ежели одной моею могилой
 Могла бы я тебя отъ казни искупить,
 Не стала бъ болѣе иголки дорожить
 Я жизнию моею.

КЛАВДІО.

Благодарю, другъ милой!

ИЗАБЕЛА.

Такъ завтра, Клавдіо, ты къ смерти будь готовъ.

КЛАВДІО.

Да, такъ... и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой,
 Иль въ этомъ нѣтъ грѣха, иль изъ семи грѣховъ
 Грѣхъ это меньшій... Какъ?... Такого прегрѣшенья
 Тамъ вѣрно не казнятъ. Для одного мгновенья
 Ужель себя сгубить рѣшился-бъ онъ навѣкъ?
 Нѣтъ, я не думаю. Онъ умный человѣкъ.
 Ахъ, Изабела!

ИЗАБЕЛА.

Что? что скажешь?

КЛАВДІО.

Смерть ужасна!

ИЗАБЕЛА.

И стыдъ ужасенъ!

КЛАВДІО.

Такъ—однако жъ... умереть,
 Идти невѣдомо куда, во гробъ тлѣть
 Въ холодной тѣснотѣ... Увы! земля прекрасна
 И жизнь мила. А тутъ: войти въ нѣмую мглу,
 Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу,
 Или во льду застыть, иль съ вѣтромъ быстротечнымъ
 Носиться въ пустотѣ, пространствомъ безконечнымъ...
 И все, что грезится отчаянной мечтѣ...
 Нѣтъ, нѣтъ! земная жизнь въ болѣзни, въ нищетѣ,
 Въ печаляхъ, въ старости, въ неволѣ,—будетъ раемъ
 Въ сравненьи съ тѣмъ, чего за гробомъ ожидаемъ!

ИЗABELA.

О Боже!

КЛАВДІО.

Другъ ты мой! Сестра! позволь мнѣ жить.
Ужъ если будетъ грѣхъ спасти отъ смерти брата,
Природа извинитъ.

ИЗABELA.

Что смѣешь говорить?

Трусъ! тварь бездушная! отъ сестрина разврата
Себѣ ты жизни ждешь!... кровосмѣситель! нѣтъ,
Я думать не могу, нельзя чтобъ жизнь и свѣтъ
Моимъ отцемъ тебѣ даны. Прости мнѣ, Боже!
Нѣтъ, осквернила мать отеческое ложе,
Коль понесла тебя. Умри. Когда бы я
Спаси тебя могла лишь волею моею,
То все таки бѣ теперь свершилась казнь твоя.
Я тысячу молитвъ за смерть твою имѣю,
За жизнь—ужъ ни одной.

КЛАВДІО.

Сестра, стой, стой, стой

Сестра, прости меня!

VII.

И узникъ молодой
Удерживалъ ее за платье. Изабела
Отъ гнѣва своего насилиу охладѣла,
И брата бѣднаго простила, и опять
Лаская, начала страданья утѣшать.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Филиппино Липпи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Монахъ стоялъ межъ тѣмъ за дверью отпертою
И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
Пора мнѣ вамъ сказать, что старый сей монахъ
Не что иное былъ, какъ Дукъ переодѣтый.
Пока народъ считалъ его въ чужихъ краяхъ
И сравнивалъ, шутя, съ бродящею кометою,
Скрывался онъ въ толпѣ, все-видѣлъ, наблюдалъ
И соглядатаемъ незримымъ посѣщалъ
Палаты, площади, монастыри, больницы,
Развратные дома, театры и темницы.
Воображеніе живое Дукъ имѣлъ;
Романы онъ любилъ, и можетъ быть хотѣлъ
Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.
Младой отшельницы подслушалъ весь рассказъ,
Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ же часъ

Не только наказать жестокость и обиду,
 Но сладить кое-что... Онъ тихо въ дверь вошелъ;
 Дѣвицу отозвалъ и въ уголокъ отвелъ.
 Я слышалъ все, сказалъ, ты похвалы достойна
 Свой долгъ исполнила ты свято; но теперь
 Предайся-жъ ты моимъ совѣтамъ. Будь покойна
 Все къ лучшему придетъ; послушна будь и вѣрь
 Тутъ онъ ей объяснилъ свое предположенъе
 И далъ прощальное свое благословенъе.

II.

Друзья! повѣрите ль, чтобъ мрачное чело
 Угрюмой, злой души печальное зеркало,
 Желанья женскія навѣки привязало
 И пѣжной красотѣ поправиться могло?
 Не чудно ли? Но такъ. Сей Анджело надменный,
 Сей злобный человекъ, сей грѣшникъ—былъ любимъ
 Душою пѣжною, печальною и смиренною,
 Душой отверженной мучителемъ своимъ.
 Онъ былъ давно женатъ. Летунья легкокрыла,
 Младой его жены молва не пощадила,
 Безъ доказательства насмѣшливо коря;
 И онъ ее прогналъ, надменно говоря:
 «Пускай себѣ молвы неправо обвиненъе,
 Нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнъе
 Къ супругѣ Кесаря.» Съ тѣхъ поръ она жила
 Одна въ предмѣстїи, печально изпывая.
 Объ ней-то вспомнилъ Дукъ, и дѣва молодая
 По наставленію монаха къ ней пошла.

III.

Марьяна подъ окномъ за пряжею сидѣла
 И тихо плакала. Какъ Ангелъ, Изабела
 Предъ ней нечаянно явилась у дверей.
 Отшельница была давно знакома съ ней,
 И часто утѣшать несчастную ходила.
 Монаха мысль она ей тотчасъ объяснила.
 Марьяна, только лишь настанетъ ночи мгла,
 Къ палатамъ Анджело идти должна была,
 Въ саду съ нимъ встрѣтиться подъ каменной оградой
 И наградить его условленной наградой.
 Чуть внятнымъ шопотомъ, прощаяся, шепнуть
 Лишь только то: *теперь о братѣ не забудь.*
 Марьяна блѣдая сквозь слезы улыбалась
 Готовилась дрожа—и дѣва съ ней разсталась.

IV.

Всю ночь, въ темницѣ Дукъ послѣдствій ожидалъ
 И сидя съ Клавдіо, страдальца утѣшалъ.
 Предъ свѣтомъ снова къ нимъ явилась Изабела,
 Все шло какъ надобно: сей часъ у ней сидѣла
 Марьяна блѣдая, съ успѣхомъ возвратясь,
 И мужа обманувъ. Дешица запылась—
 Вдругъ запечатанный приказъ приносить вѣстникъ
 Начальнику тюрьмы. Читаютъ: что жъ? Намѣстникъ

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Sebastiano del Piombo.

Немедля узника приказывалъ казнить
И голову его въ палаты предъявить.

V.

Замыслилъ новую затѣю Дукъ—представить
Начальнику тюрьмы свой перстень и печать,
И казнь остановить, а къ Анджело отправить
Другую голову, велѣвъ обрить и спять
Ее съ широкихъ плечъ разбойника морскаго,
Горячкой въ ту же ночь умершаго въ тюрьмѣ,
А самъ отправился, дабы вельможу злова
Столь гнусныя дѣла творящаго во тѣмѣ
Предъ свѣтомъ обличить.

VI.

Едва молва невнятно

О казни Клавдіо успѣла пробѣжать,
Пришла другая вѣсть. Узнали, что обратно
Ко граду ѣдетъ Дукъ. Народъ его встрѣчать
Толпами кинулся. И Анджело смущенный,

Грызмый совѣстью, предчувствіемъ стѣсненный,
Туда же посѣвшиль. Улыбкой добрый Дукъ
Привѣтствуетъ народъ, тѣснящійся вокругъ
И дружно къ Анджело протягиваетъ руку.
И вдругъ раздался крикъ и—прямо въ ноги Дуку
Дѣвица падаетъ. Помилуй, Государь!
Ты щить невинности, ты милости алтарь,
Помилуй!...—Анджело блѣднѣетъ и трепещетъ
И взоры дикіе на Изабелу метаетъ...
Но побѣдилъ себя. Оправиться успѣвъ,
Она помѣшана, сказалъ онъ, видѣвъ брата
Приговореннаго на смерть. Сія утрата
Въ ней разумъ потрясла...

Но обнаружа гнѣвъ
И долго скрытое въ душѣ негодоваѣе,
«Все знаю, молвилъ Дукъ, все знаю! наконецъ
Злодѣйство на землѣ получить воздаянъе.
Дѣвица, Анджело! за мною, во дворецъ!»

VII.

У трона во дворцѣ стояла Маріана
И бѣдный Клавдіо. Злодѣй, увидя ихъ
Затрепеталъ, челомъ поникнулъ и утихъ;
Все объяснилось, и правда изъ тумана
Возникла; Дукъ тогда: что Анджело скажи,
Чего достоинъ ты? Безъ слезъ и безъ боязни
Съ угрюмой твердостью тотъ отвѣчаетъ: казнь!
И объ одномъ молю: скорѣе прикажи
Вести меня на смерть.

Иди, сказалъ властитель,
Да гибнетъ суділ-торгашъ и обольститель;
Но бѣдная жена къ ногамъ его упавъ,
Помилуй, молвила, ты, мужа мнѣ отдавъ,
Не отымай опять; не смѣйся надо мною.
Не я, но Анджело смѣялся надъ тобою,
Ей Дукъ отвѣтствуетъ, по о твоей судьбѣ
Самъ буду я пешишь. Останутся тебѣ
Его сокровища, и будешь ты награда
Супругу лучшему.—Мнѣ лучшаго не надо.
Помилуй, Государь! не будь неумолимъ,
Твоя рука меня соединила съ нимъ!
Ужели для того такъ долго я вдовѣла?
Онъ человѣчеству свою принесъ лишь дань.
Сестра! спаси меня! другъ милый Изабела!
Проси ты за него, хоть на колѣни стань,
Хоть руки подыми ты молча.

Изабела

Душой о грѣшникѣ, какъ ангелъ, пожалѣла
И предъ Властителемъ колѣна преклоня,
Помилуй, Государь! сказала. За меня
Не осуждай его. Онъ (сколько мнѣ извѣстно,
И какъ я думаю) жилъ праведно и честно,
Покажѣть на меня очей не устремилъ.
Прости же ты его!

И Дукъ его простилъ.

ПОЛЬСКИЙ ВОЕВОДА.

Картина Матейки.

731. В О Е В О Д А.

Поздно ночью из похода
Воротился Воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;
Дернулъ пологъ... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнѣ черной ночи,
Онъ потушилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усть...
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ;
«Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кузь!

«А зачѣмъ ибѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я васъ, хамы!... Дай ружье;
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя виштовку.
Ну, за мною!... я жъ ее!»

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ—и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ, у фонтана,
Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна
И мужчина передъ ней.

Говоритъ онъ: «Все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Ибжной ручки пожиманье,
Воевода все купилъ.

Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.

Не искалъ онъ, не страдалъ онъ;
Серебромъ лишь побрядалъ онъ,
И ему ты отдалась.

Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку ибжную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать.»

Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣни ей дѣлуетъ,
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ,
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
«Панъ мой, дѣлать миѣ не можно,»
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
«Вѣтеръ, что ли, плачутъ очи,
Дрожь беретъ; въ рукахъ ибтъ моча,
Порохъ въ полку не попалъ.»

«Тыше ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай миѣ время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвице... выше.
Съ напомя справлюсь самъ. Потише;
Прежде я; ты погоди.»

Выстрѣлъ по саду раздался.
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся...
Хлопецъ, видно, промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

732. БУДРЫСЬ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три Литвина.
 Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
 Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
 Да точите мечи съ бердышами.
 Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
 Три замышлены въ Вильнѣ похода.
 Пазъ идетъ на Поляковъ, а Ольгердъ на Прусаковъ,
 А на Русскихъ Кестутъ Воевода.
 Люди вы молодые, силачи удалые
 (Да хранятъ васъ Литовскіе боги!),
 Нынѣче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду;
 Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.
 «Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
 Поживится отъ Русскихъ добычей.
 Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ
 нарядахъ;
 Дома полны; богатъ ихъ обычай.
 А другой отъ Прусаковъ, отъ проклятыхъ Крыжаковъ,
 Можетъ много достать дорогаго,
 Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта.—
 Янтаря—что песку тамъ морскаго.
 Третій съ Пазомъ на Ляха пусть ударить безъ страха:
 Въ Польшѣ мало богатства и блеску,
 Сабель взять тамъ не худо; но ужъ вѣрно оттуда
 Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.
 Нѣтъ на свѣтѣ Царицы краше Польской дѣвицы:
 Весела—что котенокъ у печки—
 И какъ роза румяна, а бѣла, что сметана;
 Очи свѣтятся, будто двѣ свѣчки!
 Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съѣздила я тоже
 И оттуда привезъ себѣ жонку;
 Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
 Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку.
 Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились,
 Ждетъ, пождетъ ихъ старикъ домовитый,
 Дни за днями проводить, ни одинъ не приходитъ.
 Будрысь думалъ: ужъ видно убиты!
 Слѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
 И подъ буркою ноша большая.
 «Чѣмъ тебя надѣлили? что тамъ? Ге! не рубли ли?»
 — «Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая».
 Слѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится,
 Черной буркой ее покрывая.
 «Что подъ буркой такое? не сукно ли цвѣтное?»
 — «Нѣтъ, отецъ мой. Полячка младая».
 Слѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
 Черной буркой ее прикрываетъ.
 Старый Будрысь хлопочетъ, и спросить ужъ не хочетъ,
 А гостей на три свадьбы сзываетъ.

БУДРЫСЬ И ЕГО СЫНОВЬЯ.
Рисунок Н. Каразина.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

I.

ИДЕЯ ПОВѢСТИ.

I.

Первое, что поражаетъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ», это—несоотвѣтствіе между фактурой повѣсти и ея содержаніемъ.

Въ повѣсти разсказывается о бѣдномъ, ничтожномъ петербургскомъ чиновникѣ, какомъ-то Евгеніи, не умномъ, не оригинальномъ, ничѣмъ не отличающемся отъ своихъ собратій, который былъ влюбленъ въ какую-то Парашу, дочь вдовы, живущей у взморья. Наводненіе 1824 г. снесло ихъ домъ; вдова и Параша погибли. Евгеніи не перенесъ этого несчастія и сошелъ съ ума. Однажды ночью, проходя мимо памятника Петру I, Евгеній, въ своемъ безуміи, прошепталъ ему нѣсколько злобныхъ словъ, видя въ немъ виновника своихъ бѣдствій. Разстроенному воображенію Евгенія представилось, что мѣдный всадникъ разгнѣвался на него за это и погнался за нимъ на своемъ бронзовомъ конѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того безумецъ умеръ.

Но съ этой несложной исторіей любви и горя бѣднаго чиновника связаны подробности и цѣлыя эпизоды, казалось бы вовсе ей не соответствующіе. Прежде всего ей предпослано обширное «Вступленіе», которое воспоминаетъ основаніе Петромъ Великимъ Петербурга и даетъ, въ рядѣ картинъ, весь обликъ этого «творенія Петра». Затѣмъ, въ самой повѣсти, кумиръ Петра Великаго оказывается какъ бы вторымъ дѣйствующимъ лицомъ. Поэтъ очень неохотно и скупо говоритъ о Евгеніи и Парашѣ, но много и съ увлеченіемъ о Петрѣ и его подвигѣ. Преслѣдованіе Евгенія мѣднымъ всадникомъ изображено не столько какъ бредъ сумасшедшаго, сколько какъ реальный фактъ, и, такимъ образомъ, въ повѣсть введенъ элементъ сверхъестественнаго. Наконецъ, отдѣльныя сцены повѣсти разсказаны тономъ приподнятымъ и торжественнымъ, дающимъ понять, что рѣчь идетъ о чемъ-то исключительно важномъ.

Все это заставило критику, съ ея пер-

выхъ шаговъ, искать въ «Мѣдномъ Всадникѣ» второго, внутренняго смысла, видѣть въ образахъ Евгенія и Петра воплощенія, символы двухъ началъ. Было предложено много разнообразнѣйшихъ толкованій повѣсти, по всѣмъ ихъ, какъ намъ кажется, можно свести къ тремъ типамъ.

Одни, въ ихъ числѣ Бѣлинскій, видѣли смыслъ повѣсти въ сопоставленіи коллективной воли и воли единичной, личности и неизбежнаго хода исторіи. Для нихъ представителемъ коллективной воли былъ Петръ, воплощеніемъ личнаго, индивидуальнаго начала—Евгеній. «Въ этой поэмѣ,—писалъ Бѣлинскій,—видимъ мы горестную участь личности, страдающей какъ бы вслѣдствіе избранія мѣста для новой столицы, гдѣ подверглось гибели столько людей... И смиреннымъ сердцемъ признаемъ мы торжество общаго надъ частнымъ, не оказываясь отъ нашего сочувствія къ страданію этого частнаго... При взглядѣ на великана, гордо и непоколебимо возносящагося среди всеобщей гибели и разрушенія и какъ бы символически осуществляющаго собою несокрушимость его творенія, мы хотя и не безъ содроганія сердца, но сознаемъ, что этотъ бронзовый гигантъ не могъ уберечь участи индивидуальностей, обезпечивая участь народа и государства; что за него историческая необходимость, и что его взглядъ на насъ есть уже его оправданіе... Эта поэма—апофеозъ Петра Великаго, самая смѣлая, какая могла только прійти въ голову поэту, воплоти достойному быть пѣвцомъ великаго преобразователя». Съ этой точки зрѣнія, изъ двухъ столкнувшихся силъ, правъ представитель «исторической необходимости», Петръ.

Другіе, мысль которыхъ всѣхъ отчетливѣе выразилъ Д. Мережковский, видѣли въ двухъ герояхъ «Мѣднаго Всадника» представителей двухъ изначальныхъ силъ, борющихся въ европейской цивилизаціи: язычества и христіанства, отреченія отъ своего я въ Богѣ и обожествленія своего

и въ героизмѣ. Для нихъ Петрѣ былъ выразителемъ личнаго начала, героизма, а Евгений—выразителемъ начала безличнаго, коллективной волы. «Здѣсь (въ «Мѣдномъ Всадникѣ»),—пишетъ Мережковский,—вѣчная противоположность двухъ героевъ, двухъ началъ:—Тазита и Галуба, стараго Цыгана и Алеко, Татьяны и Онѣгина... Съ одной стороны, малое счастье малаго, невѣдомаго коломненскаго чиновника, набоминающаго смиренныхъ героевъ Достоевскаго и Гоголя, съ другой—сверхчеловѣческое видѣніе героя... Какое дѣло гиганту до гибели невѣдомыхъ? Не для того ли рождаются безчисленные, равные, лишніе, чтобы по костямъ ихъ великіе избранники или къ своимъ цѣлямъ?... Но что если въ слабости сердцѣ ничтожнѣйшаго изъ ничтожныхъ, «дрожащей твари», вышедшей изъ праха, въ простой любви его откроется бездна, не меньшая той, изъ которой родилась воля героя? Что если червь земли возмутится противъ своего бога?... Вызовъ брошенъ. Судъ малаго надъ великимъ произнесенъ: «Добро, строитель чудотворный!... Ужо тебѣ!» Вызовъ брошенъ, и спокойствіе горделиваго истукана нарушено... Мѣдный Всадникъ преслѣдуетъ безумца... Но вѣщій бредъ безумца, слабый шопотъ его возмущенной совѣсти уже не умолкнетъ, не будетъ заглушенъ подобнымъ грому грохотаньемъ, тяжелымъ топотомъ Мѣднаго Всадника. Съ своей точки зрѣнія Мережковский оправдываетъ Евгения, оправдываетъ мятежъ «малыхъ», «ничтожныхъ», возстаніе христіанства на идеалы язычества.

Третий, наконецъ, видѣлъ въ Петрѣ воплощеніе самодержавія, а въ «злобномъ» шопотѣ Евгения—мятежъ противъ деспотизма.

Новое обоснованіе такому пониманію «Мѣднаго Всадника» далъ недавно проф. І. Третьякъ *), показавшій зависимость повѣсти Пушкина отъ сатиры Мицкевича «Ustę». Сатиры Мицкевича появились въ 1832 году и тогда же стали извѣстны Пушкину. Въ бумагахъ Пушкина нашли собственноручно сдѣланные имъ списки нѣсколькихъ стихотвореній изъ этихъ сатир **). Цѣлый рядъ стиховъ «Мѣднаго Всадника» оказывается то распростране-

ніемъ стиховъ Мицкевича, то какъ бы отвѣтомъ на нихъ. Мицкевичъ изобразилъ сѣверную столицу слишкомъ мрачными красками; Пушкинъ отвѣтилъ апологіей Петербурга. Сопоставляя «Мѣднаго Всадника» съ сатирой Мицкевича «Oleszkiewicz», видимъ, что онъ имѣетъ съ ней общую тему,—наводненіе 1824 г., и общую мысль: что за проступки правителей несутъ наказаніе слабые и пенимые подданные. Если сопоставить «Мѣднаго Всадника» со стихами Мицкевича «Pomnik Piotra Wielkiego», мы найдемъ еще болѣе важное сходство: у Мицкевича «поэтъ русскаго народа, славный пѣснями на цѣлой полночи» (т.-е. самъ Пушкинъ), клеймилъ памятникъ названіемъ «каскадъ тиранства»; въ Мѣдномъ Всадникѣ герой повѣсти кланетъ тотъ же памятникъ. Въ примѣчаніяхъ къ «Мѣдному Всаднику» дважды упомянуто имя Мицкевича и его сатиры, причемъ «Oleszkiewicz» названъ однимъ изъ лучшихъ его стихотвореній. Съ другой стороны, и Мицкевичъ, въ своихъ сатирахъ, нѣсколько разъ опредѣленно намекаетъ на Пушкина, какъ бы вызывая его на отвѣтъ.

Проф. Третьякъ полагаетъ, что въ сатирахъ Мицкевича Пушкинъ слышалъ обвиненіе въ измѣнѣ тѣмъ «вольнлюбивымъ» идеаламъ молодости, которыми онъ когда-то дѣлился съ польскимъ поэтомъ. Упрекъ Мицкевича, въ его стихахъ «Do przyjaciół Moskali», обращенный къ тѣмъ, кто «подкупленнымъ языкомъ славить торжество царя и радуется мукамъ своихъ пріятелей», Пушкинъ долженъ былъ отнести и къ себѣ. Пушкинъ не могъ смолчать на подобный укоръ и не захотѣлъ отвѣтить великому противнику топомъ официально-патріотическихъ стихотвореній. Въ истинно-художественномъ созданіи, въ величавыхъ образахъ высказалъ онъ все то, что думалъ о русскомъ самодержавіи и его значеніи. Такъ возникъ «Мѣдный Всадникъ».

Что же гласитъ этотъ отвѣтъ Пушкина Мицкевичу? Проф. Третьякъ полагаетъ, что какъ въ стихахъ Мицкевича «Pomnik Piotra Wielkiego», такъ и въ «петербургской повѣсти» Пушкина—европейскій индивидуализмъ вступаетъ въ борьбу съ азіатской идеей государства въ Россіи. Мицкевичъ предсказываетъ побѣду индивидуализма, а Пушкинъ—его полное пораженіе. И отвѣтъ Пушкина проф. Третьякъ пытается пересказать въ такихъ словахъ: «Правда, я былъ и остаюсь провозвѣстителемъ сво-

*) Józef Tretiak. Mickiewicz i Puszkina. Warszawa. 1906. Мы пользовались изложеніемъ г. С. Брандовскаго, («Пушкинъ и его современники», вып. VII).

**) Московскій Румянцовскій музей. Тетрадь № 2373.

боды врагомъ тираніи, но не явился ли бы я сумасшедшимъ, выступая на открытую борьбу съ послѣдней? Желая жить въ Россіи, необходимо подчиниться всемогущей идее государства, иначе она будетъ меня преслѣдовагъ, какъ безумнаго Евгенія».

Таковы три типа толкованій «Мѣднаго Всадника».

Намъ кажется, что послѣднее изъ нихъ, которое видитъ въ Петрѣ воплощеніе самодержавія, должно быть всего ближе къ подлинному замыслу Пушкина. Пушкину не свойственно было олицетворять въ своихъ созданіяхъ такіа отвлеченныя идеи, какъ «язычество» и «христіанство» или «историческая необходимость» и «участіе индивидуальностей». Но, живя послѣдніе годы

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора,

онъ не могъ не задумываться надъ значеніемъ самодержавія для Россіи. На тѣ же мысли должны были его навести усердныя его занятія русской исторіей и особенно исторіей Петра Великаго. Убѣдительными кажутся намъ и доводы проф. Третьяка о связи между «Мѣднымъ Всадникомъ» и сатирой Мицкевича. Впрочемъ, и помимо этихъ сатиръ Пушкинъ не могъ не знать, что его сближеніе съ дворомъ многими, и даже нѣкоторыми изъ его друзей, истолковывается, какъ измѣна идеаламъ его юности. Еще въ 1828 году Пушкинъ нашелъ нужнымъ отвѣчать на такіе упреки стансами:

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю...

Кромѣ того, пониманіе Петра въ «Мѣдномъ Всадникѣ», какъ воплощенія, какъ символа самодержавія, до нѣкоторой степени включаетъ въ себя и другія толкованія повѣсти. Русское самодержавіе возникло въ силу «исторической необходимости». Къ самодержавію царей московскихъ съ неизбежностью велъ весь ходъ развитія русской исторіи. Въ то же время самодержавіе всегда было и обожествленіемъ личности. Петра Великаго Ломоносовъ открыто сравнивалъ съ Богомъ. Богомъ называли современники еще Александра I. Мятежъ личности противъ самодержавія невольно становится мятежомъ противъ «исторической необходимости» и противъ «обоженія личности».

Но, присоединяясь къ основнымъ взглядамъ проф. Третьяка, мы рѣшительно не принимаемъ его выводовъ. Видя вмѣстѣ

съ нимъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ» отвѣтъ Пушкина на упреки Мицкевича, мы понимаемъ этотъ отвѣтъ иначе. Мы полагаемъ, что самъ Пушкинъ влагалъ въ свое созданіе совершенно не тотъ смыслъ, какой хотять въ немъ прочесть.

2.

Если присмотрѣться къ характеристикѣ двухъ героев «Мѣднаго Всадника», станетъ явнымъ, что Пушкинъ стремился всѣми средствами сдѣлать одного изъ нихъ, — Петра — сколько возможно болѣе «великимъ», а другого — Евгенія — сколько возможно болѣе «малымъ», «ничтожнымъ». «Великій Петръ», по замыслу поэта, долженъ былъ стать олицетвореніемъ мощи самодержавія въ ея крайнемъ проявленіи; «бѣдный Евгеній» — воплощеніемъ крайняго безсилія обособленной, незначительной личности.

Петръ Великій принадлежалъ къ числу любимѣйшихъ героев Пушкина. Пушкинъ внимательно изучалъ Петра, много объ немъ думалъ, посвящалъ ему восторженные строфы, вводилъ его, какъ дѣйствующее лицо, въ дѣлыя эпопеи, въ концѣ жизни началъ работать надъ обширной «Исторіей Петра Великаго». Во всѣхъ этихъ изысканіяхъ Петръ представлялся Пушкину существомъ исключительнымъ, какъ бы превышающимъ человѣческіе размѣры. «Геній Петра вырывался за предѣлы своего вѣка», — писалъ Пушкинъ въ своихъ «Историческихъ замѣчаніяхъ» 1822 г. Въ «Пирѣ Петра Великаго» Петръ названъ «чудотворцемъ-исполномъ». Въ «Стансахъ» его душѣ приданъ эпитетъ «всеобъемлющей». На поляхъ Полтавы Петръ —

Могущъ и радостенъ какъ бои.

.....

... Ликъ его ужасенъ...

Онъ весь какъ Божія гроза.

Въ «Моей Родословной» одаренъ силой почти сверхъестественной тотъ,

Кѣмъ наша двигнулась земля,

Кто придалъ мощно бѣгъ державный

Кормѣ родного корабля.

Однако, Пушкинъ всегда видѣлъ въ Петрѣ и крайнее проявленіе самовласти, граничащее съ деспотизмомъ. «Петръ I презиралъ человѣчество, можетъ быть, болѣе, чѣмъ Наполеонъ», писалъ Пушкинъ въ «Историческихъ замѣчаніяхъ».

Тутъ же добавлено, что при Петрѣ Великомъ въ Россіи было «всеобщее рабство и безмолвное повиновеніе». «Петръ Великій одновременно Робеспьеръ и Наполеонъ, воплощенная революція», писалъ Пушкинъ въ 1831 г. Въ «Матеріалахъ для исторіи Петра Великаго» Пушкинъ на каждомъ шагу называетъ указы Петра то «жестокимъ», то «варварскимъ», то «тиранскимъ». Въ тѣхъ же «Матеріалахъ» читаемъ: «Сенатъ и Синодъ подносятъ ему титулы: Отца Отечества, Всероссийскаго Императора и Петра Великаго. Петръ недолго церемонился и принялъ ихъ». Вообще, въ этихъ «Матеріалахъ» Пушкинъ, упоминая бѣгло о тѣхъ учрежденіяхъ Петра, которыя суть «плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости», — усердно выписываетъ тѣ его указы, по поводу которыхъ ему приходится говорить о «своевольствѣ и варварствѣ», о «несправедливости и жестокости», о «произволѣніи самодержца».

Въ «Мѣдномъ Всадникѣ» тѣ же черты, мощи и самовластія, въ образѣ Петра доведены до послѣднихъ предѣловъ.

Открывается повѣсть образомъ — властелина, который въ суровой пустынѣ задумываетъ свою борьбу со стихіями и съ людьми. Онъ хочетъ безлюдный край обратить въ «красу и диво полнощныхъ странъ», изъ топи болотъ воздвигнуть пышную столицу, и въ то же время для своего полуазиатскаго народа «въ Европу прорубить окно». Въ первыхъ стихахъ нѣтъ даже имени Петра, сказано просто:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ ¹⁾.

Петръ не произноситъ ни слова, онъ только думаетъ свои думы, — и вотъ, словно чудомъ, возникаетъ

юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ.

Пушкинъ усиливаетъ впечатлѣніе чудеснаго, дѣлая рядъ параллелей того, что было и что стало:

Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ

¹⁾ Въ первоначальномъ вариантѣ «Вступленія» читаемъ:

На берегу Варяжскихъ волнъ
Стоялъ, задумавшись глубоко,
Великій Петръ. Предъ нимъ широко... и т. д.

Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій переводъ, нынѣ тамъ,
Но оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣнятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся.
Въ гранитъ одѣлся Невы;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова.

Въ одномъ черновомъ наброскѣ этихъ стиховъ, послѣ словъ о «финскомъ рыболовѣ», есть у Пушкина еще болѣе характерное восклицаніе:

... духъ Петровъ
Спротивленіе природы! ²⁾

Съ этими словами надо сблизить то мѣсто въ повѣсти «Арапъ Петра Великаго», гдѣ описывается Петербургъ времени Петра. «Ибрагимъ», — рассказываетъ Пушкинъ, — съ любопытствомъ смотрѣлъ на поворожденную столицу, которая подымалась изъ болотъ по манію самодержавія. Обнаженные плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду являли побѣду человѣческой воли надъ сопротивленіемъ стихій». Очевидно, и въ стихахъ «Мѣднаго Всадника» Пушкинъ первоначально хотѣлъ повторить мысль о побѣдѣ надъ «сопротивленіемъ стихій» — человѣческой, державной воли.

«Вступленіе», послѣ картины современнаго Пушкину Петербурга, прямо названнаго «твореніемъ Петра», заканчивается торжественнымъ призывомъ къ стихіямъ — примириться со своимъ пораженіемъ и со своимъ плѣномъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобою
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ...

Но Пушкинъ чувствовалъ, что историческій Петръ, какъ ни преувеличивать его обаяніе, все же останется только человекомъ. Порою изъ-подъ облика полу-бога будетъ неизбѣжно выступать обликъ просто «человѣка» высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту,

²⁾ Всѣ цитаты, какъ эта, такъ предыдущія и послѣдующія, основаны на самостоятельномъ изученіи авторомъ этой статьи рукописей Пушкина.

который, облокотясь на столъ, читаетъ гамбургскія газеты». («Арапъ Петра Великаго»). И вотъ, чтобы сдѣлать своего героя чистымъ воплощеніемъ самодержавной мощи, чтобы и во вышнемъ отличить его ото всѣхъ людей, Пушкинъ переноситъ дѣйствіе своей повѣсти на сто лѣтъ впередъ («Прошло сто лѣтъ...») и замѣняетъ самого Петра—его изваяніемъ, его идеальнымъ образомъ. Герой повѣсти—не тотъ Петръ, который задумывалъ «грозить Шведу» и звать къ себѣ «въ гости всѣ флаги», но «мѣдный всадникъ», «горделивый истуканъ» и прежде всего «кумиръ». Именно «кумиромъ», т.-е. чѣмъ-то обожествленнымъ, всего охотнѣе и называетъ самъ Пушкинъ памятникъ Петра ¹⁾.

Во всѣхъ сценахъ повѣсти, гдѣ является «мѣдный всадникъ», изображенъ онъ какъ существо высшее, не знающее себѣ ничего равнаго. На своемъ бронзовомъ конѣ, онъ всегда стоитъ «въ вышнѣхъ»; онъ одинъ остается спокойнымъ въ часъ всеобщаго бѣдствія, когда кругомъ «все опустѣло», «все побѣжало», все «въ трепетѣ». Когда этотъ мѣдный всадникъ скачетъ, раздается «тяжелый топотъ», подобный «грому грохотанью», и вся мостовая потрясена этимъ скаканьемъ, которому поэтъ долго выбиралъ подходящее опредѣленіе—«тяжеломѣрное», «далеко-звонкое», «тяжело-звонкое». Говоря объ этомъ кумирѣ, высящемся надъ огражденною скалою, Пушкинъ, всегда столь сдержанный, не останавливается передъ самыми смѣлыми эпитетами: это—и «властелинъ Судьбы», и «державецъ полуміра», и (въ черновыхъ наброскахъ) «страшный Царь», «мощный Царь», «мужъ Судьбы», «владыка полуміра».

Высшей силы это обожествленіе Петра достигаетъ въ тѣхъ стихахъ, гдѣ Пушкинъ, забывъ на время своего Евгенія, самъ задумывается надъ смысломъ подвига, совершеннаго Петромъ:

О, мощный властелинъ Судьбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездною,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы?

Образъ Петра преувеличенъ здѣсь до послѣднихъ предѣловъ. Это уже не только побѣдитель стихій, это, вѣстину, «властелинъ Судьбы». Своей «роковой волей» направляетъ онъ жизнь дѣлаго народа.

¹⁾ Выраженіе «гигантъ» не принадлежитъ Пушкину; это—поправка Жуковского.

Желѣзной уздой удерживаетъ онъ Россію на краю бездны, въ которую она уже готова была рухнуть ¹⁾. И самъ поэтъ, охваченный ужасомъ передъ этой сверхчеловѣческой мощью, не умѣетъ отвѣтить себѣ, кто же это передъ нимъ.

Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!

Какая дума на челѣ!

Какая сила въ немъ сокрыта!

.....

Куда ты скачешь, гордый конь,

И гдѣ опустишь ты копыта?

Таковъ первый герой «петербургской повѣсти»: Петръ, мѣдный всадникъ, полубогъ.—Пушкинъ позаботился, чтобы второй герой, «бѣдный, бѣдный мой Евгеній», былъ истинною ему противоположностью.

Въ первоначальномъ наброскѣ «Мѣднаго Всадника» характеристикѣ второго героя было посвящено много мѣста. Какъ извѣстно, отрывокъ, выдѣленный впоследствии въ особое дѣло подъ заглавіемъ «Родословная моего героя», входилъ сначала въ составъ «петербургской повѣсти», и никто другой, какъ «мой Езерскій», превратился позднѣе въ «бѣднаго Евгенія». Именно, рассказавъ, какъ

изъ гостей домой

Пришелъ Евгеній молодой,

Пушкинъ сначала продолжалъ:

Такъ будемъ нашего Героя
Мы звать, затѣмъ что мой языкъ
Ужъ къ звуку этому привыкъ.
Начнемъ ab ovo: мой Евгеній
Происходилъ отъ поколѣній,
Чей дерзкій парусъ средь морей
Былъ ужасомъ минувшихъ дней.

Однако, потомъ Пушкинъ нашелъ неумѣстнымъ рассказывать о предкахъ того героя, который, по замыслу повѣсти, долженъ быть ничтожнѣйшемъ изъ ничтож-

¹⁾ Мы понимаемъ это мѣсто такъ: Россія, стремительно несаясь впередъ по невѣрному пути, готова была рухнуть въ бездну. Ея «сѣдокъ», Петръ, во-время, надъ самой бездною, поднялъ ее на дыбы, и тѣмъ спасъ. Такимъ образомъ, въ этихъ стихахъ мы видимъ оправданіе Петра п его дѣла. Другое пониманіе этихъ стиховъ, толкующее мысль Пушкина какъ упрекъ Петру, который такъ поднялъ на дыбы Россію, что ей осталось «опустить копыта» только въ безднѣ,—кажется намъ произвольнымъ. Отмѣтимъ кстати, что во всѣхъ подлинныхъ рукописяхъ читается «поднялъ на дыбы», а не «вздернулъ на дыбы» (какъ до сихъ поръ печаталось и печатается во всѣхъ изданіяхъ).

ныхъ, и не только выдѣлилъ въ отдѣльное произведеніе всѣ строфы, посвященные его родословной, но даже лишилъ его «прозванія», т.-е. фамиліи (въ различныхъ наброскахъ герой «петербургской повѣсти» названъ то «Иванъ Езерскій», то «Зоринъ молодой», то «Рулинъ молодой»). Длинная родословная замѣнилась немногими словами:

Прозванья намъ его не пужно,
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало...

Не довольствуясь тѣмъ, Пушкинъ постарался совершенно обезличить своего героя. Въ раннихъ редакціяхъ повѣсти, Евгенийъ еще довольно живое лицо. Пушкинъ говоритъ опредѣленно и подробно и о его житейскомъ положеніи, и о его душевной жизни, и о его вѣншемъ обликѣ. Вотъ нѣсколько такихъ набросковъ:

Онъ былъ чиновникъ небогатый,
Лицомъ немного рябоватый.

—
Онъ былъ затѣилъ, небогатъ,
Собою блѣзокуръ...

—
Онъ былъ чиновникъ очень блѣдный,
Безродный, круглый спрота.

—
Чиновникъ блѣдный,
Задумчивый, худой и блѣдный.

—
Онъ одѣвался перадиво,
Всегда бывалъ застегнуть криво
Его зеленый, узкій фракъ.

—
Какъ всѣ, онъ велъ себя не строго,
Какъ всѣ, о деньгахъ думалъ много,
И жуковскій курилъ табакъ,
Какъ всѣ, носилъ мундирный фракъ.

Отъ всего этого, въ окончательной обработкѣ, остались только свѣдѣнія, что «нашъ герой»—«гдѣ-то служить» и что «былъ онъ блѣденъ».

Характерно также, что первоначальный герой повѣсти представлялся Пушкину лицомъ гораздо болѣе значительнымъ, нежели позднѣйшій Евгенийъ. Одно время Пушкинъ думалъ даже сдѣлать изъ него, если не поэта, то человека какъ-то интересующагося литературой. Въ черновыхъ наброскахъ читаемъ:

Мой чиновникъ
Былъ сочинитель и любовникъ.

—
Какъ всѣ, онъ велъ не себя строго,
Какъ мы, писалъ стихами много.

Вмѣсто этого, въ окончательной редакціи, Пушкинъ заставляетъ Евгения мечтать:

Что могъ бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ...

Гдѣ уже думать о сочинительствѣ человеку, который самъ сознается, что ему недостаеъ ума!

Точно такъ же, первоначальный герой и на соціальной лѣстницѣ стоялъ гораздо выше Евгения. Пушкинъ сначала называлъ его своимъ сосѣдомъ и даже говорилъ о его «роскошномъ» кабинетѣ.

Въ своемъ роскошномъ кабинетѣ,
Въ то время, Рулинъ молодой
Сидѣлъ задумчиво...

—
... въ то время
Домой прѣхалъ мой сосѣдъ,
Вошелъ въ свой мирный кабинетъ¹⁾.

Всѣ эти черты постепенно измѣнялись. «Мирный» кабинетъ былъ замѣненъ «скромнымъ» кабинетомъ; потомъ вмѣсто слова «мой сосѣдъ» появилось описательное выраженіе «въ томъ домѣ, гдѣ стоялъ и я»; наконецъ, жилище своего героя Пушкинъ сталъ опредѣлять, какъ «канурка пятаго жилья», «чердакъ», «чуланъ» или словами: «живетъ подъ кровлей». Въ одной черновой сохранилась характерная въ этомъ отношеніи поправка: Пушкинъ зачеркнулъ слова «мой сосѣдъ» и написалъ вмѣсто того «мой чудакъ», а слѣдующій стихъ:

Вошелъ въ свой мирный кабинетъ,
измѣнилъ такъ:

Вошелъ и отперъ свой чердакъ.

Пушкинъ простеръ свою строгость до того, что лишилъ всякихъ индивидуальных чертъ самый этотъ «чердакъ» или «чуланъ». Въ одной изъ раннихъ редакцій читаемъ:

Вдохнувъ, онъ осмотрѣлъ чуланъ,
Постелю, пыльный чемоданъ,
И столъ бумагами покрытый,
И шкапъ, со всѣмъ его добромъ;
Нашелъ въ порядкѣ все; потомъ,

¹⁾ Что касается отрывка, даваемого многими изданіями, какъ вариантъ стиховъ «Мѣднаго Всадника»:

Тогда, по каменной площадкѣ
Пескомъ усыпанныхъ стѣнъ,
Взбѣжавъ по ступенямъ отлогимъ
Широкой лѣстницы своей... и т. д.

—то связь этихъ стиховъ съ «петербургской повѣстью» кажется намъ весьма сомнительной.

Дымкомъ своей сигары сытый,
Раздѣлся самъ и легъ въ постель,
Подъ заслуженную шинель.

Ото всѣхъ этихъ свѣдѣній въ окончательной редакціи сохранилось только глухое упоминаніе:

Живеть въ Коломнѣ...

да два сухихъ стиха:

Итакъ, домой пришедъ Евгений,
Страхнулъ шинель, раздѣлся, легъ.

Даже въ перебѣленной рукописи, представленной на цензуру государю, оставалось еще подробное описаніе мечтаній Евгенія, вводившее читателя въ его внутренній міръ и въ его личную жизнь:

Жениться? Что жъ? Зачѣмъ же нѣтъ?
И въ самомъ дѣлѣ? Я устрою
Себѣ смиренный уголокъ,
И въ немъ Парашу успокою.
Кровать, два стула, шей горшокъ,
Да самъ большой... чего мнѣ болѣ?
По воскресеньямъ лѣтомъ въ полѣ
Съ Парашей буду я гулять;
Мѣстечко выпрошу; Парашѣ
Препоручу хозяйство наше
И воспитаніе ребятъ...
И станемъ жить, и такъ до гроба
Рука съ рукой дойдемъ мы оба,
И впуки насъ похоронять.

Уже послѣ просмотра рукописи царемъ и запрещенія ея, Пушкинъ выкинулъ и это мѣсто, неумолимо отымая у своего Евгенія всѣ личныя особенности, всѣ индивидуальныя черты, какъ уже раньше отнялъ у него «прозванье».

Таковъ второй герой «петербургской повѣсти» — ничтожный коломненскій чиновникъ, «бѣдный Евгений», «гражданинъ столичный»,

Какихъ встрѣчаете вы тѣмъ,
Отъ нихъ нисколько не отличный
Ни по лицу, ни по уму ¹⁾.

Въ началѣ «Вступленія» Пушкинъ не нашелъ нужнымъ назвать по имени своего перваго героя, такъ какъ достаточно о немъ сказать «Онъ», чтобы стало ясно, о комъ рѣчь. Введя въ дѣйствіе своего втораго героя, Пушкинъ также не называлъ его, находя, что «прозванья намъ его не нужно». Изъ всего, что сказано въ по-

¹⁾ Въ такой редакціи эти стихи входятъ въ одну изъ рукописей «Мѣднаго Всадника».

вѣсти о Петрѣ Великомъ, нельзя составить опредѣленнаго облика: все расплывается во что-то громадное, безмѣрное, «ужасное». Нѣтъ облика и у «бѣднаго» Евгенія, который терлется въ стѣнѣ, безразличной массѣ ему подобныхъ, «гражданъ столичныхъ». Приемы изображенія того или другого, — покорителя стихій и коломненскаго чиновника, — сближаются между собою, потому что оба они — олицетворенія двухъ крайностей: высшей человѣческой мощи и предѣльнаго человѣческаго ничтожества.

3.

«Вступленіе» повѣсти изображаетъ могущество самодержавія, торжествующаго надъ стихіями, и заканчивается гимномъ ему:

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!

Двѣ части повѣсти изображаютъ два мятежа противъ самовласти: мятежъ стихій и мятежъ чловѣка.

Нева, когда-то порабощенная, «взятая въ плѣнъ» Петромъ, не забыла своей «старинной вражды» и съ «тщетной злобою» возстаетъ на порабощителя. «Побѣжденная стихія» пытается сокрушить свои гранитныя оковы и идетъ приступомъ на «стройныя громады дворцовъ и башенъ», возникшихъ по манію самодержавнаго Петра.

Описывая наводненіе, Пушкинъ сравниваетъ его то съ военными дѣйствіями, то съ нападеніемъ разбойниковъ:

Осада! приступъ! Злая волны,
Какъ вору, лѣзутъ въ окна...

Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей,
Въ село ворвавшись, ловить, рѣжетъ,
Крушить и грабить; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!...

На минуту кажется, что «побѣжденная стихія» торжествуетъ, что за нее сама Судьба.

Народъ
Зрѣтъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ...

«Даже покойный даръ», преемникъ онаго покорителя стихій, приходитъ въ смятеніе и готовъ признать себя побѣжденнымъ:

На балконѣ,
Печаленъ, смутенъ, вышелъ онъ
И молвилъ: «Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать»...

Однако, среди всеобщаго смятенія, есть Одинъ, кто остается спокоенъ и непоколебимъ. Это Мѣдный Всадникъ, державецъ полуміра, чудотворный строитель этого города. Евгений, верхомъ на мраморномъ львѣ, вперяетъ «отчаянные взоры» въ ту даль, гдѣ, «словно горы», «изъ возмущенной глубины», встаютъ страшныя волны.—

И обращенъ къ нему спиною,
Въ непоколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Стоитъ съ простертою рукою
Кумиръ на бронзовомъ конѣ.

Въ первоначальномъ наброскѣ этого мѣста у Пушкина было:

И прямо передъ нимъ изъ воды
Возникнулъ мѣдною главою
Кумиръ на бронзовомъ конѣ,
Невѣ мятежной ¹⁾ въ тишинѣ
Грозя недвижною рукою...

Но Пушкинъ измѣнилъ эти стихи. Мѣдный Всадникъ презираетъ «тщетную злобу» финскихъ волнъ. Онъ не снисходитъ до того, чтобы грозить «мятежной Невѣ» своей простертою рукою.

Это первое столкновение бѣднаго Евгения и Мѣднаго Всадника. Случай сдѣлалъ такъ, что они остались наединѣ, двое на опустѣлой площади, надъ водой, «завоевавшей все вокругъ»,—одинъ на бронзовомъ конѣ, другой на звѣрѣ каменномъ. Мѣдный Всадникъ съ презрѣніемъ «обращенъ спиною» къ ничтожному человѣку, къ одному изъ безчисленныхъ своихъ подданныхъ, не видитъ, не замѣчаетъ его. Евгений, хотя его отчаянные взоры и наведены недвижно «на край одинъ», не можетъ не видѣть кумира, возникшаго изъ воды «прямо передъ нимъ».

Мѣдный Всадникъ оказывается правъ въ своемъ презрѣніи къ «тщетной злобѣ» стихій. То было просто «наглое буйство», разбойничье нападеніе.

... насытись разрушеніемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любясь возмущеніемъ
И покидая съ небреженіемъ
Свою добычу...
(Такъ) грабежомъ отягощенны,
Боятъ погоны, утомленны,
Слѣшать разбойники домой,
Добычу по пути роняя.

¹⁾ Варіантъ: «безумной».

Всего черезъ день уже исчезли слѣды недавняго мятежа.

Утра лучъ

Изъ-за усталыхъ, блѣдныхъ тучъ
Блеснулъ надъ тихою столицей,
И не нашелъ уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней...
Въ порядокъ прежній все вошло.

Но мятежъ стихій вызываетъ другой мятежъ: человѣческой души. Смятенный умъ Евгения не переноситъ «ужасныхъ потрясеній», пережитыхъ имъ,—ужасовъ наводненія и гибели его близкихъ. Онъ сходитъ съ ума, становится чуждъ свѣту, живетъ, не замѣчая ничего вокругъ, въ мірѣ своихъ думъ, гдѣ постоянно раздается «мятежный шумъ Невы и вѣтровъ». Хотя Пушкинъ и называетъ теперь Евгения «несчастливымъ», но все же даетъ понять, что безуміе какъ-то возвысило, облагородило его. Въ большинствѣ редакцій повѣсти Пушкинъ говоритъ о сумасшедшемъ Евгении—

онъ оглушенъ

Былъ чудной внутренней тревогой ¹⁾.

И вообще во всѣхъ стихахъ, посвященныхъ «безумному» Евгению, есть особая задумчивость, начиная съ восклицанія:

Но бѣдный, бѣдный мой Евгений! ²⁾.

Проходитъ годъ, наступаетъ такая же несчастная осенняя ночь, какая была передъ наводненіемъ, раздается кругомъ тотъ же «мятежный шумъ Невы и вѣтровъ», который всечасно звучитъ въ думахъ Евгения. Подъ вліяніемъ этого повторенія безумецъ съ особой «живостью» вспоминаетъ все пережитое и тотъ часъ, когда онъ оставался «на площади Петровой» наединѣ съ грознымъ кумиромъ. Это воспоминаніе приводитъ его на ту же площадь; онъ видитъ и каменнаго льва, на которомъ когда-то сидѣлъ верхомъ, и тѣ же столбы большого, новаго дома и «надъ огражденною скалою».

Кумиръ на бронзовомъ конѣ.

«Прояснились въ немъ страшно мысли», говоритъ Пушкинъ. Слово «страшно» даетъ

¹⁾ Такъ читаются эти стихи и въ бѣловой рукописи, представленной на просмотръ государю.

²⁾ Въ одинъ годъ съ «Мѣднымъ Всадникомъ» написаны стихи «Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума», гдѣ Пушкинъ признается, что и самъ «былъ бы радъ» разстаться съ разумомъ своимъ.

понять, что это «проясненіе» не столько возвратъ къ здоровому сознанію, сколько нѣкоторое подозрѣніе ¹⁾. Евгенийъ въ «кумирѣ» внезапно признаетъ виновника своихъ несчастій,

Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался.

Петръ, спасая Россію, подымая ее на дыбы надъ бездною, ведя ее своей «волей роковой» по имъ избранному пути, основалъ городъ «надъ моремъ», поставилъ башни и дворцы въ топи болотъ. Черезъ это и поггло все счастье, вся жизнь Евгения, и онъ влачитъ свой несчастный вѣкъ полу-человѣкомъ, полу-звѣремъ. А «горделивый истуканъ», попрежнему, стоитъ, какъ кумиръ, въ темной вышнѣ. Тогда въ душѣ безумца рождается мятежъ противъ насилія чужой воли надъ судьбой его жизни. «Какъ обуянный силой черной», онъ припадаетъ къ рѣшеткѣ и, стиснувъ зубы, злобно шепчетъ свою угрозу державцу полуміра:

«Добро, строитель чудотворный!
«Ужо тебѣ!»

Пушкинъ не раскрываетъ подробности угрозы Евгения. Мы такъ и не знаемъ, что именно хочетъ сказать безумецъ своимъ «Ужо тебѣ!» Значитъ ли это, что «малые», «ничтожные» сумѣютъ «ужо» отомстить за свое порабощеніе, униженіе «героемъ»? Или что безгласная, безвольная Россія подыметъ «ужо» руку на своихъ властителей, тяжело заставляющихъ испытывать свою роковую волю? Отвѣта нѣтъ ²⁾, и самой

¹⁾ «Странно прояснились» — въ окончательной редакціи; въ болѣе раннихъ редакціяхъ: «странно прояснились», что еще усиливаетъ даваемый нами этому мѣсту смыслъ.

²⁾ Какъ извѣстно, «Мѣдный Всадникъ» былъ напечатанъ впервые не въ томъ видѣ, какъ онъ написанъ Пушкинымъ. Это подало поводъ къ легендѣ, будто Пушкинъ вложилъ въ уста Евгения передъ «горделивымъ истуканомъ» какой-то особо рѣзкій монологъ, который не можетъ появиться въ русской печати. Кн. П. П. Вяземскій, въ своей брошюрѣ «Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива», сообщилъ, какъ фактъ, будто въ чтеніи повѣсти самимъ Пушкинымъ потрясающее впечатлѣніе производилъ монологъ обезумѣвшаго чиновника передъ памятникомъ Петра, заключавшій въ себѣ около тридцати стиховъ, въ которыхъ «слишкомъ энергически звучала ненависть къ европейской цивилизаціи». «Я помню, — продолжалъ кн. П. П. Вяземскій, — впечатлѣніе, произведенное имъ на одного изъ слушателей, А. О. Россети, и мнѣ какъ будто помнится, онъ увѣрялъ меня, что сниметъ копию для будущаго времени». Сообщеніе кн. П. П. Вяземскаго должно признать совершенно вздорнымъ. Въ рукописяхъ Пушкина нигдѣ не сохранилось ничего, кромѣ тѣхъ словъ, которые читаются теперь въ текстѣ повѣсти. Самое рѣзкое выраженіе, какое вложилъ Пушкинъ въ уста своего героя, это — «Ужо тебѣ!» или «Уже тебѣ!», согласно съ правописаніемъ подлинника. Кромѣ того «ненависть къ европейской цивилизаціи» вовсе не является со всѣмъ ходомъ разсказа и съ основной идеей повѣсти.

неопредѣленностью своихъ выраженій Пушкинъ какъ бы говоритъ, что точный смыслъ упрека неваженъ. Важно то, что малый и ничтожный, тотъ, кто недавно сознавался смиренно, что «могъ бы Богъ ему прибавить ума», чьи мечты не шли дальше скромнаго пожеланія «мѣстечко выпросу», внезапно почувствовалъ себя равнымъ Мѣдному Всаднику, напелъ въ себѣ силы и смѣлость грозить «державцу полуміра».

Характерны выраженія, какими описываетъ Пушкинъ состояніе Евгения въ эту минуту:

Чело

Къ рѣшеткѣ холодной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Всклипла кровь...

Торжественность тона, обиліе славянизмовъ («чело», «холодной», «пламень») показываютъ, что «черная сила», которой обуялъ Евгенийъ, заставляетъ относиться къ нему иначе, чѣмъ раньше. Это уже не «нашъ герой», который «живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служить»; это соперникъ «грознаго Царя», о которомъ должно говорить тѣмъ же языкомъ, какъ и о Петрѣ.

И «кумиръ», оставшійся стоять недвижно надъ возмущенною Невою, «въ колебимой вышнѣ», не можетъ съ тѣмъ же презрѣніемъ отнестись къ угрозамъ «бѣднаго безумца». Лидо грознаго Царя возгорается гнѣвомъ; онъ покидаетъ свое гранитное подножіе и «съ тяжелымъ топотомъ» гонится за бѣднымъ Евгениемъ. Мѣдный Всадникъ преслѣдуетъ безумца, чтобы ужасомъ своей погони, своего «тяжело-звонкаго скаканья», заставить его смириться, забыть все, что мелькнуло въ его умѣ въ тотъ часъ, когда «прояснились въ немъ страшно мысли».

И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Кула стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

земскаго должно признать совершенно вздорнымъ. Въ рукописяхъ Пушкина нигдѣ не сохранилось ничего, кромѣ тѣхъ словъ, которые читаются теперь въ текстѣ повѣсти. Самое рѣзкое выраженіе, какое вложилъ Пушкинъ въ уста своего героя, это — «Ужо тебѣ!» или «Уже тебѣ!», согласно съ правописаніемъ подлинника. Кромѣ того «ненависть къ европейской цивилизаціи» вовсе не является со всѣмъ ходомъ разсказа и съ основной идеей повѣсти.

Мѣдный Всадникъ достигаетъ своей цѣли: Евгений смиряется. Второй мятежъ побѣжденъ, какъ и первый. Какъ послѣ буйства Невы, «въ порядокъ прежній все пошло». Евгений снова сталъ ничтожнѣйшимъ изъ ничтожныхъ, и весною его трупъ, какъ трупъ бродяги, рыбаки похоронили на пустынномъ острову, «ради Бога».

4.

Въ первой юности Пушкинъ примыкалъ къ либеральному политическому движенію своей эпохи. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со многими декабристами. «Возмутительные» (по тогдашней терминологіи) стихи были одной изъ главныхъ причинъ его ссылки на Югъ.

Въ сущности, политическіе идеалы Пушкина всегда были умѣренны. Въ самыхъ смѣлыхъ своихъ стихотвореніяхъ, онъ повторялъ неизмѣнно:

Владыки, вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не продажа!

Въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ «Вольность», «Книжалъ», «Андрей Шенъ», Пушкинъ раздаетъ самые нелестные эпитеты «безславнымъ ударамъ», «преступной сѣкирѣ», «исчадію мятежа» (Маратъ), «арепасагу остервенѣлому» (революціонный трибуналъ 1794 г.). Но все-таки въ ту эпоху, подъ влияніемъ общаго броженія, онъ еще готовъ былъ воспринимать «послѣдняго судію позора и обиды, карающій книжалъ» и вѣрить, что надъ «площадью мятежной» можетъ взойти

. . . день великій, неизбѣжный
Свободы яркій день...

Однако въ серединѣ 20-хъ годовъ, еще до событія 14 декабря, въ политическихъ воззрѣніяхъ Пушкина совершился опредѣленный переворотъ. Онъ разочаровался

въ своихъ революціонныхъ идеалахъ. На вопросъ о «свободѣ» онъ началъ смотрѣть не столько съ политической, сколько съ философской точки зрѣнія. Онъ постепенно пришелъ къ убѣжденію, что «свобода» не можетъ быть достигнута насильственнымъ измѣненіемъ политическаго строя, но будетъ слѣдствіемъ духовнаго воспитанія человѣчества ¹⁾.

Эти взгляды и положены въ основу «Мѣднаго Всадника».

Пушкинъ выбралъ своимъ героемъ самаго мощнаго изъ всѣхъ самодержцевъ, какіе когда-либо возставали на землѣ. Это—исполнитъ-чудотворецъ, полубогъ, повелѣвающій стихіями. Стихійная революція не страшитъ его, онъ ее презираетъ. Но когда возстаетъ на него свободный духъ единичнаго человѣка, «державецъ полуміра» приходитъ въ смятеніе. Онъ покидаетъ свою «огражденную скалу» и всю ночь преслѣдуетъ безумца, только бы своимъ тяжелымъ топотомъ заглушить въ немъ мятежъ души.

«Мѣдный Всадникъ», дѣйствительно, отвѣтъ Пушкина на упреки Мицкевича въ измѣнѣ «вольнлюбивымъ» идеаламъ юности. «Да,—какъ бы говоритъ Пушкинъ,—я не вѣрю больше въ борьбу съ деспотизмомъ силами стихійнаго мятежа; я вижу всю его бесплодность. Но я не измѣнилъ высокимъ идеаламъ свободы. Я, попрежнему, увѣренъ, что не вѣченъ «кумиръ съ мѣдною головой», какъ ни ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ, какъ ни вознесенъ онъ въ неколебимой вышнѣ». Свобода возникнетъ въ глубинахъ человѣческаго духа, и «огражденная скала» должна будетъ опустѣть».

¹⁾ Эволюція политическихъ воззрѣній Пушкина, схематически намѣченная нами, болѣе подробно прослѣжена въ статьѣ Александра Слюпинскаго «Пушкинъ и декабрьское движеніе» (т. II, стр. 503).

II.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ И СОСТАВЪ ПОВѢСТИ.

1.

Анненковъ предполагаетъ, что «Мѣднѣй Всадникъ» составлялъ вторую половину большой поэмы, задуманной Пушкинымъ ранѣе 1833 года и имъ не конченной. Орывокъ изъ первой половины этой поэмы Анненковъ видитъ въ «Родословной моего героя». Однако, у насъ нѣтъ основаній принять такое предположеніе.

Ни въ бумагахъ Пушкина, ни въ его письмахъ до 1833 года, нѣтъ никакихъ указаній на задуманную имъ большую поэму, въ которую «Мѣднѣй Всадникъ» входилъ бы какъ часть. Достаточно вѣскіе доводы позволяютъ думать, что къ работѣ надъ «Мѣднымъ Всадникомъ» толкнули Пушкина сатиры Мицкевича, съ которыми могъ онъ познакомиться не ранѣе конца 1832 года ¹⁾. Если и существовалъ у Пушкина, ранѣе 1833 года, замыселъ поэмы, имѣвшей что-то общее съ «Мѣднымъ Всадникомъ», то только въ самыхъ общихъ чертахъ. Такъ въ одномъ изъ набросковъ «Вступленія» Пушкинъ говоритъ, что мысль описать петербургское наводненіе 1824 г. явилась у него подъ впечатлѣніемъ первыхъ рассказовъ объ немъ. Пушкинъ даже намекаетъ, что видѣлъ въ этомъ какъ бы свой долгъ,—долгъ поэта передъ «печальными сердцами» своихъ современниковъ:

Была ужасная пора!
Объ ней начну повѣствовать.
Давно, когда я въ первый разъ
Услышалъ грустное преданье,

¹⁾ См. предыдущую статью.

Сердца печальныя, для васъ
Тогда же далъ я обѣщанье
Стихамъ повѣрить свой рассказъ.

Что касается «Родословной моего героя», то свидѣтельство рукописей не оставляетъ сомнѣній въ ея происхожденіи. Это—часть «Мѣднаго Всадника», выдѣленная изъ его состава и обработанная какъ отдѣльное дѣло. Въ первоначальныхъ наброскахъ «родословная моего героя» была именно «родословная позднѣйшаго «Мѣднаго Евгенія», но Пушкинъ скоро убѣдился, что эти строфы нарушаютъ стройность повѣсти и исключилъ ихъ. Позднѣе онъ сдѣлалъ изъ нихъ самостоятельное произведеніе, дающее родословную нѣкотораго героя, не героя той или иной повѣсти, но «героя» вообще. Кромѣ того «Мѣднѣй Всадникъ»—созданіе настолько законченное, его идея настолько полно выражена, что никакъ нельзя считать «петербургскую повѣсть» частью какого-то болѣе обширнаго дѣла.

Написанъ «Мѣднѣй Всадникъ» въ Болдинѣ, гдѣ Пушкинъ, послѣ поѣздки на Уралъ, провелъ около полутора мѣсяца, съ 1 октября 1833 г. по середину ноября. Подъ однимъ изъ первыхъ набросковъ повѣсти есть помѣтка: «6 октября»; подъ первымъ спискомъ всей повѣсти:—«30 октября». Такимъ образомъ, все созданіе повѣсти заняло меньше мѣсяца.

Можно, однако, не безъ вѣроятности допустить, что мысль написать «Мѣднаго Всадника» возникла у Пушкина ранѣе его пріѣзда въ Болдино. Вѣроятно, и нѣкоторые наброски уже были сдѣланы въ Петербургѣ,—напр., тѣ, которые написаны не

въ тетрадяхъ, а на отдѣльныхъ листахъ (таковъ отрывокъ: «Надъ Петербургомъ омраченнымъ»...). У насъ есть свидѣтельство, что по пути на Уралъ Пушкинъ думалъ о наводненіи 1824 г. По поводу сильнаго западнаго вѣтра, застигшаго его въ дорогѣ, онъ писалъ женѣ (21 авг.): «Что было съ вами, петербургскими жителями? Не было ли у васъ новаго наводненія? что если и это я прогулялъ? до-садио было бы».

Изъ Болдина Пушкинъ почти никому, кромѣ своей жены, не писалъ. Съ женой же о своихъ стихахъ онъ говорилъ только какъ о доходной статьѣ и притомъ непремѣнно тономъ шутки. Поэтому изъ болдинскихъ писемъ Пушкина мы ничего не узнаемъ о ходѣ его работы надъ «петербургской повѣстью». 11 октября онъ сообщалъ: «Я пишу, я въ хлопотахъ». 21 октября: «Я работаю лѣниво, черезъ пень колоду валю. Началъ многое, но ни къ чему итти охоты; Богъ знаетъ, что со мной дѣлается. Старамъ стала и умомъ плохамъ». 30 октября: «Недавно расписался и уже написалъ пропасть». 6 ноября: «Я привезу тебѣ слишкомъ много, но не разглашай этого, а то альманашники заѣдятъ меня». Самое заглавіе «Мѣднаго Всадника» здѣсь не названо, и общій тонъ шутки не позволяетъ отнести съ довѣріемъ къ признанію Пушкина, будто во время работы надъ повѣстью у него «ни къ чему не было охоты».

Обращаясь къ рукописямъ, мы видимъ, что повѣсть стоила Пушкину громаднаго труда. Каждый ея отрывокъ, каждый ея стихъ, прежде чѣмъ облечся въ свою окончательную форму, являлся въ нѣсколькихъ, — иногда до десяти, — видоизмѣненіяхъ. Изъ первоначальныхъ черновыхъ набросковъ, гдѣ еще недостаетъ многихъ связующихъ частей, Пушкинымъ, въ особой тетради, былъ сдѣланъ первый сводъ всей повѣсти. Этотъ сводъ, помѣченный «30 октября», является второй редакціей повѣсти, такъ какъ въ немъ многое измѣнено, сравнительно съ прежними набросками. Этотъ списокъ покрытъ новыми поправками, дающими третью редакцію. Она дошла до насъ также въ собственноручномъ пушкинскомъ спискѣ, сдѣланномъ для представленія повѣсти государю. Наконецъ, уже въ этомъ бѣловомъ спискѣ (и притомъ послѣ запрещенія повѣсти «высочайшей цензурой») Пушкинымъ тоже сдѣланъ рядъ измѣненій, дѣльные отрывки выкинуты, многія вырази-

нія и дѣльные стихи замѣнены другими и т. д. Такимъ образомъ, нынѣ печатаемый текстъ надо считать четвертой редакціей повѣсти.

Чтобы дать понятіе о работѣ, затраченной Пушкинымъ на «Мѣднаго Всадника», достаточно сказать, что начало первой части извѣстно намъ въ шести, вполнѣ обработанныхъ, редакціяхъ. Уже одна изъ первыхъ кажется настолько законченнымъ сознаніемъ, что почти заставляетъ жалѣть о строгости «взыскательнаго» художника, опустившаго изъ нея многія черты:

Надъ Петербургомъ омраченнымъ
Осенній вѣтеръ тучи гналъ.
Нева, въ теченіи возмущенномъ,
Шумя, неслась. Угрюмый валъ,
Какъ бы проситель безпокойный,
Плескалъ въ гранитъ ограды стройной
Широкихъ Невскихъ береговъ.
Среди бѣгущихъ облаковъ
Луны совсѣмъ не видно было.
Огни свѣтились въ домахъ,
На улицѣ взвивался прахъ
И буйный вихоръ вылъ уныло,
Клубя подолъ сирень ночныхъ
И заглушая часовыхъ.

2.

Фабула «Мѣднаго Всадника» принадлежитъ Пушкину, но отдѣльные эпизоды и картины повѣсти созданы не безъ посторонняго вліянія.

Мысль первыхъ стиховъ «Вступленія» заимствована изъ статьи Батюшкова «Прогулка въ Академію Художествъ» (1814). «Воображеніе мое, — пишетъ Батюшковъ, — представило мнѣ Петра, который въ первый разъ обозрѣвалъ берега дикой Невы, нынѣ столь прекрасные... Великая мысль родилась въ умѣ великаго человека. Здѣсь будетъ городъ, сказалъ онъ, чудо свѣта. Сюда призову всѣ художества, всѣ искусства. Здѣсь художества, искусства, гражданскія установленія и законы побѣдятъ самую природу. Сказалъ — и Петербургъ возникъ изъ дикаго болота». Стихи «Вступленія» повторяютъ нѣкоторыя выраженія этого мѣста почти буквально.

Передъ началомъ описанія Петербурга Пушкинъ самъ дѣлаетъ примѣчаніе: «См. стихи кн. Вяземскаго къ графинѣ З—ой». Въ этомъ стихотвореніи кн. Вяземскаго («Разговоръ 7 Апрѣля 1832 г.»), дѣйстви-

тельно, находимъ нѣсколько строфъ, напоминающихъ описаніе Пушкина:

Я Петербургъ люблю съ его красотою стройной
Съ блестящимъ поясомъ роскошныхъ острововъ,
Съ прозрачною почвою—для соперницы беззнойпой,
И съ свѣжей зеленью молодыхъ его садовъ... и т. д.

Кромѣ того на описаніи Пушкина сказалося вліяніе двухъ сатиръ Мицкевича: «Przedmiescia stolicy» и «Petersburg». Проф. Третьякъ¹⁾ доказалъ, что Пушкинъ почти шагъ за шагомъ слѣдуетъ за картинами польскаго поэта, отвѣчая на его укоры апологіей сѣверной столицы. Такъ, напр., Мицкевичъ смѣется надъ тѣмъ, что петербургскіе дома стоятъ за желѣзными рѣшетками; Пушкинъ возражаетъ:

(Люблю)

Твоихъ оградъ узоръ чугунный.

Мицкевичъ осуждаетъ суровость климата Петербурга; Пушкинъ отвѣчаетъ:

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ.

Мицкевичъ презрительно отзывался о сѣверныхъ женщинахъ, бѣлыхъ какъ свѣтъ, румяныхъ какъ раки; Пушкинъ славить—
Дѣвичьи лица ярче розъ.

и т. д.

Есть аналогія между изображеніемъ «кумира» въ «Мѣдномъ Всадникѣ» и описаніемъ той же статуи въ сатирѣ Мицкевича «Pomnik Piotra Wielkiego».

Образъ оживленной статуи могъ быть внушенъ Пушкину рассказомъ М. Ю. Вельгорскаго о нѣкомъ чудесномъ снѣ. Въ 1812 г. государь, опасаясь непріятельскаго нашествія, предполагалъ увезти изъ Петербурга памятникъ Петра, но его остановилъ кн. А. И. Голлицынъ, сообщивъ, что недавно одинъ майоръ видѣлъ дивный сонъ: будто Мѣдный Всадникъ скачетъ по улицамъ Петербурга, подѣвжаетъ ко дворцу и говоритъ государю: «Молодой человекъ! До чего ты довелъ мою Россію! Но покажись я на мѣстѣ, моему городу нечего опасаться». Впрочемъ, тотъ же образъ могъ быть подсказанъ и эпизодомъ со статуей командора въ «Донъ Жуанѣ».

Описаніе наводненія 1824 г. составлено Пушкинымъ по показаніямъ очевидцевъ, такъ какъ самъ онъ его не видалъ. Онъ

¹⁾ См. предыдущую статью. Мы и здѣсь пользуемся изложеніемъ г. С. Брандовскаго.

былъ тогда въ ссылкѣ, въ Михайловскомъ²⁾. Бѣлинскій писалъ: «Картина наводненія написана у Пушкина красками, которыя дѣлою жизни готовъ бы былъ купить поэтъ прошлаго вѣка, помѣшавшійся на мысли написать эпическую поэму Потопъ... Тутъ не знаешь, чему больше дивиться, громадной ли грандіозности описанія или его почти прозаической простотѣ, что вмѣстѣ взятое доходитъ до величайшей поэзіи». Однако, самъ Пушкинъ заявилъ въ предисловіи, что «подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ», и прибавилъ: «любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. П. Берхомъ».

Справляясь съ книгой Берха («Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ, бывшихъ въ С.-Петербургѣ»), приходится признать, что описаніе Пушкина, при всей его яркости, дѣйствительно «заимствовано». Вотъ, напр., что рассказываетъ Берхъ: «Дождь и проливательный холодный вѣтеръ съ самаго утра наполнили воздухъ сыростью... Съ разсвѣтомъ... толпы любопытныхъ устремились на берега Невы, которая высоко воздымалась. нѣпистыми волнами и съ ужаснымъ шумомъ и брызгами разбивала ихъ о гранитные берега... Небозримое пространство водъ казалось кипящею пучиною... Бѣлая пѣна клубилась надъ водными громадами, которыя, безпрестанно увеличиваясь, наконецъ, яростно устремились на берегъ... Люди спасались, какъ могли». И далѣе: «Нева, встрѣтивъ препятствіе въ своемъ теченіи, возрасла въ берегахъ своихъ, наполнила каналы и черезъ подземныя трубы хлынула въ видѣ фонтановъ на улицы. Въ одно мгновеніе вода полилась черезъ края на бережныхъ».

Всѣ основныя черты этого описанія повторены Пушкинымъ, частью въ окончательной редакціи повѣсти, частью въ черновыхъ наброскахъ.

²⁾ Получивъ первыя извѣстія о бѣдствіи, Пушкинъ сначала отнесся къ нему полу-шутливо и, въ письмѣ къ брату, допустилъ даже, по поводу наводненія, остроу довольно сомнительнаго достоинства дѣла, совершенно перемѣнивъ сужденіе и, въ другомъ письмѣ къ брату, писалъ: «Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ: онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ Олѣгинскихъ денегъ, но прошу безъ всякаго шума».

... дождь унылой
Въ окно стучалъ, и вѣтеръ вылъ.

По утру надъ ея берегами
Тѣснился толпами народъ.
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.

Нева бродила, свирѣѣла,
Приподымалась и кипѣла,
Котломъ клокоча и клубясь.

Нева всю ночь
Рвалась къ морю противъ бури,
И спорить стало ей не въ мочь!
И вотъ отъ нихъ ¹⁾ свирѣлой дури
Пошла клокоча и клубясь,
И вдругъ, какъ тигръ остервенясь,
Черезъ желѣзную ограду
Волнами хлынула по граду.

Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы.

Передъ Невою
Народъ бѣжалъ. Навстрѣчу ей
Каналы хлынули; изъ трубъ
Фонтаны брызнули.

Въ первоначальныхъ вариантахъ описанія воспроизвелъ Пушкинъ въ стихахъ и ходившій по городу анекдотъ о гр. В. В. Толстомъ, поздиѣ рассказанный кн. П. А. Вяземскимъ ²⁾.

Во всякомъ случаѣ Пушкинъ вполне имѣлъ право сказать въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, сравнивая свое описаніе наводненія съ описаніемъ Мицкевича (у котораго изображенъ вечеръ передъ наводненіемъ): «наше описаніе вѣрнѣе»...

¹⁾ Не совсѣмъ понятно, къ чему относится слово «ихъ», какъ здѣсь, такъ и въ соответственномъ мѣстѣ окончательной редакціи:

... Рвалась къ морю противъ бури,
Не одолевъ ихъ мощной бури.
Вѣроятно, Пушкинъ имѣлъ въ виду «море» и «бурю», или «вѣтры», о которыхъ сказано дальше:
По силой вѣтровъ отъ залива
Перегражденная Нева...

Кстати, во всѣхъ изданіяхъ до сихъ поръ печаталось «вѣтра» вмѣсто «вѣтровъ» (какъ читается во всѣхъ рукописяхъ).

²⁾ См. въ Исторіи текста.

3.

По числу стиховъ, «Мѣднѣй Всадникъ» — одна изъ наиболѣе короткихъ поэмъ Пушкина. Въ немъ, въ окончательной редакціи, всего 464 стиха, тогда какъ въ «Цыгачахъ» — 537, въ «Полтавѣ» — около 1500, и даже въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» — около 600. Между тѣмъ замыселъ «Мѣднаго Всадника» чрезвычайно широкъ, едва ли не шире, чѣмъ во всѣхъ другихъ поэмахъ Пушкина. На протяженіи менѣе, чѣмъ 500 стиховъ, Пушкинъ сумѣлъ умѣстить и думы Петра «на берегу Варяжскихъ волнъ», и картину Петербурга въ началѣ XIX вѣка, и описаніе наводненія 1824 г., и исторію любви и безумія бѣднаго Евгенія, и свои раздумья надъ дѣломъ Петра. Пушкинъ пашелъ возможнымъ даже позволить себѣ, какъ роскошь, нѣсколько шутокъ, напр., упоминаніе о графѣ Хвостовѣ.

Языкъ повѣсти крайне разнообразенъ. Въ тѣхъ частяхъ, гдѣ изображается жизнь и думы чиновника, онъ простъ, почти прозаиченъ, охотно допускаетъ разговорныя выраженія («жизнь куда легка», «препоручу хозяйство», «самъ большой» и т. п.) Напротивъ, тамъ, гдѣ говорится о судьбахъ Россіи, языкъ совершенно мѣняется, предпочитаетъ славянскія формы словъ, избѣгаетъ выраженій повседневныхъ, какъ напримѣръ:

Прошло сто лѣтъ и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тмы лѣсовъ, изъ топи блатъ,
Вознесся пышно, горделиво.

Однако, усѣченныхъ прилагательныхъ Пушкинъ явно избѣгаетъ, и во всей повѣсти ихъ всего три: «вешни дни», «минувши времена», «сонны очи».

Своеобразную особенность стиха «Мѣднаго Всадника» составляетъ обиліе цезуръ. Ни въ одной изъ своихъ поэмъ, писанныхъ четырехъ-стопнымъ ямбомъ, не позволялъ себѣ Пушкинъ такъ часто, какъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ» остановки по смыслу внутри стиха. Повидимому, въ «Мѣдномъ Всадникѣ» онъ сознательно стремился къ тому, чтобы логическія дѣленія не совпадали съ дѣленіями метрическими, создавъ этимъ впечатлѣніе крайней непринужденности рѣчи. Особенно много такихъ примѣровъ въ стихахъ, рассказывающихъ о Евгеніи, напр.:

Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился бѣдный
Не за себя.

Евгеній за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на пристани.

—
Разъ онъ спалъ
У Невской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Ненастный вѣтеръ.

Замѣчательно, что почти всѣ новые
отдѣлы повѣсти (какъ бы ея отдѣльные
главы) начинаются съ полу-стиха. Въ об-
щемъ приблизительно въ трети стиховъ
«Мѣднаго Всадника», въ серединѣ стиха,
стоитъ точка, и болѣе, чѣмъ въ половинѣ,
внутри стиха, есть логическая остановка
рѣчи.

Въ употребленіи рѣмъ, въ «Мѣдномъ
Всадникѣ», Пушкинъ остался вѣренъ сво-
ему правилу, выраженному имъ въ «До-
микѣ въ Коломнѣ»:

Мнѣ рѣмы чужды, всѣ готовъ сберечь я.

Въ «Мѣдномъ Всадникѣ» множество рѣмъ
самыхъ обыкновенныхъ (почи—очи, конь—
огонь, и т. д.), еще больше глагольныхъ
(сѣлъ—глядѣлъ, злились—носились, узналъ—
игралъ, и т. д.), но есть и нѣсколько
«рѣдкихъ» (солнца—чухонца, рѣжетъ—скре-
жетъ) и цѣлый рядъ «богатыхъ» (живые—
сторожевые, пѣши—ступени, завывая—
подмывая, главой—роковой, и т. д.). Какъ
и въ другихъ стихотвореніяхъ, Пушкинъ,
по произношенію, свободно рѣмуетъ при-
лагательныя на *ий* съ нарѣчіями на *о*
(беззаботный—охотно).

По звуковой изобразительности стихъ
«Мѣднаго Всадника» знаетъ мало соперни-
ковъ. Кажется, ни въ одномъ изъ своихъ
созданій не пользовался Пушкинъ такъ
часто, какъ въ «петербургской повѣсти»,
всѣми средствами аллитераціи, игры глас-
ными и согласными и т. п. Примѣромъ
ихъ можетъ служить четверостишіе:

И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой
Шипенье тинистыхъ бокаловъ
И пушка пламень голубой.

Но верха изобразительности достигаетъ
стихъ «Мѣднаго Всадника» въ сценѣ пре-
сѣдованія бѣднаго Евгенія. Повтореніемъ
однихъ и тѣхъ же рѣмъ, повтореніемъ,
нѣсколько разъ, начальной буквы въ сто-
ящихъ рядомъ словахъ, и упорнымъ по-
втореніемъ звуковъ *к*, *г* и *х*—даетъ Пуш-

кинъ живое впечатлѣніе «тяжело-звонкаго
скаканья», эхо котораго звучитъ по пустой
площади, какъ грохотанье грома.

И онъ по площади пустой
Бѣжитъ и слышитъ за собой,
Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озаренъ луною блѣдной
Простерши руку въ вышнѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ;
И во всю почъ безумецъ блѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

Однако, въ повѣсти замѣтны и слѣды
нѣкоторой торопливости въ обработкѣ
формы. Три стиха остались вовсе безъ
рѣмы, а именно:

На городъ кинулась. Предъ нею...

И не пашель уже слѣдовъ...

А спалъ на пристани. Пытался...

Въ первоначальныхъ редакціяхъ пер-
вый и послѣдній изъ этихъ стиховъ имѣ-
ють свою рѣму:

Всей тяжелой силою своею
Пошла на приступъ. Передъ нею
Народъ бѣжалъ и скрылся вдругъ.

А спалъ на пристани. Пытался
Изъ оконъ брошеннымъ кускомъ;
Уже почти не раздѣвался,
И платье ветхое на немъ
Рвалось и тѣло...

4.

Какъ извѣстно, въ 1826 г. государь
выразилъ желаніе лично быть цензоромъ
Пушкина. Всѣ свои новыя произведенія, до
ихъ напечатанія, Пушкинъ долженъ былъ
представлять, черезъ Бенкендорфа, въ эту
«Высочайшую цензуру».

6 декабря 1833 года, вскорѣ по возвра-
щеніи изъ Болдина, Пушкинъ обратился
съ письмомъ къ Бенкендорфу, прося позво-
ленія представить Его Сіятельству «сти-
хотвореніе», которое желалъ бы напеча-
тать. Надо полагать, что то былъ «Мѣдный
Всадникъ». 12 декабря рукопись «Мѣднаго
Всадника» была уже возвращена Пушкину.

«Высочайшая цензура» нашла въ повѣсти дѣльный рядъ предосудительныхъ мѣстъ.

Мы не знаемъ, какъ отнесся къ запрещенію повѣсти самъ Пушкинъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ строгомъ духовномъ одиночествѣ и, повидимому, никого не посвящалъ въ свою внутреннюю жизнь. Въ своихъ письмахъ онъ сдѣлался крайне сдержанъ и уже не позволялъ себѣ той увлекательной болтовни обо всемъ, что его интересуетъ, которая составляетъ главную прелесть его писемъ изъ Михайловскаго. Даже въ записяхъ своего дневника, который онъ велъ послѣдніе годы жизни, Пушкинъ былъ очень остороженъ и не допускалъ ни одного лишняго слова.

Въ этомъ дневникѣ, подъ 14 декабря, записано: «11-го получено мною приглашеніе отъ Бенкендорфа явиться къ нему на другой день утромъ. Я пріѣхалъ. Миѣ возвращаютъ Мѣдный Всадникъ съ замѣчаніями государя. Слово кумиръ не пропущено высочайшей цензурою; стихи

И передъ младшею столицей
Померкла старая Москва,
Какъ передъ новою даридей
Порфироспалъ вдова—

вымараны. [На многихъ мѣстахъ поставленъ—?—. Все это дѣлаетъ миѣ большую разницу. Я принужденъ былъ переписать условіе со Смирдинымъ].

Ничего больше не узнаемъ мы и изъ писемъ Пушкина. Въ декабрѣ 1833 года онъ писалъ Нащокину: «Здѣсь имѣлъ я непріятности денежные: я сговорился было со Смирдинымъ, и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго Всадника цензура не пропустила. Это миѣ убытокъ». Ему же Пушкинъ повторялъ въ другомъ, позднѣйшемъ письмѣ: «Мѣдный Всадникъ не пропущенъ,—убытки и непріятности». Погодины, въ отвѣтъ на его вопросъ, Пушкинъ сообщилъ кратко: «Вы спрашиваете о Мѣдномъ Всадникѣ, о Пугачевѣ и о Петрѣ. Первый не будетъ напечатанъ».

Изъ этихъ сухихъ сообщеній можно заключить только то, что Пушкинъ хотѣлъ напечатать «петербургскую повѣсть» (значитъ, считалъ ее законченной, обработанной) и что онъ знакомилъ съ ней своихъ друзей.

Самъ Пушкинъ вѣрилъ, что его рукописи разсматриваются непосредственно государемъ. Онъ полагалъ, что и рукопись «Мѣднаго Всадника» возвращена ему «съ

замѣчаніями государя». Но въ настоящее время достаточно выяснено, что рукописи Пушкина разсматривались въ канцеляріи Бенкендорфа, и что государь только повторялъ, иногда сохраняя всѣ полемическіе выпады, критическія замѣчанія этой канцеляріи. Внутренній смыслъ «Мѣднаго Всадника», конечно, этой цензурой понять не былъ, но дѣльный рядъ отдѣльныхъ выраженій показался ей недопустимымъ.

До насъ дошла, повидимому, та самая рукопись, которая была представлена на разсмотрѣніе государю (Пушкинъ пишетъ: «миѣ возвращенъ Мѣдный Всадникъ...»). Въ этой рукописи стихи о «померкшей Москвѣ», о которыхъ Пушкинъ говоритъ въ Дневникѣ, зачеркнуты карандашомъ и сбоку отмѣчены знакомъ NB. Знакъ вопроса поставленъ противъ тѣхъ стиховъ, гдѣ впервые появляется мѣдный всадникъ.

Надъ возмущенною Невою
Стоитъ съ простертою рукою
Кумиръ на бронзовомъ копѣ.

Во второй части знака вопроса поставленъ противъ повторенія этихъ стиховъ:

Кумиръ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ копѣ.

Далѣе, отмѣчены и подчеркнуты три послѣднихъ стиха въ четверостишіи:

Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главою,
Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался.

Еще далѣе отмѣчены стихи:

О, мощный властелинъ Судьбы,
Не такъ ли ты надъ самой бездною,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы?

Наконецъ, подчеркнуты выраженія «горделивый истуканъ» и «строитель чудотворный», и отчеркнуты всѣ стихи, начиная со словъ безумца, обращенныхъ къ «кумиру», до конца страницы.

Въ другой рукописи, списокѣ, сдѣланномъ писарскою рукою, сохранились слѣды поправки Пушкина, начатыхъ, видимо, съ цѣлью смягчить указанныя ему выраженія. Слово «кумиръ» Пушкинъ замѣнилъ словомъ «сѣдокъ» и въ четверостишіи о «померкшей Москвѣ» возстановилъ первоначальный вариантъ второго стиха («Главою

еклопилася Москва») ¹⁾. Однако, до конца Пушкинъ своихъ поправокъ не довелъ и предпочелъ отказаться отъ печатанія повѣсти. «Поэма Пушкина о наводненіи превосходна, но исчеркана (т.-е.: исчеркана цензурою), и потому не печатается», — писалъ кн. П. Вяземскій А. И. Тургеневу.

При жизни Пушкина, изъ «Мѣднаго Всадника» былъ напечатанъ только отрывокъ «Вступленія» подъ заглавіемъ «Пе-

тербургтъ». По смерти Пушкина, повѣсть была напечатана съ поправками Жуковскаго, по-своему смягчившаго всѣ спорныя мѣста. Долгое время Россія знала одну изъ значительнѣйшихъ созданій Пушкина только въ искаженномъ видѣ. Исправленіе текста по подлиннымъ рукописямъ Пушкина, начатое Анненковымъ, продолжалось до послѣдняго времени. Подлинное чтеніе стиховъ о «кумирѣ» восстановлено только въ изданіи П. Морозова, 1904 г. Однако, нѣкоторые стихи только въ настоящемъ изданіи впервые появляются въ томъ видѣ, какъ ихъ написалъ Пушкинъ.

Валерій Брюсовъ.

РИСУНОКЪ ПУШКИНА ВЪ ТЕТРАДИ РУМЯНЦ. МУЗЕЯ № 2373, лѣтъ 4.

Рисунокъ, несомненно, навѣялъ Фальконетовскимъ памятникомъ: тутъ цѣликомъ взяты и скала, и змѣя подъ ногами коня. Но странно, что нѣтъ самого «мѣднаго всадника» и что на хребтѣ коня воплѣтъ реальное сѣдло, котораго нѣтъ, и не могло быть по типу композиціи, у Фальконета. Къ тому еще, рисунокъ набросанъ въ черновикѣхъ «Галуба». Ред.

ГОЛОВА ФАЛЬКОНЕТОВСКАГО ПАМЯТНИКА ПЕТРУ I.

Съ гравюры Генрикеза (Henricques).

733. МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ

журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. И. Берхгольма.

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдалѣ глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный чолнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Приютъ убогова чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солища,
Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онъ:

Отсель грозить мы будемъ Шведамъ
Здѣсь будетъ городъ заложонъ,
На зло надменному сосѣду.

Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно;
Ногою твердой стать при морѣ.
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируеть на просторѣ.

Прошло сто лѣтъ, и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой вѣтхій неводъ, нынѣ тамъ,

По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристапямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева,
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова,
И передъ младшею Столицей
Померкла старая Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугуный,
Твоихъ задумчивыхъ почей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампы,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣта
Адмиралтейская игла,
И не пуская тму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнитъ другую
Спѣшитъ, давъ почи полчася.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвчьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,

А въ часъ пирушки холостой,
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и копей
Однообразную красоту;
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сѣхъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда Полнощная Царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой снѣгъ ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ,
И, чуя вѣшні дни, ликуетъ.

Красуйся, Градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія.

Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣвъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ,
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора...
Объ ней свѣжо воспоминае.—
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печалень будетъ мой разсказъ..

ПАНОРАМА НЕВЫ.

Гравюра В. В. Матѣ съ Патерсена.

«Мѣдный всадникъ» въ рисункахъ Александра Бенуа. наводнение.

Изъ коллекціи кн. В. Н. Арютинскаго-Долгорукова. Неизданъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Дышалъ ноябрь осеннимъ хладомъ;
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды стройной,
Нева металась, какъ большой
Въ своей постелѣ безпокойной.
Ужъ было поздно и темно;
Сердито бился дождь въ окно
И вѣтеръ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ гостей домой
Пришелъ Евгений молодой...

Мы будемъ нашего героя
Звать этимъ именемъ. Оно
Звучитъ пріятно; съ нимъ давно
Мое перо ужъ какъ-то дружно.
Прозванья намъ его не нужно.
Хотя въ миновши времена
Оно, быть можетъ, и блистало,
И подъ перомъ Карамзина
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
Но нилѣ Свѣтомъ и Молвой
Оно забыто. Нашъ Герой
Живетъ въ Коломиѣ; гдѣ-то служить,
Дичится знатныхъ и не тужитъ
Ни о покойницѣ роднѣ,
Ни о забытой старинѣ.

Итакъ, домой пришедъ, Евгений
Страхнулъ шинель, раздѣлся, легъ
Но долго онъ заснуть не могъ
Въ волненьи разныхъ размышленій.
О чемъ же думалъ онъ? о томъ,
Что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доставить
И независимость, и честь;
Что могъ бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ. Что вѣдь есть
Такіе праздные шастливцы,
Ума недалняго, лѣнливцы,
Которымъ жизнь куда легка!
Что служить онъ всего два года;
Онъ также думалъ, что погода
Не унималась; что рѣка
Все прибывала; что едва-ли
Съ Невы мостовъ уже не сняли
И что съ Парашей будетъ онъ
Дни на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечталъ. И грустно было
Ему въ ту ночь и онъ желалъ,
Чтобъ вѣтеръ вылъ не такъ уныло
И чтобы дождь въ окно стучалъ
Не такъ сердито...

Сонны очи

Онѣ наконецъ закрылъ. И вотъ,
Рѣдѣтъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ.
Ужасный день!

Нева всю ночь
Рвалась къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...
Поутру надъ ея берегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И цѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтровъ отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова—
Погода пуще свирѣѣла;
Нева вздувалась и ревѣла.
Котломъ клопоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло—воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы,
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы,
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.
Осада! приступъ! Злая волна,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; чолны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,

Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки бѣдной нищеты,
Грозой спесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улидамъ!

Народъ
Зрять Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровь и пища!
Гдѣ будетъ взятъ?

Въ тотъ грозный годъ
Покойный Царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ,
И молвилъ: «Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать.» Онъ сѣлъ
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стоили стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улиды. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улидамъ и дальнымъ,
Въ опасный путь среди бурныхъ водъ
Его пустились Генералы
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонущій народъ.
Тогда на площади Петровой,
Гдѣ домъ въ углу вознесся повой,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ

СПАСАНІЕ УТОПАЮЩИХЪ ВЪ НАВОДНЕНІЕ 1824 ГОДА.
Рис. Шебуева.

«Мѣдный Всадникъ» въ рисункахъ Александра Бенуа.—Александръ I на балконѣ Зимняго Дворца.
(Изъ подготовляемаго къ печати роскошнаго изданія «Мѣднаго Всадника» Г-ва М. О. Волкова).

Съ подъятой лапой, какъ живые,
 Стоять два льва сторожевые;
 На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
 Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
 Сидѣть недвижный, страшно блѣдный
 Евгений. Онъ страшился блѣдный
 Не за себя. Онъ не слыхалъ,
 Какъ подымался жадный валъ,
 Ему подошвы подмывая,
 Какъ дождь ему въ лицо хлесталъ;
 Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
 Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
 Его отчаянные взоры
 На край одинъ наведены
 Невдвѣжно были. Словно горы,
 Изъ возмущенной глубины
 Вставали волны тамъ и злились,
 Тамъ буря выла, тамъ носились
 Обломки... Боже, Боже! тамъ—

Увы! близехонько къ волнамъ,
 Почти у самаго залива—
 Заборъ некрашеный да ива
 И вѣтхій домикъ: тамъ онъ,
 Вдова и дочь, его Параша,
 Его мечта... Или во снѣ
 Онъ это видитъ? Иль вся наша
 И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
 Насмѣшка Рока надъ землей?
 И онъ, какъ будто околдованъ,
 Какъ будто къ мрамору прикованъ,
 Сойти не можетъ! Вкругъ него
 Вода—и больше ничего.
 И обращенъ къ нему спиною
 Въ неколебимой вышинѣ,
 Надъ возмущенною Невою,
 Стоитъ съ простертою рукою
 Кумиръ на бронзовомъ конѣ.

Фальконетовскій памятникъ въ рѣдчайшей неизданной и не вполне законченной
 гравюрѣ Г. И. Скородумова.

(Библиотека Академіи Художествъ).

НАВОДНЕНИЕ 1824 ГОДА.

Современная картина О. Я. Алексеева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вотъ, насытись разрушеньемъ
И паглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ловить, рѣжетъ,
Крушить и грабить; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!...
И грабежомъ отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Слѣшать разбойники домой,
Добычу по пути роная.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Слѣшить, душою замирая,
Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но, торжествомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны,
Какъ-бы подъ ними тлѣлъ огонь;
Еще ихъ пѣна покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгеній смотреть: видитъ лодку;

Онъ къ ней бѣжитъ, какъ на находку;
Онъ перевозчика зоветъ—
И перевозчикъ беззаботной
Его за гривенникъ охотно
Чрезъ волны страшныя везетъ.

И долго съ бурными волнами
Боролся опытный гребецъ,
И скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
Всечасно съ дерзкими пловцами
Готовъ былъ чолпъ—и наконецъ
Достигъ онъ берега.

Нешастный
Знакомой улицей бѣжитъ
Въ мѣста знакомыя. Глядитъ—
Узнать не можетъ. Видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другіе
Совсѣмъ обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругомъ
Какъ будто въ полѣ боевомъ,
Тѣла валяются. Евгений
Стремглавъ, не помня ничего,
Изнемогая отъ мученій,
Бѣжитъ туда, гдѣ ждетъ его
Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,

Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ бѣжитъ ужъ онъ предмѣстемъ,
И вотъ заливъ, и близокъ домъ...
Что жъ это?

Онъ остановился;
Пошелъ назадъ—и воротился.
Глядитъ... идетъ... еще глядитъ:
Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
Вотъ ива. Были здѣсь ворота,
Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
И полночь сумрачной заботы,
Все ходить, ходить онъ кругомъ,
Толкуетъ громко самъ съ собою—
И вдругъ, удара въ лобъ рукою,
Захоталъ.

Ночная мгла
На городъ трепетный сошла:
Но долго жители не спали
И межъ собою толковали
О днѣ миновшемъ.

Утра лучъ
Изъ-за усталыхъ, блѣдныхъ тучъ
Блеснулъ надъ тихою столицей—
И не нашелъ уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней. Багряницей
Уже прикрыто было зло—
Въ порядокъ прежній все вошло.
Уже по улицамъ свободнымъ,
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ,
Ходилъ народъ. Чиновный людъ,
Покипувъ свой ночной пріютъ,
На службу шелъ. Торгашъ отважный,
Не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
Сбираясь свой убытокъ важный
На ближнемъ выместить. Съ дворовъ
Свозили лодки.

Графъ Хвостовъ,
Поэтъ, любимый небесамъ,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихамъ
Нешастье невинныхъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгенийъ...
Увы! его смятенный умъ
Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ. Мятенный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скитался.
Его терзалъ какой-то сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяцъ—онъ
Къ себѣ домой не возвращался.
Его пустынный уголокъ
Отдалъ въ паймы, какъ вышелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному поэту.
Евгений за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,

А спалъ на пристани; питался
Въ окошко поданнымъ кускомъ.
Одежда вѣтхая на немъ
Рвалась и тѣла. Злые дѣти
Бросали камни вслѣдъ ему.
Перѣдко кучерскія плети
Его стегали, потому
Что онъ не разбираетъ дороги
Ужъ никогда; казалось, онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ, ни звѣрь ни человѣкъ,
Ни то ни сѣ, ни житель свѣта
Ни призракъ мертвый...

Разъ онъ спалъ
У невиской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Непастный вѣтеръ. Мрачный валъ
Плескалъ на пристань, ропща пѣни
И бѣся о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему невпечлющихъ судей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;
Дождь капалъ; вѣтеръ вылъ уныло—
И съ нимъ вдали, во тмѣ ночной,
Переключался часовой...
Вскочилъ Евгенийъ, вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ; торопливо
Онъ всталъ; пошелъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько сталъ водить очами
Съ боязнью дикою на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большаго дома. На крыльцѣ
Съ поднятой лапой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Кумиръ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ кофѣ.

Евгений вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вокругъ него,
И львовъ, и площадь, и Того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой,
Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался...
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ кофѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?

О мощный властелинъ Судбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы?

Кругомъ подножія кумира
Безумецъ бѣдный обошелъ,
И взоры дикіе навелъ
На ликъ Державца полуміра.
Стѣснилась грудь его. Чело
Къ рѣшеткѣ холодной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
Но сердцу пламень пробѣжалъ,

Вскипѣла кровь. Онъ мраченъ сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ—
И зубы стиснулъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянной силой черной:
«Добро, строитель чудотворной!»
Щенилъ онъ, злобно задрожавъ:
«Ужо тебѣ!...» И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что Грознаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И онъ по площади пустой

«Мѣдный Всадникъ» въ рисункахъ Александра Бенуа.

Погоня Мѣднаго Всадника.

(Изъ подготовляемаго т-вомъ М. О. Вольфа роскошнаго изданія «Мѣднаго Всадника».)

Бѣжить и слышать за собой,
Какъ будто грома грохотанье—
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ;
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду всадникъ мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.
И съ той поры, когда случалось

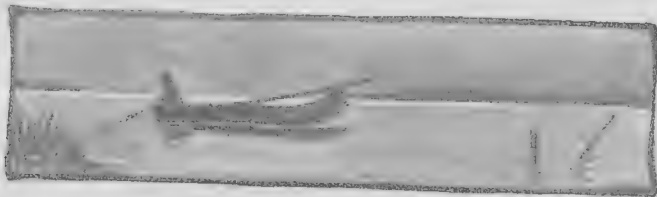
Идти той площадью ему,
Въ его лицѣ изображалось
Смятеніе. Къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку,
Какъ бы его смиряя муку;
Картузъ изношенный снималъ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ,
И шелъ сторонкой.

Островъ малый

На взморьѣ виденъ. Иногда
Причалить съ неводомъ туда
Рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,
И бѣдный ужинъ свой варить;

Или чиновникъ посѣтитъ,
Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,
Пустынный островъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненье
Туда, игралъ, занесло
Домшко вѣтхій. Надъ водою
Остался онъ какъ черный кустъ—

Его прошедшею весною
Свезли на баркѣ. Былъ онъ пусть
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего...
И тутъ же холодный трупъ его
Похоронили ради Бога.

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА КЪ «МѢДНОМУ ВСАДНИКУ».

Къ стиху: «Въ Европу прорубить окно»:
Альгаротти гдѣ-то сказалъ: *Petersbourg est
la fenêtre, par laquelle la Russie regarde en Europe.*

Къ стиху: «Люблю тебѣ, Петра творенье»:
См. стихи К. Вяземскаго къ графинѣ З***.

Къ стиху: «Нева всю ночь»:
Мидкевичъ прекрасными стихами описалъ
лень, предшествовавшій петербургскому навод-
ненію *). Жаль только, что описаніе его неточно.

*) Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотво-
реній Oleszkiewicz.

Снѣгу не было. Нева не была покрыта льдомъ.
Наше описаніе вѣрно, хотя въ немъ нѣтъ яркихъ
красокъ Польскаго поэта.

Къ стиху: «Его пустились генералы»:
Графъ Милорадовичъ и Генералъ-Адъютантъ
Бенкендорфъ.

Къ стиху: «Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ»:

См. описаніе памятника въ Мидкевичѣ. Оно
заимствовано изъ Рубана, какъ замѣчаетъ самъ
Мидкевичъ.

734. [РОДРИГЪ]

[не закончено и не отдѣлено].

На Испанію родную
Призвалъ Мавра Юліанъ;
Графъ за личную обиду
Мститъ рѣшился королю.

Дочь его Родригъ похитилъ,
Обезчестилъ древній родъ;
Вотъ за что отчизну предалъ
Раздраженный Юліанъ.

Мавры хлынули потокомъ
На Испанскіе берега—
Царство Готевъ миновалось,
И съ престола палъ Родригъ.

Готы пали не безславно:
Храбро билися они;
Долго Мавры сомнѣвались,
Одолѣтъ кто кого.

Восемь дней сраженіе длилось;
Споръ рѣшенъ былъ наконецъ;
Былъ на полѣ битвы пойманъ
Копь любимый короля;

Шлемъ и мечъ его тяжелый
Были найдены въ пыли.
Короля почли убитымъ—
И никто не пожалѣлъ.

Но Родригъ въ-живыхъ остался:
Бился онъ всѣ восемь дней;
Онъ сперва хотѣлъ побѣды,
Тамъ ужъ смерти онъ алкалъ.

И кругомъ свистали стрѣлы,
Не касаясь его;
Мимо—дротики летали;
Шлема мечъ не разсѣкалъ.

Напоследокъ, утомившись,
Соскочилъ съ коня Родригъ,
Мечъ съ запекшеюся кровью
Отъ ладони отклеилъ,

Бросилъ на-земь шлемъ пернатый
И блестящую броню—
И, спасенный мракомъ ночи,
Съ поля битвы онъ ушелъ.

Отъ полей кровавой битвы
Удаляется Родригъ;
Короля опередила
Вѣсть о гибели его.

Стариковъ и бѣдныхъ женщинъ
На распутьяхъ видитъ онъ;
Всѣ толпой бѣгутъ отъ Мавровъ
Къ укрѣпленнымъ городамъ.

Всѣ, рыдая, молятъ Бога
О спасеніи Христіанъ;
Всѣ Родрига проклинаютъ—
И проклятія слышитъ онъ,
И съ поникшею главою
Мимо ихъ пройти спѣшитъ,
И не смѣетъ даже молвить:
Помолитесь за него.

Наконецъ, на берегъ моря
Въ третій день приходитъ онъ—
Видитъ темную пещеру
На пустынномъ берегу.

Въ той пещерѣ онъ находитъ
Крестъ и заступъ—а въ углу
Трупъ отшельника и яму,
Имъ изрытую давно.

Тѣнь трупъ не коснулось;
Онъ лежитъ, окостенѣвъ
Ожидая погребенья
И молитвы Христіанъ.

Трупъ отшельника съ молитвой
Схоронилъ Родригъ-король,
И въ пещерѣ поселился
Надъ могилою его.

Онъ питаться сталъ плодами
И водою ключевой,
И себѣ могилу вырылъ
Какъ предшественникъ его.

Короля въ уединеніи
Сталъ лукавый искушать,
И видѣньями ночными
Кроткій сонъ его мутить.

Онъ проснется съ содроганьемъ,
Полонъ страха и стыда—
Упоеніе соблазна
Сокрушаетъ духъ его.

Хочетъ онъ молиться Богу
И не можетъ: бѣсъ ему
Шепчетъ въ уши звуки битвы,
Или страстные слова.

Онъ въ уныніи проводитъ
Дни и ночи недвижимъ,
Устремивъ глаза на море,
Помня старину.

Но отшельникъ, чьи останки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ Всевышнимъ
Заступился въ небесахъ.

Въ сновидѣньи благодатномъ
Онъ явился королю,
Въбллой ризою одѣянъ
И сіянемъ окруженъ.
И король, облятый страхомъ,
Нидъ повергся передъ нимъ,
И вѣшалъ ему угодникъ:
«Встань—и міру вновь явись».

Ты вѣнецъ утратилъ царской;
Но Господь рукѣ твоей
Дастъ побѣду надъ врагами,
А душѣ твоей покой».
Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ
И, съ пустынею разставшись,
Въ путь отправился король.

735. ЕСЛИ ЁХАТЬ ВАМЪ СЛУЧИТСЯ.

[Черновой набросокъ].

(Если ѣхать вамъ случится
Отъ ** къ Москвѣ,
Тамъ, гдѣ ** струится
Въ неизмѣнной синевѣ)
(Отъ моста немного) справа
Передъ вами будетъ домъ,
Влѣво желтая дубрава
... кругомъ,
Тамъ гдѣ вольный и отлогій
Путь надъ Волгою лежитъ.

736. КОЛОКОЛЬЧИКИ ЗВЕНЯТЬ.

Колокольчики звенять,
Барабанчики греметь,
А люди-то, люди—
Ай люшеньки-люди!
А люди-то люди
На цыганочку глядятъ.
А цыганочка-то пляшетъ,
Въ барабанчики-то бьетъ,
И шириночкой-то машетъ,
Заливается-поетъ:
«Я пѣвунья, я пѣвица,
«Ворожить я мастерю»».

737. НЕ ДАЙ МНѢ БОГЪ СОЙТИ СЪ УМА.

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума;
Пѣть, легче посохъ и сума,
Пѣть, легче трудъ и гладъ.
Не то, чтобъ разумомъ мнить
Я дорожилъ; не то, чтобъ съ нимъ
Разстаться былъ не радъ.
Когда бъ оставили меня
На волѣ, какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!
Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чадѣ
Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.
И я бъ заслушивался волнъ,
И я глядѣлъ бы, счастья полнъ,
Въ пустыя небеса.

И силенъ, воленъ былъ бы я,
Какъ вихорь, роющий поля,
Ломающій лѣса.
Да вотъ бѣда: сойти съ ума,
И страшнѣ будешь, какъ чума—
Какъ разъ тебя запрутъ:
Посадятъ на цѣпь дурака,
И сквозь рѣшетку, какъ звѣрка,
Дразнить тебя придутъ.
А ночью слышать буду я
Не голосъ яркій соловья,
Не шумъ глухой лѣсовъ,
А крикъ товарищей моихъ,
Да брань смотрителей починныхъ,
Да визгъ, да звонъ оковъ.

738. СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

Царь съ Царицею простился,
Въ путь-дорогу снаряжился,
И Царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
Смотритъ въ поле, нида очи
Разболѣлись гляючи
Съ бѣлой зори до ночи,
Не видать милова друга!
Только видитъ: вьется вьюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходить,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
Богъ дастъ Царицѣ дочь.
Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издалеча, наконецъ,
Воротился Царь-отецъ.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И къ обѣднѣ умерла.
Долго Царь былъ неутѣшенъ,
Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ;
Годъ прошелъ какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодца
Ужъ и впрямъ была Царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ и всѣмъ взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своисправна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела,

Съ нимъ привѣтливо шутила,
И красуясь говорила:
«Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румяниѣ и бѣлѣе?»
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты, конечно, спору нѣтъ,
Ты, Царица, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румяниѣ и бѣлѣе.»
И Царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядѣсь.
Но Царевна молодая,
Тихомолкомъ раздѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась—и раздѣла.
Бѣлолица, черноброва,
Правда кроткаго такова.
И женихъ сыскался ей,
Корольевичъ Елисей.
Сватъ прѣхалъ, Царь далъ слово,
А приданое готово:
Семь торговыхъ городовъ,
Да сто сорокъ теремовъ.
На дѣвичникъ собираясь,
Вотъ Царица, наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвила съ нимъ:
«Я ль, скажи миѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румяниѣ и бѣлѣе?»
Что же зеркальце въ отвѣтъ?
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но Царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румяниѣ и бѣлѣе.»
Какъ Царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,

Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
 Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!...
 «Ахъ ты, мерзкое стекло!
 Это врешь ты мнѣ на-зло.
 Какъ тягаться ей со мною?
 Я въ ней дурь-то успокою.
 Впши какая подросла!
 И не диво, что бѣла;
 Мать беременна сидѣла,
 Да на сибгъ лишь и глядѣла!
 Но скажи: какъ можно ей
 Быть во всемъ меня милѣй?
 Признавайся: всѣхъ я краше.
 Обойди все царство наше,
 Хоть весь міръ, мнѣ равной нѣтъ.
 Такъ ли?» Зеркальце въ отвѣтъ:
 «А Царевна все жъ милѣе,
 Все жъ румянѣй и бѣлѣе.»
 Дѣлать нечего. Она,
 Черной зависти полна,
 Бросивъ зеркальце подъ лавку,
 Позвала къ себѣ Чернавку,
 И наказываетъ ей,
 Сѣнной дѣвушкѣ своей,
 Вестъ Царевну въ глушь лѣсную
 И, связавъ ее, живую
 Подъ сосной оставить тамъ
 На съѣденіе волкамъ.
 Чортъ ли сладить съ бабой глѣвной?
 Спорить нечего. Съ Царевной
 Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
 И въ такую даль свела,
 Что Царевна догадалась,
 И до смерти испугалась,
 И взмолилась: «Жизнь моя!
 Въ чемъ, скажи, виновна я?
 Не губи меня, дѣвица!
 А какъ буду я Царица,
 Я пожалую тебя.»
 Та, въ душѣ ее любя,
 Не убила, не связала,
 Отпустила и сказала:
 «Не кручинься, Богъ съ тобой.»
 А сама пришла домой
 «Что?» сказала ей Царица,
 «Гдѣ красавица-дѣвица?»
 — «Тамъ, въ лѣсу, стоитъ одна»,
 Отвѣчаетъ ей она;
 «Крѣпко связаны ей локти;
 Попадется звѣрю въ когти,
 Меньше будетъ ей терпѣть,
 Легче будетъ умереть».
 И молва трезвонить стала:
 Дочка Царская пропала!
 Тужить бѣдный Царь по ней.
 Королевичъ Елисей,
 Помолясь усердно Богу,

Отправляется въ дорогу
 За красавицей-душой,
 За невѣстой молодой.
 Но невѣста молодая,
 До зари въ лѣсу блуждала,
 Между тѣмъ все шла да шла,
 И на теремъ набрела.
 Ей навстрѣчу песь, залая,
 Прибѣжалъ и смолкъ, играл;
 Въ ворота вошла она.
 На подворьѣ тишина.
 Песь бѣжитъ за ней, ласкаясь,
 А Царевна, подбираясь,
 Поднялася на крыльцо
 И взялася за кольцо;
 Дверь тихонько отворилась,
 И Царевна очутилась
 Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
 Лавки, крытыя ковромъ,
 Подъ свитыми столъ дубовой,
 Печь съ лежанкой изразцовой.
 Видитъ дѣвица, что тутъ
 Люди добрые живутъ;
 Знать, не будетъ ей обидно.
 Никого межъ тѣмъ не видно.
 Домъ Царевна обошла,
 Все порядкомъ убрала,
 Засвѣтила Богу свѣчку,
 Затопила жарко печку,
 На палати взобралась
 И тихонько улеглась.
 Часъ обѣда приближался;
 Топотъ по двору раздался;
 Входятъ семь богатырей,
 Семь румяныхъ усачей.
 Старшій молвилъ: «Что за диво!
 Все такъ чисто и красиво.
 Кто-то теремъ прибиралъ,
 Да хозяевъ поджидалъ.
 Кто-же? выдь и покажися,
 Съ нами честно подружися:
 Коль ты старый человѣкъ,
 Дядей будешь намъ навѣкъ;
 Коли парень ты румяный,
 Братецъ будешь намъ названный;
 Коль старушка, будь намъ мать,
 Такъ и станемъ величать;
 Коли красная дѣвица,
 Будь намъ милая сестрица.»
 И Царевна къ нимъ сошла,
 Честь хозяямъ отдала,
 Въ поясъ низко поклонилась;
 Закраснѣвши, извинилась,
 Что-де въ гости къ нимъ зашла,
 Хоть звапа и не была.
 Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
 Что Царевну принимали;

«АХЪ ТЫ, МЕРЗКОЕ СТЕКЛО». Рисунокъ С. В. Мамотина.

Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полную наливали,
На подносѣ подавали.
Отъ зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочикъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну,
Отходящую ко сну.
День за днемъ идетъ мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу, не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У Татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго Черкеса.
А хозяйшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовить.
Имъ она не прекословить,
Не пересчитать ей они;
Такъ идутъ за днями дни.
Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: «Дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя

Всѣ мы любимъ, за себя
Взять тебя мы всѣ бы рады,
Да нельзя, такъ Бога ради,
Помпри насъ какъ нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.
Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?»
— «Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,
Имъ царевна говоритъ:
«Коли лгу, пусть Богъ велитъ
Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я навѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей.»
Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
«Спрось не грѣхъ. Прости ты насъ»,
Старшій молвилъ поклонясь:
«Коли такъ, не закиуся
Ужъ о томъ.» — «Я не сержуся»,
Тихо молвила она,
«И отказъ мой не вина.» —
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.
Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась:
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ и, сѣвъ,
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,

Красоваться снова стала,
 И съ улыбкою сказала:
 «Здравствуй, зеркальце! скажи,
 Да всю правду доложи:
 Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румяниѣй и бѣлѣе?»
 И ей зеркальце въ отвѣтъ:
 «Ты прекрасна, спору нѣтъ;
 Но живешь безъ всякой славы,
 Средь зеленыхъ дубравы,
 У семи богатырей
 Та, что все жъ тебя милѣй.»
 И царица налетѣла
 На Черпавку: «Какъ ты смѣла
 Обмануть меня? и въ чемъ?...»
 Та призналася во всемъ,
 Такъ и такъ. Царица злая,
 Ей рогаткой угрожая,
 Положила нѣе жить,
 Иль Царевну погубить.
 Разъ Царевна молодая,
 Милыхъ братьевъ ожидая,
 Пряла, сидя подъ окномъ.
 Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
 Песъ залаялъ, и дѣвица
 Видитъ: нищая черница
 Ходитъ по двору, клюкой
 Отгоняя пса. «Постой,
 Бабушка, постой немножко»,
 Ей кричитъ она въ окошко;
 «Пригрожу сама я псу,
 И кѣй-что тебѣ снесу.»
 Огвѣщаетъ ей черница:
 «Охъ ты, дитятко дѣвица!
 Песъ проклятый одолѣлъ,
 Чуть до смерти не заѣлъ.
 Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
 Выдь ко мнѣ.»—Царевна хочетъ
 Выдти къ ней и хлѣбъ взяла,
 Но съ крылечка лишь сошла,
 Песъ ей подъ ноги—и лаеъ,
 И къ старухѣ не пускаетъ;
 Лишь пойдетъ старуха къ ней,
 Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
 На старуху. Что за чудо?
 «Видно, выпался онъ худо.»
 Ей Царевна говоритъ;
 На жъ, лови!» и хлѣбъ летитъ.
 Старушонка хлѣбъ поймала;
 «Благодарствую, сказала,
 Богъ тебя благослови;
 Потъ за то тебѣ, лови!»
 И къ Царевнѣ наливное,
 Молодое, золотое,
 Врямо яблочко летитъ...
 Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ...
 Но Царевна въ обѣ руки

Хватъ—поймала. «Ради скуки
 Кушай яблочко, мой свѣтъ.
 Благодарствуй за обѣдъ.»
 Старушонка сказала,
 Поклонилась и пропала.
 И съ Царевной на крыльцо
 Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
 Жалко смотреть, грозно востъ,
 Словно сердце песъ поетъ,
 Словно хочетъ ей сказать:
 Брось! Она его ласкаетъ,
 Треплетъ нѣжною рукою;
 «Что, Соколка, что съ тобою?
 Лягъ!» и въ комнату вошла
 Дверь тихонько заперла,
 Подъ окно за пряху сѣла
 Ждать хозяевъ, а глядѣла
 Все на яблочко. Оно
 Соку спѣлаго полно,
 Такъ свѣжо и такъ душисто,
 Такъ румяно, золотисто,
 Будто медомъ наливхось!
 Видны сѣмечки насквозь.
 Подождать она хотѣла
 До обѣда, не стерпѣла,
 Въ руки яблочко взяла,
 Къ алымъ губкамъ поднесла,
 Потихоньку прокусила,
 И кусочикъ проглотила...
 Вдругъ она, моя душа,
 Пошатнулась не дыша,
 Бѣлы руки опустила,
 Плодъ румяный уронила,
 Закаталися глаза,
 И она подъ образа
 Головой на лавку пала
 И тиха, недвижна стала...
 Братья въ ту пору домой
 Возвращались толпой
 Съ молодецкаго разбоя.
 Имъ навстрѣчу, громко вол,
 Песъ бѣжитъ, и ко двору
 Путь имъ кажетъ. «Не къ добру!
 Братья молвили: печали
 Не минуемъ.» Прискакали.
 Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
 Песъ на яблочко стремглавъ
 Съ лаемъ кинулся, озлился,
 Проглотилъ его, свалился
 И пдохъ. Напоено
 Было ядомъ знатъ оно.
 Передъ мертвою Царевной
 Братья въ горести душевной
 Всѣ поникли головой,
 И съ молитвою святой
 Съ лавки подняли, одѣли,
 Хорошить ее хотѣли.

ЦАРЕВНА и НИЩАЯ. Рисунокъ С. В. Мамонтова.

И раздумали. Она
 Какъ подъ крылышкомъ у сна,
 Такъ тиха, свѣжа лежала,
 Что лишь только не дышала.
 Ждали три дня, но она
 Не возстала ото сна.
 Сотворивъ обрядъ печальный,
 Вотъ они во гробъ хрустальный
 Трупъ Царевны молодой
 Положили, и толпой
 Понесли въ Пустую гору,
 И въ полуночную пору
 Гробъ ея къ пещи столбамъ
 На цѣпяхъ чугуныхъ тамъ
 Осторожно привинтили
 И рѣшеткой оградил;
 И предъ мертвою сестрой
 Сотворивъ поклонъ земной,
 Старшій молвилъ: «Спи во гробъ;
 Вдругъ погасла, жертвой злобъ,
 На землѣ твоя краса;
 Духъ твой примутъ небеса.
 Нами ты была любима
 И для милаго хранима—
 Не досталась никому,
 Только гробу одному.»
 Въ тотъ же день Царица злая,
 Доброй вѣсти ожидав,
 Втайнѣ зеркальце взяла
 И вопросъ свой задала:
 «Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣ,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 И услышала въ отвѣтъ:
 «Ты, Царица, спору нѣтъ,
 Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣ,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»
 За невѣстою своею
 Королевичъ Елисей
 Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
 Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
 И кого ни спроситъ онъ,
 Всѣмъ вопросъ его мудренъ;

Кто въ глаза ему смѣется,
 Кто скорѣ отвернется;
 Къ красну солнцу наконецъ
 Обратился молодецъ.
 «Свѣтъ нашъ, солнышко! ты ходишь
 Круглый годъ по небу, сводишь
 Зимы съ теплою весной,
 Всѣхъ насъ видишь подъ собою.
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
 Ты Царевны молодой?
 Я женихъ ей.»—«Свѣтъ ты мой,»
 Красно солнце отвѣчало:
 «Я Царевны не видало.
 Знать ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
 Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
 Гдѣ нибудь ее да встрѣтилъ,
 Или слѣдъ ея замѣтилъ.»
 Темной почки Елисей
 Дождался въ тоскѣ своей.
 Только мѣсяцъ появился.
 Онъ за нимъ съ мольбой погнался:
 «Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
 Позолоченный рожокъ!
 Ты встаешь во тмѣ глубокой,
 Круглолицый, свѣтлоокой,
 И обычай твой люби,
 Звѣзды смотреть на тебя.
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
 Ты Царевны молодой?
 Я женихъ ей.»—«Братецъ мой,»
 Отвѣчасть мѣсяцъ ясной:
 «Не видалъ я дѣвы красной.
 На сторожѣ я стою
 Только въ очередь мою.
 Безъ меня Царевна, видно,
 Пробѣжала.»—«Какъ обидно!»
 Королевичъ отвѣчалъ.
 Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
 «Погоди; объ ней, быть можетъ,
 Вѣтеръ знаетъ. Онъ поможетъ.»

Ты къ нему теперь ступай,
 Не печалься же, прощай.»
 Елисей не унывал
 Къ вѣтру кинулся, взывая:
 «Вѣтеръ, вѣтеръ! Ты могучъ,
 Ты гоняешь стаи тучъ,
 Ты волнуешь сине море,
 Всюду вѣешь на просторѣ,
 Не боишься никого,
 Кромѣ Бога одного.
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
 Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
 Ты Царевны молодой?
 Я женихъ ея.» — «Постой»,
 Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
 «Тамъ за рѣчкой тихоструйной
 Есть высокая гора,
 Въ ней глубокая пора;
 Въ той порѣ, во тмѣ печальной,
 Гробъ качается хрустальной
 На цѣпахъ между столбовъ.
 Не видать ни чьихъ слѣдовъ
 Вкругъ того пустаго мѣста;
 Въ томъ гробу твоя невѣста.»
 Вѣтеръ далъ побѣжалъ.
 Королевичъ зарыдалъ,
 И пошелъ къ пустому мѣсту
 На прекрасную невѣсту
 Посмотрѣть еще хоть разъ.
 Вотъ идетъ; и поднялась
 Передъ нимъ гора крутая,
 Вкругъ нее страпа пустая;
 Подъ горою темный входъ.
 Онъ туда скорѣй идетъ.
 Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
 Гробъ качается хрустальной,
 И въ хрустальномъ гробѣ томъ
 Спитъ Царевна мертвымъ спомъ.
 И о гробъ невѣсты милой

Онъ ударился всей силой.
 Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
 Ожила. Глядитъ вокругъ
 Изумленными глазами,
 И качаясь надъ цѣпами,
 Приздохнувъ, произнесла:
 «Какъ же долго я спала!»
 И встаетъ она изъ гроба...
 «Ахъ!»... и зарыдала оба.
 Въ руки онъ ее беретъ
 И на свѣтъ изъ тмы несетъ,
 И бесѣду пріятно,
 Въ путь пускается обратно,
 И трубить уже молва:
 «Дочка Царская жива!»
 Дома въ ту пору безъ дѣла
 Злая мачиха сидѣла
 Передъ зеркальцемъ своимъ
 И бесѣдовала съ нимъ,
 Говоря: «я ль всѣхъ милѣе?
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 И услышала въ отвѣтъ:
 «Ты прекрасна, слова нѣтъ,
 Но Царевна все жъ милѣе,
 Все румянѣй и бѣлѣе.»
 Злая мачиха, вскочивъ,
 Объ полъ зеркальце разбивъ,
 Въ двери прямо побѣжала
 И Царевну повстрѣчала.
 Тутъ ее тоска взяла
 И Царица умерла.
 Лишь ее похоронили,
 Свадьбу тотчасъ учинили,
 И съ невѣстою своею
 Обвѣнчался Елисей;
 И никто съ начала міра
 Не видалъ такого пира;
 Я тамъ былъ; медъ, пиво
 Да усы лишь обмочилъ.

739. ФРАНЦУЗСКИХЪ РИФМАЧЕЙ СУРОВЫЙ СУДІЯ.

[Черновой набросокъ].

Французскихъ рифмачей суровый судія,
 О классикъ Депрео, къ тебѣ взываю я:
 Хотя, постигнутый неумолимымъ рокомъ,
 Въ своемъ отечествѣ престалъ ты быть пророкомъ,
 Хотя дерзкихъ умниковъ простерлася рука
 На лавры твоего густова парика,
 Хотя разтрепанный новѣйшей вольной школой
 Къ ней въ гнѣвъ обратилъ ты свой затылокъ голый;
 Но я молю тебя, поклонникъ вѣрный твой—
 Будь мнѣ вождяемъ. Дерзаю за тобой
 Занять кафедру ту, съ которой въ прежни лѣта
 Ты слишкомъ превознесъ достоинство сонета,
 Но гдѣ торжествовалъ твой здравый приговоръ
 Минувшихъ лѣтъ глупцамъ, вранью тогдашнихъ портъ,
 (Новѣйшіе врази вралей старинныхъ стоятъ—
 И слишкомъ ужъ меня ихъ бредни беспокоятъ!
 Ужели все молчать, да слушать? О, бѣда...
 Нѣтъ, все имъ выскажу однажды навсегда).
 О вы, которые, возчувствовавъ отвагу,
 Хватаете перо, мараєте бумагу—
 Тисненію предавать труды свои спѣша—
 Постойте—напередъ узнайте—чѣмъ душа
 У васъ исполнена—прямымъ ли вдохновеніемъ,
 Иль необузданнымъ однимъ поползновеніемъ,
 И чешется (у васъ) рука по пустякамъ,
 Иль вамъ не вѣрятъ въ долгъ, а деньги нужны вамъ?

Не лучше ль вамъ съ надеждою смиренной
 Заняться службою гражданской или военной,
 (Въ табачной лавочкѣ) табачный торгъ завести,
 Снискать себѣ въ трудѣ барышъ и честь,
 Чѣмъ объявленія совать во все журналы,
 (Кропая сильному вельможѣ) мадригалы—
 Надъ меньшей братьею въ поту лица острять—
 Иль выше мнѣніемъ отважно вознестись,
 Съ оплошной публики какъ пѣкіе писаки,
 Подписку собирать на будущіе враки...

740. ЦѢНИТЕЛЬ УМСТВЕННЫХЪ ТВОРЕНІЙ
ИСПОЛИНСКИХЪ.

[Черновой набросокъ].

Цѣнитель умственныхъ твореній исполнскихъ,
 Другъ бардовъ Англіи, любовникъ музъ латинскихъ,
 Ты въ мощной древности опять меня манишь.
 . . . . . велишь.
 Я приготовился бороться съ Ювеноломъ,
 И въ русскіе стихи, неопытный портъ,
 Переложить его я далъ тебѣ обѣтъ;
 Но, развернувъ его суровыя творенія,
 Не могъ преодолѣть пугливаго смущенія...

741. НАПРАСНО Я БѢГУ КЪ СІОНСКИМЪ ВЫСОТАМЪ.

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
 Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ;
 Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
 Взметая [лапой] пыль, и гриву потрясая,
 И поздри пыльные уткнувъ въ песокъ зыбучій,
 Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій.

742. ЦАРЬ УВИДѢЛЪ ПРЕДЪ СОБОЮ.

[Черновой набросокъ].

Царь увидѣлъ предъ собою
 Столикъ съ шахматной доскою...

Вотъ на шахматную доску
 Рать солдатиковъ изъ воску
 Въ стройный рядъ разставилъ онъ,
 Подбоченясь на лошадакахъ,
 Въ коленкоровыхъ перчаткахъ,
 Въ оперенныхъ шишачкахъ,
 Съ палашами на плечахъ...
 (Тутъ лохань передъ собою
 Приказалъ налить водою)
 Передъ шахматной доскою
 На столѣ—лохань съ водою;
 Плавать онъ пустилъ по ней
 (Гучу дивныхъ кораблей),
 Барокъ, которогъ и шлюпокъ
 Изъ орѣховыхъ скорлупекъ.
 А прозрачныя вѣтрильца—
 Будто бабочкины крыльца...

743. ВЪ ПОЛѢ ЧИСТОМЪ СЕРЕБРИТСЯ.

Въ полѣ чистомъ серебрится
 Свѣтъ волнистый и рябой,
 Свѣтитъ мѣсяцъ, тройка мчится
 По дорогѣ столбовой.
 Пой: въ часы дорожной скуки,
 На дорогѣ столбовой,
 Сладки мнѣ родные звуки
 Звонкой пѣсни удалой.
 Пой, ямщикъ! Я молча, жадно
 Буду слушать голосъ твой.
 Мѣсяцъ блѣдный свѣтитъ хладно,
 Грустенъ вѣтра дальный вой...
 Знаешь пѣсню ты—лучина

744. [ГАЛУБЬ].

[Не окончено и не отдѣлено].

Не для бесѣдъ и ликованій,
 Не для кровавыхъ совѣщаній,
 Не для разпросовъ кунака,
 Не для разбойничьей потѣхи
 Такъ рано съѣхались Адехи
 На дворъ Галуба старика.
 Въ неожиданой встрѣчѣ сынъ Галуба
 Рукой завистника убить
 Вблизи разваливъ Татартуба.
 Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
 Обрядъ творится погребальной;
 Звучитъ уныло пѣснь Муллы;
 Въ арбу въпряженные волю
 Стоять предъ саклею печальной;
 Дворъ полощъ тѣсною толпой;
 Подъемятъ гости скорбной вой
 И съ плачемъ бьютъ нагрудны брони;
 И внемля шумъ небоевой,
 Мигутся спутанные кони.
 Всѣ ждуть. Изъ сакли наконецъ
 Выходитъ между женъ отецъ;
 Два узденя за нимъ выносятъ
 На буркѣ хладный трупъ. Толпу
 По сторонамъ раздаться просятъ,
 Слагаютъ тѣло на арбу
 И съ нимъ кладутъ снаряжь воинской:
 Неразряженную пищаль,
 Колчанъ и лукъ, кинжалъ Грузинской,
 И шашки крестовую сталь,
 Чтобы крѣпка была могила,
 Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
 Чтобы могъ на зовъ онъ Азраила
 Исправнымъ воиномъ возстать.
 Въ дорогу шествіе готово,
 И тронулась арба. За ней
 Адехи слѣдуютъ сурово,
 Смирля молча пылъ коней...
 Ужъ потухалъ закатъ огнистой,
 Злата нагорныя скалы,
 Когда долины каменистой
 Достигли тихіе волю.
 Въ долину той враждою жадной
 Сожженъ наѣздникъ молодой—
 Тамъ пыль въ тѣнь могилы хладной
 Онъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой...
 Ужъ трупъ землею взятъ. Могила
 Засалена. Толпа вокругъ
 Мольбы послѣднія творила.
 Изъ за горы явились вдругъ
 Старикъ (сѣдой, съ нимъ отрокъ) стройной.
 Даютъ дорогу пришлецу,
 И къ скорбному старикъ отду

Такъ молвилъ, важный и спокойной:
 «Тому прошло 13 лѣтъ,
 Какъ ты, въ аулъ чужой пришедъ,
 Вручилъ мнѣ слабого младенца,
 Чтобъ воспитаньемъ изъ него
 Я сдѣлалъ храбраго Чеченца.
 Сегодня сына одного
 Ты преждевременно хоронишь.
 Галубъ, покорень будь судьбѣ!
 Другова я привелъ тебѣ—
 Вотъ онъ. Ты голову преклонишь
 Къ его могучему плечу,
 Твою потерю пмѣ замѣнишь
 Труды мои ты самъ оцѣнишь
 Хвалиться мнѣ не хочу.»

Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
 Галубъ на отрока. Тазитъ,
 Главу потупя, молчаливо
 Ему недвижимо предстать.
 И въ горѣ нмѣ Галубъ любуясь,
 Влеченью сердца повинувся,
 Объемлетъ ласково его.
 Потомъ наставника ласкаетъ,
 Благодаритъ и приглашаетъ
 Подъ кровлю дома своего.
 Три дня, три ночи съ кунаками
 Его онъ хочетъ угощать,
 И послѣ честию провожать,
 Съ благословеньемъ и дарами.
 Ему отецъ печальный мнитъ,
 Обязанъ благомъ я безцѣннымъ:
 Слугою и другомъ неизмѣннымъ,
 Могучимъ мстителемъ обидѣ.

Проходятъ дни. Печаль заснула
 Въ душѣ Галуба. Но Тазитъ
 Все дикость прежнюю хранить.
 Среди родимаго аула
 Онъ какъ чужой; онъ цѣлый день
 Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ.
 Такъ въ саклѣ пойманный олень
 Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.
 Онъ любить по крутымъ скаламъ
 Скользить, ползти тропой кремнистой,
 Внимая бурѣ голосистой
 И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
 Онъ иногда до поздней ночи
 Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
 Недвижно въ даль уставя очи,
 Опершись на руку glavой.
 Какія мысли въ немъ проходятъ?
 Чего желаетъ онъ тогда?
 Изъ міра дольнаго куда

Младые сны его уводятъ?...
Какъ знать? Незрима глубь сердецъ!
Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ,
Какъ вѣтеръ въ небѣ...

По отцу
Уже Тазитомъ не доволенъ.
«Гдѣ жъ, мыслить онъ, въ немъ плодъ наукъ,

Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ и сила рукъ.
Въ немъ только лѣнь и непокорство.
Иль сына взоръ мой не проникъ,
Иль обманулъ меня старикъ.»

Тазитъ изъ табуна выводитъ
Коня, любимца своего.
Два дня въ аулѣ пѣтъ его,
На третій онъ домой приходитъ.

отецъ.
Гдѣ былъ ты, сынъ?
сынъ.
Въ ущельи скалъ,
Гдѣ прорванъ каменистый берегъ
И путь открытъ на Даріаль.

отецъ.
Что дѣлалъ тамъ?
сынъ.
Я слушалъ Терекъ.

отецъ.
А не видалъ ли ты Грузинъ,
Иль Русскихъ?

сынъ.
Видѣлъ я, съ товаромъ
Тифлисскій ѡхотъ Армянинъ.

отецъ.
Онъ былъ со стражей?
сынъ.
Нѣтъ, одинъ.

отецъ.
Зачѣмъ печальнымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его,
И не прыгнуть къ нему съ утеса?
Потупилъ очи сынъ Черкеса,
Не отвѣчая ничего.

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
Потомъ является домой.

отецъ.
Гдѣ былъ?
сынъ.
За Бѣлою горой.

отецъ.
Кого ты встрѣтилъ?
сынъ.
На курганѣ

Отъ насъ бѣжавшаго раба.

отецъ.
О милосердая судьба!

Гдѣ жъ онъ? уже ли на арканѣ
Ты бѣглеца не притащилъ?

Тазитъ опять главу склонилъ.
Галубъ нахмурился въ молчаньѣ,
Но скрылъ свое негодованье.
«Нѣтъ, мыслить онъ, не замѣнитъ.
Онъ никогда друга брата!
Не научился мой Тазитъ,
Какъ шашкой добываютъ золото;
Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
Не надѣлятъ его разбѣды,
Онъ только знаетъ безъ трудовъ
Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
А не въ пабѣгахъ отбивать
Коней съ Нагайскими быками,
И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружать.»

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
На третій, блѣдеетъ какъ мертвецъ,
Приходитъ онъ домой. Отецъ,
Его увидя, вопрошаетъ:
Гдѣ былъ ты?

сынъ.
Около станицъ
Кубани, близъ лѣсныхъ границъ.

отецъ.
Кого ты видѣлъ?

сынъ.
Супостата.

отецъ.
Кого, кого?

сынъ.
Убийцу брата.

отецъ.
Убийцу сына моего?...
Тазитъ! гдѣ голова его?
Миѣ черепъ этотъ нуженъ...
Дай, наглажусь!

сынъ.
Убийца былъ
Одинъ, израненъ, безоруженъ...

отецъ.
Ты долга крови не забылъ...
Врага ты навзничъ опрокинулъ...
Не правда ли? ты шашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ,
И трижды тихо повернулъ?
Ущипъ ты его стеноаньемъ,
Его змѣинымъ издыханьемъ?
(Гдѣ жъ голова?)... Подай!... Нѣтъ силъ...

Но сынъ молчитъ, потупя очи.
И сталь Галубъ чернѣе ночи,
И сыну грозно возопилъ:
«Поди ты прочь—ты миѣ не сынъ,

ГАЛУБЪ ПРОКЛИНАЕТЪ ТАЗИТА.

Ты не Чеченецъ, ты старуха,
 Ты трусь, ты рабъ, ты Армянинъ!
 Будь проклятъ мной!—Поди, чтобъ слуха
 (Никто о робкомъ не имѣлъ),
 Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
 Чтобъ мертвой братъ тебѣ на плечи

Окровавленной кошкой сѣлъ,
 И къ безднѣ гналъ тебя нещадно;
 Чтобъ ты, какъ раненый олень,
 Бѣжалъ, тоскуя безотрадно:
 Чтобъ дѣти Русскихъ деревень
 Тебя веревкою поймали

И какъ волченка затерзали —
 Чтобъ ты... бѣги, бѣги скорѣй!
 Не оскверняй моихъ очей!
 Сказалъ и на земь легъ — и очи
 Закрылъ, и такъ лежалъ до ночи.
 Когда же приподнялся онъ,
 Былъ темень сипій небосклонъ.
 Ушелій горныхъ поселенцы
 Въ долину шумно собрались;
 Привычны игры начались:
 Верхами юные Чеченцы,
 Въ пыли несясь во весь опоръ,
 Стрѣлою шапку пробиваютъ,
 Иль трижды сложенный коверъ
 Булатомъ съ разу разсѣкаютъ,
 То скользкой тѣшатся борьбой,
 То пляской быстрой. Жены, дѣвы
 Межъ тѣмъ поютъ — и гулъ лѣсной
 Далече вторитъ ихъ напѣвы.
 Но между юношей одинъ
 Забавъ наѣзничьихъ не дѣлать,
 Верхомъ не мчится вдоль стремнинъ,
 Изъ лука звонкаго не цѣлать.
 Но между дѣвами одна
 Молчать, уныла и блѣдна.
 Они въ толпѣ четою странной
 Стоять, не видя ничего.
 И горе имъ: онъ сынъ изгнанный,
 Она — любовница его...
 О, было время!... Съ ней украдкой
 Видался юноша въ горахъ;
 Онъ пилъ огонь отравы сладкой
 Въ ея смятенѣ, въ рѣчи краткой,
 Въ ея потупленныхъ очахъ,

Когда съ домашнего порогу
 Она смотрѣла на дорогу
 Съ подружкой рѣзвой говоря,
 И вдругъ садилась и блѣднѣла,
 И отвѣчая не глядѣла,
 И разгоралась какъ заря;
 Или у водъ когда стояла,
 Текущихъ съ каменныхъ вершинъ,
 И долго кованный кувшинъ
 Волною звонкой наполняла...
 И онъ, невластный превозмочь
 Волненья сердца, разъ приходитъ
 Къ ея отцу, его отводитъ
 И говоритъ: «твоя мнѣ дочь
 Давно мила; по ней тоскую,
 Одинъ и спрѣ давно живу я;
 Благослови любовь мою,
 Я бѣденъ — но могучъ и молодъ,
 Мнѣ трудъ легокъ. Я удалю
 Отъ нашей сакли тощій голодъ.
 Тебѣ я буду сынъ и другъ
 Послушный, преданный и нѣжный,
 Твоимъ сынамъ купакъ надежный,
 А ей приверженный супругъ...»

Ему внималъ старикъ угрюмый,
 Главою бѣлой покачалъ,
 Махнулъ рукой и отвѣчалъ:
 «Я не отдамъ моей орлицы
 Тому, кто въ бой идти не смѣетъ,
 Кто мститъ за брата не умѣетъ,
 Кто робокъ даже предъ рабомъ,
 Кто изгнанъ и проклятъ отцомъ.»

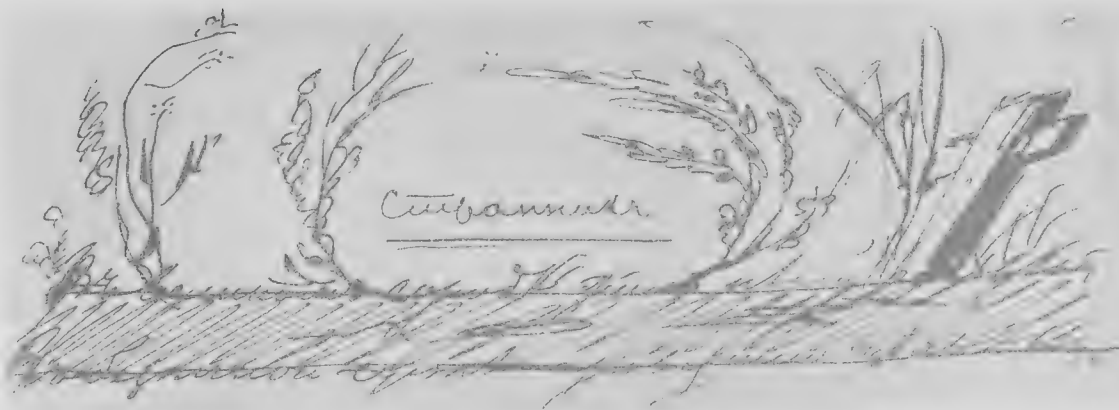
745. НА ЭТО СКАЖУТЪ МНѢ.

[Черновой набросокъ].

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной
 Смотрите — Вы поэтъ — уклонный лицемѣрный,
 Вы насъ морочите — Вамъ слава не нужна,
 Смѣшной и суетной Вамъ кажется она:
 Зачѣмъ же пишете? Я? для себя, за что же
 Печатаете Вы? — Для денегъ — Ахъ мой Боже!
 Какъ стыдно! почему жъ.

746. [КЪ Н***].

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтель ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что жъ? ты насъ обрѣлъ въ пустынь подъ шатромъ,
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйцу пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ, безмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали.
Иѣтъ, ты не проклялъ насъ!... Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой;
Ты любишь громъ небесъ, и также вплеешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Визитка Пушкина къ «Страннику».
Воспроизводится впервые по рукописи Румянцева. Музея № 2377, А.

747. СТРАННИКЪ.

[Не закончено].

I.

Однажды, странствуя среди долины дикой,
Незачи было объять я скорбию великой
И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ.
Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ.
Потупя голову, въ тоскѣ ломая руки,

Я въ вопляхъ изливаль души произзенной муки
И горько повторялъ, метался какъ больной:
Что дѣлать буду я? Что станется со мной?

II.

И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ обратно.
Уныніе мое всѣмъ было непонятно.
При дѣтяхъ и женѣ сначала я былъ тихъ,
И мысли мрачныя хотѣлъ таить отъ ихъ;
Но скорбь часъ отъ часу меня стѣсняла болѣ—
И сердце, наконецъ, открылъ я по неволѣ.
«О горе, горе памѣ! Вы, дѣти, ты, жена,
Сказалъ я, вѣдайте: моя душа полна
Тоской и ужасомъ; мучительное бремя
Тягчить меня. Идешь!... Ужъ близко, близко время:
Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обреченъ;
Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ—
И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
Обрѣсть убѣжище—а гдѣ?... О горе, горе!»

III.

Мои домашніе въ смущеніе пришли
И здравый умъ во мнѣ разстроеннымъ почли.
Но думали, что почъ и сна покой цѣлебной
Охолодать во мнѣ болѣзни жаръ враждебной.
Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ,
И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ.
Поутру я одинъ спдѣлъ, оставя ложе.
Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я то же,
Что прежде, говорилъ. Тутъ ближніе мои,
Не довѣря мнѣ, за должное почли
Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточеньемъ
Меня на правый путь и бранью и презрѣньемъ
Старались обратить. Но я, не внемля имъ,
Все плакалъ и вздыхалъ, уныніемъ тѣснимъ.
И наконецъ они отъ крика утомились.
И отъ меня, махнувъ рукою, отступились
Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачъ
Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ.

IV.

Пошелъ я вновь бродить—уныньемъ изнывая,
И взоры вокругъ себя со страхомъ обращая,
Какъ рабъ, замыслившій отчаянный побѣгъ,
Иль путникъ до дождя спѣшащій на ночлегъ.
Безсонный труженикъ, влача свою веригу,
Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу.
Онъ тихо поднялъ взоръ и спросилъ меня:
О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
И я въ отвѣтъ ему: познай мой жребій злобный;
Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ загробный—
И вотъ о чемъ крушусь; къ суду я не готовъ,
И смерть меня страшитъ. «Коль жребій твой таковъ,
Онъ возразилъ, и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
Чего жъ ты ждешь? Зачѣмъ не убѣжишь отселъ?»
И я: куда жъ бѣжать? Какой мнѣ выбрать путь?
Тогда: «не видитъ ли твой взоръ чего нибудь?»
Сказалъ мнѣ юноша, вдалѣ указуя перстомъ.
Я окомъ сталъ глядѣть болѣзненно-отверстымъ,
Какъ отъ бѣлыма врачемъ избавленный слѣпецъ:

Я вижу нѣкій свѣтъ—сказать я наконецъ.
 «Иди жь—онъ продолжалъ: держись сего ты свѣта;
 Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта,
 Пока ты тѣсныхъ вратъ спасенья не достигъ;
 Ступай!» И я бѣжать пустился въ тотъ же мигъ.
 Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей тревогу:
 И дѣти, и жена кричала мнѣ съ порогу,
 Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
 На площадь привлекли пріятелей моихъ.
 Одинъ бранилъ меня, другой моей супругѣ
 Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ.
 Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
 Кто силой воротить сосѣдамъ предлагалъ;
 Иные ужъ за мной гнались—но я тѣмъ болѣ
 Спѣшилъ перебѣжать городское поле,
 Дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста,
 Спасенья узкій путь и тѣсныя врата...

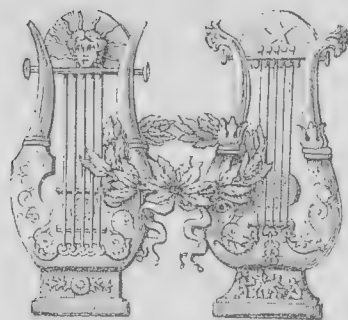

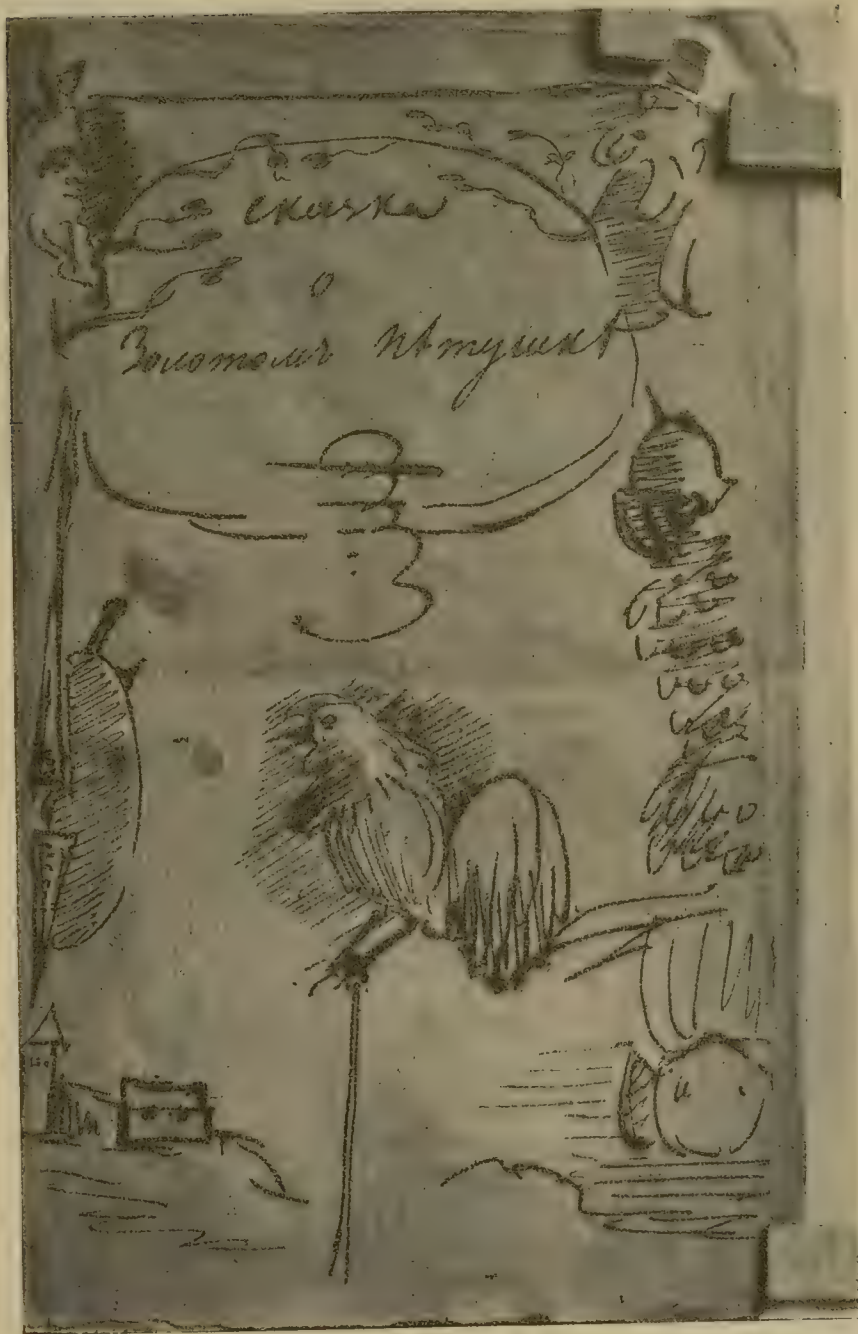
АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ.

748. [МИЦКЕВИЧЪ].

... . Онъ между нами жилъ,
 Средь племени ему чужаго; злобы
 Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
 Его любили. Мирный, благосклонный,

Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на западъ—и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: издалика
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ!... О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!

Заглавная виньетка Сказки о Золотомъ Пѣтушкѣ, рисованная Пушкинымъ.

По подлинной рукописи, хранящейся въ Публичной Библиотекѣ.

Акварель гр. О. Сологуба.

749. СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ ПЪТУШКЪ.

Нѣгдѣ въ тридевятиомъ царствѣ,
 Въ тридесятомъ государствѣ,
 Жилъ былъ славный царь Дадонъ.
 Съ молоду былъ грозенъ онъ
 И сосѣдямъ то и дѣло
 Наносилъ обиды смѣло
 Но подъ старость захотѣлъ
 Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ
 И покой себѣ устроить.
 Тутъ сосѣди безпокоить
 Стали стараго Царя,
 Страшный вредъ ему творя.
 Чтобъ концы своихъ владѣній
 Охранять отъ нападеній,
 Долженъ былъ онъ содержать
 Многочисленную рать.
 Воеводы не дремали,
 Но никакъ не успѣвали:
 Ждутъ бывало съ Юга, глядь—
 А изъ Востока лѣзетъ рать;
 Справятъ здѣсь,—лихіе гости
 Плутъ отъ моря—со злости
 Инда плакалъ Царь Дадонъ,
 Инда забывалъ и сонъ.
 Что и жизнь въ такой тревогѣ!
 Вотъ онъ съ просьбой о помогѣ
 Обратился къ мудрецу
 Звѣздочету и скопцу—
 Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
 Вотъ мудрецъ передъ Дадономъ
 Сталъ и вынулъ изъ мѣшка

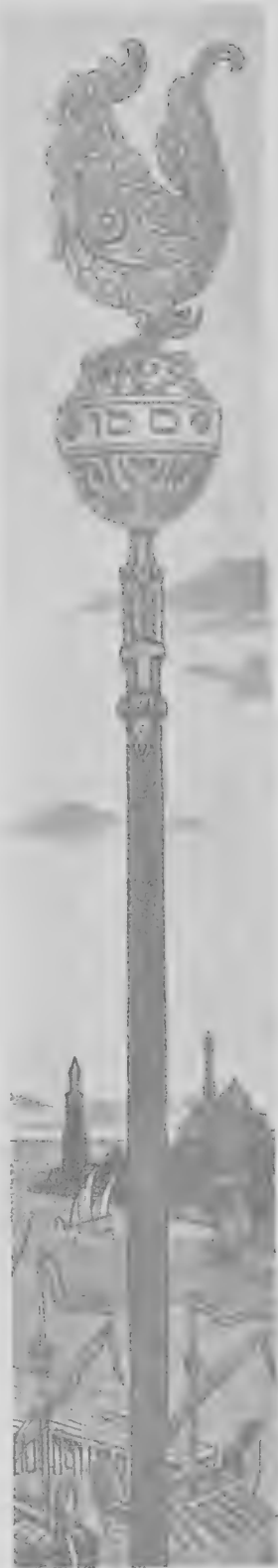

Акварель гр. О. Сологуба.

Золотаго пѣтушка.
Посади ты эту птицу,
Молвилъ онъ Царю, на спицу;
Пѣтушокъ мой золотой
Будетъ вѣрный сторожъ твой:
Коль кругомъ все будетъ мирно
Такъ сидѣть онъ будетъ смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебѣ войны,
Иль набѣга силы бранной,
Иль другой бѣды незванной,
Вмигъ тогда мой пѣтушокъ,
Приподыметъ гребешокъ,
Закричитъ и встрепенется,
И въ то мѣсто обернется.
Царь скопца благодаритъ
Горы золота сулитъ—
За такое одолженье,
Говоритъ онъ въ восхищеньи,
Волю первую твою
Я исполню, какъ мою.»

Пѣтушокъ съ высокой спицы
Сталъ стеречь его границы—
Чуть опасность гдѣ видна
Вѣрный сторожъ какъ со сна
Шевельнется, встрепенется,
Къ той сторонкѣ обернется
И кричитъ: кири ку ку!
Царствуй, лежа на боку!
И сосѣди присмирѣли,
Воевать уже не смѣли.
Таковой имъ Царь Дадонъ
Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ.

Акварель гр. О. Сологуба.

Изварель пр. О. Сологуба.

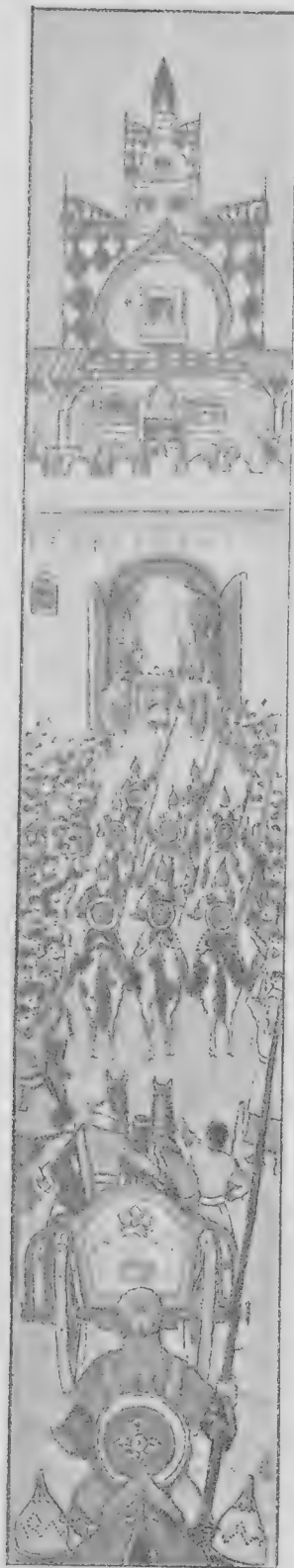
Годъ, другой проходить мирно,
 Пѣтушокъ сидитъ все смирно:
 Вотъ однажды царь Дадонъ
 Страшнымъ шумомъ пробужденъ:
 Царь ты панъ! Отецъ народа!
 Возглашаетъ Восвода,
 Государь! проснись! бѣда!
 Что такое, господа?
 Говоритъ Дадонъ, зѣвая,
 А? кто тамъ? бѣда какая?
 Восвода говоритъ:
 Пѣтушокъ опять кричитъ,
 Страхъ и шумъ во всей столицѣ.
 Царь къ окошку—анъ на сницѣ.
 Видитъ, бьется пѣтушокъ,
 Обратившись на Востокъ.
 Медлитъ нечего: скорѣ!
 Люди, на конь! Эй, живѣ!
 Царь къ Востоку войско шлетъ,
 Старшій сынъ его ведетъ.
 Пѣтушокъ угомонился,
 Шумъ утихъ и Царь забылся.
 Вотъ проходить восемь дней,
 А отъ войска нѣтъ вѣстей:
 Было-ль, не было-ль сраженья?
 Нѣтъ Дадону донесенья.
 Пѣтушокъ кричитъ опять—
 Кличетъ Царь другую рать;
 Сына онъ теперь меньшова
 Шлетъ на выручку большова;
 Пѣтушокъ опять утихъ.
 Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ.
 Снова восемь дней проходятъ;
 Люди въ страхѣ дни проводятъ.
 Пѣтушокъ кричитъ опять,
 Царь скликаетъ третью рать
 И ведетъ ее къ Востоку
 Самъ, не зная быть ли проку.
 Войска идутъ день и ночь;
 Имъ становится не въ мочь.
 Ни побойща, ни стана,
 Ни нагробнаго кургана
 Не встрѣчаетъ Царь Дадонъ.
 «Что за чудо?» мыслить онъ.
 Вотъ осмой ужъ день проходитъ,
 Войско въ горы Царь приводитъ,
 И промежъ высокихъ горъ
 Видитъ шолковой шатеръ.
 Все въ безмолвн чудесномъ
 Вкругъ шатра; въ ущельи тѣсномъ
 Рать побитая лежитъ.
 Царь Дадонъ къ шатру спѣшитъ...
 Что за страшная картина!
 Передъ нимъ его два сына
 Безъ шоломовъ и безъ латъ
 Оба мертвые лежатъ,

ПРЕДЪ ШАТРОМЪ ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ.

Акварель гр. О. Сологуба.

Акварель гр. О. Солоуба.

Мечъ вонзивши другъ во друга.
 Бродятъ кони ихъ средь дуга,
 По притоптанной травѣ,
 По кровавой муравѣ...
 Царь завылъ: охъ дѣти, дѣти!
 Горе миѣ! попались въ сѣти
 Оба наши сокола!
 Горе! смерть моя пришла.
 Всѣ завывли за Дадономъ
 Застонала тяжкимъ стономъ
 Глубь долинъ, и сердце горъ
 Потряслось. Вдругъ шатеръ
 Распахнулся... и дѣвица,
 Шамаханская Царица,
 Вся сія какъ заря,
 Тихо встрѣтила Царя.
 Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
 Царь умолкъ, ей глядя въ очи
 И забылъ онъ передъ ней
 Смерть обоихъ сыновей.
 И она передъ Дадономъ
 Улыбнулась—и съ поклономъ
 Его за руку взяла
 И въ шатеръ свой увела.
 Тамъ за столъ его сажала,
 Всякимъ явствомъ угощала,
 Уложила отдыхать
 На парчевую кровать
 И потомъ недѣлю ровню
 Покорясь ей безусловно,
 Околдованъ, восхищенъ,
 Пировалъ у ней Дадонъ.
 Наконецъ и въ путь обратной
 Со своею силою ратной
 И съ дѣвицею молодой
 Царь отправился домой.
 Передъ нимъ молва бѣжала,
 Быль и небыль разглашала.
 Подъ столицей, близъ воротъ,
 Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ.
 Всѣ бѣгутъ за колесницею
 За Дадономъ и Царицею—
 Всѣхъ привѣтствуетъ Дадонъ...
 Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
 Въ сарачинской шапкѣ бѣлой
 Весь какъ лебедь посѣдѣлый
 Старый другъ его скопецъ.
 А! здорово, мой отецъ,
 Молвилъ Царь ему; что скажешь?
 Подъ поближе, что прикажешь?
 Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ,
 Разочтемся на конецъ.
 Поминишь? за мою услугу
 Обѣщался миѣ, какъ другу,
 Волю первую мою
 Ты исполнить какъ свою.

Подарикъ ты мнѣ дѣвицу,
 Шамаханскую Царицу...—
 Крайне Царь былъ изумленъ.
 Что ты? старцу молвилъ онъ
 Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
 Или ты съ ума рехнулся.
 Что ты въ голову забралъ?
 Я конечно общалъ,
 Но всему же есть граница.
 И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
 Полно знаешь ли кто я?
 Попроси ты отъ меня
 Хоть казну, хоть чинъ боярской,
 Хоть коня съ конюшни Царской,
 Хоть полъ Царства моего.
 — Не хочу я ничего.
 Подари ты мнѣ дѣвицу,
 Шамаханскую Царицу —
 Говорить мудрецъ въ отвѣтъ—
 Царь: такъ лихъ же, пѣтъ!
 Ничего ты не получишь.
 Самъ себя ты грѣшникъ мучишь—
 Убирайся, цѣль пока;
 Оттащите старика!
 Старичокъ хотѣлъ заспорить,
 Но съ нѣмымъ накладыо вздорить;
 Царь хватилъ его жезломъ
 По лбу; тотъ упалъ ничкомъ,
 Да и духъ вонъ. Вся столица
 Содрогулась—а дѣвица
 Хи хи хи, да ха ха ха!
 Не боится знать грѣха.
 Царь хотъ былъ встревоженъ сильно,
 Усмѣхнулся ей умильно—
 Вотъ—въѣзжаетъ въ городъ онъ...
 Вдругъ раздался легкій звонъ
 И въ глазахъ у всей столицы
 Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
 Къ колесницѣ полетѣлъ
 И Царю на темя сѣлъ,
 Встрепенулся, клюнулъ въ темя
 И взвился... и въ то же время
 Съ колесницы палъ Дадонъ—
 Охнулъ разъ—и умеръ онъ—
 А Царица вдругъ пропала
 Будто вовсе не бывало
 Сказка—ложь, да въ ней намѣкъ,
 Добрымъ молодцамъ урокъ!

Акварель гр. О. Соловѣва.

750. СЪ ОЧАМИ БЫСТРЫМИ.

(Черновой набросокъ).

Съ очами (впалыми) быстрыми ? злобно
 (Съ плѣшивымъ черепомъ, зеркаломъ)
 Съ устами сжатыми (привычной) (цинически) наморщенной улыбкой
 Еще въ (младечествѣ) ребячествѣ моемъ безспильной
 (несмысл.) (и злобной) (безстыди. лукавомъ)
 (Я старцу въ сѣть попалъ)-
 Я встрѣтилъ старика съ плѣшивой головой

751. ТЫ ПРОСВѢЩЕНІЕМЪ СВОЙ РАЗУМЪ ОСВѢТИЛЪ.

(Черновой набросокъ).

Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ
 (предрасудокъ)
 Ты алчешь сбыть свѣтъ чистый свѣтъ
 Ты міра таинство
 Ты ты правды ликъ увидѣлъ
 И нѣжно
 (Это...)
 (И жарко) чуждые народы воз (по) любить
 И мудро....
 Свой (народъ) возненавидѣлъ
 Ты такъ у
 Ты жизни при
 (Ты пилъ здоровье) Лелевеля
 Ты пилъ у (яр. въ д...?) (здоровье Лелевеля)
 здоровье
 Ты славилъ имя Лелевеля
 Когда безмолвная (Варшав бунтъ)
 (мятежн.) Варшав поднялась
 Польскій
 И бун. при кликъ и буйств опьянѣла
 и кровь Польск. не сгинѣла
 (ночью)
 (И русскій)
 И злую рад...) и кровь полилась
 При кликъ Польш...
 Стеная (?)
 (Когда наша кровь рѣкою полил.)
 И смерти. борьба. И борьба началась
 При кликъ Польша не сгинѣла

Чужимъ...

Отъ на д... злобась
 (ты) (Когда въ д. криваясь д... полна.
 Когда ли Дибичъ кривой раздѣлъ...

Пестро Парижъ.
 (Когда французск.) пустомеля
 Ревѣлъ на кафедрѣ ты.... у...
 Здоровье.... Лел...
 (Ты) Ты руки потиралъ   Отъ нашихъ неудачъ
 (Отъ разныхъ)   (ты)
 ...глоталъ   (вѣсти)
 Съ лукавымъ смѣхомъ
 Съ улыбкой слушалъ вѣсти
 Кусая губы
 Ког... бѣжали вскачь
 Когда-жъ... рѣдѣли.
 И гибло знамя нашей чести
 Варшавы бунтъ
 Какъ жидъ
 (ты)   въ дымѣ
 и горько
 Поникнулъ ты (прахъ Ерусалима) возрыдалъ
 Какъ жидъ о Іерусалимѣ

Примѣчанія.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1824 г.

380. ДАВЫДОВУ.

(т. II, стр. 240).

Подъ заглавиемъ: «Д***у», съ припиской: «На приглашеніе...» и т. д., пьеса, автографъ которой намъ неизвѣстенъ, впервые появилась въ «Моск. Вѣстникѣ» 1829 г., ч. I, стр. 107, а затѣмъ вошла, въ той же редакціи, въ изданный поэтомъ въ 1829 же году сборникъ стиховъ, ч. I, стр. 198—199 (причемъ приписка дана только въ оглавленіи, стр. 223). Къ 1824 г. отнесена самимъ авторомъ.

Александръ Львовичъ Давыдовъ (1773—1833 гг.), съ 1815 г. отставной генералъ-маіоръ, единоутробный братъ генерала Н. Н. Раевского, былъ однимъ изъ хозяевъ знаменитой въ исторіи революціоннаго движенія двадцатыхъ годовъ Каменки, гдѣ бывалъ Пушкинъ, написавшій въ 1821 г. посланіе его брату Василию Львовичу (см. т. II, № 265), «почтившій» его жену Аглаю Антоновну нѣсколькими не совсѣмъ почтительными стихотвореніями (см. *ibid.*, №№ 261, 287, 311, 328) и не оставившій безъ вниманія ихъ маленькую дочку Аделъ (*ibid.*, № 343). Современникъ В. П. Горчаковъ, рассказываетъ: «Александръ Львовичъ отличался изысканностію маршала. Всѣ они дружески обращались съ Пушкинымъ, но выраженіе пріязни Александра Львовича сбивалось на покровительство, что, какъ мнѣ казалось, весьма не нравилось Пушкину» («Москвитинишъ» 1850 г., № 2, январь, кн. 2, стр. 152). Это былъ человѣкъ довольно симпатичный, пустой, хотя неглупый, и совсѣмъ далекій отъ интересовъ всего Каменскаго кружка; впрочемъ, выйти за свободу онъ не отказывался. По словамъ Н. Д. Якушкина, онъ мирно дремалъ во время горячаго спора о тайномъ обществѣ («Записки» Якушкина, изд. 1903 г., стр. 50—52). Давыдовъ очень любилъ побѣты, и чудовищная комплекція, которую не всякій экипажъ выдерживалъ, предоставляла ему въ этомъ отношеніи полный просторъ. Знаяшій его въ Одессѣ, гдѣ онъ часто навѣщалъ Пушкина, М. Ф. де Рибасъ вспоминалъ о его «физической силѣ, громадномъ ростѣ и непомѣрной толщинѣ туловища... «Самъ Давыдовъ рассказываетъ, что, будучи въ 1815 г. во Франціи вмѣстѣ съ оккупационнымъ корпусомъ и командуя однимъ летучимъ отрядомъ, онъ всегда составлялъ свой маршрутъ такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность проходить и останавливаться во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя славились или приготовленіемъ какого-нибудь особеннаго кушанья, или производствомъ какихъ-нибудь рѣдкихъ фруктовъ и овощей, или, наконецъ, искуснымъ откармливаніемъ птицъ. Такимъ образомъ, Александръ Львовичъ первый составилъ гастрономическую карту Франціи» («Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи», сборн. В. А. Яковлева, Од., 1887, стр. 116—117). Пылкій темпераментъ

жены доставилъ Давыдову репутацію роконосца и Пушкинъ не забылъ въ первой главѣ «Опѣгина» отвести ему мѣстечко: «рогопосецъ вѣлчавый, всегда довольный самъ собой, своимъ обѣдомъ и женой» (строфа XII; см. также «Записки» Н. Д. Якушкина, I, с.: Переписка П-на, академич. изд., I, 139). Много лѣтъ спустя Пушкину напомнилъ о Давыдовѣ шекспировскій Фальстафъ: «природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное созданіе. *** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, трусъ, хвастливъ, не глупъ, забавенъ, безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ жепатъ... И Пушкинъ тутъ разсказалъ забавный анекдотъ о Давыдовѣ. О немъ см. также «Сборникъ біографіи кавалергардовъ», II, 459—462; «Кіев. Университ. Извѣстія», 1899 г., № 5, «Памяти Пушкина», ст. А. М. Лободы (тамъ же портретъ Давыдова); «Архивъ Раевскихъ», I, 42—43. Ср. ст. А. М. Лободы во II томѣ настоящаго изданія.

Пушкинъ надѣялся провести лѣто 1824 г. въ Крыму, о которомъ давно мечталъ (см. послѣдніи двѣ строфы «Желанія», 1821 г.). Въ декабрѣ 1823 г. онъ писалъ князю П. А. Вяземскому: «что если бы ты забѣжалъ къ намъ на югъ нынче весною? Мы бы провели лѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣльнаго народа, женщинъ и мужчинъ». Во главѣ одесской колоніи, переселявшейся на лѣто въ Крымъ, стоялъ гр. М. С. Воронцовъ, и присоединиться къ этому «дѣльному народу» Пушкину помѣшали, конечно, испортившіяся отношенія съ Воронцовымъ.

Слова Пушкина: «ты не въ чахоткѣ, слава Богу», и молитва о писносланіи Давыдову аппетита—остроумный намекъ на «милый правъ» и на внушительную комплекцію Александра Львовича. «Торжественная ода» Горация—«Къ кораблю, везущему въ Аѳины Вергилія» («Оды», I, 3). Аристиппомъ, проповѣдывавшимъ умѣренность въ наслажденіяхъ, Давыдовъ, далеко не сторонникъ воздержанія, названъ тоже въ шутку; имя этого философа Пушкинъ зналъ еще на лицейской скамьѣ (см. «Посланіе Лидѣ», 1816 г.), между прочимъ, вѣроятно, по стихотворенію Державина «Аристиппова баня».

381. ИНОСТРАНКѢ.

(т. II, стр. 240).

Первоначальный, исчерканный набросокъ этой пьесы находится въ хранящейся въ Импер. Публичной Библіот. черновой тетради 1820—1821 гг., л. 63, об. (facsimile въ «Сборникѣ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей», изд. редакціи «Русской Старины» и П. К. Опочинина, СПб., 1873 г.); другой черпункъ, подъ заглавіемъ: «Къ иностранкѣ» находится въ кнѣжеской тетради

Пушкина (Румянцовск. муз., № 2369, л. 1), а третий, под заглавием: «Въ альбомѣ» — въ 2367-ой тетради Румянцовскаго музея, л. 26; о вариантахъ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Посылая брату и П. А. Плетневу передъ печатаніемъ сборника 1826 г. необходимыя указанія, Пушкинъ озаглавилъ пьесу: «Въ альбомѣ иностранкѣ» (Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту, сообщ. А. Н. Майкова, СИБ., 1896, стр. 7). Впервые появилось стихотвореніе въ сборникѣ изд. 1826 г., стр. 115, а затѣмъ въ изданіи 1829 г., ч. II, стр. 148; въ обоихъ изданіяхъ — безъ отнесенія къ тому или иному году. Въ третьемъ автографѣ подъ стихами написано: «Vieux-tu m'aime? 18. 19. mai 1824, pl. s. D.» П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина, печатая «Иностранкѣ» подъ 1824 г. (т. II, стр. 351—352), объясняетъ въ примѣчаніяхъ (ibid., 377), что пьеса «въ рукописи имѣетъ заглавіе «Въ Альбомѣ» и помѣтку: «19 Мая 1824 г.»; заглавіе рукописи объясняетъ стихи: «На чуждыя черты взирая»; вѣроятно, въ альбомѣ находился портретъ Пушкина. Въ другомъ мѣстѣ («Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 244) Анненковъ писалъ: «подъ пьесой въ рукописяхъ (?) стоятъ и слова: Vieux-tu m'aime? Point de D?». (См. о немъ во II т. настоящаго изданія, стр. 171, 586; «П. въ Александр. эпоху», 192—193). Объясненія Анненкова не выдерживаютъ критики: «чуждыми чертами» Пушкинъ могъ назвать не свое лицо, конечно, хорошо знакомое женщинѣ, которой посвящались стихи, а свои строки, написанные «на языкѣ не внятномъ» иностранкѣ; помѣта: «pl. s. D.» была не только навѣрно прочтена Анненковымъ, но и отнесена къ Дегильи безъ всякаго основанія. Значеніе этой помѣты отъ насъ скрыто.

Кто была «иностранка», неизвѣстно. Братъ Пушкина въ своихъ воспоминаніяхъ о поэтѣ рассказываетъ: «одна иностранка, оставляя Россію, просила Пушкина написать ей что-нибудь въ память самыхъ близкихъ двухлѣтнихъ ихъ отношеній. Онъ написалъ ей пьесу: «На языкѣ тебѣ не внятномъ» и пр. Она очень удивилась, узнавши, что стихи собственнаго его сочиненія, просила перевода, но Пушкинъ предоставилъ ей обратиться для сего къ первому русскому, котораго она встрѣтитъ за границею...» («Москвитинъ», 1833 г., ч. III, № 10, май, кн. 2; также у А. Н. Майкова, «Пушкинъ», стр. 9—10). Повторяя тотъ же рассказъ, Анненковъ въ своихъ «Материалахъ для біографіи Пушкина», (изд. 1-ое, 1855 г., стр. 84—85) пишетъ эту иностранку среди кишиневскихъ знакомыхъ Пушкина: «отъ пребыванія его въ Кишиневѣ осталось еще воспоминаніе въ двухъ стихотвореніяхъ: «Гречанкѣ» («Ты рождена воспламенять...») и «Иностранкѣ»... К. П. Зеленецкій («Госпожа Ризницъ и Пушкинъ» — «Одесск. Вѣстникъ» 1856 г., т. III, № 11, июнь, кн. 1; перепеч. въ сборникѣ В. А. Яковлева «Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи», Од., 1887 г.) говоритъ («Отзывы», 142—143): «весною 1824 г. г-жа Ризницъ уѣхала за границу... Она не могла, въ продолженіе кратковременнаго своего пребыванія въ Одессѣ, выучиться говорить и понимать по-русски: въ домѣ у нея, кромѣ развѣ прислуги, говорили по-итальянски или по-французски. Весьма, поэтому, правдоподобно, что стихотвореніе «Иностранкѣ» писано къ ней. Притомъ тутъ упоминается о «заблужденіи пріятномъ», въ которомъ поэтъ долго могъ находиться по отношенію къ

своему сопернику... Далѣе, ссылаясь на сообщеніе А. С. Пушкина и даже произвольно исправляя его показаніе о двухлѣтнихъ отношеніяхъ иностранки къ поэту («однолѣтнихъ») — пишетъ Зеленецкій, одесскій критикъ находилъ, что «по характеру г-жи Ризницъ, по настроенію ея чувства и по тому, что особенно занимало ея мысли, весьма немудрено, что случай этотъ былъ именно съ нею, и что стихи писаны именно къ ней». А. П. Пезеленовъ («П—нъ въ его поэзіи», СИБ., 1882, стр. 148) находитъ догадку Зеленецкаго «основательной» и объясненія его «справедливыми». Такъ же согласенъ съ Зеленецкимъ авторъ другой статьи о Ризницѣ, П. Антоновичъ («Г-жа Ризницъ и Пушкинъ» — «Южно-Русскій Альманахъ», изд. Ю. Сандомпрскаго, Од., 1899, литерат. отд., стр. 11—19), который повторяетъ слова Зеленецкаго: — «что стихотвореніе 1824 г. «Иностранкѣ», писанное напрошаніе съ нею, при отъѣздѣ ея за границу, относится къ г-жѣ Ризницѣ, а не къ какой-либо другой дамѣ, доказывается тѣмъ, что никакой другой иностранкой, которая бы въ 1824 г. выѣхала за границу, Пушкинъ въ Одессѣ занять не былъ...» Сопоставляя «Иностранкѣ» и посвященные Ризницѣ стихи «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты...», г. Антоновичъ приходитъ къ странному выводу: «ясно, что и тамъ, и здѣсь говорится объ отношеніяхъ къ поэту одного лица... Гораздо правдоподобнѣе мнѣніе П. Е. Щеголева («Амалія Ризницъ въ поэзіи А. С. Пушкина» — «Вѣстн. Европы» 1904 г., январь, 323—324), который, основываясь на хронологической помѣтѣ подъ стихотвореніемъ, объясняетъ: «Ризницъ получила заграничный паспортъ 30 апр. 1824 года и выѣхала въ первыхъ числахъ мая. Съ нѣкоторой натяжкой можно было бы первые числа мая дотянуть до 18, 19 мая для того, чтобы имѣть возможность отнести эти стихи къ Ризницѣ. Но этому мѣшаетъ, главнымъ образомъ, то, что первый его набросокъ мы находимъ въ записной книжкѣ 1820—21 года, т.-е. того времени, когда о Ризницѣ Пушкинъ не имѣлъ никакого представленія. Другой черновой набросокъ этого стихотворенія мы встрѣчаемъ въ кишиневской тетради 1822 года. Во всякомъ случаѣ, первоначально Пушкинъ предназначалъ стихи для иностранки, намъ неизвѣстной; быть можетъ, въ окончательной редакціи онъ посвятилъ его Ризницѣ, но тогда, конечно, на это стихотвореніе можно смотрѣть только какъ на альбомную замѣтку, не болѣе, а не какъ на искреннее выраженіе глубокаго чувства; въ послѣднемъ случаѣ поэтъ не сталъ бы приспосабливать къ моменту свои старые стихи. Вѣрнѣе всего относить эти стихи не къ Ризницѣ, а къ особѣ, имя которой намъ неизвѣстно». Соображенія Анненкова и П. Е. Щеголева наиболѣе близки къ истинѣ.

Всякія догадки должны основываться на фактическомъ и никакъ не оспоренномъ сообщеніи такого близкаго къ Пушкину человека, какъ его братъ, который говорилъ о двухлѣтнихъ близкихъ отношеніяхъ поэта къ иностранкѣ. Ризницъ же въ Одессѣ прожила не два года, а только годъ (см. во II т. настоящаго изданія наши примѣчанія къ № 372). «Двухлѣтнія» отношенія могли вестись только въ Кишиневѣ, гдѣ Пушкинъ прожилъ два года и девять мѣсцевъ, а не въ Одессѣ, гдѣ онъ прожилъ годъ съ небольшимъ. Помѣта «18. 19 mai 1824» подъ черновикомъ 2367-ой музейной тетради вызываетъ нѣкоторые сомнѣнія. Весьма возможно, что она вовсе не связана съ

пьесой (такіе примѣры попадаются въ рукописяхъ Пушкина), и вся непонятная намъ запись: «*Veux tu m'aimer. 18. 19. mai 1824. pl. s. D.*» отнесена къ какому-нибудь эпизоду одесской жизни поэта, неизвестному намъ; въ той части 2367-ой тетради, гдѣ находится черновикъ разбираемой пьесы, перемѣшаны между собою стихи 1821-1827 гг. онъ записанъ между стихами «Свободы съяте-ль пустынный»..., 1823 г., и «Ты Богоматерь»..., 1827 г. Быть можетъ, стихи, дѣйствительно, окончательно отдѣланы въ 1824 г. въ Одессѣ, по «иностранка», во всякомъ случаѣ, не Рязницъ и принадлежитъ, согласно указанію брата Пушкина, вѣрнѣе къ кишиневскимъ знакомымъ поэта; къ тому же два первые наброска пьесы относятся безъ всякаго сомнѣнія къ кишиневскому періоду. «Заблужденіе пріятное», которое такъ криво толковалъ Зеленецкій, объясняется самымъ стихотвореніемъ: поэтъ склоненъ думать, что, надѣясь на вниманіе иностранки, вѣроятно заблуждается. Бѣлинскій въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзіи упоминалъ «Иностранку» въ числѣ лучшихъ, «самобытныхъ» пьесъ Пушкина. Стихотвореніе не говоритъ о глубокомъ, серьезномъ чувствѣ, какое дышитъ, напримѣръ, въ посвященныхъ Рязницѣ стихахъ «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты»... Блестящее по формѣ, оно по тону сбивается скорѣе на типичное альбомное посвященіе, пѣть тѣхъ, въ которыхъ, выражаясь словами «Опѣтина».

вѣрно клятвы вы прочтете
Въ любви до гробовой доски...

382. ПОЛУ-ГЕРОИ, ПОЛУ-НЕВѢЖДА...

(т. II, стр. 210).

Впервые эпиграмма появилась, подъ заглавіемъ: «Графу В—ву», въ сборникѣ Русскаго (П. В. Гербея) «Стихотворенія А. С. Пушкина, невошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берлинъ, 1868, стр. 100, затѣмъ—въ «Русс. Архивѣ» 1876 г., № 10, а въ собраніи сочиненій Пушкина стала входить начиная съ изданія 1880 г., I, 452, гдѣ была напечатана подъ заглавіемъ: «На В—ва». Прежній текстъ, значительно отличающійся отъ принятаго въ настоящемъ изданіи, былъ взятъ изъ неизвестнаго источника и не можетъ быть признанъ авторитетнымъ. Здѣсь воспроизведена эпиграмма въ той редакціи, въ которой записалъ ее самъ Пушкинъ въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому 10 октября 1824 г. (впервые напечатанномъ въ «Старинѣ и Новизнѣ», кн. V, 1902 г., стр. 13), гдѣ она прямо отнесена къ графу М. С. Воронцову.

Создалась она, вѣроятно, нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, еще во время пребыванія поэта въ Одессѣ. «Мрачное настроеніе духа Александра Сергѣевича, — рассказываетъ П. Н. Антрапи («Русс. Арх.» 1866 г., ст. 1177—1178), — породило много эпиграммъ, изъ которыхъ едва ли не большая часть была имъ только сказана, но попала на бумагу и сдѣлалась извѣстной... Начались сплетни, интриги, которыя еще болѣе тревожили Пушкина. Говорили, что будто бы графъ, черезъ кого-то, изъяснилъ Пушкину свое неудовольствіе, и что это было поводомъ злыхъ стиховъ о графѣ. Услужливость нѣкоторыхъ тотчасъ распространила ихъ. Не дужно было искать, къ чьему портрету они мѣтили. Пушкинъ завѣрялъ меня, что

стихи эти написаны не были, но какъ-то раздва или три имъ были повторены и такъ попали на бумагу». Должно быть, такимъ образомъ и возникла извѣстная прежде редакція эпиграммы. «Полу-Милордъ Воронцовъ даже не полугерой» — писалъ Пушкинъ Жуковскому (29 ноября 1824 г.). Прозвище «полу-Милордъ» упрочилось за Воронцовымъ; такъ называетъ его П. С. Алексѣевъ въ письмѣ къ Пушкину 30 октября 1826 г. «Полуподлецомъ» названъ Воронцовъ также въ одномъ вариантѣ эпиграммы «Сказали разъ дарю»... (см. ниже, примѣч. къ № 402). Эпиграмма была въ свое время весьма извѣстна; подражаніе ей находимъ въ «Интерат. Прибавленіяхъ къ Русск. Пивалиду» 1831 г., № 20, стр. 159—стихотвореніе Загорскаго «Надѣсь къ дому, въ которомъ жилъ поэтъ Баратынскій въ Гельзенфорсѣ».

Объ отношеніяхъ Пушкина и Воронцова см. статью «Пушкинъ въ Одессѣ» (во II томѣ) и примѣчанія къ №№ 371, 383, 394, 402, 423, 429, 492, 494.

383. САРАНЧА ЛЕТѢЛА, ЛЕТѢЛА...

(т. II, стр. 210).

Четверостишіе впервые было напечатано въ статьѣ К. П. Зеленецкаго «Свѣдѣнія о пребываніи А. С. Пушкина въ Кишиневѣ и въ Одессѣ и примѣчанія къ описанію Одессы, помѣщенному въ *Евгеніи Опѣтинѣ*» («Москвитинъ» 1854 г., т. III, № 9, отд. V, стр. 11); см. его же замѣтку въ «Библиографич. Запискахъ» 1858 г., № 5, стр. 137. Въ собраніи произведеній Пушкина оно стало входить начиная съ перваго изданія Г. П. Гепари, прилож., 1860 г., стр. 59. Въ этой шуткѣ видятъ комическій «рапортъ», который будто бы подалъ Пушкинъ Воронцову по возвращеніи изъ командировки на истребленіе саранчи. Между тѣмъ, изъ достовѣрнаго источника извѣстно, что Пушкину, который «возвратясь подалъ донесеніе объ исполненіи порученнаго» (см. во II т. ст. «Пушкинъ въ Одессѣ», стр. 280), было далеко не до шутки; къ тому же Пушкинъ тогда не былъ торжествующей въ столкновеніи стороною, былъ униженъ Воронцовымъ и шутить такимъ образомъ значило бы издѣваться, да еще неслучайно издѣваться надъ самимъ собою, тогда какъ Пушкинъ чувствовалъ себя правымъ. Стихи, можетъ быть, и одесскаго происхожденія и даже современны Пушкину, но въ силу только-что сказаннаго, едва-ли могутъ быть приписаны ему. Пушкину приписывается, и такъ же безосновательно, еще одинъ подобный рапортъ о саранчѣ—П. Н. Пизову, длинный, не только въ стихахъ, но и въ прозѣ; см. помѣщенную фальсификацію кишиневскихъ «семейныхъ преданій» о Пушкинѣ Е. Францовой (Киріенко-Волошиновой) въ «Русск. Обзорѣ» 1897 г.

384. ТИМКОВСКИИ ЦАРСТВОВАЛЪ...

(т. II, стр. 211).

Автографъ этой эпиграммы неизвестенъ. Впервые она появилась въ сборникѣ П. В. Гербея (Русскаго) «Стихотворенія А. С. Пушкина, невошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берлинъ, 1861, стр. 117, а въ собраніи произведеній Пушкина

стали входить, начиная съ изданія 1880 г., (т. I, стр. 451). За принадлежность ея Пушкину ручается не только характерный пушкинскій стихъ, не только остроуміе, но и однородные прозаическіе отзывы Пушкина объ обоихъ цензорахъ, разбросанные въ письмахъ поэта. Въ 1824 г. князя А. Н. Голицына на посту министра народнаго просвѣщенія смѣнилъ А. С. Шишковъ, и Пушкинъ сталъ надѣяться на благоприятныя для литературы перемены въ цензурномъ вѣдомствѣ, подчиненномъ тогда министру народнаго просвѣщенія. «Съ переменною министерства»—писалъ онъ брату 13 іюня 1824 г.—«ожидая и перемены цензуры. А жалъ... la soupe était pleine. Бируковъ и Красовскій не въ терпѣжъ были глупы, своеправны и притѣснительны. Это долго не могло продолжаться». Затѣвъ поэтическую «панихиду» по Байрону, поэтъ остановился, «справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Бирукова, раздѣленнаго на Красовскаго» (пис. къ Вяземскому 10 октября 1824 г.). Но надежда Пушкина не сбылась. И Красовскій, и Бируковъ остались цензорами. Александръ Ивановичъ Красовскій (род. въ 1776 г., умеръ 19 ноября 1857 г.) съ 1821 г. служилъ цензоромъ, а съ 1833 г. до самой смерти былъ председателемъ комитета иностранной цензуры; въ дѣтстве русскою литературою хранился множество курьезныхъ разсказовъ о цензорской подозрительности этого типичнаго психопата. Александръ Степановичъ Бируковъ (род. 2 іюня 1772 г., ум. 31 мая 1844 г.) былъ цензоромъ петербургскаго цензурнаго комитета въ 1821—1826 гг. (Свѣдѣнія о нихъ см. въ «Остафьевск. Архивѣ», II, 520—521). Съ Бируковымъ Пушкину пришлось имѣть дѣло. Этотъ цензоръ былъ довольно «добрый малый», какъ называлъ его Пушкинъ; его можно было иной разъ уломать, хотя вообще былъ «фи-дита, блажной дитя», и Пушкинъ боялся, что онъ не пропуститъ «Онѣгина»; однако, имъ была разрѣшена первая глава романа, и Пушкинъ, собираясь печатать свой первый сборникъ стиховъ, писалъ брату и П. А. Плетневу (15 марта 1825 г.): «Бируковъ человекъ просвѣщенный; кромѣ его, я ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повинуюсь его приговорамъ безусловно». Сборникъ вышелъ сравнительно довольно неповрежденнымъ «изъ-подъ Бирукова», какъ выражался Пушкинъ. Вообще цензурный гнетъ оказался не такъ силенъ, какъ ожидалъ Пушкинъ, который въ слѣдующемъ году самъ призналъ «удушеніе цензуры» (письмо къ Вяземскому въ началѣ іюля 1825 г.). Но эти «красные» дни тянулись недолго, и особенно жестокія цензурныя притѣсненія начались въ царствованіе Николая Павловича; въ 1836 г. Пушкинъ писалъ Д. В. Давыдову, что русскіе писатели «никогда не бывали притѣснены, какъ нынче, даже и въ послѣднее пятилѣтіе царствованія императора Александра, когда вся литература сдѣлалась рукописною, благодаря Красовскому и Бирукову».

О прежнемъ цензорѣ П. О. Тимковскомъ, разрѣшившемъ въ 1820 г. «Руслана и Людмилу», Пушкинъ вспоминалъ не разъ. Въ письмѣ 23 марта 1821 г. къ Дельвигу онъ писалъ: «О чемъ цензора ни прошу, ото всего Тимковскій ахнетъ. Теперь я, право, чуть дышу, отъ воздержанья муза чахнетъ, и рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу»... Бирукова Пушкинъ называлъ—«на скользкомъ principi Тимковскаго наследникъ» (см. ниже,

примѣч. № 393). Въ одномъ официальном документѣ («Русск. Арх.» 1908 г., II, прилож., стр. 35). Тимковскому дана такая аттестація—«человѣкъ добрыхъ свойствъ и почитатель религіи неприхотливый». Въ томъ же 1824 г. Дельвигъ посвятилъ «Петербуржскимъ цензорамъ» сатирическіе куплеты, напоминающіе эпиграмму Пушкина: «Передъ вами—пулъ Тимковскій! Въ вашей славѣ онъ погасъ; вы, по совѣсти поповской цензуры, жмете насъ. Славьтесь, Бируковъ, Красовскій!»... и т. д. (Сочин. бар. А. А. Дельвига, СПб., 1895, стр. 62—63).

По сходству отзывовъ о цензорахъ въ эпиграммѣ и въ пушкинскихъ письмахъ 1824 г. ее можно съ значительной вѣроятностью отнести къ этому году.

385. КЪ МОРИЮ.

(см. т. II, стр. 211).

Черновые наброски пьесы находятся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, лл. 12 и 12 об., 13 и 18. На 12-мъ листѣ небрежно записаны только три первые стиха четвертой строфы; на лл. 12 об. и 13-мъ—перебѣленный, но еще не отдѣланный окончательно текстъ подъ заглавіемъ: «Морю, 1824», съ нѣсколькими поправками и состоящій изъ девяти строфъ, соответствующихъ 1—7, 14 и 15-ой строфамъ окончательной редакціи; кромѣ того, тутъ же, на 13-мъ листѣ, записана и 13-ая строфа, но не вполне отдѣланная и перечеркнутая; на 18-мъ листѣ находится набросокъ 8—12-ой строфъ, но очень исчерканный и съ трудомъ поддающійся разбору; нѣсколько строфъ, о Наполеонѣ, были перенесены изъ него въ окончательную редакцію оды «Наполеонъ» (1821 г.). Перебѣленный автографъ пьесы принадлежитъ В. Е. Якушкину. О представляемыхъ рукописями и печатными редакціями вариантахъ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Поэтъ удѣлялъ стихотворенію много вниманія и тщательно его исправлялъ.

Въ печати появилось сначала только извлеченіе изъ пьесы. Въ «Москов. Телеграфѣ» 1825 г., ч. I, стр. 39, въ «Прибавленіи» къ помѣщенной въ той же книжкѣ журнала статьѣ В. Скотта «Характеръ лорда Байрона», было сказано: «великій Байронъ, необыкновенное явленіе въ нравственномъ мірѣ нашего времени, не долженъ быть судимъ, какъ человекъ обыкновенный; въ немъ все превышало посредственность ума и чувствъ, столь обыкновенную въ нашемъ вѣкѣ. Никто изъ поэтовъ, принесшихъ дань памяти Байрона, не изобразилъ его такъ правдиво и сильно, какъ нашъ Пушкинъ (въ стихахъ: «Прощаніе съ моремъ», которые будутъ напечатаны въ 4-ой части «Мнемозины»), говоря: «Ревн, волнуйся непогодой!»... и т. д.—слѣдуютъ еще шесть стиховъ. Дѣйствительно, въ «Мнемозинѣ», которую издавали В. К. Кюхельбекеръ и кн. В. О. Одоевскій, ч. IV, стр. 102—104, появилось, безъ раздѣленія на строфы, все стихотвореніе, за исключеніемъ 13-ой строфы, въ которой были оставлены лишь два слова: «Міръ опустѣлъ»... тутъ же внизу сдѣлано примѣчаніе: «Въ семъ мѣстѣ авторъ поставилъ три съ половиной строки точекъ. Издателемъ сіе стихотвореніе доставлено княземъ П. А. Вяземскимъ въ подлинникъ и здѣсь отпечатано точно въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ-подъ

пера самого Пушкина. Некоторые списки оного, ходящие по городу, искажены неслыханными прибавлениями. Изд. Затѣмъ пьеса была включена въ сборникъ стихотвореній Пушкина, изд., 1826 г. стр. 83—86, гдѣ изъ 13-ой строфы приведены два первые стиха, и 1829 г., ч. I, стр. 190—195, съ тѣми же точками, замѣняющими пропущенные стихи 13-ой строфы, что и въ «Мнемозинѣ». Въ наст. изданіи стихотвореніе печатается въ окончательно исправленной Пушкинымъ редакціи, представляемой изданіемъ 1829 г., а 13-ая строфа, не совсѣмъ точныя дополненія къ которой были сообщены въ «Библиографич. Запискахъ» 1838 г., № 11, ст. 343, пополняется по музейной рукописи (л. 13-й); эти дополненія въ правильномъ видѣ были даны въ «Русск. Стар.» 1884 г., июль, стр. 6, и перешли въ изданіе литературнаго фонда, т. I, стр. 303.

Подъ «неслыханными прибавленіями» издатели «Мнемозины» разумѣли всевозможные «вольные» варианты послѣдняго стиха 13-ой строфы: «Гдѣ благо, тамъ уже на стражѣ нѣ просвѣщеніе, нѣ тиранъ».. Такъ, въ одной рукописи, на которую указываетъ П. А. Ефремовъ (Сочин. П., т. VIII, 1905 г., стр. 202) этотъ стихъ таковъ: «Стоитъ неистовый тиранъ»; въ «Библиограф. Запискахъ» 1838 г., I, с., — «Непросвѣщеніе нѣ тиранъ»; въ изданіяхъ Генцади, 1839 г., I, 288, и 1870 г., I, 275: «Коварство, злоба и . . . .» [тиранъ]; П. В. Гербель въ берлинскомъ томикѣ 1861 г., стр. 152, указываетъ: «Нѣ суевѣрье, нѣ тиранъ»; въ изданіяхъ Ефремова, 1880 г. (I, 454), 1882 г. (I, 416), 1903 г. (I, 503), даже: «Нѣ самовластье, нѣ тиранъ!» Переписчикамъ стихотворенія хотѣлось какъ можно ярче усилить, «революціонизировать» текстъ. Между тѣмъ, мысль Пушкина очень ясна; въ ней отразилась старая романтическая идея: «просвѣщеніе», т.-е. высшую культуру, сотканную изъ ламъ и условностей, поэтъ считаетъ не менѣе враждебной благу истинной, естественной свободы, чѣмъ тиранія. Эта мысль была воплощѣ въ духѣ оплакиваемого Пушкинымъ великаго англійскаго поэта. То же поетъ Алеко сыну (см. ниже, № 397): «Подъ сѣнью мирнаго забвенія пускай дыгана бѣдный внукъ не знаетъ пѣни просвѣщенія и пышной суеты наукъ»..

Когда въ Одессу пришла вѣсть о внезапной кончинѣ Байрона, Пушкинъ былъ потрясенъ. На внутренней сторонѣ задней доски тетради, въ которой находятся черновые стихи разбираемой пьесы, онъ записалъ дату горестнаго событія: «1824, 1917 aug mort de Byron (см. «Русск. Стар.» 1884 г., июль, 1). Другъ поэта, кп. П. А. Вяземскій писалъ А. П. Тургеневу 26 мая: «Греція дремля, Греція нашихъ дней и Байронъ мертвый—это океанъ поэзіи! Надѣюсь на Пушкина». («Остаф. Архивъ», III, 49). «Смерть его въ виду всей возрождающейся Греціи, конечно, завидная и поэтическая», — писалъ Вяземскій Тургеневу 3-го іюня (ib., 51), — Пушкинъ, вѣрно, схватитъ моментъ сей и воспользуется случаемъ». Женѣ своей, Вѣрѣ Ѳеодоровнѣ, находившейся тогда въ Одессѣ, Вяземскій писалъ: «Ты и смерть Байрона не выходишь у меня изъ головы и изъ сердца» («Остаф. Архивъ», V, вып. I, стр. 9); вскорѣ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, 6 іюня (ib., 11), онъ поручилъ ей: «заставь Пушкина тотчасъ писать на смерть Байрона», а 16 іюня (ib., 15) снова напоминаетъ: «ожидая его надгробной пѣсни Байрону». Пушкинъ отвѣчалъ на эти вызовы въ серединѣ іюня: «По твоимъ письмамъ къ Кн. Вѣрѣ, вижу, что и тебѣ

и Кюхельбекерно и тошно; тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Гениі Байрона бѣднѣлъ съ его молодостию. Въ своихъ трагедіяхъ, не включая и Каина, онъ ужъ не тотъ пламенный Демонъ, который создалъ Гяура и Чильдъ Гарольда. Первые 2 пѣсни Донъ-Жуана выше слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнилась. Опъ весь созданъ былъ навыворотъ; постепенности въ немъ не было, опъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвращались. Послѣ 4-й пѣсни Child Harold Байрона мы не слыхали, а писалъ какой то другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ». Вяземскій, вѣроятно, совѣтовалъ другу продолжать «Чайльдъ Гарольда», избрать предметомъ поэмы смерть Гарольда-Байрона въ разгарѣ войны за освобожденіе грековъ. Но Пушкинъ, уже разочаровавшійся въ прежнемъ увлеченіи греческимъ движеніемъ (см. во II т. настоящаго изданія примѣчанія къ № 369), писалъ Вяземскому: «Твоя мысль вослѣдъ его смерти въ 5-й пѣсни его Героя престелца—но мнѣ не по силамъ. Греція мнѣ огадила. О судьбѣ Грековъ позволено разсуждать какъ о судьбѣ моей братьи Негровъ; можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго; но чтобы всѣ просвѣщенные Европейскіе народы бредили Греціей—это непростительное ребячество. Іезуиты патоложили намъ о Ѳемистоклѣ и Периклѣ, а мы воображали, что нагостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавошниковъ, есть законнорожденный ихъ потомокъ и наследникъ ихъ школьной славы. Ты скажешь, что я переѣхалъ свое мнѣніе.. Приѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотришь на соотечественниковъ Мильтиада и ты бы со мною согласился. Да посмотри, что писалъ тому нѣсколько лѣтъ самъ Байронъ въ замѣчаніяхъ на Child Harold—тамъ, гдѣ онъ ссылается на мнѣніе Фовеля, французскаго консула, помнится, въ Смирнѣ. Общаю тебѣ однако же впрямь на смерть Его Превосходительства». Вяземскій не уставлялъ торопить Пушкина и все писалъ женѣ: «пускай онъ мнѣ пришлетъ скорѣе стихи на смерть Байрона; я и самъ хочу прозою написать о томъ же. Вмѣстѣ напечатать!» (пис. 21 іюня—ib., 17) «клянися Пушкину. Что же Байрона? И Дашковъ пишетъ ко мнѣ, что опъ надѣется на него» (6 іюня—ib., 26). Вяземскій вызывалъ и Жуковскаго писать о Байронѣ. «Какая поэтическая смерть—смерть Байрона!.. — говоритъ онъ въ цитированномъ выше письмѣ къ А. П. Тургеневу. «Завидую пѣвцамъ, которые достойно воспоютъ его кончину. Вотъ случай Жуковскому! Если опъ имъ не воспользуется, то дѣло колено; знать, пламенный его погасъ».. («Остаф. Архивъ», III, 48—49). Самому Жуковскому Вяземскій писалъ 9-го сентября: «Я не могу простить тебѣ твое молчаніе о Байронѣ.. У насъ одинъ Кюхельбекеръ провылъ на его могилѣ. А отъ тебя и Пушкина не могъ добиться. Станные вы люди! Да будь я поэтъ, а не стихотворецъ, я почти обрадовался бы смерти Байрона какъ поэтическому кладу, брошенному съ неба на прозаическую ложину нашего сухого вѣка. Байронъ владѣлъ не только умозрительною поэзіею, но онъ осуществилъ и практическую поэзію. Наполеонъ на скалѣ святой Елены и Байронъ въ Миссолунги! Вотъ два поэтические фароса, которые освѣщаютъ нашу глубокую ночь. Тутъ есть какая-то религіозная таинственность, т.-е. религіи не поповской, а той,

которая была составлена изъ философіи и поэзіи. Въ ихъ смерти отзывается что-то такое смертію Эдипа. Прахъ сихъ двухъ великихъ людей долженъ былъ быть принятъ дѣвственною землею, еще чистою отъ прикосновенія того, что можетъ назваться гнилью европейскою, въ виду натуры еще неупражденной... (см. «Къ біографіи А. С. П—на», вып. II, М., 1885, стр. 26). Но черезъ мѣсяцъ Пушкинъ уже извѣщалъ Вяземскаго (10 октября): «посылаю тебѣ маленькое поминанье за упокой души раба Божія Байрона. Я было и цѣлую папишку затѣялъ, да скучно писать про себя или справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Бирукова, раздѣленнаго на Красовскаго»... (о нихъ см. выше, въ примѣчаніяхъ къ № 384). «Пушкинъ прислалъ мнѣ прелестные стихи: Прощаніе съ моремъ»,—сообщалъ 27 октября Вяземскій Тургеневу («Остаф. Арх.», III, 87), а Тургеневъ въ отвѣтномъ письмѣ, 31 октября, проситъ его: «принимай поскорѣе пису Пушкина» (ib., 88), «Твое море прелестно!»—отвѣчалъ Вяземскій Пушкину 6-го ноября,—я затвердилъ его наизусть тотчасъ, а это по мнѣ великая примѣта» (Переписка А. акад. изд., I, 145). Этими данными опредѣляется хронологія пьесы. Начатая, судя по первымъ строфамъ, вѣроятно, еще въ Одессѣ, передъ отъѣздомъ, пьеса была закончена лишь мѣсяца черезъ два, въ концѣ сентября или въ началѣ октября 1824 г. Пушкинъ сначала не хотѣлъ отдавать ее въ «Мнемозину» за то, что Кюхельбекеръ небрежно, съ ошибками напечаталъ «Демона», и въ письмѣ къ брату, 4 декабря, распорядился: «не давать ему ни Моря, ни капли стиховъ отъ меня», но потомъ переѣхавъ гнѣвъ на милость, хотя еще 25 января 1825 г. спрашивалъ Вяземскаго о «Московск. Телеграфѣ»: «что тамъ моего? Море, или телега?»... Но въ «Телеграфѣ» появился лишь небольшой отрывокъ изъ пьесы.

Смерть Байрона въ современной русской литературѣ отзывалась рядомъ поэтическихъ откликовъ. Упоминаемый Вяземскимъ въ письмѣ къ Жуковскому «вой» В. К. Кюхельбекера, стихотвореніе «Смерть Байрона», раздѣлѣвъ «Мнемозинѣ», ч. III, стр. 190 сл. (есть отдѣльное изданіе, М., 1824, стр. 1—11); здѣсь Кюхельбекеръ упоминаетъ о Пушкинѣ... «И кто же въ сей священный часъ одинъ не мыслитъ о покоѣ? Одинъ, въ безмолвіе ночное, въ прозрачный сумракъ погружаясь, падъ моремъ и подъ звѣзднымъ хоромъ блуждаетъ вдохновеннымъ взоромъ? Пѣвецъ, любимецъ россиянъ, въ странѣ Назонова изгнанья, нѣмымъ восторгомъ «буяня», съ очами полными мечтанья, сидитъ на крутизнѣ одинъ; у ногъ его шумитъ Эвксинъ... Я вижу—сладостный пѣвецъ во прахъ повергнувъ свой вѣнецъ»... и т. д. Слѣдой поэта П. П. Козловъ написалъ пьесу «Байронъ», которую посвятилъ Пушкину («Новости Литературы» 1824 г., кн. XII, декабрь, стр. 86—90); ему же посвятилъ Козловъ отрывокъ изъ «Чайльдъ Гарольда»—«Къ Морю»; о Байронѣ онъ говоритъ и въ извѣстной фантазіи «Венеціанская ночь», которая очень нравилась Пушкину. Рыльцевъ написалъ оду «На смерть Байрона»; въ ней онъ со своимъ обычнымъ гражданскимъ призмомъ говоритъ: «къ гонениямъ рока равнодушенъ, онъ гению лишь былъ послушенъ, властей другихъ не признавалъ... Друзья свободы и Элады вездѣ въ слезахъ въ укоръ судьбы; одинъ тираны и рабы его внезапной смерти рады»... Писали и другіе авторы. Вяземскій прислалъ жену («Остаф. Арх.» V, вып. I, стр. 37): «если у васъ что получено о смерти Байрона, на

какомъ бы то языкѣ ни было, пришли мнѣ все». «Узнавъ отъ нея,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ графъ М. Д. Бутурлинъ («Русс. Арх.» 1897 г., II, 23),—что князь Петръ Андреевичъ собираетъ все, что писалось въ то время о недавней кончинѣ лорда Байрона, супулся и я съ своею лентою въ видѣ англійской оды, такъ какъ я мараковалъ англійскія вирши». Самъ Вяземскій, котораго Пушкинъ, въ свою очередь, приглашалъ писать о Байронѣ, лишь черезъ годъ заботѣлъ «стихотворческой лихорадкой» и «выдрожать или выпотѣть» («Остаф. Арх.», ib., 86) длинное риторическое стихотвореніе «Байронъ» (напечатано въ «Московск. Телеграфѣ» 1827 г., ч. 13, стр. 48 сл.). Черезъ много лѣтъ Вяземскій вспоминалъ («Байронъ», 1864 г.—Сочин. Вяземскаго, XII, 60—61): «... Что за шумъ былъ, что за праздникъ, когда раздастся пѣснь пѣвца! Ея заслушивались страстно, съ ума сводили онъ цѣлый міръ, толпой играли онъ самовластно, ея и деспотъ, и кумиръ. Нашъ вѣкъ, два поколѣнья наши имъ бредили. И старъ, и младъ нилъ изъ его волшебной чаши струею сладкій медъ и ядъ... И Пушкинъ, въ юности грѣховной къ нему подѣлвавшись, хромалъ, пока не сбросилъ гнетъ условной, самъ твердымъ шагомъ зашагалъ»... Объ отношеніяхъ Пушкина къ Байрону см. во II томѣ настоящаго изданія статью Н. П. Дашкевича «Отголоски увлеченія Байрономъ въ поэзіи Пушкина».

Задуманной было «цѣлой папишкой» по Байронѣ Пушкинъ не пропѣлъ, потому что его нѣсколько расколодила мысль о Бируковѣ и Красовскомъ, о невозможности общенія съ читателемъ; по исполняя данное Вяземскому обещаніе, онъ сочеталъ нѣсколько стиховъ о великомъ поэтѣ, духовную стихію котораго великолѣпно выразилъ въ грандіозномъ образѣ океана, съ трогательнымъ обращеніемъ къ морю, которое одно онъ покидалъ съ тоскою, вообще безъ особаго сожалѣнія уѣзжая «отъ мыльных южныхъ дамъ, отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ, отъ оперы, отъ темныхъ ложъ и, слава Богу, отъ вельможъ»... Пушкинъ вспоминаетъ здѣсь о той «могучей страсти», которая остановила его, уже приготовившагося къ побѣгу изъ Россіи (объ этомъ см. ниже, примѣч. къ №№ 387 и 417). Въ обращеніи Пушкина къ морю есть мѣсто, общее съ обращеніемъ къ нему «пѣвца моря»—Байрона въ послѣдней пѣснѣ «Чайльдъ-Гарольда», отрывки изъ котораго приводимъ (въ переводѣ П. П. Козлова):

Теки, шуми, о море голубое!
Несмѣтный флотъ—ничто твоимъ волнамъ,
И человекъ, губящій все земное,
Гдѣ твой предѣлъ уже страшится самъ.
Возстанешь ты,—и горе кораблямъ...
Твои поля злодѣи не завоеуютъ,
Твои стези не для его шаговъ,
Свободно ты...
Подернуло ты пѣной бурныхъ водъ
Армаду гордую и Трафальгарскій флотъ...

«Сходство обоихъ обращеній» замѣчаетъ прослѣдившій эту параллель Л. П. Поливановъ (см. его изданіе Сочин. П—на, т. I, изд. 3-е, стр. 154—155),—ограничивается тѣмъ, что оба поэта изображаютъ море свободнымъ и неукротимымъ, и оба прибѣгаютъ къ мысли о немъ въ тяжелыя минуты жизни. Значительнѣе различіе обоихъ портовъ въ этомъ обращеніи къ стихіи. У Бай-

рона выдвинуты однѣ грозныя стороны моря; оно привлекаетъ его какъ стихія губительная, равно поглощающая и сильнаго поработителя, и дѣлую армаду воиновъ; оно либо ему какъ стихія вѣчная и неизмѣнная, переживающая всякія перемѣны непостоянной жизни людей; оно для Байрона—зеркало Творца, котораго онъ знаетъ лишь въ его грозной силѣ; наконецъ, съ океаномъ соединяются у Байрона воспоминанія о первыхъ проявленіяхъ собственной своевольной души, играющей съ опасными волнами. Не то у Пушкина. Ему море представляется другомъ, который призываетъ его заунывнымъ ропотомъ своимъ; шумъ его не грозенъ, но грустенъ: въ его воображеніи оно запечатлѣлось не столько грозными минутами, которыя—только его своеобразные порывы, сколько своею тишиною въ вечерніе часы; море Пушкину является не только губителемъ человѣка, но и его хранителемъ; краса его торжественная, и общій образъ моря, при первой о немъ мысли—блестящій, и образъ, уносимый поэтомъ при разставаніи съ нимъ—образъ не бурнаго моря: онъ уноситъ съ собою его «блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ». И лично для Пушкина море представлялось другомъ, которому онъ готовъ былъ съ восторгомъ вѣрить себя въ тяжелую минуту жизни. Быть можетъ, въ стихахъ Пушкина отозвалось также рикшотомъ то же байроновское вліяніе, переданное черезъ другаго поэта—Ламартина, тяготѣвшаго къ «вѣститель думъ» начала XIX вѣка. То стихотвореніе Ламартина, слабый отголосокъ котораго слышится въ пьесѣ Пушкина, называется «Adieux à la mer» (M. A. de Lamartine, Œuvres, t. II, Nouvelles méditations poétiques, Par., 1849, pp. 183—188) и написано въ 1820—1822 гг. Изъ которыхъ строфы этого стихотворенія напоминаютъ пушкинскую пьесу,—напримѣръ:

Murmure autour de ma nacelle,
Douce mer dont les flots chéris,
Ainsi qu'une amante fidèle,
Jettent une plainte éternelle...
Aussi libre que la pensée,
Tu brises le vaisseau des rois,
Et dans ta colère insensée
Fidèle au Dieu qui t'a lancée,
Tu ne t'arrêtes qu'à sa voix....
Flotte au hasard: sur quelque plage
Que tu me fasses dériver,
Chaque flot m'apporte une image,
Chaque rocher de ton rivage
Me fait souvenir ou rêver!

Пушкинское прощаніе съ моремъ по чувству непосредственнѣе, съ вѣнней стороны и сжатѣе, и богаче ламартиновскаго, съ его риторикой, пышной трескотней и длиннотами.

Не только съ моремъ, не только съ Байрономъ прощался Пушкинъ, но и съ частью собственной души, съ тѣми мотивами, которые прежде такъ прочно владѣли имъ и которые отнынѣ перестаютъ слышаться въ его поэзіи. «Кто, волны, васъ остановилъ, кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій?...»—спрашивалъ онъ въ 1822 г. (см. во II т. настоящаго изданія, № 359) и взывалъ:

(Вы, бури), вѣтры, взройте воды,
Разрушите гибельный оплотъ!
Гдѣ ты, гроза? символъ [свободы].
Промчися поверхъ невольныхъ водъ!...

Но и тогда уже (см. *ibid.*, № 366) въ его душу закрадывался червь скепсиса, и онъ писалъ:

Вездѣ яремъ, сѣкира или вѣнецъ,
Вездѣ злодѣй или малодушный
Предразсужденія
Тиранъ-льстецъ,
Предразсудковъ рабъ послушной...

Это чувство полнѣе и рѣзче сказалося въ словахъ прощанія съ моремъ: «Судьба людей повсюду та же: гдѣ благо, тамъ уже на стражѣ или просвѣщеніе, или тиранъ»... Большую твердость и законченность выраженію этого чувства придало, можетъ быть одно случайное литературное впечатлѣніе, относящееся какъ разъ къ тому времени, когда создавалось «Къ морю». Пушкинъ рассказывалъ: «въ Одессѣ англичанка Раевскихъ... дала мнѣ... «Ватекъ», сочиненіе какого-то мистера Бекфорда, который никогда и не былъ настоящимъ писателемъ. Этотъ «Ватекъ» меня заинтересовалъ. Это восточная поэма въ прозѣ, авторъ которой, должно быть, былъ очень молодъ, когда писалъ ее. Въ этой маленькой книжечкѣ такъ много жизни и молодого воображенія. Авторъ даже проповѣдуетъ то, что проповѣдывалъ по-своему Дефое въ Робинзонѣ, а Дефое относится къ гораздо болѣе отдаленному времени, чѣмъ Жанъ-Жакъ Руссо и его ученіе о превосходствѣ человѣка, живущаго ближе къ природѣ и неграмотнаго» (Записки Смирновой, I, 299). Когда въ 1826 г. разнеслась вѣсть, что эмигранта Н. Н. Тургенева, выданнаго иностранными властями русскимъ, привезли на кораблѣ изъ-за границы, Пушкинъ писалъ Вяземскому, недавно приславшему ему свою пьесу «Море»: «Не слава его. Въ пашъ гнусный вѣкъ сѣдой Нептунъ земли союзникъ. На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ тиранъ, предатель или узникъ... Вотъ каково море наше хваленое!»...

Рядомъ съ Байрономъ вспомнилъ Пушкинъ и Наполеона, тѣни котораго давно произнесъ слово примиренія (см. во II т. настоящаго изданія, примѣч. къ № 277). Общая концепція пьесы удивительно напоминаетъ ту схему, которую нарисовалъ Вяземскій въ приведенномъ выше письмѣ къ Жуковскому; можно думать, что своей прекрасной мыслью Вяземскій подблизился и съ Пушкинымъ; едва ли такое полное совпаденіе не только мотивовъ, но и образовъ могло быть случайнымъ. Двѣ смерти—Наполеона и Байрона—усилили скептическое настроеніе въ душѣ поэта, лелѣвшаго культъ героя, говоря по-нынешнему—«сверхчеловѣка». «Миръ опустѣлъ»,—сказалъ онъ себѣ, и лишь черезъ нѣсколько лѣтъ его душа обрѣла въ далекомъ прошломъ другаго героя—полубога-полудемона, Петра Великаго, загадочному образу котораго поэтъ отдалъ столько мыслей и вдохновеній. Но и тогда, въ той жалкой юдоли мирмидоновъ, которою представлялся ему миръ безъ Байрона и Наполеона, великій оптимизмъ Пушкина сумѣлъ указать ему утѣшеніе—въ сіяніи равнодушной природы, въ торжественной красѣ моря, даже въ однихъ сладкихъ воспоминаніяхъ о блескѣ, тѣни и говорѣ южныхъ волнъ.

Бѣзпосредственный стихотвореніе къ «чистопушкинскимъ», обличающимъ уже вполне сзрѣвшій талантъ, выдѣлилъ его изъ нѣсколькихъ, самыхъ лучшихъ у Пушкина: «вглядитесь и вслушайтесь въ этотъ стихъ, въ этотъ оборотъ мысли, въ эту игру чувства: во всемъ пойдетъ чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество, безъ мажорной примѣси прозы, какъ ста-

рое крѣпкое вино безъ махѣйшей примѣси воды». Такъ писалъ Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи, — но еще въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» онъ упомянулъ «Къ морю»: «у Пушкина мало, очень мало мелкихъ стихотвореній, у него по большей части все поэмы; его поэтическое тризны надъ урнами великихъ, то-есть его Андрей Шенье, его могучая бесѣда съ Моремъ, его вѣдая дума о Наполеонѣ—поэмы». Слова эти съ сочувственнымъ восторгомъ цитируетъ Аполлонъ Григорьевъ (см. Сочин. Григорьева, I, 236).

«Какая разница между героемъ и поэтомъ?» спрашиваетъ вдумчивый Д. С. Мережковский («Вѣчные спутники. Пушкинъ», изд. 3-е, СПб., 1906, стр. 54). «По существу—никакой; разница — во вѣбныхъ проявленіяхъ; герой—поэтъ дѣйствія, поэтъ—герой созерцанія. Оба разрушаютъ старую жизнь, создаютъ новую; оба рождаются изъ одной стихіи. Символъ этой стихіи въ природѣ для Пушкина—море. Море подобно душѣ поэта и героя. Оно такое же непонимое и бесплодное—только путь къ невѣдомымъ странамъ—окованное земными берегами и бесконечно свободное. Голосъ моря недаромъ понятенъ только для гения, «какъ друга ропотъ заунывный, какъ зовъ его въ прощальный часъ». Душа поэта, какъ море, любить смренныхъ дѣтей природы, ненавидитъ самодовольныхъ, мечтающихъ укротить ея дикую стихію. При взглядѣ на море въ душѣ поэта возникаютъ два образа—Наполеонъ и Байронъ. Герой дѣйствія, герой созерцанія, братья по судьбѣ, по силѣ и страданіямъ, они—сыновья одной стихіи».

«Вечерніе часы», о которыхъ говоритъ предпоследняя строфа,—можетъ быть, обычные часы воспоминаній, тѣ часы, о которыхъ разсказалъ поэтъ («Воспоминаніе», 1828 г.):

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день,

И на пѣвья стогны града

Полупрозрачная наляжетъ ночь тѣнь

И сонъ, дневныхъ трудовъ награда...—

Воспоминаніе безмолвно предо мной

Свой длинный развиваетъ свитокъ..

Въ послѣднихъ двухъ строфахъ пьесы замѣтно бросается въ глаза элементъ художественной изобразительности — чередованіе плавныхъ согласныхъ *р* и *л*, передающихъ ропотъ моря. Такой же примѣръ см. ниже, въ наброскѣ «Пріютъ любви, онъ вѣчно полнъ»... (№ 424-а). Еще ярче и богаче поэтическая игра этими звуками у Лермонтова—въ его «Русалкѣ» («Русалка плыла по рѣкѣ голубой») и «Тамарѣ» (отъ стиха «Лишь Терекъ въ тѣсннѣ Дарьяла»...).

386. ПРОЗЕРПИНА.

(т. II, стр. 214).

Первоначальная черновая редакция этой пьесы находится въ 2365-ой тетради московскаго Румянцеваго музея (л. 29 об.), относящейся къ кнѣжескому періоду жизни поэта, и, какъ можно судить по почерку и по положенію ея среди другихъ черновиковъ, должна быть датирована приблизительно 1821—1822 годомъ; заглавія нѣтъ; сбоку, на слѣдующей страницѣ, рядомъ съ первыми стихами приписано болѣе поздними чернилами еще нѣсколько стиховъ. Болѣе отдѣланная редакция, съ чернильными и карандашными по-

правками, озаглавленная: «Прозерпина. Подражаніе Парни» и датированная: «26 августа 1824», находится въ 2367-ой тетради Румянцеваго музея, л. 27. (Подробности о вариантахъ см. въ общей статьѣ о текстѣ). Впервые стихотвореніе было помѣщено въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 г., стр. 293—295, подъ заглавіемъ: «Прозерпина» и съ подписью поэта, а затѣмъ вошло въ сборники стихотвореній Пушкина, 1826 г., стр. 76—77, и 1829 г., ч. I, 187—189. Здѣсь напечатано по этому послѣднему изданію, текстъ котораго отличается отъ текста «Сѣверныхъ цвѣтовъ» только малыми начальными буквами въ словахъ: «Тартаръ», «Аидъ», «Элизій», «Нимфы» и отсутствіемъ скобокъ, въ которыя въ «Сѣв. Цвѣтахъ» были заключены стихи: «И богинямъ льститъ измѣна».

Пьеса—вольное переложеніе XXVIII-ой картины (tableau) поэмы Парни «Les déguisements de Vénus», которой Пушкинъ подражалъ еще въ «Фавнѣ и пастушкѣ», 1816 г. (см. въ I т. настоящаго изданія, № 76). Сравненіе пушкинскаго переложенія съ стихотвореніемъ Парни см. въ статьѣ П. О. Морозова «Пушкинъ и Парни» (ibid., стр. 392). См. тамъ же №№ 15, 16, 17, 60, 62, 87, 91, 100, 105, 127, 192, и въ настоящемъ томѣ, ниже, № 399.

Получивъ отъ Пушкина для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» «Прозерпину», Дельвигъ писалъ ему, 10 сентября 1824 г., что эта пьеса «не стихи, а музыка: это пѣнье райской птички, которое слушая не увидишь, какъ пройдетъ тысяча лѣтъ. Эти двери давно мнѣ знакомы. Сквозь нихъ еще въ лицѣ меня часто выталкивали изъ элизея». Бѣлинскій отнесъ «Прозерпину» къ «переходнымъ» стихотвореніямъ, въ которыхъ «виденъ уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе вѣрный литературнымъ преданіямъ, еще ученикъ предшествовавшихъ ему мастеровъ, хотя часто и побѣждающій своихъ учителей»... Можно сказать, что «Прозерпина» — побѣда надъ Парни и надъ Батюшковымъ; въ ней лучшіе лучи батюшковской поэзіи собраны, какъ въ великолѣпномъ фокусѣ. Окончательно побѣдивъ въ Батюшковѣ и Парни двухъ своихъ прежнихъ учителей, Пушкинъ уже не возвращался къ этой школѣ, и «Прозерпина» звучитъ самымъ позднимъ, но и самымъ совершеннымъ отзвукомъ старыхъ лицейскихъ «мотивовъ».

Не къ «Прозерпинѣ» ли относится неизданный еще набросокъ: «Вотъ Коцитъ, вотъ Ахеронъ»..., хранящійся въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи автографовъ Пушкина? (см. «П. и его современники», вып. IV, стр. 6).

387. ЗДРАВСТВУЙ, ВУЛЬФЪ, ПРІЯТЕЛЬ МОИ..

(т. II, стр. 215).

Впервые стихотвореніе появилось въ дополнительномъ томѣ изданныхъ П. В. Анненковымъ сочиненій Пушкина (VII, 91—92), подъ заглавіемъ: «Пзъ письма къ А. Н. В.» и съ примѣчаніемъ: «стихи, [полученные А. Н. Вульфомъ въ Дерптѣ, вскорѣ по прибытіи Пушкина въ Михайловское въ 1824 г. Лайонъ—Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ—по прибытіи брата переставалъ быть Михайловскимъ прикащикомъ, какъ назывался прежде. Стихи стали входить въ собранія сочиненій Пуш-

кина начинала съ перваго изданія Геннади (1859 г., I, 300—301). Самое письмо Пушкина, начинающееся этими стихами и снабженное припиской сестры Вульфа, Анны Николаевны, которая помѣстила его 20-мъ сентября 1824 г., появилось въ «Русск. Архивѣ» 1867 г., ст. 154, а затѣмъ вошло въ первый сборникъ писемъ Пушкина, составляющій VII томъ Ефремовскаго изданія 1882 г. (стр. 237—238).

Алексѣй Николаевичъ Вульфъ (род. 17 декабря 1805 г., ум. 17 апрѣля 1881 г.) былъ сынъ тригорской пріятельницы Пушкина, Праск. Александр. Осиповой, рожденной Выдомской, отъ перваго брака ея съ Н. П. Вульфомъ. Ребенкомъ онъ былъ записанъ въ пажескій корпусъ, но мать отдала его въ горный корпусъ, а въ 1822 г. онъ поступилъ въ дерптскій университетъ, гдѣ познакомился съ Языковымъ, тоже слушавшимъ тамъ лекціи. Въ 1824 г. Пушкинъ, находившійся тогда въ Михайловскомъ, сблизился съ нимъ; знакомы они были, вѣроятно, уже раньше; съ младшимъ братомъ Пушкина, бывшимъ ему почти ровесникомъ, Вульфъ давно уже былъ въ дружбѣ. Пушкинъ въ послѣдствіи вспоминалъ о студентѣ Вульфѣ: «онъ много зналъ, чему научаются въ университетѣхъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали тѣ же предметы, о которыхъ я и не помышлялъ»... Пушкинъ, повидимому, хорошо понималъ сущность натуры молодого дерптскаго бурша, скрывавшуюся подъ наружнымъ легкомысліемъ: «я былъ въ двадцать лѣтъ хватомъ,—вспоминалъ въ послѣдствіи о своей юности Вульфъ,—слылъ забіякою (чего тогда и желалъ, не будучи имъ никогда); нилъ также въ свое время изъ удалства, потомъ возочился за женщинами, какъ франтъ...» Юношеская восторженность Вульфа правилась его старшему другу. Нужно думать, что Вульфъ ошибся, считая Лепскаго своимъ портретомъ («тамъ,—разсказываетъ онъ объ «Онѣгинѣ» въ своемъ дневникѣ, я, дерптскій студентъ, явился въ видѣ геттингенскаго, подъ названіемъ Лепскаго»), но все-же кое-что въ Лепскомъ дѣйствительно напоминаетъ юнаго Вульфа. Какъ Лепскій въ Онѣгинѣ, такъ Вульфъ въ Пушкинѣ нашелъ внимательнаго и сочувствующаго собесѣдника. «Вчера мы съ Алексѣемъ—писалъ Пушкинъ А. П. Кернъ 21 іюля 1825 г.,—проговорили четыре часа сряду. Никогда еще не было у насъ такой долгой бесѣды». Вульфъ былъ едва ли не первымъ слушателемъ «Годунова», и, вѣроятно, о немъ писалъ поэтъ: «послѣ скучнаго обѣда ко мнѣ забредшаго собесѣда, поймавъ неожиданно заподу, душу трагедіей въ углу»... («Онѣгинъ», 4, XXXV). Отъ Вульфа Пушкинъ слышалъ забавную исторію о черепѣ, пересказанную поэтотъ въ посланіи къ Дельвигу (см. ниже, № 507). Разбираемые стихи относятся къ тому времени, когда Пушкинъ, очутившись въ деревнѣ, еще чувствовалъ себя хорошо вдали отъ «саранчи и мизордовъ Уоронцовыхъ». Но скоро положеніе его ухудшилось, и онъ сталъ думать о побѣгѣ (см. выше, прим. къ № 385, и ниже, примѣч. къ № 417). Тогда Вульфъ, проводившій въ Тригорскомъ зимнія и лѣтнія вакаціи, сталъ его по-вѣреннымъ и даже предлагалъ Пушкину увезти его съ собою подъ видомъ слуги. Но вмѣсто этого плана, опаснаго для самого Вульфа, былъ придуманъ другой: Пушкинъ долженъ былъ пріѣхать

въ Дерптъ, будто бы для того, чтобы посоветоваться о своей болѣзни съ профессоромъ хирургіи Мойеромъ, а уже оттуда бѣжать за границу. Вульфъ взялъ на себя обязанность сдѣлать въ Дерптѣ необходимыя приготовленія, «сдѣлать за всѣмъ, что относилось до Пушкина—говорить Анненковъ—и передавать по принадлежности поэтѣ, принявъ за условную тему корреспонденціи проектъ изданія полныхъ сочиненій Пушкина въ Дерптѣ. По этому плану слова главнаго цензора выражали бы настроеніе высшей правительственной власти относительно михайловскаго плѣнника; замѣтки перваго, втораго и т. д. паборщика—мнѣнія того или другаго изъ ея агентовъ и проч.» Но тутъ случилась неожиданная «удача». Родные поета и Жуковский добились для Пушкина разрѣшенія ѣздить въ Псковъ, куда къ нему долженъ былъ пріѣхать Мойеръ. Пушкину пришлось извиниться передъ Мойеромъ и просить его не пріѣзжать, а Вульфа благодарить «за дружеское стараніе о проклятыхъ моихъ сочиненіяхъ; чортъ съ ними, и съ цензоромъ, и съ паборщикомъ, и съ tutti quanti»... Задуманный планъ, такимъ образомъ, рухнулъ; это было уже осенью 1825 г. (см. М. П. Семевскаго, «Прогулка въ Тригорское»—«СПбурск. Вѣдом.» 1866 г., №№ 139, 146, 157, 163, 168 и 175; Анненковъ, «П. въ Александровск. эпоху», 286—291). Съ этимъ планомъ связано упоминаніе о Вульфѣ въ одномъ письмѣ къ брату, написанномъ черезъ три мѣсяца послѣ разбираемаго посланія: «Вульфъ здѣсь, я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя—пріѣзжай... переговориться нужно непременно»... По Левъ Сергѣевичъ не пріѣхалъ (объ этомъ см. въ упомянутыхъ примѣчаніяхъ къ № 417). Анненковъ невѣрно объясняетъ, что Пушкинъ звалъ брата «михайловскимъ приказчикомъ»: поэтъ просто общается Вульфу, что вино будетъ доставлено не михайловскимъ приказникомъ, а братомъ Львомъ, который въ вѣнѣ зналъ толкъ и всегда исполнялъ гастрономическія порученія старшаго брата (см. ниже, примѣч. къ № 416). Въ то же время Пушкинъ послалъ приглашеніе въ стихахъ Языкову, который пріѣхалъ въ Михайловское не скоро—лишь лѣтомъ 1826 г. (см. ниже, примѣч. къ № 389).

Въ 1826 г. Вульфъ вышелъ изъ университета, а въ концѣ 1828 г. поступилъ въ военную службу и, какъ сказалъ, о немъ Пушкинъ, «промѣнялъ свои пѣвецкія книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнѣдную лошадь и на польскія грязни». Сношенія его съ Пушкинымъ послѣ отъѣзда поета изъ Михайловскаго не прерывались. Пушкинъ изрѣдка писалъ ему (27 октября 1828 г., 16 октября 1829 г.); поэтъ называлъ пріятеля Ловласомъ и сообщалъ ему разныя нескромныя вѣсти. Изрѣдка они встрѣчались; связующими звеньями между ними были семья Осиповой и братъ Левъ, служившій вмѣстѣ съ Вульфомъ въ Польшѣ. Въ тридцатыхъ годахъ Вульфъ вышелъ въ отставку и занялся хозяйствомъ, и Пушкинъ, увидѣвшій его на этомъ поприщѣ, писалъ въ 1836 г. изъ Михайловскаго Языкову: «Алексѣй Вульфъ здѣсь, отставной студентъ и гусаръ, усатый агрономъ, тверской Ловласъ—по-прежнему милый, но уже перешагнувшій за тридцатый годъ». Вульфъ дожилъ до глубокой старости и съ теченіемъ лѣтъ превратился въ прижимистаго скопидома. Пушкинъ, который считалъ его хорошимъ хозяиномъ, вопреки мнѣнію Осиповой, писавшей поэтѣ, что «Alexis en fait d'économie n'est qu'un innocent», не

ошибся въ немъ: изъ дерптскаго бурша выработался «строгий баринъ» и заядлый защитникъ дворянскихъ привилегій. Одно время, въ молодости, онъ велъ дневникъ, въ которомъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ подробностей о Пушкинѣ. Объ А. Н. Вульфѣ, кромѣ указанныхъ выше источниковъ, см. «Пушкинъ» Л. Н. Майкова. Спб. 1899 («А. Н. Вульфъ и его дневникъ» и «Воспоминаніе А. П. Марковой-Виноградской-Кернъ»); Л. Павлицевъ, «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», М., 1890; Б. Л. Модзалевскій, «Поѣздка въ с. Тригорское» — «П. и его современники», вып. I; А. П. Кернъ, «Дельвигъ и П.—нъ» — «П. и его совр.», вып. V; П. А. Шляпкинъ, «Изъ неопубликованныхъ бумагъ А. С. П.—на»; М. Семевскій, «Къ біографіи П.—на» — «Русск. Вѣстн.» 1869 г., т. 84, № 11; «Русск. Стар.» 1870 г., т. I, стр. 404—405; В. Колосовъ, «А. С. П.—нъ въ Тверской губерніи въ 1827 г.», Тверь, 1888; Стихотворенія Н. М. Языкова (Вульфъ посвящены 8 пьесъ); газ. «Голосъ» 1881 г., № 111.

388. РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

(т. II, стр. 215).

Черновая этой пьесы, съ поправками и помѣтой: «26 сентября 1824», находится въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, лл. 13 об.—17; на л. 2 об. той же рукописи записаны четыре стиха изъ начала пьесы, а на л. 28 об. находится выноска, съ которой «Разговоръ» былъ впервые напечатанъ при первой главѣ «Онѣгина» (стр. IX—XXII и 60), вышедшей въ серединѣ февраля 1825 г. въ качествѣ вступленія къ ней. Выноска эта (стр. XI) говоритъ: «Замѣтимъ для щекотливыхъ блюстителей приличій, что Книгопродавецъ и Поэтъ—оба лица вымышленныя. Похвалы перваго не что иное, какъ свѣтская вѣжливость, приговорство, необходимое въ разговорѣ, если не въ журналѣ». Затѣмъ пьеса появилась въ IV части «Стихотвореній Александра Пушкина», 1835 г., стр. 87 сл., съ нѣкоторыми отличіями отъ прежняго текста и замѣчаніемъ: «было напечатано при первой главѣ Онѣгина». Анненковъ въ VII-мъ, дополнительномъ томѣ своего изданія, стр. 60, напечаталъ пропущенныя Пушкинымъ мѣста: четыре стиха послѣ «Искалъ вниманья красоты...», четыре послѣ «Боготворить не устыдился...» и восемь послѣ «Судьбою такъ ужъ рѣшено...», причемъ замѣтилъ: всѣ эти намеки, разбѣянные по превосходному стихотворенію, въ послѣдствіи очищенному отъ нихъ при печатаніи, любопытны какъ черты душевнаго настроенія нашего поэта въ 1823—1824 г. Послѣдній отрывокъ, между прочимъ, напоминаетъ одну французскую замѣтку, находящуюся въ рукописяхъ этой эпохи: «plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues; toutes se sont passablement moqué de moi toutes, à l'exception d'une seule ont fait avec moi les coquettes»... О печатныхъ и рукописныхъ вариантахъ см. ниже, въ исторіи пушкинскаго текста.

Спрашивая брата, въ концѣ октября 1824 г., о печатаніи «Онѣгина», Пушкинъ поручилъ ему вставить въ «Разговоръ» четверостишіе: «Глаза прелестные читали... Печатай, печатай Онѣгина, и съ Разговоромъ»,—подтвердилъ онъ ему нѣдѣли

черезъ три, а 4-го декабря писалъ: «нельзя-ли подѣ разговоромъ поставить число 1823 годъ? Стихъ «Вся жизнь одна-ли, двѣ-ли починъ» надобно бы выкинуть, да жалъ—хорошъ. Жалъ еще, что Поэтъ не побрапилъ потомства въ присутствіи своего книгопродавца. Mes aggrès-neveux me devaient cet ombrage»... Судя по черновымъ рукописямъ, не говоря уже о собственной пушкинской датѣ, «Разговоръ» написанъ въ 1824 году, но, быть можетъ, въ умѣ поэта онъ созданъ еще въ 1823-мъ году или даже раньше. Затѣмъ Пушкинъ въ недолгемъ до насъ письмѣ требовалъ еще другихъ поправокъ, но первые листы книжки уже были отпечатаны, и внести поправки было поздно. «Твоя щекотливость, — писалъ ему 7 февр. 1825 г. Плетневъ, — почти не у мѣста. Что знаешь ты, да кто другой, того мы не поймемъ»... Въ первомъ изданіи «Разговора» въ стихѣ: «Пускай ихъ юноша поетъ»... было вмѣсто «юноша» сказано «Шаликовъ». По этому поводу Пушкинъ писалъ 19 февр. 1825 г. кн. П. А. Вяземскому: «ты увидишь въ разг. Поэта и кннг. Мадригалъ Кн. Шаликову. Онъ милый поэтъ, человекъ достойный уваженія и надѣюсь, что искренняя и полная похвала съ моей стороны не будетъ ему неприятна. Онъ именно поэтъ прекраснаго пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement». Шаликовъ не обидѣлся шуткой и посвятилъ Пушкину весьма льстивое и глупое стихотвореніе («Дамскій Журналъ» 1825 г., ч. 10, № VIII, стр. 68—69), но Пушкинъ, не читавшій еще этого посланія, спрашивалъ Вяземскаго (пис. 25 мая): «Не ужъ то онъ обижается моими стихами? вотъ ужъ тутъ-то я невиненъ, какъ барашекъ! спросите у брата Леона: онъ скажетъ вамъ, что, увидѣвъ у меня Кн. III, онъ присовѣтовалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ—я было и послушался, да стало жалъ, et j'ai remis bravement Chalikof. Это могу доказать черновою бумагою».

Въ пьесѣ отразились взгляды поэта на творческую работу, занимавшіе его уже давно, и не разъ то тамъ то слымъ мелкающіе въ его прежнихъ стихахъ. Слова: «Я на пиръ воображенья, бывало, музу призывалъ» возсоздаютъ образъ, нарисованный въ посланіи 1821 г. «Къ моей чернильницѣ»: «Музу призывалъ на пиръ воображенья»... (см. въ II т. настоящаго изданія, № 267). Стихи «Мои слова, мои напѣвы»... и т. д. почти дословно повторяютъ сказанное тоже въ 1821 г.: «иногда мои коварные напѣвы смиряли въ мысляхъ юной дѣвы (порывы) страха и стыда»... «У столба сатиры развратъ и злобу я казнилъ... разящій голодъ лжи (неправду) въ ужасъ приводилъ»...—эти стихи близко подходятъ къ словамъ книгопродавца: «поэтъ казнить, поэтъ вѣщааетъ»... и пр. «Самолюбивыхъ думъ отрада, мечтанья суетнаго сна», которыми такъ дорожить поэтъ, что ставитъ ихъ выше и женской любви, и славы, и гражданскихъ заслугъ, напоминаютъ его отвѣтъ книгопродавцу, убѣждающему его: «слава замѣнила вамъ мечтанья тайнаго отрады»... Это тождество мыслей, образовъ и выраженій даже даетъ нѣкоторую силу предположенію, что въ указанномъ наброскѣ 1821 года «Не тѣмъ горжусь я»... (ibid., № 302) заключается прообразъ «Разговора». Замыселъ пьесы въ окончательномъ видѣ могъ сложиться въ головѣ поэта дѣйствительно раньше 1824 г. Еще въ концѣ 1822 г. или въ началѣ 1823 онъ писалъ Вяземскому: «должно смотрѣть на поэзію, съ позволенія сказать, какъ на ремесло. Руссо не

впервой совралъ, когда утверждаетъ que c'est le plus vil des métiers. Pas, plus vil qu'un autre. Аристократическія предубѣжденія пристали тебѣ, но не мнѣ—на конченную свою поэму я смотрю какъ сапожникъ на пару своихъ сапогъ; продаю съ барышомъ. Цеховой старшина находитъ мои ботфорты не по формѣ, обрѣзываетъ, портитъ товаръ; я въ накладѣ; иду жаловаться частному приставу; все это въ порядкѣ вещей». Годъ спустя онъ писалъ брату: «Русская слава льститъ можетъ какому-нибудь В. Козлову, которому льстятъ и петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ, и другихъ. Mais pourquoi chantais-tu? На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю: я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, дѣкарь моритъ—за деньги, за деньги, за деньги. Таковъ я въ наготѣ моего цинизма!» Просясь въ отставку, онъ писалъ своему ближайшему начальнику А. П. Казначееву (25 мая 1824 г.): «ради Бога, не думайте, чтобъ я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ рѣмача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость». Но такое отношеніе къ литературѣ—святынь давалось поэту нелегко. Въ написанномъ черезъ нѣсколько дней письмѣ къ Казначееву онъ говоритъ: «j'ai déjà vaincu ma répugnance d'écrire et de vendre mes vers pour vivre; le plus grand pas est fait; si je n'écris encore que sous l'influence capricieuse de l'inspiration, les vers une fois écrits, je ne les regarde plus que comme une marchandise à tant la pièce»... «Зачѣмъ пишете?»—спрашиваютъ поэта въ одномъ наброскѣ 1832 или 1833 г. Онъ отвѣчаетъ: «Для себя».—За что же печатаете вы?—Для денегъ.—Ахъ мой Боже! какъ стыдно!—Почему жь?»...

Стихи: «Кого восторгомъ чистыхъ думъ боготворить не устыдился?»... повторяютъ слова наброска 1882 г. «Ужели онъ казался?»... (см. во II т. настоящ. изданія, № 365), а сдѣлующіе за ними: «Ахъ, лира, лира! что же ты мое безумство разгласила?»... приводятъ на память окончаніе «Бахчисарайскаго Фонтана»: «... долго ль, узникъ томный, тебѣ оковы лобызать и въ свѣтѣ лирою нескромной свое безумство разгласать?»... Слова книгопродавца: «ужели ни одна не стоитъ ни вдохновенья, ни страстей?»... сближаются съ признаніемъ поэта въ XXXIV строфѣ 1-ой главы «Онѣгина»: онѣ не стоятъ ни страстей, ни пѣсень, ни вдохновенныхъ»... О той единственной въ жизни любви Пушкина, о которой рассказываетъ поэтъ, см. въ примѣчаніяхъ къ пьесѣ 1821 г. «Желаніе» (во II т., стр. 570). Два стиха «Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь»... и пр. почти буквально повторены въ «Сценѣ изъ Фауста» (см. выше, стр. 419). Это же «тамъ, тамъ» звучитъ и въ XVIII строфѣ 1-ой главы «Онѣгина». Последнія слова книгопродавца: «Кто проситъ пищи для сатиры, кто для души, кто для пера?»... отозвались въ одной изъ заключительныхъ строкъ «Онѣгина» (8, XLIX), гдѣ поэтъ прощается съ читателемъ: «дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты для развлечения, для мечты, для сердца, для журнальныхъ ошибокъ хотя крупину могъ найти»... Вообще родственные мотивы звучатъ въ пушкинской поэзіи повсюду, но въ «Разговорѣ» они сведены въ одну грустную пѣсню о поэзіи, пѣсню, кончающуюся уже не стихами, а прозой и вполнѣ прозаически. Весьма возможно, что на форму, въ

которой изложены эти мысли поэта, повлиялъ диалогическій прологъ Гете къ «Фаусту»—«Vorspiel auf dem Theater».

«Читалъ Онѣгина и разговоръ, служащій ему предисловіемъ: несравненно!»—писалъ Пушкину Жуковский въ ноябрѣ 1824 г. «Разговоръ съ книгопродавцемъ»,—писалъ ему 25 янв. 1825 г. Плетневъ—верхъ ума, вкуса и вдохновенія. Я ужъ не говорю о стихахъ: меня убиваетъ твоя логика. Ни одинъ пѣмедкій профессоръ не удержитъ въ пудовой диссертациі столько порядка, не помѣститъ столько мыслей и не докажетъ такъ ясно своего предложенія. Между тѣмъ какая свобода въ ходѣ!»...

Бѣлинскій высоко цѣнилъ «Разговоръ». Не особенно одобрительно отзываясь о IV-ой часті «Стихотвореній», гдѣ пьеса была помѣщена, критикъ выдѣлялъ «Разговоръ», который «привелъ насъ въ грустное расположеніе духа: онъ напомнилъ намъ золотое время поэзіи Пушкина» (Сочиненія Б., изд. Венгеровъ, II, 416). То же повторилъ Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина. Въ другой разъ Бѣлинскій отрывкомъ изъ «Разговора»: «Все волновало ибжннй умъ»... и т. д. иллюстрировалъ свою мысль, что «поэтъ—благороднѣйшій сосудъ духа, избранный любимецъ небесъ, тайникъ природы, эолова арфа чувствъ и ощущеній, органъ міровой жизни» (ор. с. VI, 14—15), и выдѣлъ въ этой пьесѣ «превосходнѣйшій образецъ лирическихъ произведеній въ драматической формѣ» (ib., 85). Доводъ книгопродавца, что «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» встрѣтилъ сочувствіе въ Бѣлинскомъ: «торгуешь своими трудами только посредственностью; истинный талантъ не почтетъ для себя униженнымъ взять деньги за свой литературный трудъ, но почтетъ низостию писать для денегъ» (ор. с., VII, 163). О «Разговорѣ», какъ о прологѣ къ «Онѣгину», въ свое время,—говоритъ Анненковъ («Матеріалы, изд. 2-ое. 118»),—«мало говорили: такъ затемненъ онъ былъ романомъ, поглотившимъ все вниманіе публики и журналистовъ. А между тѣмъ въ прологѣ глубоко и поэтически выражено состояніе художника, уединенно творящаго свои образы посреди шума и вѣишнихъ волненій, какъ вообще любилъ себѣ представлять художника самъ Пушкинъ». Отношеніе поэта къ своему искусству, совершающееся въ «Разговорѣ» примиреніе прекраснаго и высокаго съ низменнымъ и обычнымъ, «эолова небесъ» съ «презрѣнной прозой», умно анализировалъ В. Я. Стоюнинъ («Пушкинъ», изд. 1880 г., 220—226). Поэтъ «выходитъ изъ той мысли, которую такъ настойчиво постоянно поддерживалъ передъ друзьями и на которую еще такъ недавно указывалъ своему бывшему начальству,—будто онъ пишетъ стихи для денегъ. Онъ посмотрѣлъ на поэзію, какъ на свободный трудъ, который можетъ сдѣлаться трудомъ всей жизни... Пушкинъ только отдѣлилъ процессъ творчества отъ готовой работы, которая уже получаетъ матеріальную цѣнность. По его взгляду, поэзія есть чистое творчество... самый процессъ творчества не въ волѣ поэта; онъ происходитъ въ душѣ его какъ бы безсознательно для него самого по извѣстнымъ психическимъ законамъ... Можетъ ли при такомъ высокомъ настроеніи творческаго духа быть не только рѣчь, но даже какая-нибудь темная мысль о платѣ, о торговлѣ?.. Творчество есть потребность поэтической души, и сдѣловательно, цѣлью его не можетъ быть матеріаль-

ная выгода или расчет; ближайшее следствие его есть высшее духовное наслаждение и желание продать его, а не денежная отдача; от нея оно вполне свободно. Далее поэт освобождает его и от других дилемм, которые могли бы повредить его свободе... Издавая славу, поэт находит, что не стоит дорожить ею, отрекается от нея и ставит выше ее блаженство души в свободном творчестве... Поэзию часто соединяли поэты с любовью, с возлюбленной женщиной, которую возводили в идеал, которой поклонились и подчинили свое творчество... Пушкин... не хотѣл и за любовью признать власть над поэтическим творчеством... Отказавшись от всех посторонних дилемм для поэзии, поэт избирает себе одну свободу. Сдавая такой выбор, он тотчас же дѣлает неожидан- ный, но и неизбежный поворотъ къ тому вопросу, съ котораго начать «Разговоръ», — къ вопросу о платѣ за поэтический трудъ. Можно отречься от славы: она — яркая заплатка на ветхом рубище пѣвца; но это ветхое рубище уже гласитъ о тѣхъ житейскихъ нуждахъ, которыя, требуя удовлетворенія, ставятъ въ зависимость и свободу творчества отъ постороннихъ силъ... А независи- мость опирается на свободный трудъ, который имѣетъ право обвинять себя и требовать оплаты. Для свободы творчества нужно, чтобы оно считалось трудомъ жизни и, следовательно, имѣло бы одинакія права со всякимъ трудомъ. Черезъ это не пострадаетъ достоинство творчества. Нашъ поэтъ рѣшаетъ вопросъ очень просто. Рукопись, какъ плодъ труда, дѣлается уже товаромъ. За- служиваетъ упоминанія стоящее совѣмъ особнякомъ мнѣніе В. В. Сиповскаго («П» — тѣ, 1907, стр. 254), что вопросъ о нравственномъ правѣ художника продавать плоды своего вдохновения Пушкинъ разрѣшилъ «довольно незовко»; къ сожа- лѣнію, это оригинальное мнѣніе высказано критикомъ безъ всякой мотивировки.

Разсказъ Пушкина о яркихъ видѣніяхъ въ часы вдохновения вызвалъ у М. Н. Каткова («Русск. Вѣстн.» 1836 г., январь — перепеч., въ брош. «М. Н. Катковъ о П» — тѣ, М., 1900, стр. 40—41) восторженное замѣчаніе: «какъ живо и истинно переданы въ этихъ словахъ первое развитие поэтического дара, эти первые разно- образныя впечатлѣнія бытія, которыя въ поэти- ческой душѣ возбуждаютъ сродную себѣ игру представлений и находятъ въ нихъ свое выраже- ніе, наконецъ — этотъ пламенный недугъ, эта не- одолимая потребность ослѣпить внутреннюю тре- вогу пробудившейся души и дать ей выраженіе!» Д. Н. Овсяннико-Куликовскій анализируетъ это замѣчательное мѣсто, какъ примѣръ такого «ли- ризма художественной мысли», гдѣ «образы едва замѣчены, между тѣмъ, какъ воспріятіе гармоніи приобретаетъ первенствующее значеніе въ созна- нии... Образы палидо (лугъ, лупа и т. д.), но они безразличны — дѣло не въ нихъ, и одинъ съ удобствомъ можетъ быть замѣненъ другимъ, ни- чего общаго съ ними не имѣющимъ (дѣвствующій лугъ, напр., чуднымъ преданіемъ старушки). Вся суть дѣла въ лиризмѣ, т. е. въ энергическомъ воспріятіи гармоніи мысли. Это воспріятіе пре- творяется въ острое, бурное чувство, которое поэтъ живописуетъ такъ: «Какой-то демонъ обла- далъ»... и пр. Находя себѣ виѣшнюю форму, этотъ внутренній процессъ обнаруживаетъ свое ритми- ческое строеніе: «Въ размѣры стройные»... и т. д.» («П. какъ художественный геній» —

«Памяти П» — на», юбил. сб. журн. «Жизнь», 1899, стр. 38—39).

На стихъ «Вся жизнь — одна-ли, двѣ-ли ночи»... обратилъ вниманіе Аполлонъ Григорьевъ (Сочин., I, 282): «ничего во всей лирической поэзіи нельзя найти задумчивѣе (этого) стиха, какъ будто слу- чайно вырвавшегося изъ сердца поэта въ разго- ворѣ съ книгопродавцемъ»... Кохаповская посвя- тила двѣ прекрасныхъ страницы художественной необходимости эпитета «живой», примененнаго къ пѣвцу иволги («Степной дѣвтокъ на могилу Пуш- кина» — «Русская Бесѣда» 1859 г., № 5, критика, стр. 63—64): «истина Божескихъ законовъ при- роды, постигнутая поэтомъ, даетъ изумительную силу и красоту иногда очень простому слову Пушкина». — «Ночью моря гулъ глухой иль шопотъ рѣчки тихоструйной» — обращаютъ на себя вниманіе ненадуманнѣйшими, безыскусствен- ными звукоподражаніями.

Вдохновенную исповѣдь поэта, подобную пушкинской, находимъ въ лермонтовскомъ разго- ворѣ «Журналистъ, читатель и писатель», на сходство котораго съ «Разговоромъ» Пушкина обратилъ вниманіе еще Бѣлинскій (Сочин., пзл. Венгеровъ, VI, 47). Но у Лермонтова творческій процессъ протекаетъ болѣзненнымъ, мучительнымъ подъ напѣтомъ посѣщающаго его демона онъ переживаетъ «тигостныя ночи: безъ сна горять и плачутъ очи, на сердцѣ жадная тоска... и какъ-то весело и больно тревожить язвы старыхъ ранъ», и тогда поэтъ пишетъ, но, — говоритъ онъ, — «этихъ горькихъ строкъ неприготовленному взору и не рѣшусь показать», какъ не рѣшится показать свѣту и тѣ «странныя творенія», въ которыхъ «съ отвагою свободной поэтъ на будущность глядитъ, и миръ мечтою благородной предъ нимъ очищенъ и омытъ»... По физиологія творческаго процесса у обоихъ поэтовъ одна, и какъ у Пуш- кина пламенный недугъ разрѣшался стройными размыслами, послушными словами, звонкой римой, такъ и Лермонтовъ («Сказка для дѣтей») отъ своего демона «отдѣлывался стихами».

Къ вопросамъ о поэтѣ и поэзіи, объ отно- шеніи къ нимъ «толпы», возбуждаемымъ въ «Раз- говорѣ», Пушкинъ не разъ возвращался; они были его любимыми темами, которыя онъ тракто- вать часто. Укажемъ, напримѣръ, на «Пророка», «Поэта», «Поэту», «Изъ VI Индемонте», «Эхо». Сообразно съ этимъ, не разъ придется гово- рить объ этихъ сторонахъ пушкинскаго твор- чества.

389. ИЗДРЕВЛЕ СЛАДОСТНЫЙ СОЮЗЪ... (Н. М. ЯЗЫКОВУ).

(т. II, стр. 217).

Автографъ этого посланія неизвестенъ. Впер- вые появилось оно, безъ подписи поэта, въ «Ли- тературной Газетѣ» 1830 г., № 16, 17 марта, стр. 125—126, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ посланія къ Языкову» и съ похвотой: «1824. Ми- хайловское»; въ «Газетѣ» оно было напечатано не все и кончалось словами: «Я жду тебя...», за ко- торыми слѣдовали двѣ строки точекъ; при этомъ въ текстѣ были нѣкоторыя исправленія, вызван- ныя отчасти цензурными соображеніями; такъ, въ стихѣ «Куда поуетъ самовластье» послѣднее слово было замѣнено другимъ — «непогода», такъ

что стихи 17-й и 19-й не рифмовали между собою. Въ томъ же видѣ вошло оно въ III-ю часть сборника стихотвореній Пушкина, 1832 г., стр. 187—189. Полностью напечаталъ посланіе П. А. Ефремовъ съ копій, полученной отъ графа М. А. Корфа, въ «Современномъ Обозрѣніи» 1868 г., № 5, стр. 223 — 224, откуда оно было перепечатано Г. Н. Геннадіи во второмъ его изданіи (1870 г., I, 285—286). Подробности о текстѣ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Въ копій гр. Корфа пьеса датирована: «Михайловское, 20 сентября 1824». (Въ первомъ изданіи Геннадіи, т. I, стр. 300, невѣрная дата «18 октября»). Корфовой датѣ можно вѣрить, такъ какъ въ тотъ же день Пушкинъ писалъ А. Н. Вульфъ (см. выше, № 387): «пріѣзжай сюда зимой да Языкова поэта затащи ко мнѣ съ собой... Уговори Языкова да отдай ему мое письмо»... А сестра Вульфа, Анна Николаевна, приписала: «Александръ Сергѣевичъ вручилъ мнѣ это письмо къ тебѣ, мой милый другъ. Онъ давно собрался писать къ тебѣ и къ Языкову, но я думала, что это только будетъ на словахъ. Пожалуйста, отдай тутъ вложенное письмо Языкову и, ежели можешь, употреби все стараніе уговорить его, чтобы онъ зимой сюда пріѣхалъ съ тобой. Пушкинъ этого очень жаждетъ; покажишь, пожалуйста, отвѣчай скорѣе на это письмо и пришли отвѣтъ отъ Языкова скорѣе». На Языкова Пушкинъ давно уже обратилъ вниманіе. Еще годъ назадъ (13 ноября 1823 г.) онъ писалъ Дельвигу: «раздѣляю твои надежды на Языкова». Не найдя стиховъ Языкова въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 г., онъ пенялъ на это ея издателью А. А. Бестужеву (письмо 8 февраля 1824 г.). Узнавъ въ Михайловскомъ, что Языковъ въ дружбѣ съ Вульфомъ, и что они часто встрѣчаются, онъ воспользовался этимъ, чтобы завязать знакомство съ поэтомъ. Старшій собратъ былъ всегда немновѣрно высокаго мѣрныя о младшемъ. «Живо помню,—разсказываетъ Гоголь. (Сочин., изд. 10-е, IV, 189),—восторгъ его въ то время, когда прочиталъ онъ стихотвореніе Языкова къ Давыдову, напечатанное въ журналѣ. Въ первый разъ увидѣлъ я тогда слезы на лицѣ Пушкина (Пушкинъ никогда не плакалъ; онъ самъ сказалъ о себѣ въ посланіи къ Овидію: «Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ»...)). Далеко не такимъ чувствомъ платилъ Пушкину Языковъ за его чрезвычайный восторгъ. На поэтическое приглашеніе Языковъ отвѣтилъ Пушкину тоже посланіемъ, въ которомъ благодарилъ Пушкина:

«Я благосклоннаго пріѣхавша—
Клянусь парнасскимъ божествомъ,
Клянуся юности дарамъ:
Наукой, честью и виномъ
И вдохновенными стихами—
Въ тиши безвѣстности не ждалъ
Отъ сына музы своеправной,
Равно торжественной и славной
И высшей рока и похвалы...
Такъ я тебя благодарю.
Богъ вѣсть, что въ мірѣ ожидаетъ
Мои стихи, что буду я
На темномъ полѣ бытія,
Куда неопытность моя
Меня зачѣмъ-то порывааетъ;
Но будь, что будетъ,—не боюсь;
Въ бытописаніи русскихъ музъ
Меня твое благоволеніе
Предастъ въ другое поколѣніе,

И сталь пѣшиваго косца,
Всему ужасная, не скоситъ
Тобой храпимаго пѣвца.
Такъ камень съ низменныхъ полей
Посетель Зевсовыхъ огней
Играя, на гору заноситъ!

Объ этихъ стихахъ Пушкинъ писалъ Вульфъ въ мартѣ слѣдующаго года: «обнимаю васъ братски, также и Языкова. Посланіе его...—презестъ,—въ посланіи послѣ тобою храпимаго пѣвца стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ. Перешилите мнѣ его». Къ письму Пушкина П. А. Осипова приписала: «хотя я не имѣю чести знать Языкова, но отъ моего имени пригласи его, чтобы онъ оживилъ Тригорское своимъ присутствіемъ». Но и въ этомъ году Языковъ не пріѣхалъ. Пушкинъ впервые увидѣлся съ нимъ лишь лѣтомъ 1826 г., и не разъ за дружескимъ столомъ раздавался «звонъ рюмокъ и стиховъ». Оба поэта,—разсказываетъ Анненковъ («П—тъ въ Александровск. эпоху», 318—319),—сошлись на почвѣ Тригорскаго и Зуева весьма близко, и такъ очаровательны были берега Сороти, сѣни и роши обоихъ селеній въ прекрасное лѣто 1826 г., такъ граціозно и весело встрѣчало друзей молодое женское населеніе перваго, такъ поэтичны были ночи и долгіе дни, проведенныя ими вмѣстѣ, что Языковъ до гроба считалъ эту эпоху своей жизни лучшимъ ея мгновеніемъ». И Пушкинъ впоследствии вспоминалъ въ «Опѣтнѣ», какъ «изъ капища наукъ явился онъ въ нашъ сельскій кругъ и воды Сороти прославилъ, и огласилъ поля кругомъ очаровательнымъ стихомъ»... Вскорѣ (19 августа) онъ трескуче писалъ Пушкину изъ Дерпта, съ забавнымъ самохвалствомъ именуя себя, наравнѣ съ Пушкинымъ, «первенцемъ полночныхъ Музъ»:

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣ дѣвицы пригожей,
Святѣ царской головы!
Огнемъ стиховъ ознамену
Тѣ достохвалныя края
И ту годину золотую,
Гдѣ и когда мы: ты да я,
Два сына Руси православной,
Два первенца полночныхъ Музъ,
Постановили своеправно
Нашъ поэтическій союзъ.
Нѣведь изащитаго! забуду-ль,
Какъ волновалася во мнѣ,
На самой сердца глубинѣ,
Восторговъ пламенная удаля,
Когда могущественный ромъ,
Съ плодами сладостной Мессины,
Съ немного сахара, съ виномъ,
Переработанный огнемъ,—
Лился въ стаканы-исполнны?
Какъ мы, бывало, пьемъ да пьемъ,
Творимъ обѣты нашей Гебѣ,
Зовемъ искусства въ нашу Русь
И я на тридесатомъ небѣ
И славой прадѣдовъ горжусь!
Мнѣ утѣшительно доселѣ,
Мнѣ весело вспоминать
Сію поэзію во хмелѣ,
Ума и сердца благодать...
Съ челою возвышеннымъ стою
Передъ скрижалю вдохновеній,
И вольность нашихъ наслажденій
И берегъ Сороти пою...

(см. Отчетъ П. Публ. Библ. за 1889 г., стр. 43—44; «Русск. Стар.» 1903 г., мартъ, 483—484; Переписка П., I, № 265). Ниже, въ примѣчаніяхъ къ №№ 498 и 504, излагаются дальнѣйшія отношенія Пушкина и Изюкова.

Въ посланіи, которымъ начались личные сношенія между поэтами, Пушкинъ жалуется новому другу на свое положеніе поднадзорнаго ссыльнаго, на свои «закованные дни». Даже въ Дерптѣ побывать ему не удалось; когда онъ собирался «лѣчиться» у дерптскаго хирурга, ему предложили прѣхать для этого въ Псковъ, куда былъ приглашенъ и врачъ.

О прадѣлѣ поэта, А. Н. Ганнбалѣ, см. въ I т. настоящаго изданія ст. Б. Л. Модзалевскаго «Родъ Пушкина». Дельвига Пушкинъ давно звалъ къ себѣ. «Дельвига съ потерпѣніемъ ожидаю», — писалъ онъ брату въ концѣ февраля или началѣ марта 1825 г. «Дельвига жду... Мочи нѣтъ, хочется Дельвига» — писалъ онъ ему 12 марта. 20 марта Дельвигъ далъ знать Пушкину, что будетъ у него въ субботу на Святой недѣлѣ, по опоздалъ и прѣхалъ въ началѣ второй половины апрѣля.

390. АКВИЛОНЪ.

(т. II, стр. 218).

Пьеса извѣстна въ автографѣ, о которомъ говоритъ Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. II, стр. 377); нынѣ онъ находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина. Это перебѣленный экземпляръ, со многими поправками; онъ носитъ помѣты: «1824. Мих.» и ниже: «Болд. 7 сент.»; вторая помѣта означаетъ, вѣроятно, что стихотвореніе, написанное въ 1824 г. въ Михайловскомъ, было исправлено 7 сентября 1830 г. въ Болднѣ, гдѣ поэтъ проводилъ тогда осень. (См. «П. и его современники», вып. IV, стр. 11—12). Этотъ автографъ не доступенъ изслѣдователямъ и мы знаемъ о немъ лишь по сообщенію Анненкова, приведеннаго изъ него нѣсколько «небольшихъ поправокъ, усилившихъ и опредѣлившихъ, однако жъ, всѣ отбѣики поэтической картины»; о текстѣ пьесы см. въ общей статьѣ о текстѣ. Появилась она впервые въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1837 г., № 1, за нѣсколько дней до смерти поэта, у котораго выпросилъ ее новый издатель этой газеты А. А. Краевскій; въ собраніи произведеній Пушкина она стала включаться начиная съ посмертнаго изданія (IX, 377).

Когда стихотвореніе появилось въ печати, врагъ Пушкина С. С. Уваровъ обратилъ на него свое подозрительное вниманіе и сказалъ предсѣдателю цензурнаго комитета: «развѣ господинъ Краевскій не знаетъ, что Пушкинъ состоитъ подъ строжайшимъ присмотромъ тайной полиціи, какъ человѣкъ неблагонадежный? Служащему у меня въ министерствѣ не слѣдуетъ имѣть сношеніе съ людьми столь вреднаго образа мыслей, какимъ отличается Пушкинъ» («Русск. Стар.» 1880 г., т. 28, стр. 538). Враждебно настроенный къ поэту и подозрительный николаевскій министръ предположилъ скрытый политическій смыслъ въ пьесѣ не безъ основанія. Аквилонъ, который прошумѣлъ не только грозой, но и славой, едва ли простое явленіе природы, а не

аллегорія. В. Я. Стоюнинъ («Пушкинъ», СПб., 1881, стр. 219—220) такъ истолковываетъ пьесу: «въ первую пору своего пребыванія въ Михайловскомъ поэтъ еще переживалъ впечатлѣнія отъ прежняго времени. Такъ, политическія буря послѣднихъ годовъ европейской жизни выразились въ его фантазіи въ образѣ Аквилона въ прекрасномъ стихотвореніи, озаглавленномъ этимъ же именемъ. Здѣсь поэтическая фантазія удачно сблизила политическія потрясенія съ бурными движеніями въ природѣ, послѣ которыхъ очищается атмосфера и наступаютъ красивые дни. Поэтъ и для политической жизни ждетъ того же. «Пушай же солнца ясный ликъ»... и т. д. Такихъ дней онъ могъ желать и для себя: и онъ много потерялъ отъ налетѣвшаго аквилона, и онъ, также величавый русскій дубъ, былъ вполнѣ извергнутъ».

Такъ же Л. Н. Майковъ въ своей замѣткѣ объ этомъ стихотвореніи и о пьесѣ 1835 г. «Туча» («Русск. Вѣстн.» 1893 г., № 2, стр. 3—9, и «Историко-литературные очерки», СПб., 1895, стр. 259—265) находитъ, что «основной мотивъ «Аквилона» слѣдуетъ искать въ обстоятельствахъ личной жизни поэта. Извѣстно, какъ сильно ройталъ онъ на свою ссылку въ деревню изъ Одессы, послѣдовавшую по распоряженію изъ Петербурга; стихотвореніе составляетъ какъ бы обращеніе къ императору Александру, при чемъ подъ тростникомъ, клонимымъ долу, поэтъ разумѣетъ самого себя, а подъ дубомъ—Наполеона, побѣжденнаго русскимъ царемъ. Покой, который призывается въ послѣдней строкѣ, нѣтъ еще ни въ природѣ, ни въ душѣ поэта; онъ еще полны тревоги. Таково именно было чувство, которое Пушкинъ переживалъ въ первое время по своемъ прибытіи въ Михайловское.

Я еще

Былъ молодъ, но уже судьба

Меня борьбой неравной истомила;

Я былъ ожесточенъ...

Такъ говорилъ поэтъ о той порѣ своей жизни послѣдствій, а вотъ что писалъ онъ своему брату изъ деревни въ октябрѣ 1824 года: «Я не прошу отъ правительства поумилостей: эта была бы полумѣра, и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надѣялся на перемѣну судьбы моей, но со мною онъ поступилъ не только строго, но и несправедливо. Не надѣясь на его снисхожденіе, надѣюсь на справедливость его». Принимая во вниманіе такой смыслъ «Аквилона», можно объяснить себѣ, почему это стихотвореніе такъ долго оставалось не напечатаннымъ. Примирительный, спокойный аккордъ, которымъ завершается пьеса, вполнѣ обычное явленіе у Пушкина; см., напримѣръ, «Предчувствіе», 1828 г., «Тучу». Съ послѣдней пьесой «Аквилонъ» стоитъ въ тѣсной связи, о которой будетъ сказано въ примѣчаніяхъ къ «Тучѣ».

391. ТУМАНСКІЙ ПРАВЪ.

(т. II, стр. 218).

Два наброска этой пьесы находятся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 17 (первый стихъ читается: «Т.—правъ»... и т. д.), между черновыми «Разговора книгопро-

лавица съ поэтѣмъ» и двухъ строфъ 3-ей главы «Онѣгина»; далѣе слѣдуютъ черновики «Къ морю» и «Подражаніи Корану». Впервые появилась она въ анненковскихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» (см. его изданіе сочиненій П., т. I, 1855 г., стр. 337). Анненковъ отнесъ ее къ «Альбому Онѣгина»; это не вѣрно, потому что она написана, судя по положенію ея среди другихъ черновиковъ, въ 1824 г., когда въ «дали свободнаго романа» еще не имѣлся въ виду «Альбомъ»; П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи (т. I, стр. 545) пытался съ излишней и ничѣмъ не оправдываемой точностью датировать ее «сентябрь—октябрь»; возможно, что она относится еще къ одесскому періоду. «Льстивая замѣтка Онѣгина»,—говоритъ Анненковъ,—можетъ быть, вызвана была пьесой В. Туманскаго «Къ ней», изъ которой выписываемъ нѣсколько стиховъ». Приведемъ все стихотвореніе:

Не цвѣта небеснаго очи твои;
Не розы уста твои, дѣва;
Не лиліи — перси и плечи;
Но что бѣ за весна въ сторонѣ той была,
Гдѣ бѣ розы такіа, лилеи
Цвѣли на зеленыхъ лугахъ,
И небо, и все, что подъ небомъ,
Блестало, какъ очи твои голубыя!

(Это стихотвореніе появилось впервые еще въ «Подлирой Звѣздѣ» 1824 г., стр. 29, перепечатано въ «Стихотвореніяхъ В. И. Туманскаго», Спб., 1881, стр. 84). Между тѣмъ, въ пьесѣ Туманскаго нѣтъ указываемыхъ Пушкинымъ сравненій—ни съ радугой, ни съ ключемъ, и не извѣстно ни одного подобнаго стихотворенія В. И. Туманскаго.

Остается предположить слѣдующее: либо, прочитавъ въ рукописи: «Т—» и такъ неосмотрительно сблизивъ стихи Пушкина съ пьесой В. И. Туманскаго «Къ ней», Анненковъ ошибочно рѣшилъ, что первый стихъ долженъ быть прочитанъ: «Туманскій правъ»..., и, значитъ, подъ буквою «Т» разумѣется не В. И. Туманскій; либо у В. Туманскаго дѣйствительно было стихотвореніе, о которомъ говоритъ Пушкинъ, но не пошло въ печать и осталось неизвѣстнымъ. Издатель сочиненій и біографъ Туманскаго—графъ Г. А. Милорадовичъ писалъ: («Письма и неизданныя стихотворенія В. И. Туманскаго», Черниговъ, 1891 г., стр. 142): «мнѣ неизвѣстно посланіе Туманскаго, на которое отвѣчаетъ (?) Пушкинъ; можетъ быть, Пушкинъ отвѣчаетъ Теодору Антоновичу Туманскому» (о немъ см. ниже, въ примѣчаніяхъ къ № 484); и у этого Туманскаго нѣтъ подходящаго къ пушкинской передачѣ стихотворенія.

392. НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ ПОТУХЪ...

(т. II, стр. 219).

Пушкинъ нанечаталъ это стихотвореніе, авторъ котораго остался неизвѣстнымъ, въ сборникъ своихъ стихотвореній, изданныхъ въ 1826 г., стр. 25—26 (тамъ оно отнесено къ элегіямъ, а въ оглавленіи книги прибавлено: «Отрывокъ»), и въ 1829 г., ч. I, стр. 176—177, безъ заглавія. Въ этомъ изданіи пьеса помѣчена 1823 г. и стоитъ между стихотвореніями 1823 года—«Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты»...—и «Демономъ». Тѣмъ же го-

домъ помѣчена она въ плетневскомъ спискѣ пьесъ, предназначенныхъ для сборника 1826 г. (Переписка П., академич. изд., I, 293). Во второмъ изд. П. О. Морозова («Просвѣщеніе», I, 366—367) стихотвореніе перепесено въ 1824 г., съ поясненіемъ (стр. 673), что оно «по содержанию, песомѣнно, написано не въ Одессѣ (какъ полагали прежніе издатели), а въ Михайловскомъ, осенью 1824 г., и относится не къ г-жѣ Ризницѣ (ни одна черта не идетъ ни къ ней, ни къ Одессѣ, гдѣ нѣтъ ни горъ, ни скалъ), а къ М. Н. Раевской, представляя воспоминаніе о Крымѣ». Здѣсь П. О. Морозовъ присоединяется къ доводамъ Н. О. Сумцова, о которыхъ сказано ниже. П. А. Ефремовъ (Сочин. II, изд. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 195) былъ готовъ согласиться съ такою датировкой: «начальны стихи перваго стихотворенія указываютъ вовсе не южную обстановку поэта, такъ что справедливо о предполагаютъ, будто оно написано уже въ Михайловскомъ и подлежитъ переносу въ 1824 или 1825 г.», но однако, былъ удержанъ отъ перенесенія стихотворенія въ другой годъ соображеніемъ, что «изданіе 1826 г. процenzуровано 8 октября 1825 г., и Пушкинъ, конечно, хорошо помнилъ, въ этомъ ли году или въ предшествующемъ написалъ его, но все-таки помѣтилъ одесскимъ временемъ, т.-е. 1823 годомъ». Пушкинская датировка въ нѣкихъ случаяхъ, дѣйствительно, можетъ быть поколеблена, но что касается даннаго стихотворенія, то въ его хронологическомъ опредѣленіи намъ приходится всецѣло положиться на поэта, показанію котораго противопоставить нечего. Воспроизведена здѣсь пьеса по изданію 1829 г.

«Ирическія стихотворенія, писанныя въ Одессѣ»,—говоритъ П. В. Анненковъ («Матеріалы для біографіи Пушкина», изд. 2-ое, стр. 88),—«приобрѣтаютъ новый отбѣнокъ. Высто прежнихъ обдуманыхъ (?) и, потому, спокойныхъ созданій, являются такіа, какъ «Ненастный день потухъ»..., «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты». «Коварность» (?), исполненныя бурь сердца, сомнѣній страсти и сильнаго драматическаго движенія... Анненковъ здѣсь не указываетъ, къ кому относится «Ненастный день»...; «Простишь ли мнѣ»... песомѣнно связано съ Ризницѣ (см. во II т. настоящ. изданія, примѣч. къ № 372), а «Коварность»—съ Воронцовой (см. ниже, примѣчанія къ № 394). П. А. Ефремовъ (Сочин. II, изд. 1880 г., I, 566) безъ всякихъ объясненій отнесъ «Ненастный день»... къ Ризницѣ. А. П. Пезеленовъ («А. С. Пушкинъ въ его поэзіи», СПб., 1882, стр. 150) намекнулъ, что это «предположеніе невозможно: во-первыхъ, по противорѣчию пьесы съ характеромъ этого лица; во-вторыхъ, по неизмѣнно основаній для такого отнесенія». Несмотря на всю справедливость втораго аргумента, В. И. Гаевскій («Перстень Пушкина»—«Вѣсти. Евр.» 1888 г., февр., 522) прямо, безъ всякихъ объясненій, называетъ «Ненастный день»... въ «циклѣ пьесъ, посвященныхъ памяти (?) г-жи Ризницѣ, жившей тогда (!) въ Одессѣ»... Того же мнѣнія и С. Южаковъ («Любовь и счастье въ произведеніяхъ А. С. Пушкина», Од., 1895, стр. 53—54). П. О. Сумцовъ въ своихъ «Исслѣдованіяхъ о Пушкинѣ» («Харьковскій университет. сборн. въ память П.—на», Хар., 1900, стр. 210—222) отказывается отнести «Ненастный день»... къ Ризницѣ и думаетъ, что «она», о которой говорится въ пьесѣ,—М. Н. Раевская: «въ элегіи рѣчь идетъ о далекой сторонѣ, гдѣ «море движется подъ голубыми небесами», говорится о милой женщинѣ, идущей «по

горѣ», потомъ сидящей «подъ завѣтными скалами». Ни одна черта не идетъ ни къ Ризничѣ, ни къ Одессѣ. Ризничъ жила тогда въ Одессѣ, гдѣ и бѣтъ ни горѣ, ни скалѣ. П. Е. Щеголевъ («Амадія Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина» — «Вѣстн. Евр.» 1904 г., январь, 312—313, 315) связываетъ «Ненастный день потухъ...» съ графиней Воронцовой и такъ же, какъ П. О. Морозовъ, не считаетъ съ пушкинской хронологіей: «къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія въ Михайловскомъ относится элегія «Ненастный день потухъ...» Она и самимъ поэтомъ отнесена къ 1823 году — и всѣми (?) издателями печатается подъ этимъ годомъ, но анализъ содержания даетъ несомнѣнный указаніе на то, что элегія написана въ Михайловскомъ. Въ первой строфѣ (?) поэтъ рисуетъ обстановку, которая окружаетъ его... Пейзажъ, несомнѣнно, сѣверный, и въ 1823 г. поэтъ не могъ видѣть его передъ своими глазами. Этому пейзажу поэтъ противопоставляетъ слѣдующую картину: «Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ...» и т. д. Нѣкоторые комментаторы относили эти стихи къ Ризничѣ, но это невѣрно, потому что Ризничъ въ это время (?) была въ Италіи, въ странѣ, въ которой не было для Пушкина «завѣтныхъ» скалъ. Рѣчь идетъ, конечно, объ Одессѣ, и подъ скалами тутъ нужно понимать не скалы горъ, а скалы гротовъ... — Врядъ ли, — справедливо замѣчаетъ г. Щеголевъ, — можетъ быть отнесено къ М. П. Раевской это стихотвореніе, въ особенности заключительныя его строки... Элегію нельзя отнести ни къ М. П. Раевской, ни къ Амадіи Ризничѣ». Однако, прибавимъ, и бѣтъ никакихъ основаній относить ее, какъ это дѣлаетъ г. Щеголевъ, и къ Воронцовой. М. О. Гершензонъ («Пушкинъ и гр. Е. К. Воронцова» — «Вѣстн. Евр.» 1909, февр., 539), тоже произвольно относитъ пьесу къ осени 1824 г., находить, что она рисуетъ пейзажъ, несомнѣнно, не одесскій, а крымскій: ни одинъ человѣкъ, издавшій одесское взморье, не усумнится въ этомъ, ибо тамъ и бѣтъ ни «горъ», ни «береговъ, потопленныхъ шумящими волнами», и, конечно, не видъ съ дачи Рено рисуютъ эти стихи: «Тамъ море»... и т. д. Пишущій эти строки не разъ видалъ одесское взморье и, наоборотъ, можетъ только подтвердить, что пушкинское описаніе художественно передаетъ видъ одесскаго берега, дѣйствительно «потопленного шумящими волнами»; береговые оползни — самое обыкновенное явленіе на скалистомъ одесскомъ берегу, части котораго, подмываемыя волнами, до сихъ поръ продолжаютъ отъ времени до времени обрушиваться въ море.

Но не въ этомъ дѣло. Одинъ комментаторъ не вѣрнѣе пушкинской хронологіи и переноситъ поэта въ Михайловское, а берегъ, описанный въ стихотвореніи, — въ Одессу; другой оставляетъ Пушкина въ Одессѣ, а берегъ ищетъ въ Крыму, но всѣ почему-то согласны въ одномъ, что элегія Пушкина — страничка изъ автобіографіи поэта, и никому не приходитъ въ голову, что лирика и личная лирика не одно и то же; что «я» поэта и «я» А. С. Пушкина не всегда же должны, во что бы то ни стало, совпадать, и что, разъ въ извѣстныхъ намъ біографическихъ свѣдѣніяхъ о поэтѣ мы не имѣемъ строго-фактическихъ, болѣе или менѣе точныхъ указаній на связь пьесы съ событіями его жизни, всѣ догадки о подобной связи будутъ строиться на пескѣ. Предположеніе, что пьеса написана не въ 1823 г., а въ 1824-мъ, можно было бы допустить одновременно съ другимъ предположеніемъ — что пушкинская дата обозна-

чаетъ не время созданія пьесы, написанной поэтомъ, а время событія, съ которымъ она связана (въ рукописяхъ Пушкина есть такіе примѣры — см., напримѣръ, примѣч. № 394). Но въ настоящемъ случаѣ и для такого предположенія у насъ и бѣтъ никакихъ данныхъ, потому что какъ, разъ мы не знаемъ ни одного событія въ жизни поэта, подходящаго къ разбираемой пьесѣ, и именно отсутствіе такихъ свѣдѣній опрокидываетъ всевозможныя догадки о тождествѣ личностей героя элегіи и ея автора. Можно допустить лишь нѣкоторое внутреннее сродство между данной элегіей и отрывкомъ «Все кончено: межъ нами связи и бѣтъ...» (см. ниже примѣч. къ № 410. Н. О. Сумцовъ сближаетъ элегію, съ художественной стороны, съ стихами 1820 г. «Рѣдѣть облаковъ летучая гряда...»). По тону чувства между обоими стихотвореніями есть сходство; и бѣтъ общее есть и въ содержаніи: оба говорятъ о мученіяхъ ревности. Изъ элегіи не видно, были ли «онъ» и «она» близки прежде, хотя можно допустить близкія отношенія; въ отрывкѣ говорится о тѣсной и близкой связи. Герой элегіи успокаивается мыслью, что она — «одна» (это слово повторяется четыре раза), что «никто ея колѣнъ въ забвеньѣ не иблуетъ», и съ ужасомъ думаетъ: «но если...», но если она не одна, а съ другимъ!.. Чувство ревности въ отрывкѣ успокоеніе: «тебѣ роптаніемъ преслѣдовать не буду и невозвратное, быть можетъ, позабуду...» Но дальше этихъ сближеній и сопоставленій идти нельзя, и на вопросъ, какъ произошли оба стихотворенія, личныя ли переживанія Пушкина отразились въ вдохновенныхъ творческихъ переживаніяхъ поэта, приходится отвѣтить только: *ignorabimus!*

Бѣлинскаго, назвавшего «Ненастный день»... въ числѣ «чисто-пушкинскихъ» пьесъ, въ которыхъ «виденъ уже зрѣлый талантъ, истинный художникъ», элегія приводила въ особенный восторгъ, и онъ выдѣлялъ ее, выдѣлялъ съ «Простишь ли мнѣ»... «Ты вянешь и молчишь...» и «Къ морю», изъ ряда лучшихъ стихотвореній Пушкина: «вглядитесь и вслушайтесь въ этотъ стихъ, въ этотъ оборотъ мысли, въ эту игру чувства: во всемъ найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшей примѣси прозы, какъ старое крѣпкое вино безъ малѣйшей примѣси воды... Въ павосѣ стихотворенія сколько жизни, страсти, истинны!.. И сколько жизни, какой энергическій порывъ страсти высказывается въ словѣ: «но если», отрывисто заключающемъ пьесу! Все это такъ просто, такъ естественно, во всемъ этомъ столько глубокой страсти, столько истинны чувства... А форма? Какая легкость, какаа прозрачность! На каждомъ стихѣ, даже отдѣльно взятомъ, такъ и виденъ слѣдъ художническаго рѣзца, оживляющаго мраморъ!... — «Пламени бѣи этой ревности, — говоритъ Аполлонъ Григорьевъ (Сочин., I, 282), — нельзя ничего встрѣтить ни у какого поэта въ мірѣ... Несмотря на нѣсколько строкъ, заполненныхъ точками, несмотря на то, что стихотвореніе обрывается на едва начатомъ стихѣ, его нельзя признать неоконченнымъ, — и бѣтъ, это полное, завершенное художественное дѣло, безъ пятна и упрека, выдѣляющееся даже среди пушкинскихъ шедевровъ. Сомнѣнія въ вѣрности любимой женщины не мѣшаютъ ибжности и просвѣтленности чувства, уживающимся съ самою пылкой, кипучей страстностью, которая рисуетъ плечи, бѣлоснѣжную грудь, влажныя губы, мѣлкую щія подъ жаркими подблудами... Эта гармонія

чувства, это умѣние такъ легко и просто сочетать порывъ сладострастія съ порывомъ къ «любви небесной»—одно изъ самыхъ прекрасныхъ свойствъ пушкинской любовной лирики; другимъ, еще болѣе разительнымъ примѣромъ можетъ служить знаменитое признаніе: «Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденіемъ»... А завершающее пьесу «но если»...—гениальный образецъ художественнаго, если можно такъ выразиться, цѣломудрія, которое боится лишняго слова, лишняго жеста и ограничивается намекомъ и многоговорящимъ умолчаніемъ.

393. ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ЦЕНЗОРУ.

(т. II, стр. 219).

Посланіе извѣстно въ четырехъ автографахъ. Первоначальная черновая, съ поправками и поправками, находится въ 2370-ой тетради Московскаго Румянцеваго музея, лл. 21—22; въ другой музейной тетради, № 2367, лл. 31—32 об., записана отдѣльная редакція, тоже съ поправками и съ нѣкоторыми отличіями отъ окончательнаго текста. Въ собраніи Н. Я. Дашкова находятся два автографа ¹⁾; текстъ одного изъ нихъ также не вполне исправленъ, а другой, болѣе поздній и носящій подпись: «Пушкинъ», даетъ окончательную редакцію, которая и печатается здѣсь. (О рукописныхъ и печатныхъ вариантахъ см. въ общей статьѣ объ исторіи пушкинскаго текста). Много лѣтъ ходившее среди читающей публики въ спискахъ, съ разными, какъ водится, нелѣпыми искаженіями, посланіе могло повліять, съ значительными купюрами, лишь въ дополнительномъ, VII-мъ, томѣ анненковскаго изданія, 1857 г., стр. 33—35, рядомъ съ первымъ посланіемъ, ошибочно отнесеннымъ къ тому же году, съ значительными купюрами, подъ осторожнымъ не-пушкинскимъ заглавіемъ: «Второе посланіе къ Аристарху» и съ еще болѣе осторожнымъ примѣчаніемъ: «рѣшаемся представить публикѣ эти два посланія, писанныя въ Михайловскомъ уединеніи 1824 г. и хорошо извѣстныя всѣмъ почитателямъ нашего поэта. Очищенные отъ намековъ, касавшихся современныхъ поэту лицъ и событій, они теряютъ всякій признакъ сатирическаго или полемическаго направленія и только могутъ служить образцомъ строгаго и высокаго пониманія одного изъ важнѣйшихъ общественныхъ служеній. Въ нихъ поэтъ какъ будто предчувствовалъ смыслъ установленій, данныхъ потомъ въ руководство всей той полезной дѣятельности, о которой самъ онъ говоритъ съ такимъ уваженіемъ». Рѣшился на это Анненковъ «страха ради іудейска» и хватилъ черезъ край. «Мы вѣдѣли»,—разсказываетъ Н. А. Ефремовъ (Сочин. II, изд. 1880 г., т. I, стр. 572),—цензурную рукопись VII тома и не нашли въ этихъ стихотвореніяхъ ни одного цензурнаго исключенія, такъ что вся честь очистки принадлежитъ Анненкову, который и заглавія имѣлъ далъ»... Несмотря на то, что анненковскіе пропуски были отчасти пополнены въ «Библиографич. Запискахъ» 1858 г., № 11, ст. 348, они далеко не вполне были восполнены Г. Н. Гениади въ его первомъ изданіи, 1859 г. Нѣсколько

пропущенныхъ стиховъ появились въ изданіи Н. В. Гербедемъ берлинскомъ томикѣ стихотвореній Пушкина, 1861 г., стр. 79 и 154. Въ болѣе исправномъ и полномъ видѣ посланіе появилось во второмъ гениадиескомъ изданіи, 1870 г., т. I, стр. 302—304, а въ болѣе правильной и полной редакціи—въ первомъ изданіи Ефремова, 1880 г., стр. 468—470, гдѣ напечатано съ Бѣловаго ¹⁾ дашковского списка. Девять стиховъ, начинающихся словами: «Обдумавъ наконецъ памфленья благія»..., были напечатаны по несправной копіи въ «Сборникѣ, издаваемомъ студентами Имп. С.-Петербург. Университета», вып. I, Спб., 1857, стр. 330; впрочемъ, двуступни: «Сей старецъ дорогъ намъ»... и т. д., находящееся на бюстѣ А. С. Шишкова въ академіи наукъ,—появилось еще въ «Маякѣ» 1844 г., т. XVI, кн. 31, гл. I, стр. 19, въ статьѣ Б. М. Федорова «Пятидесятилѣтіе литературной жизни С. Н. Глинки». Разбираемое посланіе относится приблизительно къ сентябрю—декабрю 1824 г., судя по положенію черновиковъ среди другихъ рукописей и по тѣмъ даннымъ, которые представляетъ переписка поэта.

Начавъ «Опѣгину», Пушкинъ писалъ Дельвигу (16 ноября 1823 г.): пишу теперь новую поэмку... Бирюковъ [цензоръ] ее не увидитъ... «Объ моей поэмі»,—писалъ онъ А. А. Бестужеву вскорѣ (8 февраля 1824 г.),—нечего и думать,—если когда-нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ». Но мистика-ханжа, князя А. Н. Голицына на посту министра народнаго просвѣщенія смѣнилъ А. С. Шишковъ. Репутація защитника слова уже давно прочно установилась за Шишковымъ; его помнили и какъ автора патристическихъ манифестовъ 12-го года. «Извѣстно было»,—разсказываетъ Анненковъ («П. въ Александровск. эпоху», 305—306),—что онъ публично выразилъ негодованіе на тупоту и чудовищность цензурныхъ поमारокъ и приводилъ невѣроятные примѣры ихъ даже официально... Въ своемъ голосѣ по дѣлу о профессорахъ петербургскаго университета 1822 г. Шишковъ, требуя бдительной цензуры по всѣмъ отраслямъ ученой и литературной дѣятельности, говорить, что цензура должна быть ни слабая, ни строгая (ибо строгая не даетъ говорить ни уму, ни правдѣ) и притомъ разумѣющая силу языка. Теперь Пушкину можно было надѣяться на облегченіе тяготѣвшаго надъ литературой цензурнаго гнета, и онъ рѣшилъ печатать первую главу «Опѣгина».—«Авось съ переменной министерства она и напечатается»,—писалъ онъ Вяземскому въ первой половинѣ іюня. Въ слѣдующемъ письмѣ къ нему же (13 іюня) поэтъ выразилъ надежду, что Шишковъ не потеритъ въ цензурномъ вѣдомствѣ Бирюкова и Красовскаго (о нихъ см. выше, въ примѣчаніяхъ къ № 384), и спрашивалъ: «на какомъ основаніи началъ свои дѣйствія дѣдушка Шишковъ?.. Ожиданю добра для литературы вообще и посылаю ему добзаніе не яко Іуда-Арзамасецъ, но яко Разбойникъ-Романтикъ. Попытаюсь толкнуть ко вратамъ цензуры съ первою главой или пѣсней Опѣгина. Авось пройдемъ». Мысль о цензурныхъ переменахъ заппала Пушкина и съ другихъ сторонъ, какъ видно изъ письма его къ Вяземскому, посланнаго приблизительно нѣдѣлю спустя: «Хотѣлось мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства. Что ты объ этомъ ду-

¹⁾ Одинъ изъ этихъ «автографовъ», по нашему мнѣнію, безусловно не Пушкинскій. Ср. въ ист. текста.

Ред.

¹⁾ По нашему мнѣнію, не Пушкинскаго.

Ред.

маешь? Я и радъ, и нѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Оппозиція Русская, составившаяся, благодаря Русскаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то истерическое, которое я изъ подъ тишка поддразнивалъ, ожидая чего-нибудь. А теперь какъ позволять Фитѣ Глинкѣ говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять утомонится, журналы пойдутъ вратъ своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ».

Сначала было Пушкинъ нѣсколько сомнѣвался въ судьбѣ «Онѣгина». 29 июня онъ писалъ Бестужеву: «Онѣгинъ мой растетъ. Да чортъ его напечатаетъ. Я думалъ, что Цензура поумѣла при Шишковѣ, я вижу, что и при старомъ по старому». «Не знаю, пустятъ ли этого бѣднаго Онѣгина въ небесное царствіе печати» — говорилъ онъ въ письмѣ къ А. П. Тургеневу (14 июля): «на всякой случай попробую». Но не напрасно поступался Пушкинъ въ цензурныя врата: предъ «Онѣгинымъ» они раскрылись настежь, и поэтъ писалъ Вяземскому (25 января 1823 г.): «не ожидалъ я, чтобъ онъ протерся сквозь Цензуру — честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое Второе посланіе Цензору? тамъ между прочимъ... и Пушкинъ приводитъ девять стиховъ о Шишковѣ, начинающихся словами: «Обдумавъ напередъ»... «Такъ, — продолжаетъ Пушкинъ, — Арзамасецъ говорить пылъ о дѣлѣ Шиш. темного алтри!» Тутъ же Пушкинъ объясняетъ, что потому и не рѣшился, несмотря на совѣтъ Вяземскаго, прибѣгнуть къ защитѣ Шишкова противъ контрафактора «Кавказскаго Пѣвника» Олѣжкопа, что хвалилъ министра въ стихахъ, которые, конечно, не могли не стать извѣстными Шишкову: «въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство. Я же подличалъ благоназвѣренно — имѣя въ виду пользу нашей словесности и усмиренье кичливаго Красовскаго». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ концѣ мая или началѣ июня, Пушкинъ пенялъ Бестужеву: «ты умѣлъ въ 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности, а нынѣшній годъ и спасибо не сказать старику Шишкову. Кому же какъ не ему обязаны мы нашимъ оживленіемъ?» Въ юности, подъ вліяніемъ «Арзамаса» и карамзинскаго кружка, Пушкинъ былъ противникомъ Шишкова. Въ его дневникѣ подъ 28 ноября 1815 г. сохранилась ядовитая записка: «Шишковъ и г-жа Бунина увѣщали недавно князя Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ». Въ посланіи къ дядѣ Василию Львовичу (см. въ I томѣ настоящаго изданія, № 122) онъ называетъ Шишкова Ословымъ. Но выйдя изъ подчиненія кружковымъ вкусамъ и начавъ мыслить и дѣйствовать самостоятельно, Пушкинъ понялъ общественное и литературное значеніе Шишкова. Въ этомъ отношеніи ему послужилъ примѣромъ самъ Карамзинъ, главный противникъ Шишкова, «котораго онъ просто полюбилъ», по словамъ Пушкина. Впоследствии поэтъ считался съ филологическими работами Шишкова и высоко цѣнилъ ихъ, какъ цѣнилъ и благородную личность литературнаго патріарха, а Шишковъ, въ свою очередь, признавалъ Пушкина; по его предложенію Пушкинъ въ 1832 г. былъ избранъ въ члены Россійской академіи, президентомъ которой былъ Шишковъ. Впрочемъ къ этому учрежденію Пушкинъ относился не слишкомъ уважительно; однажды онъ писалъ М. П. Пого-

дину объ одномъ журналѣ: «онъ намъ нуженъ, какъ навозъ нуженъ панни, какъ свинья нужна кухнѣ, а Шишковъ — Русской Академіи» (пис. 1 июля 1828 г.).

Независимо отъ сатирическихъ замѣчаній и эпиграмматическихъ выпадовъ, пьеса представляла собою изложенную въ художественно-поэтической формѣ публицистическую статью о цензурѣ и отражаетъ всегдашнее, неизмѣнное отношеніе Пушкина къ этому институту.

Убѣжденіе, которое такъ краснорѣчиво защищалъ Милльтопъ, говоря, что «цензура представляетъ собою злѣйшее насиліе и оскорбленіе», то убѣжденіе, которое такъ горячо исповѣдывалъ Радищевъ, было совершенно чуждо Пушкину. Онъ рѣшительно не могъ представить себѣ безцензурной литературы. Въ обоихъ «Посланихъ къ цензору» (см. во II т. настоящаго изданія, № 347), такъ долго бывшихъ нелегальными, онъ нападалъ только на неразборчиво строгую и безтолково придирчивую цензуру, но въ необходимости самаго института цензуры никогда не сомнѣвался, находя, что «сантъ» цензора «священный», что цензоръ — «другъ писателю». «Дайте намъ, — говорилъ онъ (письмо къ Вяземскому 6 февраля 1823 г.), — цензуру строгую, согласенъ, но не бессмысленную». Примѣръ «Лондона» его не смущалъ. Онъ думалъ даже объ усиленіи правъ цензуры и въ вѣкъ Бируковыхъ и Красовскихъ, и безъ того не знавшихъ удержа, совѣтовалъ по поводу нападеній журналистовъ-разночинцевъ на журналистовъ-дворянъ: «не худо оградить и сословія, какъ ограждены частныя лица, отъ явныхъ нападеній злонамѣренности». Цензурѣ онъ посвятилъ въ «Мысляхъ на дорогѣ» цѣлую главу («Торжокъ»). Здѣсь онъ опять высказывается противъ «безмысленной цензуры, даже рассказываетъ очень забавные случаи изъ ея практики, но самую идею цензуры убѣжденно защищаетъ обычными софизмами и даже стоитъ за предварительную цензуру: «законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зло, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое». Что Пушкинъ, говоря такъ, желалъ литературѣ только добра, что онъ поступалъ искренно, это видно изъ того, что, заступившись въ 1836 г. за литературу, на которую обрушился членъ Россійской академіи и бездарный писатель М. А. Лобановъ, и горячо защищая ее въ своемъ «Современникѣ», Пушкинъ все-же дѣлалъ «мысли, какъ и дѣйствія, на преступныя и на не подлежащія никакой отвѣтственности» и вѣрилъ, что въ принципѣ «цензура есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго», «установленіе благодѣтельное», лишь бы она не становилась учрежденіемъ «притѣснительнымъ», «докукливой нянькой, слѣдующей по пятамъ шаловливыхъ ребятъ». (См. мою ст. «Проза Пушкина» въ «Ист. русс. литературы XIX в.», изд. «Мира», М. 1908 г., I, 415—416).

О Мих. Леонт. Магницкомъ (1788—1855 гг.), членѣ главнаго правленія училищъ и потомъ попечителѣ казанскаго университета, оставившемъ черныя слѣды въ исторіи русской университетской науки, см. книгу Е. М. Осеттисова «Магницкій», М., 1865, и М. П. Сухомлинова «Очерки изъ исторіи русской литературы и просвѣщенія» «СПб., 1889, т. I, Дим. Александр. Кавелинъ (1778—1851 гг.) въ качествѣ директора петербургскаго университета, участвовалъ въ извѣстномъ судѣ 1821 г. надъ профессорами, въ числѣ которыхъ

былъ Галичъ (о немъ см. ст. Э. А. Радлова въ 1 т. настоящаго изданія); объ этомъ судѣ и о Кавелинѣ см. упомянутый трудъ Сухомлинова, «Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн.» 1866 г., кн. III; записки Вигеля, ч. V; ст. Д. А. Корсакова «Д. Кавелинъ» въ «Вѣстн. Евр.» 1886 г., № 1. Для Пушкина онъ потому былъ «свой», что когда-то участвовалъ въ «Арзамасѣ». «Благочестивая, смиренная душа» — самъ бывший министр, кн. А. Н. Голицынъ: о немъ, а также объ его протѣжѣ Н. П. Баптынѣ-Каменскомъ см. въ 1 т. настоящаго изданія, № 202.

394. КОВАРНОСТЬ.

(т. II, стр. 222).

Бывшій въ рукахъ П. В. Анненкова и впоследствии у Л. Н. Майкова черновикъ этой пьесы находится въ майковской коллекціи автографовъ Пушкина, принадлежащей академіи наукъ. По словамъ описанія недоступной коллекціи («П. и его современники», IV, 5, № 15), это листокъ грубой, сѣрой бумаги, часть котораго оторвана, такъ что середины пьесы нѣтъ; сохранились только начальные 12 стиховъ и послѣдніе 4; заглавія нѣтъ; въ концѣ дата: «18 окт. 1824. Мих.» (т.-е. Михайловское). Стихотвореніе впервые было напечатано въ «Москов. Вѣстникѣ» 1828 г., ч. VIII, № 6, стр. 136—137, а затѣмъ было включено, подъ 1824 г., Пушкинымъ въ его сборникъ стиховъ, изданный въ 1829 г., ч. I, стр. 196—197. По словамъ Л. Н. Майкова, въ хранящихся въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ бумагахъ П. Я. Чаадаева находится отрывокъ изъ «Москов. Вѣстн.» съ этимъ стихотвореніемъ; на немъ помѣчено карандашомъ: «10 июля 1828». Чаадаевъ и Раевскій были близко знакомы. Оба они прежде служили адъютантами при командирѣ гвардейскаго корпуса Н. В. Васильчиковѣ.

Бѣлинскій не обратилъ въ своемъ обзорѣ особаго вниманія на «Коварность», которую только упомянулъ въ числѣ лучшихъ, чисто-пушкинскихъ пьесъ. Подробнѣе говорилъ о ней Л. Н. Поливановъ (см. его изданіе сочн. П., I, 173—174). Стихотвореніе, по его словамъ, имѣетъ «общее значеніе поэтическаго изображенія человѣка, встрѣтившаго недостатокъ искренности въ своемъ другѣ, поведеніе котораго мучительно подѣйствовало на него. Но поэтъ допускаетъ двойное предположеніе: или другъ пересталъ считать самого этого человѣка достойнымъ дружбы, обвиняя въ неблагодарности, холодности и малодушіи (ст. 9—11), — и въ такомъ случаѣ онъ готовъ вымолить себѣ прощеніе, — или же поведеніе этого друга есть коварство, преднамѣренная игра его чувствами, безъ малѣйшей любви съ своей стороны, — и въ такомъ случаѣ самъ этотъ другъ достоинъ того недоверія, которое вызвалъ своимъ поведеніемъ. Стихотвореніе замѣчательно характеристичной того лица, о которомъ поэтъ, какъ бы третейскій судья, ведетъ рѣчь. Это — душа, жаждущая любви и доверія и сама настолько доверчивая, что готова обвинить прежде всего — себя. Но чувство говоритъ ему, что дѣйствительно онъ — жертва коварства того, кого считалъ преданнымъ другомъ своимъ, — и читателю становится ясно, что это оскорбленное лицо — самъ поэтъ, который отповѣдью своей, исполненной глубокой скорби, спѣшитъ положить конецъ мучительной дву-

смысленности отношеній. Эта отповѣдь полна чувства собственнаго достоинства, сдержана въ своемъ негодованіи (ст. 28); потому получила форму рѣчи третьяго лица и остановлена на стихѣ, это негодованіе выражающемъ. Выражена она стихомъ, въ высшей степени гармоническимъ, свободнымъ и пластическимъ (въ изображеніи презрѣнія къ коварному другу, ст. 1—6). Поливановъ, такимъ образомъ, догадывался, что Пушкинъ говоритъ здѣсь о себѣ самомъ, хотя и думалъ, что «біографическія данныя не объясняютъ повода, по которому было написано это стихотвореніе». Анненковъ, ошибочно причисляя «Коварность» къ произведеніямъ, написаннымъ въ Одессѣ («Матеріалы для біографіи П.», 2-ое изд., 88), очевидно, зналъ, о комъ и о чемъ говорилъ Пушкинъ въ этомъ стихотвореніи; это видно изъ сдѣланнаго біографомъ намека: «въ немъ слышится еще отголосокъ личнаго пѣсенъ пропалаго года», т.-е. 1823 (см. его изданіе сочн. П., II, 379). Но Анненковъ не все могъ писать, что зналъ, потому что тогда (1855 г.) еще были живы участники исторіи, которая связана съ этой пьесой, и въ ихъ числѣ то лицо, коварство котораго заклеилъ поэтъ. Это — Александръ Раевскій. На него указываетъ не только преданіе (пользовавшійся показаніями современниковъ П. И. Бартевель въ «Русс. Арх.» 1872 г., ст. 1362, прямо говорить, что «Коварность» «относится, несомнѣнно, къ А. Н. Раевскому»), но цѣлое сплетеніе различныхъ данныхъ біографіи Пушкина.

О роли этого человѣка въ жизни Пушкина мы упоминали выше; см. наши статьи: «П. въ Одессѣ», II томъ, стр. 275—276, 279—280, и «Демонъ», *ibid.*, стр. 618—623. Въ послѣдней мы говорили, что съ высылкой Пушкина изъ Одессы оборвалась прежняя тѣсная связь между поэтомъ и Александромъ Раевскимъ. Впрочемъ, сознавая свою вину передъ Пушкинымъ, нависшій жертвой подстроенной имъ злой интриги, Раевскій вскорѣ послѣ высылки поэта, 21 августа 1824 г., послалъ ему вполне дружеское и даже сердечное письмо; едва ли Демону приходилось часто писать такіа письма: сердечныя изліянія были не въ его духѣ. Въ этомъ письмѣ сквозитъ скрытая боль, что Пушкинъ не отвѣтитъ ему: «если послѣ этого перваго письма ты мнѣ не отвѣтишь и не дашь мнѣ твоего адреса, то я не перестану писать тебѣ, надоѣдать тебѣ, пока не заставлю отвѣчать мнѣ, отбросивъ мелочныя опасенія, которымъ нѣтъ мѣста при невинности нашей переписки»... Судя по словамъ Раевского въ началѣ письма, что ему пришлось узнать съ трудомъ адресъ Пушкина, надо думать, что поэтъ ему не писалъ раньше. «Ты боишься, говоришь ты, скомпрометтировать меня своей перепиской. Это опасеніе во многихъ отношеніяхъ ребяческое; къ тому же бываютъ случаи, когда такіа соображенія въ расчетъ не идутъ. Да и что можетъ быть компрометирующаго въ нашей перепискѣ? Я никогда не говорилъ съ тобой о политикѣ; ты знаешь, что я не очень-то уважаю политику поэтовъ»... Пушкинъ, конечно, зналъ отношеніе Раевского къ политикѣ, когда писалъ, что Демонъ «не вѣрилъ свободѣ», но боялся поставить друга въ непріятное положеніе перепиской съ поднадзорнымъ изгнанникомъ. Раевскій же, можетъ-быть, втайнѣ думалъ, что Пушкинъ не отвѣтитъ ему просто потому, что прямо и круто порветъ съ главнымъ виновникомъ своей высылки. «Коварность» показываетъ, что Пушкинъ при высылкѣ изъ

АЛЕКСАНДРЪ РАЕВСКІЙ ВЪ СТАРОСТИ.

Одессы уже знали или вскорѣ узналъ, какъ играть имъ его другъ.

Въ «Коварности» мы находимъ не только отбѣку отношеній Раевского къ Пушкину, но и прямой разсказъ о его поступкахъ и объ интригѣ такъ зло и тонко задуманной и проведенной Демонъ. Всего вѣроятнѣе, конечно, что находящаяся въ рукописи помѣта «18 окт. 1824» означаетъ время созданія пьесы, тѣмъ болѣе, что рядомъ обозначено и мѣсто. Но возможно и иное. Не всегда такая помѣта означаетъ, что пьеса была написана въ данный день. Такъ, подъ извѣстнымъ стихотвореніемъ «Герой», восхваляющимъ Николая Павловича, пріѣхавшаго въ Москву, гдѣ свирѣпствовала холера, Пушкинъ приписалъ: «29 сентября 1830 г.»; но это вовсе не дата пьесы, а день пріѣзда царя въ охваченную эпидеміей столицу; пьеса же написана позднѣе. 18 октября 1824 г. князь С. Г. Волконскій писалъ Пушкину: «пошлю я вамъ письмо отъ Мельмота» (такъ прозывали Раевского). «Сожалѣю, что самъ не имѣю возможности доставить иное и вамъ подтвердить о тѣхъ сплетняхъ, кои Московскіе вертушки» — намекъ, вѣроятно, на бывшую лѣтомъ 1824 г. въ Одессѣ книжницу В. О. Вяземскую — «вамъ настряпали. Неправильно сказали вы о

Мельмотѣ, что онъ въ природѣ ничего не благословлялъ; прежде я былъ съ вами согласенъ, но по опыту знаю, что онъ имѣетъ чувства дружбы — благородной и неизмѣнной обстоятельствомъ». Это письмо Раевского намъ неизвѣстно, но, судя по стараніямъ Волконскаго «подтвердить о сплетняхъ» и его увѣреніямъ въ дружескихъ чувствахъ Раевского, «Демонъ» въ своемъ письмѣ разубѣждалъ Пушкина въ сплетняхъ и просилъ Волконскаго помочь ему повліять на Пушкина и убѣдить его не вѣрить. Но поэтъ, повидимому, былъ твердо увѣренъ въ коварствѣ друга и отвѣтилъ ему «звѣтельнымъ молчаньемъ» и только излилъ въ стихахъ свою скорбь. Душа Раевского была для него уже «нѣмая душа», его ласковыя строки — «пустыя рѣчи». Пушкинъ осудилъ его уже не давъ ему больше «святой власти дружбы», которую онъ употребилъ во зло. Прежняго мѣста Раевскій въ душѣ его уже никогда не занялъ. Какимъ числомъ было помѣчено письмо Раевского, мы не знаемъ, — можетъ быть, никакимъ, можетъ быть — тѣмъ же, что и письмо Волконскаго, и подписывая подъ стихотвореніемъ «18 окт. 1824», Пушкинъ могъ нарочно связывать эту помѣту съ датированнымъ этимъ днемъ письмомъ Раевского, на которое ему и не хотѣлось и нечего было

отвѣчать. Дѣйствительно, можно думать, что вмѣсто отвѣта на письма Раевского Пушкинъ написалъ это стихотвореніе. Другомъ, который «затѣйливо извѣдывалъ пугливое его воображеніе и гордую забаву находилъ въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженіи», — этимъ другомъ Пушкина могъ быть только Раевскій; кромѣ него, такого темнаго слѣда въ жизни Пушкина, никто не оставилъ. Когда Пушкинъ былъ влюбленъ въ графиню Воронцову, (объ ихъ отношеніяхъ еще будетъ рѣчь въ примѣчаніяхъ къ «Талисману» и «Ангелу», ниже №№ 492 и 414), Раевскій воспользовался имъ какъ прикрытіемъ для себя. Вигель рассказываетъ, что Раевскому «вздохи, сладкія мученія, восторженность Пушкина, коиъ одинъ онъ былъ свидѣтелемъ, служили безпрестанной забавой... Онъ самыхъ искуснымъ образомъ дурачилъ его... Эти слова Вигеля повторяютъ сказанное въ приведенныхъ стихахъ Пушкина. «Цѣль ему пакинулъ... и соннаго врагу предасть со смѣхомъ»... — Словамъ поэта подобно соотвѣтствуетъ рассказъ Вигеля, что Раевскій черезъ барона Франка, въ которомъ многіе, и не безъ основанія, видѣли, какъ говоритъ Вигель (Записки, VI, 91, 122), буффона и паушника, подаль Воронцову мысль отправить Пушкина въ уничижительную командировку, на истребленіе саранчи, и убѣдилъ возмущеннаго Пушкина повиноваться волѣ начальника, а затѣмъ внушилъ поэту написать рѣзкое письмо Воронцову. Когда Пушкинъ узналъ все, когда глаза его раскрылись, когда «онъ прочелъ въ нѣмой душѣ Демона «все тайное своимъ печальнымъ взоромъ», ему оставалось только отвѣтить на увѣренія въ любви и дружбѣ — «язвительнымъ молчаньемъ» и прознести коварному другу «последній приговоръ».

Отголосокъ этого приговора слышится въ одномъ мѣстѣ извѣстнаго посланія 1825 г. къ дѣйствующимъ товарищамъ («Ронлетъ лѣсъ багровый свой уборъ»...):

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, принципъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей печальной и мятежной,
Съ доверчивой надеждой прежнихъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой преданъ нѣжной,
По горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ,

Могъ ли Пушкинъ не вспоминать Александра Раевского, когда съ его пера спадали горестныя строки объ обманувшей дружбѣ!

Подведя этотъ грустный итогъ своимъ отношеніямъ къ Раевскому, Пушкинъ совершенно охладѣлъ къ нему. Но отъ природы Пушкинъ былъ добръ и старался не помнить зла, хотя бы не могъ его забыть. Повидимому, они уже не переписывались послѣ высылки поэта изъ Одессы, но Пушкинъ интересовался Раевскимъ; лѣтомъ 1825 г. онъ писалъ его брату, съ которымъ всегда былъ безоблачно друженъ: «Что дѣлаетъ твой братъ; ты мнѣ о немъ ничего не говоришь въ твоёмъ письмѣ; лѣчится ли онъ?» (Переписка П., академич. изд., I, № 184). Когда Александръ Раевскій былъ арестованъ по дѣлу 14 декабря, Пушкинъ встревожился за него и писалъ Дельвигу (въ январѣ 1826 г.): «Мнѣ сказывали, что А. Раевскій подлѣ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности. Но онъ боленъ ногами, и сырость казематовъ будетъ для него смертельна. Узнай, гдѣ онъ, и успокой меня». Слѣдствіе выяснило полную непричастность Ра-

евского къ движенію. Онъ, по словамъ Вигеля, «на друзей конституцій, въ томъ числѣ на зятя своего Орлова, смотрѣлъ съ величайшимъ пренебреженіемъ». Пожалуй, Вигель не слишкомъ преувеличиваетъ; это видно изъ разсказа кн. С. Г. Волконскаго (Записки, 1902 г., стр. 410), что Раевскій, «человѣкъ хитрый и осторожный», поставилъ Орлову условіемъ женитьбы на его сестрѣ выходъ изъ тайнаго общества. О томъ же говоритъ и увѣренность Пушкина въ его непричастности къ дѣлу. На допросѣ Николай Павловичъ сказалъ Раевскому: «я знаю, что вы не принадлежите къ тайному обществу; но, имѣя родныхъ и знакомыхъ тамъ, вы все знали и не увѣдомили правительство. Гдѣ же ваша присяга?» Раевскій смѣло и гордо отвѣтилъ: «Государь! Честь дороже присяги; нарушивъ первую, человѣкъ не можетъ существовать, тогда какъ безъ второй онъ можетъ существовать еще». Только глубокое убѣжденіе, что слѣдствію придаться не къ чему, могло придать Раевскому такую смѣлость. Николай предложилъ ему вернуться на службу; Раевскій отказался, но такъ какъ царю хотѣлось показатъ обществу, что, карая преступниковъ, царская рука изливаетъ щедроты на невинныхъ, онъ велѣлъ выдать Раевскому очистительный аттестатъ, пожаловалъ камергерскій ключъ и опубликовалъ рескриптъ на имя его отца, гдѣ было сказано: «Я первый душевно радуюсь, что дѣти столь достойнаго отца совершенно оправдались». Дельвигъ писалъ Пушкину объ обоихъ братьяхъ Раевскихъ: «государь говорилъ съ ними, увѣрился въ ихъ невинности и, говоря, пожалъ имъ руку и подблѣвалъ ихъ». Вскорѣ Раевскій вернулся въ Одессу, чтобы быть близъ любимой женщины, и Воронцовъ, который давно уже терпѣть его не могъ, выпущенъ былъ, скрѣпя сердце, зачислить уже не просто отставнаго полковника, а камергера въ свои чиновники особыхъ порученій («Архивъ Раевскихъ», I, 293, 396). Романъ черезъ два года кончился скандаломъ. Вигель (надо замѣтить, ненавидѣвшій Раевского, что, конечно, нѣсколько ослабляетъ дѣйность его показаній, въ общемъ все-таки достовѣрныхъ), увѣряетъ, что сама графиня «первая потребовала отъ мужа, чтобы ему отказано было отъ дому». Какъ бы то ни было, въ 1828 г. генералъ-губернаторъ послалъ одесскому полиціи-мейстеру заявленіе, въ которомъ, въ качествѣ частнаго лица, жаловался, что Раевскій, встрѣтивъ графиню на загородной прогулкѣ, преслѣдовалъ ее своими любезностями; начальникъ жаловался подчиненному и при этомъ грозилъ еще обратиться къ высшей власти. Полиціи-мейстеръ потребовалъ объясненій у Раевского, который далъ письменный отзывъ: «Мнѣ весьма прискорбно, что графъ Воронцовъ вышнваетъ полицію въ семейственные свои дѣла и чрезъ то даетъ имъ столь несправедливую гласность. Я покажу болѣе умѣренности и чувства приличія, не распространяясь далѣе о таковомъ предметѣ. Что же касается до донесеній холоніи его сіятельства, то оныя совершенно ложны». Тогда Воронцовъ спохватился, сообразилъ, что сдѣлалъ глупость, и повелъ борьбу иными средствами, уже испытанными надъ Пушкинымъ въ 1824 г. Они подѣйствовали. Раевскій былъ высланъ въ полтавскую деревню. Административная высылка всегда была у насъ одною изъ обычныхъ мѣръ, применявшихся къ несправедливо административнымъ людямъ, съ которыми законнымъ судомъ ничего нельзя было подѣлать, и Воронцовъ практиковалъ ее

охотно. Въ 1825 г. онъ «посоветовалъ уѣхать» изъ Одессы служившему при немъ графу М. Д. Бутурлину, почти мальчику, провинившемуся въ какой-то невинной болтовнѣ о двухъ одесскихъ дамахъ; при этомъ Воронцовъ сказалъ, что ему «пало́бла роль воспитателя юношей» («Русс. Арх.» 1897 г., II, 29). Впрочемъ, это былъ намекъ на Пушкина, котораго А. П. Тургеневъ навязалъ Воронцову для «остепененія». Справиться съ камергеромъ Раевскимъ было, конечно, не такъ легко, какъ съ мальчишкой Бутурлинымъ. Какъ поступилъ тутъ Воронцовъ, объ этомъ говоритъ письмо Раевского-отца къ государю: «Несчастная страсть моего сына къ графинѣ Воронцовой вовлекла его въ поступки неблагоразумныя, и онъ непростительно виноватъ предъ графинею. Графу Воронцову нужно было удалить моего сына по всей справедливости, что могъ онъ сдѣлать образомъ благороднымъ... Но онъ не разсудилъ сего. Графъ Воронцовъ богатъ, военный генералъ-губернаторъ, можетъ деньгами и другими награжденіями найти кого донести и присягнуть въ чемъ угодно графу Воронцову... Сыну мой не въ состояніи говорить, ни мыслить противъ правительствъ; накажите его за его неблагоразуміе, но не по клеветѣ, на него взнесенной...» («Русс. Стар.» 1885 г., ноябрь, 402—403). Въ черновикѣ этого письма къ царю Раевскій писалъ, что Воронцовъ «на средства неразборчивъ, что уже доказалъ прежде», и при этомъ присвоилъ подъ строкою: «Т.-е. Пушкина исторія» («Вѣстн. Евр.» 1909, февраль, 545). Но жалоба старика, прямо обвинившаго Воронцова въ ложномъ доносѣ, не помогла: Николай Павловичъ не особенно вѣрилъ въ благонамѣренность шурина Волконскаго и Орлова. Старикъ Раевскому Воронцовъ, которому было немного стыдно своего поступка, написалъ, что въ высылкѣ его сына онъ не виноватъ, но что онъ по долгу службы убѣдился въ основательности допоса. Сообщая объ этомъ сыну Николаю, отецъ писалъ: «гр. Воронцовъ, желая отдалить отъ Одессы твоего полусумасшедшаго брата, нашелъ благородный способъ сыскать на него доносчика, будто онъ вольно говорить о правительствѣ и военныхъ дѣйствіяхъ... Можетъ быть, эти всѣ дурачества влюбленнаго человека онъ дѣлалъ, но предосудительнаго съ его чувствами несходно... Я писалъ къ государю всю истину и въ томъ, что клеветникъ есть графъ Воронцовъ... Между тѣмъ гр. В. потерялъ въ публикѣ жену, себя безвозвратно; всѣ въ Одессѣ знаютъ всю истину» («Шукинск. Сб.», IV, М., 1905, стр. 296—297; «Русс. Арх.» 1908, I, 315—316; «Вѣстн. Евр.» 1909 г., февр., 544—545). Впрочемъ, въ слѣдующемъ году старика увѣрили, что и государю извѣстна правда: «все состоитъ въ esclandre его исторіи съ Воронцовой». (Шукинск. Сб. IV, 298, «Русс. Арх.», *ibid*; 317). Скандалъ надѣлалъ немало шума; о немъ переписывались извѣстные охотники до новостей братья Булгаковы («Русс. Арх.» 1901 г., III, 185, 207; 1903 г., III, 142). Пушкинъ спрашивалъ Влазескаго (1 сентября 1828 г.) «о происшествіяхъ въ Од. (Ра... и гр. В.)».

Нѣсколько лѣтъ Раевскій прожилъ въ деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ и ведя болѣе чѣмъ скромную жизнь. Въ холерный годъ, рассказываетъ біографъ семьи Раевскихъ (М. О. Гершензонъ, «Исторія Молодой Россіи», М., 1908, стр. 74), «онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы облегчить бѣдствіе, не жалѣя трудовъ и нисколько не думая о себѣ; онъ всегда интересовался медициною. Самоотверженіе, оказанное имъ при этомъ, могло быть обуслов-

лено не столько альтруизмомъ, сколько извѣстнымъ складомъ характера». Въ началѣ тридцатыхъ годовъ его заточеніе кончилось, и онъ поселился въ Москвѣ. Тамъ онъ женился (на Ек. Петр. Книдиковой); сплетникъ Александръ Булгаковъ писалъ своей дочери княгинѣ О. А. Долгорукой («Русс. Арх.» 1906 г., II, 546—548, 550—553, 554) о женитьбѣ «знаменитаго Демона, Сатаны съ Чистыхъ Прудовъ, словомъ Раевского»; по разсказу Булгакова, Раевскій сдѣлалъ предложеніе въ такой формѣ: «какое мнѣ дѣло до вашей злобы, до вашего перемѣнчиваго настроенія, хочу, чтобы вы за меня вышли замужъ, вотъ и все». Впрочемъ, сплетнямъ Булгакова нельзя вѣрить. Московскій шутъ С. А. Неѣловъ посвятилъ ругательное четверостишіе «Демону» по случаю его женитьбы. Съ женой Раевскій прожилъ недолго; она скоро умерла, оставивъ ему дочь, которую онъ очень любилъ. Обычная проница никогда не покидала его; близкіе люди знали, что чѣмъ щедрѣе разсказывалъ онъ свои саркастическія замѣчанія, тѣмъ, значитъ, чувствовалъ себя лучше; ихъ обиліе служило показателемъ его хорошаго настроенія (Гершензонъ, 40). Съ Пушкинымъ онъ встрѣчался рѣдко. Въ дневникѣ поэта записано подъ 1835 г.: «Видѣлъ А. Раевского, котораго нашелъ поглупѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ. Можетъ быть, это пройдетъ». Въ послѣднемъ замѣчаніи сквозитъ насмѣшка. Черезъ годъ Пушкинъ опять видался съ Раевскимъ и писалъ женѣ: «Раевскій, который прошлаго разу казался мнѣ немного приглупѣвшимъ, кажется, опять оживился и поумнѣлъ». Онъ надолго пережилъ Пушкина и умеръ въ глубокой старости въ 1868 г., безполезно растративъ свои богатые душевныя силы. Имя его памятно только по его отношеніямъ къ зятямъ-декабристамъ и къ Пушкину.

395. ТЫ ВЯПЕНЬ И МОЛЧИШЬ..

(т. II, стр. 222).

Пьеса дошла до насъ въ двухъ автографахъ. Одинъ изъ нихъ находится въ 2370-ой тетради московскаго Румяновскаго музея, л. 84, и представляетъ собою не черновикъ, а начисто переѣзанный текстъ, съ поправкой только въ одномъ словѣ. Другой—на лл. 6—7 извѣстной «капинстовской» тетради, гдѣ Пушкинъ указалъ (въ мартѣ 1825 г.) П. А. Илетьеву и брату Льву Сергѣевичу распоряженье пьесъ въ этомъ изданіи; онъ озаглавленъ: «Подражаніе Андрею Шенью» и датированъ 1824 годомъ («Автографы П.-на, принадлежащія графу П. П. Капнисту», сообщ. Л. Н. Майкова, Спб., 1896, стр. 4; см. также Переписку П.-на, академич. изд., I, 293). О вариантахъ обѣихъ рукописей см. въ общей статьѣ о текстѣ. Впервые пьеса появилась въ изданіи стихотвореній Пушкина 1826 г., стр. 185—186, а затѣмъ вошла въ сборникъ 1829 г., ч. I, стр. 185—186; въ обоихъ имѣтъ заглавія, но въ оглавленіи означено: «Подражаніе А. Шенью».

Приведемъ самую элегію Шенью въ подлинникѣ:

Jeune fille, ton cœur avec nous veut se taire.
Tu fuis, tu ne ris plus: rien ne saurait te plaire.
La soie à tes travaux offre en vain des couleurs;
L'aiguille sous tes doigts n'anime plus des fleurs.

Tu n'aimes qu'à rêver, muette, seule, errante,
Et la rose pâlit sur ta bouche mourante.
Ah! mon oeil est savant et depuis plus d'un jour,
Et ce n'est pas à moi qu'on peut cacher l'amour.
Les belles font aimer: elles aiment. Les belles
Nous charment tous. Heureux qui peut être aimé
d'elles!

Sois tendre, même faible; on doit l'être un moment;
Fidèle, si tu peux. Mais conte-moi comment,
Quel jeune homme aux yeux bleus, empressé, sans
audace,

Aux cheveux noirs, au front plein de charme et de
grâce...

Tu rougis? On dirait que je t'ai dit son nom.
Je le connais pourtant. Autour de ta maison
C'est lui qui va, qui vient; et, laissant ton ouvrage,
Tu cours, sans te montrer, épier son passage.
Il fuit vite; et ton oeil, sur sa trace accouru,
Le suit encor longtemps quand il a disparu.
Nul, en ce bois voisin où trois fêtes brillantes
Font voler au printemps nos nymphes triomphantes,
Nul n'a sa noble aisance et son habile main
A soumettre un coursier aux volontés du frein.

Пушкинъ нѣсколько сжалъ пьесу Шенье (24 стихамъ французскаго поэта соответствуютъ 20 стиховъ Пушкина) и, сохраняя близость къ подлиннику, очистилъ ее отъ неприятнаго жеманства, присущаго французскому XVIII вѣку, выбросивъ, между прочимъ, манерную фразу: «Sois tendre»... и т. д. Бѣлинскій отнесъ элегію къ «чисто-пушкинскимъ» стихотвореніямъ, въ которыхъ, въ отличіе отъ «переходныхъ» пьесъ, «видѣть уже зрѣлый талантъ, и Пушкинъ является истиннымъ художникомъ, творцомъ новой поэзіи на Руси». Великій критикъ говорилъ: «вглядитесь и вслушайтесь въ этотъ стихъ, въ этотъ оборотъ мысли, въ эту игру чувства; во всемъ найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшей примѣси прозы, какъ старое, крѣпкое вино безъ малѣйшей примѣси воды». Въ другомъ мѣстѣ своего обзора, приведя всю элегію, Бѣлинскій восхищался ею: «это сама прелесть, сама грація, полная души и нѣжности, страстная и нѣжная», выражаясь любимымъ эпитетомъ Пушкина! Ни у какого другаго русскаго поэта не найдете вы стихотворенія, въ которомъ бы такъ счастливо сочеталось изящно-гуманное чувство съ пластически-изящной формой». Бѣлинскій, пользовавшійся посмертнымъ изданіемъ сочиненій Пушкина, гдѣ не было указанія, что элегія — «подражаніе А. Шенье», едва ли зналъ, что стихотвореніе Пушкина — переводъ; но это не умаляетъ значенія словъ великаго критика: вдохновенный переводъ выше подлинника, и нашъ поэтъ, бравшій свое добро всюду, гдѣ находилъ его, умѣлъ гениально претворить чужое въ свое. Этого нельзя сказать о передѣлкѣ Н. М. Языкова: «Ты восхитительна! Ты пышно расцвѣтаешь»... По поводу предположенія одного критика о соотношеніи элегіи съ «Діонеей», 1821 г., см. примѣчанія къ этой пьесѣ (во II т. настоящаго изданія, № 235).

О Шенье и объ отношеніяхъ его къ Пушкину см. тамъ же, примѣчанія къ №№ 227, 233, 236, и въ настоящемъ томѣ, №№ 428, 505, 527 и въ настоящемъ томѣ статью Юрія Веселовскаго

396. ЦЫГАНЫ

(т. II, стр. 241).

Черновики «Цыганъ» находятся въ трехъ тетрадахъ Пушкина, хранящихся въ Румяновскомъ музеѣ. Начало поэмы записано въ 2369-ой тетради, между черновиками 2-й и 3-ей главъ «Евгенія Онѣгина» (л. 45 об., 46, 47 об., 48); другія черновыя находятся въ 2370-ой тетради (л. 3—3 об., 9 об., 10, 24—29 об., 31—31 об.) и 2368-ой (3 об.—15). Въ началѣ первой рукописи (№ 2369, л. 45 об.) нарисованы медвѣдь, шатеръ, женская фигура и набросана программа: («старикъ»), (дѣва), Алеко и Марианна; (утро, медвѣдь, исповѣдь), (разговоръ), признаніе, убійство, изгнаніе» (слова, стояція въ скобкахъ, въ подлинникѣ зачеркнуты); на слѣдующей страницѣ нарисованы медвѣдь и два шатра, въ одномъ изъ которыхъ женщина кормитъ грудью ребенка. Поэма начата, судя по рукописямъ, въ Одессѣ, въ концѣ 1823-го или началѣ 1824 г. и окончена, какъ показываютъ согласно двѣ помѣты (№ 2370, л. 27 об., и № 2368, л. 15), въ Михайловскомъ, 10 октября 1824 г. Въ этотъ день Пушкинъ писалъ кн. П. А. Вяземскому: «сегодня кончилъ я поэму Цыгане»... Однако, надо думать, что полное завершеніе поэмы, 10 октября 1824 г. конченной лишь вчерѣ, относится къ болѣе позднему времени. Въ первой половинѣ февраля 1825 г. поэтъ писалъ брату: «Цыгановъ, нечего дѣлать, перепишу и пришлю къ вамъ, а вы ихъ тисните»..., а вскорѣ, 19 февраля, жаловался Вяземскому на одесскаго пріятеля Муханова, который «безъ спросу взялъ у меня начало Цыгановъ и распустилъ его по свѣту. Варваръ! вѣдь это кровь моя, вѣдь это деньги! теперь я долженъ Цыгановъ распечатать, а вовсе не во время». Очевидно, потому «не во время», что поэма еще не была отдѣлана. Дѣйствительно, въ сентябрѣ онъ писалъ Вяземскому, что «Цыганъ» «не могъ докончить», потому что о поэмѣ много говорили, и авторъ охладѣлъ къ ней. А говорить о ней стали послѣ писемъ Пушкина къ Вяземскому, брату, Рылѣву, послѣ появленія отрывка изъ нея въ «Молярной Звѣздѣ» на 1825 г., т.-е. гораздо позже 10 октября 1824 г. «Послана тебѣ рукопись Цыгановъ, акуратнѣе исправь», — писалъ Пушкину П. А. Плетневъ 14 апрѣля 1826 г. Въ музейной тетради № 2370, л. 29, находится записка о цыганахъ (см. во II т. настоящаго изданія, стр. 224), первая половина которой была впервые напечатана Анненковымъ въ его изданіи сочиненій Пушкина (III, 544), а вторая — В. Е. Якушкинымъ («Русс. Стар.» 1884 г., июль, 9—10). Къ «Цыганамъ», вѣроятно, относится находящееся въ 2368-ой тетради, л. 2, передъ черновикомъ поэмы «Примѣчаніе», впервые опубликованное въ «Русс. Стар.» 1884 г., июль, 534: «Бесарабія, извѣстная къ самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для насъ:

Она Державинымъ воспѣта
И славою русскою полна.

[Отъ Олега и Святослава до Суворова и Кутзова она была театромъ нашихъ вѣчныхъ войнъ].

Но до нынѣ область сія намъ извѣстна по ошибочнымъ описаніямъ двухъ или трехъ путешественниковъ. Не знаю, выйдетъ-ли когда-нибудь Историческое и Статистическое описаніе оной, составленное П. Н. Липранди, соединяющимъ ученость истинную съ отличными достоинствами военнаго человѣка. Если...». На оборотѣ

сѣдующаго листа той же рукою записаны эпитафии, которыми поэтъ хотѣлъ снабдить «Цыганъ»: «Мы люди смиренныя, дѣвы наши любятъ волю—что тебѣ дѣлать у насъ? Молдавская пѣсня.—Подъ бурей рока твердый камень, въ волненіяхъ страсти—легкій листъ. Кн. Вяземскій» (Сочин. П., изд. Анненкова, III, 545). Ни одинъ изъ нихъ, однако, не былъ взятъ Пушкинымъ; первый предназначался раньше для «Кавказскаго Пѣвника» (см. во II т. настоящаго изданія, стр. 25—26, 564—565).

Въ печати появились, сначала отрывки изъ поэмы. Начало ея было напечатано въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г.; другой отрывокъ, пѣсня Земфры, появился въ «Московск. Телеграфѣ» 1825 г., ч. 6, № XXI, стр. 69, съ выноской: «прилагаемъ ноты дикаго пѣвца сей пѣсни, слышаннаго самимъ поэтомъ въ Бессарабіи»; третій отрывокъ, отъ «Ты любишь насъ, хоть и рожденъ»... до «Цыгана дикаго разсказъ»..., появился въ «Сѣверн. Цвѣтахъ» на 1826 г. Первое полное изданіе поэмы, разрѣшенное къ печати петербургскимъ цензоромъ П. Гаевскимъ, вышло въ 1827 г. въ Москвѣ. Это очень хорошенькая книжечка въ 46 страницъ, превосходно отпечатанная въ лучшей тогдашней типографіи Августа Семена, безъ имени автора и съ указаніемъ на заглавномъ листкѣ: «написано въ 1824 году»; (см. т. II, стр. 223) вѣнчикъ, которой украшенъ листокъ, вызвала особое полицейское разсѣдованіе (о немъ см. выше, въ статьѣ «Въ Москвѣ послѣ ссылки» и въ VIII т. сѣревмовскаго изданія сочиненій Пушкина, 1903 г., стр. 398—399). Затѣмъ «Цыганы» вошли во II-ую часть «Поэмъ и повѣстей А. Пушкина», 1835 г. Входящихъ въ эпилогъ восьми стиховъ, отъ «За ихъ дѣливыми толпами»... до «Я имя пѣбное твердилъ»..., Пушкинъ не печаталъ въ виду ихъ интимно-личнаго характера; они вписаны поэтомъ въ принадлежавшій Вяземскому и нынѣ хранящійся въ Имп. Публичной Библиотекѣ экземпляръ изданія 1827 г. и впервые напечатаны, съ незначительными вариантами, въ воспоминаніяхъ брата Пушкина («Москвитинъ» 1853 г., ч. 3, № 10, май, кн. 2). Анненковъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» 1855 г., стр. 90, разсказываетъ, что въ 1822 г. Пушкинъ «отправился въ Пизану и на пути присталъ къ цыганскому табору, ночевалъ въ шатрахъ его и жилъ дикой жизнью кочевыхъ племенъ. Онъ сохранилъ воспоминаніе объ этомъ путешествіи въ строфѣ эпилога къ «Цыганамъ», не поновшей въ печать»... Братъ поэта прямо говоритъ: «однажды Пушкинъ исчезъ и пропалъ нѣсколько дней. Дни эти онъ прокочевалъ съ цыганскимъ таборомъ, и это породило впоследствии поэму Цыганъ». Тотъ самый П. П. Липранди, объ «истинной учености» котораго Пушкинъ былъ такого высокаго мнѣнія, въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ («Русс. Арх.» 1866 г., ст. 1284) говоритъ, что цыганъ Пушкинъ «могъ встрѣтить въ Будацкихъ степяхъ, которыя впрочемъ рѣдко посѣщаются таборамъ. Болгарскія и пѣмекія колоніи имъ враждебны. Цыгане спуютъ болѣе начиная отъ Бендеръ на сѣверъ, и ихъ всегда можно было видѣть около Кишинева. Любимое ихъ расположеніе было за садами малины (такъ называемая виноградная долина въ двухъ верстахъ отъ Кишинева, куда мы часто ѣздили)... Затѣмъ другіе таборы располагались у Рышкановки и у Прункуловой мельницы, также подъ самымъ Кишиневомъ. Но Пушкинъ ихъ могъ очень часто встрѣчать и прежде, нежели былъ въ

Бессарабіи, а именно въ поѣздку свою съ Раевскимъ на Кавказъ, въ Поворосійскомъ краѣ: тамъ таборы были часты. Они кочевали отъ береговъ Прута далеко на востокъ. Не думаю, чтобы Пушкинъ до прибытія своего въ Бессарабію не имѣлъ случая, при своей наблюдательности, изучить ихъ. Пылокое воображеніе и поэтическій даръ создали остальное». Къ области фантазіи нужно отнести всѣ извѣстные разсказы о происхожденіи «Цыганъ»—А. Трегубова «Пушкинъ и Людмила Пиглезы» («Одесс. Вѣстн.» 1880 г., № 118, и «Отзывы о П.—нѣ съ юга Россіи» В. А. Яковлева, Од., 1887); Л. Мацѣвича («Историч. Вѣстн.» 1883 г., май, и сборн. Яковлева, стр. 80); А. О. Смирновой («Сѣверн. Вѣстникъ» 1893 г., кн. 2, стр. 168); Е. Францовой (Киріенко-Волошиновой) («Русс. Обзорѣніе» 1897 г., январь—мартъ; перепеч. въ очень плохой статьѣ Г. Булашева «А. С. П.—нѣ на югѣ Россіи»—«Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ», изд. Кіевского педагогическаго общества, Кіевъ, 1899); З. К. Ралли-Арборе («Минушіе годы» 1908 г., июль, 2—3); эти разсказы отличаются другъ отъ друга только извѣстной степенью лживости, но всѣ одинаково вымышлены. Но справедливость сообщеній А. С. Пушкина и Анненкова нельзя отрицать. Они подтверждаются не только эпилогомъ поэмы, но упоминаніями и въ другихъ мѣстахъ. Въ «Опѣнѣ» (8, V) поэтъ вспоминалъ о своей юной Музѣ, какъ, «позабывъ столицы дальній и блескъ, и шумные пиры, въ глуши Молдавіи печальной она смиренныя шатры племенъ бродящихъ посѣщала, и между ними одна, и позабыла рѣчь боговъ для скудныхъ, странныхъ языковъ, для пѣсней стени ей любезной»... Въ псевдо-переводѣ «съ англійскаго» («Цыганъ», 1830 г., см. выше, стр. 81) Пушкинъ привѣтствовалъ случайно встрѣтившійся ему гдѣ-то таборъ теплымъ воспоминаніемъ о своемъ недолгомъ странствіи съ таборомъ бессарабскихъ цыганъ: «Здравствуй, счастливое племя! узнаю твои костры; я бы самъ въ иное время провожалъ сии шатры... Вы уйдете—но за вами не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ. Онъ бродящій почлегъ и проказы старины позабылъ»... Такимъ образомъ, кочеваніе Пушкина съ цыганами не подлежитъ никакому сомнѣнію; быть можетъ, ближайшимъ толчкомъ къ созданію поэмы послужила та цыганская пѣсня, слова которой Пушкинъ хотѣлъ взять эпитафией къ «Цыганамъ».

П. П. Пушкинъ, которому въ январѣ 1823 г. Пушкинъ продиктовалъ начало поэмы для «Полярной Звѣзды», былъ, повидимому, первымъ ея читателемъ (см. его «Записки о Пушкинѣ», Спб., 1907, стр. 63). «Пушкинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ моихъ Цыгановъ. Желаю, чтобы они тебѣ понравились», писалъ онъ Рылѣву 25 января. Въ тотъ же день онъ писалъ Вяземскому, которому раньше (10 октября) сообщалъ о poemѣ: «не знаю, что объ ней сказать, она покажется мнѣ опротивѣла, только что кончилъ»:—«я кажется писалъ тебѣ, что мои Цыгане нигде не годятся: не вѣрь, я совралъ, ты будешь ими очень доволенъ». Черезъ нѣсколько дней онъ жаловался А. А. Бестужеву на брата Льва Сергѣевича, «что онъ не сдержалъ своего слова—я не хотѣлъ, чтобы эта поэма извѣстна была прежде времени; теперь нечего дѣлать—принужденъ ее напечатать, пока не растаскаютъ ее по клочкамъ». Левъ Сергѣевичъ, обладавшій необыкновенной памятью, любилъ читать знакомымъ новыя произведенія брата, который, при малочисленности

тогдашней читающей и покупающей книги публики, видѣлъ въ этомъ серьезный денежный ущербъ. Въ дневникѣ Н. И. Козлова (изд. К. Я. Грота, Спб., 1906) записано подъ тремя числами января о чтеніи А. С. Пушкинымъ «Цыганъ». «Два раза уже слышалъ «Цыганъ» Пушкина и два раза восхищался имъ, — писалъ въ февралѣ А. И. Тургеневъ Вяземскому («Остафьевск. Архивъ», III, 99), — не мнѣ одному кажется, что это лучшее его произведеніе. Съ брата, который читаетъ ихъ наизусть, взялъ авторъ честное слово, что онъ списывать ни для кого не будетъ». Но Пушкинъ сердился на брата и за чтеніе поэмы: «я съ тобою не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинамъ: 1 потому, что это было бы напрасно... Цыгановъ, нечего дѣлать, перенишу и принишу къ вамъ, а вы ихъ тисните» (пис. отъ первой половины февраля). «Отъ Цыганъ всѣ безъ ума», — писалъ Пушкину Рылѣевъ 25 марта. На одной изъ «субботъ» у Плетнева Левъ Сергѣевичъ опять читалъ поэму, въ присутствіи Рылѣева и Кюхельбекера. «Можешь», — писалъ Пушкину Рылѣевъ въ первой половинѣ апрѣля, — себѣ представить, что дѣлалось съ Кюхельбекеромъ. Что за прелестный человѣкъ этотъ Кюхельбекеръ. Какъ онъ любитъ тебя! Какъ онъ молодъ и свѣжъ! Цыганъ слышалъ я четвертый разъ и всегда съ похвалъ, съ живѣйшимъ наслажденіемъ. Я подыскивался, чтобъ привязаться къ чему-нибудь, и нашелъ, что характеръ Алеко нѣсколько униженъ. Зачѣмъ водить онъ медвѣдя и собираетъ вольную дань? Не лучше-ли бѣ было сдѣлать его кузнецомъ? Ты видишь, что я придираюсь, а знаешь, почему и зачѣмъ? Потому, что сужу поэму Александра Пушкина; зачѣмъ, что желаю отъ него совершенства. На счетъ слога кромѣ небрежнаго начала, мнѣ не правится слово: рекъ. Кажется, оно несвойственно поэму; оно принадлежитъ исключительно лирическому слогу». Вообще строгій къ Пушкину Николай Раевскій писалъ ему 10 мая: «Твой отрывокъ изъ «Цыганъ», появившійся въ «Полярной Звѣздѣ», — самая живая картина, самаго яркаго колорита, какую мнѣ случилось читать на какомъ-либо языкѣ. Bravo, бравоissimo! Восхищался и Жуковскій, но выстѣ съ тѣмъ недоумѣвалъ: «я ничего не знаю совершенно по слогу твоихъ Цыганъ. Но, милый другъ, какая дѣль! Скажи, чего ты хочешь отъ своего гения? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно высокое?» (пис. отъ второй половины мая). Пушкинъ отвѣчалъ: «ты спрашиваешь, какая дѣль у Цыгановъ? вотъ па? Цѣль поэзіи — поэзія... Поэтъ самъ читалъ ихъ въ Григоревскомъ у Осиновой. «Впервые мы слышали эту чудную поэму», — рассказываетъ А. И. Кернъ (см. «Пушкинъ» А. И. Майкова, 1899 г., стр. 242), — и я никогда не забуду того восторга, который охватилъ мою душу. Я была въ упоеніи какъ отъ текущихъ стиховъ этой чудной поэмы, такъ и отъ его чтенія, въ которомъ было столько музыкальности, что я пастаева отъ наслажденія!... На память объ этомъ чтеніи Пушкинъ впоследствии подарилъ ей экземпляръ «Цыганъ» (ib., 251). 28 июля поэтъ просилъ брата «продиктовать Цыгановъ для отдачи въ цензуру, покаместъ не перешло своего списка». Посылая Вяземскому для «Московск. Телеграфа» пѣсню Земфиры, Пушкинъ писалъ ему: «это очень близкій переводъ, посылаю тебѣ дикій папѣвъ подлинника. Покажи это Вельгорскому — кажется, мотивъ чрезвычайно счастливый. Отдай его Полевому и съ пѣсней», (пис.

отъ первой половины сентября). Н. А. Катенинъ спрашивалъ Пушкина (пис. 24 ноября): «жезаль бы познакомиться съ Цыганами, о которыхъ чудеса рассказываютъ; отчего ты ихъ не печатаешь?» Вяземскій напоминалъ ему (10 мая): «что ты давно ничего не печатаешь? А Цыгане?» (см. также письмо Вяземскаго отъ 7 іюня 1825 г.). 22 іюня онъ писалъ жепѣ: «слышалъ поэму Пушкина «Цыгане». Прелестъ и, кажется, выше всего, что онъ доселѣ написалъ» («Остаф. Архивъ», V, вып. I, стр. 47). Плетневъ уговаривалъ Пушкина печатать поэму (письма 29 августа 1825 г. и 27 февраля 1826 г.); на послѣднее письмо Пушкинъ отвѣчалъ (въ началѣ марта): «ужъ если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ. Надѣюсь, что братъ по крайней мѣрѣ ихъ перенишетъ — а ты пришли рукопись ко мнѣ — я доставлю предисловіе и м. б. примѣчанія — и съ рукъ долой. А то всякой разъ какъ я объ нихъ подумаю или прочту слово въ журн., у меня кровь портится... 14 апрѣля Плетневъ извѣщалъ его: «послана тебѣ рукопись Цыгановъ. Аккуратнѣе исправь, да поскорѣй пришли, такъ и тиснемъ... 12 іюня Дельвигъ писалъ Пушкину: «что жъ ты не присылаешь Цыганъ? Мы бы издали ихъ... Лишь въ декабрѣ поэма прошла цензуру, но печатаніе ея задержалось тѣмъ обстоятельствомъ, что Пушкину велѣно было представлять всѣ свои произведенія на высшее усмотрѣніе; и тамъ къ нимъ отнеслись, впрочемъ, благосклонно (см. выше, статью: «Въ Москвѣ послѣ ссылки»). Продавалась поэма по выходѣ въ свѣтъ не особенно быстро (см. письма Пушкина къ Соболевскому 15 іюля и Плетнева къ Пушкину 22 сентября 1827 г.).

«Цыганъ» имѣли шумный успѣхъ. Булгаринъ, тогда еще не бывшій врагомъ Пушкина, говорилъ, что они «выше всѣхъ произведеній европейскихъ музъ» (см. пис. Дельвига къ Пушкину отъ марта 1828 г.). Вяземскій писалъ, что поэма «пока, безъ сомнѣнія, лучшее созданіе Пушкина, по крайней мѣрѣ изъ напечатаннаго... Она составлена изъ отдѣльныхъ явленій, то описательныхъ, то повѣствовательныхъ, то драматическихъ, не хранящихъ математической послѣдовательности, но представляющихъ нравственное развитіе, въ которомъ части согласены правильно и гармонически... Въ грунтѣ картины изображается таборъ южныхъ цыганъ со всею причудливостію ихъ отличительныхъ красокъ, поэтической дикостью ихъ обычаевъ и промысловъ и независимостью нравовъ... Два лица выдаются впередъ изъ сей толпы странной и живописной: Земфира, молодая дыганка, и старый отецъ ея. Среди спихъ дѣтей природы независимой и дикой является третье лицо: гражданинъ общества и добровольный изгнанникъ его, недовольный питомецъ образованности, или худо появившійся, или неудовлетворенный въ упованіяхъ на ея могущество, однимъ словомъ — прототипъ поколѣнія нашего; лицо не условное... перенесенное изъ общества въ новѣйшую поэзію, а не изъ поэзіи выведенное въ общество, какъ многіе полагаютъ. Любовь къ Земфирѣ, своевольная прелесть, которую находитъ онъ въ независимомъ житѣ-бытѣ ихъ сообщества, тягость отъ повинностей образованнаго общежитія, пресыщеніе отъ опустѣвшихъ ему удовольствій свѣтскихъ, удерживаютъ его при таборѣ и водворяютъ въ новую жизнь. Но укрывшійся отъ общества не укрылся онъ отъ самого себя: съ измѣненіемъ рода жизни не измѣнился онъ нравственно и перенесъ въ новую

стихию страсти свои и страданія, за ними слѣдующія... Недовѣрчивость и самолюбіе возмущили спокойствіе души, на минуту проявившейся и освобожденной отъ прежнихъ впечатлѣній: ревность и обманутое самолюбіе ввергли его въ преступленіе... Общество, усыновившее пришельца, и отецъ Земфиры удаляются отъ него и, не удовлетворивъ мести, предають его собственнымъ мученіямъ и воли Промысла. Вотъ сущность поэмы.. Каждое изъ трехъ лицъ очертано вѣрно кистью мѣткою и широкою. Легкомысленная, своевольная Земфира; отецъ ея, безстрастный равнодушный зритель игры страстей, охлажденный лѣтами и опытами жизни трудной; Алеко непокорный дашникъ гражданскихъ обязанностей, но и не безкорыстный въ любви къ независимости, которой предала онъ не послѣ обдуманнаго выбора, не въ ясной тишинѣ мыслей и чувствъ, а также въ порывѣ и раздраженіи страсти...—все они выведены поэтомъ въ подобающемъ имъ очертаніи и свѣтѣ, съ свойственными каждому мѣткими, рѣчными, движеніями... Вводные стихи о птицѣ, которые поэтъ съ искусствомъ составилъ по другому размѣру и бросилъ какъ иносказаніе, свойственное поэзии нашихъ народныхъ пѣсень, придаютъ этому отрывку какую-то неопредѣленность, совершенно соотвѣтствующую мысли, господствующей въ немъ... По мѣткѣ пѣкоторыхъ эпизодовъ Овидія, вставленный въ четвертой сценѣ, не у мѣста и не прилпчежъ устамъ дыгана. Мы съ этимъ несогласны. Почему преданію объ Овидіи не храниться всенародно въ краю, куда онъ, по всей вѣроятности, былъ сосланъ? Къ тому же бриллиантъ высокой цѣны, кажется, вездѣ у мѣста. Не хотѣлось бы видѣть, какъ Алеко по селеньямъ водить медвѣдя. Этотъ промыселъ, хотя и совершенно въ числѣ принадлежностей молдаванскихъ цыганъ, не имѣетъ въ себѣ ничего поэтическаго. Тутъ уже выходитъ злоупотребленіе мѣстной краски. Понимаемъ, что Алеко сдѣлался цыганомъ изъ любви къ Земфирѣ и изъ ненависти къ обществу, но все не можемъ свыкнуться съ мыслію, что онъ школить несчастнаго медвѣдя и наживается боками его. Если непременно нужно ввести Алеко въ совершенный цыганскій бытъ, то лучше предоставить ему барышничать и цыганить лошадыми. Въ этомъ ремеслѣ, хотя и не совершенно безгрѣшнымъ, все есть какое-то удалство и, слѣдственно, поэзія... Сцена извѣстной пѣсни: «Старый мужъ, грозный мужъ», возникающая ревность Алеко и спокойное воспоминаніе о сей пѣснѣ, давно сложенной, старика, который безъ участія, безъ вниманія смотритъ на жестоко, но уже для него непонятное волненіе разыгрывающихся страстей; безчувственность старика, въ которомъ одна только память еще способна принимать впечатлѣнія; ужасная ночная сцена свидѣній Алеко; тоска и страхъ Земфиры, разговоръ ея съ отцомъ, разговоръ его съ Алеко и нипящія выходки послѣдняго... все это исполнено жизни, силы, вѣрности необычайныхъ. Слѣдуя своему поэтическому crescendo, поэтъ въ послѣдней главѣ превзошелъ себя. Обрядъ погребенія, слова старика, прощающагося съ нимъ: все это дышитъ величественною простотою, истинною, т. е. возвышенною поэзіею...

Слова: «медленно склонился и съ камня на траву свалился» показались Вяземскому «вялыми». Пушкина это замѣчаніе, —разсказываетъ Вяземскій (Сочин. I, 321—322, 324), —такъ разсердило, что онъ написалъ на Вяземскаго эпиграмму «Про-

закъ и поэтъ», гдѣ давалъ прозѣ анку почувствовать, что не ему судить поэта. Вѣроятно, къ этому случаю долженъ быть отнесенъ разсказъ Бѣлинскаго, напечатанный еще при жизни Пушкина («Молва» 1836 г., № 8—Сочин. Б., изд. Венгрова, III, 33—34), что «Пушкинъ въ отвѣтъ одному критику, осуждавшему его стихъ изъ «Цыганъ» — «И съ камня на траву свалился», сказалъ: «я долженъ былъ такъ выразиться, я не могъ иначе выразиться»... Нѣсколько такихъ замѣчаній записаны Вяземскимъ на поляхъ хранящагося въ Публичной Библіотекѣ экземпляра «Цыганъ»; они напечатаны П. О. Морозовымъ въ его второмъ изданіи сочиненій Пушкина («Просвѣдн.», III, 628—629). Когда графъ М. Ю. Вельгорскій пѣлъ при Карамзинѣ пѣсню Земфиры («Рѣжь меня, жги меня...»), историкъ не выдержалъ и сказалъ: «какъ можно класть на музыку такіе ужасы, и охота вамъ ихъ пѣть?» (Соч. Вяземскаго, VII, 55).

Подобные отзывы сердца Пушкина. Среди его замѣтокъ сохранилось довольно ядовитое возраженіе критикомъ: «О Цыганахъ одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то—медвѣдь. Покойный Рылѣевъ негодовалъ, зачѣмъ Алеко водить медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазбующей публики! Вяземскій повторилъ то же замѣчаніе. Рылѣевъ просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было бы не въ примѣръ благородію. Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиповника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы: *ma tanto meglio*. Онъ сказалъ по поводу этихъ разборовъ Погодину: «Ахъ, какую рецензію написалъ бы я на своихъ Цыганъ!—Онъ, видимо досадовалъ,—прибавлялъ Погодинъ,—что читатели его не понимаютъ, а онъ самъ не можетъ раскрыть имъ свои цѣли» (Л. Майковъ, «Пушкинъ», 349).

«Къ стиху «Не измѣнись, мой пѣльный другъ»... относятся невошедшіе въ поэмѣ четыре стиха. (Румянц. муз. № 2370, л. 3 об., напечат. въ «Рус. Стар.» 1884 г., июль, 2):

Моей любовью насладись
Въ молчаньи почи безмятежной,
Приди,—я таю, другъ мой пѣльный.
Не измѣнись, не измѣнись...

О другихъ вариантахъ см. въ исторіи текста.—Вложенное въ уста стараго цыгана сравненіе голоса Овидія съ «шумомъ водъ», быть можетъ, взято поэтомъ изъ Апокалипсиса (XIV, 2): «И слышахъ гласъ съ небесе, яко гласъ водъ многихъ».—Соединенное союзомъ «и» съ опредѣляемыми словами «тоскующія кости» приложение «смертью чуждой сей земли неуспокоенные гости» употреблено по смыслу даннаго мѣста въ вѣнечномъ надеждѣ; поэту не хотѣлось сказать «гостей», и, согласуя приложение съ неодушевленнымъ опредѣляемымъ словомъ «кости», онъ подчинилъ по надлежащей формѣ приложение слову, съ которымъ оно связано.—Изъ различныхъ вариаций цыганской пѣсни о молодомъ любовникѣ и постыломъ старомъ мужѣ А. П. Якимирскій указалъ одну наиболѣе подходящую къ пѣснѣ Земфиры и привелъ ее («Изв. Отд. русс. яз. и словесн. П. Ак. Паукъ» 1899 г., т. IV, кн. I, стр. 302—303) въ такомъ переводѣ: «Жги меня, жарь меня, положи меня на слабый огонь, хоть на угольяхъ жарь меня,—я не назову тебѣ любовника, потому что онъ молоденькій, любимый и хорошенькій. А тебя,

злой мужъ, съ этихъ поръ я больше не хочу; и хотя бы ты и билъ меня до смерти, жегъ бы меня и рѣзалъ на куски,—все же я сдѣлаю, какъ захочу».

Въ ввѣдѣнной статьѣ Вячеслава Иванова къ «Цыганамъ» (т. II, 426) уже указаны главные отзывы современной и позднѣйшей критики о «Цыганяхъ». Къ этому можно прибавить, что самый ранній отзывъ Бѣлинскаго о «Цыганяхъ», относящійся къ 1835 г., значительно отличается отъ того, что говорилъ великій критикъ о поэмѣ впоследствии: въ немъ, какъ въ зеринѣ, заключена мысль, развитая много лѣтъ спустя Достоевскимъ: «смирись, гордый человекъ»:—въ «Цыганяхъ» «выражена идея, что пока человекъ не убьетъ своего эгоизма, своихъ личныхъ страстей, до тѣхъ поръ онъ не найдетъ для себя на землѣ истинной свободы» («Телескопъ» 1835 г., т. XXV—Сочин. Б.—го, изд. Венгеровъ, II, 285). Въ одной театральной рецензій 1839 г. Бѣлинскій объясняетъ стараго цыгана какъ «абсолютнаго человека въ естественной непосредственности» (Соч. Б., то же изд., IV, 374), а въ знаменитой «бородинской» статьѣ говоритъ объ Алеко, какъ о человекѣ, который отторгся отъ общества, олицетворяющаго собою разумную действительность, и за это «дѣлается призракомъ, кажущимся ничто, и погибаетъ» (ib., 417).

Анненковъ («П—нъ въ Александровскую эпоху», 239—242) видитъ въ «Цыганяхъ» свидѣтельство происшедшаго въ душѣ Пушкина перелома, а также «высшее и самое пышное цвѣтеніе русскаго романтизма, успѣвшаго овладѣть теперь и поэтически-философской темой... Публикѣ нашей, благодаря знакомству ея съ Руссо и съ Байрономъ, не было новостію противопоставленіе образованнаго человека человеку полудикаго патриархальнаго быта. Совершенною новостію было для нея только то, что сдѣлалъ изъ этого противопоставленія Пушкинъ. Алеко... представлялъ намекъ на очень любопытный типъ. Свободный мыслитель и потому ненавистникъ формъ цивилизаціи, разорвавшій всѣ связи съ обществомъ и его историческимъ положеніемъ, но не уничтожившій въ себѣ самого того количества злобы, эгоизма и испорченности, которое они отложили въ его душѣ: таковъ былъ намекъ. Алеко ищетъ успокоенія въ средѣ бѣднаго цыганскаго табора, куда спасается отъ городовъ и столицъ, но вмѣсто того предательски вноситъ къ нему всѣ страсти ихъ, присоединяя еще и кровавое преступленіе. Алеко есть олицетворенная политическая несостоятельность и нравственная пустота при громадныхъ претензіяхъ и сильномъ умственномъ развитіи: вотъ что было оригинально и ново въ поэмѣ».

О вѣднѣй сторонѣ поэмы Просперъ Мериме отзывался: «это рядъ эпическихъ отрывковъ и драматическихъ диалоговъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, повидимому безъ строгой связи и по временамъ пересыанныхъ лирическими отступленіями, а между тѣмъ стихи такъ крѣпко держатся другъ за друга, что ни одного изъ нихъ нельзя выбросить, не нарушивъ общей гармоніи. Все здѣсь чрезвычайно просто и естественно... Вообще «Цыганы», по моему мнѣнію, представляютъ самый точный образецъ поэтической манеры Пушкина. Простота фабулы, искусный выборъ деталей, поражающая трезвость и правда исполненія—вотъ основныя черты этой поэмы. Невозможно выразить по-французски всю сжатость пушкинскаго стиха. Образы у него только намѣчены, а не развиты, и съ чисто греческимъ искусствомъ онъ направляетъ на ту или другую

подробность вниманіе читателя». (см. «С.-Петербург. Вѣдом.» 1868 г., № 25; 1874 г., № 160 [зам. П. Вейнберга]; «Русск. Курьеръ» 1880 г., № 172).

Помимо того внутренняго прогресса, который привелъ Пушкина къ побѣдѣ надъ романтическими влеченіями, «Цыганы» знаменуютъ собою поворотный пунктъ въ техническомъ усовершенствованіи Пушкина, какъ художника. Опъ говорилъ: «только съ «Цыганъ» почувствовалъ я въ себѣ призваніе къ драмѣ» (Анненковъ, «П. въ Александр. эп., 242). Диалоги, вѣднѣй ремарки (въ прозѣ и въ скобкахъ), внутреннія ремарки (вродѣ «Свѣтло. Старикъ тихоенько бродитъ вокругъ безмолвнаго шатра»... или «Прошло два лѣта»...), быстрая смѣна дѣйствій (такое же остроеніе наблюдается и въ «Полтавѣ») — все указываетъ на назрѣвшее стремленіе къ драмѣ. «Цыганы» еще не были совсѣмъ отдѣланы, когда поэтъ началъ «Годунова».

Образъ Алеко связанъ по контрасту съ другимъ образомъ пушкинской поэзіи—Галубомъ («Галубъ»). Пушкина всю жизнь занимала роковая мысль объ отношеніи личности къ міру. Въ «Галубѣ» онъ слегка приподнял завѣсу надъ этой проблемой. Намъ видно, къ чему шелъ поэтъ, но дойти до конца онъ не успѣлъ.

397. ПРИВѢТЪ АЛЕКО СЫНУ

(т. II, стр. 230).

Черновые наброски этихъ стиховъ, не вошедшихъ въ «Цыганы», находятся въ тетрадяхъ московскаго Румянцовскаго музея № 2370, л. 50 об., и № 2368, лл. 15 об.—16 об.; въ послѣдней рукописи текстъ полнѣе; онъ и воспроизведенъ въ настоящемъ изданіи. Впервые упомянулъ о нихъ Анненковъ въ примѣчаніяхъ къ «Цыганамъ» (см. его изданіе сочиненій Пушкина, III, 544): «въ черновой рукописи Пушкина есть нѣсколько строфъ, вложенныхъ имъ въ уста Алеко, когда тотъ задумывается надъ колыбелью собственнаго сына, рожденнаго ему Земфирой, но строфы эти не отдѣланы и выпущены самымъ авторомъ». Напечаталъ ихъ Анненковъ въ дополнителномъ томѣ своего изданія (VII, 69—70), подъ заглавіемъ «Пропущенное мѣсто въ поэмѣ Цыганы» и съ помѣткой «1824», хотя рукописи даютъ основаніе отнести наброски и къ 1825 году. Два четверостишія («Зато безпечень, здравъ и воленъ...» и «Отъ общества, быть можетъ, я...») появились въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., июнь, 535. Стихи: «О, сколько бѣдъ угрызений...» и проч. напечатаны впервые въ настоящемъ изданіи. Не трудно указать мѣсто въ поэмѣ, куда Пушкинъ, повидимому, хотѣлъ вставить эти стихи—вѣроятно, послѣ словъ: «Старикъ уснулъ, и все въ покоѣ... Въ шатрѣ и тихо и темно»...

Въ обращеніи Алеко къ сыну повторена одна изъ основныхъ мыслей «Цыганъ» — мысль о несомнѣнности естественной свободы съ городской цивилизаціей, о преимуществѣ «простыхъ пороковъ» передъ «образованнымъ развратомъ». Еще рѣзче выражена эта мысль въ стихахъ «Къ морю» — «гдѣ благо, тамъ уже на стражѣ или просвѣщеніе, или тиранъ»...

398. ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ.

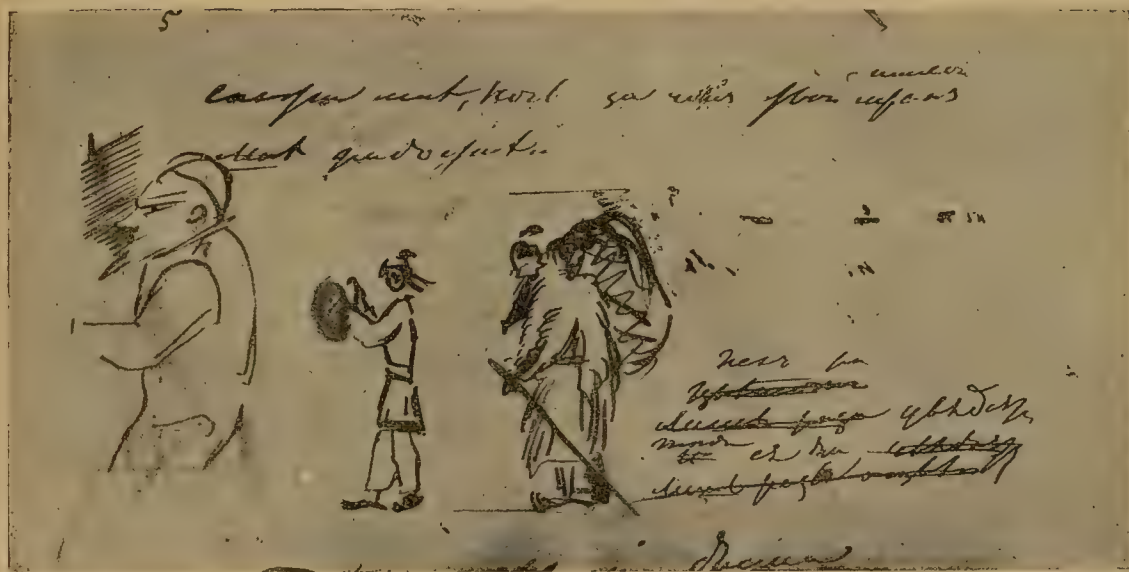
(т. II, стр. 251).

Черновики «Подражаній Корану» находятся въ двухъ тетрадяхъ московскаго Румянцовскаго музея—№ 2367, лл. 28 об.—29 (III), 29 об. (IV),

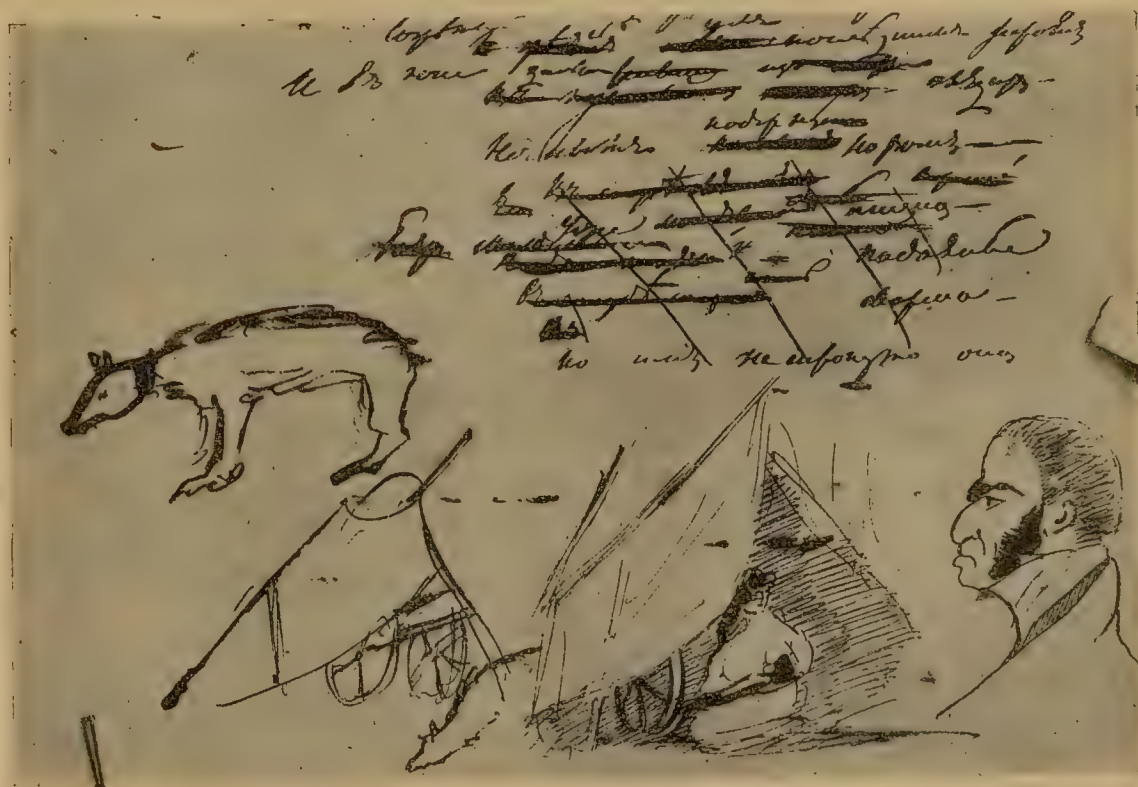
РИСУНКИ ПУШКИНА ВЪ ЧЕРНОВИКАХЪ «ЦЫГАНЪ».

I.

Изъ тетради Румянцевскаго музея № 2370, листъ 56.
Воспроизводится впервые.

II.

Изъ тетради Румянцевскаго музея № 2369, листъ 46.
Воспроизводится впервые.

32 (V), и № 2370, л. 9 (II), 13 (I), 18 об. (III), 19 (VI), 20 (IV), 22 (V), 35 об.—36, 37 об. (VI и VII), 38 об. (VIII), 39—39 об. (IX). Впервые въ печати появилось IV-ое подражаніе—въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1826 г. Всѣ подражанія были напечатаны въ сборникѣ стихотвореній Пушкина, изд. 1826 г., стр. 175 сл., съ посвященіемъ П. А. Осиповой; затѣмъ они вошли, съ нѣкоторыми поправками и съ обозначеніемъ не всего имени, а только инициаловъ Осиповой, въ сборникъ 1829 г., ч. I, стр. 203—220. О немногочисленныхъ вариантахъ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Здѣсь «Подражанія» воспроизведены въ окончательной пушкинской редакціи, по изданію 1829 г.

Судя по рукописямъ, «Подражанія» написаны въ 1824 г. и, можетъ быть, закончены даже въ началѣ 1825 г., когда поэтъ находился въ Михайловскомъ; этимъ годомъ Пушкинъ и самъ помѣчалъ ихъ. Можно думать, что еще въ Одессѣ Пушкинъ читалъ «Коранъ» и уже подумывалъ писать «Подражанія»; 14 іюня 1824 г. онъ писалъ Вяземскому: «съ другой стороны деньги, Опѣгнѣ, святая заповѣдь Корана—вообще мой эгонизмъ... Трудно, впрочемъ, положительно рѣшить, что Пушкинъ въ этихъ неясныхъ словахъ говоритъ о «Подражаніяхъ». Уже несомѣнно намекалъ на нихъ—онъ писалъ брату въ началѣ поября: «я тружусь во славу Корана и написалъ еще кое-что». Рылѣевъ, слышавшій ихъ изъ устъ Льва Сергѣевича на одной изъ обычныхъ субботъ у Плетнева, писалъ Пушкину въ первой половинѣ апрѣля 1825 г.: «нѣсколько новыхъ твоихъ стихотвореній... прелестны, особенно отрывки изъ Алкорана». Вскорѣ (12 мая) онъ убѣждалъ Пушкина не подражать Байрону «ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета». Поэту П. Н. Козлову «Подражанія», какъ писалъ онъ Пушкину (31 мая), «вскружили голову». Во время работы надъ ними Пушкина такъ занимали образы Корана, что онъ въ шутку сравнивалъ въ одномъ письмѣ (къ Вяземскому, 29 ноября 1824 г.) свои невольныя кочеванія съ бѣгствомъ Магомета изъ Мекки въ Медину, а рукописи своихъ стиховъ величалъ Кораномъ.

Томаса Мура, «чопорнаго подражателя безобразному восточному воображенію» (письмо къ Вяземскому, 2 января 1822 г.), Пушкинъ не любилъ за то, «что онъ чересчуръ уже восточенъ». Онъ подражаетъ ребячески и уродливо ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европейецъ и въ уношеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ Европейца» (письмо къ нему же въ апрѣлѣ 1825 г.). Нашъ поэтъ не только вполнѣ послѣдовалъ этому правилу въ «Подражаніяхъ Корану», но болѣе того—далъ въ нихъ высшій образецъ глубокой религіозной и исторической интуиціи. Гениальная способность Пушкина «перевплощаться» въ людей давно отжившихъ вѣковъ и сошедшихъ съ жизненной сцены народовъ ни въ какомъ другомъ произведеніи его не получила такого блестящаго проявленія. Другой великій лирикъ, обладавшій тѣмъ же даромъ, Генрихъ Гейне, наблюдая его въ себѣ, опредѣлялъ его такъ: «поэту во время творчества кажется, будто онъ, по пивагорейскому ученію о переселеніи душъ, уже жгетъ другою жизнью въ самыхъ различныхъ образахъ,—его интуиція есть какъ бы воспоминаніе». Но истинный талантъ и переносясь въ другія эпохи, въ другіе народы—не перестаетъ быть человекомъ своего времени, своей почвы и не разру-

шаетъ живой связи съ современностью, и эта связь даетъ ему возможность не впадать въ простую подражательность и творить для настоящаго и для грядущаго.

Отношеніе Пушкина къ великой книгѣ Магомета было сложное. Если онъ и видѣлъ въ ней «дѣйствительно «собраніе новой лжи и старыхъ басенъ» (слова эти могли быть написаны и «страха иудейска ради», т.-е. изъ цензурныхъ опасеній), то, съ другой стороны, онъ признавалъ, что «въ Коранѣ много истинъ здравыхъ» (см. выше, стр. 326), и его не могли не поражать «многія нравственныя истины, изложенныя сильнымъ и поэтическимъ образомъ», не считающагося съ «физикой» «смѣлой поэзіи», религіозная «ревность Араба». Съ Кораномъ Пушкинъ могъ познакомиться по различнымъ переводамъ—двумъ русскимъ (съ французскаго—М. Веревкина, 1790 г. и съ англійскаго—А. Колмакова, 1792 г.), англійскимъ и французскимъ—Ruef и Savary, послѣднее предшествующее «Подражаніямъ» изданіе котораго, съ комментаріями, вышло въ 1821 г. Изъ этихъ девяти «Подражаній» нѣкоторыя (II, IV, IX), передающія дѣльныя повѣствованія, рассказанныя въ «Коранѣ», могутъ быть названы переложеніями, остальные же—въ настоящемъ смыслѣ слова «вольныя подражанія», вариации на темы изъ Корана, краски для которыхъ взяты изъ Корана же. Отбросивъ и «повую ложь», и «старыя басни», и «странные риторическіе обороты», весь чуждый европейскому духу и вкусу арсеналъ незнаюшихъ удерку восточныхъ гиперболъ и аллегорій, поэтъ выдѣлилъ изъ Корана лучшее и вѣчное въ немъ—высшую нравственную истину, жаръ божественной любви и вѣры, дающей могучую дѣйственную силу и поэтическій пафосъ заключенному въ Коранѣ исповѣданію ислама. Поэтъ, въ сердцѣ котораго нашелся откликъ на пуритански-бѣдно, скудно, безвѣстно выраженную вѣру Беніана (см. «Страшникъ» 1834 г.), не могъ не отзываться всей силой душевнаго сочувствія на яркую красочность Корана и жгучее, необорное порываніе пророка къ своему Богу. Пушкину нельзя было не полюбить вдохновенную, причудливую книгу мысли и поэзіи, и Магометъ сталъ ему «любезенъ», какъ выразился Рылѣевъ, и поэтъ создалъ свой «хвалебный гимнъ Отцу міровъ». «Если вчитаться во всѣ 114 главъ Корана, называемыхъ сурами»,—говоритъ одинъ изслѣдователь (Холмогоровъ, въ «Очеркѣ исторіи арабской литературы», «Всеобщая литература», подъ ред. В. Корша, т. II, ч. I, стр. 291),—«то нельзя не замѣтить частыхъ повтореній одного и того же, однихъ и тѣхъ же словъ, какой-то нестройности, разбросанности мыслей—какъ бы отрывочныхъ импровизацій, особенно въ послѣднихъ главахъ, болѣею частью напоминающихъ романизованную прозу, которую такъ любятъ арабскіе рассказчики и романисты, и которая такъ легко удерживается въ памяти, за рѣдкостью писемъ». Темами для большей части суръ служили различныя случайныя обстоятельства: споры, выигранное сраженіе, дѣлежъ добычи, семейныя происшествія и т. п.; но изъ каждаго частнаго событія Магометъ выводилъ соотвѣтственное правоученіе, становившееся закономъ, или примѣнялъ къ настоящему уже слышанные имъ рассказы, припоминалъ такіе же случаи, бывшіе въ старину: откуда вполнѣдствіи возникла темнота, запутанность въ нѣкоторыхъ главахъ Алкорана... Часто Алкоранъ блистаетъ высокими мыслями

ветхаго и новаго завѣтовъ... Каждый стихъ Алкорана мусульмане называютъ чудомъ (асътъ), и языкъ этой книги считается образцовымъ относительно арабизма, а между тѣмъ Магометъ представляетъ себя неграмотнымъ, выучившимся читать уже впоследствии у архангела Гавріила.. Магометъ является поэтомъ именно тамъ, гдѣ онъ гремитъ угрозами противъ невѣрныхъ; здѣсь его поэтическія картины быстро смѣняются одна другою: наблюдательно представляются то разверстое небо и солнце, свивающееся на подобіе пелены въ день страшнаго суда, то горы, убѣгающія вдаль, словно полуденное марево, то мученія грѣшныхъ, паптаныхъ изодами адскаго дерева, напоенныхъ кипящею водою и вновѣ жаждущихъ каждой истомленнаго верблюда. И Магометъ клинется въ непреложности своихъ словъ смоковницей и оливой, Меккой и Синаемъ, небомъ и звѣздою, утренней зарей и священными почвами, землею и вѣбмъ, что на ней живетъ, конями, которые мчаться въ битву, выбивая копытами искры, предвѣщую тростью (для письма) и вѣбмъ, что ею написано».

Насколько чужды европейцу и духъ и форма Корана, можно видѣть изъ разныхъ мнѣній о немъ. «Коранъ», — говоритъ Н. П. Спиринъ («Записки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ», изд. 2-ое, стр. 47—52), — есть книга очень загадочная, очень трудная для оцѣнки. Ея содержаніе, повидимому, незначительно; такъ можно судить отчасти уже потому, что она вообще мало занимаетъ европейскихъ читателей. Между тѣмъ, она, очевидно, способна производить на людей сильное дѣйствіе, и въ настоящую минуту духъ этой книги совершаетъ большія завоеванія въ Индіи и Китаѣ, побуждаетъ тамъ древнѣшія религіи человечества, среди которыхъ христіанство дѣлало лишь слабые успѣхи. Шопенгауэръ, философъ, умѣющій такъ глубоко понимать всѣ религіозныя явленія, съ недоумѣніемъ смотритъ на силу Корана и отзывается о немъ очень рѣзко. «Эта плохая книга», говоритъ онъ, «была достаточна, чтобы основать мировую религію, удовлетворять вотъ уже 1200 лѣтъ метафизической потребности безчисленныхъ милліоновъ людей, сдѣлаться основою ихъ морали и значительнаго презрѣнія къ смерти, а также одушевить ихъ на кровавыя войны и обширнѣшія завоеванія. Мы находимъ въ ней плачевнѣйшій и скуднѣйшій видъ теизма. Многое въ ней, можетъ быть, теряется отъ перевода; но я не могъ въ ней открыть ни единой дѣльной мысли». Самы арабы, какъ упоминаетъ Ренанъ, утверждаютъ, что главная сила Корана заключается въ его поэтическомъ достоинствѣ, и притомъ не столько въ содержаніи, сколько въ формѣ, въ такомъ удивительномъ теченіи рѣчи, что даже они, привыкшіе ко всякимъ стихотворнымъ тонкостямъ, не могли устоять противъ очарованія этой прозы. Не любопытно ли послѣ этого взглянуть, что же сдѣлалъ Пушкинъ въ своихъ подражаніяхъ? Извѣстно, какъ обыкновенно дѣлаются подражанія восточному; европейецъ беретъ кой-какія чужія краски и даже мысли, но располагаетъ и развиваетъ ихъ по своему, по-европейски. Пушкинъ же съ своею невѣроятною гибкостью старался уловить весь складъ Корана, весь безпорочный, всю быстроту и силу переходовъ, и даже то, что онъ въ другомъ мѣстѣ называетъ какою то восточною безсмыслицею, имѣющею свое поэтическое достоинство (Путешествіе въ Арзрумъ)... Смѣшеніе чувственности съ религіозными движеніями души, быстрые

порывы и переходы чувствъ, незначительная, но сверкающая фантазія, и при всемъ этомъ подлинная музыкальность, волшебное теченіе рѣчи — таковъ характеръ Корана, какъ онъ уловленъ Пушкинымъ. Мы сомнѣваемся, чтобы у какого-нибудь другого европейскаго поэта были стихотворенія въ такой степени восточныя. А прекрасны они въ первой степени».

Къ числу «чисто-пушкинскихъ» нѣсть, въ которыхъ «виденъ уже зрѣлый талантъ, и Пушкинъ является истиннымъ художникомъ», отнесъ Вѣлпнскій «Подражанія Корану», «вполнѣ передающія духъ исламизма и красоты арабской поэзіи — блестящій алмазъ въ поэтическомъ вѣдѣ Пушкина!» — совершенное доказательство «разнообразія поэзіи Пушкина, его удивительной способности легко и свободно переносится въ самыя противоположныя сферы жизни. Въ этомъ отношеніи... Пушкинъ напоминаетъ Шекспира». Тургеневъ однажды писалъ С. Т. Аксакову: «давно вы не читали Восточныхъ Стихотвореній Пушкина? Перечтите ихъ — я отъ нихъ безумствую» («Вѣстн. Евр.» 1894, февр., 480).

Н. П. Черняевъ, по мнѣнію котораго Коранъ привелъ Пушкина къ изученію Библии и созданію образа «Пророка» (объ этомъ см. ниже, въ примѣчаніяхъ къ № 478) въ своемъ изслѣдованіи «Пророкъ Пушкина въ связи съ его же Подражаніями Корану» («Русское Обозрѣніе» 1897 г. и отд., М., 1898) говоритъ (стр. 53—55): «Ни въ одной европейской литературѣ нѣтъ ничего подобнаго пушкинскимъ «Подражаніямъ Корану». Въ нихъ отразился весь Псламъ, съ его чувственностью, съ его воинственнымъ пыломъ, съ его космогоніей, легендами, мистикой и моралью. Кто вчитается и вдумается въ «Подражанія Корану», тотъ уже не встрѣтитъ въ немъ ничего новаго для себя и будетъ имѣть ключъ къ разгадкѣ и вѣрному пониманію священной для всего мусульманскаго міра книги. Всѣ девять подражаній составляютъ одно стройное, гармоническое цѣлое, несмотря на полную самостоятельность каждаго изъ нихъ. Они находятся въ такомъ же отношеніи другъ къ другу и такъ же тѣсно связаны между собой, какъ отдѣльныя части музыкальной симфоніи или сюиты. Пушкинъ хотѣлъ передать въ нихъ то впечатлѣніе, какое производилъ на него Коранъ, и написалъ столько подражаній, сколько нужно было, чтобы возсоздать его духъ, языкъ и поэзію. Пушкинъ блистательно справился со своею задачею. Онъ раскрылъ передъ нами не только тѣ стороны Пслама, въ которыхъ заключается все его обаяніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ намъ возможность заглянуть и въ сердце Магомета и понять этого необыкновеннаго человека, доселѣ возбуждающаго столько споровъ между историками. Въ «Подражаніяхъ Корану» правственный обликъ Магомета выступаетъ ясно и рельефно, изваянный рукою великаго мастера. Создавая «Подражанія Корану», Пушкинъ не былъ его переводчикомъ и не заботился о точномъ воспроизведеніи своего оригинала и образца... Речомованную прозу Магомета онъ замѣнилъ речомованными стихами; поэтическіе образы Корана онъ допозналъ мусульманскими преданіями и то сгущалъ краски «Несомнѣнной книги» и усиливалъ ея и безъ того сильный языкъ, то смягчалъ его оттѣнкомъ нѣжности и скорби. Но, дѣлая тѣ или другія отступленія отъ подлинника, соединяя въ одно стройное цѣлое изреченія, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ Корана, придавалъ

поразительную красоту поэтическимъ намекамъ Корана, Пушкинъ имѣлъ въ виду только одну дѣль—воспроизвести его пафосъ и ту чисто-арабскую поэзію, которою дышетъ Коранъ. Читая «Подражанія Корану», вы чувствуете, что имѣете дѣло съ пророкомъ, порожденнымъ Аравіей. «Подражанія Корану» запечатлѣны яркимъ воображеніемъ, живостью и мощью впечатлѣній, смѣлостью поэтическихъ образовъ, неотразимой прелестью стиха, пламеннымъ воодушевленіемъ и чисто-восточной страстностью... Прекрасно отбѣнивъ красоту Корана, Пушкинъ не считъ нужнымъ подчеркивать его безпорядочное изложеніе, отсутствіе стройности, обиліе темныхъ мѣстъ, несообразностей, повтореній, противорѣчій и искаженныхъ пересказовъ библейскаго текста. Поэтъ, очевидно, имѣлъ въ виду не тотъ Коранъ, который теперь существуетъ, не Коранъ, испорченный вставками и безсвязными записями учениковъ и приближенныхъ Магомета, а тотъ Коранъ, который проповѣдывалъ основатель Ислама. Пушкинъ былъ высокаго мнѣнія о Магометѣ, считалъ его крупнымъ поэтомъ и гениальнымъ человѣкомъ и, судя по всему, не допускалъ мысли, чтобы Магометъ говорилъ все то, что внесено въ Коранъ и что иногда носитъ отпечатокъ заурядныхъ головъ и отнюдь не богато одаренныхъ натуръ. Короче сказать, на «Подражанія Корану» слѣдуетъ смотрѣть, какъ на поэтическую реставрацію проповѣди Магомета, свободной отъ послѣдующихъ наслоеній и подмѣсей.

Подробному анализу «Подражаній» посвятили немало страницъ П. П. Черняевъ въ цитированномъ выше изслѣдованіи и А. Поливановъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. II, стр. 128—141). Поливановъ обстоятельно опредѣлилъ связь «Подражаній» съ ихъ первоисточникомъ—Кораномъ, пролилъ свѣтъ на процессъ пушкинскаго творчества и указалъ у Пушкина какъ несомнѣнныя, такъ и возможные заимствованія изъ подлинника, а Черняевъ далъ нѣкоторые дополненія и поправки къ работѣ Поливанова и, между прочимъ, показалъ связь «Подражаній» не только съ Кораномъ, но и съ мусульманскими преданіями. Пользуясь этими указаніями, а также замѣчаніями Страхова и другихъ критиковъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ частей поэтического цикла.

I.

Первое «Подражаніе» представляетъ собою поэтическую обработку 93-й суры Корана, данной Магомету Аллахомъ послѣ долгаго перерыва общенія божества съ пророкомъ и читающейся такъ: «Клянусь утреннимъ солнечнымъ блескомъ, клянусь ночью, когда она темнѣетъ,—Господь не оставилъ тебя и не презрѣлъ; будущее для тебя лучше настоящаго. Господь твой скоро ущедритъ тебя, и ты будешь доволенъ. Не сиротой ли Онъ нашелъ тебя и приютилъ? Не блуждающимъ ли Онъ нашелъ тебя и на прямой путь поставилъ? Онъ нашелъ тебя бѣднымъ—и обогатилъ. А потому сироты не притѣсняй, нищаго отъ себя крикомъ не отгоняй, но благость Господа твоего имъ проявляй!» Поэтъ распространилъ клятвенную формулу Аллаха и увеличилъ перечисленіе благодѣяній, оказанныхъ пророку, заимствуя формы первыхъ и примѣры вторыхъ изъ разныхъ мѣстъ Корана. Клятва «утренней звѣздой» соответствуетъ клятвѣ звѣздою вечернею въ LIII, 1 Корана и звѣздою

почию въ LXXXVI, 1 клятва; зарею въ вариантѣ изданія 1826 г. («Клянусь утренней зарей») заимствована изъ LXXXIX, 1 Корана. Изъ слѣдующаго стиха той же главы взята клятва «четой и печетой». Антитеза утренней звѣзды съ вечернею молитвою у Пушкина самостоятельная, но въ духѣ Корана: въ немъ встрѣчается сопоставленіе дня и ночи (XCII, 1 и 2), утра и ночи (XCIII, 1 и 2); неожиданность сопоставленія звѣзды съ молитвою также въ характерѣ Корана, гдѣ встрѣчаемъ въ клятвахъ же сопоставленіе смоковницы и маслины съ Синаемъ и Меккой (XCV, 1—3). Соединеніе нѣсколькихъ клятвъ сряду, какъ то слѣдано Пушкинымъ, также встрѣчается въ Коранѣ и не превышаетъ восьми сопоставленій (напр., въ XCI, 1—9). «Въ клятвѣ Аллаха,—замѣчаетъ Страховъ,—есть какая-то загадочность и разнородность предметовъ, игра словъ (утренней—вечерней) и въ то же время странная сила и гармонія. Лермонтовъ плѣнился этими стихами, и въ его «Демонѣ» тоже есть клятва, даже гораздо длиннѣе. Но какая разница! Все очень краснорѣчиво, но вмѣстѣ совершенно бѣдно и холодно; демонъ дѣлаетъ правильныя антитезы, логически переходитъ отъ одной мысли къ другой, почти пускается въ разсказъ; порыва, загадочности, страсти нѣтъ нисколько. Взять восточный оборотъ рѣчи, но лишень всего характернаго». О другихъ клятвахъ Корана см. выноску самого Пушкина и вышеприведенную характеристику Холагогорова, а о клятвѣ какъ литературномъ приѣмѣ—замѣтку П. О. Сумцова въ «Харьковск. универс. сборн. въ память П.—на», 1900, стр. 99—100.

Вторая строфа объясняется 40-мъ стихомъ 9-й суры, рассказывающей, какъ горимые невѣрными Магометъ и Абу-Бекръ скрылись въ пещерѣ; къ ихъ убѣжищу уже подходили враги, когда внезапно передъ входомъ выросла акація, въ вѣтвяхъ которой голубка свила гнѣздо и снесла яйца, а паукъ обвилъ дерево паутиной; увидѣвъ, что голубка сидитъ на яйцахъ, а паутина неповреждена, преслѣдователи рѣшили, что въ пещеру никто не могъ войти, и бросились по ложному слѣду. Первые два стиха третьей строфы объясняются 11-мъ стихомъ 8-й суры: «Вотъ Онъ въ знаменіе своего покровительства освѣтилъ васъ ночью, испослалъ вамъ съ неба воду, чтобы ее очистить васъ и удалить отъ васъ оскверненіе сатаны, чтобы ободритъ сердца ваши и утвердитъ стоны ваши». Быть можетъ, Пушкинъ намекалъ здѣсь даже не на этотъ стихъ Корана, а на другое преданіе,—какъ однажды въ дорогѣ между Мединой и Дамаскомъ Магометъ едва могъ зачерпнуть ковшъ воды изъ пересыхающаго ручья, но, выливъ ее обратно, превратилъ ее въ обильный источникъ, напоявшій дѣлое войско. «Конечъ стихотворенія у Пушкина—говоритъ Страховъ,—представляетъ также удивительную черту: быстрое, яркое противорѣчіе, которое вполне выражаетъ быстроту душевныхъ движеній. Не успѣлъ Аллахъ дать заповѣдь милосердія: люби сиротъ, какъ въ слѣдующемъ стихѣ уже вспыхнулъ въ душѣ араба гнѣвъ, и онъ требуетъ, чтобы тварь дрожала предъ его Кораномъ». Такъ же толковалъ послѣднія слова и Достоевскій. «Любознательно,—замѣчаетъ присоединяющійся къ этому толкованію Д. С. Мережковскій («Вѣчные спутники. Пушкинъ», изд. 3-е, стр. 58),—что русскій пѣнникъ, Раскольниковъ, заимствовалъ у пушкинскаго Магомета эти слова о «дрожащей твари». Два идеала, преслѣдующіе воображеніе Расколь-

пикова,—Наполеонъ и Магометъ, привлекаютъ и Пушкина». Черняевъ возражаетъ на это: «Аллахъ вовсе не требуетъ, чтобы тварь дрожала передъ Кораномъ; онъ только называетъ людей дрожащею тварью. Въ послѣднемъ стихѣ перваго «Подражанія» выражается не гнѣвъ, а мысль о бренности человѣческой природы и о ничтожествѣ человѣка сравнительно съ Богомъ. Эта мысль вполне совпадаетъ съ соответственными мѣстами другихъ подражаній». Тутъ критикъ приводитъ выдержки изъ III «Подражанія» («Ночто жъ кичится человекъ...», «Обезображенные страхомъ»), VII-го («Возстанъ, близливый...») и нѣкоторыхъ мѣстъ Корана. Поразившее Страхова сопоставленіе милосердія и страха въ двухъ послѣднихъ стихахъ взято изъ 36-го стиха 22-ой суры, гдѣ вѣрующіе названы тѣми, чьи сердца охватываются ужасомъ при произнесеніи имени Божія. Даръ слова и власть пророка надъ умами созданы самимъ поэтомъ на основаніи общаго духа Корана. Въ первомъ «Подражаніи» сразу бросается въ глаза способность Пушкина съ волшебной быстротою и непринужденностью *integrate in medias res*. Съ перваго слова читатель перенесенъ въ чуждое міротношеніе и чуждую историческую обстановку, въ самое сердце иного міра.

II.

Основою второго «Подражанія» являются 59-й и 53-й стихи 33-й суры, гдѣ говорится о женахъ пророка: «О пророкъ! предпихи своимъ женамъ, дочерямъ и женамъ вѣрующимъ опускать покрывало на ихъ лица. Это будетъ знакомъ ихъ добродѣтели и предохранитъ ихъ отъ публичныхъ пересудовъ...» «О вѣрующіе! Не входите безъ дозволенія въ домъ пророка, а только когда онъ пригласитъ васъ къ своей трапезѣ... Выходите по одиночкѣ послѣ трапезы и не распространяйте нашу бесѣду; вы его оскорбили бы: онъ посовѣстился бы (покасились бы) сказать вамъ это... Если вы имѣете что-нибудь попросить у его женщинъ, то сдѣлайте это сквозь покрывало; такъ сохраняйте чистоту и ваши сердца, и ихъ...» Въ образѣ, заключающемся въ послѣднихъ двухъ стихахъ, Ползвановъ усматриваетъ «скромно склоняющихъ головы невольницъ». II. Черняевъ правильно замѣчаетъ, что «въ этихъ стихахъ заключается приказаніе не невольницамъ пророка, а его гостямъ опускать передъ нимъ головы и взоры въ знакъ особаго уваженія къ ихъ властелину». Форма обращенія къ женамъ, которымъ начинается пьеса, самостоятельна. «Поэтъ,—говоритъ Черняевъ, усилилъ ревность Араба, выставилъ рельефнѣе чувствительныя и наивныя проявленія ея, на которыя Коранъ только намекаетъ, и тѣмъ самымъ яснѣе обрисовалъ Магомета какъ мистическую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, женолюбивую натуру. Въ итогѣ получился въ высшей степени жизненный характеръ, несомненный психологической правды и носящій на себѣ отпечатокъ знойнаго Востока. Страховъ находилъ въ «Подражаніяхъ Корану» черты пародіи, указывающія на нѣсколько пропическое отношеніе Пушкина къ исламу. Но о пародіи въ «Подражаніяхъ» нѣтъ и помину: поэтъ не пародировалъ Коранъ, а творилъ въ его духѣ, опозитивировалъ его образы и передавалъ его духовную красоту. Народию Корана, едва уловимое пропическое отношеніе къ Магомету можно подмѣтить только во второмъ «Подражаніи». Его мѣстами высокопарный языкъ и стихи вродѣ: «Врепгесъ суетами свѣта смутить пророка моего»...

какъ бы намекаютъ на то, что поэтъ колебался, съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло: съ самообманомъ или обманомъ Магомета, и склонился къ тому заключенію, что въ данномъ случаѣ было и то и другое. Второе «Подражаніе» далеко не звучитъ той искренностью и тѣмъ величественнымъ наивомъ, которымъ запечатлѣны всѣ другія «Подражанія». Этимъ оно рѣзко отличается отъ нихъ. Съ европейской точки зрѣнія оно кажется даже отчасти комичнымъ, но его комизмъ—высокохудожественный, тонкій и едва уловимый комизмъ; въ него нужно вдуматься для того, чтобы замѣтить его». Здѣсь Аллахъ призведенъ съ той высоты, на которой намъ показываютъ его остальные «Подражанія», въ интимную суету домашнего быта; Магометъ какъ бы прикрывается имъ и говоритъ не своими устами отъ него, а его устами отъ себя о томъ, о чемъ не рѣшается говорить прямо, «ибо весьма учтивъ и скромнѣе». Тѣмъ же эротическимъ жаромъ проникнуть третій куплетъ «Татарской нѣспы» въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ»—о Заремѣ, о блаженствѣ того, «кто, миръ и нѣгу возлюбя, какъ розу, въ тишинѣ гарема дѣлаетъ, милая, тебя»...

III.

Вотъ что говоритъ 80-ая сура Корана, послужившая основою для третьяго «Подражанія» и называемая не «Слѣпецъ»,—какъ указалъ Пушкинъ въ своемъ примѣчаніи, которое въ сборникѣ 1826 г. дано въ такомъ видѣ: «Изъ книги Слѣпецъ (Тифля). Вотъ почему слово сіе почитается у Турковъ за жесточайшую брань»,—а «Суровое чело»: «Пророкъ явилъ суровое чело и отвратилъ глаза, потому что слѣпецъ предсталъ предъ нимъ. Да погибнетъ злой! Кто могъ сдѣлать его невѣрнымъ? Изъ чего создалъ его Богъ? Изъ гряди. Онъ далъ ему привлекательный видъ. Онъ облегчилъ ему путь, который ведетъ къ жизни. Онъ посылаетъ ему смерть и низводитъ его въ могилу. Онъ воскреситъ его, когда захочетъ. Эти истины несомнѣнны. Человекъ еще не исполнилъ повелѣній Вѣчнаго. Пусть взглянетъ онъ на свою пищу. Мы изливаемъ дождь изъ тучъ; Мы открываемъ лоно земли; Мы повелѣваемъ произрастать сѣмени, завязываться виноградной лозѣ, зеленѣть травѣ, произрастать маслицѣ, пальмѣ и деревьямъ, украшающимъ сады ваши. Земля покрывается плодами и пастбищами, которые служатъ вамъ и стадамъ вашимъ. Когда прогремитъ труба, братъ оставитъ брата, сынъ—своего отца и мать, мужъ покинетъ жену и своихъ дѣтей. Лица будутъ сіяющими: на нихъ будетъ сіять довольство и радость. Другія лица будутъ покрыты прахомъ; мрачный покровъ помрачитъ ихъ: такими явятся невѣрные и злодѣи». Комментарій къ начальнымъ стихамъ передастъ, что «слѣпецъ предсталъ передъ Магометомъ въ то время, какъ онъ старался объ обращеніи одного богатаго и могущественнаго корейшита; онъ былъ дурно принятъ. Потомъ слѣпецъ возвратился и былъ встрѣченъ благосклонно». Самому Магомету сура шлетъ упрекъ за пренебреженіе несчастнымъ калѣкой. Поэтъ попалъ слово «слѣпецъ» въ правственный смыслъ—человѣкъ, которому недоступна истина, нечестивый, порочный, и этимъ людямъ напомнилъ о страшномъ судѣ. Въ описаніи послѣдняго дня,—говоритъ Ползвановъ двукратный звукъ трубы, упоминаемый Пушкинымъ мѣсто простого: «прогремитъ труба», со

гласно съ другимъ мѣстомъ Корана (39, ст. 68). Символическое изображеніе праведниковъ—съ лицами сіяющими—и злыхъ—съ лицами помраченными покрытыми прахомъ—Пушкинъ исключилъ. Въ другомъ мѣстѣ Корана ужасъ при паступленіи страшнаго суда изображенъ, между прочимъ, такъ: «Пораженные ужасною десницею Бога люди будутъ, какъ опьянѣвшіе». У Пушкина этотъ ужасъ передать эпитетомъ «о безобразіи и е страхомъ». Въ 80-ой сурѣ Корана нѣтъ также ни слова объ огнѣ, ожидающемъ нечестивыхъ, но внесенная Пушкинымъ угроза пламенемъ согласна со многими мѣстами Корана, упоминающими объ огнѣ; напр., 23, ст. 103—106, гдѣ сказано: «Когда прозвучитъ труба, сокрушатся всѣ кровли узы... Тѣ, которыхъ жребіи на вѣсахъ склонятся, насладятся блаженствомъ; чей жребіи окажется легокъ... вѣчно пребудутъ въ аду; огонь сожжетъ ихъ лица»... Слова 2-ой строфы: «спокойно возвѣдай Коранъ, не понуждая нечестивыхъ»... объясняются 126 ст. 16 суры Корана: «Призывай людей на путь Божій мудростию и кроткими увѣщаніями; если ты входишь съ ними въ споръ, то веди его благороднѣйшимъ образомъ». Въ Коранѣ неоднократно повторяется, что Коранъ не долженъ быть проповѣдуемъ тѣмъ строптивымъ, которымъ предопредѣлено оставаться невѣрными и погибнуть въ гееннѣ.

Третье «Подражаніе»,—замѣчаетъ Страховъ о вѣдшей его сторонѣ, о выразительности художественныхъ приѣмовъ,—«представляетъ поразительное теченіе рѣчи. Вначалѣ раздаются величественные звуки: «Съ небесной книги списокъ данъ тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ»... Потомъ тонъ смягчается, дѣлается кроткимъ, тихимъ: «Почто жъ кичится человекъ?» и т. д. (строфы 3—5). И вдругъ раздается громъ негодованія: «Но дважды ангелъ вострубитъ!» Угрозы сыплются градомъ и величественно замолкаютъ: «Но дважды ангелъ вострубитъ»... и проч. Музыка удивительная! Поставить союзъ но такъ, какъ онъ тутъ поставленъ, едва ли бы рѣшился какой европейскій поэтъ. Полный разрывъ теченія мыслей и вмѣстѣ строгая связь душевныхъ движеній, явный безпорядокъ и чудесная гармонія.

Находящіеся на той же второй страницѣ 18 л. 2370-ой тетради Румянцовскаго музея, гдѣ записана черновая редакція третьяго «Подражанія», два стиха (см. ниже, № 415), впервые напечатанные въ «Русс. Стар.» 1884 г., июль, 7:

Слабъ и робокъ человекъ,
Слѣвъ умою—и все тревожить...

песомѣнно, связаны съ этимъ «Подражаніемъ», вѣроятно, именно съ 3-ей строфой.

«Страшный судъ ужасенъ»,—писалъ Пушкину Рыбевъ въ цитированномъ выше письмѣ,—«стихи «И братъ отъ брата побѣжитъ, и сынъ отъ матери отпрянетъ»... превосходны». Б. В. Никольскій («Поэтъ и читатель въ ирикѣ Пушкина», Спб., 1899, стр. 76—77) безъ всякихъ доказательствъ и основаній усматриваетъ въ третьемъ «Подражаніи» признаки рѣшенія самого поэта «замыкаться» отъ толпы, «въ связи съ самообращеніемъ на творчество и вѣрою, то мстительною, то примирительною, въ свое торжество», и указываетъ на эти стихи какъ на «образецъ мстительнаго предвидѣнія своего торжества». Обычное въ пушкинской критикѣ отождествленіе поэта и его героев!

IV.

Слѣдующій отрывокъ изъ Корана (сура 2-ая, ст. 260-й) обработалъ Пушкинъ въ четвертомъ «Подражаніи»: «Не слышалъ ли ты о томъ, который, споря съ Авраамомъ о Господѣ его, отрицалъ, что Богъ далъ ему царство? Когда Авраамъ сказалъ: «Господь мой—тотъ, который оживляетъ и умерщвляетъ», тогда тотъ сказалъ: «Я оживлю и умерщвлю». Авраамъ сказалъ: «Богъ велитъ солнцу восходить съ востока, ты вели восходить ему съ запада». Невѣрный изумился». Пушкинъ усилилъ впечатлѣніе человѣческаго дерзновенія, заставивъ невѣрна спорить не съ Авраамомъ, а съ самимъ Богомъ.

V.

Пятое «Подражаніе» основано большей частью на различныхъ мѣстахъ изъ Корана. «Богъ поддерживаетъ небеса и землю, дабы они не обрушились; дѣйствительно, если они обрушатся, то никто, кромѣ Его, не можетъ поддержать ихъ, потому что Онъ кротокъ, прощающій» (35, ст. 39). «Онъ утвердилъ небеса безъ столповъ» (31, ст. 9). Эти мѣста поэтъ вложилъ въ первую строфу. Для второй строфы послужило слѣдующее мѣсто (35, ст. 39): «Богъ есть свѣтъ небесъ и земли. Свѣтъ его подобенъ свѣтильнику въ стѣнѣ: свѣтильникъ въ стеклянномъ сосудѣ; стеклянный сосудъ сіяетъ, какъ звѣзда. Въ немъ горитъ благовонное дерево, маслина, какой нѣтъ ни на востока, ни на западѣ»... Третья строфа,—объясняетъ Черняевъ,—написана Пушкинымъ вполне самостоятельно, въ безукоризненно выдержанномъ духѣ и тонѣ Корана. Поэтъ воспользовался для нея тѣми прославленіями Аллаха, какъ властелина вѣтровъ, тѣни и воды, падающей съ неба, которыхъ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ Корана... Выраженіе «сіяющій Коранъ» и уподобленіе пеламы свѣту имѣютъ въ своей основѣ тѣ эпитеты, которые обыкновенно употреблялъ Магометъ, когда говорилъ о своемъ ученіи и о Коранѣ. Онъ называлъ его яснымъ свѣтомъ. «Это Онъ (Богъ), говорится въ 9-мъ стихѣ 57-ой суры, повелѣваетъ сходить къ своему слугѣ явнымъ знаменіямъ, чтобы вывести насъ изъ тьмы къ свѣту»... Пятому «Подражанію» придана форма молитвы—форма славословія Бога. Величіе, сила, сжатость и пластичность его языка пріумительно прекрасны. Поэтъ хотѣлъ воплотить религіозно-поэтическія возрѣнія мусульманскаго Востока на природу и на могущество, мудрость и благодать Аллаха... Каждое слово напоминаетъ объ Аравіи, объ ея раскаленныхъ пустыняхъ, о пламенной вѣрѣ въ исламъ... Взглядъ на исламъ какъ на источникъ свѣта и счастья выразился и въ словахъ «Бахчисарайскаго Фонтана» («Татарская пѣсня»):

Даруетъ небо человеку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ...

VI.

О снѣ Магомета грезитъ 27-ой стихъ 48-ой суры Корана: «Богъ осуществилъ сонъ апостола (Магомета), когда далъ ему услышать такіа слова:

вы войдете въ священный домъ молитвы, если угодно Богу, здравы и невредимы, обривши ваши головы или остригши ихъ. У васъ не будетъ страха... Кромѣ того, онъ предусловилъ близкую побѣду». Этотъ стихъ довольно близко передается первой строфою шестого «Подражанія». Въ третьей и четвертой строфахъ переработаны 11-й, 12-й и 13-й стихи той же сурь: «Пустынные арабы, которые остаются позади васъ и нейдутъ на войну, придутъ сказать тебѣ: наши стада и наши семейства мѣшали намъ слѣдовать за тобою. Молись Богу, чтобы простилъ наши грѣхи». Ихъ языки пропозосать чего нѣтъ у нихъ въ сердцахъ... Вы воображали, что апостолъ и вѣрующіе никогда не воротятся къ своимъ семействамъ, и эта мысль правилась вашимъ сердцамъ... Если вы захватите вѣрную добычу,—о! тогда арабы, оставшіеся дома, скажутъ вамъ: позвольте намъ идти съ вами. Они хотятъ измѣнить слово Божіе. Скажи имъ: не ходите съ нами». Последній стихъ почти дословно повторяетъ въ четвертой строфѣ. Эта связь прослѣжена Черняевымъ. Ползвановъ указываетъ, что «характеристика малодушныхъ объясняется словами 38-го стиха 9-ой сурь, гдѣ говорится о людяхъ, которымъ сказали: Идите сражаться на пути Божіемъ,—и которые оказались неповоротливыми и какъ бы привязанными къ землѣ, которые пренебрегли наслажденіемъ будущей жизни («не вѣрятъ дивнымъ снамъ»)). Въ той же сурѣ Пушкинъ могъ почерпнуть и другой матеріалъ для четвертой строфы: «въ 84-мъ стихѣ этой книги также отвергается прокомъ предложеніе взять съ собою въ битву тѣхъ, которые отказались отъ нея ранѣе». Для второй и пятой строфы поэтъ могъ воспользоваться различными мѣстами Корана, гдѣ говорится о военной добычѣ (8, ст. 42; 48, ст. 18, 19), о невольникахъ и о бракахъ съ ними (4, ст. 28), о наградахъ, ожидающей павшихъ въ бою (3, ст. 156, 163—165): «Если вы умрете или будете убиты, защищая вѣру, знайте, что милосердіе Божіе превыше богатствъ, которыя собираете... Не вѣрьте, что павшіе, сражаясь на пути Божіемъ, мертвы; они живутъ близъ Бога и отъ него получаютъ свою пищу»...

Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
Свою смертью освѣтитъ:
Къ нему навстрѣчу дѣла рая
Съ улыбкой страстной полетитъ,—

поютъ невольницы Гирей («Бахчисарайскій Фонтанъ»).

«По звуку», замѣчаетъ Страховъ—стихотвореніе «похоже на воинственный маршъ, дышащій жаромъ битвы»: «Не даромъ вы приснились мнѣ... и т. д. И вдругъ все оканчивается сладкимъ, свѣтлымъ звукомъ: «Блаженны падшіе въ сраженіи... и проч. «Сквозъ вѣяніе восточной пустыни»—говоритъ Мережковский,—«здѣсь чувствуется уже ароматъ благородной мусульманской культуры, которой суждено дать міру сладострастную пѣгу Альгамбры и «Тысячи одной ночи». Пока это—народъ еще дикій, хищный, жаждащій славы и крови. Герой пришелъ, соbralъ горсть семени, отвергнутыхъ исторіей, затерянныхъ въ степяхъ Аравіи, раскалилъ религиознымъ фанатизмомъ, выковалъ молотомъ закона и бросилъ въ міръ, какъ остро отточенный мечъ, среди дряхлыхъ византійскихъ и одичалыхъ варварскихъ племенъ Европы...». Эта сторона Ко-

рана Пушкинымъ въ совершенствѣ выражена въ шестомъ «Подражаніи», упоенномъ гимнѣ воинствующаго ислама.

VII.

«О, заверпувшійся въ одежду, стой эту ночь и читай Коранъ!»—говоритъ начало 73-й сурь. Такъ же начинается и 74-ая: «О, закутавшійся въ одежду, встань и поучай, Господа твоего величай, одежды твои очищай, мерзости убѣгай». Одно преданіе говоритъ, что увидѣвъ архангела Гавріила, Магометъ въ страхѣ закрылся плащомъ, и Гавріилъ началъ этимъ обращеніемъ свою рѣчь къ пророку. Понятно, что въ этомъ смыслѣ «закутавшійся въ одежду» Пушкинъ вѣрно передалъ словомъ «боязливый». Другими мѣстами Корана, которыми пользовался Пушкинъ, могутъ быть 100-й стихъ 16-ой сурь Корана, гдѣ пророку велѣно «искать убѣжища отъ лукаваго близъ Бога», 204-й ст. 7-ой сурь, 116-й ст. 11-ой, 80-й, 81-й и 90-й стихи 17-ой, гдѣ говорится о ночномъ бдѣніи. Стихотвореніе—замѣчаетъ Черняевъ—«производитъ впечатлѣніе бѣглыхъ мыслей, мозжеей промелькнувшихъ въ умѣ Магомета въ минуты тяжкаго душевнаго разлада и сразу возвратившихъ ему покой и счастье. Быстрый и легкій размѣръ пьесы вполне подходитъ къ ея содержанію». Одна изъ «здравыхъ мыслей» Корана, записанныхъ въ «Альбомѣ Олѣгина», гласитъ: «Молись, бѣги путей лукавыхъ»...

Весьма возможно, что въ связи съ седьмымъ «Подражаніемъ» стоитъ черновой набросокъ: «Въ пещерѣ тайной въ день гоненья...» (см. ниже № 414, находящейся въ 2370-й тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 68 об. Первые четыре стиха его появились впервые въ анненковскихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», 1855 г., стр. 348, а остальные—въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., июль, 33. По мнѣнію П. А. Ефремова, напечатаннаго первое четверостишіе (сочин. П., изд. 1882 г., I, 540—541), оно «могло быть набросано при Подражаніяхъ Корану». Впоследствии Ефремовъ писалъ, наоборотъ, что «набросокъ къ Подражаніямъ Корану, отношенія не имѣетъ» (Сочин. П., изд. Суворина, VIII, 211). П. О. Морозовъ въ первомъ своемъ изданіи (лит. фонда, I, 335) напечаталъ его отдѣльно отъ «Подражаній Корану», а во второмъ («Просвѣщеніе», I, 674—675)—въ примѣчаніяхъ къ нимъ. О первыхъ четырехъ стихахъ Н. Черняевъ говоритъ въ своемъ изслѣдованіи о «Пророкѣ» и «Подражаніяхъ Корану» (стр. 61): «это четверостишіе, прекрасное само по себѣ, блѣдно и слабо (?) въ сравненіи съ любой строфой изъ девяти «Подражаній Корану». Очевидно, что и поэтъ остался имъ недоволенъ: онъ забылъ о немъ и не дописалъ начатаго и задуманнаго стихотворенія. Очень можетъ быть, что седьмое «Подражаніе» явилось вмѣсто него, ибо и въ этомъ «Подражаніи» говорится объ утѣшеніи, которое даетъ мусульманамъ Коранъ, какъ надежнѣйшій талисманъ противъ унынія и грѣховныхъ влеченій». Это сближеніе представляется намъ натянутымъ. Какъ указано сейчасъ, VII-е «Подражаніе» возникло изъ различныхъ мѣстъ «Корана»; изъ другого мѣста, пересказываемаго Черняевымъ (стр. 72), Пушкинъ могъ взять появленіе ангела. Кolorитъ наброска и вѣщныя образы, конечно, навѣяны Кораномъ, но трудно все-таки съ полной увѣренностью отнести эти стихи къ «Подражаніямъ Корану». Читатель

«сладостнаго Корана»,—можетъ быть, и не Магометъ, а самъ поэтъ, да и Коранъ можно истолковывать въ данномъ случаѣ какъ аллегорію (см. ниже, наши примѣчанія къ № 492). Въ виду отсутствія строго-фактическихъ данныхъ этотъ вопросъ едва ли разрѣшимъ. Время написанія наброска также не поддается точному опредѣленію. По положенію его среди другихъ черновиковъ его можно датировать концомъ 1824 г. или 1825 годомъ.

VIII.

Въ черновикѣ восьмое «Подражаніе» озаглавлено: «Милостыня». Такое названіе носитъ 107-ая сура, посвященная этому предмету. «Щедрость при милостынѣ»,—объясняетъ Поливановъ,—предписывается 269-мъ стихомъ 2-ой суры, гдѣ сказано: «Вѣрующіе! творите милостыню изъ благъ, которыя вы приобрѣли... не выбирайте для подачи того, что пѣсете самаго худшаго». Въ той же сурѣ (ст. 275) упоминается о наградѣ отъ Бога за милостыню: «Вы получите возмездіе изъ рукъ Вѣчнаго; вы найдете убожище отъ страха и мученій». Самый образъ возмездія въ видѣ плодовъ посѣянаго зерна находимъ въ ст. 263 той же суры: «Тѣ, которые употребляютъ свои богатства на защиту святого дѣла, подобны зерну, производящему семь колосѣвъ, изъ коихъ каждый приносилъ сто зеренъ». Скупость сжимающаго завистливую длань при милостынѣ—также образъ Корана. Въ стихѣ 68-мъ суры 9-ой читаемъ: «Руки ихъ (нечестивыхъ) сжаты для милостыни». Изъ Корана же заимствовано сравненіе дающаго милостыню скупю съ пылью, смываемою съ камня. Въ с. II ст. 266 Корана подобное же сравненіе употреблено о творцѣ милостыни изъ тисля: «Такой подобенъ скалѣ, покрытой пылью. Пройдетъ обильный дождь и оставитъ только жесткіи камни».

«Какія цѣнныя черты цѣломудреннаго и гордаго великодушія!»—говоритъ Мережковский (ор. с., 57).—«Христіанское милосердіе недаромъ включено въ героическую мудрость пророка. Для него милосердіе—щедрость безмѣрно богатыхъ сердецъ»... И. Черняевъ обратилъ вниманіе на структуру и языкъ стихотворенія: «оно состоитъ изъ двухъ перекрѣпленныхъ между собою строфъ, изъ которыхъ каждая, однако, представляется какъ бы замкнутое въ себѣ дѣло, написанное властнымъ, образнымъ и величавымъ языкомъ, вполне подходящимъ къ торжественному, приподнятому тону стихотворенія».

IX.

«Не вспоминается ли вамъ тотъ путешественникъ, который, проходя подлѣ города, погребеннаго подъ развалинами, сказалъ: Какъ Богъ оживитъ жителей этого разрушеннаго города? Богъ повелѣлъ ему умереть, и онъ оставался въ этомъ положеніи сто лѣтъ; потомъ Онъ воскресилъ его и спросилъ: Сколько времени пребывалъ ты здѣсь?—День или нѣсколько часовъ, отвѣчалъ путешественникъ.—Посмотри на пищу и питье свое, прибавилъ Богъ, они еще въ цѣлости. Взгляни на осла твоего. Мы произвели это чудо, дабы примѣръ твой наставлялъ людей. Посмотри, какъ Мы соберемъ и покроемъ тѣломъ кости осла твоего. При видѣ чуда путешественникъ воскликнулъ: Теперь я знаю—могущество

Бога безконечно». Такова легенда, передаваемая въ 261-мъ стихѣ 2-ой суры Корана. А. Поливановъ пересказываетъ сопровождающіи ее комментаріи. «Верхомъ на ослѣ, съ корзиною фигъ и сосудомъ вина въ рукахъ, проѣзжалъ путникъ близъ развалинъ Іерусалима, разрушеннаго халдеями. Нечестиво усомнившись во всемогуществѣ Бога, онъ былъ за то наказанъ смертію. Черезъ сто лѣтъ Богъ воскресилъ его и указалъ ему его пищу и питье, сохранившіяся отъ дѣйствія времени. Затѣмъ онъ указалъ ему на кости его осла, бывшія на землѣ. По голосу Всемогущаго онъ покрылся тѣломъ и соединился, и животное, возвращенное къ жизни, начало рѣвѣть». И. Черняевъ указываетъ также на сказаніе о семи юношахъ, прославившихъ по Божіей волѣ 309 лѣтъ въ пещерѣ, находящейся въ другой сурѣ Корана, гдѣ встрѣчается употребленіе Пушкинымъ выраженіе: «Владыка небесъ и земли», повторяющееся, впрочемъ, и въ другихъ мѣстахъ Корана.

Еще А. Милославскій въ «Очеркѣ исторіи русской поэзіи» (изд. 3-е, 1864 г., стр. 223), обратилъ вниманіе на высокую поэтическую цѣнность девятаго «Подражанія» и указалъ его сходство съ «Тремя пальмами» Лермонтова. Н. О. Сумцовъ («Изсѣдованія о поэзіи А. С. Пушкина» — «Харьковск. универс. сборн. въ память П.—на», стр. 162—174) внимательно прослѣдилъ какъ это сходство, такъ и исторію блуждающей легенды о чудесномъ многолѣтнемъ снѣ, составляющей фабулу пьесы. «Сравненіе стихотворенія Пушкина съ приведеннымъ мѣстомъ Корана указываетъ на истинно-гениальную постройку изъ бѣднаго матеріала. Въ Коранѣ проведена только идея о всемогуществѣ Бога. У Пушкина это всемогущество лишь подразумевается, и на первый планъ выдвинута идея о благодати и любви. Путникъ не умираетъ, какъ въ Коранѣ, а засыпаетъ, что гораздо болѣе отвѣчаетъ художественному чувству... Въмѣсто ста лѣтъ въ текстѣ Корана—у Пушкина «многіе годы», что даетъ просторъ для воображенія читателя, не заключаая его въ опредѣленныя хронологическія рамки. Фабула стихотворенія построена не на сомнѣніи путника во всемогущество Божіе, сомнѣніи, ничѣмъ не мотивированномъ въ Коранѣ, гдѣ оно является какимъ-то нелѣпымъ капризомъ праздной фантазіи путника, а на ронотѣ на Бога, вълѣдствіе удручающей путника въ пустынѣ жажды... Далѣе, у Пушкина цѣтъ и помину о пищѣ и питѣ до и послѣ замиранія или сна путника. Эта деталь не имѣла значенія для Пушкина по своей мелочности... Гениальная прозорливость Пушкина необыкновенно ярко выразилась въ томъ, что онъ въ своемъ «Подражаніи» восстановилъ основной тонъ сказанія, которое «существовало до Корана». Оно вошло въ него вмѣстѣ со многими изъ «старыхъ басенъ».

399. ПРИЗНАНІЕ.

(т. II, стр. 257).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Появилась она вскорѣ послѣ смерти Пушкина въ «Библіотекѣ для чтенія» 1837 г., т. XXII, май, отд. 1, стр. 5—6, подъ заглавіемъ: «Признаніе. Къ Александрѣ Ивановичу О.—ой» и съ невѣрнымъ отнесеніемъ къ 1821 году. Въ собраніи сочиненій Пушкина пьеса

стала входить, начиная съ изданія Анненкова, т. II, стр. 359—360), который писалъ въ примѣчаніяхъ (ibid., 379—380), что «стихотвореніе относится къ 1824 г., нѣсколько стиховъ въ серединѣ выпущено, особенно потому, что они не вяжутся ни съ предшествующими, ни съ послѣдующими стихами и, кажется, переданы журналомъ съ несправной рукописи». Въ дополнительномъ томѣ (VII, стр. 59) Анненковъ далъ эти два пропущенные стиха (слѣдующіе за словомъ «вдвоемъ», тоже вышланнымъ во II томѣ): «и путешествіе въ Опочку и фортепьяно вечеркомъ», причѣмъ замѣтилъ: «несмотря на добавленіе, взятое нами теперь сходно съ оригиналомъ пьесы, помѣщеннымъ въ «Библіотекѣ для чтенія», она все-таки представляетъ въ томъ мѣстѣ, куда слѣдуютъ стихи; неполный смыслъ и заставляетъ предполагать о какомъ-то выпускѣ, теперь несправимомъ».

Александра Ивановна Осипова принадлежала къ семейству тригорскихъ друзей Пушкина. Она была падчерица хозяйки Тригорскаго, П. А. Осиповой, дочь ея второго мужа П. С. Осипова отъ перваго его брака; въ 1833 г. она вышла замужъ за псковскаго полиціимейстера, подполковника П. Н. Беклешова; въ 1863 г. была учительницей музыки въ псковскомъ Маринскомъ училищѣ I-го разряда; умерла въ 1864 г. въ Петербургѣ. (О ней см. Анненкова «П. въ Александров. эпоху», 281; «Пушкинъ» Л. П. Майкова, стр. 182, 186—187; «Пушкинъ и его современники», вып. I, стр. 92, 95, 96, 98, 105, 111, 114, 143, 150; П. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», стр. 127, 144, 145). Шутливый тонъ посланія показываетъ, что тутъ не было и тѣни серьезнаго, хотя бы и недолгаго увлеченія; Александра Ивановна, повидимому, внушала поэту, восхищавшемуся ея первымъ дѣвственнымъ расцвѣтомъ, вѣчную дружбу, которая, если и сопровождалась другимъ чувствомъ, то самымъ слабымъ и мимолетнымъ. Быть можетъ, Александра Осипова—одна изъ двухъ Александръ, фигурирующихъ въ «донъ-жуанскомъ спискѣ» Пушкина (вторая—вѣроятно, Римская-Корсакова). Другой слѣдъ отношеній Пушкина къ ней—письмо, которое послалъ онъ къ еѣ одиночать дѣтъ спустя, въ сентябрѣ 1835 г., изъ Тригорскаго; попалъ въ близкія сердца мѣста, въ семью П. А. Осиповой, поэтъ вспомнилъ Александру Ивановну и свои стихи, написанные когда-то ей. «Мой ангелъ»,—два раза обращался онъ къ ней въ стихахъ; этимъ обращеніемъ начинается и письмо, веселымъ, шутливымъ тономъ напоминающее стихи 1824 года: «у меня для васъ три короба признаній, объясненій и всякой всячины. Можно будетъ на досугѣ и влюбиться». Далѣе Пушкинъ вспоминалъ «прежнее время, и путешествія въ Опочку, и прочее». Замѣтилъ, что въ подлинникѣ Пушкинъ написалъ: «И путешествія въ Опочку», словно приводя стихъ своего посланія (см. пашу замѣтку объ этомъ письмѣ въ «Русс. Арх.» 1899 г., III, 172—173). Вѣрное, и тоже шутливое, упоминаніе объ А. П. Осиповой находится въ одномъ письмѣ Пушкина къ А. Н. Вульфу (16 октября 1829 г.).

Попытку связать съ именемъ А. П. Осиповой безосновательно приписываемые Пушкину стихи: «Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки»... (см. Сочин. Пушкина, ред. Морозова, изд. литерат. фонда, I, 329, и «Провѣщенія», I, 377, 681—682; стат. Г. С. Чирикова въ сборникѣ «Бумаги А. С. Пушкина», I, М., 1881, стр. 105) нельзя признать

удачной. Г. С. Чириковъ сообщилъ, со словъ М. Д. Деларю («Бумаги А. С. Пушкина», I, с.), слѣдующіе три стиха, будто бы пропущенные въ посланіи:

Тяжелъ, тяжелъ мой крестъ, Творецъ!
Но я несущего, смирясь:
Вѣдь сердце любить, неспросясь...

Эти три слѣдующіе подъ рядъ другъ за другомъ стиха съ мужскимъ удареніемъ, не перемежающіеся ни одной женскою рѣмой, никакъ не могутъ быть включены въ посланіе; да и трудно вѣрить такому источнику, какъ статья Чирикова, приписавшаго Пушкину немало чужихъ и плохихъ стиховъ. Б. В. Никольскій («Академическій Пушкинъ»—«Историч. Вѣстн.» 1899 г., июль, 207, замѣтилъ, что два послѣдніе стиха посланія звучатъ отголоскомъ двухъ строкъ 1-й элегии IV-ой книги элегии Парин:

Qu' il est facile d'abuser
L'amant qui s'abuse lui-même!

Бѣлинскій процитировалъ «Признаніе» дѣлкомъ въ одной изъ рецензій на посмертное изданіе сочиненій Пушкина («Отечеств. Записки» 1841 г., т. XVII, № 8), а въ своемъ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи два раза указалъ на эту пьесу какъ на одну изъ лучшихъ въ лирикѣ Пушкина.

400. НОЧНОЙ ЗЕФИРЪ СТРУИТЪ ЭФИРЪ...

(т. II, стр. 257).

Черпикъ этой пьесы, съ датой «13 ноябрѣ», находится въ собраніи пушкинскихъ автографовъ, принадлежащемъ П. Я. Дашкову (см. наши «Труды и дни Пушкина», изд. 2-ое, стр. 107). Появилась она впервые въ альманахѣ В. В. Измайлова, «Литературномъ Музеумѣ» на 1827 г., съ музыкой А. Н. Верстовскаго; ошибки въ текстѣ вынудили Пушкина перепечатать ее въ «Московск. Вѣстникѣ» 1827 г., т. II, № 8, стр. 312, съ примѣчаніемъ: «Романсъ сей напечатанъ былъ въ Литературномъ Музеумѣ съ ошибками, а здѣсь помѣщается съ поправками». Затѣмъ Пушкинъ включилъ романсъ въ свой сборникъ стиховъ 1829 г., стр. 200—201, гдѣ онъ напечатанъ безъ заглавія, даннаго только въ оглавленіи (стр. 223) и потому помѣщенною въ настоящемъ изданіи въ видѣ подзаголовка. Л. П. Политановъ (см. его изданіе сочиненій П-на, т. I, изд. 3-е, Спб., 1905, стр. 152—153) вѣрно отнесъ его къ одесскому періоду жизни поэта.

Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды»—Сочиненія Б., изд. С. А. Венгерова, VI, 66—67) привелъ это стихотвореніе какъ примѣръ «такихъ лирическихъ произведеній, въ которыхъ почти уничтожаются границы, раздѣляющія поэзію отъ музыки... Подъ разрядъ этихъ музыкальных стихотвореній подходитъ извѣстный романсъ Пушкина—Ночной зефиръ... Что это такое?—волшебная картина, фантастическое видѣніе, или музыкальный аккордъ, раздавшійся съ вышины и пролетѣвшій надъ утомленной нѣгою головою обольстительной испанки?.. Звуки серенады, раздавшіеся въ таинственномъ, прозрачномъ мракѣ роскошной, сладострастной ночи юга, звуки серенады, полной томленія и страсти, ко-

торую дѣлливо слушаетъ прекрасная Испанка, небрежно опершись на балконъ и жадно впитавъ въ себя ароматическій воздухъ упоительной ночи?.. Въ гармонической музыкѣ этихъ дивныхъ стиховъ не слышно ли, какъ переливается эопръ, струнный движеніемъ вѣтерка, какъ плещутъ серебряныя волны бѣгущаго Гвадалквивира?.. Что это: поэзія, живопись, музыка? Или то, и другое, и третье, слившіяся въ одно, гдѣ картина говоритъ звуками, звуки образуютъ картину, а слова блещутъ красками, выются образами, звучатъ гармоніей и выражаютъ разумную рѣчь?.. Что такое первый куплетъ, повторяющійся въ серединѣ пѣсней и потомъ замыкающій ее? Не есть ли это ружада—голосъ безъ словъ, который слышѣе всякихъ словъ?.. Въ своемъ обзорѣ всего пушкинскаго творчества Бѣлинскій отнесъ романсъ къ числу «чисто-пушкинскихъ» стихотвореній, въ которыхъ «виденъ уже зрѣлый талантъ, и Пушкинъ является истиннымъ художникомъ, творцомъ новой поэзіи на Русѣ».

Восторгъ Бѣлинскаго чрезмѣренъ и объясняется не столько достоинствомъ пѣсней, сколько темпераментомъ самого «неистоваго Виссаріона». По дѣйствительно пѣса очень музыкальна и недаромъ вызвала дѣлвй рядъ музыкальных пѣтер претачій; С. К. Буличъ («Пушкинъ и русская музыка» — «Памяти П-на, сборникъ С.-Петербурга. Университета», Спб., 1900, стр. 78—79) насчитываетъ ихъ тринадцать.

А. П. Незеленовъ («А. С. П-въ въ его поэзіи», Спб., 1882, стр. 154), а за нимъ Л. П. Поливановъ (I. c.) склопы, безъ серьезныхъ основаній, видѣтъ въ романсѣ плодъ занятій Пушкина испанскимъ языкомъ. «Въ немъ видна уже, — восторгается Незеленовъ, — та изумительная художественность, доступная одному Пушкину, которая сказала въ послѣдствіи въ его драматическихъ произведеніяхъ, содержаніе которыхъ онъ бралъ изъ иностранной жизни, перевоплощаясь въ эту жизнь и оставаясь въ то же время русскимъ человѣкомъ и самимъ собою». Между тѣмъ, если можно говорить о песомѣнпвой музыкальной выразительности пѣсней, то со стороны содержанія она совершенно ничтожна. Подобными же легкими красками рисовалъ Пушкинъ и въ послѣдствіи («Къ вельможѣ», 1829 г.) Испанію—этотъ «благословенный край, пѣлпительный предѣлъ», гдѣ «жены вечеромъ выходятъ на балконы...», умбють съ любовью набожность умѣльно сочетать, пзъ-подъ мантильи знакъ условный подавать... въ двадцать дѣтъ любовникъ подѣ окномъ трепещетъ и кинитъ, окутанный плащомъ... «Испанскій романсъ» Бѣлинскій (Сочин., изд. Венгерова, VI, 275) считалъ одною изъ двухъ не указанныхъ Пушкинымъ пѣсней, которыя въ «Каменномъ Гостѣ» поетъ Лаура. «Для пополненія этого пробѣла,—говоритъ П. В. Анпенковъ, (см. его изданіе сочин. П-на, IV, 461),—если уже допустить какое-либо пополненіе, чего мы не признаемъ, съ своей стороны, пужнымъ, можно было бы указать на Испанскій романсъ Пушкина 1824 года». Скорѣе можно допустить предположеніе, что для Лауры Пушкинъ назначалъ другіе «испанскіе» романсы—«Я здѣсь, Инезилья»... и «Предъ испанкой благородной»..., 1830 г.—Напоминающее Пушкинскій романсъ «испанское» стихотвореніе, съ Гвадалквивромъ, эопромъ и зефиромъ, есть у Фета—«На водахъ Гвадалквивира»...

401. ПРОСТИ, УКРАИНСКІЙ МУДРЕЦЪ...

(т. II, стр. 238).

Впервые напечатала эти стихи А. П. Керпъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ», помѣщенныхъ въ «Библіотекѣ для чтенія» 1859 г., т. 154, стр. 115, гдѣ процитировала ихъ на память, вслѣдствіе чего въ текстѣ явились нѣкоторыя неточности; быть, между прочимъ, всѣмъ отброшенъ первый стихъ, и шестистишіе обратилось въ пятистишіе, по, вообще, отступленія отъ подлинника были не таковы, чтобы невѣрность текста могла быть замѣтной. Въ этомъ влѣдѣ стихотвореніе стало входить въ собранія сочиненій Пушкина начиная съ изданія 1880 г. (т. II, стр. 18), съ ошибочнымъ отнесеніемъ къ маю 1825 г., основанномъ на неправильномъ толкованіи одного мѣста въ запискахъ Керпъ. Въ 1897 г. Н. Черняевъ напечаталъ въ «Русск. Обзорѣнп» (февр., 524—525) самое письмо Пушкина къ Родзянкѣ, до тѣхъ поръ неизвѣстное; подлинникъ его хранится въ рукописномъ отдѣленіи бібліотеки харьковскаго университета. Письмо это датировано 8 декабря (1824 г.).

Съ Арк. Гавр. Родзянкой Пушкинъ былъ знакомъ еще въ Петербургѣ, до своего вынужденнаго отъѣзда на югъ. Къ этому времени относится разсказъ Родзянки, какъ Пушкинъ однажды въ театрѣ показывалъ сосѣдямъ портретъ Лувеля, убійцы наслѣдника французскаго престола герцога Беррійскаго, съ надписью: «урокъ царямъ» («Русск. Историч. Сборн.», II, 104; «Русск. Арх.», 1866 г., ст. 1097; «Русск. Стар.», 1890 г., ноябрь, 504—505). Вскорѣ, когда Пушкинъ былъ на югѣ, Родзянко отличился стихотворнымъ пасквиломъ на него, о которомъ Пушкинъ писалъ (А. А. Бестужеву, 13 іюня 1823 г.): «допосъ на' челоуѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократической любви». 25 августа 1823 г. онъ писалъ изъ Одессы брату: «будетъ Родзянка предатель, жду его съ петербургіемъ». Благодушный Пушкинъ простилъ Родзянкѣ его грѣхъ и въ письмѣ, которое заключается стихами: «Прости, украинскій мудрецъ»..., лишь вскользь, намекомъ, упрекнулъ его: «пиши сатиры хоть на меня» (объ этой сатирѣ см. мои замѣтки «Пушкинъ и Родзянко» въ «Русск. Арх.», 1900 г., III, 145—148; «Русск. Стар.», 1909 г., апрѣль, 206—207; во II т. пастоящ: изд. примѣч. къ № 274). Съ именемъ Родзянки связанъ разсказъ Н. Б. Потокскаго, что въ 1824 г., по дорогѣ изъ Одессы въ Михайловское, проѣзжая мимо малороссійской деревни Родзянки, Пушкинъ заѣхалъ къ нему; поэтъ былъ будто бы одѣтъ въ «красный молдаванскій плащъ, такого же цвѣта широчайшіе шаровары, на ногахъ желтые туфли, а на головѣ турецкая феска съ длиною кистью, длинные волосы касались плечъ, въ рукѣ же держалъ длинную палку съ крючкомъ на концѣ, подобную тѣмъ, какія посятъ стѣнные пастухи!» («Русск. Стар.», 1880 г., іюль, 575). А. П. Керпъ разсказываетъ (см. сборн. Л. Н. Майкова «Пушкинъ», стр. 238), что Родзянко «пмѣлъ счастье принимать его у себя въ деревнѣ, Полтавской губерніи, Хорольскаго уѣзда. Пушкинъ, возвращаясь съ Кавказа, прискакалъ къ нему съ ближайшей станціи верхомъ, безъ сѣдла, на почтовой лошади, въ холутѣ... Сопоставляя оба разсказа, можно извлечь изъ нихъ крупицу правды. Ни въ 1820 г., ни въ 1829-мъ, возвращаясь съ Кавказа, Пушкинъ не могъ про-

ѣхать черезъ полтавскую деревню. Въ первый разъ онъ отправился изъ Крыма въ Кишиневъ и въ Полтавскую губернію понасть не могъ; во второй разъ, выѣхавъ 8 сентября съ кавказскихъ водъ, онъ 21 сентября, или даже ранѣе, былъ въ Москвѣ (см. мои «Труды и дни Пушкина», изд. 2-ое, стр. 58—59, 196). Правдивый, несмотря на ошибку, рассказъ Кернъ подтверждаетъ показаніе Потокскаго; въ началѣ августа 1824 г. Пушкинъ навѣстилъ Родзянко въ его деревнѣ, конечно, по дорогѣ изъ Одессы, проѣзжая черезъ Малороссію; несомненно, неожиданное появленіе Пушкина немало удивило хозяина, а разнесшаяся молва (если не самъ Потокскій) нарядила поэта въ костюмъ опереточнаго турка. Связующимъ звеномъ между ними вскорѣ явилась А. П. Кернъ, сосѣдка и пріятельница Родзянки; она переписывалась съ тригорской сосѣдкой Пушкина А. Н. Вульфъ, а съ поэтомъ познакомилась еще въ 1819 г. въ Петербургѣ. Черезъ нее и А. Н. Вульфъ Родзянко послалъ Пушкину поклонъ; на него поэтъ отвѣтилъ ему веселымъ и не совсемъ скромнымъ письмомъ, которое закончилъ стихами. Въ нихъ слышится, вѣроятно, впечатлѣніе недавняго свиданія пріятелей въ украинской деревнѣ, гдѣ веселый «наѣвѣстникъ Феба изъ Пріапа» чувствовалъ себя подл соломениой шпальной покойнице, чѣмъ наѣвѣстникъ Петра подл апостольской тѣрой. Письмо съ адресомъ: «Поэту Родзянкѣ» было переслано черезъ А. Н. Вульфъ Аниѣ Петровнѣ Кернъ, которая передала его адресату. Вѣроятно, на это письмо Родзянко отвѣтилъ Пушкину 10 мая 1825 г.; Кернъ снабдила письмо своими приписками («Къ біографіи А. С. П.—на», вып. II, М., 1885, стр. 125—126. См. дальше ст. Б. Л. Модзалевскаго). Судя по содержанію, стихи Пушкина «Ты обѣщаешь о романтизмѣ»... (см. ниже, № 445) служатъ отвѣтомъ на это письмо Кернъ и Родзянки. По словамъ Кернъ ихъ посланіе кончалось словами: «Прощайте, будьте въ дуракахъ!», но, видно, здѣсь память измѣнила ей: этого стиха въ ихъ письмѣ нѣтъ. Въ стихахъ, которыми заканчивалось это письмо, Родзянко называлъ Пушкина—«моя и расточитель даровъ поэзіи святой»... Здѣсь слѣдъ ихъ дальнѣйшихъ отношеній терлется. Извѣстны стихи Родзянки на смерть Пушкина («Харьк. университ. сборн. въ память П.—на», стр. 329; «Русск. Обзоръ» 1897 г., № 5; «Русск. Арх.» 1900 г., III, 148), гдѣ онъ говоритъ о поэтѣ: «любимецъ нашъ, отрада, другъ, честь, украшеніе полуночи,—его напѣвовъ жаждалъ слухъ, его лица искали очи!»...

А. Г. Родзянко (род. въ 1793 г., ум. около 1850 г.), отпрыскъ стариннаго малороссійскаго рода, служилъ въ молодости въ военной службѣ, въ 1818—1820 гг. познакомился съ Пушкинымъ, въ 1821 г. вышелъ въ отставку капитаномъ, писалъ стихи, печатался въ журналахъ и альманахахъ, но значительная часть произведеній «Широна Украйны», воспѣвавшего «сократическую любовь» и тому подобныя сюжеты, не могла попасть въ печать. Къ его дарованію Пушкинъ относился съ чрезмѣрной снисходительностью; лишь одинъ разъ (пис. къ Бестужеву, 8 февраля 1824 г.) Пушкинъ указалъ въ его стихахъ «прихвѣръ безсмыслицы». Родзянко былъ, по словамъ Кернъ, состоявшей съ нимъ, впрочемъ, въ очень близкихъ отношеніяхъ, «умный, любезный и весьма симпатичный человекъ». О немъ, кромѣ указанныхъ источниковъ, см. Н. П. Черняевъ, «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», Хар., 1900,

стр. 65—80; Н. О. Сумцовъ, «А. С. П.—нъ и А. Г. Родзянко» (Харьк. унив. сборн. въ память П.—на», 327—330); П. Бороздна, «Поэтическіе очерки Украины, Одессы и Крыма», М., 1837, стр. 67, 69.

402. СКАЗАЛИ РАЗЪ ЦАРЮ...

(т. II, стр. 258).

Три автографа этой пьесы находятся въ 2370-ой тетради московскаго Румяновскаго музея, л. 2 об., 57, 85. Первый, черновикъ, даетъ нѣсколько начальныхъ стиховъ; второй—продолженіе, въ довольно неотдѣланномъ еще видѣ, и тутъ же весь текстъ, уже нѣсколько исправленный; болѣе исправленную редакцію даетъ третій автографъ. Пьеса появилась впервые въ изданныхъ Н. В. Гербелемъ (Русскимъ) «Стихотвореніяхъ А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берлинъ, 1861 г., стр. 21, съ примѣчаніемъ на 228-ой страницѣ: «Написано по слѣдующему случаю: однажды за обѣдомъ во дворцѣ, когда зашла рѣчь о смерти Ріего, графъ М. С. Воронцовъ (впослѣдствіи князь и наѣвѣстникъ кавказскій) сказалъ: «Тѣмъ лучше: однимъ мерзавцемъ меньше!» Затѣмъ, по сообщенію Гербеля, эпиграмма была напечатана въ «Модномъ Магази́нѣ» (изд. С. Мей) 1863 г., № 2, стр. 17, и въ собраніи сочиненій Пушкина стала входить начиная съ изданія 1870 г. (I, 547—548). О принятой въ настоящемъ изданіи редакціи пьесы см. въ общей статьѣ о текстѣ. Судя по тому, что Ріего былъ казненъ въ ноябрѣ 1823 г., и по положенію черновиковъ пьесы, она должна быть отнесена къ 1824 г.

Декабристъ Н. В. Басаргинъ въ своихъ запискахъ (Девятнадцатый вѣкъ», изд. П. П. Бартепьева, I, М., 1872, стр. 82—83) передаетъ о слѣдующемъ эпизодѣ, происшедшемъ въ октябрѣ 1823 г. въ Тульчинѣ, гдѣ императоръ Александръ I дѣлалъ смотръ войскамъ: «онъ, получивъ передъ самымъ выходомъ къ столу съ фельдгереромъ письмо отъ Шатобріана, бывшаго тогда французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, сказалъ сидѣвшимъ около него генераламъ: Messieurs, je vous félicite: Riego est fait prisonnier. Всѣ отвѣчали молчаніемъ и потупили глаза, одинъ только N. N. воскликнулъ: Quelle heureuse nouvelle, Sir! Эта выходка такъ была неумѣстна и такъ не согласовалась съ прежней его репутаціей, что отвѣтомъ этимъ онъ много потерялъ тогда въ общемъ мнѣніи. И въ самомъ дѣлѣ, зная, какаѣ участь ожидала бѣднаго Riego, жестоко было радоваться этому извѣстію». До Пушкина вѣсть объ этой выходкѣ дошла, повидимому, позднѣе, когда Ріего былъ уже казненъ, въ другой передачѣ. Имя N. N. скрыто въ «XIX вѣкѣ», но что указаніе Гербеля на Воронцова справедливо, и что Пушкинъ именно противъ него направилъ свою эпиграмму, видно изъ одного варианта, гдѣ «усердный льстецъ» названъ—«полуподлецъ», а этимъ прозвищемъ Пушкинъ заклеймилъ Воронцова (см. выше, № 382). По поводу взятія ли въ плѣнъ, или казни Ріего были сказаны Воронцовымъ эти знаменитыя слова, это нисколько не ослабляетъ вѣдную силу жестокой, но заслуженной эпиграммы.

Рафаэль Ріего-и-Нуньесъ былъ испанскій революціонеръ, ставшій въ 1820 г. во главѣ кадикскаго возстанія, вызваннаго реакціонной политикой нарушившаго конституцію короля Фердинанда VII. Возстаніе Ріего дало толчокъ дѣ-

лому ряду революціонныхъ движеній—въ Лиссабонѣ, Сициліи, Неаполѣ, Церковной области Пьемонтѣ и на Балканскомъ полуостровѣ. Обезпокоенный этимъ «священный союзъ» взялся за подавленіе революціи во всей Европѣ, и между прочимъ въ Испаніи, гдѣ жертвою контръ-революціи Фердинанда VII-го палъ Ріего.

Имя испанскаго героя было очень популярно въ передовомъ русскомъ обществѣ двадцатыхъ годовъ. Рыбѣевъ съ горечью писалъ («Гражданинъ») о русскихъ юношахъ, которые,

не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека...
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятяхъ празднои ибги
И, въ бурномъ мятежѣ лица свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріеги.

О Ріего вспоминалъ, сидѣвъ въ Петровпавловской крѣпости, П. Г. Каховскій въ горячемъ письмѣ къ императору Николаю Павловичу: «Мужественный, твердый народъ Испаніи, отстаивавшій кровью своей независимость и свободу отечества, спасъ королю и тронъ, и честь, имъ потерянную; всѣмъ самому себѣ обязанный, принявъ на престолъ свой Фердинанда. Король присягнулъ хранить права народныя. Императоръ Александръ I-й еще въ 1812 году призналъ конституцію Испаніи; впоследствии она была утверждена всѣми монархами Европы. Фердинандъ скоро забылъ благодѣянія народныя, нарушилъ клятву, нарушилъ права гражданъ, своихъ благодѣтелей. Возсталъ народъ на клятвенпреступника; и Священный союзъ забылъ, что Испанія первая стала противъ насилій Наполеона, и императоръ Александръ презрѣлъ признанное имъ правленіе, сказалъ, что въ 1812 году обстоятельства требовали, чтобы онъ призналъ конституцію Испаніи. И союзъ содѣйствовалъ, что войска Франціи обезславили себя вторженіемъ въ Испанію. Арестованный Фердинандъ въ Кадиксѣ былъ приговоренъ къ смерти. Онъ призываетъ Ріего, клянется вновь быть вѣрнымъ конституціи, высылать войска Франціи изъ предѣловъ отечества и проситъ о сохраненіи себѣ жизни. Честные люди бываютъ довѣрчивы. Ріего ручается кортесамъ за короля; его освобождаютъ. И что же? Какой первый шагъ Фердинанда? Ріего приказаніемъ его схваченъ, арестованъ, отравленъ и полумертвый, святой мученикъ, герой, отрекшійся отъ престола, ему предлагаемаго, другъ народа, спаситель жизни короля, по его приказанію, на позорной телегѣ, осломъ запряженной, везенъ былъ черезъ Мадридъ и повѣшенъ, какъ преступникъ! Какой поступокъ Фердинанда! Чье сердце отъ него не содрогнется?» («Былое» 1906 г., январь, 143).

Въ эпиграммѣ Пушкина на Воронцова чувствуется именно это «содраганіе сердца», волнующагося не политическимъ протестомъ (поэтъ даже соглашается, что «Ріего былъ предъ Фердинандомъ грѣшенъ»), а нравственнымъ негодованіемъ. Напоминающую послѣдніе стихи эпиграммы сентенцію: «въ подлостяхъ нужно иѣкоторое благородство» находимъ въ письмѣ Пушкина къ Вяземскому 25 января 1823 г.

См. во II томѣ настоящаго изданія примѣчанія къ №№ 374 и 376. Объ отношеніяхъ Пушкина и Воронцова см. тамъ же статью «Пушкинъ въ Одессѣ» и примѣчанія къ №№ 371, 382, 411, 512.

403. ВОСПИТАННЫЙ ПОДЪ БАРАБАНОМЪ...

(т. II, стр. 258).

Впервые напечаталъ эту эпиграмму, по записи А. П. Вульфа, М. П. Семевскій («Къ біографіи Пушкина» — въ «Русск. Вѣстникѣ» 1869 г., т. 84, стр. 71). Входитъ въ собранія произведеній Пушкина она стала начиная съ изданія 1870 г. (т. I, стр. 340). Въ эпиграммѣ выразилось отношеніе передового русскаго общества начала двадцатыхъ годовъ къ не оправдавшему его надеждъ Александру I-му. По духу съ пушкинской эпиграммой можно сблизить горькія слова прямого и безстрашнаго декабриста П. Г. Каховскаго, который изъ Петровпавловской крѣпости писалъ царю Николаю Павловичу о его предшественникѣ: «Неужели, будучи верховнымъ правителемъ и судьей, полезнѣе было бывать каждый день у развода, чѣмъ когда-нибудь посѣтить главное правительствующее мѣсто и судилище народное?.. Обратитъ все вниманіе на устройство арміи и не заниматься устройствомъ государства я нахожу столь же губительнымъ для государя и отечества, какъ для человека частнаго, обратившаго все его вниманіе на одежду и наружность свою и не старающагося о образованіи внутреннихъ своихъ качествъ... Общее негодованіе громко говорило по всей Россіи: императоръ занимается лишь солдатами, играетъ ими, какъ игрушкой, не печется о благосостояніи нашемъ, тратитъ сотни милліоновъ на армію, бесполезнымъ содержаніемъ въ мирное время милліона войскъ изсушаетъ источники богатства народнаго. У насъ нѣтъ закона, нѣтъ денегъ, нѣтъ торговли,—что составлять для насъ штыки внутри государства? Они не прокормятъ насъ, мы чрезъ нихъ голодаемъ... Побѣдки на конгрессы какую принесли намъ прибыли? Развѣ только то, что деньги наши вывозятъ изъ отечества... Вотъ мнѣнія и общія жалобы, и сіе говорятъ истинно добрые граждане, а не заговорщики... Въ порывѣ негодованія Пушкинъ забылъ, что предъ заревомъ московскаго пожара «померкло солнце Австерліца», которымъ онъ попрекнулъ въ эпиграммѣ Александра (см. во II т. настоящаго изданія, № 277).

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Александру I см. въ I т. настоящаго изданія, примѣчанія къ № 108. Во извѣстномъ «Noël» Пушкинъ отказывался вѣрить конституціоннымъ «сказкамъ» Александра (см. *ibid.*, № 162). Вскорѣ послѣ смерти его онъ писалъ Жуковскому: «въ теченіи десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣлъ право сказать: гласъ лиры гласъ народа. Слѣдств. я не совсѣмъ былъ виноватъ, подвистывая ему до самаго гроба» (Переписка П-на, академич. изд., I, 319). Впоследствии Пушкинъ вспоминалъ о немъ, какъ о «самодержцѣ, умѣвшимъ уважать челоѣчество» («Александръ Радищевъ»), т.-е. отмѣчалъ его личную гуманность. «За всѣ ваши проказы вы жили въ тенѣмъ климатѣ», говорилъ онъ поэту въ извѣстномъ «Воображаемомъ разговорѣ». Прочитавъ «Деревню», онъ благодарилъ Пушкина за добрыя чувства, внушаемыя его стихами (см. въ I т. настоящаго изданія, примѣч. къ № 187). Дельвигу Пушкинъ писалъ въ февралѣ 1826 г., что «не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ». «Съ моимъ тезкой я не ладылъ», писалъ онъ какъ-то

женѣ (въ 1834 г.). Возражал Чаадаеву на «Философическое письмо», Пушкинъ напоминалъ ему объ Александрѣ, «который привелъ васъ къ Парижу». Въ «Мѣдномъ Всадникѣ» онъ подвезъ итогъ его царствованію: «покойный даръ Россіи со славою правды».

404. ОХОТНИКЪ ДО ЖУРНАЛЬНОЙ ДРАКИ... (т. II, стр. 258).

Автографъ этой эпиграммы находится въ 2367-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 28, гдѣ помѣченъ цифрой V (цифрой VI помѣчено слѣдующее за нимъ на той же страницѣ четверостишіе «Лихой товарищъ нашихъ дѣловъ»...—см. слѣдующее примѣчаніе), и, судя по положенію, относится къ 1824 году. Напечатана она была въ сборникахъ стихотвореній Пушкина—1826 г., стр. 100, и 1829 г., ч. II, стр. 154. Въ настоящемъ изданіи воспроизведена по этому послѣднему сборнику, при чемъ вкрасѣ опечатка въ четвертомъ стихѣ: должно быть не «слонюю бѣшеной собаки», а «слонюю». Въ музейной рукописи стихи 2—3 читаются: «Сей утомительный зонтъ разводитъ ладъ своихъ чернилъ». Въ изданіи Л. П. Полынова (т. I, изд. 3-е, стр. 69) эпиграмма невѣрно датирована 1817 г.

Въ «капнистовской» тетради («Автографы II—на, принадлежащіе графу П. П. Капнисту», сообщ. Л. Н. Майкова, Спб., 1896 г., стр. 5), л. 11, эпиграмма отмѣчена Пушкинымъ, какъ предназначенная къ включенію въ сборникъ 1826 г., подъ обозначеніемъ: «Другая. Непосредственно передъ нею слѣдуетъ «Написъ къ портрету» («Клеветникъ безъ дарованья»...), 1821 г., написанная на М. Т. Каченовскаго (см. во II ст. настоящаго изданія, примѣч. къ № 285). Очевидно, это слово «другая» значитъ: другая эпиграмма на то же лицо, т. е. на Каченовскаго. Объ отношеніяхъ Пушкина къ нему см. ниже, въ примѣчаніяхъ къ №№ 593—596.

405. ЛИХОЙ ТОВАРИЩЪ НАШИХЪ ДѢЛОВЪ... (т. II, стр. 258).

Въ 2367-ой тетради Румянцеваго музея, на той же первой страницѣ 28-го листа, вслѣдъ за эпиграммою «Охотникъ до журнальной драки»... слѣдуетъ это четверостишіе, обозначенное цифрой VI и впервые напечатанное въ «Русс. Стар.» 1884 г., июль, 343, В. Е. Якушкинымъ, принявшимъ его за эпиграмму; къ этому же роду отнесли его П. О. Морозовъ и П. А. Ефремовъ, хотя оно больше сбивается на шуточный диопрамбъ, чѣмъ на эпиграмму. Послѣдній стихъ напоминаетъ первое четверостишіе мадригала Е. С. Огаревой (I т. настоящаго изданія, № 154). О комъ говорится здѣсь, неизвѣстно; время созданія отрывка приблизительно опредѣляется его положеніемъ среди другихъ черновиковъ.

406. МНѢ ЖАЛЬ ВЕЛИКІЯ ЖЕНЫ... (т. II, стр. 258).

Десять стиховъ этой пьесы, начинающіеся словами:

Насильно Зубову мила,
Старуника дряхлая жила...

впервые появились въ герценовскомъ «Колоколѣ» 1859 г., № 23—24, стр. 200, и потомъ были перепечатаны въ изданныхъ Русскимъ (Н. В. Гербелемъ) «Стихотвореніяхъ А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берлинъ, 1861 г., стр. 52. Оригиналъ этого текста неизвѣстенъ, и онъ не былъ принятъ въ настоящ. изданіи въ виду сомнѣнія въ его авторитетности. Воспроизведено здѣсь стихотвореніе по исчерканному и очень трудно разбираемому черновому наброску, сохранившемуся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 19. Первый стихъ его былъ данъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., июль, 7, гдѣ вся пьеса не была приведена, и лишь было сказано: «содержаніе этого стихотворенія то же, что въ пзвѣстной эпиграммѣ «Насильно Зубову мила»...— послѣдняя эпиграмма представляетъ просто конецъ даннаго стихотворенія; въ началѣ упоминаются Орловъ, Державинъ, Потемкинъ, д'Аламберъ и пр.». Одинадцать стиховъ наброска были напечатаны въ изданіи Литературнаго фонда, 1887 г., I, 336. Въ болѣе исправномъ видѣ появилось оно въ послѣднихъ изданіяхъ П. А. Ефремова, т. I, 1903 г., стр. 559—560, и П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», I, 382. О принятіи здѣсь текстѣ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Къ 1824 г. пьеса отнесена по положенію ея въ черновой тетради.

Стихотвореніе поражаетъ необыкновенной игрою поэтическаго настроенія. Начавшись величественно, какъ ода, оно черезъ нѣсколько строкъ сбивается на эпиграмму. Отношеніе Пушкина къ Екатеринѣ не было равнымъ, но поэта всегда занимала эта крупная историческая фигура. Царское Село, въ которомъ протекли учебные годы Пушкина, дѣйствовало на воображеніе поэта: здѣсь все говорило о Екатеринѣ, возрождало ее въ торжественно-театральномъ освѣщеніи. Съ дѣтства Пушкинъ привыкъ поклоняться Екатеринѣ. Въ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ» (1814 г.) онъ писалъ:

Увы! промчался тѣ времена златія,
Когда подъ скипетромъ великія Жены
Вѣнчалась славою счастливая Россія,
Цвѣтъ подъ кровомъ тишины.
Здѣсь каждый шагъ въ душѣ раждаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
Возвръвъ вокругъ себя, со вздохомъ Россѣ
вѣщаетъ:
«Исчезло все, Великой нѣтъ!»

Съ этимъ безусловнымъ преклоненіемъ, съ этой романтической грустью мальчика-поэта о блестящемъ прошломъ еще не соединялась, конечно, критика личности Екатерины. Но скоро молодой поэтъ сталъ самостоятельно мыслить. Въ статьѣ 1821—1822 гг. о русской исторіи XVIII вѣка Пушкинъ уже судитъ Екатерину, и судитъ ее очень строго: «возведенная на престолъ заговоромъ нѣсколькихъ мятежниковъ, она обогатила ихъ на счетъ народа и унизила безпокойное наше дворянство. Если царствовать значитъ знать слаость души человѣческой и ею пользоваться, то въ семъ отношеніи Екатерина заслуживаетъ удивленіе потомства. Ея великолѣпіе ослабляло, привѣтливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбіе сей хитрой женщины утвер-

ждало ея владычество... Много было званныхъ и много избранныхъ, но въ длинномъ списокѣ ея любимцевъ, обреченныхъ презрѣнію потомства, имя страннаго Потемкина будетъ отмѣчено рукою исторіи... Униженная Швеція и уничтоженная Польша—вотъ великія права Екатерины на благодарность русскаго народа. Но современемъ исторія одѣлитъ вліяніе ея царствованія на нравы, откроетъ жестокою дѣятельность ея деспотизма подъ личиною кротости и терпимости... покажетъ важныя ошибки ея въ политической экономіи, ничтожность въ законодательствѣ, отвратительное фиглярство въ сношеніяхъ съ философами ея столѣтія, и тогда голосъ обольщеннаго Вольтера не избавитъ ея славной памяти отъ [нареканія] Россіи... Екатерина знала плутинъ и грабежи своихъ любимцевъ, но молчала... Отъ канцлера до послѣдняго протоколнста все криво и все было продажно... «Наказъ» ея читали вездѣ и на всѣхъ языкахъ... Но, перечитывая сей лицемерный «Наказъ», нельзя воздержаться отъ праведнаго негодованія. Простительно было Фернейскому философу превозносить добродѣтели Тартюфа въ юбкѣ и въ коронѣ: онъ не зналъ, онъ не могъ знать истины... но подлость русскихъ писателей для меня непонятна». Въ этихъ безпощадныхъ обвиненіяхъ вполнѣ сказался молодой радикализмъ двадцатыхъ годовъ, и, хотя эстетической натурѣ Пушкина было «жалъ великія жены» и ея феерическаго царствованія, окутаннаго дымомъ славныхъ войнъ и парнаскаго кадила, онъ, какъ типическій «либералистъ» александровскаго времени, отнесся къ личности Екатерины съ суровымъ осужденіемъ, и проницательные стихи его о ней могутъ быть поставлены эпиграфомъ къ полной гражданскаго негодованія исторической статьѣ. Въ послѣднихъ четырехъ стихахъ наброска Пушкинъ вѣрно охарактеризовалъ екатерининское царствованіе какъ эпоху самаго полнаго, роскошнаго дѣйствія русскаго абсолютизма, эпоху, которой уже не суждено повториться.

Личностью Екатерины Пушкинъ всегда интересовался; онъ записывалъ рассказы о ней ея современниковъ. Одинъ анекдотъ, прекрасно отражающій ея лукавое остроуміе, онъ даже напечаталъ въ «Литерат. Газетѣ» 1830 г. (№ 8, 5 февраля, стр. 66). Подъ вліяніемъ общей перемѣны въ политическихъ воззрѣніяхъ, онъ измѣнилъ вполнѣ свое отношеніе къ Екатеринѣ; отвѣчая въ 1836 г. Чаадаеву на его знаменитое «философическое письмо», онъ указалъ, какъ на одно изъ доказательствъ историческаго величія Россіи, на Екатерину, которая «помѣстила Россію на порогъ Европы». Но какъ ни колебался Пушкинъ въ своихъ взглядахъ на значеніе Екатерины, она неизмѣнно всегда оставалась въ его глазахъ «великою женою», выдающеюся исторической личностью. Его всегда избиали ея умъ, великодушіе, тонкость, вишній блескъ ея царствованія. Посѣтивъ въ 1829 г. давно покинутое Царское Село, Пушкинъ снова пережилъ прежнія впечатлѣнія, навѣваемые екатерининскими памятниками:

И славныхъ дѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены великою Женою,
Ея любимые сады
Стоять, населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининскихъ орловъ!...

407. НАПРАСНО АХНУЛА ЕВРОПА...

(т. II, стр. 259).

Автографъ эпиграммы находится въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 29 об., между черновиками окончанія «Цыганъ» и начала «Женѣхъ». Впервые она была напечатана въ герценовской «Полярной Звѣздѣ» 1859 г., кн. V, стр. 26, а въ собраніи сочиненій Пушкина стала включаться, начиная съ изданія 1880 г. (I, 502—503). Въ подлинникѣ пьеса не носитъ никакого заглавія.

Александръ Александровичъ Бестужевъ, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Марлинскаго (род. 23 октября 1797 г., ум. 7 іюня 1837 г.), декабристъ, издавалъ вмѣстѣ съ К. О. Рылѣвымъ въ 1823—1825 гг. альманахъ «Полярная Звѣзда»; Пушкинъ, переписывавшійся съ Бестужевымъ (ихъ переписка носитъ преимущественно литературный характеръ) и дѣйствительный его писательскій талантъ, участвовалъ въ «Полярной Звѣздѣ». О первой книжкѣ этого альманаха онъ писалъ брату (30 января 1823 г.): «эта книга достойна всякаго вниманія». О Бестужевѣ см. ст. С. А. Венгерова въ его «Критико-Биографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ», т. II, Спб., 1891, стр. 147—177; В. Я. Богучарскій, «Семейство Бестужевыхъ» («Пѣзъ прошлаго русскаго общества», Спб., 1904); Н. А. Котляревскій, «Декабристы А. Одоевскій и А. Бестужевъ. Ихъ жизнь и литературная дѣятельность», Спб., 1907.

Постигшее Петербургъ 7 ноября 1824 г. наводненіе, самое значительное изъ всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ, больно отозвалось въ сердцѣ Пушкина, и онъ писалъ брату (4 декабря) о разныхъ мѣрахъ противъ народнаго бѣдствія—«этотъ потопъ мнѣ съ ума нейдетъ»—и просилъ его «помочь какому-нибудь несчастному изъ опѣвшихъ денегъ», только «безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго». Но въ веселую минуту потѣя написавъ брату (въ ноябрѣ) остроумное письмо, въ которомъ забавно шутилъ по поводу наводненія. Въ такую же минуту онъ не упустилъ случая подтрунить и надъ Бестужевымъ съ его «ковчегомъ», подлымъ всякихъ представителей литературы—«и людей, и скотовъ». На грозномъ фонѣ этого наводненія ему представилъ въсплывшій роковой образъ «Мѣднаго Всадника». Съ наводненіемъ связанъ анекдотъ о Пушкинѣ, передаваемый княземъ П. А. Вяземскимъ (Сочин., VIII, «Старая записная книжка», стр. 331): «Пушкинъ спрашивалъ стараго товарища по лицю про обдаго пріятели, а также сверстника-лиденста, отличнаго мимика и художника по этой части: «А какъ онъ теперь лицедѣйствуетъ и что представляетъ?» — Петербургское наводненіе. — «И что же?» — Довольно похоже, — отвѣчалъ тотъ. Пушкинъ очень забавлялся этимъ «довольно похоже».

408. БЛЕСТИТЪ ЛУНА, НЕДВІЖНО МОРЕ
СНІТЬ...

(т. II, стр. 260).

Подъ названіемъ «Отрывокъ» П. В. Анненковъ впервые напечаталъ эти стихи въ VII, дополнительномъ, томѣ своего изданія (стр. 86—87). По мнѣнію Анненкова, «этотъ отрывокъ, вмѣстѣ съ другими, совершенно безсвязными, въ томъ же

родѣ, составляет первую пробу Бахчисарайского Фонтана» (см. II т. настоящего издания, стр. 617). Подлинникъ недавно оказался въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи автографовъ Пушкина, по словамъ «Описанія» которой («П—тъ и его современники», вып. IV, стр. 7) написанъ на бумагѣ съ клеймомъ 1822 г. и носитъ дату: «22 июля 1823». Какъ уже было указано въ примѣчаніяхъ къ «Бахчисарайскому Фонтану», предложение Анненкова, безъ всякихъ оговорокъ принятое всѣми послѣдующими изданіями, едва ли вѣроятно: противъ него говорить не только дата, о значеніи которой, впрочемъ, трудно судить лишь по законопическому академическому описанію (подлинникъ наброска недоступенъ), но и содержаніе стиховъ; можетъ быть, въ 1823 г. Пушкинъ хотѣлъ использовать черновой «запасъ», оставшійся послѣ обработки «Бахчисарайского Фонтана». Возможно, что указываемая академическимъ описаніемъ помѣта не означаетъ времени созданія наброска, но, во всякомъ случаѣ, твердыхъ основаній датировать его 1824 годомъ нѣтъ. Не находится ли онъ по замыслу въ связи съ наброскомъ «Пока супругъ тебя, красавицу младую...?» (см. ниже, № 421).

409. БЫВАЛО ВЪ СЛАДКОМЪ ОСЛѢПЛЕНЬИ...

(т. II, стр. 260).

Этотъ исчерканный, трудно разбираемый карандашный набросокъ находится въ 2366-ой тетради московскаго Румянцеваго музея (л. 40 об.). Два первыхъ стиха его были напечатаны В. Е. Якушкинымъ въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., май, 337. Въ настоящемъ изданіи напечатанъ полнѣе, чѣмъ въ другихъ изданіяхъ (см. исторію текста) Единствомъ настроенія и, насколько можно судить по этимъ немногимъ черновымъ строкамъ, содержанія онъ связанъ съ непосредственно слѣдующими за нимъ на другой страницѣ рукописи стихами («Русск. Стар.», I. с.).

Чего мечтатель мо[лодой]
Ты въ немъ...
Кого восторженной душой
Боготворить не устыдился...

Цитированные четыре стиха представляютъ собою почти дословное повтореніе середины наброска 1822 г. «Ужели онъ казался прежде мнѣ»... (см. во II т. настоящего издания, № 363). Разбираемый нами набросокъ отражаетъ то же настроеніе, что и отрывокъ 1822 года: «Встрѣчались мнѣ наперсники молвы»... (ibid., № 366). Всѣ эти наброски стоятъ въ несомнѣнной связи между собою, какъ вѣхи, обозначающія въ исторіи душевной жизни Пушкина на югѣ тотъ путь, которымъ пришелъ онъ къ побѣдѣ надъ своимъ «Демономъ» (см. ibid., примѣч. къ № 371). Твердыхъ основаній къ тому, чтобы относить набросокъ: «Бывало въ сладкомъ ослѣпленьи»... Къ 1824 г. нѣтъ. Если вспомнить то, что мы знаемъ о внутреннихъ волненіяхъ поэта, къ 1824 г. уже пережившаго прежнюю борьбу между мучительнымъ скептическимъ настроеніемъ и жадной вѣрой въ любовь и свободу и успокоившагося духомъ, то можно набросокъ отнести и къ 1822—1823 годамъ.

410. ВСЕ КОНЧЕНО: МЕЖЪ НАМИ СВЯЗИ
НѢТЪ...

(т. II, стр. 260).

Этотъ набросокъ находится въ 2369-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 43 об. Первые четыре стиха напечатаны, не совсѣмъ вѣрно, П. В. Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», изд. 1885 г., стр. 347. Нѣсколько полнѣе, но не исправнѣе, напечатанъ отрывокъ въ «Русск. Архивѣ» 1881 г., а также въ сборникѣ П. П. Бартенева «Бумаги А. С. Пушкина», I, М., 1881, стр. 144. Полностью и согласно съ подлинникомъ стихи появились въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., июнь, 569. Приведа цѣлый рядъ отдѣльных набросковъ и въ числѣ ихъ этотъ, Анненковъ (I. с.) говоритъ: «читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ стихотворныхъ фразъ принадлежать уже къ извѣстной поэтической дѣятельности автора», и высказываетъ предположеніе, что разбираемый набросокъ относится, «можетъ быть, къ тѣмъ лирическимъ пѣснямъ, въ числѣ которыхъ считается «Заклинаніе». Эту послѣднюю пѣсню Анненковъ (ibid., 195, 196: «Пушкинъ въ Александровск. эпоху», 245) связываетъ съ одною изъ тѣхъ таинственныхъ тѣней, о которыхъ говоритъ поэтъ въ «Воспоминаніи» (1828 г.). П. Е. Щеголевъ («Амалія Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина» — «Вѣстн. Евр.» 1904 г., январь, 313—314) связываетъ разбираемый набросокъ съ стихотвореніемъ 1825 г. «Желаніе славы», которое, быть можетъ, не безъ основаній, относитъ къ графинѣ Е. К. Воронцовой (см. ниже, примѣчанія къ №№ 492, 494). Въ этомъ стихотвореніи поэтъ, вспоминая «послѣднія моленія въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья», рассказываетъ о внезапной разлукѣ:

Слезы, мукы,
Измѣны, клевета—все на главу мою
Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Стою,
Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынь,
И все передо мной затмилось!...

«Не объ этой ли минутѣ разлученья,—говоритъ П. Щеголевъ,—идетъ рѣчь въ отрывкѣ?.. И въ этомъ, и въ предыдущемъ стихотвореніи любовная связь прекращается въ силу какихъ-то неясныхъ для насъ, вишнихъ обстоятельствъ. «Послѣднія моленія въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья» стихотворенія «Желаніе славы» напоминаютъ «горестныя пѣни» отрывка. Въ стихотвореніи взаимная горячая любовь гибнетъ отъ неожиданныхъ вишнихъ событій... «Слезы, мукы, измѣны, клевета»—все вдругъ обрушилося на голову поэта. Въ отрывкѣ, тоже (?) по какимъ-то (?) причинамъ, любимая поэтомъ разрываетъ свои интимныя отношенія съ нимъ». Однако, не говоря уже о томъ, что не всегда поэтическое «я» и личное «я» автора слиты вмѣстѣ, въ данномъ случаѣ комментаторъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на то, что тогда какъ въ «Желаніи славы» катастрофическій ударъ, разлучающій любящихъ, изображенъ такими чертами, которыя ясно говорятъ о вишней, лежавшей вѣдѣ воли влюбленныхъ причинѣ разлуки,—въ отрывкѣ не только не сказано ни слова о подобныхъ вишнихъ обстоятельствахъ, но, наоборотъ, видно, что эта причина коренилась въ сердцѣ женщины; она сама отбѣгаетъ: «все кончено» на горестныя пѣни любов-

ника, которому остается только перестать «обманывать себя», ни в чем не упрекать любимую женщину («тебя роптаніемъ преслѣдовать не буду») и даже, может быть, утѣшиться мыслью, что она счастлива съ другимъ. Такимъ образомъ, связывать набросокъ «Все кончено»... съ «Желаніемъ славы» невозможно. Трудно найти, также какой-нибудь другой близкій и объясняющій мотивъ какъ въ личной лиричѣ Пушкина, такъ и вообще въ пушкинской лиричѣ, но если уже искать подобную связь, ее, кажется, скорѣе можно усмотрѣть въ пьесѣ «Несчастный день потухъ»... (см. выше, № 392).

Точной датировкѣ набросокъ не поддается, и его можно отнести, по положенію его въ черновой тетради, къ 1823—1824 гг.; болѣе близкое опредѣленіе невозможно.

441. ПЬВЕЦЪ ДАВНЦЪ БЫЛЪ РОСТОМЪ МАЛЪ...

(т. II, стр. 260).

Этотъ трудно разбираемый набросокъ впервые былъ напечатанъ въ послѣднемъ ефремовскомъ изданіи сочиненій Пушкина (т. I, 1903 г., стр. 502); здѣсь печатается съ небольшими отличіями (см. въ исторіи текста) Заимался наброскомъ О. Е. Коршъ (см. «Пушкинъ и его современники», вып. VIII, стр. XXXII). П. А. Ефремовъ считалъ его (I. с.; *ibid.*, 571; VIII, 200) эпиграммою на Воронцова. Это весьма возможно. Но можно выставить и другое предположеніе, — что эпиграмма лишь косвенно задѣвала графа М. С. Воронцова и была прямо направлена противъ одного изъ воронцовскихъ чиновниковъ, начальника отдѣленія въ генералъ-губернаторской канцеляріи Артемьева. П. П. Липранди зналъ какую-то эпиграмму на Артемьева, которая «особенно отличалась отъ другихъ своими убійственными, но вѣрными выраженіями» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1477). Быть можетъ, дошедшее до насъ четверостишіе есть часть этой эпиграммы на Артемьева. Опъ, по словамъ графа М. Д. Бутурлина («Русск. Арх.» 1897 г., II, 17), отличался высокимъ ростомъ. Весьма возможно, что взбѣшенный «пѣвецъ Давидъ» своей эпиграммою давалъ понять этому начальнику—Воронцову.

442. (НА ОДЕССКИХЪ ДАМЪ).

(т. II, стр. 260).

Въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ П. П. Липранди («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1477), рассказывая о желчномъ настроеніи, овладѣвшемъ поэтомъ въ 1824 г. и выразившемся «убійственными» эпиграммами, передаетъ, что «стихи его на нѣкоторыхъ дамъ, бывшихъ на балѣ у графа [Воронцова], своимъ содержаніемъ раздражили всѣхъ. Всѣ дамы описаны въ томъ же [т. е., вѣроятно, «убійственномъ»] родѣ»... И въ видѣ примѣра Липранди приводитъ этотъ стихъ о красавицѣ Ризницѣ. Быть можетъ, въ неизданныхъ еще полностью запискахъ Липранди сохранилось все стихотвореніе. Едва ли, впрочемъ, объ Амалии Ризницѣ, которую поэтъ любилъ, онъ отзывался «убійственно»; «римскій поэтъ» — только похвала

ей наружности, — досталось, вѣроятно, другимъ дамамъ. Сохранившійся Липранди стихъ — почти дословное повтореніе стиха лицейской шутки Пушкина, обращенной къ товарищу С. С. Есакову (см. I т. пастоящаго изданія, № 147): «Мамзель Шредеръ съ красивымъ носомъ»... Стихи объ одесскихъ дамахъ, какъ видно изъ воспоминаній Липранди, были написаны приблизительно въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1824 г., раиѣ командировки на потребленіе саранчи.

443. ТЫ ИЗДАЛЪ ДЯДЮ МОЕГО...

(т. II, стр. 260).

Эти стихи представляютъ собою начало чернового письма, находящагося въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 34, и впервые напечатаны въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., июль, 12, В. Е. Якушкинымъ, высказавшимъ догадку, что письмо обращено къ П. В. Всеволожскому. Имени Плетнева нѣтъ въ полнииникѣ, но оно подсказывается упоминаніемъ объ изданіи сочиненій дяди Пушкина, Василя Львовича, которое было выпущено въ 1822 г. П. А. Плетневымъ. Какъ видно изъ самаго письма, Пушкинъ поручалъ Плетневу издать первую главу «Онѣгина». Въ ноябрѣ братъ поэта увезъ рукопись ея въ Петербургъ, а 29 декабря она уже была подписана цензоромъ къ печати. Судя по этимъ даннымъ и по положенію письма среди другихъ черновинокъ, оно относится къ сентябрю—ноябрю 1824 г. Объ отношеніяхъ Пушкина и П. А. Плетнева см. въ примѣчаніяхъ къ посвященнымъ Плетневу и предисланнымъ 4-ой и 5-ой главамъ «Евгенія Онѣгина» стихамъ: «Не мысля гордый сѣтъ забавить»...

444. ВЪ ПЕЩЕРѢ ТАЙНОЙ, ВЪ ДЕНЬ ГО- ПЕНЬЯ...

445. СЛАБЪ И РОБОКЪ ЧЕЛОВѢКЪ...

(т. II, стр. 260).

Объ этихъ наброскахъ см. въ примѣчаніяхъ къ VII-му и III-му «Подражаніямъ Корану», выше, № 398.

446. (ЧТО ЖЕ? БУДЕТЪ) ЛН ВИННО?...

(т. II, стр. 260).

Это черновое, исчерканное и мѣстами трудно поддающееся прочтенію посланіе къ брату Льву Сергѣевичу, находящееся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 42, впервые было напечатано въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., июль, 18—19; по положенію въ рукописи оно должно быть датировано приблизительно концомъ 1824 года. Здѣсь напечатано съ нѣкоторыми добавленіями (см. исторію текста). Въ концѣ черновика можно разобрать еще слова:

Часто пью—но
Рѣдко, рѣдко пьянъ...

Поэтъ жилъ тогда въ Михайловскомъ, одинъ-па-одинъ со старой няней, и переписывался съ братомъ, которому давалъ разные порученія, и литературныя, и хозяйственныя. Левъ Сергѣевичъ служилъ посредникомъ между ссыльнымъ братомъ и петербургскими литераторами и издателями, посылалъ ему книги, разные вещи, съѣстные припасы и вина. «Пришли мнѣ»—писалъ Пушкинъ во второй половинѣ декабря 1824 г.,—«бумаги почтовой и простой; если вина, такъ и сыру; не забудь и (говоря по Деллевски) витую сталь, произающую засмоленную главу бутылки, то есть штопоръ». Въ письмѣ 14 марта 1825 г. поэтъ просилъ: «душа моя, горчицы, рому, что-нибудь въ уксуѣ»... «Вино, вино, ромъ (12 бут.)...»,—командовалъ Пушкинъ брату въ письмѣ 22 апрѣля 1825 г. Напоминаніемъ объ одной подобной коммисіи является разбираемое посланіе. Оно дышитъ легкимъ, игривымъ эпикурействомъ, надъ которымъ поэтъ самъ подтруниваетъ. Стихи напечатаны въ изданіяхъ литературнаго фонда, П. А. Ефремова, академіи наукъ въ числѣ писемъ поэта, но Пушкинъ самъ назвалъ ихъ посланіемъ къ брату и процитировалъ ихъ въ примѣчаніяхъ къ «Евгенію Онѣгину» (примѣч. 29-ое):

Въ дѣта красныя мои
Поэтическій Ап
Правился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви
Или юности безумной, и проч.

При этомъ указано въ скобкахъ: «Посланіе къ Л. П.» П. А. Ефремовъ (Сочин. II—на, I, 1903 г., стр. 554) связалъ эти стихи въ одно дѣло съ наброскомъ, т.-е. произвольно соединилъ черновики съ бѣловой редакціей, не дошедшей до насъ. «Н. О. Щербина»—писалъ Анненковъ (см. его изданіе сочиненій Пушкина, VII, 83),—бывшій въ хорошихъ сношеніяхъ съ Л. С. Пушкинымъ, слышалъ отъ него много стиховъ его брата, граціозныхъ и изящныхъ импровизацій на разные случаи. Все это теперь потеряно. Н. О. Щербина помнитъ, что Левъ Пушкинъ прочелъ ему разъ за столомъ стихи на С. Пере и Шамбертенъ, очень милые»... Быть можетъ, прочитанные Львомъ Сергѣевичемъ Щербинѣ стихи и были исправленной редакціей извѣстнаго намъ черноваго посланія, въ которомъ въ перечнѣ равно любимыхъ напнтковъ, рядомъ съ St. Пере, фигурировалъ и Шамбертенъ, не упоминаемый въ черновикѣ.

Въ Львѣ Сергѣевичѣ, о которомъ было сказано, что онъ «не лишень разсудка, но съ шампанскимъ жирный пловъ и съ груздями утка намъ докажутъ лучше словъ, что онъ болѣе здоровъ силою желудка», и который даже ускорилъ свою кончину неумѣреннымъ потребленіемъ кашетинскаго, поэтъ могъ встрѣтить полное сочувствіе этой одѣлкѣ винъ. Изъ всѣхъ винъ Пушкинъ особенно часто упоминаетъ ап. Къ стихамъ: «Кипитъ въ бокалѣ опѣвннномъ ап холодная струя»... («Всеволожскому», 1819 г.) онъ сдѣлалъ обстоятельное юмористическое примѣчаніе: «Champagne L. D. M. frappé à la glace»; объ этой маркѣ упоминаетъ онъ и въ письмѣ къ брату 27 іюня 1821 г. Съ ап Пушкинъ сравниваетъ въ «Путешествіи Онѣгина» оперы Россіи:

Онъ звуки зѣтъ—они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлун молодые,

Всѣ въ пѣтѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшаго ап
Струи и брызги золотые...

Въ «Краинѣ безсвязныхъ мысляхъ» Т. Гофмана о музыкѣ шампанское такъ же сближено съ музыкой, и даже именно съ комической оперой: «благородный пловъ заключаетъ въ себѣ тайну чудеснымъ образомъ завладѣвать духомъ челоѣка въ наиболѣе свойственныхъ ему отголоскахъ... Такъ, напрымѣръ, при церковной музыкѣ я бы посоѣтовалъ старый рейнвейцъ и французскія вина, при комической оперѣ—шампанское»... И Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ «Онѣгина», въ томъ, къ которому сдѣлано приведенное выше примѣчаніе (гл. 4, строфы XLV—XLVI), говорилъ о шампанскомъ:

Оно сверкаетъ Инокреной,
Оно своей игрой и пѣной
(Подобіемъ того-сего;
Меня пѣвняло...
Его волшебная струя
Рождала глупостей не мало;
А сколько шутокъ, и стиховъ,
И споровъ, и веселыхъ сновъ!
Но пѣвняетъ пѣной шумной
Оно желудку моему,
И я Бордо благоразумный
Ужъ нынче предпочелъ ему.
Къ Ап я больше неспособенъ;
Ап любовницѣ подобенъ
Блестящей, вѣтрепой, живой,
И своеправной, и пустой...

«Ап въ стихахъ ввелъ въ моду Батюшковъ,—писалъ въ 1849 г. П. А. Илѣтневъ Я. К. Гроту (см. ихъ «Переписку», III, 403), «за нимъ шелъ Пушкинъ, а послѣ и Боратынскій». «Пѣвецъ Ировъ» говоритъ объ этомъ винѣ:

Его звѣздичался влага
Недаромъ взоры веселитъ:
Въ ней укрывается отвага,
Какъ страсть, какъ мысль она кипитъ;
Въ игрѣ своей не терпитъ пѣна,
Рветъ пробку рѣзвою волной,
И брызжетъ радостная пѣна,
Подобье жизни молодой...

Здѣсь Боратынскій почти повторяетъ слова Пушкина о «подобіи юности безумной». Языковъ вспоминалъ («Малага»):

Въ мои былые дни, въ дни юности счастливой
Вино шумчшее я пилъ...
Сверкало золотомъ, кипѣло пѣной бѣлой
Насъ развивавшее питье,
Воспламенялось и кипѣло
Воображеніе мое...

Въ русской поэзіи «поэтическій ап» оставилъ прекрасный, неизгладимый слѣдъ.

Стоитъ отмѣтить забавный комментаторскій курьезъ. Слова Пушкина о своей «свободѣ жажды и терпимости всякихъ винъ» одинъ критикъ (В. Розовъ, «Пушкинъ и Гете», Кіевъ, 1908, стр. 254) истолковалъ весьма «распространительно»: «сквозь шутку проглядываетъ либеральная формула религіозной терпимости», какъ будто

у Пушкина мало другихъ, болѣе вѣскихъ доказательствъ вѣротерпимости... «Лайонъ» — имя брата въ англійскомъ переводѣ и произношеніи (Луп — левъ); «мой Лайонъ» — называетъ Пушкинъ брата въ одномъ письмѣ 1824 г. (Переписка П., академич. изд., I, 165, № 118); «Лайонъ, мой курчавый братъ», упоминается въ посланіи къ А. Н. Вульфъ (см. выше № 387) и въ письмѣ къ Вяземскому («Переписка», I, № 98).

417. ПРЕЗРѢВЪ И ШОПОГЪ УКОРИЗНЫ...

(т. II, стр. 261).

По черновому, спешенному помарками автографу, находящемуся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 35 об., стихотвореніе напечатано было впервые, не совсѣмъ исправно, въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., июль, 14—15; въ собраніи произведеній Пушкина оно стало входить начиная съ изданія литературнаго фонда (I, 333). Въ настоящемъ изданіи воспроизведено въ болѣе точно мѣ видѣ, чѣмъ въ изданіяхъ П. О. Морозова и П. А. Ефремова. Судя по положенію среди другихъ черновиковъ и по біографическимъ даннымъ, оно набросано осенью или зимою 1824 года.

«Отряхнуть съ дорожныхъ одеждъ прахъ отчизны» Пушкинъ собирался еще на югѣ. Въ началѣ 1824 г. онъ писалъ изъ Одессы брату: «я дважды про сизъ Цвана Ивановича» — такъ же условился называть царя кн. А. С. Меншиковъ въ одномъ изъ писемъ 1815 г. къ А. А. Закревскому (Сборн. Имп. Русск. Историч. Общества т. 78, стр. 425) — «о своемъ отпускѣ чрезъ его министровъ, и два раза воспослѣдовалъ всемілостивѣйшій отказъ. Осталось одно — писать прямо на его имя — такому-то, въ Зимнемъ дворцѣ, что противъ Петропавловской крѣпости, — не то взять тихонько трость и шляпу и побѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ тернежѣ». Написанная въ Одессѣ 4-ая строфа 4-ой главы «Онѣгина» содержитъ ясный намекъ на это намѣреніе Пушкина бѣжать на чужбину — чтобы подъ южнымъ небомъ «вздыхать о сумрачной Россіи, гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ, гдѣ сердце я похоронилъ». Но плѣненное сердце удержало Пушкина отъ побѣга: «я былъ окованъ; вотще рвалась душа моя: могучей страстью очарованъ у береговъ остался я... («Къ морю»)). Положение Пушкина ухудшилось, когда онъ попалъ въ Михайловское, гдѣ не было «ни саранчи, ни милордовъ Уоронцовыхъ», но зато не было также «ни моря, ни голубого неба полудня, ни итальянской оперы»; къ тому же родители встрѣтили опаснаго сына съ такой жестокой непривѣтливостью, что онъ просилъ Жуковскаго: «спаси меня хоть крѣпостію, хоть Соловецкимъ монастыремъ», даже подумывалъ о самоубійствѣ. Мысль о побѣгѣ снова пришла ему въ голову и, вѣроятно, онъ сгоряча подѣлился ею съ кѣмъ-нибудь, потому что въ Петербургѣ заговорили объ этомъ. «Мнѣ дьявольски не правятся», — писалъ онъ брату въ декабрѣ 1824 г. — «петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ. Зачѣмъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда будешь у меня, то станешь трахать о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чадаева. Вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться». Тутъ рѣчь идетъ очевидно, о дѣйствительныхъ приготовленіяхъ къ побѣгу, въ которыхъ Левъ Сергѣевичъ принималъ

участіе, и таинственные «пункты» объясняются легко; въ нихъ говорится объ устройствѣ пересылки денегъ и писемъ за границу, гдѣ тогда путешествовалъ Чаадаевъ, къ которому Пушкинъ, повидимому, хотѣлъ присоединиться. Въ ожиданіи побѣга Пушкинъ, надо думать, и набросалъ эти стихи, посланіе къ брату, который кое-чѣмъ здѣсь рисковалъ, но «въ опасный день разлуки забыть для брата о себѣ». Планъ этотъ, однако, не осуществился (см. письма къ Льву Сергѣевичу въ перепискѣ П. — на, академич. изд., I, 178, 182). Объ участіи въ немъ тригорскаго сосѣда и пріятеля Пушкина — А. Н. Вульфа — см. выше, въ примѣчаніяхъ къ № 387. См. также примѣч. къ № 385.

Четыре стиха: «Простите, сумрачныя сѣни... и сѣдл. Пушкинъ повторилъ въ началѣ XLVI строфы 6-ой главы «Евгенія Онѣгина».

418. САБУРОВЪ, ТЫ ОКЛЕВЕТАЛЪ...

(т. II, стр. 261).

Съ сохранившагося въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 35 об., черновика автографа это шуточное стихотвореніе было впервые напечатано въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., июль, 15. О пріятелѣ Пушкина Яковѣ Сабуровѣ см. во II томѣ настоящаго изданія, стр. 531—532. В. П. Саптовъ («Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ», III, 446) пріятелемъ Пушкина называетъ лейбъ-гусара Якова Васильевича Сабурова.

Въ ноябрѣ 1824 г. Пушкинъ писалъ брату: «скажи Сабурову, чтобъ онъ не дурачился, усовѣсти его... Въ концѣ февраля или началѣ марта 1825 г. онъ, въ письмѣ къ брату, упомянулъ Сабурова въ числѣ тѣхъ своихъ «друзей», которые «не въ примѣръ хуже Булгарина», а 22 апрѣля снова писалъ ему: «если Сабуровъ не убѣжалъ еще въ Одессу, то попроси его тамъ обо мнѣ ничего не врать... Вѣроятно, съ этимъ «враньемъ» Сабурова связаны не только разбираемые стихи, но и упоминаніе въ «Онѣгинѣ» (гл. 8, строфа XXVI):

Тутъ былъ Сабуровъ, заслужившій
Извѣстность пизостю души...

О П. П. Каверинѣ см. во II томѣ настоящаго изданія, примѣчанія къ №№ 130 и 131. О Молодцовѣ — тамъ же, стр. 532; его имя упоминается въ «Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ». Объ А. Н. Зубовѣ, которому Пушкинъ въ 1817 г. написалъ стихи: «Пройдетъ любовь, умрутъ желанья...», см. тамъ же, стр. 412; въ «Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ» упоминается «Зубова томность». Стихъ: «Съ моимъ Чадаевымъ читалъ...» приводитъ на память благодарныя строки въ посланіи 1821 г. къ Чаадаеву; Пушкинъ не могъ забыть «пророческіе споры, знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры», которые занимали его съ Чаадаевымъ (см. во II т., примѣч. къ № 266).

419. ЕДВА УСТА КРАСНОРѢЧИВЫ...

(т. II, стр. 261).

Съ написаннаго очень блѣдными чернилами оригинала, сохранившагося въ 2368-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 17, впервые

появилось въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., июнь, 535, это стихотвореніе; конецъ его неизвѣстенъ, такъ какъ половина листа, за словами: «Въ тебѣ таятся жаръ дѣлебный...», отрубана. Къ 1824 году отнесено оно потому, что слѣдуетъ въ рукописи непосредственно послѣ «Цыганъ». Въ пьесѣ говорится, повидимому, о хрустальномъ кубкѣ, подаренномъ Пушкину кѣмъ-нибудь изъ друзей-поэтовъ. Обстоятельства, благодаря которымъ возникла эта пьеса, неизвѣстны.

420. ГРАФУ О...

(т. II, стр. 261).

Пьеса дошла до насъ въ исчерпанномъ черновикѣ, находящемся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 32, и впервые появилась въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., июль, 11. Анненкову былъ извѣстенъ собственноручный перечень стихотвореній Пушкина, написанныхъ до 1826 г. включительно. Среди заглавій «утраченныхъ или еще скрывающихся его стихотвореній, которыя и въ бумагахъ его не находятся», Анненковъ видѣлъ заглавіе пьесы: «къ Гр. О», которая, однако, была впоследствии обнаружена въ черновой тетради. Здѣсь воспроизведено по автографу. (см. въ общей статьѣ о текстѣ).

Съ графомъ Густавомъ Филипповичемъ Олизаромъ (1798—1864 гг.) Пушкинъ познакомился въ 1820—1821 гг. у Раевскихъ, къ которымъ Олизаръ, бывшій тогда кievскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, былъ вхожъ на правахъ близкаго человѣка. Когда Раевскіе, въ июлѣ 1821 г., выѣхавъ съ братьями А. Л. и В. Л. Давыдовыми приѣзжали въ Кишиневъ въ гости къ Орловымъ, Олизаръ былъ съ ними, и Пушкинъ, всѣ четыре дня ихъ пребыванія въ Кишиневѣ проведенный у Орловыхъ, конечно, встрѣтился у нихъ съ Олизаромъ («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1238). Графъ Олизаръ былъ не только полякъ, но пламенный польскій патриотъ, мечтавшій о возстановленіи Польши, и въ этихъ видахъ былъ однимъ изъ связующихъ звеньевъ между русскимъ тайнымъ обществомъ и польскимъ; когда онъ, въ 1823 г., посватался за Марію Николаевну Раевскую (вышедшую въ слѣдующемъ году за кн. С. Г. Волконскаго), старикъ-отецъ откровенно отвѣтилъ ему, что его предложеніе не можетъ быть принято по религиознымъ и національнымъ причинамъ, составляющимъ «непреодолимую преграду». Судя по посланію, Пушкинъ зналъ и о сватовствѣ Олизара, и о причинахъ отказа. Олизаръ писалъ стихи; романтикъ въ поэзіи, онъ былъ романтикомъ и въ жизни. Отказъ любимой дѣвушки такъ на него подѣйствовалъ, что онъ оставилъ Кіевъ и поселился въ Крыму, гдѣ купилъ близъ Аюдага небольшое помѣстье, которому придумалъ романтическое имя—«Кардіатриконъ». Въ этомъ «врачующемъ сердце» уголокѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, вспоминая Марію Раевскую и изливая въ стихахъ свою тоску по Амирѣ (Амира—анаграмма Маріи). Онъ писалъ впоследствии въ своихъ воспоминаніяхъ: «если родилась въ душѣ моей что-нибудь благородное, возвышенное, поэтическое, я обязанъ этимъ любви, которую внушила мнѣ Марія Раевская, княгиня Волконская, теперь нерчинская изгнанница, раздѣляющая горькій жребій мужа. Она была моею Беатриче; ей было

всецѣло посвящено «дантовское» чувство, до котораго могъ возвыситься мой поэтический духъ. Благодаря ей, а вѣрнѣе благодаря любви къ ней, я приобрѣлъ сочувствіе перваго русскаго поэта и дружбу нашего лауреата Адама (Мицкевича). Его крымскій сонетъ «Аюдагъ» посвященъ мнѣ и моею любовною ссылкой. Наконецъ, ей, помимо ея вѣдома, я обязанъ счастливымъ и безопаснымъ избавленіемъ изъ политическихъ сѣтей, въ которыя я впоследствии попалъ, хотя безвинно». Этимъ Олизаръ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что отказъ Раевскихъ отдалъ его отъ его русскихъ друзей какъ разъ въ то время, когда надъ ихъ головами сбирались тучи. Замѣшанный въ дѣло 14 декабря, Олизаръ въ 1826 г. былъ арестованъ и просидѣлъ недолго въ Петропавловской крѣпости. Однако, неудачный исходъ сватовства не разрушилъ добрыхъ отношеній Олизара къ семьѣ Раевскихъ; въ 1827 г. онъ съ ними ѣздилъ на кавказскія воды; любовь свою къ Маріи онъ перенесъ на ея сестру Елену Николаевну, но она не пошла за него, и черезъ нѣсколько лѣтъ Олизаръ женился на полькѣ. О семьѣ Раевскихъ онъ навсегда сохранилъ добрую, благодарную память.

Поэтический талантъ Олизара высоко оценилъ Мицкевичъ въ посвященномъ ему сонетѣ; Пушкинъ, который не любилъ поляковъ («въ Одессѣ,—разсказываетъ П. П. Баргъ [«Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1748—1749],—польскіе паны заискивали его къ себѣ, но онъ не обнаружилъ къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія»), готовъ былъ подружиться съ «враждебнымъ» польскимъ сердцемъ Олизара ради пылающаго въ немъ «огня поэзіи». Вѣроятно, стихи, дошедшіе до насъ въ черновикѣ, были въ бѣловомъ, исправленномъ видѣ переданы Олизару. Въ Одессѣ Олизаръ былъ въ 1823 г., по дорогѣ въ Крымъ; лѣтомъ 1824 г. его видѣлъ въ Одессѣ графъ М. Д. Бутурлинъ. Быть можетъ, тогда-то и передалъ ему Пушкинъ свои стихи, какъ знакъ сочувствія, о которомъ впоследствии съ гордостью вспоминалъ Олизаръ. Объ Олизарѣ и его литературной и политической дѣятельности см. его «Pamiętniki», Lwów, 1892 г., и предисловіе къ нимъ; «Русск. Обзорніе» 1893 г., № 8—9; Записки князя Волконскаго, Спб., 1901 г., стр. 402; «Русск. Арх.» 1897 г., II, 24, 585—586; 1902 г., II, 265—267, зам. В. С. Иконникова; 1906 г., III, 609; «Былое» 1906 г., май, 248—250; Сборникъ И. Русск. Историч. Общества, т. 78, стр. 139; «Архивъ Раевскихъ», I, 248—249, 389—390.

Пушкинъ всегда относился къ польскому вопросу, какъ къ «спору, ужъ взвѣшенному судьбою» и рѣшенному не въ пользу поляковъ, надежды которыхъ на возрожденіе Польши не встрѣчали въ немъ сочувствія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ челоѣкомъ своего времени и своего общества. Достаточно сказать, что самыя свободолюбивыя души двадцатыхъ годовъ на этотъ счетъ вполне сходились съ нимъ. М. О. Орловъ писалъ Александру I рѣзкую записку противъ эмансипаціи Польши (М. Гершензонъ, «Исторія Молодой Россіи», М., 1908, стр. 4); для другаго кишиневскаго пріятеля Пушкина, В. О. Раевского, гражданскаго поэта, «перваго декабриста», по словамъ его біографа (П. Е. Щеголева—«Вѣстн. Европы» 1903 г., июнь, 534), «однимъ изъ мотивовъ возникновенія оппозиціоннаго настроенія было «возстановленіе» Польши. Но нѣтъ такой сильной вражды, голосъ которой не смолкалъ бы «при пѣсняхъ вдохновенныхъ! Въ нихъ видѣлъ Пушкинъ осуществленіе призванія поэта, который ими дол-

жень «сердца враждебныя дружить»; впоследствии онъ благословилъ Мицкевича, который «говорилъ о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся», и горько пожалѣлъ, что польскій поэтъ «намъ сталъ врагомъ» и «поетъ ненависть». Нѣсколько стиховъ посланія къ Олизару Пушкинъ повторилъ въ 1831 г., обращаясь къ «Каветникамъ Россіи».

421. ПОКА СУПРУГЪ ТЕБЯ, КРАСАВИЦУ МЛАДУЮ...

(т. II, стр. 262).

Съ чернового автографа, находящагося въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея (л. 38), эти стихи появились впервые въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., июль, 16. По положенію среди черновиновъ «Подражаній Корапу» и писемъ 1824 г. они должны быть отнесены къ 1824 году, а не къ 1825-му, которымъ датировали его въ своихъ изданіяхъ П. О. Морозовъ и П. А. Ефремовъ, не приводя для этого никакихъ основаній. По восточной обстановкѣ наброска можно предположить связь его съ другимъ «восточнымъ» отрывкомъ: «Блеститъ луна, недвижно море спитъ»... (см. выше, № 408). Въ той же рукописи, нѣсколькими страницами выше, — говоритъ В. Е. Якушкинъ («Русс. Стар.», *ibid.*, 14), — встрѣчаются отдѣльные слова, доказывающія, что поэтъ въ то время занимался восточными стихотвореніями. Ср. въ статьѣ о текстѣ.

422. ЗАБЫЛЪ И РОЩУ И СВОБОДУ...

(т. II, стр. 262).

Впервые напечаталъ это четверостишіе съ неизвѣстнаго нынѣ оригинала П. В. Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» изд. 1855 г., стр. 347, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими отрывками, о которыхъ говоритъ (*ibid.*, 346), что это «чисто лирическіе звуки, въ которыхъ заключенъ одинъ порывъ души, одна мысль, тревожно мелькнувшая въ головѣ поэта. Они писаны въ разное время, и въ дѣлѣ стихотвореній настоящее мѣсто ихъ извѣстно было только самому автору. Теперь уже нѣтъ возможности опредѣлять ихъ порядокъ и сообщать какую-либо классификацію». Такъ какъ нѣкоторые изъ напечатанныхъ Анненковымъ рядомъ съ этимъ четверостишіемъ шести набросковъ прежде считались относящимися къ 1824 г., то и этотъ набросокъ издатель сталъ печатать подъ 1824 г. Но изъ всѣхъ этихъ отрывковъ ни одинъ не можетъ быть съ достовѣрностью отнесенъ къ 1824 г., и поэтому приходится, подобно Анненкову, отказаться отъ точной датировки разсматриваемаго четверостишія. Необходимо обратить вниманіе на его художественную законченность, заставляющую признать его не черновикомъ, а вполне сложившимся начальнымъ отрывкомъ неоконченной пьесы. Третій стихъ въ совершенствѣ передаетъ живость и быстроту движеній птички.

423. МЛАДЕНЦУ.

(т. II, стр. 262).

Неразборчивый черновикъ этого стихотворенія, заглавіе которому дано самимъ Пушкинымъ, находится въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея (л. 24). Оно было впервые напечатано въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., июль, 9. Здѣсь напечатано съ нѣкоторыми добавленіями (см. исторію текста). Есть нѣкоторыя основанія думать, что это черновая редакція стиховъ, написанныхъ Пушкинымъ маленькой дочкѣ Воронцовыхъ. А. Н. Раевскій писалъ ему 21 августа 1824 г. изъ имѣнія Александро-вскаго, гдѣ находилась тогда графиня Е. К. Воронцова съ дочкой: «даже ея прелестная дочка вспоминаетъ о тебѣ и часто говоритъ мнѣ о сумасшедшемъ Пушкинѣ и о трости съ собачьей мордой, которую ты ей подарилъ. Я все поджидаю образка съ двумя первыми стихами, которые ты написалъ для нея». Въ такомъ случаѣ, стихотвореніе написано еще въ Одессѣ, въ первой половинѣ 1824 года. Въ трехъ послѣднихъ стихахъ дошедшаго до насъ наброска, быть можетъ, заключается намекъ на тѣ клеветническіе слухи о Пушкинѣ, которые должна была узнать, ставши взрослой, дочь ненавидѣннаго поэта графа М. С. Воронцова. Во время пребыванія Пушкина въ Одессѣ единственной дочери Воронцовыхъ, маленькой графини Александрѣ Михайловнѣ, было четыре года, по словамъ Вигеля («Записки», изд. 1892 г., VI, 168, 173), или шелъ четвертый годъ, какъ указано въ «Архивѣ Раевскихъ» (I, 241); умерла она около 1830 г. (см. тамъ же).

424. ПРИЮТЪ ЛЮБВИ, ОНЪ ВѢЧНО ПОЛНЪ...

424-а. (У МОЯ) ПОДЪ СКАЛОЙ...

(т. II, стр. 262).

Находящійся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 6, набросокъ «Приютъ любви»... впервые былъ напечатанъ В. Е. Якушкинымъ еще въ «Русс. Стар.» 1884 г., июль, стр. 2, но въ собраніи сочиненій Пушкина до сихъ поръ издателями не включался. Въ «Русс. Старинѣ» четвертый стихъ былъ переданъ невѣрно: «шумъ» вмѣсто «гулъ», отчего четверостишіе проигрывало въ изобразительности. Именно изобразительной стороною обращаетъ на себя вниманіе этотъ превосходный отрывокъ, гдѣ частое чередованіе плавныхъ звуковъ *p* и *л* такъ художественно передаетъ ропотъ волнъ въ приморскомъ гротѣ. На гротѣ намекаютъ признаки — «приютъ любви», «сумрачная прохлада», «стѣсненные волны». Къ тому же о пещерѣ говорится въ другомъ, находящемся на 3-мъ листѣ той же черновой тетради, наброскѣ («У моря) подъ скалой»..., появляющемся здѣсь въ печати впервые (о немъ упоминалъ В. Е. Якушкинъ въ «Русс. Стар.», *l. c.*, но не могъ его разобрать). Повидимому, этотъ набросокъ представляетъ собою первый приступъ къ стихамъ о приморскомъ гротѣ, потомъ начатымъ еще лучше и, къ сожалѣнію, такъ и оставленнымъ. Время написанія набросковъ устанавливается ихъ положеніемъ въ тетради, среди черновиновъ другихъ произведеній.

Н. Лернеръ.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1825 г.

425. ПРІЯТЕЛЯМЪ

(т. II, стр. 281).

Эту эпиграмму Пушкинъ сообщилъ кн. Вяземскому въ письмѣ отъ 25 января 1825 г., съ приписками: «Вотъ тебѣ стихи въ духѣ Василья Львовича» и «Напечатай гдѣ-нибудь». Исполняя это желаніе Вяземскій напечаталъ эпиграмму въ Московскомъ Телеграфѣ 1825, ч. I, № 3, стр. 215, съ подписью: «А. П.» и подъ заглавіемъ: «Къ журнальнымъ пріятелямъ». Это измѣненіе заглавія вызвало объясненіе Пушкина въ Сѣверной Пчелѣ 1825, № 52: «А. С. Пушкинъ просилъ издателей Сѣверной пчелы извѣстить публику, что стихи его сочиненія, напечатанные въ № 3 Московскаго Телеграфа, на стр. 215, подъ заглавіемъ: «Къ журнальнымъ пріятелямъ», должно читать просто: «Къ пріятелямъ». По этому поводу Вяземскій писалъ поэту 7 іюня 1825 г.: «Охота тебѣ была печатать une réclamation на Телеграфа у подлѣца Булгарина! Телеграфъ очень огорчился, а виноваты были во всемъ я. Миѣ казалось осторожнѣе прибавить: Жури наль нымъ, потому что у тебя пріятелей много, и могли бы попасть не въ попадѣ. Надобно совершенно разорвать съ петербургскими журналистами...» Пушкинъ отвѣчалъ въ началѣ іюля: «Я послалъ въ Пчелу, а не въ Телеграфъ, мою опечатку, потому что въ Москву почта идетъ несносно долго. Полевой напрасно огорчился, ты не напрасно прибавилъ журнальнымъ, а я недаромъ отозвался, et le diable n'y perd rien». Въ изданіяхъ стихотвореній Пушкина 1826 и 1829 гг. эпиграмма озаглавлена: «Пріятелямъ».

Объ этой эпиграммѣ А. Е. Измайловъ отозвался въ Благонамѣренномъ 1825, ч. 30, стр. 173:

«Изъ самаго начала сего ужаснаго осмысленія открывается, что для сочинителя пріятель и врагъ—синонимы... Далѣе, приведя первые 4 стиха, авторъ замѣтки продолжаетъ: «Страшно, очень страшно! Болѣе же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть когти!» Затѣмъ приводится заключеніе эпиграммы, съ замѣткой: «Сколько вкуса и чувствительности! Пришлось похвалить! Долго ли до петеринъ?»

Въ подчеркнутомъ словѣ когти, можетъ быть, скрывается намекъ на длинные ногти, которые, какъ извѣстно, носилъ Пушкинъ.

«Вотъ эпиграмма на Благонамѣреннаго, который, говорятъ, критиковалъ моихъ пріятелей»,—писалъ Пушкинъ Вяземскому въ томъ же письмѣ, въ началѣ іюля 1825 г., выписывая свое восьмистишіе: «Ex ungue leonem».

Замѣчаніе Измайлова о синонимическомъ употребленіи словъ друзья и враги оказывается вѣрнымъ: въ первоначальной редакціи эпиграммы, въ рукописи Моск. Музея № 2370, л. 85, первый ея стихъ читался:

Друзья мои...
а затѣмъ Пушкинъ замѣнилъ друзей—врагами.

426. НАШЪ ДРУГЪ ОНТА...

(т. II, стр. 281).

Сообщено кн. Вяземскому въ томъ же письмѣ отъ 25 января 1825 г., въ которомъ находится эпиграмма «Пріятелямъ». «Не выдавай меня, милый», приписалъ Пушкинъ,—«не показывай этого никому: Онта бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляйся отъ всякія скверны».

Относится къ Федору Николаевичу Глинкѣ, автору многочисленныхъ духовныхъ стихотвореній и переложеній псалмовъ (о немъ т. II, стр. 606—608).

427. ЖЕНИХЪ

(т. II, стр. 281).

Напечатано впервые въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827, № 13. Къ 1825 г. отнесено самимъ Пушкинымъ. Дѣйствительно, черновые наброски этой сказки находятся въ рукописи Моск. Музея № 2370 среди набросковъ 4-й главы Онѣгина и Цыганъ и, слѣдовательно, писаны въ концѣ 1824 и въ началѣ 1825 гг.

При первоначальномъ напечатаніи этого произведенія, Пушкинъ поставилъ въ подзаголовкѣ слова: «Простонародная сказка». Это была первая попытка обработать въ поэтической формѣ сюжетъ одной изъ тѣхъ сказокъ, которыя Пушкинъ слушалъ въ долгіе зимніе вечера, въ деревенскомъ уединеніи, отъ своей старой няни. Проф. Сумцовъ («Этюды о Пушкинѣ», 276—286), подробно разобравшій до 20-ти различныхъ вариантовъ того же сюжета въ сказкахъ какъ русскихъ, такъ и другихъ, пришелъ къ заключенію, что Пушкинъ передать всѣ главные мотивы сказки именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ одинъ за другимъ въ большинствѣ вариантовъ. Но, принимаясь за обработку сказочнаго мотива, Пушкинъ еще не находилъ для него оригинальной поэтической формы, которая появилась въ его сказкахъ только впоследствии: онъ остановился на 8-строчной строфѣ съ рѣзкими, освѣщенной «балладнымъ» Жуковскимъ. Быть-можетъ, до нѣкоторой степени въ Женѣ отразилась также и старая повѣсть Карамзина «Наталья боярская дочь» (1792 г.), въ которой героиней является «Наташа», а героемъ—разбойникъ, похищающій дѣвчушку (догадка проф. П. В. Владімирова, въ Пушкин. Сборн. Киевск. унив., стр. 23),—если только не допустить, что и Карамзинъ, въ свою очередь, воспользовался для своей повѣсти народнымъ же сказочнымъ мотивомъ. Какъ бы то ни было, выборъ «литературнаго», балладнаго стихотворнаго размѣра ни въ чемъ не повредилъ народности сказки Пушкина: эта народность проявилась и въ яркой обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, и въ силѣ и мѣткости языка, пересыпаннаго поговорками, въ типичности свахи и въ разговорной формѣ изложенія наиболѣе драматическихъ моментовъ разсказа. Въ отношеніи самой фабулы, какъ доказывается изслѣдованіями проф. Сумцова, Пушкинъ не внесъ почти никакихъ существенныхъ

измѣненій, за исключеніемъ сцены сватовства, введенной имъ согласно общему духу сюжета. «Комбинація народныхъ матеріаловъ»,—говоритъ проф. Всев. Миллеръ («Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ», М. 1899, стр. 47),—«здесь, какъ и въ другихъ воспроизведеніяхъ поэтомъ народныхъ сюжетовъ, навсегда останется для насъ тайной, какъ работа творческой мысли гения, но самые матеріалы—сюжеты, языкъ—были почерпнуты художникомъ въ самомъ народѣ, который онъ изучалъ съ любовью и вниманіемъ этнографа».

Бѣлинскій, какъ извѣстно, отрицательно относившійся къ непосредственной народной поэзіи, сказалъ о Пушкинѣ, что «никто изъ русскихъ поэтовъ не умѣлъ съ такимъ непостижимымъ искусствомъ спрыскивать живою водою своей творческой фантазіи немножко дубоватые матеріалы народныхъ нашихъ пѣсень. Прочтите Жениха, Утопленника, Бѣсовъ и Зимній Вечеръ—и вы удивитесь, увидя, какой очаровательный міръ поэзіи умѣлъ вызвать поэтъ своимъ волшебнымъ жезломъ изъ такихъ скудныхъ стихій. Эти пьесы въ тысячу разъ лучше его же такъ называемыхъ сказокъ—этихъ уродливыхъ искаженій и безъ того уродливой поэзіи... И если такихъ пьесъ, какъ Женихъ..., у Пушкина немного,—въ этомъ, конечно, виновата ограниченность и бѣдность сферы нашей народной поэзіи». (Соч., т. VIII, изд. 1865, стр. 408). Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій, болѣе подробно анализируя Жениха, говоритъ: «Эта баллада, и со стороны формы и со стороны содержанія насквозь проникнута русскимъ духомъ, и о ней въ тысячу разъ больше, чѣмъ о Русланѣ и Людмилѣ, можно сказать: «Здесь русскій духъ, здесь Русью пахнетъ!... Въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ, вмѣстѣ взятыхъ, не больше русской народности, сколько заключено ея въ этой балладѣ! Но не въ такихъ произведеніяхъ должно видѣть образцы проникнутыхъ національнымъ духомъ поэтическихъ созданій,—и публика не безъ основанія не обратила особеннаго вниманія на эту чудную балладу. Міръ, такъ вѣрно и ярко изображенный въ ней, слишкомъ доступенъ для всякаго таланта уже по слишкомъ рѣзкой его особенностямъ. Сверхъ того, онъ такъ тѣсенъ, мелокъ и немногосложенъ, что истинный талантъ не долго будетъ воспроизводить его, если не захочетъ, чтобъ его произведенія были односторонни, однообразны, скучны и, наконецъ, пошлы, не смотря на всѣ ихъ достоинства. Вотъ почему человѣкъ съ талантомъ дѣлаетъ обыкновенно не болѣе одной или, много, двухъ попытокъ въ такомъ родѣ; для него это—дѣло, между прочимъ, затѣянное болѣе изъ желанія испытать свои силы и на этомъ поприщѣ, нежели изъ особеннаго уваженія къ этому поприщу... Чувства и страсти людей этого міра такъ однообразны въ своемъ проявленіи, общественныя отношенія людей этого міра такъ просты и несложны, что все это легко исчерпывается до дна однимъ произведеніемъ сильнаго таланта. Разнообразіе страстей, тошкѣ до безконечности отбѣнки чувствъ, безчисленно многосложныя отношенія людей, общественныя и частныя,—вотъ гдѣ богатая почва для дѣловъ поэзіи, и эту почву можетъ приготовить только сильно развивающаяся или развивавшаяся цивилизація... Наша поэзія должна искать для себя матеріалы почти исключительно въ томъ классѣ, который, по своему образу жизни и обычаямъ, представляетъ болѣе развитія и

умственного движенія», п. т. д. (Тамъ же, стр. 516—518).

Такимъ образомъ, Бѣлинскій, принципиально отрицавшій «Кирину Дашкова» и воспроизведеніе въ «цивилизованной» поэзіи простонародныхъ мотивовъ, все-таки, признавалъ Жениха произведеніемъ высокой поэтической дѣльности. Въ этомъ съ нимъ согласилась и позднѣйшая наша критика.

428. АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

(т. II, стр. 284).

Напечатано въ изданіяхъ 1826 и 1829 гг., съ пропускомъ стиховъ 21—64 и 150, возстановленныхъ только въ 1839 г., въ Библиографическихъ Запискахъ. Подлинной бѣловой рукописи этого стихотворенія не сохранилось; черновая редакція находится въ рук. Моск. Музея № 2370, лл. 59 об. — 64, подъ заглавіемъ: «Андрей Шенье въ темницѣ». Такъ самъ Пушкинъ называлъ свое стихотвореніе въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 13 іюля 1825 г.: «Читалъ ли ты моего «А. Шенье въ темницѣ»? Судя о немъ какъ езультъ,—по намѣренію».—«Твоего Шенье въ темницѣ не знаю», отвѣчалъ Вяземскій 4 августа,—«по благодарю уже за одно заглавіе. Предметъ прекрасный!» Можно думать, что слова: «въ темницѣ» были вычеркнуты цензоромъ Бирюковымъ, исключившимъ при печатаніи изд. 1826 г. дѣльных 45 стиховъ. О вариантахъ см. въ «Исторіи текста».

Въ бумагахъ Пушкина (рук. Моск. Музея № 2370, л. 65) сохранилась неоконченная замѣтка, которую онъ, вѣроятно, предназначалъ для примѣчаній къ этому стихотворенію:

«А. Ш. погибъ жертвою французской революціи, на 31-мъ году отъ рожденія. Долго славу его составляли нѣсколько элегій и два или три отрывка. Общее сожалѣніе объ утратѣ всего прочаго. Наконецъ, творенія его были отысканы и вышли въ свѣтъ въ 1819 году. Нельзя воздержаться отъ горестнаго чувства»...

Въ 1826 г., уже послѣ напечатанія этого стихотворенія, по допосу казужскаго помѣщика Коноплева, находившагося «по секретной части» при генералѣ Скобелевѣ, возникло слѣдственное дѣло о штабсъ-капитанѣ Алексѣевѣ, прапорщикѣ Молчановѣ и кандидатѣ Московскаго университета Андрѣ Леопольдовѣ, по обвиненію ихъ въ распространеніи «преступныхъ» стиховъ Пушкина. Изъ названныхъ лицъ Алексѣевъ гдѣ-то списалъ непропущенное цензурою мѣсто изъ «Андрея Шенье», давъ его списать Молчанову, а у того, въ свою очередь, списалъ Леопольдовъ, поставивъ надъ стихами, въ видѣ заглавія, «На 14-е декабря». Отъ Леопольдова и получилъ эти стихи Коноплевъ, представившій ихъ Скобелеву, который препроводилъ ихъ съ своимъ донесеніемъ къ Бенкендорфу. Послѣдній просилъ сообщить ему: 1. Какой это Пушкинъ, тотъ ли самый, который во Псковѣ, извѣстный сочинитель вольныхъ стиховъ? 2. Если не тотъ, то кто именно, гдѣ служилъ и гдѣ живетъ? 3. Подлинникъ ли представленъ или копія, и не поддѣлана ли подпись? Скобелевъ отвѣтилъ на 1-й вопросъ: «Мне сказано что тотъ которой писать подобные стихи имѣетъ уже запрещеніе по отосланъ къ отцу его», а на 3-й вопросъ,—«Подлин-

ная говорить призначена из Петербурга», список же сдѣланъ доносителемъ.

Отъ Леопольдова потребовали объясненій, откуда получилъ онъ эти стихи. Онъ указалъ на Молчанова, этотъ на Алексѣева. Молчановъ былъ переведенъ на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ, а Алексѣевъ, по Высочайшему повелѣнію 25 сентября 1826 г., преданъ военному суду. Военно-судная коммисія, черезъ московскаго оберъ-полицейстера Шульгина, потребовала объясненій Пушкина. Послѣдній написалъ слѣдующее:

«Сія стихи дѣйствительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде послѣднихъ мятелей и помѣщены въ Элегіи Андрей Шенъе, напечатанной съ пропусками въ собраніи моихъ стихотвореній.

«Они явно относятся къ французской революціи, коей А. Шенъе погибъ жертвою. Онъ говоритъ:

Я славилъ твой небесный громъ,
Когда онъ разметалъ позорную
твердыню.

«Взятіе Бастиліи, воспѣтое Андреемъ Шенъе.

Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
Великодушную присягу

И самовластію безтрепетный отвѣтъ.

«Присяга du jeu de paume и отвѣтъ Мирабо:
allez dire à votre maître etc.

И пламенный трибунъ и проч.

«Онъ же, Мирабо.

Уже въ безсмертной Пантеонъ

Святыхъ изгнанниковъ входили славны тѣни

«Перенесеніе тѣлъ Вольтера и Руссо въ Пантеонъ.

Мы свергнули царей—

въ 1793.

Убіицу съ палачами

Избрали мы въ цари

«Робеспьеръ и Конвентъ.

«Всѣ сіи стихи никакъ, безъ явной безсмыслицы не могутъ относиться къ 14 декабря.

«Не знаю кто подъ ними поставилъ сіе ошибочное заглавіе.

«Не помню кому могъ я передать мою Элегію А. Шенъе.

Александръ Пушкинъ.

27 января 1827.

Москва.

«Для большей ясности повторю, что стихи извѣстные подъ заглавіемъ: 14 декабря суть отрывокъ изъ Элегіи, названной мною Андрей Шенъе».

Коммисія приговорила Алексѣева къ смертной казни, но приговоръ этотъ былъ смягченъ его начальствомъ и, въ конечномъ результатѣ, Аудиторіатскій Департаментъ, согласно мнѣнію вел. кн. Михаила Павловича, положилъ: Алексѣева выдержать мѣсяцъ въ крѣпости и перевести въ армію; Молчанова изъ-подъ ареста отправить въ полкъ; Леопольдова предать гражданскому суду, коему вмѣнить въ обязанность истребовать объясненія отъ сочинителя стиховъ Пушкина и отъ помѣщика Коноплева. Это мнѣніе было Высочайше утверждено 23 марта 1827 г. Дѣло было передано въ Новгородскій уѣздный судъ, который мнѣніемъ положилъ: Леопольдова, лишивъ класса, въ коемъ онъ состоялъ, и личнаго дворянства, заковать въ кандалы и сослать въ каторжную работу; о Пушкинѣ же и Коноп-

левѣ изслѣдованіе предоставить тѣмъ мѣстамъ, въ вѣдомствѣ которыхъ они находятся. У Коноплева оказалось собраніе стихотвореній, между которыми были и зловредныя: «Ода на свободу» и «Песнь Паливайко». Отъ Пушкина было получено слѣдующее дополнительное объясненіе:

«Элегія Андрей Шенъе напечатана въ собраніи моихъ стихотвореній, вышедшихъ изъ цензуры 8 октября 1825 года. Доказательство тому: одобреніе цензуры на заглавномъ листѣ.

«Цензурованная рукопись, будучи вовсе непужною, затеряна, какъ и прочія рукописи мною напечатанныхъ стихотвореній.

«Опять повторяю, что стихи найденныя у Г. Алексѣева взяты изъ Элегіи Андрей Шенъе, непропущены цензурою и замѣнены точками въ печатномъ подлинникѣ, послѣ стиховъ:

Но зря юнаго пѣвца

О чемъ поетъ? поетъ она свободу:

Не измѣнилась до конца:

«Привѣтствую тебя, мое свѣтило etc.

«Замѣчу что въ семъ отрывкѣ поэтъ говоритъ О взятіи Бастиліи.

О клятвѣ du jeu de paume.

О перенесеніи тѣлъ славныхъ изгнанниковъ въ Пантеонъ.

О побѣдѣ революціонныхъ идей.

О торжественномъ провозглашеніи Равенства.

Объ уничтоженіи Царей.

«Чтожъ тутъ общаго съ несчастнымъ бунтомъ 14 декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?

«Въ заключеніи объявляю что послѣ моихъ послѣднихъ объясненій мнѣ уже ничего не остается прибавить въ доказательство истины.

10-го класса Александръ Пушкинъ.

С.-Петербургъ. 1827 г. 29 іюня.

Дѣло изъ уѣзднаго суда перешло въ Новгородскую уголовную палату, которая потребовала отъ Пушкина дополнительнаго показанія. Но этотъ отвѣчалъ слѣдующимъ «объявленіемъ» на имя С.-Петербургскаго полицмейстера Дернау:

«На требованіе суда узнать отъ меня: какимъ образомъ случилось, что отрывокъ изъ Андрея Шенъе будучи не пропущенъ Цензурою сталъ переходить изъ рукъ въ руки во всемъ простраствѣ» отвѣчаю: стихотвореніе мое Андрей Шенъе было всѣмъ извѣстно вполнѣ гораздо прежде его напечатанія, потому что я не думалъ дѣлать изъ него тайну. 24 ноября 1827 г. С.-Петербургъ».

Палата, журналомъ 6 марта 1828 г., полагала: Леопольдова выдержать еще въ крѣпости 9 мѣсяцевъ; Пушкину же, имѣя въ виду, что элегія, по его словамъ, еще до просмотра цензурою всѣмъ была извѣстна вполнѣ и что онъ равнодушно отозвался о бунтѣ 14 декабря, назвавъ его несчастнымъ, какъ будто (безъ намѣренія сдѣланнымъ, строжайше подтвердить впрямь отнюдь никакихъ сочиненій безъ просмотра цензуры не распространять, иначе будетъ подвергнутъ всей строгости законовъ, въ чемъ и обязать его подпискою».

Изъ палаты дѣло было представлено въ сенатъ, который полагалъ: лишивъ Леопольдова кандидата званія и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ преимуществъ, отдать въ солдаты, а въ

случаѣ негодности сослать въ Сибирь на поселеніе. Относительно же Пушкина, «соображая духъ его творенія съ тѣмъ временемъ, въ которое оно выпущено въ публику, сенатъ не могъ не признать сего сочиненія соблазнительнымъ и служившимъ къ распространенію въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ, а потому хотя сочинившаго означенные стихи Пушкина за выпускъ оныхъ въ публику прежде дозволенія цензуры надлежало бы подвергнуть отвѣту предъ судомъ, но какъ сіе учинено имъ до состоянія всемілостивѣйшаго манифеста 22 августа 1826 г., то по силѣ 1-го пункта оного, избавивъ его, Пушкина, отъ суда, обязать подпискою, дабы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія и пропуска цензуры не осмѣливался выпускать въ публику, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія».

Въ послѣдней инстанціи дѣло разсмотрѣно было государственнымъ совѣтомъ, который, не усматривая вины Леопольдова, кромѣ одной несомнѣтельности въ неумѣстной надписи, постановилъ вынести ему въ наказаніе содержаніе болѣе года въ острогѣ, подтвердить, чтобъ впредь въ поступкахъ своихъ былъ основательнѣе, и поручить будущему его начальству, чтобъ оно обращало особенное вниманіе на его поведение. Затѣмъ государственный совѣтъ утвердилъ сенатское заключеніе съ такимъ дополненіемъ въ отношеніи къ сочинителю стиховъ Пушкину, чтобъ по несприличному выраженію его въ отвѣтахъ насчетъ проществія 14 декабря 1825 г. и по духу самаго сочиненія, въ октябрѣ 1825 г. напечатаннаго, поручено было имѣть за нимъ и на мѣстѣ его жительства секретный надзоръ.

Это положеніе государственнаго совѣта было Высочайше утверждено 28 іюля 1828 г.

Биографическій очеркъ Андрея Филипповича Леопольдова, бывшаго впоследствии однимъ изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей въ Саратовѣ, находится въ «Очеркахъ исторіи гор. Саратова», Саратовъ, 1884. Ср. также статью Юрія Веселовскаго «Пушкинъ и Шенье».

429. СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

(т. II, стр. 287).

Впервые появилось въ изд. 1826 г.

«Мысль Пушкина», говоритъ по поводу этого стихотворенія П. В. Анисенковъ (Пушкинъ, стр. 283), постоянно живетъ не въ Тригорскомъ, а гдѣ-то въ другомъ, далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Подученію письма изъ Одессы всегда становится событіемъ въ уединенномъ Михайловскомъ. Въ своей черновой тетради, послѣ XXXII строфы 3-й главы Онегина, Пушкинъ дѣлаетъ приписку: «5 сентября 1824 года—une lettre de ». Сестра поэта, О. С. Павлищева, говорила намъ, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата (позвѣстный «талисманъ»),— послѣдній запирался въ своей комнатѣ, нигде не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ и осталось это стихотвореніе». Предполагаютъ, что особа, къ которой оно относится (равно какъ и два позднѣйшихъ стихотво-

твореній: «Ангель» и «Талисманъ») и портреты которой,—строгій женскій профиль¹⁾, съ головой, нѣсколько наклоненной внизъ («Въ дверяхъ Эдема ангель нѣжный главою поникшею сіялъ»),—такъ часто встрѣчаются на страницахъ пушкинскихъ тетрадей,—графиня Елизавета Ксаверіевна Воронцова, урожденная Браницкая, супруга графа Михаила Семеновича П. П. Бартењева («Пушкинъ», II, 97—98) рассказываетъ, что она до конца своей жизни (ум. 1880) сохранила о Пушкинѣ теплое воспоминаніе и ежедневно читала его сочиненія. «Когда зрѣніе совсѣмъ ей измѣнилось, она приказывала читать ихъ себѣ вслухъ, и притомъ—подъ рядъ, такъ что когда кончались всѣ томы, чтеніе возобновлялось съ перваго». П. А. Ефремовъ въ называетъ приведенные рассказы О. С. Павлищевой и П. П. Бартењева «сказками», впрочемъ, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Ср. примѣчанія къ «Ангелу» и «Талисману».

По поводу этого стихотворенія, въ связи съ другими, ему подобными, Бѣлинскій (Соч., т. VIII, изд. 1865, стр. 395—396) замѣчаетъ, что «чувство, лежащее въ ихъ основаніи, всегда такъ тихо и кротко, не смотря на его глубину, и выѣтъ съ тѣмъ такъ человѣчно, гуманно. Оно всегда проявляется у него въ формѣ, столь художнически спокойной, столь граціозной... Онъ ничего не отрицаетъ, ничего не проклинаетъ, на все смотритъ съ любовью и благословеніемъ. Самая грусть его, не смотря на ея глубину, какъ-то необыкновенно свѣтла и прозрачна; она умѣряетъ муки души и цѣлитъ раны сердца... Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ атомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка...».

430. ДРУЖБА

(т. II, стр. 288).

Впервые напечатано въ альманахѣ Погодина «Уранія» на 1826 г., стр. 268, и затѣмъ вошло, безъ измѣненій, въ изд. 1829 г. Первое упоминаніе объ атомъ четверостишіи находится въ письмѣ Пушкина къ брату отъ 27 марта 1825 г., въ которомъ поэтъ дѣлаетъ разныя распоряженія относительно предположеннаго изданія своихъ стихотвореній. Здѣсь, въ самомъ концѣ, Пушкинъ приписалъ: «Да тиснуть еще мою Птичку, да четыре стиха о дружбѣ: Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья». Но затѣмъ это послѣднее указаніе онъ зачеркнулъ, отчего четверостишіе и не попало въ изд. 1826 г.

Судя по мѣсту, занимаемому имъ въ рукописи Моск. Музей № 2370, лл. 28 об. и 33, можетъ быть, правильнѣе отнести его не къ 1825, а къ 1824 г. По справедливому замѣчанію Поливанова, оно написано «въ тонѣ тѣхъ замѣтокъ, которыя вошли въ Альбомъ Онегина».

¹⁾ Нѣсколько такихъ «строгихъ» профилей, видимо навѣянныхъ Воронцовой, см. въ настоящ. томѣ стр. 270.

431. ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ

(т. II, стр. 288).

Впервые напечатана въ изд. 1826 г., откуда перешла безъ перемѣнъ въ изд. 1829 г.

Бѣлинскій (Соч., т. VIII, изд. 1865 г., стр. 331) относитъ это стихотвореніе къ числу тѣхъ, которыя «можно охарактеризовать именемъ переходныхъ. Въ нихъ виденъ уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе вѣрный литературнымъ преданіямъ, еще ученикъ предшествовавшихъ ему мастеровъ, хотя часто и побѣждающій своихъ учителей; поэтъ даровитый, но еще не самостоятельный и—если можно такъ выразиться—оббѣдающій Пушкина, но еще не Пушкинъ. Въ этихъ переходныхъ стихотвореніяхъ видна живая историческая связь Пушкина съ предшествовающею ему литературою», и т. д.

Полѣвановъ видитъ въ этомъ стихотвореніи «портретное воспроизведеніе чувствъ, одушевившихъ поэта во время пира. Сила чувства, тоска, предлагаемый за дорогія ему искусство и науку, художественно соединяются здѣсь съ живымъ изображеніемъ разсвѣтающаго дня, заставшаго пирующихъ при свѣтѣ огней. Глубокая мысль, оканчивающая пѣсню, въ соединеніи съ силою одушевленія и красотой картины,—все это, выраженное гармоніей гибкаго амфибрахія, замыкаемаго звучными римами, и разнообразнымъ числомъ стопъ своихъ слѣдующаго за быстрой смѣною неожиданныхъ и блестящихъ мыслей,—сообщаетъ стихотворенію высочайшую красоту».

432. ВЕРТОГРАДЪ МОЕЙ СЕСТРЫ

(т. II, стр. 288).

Напечатано въ Московскомъ Вѣстникѣ 1829, ч. I, стр. 44, вмѣстѣ съ стихотвореніемъ: «Въ крови горитъ огонь желанья...», подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Подражанія». Въ изд. 1829 г. перепечатано безъ всякаго заглавія.

Это стихотвореніе представляетъ переложеніе слѣдующаго отрывка изъ гл. IV «Пѣсни Пѣсней»: «12. Вертоградъ заключенъ, сестра моя невѣста, вертоградъ заключенъ, источникъ запечатанъ».

«13. Вторася твоя—садъ шниковъ съ плодомъ яблочнымъ, купри съ нардами.

«14. Нардъ и шафранъ, трость и киннамонъ со всѣми древами ливанскими, смурна, алой со всѣми первыми мурами.

«15. Источникъ вертограда и кладязь воды живы и истекающія отъ Ливана.

«16. Возстань, сѣверъ, и гряди, юже, и повѣй во вертоградъ моемъ, и да потекутъ ароматы молъ».

Онѣкоторыя детали ср. въ «Исторіи текста».

433. КЪ ИМЕННИЦѢ

(т. II, стр. 288).

Впервые напечатано въ изд. Анненкова, т. VII, стр. 89. Написано, по всей вѣроятности, на именины Анны Николаевны Вульфъ, старшей дочери Пр. Ал. Осиповой: «Анна», по объясненію святцевъ, съ еврейскаго, значитъ: «благодать».

«Не одна хозяйка Тригорскаго, искренно привязанная къ Пушкину, слѣдила за его жизнью»,

Пушкинъ, т. III.

говорить Анненковъ («Пушкинъ въ Алекс. эпоху», 278 и сл.); «съ живописной площадки одного изъ горныхъ выступовъ, на которомъ расположено было помѣстье, много глазъ еще устремлялось на дорогу въ Михайловское, видную съ этого пункта,—и много сердецъ билось трепетно. когда по ней, огибая пзвивы Сороти, показывался Пушкинъ или пѣшкомъ, въ шляпѣ съ большими полями и съ толстой палкой въ рукѣ, или верхомъ на аргамакѣ, а то и просто на крестьянской лошаденкѣ... Двѣ старшія дочери г-жи Осиповой отъ перваго мужа, Анна и Евпраксія Николаевны Вульфъ, составляли два противоположные типа, отраженіе которыхъ въ Татьянѣ и Ольгѣ Онѣгина не подлежитъ сомнѣнію, хотя послѣдняя уже не носила на себѣ, по дѣйствию творческой силы, ни малѣйшаго признака портретовъ съ натуры, а возведены въ общіе типы русскихъ женщинъ той эпохи. По отношенію къ Пушкину Анна Николаевна представляла, какъ и Татьяна по отношенію къ Онѣгину, полное самоотверженіе и привязанность, которыя ни отъ чего устать и ослабѣть не могли, между тѣмъ какъ сестра ея, «воздушная» Евпраксія, какъ отзывался о ней самъ поэтъ, представляла совсѣмъ другой типъ. Она пользовалась жизнью очень просто, повидимому, ничего не искала въ ней, кромѣ удовольствій, и постоянно отворачивалась отъ романтическихъ ухаживаній за собою и комплиментовъ, словно ждала чего-либо болѣе серьезнаго и дѣльнаго отъ судьбы... Красивый персонажъ Тригорскаго не ограничивался этими двумя лицами. Кромѣ двухъ малолѣтнихъ сестеръ ихъ, посѣвшихъ уже фамилію Осипова (Марья и Екатерина Ивановны Осиповы тогда еще учились, и Пушкинъ помогать имъ иногда дѣлать переводы съ французскаго и на французскій языкъ), тутъ были еще многочисленныя кузины, напр., Анна Ивановна (впослѣдствіи—Трувеллеръ), которую звали Netty въ семействѣ; Анна Петровна Кернъ, урожденная Полторацкая; падчерица Пр. Ал. Осиповой—Александра Павловна Осипова, впослѣдствіи—Беклешова, по семейному прозванію «Анна»... Вообще всѣ онѣ почтены были Пушкинымъ стихотворными изъясненіями, похвалами, признаніями и пр. Пусть же теперь читатель представитъ себѣ деревянный, длинный одноэтажный домъ¹⁾, наполненный всей этою молодежью, весь празничный шумъ, говоръ, смѣхъ, гремѣвшій въ немъ круглый день, съ утра до ночи, и всѣ маленькія интриги, всю борьбу молодыхъ страстей, кипѣвшихъ въ немъ безъ устали. Пушкинъ былъ перенесенъ изъ азіатскаго разврата Книппева прямо въ русскую помѣщичью жизнь, въ нашъ обычный тогда дворянскій сельскій бытъ, который онъ такъ превосходно изображалъ потомъ. Онъ былъ теперь свѣтиломъ, вокругъ котораго вращалась вся эта жизнь,—и потѣшался ею, оставаясь постоянно зрителемъ и наблюдателемъ ея, даже и тогда, когда всѣ думали, что онъ плыветъ безъ оглядки вмѣстѣ съ нею. Съ усталой головой являлся онъ въ Тригорское и оставался тамъ по дѣльнымъ суткамъ и болѣе, приводя точасть въ движеніе весь этотъ міръ... Анна Николаевна (умершая дѣвушкой въ началѣ 60-хъ годовъ) отличалась быстротою и находчивостію своихъ отвѣтовъ, что было не легкое дѣло въ виду гостя изъ Михайловскаго, отличававшегося въ разговорахъ прямою и смѣлостью выраженій...»

¹⁾ См. изображеніе его въ т. II, стр. 373.

431. ЖИВѢ, ЖИВѢ КУРИЛКА

(т. II, стр. 289).

Относится къ М. Т. Каченовскому и вызвано полемикой Мих. Дмитриева съ кн. Вяземским по поводу Бахчисарайскаго Фонтана. «Каченовскій возсталъ на меня», писалъ Пушкинъ брату 14 марта 1825 г.: «Напиши мнѣ, благопристойнъ ли токъ его критикъ; если нѣтъ, — пришло эпиграмму». Эту эпиграмму поэтъ и прислалъ брату въ письмѣ, написанномъ въ началѣ апрѣля: «Вотъ тебѣ требуемая эпиграмма на Каченовскаго, перешли ее Вяземскому, а между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № Вѣстника Европы, гдѣ напечатанъ 2-й разговоръ Лже-Дмитріева *) это мнѣ нужно для предисловія къ Бахчисарайскому Фонтану».

Вяземскій 7 іюня 1825 г. сообщилъ Пушкину, что «Курилку отдалъ Телеграфу, — только боюсь, чтобы цензура не уморила его». Вѣроятно, это опасеніе оправдалось, потому что эпиграмма впервые явилась въ печати только въ Современникѣ 1837 г., № 7, стр. 78, откуда перепечатана въ изд. Анненкова, VII, 102.

435—436. СЕМЕЙСТВЕННОЙ ЛЮБВИ...

(т. II, стр. 289).

Въ письмѣ къ брату отъ 7 апрѣля 1825 г. Пушкинъ сообщаетъ, что Левъ можетъ писать къ нему, но адресуя письма на имя сестры. «Цѣлуй Ольгу», прибавляетъ онъ. «Вотъ тебѣ мой вчерашній impromptu: (выписано двустипше), Сожги это, показавъ ей». Далѣе Пушкинъ приводитъ «variantes en l'honneur de Mlle NN:

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради
Хвалю тебя, мой другъ, и спереди и
сзади.

«Mlle NN находитъ, что первый текстъ тебѣ приличенъ. Nonny soit, etc».

437. ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ

(т. II, стр. 289).

«Улыбнись, мой милый, вотъ тебѣ элегія на смерть Ан. Льв.», писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому въ концѣ апрѣля 1825 г., поставивъ подъ этими стихами, въ скобкахъ, подпись: «Я да Дельвигъ». Вяземскій отвѣчалъ 7 іюня: «Если (элегія) попадется на глаза Василью Львовичу, то заготовь другую пѣсню, потому что онъ, вѣрно, не перенесетъ удара».

Упоминаемая въ стихотвореніи лица: Лизавета Львовна — другая сестра отца Пушкина; Матвѣй Михайловичъ — камергеръ Солнцева, ея мужъ. Анна Львовна умерла въ концѣ 1824 г. и оставила Пушкину, по завѣщанію, нѣкоторую сумму денегъ. «Si ce que vous dites concernant le testament d' A. L. est vrai, c'est très-joli de sa part», писалъ Пушкинъ сестрѣ 4 декабря 1824 г. «Au vrai, j'ai toujours aimé ma pauvre tante, et je

*) Такъ Пушкинъ называлъ Мих. Дмитриева, въ отличіе отъ «подлиннаго» Дмитриева — Ивана Ивановича.

suis fâché que Chalikof aie pissé sur son tombeau». Въ «элегіи» вмѣсто Шаликова явился дядя.

«Сестра мнѣ пишетъ изъ Москвы — вѣдаешься ли ты съ нею?» читаемъ въ письмѣ Пушкина къ Вяземскому, въ первой половинѣ сентября 1825 г.: «Ради Бога, докажи Василью Львовичу, что элегія на смерть Анны Львовны — не мое произведеніе, а какого-нибудь другого беззаконника. Онъ восклицаетъ: «А она его сестрѣ 15.000 оставила!» Это напоминаетъ чай, которымъ онъ поилъ Милопова. Дѣло въ томъ, что, конечно, Дельвигъ болѣе виноватъ, нежели я. Похлопочи обо мнѣ, душа моя, какъ о братѣ...».

Воспоминаніе о Милоповѣ вызвано разговоромъ о томъ, какъ Вас. Львовичъ, узнавъ, что Милоповъ написалъ на него эпиграмму, съ огорченіемъ восклицалъ: «А вѣдь сколько разъ бывалъ у меня, чай пилъ!».

Поповичъ Красовскій — знаменитый цензоръ.

438. ЕСЛИ ЖИЗНЬ ТЕБЯ ОБМАНЕТЬ...

(т. II, стр. 290).

Напечатано въ Московскомъ Телеграфѣ 1825, ч. V, № 17, стр. 37, подъ заглавіемъ: «Стихи въ альбомъ». Сохранилась копія этого стихотворенія, сдѣланная рукой Пр. Ал. Осиповой, въ ея альбомѣ, принадлежащемъ нынѣ княгинѣ А. А. Хованской, подъ заглавіемъ: «Стихи въ альбомъ Ев. и Н... В... 1825 году.»

Евпраксія Николаевна Вульфъ, младшая дочь г-жи Осиповой отъ перваго брака, по семейному прозвищу «Зина» или «Зизи» (Euphrosine), была душою веселаго общества въ Тригорскомъ. Она играла на фортепьяно арии Россіи, мастерски варила жженку и являлась первою во всѣхъ предпріятіяхъ по части удовольствій. Отношенія къ ней Пушкина носили характеръ дружески-шутливый. «Евпраксія уморительно смѣшна», — писалъ поэтъ брату вскорѣ по пріѣздѣ въ Михайловское, въ 1824 г. «Я предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма...» Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «На дняхъ я мѣрялся поясомъ съ Евпраксіею, и талии наши вышли одинаковы. Слѣдственно — изъ двухъ одно: или я имѣю талию 15-лѣтней дѣвушки, или она — талию 25-лѣтняго мужчины. Евпраксія дуется... «Какъ поправилось», — писалъ онъ уже изъ Петербурга, 24 января 1828 г., П. А. Осиповой, — «м-ль Евпраксія ея пребываніе въ Торжкѣ, и много ли у нея тамъ побѣдъ?» (Въ Торжкѣ стоялъ тогда уланскій полкъ). Въ другомъ письмѣ (мартъ 1828), посылая г-жѣ Осиповой три послѣднія главы Олѣгина, Пушкинъ приложилъ отдѣльный экземпляръ для м-ль Евпраксіи, причемъ благодарилъ ее «за тотъ законпическій отвѣтъ, которымъ она удостоила его вопросъ». Когда Пушкину было сообщено о замужествѣ Евпраксіи Николаевны, онъ поздравилъ г-жу Осипову въ письмѣ отъ 29 іюня 1831 г. изъ Царскаго Села, выразивъ поворачной пожеланіе «всего того счастья, какое только возможно для насъ на этомъ свѣтѣ и котораго достойно существо столь благородное и кроткое». Она вышла замужъ за подпоручика барона Б. А. Вревскаго. Въ середнѣй мая 1832 г. Пушкинъ поздравилъ г-жу Осипову съ рожденіемъ внука.

Е. Н. Вревская надолго пережила Пушкина: она скончалась 22 марта 1883 г.

Къ этой-то «благородной и кроткой» дѣвушкѣ обращено ставшее знаменитымъ стихотвореніе, съ выраженіемъ бодрого чувства, побуждающаго смотрѣть впередъ съ надеждой и не смущаться въ минуты печали.

439. САФО

(т. II, стр. 290).

Напечатано въ изд. 1826 г. подъ заглавіемъ: «Юноша», а въ изд. 1829 г. — подъ заглавіемъ: «Сафо».

Одно изъ небольшихъ антологическихъ стихотвореній, навѣянныхъ чтеніемъ А. Шенье, которыя Бѣлинскій называлъ «чудными изваяніями, видимыми слухомъ».

440. КОЗЛОВУ

(т. II, стр. 290).

Напечатано въ изд. 1826 и 1829 гг., съ припискою: «по полученіи отъ него Чернеца», отброшенною посмертнымъ изданіемъ. На подлинной рукописи имѣется помѣта: «15 мая 1825. Михайловское-Арапово».

Иванъ Ивановичъ Козловъ (род. 11 апрѣля 1779, ум. 30 января 1840) въ 1821 г. ослѣпъ и съ этого же времени получилъ извѣстность своими переводами изъ Байрона и оригинальными стихотвореніями и поэмами. Важнѣйшая изъ послѣднихъ — «Чернецъ, кievская повѣсть» — вышла въ Спб. 1825 г. «Появленіе сей небольшой, но красотами богатой поэмы», — писалъ кн. Вяземскій въ Московскомъ Телеграфѣ 1825, ч. II, стр. 312, — «есть пріятное событіе въ спокойной литературѣ нашей, а появленіе творца ея въ тѣсномъ кругу первостатейныхъ поэтовъ нашихъ было, за нѣсколько лѣтъ тому, неожиданнымъ и отраднымъ фепоменомъ въ мірѣ нравственномъ и поэтическомъ... Несчастье, часто убійственное для души обыкновенной, было для него гениемъ животворящимъ. Недуги жестокіе, страдальчество физическое, развернули духовныя способности... По мѣрѣ, какъ терялъ онъ зрѣніе и ноги, прозрѣвалъ онъ и окрылялся духомъ... Сей утѣшительный примѣръ можетъ прибавить прекрасную главу къ психологической исторіи человека...»

«Читай твою о Чернеца», — писалъ Пушкинъ Вяземскому 25 мая. «Ты исполнилъ долгъ своего сердца. Эта поэма, конечно, полна чувства и умѣе Войнаровскаго, но въ Рыбевѣ есть больше замашки или размазки въ слогахъ...» Получивъ отъ Козлова экземпляръ поэмы съ собственноручною подписью, онъ писалъ (въ апрѣлѣ 1825) брату: «Подпись слѣбного поэта тропула меня несказанно. Повѣсть его — прелесть. Сердись онъ, не сердись, а «хотѣлъ простить — простить не могъ» достойно Байрона. Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы, — по крайней мѣрѣ, ужасное мѣсто, гдѣ портъ описываетъ свое затѣніе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хотелъ отвѣчать ему стихами...»

Упоминаемое въ этомъ письмѣ «посланіе» къ Жуковскому напечатано впереди поэмы, рядомъ съ посвященіемъ ея жениху поэта. Здѣсь, между прочимъ, находятся стихи:

Какъ мой Чернецъ, всѣ страсти молоды
Въ груди моей давно я схоронилъ,
И я, какъ онъ, всѣ радости земныя
Небесною надеждой замѣнилъ.
Не зрѣть мнѣ днѣ съ зарями золотыми,
Ни розъ весны, ни сердцу милыхъ лицъ,
И въ свѣтѣ лѣтъ ужъ я между живыми —
Тѣнь хладная безчувственныхъ гробницъ...

Пушкинъ зналъ, что Козловъ высоко его цѣнилъ. «Онъ твоимъ словомъ больше дорожитъ, нежели всѣми громкими похвалами», — писалъ ему Плетневъ 22 января 1825 г. Получивъ посланіе, Козловъ отвѣчалъ на него 31 мая: «Невозможно выразить то величайшее удовольствіе, какое доставили мнѣ ваши очаровательные стихи; это было поистинѣ прекрасное мгновеніе въ моей жизни, и я васъ за него горячо благодарю. Первая половина 7-го стиха оправдывается не тѣмъ маленькимъ дарованіемъ, какое, можетъ быть, у меня есть, но моимъ преклоненіемъ передъ вашимъ талантомъ и искреннею привязанностью, какую я къ вамъ питаю. Еще разъ — спасибо, большое спасибо: стихи ваши дошли прямо до моего сердца!» Письмо это написано, конечно, подъ диктовку Козлова, чужою рукою (по-французски); но въ концѣ его Козловъ приписалъ собственноручно (по-французски-же): Обнимаю васъ отъ всего сердца и остаюсь навсегда весь вашъ Иванъ Козловъ.»

441. П. А. ОСИПОВОЙ

(т. II, стр. 290).

Перебѣленный автографъ этого стихотворенія находится въ альбомѣ П. А. Осиповой, нынѣ принадлежащемъ княгинѣ А. А. Хованской, безъ заглавія и съ подписью: «А. П., С. Михайловское, 25 іюня 1825». Напечатано впервые въ «Свердловскихъ Цѣбтахъ» на 1829 г., стр. 183, подъ заглавіемъ: «П. А. О***» и затѣмъ повторено въ изд. 1829 г. Въ печати текстъ стихотворенія вездѣ одинаковъ, но въ автографѣ послѣдній стихъ 1-й строфы читается:

Душой безпечно предаваться.

Въ стихотвореніи отразились чувства, навѣяныя планами Пушкина о побѣдѣ за граніцу, о которомъ онъ въ ту пору переписывался съ братомъ и А. Н. Вульфомъ.

442. EX UNGUE LEONEM.

(т. II, стр. 291).

Вызвана отзывомъ А. Е. Цзмайлова обзвиграмѣ «Пріятели» (см. выше) и послана Пушкинымъ кн. Вяземскому въ письмѣ, писанномъ изъ Михайловскаго въ началѣ іюля 1825 г.: «Вотъ еще эпиграмма на Благопамѣреннаго, который, говорятъ, критиковалъ моихъ Пріятелей». Напечатана въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1825, ч. IV, № 13, стр. 43, съ подписью «А. П.», и затѣмъ повторена въ изд. 1826 и 1829 гг.

И въ письмѣ къ Вяземскому, и въ журналѣ, и въ изд. 1826 г. стихъ 4-й читается:

И въ свѣтѣ пустилъ безъ подписи жъ,
злой.

443. КЪ А. П. КЕРНЬ

(т. II, стр. 291).

Впервые напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 г., подъ заглавіемъ: «Къ ***»; съ тѣмъ же заглавіемъ, и безъ всякихъ измѣненій, перешло въ изд. 1829 г. и посмертное.

Подробности см. дальше въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго.

444. ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ

(т. II, стр. 292).

Напечатано въ «Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія» 1825, ч. XXX, № 6, стр. 299, съ полною подписью Пушкина; затѣмъ вошло въ изд. 1826 и 1829 гг.

Бѣлинскій относилъ это стихотвореніе къ лучшимъ, задумчивѣйшимъ произведеніямъ лирической музы Пушкина. Въ основѣ его лежатъ разрывъ съ неизвѣстною особою, жившею, очевидно, въ Одессѣ. «Поэтическое воспроизведеніе разлуки украшено, во второй половинѣ стихотворенія, высокимъ чувствомъ поэта, сознающаго въ себѣ силы для творчества, достойнаго славы», говоритъ Л. П. Поливановъ. «Въ этомъ сознаніи поэтъ находитъ утѣшеніе той сердечной боли, которую нанесла ему утрата его сердца. Въ послѣднихъ стихахъ слышенъ укоръ; слава призывается какъ благородное мщеніе за недостаточную оцѣнку чувствъ поэта со стороны той, къ кому элегія обращена. Этотъ укоръ, сопоставленный съ воспоминаніемъ о прошломъ, которое поэтъ сохраняетъ въ душѣ какъ святыню своего благороднаго сердца, и составляетъ главную красоту стихотворенія, будучи голосомъ души, высоко настроенной...»

445. КЪ А. Г. РОДЗЯНКО.

(т. II, стр. 292).

Напечатано въ «Современникѣ» 1859, т. 73, стр. 503, съ примѣчаніемъ: «Стихотвореніе это писано къ А. Г. Р., и набрано съ автографа, который съ 1856 г., по смерти А. Г. Р., перешелъ въ собственность брата его, М. Г. Р. Редакція «Современника» приносила сему послѣднему искреннюю благодарность за предоставленіе ей права напечатать это стихотвореніе».

Въ томъ же 1859 г. посланіе было напечатано и въ статьѣ А. П. Кернъ: «Воспоминанія о Пушкинѣ», въ «Библіотекѣ для Чтенія», т. 154, стр. 115, и въ изд. Геннади 1859 г.

Аркадій Гавриловичъ Родзянко (1793—1850) въ молодости служилъ въ военной службѣ и жилъ въ Петербургѣ, гдѣ имѣлъ случай, въ 1818—1819 гг., познакомиться съ Пушкинымъ. Онъ игралъ весьма пошлую роль въ исторіи высылки Пушкина на югъ (см. т. I, стр. 500) но незлобивый поэтъ не сердился на него. Родзянко занимался литературой и писалъ стихи, печатавшиеся въ разныхъ журналахъ и альманахахъ; но въ числѣ его произведеній были и такія, которые оказывались неудобными для печати по своему приличному содержанію: вотъ отчего Пушкинъ и называетъ его «Пиропомъ Украйны»,—

по имени французскаго нескромнаго поэта XVIII вѣка, а въ письмѣ къ нему отъ 8 декабря 1824 г. присоединяетъ къ этому названію еще и другое: «Намѣстникъ Феба или Пріапа». Оставивъ военную службу въ 1821 г., Родзянко поселился въ своемъ имѣніи, въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., гдѣ и сблизился съ сосѣдкой А. П. Кернъ. Въ письмѣ своемъ къ Пушкину, писанномъ въ маѣ 1823 г., онъ, между прочимъ, говоритъ по поводу этой связи: «Итакъ, одна трудность перемѣны и искренность моей привязанности составляютъ мою добродѣтель. «Слѣдовательно»,—говоритъ Анна Петрова,—«не много стоитъ добродѣтель ваша». А она соблюдаетъ молчаніе—знакъ согласія и справедливости.»—Письмо это было писано въ присутствіи самой А. П. Кернъ, которая тутъ же и приписала: «Увѣрю васъ, онъ у меня вовсе не въ оковахъ».—«А чья вина?» спрашиваетъ Родзянко: «Вотъ, теперь вздумала мириться съ Ермолаемъ Ѳедоровичемъ»),—снова пришло давно остывшее желаніе имѣть законныхъ дѣтей, и я пропалъ. Тогда можно было извиниться молодостью и неопытностью, а теперь чѣмъ? Ради Бога, будь посредникомъ». Тутъ Анна Петровна опять приписываетъ: «Ей-богу, я этихъ строкъ не читала!»—а Родзянко продолжаетъ: «Но заставила ихъ прочесть себѣ десять разъ. Тѣмъ-то Анна Петровна и очаровательнѣе, что со всѣмъ умомъ и чувствительностью образованной женщины она изобилуетъ такими дѣтскими хитростями...» (Бартеввъ, Пушкин, II, 125—126; Майковъ, Пушкинъ, 239).

Въ отвѣтъ на это письмо, писанное еще раньше свиданія Пушкина съ Анной Петровной въ Тригорскомъ, Пушкинъ и написалъ све посланіе. См. Н. П. Черныява, Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ, 65—80, и П. О. Сумцова, Исслѣдованія, 327—330.

446. ОДА ХВОСТОВУ

(т. II, стр. 293).

Напечатана впервые Аппенковымъ, въ VII томѣ его изданія соч. Пушкина, и прежними издателями относилась къ 1824 г., но написана, несомнѣнно, въ 1825, такъ какъ въ ней приведено и оговорено въ примѣчаніи выраженіе Кюхельбекера въ посланіи къ Грибоѣдову, напечат. въ Московскомъ Телеграфѣ 1823, № 2:

Цѣвещ! Тебѣ даны рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье свѣтлое и къ родинѣ любовь
Высокаго искусства
И рѣзвоскачущая кровь!

Въ началѣ апрѣля того же года Пушкинъ писалъ брату изъ Михайловскаго: «Надѣюсь, что Дельвигъ и Баратынскій привезутъ мнѣ и Анахарзиса Клода (такъ онъ въ шутку называлъ Кюхельбекера), который вѣрно сердится на меня за то, что мнѣ не по нутру рѣзвоскачущая кровь Грибоѣдова». А въ октябрѣ кн. Вяземскій писалъ Пушкину, очевидно, намекая на эту оду:

Ты самъ Хвостова подражатель,
Красотъ его любостяжатель...

*) Генералъ Кернъ, мужъ Анны Петровны.

Ода, вѣроятно, написана въ концѣ апрѣля, такъ какъ уже 4 мая Тургеневъ обѣщалъ прислать Вяземскому пушкинское «сравненіе въ стихахъ Байрона съ графомъ Хвостовымъ: прелестно!» (Ост. Арх., III, 121).

Произведенія графа Дм. Пав. Хвостова, курьезныя по своей полной бездарности въ соединеніи съ высокопарнымъ стилемъ, служили постояннымъ предметомъ потѣхи для «арзамасцевъ» и вообще писателей молодого поколѣнія. Особенной популярностью въ этомъ кружкѣ пользовались его нецѣпныя басни, на которыя въ «Арзамасѣ» сообщая сочинялись пародіи; его разсказы въ баснѣ «Два голубя» о томъ, какъ голубь, попавшійся въ силки, зубами перегрызъ петлю, сдѣлался своего рода «крылатымъ словомъ». Пушкинъ, въ своемъ стихотвореніи, написанномъ въ веселую минуту, пародируетъ оды Хвостова и другихъ старинныхъ нашихъ стихотворцевъ, съ произведеніями которыхъ онъ былъ основательно знакомъ еще со школьной скамьи. Здѣсь высмѣиваются грубые приемы такъ наз. «стремительнаго приступа», темнота выраженій, вызванныхъ потребностью рѣшмы, которыя поэтому требуютъ примѣчаній, нѣрѣдко еще менѣе вразумительныхъ, нежели стихи, къ которымъ они относятся, грубое неблагозвучіе стиха, неудачныя сочетанія словъ, усѣченныя окончанія и т. п. приемы, такъ часто встрѣчающіеся въ старинныхъ произведеніяхъ этого рода. Въ самыхъ формахъ имени собственныхъ Пушкинъ пародируетъ стариковъ своего времени, такъ какъ пишетъ, напр., «Бейронъ», «Гебелъ», «Пенна» и пр. Но высшей степени комизма пародія достигаетъ въ самомъ ея содержаніи. Уже одна мысль—призвать графа Дмитрія Ивановича занять мѣсто похищеннаго «быстропарнымъ недугомъ» Байрона, какъ защитника угнетенныхъ грековъ противъ ихъ притѣснителей, турокъ, должна была вызывать неудержимый смѣхъ у читателей того времени. Комическое впечатлѣніе еще усиливается увѣреніемъ, что Хвостовъ и въ Греціи будетъ «сенаторомъ» и «почтеннымъ литераторомъ». Далѣе развивается сравненіе Хвостова съ Байрономъ, особенно забавное по упоминанію объ ихъ семейныхъ отношеніяхъ. Последняя строфа завершаетъ пародію уже совершенною безмыслицей, терпящейся въ нагроможденіи мнѳологическихъ именъ, которое влечетъ за собою обширный комментарий, въ свою очередь, являющійся пародіей на примѣчанія къ стариннымъ одамъ.

447. ПРОЗАНКЪ И ПОЭТЪ.

(т. II, стр. 294).

Напечатано въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827, ч. I, № 4, стр. 232, съ подписью: А. П.

Поводомъ къ этой эпиграммѣ, по словамъ кн. П. А. Вяземскаго (Соч., I, 321), послужилъ не совсѣмъ благоприятный отзывъ его о Цыганяхъ. «Этотъ разборъ», говоритъ Вяземскій, «навлекъ или могъ бы навлекъ облачко на свѣдѣнія мои съ Пушкинымъ сношенія. О томъ я долго не догадывался и узналъ случайно, гораздо позднѣе. Александръ Алексѣевичъ Мухановъ, общій пріятель нашъ, сказалъ мнѣ однажды, что изъ словъ, слышанныхъ имъ отъ Пушкина, онъ убѣдился, что поэтъ не совсѣмъ доволенъ отзывомъ моимъ о поэмѣ его. Помнится мнѣ, что

Пушкинъ былъ особенно недоволенъ замѣчаніемъ моимъ о стихахъ: «медленно склонился и съ камня на траву свалился.» Между тѣмъ, онъ самъ ничего не говорилъ мнѣ о своемъ неудовольствіи; напротивъ, сколько могу припомнить, даже благодарилъ меня за статью. Какъ бы то ни было, взаимныя наши отношенія оставались самыми дружественными. Онъ молчалъ; молчалъ и я, опасаясь дать словамъ Муханова видъ сдѣланныхъ, за которую Пушкинъ могъ бы разсердиться. Но и не признавалъ я надобности привести въ ясность этотъ сомнительный вопросъ. Могъ я думать, что Пушкинъ и забылъ, или измѣнилъ свое первоначальное впечатлѣніе; но Пушкинъ не былъ забывчивъ. Въ то самое время, когда между нами все обстояло благополучно, Пушкинъ однажды спрашиваетъ меня въ упоръ, можетъ ли онъ напечатать слѣдующую эпиграмму: «О чемъ, прозаякъ, ты хлопочешь?» Полагая, что вопросъ его относится до деизуры, отвѣчаю, что не предвижу никакого со стороны ея препятствія; между тѣмъ, замѣчаю, что при этихъ словахъ лицо его вдругъ вспыхнуло и озарилось краскою—обычною въ немъ примѣтою какого-нибудь смущенія или внутренняго сознанія въ неловкости положенія своего. Впрочемъ, и тутъ я, такъ сказать, пропустилъ или проглядылъ краску его: не далъ себѣ въ ней отчета. Тѣмъ дѣло и кончилось. Уже послѣ смерти Пушкина какъ-то припомнилась мнѣ эта сцена: загадка печально сама разгадалась предо мною; я понялъ, что этотъ прозаякъ—я, что Пушкинъ, легко оскорблявшійся, оскорбился нѣкоторыми замѣтками въ моей статьѣ и, наконецъ, хотѣлъ узнать отъ меня, не оскорблюсь ли я самъ напечатаніемъ эпиграммы, которая сорвалась съ пера его противъ меня».

448. ДВИЖЕНІЕ

(т. II, стр. 294).

«Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то Альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ, у меня ихъ пропасть, пзбираю невнимательныхъ». Такъ писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому въ началѣ декабря 1825 г., посылая стихотворенія: «Совѣтъ», «Соловей и Кукушка», «Движеніе», «Дружба» и «Мадригалъ». Всѣ эти стихотворенія были затѣмъ напечатаны въ альманахѣ «Новогодникъ»: «Урація, карманная книжка на 1826 годъ» и оттуда перешли въ изд. 1829 г.

Въ рукописяхъ Пушкина осталась замѣтка, послужившая темою для настоящаго стихотворенія: «Удивлялся динику, который сталъ ходить передъ человекомъ, отрицающимъ движеніе. Солнце ежедневно дѣлаетъ то же самое, что Диогенъ, по нѣкому не убѣждается».

«Брадатый мудрецъ», отрицавшій движеніе, Зенонъ Элейскій, философъ 5-го вѣка до Р. Х. «То, что вы называете движеніемъ,—говорилъ онъ,—есть только названіе, данное дѣлому ряду одинаковыхъ положеній, изъ которыхъ каждое, взятое въ отдѣльности, есть покой. Въ каждой отдѣльной точкѣ пространства предметъ находится въ покой; общая сумма такихъ состояній покоя и называется движеніемъ». Ср. П. Черныяева, Критич. статьи и замѣтки о Пушкинѣ. 326—333.

449. СОЛОВЕЙ И КУКУНИКА

(т. II, стр. 294).

Напечатано въ «Ураніи» Погодина на 1826 г. «Какъ ты отдѣлалъ элегиковъ въ своей эпиграммѣ!»—писалъ Пушкину Баратынскій, посылая Уранію. «Тутъ и мнѣ досталось, да и подѣломъ; я прежде тебя спохватился, и въ одной не напечатанной піесѣ говорю, что стало очень прилично—

Вытѣ жеманное поэтовъ нашихъ лѣтъ».

450. СОВѢТЪ

(т. II, стр. 294).

Уранія на 1826 г. и изд. 1829 г.

Въ альманахѣ стихъ 1-й читается:

Повѣрь: когда и мухъ, и комаровъ

451. САТИРИКЪ И ПОЭТЪ ЛЮБОВНЫЙ

(т. II, стр. 295).

Въ письмѣ къ кн. Вяземскому, писанномъ въ первой половинѣ сентября 1825 г. къ этому восьмистишію послужили поводомъ дошедшіе до Пушкина слухи о томъ, что дядя Василій Львовичъ очень обидѣлся шуточкой «Элегіей на смерть Анны Львовны» (см. выше). «Дѣло въ томъ», говоритъ поэтъ, «что, конечно, Дельвигъ бохѣ виновать, нежели я. Похлопочи обо мнѣ, душа моя, какъ о братѣ». Далѣе слѣдуютъ стихи, объясняющіе, почему Пушкинъ называетъ Вяземскаго братомъ, и вариантъ 5-го стиха:

Василій Львовичъ тонкій, острый.

Можетъ быть, стихотвореніе предназначалось также и для сообщенія обидѣвшемуся дядѣ.

452. БРОВИ ЦАРЬ НАХМУРЯ...

(т. II, стр. 295).

Этимъ стихотвореніемъ начинается письмо къ Барону Дельвигу, писанное изъ Михайловскаго въ сентябрѣ или октябрѣ 1825 г. За стихами слѣдуетъ приписка: «Вотъ тебѣ, душа моя, приращеніе къ куплетамъ Эристова. Подѣлуй его отъ меня въ лобъ. Я помню его отрокомъ, вырвавшимся изъ-подъ пологихъ іезуитовъ. Благоговяло его во имя Феба и св. Бобонія безполаго».

Князь Дмитрій Алексѣевичъ Эристовъ былъ младшимъ товарищемъ Пушкина по Лицею. Племянникъ его, кн. Павелъ Арсѣевъчъ Путятинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ Русско-й Старинѣ 1887, говоритъ о близости его къ Пушкину и Дельвигу, о живости и веселости его характера, и приводитъ, будто бы, съ автографа, сочиненный Пушкинымъ акростихъ на имя: «Димитрій», судя по стиху, очень сомнительнаго происхожденія (см. ниже, въ отдѣлѣ стихотвореній, приписываемыхъ Пушкину). «Куплеты» Эристова, вѣроятно, сообщенные Пушкину Дельвигомъ,—надо думать, шуточные стихи того же размѣра, что и пушкинское «приращеніе». Въ

рукописяхъ попадается, между прочимъ, такое восьмистишіе, изъ котораго два стиха напечатаны В. Я. Брюсовымъ въ книжкѣ: «Письма Пушкина къ Пушкину», М. 1903, стр. 157:

За трапезой царской
Адыутантъ сидѣлъ,
Съ важностью боярской
Чинно раковъ ѣлъ.
Фрейлина съ тарелки
Шарикъ ему въ глазъ, и пр.

Вѣроятно, это и есть «куплеты» Эристова.

453. БОРНІСТЬ ГОДУНОВЪ

(т. II, стр. 315).

Послѣ созданія «Цыганъ» Пушкинъ почувствовалъ въ себѣ способность къ драматическому творчеству. Уже въ этой поэмѣ многія сцены невольно получили подъ его перомъ драматическую форму. По словамъ Анненкова, поэтъ говорилъ друзьямъ, что послѣ «Цыганъ» ему открылась новая дорога, о которой онъ прежде и не помышлялъ. Цѣль драмъ, созданныхъ имъ въ періодъ съ 1825 по 1832 годъ, была естественнымъ слѣдствіемъ этого вдохновеннаго откровенія (Полыновъ. Соч. Пушкин., III, 5).

Первая зима послѣ невольнаго переселенія Пушкина «въ далекий сѣверный уѣздъ» была для него особенно тяжела послѣ шумной жизни въ Одессѣ; ссора съ отцомъ, тревожное ожиданіе еще новыхъ неприяностей, затѣмъ почти совершенное одиночество въ обществѣ старухи-няни, изрѣдка прерываемое побѣдками въ Тригорское говоровымъ, да посѣщеніями Святогорскаго архимандрита, этого «духовнаго надзирателя» за опаснымъ поэтомъ,—все это наводило на Пушкина тоску, отъ которой онъ могъ избавляться только успешнымъ чтеніемъ. И онъ всецѣло погружается въ книги: «Книгъ, ради Бога, книгъ,—это пища души!»—пишетъ онъ брату, безпрестанно требуя присылки то новыхъ журналовъ, то разныхъ сочиненій, о которыхъ узнавалъ изъ журнальных статей или зналъ раньше только по слухамъ. Библія, Четы-Миней, Карамзинъ, французскіе переводы Шекспира, Шиллера, Альфиери, Вальтера Скотта, курсъ драматической литературы А. В. Шлегеля,—вотъ тѣ книги, которымъ поэтъ удѣляетъ въ эту пору наибольшее вниманіе. Только теперь онъ пристально вчитывается въ Шекспира и «не можетъ въ себя придти отъ изумленія». Его мысли все больше и больше обращаются къ драмѣ; размышляя о разныхъ вопросахъ «классической» теоріи, которая въ то время считалась у насъ непреложной истиной, онъ ясно видитъ ея недостатки, формализмъ, условность и все спѣше чувствуетъ потребность отрѣшиться отъ литературныхъ предубѣжденій и пойти своимъ, самостоятельнымъ, путемъ. Мало-по-малу, у него вырисовывается планъ оригинальной драмы изъ русской исторіи. Весною 1825 г. онъ уже сообщаетъ этотъ планъ своему старому другу Ник. Раевскому, который и даетъ ему, въ отвѣтномъ письмѣ отъ 10 мая того же года, нѣсколько общихъ совѣтовъ.

«У тебя,—пишетъ Раевскій,—нѣтъ недостатка въ блестящихъ замыслахъ, но не хватаетъ терпѣнія привести ихъ въ исполненіе. Итакъ, тебѣ предстоитъ проложить путь и къ развитію національнаго театра. Что же касается терпѣнія, то я желаю бы, чтобы ты справлялся съ источниками,

которыми пользовался Карамзинъ, а не слѣдовалъ только его разсказу. Не забудь, что Шпильеръ изучалъ астрологию прежде, чѣмъ принялся за Блаженштейна. Признаюсь, я не совсѣмъ понимаю, зачѣмъ ты хочешь писать свою трагедію бѣлыми стихами. Я думалъ бы, напротивъ, что тутъ представляется случай воспользоваться всѣми богатствами нашихъ многочисленныхъ размѣровъ, разумеется, употребляя ихъ не совмѣстно, какъ это дѣлаетъ Шаховской, но и не обязывая себя пользоваться во всѣхъ сценахъ тѣмъ размѣромъ, какой принять для первой. Хороша или дурна будетъ твоя трагедія,—я заранее предвижу важныя послѣдствія для нашей словесности. Ты дашь жизнь нашему шестистопному стиху, который до сихъ поръ такъ тяжелъ и безжизненъ; ты сообщишь діалогу движеніе, которое сдѣлаетъ его похожимъ на разговоръ, а не на фразы изъ словаря, какъ это было до сихъ поръ; ты доверишь водвореніе у насъ простой и естественной рѣчи, которой наша публика еще не пошмаетъ, несмотря на прекрасные образцы ея въ Цыганкахъ и Разбойникахъ. Ты сведешь, наконецъ, поэзію съ ея ходуль», (Майковъ, Пушкинъ, 145).

«Душа моя, и предпринялъ такой литературный подвигъ, за который ты меня расцѣлуешь: романтическую трагедію!»—писалъ Пушкинъ, 13-го іюля 1825 г., кн. Вяземскому: «Смотри, молчи же! объ этомъ знаютъ весьма немногіе».

Примѣняя къ своему новому труду названіе романтической трагедіи, поэтъ, очевидно, хотѣлъ этимъ выразить, что его драма будетъ и по формѣ и по содержанію полнымъ нарушеніемъ классическихъ правилъ, и рѣшилъ, какъ можно сильнѣе подчеркнуть это ея несходство съ общепринятыми литературными образами: онъ не только отказался отъ шестистопнаго рифмованнаго «александрійскаго» стиха, считавшагося въ то время непремѣннымъ условіемъ трагедіи, но при окончательной отдѣлкѣ пьесы уничтожилъ даже сдѣланное первоначально раздѣленіе ея на дѣйствія и, слѣдовательно, пошелъ даже дальше «романтическихъ» образцовъ—Шекспира и Шиллера; онъ просто разбилъ пьесу на отдѣльныя сцены и даже заглавіе для нея придумалъ въ стилѣ первоначальнаго русскаго театра петровскихъ временъ.

«Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ въ лѣто 7333 на городѣхъ Воронѣхъ».

Впрочемъ, при окончательной отдѣлкѣ это заглавіе, какъ слишкомъ изысканное и длинное, было сокращено, а для печати Пушкину поневолѣ пришлось ограничиться только двумя словами: «Борисъ Годуновъ», такъ какъ критикъ III Отдѣленія нашелъ неприличнымъ сопоставленіе словъ: «комедія» и «царь».

«Трагедія моя идетъ, и думаю къ зимѣ ее копчить, вслѣдствіе чего читаю только Карамзина, да Лѣопольда»,—писалъ Пушкинъ Жуковскому 17 августа. «Что за чудо эти два послѣдніе тома Карамзина! какаѣ жизни! C'est palpitant comme la gazette d'hier, писалъ я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть: нельзя ли мнѣ доставить или издать Желѣзнаго Колпакъ, или житіе какого-нибудь юродиваго. Я напрасно искалъ Василія Блаженнаго въ Четьи-Минеехъ,—а мнѣ бы очень нужно».

«Карамзинъ очень доволенъ твоими трагиче-

скими занятіями и хотѣлъ отыскать для тебя Желѣзнаго Колпакъ»,—сообщалъ Пушкину Вяземскій 6 сентября. «Онъ (Карамзинъ) говоритъ, что ты долженъ имѣть въ виду въ начертаніи характера Борисова дикую смѣсь: пажности и преступныхъ страстей. Онъ постоянно перечитываетъ Библію и искалъ въ ней оправданія себѣ. Это противоположность драматическая! Я совѣтовалъ бы тебѣ прислать планъ трагедіи Жуковскому, для показанія Карамзину, который могъ бы тебѣ полезенъ быть въ историческомъ отношеніи. Житіе Василія Блаженнаго напечатано особо», и пр.

Пушкинъ, однако, не хотѣлъ считаться по чужой указкѣ и потому не воспользовался совѣтомъ пріятеля, а постарался отшутиться:

«Благодарю отъ души Карамзина за Желѣзный Колпакъ, что онъ мнѣ присылаетъ; въ замѣну отошлю ему по почтѣ свой двѣтвой, который полно мнѣ таскать»,—писалъ онъ Вяземскому 13 сентября. «Въ самомъ дѣлѣ, не пойти ли мнѣ въ юродивые, авось буду блаженнѣе! Сегодня кончилъ я вторую часть моей трагедіи; всѣхъ, думаю, будетъ четыре. Моя Маринка—славная баба: настоящая Катерина Орлова,—знаешь ее? Не говори, однако жъ, этого никому. Благодарю тебя и за замѣчаніе Карамзина о характерѣ Бориса. Оно мнѣ очень пригодилося, Я смотрѣлъ на него съ политической точки, не замѣчая поэтической его стороны; я его засажу за Евангеліе, заставлю читать повѣсть объ Продѣ и тому подобное. Ты хочешь плана? возьми копецъ X-го и весь XI-й томъ, вотъ тебѣ и планъ».

Жуковскій ободрялъ Пушкина въ его работѣ и пророчилъ, что она будетъ для него началомъ лучшей поры. «Ты напишешь такого Годунова, что у насъ всѣхъ будетъ душа прыгать»,—писалъ онъ поэту въ концѣ сентября: «Слава побѣдитъ обстоятельство, въ этомъ я увѣренъ».

Осенью 1825 г. пьеса была уже готова. Пушкинъ читалъ ее наѣвѣтившему его въ деревнѣ лицейскому товарищу кн. А. М. Горчакову, который вполнѣдовѣнъ говорилъ, что заставилъ Пушкина выбросить изъ сцены на дѣвичьемъ Полѣ слово: «слонъ»; читалъ онъ ее и своему пріятелю-сосѣду А. Н. Вульффу, какъ самъ говоритъ объ этомъ въ строфѣ 55-й IV главы Опыта:

.... послѣ скучнаго обѣда
Ко мнѣ забредшаго сосѣда
Поймавъ нежданно за полу,
Душу трагедіи въ углу.

Въ началѣ октября онъ писалъ Вяземскому: «Поздравляю тебя, моя радость, съ романтической трагедіею, въ ней же первая персона Борисъ Годуновъ! Трагедія моя кончена, я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: «ай-да Пушкинъ, ай-да сукинъ сынъ!» Юродивый мой малый презабавный; на Марину у тебя. . . . — пбо она полька и собою прензрядна (вродѣ К. Орловой, сказывалъ я тебѣ?) Прочіе также очень милы, кромѣ капитана Маржерета, который все по- . . . бранится; цензура его не пропустила. Жуковскій говоритъ, что царь меня проститъ за трагедію; наврядъ мой милый. Хотя она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго. Торчать!»

«Я не умру, это невозможно: Богъ не захочетъ, чтобы Годуновъ со мною уничтожился»,—писалъ онъ въ то же время Жуковскому. «Каждо

принимаю твое пророчество: пусть трагедія испу-
нитъ меня . . . по до трагедіи ли нашему чер-
стовому вѣку?»

Совершенно закончена была пьеса 7 ноября 1825 г.; эта пьеса выставлена въ бѣловой пуш-
кинской рукописи. Тогда же явились у поэта и
сомнѣнія въ возможности напечатать новое свое
произведение. «Важная вещь: я написалъ трагедію,
и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ вы-
дать»,—писалъ онъ А. А. Бестужеву 30 ноября:
«робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго ро-
мантизма...»

Друзья Пушкина, конечно, очень заинтересо-
вались Голуно вымъ и желали поскорѣе про-
честъ его. Объ этомъ писалъ ему Баратынскій,
потомъ Катенинъ; Плетневъ просилъ, отъ имени
Карамзина, прислать Бориса для прочтенія: «онъ
никому его не покажетъ, или только тѣмъ, кому
ты велишь». Пушкинъ, видимо, еще не рѣшился
на огласку—и отговаривался тѣмъ, что пьесу не-
кому переписывать. «Пригласи изъ Опочки для
на три къ себѣ какого-нибудь писака»,—совѣто-
валъ ему Плетневъ (6 февраля 1826). Въ другомъ
письмѣ (27 февраля). Плетневъ сообщилъ, что
Жуковскій «особенно проситъ прислать Бориса.
Онъ бы желалъ его прочесть самъ и еще (когда
позволишь) на лекціи его». Но Пушкинъ не по-
давался и уже съ досадою отвѣчалъ (3 марта):
«Не будетъ вамъ Бориса прежде, чѣмъ не выпи-
шете меня въ Петербургъ... А ты хорошъ! Пи-
шешь мнѣ: переписывай, да панимай писцовъ
Опочскихъ, да издавай Онѣгина. Мнѣ не до Онѣ-
гина. Чортъ возьми Онѣгина! Я самъ себя хочу
издать или выдать въ свѣтъ!... «Какого вамъ
Бориса и на какія лекціи? Въ моемъ Борисѣ бра-
тятся по—м . . . на всѣхъ языкахъ. Это тра-
гедія не для прекраснаго пола...»

Вызванный государемъ въ Москву, Пушкинъ
въ сентябрѣ и октябрѣ 1826 г., нѣсколько разъ
читалъ свою пьесу въ кругу литераторовъ. Объ
одномъ изъ этихъ чтеній, 12 октября, въ домѣ
Веневитиновыхъ, мы имѣемъ любопытный раз-
сказъ М. П. Погодина («Рус. Арх.» 1865, № 1,
стр. 95). Въ числѣ слушателей здѣсь находились:
П. Я. Чаадаевъ, гр. М. Ю. Вяземскій, братья
Кирѣевскіе, Хомяковъ, Баратынскій, Шевыревъ,
Мидкевичъ. «Мы собрались слушать Пушкина,—
говоритъ Погодинъ,—воспитанные на стихахъ
Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, ко-
торыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ на-
шимъ былъ Меразиковъ. Надо припомнить и об-
разъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то
время. Это былъ расцѣвъ, завѣщанный француз-
скою декламациею, которой мастеромъ считался
Коконкинъ и послѣднимъ представителемъ былъ
въ наше время графъ Блудовъ. Наполеонъ, надо
себѣ представить самую фигуру Пушкина. Ожи-
даннѣйшій нами величавый жрецъ высокаго искус-
ства былъ средняго роста, почти низенькій чело-
вѣчекъ, вертлявый, съ длинными, нѣсколько курча-
выми по концамъ волосами, безъ всякихъ притя-
заній, съ живыми, быстрыми глазами, съ тихимъ,
пріятнымъ голосомъ, въ черномъ сюртукѣ, въ
черномъ жилетѣ, застегнутомъ наглухо, въ не-
брежно повязанномъ галстукѣ. вмѣсто высоко-
парнаго языка боговъ, мы слышали простую,
ясную, обиходную и, между тѣмъ, поэтиче-
скую, увлекательную рѣчь!»

Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно,
или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но
чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена

лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломляла.
Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Пе-
сторъ поднялся изъ могилы и говорить устами
Пимена. Мнѣ послышался живой голосъ русскаго
древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ
до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова мо-
настыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ инокъ:
«да пошлетъ Господь покой его душѣ стра-
дающей и бурной»,—мы просто всѣ какъ будто
обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ
ознобъ. Волосы поднимались дыбомъ. Не стало
силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочить съ
мѣста, кто вскрикнетъ... то молчаніе, то взрывъ
рукоплесканій... наиримѣрь, при стихахъ Само-
ванца:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба парекла,
Вокругъ меня народы возмущила,
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла!...

Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на
друга долго и потомъ бросились къ Пушкину.
Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ,
пошли слезы, поздравленія...

Мидкевичъ, выслушавъ трагедію, восклик-
нулъ: «Tu Shakespeare eris, si fata sinant!» Ба-
ратынскій писалъ 26 октября А. А. Муханову,
что «Борисъ»—чудное произведение, которое
составитъ эпоху въ нашей словесности («Рус.
Арх.» 1895, III, 125); А. О. Воейковъ сообщалъ
22 ноября Д. М. Червошникову: «Это—чудо, это—
образецъ силы, ужаса, высокого и великаго. Русь
ничего не имѣла подобнаго въ драматическомъ
родѣ. Прочтите сіи строки поэту Языкову,—онъ
затрепетать отъ восторга и соревнованія!» («Рус.
Арх.» 1890, III, 92).

За это чтеніе «Бориса» Пушкинъ немедленно
получилъ выговоръ отъ шефа жандармовъ. «При
отѣздѣ моемъ изъ Москвы», писалъ ему Бен-
кендорфъ 22 ноября 1825 г., «не имѣя времени
лично съ вами переговорить, обратился я къ вамъ
письменно съ объявленіемъ Высочайшаго соизво-
ленія, дабы вы, въ случаѣ какихъ-либо новыхъ
литературныхъ произведеній вашихъ, до напеча-
танія или распространенія опытовъ въ рукописяхъ,
представляли бы предварительно о разсмотрѣніи
оныхъ, или чрезъ посредство мое, или даже и
прямо Его Императорскому Величеству... Нынѣ
доходить до меня свѣдѣнія, что вы изволили чи-
тать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами
трагедію. Сіе меня побуждаетъ васъ покорнѣе
просить объ увѣдомленіи меня: справедливо ли такое
извѣстіе или нѣтъ? Я увѣренъ, впрочемъ, что вы
слишкомъ благомыслили, чтобы не чувствовать въ
полной мѣрѣ столь великодушнаго къ вамъ мо-
нарнаго снисхожденія и не стремиться учинить
себя достойнымъ оного». Пушкинъ немедленно
отослалъ свою пьесу въ III Отдѣл. Собств. Е. И. В.
Канцеляріи, а Бенкендорфъ поручилъ ея размо-
трѣніе одному изъ своихъ образованныхъ чинов-
никовъ. Отзывъ этого оффиціальнаго критика на-
печатанъ М. П. Сухоминовымъ, «Изслѣд.
и статьи», II, 219. Здѣсь указано, что «въ сей
пьесѣ нѣтъ ничего цѣлаго: это отдѣльные сцены
или, лучше сказать, отрывки изъ X и XI тома
Песторіи Государства Россійскаго, соч. Карамзина,
перевѣданные въ разговоры и сцены. Характеры,
происшествія, мѣстныя,—все основано на сочине-
ніи Карамзина, все отсюда позаимствовано. Ав-
тору комедіи принадлежитъ только разсказъ, распо-

ложеніе дѣйствія на сценѣ... Цѣль пьесы—показать историческія событія въ естественномъ видѣ, въ правахъ своего вѣка. Духъ дѣлаго сочиненія—монархическій, ибо нигдѣ не введены мечты о свободѣ, какъ въ другихъ сочиненіяхъ сего автора, и только одно мѣсто предосудительно въ политическомъ отношеніи: народъ привязывается къ самозванцу именно потому, что почитаетъ его отраслью древняго царскаго рода. Нѣкоторые болѣе увлекаются честолюбіемъ, — но такъ говорить исторія. Имена—почти всѣ историческія. Литературное достоинство—гораздо ниже, нежели мы ожидали. Это не есть подражаніе Шекспиру, Гете, Шиллеру; ибо у сихъ поэтовъ, въ сочиненіяхъ, составленныхъ изъ разныхъ эпохъ, всегда находится связь и цѣлое въ пьесахъ. У Пушкина это—разговоры, припоминающіе разговоры Вальтера Скотта. Для русскихъ это будетъ чрезвычайно интересно по новостямъ рода и по отечественнымъ событіямъ; для иностранцевъ все это потеряно. Нѣкоторыя сцены... истинно замѣчательны и народны; но въ цѣломъ составѣ нѣтъ ничего такого, которое бы показывало сильные порывы чувства или пламенное поэтическое воображеніе. Все—подражаніе, отъ первой сцены до послѣдней. Прекрасныхъ стиховъ и тирадъ весьма мало. Нѣкоторыя мѣста должно непременно исключить. Говоря сіе, должно замѣтить, что челоуѣкъ съ малѣйшимъ вкусомъ и такъ-то не осмѣлился бы никогда представить публикѣ выраженія, которыя нельзя произнести ни въ одномъ благопристойномъ трактирѣ (напр., слова Маржерета).

Далѣе докладчикъ отмѣчаетъ къ исключенію слѣдующія шесть мѣстъ:

1) Въ концѣ сцены III, отъ словъ: «Ахъ, смѣлуйся, отецъ нашъ!» до словъ: «Внѣцъ за нимъ!» Въ изд. 1831 въ эта сцена была пропущена, и явилась, съ пропускомъ отмѣченныхъ стиховъ, только въ посмертномъ изд.

2) Въ сценѣ VII, отъ словъ Мисаила: «Что же ты не подтягиваешь...» до словъ Григорія: «Да кого жь имъ надобно?»

3) Въ сценѣ IX, всѣ рѣчи Пушкина, начинающіяся словами: «Такой грозъ, что врядъ царю Борису...»

4) Въ сценѣ XVII—слова Маржерета: «Tudieu, il y fait chaud!» и т. д., до конца реплики. Въ изд. 1831 г. реплика Маржерета измѣнена слѣдующимъ образомъ: «Diable, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanets, comme il s'appelle, est un brave à trois poils!»

5) Въ сценѣ XVIII—пія юродиваго «Николка». Въ изд. 1831 г. юродивый явился безъ имени.

6) Въ сценѣ XXI—семь стиховъ изъ рѣчи Бориса, начинающія словами: «Лишь строгостью мы можемъ неусыпной...»

Въ заключеніе доклада высказывается, что къ напечатанію пьесы «кажется, нѣтъ никакого препятствія. Разумѣется, что играть ее невозможно и не должно, ибо у насъ не видывали патріарха и монаховъ на сценѣ».

14 декабря 1826 г. Бенкендорфъ увѣдомилъ Пушкина: «Я имѣлъ счастье представить государю императору комедію вашу о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрѣпьевѣ. Его Величество изволилъ прочесть оную съ большимъ удовольствіемъ и на поднесенной мною посему предмету запискѣ собственноручно написать слѣдующее: «Я считаю, что цѣль г. Пушкина была бы выполнена, если бы съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ

историческую повѣсть или романъ, на подобіе Вальтера Скотта». Увѣдомля васъ о семъ Высочайшемъ отзывѣ и возвращая при семъ сочиненіе ваше, долгомъ считаю присовокупить, что мѣста, обратившія на себя вниманіе Его Величества и требующія нѣкотораго очищенія, отмѣчены в-самой рукописи и заключаются также въ прилагаемой у сего выпискѣ».

Пушкинъ отозвался (3 января 1827), что его пьеса, дѣйствительно, болѣе сбивается на историческій романъ, но что онъ уже не въ силахъ передѣлать однажды имъ написанное. На этомъ пока, и остановились его ходатайства о разрѣшеніи напечатать Бориса.

Убѣжая изъ Москвы въ Петербургъ, поэтъ, въ видѣ опыта, отдалъ въ только что возникшій тогда журналъ Погодина «Московскій Вѣстникъ» сцену Пимена съ Григоріемъ, которая и была напечатана въ № 1 этого журнала за 1827 г. Отзывы журналовъ объ этой сценѣ показали только совершенную неподготовленность тогдашней критики къ оцѣнкѣ новаго произведенія Пушкина. Рецензенты, по словамъ «Моск. Вѣстн.», «младенчески» сожалѣли о томъ, что сей отрывокъ писанъ не съ рѣчами. Надежды на совѣтоваль Пушкину съ жечъ его драму; Загоскинъ смѣялся надъ нею и высказалъ готовность промѣнять ее на модную картинку, и пр.

Кромѣ сцены Пимена, ранѣе полнаго изданія Бориса явились: въ «Свѣт. Цвѣтахъ» на 1828 г.—сцена Курбскаго и Самозванца на границѣ, и въ «Деницѣ» 1830 г.—двѣ первыя сцены.

Петербургскіе друзья поэта познакомились съ его новымъ произведеніемъ въ 1827—28 гг. Жуковскій былъ въ восторгѣ: «Годуновъ—превосходное твореніе,—писалъ онъ А. П. Тургеневу,—много глубокости и знанія челоуѣческаго сердца. Гдѣ онъ (Пушкинъ) все это беретъ?» (Письма Жуковск. къ Тург., изд. Рус. Архива, М. 1895, стр. 230); Крыловъ добродушно посмѣялся надъ комедіей, назвавъ ее «совершеннѣйшимъ уродомъ»; кн. Вяземскій, послѣ чтенія у гр. Лаваль (16 мая 1828), гдѣ присутствовали, между прочимъ, Грѣбовдовъ и Мицкевичъ, сообщалъ А. П. Тургеневу: «Кажется, всѣ были довольны, сколько можно быть довольнымъ, мало поимая. Въ трагедіи есть красоты первостепенныя... Ниня сцены, въ особенности изъ послѣднихъ, недостаточно развиты, и только развѣ des somnifères des scènes. Вообще пѣтія удивительная, трезвость, спокойствіе. Автора почти нигдѣ не виднѣшь. Передъ тобою—не куклы на проволокахъ, дѣйствующія по мацію закулиснаго фокусника. Но за то, можетъ быть, мало созданія...» (А. С. Пушкинъ по док. Остаф. арх. II, 21). Большинству тогдашнихъ читателей произведеніе Пушкина дѣйствительно было мало понятно. «Люди образованные,—писалъ Погодину Н. М. Мельгуновъ,—по съ предразсудками французской школы, вовсе не понимаютъ смысла этого произведенія, удивляются пятистопнымъ ямбамъ, тому, что монахъ выведетъ на сцену; да и самая простота языка Пимена становится для нихъ предметомъ соблазна» («Рус. Арх.» 1884, II, 360). «Общее мнѣніе,—говоритъ Анненковъ (Мат., 136)—поражено было новымъ направленіемъ, какое принялъ поэтъ, но не увлечено имъ. Весьма немногіе угадали поэтическое откровеніе одной народнои эпохи. Наиболѣе расположенные къ поэту еще признавали достоинство стиха, но другіе, численно сильнѣйшіе, не видѣли уже прежняго

сладкозвучнаго пѣвца своего за этимъ бѣлымъ стихомъ и сожалѣли о юношескихъ блестящихъ произведеніяхъ, гдѣ рѣма заканчивала образъ, всѣмъ понятный и увлекательный. Толки, возбужденные появившимся въ печати отрывкомъ Бориса, привели Пушкина къ мысли, что весь споръ о классицизмѣ и романтизмѣ былъ оптический обманъ, которому и онъ самъ поддавался, и что необходимость преобразования литературныхъ формъ не лежала въ общихъ потребностяхъ, въ дѣйствительно возмужаломъ и измѣнившемся вкусѣ публики. Почти съ той же минуты сталъ Пушкинъ считать трагедію свою анахронизмомъ и смотрѣть съ пропіей на свое предположеніе создать народную драму. Какъ ни горекъ былъ опытъ, но Пушкинъ нашелъ ему оправданіе въ общемъ французско-классическомъ воспитаніи всего современнаго поколѣнія... Вотъ почему онъ и не рѣшался въ ту пору продолжать хлопоты о разрѣшеніи напечатать Бориса.

Въ бумагахъ поэта сохранилось нѣсколько замѣтокъ, набросанныхъ имъ въ разное время, въ 1825—1830 гг. и относящихся къ его трагедіи. Приводимъ ихъ здѣсь.

I.

О Гаврилѣ Григорьевичѣ Пушкинѣ*). Передался самозванцу, былъ имъ съ Плещеевымъ посланъ возмущать Москву, пожалованъ имъ въ великіе сокольничіе (побывалый чинъ), находился потомъ думнымъ дворяниномъ (1616 г.) съ Мпинимъ, получая 120 р. окладу. Въ 1630 году находился въ томъ-же чинѣ. 1 октября 1619 года у Срѣтенскихъ воротъ, съ Макс. Радловымъ, зашпицасть Москву противъ Владислава и Сагайдашнаго. Въ Вязмѣ принимаетъ возвращающагося изъ пѣвна Филарета; въ 1643 году онъ Елатомскимъ намѣстникомъ и посломъ въ Польшѣ (о границахъ).

II.

Pour une préface.—Le public et la critique ayant accueilli avec une indulgence passionnée mes premiers essais et dans un temps où la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière que j'allais embrasser, je leur dois reconnaissance entière, et je les tiens quitte envers moi—leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux.

III.

Je me présente ayant renoncé à ma manière première. N'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli. Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.

IV.

Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшаюсь я

*) Пушкинъ ошибся въ имени предка. его звали Григоріемъ Гавриловичемъ. Онъ умеръ въ 1656 г.

выдать въ свѣтъ Бориса Годунова. Успѣхъ или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтобы собственные ея недостатки не были отнесены къ романтизму и чтобы она тѣмъ самымъ не замедлила хода...

19 іюля 1829. Арзрумъ.

V.

Съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ.... И хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, по признаю, неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтанъ, я могу сказать о моемъ сочиненіи: «c'est une oeuvre de bonne foi». Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ, одобреніе малаго числа избранныхъ... Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣишемъ которыхъ дорожу. Одного не доставало въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслию моей трагедіи, чей геній одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградой и единственно развлекало me среди уединеннаго труда*).

VI.

Комедія о царѣ Борисѣ и о Гр. Отрепьевѣ писана въ 1825 году, и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія [оживить въ формахъ драматическихъ] одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ повѣйшей исторіи. Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкоемъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! Успѣхъ или измѣна воспользоваться—не знаю. Но крайней мѣрѣ, труды мои были ревностны и добросовѣстны.

Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой-нибудь стихотворной повѣсти слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнѣніе критики, понять со всевозможнымъ хладнокровіемъ, въ чемъ именно состоятъ ея обвиненія, и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы il est indifférent, что такая-то глава Олѣгана выше или ниже другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ моей драмы огорчилъ бы меня, ибо я твердо увѣренъ, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразование нашей сцены.

*) Карамзинъ умеръ 22 мая 1826.

(Ермакъ А. С. Хомякова есть болѣе произведение лирическое, чѣмъ драма. Успѣхомъ своимъ оно обязано прекраснымъ стихамъ, коими оно написано).

Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ. Стихъ, употребленный мною (пятистопный ямбъ), принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ Аргивлянахъ. А. Жандръ въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезуру французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія.

Есть шутки грубыя, сдѣланы простонародныя. Поэту не должно быть площаднымъ изъ доброй воли, если можетъ ихъ избѣгать; если жъ нѣтъ, то ему нѣтъ нужды стараться замѣнять ихъ чѣмъ-нибудь инымъ.

Нашедъ въ исторіи одного изъ предковъ моихъ, игравшаго важную роль въ сію несчастную эпоху, я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, сеп аморе, но безо всякой дворянской спѣси. Изъ всѣхъ моихъ подражаній Байрону дворянская спѣсь была самое смѣшное. Аристократію пашу составляетъ дворянство новое, древнее же пришло въ упадокъ; его права уравнины съ правами прочихъ сословій, великія нѣбніа давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже если былъ и проч. Принадлежать къ такой аристократіи не представляетъ никакого пресимущества въ глазахъ благоразумнаго челоуѣка, и уединенное почитаніе къ славѣ предковъ можетъ только навлечь пареканія въ страшномъ безсмыслии или въ подражаніи иностранцамъ.

Но отъ кого бы я ни происходилъ,—отъ разпочинцевъ, вышедшихъ въ дворяне, или отъ одного изъ самыхъ старинныхъ русскихъ родовъ, отъ предковъ, коихъ имя встрѣчается почти на каждой страницѣ исторіи нашей,—образъ мыслей моихъ отъ этого никакъ бы не зависѣлъ. Отказываясь отъ него я ничуть не намѣренъ, хотя нигдѣ доникѣ я его не обнаруживалъ, и никому до него дѣла нѣтъ.

VII.

Не стану оправдывать правила, коими я руководствовался въ составленіи сей трагедіи: духъ вѣка требуетъ великихъ перемѣнъ и на сценѣ драматической; можетъ быть, и онѣ обманутъ надежды преобразователей. Поэтъ, живущій на высотахъ созданія, ясное видитъ, можетъ быть, и недостатки привередливыхъ требованій, и то, что скрывается отъ взоровъ возмущеной толпы, но напрасно было бы ему бороться. Такимъ образомъ, Лоре де Vega и Расинъ уступали потоку. Но гений, какое направленіе ни изберетъ, остается всегда гений: судъ потомства отдѣлитъ золото, ему принадлежащее, отъ примѣси.

VIII.

Вѣроятно, трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же, главныя сцены уже напечатаны или искажены въ подражаніяхъ. Раскрывъ наудачу историческій романъ г. Булгарина, на-

шелъ я, что у него о появленіи Самозванца приходится объявлять царю кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Годуновъ говоритъ наединѣ съ Басмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у г. Булгарина также. Все это—драматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другого... Но это еще не бѣда, les beaux esprits se rencontrent.

IX.

Мнѣніе митрополита Платона о Дмитріѣ Самозванцѣ, будто бы воспитанъ у езуитовъ, удивительно дѣтское и романтическое. Всякій былъ годеиъ, чтобъ разыграть эту роль. Доказательство послѣ смерти Отрепьева: Тушинскій воръ, и проч. и проч. и проч.

X.

Lorsque j'écrivais cette tragédie, j'étais seul à la campagne, ne voyant personne, ne lisant que les journaux etc... d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur; j'éprouvais donc une grande répugnance à livrer au public ma tragédie. Je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes, mais je trouve tout cela fort inutile.

Послѣ долгихъ колебаній, Пушкинъ рѣшился, наконецъ, издать Бориса, и въ 1829 г., передъ отъѣздомъ на Кавказъ, передать свою рукопись Жуковскому, съ тѣмъ, чтобы онъ, «пересмотрѣвъ еще поправленное сочиненіе, заготовилъ чистый экземпляръ, въ какомъ видѣ полагаетъ лучше издать его.» 20 іюля Плетневъ представилъ рукопись пьесы въ III Отдѣленіе; о ней доложено было 10 октября государю, который снова потребовалъ перемѣны нѣкоторыхъ «слишкомъ тривіальныхъ» мѣстъ. Пушкинъ рѣшился отстаивать свободу своего творчества и, наконецъ, 28 апрѣля 1830 г. получилъ желаемое разрѣшеніе: «Что касается вашей трагедіи о Годуновѣ, то его Величество дозволяетъ вамъ ее напечатать подъ собственною вашею отвѣтственностью», — писалъ поэту Бенкендорфъ.

«Милый! Побѣда!» писалъ Пушкинъ Плетневу въ началѣ мая: «Царь позволяетъ мнѣ напечатать Годунова въ первобытной красотѣ... Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мнѣ, Ал. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить о Ѳадѣѣ Булгаринѣ? Кажется, неприлично».

Поэтъ рѣшилъ обойтись безъ всякаго предисловія.

Книга печаталась (съ рукописи, кое-гдѣ исправленной Жуковскимъ) въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія и выпущена изъ печати 24 декабря 1830 г. На ея заглавномъ листѣ, вмѣсто прежняго названія, выставлено только: «Борисъ Годуновъ», а на оборотѣ: «Съ дозволенія Правительства». Затѣмъ, на отдѣльномъ листѣ, напечатано посвященіе:

Драгоценной для Россіи

памяти

Николая Михайловича

Карамзина

сей трудъ, гениемъ его вдохновенный,
съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ,
Александръ Пушкинъ.

Въ этомъ изданіи пропущены были сцены III (Дѣвичье Поле) и XII (Уборная Марини), напечатанныя только впоследствии, въ посмертномъ изданіи. Въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Пивалиду» 1834, № 3, при переводѣ съ нѣмецкаго статьи барона Ег. Фед. Розена о Борисѣ Годуновѣ, напечатанной въ «*Deutscher Jahrbücher für Litteratur*», 1833, № 1, была помѣщена «добавочная сцена» въ монастырской оградѣ (см. т. II, стр. 365). Объ этой сценѣ бар. Розенъ отзывался такъ: «Упомянемъ объ одномъ явленіи, не напечатанномъ... по совѣтамъ польскаго писателя Мицкевича и покойнаго Дельвига: будто бы сцена сія ослабляетъ впечатлѣніе, произведенное разсказомъ Пимена. Авторъ, намѣреваясь помѣстить эту сцену при второмъ изданіи «Бориса Годунова», позволилъ памъ...» и пр.

Печатный экземпляръ пьесы былъ представленъ государю, объ отзывѣ котораго Бенкендорфъ увѣдомилъ автора 9 января 1831 г. — Бенкендорфъ не рѣшился отправить письмо, не представивъ его предварительно государю, который сдѣлалъ въ немъ исправленія. Такъ, въ письмѣ было сказано: «Е. В. Государь Императоръ, прочитавъ сочиненіе ваше «Борисъ Годуновъ», изволилъ отозваться, что чтеніе сего изящнаго политическаго творенія доставило ему великое удовольствіе; государь изволилъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: «Е. В. Государь Императоръ поручить мнѣ изволилъ увѣдомить васъ, что сочиненіе ваше «Борисъ Годуновъ» изволилъ читать съ особымъ удовольствіемъ» (Сухомлиновъ, Изсл., II, 218—233).

Въ «Лит. Газетѣ», 1831, № 1, находимъ извѣстіе, что въ первое же утро по выходѣ книги было раскуплено, по показаніямъ книгопродавцевъ, до 400 экземпляровъ ея. «Это доказываетъ, — прибавляетъ Газета, — что непривѣтливые журналисты напрасно винятъ нашу публику въ равнодушіи къ истинно хорошему въ нашей литературѣ и вообще ко всему отечественному». Въ той же «Лит. Газ.» 1831, № 1, 2 и 3, былъ напечатанъ и разборъ трагедіи Пушкина. Другія критическія статьи и рецензіи явились въ «Сынѣ Отеч.» 1830, №№ 24—28 (ч. 142, 143, ст. В. Плагина); затѣмъ — въ «Колокольчикѣ» 1831, № 6 (ст. В. Олипа); «Моск. Телегр.», № 2; «Сиб. Вѣстникъ», № 2 (ст. Яковлева); «Сынѣ Отеч.», № 40 и 41 (ст. Ф. Камашева); «Сѣв. Пчелѣ», № 133 и 167; «Сѣв. Меркурій», № 1; «Телескопѣ», № 4 и «Эхо», № 2 (ст. Ф.—д.—Дика). См. еще «Дамскій Журналъ» № 6 и 10 (ст. С. Н. Глинка); «Сѣв. Меркурій», № 28; «Истокъ», № 45. — Сцена Пимена съ Григоріемъ, напечатанная отдѣльно въ «Моск. Вѣстникѣ» 1827, № 1, разобрана Д. В. Веневитиновымъ въ статьѣ: «Analyse d'une scène détachée de la tragédie de M-r Pouchkine» («Полн. собр. соч. Веневитинова, изд. 1862, стр. 191). См. также «Европеецъ» 1832, ч. I, стр. 102—123 и 259—278. Кромѣ того, разборъ драмы посвящена особая брошюра: «О Борисѣ Годуновѣ, сочиненіи Александра Пушкина. Разговоръ» (М. 1831, 16 стр. перепечат. въ «Рус. Стар.» 1890, т. 68, стр. 445—454, и у Зелинскаго, Рус. критич. литература о произв. Пушкина, ч. III), сочиненіе которой приписывалось В. С. Филимонову. Объ этомъ совершенно несправедливо и пошломъ произведеніи см. Соч. Бѣлинскаго, изд. Венгеровъ, I, 148.

Въ общемъ, современная Пушкину критика оказалась неподготовленной къ оцѣнкѣ Бориса

Годунова и отнеслась къ нему исключительно съ формальной стороны, не находя въ драмѣ никакого примѣненія къ сценѣ. Большинство отзывовъ сводилось къ тому, что это — не драма, не поэма, не повѣсть, а такъ, какой-то выродокъ, которому нѣтъ имени въ теоріи литературы и который невозможно ни къ чему приспособить. «Никто изъ критиковъ-самозванцевъ не умѣлъ оцѣнить этого прекраснаго творенія», — писалъ бар. Розенъ Шевыреву. «Кривые толки, косые взгляды, шканье, дурацкій смѣхъ — вотъ чѣмъ привѣтствовали Годунова, творецъ коего во времени Петrarки и Тасса былъ бы удостоенъ торжественнаго въ Кантоліи коронованія. За отсутствіемъ лучшихъ критиковъ, я написалъ рецензію въ «Литературной Газетѣ». Кромѣ того, я еще перевелъ его на нѣмецкій языкъ съ рукописи автора и заслужилъ восторженную благодарность».

Горячо привѣтствовалъ Пушкина въ «Литературной Газетѣ» и самъ ея издатель, старый его другъ и товарищъ, бар. Дельвигъ. Его статья, напечатанная въ №№ 1 и 2 за 1831 г., была его лебединою пѣснью и осталась несовершенною. Въ «Телескопѣ» 1831, № 4, Н. П. Надеждинъ напечаталъ статью: «Бесѣда старыхъ знакомцевъ» — въ защиту Пушкина отъ легкомысленныхъ сужденій, въ примѣръ которыхъ привелъ эпиграмму, напечатанную въ «Сѣверномъ Меркуріи»:

И Пушкинъ сталъ намъ скученъ,
И Пушкинъ надобѣнъ,
И стихъ его не звученъ,
И теплѣ охладѣнъ.
Бориса Годунова
Онъ выпустилъ въ народъ:
Убогая снова
Увы! на новый годъ!

Н. В. Кирѣевскій, въ своемъ журналѣ «Европеецъ», съ горечью отмѣтилъ печальное состояніе нашей литературной образованности и упрекнулъ Пушкина за то, что онъ не понималъ современныхъ читателей, давая имъ такую вещь, которая далеко выше ихъ разумѣнія...

Изъ отзывовъ неблагопріятныхъ слѣдуетъ упомянуть объ обширной статьѣ Н. А. Полевого въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1833, ч. 49, №№ 1 и 2. Критикъ особенно осуждалъ Пушкина за посвященіе драмы памяти Карамзина: «Итакъ еще разъ суждено было Пушкину заплатить дань своему воспитанію, образованію своихъ юныхъ лѣтъ, предразсудкамъ, авторитетамъ стараго времени! Еще разъ классицизмъ, породившій исторію Карамзина, долженъ былъ восторжествовать надъ сильнымъ представителемъ романтизма и европейской современности XIX вѣка въ Россіи! Прочитавъ посвященіе, знаемъ напередъ, что мы увидимъ карамзинскаго Годунова. Этимъ словомъ рѣшена участь драмы Пушкина. Ему не пособятъ уже ни его великое дарованіе, ни сила языка, какою онъ обладаетъ. Мы увидимъ въ его драмѣ только борьбу сильнаго генія, блѣдный отбѣнокъ великой идеи, а подробности должны быть непремѣнно ложны и сбивчивы или безцѣльны...» Главный упрекъ Полевого Пушкину заключался въ томъ, зачѣмъ Борисъ представленъ убійцей, а не человекомъ, который, будучи певчимъ, падаетъ жертвою непобѣдимой клеветы.

Петербургскіе журналы отнеслись къ Борису, вообще, съ большими похвалами, чѣмъ даже уд-

вили Пушкина. «Пяшутъ мнѣ, что Борисъ мой имѣетъ большой успѣхъ»,—писалъ поэтъ Плетневу изъ Москвы 7 января 1831 г.: «Странная вещь, непонятная вещь! По крайней мѣрѣ, я того никакъ не ожидаю. Что тому причиною? Чтеніе Вальтера Скотта? Голосъ знатоковъ, коихъ избранныхъ такъ мало? Крикъ друзей моихъ? Мнѣніе Двора? Какъ бы то ни было, я успѣха трагедіи моей у васъ не понимаю. Въ Москвѣ то ли дѣло? Здѣсь жалуютъ о томъ, что я совсѣмъ, совсѣмъ упалъ; что моя трагедія—подражаніе Кромвелю Виктора Гюго; что стихи безъ рѣмъ—не стихи; что самозванецъ не долженъ быть такъ неосторожно открыть тайну свою Маринѣ; что это съ его стороны очень вѣтренно и неблагоразумно, и тому подобныя глубокія критическія замѣчанія. Кду переводовъ и суда пѣвцевъ, а о французяхъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ Варшавскому бунту и скажутъ мнѣ, какъ напишутъ: «Помилуйте-съ!» Любопытно будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей изъ конкx. одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло. Прочіе попугаи...»

Катенинъ, однако, отнесся къ Борису Годунову, противъ ожиданія Пушкина, рѣзко-отрицательно. «Это—не драма отнюдь,—писалъ критикъ, строгій классикъ по своимъ убѣжденіямъ,—а кусокъ исторіи, разбитый на мелкіе куски въ разговорахъ; и въ этомъ отношеніи слишкомъ многого недостаетъ... Что отъ него пользы бѣлому свѣту? На театрѣ онъ нейдетъ, поэмой его назвать нельзя, ни романомъ, ни исторіей въ лицахъ, ничѣмъ; для котораго изъ чувствъ человѣческихъ онъ имѣетъ дѣлу или достоинство? Кому будетъ охота его читать, когда пройдетъ первое любопытство? Я его сегодня перечелъ въ третій разъ, и уже многое пропустилъ а кончилъ, да подумалъ: нуль...» («Въ пользу голодающихъ», М. 1892, стр. 233). В. К. Кюхельбекеръ, сначала восторженно привѣтствовавшій Бориса, послѣдствіемъ находилъ, что драма Пушкина слишкомъ отзывается подражаніемъ Шекспиру, и предпочиталъ ей трагедію Кукольника «Торквато Тассо» (Барсуковъ, Жизнь Погодина, II, 110). Зато съ восторгомъ уивался драмой Пушкина представитель молодого поколѣнія—Бѣлинскій, хотя въ основу его позднѣйшей (1844 г.) критики легла принятая на вѣру отъ Полевого и неправильная по существу мысль, будто Пушкинъ «рабски» слѣдовалъ Карамзину. Новѣйшее изслѣдованіе Н. Н. Жданова: «О драмѣ Пушкина Борисъ Годуновъ» (Спб. 1892) съ полною доказательностью установило, что Пушкинъ работалъ надъ своей драмой независимо отъ Карамзина, проверяя и измѣняя его показанія по источникамъ. (Объ отзывахъ Полевого, Бѣлинскаго и др. см. во II т. предисловіе О. Д. Батюшкова).

Критика уже давно указывала на извѣстную зависимость Пушкина отъ Шекспира: изученіе историческихъ драмъ Шекспира отразилось не только въ общемъ характерѣ трагедіи Пушкина, но и въ отдѣльных ея сценахъ. Съ этой стороны поучительно сравнить избраніе Бориса на царство съ сценой избранія герцога Глостера («Ричардъ III», д. III, сд. 7); монологъ Бориса: «Достигъ я высшей власти»—съ монологомъ Генриха V: «На короля, все, все на короля» («Генрихъ V», д. IV, сд. 1) и въ особенности—послѣднія наставленія Бориса Осодору со сценою между Генрихомъ IV и принцемъ Уэльскимъ («Генрихъ IV», ч. II, послѣдняя сцена IV дѣйствія).

Военныя сцены также представляютъ большое сходство съ подобными же сценами въ «Генрихѣ V». Нѣкоторые нѣмедкіе изслѣдователи видятъ въ Борисѣ слѣды вліянія гётевскаго «Гетда ф. Берлихингена» (Honegger, Russ. Literatur und Kultur, 1880, S. 189; Weddigen, Gesch. der Einwirkungen der deutschen Literatur auf die Literaturen der übrigen Völker, 1892, S. 166); по, кажется, напрасно. Нѣкоторое (весьма, впрочемъ, общее) сходство Бориса съ Атаксіей Расина указано О. Д. Батюшковымъ въ статьѣ «Пушкинъ и Расинъ», въ сборникѣ «Памяти Пушкина» (препод. и слушат. Спб. унив. (Спб. 1900, стр. 1—34). Сужденія Пушкина о драматической поэзіи подобраны въ ст. Н. К. Козмина «Взглядъ Пушкина на драму» (тамъ же, 179—225).

Борисъ Годуновъ извѣстенъ намъ въ трехъ рукописяхъ—двухъ полныхъ и одной неполной, подробности о которыхъ будутъ сообщены въ статьѣ: «Исторія пушкинскаго текста». Кромѣ того, А. О. Опѣгинимъ-Отто найденъ въ бумагахъ Жуковскаго и напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1882, № 10, стр. 893, слѣдующій черновой отрывокъ:

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Комедія

о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ,

Лѣтопись о многихъ мятѣжахъ и пр.

Писано бысть Алексашкою Пушкинымъ въ лѣто 7333,

на городищѣ Вороничѣ.

Послѣ сцены VI.

Гдѣ жъ онъ? гдѣ старецъ Леопидъ?
Я здѣсь одинъ, и все молчю,
Холодный духъ въ лицо мнѣ дуесть,
И ходитъ холодъ по главѣ...
Что жъ это? Что же знаменуетъ?
Бѣда ли мнѣ, бѣда ль Москвѣ?..
Бѣда тебѣ, Борисъ лукавый!
Царевичъ тѣню кровавой
Войдетъ со мной въ твой свѣтлый домъ.
Бѣда тебѣ! Главы преступной
Ты не спасешь ни покаяньемъ,
Ни Мономаховымъ вѣнцомъ.

Въ рукописи Румянцевскаго Музея № 2370 трагедіи непосредственно предшествуютъ слѣдующія историческія замѣтки:

«Убіеніе св. Димитрія. Чиновники Владим. Заградской и Никифоръ Чепчуговъ не согласились. Дядька царскій, окольничій Андрей Лупт-Клешинъ, предложилъ дядька Михайла Битяговскаго. Сынъ его Данило, племянникъ Никита Качаловъ, сынъ его Осипъ (убійцы). Кормилица Димитрія Прна Жданова.

1591 г. мая 15—Судья: Клешинъ и кн. Вас. Ив. Шуйскій, младшій братъ погибшаго кн. Андрея Шуйскаго, дядька Вылузгинъ. 19 мая съ крутицкимъ митрополитомъ (Геласіемъ) являютъ въ Угличѣ, въ церк. св. Преображенія. Геласій проситъ прощенія за вдовую царю. Царицу постригаютъ въ пустыню св. Николая на Выкѣ.

1598. Государственный дядька и печатникъ Василій Шелкаловъ требуетъ присяги во имя думы боярской. Избраніе Годунова.

Ссылки и казни. 1584—87. Діонисій, мудрый Грамматикъ, замыслиють съ кн. Шуйскимъ о разводѣ Теодора съ Припою; по клеветѣ взяты подъ стражу кн. Татевы, Урусовы, Колычевы, Быкасовы, друзья кн. Ш., кн. Андрей Пв. Ш. Псковскій сосланъ въ Каргополь, другихъ заточили въ Буй-городъ, въ Галичъ, въ Шую и въ Сибирь. Кн. Пв. Татевъ — въ Астрахань; купцамъ отсѣкли головы. Діонисій и Варлаамъ заточены, 1-й — въ монастырь Хутыпскій, 2-й — въ Антоніевъ Новгородскій. Кн. Шуйскій удушенъ.

1584. Верховная дума. Кн. Мстиславскій, старый бояринъ и воевода. Никита Роман. Юрьевъ, дядя государя, братъ Анастасіи. Кн. Шуйскій Псковскій Бѣльскій, любимецъ Грознаго. Годуновъ, зять Малюты Скуратова. — Теодоръ царствуетъ 14 лѣтъ.

Послѣ убійства Димитрія до избранія Годунова 7 лѣтъ.

Князья Рюрикова племени: Шуйскій, Сидкій, Воротыпскій, Ростовскій, Телятевскій, и проч.»

Затѣмъ начинается программа трагедій: «Годуновъ въ монастырѣ; толки князей; вѣсти,—площадь, вѣсть объ избраніи (Годуновъ, юродивый). — Лѣтописецъ, Отрепьевъ. — Бѣгство Отрепьева.

Годуновъ въ монастырѣ, его раскаяніе; — монахи-бѣглецы. Годуновъ въ семействѣ.

Годуновъ въ совѣтѣ; толки на площади. — Вѣсти объ измѣнахъ, смерть Припы. — Годуновъ и колдуны.

Самозванецъ передъ сраженіемъ. — Смерть Годунова (извѣстіе о первой побѣдѣ, пиры, появленіе самозванца), присяга бояръ, измѣна.

Пушкинъ и Плещеевъ на площади — письмо Димитрія; — вѣче; — убійство царя; — самозванецъ въѣзжаетъ въ Москву.

454. ВЪ ГЛУШИ, ИЗМУЧАСЬ ЖИЗНЬЮ ПОСТНОЮ.

(т. II, стр. 381).

Изъ письма (начала окт. 1825 г.) къ кн. П. А. Вяземскому. Ср. Переписку Пушкина, изд. В. П. Сапотовымъ, т. I, стр. 301. О «зубастыхъ голубяхъ» см. выше прим. къ № 446.

455. ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

(т. II, стр. 381).

Напечатано только послѣ смерти Пушкина, въ Современникѣ 1838, т. IX, стр. 137, и въ посмертномъ изданіи, IX, 200.

Списокъ этого стихотворенія, сдѣланный рукою Ал. Н. Вульфа, сохранился въ альбомѣ П. А. Осиповой, подъ заглавіемъ: «Стихи, писанные по случаю въ позднюю осень присланныхъ цвѣтовъ», и съ подписью: А. П. Подъ стихотвореніемъ помѣта: «16 октября 1825».

Бѣлинскій (Соч., изд. Венгеровъ, VI, 266) относилъ это стихотвореніе къ числу образцовыхъ антологическихъ пьесъ Пушкина.

456. 19 ОКТЯБРЯ.

(т. II, стр. 381).

Напечатано въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1827 годъ, съ полною подписью автора, помѣтой: «1825» и выноской къ заглавію: «19 Октября 1811 года было открытіе Императорскаго Лицея». Затѣмъ вошло въ изд. 1829 г.

Стихотвореніе было представлено на цензуру Бенкендорфа бар. Дельвигомъ, причемъ изъ рукописи были заранѣе исключены 7 строфъ, а собственныя имена товарищей обозначены только заглавными буквами. По этому поводу Бенкендорфъ писалъ Пушкину 4 марта: «Заглавныя буквы друзей не могутъ ли подать повода къ неблагопріятнымъ для васъ собственно заключеніямъ? это представляло вашему разсужденію». Пушкинъ отвѣчалъ изъ Москвы, 22 марта: «Чувствительно благодарю васъ за доброжелательное замѣчаніе касательно пьесы: 19 Октября. Непремѣнно напишу 6. Дельвигу, чтобъ заглавныя буквы именъ — и вообще все, что можетъ подать поводъ къ невыгоднымъ для меня заключеніямъ и толкованіямъ, было имъ исключено». Въ печати инициалы товарищей замѣнены были звѣздочками, и пропущенныя 7 строфъ восстановлены только въ 1837 г., Я. К. Гротомъ, напечатаннымъ въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ стихотвореніе Пушкина по автографу, нынѣ хранящемуся въ Александровскомъ Лицѣ. Въ своей статьѣ: «Автографъ 19 Октября» перепечатанной впоследствии въ книгѣ: «Пушкинъ, его лицейскіе наставники и товарищи», Я. К. Гротъ приводитъ, между прочимъ, изъ бумагъ С. Д. Комовскаго слѣдующее восьмистишіе, которое, по мнѣнію ак. Грота, вѣроятно, предназначалось для этого же стихотворенія, но не вошло въ него:

Вы помните ль то розовое поле,
Друзья мои, гдѣ красною весной,
Оставя классъ, рѣзвились мы на волѣ
И тѣнились отважною борьбой?
Графъ Брольо былъ отваженъ, силенъ,
Комовскій же — проворенъ, хитренъ;
Не скоро могъ рѣшиться жаркій бой...
Гдѣ вы, часы забавы молодой?

Подъ копѣй этихъ стиховъ Комовскій сдѣлалъ замѣтку, которая, какъ потомъ было указано П. А. Ефремовымъ, выдаетъ его сочинительство: «Стихи эти доставлены мнѣ отъ служившаго при генералѣ Иззовѣ штабъ-офицера Алексѣева, на квартирѣ коего жилъ (одно время) нашъ поэтъ во время ссылки на югъ». Извѣстно, что Пушкинъ жилъ вмѣстѣ съ Алексѣевымъ въ Киншпевѣ, въ 1822 г., когда имъ написана была Гавриліада, изъ которой и взяты эти стихи, съ передѣлкою нѣсколькихъ словъ и со вставкою именъ Брольо и Комовскаго. Такимъ образомъ, приведенное восьмистишіе, несомнѣнно, принадлежитъ Пушкину, только искажено внесенными нарочно поправками, и, конечно, не имѣетъ никакого отношенія къ «19 Октября».

Не повторяя здѣсь свѣдѣній о лицейской жизни Пушкина и о тѣхъ изъ его товарищей, имена которыхъ встрѣчаются въ этомъ первомъ стихотвореніи, посвященномъ Лицею, приведемъ слова Я. К. Грота изъ его статьи: «Старина Царскосельскаго Лицея»:

«Прославленная Пушкинымъ годовщина 19-го октября праздновалась бывшими воспитанниками перваго курса то у одного, то у другого изъ

товарищей: сперва — у Тыркова, потом — у Яковлева... Яковлевъ, какъ самый пламенный читатель лицейскихъ преданій, былъ и постояннымъ распорядителемъ этихъ заветныхъ празднествъ. Самъ онъ назывался «Лицейскимъ Старостой», а квартира его — «Лицейскимъ подворьемъ». Каждый разъ, когда въ этотъ день собирались товарищи, составлялся протоколъ сходки, разумеется, полу-шуточный, отчасти даже буффонскій. Нѣкоторые изъ такихъ протоколовъ сохранились... Самый ранній изъ нихъ относится къ 1825 году; здѣсь намарано Палчевскимъ нѣсколько неоконченныхъ стиховъ и подписаны имена шестерыхъ присутствовавшихъ въ такомъ порядкѣ: бар. Корфъ, бар. Дельвигъ, Палчевскій, Саврасовъ, Комовскій, Яковлевъ. Эта годовщина потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что именно ее заочно праздновалъ Пушкинъ въ сельскомъ уединеніи Михайловскаго знаменитыми стихами. Изъ сохранившихся бумагъ 1-го курса видно, что къ поддержанію стараго обычая праздновать лицейскую годовщину болѣе всѣхъ способствовали Пушкинъ и Яковлевъ... Стихотворенія Пушкина, посвященныя годовщину, и особенно первое изъ нихъ, въ которомъ высказана мысль о празднованіи этого дня до тѣхъ поръ, пока останется въ живыхъ хотя одинъ изъ товарищей, были въ этомъ случаѣ чуть ли не главнымъ связующимъ элементомъ».

Говоря именно объ этой заключительной строфѣ пушкинскаго стихотворенія, Бѣлинскій (Соч., изд. 1865, VIII, 383) замѣчаетъ:

«Какая глубокая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣтлая скорбь! Каждая мысль сама по себѣ такъ исполнена поэзіи, независимо отъ формы, вполнѣ художественной, легкой и прозрачной, простой и чуждой всякихъ метафоръ! Этотъ пережившій всѣхъ друзей своихъ другъ, докучный, лишній и чужой гость среди новыхъ поколѣній, дрожащею рукою закрывающій глаза при воспоминаніи о своихъ друзьяхъ, — это не просто поэтическіе стихи, это — поэтическая картина! Но не въ духѣ Пушкина остановиться на скорбномъ чувствѣ: словно торжественнымъ музыкальнымъ аккордомъ оканчивается піеса полными бодрого чувства стихами... Пушкинъ не даетъ судьбѣ побѣды надъ собою; онъ вырываетъ у ней хоть часть отнятой у него отрады. Какъ истинный художникъ, онъ владѣлъ этимъ инстинктомъ истины, этимъ тактомъ дѣйствительности, который на «здѣсь» указывалъ ему какъ на источникъ и горя, и утѣшенія и заставлялъ его искать дѣленія въ той же сущности, гдѣ постигла его болѣзнь. И, право, въ этой силѣ, опирающейся на внутреннее богатствѣ своей натуры, болѣе вѣры въ промыслъ и оправданія путей его, чѣмъ во всѣхъ заоблачныхъ порываніяхъ мечтательнаго романтизма».

«...И въ дѣломъ піеса Пушкина, несмотря на ея значительную величину, вездѣ выдержана и какъ будто въ одну минуту легко и свободно излилась изъ взволнованной души поэта... Это — арія, пропѣтая пѣвцомъ, который вполнѣ владѣетъ своимъ голосомъ, не даетъ пропасть ни одной ноткѣ, не ослабѣетъ ни на мгновеніе отъ начала до конца аріи... Особенная принадлежность поэзіи Пушкина и одно изъ главнѣйшихъ преимуществъ его передъ поэтами прежнихъ школъ — полнота, оконченность, выдержанность и стройность созданій. Поэзія чувства, поэзія естественная, не отличается этимъ качествомъ: въ ней всегда видно усиліе высказать чувство, и оттого

стройность и соразмѣрность исчезаютъ въ плодovitости. Въ поэзіи художественной соразмѣрность, стройность, полнота и ровность бываютъ уже естественнымъ слѣдствіемъ творческой концепціи, художественной мысли, лежащей въ основаніи поэтическаго произведенія. У Пушкина никогда не бываетъ ничего лишняго, ничего недостающаго, но все въ мѣру, все на своемъ мѣстѣ, конецъ гармонируетъ съ началомъ, и, прочитавъ его піесу, чувствуешь, что отъ нея нечего убавить и къ ней нечего прибавить. И въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, Пушкинъ является по преимуществу художникомъ».

457. ПРЕДЪ РЫЦАРЕМЪ БЛЕСТИТЬ ВОДА.

(т. II, стр. 384).

По рукописи Моск. Музея № 2370 напечатано впервые Анненковымъ въ приложеніи къ «Матеріаламъ для біографіи Пушкина», съ ошибками, исправленными только въ повѣйшихъ изданіяхъ, (см. исторію текста). Переводъ, вообще, отличается близостью къ подлиннику, допуская лишь незначительныя отступленія; но Пушкинъ не счелъ нужнымъ держаться размѣра итальянской «октавы» и замѣнилъ ее стихомъ, болѣе ему привычнымъ. Для сравненія съ подлинникомъ приводимъ строфу 110:

Era scritto in arabico, che l'conte
Intendea così ben come latino.
Fra molte lingue e molte ch'avea pronte
Prontissima avea quella il paladino;
E gli schiò più volte e danni ed onte,
Che si trovò tra il popol saracino.
Ma non si vanti, se già n'ebbe frutto;
Ch'un danno or n'ha, che può scontrargli il
otuti.

458. СЪ ПОРТУГАЛЬСКАГО.

(т. II, стр. 385).

По рукописи Моск. Музея № 2368 напечатано впервые Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», съ ошибками, исправленными только В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884, т. 42, стр. 533.

Португальскій поэтъ Томасъ-Антоніо Го-зага, прозванный *Dirceo* (1747—1793), приобрѣлъ большую извѣстность, особенно въ Бразиліи, своими любовными пѣснями въ честь Маріи Брандонъ, которую онъ воспѣвалъ подъ именемъ Маріи. Современники называли его «португальскимъ Петrarкой». Его стихотворенія издавались много разъ и были переведены на французскій яз. въ сборникѣ, вышедшемъ въ Парижѣ въ 1825 г.: «Collection des chefs-d'oeuvre classiques». Этимъ-то переводомъ, вѣроятно, и пользовался Пушкинъ.

459. Я НЕ РОЖДЕНЪ СВЯТЫНОЮ СЛАВИТЬ.

(т. II, стр. 386).

По рукописи Моск. Музея № 2370 напечатано впервые В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884, т. 43, стр. 37.

Вольный переводъ начальныхъ 26-ти стиховъ знаменитой поэмы Вольтера, которую Пушкинъ такъ высоко цѣнилъ въ юности. Последние 8 стиховъ заключаютъ въ себѣ обращеніе къ Шанзэну, поэту XVIII вѣка, автору поэмы «Дѣвственница», надъ которою смѣялся еще Буало. Приводимъ соответствующіе стихи подлинника, кѣмъ сказано, именно въ этомъ мѣстѣ наименѣе точно переданные Пушкинымъ:

O Chapelain, toi, dont le violon,
De discordante et gothique mémoire,
Sous un archet maudit par Apollon
D'un ton si dur a raclé son histoire;
Vieux Chapelain, pour l'honneur de ton art,
Tu voudras bien me prêter ton génie;
Je n'en veux point; c'est pour Lamotte-
Houdart,
Quand l'Iliade est par lui travestie.

460. ГРАФЪ НУЛИНЪ.

(т. II, стр. 393).

Историко-литературныя и библиографич. данныя о «Графѣ Нулинѣ» см. т. II, 387—392.

461. ПЗЪ А. ШЕНЬЕ

(т. II, стр. 397).

Напечатано впервые въ «Современникѣ» 1836, т. I, безъ подписи, а затѣмъ повторено въ посмертномъ изданіи. Этотъ поэтический и, притомъ, весьма близкій переводъ стихотворенія Шенье пролежалъ въ бумагахъ Пушкина 11 лѣтъ; на рукописи его выставленъ 1825 годъ; но, отдавая его въ печать, Пушкинъ сдѣлалъ нѣкоторые исправленія и поставилъ новую поэмѣту: «20 Апрѣля 1835 г.».

Въ стихотвореніи воспроизводится сказаніе о смерти Геркулеса, послужившее канвою для трагедіи Эврипида «Неистовый Гераклъ». Жена Геркулеса Делира получила отъ убитаго имъ кентавра ядовитую рубашку, причѣмъ кентавръ увѣрилъ ее, что это—талисманъ, имѣющій силу удерживать ея мужа отъ измѣны. Мучаясь ревнивыми подозрѣніями, Делира послала эту рубашку Геркулесу. Какъ только онъ ее надѣлъ, ядъ, которымъ она была пропитана, сталъ жечь его. Геркулесъ хотѣлъ сорвать съ себя эту одежду, но она плотно пристала къ тѣлу и причиняла ему невыносимую боль. Тогда герой взомель на гору Эту, сложилъ тамъ костеръ, легъ на него, самъ поджегъ его и въ пламени вознесся на небо. Приводимъ текстъ подлинника:

Oeta, mont ennoblî par cette nuit ardente,
Quand l'infidèle époux d'une épouse imprudente
Reçut de son amour un présent trop jaloux,
Victime du centaure immolé par ses coups;
Il brise tes forêts; ta cime épaisse et sombre

En un bûcher immense amoncelle sans
nombre
Les sapins résineux que son bras a ployés;
Il y porte la flamme; il y monte; sous ses pieds
Etend du vieux lion la dépouille héroïque,
Et l'oeil au ciel, la main sur la massue antique,
Attend sa récompense et l'heure d'être un dieu.
Le vent souffle et mugit. Le bûcher tout en feu.
Brille autour du héros, et la flamme rapide
Porte aux palais divins l'âme du grand Alcide!

Пушкинъ, сохранивъ размѣръ александрийскаго стиха Шенье, отбросилъ обращеніе къ горѣ Эту, замѣнивъ его эпическимъ разсказомъ, но во всемъ остальномъ переводъ отличается точностью.

462. КЪ БАРАТЫНСКОМУ

(т. II, стр. 398).

Въ 1824 г. Баратынскій написалъ поэму «Эда», содержаніемъ которой служить исторія обольщенной русскимъ солдатомъ и затѣмъ покинутой финляндки. Извѣстія о новомъ произведеніи дошли до Пушкина, и онъ желалъ скорѣе съ нимъ познакомиться. «Что жъ чухонка Баратынскаго?»—спрашивалъ онъ брата въ концѣ октября: «Я жду!» Во второй половинѣ ноября онъ снова напоминаетъ брату объ этой поэмѣ: «Присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не то прокляну тебя». 4-го декабря пишетъ: «Пришли же мнѣ Эду Баратынскую. Ахъ, онъ чухонецъ! Да если она мнѣ моей черкеменки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду». 8 декабря, въ письмѣ къ Родзянкѣ, Пушкинъ, между прочимъ, сообщаетъ: «Баратынскій написалъ поэму (не прогибайся—про чухонку), и эта чухонка, говорятъ, чудо, какъ мила. А я—про цыганку; каковъ?» Наконецъ, во второй половинѣ декабря онъ снова пишетъ брату: «Пришли мнѣ Цвѣтовъ, да Эду». Пзъ письма къ брату же, въ половинѣ февраля 1825 г., видно, что Пушкинъ, наконецъ получилъ поэму и прочелъ ее; по поводу неумѣренныхъ похвалъ Плетнева, который, сравнивая Баратынскаго съ Байрономъ, отдавалъ преимущество русскому поэту, Пушкинъ писалъ: «Плетневъ неосторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому, но Эда все исправитъ», а въ другомъ письмѣ совѣтовалъ Плетневу не писать «добрыхъ» критикъ. Въ 1826 г., 20 февраля, получивъ уже и печатный экземпляръ поэмы Баратынскаго, онъ сообщалъ Дельвигу, что сейчасъ отошлетъ Эду въ Тверь, П. А. Осиповой: «Что за прелесть эта Эда! Оригинальности разсказа наши критики не поймутъ. Но какое разноеобразіе! Гусаръ, Эда и самъ поэтъ—всякій говоритъ по-своему. А описанія лифляндской (описки вмѣсто: «финляндской») природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ! чудо!». Въ письмѣ къ Осиповой, написанномъ въ тотъ же день, Пушкинъ говоритъ: «Вотъ новая поэма Баратынскаго, которую Дельвигъ только что мнѣ прислалъ; это—образецъ граціозности, изящества и чувства. Вы будете отъ нея въ восхищеніи».

Впоследствии, уже въ 1830 г., Пушкинъ, въ отрывкѣ оставшейся незаконченной статьи о Баратынскомъ, говорилъ, что этотъ поэтъ «всѣхъ менѣе пользуется благосклонностью журналовъ... Критика изъясляла по отношенію къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріязнь».

ненное расположение. Не упоминая ужъ объ вѣстныхъ шуткахъ покойнаго Благонѣмѣннаго, извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе Эды, произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотой, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски, означенныхъ, — появленіе Эды подадо только поводъ къ неприличной статейкѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» и слабому возраженію на нее въ «Московскомъ Телеграфѣ». Перечтите Эду, которую критики наши нашли ничтожной (ибо, какъ дѣти, отъ поэмы требуютъ они происшествій), перечтите сію краткуювосхитительную повѣсть: съ какою глубиною чувствъ развита въ ней женская любовь», и т. д.

Въ замѣткѣ «Сѣверной Пчелы», которую Пушкинъ находилъ «неприличною», было сказано, между прочимъ, что «чувство любви въ поэмѣ не возвышенно и происшествіе совсѣмъ обыкновенно». Эта фраза вызвала возраженіе въ похвальной рецензії на Эду въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1826, ч. VIII, стр. 62—76. Слова Пушкина о «зонѣ», по всей вѣроятности, относятся именно къ рецензенту «Пчелы».

Эпиграмма явилась въ печати только въ 1829 г., въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (№ 1), причемъ въ заглавіи не было буквы Б***, появившейся только въ изд. 1829 г.

463. ПОДЪ НЕБОМЪ ГОЛУБИМЪ...

(т. II, стр. 398).

Напечатано въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 г. и затѣмъ въ посмертномъ изданіи.

Это стихотвореніе вызвано вѣстью о смерти красавицы-жены вѣнскаго негодіанта Амалии Ризничъ, которая, вмѣстѣ съ мужемъ, жила въ Одессѣ въ пору пребыванія тамъ Пушкина и была предметомъ любви поэта. Дочь вѣнскаго банкира Риппа, полу-еврейка, полу-итальянка, г-жа Ризничъ была молода, высока ростомъ, стройна и необыкновенно красива. Одѣвалась она чаще всего въ костюмъ амазонки. Все это придавало ей оригинальность, и многие увлекались ею. Въ высшемъ кругу тогдашняго одесскаго общества она не была принята, по всѣ молодые люди, къ этому кругу принадлежавшіе, собирались въ домѣ Ризничъ, гдѣ молодая хозяйка поддерживала оживленную бесѣду и часто играла въ вистъ, до котораго была страстная охотница. Въ наброскахъ Путешествія Онѣгина Пушкинъ, между прочимъ, посвятилъ ей нѣсколько строкъ:

Тамъ (въ Одессѣ) хлопотливаго купца
Блестаетъ рѣзвая подруга...

А ложа, гдѣ, красой блестя,
Негодіантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ, и не внемлетъ
И каватинъ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью пополамъ,
А мужъ въ углу за нею дремлетъ
Въ просонкахъ фора закричить,
Звнеть—и снова захрапѣть...

Весною 1824 г. г-жа Ризничъ уѣхала за границу, а въ началѣ 1825 г. умерла, кажется, въ Пушкинѣ, т. III.

Генуѣ. Стихотвореніе «Подъ небомъ голубымъ»... въ черновой рукописи помѣчено: «Усл. о см. 25», что можетъ значить: «Услышалъ о смерти 25 июля».

Поэтъ Вас. Пв. Туманскій, подружившійся съ Пушкинымъ въ Одессѣ, написалъ на смерть г-жи Ризничъ сонетъ, посвятивъ его Пушкину:

Ты на землѣ была любви подруга,
Твоя уста дышала слаще розъ...

Стихотвореніе Пушкина, вмѣстѣ съ двумя позднѣйшими: «Заклинаніе» (1828) и «Для береговъ отчизны дальней» (1830), будучи взяты вмѣстѣ, составляютъ, по словамъ Анненкова, «одну трехчленную лирическую пѣснь». Бѣлинскій считалъ это стихотвореніе однимъ изъ лучшихъ, задушевейшихъ созданій лирической музы Пушкина. «Къ особеннымъ чертамъ Пушкинской поэзіи, рѣзко отличающимъ ее отъ прежней школы, принадлежитъ его художническая добросовѣстность», говоритъ критикъ (Соч., изд. 1865 г., VIII, 408—409). «Пушкинъ ничего не преувеличиваетъ, ничего не украшаетъ, ничѣмъ не эффектируетъ, никогда не взводитъ на себя великолѣпныхъ, но неиспытанныхъ имъ чувствъ, и вездѣ является такимъ, каковъ былъ дѣйствительно. Такъ, напримѣръ, онъ узнаетъ о смерти той, любовь къ которой заставила его лиру издать столько гармоническихъ стонковъ: какой прекрасный случай изобразить свое отчаяніе, написать картину страшной скорби, невыносимой муки! Но сердце наше—вѣчная тайна для насъ самихъ...»

Объ отношеніяхъ Пушкина къ г-жѣ Ризничъ ср. статью П. Е. Щеголева: «Амалия Ризничъ въ поэзіи Пушкина», «Вѣстникъ Европы» 1904, № 1, статью Н. О. Лернера во II т. настоящаго изданія (стр. 276—79) и примѣчанія къ стихамъ: «Для береговъ отчизны дальней».

464. Н. С. МОРДВИНОВУ.

(т. II, стр. 399).

По рукописи Моск. Музея № 2367 впервые напечатано Анненковымъ, въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина». «Перебирая бумаги поэта», пишетъ Анненковъ, мы встрѣтили одно стихотвореніе его, принадлежащее къ отдѣлу черновыхъ отрывковъ, но уже въ немъ заключенъ образъ столь яркій и смѣлый, что, кажется, недостаетъ только самой легкой отдѣлки для превращенія его въ полную и превосходную поэтическую картину въ классическомъ родѣ. Отрывокъ этотъ, писанный, вѣроятно, въ 1825 году, кромѣ своего достоинства и интереса, связаннаго съ исторіей его происхожденія, имѣетъ еще интересъ по отношенію къ старой литературѣ нашей. Угасавшій орелъ Екатерины, поэтъ Петровъ, на 60-мъ году своей жизни написалъ извѣстную свою оду: «Его высокопревосходительству адмиралу Николаю Семеновичу Мордвинову» (1796), которая блеститъ если не изиществомъ вышней отдѣлки, то глубокимъ чувствомъ дружбы и расположенія. Они дѣлаютъ ее трогательной, не смотря на отсутствіе поэтическихъ красокъ. Тепло и одушевленіе оды Петрова становятся тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ труднѣе уже старцу-поэту справиться съ ненормальнымъ матеріаломъ, съ версификаціей строфы. Вся пѣса есть образецъ истиннаго чувства, не обрѣтающаго поэтической

формы для выраженія своего. Стихотвореніе Пушкина не только указываетъ на посланіе Петрова, но еще какъ будто особенно связано съ одной строфой его, которую здѣсь выписываемъ:

Твой, о другъ, еще во двѣтъ раннемъ младость,
Обильный общій плодъ,
Лгла во мысли мнѣ живу, предвѣстну радость:

Ты будешь отчества оплотъ!
Свершеніе надежды
Моимъ зря днесь вѣжды
И славу событія,
Не разыграю ль я?

Пушкинъ, подхвативъ мысль поэта-старика, развиваетъ ее въ духѣ стремленія къ пластической передачѣ явленій, что составляетъ отличительное качество такъ называемой классической поэзіи. Строфа, изображающая пробужденіе стараго орла (строфа 2-я), есть какъ будто дополненіе строфы Петрова, сдѣланное спустя 30 лѣтъ поэтомъ, въ которомъ идеи предшественниковъ обнаруживаютъ только новую сторону творческой силы. Слѣдующія за нею строфы — уже опять не болѣе, какъ стихотворныя замѣтки, и характеръ этотъ обнаруживается даже въ самомъ механизмѣ ихъ.

Быть можетъ, ближайшимъ поводомъ для Пушкина къ сочиненію этого стихотворенія послужила статья Плетнева объ одѣ Петрова, напечатанная въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» 1824 г. Тотъ же Плетневъ и около того же времени посвятилъ Мордвинову большое стихотвореніе «Долгъ гражданина» (см. Соч. Плетнева, I, 121 и III, 300). Вообще, Николай Семеновичъ Мордвиновъ (адмиралъ, впоследствии — графъ, 1754—1845), известный своими замѣчательными мнѣніями и докладами по важнѣйшимъ юридическимъ и экономическимъ вопросамъ и бывший въ свое время однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ государственнаго совѣта, пользовался высокимъ уваженіемъ молодого поколѣнія нашихъ писателей. О немъ восторженно отзывался въ своихъ запискахъ Н. П. Тургеневъ; Рыбкевъ воспѣлъ его въ своей извѣстной одѣ «Гражданское мужество»:

... намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерины славныхъ дней,
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

О немъ упоминаетъ также и Баратынский, въ одномъ изъ своихъ посланій къ Гибдичу:

Когда сей рѣдкій мужъ, вельможа-гражданинъ,
Отъ дней Фелидическихъ оставшійся одинъ,
Но смѣло духъ ея хранившій въ вѣкъ новомъ,
Обширный разумомъ и сильный, громкій сло-
вомъ,

Любовью къ истинѣ и къ роднѣ гордъ,
Въ совѣтахъ не робѣлъ оспаривать дари...

Наконецъ, Пушкинъ, въ одномъ письмѣ къ Вяземскому, выразился о Мордвиновѣ, что онъ «заключалъ въ себѣ одною всю русскую оппозицію».

465. ЗИМНИИ ВЕЧЕРЪ.

(т. II, стр. 400).

Напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г., откуда перешло въ изд. 1832 г.

Въ этомъ стихотвореніи отразилась жизнь Пушкина въ Михайловскомъ зимой 1825 г., о которой мы имѣемъ рассказъ Пушкина, посѣтившаго поэта въ январѣ того года, и воспоминанія Языкова въ двухъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ или Арифу Родионову. Въ первомъ изъ этихъ стихотвореній Языковъ, обращаясь къ нянѣ, говоритъ:

Съ какимъ радушіемъ — красою древнихъ лѣтъ —

Ты набирала намъ затѣйливый обѣдъ!
Сама и водку намъ, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тѣсотѣ стариннаго стола...
Ты записала насъ, добра и весела,
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ
рассказомъ;

Мы удивлялись почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ — и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и по-
хвалъ;

Свободно говорилъ языкъ словоохотной,
И легкіе часы летѣли беззаботно.

(«Сѣв. Цвѣты» 1828, стр. 23).

Въ другомъ стихотвореніи — «На смерть няни Пушкина» («Сѣв. Цвѣты» 1831, стр. 53). Языковъ описываетъ обстановку пушкинскаго дома:

Тамъ, гдѣ на доль съ горы отлогой
Разнообразно сходятъ боръ,
Въ виду рѣки и двухъ озеръ
И нивъ съ извилистой дорогой,
... древнимъ садомъ окруженъ,
Господскій домъ уединенный
Дряхлѣетъ, — памятникъ почтенный
Елисаветинскихъ временъ.

Вонъ тамъ — обоями худыми
Гдѣ-гдѣ прикрытая стѣна,
Полъ нечищенный, два окна
И дверь стеклянная межъ ними,
Диванъ подъ образомъ въ углу,
Да пара стульевъ; столъ украшенъ
Богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ,
И ты, пришедшая къ столу, —
Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порою
Къ своей веснѣ переносилась
Разгоряченною мечтой,
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждыхъ странъ,
Рѣчей напоры и отпоры
И звонъ стакана о стаканъ.

Шумѣй удаляла пирушка...
Садись-ка, добрая старушка,
И съ нами бражничай давай!

Описаніе пушкинскаго дома много разъ дѣлалось въ позднѣйшую пору, различными его по-сѣтителями. Такъ, еще въ 1837—1838 гг. псковскій губернский землемѣръ Ивановъ издалъ двѣ тетради видовъ Пскова и его окрестностей. Объ этомъ изданіи помѣщена замѣтка въ «Иллюстраціи» 1848 г. т. 6, № 9, стр. 137—139, гдѣ

воспроизведенъ и рѣсупокъ дома Пушкина. Домъ этотъ, деревянный, одноэтажный, уже въ то время обветшавшій, занималъ середину между тянувшимися по обѣ стороны службами; передъ домомъ, съ южной стороны, былъ небольшой садикъ, а съ другой стороны—позднѣйшая рѣка Соротъ. Въ 1848 г. въ «Сѣверной Пчелѣ», №№ 247—251, были напечатаны «Путевыя замѣтки» Давида Мацкевича, въ которыхъ также сообщается нѣсколько подробностей о пушкинскомъ домѣ. Въ 1839 г. посѣтилъ Михайловское К. Я. Тимофеевъ, описавшій его въ «Журналѣ Министрства Народнаго Просвѣщенія», ч. 103, стр. 139—151. Обстоятельное описаніе Михайловскаго находится въ книгѣ-альбомѣ В. П. Острогорскаго и В. П. Максимова «Пушкинскій уголокъ», изд. Фишера, М. 1899. Въ настоящее время въ Михайловскомъ мало слѣдовъ пребыванія Пушкина: помѣщеніи домъ и почти всѣ прочія постройки—новыя. Владѣльцемъ имѣнія былъ до послѣдняго времени младшій сынъ поэта, Григорій Александровичъ († 1905 г.); теперь же оно пріобрѣтено въ казну, и забота о немъ возложена на некоего дворянство¹⁾.

«Добрая подружка бѣдной юности», дѣлвившая съ Пушкинымъ удлиненное житіе въ Михайловскомъ, знаменитая Арина Родионовна, была крестьянка изъ села Кобрина, въ 60 вер. отъ Петербурга, принадлежавшаго нѣкогда дѣду Пушкина, Осипу Абрамовичу Ганинбалу. Въ 1799 г. она, вмѣстѣ съ своими двумя сыновьями и двумя дочерьми, получила вольную, но не захотѣла ею воспользоваться, и осталась въ семьѣ Пушкиныхъ. Она вынянчила сначала сестру поэта, Ольгу, затѣмъ—его самого и, наконецъ, его младшаго брата Льва и скончалась въ Петербургѣ, въ домѣ своей старшей питомицы, О. С. Павлищевой, въ 1829 г. По словамъ сосѣдокъ и пріятельницъ Пушкина, Осповыхъ, Арина Родионовна была «старушка чрезвычайно почтенная, лицомъ полная, вся сѣдая». Она горячо любила своего питомца-поэта, рассказывала ему сказки, которыми онъ пользовался для своихъ произведеній, пѣла пѣсни, а онъ, въ свою очередь, дѣлился съ нею своими стихами:

И плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей,

говоритъ поэтъ въ XXXV-й строфѣ IV-й главы Опыта, писанной одновременно съ Зимнимъ вечеромъ,—повторяя то же названіе пѣни «подругой юности». Въ позднѣйшемъ стихотвореніи 1827 г. онъ называетъ ее: «Подруга дней моихъ суровыхъ». Въ 1825 г. Пушкинъ писалъ Вяземскому: «Покаместъ я одинъ-одинешенекъ, живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ, и слушаю старыя сказки да пѣсни». Въ посланіи къ Языкову, написанномъ въ томъ же году, приглашая поэта посѣтить Михайловское, Пушкинъ обѣщалъ ему прогнать скуку зимнихъ вечеровъ виномъ и пѣснями. Къ этому средству обращается онъ и оставшись пединѣ съ няней, въ зимніе сумерки, когда старушка задремала подъ завываніе вѣтра, и передъ ея товарищемъ всталъ призракъ тоски. Чтобы подбодрить свою няню и самого себя, поэтъ обращается къ вину, которое

у него всегда водилось въ запасѣ и было на руку и старушкѣ, по словамъ Осповыхъ, любимшей выпить. Серьезныя, заунывные пѣсни не идутъ: и безъ того скучно,—и поэтъ проситъ няню спѣть веселыя пѣсни про синичку («За моремъ синичка не пышно жила») и про дѣвицу «По улпѣ мостовой шла дѣвица за водой». А. П. Полывановъ предполагаетъ, что первая изъ этихъ пѣсенъ, въ которой говорится о птичьей свадьбѣ, принадлежала Пушкину потому, что въ ней ему, можетъ быть, слышался намекъ на его одесскую привязанность:

Есть за моремъ перепелочка:
Та мнѣ ни матушка, ни тетунка,
Ту я люблю, ту за себя возьму.

По мнѣнію Н. О. Сумцова («Пушкинъ» 107—129), отдѣльные образы и выраженія въ «Зимнемъ вечерѣ» можно вывести изъ раннихъ юношескихъ впечатлѣній и юношескихъ запасовъ памяти. Для сравненія приводятся стихи изъ разныхъ пѣсенъ, напр. «Къ Наташѣ» (1816 г.):

Скоро, скоро холодъ зимній
Рошу, поле посѣтитъ,
Огонекъ въ лачужкѣ дымной
Скоро ярко заблеститъ,

и другія параллели, гдѣ говорится о зимѣ, зимней вьюгѣ, холодѣ и пр. Едва ли, однако, можно считать позднѣйшее стихотвореніе отголоскомъ этихъ божьихъ раннихъ: вѣдь одинаковыя картины, естественно, вызываютъ и одинаковое настроеніе, а слѣдовательно—и одинаковыя слова.

Бѣлинскій относитъ это стихотвореніе къ числу тѣхъ чисто-лирическихъ произведеній, не различныхъ отъ «пѣсни», въ которыхъ элементъ лирики является элементомъ чисто-субъективныхъ ощущеній, гдѣ «въ безчисленное много-различіе тѣхъ таинственныхъ, невыразимыхъ безъ творческой силы поэзіи, ощущеній, которыя такъ безотчетно, такъ особенно возникаютъ въ темнотѣ нашей внутренности, освобождаются здѣсь отъ своей особенностности, т. е. отъ исключительной принадлежности мнѣ,—и выпархиваютъ на свѣтъ, окрыленные фантазіей». По замѣчанію критика, такіа стихотворенія вѣдѣтъ съ пѣснью, составляютъ исключительно лирику нашего времени. Къ числу лучшихъ и задушевейшихъ произведеній этого рода онъ и относитъ «Зимній вечеръ».

466. II. II.

(т. II, стр. 400).

Напечатано въ «Невскомъ Альманахѣ» за 1826 годъ и затѣмъ—въ изданіи 1829 г. Въ альманахѣ ст. 4-й читается иначе:

Василья Пушкина, . . . кова,
т. е., какъ объяснилъ впоследствии Анненковъ,—«Маркова». Въ обоихъ текстахъ вмѣсто имени поставлены инициалы и звѣздочки. Стихъ: «К***, дальній вашъ родня» вызвалъ неудовольствіе со стороны подозрительнаго П. А. Катенина, который принялъ его на свой счетъ и поспѣшилъ написать Пушкину, 3 февраля 1826 г.: «Въ Невскомъ Альманахѣ» (издатель долженъ быть слѣпкомъ добрый человекъ!) послѣ Полевого et compagne стоитъ какой-то К*** дальній вашъ (чей?) родня. Моя совѣсть чиста, ибо я по сію пору ни въ Невскомъ, ни въ другомъ альманахѣ ни

¹⁾ О Михайловскомъ нашихъ дней еще будетъ сказано въ нашемъ изданіи. *Ред.*

чего не печатали; но злые люди! Пушкинъ, вѣроятно, успокоилъ своего мнительнаго пріятеля.

«Невскій Альманахъ» издавался, начиная съ 1825 г., Егоромъ Васильевичемъ Аладьинымъ (ум. 14 августа 1860), авторомъ нѣсколькихъ плохихъ повѣстей и стихотвореній. Альманаха этого вышло всего 10 книжекъ въ 1825—1833 гг. и 2 книжки въ 1846—1848 гг. Изъ произведеній Пушкина въ немъ были помѣщены: отрывки изъ Бахчисарайскаго Фонтана (1827), сцена изъ Бориса Годунова (1828), отрывокъ изъ Онегина (1829) и нѣсколько мелкихъ стихотвореній.

Изъ упомянутыхъ въ стихотвореніи лицъ Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій—авторъ Сатиры на игроковъ, вызвавшей въ 1828 г. юмористическое посланіе Пушкина (см. ниже). Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ (1788—1844) служилъ въ молодости при Воронцовѣ въ Одессѣ, гдѣ и познакомился съ Пушкинымъ, съ которымъ былъ потомъ въ перепискѣ; послѣ былъ петербургскимъ вице-губернаторомъ, директоромъ канцеляріи министра финансовъ, наконецъ—почетнымъ одесскаго учебнаго округа. Онъ печаталъ статьи въ разныхъ журналахъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, составилъ «Полное собраніе русскихъ пословицъ и поговорокъ» (СПб. 1822). См. «Воспоминаніе о Д. М. Княжевичѣ» П. Гр. (Греча) СПб. 1860.

Хвостовъ напечаталъ впервые въ «Невскомъ Альманахѣ» 1825 г. известное свое «Посланіе къ NN о наводненіи Петрополя».

467. БУРЯ.

(т. II, стр. 401).

Напечатано въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827, № 2, стр. 91, причемъ 7-й стихъ читался:

И вѣтеръ воилъ и леталъ

эта ошибка была исправлена въ изд. 1829 г.

Навѣяно воспоминаніями о жизни поэта на югѣ. Л. П. Поливановъ, сравнивая это стихотвореніе съ «Зимнимъ вечеромъ», говоритъ: «Замѣчательно художественъ самый выборъ двухъ противоположныхъ фигуръ, которыми оживлены обѣ картины и ихъ обстановка: тамъ—уныло дремлющая за веретеномъ старушка, здѣсь—дѣва, смѣло стоящая въ бурю и грозу на верху прибрежнаго утеса въ своемъ бѣломъ покрывалѣ, которымъ играетъ вѣтеръ; тамъ—печальная темная лачужка, здѣсь—безпредѣльное море и небо, теряющіяся въ бурной мглѣ, но временамъ озаряемыя алымъ блескомъ молніи. Обѣимъ картинамъ поэтъ сумѣлъ сообщить высшую степень правды и красоты».

468. ВСЕ ВЪ ЖЕРТВУ ПАМЯТИ ТВОЕЙ...

(т. II, стр. 3).

Первые 4 стиха были напечатаны въ «Матеріалахъ» Анненкова, который отнесъ ихъ къ 1826 г. и почему-то пропустилъ другіе 4 стиха, а также не обратилъ вниманія на имѣющуюся въ рукописи поэмѣ: «Триг. 23, Триг. 22». Эти послѣдніе 4 стиха напечатаны только въ 1903 г. въ книгѣ П. А. Шляпкина: «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», съ указаніемъ, что ихъ должно относить къ 1825 г. Проф. Шляпкинъ видѣлъ въ этомъ стихотвореніи намеки на А. П. Кернъ и Е. П. Вульфъ; П. Е. Щеголевъ съ большою доказательностью относитъ его къ графинѣ Е. К. Воронцовой.

469. Я БЫЛЪ СВИДѢТЕЛЕМЪ...

(т. II, стр. 402).

По рукописи Моск. Музея № 2370 впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884, т. 43, стр. 29.

470. ШУМНѢ КУСТАРНИКЪ...

(т. II, стр. 402)

По рукописи Моск. Музея № 2367 впервые напечатано (невѣрно) В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884, т. 42, стр. 351.

471. ЛИШЬ РОЗЫ УВЯДАЮТЪ...

(т. II, стр. 402).

По рукописи Моск. Музея № 2370 впервые напечатано, съ ошибкою въ 1-мъ стихѣ, В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884, т. 43, стр. 30. На томъ же листѣ рукописи находится нѣсколько французскихъ стиховъ, крайне исчерканныхъ, въ которыхъ можно узнать оригиналъ этого отрывка:

Ses manes [embaumés] parfumés
Vont charmer du Lethé les bords inanimés,

и пр. (см. ист. текста).

472—474. Объ этихъ наброскахъ см. въ исторіи текста.

П. Морозовъ.

ПУШКИНЪ и ШЕНЬЕ.

«Французская муза сберегла все, что было наиболее чистаго въ душѣ и гениѣ Шенье, и, когда засіяли лучшіе дни, она зажгла этою божественною искрою вдохновеніе въ сердцахъ молодыхъ поэтовъ, чьимъ предтечею онъ былъ, на зло его безвременной смерти». Такъ говоритъ современный французскій критикъ и историкъ литературы, Жоржъ Пеллассъ, характеризуя значеніе творчества Андра Шенье въ исторіи постепенной эволюціи французской поэзіи. Взглядъ на автора «*Le jeu de paume*» и «*La jeune Captive*», какъ на предшественника поэтовъ XIX вѣка, въ частности сторонниковъ романтическаго движенія, какъ на посредника между двумя эпохами, всѣ мысли, порывы и симпатіи котораго были обращены къ будущему,—этотъ взглядъ раздѣлялся вообще довольно многими писателями минувшаго столѣтія. Временами, впрочемъ, раздавались и противоположные голоса (мнѣнія Брюнетьера, Фагэ, Бертрана и др.), утверждавшіе, что между міросозерданіемъ и художественными приѣмами Шенье—и идеалами новаго времени нѣтъ ничего общаго. Во всякомъ случаѣ, интересъ къ безвременно погибшему поэту былъ довольно великъ въ XIX вѣкѣ, который готовъ былъ, вопреки всѣмъ хронологическимъ датамъ, считать, его своимъ поэтомъ. Это не удивитъ насъ, если мы вспомнимъ, что, даже независимо отъ тѣхъ предвѣстій новаго времени, какія можно все же отмѣтить въ творествѣ Шенье, почти всѣ его сочиненія относятся къ разряду «посмертныхъ» и были изданы лишь въ XIX столѣтіи. Въ самомъ дѣлѣ, при жизни поэта были напечатаны только двѣ его вещи: «*Le jeu de paume*» (1791) и «*Hymne sur l'entrée triomphale des suisses révoltés du régiment de Chateauneuf*» (1792); объ его поэтическомъ дарованіи знала только очень небольшая, тѣсная группа друзей, врозь Лебрэна, Депажа, Трюдэна. Даже послѣ его смерти въ XVIII вѣкѣ было напечатано еще только одно стихотвореніе,— правда, очень яркое и выдающееся: «*La jeune captive*»— въ «*Décade philosophique*» отъ 30-го нивоза III года республики. Все остальное, начиная съ «*La jeune Tarantine*», появившейся въ «*Mercure*» отъ 1-го жерминаля IX года напечатано было впервые въ XIX столѣтіи¹⁾, причемъ первое, якобы «полное», въ дѣйствительности еще очень несовершенное изданіе его сочиненій (Латуша) вышло въ свѣтъ черезъ 25 лѣтъ послѣ его трагической кончины, въ 1819 году. Къ прошлому столѣтію относятся и всѣ разнообразныя, иногда—очень цѣнныя и интересныя попытки отмѣтить главные мотивы поэзіи Шенье, опредѣлить историческое значеніе его творчества, а также установить основныя факты его біографіи, вначалѣ очень мало разработанной и не выясненной²⁾. Такимъ образомъ, Андра Шенье, несмотря

на то, что его жизнь оборвалась еще въ 1794 г., является во всѣхъ отношеніяхъ поэтомъ XIX столѣтія, сумѣвшимъ понять и оцѣнить его, и въ лицѣ многихъ очень выдающихся поэтовъ заплатившаго дань увлеченію его творчествомъ, отголоски котораго чувствуются подчасъ и у Ламартина, и у Виктора Гюго, и у Мильвуа, и у Жозефа Делорма (псевд. Сентъ-Бева), и у Альфреда де Виньи, и у Мюссе, и въ особенности у поэтовъ Парнасской школы— Леконта де Лилля, Эрédia и др.

Въ настоящее время уже нельзя повторять, безъ всякихъ оговорокъ, столь горячо и рѣшительно высказывавшагося раньше мнѣнія, будто Шенье былъ предшественникомъ или родоначальникомъ французскаго романтизма. Это мнѣнія, которое, какъ справедливо замѣтилъ Эмиль Фагэ, объяснялось желаніемъ романтиковъ найти въ прошломъ выдающихся писателей, къ которымъ они могли бы возводить свое движеніе, на которыхъ они могли бы опираться въ своей борьбѣ съ устарѣвшими, незыблемыми правилами и кодексами. Но что отдѣльныя черты, предвѣщающія романтизмъ и вообще новую европейскую поэзію, встрѣчаются въ произведеніяхъ Шенье, это не подлежитъ сомнѣнію. Всего яснѣе чувствуется это въ тѣхъ случаяхъ, когда поэтъ старается выразить грусть, меланхолію, безотчетную задумчивость, охватывающую его душу; нѣкоторыя его элегии особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи. Заслуга Шенье, несомнѣнно, состояла въ томъ, что онъ вообще внесъ во французскую поэзію болѣе свѣжій, непосредственный, полный жизни и огня элементъ чистаго лиризма, придалъ своему творчеству, въ значительной степени, субъективный, индивидуальный характеръ, порвалъ съ тѣмъ условнымъ, искусственнымъ жанромъ, который повелевало царить во французской поэзіи того времени, постепенно утратившей прелесть истиннаго вдохновенія, лишенной способности могущественно вліять на человѣческую душу. XVIII вѣкъ, оставившій такой замѣтный слѣдъ въ другихъ областяхъ, ознаменованный для Франціи дѣятельностью дѣлаго ряда даровитыхъ, смѣлыхъ и независимыхъ мыслителей, былъ въ области поэтическаго творчества періодомъ упадка и застоя. Стоитъ сравнить искреннія, чисто-лирическія стихотворенія Шенье съ произведеніями такихъ авторовъ, какъ аббатъ Делиль и Жанъ-Батистъ Руссо, чтобы убѣдиться въ томъ, что авторъ «*La jeune Tarantine*», дѣйствительно, былъ провозвѣстникомъ новой эпохи и какъ бы протягиваетъ руку изъ преддверія XIX вѣка тѣмъ, кому суждено было жить и дѣй-

¹⁾ Лучшія изданія сочиненій Шенье—Бекъ де Фукиера (1862 и 1872 г.) и племянника поэта, Габріэля Шенье (1874 г.). Въ 1900 году напечатаны были нѣкоторые неизданные, раньше, произведенія Шенье.

²⁾ О жизни и дѣятельности Шенье см. Л. Бекъ де Фукиера, «*A. Chénier sa vie et ses œuvres*» (въ его изданіи сочиненій Шенье, 1872);

E. Faguet, «*A. Chénier*—въ коллекціи «*Les grands écrivains français*» 1902; Louis Bertrand, «*La fin du classicisme et le retour à l'antique*», 1897; Georges Pellissier, «*Le mouvement littéraire au XIX-e siècle*», 1890; E. Caro, «*La fin de XVIII-e siècle*», 1880; Brunetière, «*L'évolution de la poésie lyrique*»; нашу статью «Андрѣ Шенье»—въ книгѣ «Литературныя Очерки», 1900 г.

ствовать въ этомъ вѣкѣ. Еще Сентъ-Бевъ сопоставлявшій въ одномъ изъ своихъ «Portraits littéraires» имена Андра Шенье и сатирика XVIII столѣтія Матюрена Ренье, замѣтилъ, что «Ренье заканчиваетъ собою извѣстную эпоху, а Шенье открываетъ новую»; «Шенье кладетъ основаніе поэзіи будущаго и приослѣдуетъ свѣту новую лиру». Подъ этими словами можно и теперь подписаться!

Внося новые, правдивые, идущіе отъ сердца звуки въ родную поэзію, Шенье съ вѣншей стороны является, прежде всего, поклонникомъ всего античнаго. Онъ, видимо, очень гордился тѣмъ, что мать его была гречанка (урожд. Santi L' Номака), иногда называя себя самъ «Andreas C. Byzantinus» (онъ родился въ Константинополѣ, 30 октября 1762 г.), мечталъ отправиться въ Грецію и посвятить тамъ всѣхъ достопамятныхъ мѣста, съ большимъ интересомъ и увлеченіемъ осматривалъ Римъ и его древности, еще въ годы отрочества занимался переводомъ изъ классическихкихъ писателей. Въ различныхъ его сочиненіяхъ опредѣленно отражается его знакомство съ произведеніями Гомера, Пиндара, Эсхила, Аристофана, Сократа, Платона, Виргилія, Горация, Овидія, Катюллы, Тибуллы и многихъ другихъ. Въ подражаніе античнымъ авторамъ, Шенье пишетъ элегіи, идилліи, эклоги, эпиграммы; употребляетъ греческія и римскія имена, обозначая ими, напр., любимыхъ имъ жещицъ, которыхъ онъ неоднократно прославлялъ въ своихъ стихахъ; пользуется сравненіями, метафорами и т. п., заимствованными изъ античныхъ литературъ. Но эта симпатія къ древнему міру отнюдь не лишила Шенье самобытности, не превращала его въ простого подражателя. Его дѣлью было—соединить античныя приемы съ современными мыслями. Въ одной изъ своихъ поэмъ онъ призываетъ новыхъ поэтовъ заимствовать у греческихъ и римскихъ авторовъ краски, чтобы передать свои собственные мысли, зажечь свои факелы у ихъ поэтического огня, создавать античныя стихи съ новымъ, современнымъ содержаніемъ. «Sur des pensées nouveaux faisons des vers antiques». Можно, конечно, возражать противъ желанія облекать современные идеи въ древне-греческій или римскій нарядъ, но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что классическія симпатіи Шенье были совершенно особаго рода. Ихъ нельзя сравнивать съ тѣмъ условнымъ, традиционнымъ классицизмомъ, который такъ долго царилъ во французской литературѣ и только у писателей съ очень крупнымъ и сильнымъ дарованіемъ не превращался въ синонимъ чего то незбылагаго, искусственнаго, безжизненнаго. Прибавимъ, что увлеченіе античнымъ творчествомъ, въ частности анакреонтическимъ жанромъ, не мѣшало юному поэту, болѣе или менѣе, интересоваться уже въ эту пору и серьезными, насущными вопросами, которые занимали въ XVIII столѣтіи философовъ и мыслителей. Отраженіемъ его знакомства съ идеями просвѣдательной эпохи должны были явиться задушевные и частью уже начатыя имъ поэмы «La superstition», «L'invention» (апофеозъ прогресса и неустанной, побѣдоносной работы мысли) и особенно—«Hermès», гдѣ должна была заключаться вся исторія земли отъ первобытнаго, дикаго ея состоянія до эпохи развитія общественной и политической жизни, успѣховъ культуры, основанія крупныхъ государствъ и т. д. Идеи Бюффона, Мабли, Руссо, аббата Рейналя и др. должны были лечь въ основаніе этой поэмы, одну изъ

пѣсень которой Шенье хотѣлъ посвятить изложенію «Contrat social» Руссо.

По мѣрѣ приближенія къ 1789 году, міросозерданіе и творчество Шенье стало мѣняться. Это сказывается, напр., въ его гимнѣ «Къ Франціи» (1788 г.), гдѣ онъ описываетъ съ несвойственною ему раньше энергіею безправное и приниженное положеніе обираемаго и притѣсняемаго правящими и состоятельными классами народа и обращается съ прочувствованными словами къ «святому равенству», призывая его разсѣять сгустившіяся надъ страной мраки. «O sainte Egalité! dissipe nos ténèbres! Renverse les verroux, les bastilles funèbres». Революціонныя событія заставили вскорѣ Шенье окончательно порвать съ изысканнымъ эпикурействомъ и безобиднымъ анакреонтическимъ жанромъ, которому онъ раньше нерѣдко платилъ дань, и сдѣлаться идейнымъ поэтомъ-бойцомъ. Въ теченіе этого второго періода своей литературной дѣятельности, занимающаго всего нѣсколько лѣтъ, Шенье создалъ рядъ стихотвореній, представляющихъ самыя яркія образцы политической поэзіи XIX столѣтія, вродѣ «La cage» Барбье, идейныхъ стихотвореній Виктора Гюго и т. д. Не принадлежа къ крайнимъ революціонерамъ, сочувствуя жирондистамъ, высказываясь противъ ненужныхъ жестокостей и рѣзко, безстрашно выступая противникомъ якобинцевъ, поэтъ вплоть до своей трагической кончины (13-го іюля 1794 года—или седьмого термидора второго года республики) не переставалъ откликаться на животрепещущіе вопросы родной жизни и открыто заявлять о своемъ неизмѣнномъ сочувствіи свободѣ, какъ бы ни искажалось и ни профанировалось подчасъ это великое понятіе. Его предсмертныя стихотворенія, написанныя въ тюрьмѣ Saint-Lazare, дышатъ необыкновенною сплою негодованія, гражданской скорби и непримиримой ненависти къ тѣмъ, кто такъ далеко ушелъ отъ свѣтлыхъ принциповъ 1789 года.—«ces bonheurs, barbouilleurs de lois, ces tyrans effrontés de la France asservie, égorgée». Недавній эпикуреецъ, поклонникъ буржуазической и анакреонтической поэзіи, превратился въ автора негодующихъ и карающихъ «ямбовъ», и взмошелъ на эшафотъ, какъ выразитель опредѣленнаго міросозерданія...

Трагическая судьба и слишкомъ поздно оцененный талантъ Шенье въ свое время привлекли вниманіе дѣлаго ряда русскихъ писателей, изъ которыхъ нѣкоторые выступили въ качествѣ переводчиковъ или передѣльвателей его стихотвореній, другіе открыто заявили о своемъ сочувственномъ отношеніи къ его личности и творчеству. Въ разное время его переводили Н. Козловъ («La jeune captive», «Euphrosine», «Accours, jeune Chromis», нѣсколько вольныхъ переводовъ и передѣлокъ и т. д.), Языковъ, Туманскій, Майковъ («J'étais un faible enfant...»), Фетъ, Вейнбергъ, Ануктінъ, Алексѣй Толстой («L'amour labourer», «Bacchus» и др.). Лермонтовъ написалъ стихотвореніе «Изъ А. Шенье» («За дѣло общее, быть можетъ, я паду»), которое является, однако, не переводомъ какой-либо пьесы французскаго автора, а попыткою возсоздать, вдохновляясь его же сочиненіями, его предсмертныя думы, воспоминанія о прошломъ, тщетныя старанія угадать будущее. Гораздо болѣе значенія имѣетъ строфа LXXIX изъ поэмы «Сашка» гдѣ, при изображеніи трагическихъ событій революціонной поры упоминается, между прочимъ, о томъ, какъ

«высокаго чела не уберечь» и даровитый поэтъ, «чья живая лира напрасно по вселенной разнесла все, все, что онъ считалъ своей душою,—слова, мечты, съ надеждой и тоскою». Подобно этому впоследствии (1842 г.) графиня Ростопчина въ стихотвореніи, посвященномъ Шенье, коснулась трагической гибели «юнаго узника», «мученика младаго», который «невиненъ и великъ, палъ гордо подъ враждой, презрѣвъ гонителей, ихъ злобу и угрозы». Русская писательница съ восторгомъ говоритъ объ авторѣ «*La jeune captive*», называя его своимъ «любимцемъ межъ всѣхъ другихъ поэтовъ», признаваясь, что она много разъ переписывала повѣсть его падеждъ и страданій—и съ чувствами его и мыслями сроднилась».

Среди русскихъ писателей, интересовавшихся жизнью и поэзіей Андреа Шенье, Пушкину принадлежатъ наиболѣе видное мѣсто. Онъ то и положилъ начало интереса къ Пушкину въ русской литературѣ и его знакомство съ Шенье относится къ болѣе ранней порѣ, чѣмъ примѣры подобнаго же знакомства, встрѣчающіеся у другихъ писателей. Еще въ одѣ «Вольность» мы находимъ—во второй строфѣ—четыре стиха, относящихся къ французскому поэту, который, правда, не названъ здѣсь по имени:

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго галла,
Кому сама, средъ грозныхъ бѣдъ,
Ты гимны смѣлые внушала!

Желая порвать съ «Цитеры слабою дарницей», «разбить избѣженную лиру» и выступить въ роли пѣвца свободы, обличителя произвола и угнетенія. Пушкинъ невольно вспомнилъ одного изъ наиболѣе яркихъ представителей идейной, тенденціозной поэзіи во Франціи и въ этотъ моментъ хотѣлъ идти по его слѣдамъ, вдохновляться его смѣлыми пѣснями.

Въ 1820 году Пушкинъ написалъ стихотвореніе «Дорида», начинающееся словами «Я знаю, я люблю; для сердца пужпо вѣрить»; эта маленькая вещица, до извѣстной степени, навѣяла одною изъ элегій Шенье, а заключительный стихъ («Плачущихъ именъ младенческая нѣжность») представляетъ собою точный переводъ съ французскаго. Въ 1823 году, въ черновыхъ наброскахъ къ письму, которое Пушкинъ отправилъ (въ сокращенномъ видѣ) кн. П. Вяземскому изъ Одессы, 4-го ноября, мы находимъ слѣдующія строки, относящіяся къ Шенье и несмотря на извѣстныя оговорки поэта и его нежеланіе признать автора «*La jeune captive*» предшественникомъ романтизма, дышащая искреннимъ сочувствіемъ и уваженіемъ: «Говоря о романтизмѣ, ты гдѣ то пишешь, что даже стихи со времени революціи имѣютъ новый образъ, и упоминаешь объ А. Шенье. Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ болѣе этого поэта, но онъ истинный грекъ, изъ классиковъ классикъ. C'est un imitateur savant. Отъ него такъ и пахнетъ Теоокритомъ и Анакореѣй. Онъ освобожденъ отъ итальянскихъ *concerti* и отъ французскихъ *antitheses*, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли». Къ 1824 году относится стихотвореніе Пушкина «Ты влечешь и молчишь, печаль тебя сѣждаетъ», представляющее собою, какъ указываетъ и самъ авторъ, подражаніе Андреа Шенье. Въ данномъ случаѣ Пушкинъ вдохновлялся (кое-гдѣ можетъ даже идти рѣчь о настоящемъ переводѣ) элегій Шенье «*Jeune fille,*

ton coeur avec nous veut se taire»,—красивою, изящною вещью, входящею въ составъ первой книги элегій французскаго поэта («*Meditations—voyages*»). Въ томъ-же году, въ письмѣ къ А. А. Бестужеву изъ Одессы, Пушкинъ приводитъ два стиха изъ «Юной узницы», говоря о «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» и настаивая на томъ, что эта поэма является только переложеніемъ разсказа «молодой женщины» (Раевской): «Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана—не моя вина: Я суетливо перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины».

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

1825 годъ принесъ съ собою извѣстное стихотвореніе Пушкина «Андрей Шенье», съ эниграфомъ изъ той же «Узницы»: «*Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois s'éveillait...*». Много оно доставило непріятностей поэту (см. выше примѣч. къ № 428). Но любопытно, что тѣ непріятности и тревоги, которыя были связаны со стихотвореніемъ, заключающимъ въ себѣ возвеличеніе дарованія и благородной природы Шенье, отнюдь не заставили Пушкина охладѣть къ французскому поэту и прекратить свои переводы изъ его сочиненій. Еще въ томъ же 1825 году Пушкинъ написалъ стихотвореніе «Изъ А. Шенье» («Шокровъ, убитый извѣстною кровью, Кентавра истящій даръ, ревнивою любовью Алкиду передастъ», и т. д.), представляющее собою очень вольный и мѣстами—пѣскольکو тяжелый по языку переводъ небольшого отрывка «*Hercule*»—изъ серии «*Poesies antiques*». Въ 1827 году онъ выступилъ съ переводомъ изящнаго стихотворенія «*Près des bords où Venise est reine de la mer*» («Близъ мѣсть гдѣ царствуетъ Венеція златая»); эта вещь, написанная Шенье въ подражаніе итальянскому сонету Цанни, была впоследствии переведена Козловымъ и озаглавлена имъ «Графиня Лебедельтеръ» (Надъ темнымъ заливомъ, вдоль звучныхъ зыбей Венеціи, моря царицы...); по идѣе она подходит къ тѣмъ оригинальнымъ стихотвореніямъ, въ которыхъ Пушкинъ выражалъ свой взглядъ на призваніе поэта и отношеніе послѣдняго къ суду общества, славы и т. д. Что Пушкинъ и въ дальнѣйшемъ вспоминалъ иногда о произведеніяхъ Шенье, несмотря на то, что его литературные вкусы и симпатіи уже давно были обращены въ другую сторону, видно, напр. изъ того, что въ 1828 году онъ взялъ эниграфомъ къ своему стихотворенію «Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я» первую строчку изъ элегій Шенье: «*Tel j'étais autrefois et tel je suis encor...*».

Стихотворенія, переведенныя или передѣланныя Пушкинымъ изъ Шенье, еще не даютъ намъ понятія о томъ, насколько русскій поэтъ былъ знакомъ со всею литературною дѣятельностью автора «*Le jeu de paume*», а также съ исторіей его жизни, особенно—наиболѣе бурнаго и драматическаго ея періода. Тѣ вещи, которыя переводилъ Пушкинъ, или которыми онъ хотѣлъ подражать, относятся къ болѣе раннему, эпикурейскому періоду. Нужно вообще замѣтить, что русскіе поэты, выступавшіе съ переводами избранныхъ стихотвореній Шенье, до сихъ поръ обходили, въ иныхъ случаяхъ, несомнѣнно, поневолѣ, наиболѣе сильныя, потрясающія созданія его музы. Но оригинальное стихотвореніе Пушкина «Андрей Шенье» показываетъ, что онъ очень интересовался судь-

бою поэта, различать два отдѣльных періода его литературной дѣятельности, ясно представлять себѣ его роль въ революціонную пору и причины его безвременной гибели,—несмотря на беззавѣтную преданность идеѣ свободы и равенства^{*)}. Тѣ стихи, которые онъ дважды вкладываетъ въ уста французскаго поэта, вполне умѣстны въ данномъ случаѣ и выдержаны въ духѣ подлинныхъ стихотвореній Шенье. Несчастный узникъ вспоминаетъ различныя событія ранняго періода революціи: — взятіе Бастиліи, клятву *jeu de raime*, смѣлый отвѣтъ Мирабо, перенесеніе праха Вольтера Руссо въ Пантеонъ, — затѣмъ обращается къ эпохѣ Террора, когда «убійцу съ палачами избрали мы въ царя» (намекъ на Робеспьера и дѣятельность Конвента), — и недавній періодъ благородной, ничѣмъ не запятнанной борьбы за свободу сталъ казаться чѣмъ то далекимъ, давно пережитымъ. Вѣрно передана русскимъ поэтомъ и неизмѣнная вѣра Шенье въ то, что «священная свобода, богиня чистая», неповинна въ томъ, что совершается иногда ея именемъ, что, рано или поздно, она «придетъ опять со мщеніемъ и славой», и враги ея будутъ посрамлены. Когда Шенье въ стихотвореніи Пушкина отдается мыслямъ о будущемъ, говорить о предстоящей казни, обращается

^{*)} Въ одномъ письмѣ Пушкина къ Вяземскому изъ Михайловскаго приведены апокрифическія слова Шенье, будто бы произнесенныя имъ (такъ гласило преданіе) передъ казнью. «И я, какъ А. Шенье, могу ударить себя въ голову и сказать: *il y avait quelque chose là*».

къ друзьямъ, мы ясно чувствуемъ вліяніе предсмертнаго стихотворенія французскаго поэта—«*Comme un dernier rayon...*» Наряду съ этимъ, повліяло на Пушкина и знаменитое стихотвореніе «*La jeune captive*», откуда, какъ мы уже указывали, взятъ и эпиграфъ къ «Андрею Шенье». Между прочимъ, мысли Шенье о томъ, какъ со временемъ кто нибудь будетъ читать его элегію и задумается надъ судьбою несчастной узницы, развиты здѣсь въ обширный отрывокъ, содержащій въ себѣ обращенію къ друзьямъ просьбу—собрать и сберечь его разбѣянные повсюду стихотворенія и со временемъ, «когда гроза пройдетъ», читать ихъ въ своемъ кругу и думать о немъ. По волѣ Пушкина, узникъ вспоминаетъ при этомъ имена «Авеля» (*Abel de Pange*—одинъ изъ друзей поэта) и Фанни (подъ именемъ Фанни Шенье воспѣлъ г-жу Лекютъ, любовь которой скрасила ему послѣдній періодъ его жизни,— всего за нѣсколько мѣсяцевъ до его ареста). Интересный отрывокъ, относящійся въ стихотвореніи Пушкина къ болѣе ранней, безмятежной порѣ жизни поэта и начинающійся словами «Куда, куда завлекъ меня враждебный геній», содержитъ въ себѣ отголоски различныхъ эротическихъ и анакреонтическихъ стихотвореній Шенье. Заключительныя слова всего стихотворенія «Плачь, муза, плачь» какъ бы навѣяны послѣднимъ стихомъ предсмертной элегіи «*Comme un dernier rayon*», обращеннымъ къ добродѣтели: «*Toi, Vertu, pleure, si je meurs!*» О непріятностяхъ, вынавшихъ на долю Пушкина за «Андрея Шенье» см. выше примѣч. къ № 428.

Юрій Веселовскій.

Пис. О. Кипренской 1827

Граф Н. Шеринъ.

АННА ПЕТРОВНА КЕРНЬ 1).

Имя Анны Петровны Кернь связано съ однимъ изъ самыхъ блестящихъ лирическихъ произведеній музы Пушкина—стихотвореніемъ «Я помню чудное мгновеніе» и съ любопытнымъ эпизодомъ его біографіи; уже одно это даетъ ей право на видное мѣсто въ біографической галлерей лицъ, съ которыми поэтъ встрѣчался на своемъ жизненномъ пути. Заслуживаетъ она тоже особеннаго вниманія еще и по тѣмъ воспоминаніямъ о Пушкинѣ, которыя она намъ оставила,—воспоминаніямъ, занимающимъ, по выраженію Л. П. Майкова, «одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду біографическихъ матеріаловъ о великомъ поэтѣ». Наконецъ, въ біографіи ея постоянно мелькаютъ люди и мѣстности, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ біографіей Пушкина.

Анна Петровна Кернь родилась 11-го февраля 1800 г. въ Орабѣ, въ домѣ своего дѣда, Ивана Петровича Вульфа, который былъ тамъ губернаторомъ²⁾. Родителями ея были Петръ Марковичъ Полторацкій и Екатерина Ивановна, рожд. Вульфъ, дочь вышеупомянутаго Орловскаго губернатора, потомъ сенатора Ивана Петровича Вульфа. Семья Полторацкихъ и Вульфовъ были очень обширны, находились въ постоянномъ общеніи между собою и жили широко и весело; многочисленна и богата была и родня ихъ. Анна Петровна съ дѣтства попала въ этотъ широкий кругъ богатыхъ родныхъ, и первые впечатлѣнія ея сознательной жизни были радостны, свѣтлы и беззаботны. Мать не чаяла въ ней души; дѣдушка Вульфъ былъ человекомъ чрезвычайно добрымъ, благодушнымъ; многочисленные дядюшки и тетушки непрерывно баловали свою племянницу,—и только отецъ, фантасеръ, самодуръ и прожектеръ, являлся темнымъ пятномъ въ безоблачномъ существованіи дѣвочки. «Батюшка началъ меня воспитывать еще съ пеленокъ,—и много натерѣлась я отъ его методы воспитанія!... Онъ былъ добръ, великодушень, остроуменъ по-вольтеровски, достаточно, по тогдашнему времени, образованъ и весь проникнутъ былъ ученіемъ энциклопедистовъ, но у него много было забористости и самолюбивости, побуждавшихъ его къ капризному своеволію надъ всѣми окружающими. Отъ этого и обращеніе со мною доходило до пелѣности». Съ младенчества Анна Петровна была связана самыми тѣсными узами съ Прасковіей Александровной Осиповой (тогда еще Вульфъ, женой родного брата Екатерины Ива-

новны Полторацкой—Николая Ивановича Вульфа) и ея дочерью Анной Николаевной, которая родилась двумя мѣсяцами раньше своей кузины; съ этими двумя лицами она потомъ была всегда въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Младенческие годы Анны Петровны прошли въ Малороссіи, въ Лубнахъ, гдѣ ея отецъ былъ уѣзднымъ маршаломъ (предводителемъ) дворянства. По четвертому году дѣвочку увезли въ имѣніе дѣда Вульфа—с. Берново (Старикаго уѣзда Тверской губ.), гдѣ прожила она годъ и гдѣ ей жилось «привольно, особенно въ отсутствіе батюшки». «Всѣ были,—вспоминаетъ она,—внимательны и нѣжны ко мнѣ, въ особенности нашъ безподобный дѣдушка Иванъ Петровичъ» (Вульфъ); жена его, Анна Федоровна, рожд. Муравьева, и сестра ея, Любовь Федоровна, постоянно жившая съ Е. П. Полторацкой, также окружали нѣжною привязанностью дѣвочку и ея мать, женщину кроткую, но болѣзненную и нѣсколько забитую мужемъ. Изъ Бернова Полторацкіе опять переселились въ Лубны,—и въ памяти Анны Петровны навсегда сохранился видъ живописной мѣстности съ широкимъ горизонтомъ, открывавшійся съ горы, на которой стояла здѣсь ихъ усадьба, и тотъ кругъ веселыхъ, добродушныхъ и патриархальныхъ лубенскихъ обитателей, въ которомъ она жила до 8 лѣтъ, «присутствуя и участвуя во всѣхъ его удовольствіяхъ». «Но при этомъ, говоритъ она,—несмотря на постоянныя веселости, обѣды, балы, мнѣ удавалось удовлетворять свою страсть къ чтенію, развившуюся во мнѣ съ пяти лѣтъ. Каждую свободную минуту я употребляла на чтеніе французскихъ и русскихъ книгъ изъ бібліотеки моей матери. Тутъ попадались мнѣ по большей части англійскіе романы. Изъ нихъ нравились мнѣ особенно «Octavia», par Anna Maria Porter, «Félicie et Florestine» и другіе. Многого, разумеется, я не понимала, но все-таки читала. Въ куклы я никогда не играла!... Раннее чтеніе сказало въ томъ, что она любила воображать себя героиней прочитаннаго; въ общемъ, оно развивало въ ней не столько умъ, сколько сердце. Въ 1808 г., когда умерла, вслѣдъ за второй, третья сестра ея, и мать ея была неутѣшна отъ этой потери, отецъ опять отправилъ ее съ дочерью и Л. О. Муравьевой въ с. Берново, куда вскорѣ пріѣхала изъ своего Тригорскаго и Прасковья Александровна Вульфъ съ мужемъ и дочерью Анною. Дѣвочки встрѣтились очень дружелюбно, «обнялись и тотчасъ заговорили,—не о куклахъ, о нѣтъ! мы обѣ не любили куколъ! Она описывала красоты Тригорскаго, а я—презести Лубенъ и нашего въ нихъ дома... Анна Николаевна не была такъ рѣзва, какъ я; она была серьезнѣе, расчетливѣе и гораздо меня прилежнѣе...», но я была горячѣе, даже великодушнѣе въ нашихъ дружескихъ изліаніяхъ».

Подходило время подумать объ образованіи обеихъ подростковъ. Подысканіе воспитательницы поручили дядѣ Петру Ивановичу Вульфу, состоявшему «кавалеромъ» при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ. «Случилось

¹⁾ Приносимъ нашу благодарность Н. Д. Романову, А. И. Маленку, П. А. Виноградову, А. А. Виноградову, О. А. Правдину, П. Я. Дашкову, А. А. Сиверсу, и внукамъ А. П. Кернь—Ю. М. Шокальскому и А. А. Кулужинской за сообщеніе нѣкоторыхъ матеріаловъ для настоящей статьи.

²⁾ Ср. «Сто лѣтъ назадъ» въ ж. «Радуга» 1884 г., №№ 18—19, 22, 24 и 25, а также перепечатку: «Изъ воспоминаній о моемъ дѣтствѣ»—«Русск. Архивъ» 1884 г., кн. III; у насъ извѣстна черновая рукопись этихъ воспоминаній, которыя были окончены въ Лубнахъ 19-го октября 1870 г.

такъ,—разсказываетъ Анна Петровна,—что въ это самое время выписали для великой княжны Анны Павловны изъ Англiи двухъ гувернантокъ: m-lle Sybourg и m-lle Bénoit. Эта послѣдняя назначалась къ великой княжнѣ, но, по своимъ скромнымъ вкусамъ и желанію отдохнуть послѣ трудовъ своей жизни въ Лондонѣ, она не рѣшилась принять предложеніе двора и уступила мѣсто при великой княжнѣ пріятельницѣ своей Sybourg, а сама пріѣхала въ Берново, въ концѣ 1808 года. «Родители мои и Анны Николаевны,—повѣствуетъ она далѣе,—тотчасъ же поручили насъ въ полное ея распоряженіе. Никто не смѣлъ мѣшаться въ ея дѣло, дѣлать какія-либо замѣчанія, нарушать покой ея учебныхъ занятій съ нами и тревожить ее въ мирномъ пріютѣ, въ которомъ мы учились». Преподаваніе шло, «разумѣется, по-французски, и Русскому языку мы учились только 6 недѣль во время вакацій, на которыхъ пріѣзжалъ изъ Москвы студентъ Мерчанскій». Благодаря своему педагогическому такту, m-lle Bénoit умѣла пріохотить двѣочекъ къ ученью, и онѣ занимались, нисколько не тяготясь тѣмъ, дѣлалъ день. Занятія разнообразились разсказами гувернантки и чтеніемъ, которому подруги предавались «съ жадностію». «У насъ была маленькая дѣтская библіотека съ m-me Genlis, Ducray-Duménil и другими тогдашними писателями... Любимыми нашими сочиненіями были «Les veillées du château» и «Les soirées de la chaumière». Встрѣчая въ читанномъ скабрѣзные мѣста [sic!], мы оставались къ нимъ безучастны, такъ какъ эти мѣста были намъ непонятны. Мы воспринимали изъ книгъ только то, что понятно сердцу, что окрыляло воображеніе, что согласно было съ нашею душевною чистотою, соотвѣтствовало нашей мечтательности и создавало въ нашей игривой фантазій поэтическіе образы и представленія». Фантазія, воображеніе и мечтательность, несмотря на здоровую деревенскую обстановку и безыскусственный укладъ сельской жизни,—дѣвочкамъ показывали и святочные крестьянскія игры, водили ихъ на свадьбы дворовыхъ людей, и въ цыганскій таборъ—развивались быстро и въ ущербъ божьей положительнымъ сторонамъ дѣтской души. Анна Петровна сама разсказываетъ, что, когда въ Берново пріѣхала Екатерина Федоровна Муравьева съ сыновьями Никитой (впослѣдствіи повѣщеннымъ) и Александромъ, и мальчики рѣзвились, дурачились и обращались бездеременно, то обѣ подруги, которымъ едва исполнилось по 10 лѣтъ, на нихъ обижались: «они смѣли фамиліарничать съ особами, которые считали себя достойными только принцевъ и мечтали выйти замужъ за Нуму Помпидю или Телемака, или за подобнаго имъ героя! Такой дерзости мы не могли переварить». Два года спустя, она приходитъ въ сильное смущеніе отъ замѣчаній, мимоходомъ брошеннаго по ея адресу молодымъ человѣкомъ: «elle est charmante», а еще черезъ годъ ее очень огорчаетъ поступокъ тетюшки Анны Ивановны Вульфъ, которая «окромсала» ей волосы, чтобы дѣвочка «не кокетничала ими». Такъ постепенно складывался характеръ Анны Петровны, будущей «Вавилонской блудницы», какъ называлъ ее Пушкинъ въ одномъ письмѣ къ ея двоюродному брату, А. И. Вульфъ (1826 г.). Быть-можетъ, дальнѣйшее руководство строгой m-lle Bénoit и положило-бы конецъ развитію указанныхъ испинокъ подростка, но въ срединѣ 1812 г. И. М. Полторацкій надумалъ снова ѣхать въ Лубны,—

и дальнѣйшее воспитаніе и образованіе Анны Петровны прекратились. «Въ Лубнахъ,—говоритъ она,—я прожила въ родительскомъ домѣ до замужества, учила брата и сестеръ, мечтала въ рощахъ и за книгами, танцовала на балахъ, вслушивалась похвалы постороннихъ и порицанія родныхъ, участвовала въ домашнихъ спектакляхъ... вообще вела жизнь довольно пошлую, какъ и большинство провинціальныя барышней. Батюшка продолжалъ быть строгимъ со мною, и я дѣвушкой его такъ же боялась, какъ и въ дѣтствѣ».

Этотъ страхъ передъ отцомъ и боязнь осудиться его въ чемъ-нибудь, хотя въ мелочахъ, были причиною того, что, юная и прекрасная собою, Анна Петровна самымъ несчастнымъ образомъ вышла замужъ за человѣка педолюбимаго, даже внушавшаго ей отвращеніе, человѣка на много лѣтъ ея старше, совершенно не подходившаго къ ней ни по характеру и душевнымъ свойствамъ, ни по развитію, ни по рожденію. Въ своихъ воспоминаніяхъ Анна Петровна просто и откровенно разсказываетъ, какъ совершился этотъ трагическій переломъ въ ея судьбѣ, совершенно и уже навсегда исковеркавшій ея жизнь.

«Тогда (т.-е. въ концѣ 1816 г.), разсказываетъ она, «стоялъ у насъ (т.-е. въ Лубнахъ) Егерскій полкъ, и офицеры его и даже командиръ, старикъ Экезльнъ, были моими поклонниками. Но родители мои не находили ничего изъ нихъ достойнымъ меня. Но явился дивизионный генералъ Кернъ,—начальникъ дивизіи, въ которой состоялъ тотъ полкъ,—и родители нашли его достойнымъ меня, стали поощрять его поклоненія и стариковскія¹⁾ ухаживанія, столь невыносимыя, и сдѣлались со мною ласковы. Отъ любезничаній генеральскихъ меня тошнило, я съ трудомъ заставляла себя говорить съ нимъ и быть учтивою, а родители все пѣли похвалы ему. Имѣя его въ виду, они отказывали многимъ, искавшимъ моей руки, и ждали генеральскаго предложенія съ нетерпѣніемъ. Ожиданіе ихъ продолжалось недолго. Вскорѣ послѣ знакомства, генералъ Кернъ прислалъ ко мнѣ одну изъ жившихъ у насъ родственницъ съ просьбою выслушать его. Зная желаніе родителей, я отвѣчала ему, что готова его выслушать, но прошу только недолго и немного разговаривать. Я знала, что судьба моя рѣшена родителями, и не видѣла возможности измѣнить ихъ рѣшеніе. Передателю генеральскаго желанія я спросила: «а буду я его любить, когда сдѣлаюсь его женою?» Она сказала «да» и ввела генерала. «Не противенъ-ли вамъ?»—спросилъ онъ меня, получивъ въ отвѣтъ, «нѣтъ!»—пошелъ къ родителямъ и сдѣлался моимъ женихомъ. Его поселили въ нашемъ домѣ и заставляли меня быть почтѣе съ нимъ. Но я не могла преодолѣть отвращенія къ нему и не умѣла скрыть этого. Онъ часто высказывалъ огорченіе по этому поводу и разъ написалъ на лежащей предъ нимъ бумагѣ:

Лѣтъ горлицы покажутъ
Тебѣ мой холодный прахъ...

Я прочла и сказала: «старая пѣсня!».—Я покажу, что она будетъ не старая,—вскричалъ онъ и хотѣлъ еще что-то продолжать, но я убѣжала.

¹⁾ Кернъ въ это время было уже 52 года, а Анна Петровна шель 18-й годъ.

Меня за это сильно распекали.—Батюшка сторожил меня, как свухъ, ублажая въ пользу противнаго мнѣ генерала, и слѣдилъ за всѣми, кто могъ открыть мнѣ глаза на предстоящее супружество. Онъ жестоко разругалъ мою компаніюшку за то, что она говорила мнѣ часто: «несчастная», и онъ это слышалъ. Онъ употреблялъ возможныя старанія, чтобы бракъ мой не разстроился, и старался убѣдять его успѣхомъ. Я вѣнчалась съ Керномъ 8-го января 1817 года въ соборѣ ¹⁾. Всѣ восхищались, многіе завидовали. А я тутъ кетати замѣчу, что бивакъ и поле битвы не такія мѣста, на которыхъ вырабатываются мирныя семейныя достоинства, и что боевая жизнь не развиваетъ тѣхъ чувствъ и мыслей, какія необходимы для семейнаго счастья.

Ермолай Оеодоровичъ Кернъ не безъ гордости называлъ самъ себя «солдатомъ»; и дѣйствительно, вся его жизнь прошла въ войнахъ и походахъ,—съ молодыхъ лѣтъ и почти до могилы. Начавъ службу въ 1781 году, онъ въ разныхъ войнахъ 1788—1814 гг. получилъ семь боевыхъ наградъ. въ томъ числѣ чинъ генерала (1812) и георгиевскій крестъ за взятіе Парижа. Съ наступленіемъ мирнаго времени изувѣченный Кернъ командовалъ различными бригадами, а съ 1816 г.— 15-ю пѣхотною дивизіею. Біографы Керна (см. изданіе, «Военная Галлерея Зимняго Дворца», т. II, и «Справочный энциклопедическ. словарь Старчевскаго-Крайя», т. VI) рисуютъ его, на основаніи оффиціальныя данныхъ, храбрымъ воиномъ, неоднократно проявлявшимъ во множествѣ сраженій «блестящія опыты своего мужества».—Но, конечно, это еще не свидѣтельствуеетъ ни о его развитіи, ни о нравственныхъ и иныхъ достоинствахъ, которыя заставили-бы молодую, прекрасную, свѣтски-образованную женщину если не полюбить, то привязаться къ потертому жизнью и службой старику, у котораго, къ тому-же, былъ побочный 6-лѣтній сынъ. Жизнь молодой женщины сразу же пошла вкривь и вкосъ. Находясь первый годъ своего замужества подъ строгимъ надзоромъ отца, она, повидимому, не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ, что совершилось, хотя отвращеніе ея къ супругу, конечно, не уменьшалось. Пѣкоторое разнообразіе въ жизнь ея вносили поѣздки къ матери изъ Елизаветграда въ Лубны и путешествія за мужемъ по служебнымъ его дѣламъ; объ одной такой поѣздкѣ, въ Полтаву, въ томъ же 1817 г., Анна Петровна оставила любопытный разсказъ, въ которомъ описала свою встрѣчу съ Имп. Александромъ I ²⁾. «Въ Полтавѣ», пишетъ она, «готовился смотръ корпуса генерала Сакена, въ которомъ мужъ мой, Кернъ, служилъ дивизионнымъ командиромъ. Немного прибитая на-дѣвту, какъ говорятъ въ Малороссіи,—необыкновенно робкая, выданная за мужъ и слишкомъ рано, и слишкомъ неразборчиво, я привезена была въ Полтаву. Тутъ меня повезли на смотръ и на балъ, гдѣ я увидѣла

императора ¹⁾. Сакенъ, знавшій Анну Петровну, указалъ на нее государю, и послѣдній на балу подошелъ къ ней; подкупленная и восхищенная его «обаятельною граціею и неизъяснимою добротою», Анна Петровна ободрилась, воодушевилась, и робость ея исчезла совершенно. «Не смѣя ни съ кѣмъ говорить доселѣ,—пишетъ она, я съ нимъ заговорила, какъ съ давнишнимъ другомъ и обожаемымъ отцомъ! Онъ заговорилъ, и я была на седьмомъ небѣ и отъ ласковости этихъ рѣчей, и отъ снисходительности къ моимъ дѣтскимъ понятіямъ и взглядамъ! Онъ говорилъ о мужѣ моемъ, между прочимъ: «C'est un brave soldat!» Это тогда такъ занимало ихъ! Потомъ сказали: «Venez à Pétersbourg chez moi». Я съ величайшею наивною сказала, что это невозможно, что мой мужъ на службѣ. Онъ улыбнулся и сказалъ очень серьезно: «Il peut prendre un semestre». На это я такъ расхрабрилась, что сказала ему: «Venez plutôt à Loubny! C'est si beau Loubny!» Онъ опять засмѣялся и сказалъ: «Je viendrai, absolument, je viendrai!» По городу ходили слухи, вѣроятно несправедливые, что будто императоръ спрашивалъ, гдѣ наша квартира, и хотѣлъ сдѣлать визитъ. Потомъ много толковали, что онъ сказалъ, что я похожа на Прусскую королеву. На основаніи этихъ слуховъ, губернаторъ Тутольминъ, очень ограниченный человекъ, даже поздравилъ Керна, на что тотъ съ удивительнымъ благоразуміемъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, съ чѣмъ тутъ поздравлять? Сходство съ королевой было въ самомъ дѣлѣ, потому что въ Петербургѣ одинъ офицеръ, бывшій камеръ-пажемъ во дворцѣ при прѣздѣ королевы, это говорилъ моему теткѣ, когда меня увидѣлъ. Можетъ быть, это сходство повлияло на расположеніе императора къ такой неловкой и робкой тогда провинціалкѣ. Что сходство съ королевой Луизой дѣйствительно было, это доказываетъ какъ портретъ А. П. Кернъ, такъ и слова извѣстной Вѣры Івановны Анненковой, которая въ 1903 г., разсказывая Ю. М. Шокальскому объ его бабушкѣ, вспоминала объ этомъ, передавая, что Императоръ выразился тогда объ Аниѣ Петровнѣ, что она «совершенно Прусская королева, но королева уже отцвѣтаетъ, а м-ме Керн въ полномъ расцвѣтѣ».

Въ ноябрѣ 1817 г. Анна Петровна съ матерью и съ мужемъ ѣздила въ Кіевъ, гдѣ познакомилась съ семьей Н. Н. Раевского; вскорѣ у нея родилась (1818) дочь Елаетерина Ермолаевна († 1904), впоследствии предметъ любви М. П. Глинки ³⁾. Отношенія ея съ мужемъ были уже тогда очень шероховаты: его присутствіе тяготило молодую женщину; наоборотъ, отсутствіе, вызванное поѣздкой въ Петербургъ для хлопотъ о мѣстѣ послѣ того, какъ онъ, за заносчивость въ обращеніи съ Сакеномъ, былъ «отчисленъ по арміи» (10 мая 1818 г.),—такъ «благодатно» на нее дѣйствовало, что она «забывала и о его службѣ, и о страхахъ, и о своемъ блескѣ, въ который на минуту окунулась»; «она жила при матери, которую обожала, и кормила свою дѣвочку». Зимой 1818 г. Анна Петровна посѣтила Липецкъ, Москву,—гдѣ была у тетки Варвары Марковны Мертваго (которая передала ей, что Имп. Александръ, при встрѣчѣ съ нею у Имп. Маріи Оеодоровны, выразился про Анну Петровну: «Elle est charmante, char-

¹⁾ Въ приданое отъ отца Анна Петровна получила въ Старицкомъ уѣздѣ, Тверской губ., 160 душъ крестьянъ, по въ 1820 или 1821 г. П. М. Полторацкій сперва заложилъ это имѣніе, а потомъ и продалъ его графу Шереметеву. Въ 1832—1833 г. Пушкинъ принималъ участіе въ хлопотахъ Анны Петровны по выкупу этого имѣнія у Шереметева (см. его записки къ Аниѣ Петровнѣ въ «Пушк. и его совр.», вып. V, стр. 153—155).

²⁾ Русск. Стар. 1870 г., т. I, изд. III, стр. 230—243.

¹⁾ Смотръ этотъ былъ 15 сентября 1817 г.

²⁾ Ея крестнымъ отцомъ былъ Имп. Александръ.

сентябрѣ 1819 года Анна Петровна имѣла случай еще разъ бесѣдовать съ Императоромъ Александромъ, во время маневровъ въ Ригѣ. Императоръ танцовалъ съ ней на балу, былъ очень благосклоненъ, осматривалъ ее комплиментами, спросилъ ее, не нужно ли ей чего-нибудь отъ него, и сказалъ: «Je veux que vous soyez dans l'aisance» и съ нѣжной добротою проговорилъ: «adressez-vous à moi comme à un père»¹⁾. Всѣ восторгались красотой Анны Петровны и ея нарядомъ. На другой день она присутствовала, въ качествѣ зрительницы, на обѣдѣ, данномъ въ честь Государя,—и онъ опять замѣтилъ ее, нѣсколько разъ на нее смотрѣлъ и ласково улыбнулся. «Вставая изъ-за стола, Императоръ поклонился всѣмъ,—и я имѣла счастье убѣдиться, что онъ, раскланявшись со всѣми и совсѣмъ уже уходя, взглянулъ къ намъ на верхъ (на балконъ) и мнѣ поклонился въ особенности. Это былъ его послѣдній поклонъ для меня... До меня дошло потомъ, что Сакенъ говорилъ съ императоромъ о моемъ мужѣ и замѣтилъ, между прочимъ: «Государь, мнѣ ее жалко».

И дѣйствительно, жизнь съ мужемъ, который день ото дня становился ей все болѣе и болѣе ненавистнымъ, была для молодой, мечтательной и наивной женщины очень печальна. Не имѣла ничего общаго съ казарменными интересами этого грубаго человѣка, она имѣла полное право считать себя несчастной. До насъ дошелъ обстоятельный дневникъ (съ 23 июня по 30 августа 1820 г., болѣею частью на французскомъ языкѣ) Анны Петровны, жившей тогда въ Псковѣ, въ видѣ писемъ ея къ жившей въ Лубнахъ теткѣ дѣвицѣ Θεодосіи Петровнѣ Полторацкой. Онъ заключаетъ въ себѣ ежедневный и самый подробный отчетъ обо всемъ видимомъ, слышанномъ, читанномъ, продуманномъ и прочувствованномъ. Велся онъ и посылался зачастую тайкомъ отъ мужа²⁾, о которомъ въ немъ говорится очень много и въ слишкомъ опредѣленномъ тонѣ. Онъ проникнутъ грустными настроеніемъ, содержитъ въ себѣ мало фактическихъ указаній, повѣствуя лишь о стокношеніяхъ съ мужемъ, душевныхъ страданіяхъ, имъ причиняемыхъ, мечтахъ о будущемъ счастьи, воспоминаніяхъ о прошломъ, даже о видѣнныхъ снахъ, которымъ придается то или иное значеніе; журналъ обильно снабженъ выписками изъ прочитанныхъ французскихъ книгъ (большей частью романовъ³⁾ съ переводомъ ихъ на русскій языкъ, при чемъ Анна Петровна приводитъ тѣ мѣста, которыя соотвѣтствуютъ ея мыслямъ въ данный моментъ или вообще рисуютъ обстоятельства, сходныя съ тѣми, въ которыхъ она находилась. Нѣсколько выписокъ изъ него раскроютъ намъ лучше всего ее самое. Въ дневникѣ видную роль

играетъ какой-то молодой егерскій офицеръ, котораго она называетъ сперва «l'Eglantine» (шиповникъ) а потомъ «Immortelle»,—съ нимъ она видѣлась въ Лубнахъ всего нѣсколько разъ, не сказала съ нимъ болѣе десяти словъ, но душу его сразу узнала по глазамъ и не можетъ забыть. Она сообщаетъ подругѣ, что рѣшила отдѣлаться отъ своего мужа: «онъ не можетъ долѣе оставаться около меня: его свойства слишкомъ мало имѣютъ общаго со мной, чтобы мы долго могли выносить другъ друга; чтобы не дѣлать исторіи, я подожду, пока найдемъ нѣкую для рѣшенка». «Теченіе жизни нашей есть только скучной и унылой переходъ, если не дышешь въ немъ сладкимъ воздухомъ любви»,—дѣлаетъ она переводъ изъ прочитаннаго, и восклицаетъ: «Не правда-ли, неоспоримая истина, мой ангелъ!»—«Добродѣтель вправѣ требовать уваженія, разумъ и дарованія—удивленія; красота можетъ возбудить желанія, но одна только чувствительность можетъ внушить истинную любовь».—«Какъ прискорбно,—выписываетъ она тутъ же, проводя параллель съ собою,—что счастье или несчастіе цѣлой жизни нашей бываетъ обыкновенно рѣшено прежде, нежели мы въ состояніи судить о томъ или другомъ. Удерживаемы обычаемъ, а иногда и предразсудками, странными и смѣшными, мы бываемъ увлечены общимъ примѣромъ, и тогда только, когда уже не время, начинаемъ размышлять». Я нахожу эти мысли совершенно справедливыми: и нахожу ихъ такими именно по опыту...

Вспомнивъ, что скоро именины ея отца, и что въ этотъ день въ Лубнахъ «Eglantine» будетъ у Полторацкихъ, Анна Петровна пишетъ: «я буду представлять себѣ мою божественную подругу, разговаривающую обо мнѣ съ моимъ обожаемымъ «Eglantine» и старающуюся возвратить спокойствіе его прекрасной душѣ, которая будетъ грустна изъ-за моего отсутствія,—я въ этомъ увѣрена. Поговорите съ нимъ обо мнѣ, скажите ему, что я хотѣла бы быть его другомъ». Вечеромъ 3-го іюля она передаетъ подругѣ разговоръ, который былъ только что за ужиномъ между ея мужемъ и его племянникомъ Павломъ Керномъ, недавно прѣбывавшимъ. Говорили о графинѣ Бенингсепъ, и Ермолай Θεодоровичъ, «увѣряя, что онъ ее прекрасно знаетъ, сказалъ, что это очень достойная женщина, которая всегда умѣетъ себя прекрасно вести, что у нея было много штрижекъ, но что это очень извинительно, такъ какъ она очень молода, а мужъ ея очень старъ, но что на людяхъ она всегда такъ ласкова съ нимъ, что никто и думать не можетъ, что она его не любитъ».—«Вотъ прекрасная манера себя держать», восклицаетъ Анна Петровна: «и какъ Вы находите взгляды моего дорогаго супруга? Наивная Анна Петровна вскорѣ, однако, убѣдилась, что высказанныя ея мужемъ воззрѣнія были сказаны не безъ задней мысли: изъ дальнѣйшихъ страницъ дневника видно, что онъ сводилъ жену со своимъ племянникомъ! Подозрѣніе въ томъ, что она снова беременна, приводитъ Анну Петровну въ величайшее смущеніе; ей кажется, что «Immortelle», узнавъ объ этомъ, перестанетъ ее любить. «И вамъ и прежде говорила, что я не хочу имѣть дѣтей: для меня ужасна была мысль не любить ихъ и теперь еще ужасна! Вы также знаете, что сначала я очень желала имѣть дитя, и потому я имѣю нѣкоторую нѣжностъ къ Катенькѣ, хотя и упрекаю иногда себя, что она не довольно велика. Но этого

¹⁾ По словамъ покойной Е. Е. Шокальской, Имп. Александръ, обѣщавъ ея матери свое покровительство, сдержалъ свое слово: когда позже Анна Петровна разошлась съ мужемъ и просила Государя помочь ей (свиданіе ихъ состоялось въ присутствіи Имп. Елизаветы Алексѣвны), то онъ оказалъ ей денежное пособіе, о которомъ она просила.

²⁾ Разъ онъ прочелъ одинъ его отрывокъ, еще не отправленный на почту, и устроилъ женѣ «une grandissime histoire».

³⁾ «Emilie Montague»; «Les deux amies», par M-me de Pienne; «L'Allemagne», m-me Staël; «Léontine», Kocceby; «Christine». «Nouvelle Héloïse», Voyage sentimental» Стrepna и др.

(т.-е. ожидаемого ребенка) все небесныя силы не заставят меня любить: по несчастью, я такую чувствую ненависть ко всей этой фамилии (т.-е. Кериц), это такое непреодолимое чувство во мнѣ, что я никакими усилиями не въ состояннн отъ онаго избавиться. Это—исповѣдь». 17-го августа Анна Петровна узнала, что мужъ ея назначенъ командиромъ 11-й пѣхотной дивизии, и въ восторгѣ пишетъ, что дивизія эта стоитъ въ Старомъ Быховѣ, около Могилева: «Это будетъ очень близко отъ Васъ,—восклицаетъ она,—по не знаю, почему это меня не радуетъ... Я чувствую, что я не буду истинно счастлива, какъ только тогда, когда я буду въ состояннн законнымъ образомъ отдать ему (т.-е. Immortelle) мою любовь; иначе самое его присутствіе не сдѣлаетъ меня счастливою, какъ только панозовицу. Все поздравляютъ моего дорогого муженька, и онъ сказалъ мнѣ, что мы поѣдемъ къ дивизіи къ 1-му сентября; оттуда онъ отправится въ Петербургъ, а я, если вы мнѣ позволите, приѣду къ вамъ. За Богомъ молитва не пропадетъ, а за Царемъ—служба. Я думаю, что со мной ничего уже счастливаго случиться не можетъ, и потому сначала эта вѣсть не принесла мнѣ ни малѣйшаго удовольствія, а теперь, обдумавъ, вижу, что въ сентябрѣ я могу васъ обнять, и эта мысль приводитъ меня въ трепетъ отъ восхищенія (рука дрожитъ и нѣсилу пишу), и скажу, какъ St.-Preux: «Боже, Ты далъ мнѣ силы перенести величайшія горести,—дай теперь столько, чтобъ вывести величайшее блаженство! Увижу опять».—«Что можетъ быть горестнѣе моего положенія? читаемъ въ предпоследней записи дневника (29 августа): не имѣть около себя ни души, съ кѣмъ бы могла цзнить свое сердце, поговорить и выѣсть—поплакать. Несчастное твореніе я! Самъ Всемогушій, кажется, не внемлетъ моимъ молитвамъ и слезамъ... Къ умноженію моихъ печалей, вы ничего не отвѣчаете на мои письма, и я не знаю, пайду-ли я подѣл васъ отраду въ удовольствіи в а ш е мъ меня видѣть. Я уже вамъ сказывала, что я не сомнѣваюсь въ собственной особѣ вашей, но желала бы, чтобы Папенька и Маменька столько имѣли удовольствія меня видѣть, сколько я почитаю блаженствомъ быть у нихъ, и хотя этимъ бы вознаградили меня за все претерпѣнныя горести въ разлукѣ съ ними. Маменька съ своимъ чувствительнымъ сердцемъ очень можетъ судить о мучительномъ моемъ положеніи: пусть только вспомнитъ свое состояніе, когда она оставила своихъ родителей. Съ пѣжно-любимымъ мужемъ, съ милыми дѣтьми, въ цвѣтущемъ состояннн, что способствовало ежеминутно дѣлать жизнь ея спокойною и пріятною,—и тутъ ей сопутствовалъ всегда кто-нибудь изъ родныхъ ея. Возьмите теперь противоположность моего состоянія: съ такимъ же чувствительнымъ сердцемъ, обремененнымъ всеми возможными горестями, должна проводить дни мои, оставлена всею природою, съ тѣмъ человекомъ, который никогда не можетъ получить моей привязанности ни даже уваженія. Онъ обѣщалъ мнѣ отпустить меня къ вамъ, но усиленнымъ просьбамъ моимъ, вскорѣ по приѣздѣ въ Старый Быховъ,—теперь опять отговаривается и хочетъ, чтобы я тамъ пробыла до отъѣзда его въ Петербургъ, что не прежде будетъ, какъ въ концѣ октября. Ему пужды цѣтъ, что я буду дѣлать во время его разѣздовъ одна, съ ребенкомъ, въ этомъ несчастномъ городѣ, и какъ потомъ я въ холотъ и

колотъ поѣду въ октябрѣ; но я настаю, чтобы ѣхать, какъ прежде сказано, и ежели онъ эгоистъ, то я вдвое имѣю право быть опой, хотя для тѣхъ, которымъ моя жизнь и благополучіе еще дороги. Впрочемъ, это послѣднее время совершенно заставило меня потерять терпѣніе, и я бы въ адъ поѣхала, лишь бы знала, что тамъ его не встрѣчу. Вотъ состояніе моего сердца».

Подъ 30-мъ августа—последняя записъ въ дневникѣ,—въ ожиданнн отъѣзда въ Лубны, съ просьбою «сказать много хорошаго Immortelle».

О времени пребыванія Анны Петровны въ Лубнахъ и о дальнѣйшихъ перипетіяхъ ея романа мы не располагаемъ никакими данными, кромѣ указанія ея самой, что послѣ Пскова она возвратилась въ Полтавскую губернію къ своимъ родителямъ, повидимому, бросивъ на время ненавистнаго мужа, который, однако, не переставалъ дѣлать попытки къ сближенію съ женой. Все эти житейскія передраги не могли не отразиться на ея характерѣ, и изъ мечтательной, наивной женщины она, мало-по-малу, обратилась въ кокетливую особу, создававшую всю силу и обаятельность своей молодости, красоты и петропугаго еще истинною любовью горячаго сердца.

Живя въ Лубнахъ, Анна Петровна познакомилась и сблизилась съ Аркадіемъ Гавриловичемъ Родзянкою, «милымъ поэтомъ, умнымъ, любезнымъ и весьма симпатичнымъ человекомъ», сойдомъ ея по имѣнію. Родзянка доставлялъ ей, между прочимъ, новыя произведенія Пушкина, и она съ жадностію читала «Кавказскаго Пѣвника», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Разбойниковъ» и 1-ю главу «Опѣгина»; отъ многихъ слышала она про Пушкина, «какъ про славнаго поэта» «Во время пребыванія моего въ Полтавской губерніи», рассказываетъ Анна Петровна въ своихъ воспоминаніяхъ о поэтѣ, «я постоянно переписывалась съ двоюродною сестрою моею Анною Николаевною Вульфъ... Пушкинъ часто бывалъ у нихъ въ домѣ; она говорила съ нимъ обо мнѣ и потомъ сообщала мнѣ въ своихъ письмахъ различныя его фразы: такъ, въ одномъ изъ нихъ она писала: «Vous avez produit une vive impression sur Pouchkine à votre rencontre chez Olénine; il dit partout: «Elle était trop brillante». Въ одномъ изъ ея писемъ Пушкинъ приписалъ сбоку изъ Байрона: «Un image qui a passé devant nous, que nous avons vue et que nous ne reverrons jamais»¹⁾. Когда же онъ узналъ, что я выдаюсь съ Родзянкомъ, то переслалъ черезъ меня къ нему письмо, въ которомъ были разспросы обо мнѣ и стихахъ:

Намѣстникъ Феба или Пріапа! и т. д.

«Далѣе, въ томъ-же письмѣ онъ говоритъ: «Ты написалъ «Хохлачку», Баратынскій—«Чухонку», я—«Цыганку»; что скажетъ Аполлонъ?» и проч. Дальше не помню, а невѣрно ситировать не хочу». Послѣ этого мнѣ съ Родзянкомъ вду-

¹⁾ Л. Н. Майковъ считаетъ, что эти слова взяты А. П. Керицъ, въ нѣсколько неточной передачѣ, изъ начала посвященія къ «Чайльдъ-Гарольду» («Пушкинъ», Спб. 1899, стр. 288; ср. Соч., изд. Просвѣщ., подъ ред. Н. О. Морозова, т. II, стр. 363). Намъ кажется вѣрнѣе предположеніе Н. О. Сумцова (Харьк. Унив. Сборн. въ память Пушкина, X. 1899, стр. 230, 233), что эти слова взяты изъ стих. Уордсворта «Phantom of delight».

малось полюбезничать съ Пушкинымъ, и мы вмѣстѣ написали ему шуточное посланіе въ стихахъ. Родзянко въ немъ упоминалъ о моемъ отъѣздѣ изъ Малороссіи и о несправедливости намековъ Пушкина на любовь ко мнѣ. Посланіе наше было очень длинно, но я помню только послѣдній стихъ:

Прощайте, будьте въ дуракахъ!

«Отвѣтомъ на это посланіе были... стихи, отданные мнѣ Пушкинымъ, когда я черезъ мѣсяць послѣ этого встрѣтился съ нимъ въ Тригорскомъ»...

Разысканныя и обнародованныя много лѣтъ спустя послѣ напечатанія записокъ А. П. Кернъ письма Пушкина и Родзянка съ его приписками ¹⁾ вполне подтвердили правдивость и удивительную точность ея разсказа, записаннаго около 35 лѣтъ спустя послѣ событий, о которыхъ она повѣствуетъ. Найденное въ бумагахъ Родзянка письмо къ нему Пушкина отъ 8-го декабря 1824 г., изъ Михайловскаго въ Лубны, было издано Н. М. Черняевымъ въ «Русскомъ Обзорѣ» 1897 г. ²⁾, съ объяснительной статьей къ нему. Въ письмѣ этомъ Пушкинъ, послѣ благодарности за поклонъ, писалъ ему, между прочимъ ³⁾: «Объясни мнѣ, милый, что такое А. П. К. . . ., которая написала много пѣсенокъ обо мнѣ своей кузинѣ? ⁴⁾ Говорятъ, она премиленькая вещь—по славны Лубны за горами. На всякой случай, знай твою влюбчивость и не обыкновенныя таланты во всѣхъ отношеніяхъ, полагаю дѣло твое сдѣланное или полусдѣланное. Поздравляю тебя, мой милый; напиши на это все элегію или хоть эпиграмму». Далѣе Пушкинъ говоритъ, что Баратынскій написалъ поэму про Чухонку, самъ онъ—про Цыганку, а Родзянко—про Чухку, и что Аполлонъ можетъ разгнѣваться за то, что героини поэмъ слишкомъ тривиальны, а затѣмъ слѣдуетъ совершенно нецензурная фраза, зачеркнутая впоследствии, но не Пушкинымъ, и слова: «Если А. П. такъ же мила, какъ сказываютъ, то вѣрно она моего мѣшны: справься съ нею об этомъ». Кончается письмо стихами, приведенными Анной Петровной въ ея запискахъ по памяти, но очень близко къ оригиналу. Любопытно, что письмо это, заключавшее въ себѣ глубоко неприличную фразу, было переслано Пушкинымъ Родзянку черезъ Анну Петровну (вѣроятно, оно было вложено въ письмо къ послѣдней ея кузинѣ—Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ) и легко могло быть прочитано еще до передачи по адресу. Тонъ письма къ Родзянку и выраженія объ Аннѣ Петровнѣ, употребленія Пушкинымъ, очень фривольны,—у поэта, значить, уже установился извѣстный на нее взглядъ. «Знакомство Пушкина съ Кернъ,—говоритъ Н. И. Черняевъ, «подготовлялось перепиской Кернъ съ А. Н. Вульфъ, которою пользовались Кернъ и Пушкинъ для выраженія своихъ взаимныхъ симпатій, перепиской Пушкина съ Родзянкой, въ которой на первомъ планѣ стояла Кернъ, и, наконецъ, шуточнымъ

посланіемъ Родзянки и Кернъ къ Пушкину. Представленный Кернъ въ Тригорскомъ, Пушкинъ смотрѣлъ на нее не только, какъ на женщину, которую онъ зналъ по мимошлетной встрѣчѣ у Олениныхъ въ 1819 году, но и какъ на свою восторженную поклонницу, хорошо извѣстную ему по ея письмамъ, по письмамъ Родзянки и по разсказамъ А. Н. Вульфъ. Черезъ кого былъ переданъ Пушкину поклонъ отъ Родзянки, послужившій поэту предлогомъ начать съ Родзянкой переписку о Кернъ?—Конечно, черезъ Кернъ, которая, какъ зналъ Родзянко, общивалась письмами съ А. Н. Вульфъ. О томъ, въ какомъ Кернъ писала А. Н. Вульфъ о Пушкинѣ, можно судить по тому, что поэтъ называетъ ея отзывы о немъ «пѣснями». Эти «пѣсности», видимо, зашли поэта за живое, пробудили въ немъ воспоминанія о впечатлѣніи, сдѣланномъ на него Кернъ въ 1819 году, и онъ отвѣчалъ ей черезъ А. Н. Вульфъ на «пѣсности» «пѣсностями» ¹⁾. Родзянко отвѣтилъ Пушкину лишь черезъ пять мѣсяцевъ—10-го мая 1825 г. ²⁾; это и есть то письмо, въ которомъ, по выраженію Анны Петровны, ей и Родзянку «вздумалось полюбезничать» съ поэтомъ. Письмо это ³⁾ весьма характерно и дѣнно для сужденія о характерѣ дальнѣйшихъ сношеній Пушкина съ Кернъ; мы приводимъ его здѣсь въ сокращеніи. Въ началѣ письма Родзянко извиняется, что такъ долго не отвѣчалъ Пушкину на его письмо, и говоритъ, что излагать причины его молчанія и не нужно, и изъясняетъ: «Лѣнь моя главною тому причиною,—пишетъ онъ,—и ты знаешь, что она никогда не перемѣнится, хотя Анна Петровна ужасно какъ мочетъ за это выраженіе мою грѣшную головушку; но, не взирая на твое хорошее мнѣніе о моихъ различныхъ способностяхъ, я становлюсь втупишь въ нѣкоторыхъ вещахъ,—и, во-первыхъ, въ отвѣтъ къ тебѣ. Но сдѣлай милость, не давай воли своему воображенію и не дѣлай общему моему неодолимой лѣни; скромность моя и молчаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны стоять вмѣстѣ обвинителями и защитниками ея. Я тебѣ похваляюсь, что, благодаря этой же лѣни, я постоянно въ всѣхъ Амадисовъ и Польскихъ, и Русскихъ. Итакъ, одна трудность перемѣны и искренность моей привязанности составляютъ мою добродѣтель; слѣдовательно,—говоритъ Анна Петровна,—немного стоитъ добродѣтель ваша; а она соблюдаетъ молчаніе, знакъ согласія, и справедливо. Скажи, пожалуйста, что вздумалось тебѣ такъ клеветать на меня? За какія проказы? За какія шалости? Но довольно, пора говорить о литературѣ съ тобою, нашимъ Корифеемъ». Тутъ вмѣшивается Анна Петровна и приписываетъ: «Ей Богу, онъ ничего не хочетъ и не памфлетъ вамъ сказать! Насилу упростила! Если бы вы знали, чего мнѣ это стоило! Самой бездѣлки: придвинуть стулъ, дать перо и бумагу и сказать—и пишите. Да спросите, сколько разъ повторить это должно было. Repetitia est mater studiorum» — «Зачѣмъ же,—продолжаетъ Родзянко,—во всемъ требуютъ уроковъ, а еще болѣе повтореній? Жалуюсь тебѣ, какъ новому Оберону: отсутствующій, ты имѣешь гораздо болѣе вліянія на ея, нежели я со всѣмъ моимъ присутствіемъ. Письмо твое меня гораздо болѣе поддер-

¹⁾ Только посланіе въ стихахъ, о которомъ говорить А. П., до насъ не дошло.

²⁾ № 2, февр., стр. 524—525; перепечатано въ его сборникѣ «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», Харьковъ. 1900, стр. 65—80.

³⁾ См. Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 157—158.

⁴⁾ т. е. А. Н. Вульфъ.

¹⁾ Черняевъ, стр. 74—75.

²⁾ Изъ Лубенъ. См. Бартенева, Пушкинъ, II, 123—126 и Переписка, Акад. изд. I, 213—215.

³⁾ Переписка, Акад. изданіе, т. I, стр. 213—215.

живаешь, нежели все мое краснорѣчье». — «Je vous proteste», вписываетъ Анна Петровна, — «qu'il n'est pas dans mes fers». — «А чья вина?» — продолжаетъ Родзянко: «Вотъ теперь вздумала мириться съ Ермолаемъ Ѳедоровичемъ: снова пришло давно остывшее желаніе имѣть законныхъ дѣтей, и я пропала. Тогда можно было извиниться молодостию и неопытностію, а теперь чѣмъ? Ради Бога, будь посредникомъ». — «Ей! Богу», — вписываетъ снова Анна Петровна — я этихъ строкъ не читала! — «Но, продолжаетъ Родзянко, — заставила ихъ прочесть себя 10 разъ. Тѣмъ-то Анна Петровна и очаровательнѣе, что со всѣмъ умомъ и чувствительностію образованной женщины она избѣгаетъ такими дѣтскими хитростями». — Письмо кончается стихотворнымъ комплиментомъ по адресу Пушкина, который отвѣтилъ на него игривымъ стихотвореніемъ: «Ты обещалъ о романтизмѣ» (см. настоящее изд., т. II, 292); оно было передано имъ лично Аннѣ Петровнѣ, когда, черезъ мѣсяцъ, она прѣбывала, неожиданно для поэта, въ Тригорское, къ теткѣ своей, П. А. Осиповой.

По письмамъ, которыми обмѣнялись Пушкинъ и Родзянко, по перепискѣ А. П. Кернъ съ А. П. Вульфъ и по этому стихотворенію видно, какое представленіе составилъ себѣ поэтъ о красавицѣ и какой тонъ недвусмысленной флиртливости онъ усвоилъ себѣ по отношенію къ ней. А черезъ мѣсяцъ, въ концѣ іюня, состоялось ихъ неожиданное свиданіе въ Тригорскомъ¹⁾; о немъ, равно какъ и о пребываніи Анны Петровны въ деревнѣ, мы передадимъ въ извлеченіи разсказъ ей самой.

«Мы сидѣли за обѣдомъ и смѣлялись...; вдругъ вошелъ Пушкинъ съ большою, толстою палкой въ рукахъ... Тетушка, подлѣ которой я сидѣла, миѣ представила; онъ очень низко поклонился, но не сказалъ ни слова: робость видна была въ его движеніяхъ. Я тоже не нашла ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было съ нимъ вдругъ сблизиться; онъ былъ очень неровенъ въ обращеніи: то шумно веселъ, то грустенъ, то робокъ, то дерзокъ, то нескончаемо любезенъ, то томительно скученъ, и нельзя было угадать, въ какомъ онъ будетъ расположеніи духа черезъ минуту. Разъ онъ былъ такъ нелюбезенъ, что самъ въ этомъ сознался сестрѣ [А. П. Вульфъ], говоря: «Ai-je été assez vulgaire aujourd'hui?» Вообще же надо сказать, что онъ не умѣлъ скрывать своихъ чувствъ, выражалъ ихъ всегда искренно... Когда онъ рѣшался быть любезнымъ, то ничто не могло сравниться съ блескомъ, остротой и увлекательностію его рѣчи. Въ одномъ изъ такихъ настроеній онъ, собравши насъ въ кружокъ, разсказалъ сказку про чорта, который вздумалъ на извозникѣ ла Васильевскій островъ... Однажды... явился онъ въ Тригорское съ своею большою черною книгою, на поляхъ которой были начерчены ножки и головки, и сказалъ, что онъ принесъ ее для меня. Вскорѣ мы усѣлись вокругъ него, и онъ прочиталъ намъ своихъ «Цыганъ». Впервые мы слушали эту чудную поэмъ, и я никогда не за-

буду того восторга, который охватилъ мою душу. Я была въ упоеніи какъ отъ текущихъ стиховъ этой чудной поэмъ, такъ и отъ его чтенія, въ которомъ было столько музыкальности, что и истаяла отъ наслажденія... Черезъ нѣсколько дней послѣ этого чтенія тетушка предложила намъ всѣмъ послѣ ужина прогулку въ Михайловское. Пушкинъ очень обрадовался этому, — и мы поѣхали. Погода была чудесная, лунная июльская ночь дышала прохладой и ароматомъ полей. Мы ѣхали въ двухъ экипажахъ: тетушка съ сыномъ [А. П. Вульфъ] въ одномъ, сестра, Пушкинъ и я — въ другомъ. Ни прежде, ни послѣ я не видала его такъ добродушно веселымъ и любезнымъ. Онъ шутилъ безъ остротъ и сарказмовъ, хвалилъ луну, не называя ее глупою, а говорилъ: «J'aime la lune, quand elle éclaire un beau visage.» Хвалилъ природу и говорилъ, что онъ торжествуетъ, воображая въ ту минуту, будто Александръ Полторацкій остался на крыльцѣ у Олениныхъ, а онъ уѣхалъ со мною; это было намекомъ на то, какъ онъ завидовалъ, при нашей первой встрѣчѣ, Александру Полторацкому, когда тотъ уѣхалъ со мною. Прѣбавши въ Михайловское, мы не вошли въ домъ, а пошли прямо въ старыя, запущенныя сады,

Пріютъ задумчивыхъ дріадъ,

съ длинными аллеями старыхъ деревьевъ, корни которыхъ, снѣтаясь, вились по дорожкамъ, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника — вздрагивать. Тетушка, прѣбавши туда вслѣдъ за нами, сказала: «Mon cher Pouchkine, faites les honneurs de votre jardin à madame». Онъ быстро подалъ миѣ руку и побѣжалъ скоро, скоро, какъ ученикъ, неожиданно получившій позволеніе прогуляться. Подробности разговора нашего не помню; онъ вспоминалъ нашу первую встрѣчу у Олениныхъ, выражался о ней увлекательно, восторженно и въ концѣ разговора сказалъ: «Vous aviez un air si virginal; n'est ce pas que vous aviez sur vous quelque chose comme une croix?». На другой день я должна была уѣхать въ Ригу вмѣстѣ съ сестрою, Анною Николаевною Вульфъ. Онъ пришелъ утромъ и на прощанье принесъ миѣ экземпляръ II-й главы «Онегина», въ неразрѣзанныхъ листкахъ, между которыми я нашла четверо сложенный почтовый листъ бумаги со стихами:

Я помню чудное мгновеніе и проч.

Когда я собиралась спрятать въ шкатулку поэтическій подарокъ, онъ долго на меня смотрѣлъ, потомъ судорожно выхватилъ и не хотѣлъ возвращать; насилу выпросила я ихъ опять; что у него промелькнуло тогда въ головѣ — не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который ихъ помѣстилъ въ своихъ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ»¹⁾. Мих. Пв. Глинка сдѣлалъ на нихъ прекрасную музыку и оставилъ ихъ у себя. Во время пребыванія моего въ Тригорскомъ, я пѣла Пушкину стихи Козлова:

Ночь весенняя дышала
Свѣтлоюжною красой,
Тихо Брента протекала,
Серебрила луной, и проч.

¹⁾ Л. П. Павлицевъ подробно, разсказываетъ, со словъ своей матери, какъ поэтъ предчувствовалъ какую то радостную встрѣчу въ день прѣзда Анны Петровны, какъ у него чесался лѣвый глазъ, сильно билось сердце, бросало то въ жаръ, то въ ознобъ... (Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, М. 1890, стр. 169).

¹⁾ Съ разрѣшенія Пушкина (см. Переписка Пушкина, Акад. изд., т. I, стр. 371); «Сѣв. Цвѣты» на 1827 г., стр. 341 («Къ...»).

Мы пѣли этотъ романсъ Козлова на голосъ «Benedetta sia la madre», баркароллы Венеціанской. Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ эту музыку и писалъ въ это время Плетневу: «Скажи отъ меня Козлову, что недавно побѣдила нашъ край одна презрѣтая, которая небесно поетъ его Венеціанскую Пощь на голосъ гондолаерскаго речитатива; я обѣщалъ о томъ извѣстить милаго вдохновеннаго слѣпца. Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задумчивость, по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать. Questo è scritto in presenza della donna, come ognun può veder»¹⁾.

Вотъ все, что рассказываетъ Анна Петровна о своемъ пребываніи въ Тригорскомъ; въ рассказѣ ея очень много любопытнаго, много тонкихъ замѣчаній о портѣ, образѣ его живо встаетъ передъ нашими глазами. Но Анна Петровна умалчиваетъ о многомъ: она не говоритъ ничего о тѣхъ чувствахъ, которыя она пробудила въ душѣ и въ сердцѣ Пушкина и которыя живо выразились какъ въ стихотвореніи, ей посвященномъ, такъ, еще больше, въ письмахъ, которыя послѣдовали за ея отъѣздомъ; эти чувства были настолько сильны и, повидимому, обоюдны, что, напр., Анненковъ²⁾ (а за нимъ и другіе біографы поэта) прямо говорятъ, что П. А. Осипова «увезла» Анну Петровну, «красивѣйшую изъ своихъ племянницъ», въ Ригу, во избѣжаніе катастрофы». Можетъ быть, умолчаніе со стороны Анны Петровны объясняется ея убѣжденіемъ, къ которому она пришла позднѣе, что поэтъ «никого истинно не любилъ, кромѣ насъ своей и потомъ сестры»³⁾, а потому она не считала нужнымъ особенно подробно останавливаться на психологическихъ движеніяхъ Пушкина, въ глубинѣ которыхъ она разувѣрилась. Анненковъ называетъ⁴⁾ чувство Пушкина «мгновеннымъ порывомъ»; но порывъ этотъ былъ чрезвычайно силенъ, яркъ и доходилъ до экстаза, до бѣшенства, переливаясь всеми оттѣнками чувства—отъ нѣжной сентимен-

тальности до кипучей страсти. Пушкинъ совершенно ослѣпѣлъ отъ очарованія красоты, забывъ на время все свои прежнія увлеченія и всецѣло отдавшись поглотившей его страсти. Анна Петровна уѣхала изъ Тригорскаго 19-го іюля⁵⁾, увозя съ собою посвященные ей стансы и давъ Пушкину разрѣшеніе переписываться съ ней, а 21-го числа поэтъ уже пишетъ Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ «въ грустномъ опьяненіи»⁶⁾: «Все Тригорское поетъ: «Не мила ей презрѣтая ночь», а у меня сердце поетъ; вчера мы съ Алексѣемъ [Вульфъ] говорили битыхъ четыре часа. Никогда еще не было у насъ такого продолжительнаго разговора. Угадайте, что насъ вдругъ такъ сблизило? Скука? Средство чувства? Ничего этого не

знаю; каждую ночь гуляю и по саду и говорю себѣ: она была здѣсь; камень, о который она споткнулась, лежитъ на моемъ столѣ подлѣ вѣтки увядшаго геліотропа⁷⁾. Пишу много стиховъ—все это, если хотите, очень похоже на любовь, но, клянусь вамъ, что о ней и помину нѣтъ. Если бы я былъ влюбленъ, то въ воскресенье⁸⁾ со мною сдѣлалась бы судорога отъ бѣшенства и ревности; но мнѣ просто досадно⁹⁾. Все же, однако, мысль, что я ничего для нея не значу, что, пробудивъ и занявъ ея воображеніе, я только потѣшилъ ея любопытство; что воспоминаніе обо мнѣ ни на минуту не сдѣлаетъ ее ни разсѣянной среди ея триумфовъ, ни мрачной въ дни грусти; что прелестные гла-

⁵⁾ См. отмѣтку въ календарѣ, сдѣланную П. А. Осиповою: Б. Модзалевскій. Подъѣзда въ Тригорское, Спб. 1903, стр. 140.

⁶⁾ Переписка, томъ I, стр. 238—240, № 177. Здѣсь,

какъ и ниже, для писемъ Пушкина къ А. П. Кернъ (все они писаны по-французски) мы пользуемся переводами ихъ, напечатанными при ея воспоминаніяхъ въ «Библ. для Чтенія» 1839 г., т. 154, стр. 120, 121, 122, 123, 137—144, а также и въ «Русск. Стар.» 1879, т. XXVI, стр. 326—519, вмѣстѣ съ оригиналами писемъ и со снимкомъ съ одного изъ нихъ (отъ 28-го августа); но нѣкоторыя мѣста мы переводимъ самостоятельно.

⁷⁾ Анна Петровна, въ своихъ воспоминаніяхъ, дѣлаетъ къ этимъ словамъ примѣчаніе: «Никого не было камня въ саду, а споткнулась я о переплетенные корни деревъ. Вѣточку геліотропа онъ, точно, выпросилъ у меня».

⁸⁾ 19-е іюля (день отъѣзда А. П.) въ 1825 г. приходилось дѣйствительно въ воскресенье.

⁹⁾ Примѣчаніе А. П. Кернъ: «Ему досадно было, что братъ [Алексѣй Вульфъ] побѣхалъ провозить свою сестру [Анну Николаевну] и меня пѣлъ вмѣстѣ съ нами въ карету». Алексѣй Вульфъ, студентъ Дерптскаго Университета, также влюбился въ свою кузину.

А. П. КЕРНЪ, въ 1840-хъ г.г.

Съ миниатюры, принадлежащей Пушкинскому Дому.

Силуэтъ, относящійся къ 1825 году, см. т. II, стр. 291.

¹⁾ Анна Петровна въ своихъ воспоминаніяхъ цитируетъ письмо по памяти и не совсѣмъ точно; мы приводимъ его по акад. изданію Переписки (т. I, стр. 251). Кстати, письмо это отнесено къ началу августа 1825 г., на основаніи почтоваго штемпеля 3-го августа; но такъ какъ письмо писано въ присутствіи самой Анны Петровны, которая уѣхала, какъ сейчасъ увидимъ, изъ Тригорскаго 19-го іюля, то надо заключить, что письмо писано до этого числа и, зажевавъ у поэта, было имъ лишь отправлено 3-го августа.

²⁾ «Пушк. въ Алекс. эпоху», Спб. 1874, стр. 282.

³⁾ «Русск. Стар.» 1870, т. I, изд. 3-е, стр. 235.

⁴⁾ Матеріалы для біографіи, изд. 1833, стр. 122.

за ея остановятся на какомъ-нибудь Рижскомъ вертопрахѣ съ тѣмъ же пронзающимъ сердце и сладострастнымъ выраженіемъ,—ибѣтъ, эта мысль невыносима для меня; скажите ей, что я умру отъ этого; ибѣтъ, лучше не говорите, а то это очаровательное созданіе насмѣется надо мною! Но скажите ей, что если въ сердцѣ ея ибѣтъ на мою долю тайной ибѣжности, если ибѣтъ въ немъ таинственнаго, меланхолическаго ко. мнѣ влеченія, то я презираю ее, слышите-ли? Да, презираю, несмотря на все удивленіе, которое должно возбудить въ ней это столь небывалое чувство... Проклятый пріѣздъ, проклятый отъѣздъ!»

Уже въ этомъ письмѣ мы слышимъ совсѣтъ не тѣ ноты, которыя такъ опредѣленно и цинично звучать въ приведенномъ выше письмѣ къ Родзюнку: личное знакомство съ молодою женщиной, въ деревенской глуши, въ обстановкѣ, пропитанной поэтическими настроеніями и обаяніемъ юнаго женскаго общества, ея умъ, обольстительная, цвѣтущая красота съ извѣстной долей кокетства и скрытности своихъ личныхъ чувствъ заставили поэта говорить совсѣмъ другимъ языкомъ. Черезъ четыре дня онъ пишетъ уже самой Аннѣ Петровнѣ (25-го іюля): «Я имѣлъ слабость просить разрѣшенія писать къ Вамъ, а Вы—легкомысліе или кокетство дать мнѣ на то позволеніе. Я знаю, что переписка ни къ чему не ведетъ; но у меня ибѣтъ силъ противиться желанію имѣть хоть одно слово, написанное Вашою хорошенькою ручкой! Вашъ пріѣздъ въ Тригорское оставилъ во мнѣ впечатлѣніе болѣе глубокое и мучительное, чѣмъ то, которое произвела на меня ибѣгда встрѣча наша у Оленнихъ. Въ моей печальной деревенской глуши я не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ стараться больше не думать о Васъ. Если бы въ душѣ Вашей была бы хотя капля жалости ко мнѣ, Вы сами должны были бы желать мнѣ этого; но вѣтреность всегда жестока, и всѣ Вы, барыни, верти головы какъ имъ понало, въ восхищеніи отъ сознанія, что есть душа, страждущая вамъ во славу и въ честь. Прощайте, божественная. бѣгу съ падаю къ Вашимъ ножкамъ. Тысячу любезностей Ермолаю Федоровичу [Керну] и поклонъ г-жѣ Вульфъ».

Снова берусь за перо, потому что умираю со скуки и могу заниматься только Вами. Надѣюсь, что письмо это Вы прочтете украдкой; спрячете-ли Вы его опять на груди? Напишите ли мнѣ длинный отвѣтъ? Пишите мнѣ обо всемъ, что Вамъ въ голову придетъ, заклиная Васъ! Если Вы боитесь моей нескромной хвастливости, если не хотите компрометировать себя,—измѣните почеркъ, подпишитесь вымышленнымъ именемъ, сердце мое сумѣетъ узнать Васъ. Если выраженія Ваши будутъ столь же ибѣжны, какъ Вашъ взглядъ, тогда, увы! я постараюсь имъ повѣрить или же обмануть себя,—это все равно. Знаете ли, что, перечитывая эти строки, я устыдился ихъ сентиментальнаго тона,—что скажетъ Анна Николаевна? Ахъ, Вы, чудотворка или чудотворца! Знаете что? пишите мнѣ».

«Получа это письмо,—разсказываетъ сама Анна Петровна въ своихъ воспоминаніяхъ,—я тотчасъ ему отвѣчала¹⁾ и съ нетерпѣніемъ ждала отъ него втораго письма; но онъ это второе письмо вложилъ въ пакетъ тетушкинъ [П. А. Осиповой],

а она не только не отдала мнѣ его, но даже не показала²⁾. Тѣ, которые его читали, говорили, что оно было прелесть какъ мило». Въ письмахъ поэта къ П. А. Осиповой, относящихся къ этому періоду, есть отголоски того волненія, которое испытывалъ онъ въ данное время. Его мысли были въ Ригѣ; опустѣлое Тригорское навѣвало на него грусть. Въ одномъ недошедшемъ до насъ письмѣ онъ писалъ (по-французски) слѣдующія строки, чрезвычайно вѣрно характеризующія Анну Петровну и сохраненныя намъ въ ея памяти (см. ея Воспоминанія и акад. изданіе Перепишки, т. I, стр. 249): «Хотите ли знать, что такое г-жа Кернъ? У нея гибкій умъ; она понимаетъ все; она легко огорчается и утѣшается точно такъ же; она застѣчива въ приемахъ, смѣла въ поступкахъ, но чрезвычайно какъ привлекательна». 7-го августа Пушкинъ получилъ отъ П. А. Осиповой первое письмо изъ Риги, написанное 31-го іюля, на другой день послѣ ея пріѣзда туда, а черезъ нѣсколько дней—письмо отъ Анны Петровны, и немедленно отвѣчалъ ей. Вотъ это письмо, написанное 14-го августа, въ пору, когда поэтъ былъ запятъ и вопросомъ о бѣгствѣ за границу, и озабоченъ денежными своими дѣлами и изданіемъ своихъ сочиненій,—въ пору, когда всѣмъ существомъ своимъ онъ рвался изъ заточенія и влѣлъ всю тщетность своихъ надеждъ на скорое освобожденіе: «Перечитываю Ваше письмо вдоль и поперекъ и говорю: милая! прелесть! божественная! а потомъ: ахъ, мерзкая! Простите, моя прелестная, моя ибѣжная, но это такъ! Что Вы божественны, никто въ этомъ не сомнѣвается, но иногда въ Васъ рѣшительно ибѣтъ здраваго смысла; еще разъ простите и утѣнитесь, ибо отъ этого Вы еще прелестнѣе. Напримѣръ, что хотите Вы сказать, говоря о печаткѣ, которая должна быть для Васъ прилична и Вамъ нравиться (счастливая печатка!) и о разъясненіи значенія которой Вы спрашиваете меня. Если только тутъ не кроется какой-либо двусмысленности, то я рѣшительно не догадываюсь, чего Вы желаете. Или Вы просите меня придумать для нея девизъ? Въ такомъ случаѣ это было бы совершенно на подобіе Нетти. Быть такъ, запечатывайте попрежнему: «не скоро, а здорово», лишь бы эти слова не послужили девизомъ для Вашего путешествія въ Тригорское,—и побесѣдуемъ о другомъ. Вы говорите,—продолжаетъ Пушкинъ, снова памфренно впадая въ прежній циничный тонъ,—что я не знаю Вашего характера. А какое мнѣ до него дѣло? Очень я о немъ думаю! Развѣ у хорошихъ людей женщинъ долженъ быть характеръ? Самое главное—глаза, зубы, ручки и ножки (прибавилъ бы: и сердце, по Вашей кузине [А. Н. Вульфъ] очень ужъ ошолыла это слово)³⁾. Вы говорите, что

¹⁾ Письмо это сохранилось у П. А. Осиповой и теперь находится, вмѣстѣ съ другими письмами къ ней Пушкина, въ Имп. Публ. Библіотекѣ. Впервые напечатано въ «Русск. Стар.» 1879 г., т. XXVI, стр. 506—509, съ переводомъ.

²⁾ Анна Петровна въ своихъ воспоминаніяхъ неоднократно останавливается на этомъ циничномъ, болѣе показномъ, чѣмъ дѣйствительномъ, взглядѣ Пушкина на женщину. «Живо воспринимая добро, Пушкинъ, однако, какъ мнѣ кажется, не увлекался имъ въ женщинахъ; его гораздо болѣе очаровывало въ нихъ остроуміе, блескъ и вѣжливая красота. Кокетливое желаніе ему по нравиться не разъ привлекало вниманіе поэта

³⁾ Отвѣтъ этотъ до насъ не дошелъ,

Васъ легко узнать; Вы хотѣли сказать: полюбить. Съ этимъ я весьма согласенъ и самъ служу тому яснымъ доказательствомъ: я велъ себя съ Вами какъ 14-тилѣтній мальчишка—это не годится, но съ тѣхъ поръ, что я болѣе не вижу Васъ, по-немногу беру обратно утраченное превосходство свое надъ Вами и пользуюсь имъ, чтобы бранить Васъ. Если мы когда-нибудь снова увидимся, обѣщайте мнѣ... Нѣтъ, не хочу я Вашихъ обѣщаній; да, кромѣ того, письма—нѣчто такое холодное: въ просьбѣ, переданной по почтѣ, нѣтъ ни силы, ни волненія, а въ отказѣ—ни гради, ни обольстительности (volupté). Итакъ, до свиданья и поговоримъ о другомъ. Что подаетъ Вашего супруга? Надѣюсь, что у него былъ славный припадокъ на другой день послѣ Вашего прѣзда. По-дѣломъ ему! Если бы Вы знали, какое отвращеніе, смѣшанное съ почтеніемъ, чувствую я къ этому человѣку! Божественная, ради Бога, постарайтесь, чтобы онъ игралъ въ карты и чтобы у него была подагра! Въ этомъ моя единственная надежда!

Перечитывая еще разъ Ваше письмо, я пахожу въ немъ ужасное если, котораго сначала я не замѣтилъ. Если моя кузина останется, то нынче осенью я прѣйду и проч. Ради Бога, пусть она остается. Постарайтесь чѣмъ-нибудь занять ее,—вѣдь ничего нѣтъ легче: прикажите какому-нибудь офицеру Вашего гарнизона влюбиться въ нее, и, когда придетъ время ей ѣхать, досадите ей, отбивъ у нея ея вздыхателя; это еще того легче. Не показывайте ей этого письма, по крайней мѣрѣ,—а то она изъ упрямства способна сдѣлать совершенно противоположное тому, что пужно. Что дѣлаете Вы съ Вашимъ кузеномъ? [А. Н. Вульфомъ?] отвѣчайте мнѣ, но откровенно. Отсылайте-ка его поскорѣ въ его университетъ; не знаю почему, но я студентомъ такъ же не люблю, какъ и г. Керна. Достойнѣйшій человѣкъ этотъ г. Кернъ, степенный, благоразумный и т. д.,—однѣ только въ немъ недостатки: зачѣмъ онъ Вашъ мужъ. Какъ можно быть Вашимъ мужемъ? Объ этомъ я не могу составить себѣ представленія, точно такъ же, какъ о раѣ. Это все было написано вчера. Сегодня почтовый день, и, не знаю почему, я вбилъ себѣ въ голову, что получу отъ Васъ письмо. Этого не случилось, и я въ самомъ собачьемъ настроеніи духа, хотя это ужъ совершенно несправедливо: я бы долженъ былъ быть благодарнымъ за прошлый разъ,—знаю; но что Вы хотите? Умоляю Васъ, божественная, скажитесь падъ моею слабостью, пишите мнѣ, любите меня,—и тогда я постараюсь быть любезнымъ. Прощайте, дайте ручку».

Одна изъ ближайшихъ почтъ принесла Пушкину еще письмо отъ Анны Петровны, и онъ отвѣчалъ ей (около 24-го августа): «Вы неспосны; я совсѣмъ-было собрался писать Вамъ о дурачествахъ, которые заставили бы Васъ помирать со смѣху, и вдругъ Ваше письмо повергло меня въ печаль въ самый разгаръ моего увлеченія. Постарайтесь отдѣлаться отъ этихъ спазмовъ, которые хотя и придаютъ Вамъ столько привлекательности, но ш чорта не стоятъ,—увѣряю

гораздо болѣе, чѣмъ истинное и глубокое чувство, имъ внушенное. Самъ онъ почти никогда не выражалъ чувствъ; онъ какъ бы стыдился ихъ и въ этомъ смыслѣ былъ сыномъ своего вѣка» (А. Майковъ. Пушкинъ, стр. 263; ср. тамъ же, стр. 252; «Русск. Стар. 1870 г., т. 1, изд. 3, стр. 235; «Пушк. и его совр.», вып. V, стр. 144—145).

Васъ. Отчего Вы все заставляете меня бранить Васъ? Если у Васъ рука была на перевязи, не слѣдовало писать ко мнѣ; что за сумасбродство! Скажите, однако, что сдѣлалъ Вамъ этотъ бѣдный мужъ? Ужъ не ревнуетъ ли онъ грѣхонъ? Что-жъ, скажу Вамъ, что онъ былъ бы и правъ. Вы не умѣете или (что еще хуже) не хотите щадить людей. А хорошенькая женщина властна... имѣть любовниковъ¹⁾. Боже меня избави проповѣдывать Вамъ мораль, по все же къ мужу должно питать уваженіе, иначе никто не захотѣлъ бы быть мужемъ. Ради всего на свѣтѣ, не прибѣгайте къ паслѣственнымъ мѣрамъ. Послушайтесь; право, я говорю Вамъ отъ чистаго сердца. За 400 верстъ Вы ухитрились возбудить во мнѣ ревность; что же должно быть въ 4 шагахъ? (NB. Я очень хотѣлъ бы знать, почему двоюродный Вашъ братецъ выѣхалъ изъ Риги лишь 15-го числа сего мѣсяца и почему имя его три раза сорвалось съ Вашего пера въ письмѣ Вашемъ ко мнѣ? Нескромность въ сторону.—нельзя ли это узнать? Простите, божественная, что я такъ откровенно высказываю Вамъ свой образъ мыслей; это—доказательство самаго истиннаго моего къ Вамъ участія; я люблю Васъ гораздо болѣе, нежели Вы думаете. Постарайтесь же хотя мало-малыски поладить съ этимъ гнуснымъ г. Керномъ. Прекрасно понимаю, что онъ не долженъ быть великій гений, но, наконецъ, и не совершенный же онъ идиотъ. Мягкость, кокетливость (и въ особенности, ради Бога, отказы, отказы и отказы) повергнувъ его къ Вашимъ ногамъ—мѣсту, изъ-за котораго я ему завидую отъ глубины моей души,—но какъ быть! Я въ отчаяніи отъ отъѣзда Аннеты; во что бы то ни стало, по Вамъ непременно должно прѣхать осенью сюда или хотя во Псковъ. Предлогомъ можетъ быть болѣзнь Аннеты. Что Вы объ этомъ думаете? Отвѣчайте мнѣ, умоляю Васъ, и ни слова объ этомъ А. Вульфъ. Прѣдете? Не правда ли? До тѣхъ поръ не рѣшайте ничего относительно Вашего мужа. Вы молоды, дѣлая будущность передъ Вами, а онъ... Притомъ, будьте увѣрены, что я не изъ числа такихъ, которые неспособны приспособовать рѣшительныя мѣры.—иногда это неизбежно, но прежде всего слѣдуетъ поразсудить хорошенько, не дѣлая безполезныхъ взрывовъ.

Прощайте; теперь почъ, и Вашъ образъ чудится мнѣ, полный грусти и сладострастной пѣги,—я будто вижу Вашъ взглядъ, Вашъ полуоткрытый ротикъ. Прощайте,—я представляю себя у ногъ Вашихъ, сжимаю ихъ, чувствую прикосновеніе Вашихъ коленъ,—всю кровь мою отдавъ бы я за минуту дѣйствительности. Прощайте и вѣрьте моему бреду; онъ смѣшонъ, но искренъ».

Черезъ нѣсколько дней, 28-го августа, Пушкинъ снова пишетъ Аннѣ Петровнѣ, образъ которой не даетъ ему покоя: «Вотъ письмо къ Вашей тетушкѣ. Вы можете оставить его у себя, если случится, что ихъ уже нѣтъ въ Ригѣ. Скажите на милость, можно ли быть такою вѣтренницей, какъ Вы? Какимъ образомъ письмо, адресованное Вамъ, попало не въ Ваши, а въ другія руки? Но что сдѣлано, то сдѣлано,—поговоримъ о томъ, что намъ остается дѣлать».

Если Вашъ почтеннѣйшій супругъ слишкомъ докучаетъ Вамъ,—бросьте его, но знаете ли какъ?

¹⁾ Здѣсь непереводимая игра словъ: «Une jolie femme est bien maîtresse... d'être la maîtresse».

Вы оставляете тамъ все семейство, берете почтовыхъ на Островъ и приѣзжаете... куда? въ Тригорское? Вовсе нѣтъ! — въ Михайловское. Вотъ прекрасный проектъ, который уже четверть часа мучитъ мое воображеніе. Но понимаете ли, какое это было бы для меня счастье? Вы скажете мнѣ: «А огласка? а скандалъ?» Кой чортъ! Уже бросаю мужа, дѣлаю полнѣйшій скандалъ, и все прочее уже ничто или очень мало. Но согласитесь, что проектъ мой—романическій. Сходство характеровъ, ненависть къ преградамъ, органъ паренія, развитый въ сильной степени, и пр. и пр. Можете представить себѣ удивленіе Вашей тетушки. За этимъ послѣдуетъ разрывъ. Вы будете видаться съ Вашей кузиной тайкомъ,—а это сдѣлаетъ дружбу менѣе пошлой, и разъ Кернъ умретъ, Вы будете свободны, какъ воздухъ... Итакъ, что Вы на это скажете? Вѣдь я говорилъ Вамъ, что я способенъ дать Вамъ совѣтъ смѣлый и внушительный.—Поговоримъ, однако, серьезно, то-есть хладнокровно. Увижу ли я Васъ опять? Мысль, что нѣтъ, приводитъ меня въ трепетъ. Вы скажете мнѣ: успокойтесь. Очень бы радъ, но какъ? Влюбиться? Невозможно; прежде всего вадобно позабыть Ваши спазмы¹⁾. Покинуть свою родину? удавиться? жепиться? Все это сопряжено съ большими затрудненіями, и я на это не согласенъ. Ахъ, Ваши письма! Кстатн, какъ я буду получать ихъ? Ваша тетушка не желаетъ этой переписки, столь дѣломудренной, столь невинной (да и какъ же иначе... за 400 верстъ). Очень можетъ быть, что письма наши будутъ перехватывать... прочитывать... истолковывать... и потомъ предавать торжественному сожженію. Постарайтесь измѣнить Вашъ почеркъ, а тамъ я увижу, по пишете мнѣ, пишите много, и вдоль, и поперекъ, и по диагонали (геометрическій терминъ²⁾). А главное—дайте мнѣ надежду снова увидѣть Васъ. Иначе я, право, постараюсь влюбиться въ кого-нибудь другого. Да, я и забылъ: я только что написалъ письмо Петти, очень нѣжное, очень униженное. Съ ума схожу по Петти. Она панива, а вы нѣтъ. Отчего Вы не наивны? Не правда ли, я гораздо любезнѣе въ письмахъ, чѣмъ при личныхъ сношеніяхъ? Но право, если вы приѣдете, я обѣщаю Вамъ быть любезнымъ до чрезвычайности: я буду веселъ въ понедѣльникъ, восторженъ во вторникъ, нѣженъ въ среду, легкомысленъ въ четвергъ, въ пятницу, субботу и воскресенье буду чѣмъ Вамъ угодно,—и всю недѣлю у ногъ Вашихъ. Прощайте. Не распечатывайте прилагаемаго письма: это пехорошо; Ваша тетушка на это разсердится. Но подивитесь, какъ Господь Богъ перемѣшалъ все: г-жа Осинова распечатываетъ письмо къ Вамъ, Вы распечатываете письмо къ ней, я распечатываю письмо Петти—и каждый изъ насъ находитъ въ нихъ нѣчто назидательное. Это прелестно! Въ письмѣ къ П. А. Осиновой, которое поэтъ посылалъ съ письмомъ къ А. П. Кернъ, и которое заполнено почти все ею, онъ писалъ: «Такъ, милостивая государыня, да будетъ стыдно тому, кто худо объ этомъ думаетъ. Ахъ, то-то злые люди тѣ, которые ду-

маютъ, что переписка можетъ привести къ чему-нибудь! Ужъ не по собственному ли опыту знаютъ они это? Но я прощаю имъ, сдѣлайте то же и Вы и будемъ продолжать. Ваше послѣднее письмо (писанное въ полпочъ) прелестно, я отъ всего сердца смѣлся; но Вы слишкомъ строги къ Вашей милой племянницѣ; правда, она вѣтренна, но терпѣніе—еще какихъ-нибудь два десятка лѣтъ, и, ручаюсь Вамъ, она исправится. Что же касается до ея кокетства, то Вы совершенно правы: она хотъ кого приведетъ въ отчаяніе. Какъ не довольствоваться тѣмъ, чтобы правнхся ясновѣсному господину Керну, коли скоро она имѣетъ это счастье? Такъ нѣтъ, нужно еще кружить голову вашему сыну, ея кузену! Приѣзжаетъ она въ Тригорское, и ей приходится на умъ пѣвннть г. Рокотова и меня; но и этого мало: приѣхавъ въ Ригу, она видитъ въ ея проклятой крѣпости проклятаго узника, и дѣлается кокетливымъ Провидѣніемъ этого окаяннаго каторжника. Но и это еще не все: Вы уведомляете меня, что въ дѣлѣ замѣшаны еще и мундиры! О, къ примѣру сказать, это уже слишкомъ! Объ этомъ узнаетъ г. Рокотовъ, и мы увидимъ, что онъ скажетъ на это. Но, милостивая государыня, серьезно ли Вы думаете, что она кокетничаетъ безъ разбору? Она говоритъ, что нѣтъ, и мнѣ хотѣлось бы этому вѣрить; еще болѣе успокаиваетъ меня то обстоятельство, что не всѣ ухаживаютъ на одинъ ладъ, и лишь бы другіе были почтительны, робки и деликатны,—вотъ все, что мнѣ нужно. Благодарю Васъ, м. г., что Вы не передали ей моего письма: оно было чересчуръ нѣжно, а при нынѣшнихъ обстоятельствахъ это было-бы слишкомъ смѣшно съ моей стороны. Я напишу ей другое, со свойственной мнѣ дерзостью, и рѣшительно прерву съ ней всѣ сношенія; тогда не скажутъ, что я стараюсь внести смуту въ нѣдра семьи; что Ермолай Оедоровичъ можетъ обвинять меня въ томъ, что я человѣкъ безъ правилъ; что жена его можетъ пздѣваться надо мною. Какъ Вы любезны, пайди портретъ похожимъ: «смѣла въ» и т. д. ¹⁾. Не правда ли? Она тоже говоритъ, что нѣтъ, но конечно; я не буду ей болѣе вѣрить. Прощайте, м. г., Вашего поздравленія ожидаю я съ большимъ нетерпѣніемъ; мы позлословимъ насчетъ сѣверной Петти, по поводу которой я всегда буду сожалѣть, зачѣмъ ее увидѣлъ, и еще болѣе, зачѣмъ я... ²⁾. Простите это нѣсколько слишкомъ откровенное признаніе тому, который любитъ Васъ очень нѣжно, хотя и совершенно иначе».

Письмо это не застало П. А. Осинову въ Ригѣ: она уже вернулась съ дочерью въ Тригорское, поссорившись съ племянницей за ея переписку съ поэтомъ... Но переписка эта еще нѣкоторое время продолжалась. «Ради Бога,—писалъ Пушкинъ 22-го сентября;—не отсылайте г-жѣ Осиновой письмо, которое Вы послали въ Вашемъ пакетѣ. Развѣ Вы не видите, что оно было написано единственно для Вашего назиданія? Оставьте его у себя—или Вы пась поссорите. Я сдѣлалъ нѣкоторые шаги къ примиренію Васъ обѣихъ, но послѣ Вашихъ послѣднихъ опрометчивыхъ поступковъ терлю надежду на успѣхъ... Кстатн, Вы кляпаетесь мнѣ всѣми святымъ, что ни съ кѣмъ не кокетничаете, а между тѣмъ Вы «па ты» съ Вашимъ кузе-

¹⁾ См. выше, въ предыдущемъ письмѣ; въ «Русск. Стар.», т. XXVI, стр. 510, переведено «Ваши прелести», тогда какъ въ подлинникѣ написано «vos spasmes».

²⁾ Отсюда вверхъ, наискось, написано: «вотъ что значить діагональ».

¹⁾ См. выше, отрывокъ изъ несохранившагося письма къ П. А. Осиновой.

²⁾ Нѣсколько словъ зачеркнуто.

помѣ; Вы говорите ему: «я презираю твою мать»; вѣдь это ужасно? Слѣдовало сказать: «Вашу мать», и даже ничего не слѣдовало говорить, потому что эта фраза имѣла дьявольскій эффектъ. Ревность въ сторону,—я совѣтую Вамъ прервать эту переписку, совѣтую, какъ другъ, истинно Вамъ преданный, безъ всякихъ фразъ и кривлявій. Не постигаю, что за дѣлъ у Васъ кокетничать съ молодымъ студентомъ (не портюмъ) и еще на такомъ почтительномъ разстояніи. Когда онъ былъ близъ Васъ,—Вы знаете, что я находилъ это совершенно естественнымъ, ибо надобно же быть разсудительнымъ. Рѣшено, не правда ли? Никакой переписки,—и ручаюсь Вамъ, что онъ оттого менѣе влюбленъ не будетъ. Серьезно-ли Вы говорите, дѣлая видъ, что одобряете мой проектъ? У Апетты отъ этого морозъ по кожѣ пробѣжалъ, а у меня голова закружилась отъ радости. Но я не вѣрю въ счастье, и это весьма извинительно. Ужель, Вы, ангелъ любви, захотите убѣдить мою недоверчивую и увядшую душу? Но прѣзжайте, по крайней мѣрѣ, по Псковъ ¹⁾: это Вамъ будетъ такъ легко слѣзть. При одной мысли объ этомъ сердце у меня бьется, темнѣетъ въ глазахъ, и истома овладѣваетъ мною. Неужели и эта надежда не осуществится, какъ столько другихъ!! Перейдемъ къ дѣлу; прежде всего, вамъ нуженъ предлогъ: болѣзнь Аннеты; что Вы на это скажете? Или, еще лучше, не сѣзжайте ли Вы въ Петербургъ? Вы дадите мнѣ знать объ этомъ, да? Не обманите меня, прелестный ангелъ! Какъ я былъ бы вамъ обязанъ, если бы разстался съ жизнью, познавъ счастье! Не говорите мнѣ о томъ, что удивляетесь мнѣ: это не есть чувство. Говорите мнѣ о любви: вотъ чего я жажду. Но главное,—не говорите мнѣ о стихахъ... Вашъ совѣтъ писать къ Его Величеству тронулъ меня, какъ доказательство, что Вы думали обо мнѣ; благодарю тебѣ я козлюнопреклонноно зарѣотъ совѣтъ, но послѣдовать ему не могу. Участъ моего существованія должна рѣшить судьба; я не хочу въ это вмѣшиваться. Надежда еще разъ увидѣться съ Вами, прелестною и молодою,—единственная вещь, которую я дорожу. Еще разъ,—не обманьте меня. Завтра—день рожденія Вашей тетушки,—стало быть я буду въ Тригорскомъ. Ваша мысль выдать замужъ Анкету, чтобы имѣть у нея убѣжище,—мысль восхитительная, но я ей еще не сообщалъ о ней. Отвѣчайте, ради Бога, на главные пункты этого письма, и я повѣрю, что мнѣ стоить еще того, чтобы въ немъ жить».

Въ началѣ октября Анна Петровна вторично посѣтила П. А. Осипову въ Тригорскомъ,—на этотъ разъ не одна, а съ мужемъ. «Вы видѣли изъ писемъ Пушкина, сообщила она П. В. Анненкову ²⁾, что она [П. А. Осипова] сердилась на меня за выраженіе въ письмѣ къ Алексѣю Вульффу: «Je méprise ta mère». Еще бы! П было за что. Кернъ предложилъ мнѣ поѣхать; я не желала, потому что Пушкинъ, изъ угожденія къ тетушкѣ, пересталъ мнѣ писать, а она сердилась. Я сказала мужу, что мнѣ неловко ѣхать къ тетушкѣ, когда она сердится; онъ, имъ въ чемъ не сомнѣвающійся; какъ и слѣдуетъ храброму генералу, объявлялъ, что беретъ на себя пасть поминуть. Я согласилась. Онъ устроилъ романтическую

сцену въ саду (надъ которой мы посѣли съ Анной Николаевной очень смѣялись). Онъ пошелъ впередъ, оставивъ меня въ экипажѣ; я черезъ лѣсъ и садъ пошла послѣ—и упала въ объятія этой милой, смѣшной, всегда оригинальной маленькой женщины, вышедшей ко мнѣ навстрѣчу въ толпѣ всего семейства. Когда она меня облобызала, тогда всѣ бросились ко мнѣ,—Анна Николаевна первая. Пушкина, прибавляетъ Анна Петровна, «тутъ не было, но я его нѣсколько разъ видѣла; онъ очень не поладилъ съ мужемъ, а со мною опять былъ по-прежнему, и даже больше, нѣженъ, боясь всѣхъ глазъ, на него и на меня обращенныхъ». При личныхъ отношеніяхъ съ Анной Петровной Пушкинъ терялся, бывалъ застѣнчивъ и неловокъ, что и самъ сознавалъ,—терялъ тотъ смѣлый, даже дерзкій тонъ, въ которомъ писалъ свои письма къ ней. 10-го октября онъ писалъ Алексѣю Вульффу: «Вы, конечно, уже знаете все, что касается до проѣзда Анны Петровны. Мужъ ея очень милый человекъ,—мы познакомились и подружились» ³⁾. Изъ Тригорскаго Кернъ вернулся въ Ригу, а затѣмъ Анна Петровна переехала въ Петербургъ. «Увѣжая изъ Риги»,—разсказываетъ она ⁴⁾, «я послала ему послѣднее изданіе Байрона, о которомъ онъ такъ давно хлопоталъ, и получила еще письмо, чуть ли не самое любезное изъ всѣхъ прочихъ,—такъ онъ былъ признателенъ за Байрона». «Никакъ не ожидавъ я, очаровательница», писалъ Пушкинъ въ этомъ письмѣ (8-го декабря), «чтобы Вы обо мнѣ вспоминали, и отъ глубины сердца благодарю Васъ. Байронъ ⁵⁾ получилъ въ глазахъ моихъ новую прелесть, всѣ героини его облекутся въ моемъ воображеніи въ черты, забыть которыя невозможно. Васъ буду видѣть я въ Гюльнарѣ и въ Ленѣ; самый идеалъ Байрона не могъ быть болѣе божественно прекрасенъ. Итакъ, Васъ и всегда Васъ судьба посылаетъ для услажденія моего уединенія! Вы—ангелъ-утѣшитель, а я—ничто иное, какъ неблагодарный, потому что еще рошшу. Вы ѣдете въ Петербургъ,—и мое изгнаніе тяготитъ меня болѣе, чѣмъ когда-либо. Быть можетъ, переѣзжая, только-что происшедшая ⁶⁾, приблизитъ меня къ Вамъ,—не смѣю на это надѣяться. Не станемъ вѣрить надеждѣ: она ничто иное, какъ хорошенькая женщина, которая обходится съ нами, какъ со старыми мужьями. А что подѣлываетъ Вашъ мужъ, мой кроткій геній. Знаете ли,—я въ его образѣ представляю себѣ враговъ Байрона, разумѣя въ томъ числѣ и жену его.—Опять берусь за перо, чтобы сказать Вамъ, что я у ногъ Вашихъ; что я все люблю Васъ; что иногда ненавижу Васъ; что третьяго дня говорилъ про Васъ ужасныя вещи; что я дѣлаю Ваши прелестныя ручки; что снова дѣлаю ихъ, въ ожиданіи лучшаго, что больше силъ моихъ нѣтъ; что Вы божественны и т. д.»

На этомъ письмѣ прекратилась переписка Пушкина ⁵⁾ съ женщиною, которая вызвала въ

¹⁾ Переписка, т. I, стр. 304.

²⁾ Л. Майковъ. Пушкинъ, стр. 246.

³⁾ Въ припискѣ къ этому письму Анна П. Вульфъ писала: «Байронъ помирилъ тебя съ Пушкинымъ; онъ посылаетъ тебѣ деньги—125 р.—его пылѣнною дѣву».

⁴⁾ Т.-е. смерть Александра I.

⁵⁾ Если не считать одной записочки Пушкина (второй половины декабря 1824 г.), лишь предположительно относящейся къ Кернъ, и въ которой

¹⁾ Пушкинъ только что получилъ разрѣшеніе сѣздить туда для совѣта съ врачомъ.

²⁾ Въ письмѣ отъ 6-го іюня 1859 г.—Л. Майковъ. Пушкинъ, Спб., 1899, стр. 246.

нѣмъ чувства такой пылкой любви, примѣровъ которой,—по крайней мѣрѣ, въ такомъ реальномъ отраженіи, какъ письма его, мы не имѣемъ болѣе въ біографіи поэта. Письма эти давно и по справедливости останавливали на себѣ вниманіе біографовъ¹⁾. По мнѣнію В. Я. Стоюнина²⁾, въ нихъ «высказалась вполне» страстная натура Пушкина: «Прочитавъ его письма, каждый скажетъ, что ихъ пишетъ не только влюбленный до безумія человекъ, но и человекъ необыкновенный. Тутъ раскрывается вся душа его, какъ и у всякаго въ порывѣ страсти. Всѣ вообще его пріятельскія письма отличаются необыкновеннымъ остроуміемъ, неожиданными оборотами рѣчи, шутливымъ тономъ, даже и тогда, когда, кажется, совсѣмъ бы не до шутокъ; но въ письмахъ къ любимой женщинѣ все это еще усиливается, а между тѣмъ здѣсь слышатся и бѣшеная любовь, и пѣзность, и опасенія, и подозрѣнія, и ревность,—и ничего нѣтъ натянутого, фальшиваго, придуманнаго».—А. А. Вепкстеръ³⁾, говоря, что встрѣча Пушкина съ красавицей произвела на него ослѣпляющее дѣйствіе, и что въ его сердцѣ вспыхнула любовь, не похожая на тѣ полусуточные увлеченія, которыми онъ платилъ долгъ красотѣ тригорскихъ барышень, говоритъ: «Это была страсть безумная и необузданная, на которую только способна была африканская натура поэта, страсть со всѣми ея порывами, сомнѣніями, восторгами и страданіями. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прослѣдить тѣ бѣшеные скачки отъ безграничной пѣзности къ упрекамъ, ревности, почти несправедливости, которыми перенасыщены письма Пушкина къ А. П. Кернъ». В. В. Сиповскій⁴⁾, справедливо замѣчая, что письма эти, «столь пестрые по настроенію, вполне отражали тѣ полныя противорѣчія чувства, которыми поэтъ питалъ по отношенію къ Кернъ, превосходно ихъ характеризуетъ: «Письма... рисуютъ намъ эту своеобразную любовь, отливающую самими прихотливыми красками,—отъ головокружительной земной страсти до благоговѣйнаго, чистоестетическаго преклоненія передъ ея неземной красотой... Муки ревности, радость мимолетной ласки, остроты и даже прозрачныя двусмысленности,—все сверкаетъ разноцвѣтными искрами въ этихъ семи письмахъ»...

онъ проситъ прислать ему доктора Аренда (Переи., т. I, стр. 316), отрывка изъ письма къ А. Н. Вульфъ (окт.—нояб. 1828 г.) изъ Малининковъ (Переи., т. II, стр. 80) и дѣловыхъ записокъ 1832—1833 г.

¹⁾ Только А. Е. Заринъ, посвятившій А. П. Кернъ особую главу въ своей брошюрѣ «Увлеченія А. С. Пушкина женщинами», Спб. 1901, стр. 48—62, находитъ письма эти заурядными и даже пошлыми. Отношенія Пушкина къ Кернъ онъ считаетъ не стоящими вниманія, неглубокими: «Пушкинъ не могъ бы писать въ такомъ тонѣ женщинѣ, которую онъ полюбилъ глубоко и чисто»,—какъ будто только «глубокая и чистая» любовь поэта можетъ интересоваться насъ. Въ книгѣ А. П. Незелепова «А. С. Пушкинъ въ его поэзіи», Спб. 1903, посвящена особая глава разбору отношеній Пушкина къ А. П. Кернъ (стр. 268—277), прослѣженныхъ по его письмамъ и стихотвореніямъ данной эпохи.

²⁾ Пушкинъ, изд. 2, Спб. 1906, стр. 259—262.

³⁾ А. С. Пушкинъ, М. 1899, стр. 86—87.

⁴⁾ Пушкинъ. Жизнь и творчество, Спб. 1907, стр. 238—239.

Что касается дивнаго стихотворенія: «Я помню чудное мгновеніе», то ему посвященъ особый этюдъ П. П. Черняева: «Посланіе «Къ А. П. Кернъ» Пушкина и «Лалла-Рукъ» Жуковского»—въ сборникѣ «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», (Харьковъ. 1900, стр. 33—64), и замѣтка П. О. Сумцова въ его «Изслѣдованіяхъ о поэзіи Пушкина» (Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память Пушкина, X. 1899, стр. 229—235). «Я помню чудное мгновеніе»,—пишетъ г. Черняевъ,—«одно изъ гениальнѣйшихъ стихотвореній Пушкина, изумительно прекрасное по музыкальности стиха, по изяществу формы, по глубинѣ содержанія, возвышенности и искренности чувства. Если бы Пушкинъ ничего не написалъ, кромѣ этой очаровательной пьесы, его нельзя было бы не признать первокласснымъ поэтомъ. Доказъ будетъ... звучать и изучаться русскій языкъ...», посланіе «Къ А. П. Кернъ» будетъ читаться и перечитываться, вызывать восторги и удивленіе, смягчать, трогать и умилять человѣческія сердца, вдохновлять талантливыхъ композиторовъ и вызывать соревнованіе даровитыхъ актеровъ, способныхъ истолковывать великія созданія великихъ поэтовъ посредствомъ дикціи, мимики и жеста. «Я помню чудное мгновеніе» можетъ выдержать любое сравненіе. Это такой дивный гимнъ въ честь возрождающаго и облагораживающаго вліянія одухотворенной красоты, которымъ могла бы гордиться любая литература. Своимъ посланіемъ «Къ А. П. Кернъ» Пушкинъ обезсмертилъ ее такъ же, какъ Петрарка обезсмертилъ Лауру, а Данте—Беатриче. Пройдутъ вѣка, и когда множество историческихъ событій и историческихъ дѣятелей, которые представляются намъ очень крупными, будутъ забыты,—личность и судьба Кернъ, какъ вдохновительница Пушкинской музы, будутъ возбуждать большой интересъ, вызывать споры, предположенія и воспроизводиться романистами, драматургами, живописцами и скульпторами... Въ этомъ стихотвореніи нѣтъ метафоръ. Поэтъ хотѣлъ сказать намъ именно то, что говорится въ немъ. Оно вылилось у Пушкина прямо изъ души¹⁾, было порожденіемъ внутренняго опыта и самообладанія. Подъ обаяніемъ красоты въ поэтѣ пробуждались и ярко сказывались и религиозное чувство съ его высокими порывами, и художественное творчество, и способность жить самою полною жизнью, и способность плакать благодатными слезами счастья и любви. Посланіе «Къ А. П. Кернъ» имѣетъ важное значеніе не только какъ поэтическая исповѣдь Пушкина, но и какъ психологическій этюдъ, раскрывающій одну изъ благороднѣйшихъ тайнъ человѣческаго сердца. Посланіе «Къ А. П. Кернъ» всегда будетъ приводиться, какъ неотразимое доказательство противъ безотрадно скептическаго и пессимистическаго отношенія къ человѣческой природѣ» Далѣе въ своемъ очеркѣ г. Черняевъ

¹⁾ Замѣтимъ, кстати, что черновика этого стихотворенія не сохранилось, а можетъ быть и не было. То, что напечатано г. Евг. Вашиковымъ въ «Русск. Мысли» 1900 г. (№ 4, стр. 126), какъ черновой автографъ Пушкина, писано не Пушкина рукой и представляетъ собою подражаніе какому-то неопытнаго стихотворца, заимствовавшаго изъ пьесы Пушкина дѣлая выраженія; конечно, не Пушкинымъ писана и та рукопись, которая воспроизведена въ журн. «Звѣзда» 1887 г., и въ «Историч. Вѣстникѣ» 1899 г. Ср. П. А. Ефремовъ «Минимый Пушкинъ», Спб. 1903, стр. 26—27.

справедливо возражаетъ П. О. Сумцову, сближавшему¹⁾ это стихотвореніе съ пьесой Уордсворта «Phantom of delight», и вслѣдъ за Анненковымъ (изд. 1855 г., т. II, стр. 187) находитъ лишь сходство основной мысли этого посланія съ лицейскимъ стихотвореніемъ самого Пушкина «Къ ней» (Е. П. Бакушиной, 1817 г.; см. наст. изд., т. I, стр. 421—440²⁾, которое является лишь юношескимъ эскизомъ въ сравненіи съ законченпой, дивной картиной, по неудачно сближаетъ его съ «Лалюю-Рукъ» Жуковского, откуда, по его мнѣнію, онъ «взялъ и выраженіе «геній чистой красоты», и мысль уподобить Кернъ мимолетному видѣнію», хотя тутъ же не можетъ не признать, что Пушкинъ «творилъ самостоятельно, а не подражалъ Жуковскому»³⁾.

Разсказаннымъ эпизодомъ не ограничались сношенія Пушкина съ А. П. Кернъ, и она оставила намъ много любопытныхъ повѣствованій о дальнѣйшихъ встрѣчахъ и отношеніяхъ связяхъ своихъ съ поэтомъ⁴⁾. Отсылая читателей къ этимъ интереснымъ повѣствованіямъ, скажемъ лишь о самой Аннѣ Петровнѣ. Покинувъ Ригу и бросивъ тамъ ненавистнаго своего мужа, Анна Петровна перѣехала въ Петербургъ и поселилась сперва у Л. С. и О. С. Пушкиныхъ, а затѣмъ, съ отцомъ и сестрою Елизаветою Петровною⁵⁾, у Обухова моста. Въ періодъ, послѣдовавшій за отъѣздомъ ея изъ Тригорскаго, — въ 1826 году, мы находимъ неоднократно упоминанія объ Аннѣ Петровнѣ въ письмахъ къ Пушкину А. Н. Вульфъ, влюбившейся въ поэта и потому увезенной матерью (которая къ тому же сама ревновала къ нему свою дочь) въ Тверское имѣніе Малинники⁶⁾. Письма Анны Николаевны вообще очень любопытны для біографіи поэта⁷⁾ и вводятъ насъ въ ту атмосферу мелкихъ жепскихъ самолюбіи, интригъ, ревности и поклоненія, которыми былъ окруженъ поэтъ въ своемъ заточеніи. По письмамъ этимъ видно, что въ 1826 г. Кернъ позна-

комилась и очень сдружилась съ сестрой поэта — Ольгою Сергѣевной. «Какъ я была удивлена — читаемъ въ письмѣ А. Н. Вульфъ отъ 2-го іюня 1826 г. — получивъ большое посланіе отъ Вашей сестры, въ которомъ она пишетъ мнѣ вѣстѣ съ А. Кернъ; онѣ въ восторгѣ другъ отъ друга. Левъ¹⁾ пишетъ мнѣ тысячу нѣжностей въ томъ же письмѣ и, къ моему великому удивленію, я пахожу тамъ же нѣсколько строкъ Дельвига, которыя доставили мнѣ большое удовольствіе. Однако, мнѣ кажется, что Вы немножко ревнуете къ Льву. Я пахожу, что А. Кернъ прелестна, несмотря на свой огромный животъ, — это выраженіе Вашей сестры. Вы знаете, что она осталась въ Петербургѣ, чтобы тамъ разрыться отъ бремени, а потомъ она предполагаетъ пріѣхать сюда²⁾. Вы хотите отомстить на женѣ Льва его успѣху передъ моею кузиной: это не свидѣтельствуеъ о безразличіи къ ней съ Вашей стороны». 31-го іюля О. С. Пушкина пишетъ брату, что она «такъ сдружилась съ Кернъ, что крестила ея ребенка», которому она, въ честь ея, дала имя Ольги. Въ письмѣ отъ 11-го сентября Анна Николаевна, уже изъ Петербурга, пишетъ Пушкину по поводу его освобожденія изъ Михайловскаго заточенія: «Аннеттъ Кернъ принимаетъ живѣйшее участіе въ Вашей судьбѣ. Мы говоримъ только о Васъ; она одна понимаетъ меня, и только съ нею я плачу». «Плетневъ, Козловъ, Глѣдичъ, Сенинъ, Кернъ, Анна Николаевна — всѣ прыгаютъ и поздравляютъ тебя», — сообщаетъ Дельвигъ Пушкину³⁾. «А. Кернъ вамъ велитъ сказать, что она безкорыстно радуется Вашему благополучію и любитъ искренно и безъ зависти», — пишетъ поэту А. Н. Вульфъ 16-го сентября.

Отношенія, по крайней мѣрѣ еще нѣкоторое время, поддерживались и перепискою: «Что дѣлаетъ Вавилонская блудница Анна Петровна», спрашивалъ поэтъ Алексѣя Вульфа 7-го мая 1826 г.: «Говорятъ, что Болтинъ очень счастливо металъ противъ почтеннаго Ермолая Федоровича. Мое дѣло — сторона, но что скажете Вы? Я писалъ ей: «Вы пристроили Вашихъ дѣтей, — это очень хорошо; но пристроили ли Вы Вашего мужа? послѣднее гораздо болѣе затруднительно»⁴⁾. Когда Пушкинъ вернулся изъ Москвы въ 1827 году, Анна Петровна встрѣтилась и затѣмъ видалась съ нимъ въ домѣ его родителей, у которыхъ бывала почти всякій день; заходилъ онъ иногда и къ ней. За время отсутствія Пушкина, Анна Петровна успѣла «вскружить совершенно голову» брату его — Льву Сергѣевичу⁵⁾ и вызвать «нѣжное участіе и дружбу» со стороны вкорѣ погибшаго Д. В. Веневитинова⁶⁾. Левъ Пушкинъ посвятилъ ей стихотвореніе:

Какъ можно не сойти съ ума,
Внимая Вамъ, на Васъ любясь!
Венера древняя мила,
Чудеснымъ поясомъ красуясь;

¹⁾ «Этюды о Пушкинѣ».

²⁾ Анненковъ говоритъ, что «Основную мысль стихотворенія («Къ ней») Пушкинъ воспроизвелъ въ другой и превосходной формѣ, спустя 8 лѣтъ, вмѣсто въ пьесѣ «Я помню чудное мгновеніе», принадлежащей уже къ 1823 году. Онъ часто поступалъ такъ съ первыми своими произведеніями».

³⁾ О музыкѣ на это стихотвореніе см. брошюру В. Корганова: «А. С. Пушкинъ въ музыкѣ», Тифлисъ. 1899, стр. 31, и «Puschkiniana» Межова; въ Сочиненіяхъ Б. Н. Алмазова, т. II, Спб. 1892, стр. 229—232, имѣется пародія на «Я помню чудное мгновеніе».

⁴⁾ Въ «Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ» въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1839 г., въ «Отрывкѣ изъ записокъ. Воспоминанія о Пушкинѣ, Дельвигѣ и Глинкѣ» въ «Семейн. вечерахъ» 1864 г., № 10, въ статьѣ «Дельвигъ и Пушкинъ», напечатанной Б. Л. Модзалевскимъ въ «Пушк. и его соврем.», в. V, стр. 140—157; отрывки перепечатаны у Л. П. Майкова: Пушкинъ, Спб. 1899.

⁵⁾ Вышедшее впоследствии за чиновника Ренко.

⁶⁾ См. Переписку, т. I, стр. 333, 342, 352; 369, 372.

⁷⁾ Они были найдены мною у П. И. Анненкова (сына біографа) и переданы для академическаго изданія Переписки Пушкина.

¹⁾ Братъ поэта.

²⁾ Т.-е. въ Малинники.

³⁾ 15-го сентября.

⁴⁾ Письмо это до насъ не дошло.

⁵⁾ Переп. Пушк., т. II, стр. 3.

⁶⁾ Позднѣ Анна Петровна сообщала о немъ свои воспоминанія А. П. Пятковскому, писавшему біографію поэта (см. изд. Соч. Веневитинова, Спб. 1862, стр. 1; его же «Князь В. О. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ», Спб. 1901, стр. 103, 128, 129).

Алкмена, Гёркулеса мать,
 Съ ней въ рядъ, конечно, можетъ стать;
 Но чтобъ молили и любили
 Ихъ такъ усердно, какъ и Васъ,
 Васъ сирятать надо имъ отъ насъ:
 У нихъ Вы лавку перебили!—

а Веневитиновъ любилъ ея общество, велъ съ ней бесѣды, «полныя той высокой чистоты и нравственности, которыми онъ отличался», хотѣлъ нарисовать ея портретъ¹⁾, говоря, что «любуется ею, какъ Пфигеней въ Тавридѣ, которая, мимоходомъ сказать, прекрасна»²⁾. Къ этому-же времени относится знакомство Анны Петровны съ Дельвигомъ и его женою Софьей Михайловной, закомство, вскоре перешедшее въ тѣсную дружбу. О Дельвигѣ, его частной жизни и литературномъ кружкѣ, у него собиравшемся, Анна Петровна оставила очень цѣнные воспоминанія. Вообще петербургскій періодъ жизни, съ 1826 года, былъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ въ жизни Анны Петровны. Вращаясь въ литературныхъ кругахъ, связанныхъ многими отношеніями съ цѣлымъ рядомъ писателей³⁾, блистая красотою и пользуясь общою любовью и симпатіями за свой пріятный характеръ, образованный, живой и наблюдательный умъ и доброе сердце, она не избѣгла, однако, злословія. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ С. А. Соболевскому (отъ конца марта 1828 г.⁴⁾ Пушкинъ, съ присущею ему способностью писать корреспондентамъ своимъ въ тонѣ ихъ собственныхъ писемъ и въ соответствии съ ихъ характерами, сообщаетъ, напримѣръ, въ крайне циничной формѣ, что онъ, наконецъ, добился расположения Анны Петровны и одержалъ надъ ней побѣду. Мы допускаемъ полную возможность предположить, что въ данномъ случаѣ Пушкинъ написалъ это для «краснаго слова»; Соболевскій самъ въ это время ухаживалъ за Анной Петровной⁵⁾,

¹⁾ Л. Майковъ. Пушкинъ, стр. 248—9.

²⁾ Пятковский, назв. соч., стр. 129.

³⁾ Бар. Дельвигъ, О. М. Сомовъ, А. Д. Плишевскій (написавшій ей посланіе—см. Майковъ, Пушкинъ, стр. 253), А. П. Подолинскій, В. П. Пастуховъ, Е. А. Боратынскій, А. Мицкевичъ, Л. В. Веневитиновъ, баронъ Е. О. Розенъ и др.

⁴⁾ Переписка, т. II, стр. 60.

⁵⁾ См. Переписку, т. II, стр. 60, 65. Онъ посвятилъ Аннѣ Петровнѣ стихотвореніе («Русск. Арх.» 1884 г., № 6, стр. 349). Въ 1829 г., 23-го февраля, Соболевскій писалъ Кирѣевскому, прося его передать Пушкину просьбу написать ему объ Аннѣ Петровнѣ («Русск. Арх.» 1906, кн. III, стр. 570). Князь Н. Н. Голицынъ сообщаетъ слѣдующую «альбомную шутку» Соболевскаго, обращенную къ Аннѣ Петровнѣ («Варш. Дневн.» 1880 г., № 159):

Чтобъ писать хвалу Вамъ спосную,
 Добрый геній мнѣ шепнулъ:
 Въ радугу семиполосную
 Ты перо бы обмакнулъ;
 Изъ Эдема взялъ-бы лилію,
 Пѣснь на ней бы начерталъ
 И посыпалъ легкой пылью
 Съ мотыльковыхъ крылъ.

На сестру Анны Петровны онъ написалъ:

Ахъ, смерть курносая, дурацкая
 Похитила тебя, о Лиза Подгорадская!

и имѣть ничего невозможнаго въ томъ, что поэтъ просто хотѣлъ досадить своему «пріятелю», чувства къ которому у него были очень неглубоки, соотвѣтствуя вполнѣ нравственному облику этого безпутнаго или, по выраженію самого Пушкина, «беззабернаго» человека. Что Пушкинъ въ это время часто видѣлся съ Анной Петровной, бывалъ у нея,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія,—ея воспоминанія лучшее тому доказательство, но насколько близки были ихъ отношенія,—это вопросъ другой. «Присущая Аннѣ Петровнѣ веселость», рассказываетъ Л. П. Павлищевъ, и врожденное, вполнѣ, однако, добродушное, можно сказать—милое кокетство подавало зачастую пищу недоброжелательнымъ, злымъ языкамъ, распускавшимъ объ Аннѣ Петровнѣ не на чемъ не основанные самые неправдоподобные слухи. Распускаемыя слухи вызвали Александра Сергѣевича... написать всѣмъ извѣстное стихотвореніе:

Когда твои младыя дѣта
 Позорить шумная толпа...¹⁾

«Гораздо болѣе хладнокровно своихъ друзей относилась къ подлымъ слухамъ сама ихъ виновница. Незлобная Анна Петровна сказала однажды Александру Сергѣевичу и моей матери, какъ это сообщила мнѣ послѣдняя, слѣдующія слова: «Неужели, друзья мои, вы думаете, что я такая пошлая дура, чтобы не выплунуть въ мораль басни: «собаки лагаютъ, собаки отстаютъ»? Совѣсть моя совершенно чиста: никому зла не дѣлала, не дѣлаю, дѣлать не буду, зла не желала, не желаю и желать не стану, а кто не въ мою пользу открываетъ широкій ротъ, тому отъ души прощаю да низко кланяюсь: большому дураку—большое почете»²⁾. Сопоставляя сейчасть цитированное трогательно-теплое, защитительное стихотвореніе со словамъ поэта въ письмѣ его къ Соболевскому, не знаемъ, чѣмъ инымъ, какъ желаніемъ сказать пріятелю пѣчто въ его духѣ, объяснить это противорѣчіе. Теплая дружба четы Дельвиговъ, съ которыми Анна Петровна жила одно время въ одномъ домѣ, неизмѣнно доброе отношеніе къ ней П. А. Осиповой также исключаютъ, какъ намъ кажется, возможность утверждать, что Анна Петровна заслуживала тѣ упреки и «лицемѣрные гошенья», которыя на нее сыпались со стороны представителей свѣта, который, по выраженію поэта, «не караетъ заблужденій, по тайны требуетъ для нихъ».

Близкая дружба Анны Петровны съ пѣжно-любимой сестрой поэта—О. С. Пушкиной—располагала его къ ней еще болѣе, а послѣ того, какъ она приняла такое близкое и сердечное въ ней участіе при выходѣ ея замужъ за П. П. Павлищева (28-го января 1828 г.), онъ чувствовалъ себя обязаннымъ ей и, по ея словамъ, «старался любезностью и вниманіемъ выразить благодарность за участіе, принимаемое мною въ столь важныхъ событіяхъ въ жизни его сестры». П. А. Осипова, пріѣзжая въ Петербургъ, одна или съ дочерью, останавливалась у Анны Петровны; постоянныя

¹⁾ См. наст. изд., т. III, стр. 58. Въ первый разъ оно напечатано въ «Литературной Газетѣ» 1830 г., 2-го марта, № 13, стр. 101.

²⁾ Изъ семейной хроники. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ Л. Павлищева, М. 1890, стр. 170.

КОМПАТА, ВЪ КОТОРОЙ А. Н. КЕРПЪ ЖИЛЪ ВЪ 30-Ѣ ЛѢТАХЪ.

сношенія съ нею поддерживали Левъ Пушкинъ¹⁾ и родители поэта; что касается самого Сергѣя Львовича Пушкина, то онъ, вообще нестойкій передъ женской красотой, былъ увлеченъ Анною Петровною и, при всякомъ удобномъ случаѣ, осыпалъ ее комплиментами, писалъ влюбленнымъ письма, «волочился» за нею, по выраженію А. В. Маркова-Виноградскаго и, желая выказать ей чувства своей симпатіи, «дарилъ ей конфетные духи». Влюбляясь до глубокой старости, онъ, по свидѣтельству того-же лица, не устоялъ и передъ дочерью Анны Петровны и, незадолго до смерти, хотѣлъ жениться на молоденькой Екатерины Ермолаевны Керпъ.

Въ 1827 г. съ Керпъ познакомилась молодая Пикитенко. Онъ сразу увлекся ею и въ извѣстномъ дневникѣ его мы находимъ много интересныхъ свѣдѣній объ Аннѣ Петровнѣ. Увлеченіе Пикитенка скоро прошло и, оставаясь высокаго мнѣнія объ умѣ Керпъ и тонокости ея чувствованій, онъ приходитъ къ такому общему о ней выводу, въ которомъ нельзя не замѣтить нѣкотораго пристрастія, вызваннаго нераздѣленнымъ чувствомъ: «Женщина эта очень тщеславна и своенравна. Первое есть плодъ лести, которую, она сама признавалась, безпрестанно расточала ея красотѣ, ея чему-то божественному, чему-то неизъяснимо въ ней прекрасному,—а второе есть плодъ пер-

ваго, соединеннаго съ небрежнымъ воспитаніемъ и безпорядочнымъ чтеніемъ»²⁾.

У извѣстнаго инженернаго генерала Базена Анна Петровна въ 1826 году, вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, познакомилась съ М. И. Глинкой, который въ запискахъ своихъ упоминаетъ о ней съ симпатіей: «Я часто посѣщалъ, рассказываешь онъ, говоря о концѣ іюня 1829 г., барона Дельвига; кромѣ его милой и весьма любезной жены, жила тамъ также любезная и миловидная барыня Керпъ. Въ іюнѣ баронъ съ женою, г-жею Керпъ и Орестомъ Сомовымъ (литераторомъ, весьма умнымъ и любезнымъ человѣкомъ), отправились въ четырехмѣстной линейкѣ на Пматру; мы съ Корчакомъ поѣхали вслѣдъ за ними на тележкѣ. Съѣхавшись въ Выборгъ, вмѣстѣ гуляли мы въ прекрасномъ саду барона Николаи. Вмѣстѣ видѣли Пматру и возвратились въ Петербургъ»³⁾. Объ этой поѣздкѣ Анна Петровна оставила очень любопытный рассказъ (напечатанный ею въ «Семейныхъ Вечерахъ» 1864 г.); она жила въ это лѣто съ Дельвигами на дачѣ у Крестовскаго перевоза. Знакомство съ Глинкой продолжалось въ теченіе многихъ лѣтъ и ознаменовалось тѣмъ, что знаменитый композиторъ написалъ гениальную музыку къ стихотворенію «Я помню чудное мгно-

¹⁾ Паданіе 1893 г. т. I, стр. 225—230 и 236—237.

²⁾ 1-го іюля 1829 г. (выѣхали 27-го іюня); «Русск. Стар.» 1870, т. I, изд. 3, стр. 360, и отд. изд. записокъ. Объ этой поѣздкѣ О. М. Сомовъ напечаталъ статью въ видѣ писемъ къ М. А. Максимо-вичу въ Москву: «Четыре дня въ Финляндіи» — въ «Сѣв. Пчелѣ» 1829 г., № 110, 111, 112, 114 и 116 и въ «Литер. Газетѣ» 1830 г., № 34, 35 и 36, причемъ къ 35 № были приложены ноты финской пѣсни, записанной М. И. Глинкой и вошедшей потомъ въ «Руслана и Людмилу» (арія Финна).

³⁾ Въ бумагахъ Анны Петровны сохранилось четверостишіе, написанное имъ въ 1832 г., въ Петербургѣ, на ея квартирѣ, и несправно напечатанное въ журн. «Радуга» 1884 г., № 12, стр. 248:

Пріѣхавши на берегъ Невскій
Левъ Пушкинъ нынѣ былъ у Васъ,
А вмѣстѣ съ нимъ и Соболевскій,—
Прождали здѣсь Васъ дѣлѣй часть.

венсь»¹⁾ и влюбился въ дочь Анны Петровны—юную Екатерину Ермолаевну²⁾, когда она, по окончании курса въ Смольномъ въ 1836 г., жила съ матерью, и едва на ней не женился.

Что касается Пушкина, то до насъ не дошло почти никакихъ указаний на его отношенія къ Аннѣ Петровнѣ въ эпоху ихъ одновременнаго житія въ Петербургѣ въ 1830-хъ г.г.; дороги ихъ послѣ женитьбы поэта рѣзко разошлись и встрѣчи ихъ могли быть лишь случайны. Л. Н. Майковъ (Пушкинъ, стр. 265) справедливо, впрочемъ, замѣтилъ, что «женатый Пушкинъ самъ избѣгалъ поддерживать знакомство съ особами, за которыми ухаживалъ въ прежнее время».

Сохранилась любопытная фраза Пушкина, касающаяся А. П. Кернъ,—въ письмѣ его къ жепѣ, писанномъ изъ Михайловскаго 29-го сентября 1835 года; изъ письма этого видно, что А. П. Кернъ, сильно въ это время пужавшаяся, обратилась къ литературному покровительству Пушкина и письменно просила его помочь устроить ея переводъ; Пушкинъ оказался уѣхавшимъ въ Михайловское, и жена его переслала ему записку Анны Петровны: «Ты мнѣ прислала», читаемъ въ письмѣ Пушкина, «записку отъ т-ме Кернъ; дура вздумала переводить Занда и просить, чтобъ я со-сводилъ ея со Смирдинымъ. Чортъ поберетъ ихъ обоимъ! Я поручилъ Аннѣ Николаевнѣ [Вульфъ] отвѣчать ей за меня, что если переводъ ея будетъ такъ же вѣренъ, какъ она сама вѣрный списокъ съ т-ме Sand, то успѣхъ ея несомнѣтеленъ, а что со Смирдинымъ дѣла я никакого не имѣю». Нельзя не замѣтить умышленно грубаго тона этихъ строкъ, въ которыхъ Л. Н. Майковъ видѣлъ подтвержденіе высказаннаго имъ и приведеннаго выше мнѣнія, что поэтъ самъ избѣгалъ прежнихъ своихъ пріятельницъ. Такое поведение Пушкина, конечно, должно было имѣть свои основанія и однимъ изъ нихъ была, несомнѣнно, ревность его жены—Натальи Николаевны. Н. О. Лернеръ («Русск. Стар.» 1905 г., № 11, стр. 423—424) привелъ дѣльный рядъ доказательствъ тому, какъ часто Пушкину приходилось успокаивать жену, оправдываясь отъ обвиненій въ невѣрности, и дѣлаетъ совершенно справедливое заключеніе, что грубый отзывъ поэта о предметѣ его прежняго поклоненія вызванъ лишь подозрительностью его супруги и желаніемъ его, съ одной стороны, не огорчить любимую женщину, а съ другой, не дать повода къ новому столкновенію, уничтожить новое возможное подозрѣніе въ невѣрности: «это была вынужденная и довольно певинная хитрость» Пушкина, а вовсе не отраженіе его дѣйствительнаго взгляда.

Въ 1841 г. (8-го февраля) умеръ въ Петербургѣ мужъ Анны Петровны—Ермолай Оедоровичъ, и она стала свободна. Послѣдніе годы передъ этимъ были омрачены пререканіями и столкновеніями супруговъ, такъ какъ Кернъ не переставалъ настаивать на возвращеніи къ нему жены, покинувшей его еще въ 1826 году (было, однако, время, что они жили вмѣстѣ). Анна

¹⁾ Анна Петровна говоритъ, что она отдала Глинкѣ автографъ Пушкина, и что онъ его затерялъ...

²⁾ Впослѣдствіи по мужу Шокальскую; она умерла въ Петербургѣ 6-го февраля 1904 г. См. Записки Глинки, С.-Пб. 1887, стр. 145—146, 147, 148, 151, 152—153, 155, 156, 157, 158, 159, 181; Полное собраніе писемъ М. П. Глинки, Спб. 1908.

Петровна постоянно пуждалась въ деньгахъ, живя, по выраженію Н. О. Пушкиной (1835 г.), «du jour au lendemain»; она неоднократно обращалась къ Императору Николаю за помощью; такъ, 10-го августа 1836 г. она писала въ своемъ прошеніи ему: «Августѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь! Отчаянное, безнадежное состояніе и жесточайшая нужда повергаютъ меня къ стопамъ В. П. В-ва; кромѣ Васъ, Государь, мнѣ некому помочь! Совершенное разореніе отца моего, падъ. сов. Полторацкаго, которое повлекло и мою всю собственность, равно отказъ мужа моего, генералъ-лейтенанта Керна, давать мнѣ законное содержаніе лишаютъ меня всѣхъ средствъ къ существованію. Я уже покушалась работою поддерживать горестную жизнь¹⁾, но силы мнѣ измѣнили, болѣзнь истощила остающія средства, и мнѣ остается одна надежда—милосердное воззрѣніе В. П. В-ва на мои страданія. Я не расточила своего достоинства; это внушаетъ мнѣ смѣлость воззвать къ милосердію В. П. В-ва; Вы ли не будетенисходительны къ дочернему усердію, черезъ которое я ввержена въ нищету?»²⁾.

Благодаря ходатайству генералъ-адъютанта Адлерберга, Анна Петровна получила 2000 р., а Керну былъ посланъ запросъ, почему онъ отказывается содержать жену; старый генералъ отвѣчалъ Государю (13-го ноября 1836 г.) длиннымъ письмомъ³⁾, въ которомъ во всемъ обвинялъ жену; онъ писалъ, что, женись почти безъ приданаго и «имѣя одну любовь и дружбу жены въ предметъ», онъ и не доискивался помощи тестя, «увидя же вскорѣ къ себѣ ея равнодушіе и холодность, поздно уже позналъ свое несчастіе. Она, не взирая на всѣ мои и общіе родныхъ нашихъ убѣжденія и просьбы, оставила меня съ двумя дочерьми самовольно въ первый разъ на четыре года, разстроивъ меня совершенно сдѣланнны для нея, при началѣ супружества и при неоднократныхъ потомъ возвращеніяхъ ко мнѣ въ скудномъ видѣ послѣ продолжительныхъ отлучекъ, долгами...⁴⁾ Но я, какъ принадлежалъ супругу, вызвалъ ее послѣ четырехлѣтней разлуки съ взрослыми дѣтьми, не вспоминая прошедшія не-пріятности, принялъ ее съ прежнею любовью, хотя она, смѣю доложить, прибыла ко мнѣ, не имѣя даже и необходимаго платья... Мое спсхожденіе не послужило къ добру: она забылась, изъяснивъ мнѣ желаніе, чтобы я дѣтей опредѣлилъ на казенное содержаніе...⁵⁾ Наконецъ, моя жена оставила меня въ другой разъ, объявивъ мнѣ, что не желаетъ со мною болѣе жить... Десять лѣтъ провелъ я въ разлукѣ съ женою моею, не имѣвъ даже никакой переписки. Въ нынѣшнемъ году, прибывъ въ столицу, я припалъ дочь мою изъ Института... Въ это время... жена моя объявила роднымъ своимъ, что она же-

¹⁾ Ср. выше ея обращеніе къ Пушкину по поводу сдѣланнаго ею перевода Ж. Занда.

²⁾ Моск. Отдѣл. Общ. Архива Главн. Штаба, г. 1836 г., № 931, св. 981, ч. 1, Писм. Деп-та, 3 стола, 3 отд.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Врядъ-ли это такъ: въ письмѣ А. П. къ А. А. Бакунцу отъ 25-го ноября 1852 г. она пишетъ, что мужъ «прокутилъ» ея вещей на нѣсколько тысячъ.

⁵⁾ Екатерина и Александра Ермолаевны были приняты въ Смольный Институтъ; младшая тамъ и умерла въ 1834—1835 г.

ласть быть вмѣстѣ со мною и дочерью, но не съ тѣмъ, чтобы быть мнѣ женою, а дочери—матерью, а только въ обязанности гувернантки. Послѣ даннаго дочери моею воспитанія, какою можетъ быть ей моя жена гувернанткою, привыкшая къ беззаконной жизни и, осмѣливаясь доложить,—виновница нищеты дочерняго состоянія? За всѣмъ тѣмъ, убѣждаясь просьбами дочери моею, основанными на истинной любви къ родителямъ, я неоднократно и въ прошедшихъ мѣсяцахъ, оставя для себя даже необходимое въ житейскомъ быту, помогалъ благодарной женѣ, посылая ей по возможности деньги».

Керну указали, что, на основаніи закона, онъ долженъ давать женѣ приличное содержаніе, «чѣмъ самымъ и избѣгнуть съ ея стороны справедливой на него жалобы». Но Кернъ не унимался: въ прошеніи графу А. П. Черкышеву отъ 3-го декабря 1837 г. онъ, обвиняя жену въ томъ, что она «предалась блудной жизни и, оставивъ его болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, увлеклась совершенно преступными страстями своими», умолялъ объ одной милости—«заставить ее силою закона жить совмѣстно». Дѣло было передано Министру Юстиціи, но Кернъ умеръ, не дожидаясь его разрѣшенія...

Анна Петровна получила послѣ мужа хорошую пенсію, но пользовалась ею недолго: 23-го іюля 1842 г. она вышла замужъ за своего троюроднаго брата Александра Васильевича Маркова-Виноградскаго ¹⁾, который на двадцать лѣтъ былъ моложе ея ²⁾. Своего кузена Анна Петровна знала съ дѣтства; когда же въ апрѣлѣ 1834 г. онъ былъ привезенъ въ Петербургъ и сданъ въ 1-й кадетскій корпусъ, она замѣнила ему мать (умершую въ 1837 г.), навѣщала его, брала къ себѣ въ отпускъ ³⁾ и постепенно увлеклась красивымъ, статнымъ и даровитымъ юношей, который, въ свою очередь, до безумія влюбился въ тетушку, еще сохранившую къ этому времени

А. П. КЕРНЪ

въ глубокой старости незадолго до смерти.

все обаяніе своей красоты. Выпущенный изъ корпуса въ 1839 г. пятимъ по успѣхамъ воспитанникомъ, онъ поступилъ въ офицерскіе классы Артиллерійскаго училища; однако, въ 1840 г., не окончивъ курса, перешелъ въ строй (въ 7-ю артилл. бригаду, стоявшую въ Лохвицѣ, Лубнахъ и Хоролѣ, куда пріѣхала Анна Петровна), но уже 26-го апрѣля 1842 года вышелъ въ отставку подпоручикомъ; черезъ три мѣсяца состоялась его свадьба съ Анной Петровной (жившей въ имѣніи отца—Лучкѣ, около Лохвицы), съ которой онъ сошелся значительно раньше... ¹⁾. Старикъ П. М. Полторацкій былъ страшно разгнѣванъ на дочь за ея безразсудный шагъ,—она, выйдя замужъ, лишилась значительной пенсіи послѣ Керна,—и отказалъ молодой четѣ въ поддержкѣ. Кое-какъ пробились супруги около двухъ лѣтъ, но въ 1844 году должны были отправиться на жительство въ г. Сосницу, Черниговской губерніи, гдѣ у А. В. была маленькая усадьба и нѣсколько человекъ крестьянъ. Здѣсь они поселились съ общей теткой Θεодосіей Петровной Полторацкой, той самой, къ которой адресованы письма-дневникъ Анны Петровны изъ Искова въ 1820 г.; но отношенія двухъ, когда-то восторженныхъ пріятельницъ сразу сдѣлались шероховатыми: Анна Петровна за 25 лѣтъ сильно измѣнилась и, послѣ всѣхъ пережитыхъ ею тревоженій, жаждала лишь тихой пристани, а Θεодосія Петровна изъ экальтерованной пожилой барышни превратилась въ желчную скупую старуху, которая, неодобрительно относилась къ увлеченію своихъ племянницы и племянника, отравляла все существованіе мужа и жены, влюбленныхъ другъ въ друга. Первое время жизни въ Сосницѣ ихъ еще радовала своимъ присутствіемъ Елизавета Васильевна Маркова-Виноградская,—юная, прелестная дѣвушка, существо, одаренное прекрасною душою, но и она,

вынуждаемая стѣсненными обстоятельствами, скоро уѣхала къ теткѣ и дядѣ—Татьянѣ Петровнѣ (рожд. Полторацкой) и Сергію Дмитриевичу Львовымъ—въ д. Митино (Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи), и 11-го января 1852 г. вышла здѣсь за мужъ за своего сосѣда—А. А. Бакунина, а черезъ годъ (5-го мая 1853 г.) умерла...

А. В. недолго и очень неудачно служилъ по выборамъ дворянства Сосницкаго уѣзда (1846—1853); къ тому-же служба эта не давала возмож-

¹⁾ Отецъ Анны Петровны—П. М. Полторацкій и мать Александра Васильевича—Дарья Петровна Маркова-Виноградская, рожд. Полторацкая, были двоюродные братъ и сестра.

²⁾ Род. въ мѣст. Кричевѣ, Черниговскаго уѣзда 30-го августа 1820 г., ум. въ с. Прямухинѣ, у Бакуниныхъ, 28-го января 1878 г.; его сестра, Елизавета Васильевна (р. 1823, † 1853) была первую женою Александра Александровича Бакунина († 1908), брата эмигранта. Ихъ отецъ—подполковникъ Василій Терентьевичъ Марковъ-Виноградскій, ум. въ 1829 г.

³⁾ Она жила въ Дворянской улицѣ; здѣсь у нея бывалъ и Глинка; видъ комнаты въ этой квартирѣ см. въ Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Академіи Наукъ, Спб. 1899 и «Ист. Вѣстн.» 1899, май, стр. 513; онъ взятъ изъ Альбома А. П., пріобрѣтеннаго П. Я. Дашковымъ. Воспроизведенъ здѣсь на предыдущей стр.

¹⁾ Отъ этого брака Анна Петровна имѣла сына Александра Александровича (род. 22 сентября 1842 † 1879—1880, въ Москвѣ). Онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Васильевнѣ Аксамитной; ихъ дочь Агата Александровна—драматическая артистка—подъ фамиліей Дараганъ; у нея-то сохранился портретъ А. П. Кернъ, воспроизводимый при настоящей статьѣ и пожертвованный ею въ «Пушкинскій Домъ».

ности существовать безбѣдно даже въ Сосницѣ, и Марковы-Виноградскіе переселились въ Петербургъ. Здѣсь А. В. удалось получить, въ концѣ 1855 г., мѣсто домашняго учителя въ семьѣ генералъ-адъютанта князя С. А. Долгорукова, гдѣ онъ и пробылъ до октября 1857 г.,¹⁾ когда ему отказали, несмотря на то, что онъ въ высшей степени добросовѣстно и съ любовью относился къ своимъ обязанностямъ. Оставшись въ нуждѣ, А. В. продалъ въ 1858 г. свое Сосницкое имѣніе, но вскорѣ 21-го февраля 1858 г., получивъ, благодаря старому знакомству А. П. съ М. П. Муравьевымъ, мѣсто въ Департаментѣ Удѣловъ; назначенный въ Комитетъ для пересмотра Свода Удѣльных постановленій²⁾, онъ въ 1860 г. получилъ мѣсто столоначальника, а въ 1862 г. — секретаря общаго присутствія Департамента. Въ 1863 г. 20-го ноября, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассессора и съ небольшою пенсіей. Въ 1861, 1862 и 1863 гг. онъ ѣздилъ за-границу, — одинъ разъ съ Анной Петровной, другіе разы безъ жены, которой уже трудно было совершать дальнія поѣздки; она поддерживала постоянныя сношенія со своею многочисленною родней, приобрѣла себѣ много новыхъ друзей, а особенно сблизилась съ Николаемъ Николаевичемъ Тютчевымъ (членомъ Совѣта Департамента Удѣловъ) и его женой и сволчепницей; черезъ него познакомилась она и съ поэтомъ О. П. Тютчевымъ; бывали у Анны Петровны также и П. С. Тургеневъ (1864) и П. В. Анненковъ. Жизнь Анны Петровны съ ея «Васильемъ», — какъ называла она мужа, — была-бы вполне счастлива, если-бы не постоянныя волненія за сына-талантливаго «неудачника». Любимымъ времяпрепровожденіемъ супруговъ было чтеніе — А. В. обыкновенно читалъ вслухъ, — и они прочитывали очень много; письма ихъ обоимъ къ роднымъ и дневники А. В. наполнены сужденіями и отзывами о прочитанныхъ произведеніяхъ текущей литературы и о текущихъ событіяхъ³⁾. Послѣ выхода въ отставку А. В., Марковы-Виноградскіе вели странническую жизнь, переѣзжая съ мѣста на мѣсто: жили они и у родныхъ въ Тверской губерніи (1866), и въ Ковнѣ (1868), и въ Лубнахъ (1869—1874), и въ Кіевѣ, и, наконецъ, въ Москвѣ (съ 5-го августа 1877 г.), откуда они ѣздили въ имѣніе Бакуниныхъ — знаменитое Прямухино; здѣсь Александръ Васильевичъ, послѣдніе годы часто и тяжело хворавшій, и скончался — 28-го января 1879 г. Послѣ похоронъ Анна Петровна была перевезена сыномъ въ Москву, но не надолго пережила своего мужа: она скончалась 27-го мая того же 1879 г., отъ паралича; погребена на кладбищѣ села Прутни, Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи.

Заключимъ нашъ очеркъ разсказами двухъ лицъ, знавшихъ Анну Петровну и сообщившихъ намъ о ней свои воспоминанія. Татьяна Сер-

¹⁾ Въ февралѣ этого года Аннѣ Петровнѣ суждено было быть на похоронахъ М. П. Глинки, подобно тому, какъ двадцать лѣтъ передъ этимъ она присутствовала на панихидахъ и выносѣ Пушкина...

²⁾ Сообщеніемъ свѣдѣній о службѣ А. В. Маркова-Виноградскаго по Удѣльному Вѣдомству мы обязаны любезности А. А. Сиверса.

³⁾ См. любопытный дневникъ письма А. П. къ С. П. Цвѣту (1861 г.), напечатанный В. Л. Модзалевскимъ въ «Мпцувшихъ Годахъ» 1908 г., № 10, стр. 49—69.

гбевна Львова¹⁾, двоюродная сестра ея, писала намъ: «Анна Петровна была чрезвычайно ласкова, кротка, читала много или, скорѣе, ей читали вслухъ. Мужъ ея окружалъ ее самымъ нѣжнымъ вниманіемъ, готовъ былъ на всякій трудъ, чтобы ей доставить желаемое²⁾. Видала я у нихъ ея портретъ въ молодости, но на этомъ портретѣ она была представлена довольно полной, — репринга ничего не было; по я всегда слыхала отъ тѣхъ, которые знали ее прежде, что она была очень привлекательна». Т. С. передала намъ еще одинъ разсказъ, слышанный ею отъ самой Анны Петровны: послѣдняя незадолго, можетъ быть, даже наканунѣ дуэли, встрѣтилась съ Пушкинымъ гдѣ-то на базѣ и спросила его: «Pourquoi êtes-vous si mal disposé?», на что онъ ей отвѣтилъ: «Je n'aime pas qu'on mange dans mon assiette».

Воспоминанія другого лица, артиста Им. Московскаго Малаго Театра, Осипа Андреевича Правдина, — подтверждаютъ, что «Анна Петровна до самой смерти осталась человекомъ съ «ангельской душой» и, несмотря на то, что была лѣтъ на 20 старше своего мужа, они прожили всю жизнь въ полнѣйшемъ согласіи и до гроба любили другъ друга; по они любовитны, главнымъ образомъ, тѣмъ, что разбиваютъ утвердившуюся, съ легкой руки П. И. Бартенева, легенду, правда, очень поэтическую, о томъ, будто бы «гробъ ея повстрѣчался съ памятникомъ Пушкина, который ввозили въ Москву³⁾». Въ 1878 году, разсказываетъ О. А. Правдинъ, Анна Петровна жила, съ семьей нѣкихъ Семевскихъ, «на Тверской-Ямской, по той сторонѣ, гдѣ держовъ св. Василія Кесарійскаго, у самой Тверской заставы, на углу Кузнечнаго переулка, — жила и умерла въ комнатѣ 3-го этажа. Есть люди, утверждающіе,

¹⁾ Она умерла 3-го августа 1903 г., 81 года.

²⁾ В. А. Р.—въ (Рокотовъ) въ жур. «Сѣверъ» 1892 г. (№81), напечаталъ статейку свою объ А. П. Кернь, въ которой старается представить въ непривлекательномъ свѣтѣ нѣжныя отношенія супруговъ и самое Анну Петровну—тогда уже старушку 70 лѣтъ. Какъ справедливо замѣчаетъ В. А. Тихоновъ, напечатанный эту статью въ «Историч. Вѣстн.» 1899 г., май, стр. 610—617, сужденія г. Рокотова очень поверхностны и обвиненія его незаслуженны. Въ его воспоминаніяхъ любопытенъ лишь разсказъ о прѣздѣ въ Ковно О. П. Коммиссаржевскаго и о томъ, какъ онъ однажды, узнавъ, что А. П.—та самая женщина, которой Пушкинъ посвятилъ «Я помню чудное мгновеніе», свѣлъ его съ музыкой Глинки, и какъ приняла это Анна Петровна: «Симпатичный его (Коммиссаржевскаго) голосъ, умѣные фразировать и красивая наружность подвѣствовали на старушку такъ, что она совсемъ преобразилась: она вся затряслась, щеки всыхнули неестественнымъ для ея лѣтъ румянцемъ, и даже потухшіе, безжизненные глаза заблестѣли. По окончаніи романса, она бросилась пѣвцу на шею и громко разрыдалась».—Этотъ же разсказъ, по приуроченный къ 1860 году и въ беллетристической формѣ напечатанъ г. Тихоновымъ въ Сборникѣ «Привѣтъ», изданномъ въ Пользу Васильеостр. женск. гимн., С. П. Б. 1898, стр. 68—72. Столь-же неблагожелателенъ и близорукъ и отзывъ П. А. Ефремова. Соч. Пушкина, т. VIII, стр. 301—302.

³⁾ «Русск. Арх.» 1884 г., № 6, стр. 349; Л. Майковъ, Пушкинъ, стр. 265; В. А. Тихоновъ, Ист. Вѣст. 1899 г., май, стр. 611—617.

МОГИЛА А. П. КЕРНЪ.

НА КЛАДБИЩѢ С. ПРУТНИ, НОВОТОРЖСКАГО УѢЗДА, ТВЕРСКОЙ ГУБ.

По фотографіи, принадлежащей Б. Л. Модзалевскому, воспроизводится здѣсь впервые.

что она умерла въ бѣдности,—это неправда: въ моментъ, который я описываю, Виноградскіе жили хотя и не роскошно, но ни въ чемъ не пуждались. Старушку, по возможности, холили и оберегали. Жена моя, Марія Николаевна, зная знаменитое прошлое Анны Петровны, и какую она играла роль въ жизни нашего великаго поэта, очень заинтересовалась старушкой, и въ одинъ прекрасный день ее представили ей. Анна Петровна была очень любезна и внимательна, много говорила, конечно, вспоминала и Пушкина и Дельвига...; она принимала довольно часто мою жену, бесѣдовала съ ней, довольно долго вспоминала, какъ въ Полтаву прѣзжалъ Пмп. Александръ, танцовала съ ней на балу и спросила: «Vous habitez toujours Poltava?—Non, Sir, j'habite Loubny! Ah! Comme c'est beau là-bas! Venez, donc, sir, voir Loubny». Императоръ обѣщавъ прѣхать въ Лубны. Передавая этотъ рассказъ не безъ юмора, она блаженно улыбалась, уносясь мыслями въ далекое прошлое... Я совершенно отчетливо вспоминаю теперь то впечатлѣніе, которое охватило меня, когда я увидѣлъ ее въ первый разъ. Конечно, я не ожидаю встрѣтитъ тотъ образъ красавицы Кернъ, къ которой нашъ великій поэтъ обращалъ слова «Я помню чудное мгновеніе», но, признаюсь, надѣлся увидѣть хотя тѣнь прошлой красоты, хотя намекъ на то, что было когда-то... И что-же? Передо мной въ полутемной комнатѣ, въ старомъ вольтеровскомъ креслѣ, повернутомъ спинкой къ окну, сидѣла маленькая-маленькая, сморщенная, какъ печеное яблочко, древняя старушка въ черной

кодавейкѣ, бѣломъ гофренномъ чепдѣ, съ маленькимъ личикомъ, и развѣ только пара большихъ, нѣсколько моложавыхъ для своихъ 80-ти лѣтъ, глазъ, темного напоминали о быломъ, давно прошедшемъ¹⁾. Я былъ настолько удрученъ тѣмъ, что увидѣлъ, что, когда меня представили, не нашелся даже о чемъ заговорить, ограничился двумя-тремя фразами о ея здоровьѣ, простился и ушелъ... Передо мной сидѣлъ точно не живой человекъ, и прощаніе мое было скорѣе съ существомъ, принадлежавшимъ уже другому міру... Теперь скажу о той легендѣ, которая ходила и ходитъ по Москвѣ и даже попала въ Энциклопедическій Словарь Брокгауза, а затѣмъ уже выросла до гиперболическихъ размѣровъ. На моихъ же глазахъ былъ всего только простой случай, который и далъ поводъ къ дальнѣйшимъ преувеличеніямъ. Дѣло было такъ: года за два²⁾ до смерти Анна Петровна сильно захворала, такъ что за ней усилили уходъ и оберегали отъ всего что могло бы ее встревожить. Это было, кажется въ маѣ. Былъ очень жаркій день, всѣ окна были настежь. Я шелъ къ Виноградскимъ. Дойдя до ихъ дома, я былъ пораженъ необычайно-шумливой толпой, собравшейся на Тверской-Ямской, какъ разъ передъ окнами дома, въ которомъ жили Виноградскіе; толпа кричала, ругалась, гнала. Бѣсно

¹⁾ Ср. портретъ А. П. въ «Альбомѣ Пушкинской Юбилейной выставки въ Академіи Наукъ», СПб. 1839. Воспроизведенъ выше.

²⁾ Полагаю, что меньше. В. М.

валась, но ничто не помогало; 16 крѣпкихъ битюговъ, запряженныхъ по четыре въ рядъ, дугомъ, везли какую-то колесную платформу, на которой была помѣщена громадная, необычайной величины, гранитная глыба, которая застряла и не двигалась. Эта глыба была гранитный пьедесталъ памятника Пушкина. Наконецъ, среди шума и гама, удалось таки сдвинуть колесницу,—и она направилась къ Страстному. Я поднялся къ Виноградскимъ. Оказалось, что скандалъ на улицѣ начался часовъ въ 9—10 утра, всѣ жильцы всполошились, предполагая, что въ домѣ пожаръ. Большая также встревожилась, стала спрашивать, и когда, послѣ настоящихъ ея требованій (ее боялись взволновать), ей сказали, въ чемъ дѣло, «она успокоилась, облегченно вздохнула и сказала съ блаженной улыбкой: «А наконецъ-то! Ну, слава Богу, давно пора!..» До самой смерти Анна Петровна интересовалась ходомъ постройки и охотно слушала все, что ей объ этомъ рассказывали».

Смерть Анны Петровны прошла незамѣченной, и только черезъ годъ, по случаю торжествъ, сопровождавшихъ открытіе памятника Пушкина въ Москвѣ, о ней вспомнили, и періодическія изданія помѣстили ей краткіе некрологи ¹⁾; статья г. К. Б. въ «Педѣлѣ» («Вдохновительница Пушкина») содержитъ въ себѣ свѣдѣнія, показывающія что авторъ близко былъ знакомъ съ Марковыми-Виноградскими. Заканчивая статью свою и говоря о переѣздѣ Анны Петровны съ мужемъ въ Лубны, г. К. Б. пишетъ, что «въ жизни этого

городка Марковы-Виноградскіе представляли рѣдкое явленіе: они жили меньше для себя, чѣмъ для другихъ: людское горе, несчастье у нихъ могли встрѣтить сочувствіе и посильную помощь, учили грамотѣ дѣвочекъ, дочерей бѣдныхъ родителей; по ихъ инициативѣ въ Лубнахъ устроено ссудосберегательное товарищество, Лубенская Публичная Библіотека имѣла ихъ чуть не единственными абонентами; все свѣжее, честное, появившееся въ литературѣ, встрѣчало съ ихъ стороны теплый привѣтъ и искреннее сочувствіе. Всесторонне образованная, чуть не наизусть знавшая всѣхъ европейскихъ классиковъ, Анна Петровна до послѣднихъ дней жила мыслящей, живой жизнью. «И потому не отстала отъ жизни, говорила она, что родилась вмѣстѣ съ вѣкомъ». Князь П. П. Голицынъ, говоря, что въ послѣдніе годы жизни Анна Петровна испытывала иногда нужду, которая заставляла ее продавать даже автографы Пушкина, Дельвига и др. ¹⁾, такъ заключаетъ написанный имъ некрологъ: «Теперь уже смолкли печаль и слезы, и любящее сердце перестало уже страдать. Помянемъ покойную сердечнымъ словомъ, какъ вдохновляющую генія—поэта, какъ давшую ему столько «чудныхъ мгновений». Она много любила, и лучшіе наши таланты были у ногъ ея. Сохранимъ же этому «генію чистой красоты» благодарную память за предѣлами его земной жизни».

Б. Модзалевскій.

¹⁾ «Русскій Курьеръ» 1880 г., 17-го іюля, № 192; «Берегъ», 20-го іюля, № 117; «Варшавскій Дневникъ» 25-го іюля, № 159 (статья князя Н. Н. Голицына, бывшего въ перепискѣ съ Анной Петровной); «Педѣла», № 34, ст. 1089—1091 (статья К. Б.).

¹⁾ Письма Пушкина были, въ 1870 г., приобретены у Анны Петровны М. П. Семевскимъ по 5 р. за каждое. Альбомъ А. П. приобретенъ былъ, черезъ П. А. Ефремова, П. Я. Дашковымъ, равно какъ и письма къ ней П. О. и Л. С. Пушкиныхъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1826 ГОДА.

475. СЪ ТОБОЙ МНѢ ВНОВЬ СЧИТАТЬСЯ
ДОВЕЛОСЬ...

(т. II, стр. 403).

Этими стихами начинается письмо Пушкина къ П. Е. Великопольскому, отъ 3 іюня 1826 г., изъ Преображенскаго, впервые напечатанное въ «Русс. Архивѣ» 1884 г., I, 468, и перепечатанное въ сборникѣ «Къ біографіи А. С. Пушкина», вып. II, М., 1885, стр. 136—137; подлинникъ находится у П. П. Бартецева. За послѣднимъ стихомъ: «Сейчасъ, мой другъ, узнаешь почему»... слѣдуетъ «прозаическое» объясненіе: «сдѣлайте одолженіе, пятьсотъ рублей, которые вы мнѣ должны, возвратите не мнѣ, но Гавріилу Петровичу Назимову, чѣмъ очень обяжете преданнаго вамъ душевно Александра Пушкина».

Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій род. 27 декабря 1797 г. въ старинной и богатой дворянской семьѣ, недолго учился въ казанскомъ университетѣ и, пройдя «положенный студентскому ученію курсъ», поступилъ въ 1815 г. прапорщикомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ. Страсть къ писательству, проявившаяся еще въ дѣтствѣ, сблизила Великопольскаго съ литературными кругами; съ 1818 г. онъ сталъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ. Весьма возможно, что къ этому времени относится и знакомство его съ Пушкинымъ, который, замѣтимъ кстати, тоже числился членомъ этого общества (см. «Русс. Стар.» 1899 г., май, 472). Великопольскій не былъ талантливымъ человекомъ, но и бездарностью назвать его нельзя; въ молодости онъ съ особеннымъ увлеченіемъ писалъ стихи, и ему легко давались всевозможные роды и формы—элегія, посланія, альбомныя посвященія, мадригалы, триолеты, bouts-rimés, «русскія» пѣсни, басни, эпиграфы, шарady, загадки. Онъ былъ въ дружбѣ съ П. П. Пущинымъ и Дельвигомъ—лучшими друзьями Пушкина, которымъ писалъ посланія; бранилъ въ эпиграммахъ Булгарина. Въ числѣ его стихотвореній есть довольно слабое подражаніе пушкинскому «Демону» («Къ грусти» или «Мой демонъ»). Возмущеніе Семеновскаго полка въ 1820 г., вызвавшее раскассировку семеновцевъ, отозвалось и на Великопольскомъ, который былъ переведенъ, однако, съ обычнымъ при переводѣ изъ гвардіи въ армію повышеніемъ, штабсъ-капитаномъ въ армейскую пѣхоту и до выхода въ отставку, въ 1827 г., прослужилъ сначала въ Старонгерманландскомъ пѣхотномъ полку, стоявшемъ въ Псковѣ и его окрестностяхъ, а потомъ въ Псковскомъ пѣхотномъ полку; однако, связей съ журналистикой онъ не порвалъ и печаталъ свои стихи въ «Благонамѣренномъ», «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», «Казендарѣ Музъ». Здѣсь, въ Псковской губерніи, онъ встрѣтился съ Пушкинымъ; быть можетъ, онъ даже

заѣзжалъ въ Михайловское; у него самого было родовое имѣніе въ Псковской губерніи. Вѣроятно, они встрѣтились въ Псковѣ, куда Пушкинъ пріѣзжалъ въ концѣ сентября 1825 г. Первый слѣдъ ихъ отношеній—письмо къ нему Пушкина 10 марта 1826 г. «Не знаю,—писалъ Пушкинъ,—соберусь ли я слова къ вамъ во Псковъ; вы не совершенно отнимаете у меня надежду васъ увидѣть въ моей глуши»... Въ концѣ мая Пушкинъ опять пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Псковъ и здѣсь-то, надо думать, и выигралъ въ штосъ у Великопольскаго 500 руб., которые остались за проигравшимъ въ долгу. Но черезъ нѣсколько дней фортуна повернулась къ Пушкину спиною, и при встрѣчѣ съ Г. П. Назимовымъ на станціи Преображенское онъ, въ свою очередь, проигрался, и ему пришлось вмѣсто названныхъ денегъ дать своему счастливому партнеру приведенное письмо на имя Великопольскаго. Стихъ: «Съ тобою мнѣ вновь считаться довелось»... указываетъ, что пріятель сходился на зеленомъ полѣ уже не въ первый разъ. Напоминаніе ли о денежномъ долгѣ зашло Великопольскаго, обидѣлся ли онъ отзывомъ Пушкина о его дарованіи, который могъ показаться ему пренебрежительнымъ («играешь ты, на лирѣ очень мило»), вскипѣло ли самолюбіе игрока, или и то, и другое, и третье вмѣстѣ, но онъ, получивъ это письмо, переданное, должно быть, самимъ Назимовымъ, немедленно (12 іюня) написалъ «Посланіе къ А. С. Пушкину» (впослѣдствіи, въ печати онъ озаглавилъ его: «Посланіе въ отвѣтъ на полученную записку въ стихахъ»):

Въ умахъ людей, какъ прежде, царствуй,
Храни священный огонь души,
Какъ можно менѣ мытарствуй,
Какъ можно болѣ пиши,
А за посланье—благодарствуй!
Не правъ ли я, пріятель мой,
Не говорилъ-ли я заранѣ:
Не слобовать тебѣ съ игрой,
И есть дыра въ твоємъ карманѣ!
Поэтъ! Ты честь родной странѣ,
Но,—смѣлый всадникъ на Пегасѣ,—
Ты такъ же пылокъ на сукнѣ,
Какъ ты запосчивъ на Парнасѣ!
Конечно (къ слову то нейдетъ),
Съ тобою тамъ никто не равенъ:
Ты тамъ могучъ, великъ и славенъ,
Передъ тобою все падетъ,
Тебя привѣтствуетъ и пѣхоть,—
Но, другъ, въ игрѣ не тотъ расчетъ:
Иной пяти не перечтеть,
А вмигъ писателя подрѣжетъ...
Въ стихахъ ты—только, что не святъ,
Но счастье—живая монета.
И когти длинные поэта
Отъ бѣды игры не защитятъ!
Надменно плавая по небу,

Во многомъ ты подобенъ Фебу,
Но я боюсь, чтобъ и во всемъ
Ты не пошелъ его путемъ:
Нѣтъ у тебя ни въ чемъ завѣта,
И берегись, чтобъ и тебѣ,
Подобно горестной судьбѣ
Вождя блистательнаго свѣта
(Слова не сбудутся, авось!),
Подъ-часъ сойти бы не пришлось
Къ стадамъ блуждающимъ Адмета!

Вмѣсто «А вмнѣ писателя подрѣжетъ»... первоначально было сказано: «А вмнѣ и Пушкина»... «Когти длинные» — намекъ на пзвѣстную привычку Пушкина щеголять длинными ногтями. Къ 1826 же году относится (1 сентября) злобная эпиграмма, озаглавленная «Аристъ-поэтъ» и, несомѣнно, направленная противъ Пушкина:

Аристъ — негодный человѣкъ,
Не связанъ ни родствомъ, ни дружбой:
Отцомъ покинуть, брошенъ службой,
Провелъ безъ совѣсти свой вѣкъ;
Его исправить трудъ напрасенъ,
Зато кричить о немъ весь свѣтъ:
Вотъ онъ-то истинный поэтъ,
И каждый стихъ его прекрасенъ,
И точно: вѣрь или не вѣрь, —
Не правда ли (сказать межъ нами)?
На всю поэзію теперь
Другими взглянемъ мы глазами!

Вариантъ перваго стиха — «Митаринъ скверный человѣкъ»... сближается съ стихомъ предыдущей эпиграммы — «Какъ можно менѣе митарствовать»... Очевидно, «митарствомъ» Великопольскій называлъ требованіе карточного долга.

Пушкинъ по обыкновенію не остался въ долгу и черезъ два года нашелъ случай отплатить Великопольскому на его злобную эпиграмму посланіемъ: «Такъ элегическую лиру»... (см. ниже, № 524). Посланіе Пушкина вызвало новый отвѣтъ Великопольскаго и столкновение между ними (подробности см. въ примѣчаніяхъ къ № 524); но, по-видимому, эта ссора длилась недолго; въ 1828—1829 гг. Великопольскій читалъ одну свою полемическую статью Пушкину, который, прослушавъ ее, посоветовалъ «непремѣнно напечатать». Весьма вѣроятно, что эпиграмма «Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Гораций»... (см. ниже, № 582) написана Пушкинымъ на Великопольскаго. Въ посланіи П. П. (при посылкѣ ей Невскаго Альманаха) Пушкинъ насмѣшливо упомянулъ и Великопольскаго: «Вы тутъ найдете Полевова, Великопольскаго, Хвостова»... («Невск. Альман.» на 1826 г.). Впоследствии Великопольскій, говорятъ, не любилъ вспоминать о Пушкинѣ.

Безтактныя выходки Великопольскаго противъ Пушкина находятъ себѣ объясненіе и нѣкоторое оправданіе въ увлеченномъ самолюбіи неудачнаго игрока и посредственнаго стихотворца. Но общій обликъ Великопольскаго былъ чрезвычайно симпатиченъ. Это былъ человѣкъ идеально честный, безконечно добрый и широкая душа. По поводу праздниковъ, которые онъ задавалъ, Константинъ Аксаковъ, видѣвшій во всемъ «національную субстанцію», восклицалъ: «Не выражается ли въ этомъ широкая, размашистая славянская натура»... Не въ однихъ кутежахъ, балахъ и карточной игрѣ сказывался, однако, этотъ размахъ, но въ щедрой благотворительности и въ готовности вся-

кому услужить и помочь. Такъ, узнавъ однажды, что Бѣлинскій нуждается, Великопольскій самъ предложилъ ему денегъ. Въ другой разъ, когда Гоголи стали тѣснить долги, и его друзья собирали для него деньги, Великопольскій далъ тысячу рублей. То онъ давалъ для неизвѣстнаго ему Шафарика нѣсколько сотъ рублей, то хлопоталъ, чтобы выручить изъ крѣпостной зависимости поэта-крестьянина Сѣвиушкина (объ этомъ упоминается въ письмѣ Пушкина къ Великопольскому 10 марта 1826 г.). Когда цензоръ, пропустившій его драму, которую министръ призналъ затѣмъ «безирравственной», за это былъ удаленъ отъ службы, Великопольскій поспѣшилъ предложить ему три тысячи. Благотворилъ онъ не только отъ избытка, но и тогда, когда его средства были вовсе не блестящи, и его сердце никогда не справлялось съ кошелькомъ. Дѣтски-непрактичный, хотя настойчивый и упорный, онъ имѣлъ слабость считать себя великимъ практикомъ и пустился въ разныя предпріянія, которымъ бюрократическая опека, обывательская косность и тому подобныя обстоятельства русской дѣйствительности поставили непреодолимые препятствія. Великопольскій общипалъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти бывшій богатъ обратился къ публикѣ съ трогательнымъ воззваніемъ, напоминающимъ знаменитое газетное объявленіе Макса Штирнера («Я поставленъ въ необходимость принять взаймы 600 талеровъ»...). Великопольскій просилъ у читателей поддержки своему погибающему крупному промышленному предпріятію, на которое потратилъ много денегъ и трудовъ, не скрывая своей горькой нужды, грозившей «позоромъ и крайними лишеніями, а при душевномъ состояніи жены, долженствующей быть изгнанной изъ единственнаго своего убѣжища, еще и болѣе ужасными послѣдствіями»; предлагалъ, для придачи просьбѣ «сколько возможно благовидности и для отстраненія отъ нея характера унижающаго», подписаться «поспѣшно» на двѣ его брошюры: «Чудо Церуна» и «27 басенъ и сказокъ», по полтора рубля за каждую!...

П. Е. Великопольскому и его литературной дѣятельности посвящена монографія В. Л. Модзалевскаго «П. Е. Великопольскій», (1797—1868) — сборн. «Памяти А. П. Майкова», Спб., 1902, стр. 335—446 и отд. отт.; «Изъ архива П. Е. Великопольскаго» — «Русск. Стар.» 1901 г. и отд. отт.; «Пушкинъ и Великопольскій» въ «Русск. Арх.» 1884 г. и сборн. «Къ біографіи А. С. Пушкина», вып. II, М., 1885, стр. 131—137; Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, изд. Венгеровъ, VI, 158—159, 375—379.

Изъ отдѣльно изданныхъ произведеній Великопольскаго извѣстны «Къ Эрасту» (Сатира на игроковъ) М., 1828; «Сюрпризъ, опера-интермедія-водевиль въ стихахъ», М., 1830; «Московскія минеральныя воды», повѣсть въ стихахъ, М., 1831; «Владиміръ Влонской», трагедія, М., 1837; «Любовь и честь», драма, Спб., 1841; «Истерской», трагедія, Спб., 1841; «Память Бородинской битвы, сельская картина 1839 года», Спб., 1848; «Опытъ оправданія пьесы Память Бородинской битвы», Спб., 1848; «Русское чувство, драматическая фантазія», Спб., 1854; «Раскрытый портфель: выдержки изъ «спитыхъ тетрадей» автора, не желающаго объявлять своего имени. Первый отдѣльный выпускъ. Изданіе «Любителя», Спб., 1859; «Мечта и дѣйствительность, фантастическая драма въ 5 дѣйствіяхъ», Спб., 1865.

476. ВОТЪ, ЗИНА, ВАМЪ СОВѢТЪ...

(т. II, стр. 403).

Пьеса сохранилась в копии, списанной П. А. Осиповой, в ее альбом, ныне принадлежащий книжке А. А. Хованской, где подписана: «А. Пушкинъ» и снабжена пометкой: «4-го июля 1826». Впервые напечатал ее П. В. Анненков в VII. дополнительно, том своего издания сочинений Пушкина, стр. 92, с пометкой не только хронологической, но и местной: «Зуёво», и с примечанием: «стихотворение, сообщенное намъ А. Н. Вульфомъ, относится къ одной изъ молодыхъ обитательницъ Тригорскаго, прозванной «Зиною» и отличавшейся тѣмъ, что она ненавидѣла мадригальные стихи и весьма мало отвѣчала на любезности своихъ собесѣдниковъ. Подпись стихотворения важна тѣмъ, что впервые является тутъ народное прозвание Михайловскаго—Зуёво, бывшее доселѣ неизвѣстнымъ биографамъ Пушкина». Такъ называть его не только самъ Пушкинъ, но, между прочимъ, и шуринъ Пушкина П. П. Павлищевъ (см. письмо его къ Пушкину, 11 июля 1836 г.) и мать поэта (Л. Павлищевъ, «Воспоминания объ А. С. Пушкинѣ», стр. 123).

«Зина»—Евпраксія Вульфъ; домашніе переѣзды ее имя на французскій ладъ въ *Euphrasie*, откуда получились уменьшительныя имена—Зина и Зизи. Евпраксія Николаевна Вульфъ родилась 12 октября 1809 г. отъ перваго брака Праксовны Александровны Вындомской (по второму мужу—Осиповой) съ Никол. Иван. Вульфомъ; ей приходились роднымъ братомъ и сестрой Алексѣй Николаевичъ (о немъ см. выше, прим. къ № 387) и Анна Николаевна Вульфъ (о ней см. выше, № 133). Извѣстно, какъ любилъ Пушкинъ семью Осиповыхъ и Вульфъ, какими теплыми и прѣжными строфами въ «Онѣгнинѣ» (см. выше, стр. 324—325) онъ отплатилъ имъ за ихъ дружбу, давшую столько отрады ссыльному поэту, запертому на два года въ «забытой глуши». Евпраксія Николаевна была однимъ изъ младшихъ членовъ этой семьи; Пушкинъ засталъ ее въ Михайловскомъ пятнадцатилѣтней барышней-подросткомъ. Поэтъ довольно легкомысленно ухаживалъ тогда за ее старшей сестрой Анной, относившейся къ нему, судя по ее письмамъ, гораздо серьезнѣе, чѣмъ онъ къ ней, но не оставлялъ безъ вниманія и младшую сестру. «Съ живописной площадки одного изъ горныхъ выступовъ, на которомъ расположено было Тригорское, — рассказываетъ Анненковъ («П—нъ въ Александровскую эпоху», 279—281),—много глазъ устремлялось на дорогу въ Михайловское, видную съ этого пункта, и много сердецъ билось трепетно, когда по ней, оглябая извивы Сороти, показывался Пушкинъ или бѣнокъ, въ шляпѣ съ большими полями и съ толстой палкой въ рукѣ, или верхомъ... Анна и Евпраксія Вульфъ составляли два противоположные типа, отраженіе которыхъ въ Татьянѣ и Ольгѣ «Онѣгина» не подлежитъ сомнѣнію, хотя послѣднія уже не носятъ на себѣ, по дѣйствию творческой силы, ни малѣйшаго признака портретовъ съ натуры, а возведены въ общіе типы русскихъ женщинъ той эпохи. По отношенію къ Пушкину Анна Николаевна представляла, какъ и Татьяна по отношенію къ Онѣгину, полное самоотверженіе и привязанность, которыя ни отъ чего устать и ослабѣть не могли, между тѣмъ, какъ сестра ея, воздушная Евпраксія, какъ отзывался о ней самъ поэтъ, представляла другой

типъ. Она пользовалась жизнью очень просто, повидимому, ничего не искала въ ней, кромѣ минутныхъ удовольствій, и постоянно отворачивалась отъ романтическихъ ухаживаній за собою и комплиментовъ, словно ждала чего-либо болѣе серьезнаго и дѣльнаго отъ судьбы. Многіе называли кокетствомъ всѣ эти пріемы, но кокетство или цѣль—манера, во всякомъ случаѣ, была замѣчательно умнаго свойства. Евпраксія Николаевна была душой веселаго общества, собиравшагося по временамъ въ Тригорскомъ; она играла передъ нимъ аріи России, мастерски варила жженку и являлась первая во всѣхъ предпріятіяхъ по части удовольствій... Вышло то, что обыкновенно выходитъ въ такихъ случаяхъ... равнодушію оставалась лучшая доля постоянного вниманія, неизмѣнной ласки, тонкаго и лѣстливаго ухаживанья. Одно время полагаютъ, что Пушкинъ неравнодушенъ къ Евпраксіи Николаевнѣ. Когда въ годъ женитьбы поэта его молодая жена въ письмѣ къ Аннѣ Николаевнѣ намекивала на былые отношенія Пушкина къ ее младшей сестрѣ, Анна Николаевна съ чрезвычайной деликатностью и тонкостью отклонила вопросъ и успокоила самолюбивую красавицу, ревновавшую мужа къ его прошлому (Анненковъ, *ор. с.*, 280—281). Внесенный Пушкинымъ въ Альбомъ Ушаковыхъ «Донжуанскій списокъ» рядомъ со многими другими женскими именами хранитъ и имя Евпраксіи.

Отношенія поэта къ Зинѣ, которая была десятию годами моложе его, сразу приняли дружескій характеръ, и поэтъ слегка подтрунивалъ надъ подросткомъ, которому хотѣлось казаться взрослымъ человекомъ. Брату, «пустельгѣ Левушкѣ», онъ писалъ въ ноябрѣ 1824 г., вскорѣ по возвращеніи въ Михайловское: «Евпраксія уморительно смѣшна; я предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма». Недѣлями тремя раньше онъ писалъ ему, что «на дняхъ мѣрзая полсомъ съ Евпраксіей, и такіе наши наизлишъ одинаковы. Слѣдственно, изъ двухъ одно: или я имѣю такую 15-лѣтнюю дѣвушку, или она—такую 25-лѣтнюю мужчину. Евпраксія дуется и очень мила... Этой талии Пушкинъ сдѣлалъ комплиментъ въ «Онѣгнинѣ» (гл. 5, строфа XXXII, гдѣ, описывая имѣнинскій ужинъ у Лариныхъ, упомянулъ «строй рямокъ, узкихъ, длинныхъ, подобныхъ талии твоей, Зизи, кристаллъ души моей, предметъ стиховъ моихъ певинныхъ, любви примащивый фіалъ, ты, отъ кого я цѣлать бываю... Стихи, которые ей Пушкинъ писалъ, въ любовномъ смыслѣ были дѣйствительно вполне невинны: «Если жизнь тебя обманетъ...» (см. выше, № 438) и разсматриваемая пьеска, написанная, вѣроятно, по случаю уничтоженія избалованной молоденькой побѣдительницей сердецъ какого-нибудь мадригала. Языковъ называлъ ее за умѣнье варить жженку—«наша Геба» (см. выше, примѣч. къ № 389) и впоследствии, въ 1845 г., вспомнилъ («Къ баронессѣ Е. Н. В.»—«Русс. Бесѣда» 1859 г., V, издѣи. словесн., стр. 3—4, и «П—нъ и его соврем.», I, 120—122; см. также «П. и его соврем.», VI, 43—44), какъ Евпраксія Николаевна въ Тригорскомъ, бывало, угощала «двоихъ пѣвцовъ,—и былъ одинъ изъ нихъ самъ Пушкинъ (въ опы днѣ опальный пѣвецъ свободы), а другой... Другой былъ я... Какъ хорошо тогда мы жили! Какой огонь намъ въ душу лили стаканы жженки ромовой! Ес вы сами сочиняли: сладка была она, хмельна; ес вы сами разливали,—и го-

риво шлась она! Славаны быстро подымались къ веселымъ юнойей устамъ и звонко, звонко дѣлавались, сто разъ звеня привѣты мамѣ... 24 января 1828 г. въ письмѣ къ ея матери Пушкинъ спрашивалъ: «какъ поправилось м-ле Евпраксин ея пребываніе въ Торжкѣ и много ли одержала она тамъ побѣдъ». Въ слѣдующемъ письмѣ къ П. А. Осиповой, въ мартѣ, Пушкинъ благодарилъ Евпраксию «за лаконическій отвѣтъ, который она удостоила дать на мой вопросъ» (вѣроятно, о сердечныхъ побѣдахъ въ Торжкѣ), и при этомъ послалъ ей экземпляръ IV и V главъ «Онѣгина» съ надписью: «Евпраксин Николаевнѣ Вульфъ отъ автора: Твой отъ твоихъ» (М. Н. Семеновскій, «Къ біографіи Пушкина»—«Русск. Вѣстн. 1869 г., т. 84, № 11, стр. 71). «Твой отъ твоихъ», вѣроятно, намекало на связь личности Евпраксин Николаевны съ образомъ Ольги Лариной; «любезныя мои сестрицы суть образы его деревенскихъ барышень»,—говоритъ объ «Онѣгинѣ» ея братъ А. Н. Вульфъ въ своемъ дневникѣ (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», стр. 199); см. также «Пушкинъ и его современники», I, 13, примѣч. Въ слѣдующемъ году (16 октября 1829 г.) Пушкинъ писалъ А. Н. Вульфъ изъ Малинниковъ, что «Евпраксія Николаевна отправилась въ Старицу посмотрѣть новыхъ улановъ... 8 июля 1831 г. Евпраксія Николаевна вышла замужъ за барона Бор. Александр. Вревскаго (1805—1888 гг.), владѣльца сельца Голубова, вблизи Тригорскаго и Михайловскаго. Узнавъ объ ея помолвкѣ, Пушкинъ писалъ ея матери (29 июня 1831 г.): «желаю м-ле Евпраксин всякаго счастья, какое доступно намъ на землѣ, и котораго исполнѣ достойно такое благородное, такое милое существо». Черезъ четыре года Пушкинъ, заѣхавъ въ Михайловское, побывалъ у Вревскихъ и писалъ женѣ (21 сентября 1835 г.): «Вревская очень добрая и милая бабенка, но толста, какъ Меодій, нанимъ исковскій архіерей». Понавъ опять въ исковскіе края въ слѣдующемъ году, Пушкинъ послалъ Языкову (14 апрѣля 1836 г.) «поклонъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ свней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти, отъ Евпраксин Николаевны, пѣвкогда полудоздунной дѣвы, пылѣ—дебелой жены, въ пятый разъ уже брюхатой»... Со всей семьей Пушкинѣхъ Вревскіе были всегда въ добрыхъ отношеніяхъ и въ перепискѣ; особенно дружна была Евпраксія Николаевна съ сестрой Пушкина (Л. Н. Павлищевъ, «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», М., 1890, стр. 72, 301, 341, 420). Незадолго до кончины Пушкинъ часто навѣщалъ Вревскую, бывшую тогда въ Петербургѣ, и разговаривалъ съ нею о Михайловскомъ, куда хотѣлъ переехать на вѣто съ семьей («П. и его современники», VIII, 54); одно время онъ даже собирался купить близъ Тригорскаго имѣніе Савкины и прочно основаться въ немъ (Н. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», стр. 141, 142, 145, 146, 153). Пакаунѣ дуэли съ Дантесомъ Пушкинъ обѣдалъ вмѣстѣ съ Вревской у брата ея мужа, барона М. Н. Сердобина. Смерть Пушкина болѣзненно поразила ее, и долго не могла она собраться съ духомъ, чтобы написать отцу поэта о послѣднихъ дняхъ его сына («П. и его соврем.» VIII, 65, 72); Сергій Львовичъ подарилъ ей подлинникъ знаменитаго письма къ нему Жуковскаго о смерти поэта («Русск. Вѣстн. 1869, № 11, стр. 98—99). Евпраксія Николаевна на много лѣтъ пережила

своего друга; умерла она 22 марта 1883 г. и погребена въ погостѣ Вревѣ, въ одной верстѣ отъ Голубова, недалеко отъ монастыря, гдѣ похороненъ прахъ Пушкина.

О. Е. Н. Вульфъ см. также статьи М. Н. Семенова «Прогулка въ Тригорское» въ «С.-Петерб. Вѣдом.» 1866 г. (№№ 139, 146, 157, 163, 168, 175); Б. Л. Модзалевскаго «Поѣздка въ Тригорское»—«Пушкинъ и его современники», вып. I; П. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Сиб., 1903.

477. ТАКЪ МОРЕ, ДРЕВНІЙ ДУШЕГУБЕЦЪ... (т. II, стр. 404).

Этими стихами начинается письмо Пушкина къ князю П. А. Вяземскому, изъ Михайловскаго, 14 августа 1826 г., напечатанное впервые въ «Русск. Арх.» 1874 г., I, 431, и затѣмъ вошедшее въ первое собраніе писемъ Пушкина, составляющее VII томъ второго «фремовскаго» изданія сочиненій Пушкина, 1882 г., стр. 44—45; подлинникъ находится у гр. С. Д. Шереметева, «Правда ли,—спрашивалъ далѣе Пушкинъ,—что Николай (Тургеневъ) привезли на кораблѣ въ П. Б.? Вотъ каково море наше хвалебное! Еще таки я все надѣюсь на коропадію. Повѣщенные повѣшены, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна». При письмѣ 31 июля Вяземскій прислалъ Пушкину, своему «барину на Парнасѣ», «смиренный оброкъ»—стихотвореніе «Море». На эту присылку Пушкинъ и отвѣтилъ ему словами: «Не славъ его... Вотъ каково море наше хвалебное!» Далѣе Пушкинъ вспомнилъ и свои стихи «Къ морю» (см. выше, № 385), въ которыхъ онъ славилъ море, какъ свободную стихію; теперь онъ совѣтывалъ другу не славить сѣлаго Нептуна, вступившаго въ союзъ съ землею противъ свободы. Слухъ о выдачѣ иностранными властями русскимъ Н. П. Тургенева оказался ложнымъ; Тургеневъ, отказавшійся явиться въ Россію на судъ по дѣлу о тайномъ обществѣ, остался навсегда за границей эмигрантомъ или, по выраженію русскихъ офиціальныхъ сферъ, «посужденнымъ государственнымъ преступникомъ». За нѣсколько дней до смерти Пушкина, 21 января 1837 г., А. П. Тургеневъ писалъ Н. П. Тургеневу: «когда-то кн. Вяземскій написалъ стихи къ морю; вскорѣ послѣ того прошелъ слухъ, что тебя схватили въ Англіи; вотъ что Пушкинъ написалъ тогда къ морю»... («Пушкинъ и его современники», VI, 47). 30-го января, когда Пушкина уже не было въ живыхъ, А. П. Тургеневъ писалъ своему родственнику П. С. Аржевитнову: «за нѣсколько дней, 16 января, прочелъ онъ (Пушкинъ) мнѣ наизусть много стиховъ, копѣя я не зналъ, ибо они не были напечатаны. Одни болѣе другихъ мнѣ поправились и тѣмъ уже, что написаны давно по случаю распространеннаго слуха, что будто братъ П. выданъ англичанамъ; стихи адресованы къ другому поэту, который написалъ стихи Къ морю и славилъ его. Пушкинъ говоритъ поэту»... и т. д. («Русск. Арх.» 1903 г., I, 144).

Объ отношеніяхъ Пушкина къ участникамъ несчастнаго декабрьскаго дѣла см. ст. А. Л. Слонимскаго «Пушкинъ и декабрьское движеніе», во II т. настоящаго изданія, и ниже, примѣч. къ №№ 490, 501, 506.

Н. Лернеръ.

Рисунки третьего тома.

I.

Гравюры-мезотипы. Фотографии и хромо-
литографии.

	стр.
21. Полтавская битва. Картина А. Е. Коцебу	32
22. Дочь-Гуань и Донна-Анна. Картина Н. Е. Рьпина. Собственность Д. П. Пловайского (Абазовка, близъ Полтавы). Воспроизводится впервые по фотографии Хмблевского изъ Полтавы	157
23. Три дѣвцы подъ окномъ. Рисунокъ Виктора Васнецова	188
24. Пушкинъ. Портретъ кисти Кипренскаго, 1827 года	223
25. Евгений Онегинъ. Композиція Иларемана	273
26. Дуэль Ленекаго съ Онегинымъ. Акварель Н. Е. Рьпина	293
27. Пушкинъ и его друзья слушаютъ декламацию Мицкевича въ салонѣ кн. Зинаиды Волконской. Картина Г. Г. Мясоедова (сзади декламирующаго Мицкевича кн. П. А. Вяземскій; у правой руки его Хомяковъ, рядомъ съ которымъ кн. Волконская; за Пушкинымъ Погодинъ; за круглымъ маленькимъ столикомъ Веневитиновъ; прислонившись къ колоннѣ стоитъ Чаадаевъ)	352
28. Русалки. Картина Константина Маковского	370

II.

Автографии на отдельныхъ листахъ.

21. Разные портреты Мазепы. Изъ музея Тарновскаго въ Черниговѣ	24
22. Матреша Кочубей. Историческій этюдъ Н. Е. Рьпина	38

стр.

23. Лаура поетъ. Картина К. Степанова	151
24. Софья Θεодоровна Панина, урожденная Пушкина. Съ акварели, принадлежащей Пушкинскому дому	184
25. Онегинъ пишетъ письмо Татьянѣ. Незаданный рисунокъ Д. Н. Кардовскаго	310
26. Онегинъ и Татьяна-книжница. Съ акварели Павла Соколова	314
27. Пушкинъ въ 1827 году. Портретъ В. А. Тропинина	340
28. Александра Осиповна Россетъ-Смирнова. Литография Wernera, съ портрета проф. Remu	374
29. Вожди сербскаго востанія	393
30. Анна Алексѣевна Оленина, въ замужествѣ Андрю. Незаданный портретъ, теперь принадлежащій ея дочери, А. Ф. Войдо	425
31. Гравюра Уткина съ портрета Кипренскаго	585

III.

Рисунки и автографы въ текстѣ.

310. Одна изъ триумфальныхъ арокъ въ честь Полтавской побѣды. Съ гравюры 18 вѣка (при ильменской брошюрѣ—Mars Moscoviticus. MDCCX.)	1
311. Мазепа. Музей Тарновскаго въ Черниговѣ	9
312. Памятникъ въ честь Полтавской побѣды. Воздвигнутъ въ Полтавѣ въ 1809 г.	17
313. «Полтава», поэма Александра Пушкина. Заглавный листъ, изд. 1829 г.	29
314. Одна изъ медалей въ честь Полтавскаго боя. Съ экземпляра изъ коллекціи гр. Н. Н. Толстого	30

	СТР.		СТР.
513. Василий Леонтьевич Кочубей. Современный портретъ, нѣмѣ принадлежащій кн. В. С. Кочубею. По оригиналу воспроизводится здѣсь впервые.	33	545. Визитка къ «Бѣсамъ» И. Панова .	83
516. Мазепа. Воспроизведено въ величину оригинала съ рѣдчайшаго офорта Норблена (Norblain de la Gourdaine 1715—1830), находящагося въ Публичной Библиотеки въ СІБ.	35	546. Рисунокъ Пушкина на черновикѣ «Осени». Тетрадь Румянц. музея № 2371, л. 81 оборотъ. Воспроизводится впервые. .	86
517. Казакъ на сѣверъ держитъ путь, Казакъ не хочетъ отдохнуть. Рисунокъ Н. Каразина.	37	547. Конецъ черновика «Осени». Тетрадь Румянцевскаго музея № 2371, л. 82. Воспроизводится впервые	87
518. Борщаговка, возлѣ Бѣлой Церкви. Здѣсь казнили Кочубея и Пскру. Съ гравюры А. П. Зубчаннинова.	41	548. Современная иллюстрація къ «Домнику въ Коломнѣ» («Новоселье», 2-ое изд. 1845 г. Изображена прилегающая къ церкви Покрова мѣстность и домикъ «за самой будкой»)	95
519. Мазепа удаляется отъ мѣста казни Кочубея и Пскры, неизданный Рис. Н. С. Самокиша	45	549. Изъ рукописи «Домника въ Коломнѣ». Румянц. Музей № 2376, А. Листъ 4, оборотъ. Воспроизводится впервые	97
520. Карлъ XII. Гравюра Фритшина (1740) съ портрета Крафта (1717).	47	550. Мавруша бѣжится. Современная иллюстрація къ «Домнику въ Коломнѣ». Рисунокъ К. Брюлова («Новоселье», 1833 г.) .	98
521. Петръ I. Современная гравюра Губракена.	49	551. Мавруша бѣжится. Румянц. Музей, тетрадь № 2376 А., л. 5, об. Рисунокъ Пушкина	99
522. Безумная Марія и Мазепа. Рис. В. Лебедева	51	552. Первоначальное заглавіе «Скупого Рыцаря». Румянц. музей. Рукопись № 2376.	109
523. Кобзарь. Рисунокъ Трутовскаго. .	53	553. Скупой Рыцарь. Картина К. Степанова	109
524. Гетманъ Дорошенко. Изъ собранія портретовъ, изданнаго Платономъ Бекетовымъ.	54	554. Скупой Рыцарь въ своемъ подвалѣ. Рисунокъ Пастернака	112
525. Гетманъ Самойловичъ. Изъ собранія портретовъ, изданнаго Платономъ Бекетовымъ.	54	555. Скупой Рыцарь. Картина О. К. Випцмана.	113
526. Герои полтавской битвы. Брюсъ, Бауэръ, Репнинъ, Меньшиковъ и Шереметевъ.	55	556. Наслѣдникъ Скупого Рыцаря. Рисунокъ Пастернака	114
527. Дубовая аллея въ память В. І. Кочубея въ Диканькѣ. Съ фотографіи, принадлежащей кн. В. С. Кочубею.	56	557. Скупой Рыцарь и вдова. Картина К. Степанова	115
528. «Шведская могила» подлѣ Полтавы. Съ рис. 1840-хъ гг.	57	558. Моцартъ и Сальери въ гравюрахъ начала XIX вѣка. Изъ пушкинской коллекціи П. А. Ефремова	126
529. Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ. Бюстъ Виталл.	59	559. Сальери. Незданный рисунокъ Врубеля. Принадлежитъ семьѣ Н. А. Римскаго-Корсакова	127
530. Александра Васильевна Алябьева. Съ портрета 1844 г.	61	560. Слѣпой скрипачъ играетъ арію Моцарта. Незданный рисунокъ Врубеля. Принадлежитъ семьѣ Н. А. Римскаго-Корсакова	129
531. Пушкинъ и Олѣгъ. Гравюра безъ подписи, приложенная къ «Невскому Альманаху» на 1829 годъ.	63	561. Сальери сыплетъ ядъ въ стаканъ Моцарта. Незданный рисунокъ Врубеля. Принадлежитъ семьѣ Н. А. Римскаго-Корсакова	131
532. Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ, Письмо дрожитъ въ ея рукахъ. Рисунокъ А. Потбека гр. А. Зубревъ «Невскій Альманахъ» на 1829 г.)	63	562. Испанскій монастырь. (Don Genaro Perez de Villa-Amil, Espana artistica y monumental)	147
533. Монастырь на Казбекѣ.	65	563. Изъ рукописи «Каменнаго гостя» (Румянц. музей, № 2376, А. листъ 2, оборотъ. Конецъ 1 сцены)	149
534. Обвалъ. Картина П. К. Айвазовскаго.	67	564. Донъ Гуанъ и Лаура. Картина К. Степанова	153
535. Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій. .	69	565. Донъ Гуанъ и Донна Анна. Рисунокъ К. Брюлова («Сто русскихъ литераторовъ» т. I)	155
536. Николай Пвановичъ Надеждинъ. .	71	566. Типы старой Испаніи. Офортъ Арайя	157
537. Графъ П. А. Румянцевъ-Задупайскій. Съ портрета Левинскаго	72	567. Старая Испанія въ портретахъ Веласкеса	159
538. Графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій. Съ портрета Тоунлея	72	568. Декорація академика Д. А. Корсина (1774—1814). (Библиотека Академіи Художествъ; неиздано)	161
539. Феодоръ Орловъ	73	569. Я здѣсь, Иппезилья Стою предъ окномъ!	162
540. Колонна «Побѣдамъ Ганнибала» въ Царскосельскомъ паркѣ. Съ фотографіи, снятой С. А. Данини въ 1908 г.	73	Рисунокъ Зичи	162
541. Листъ 106 пушкинской тетради № 2382.	75	570. Предъ испанкой благородной. Рисунокъ С. Соломки	163
542. Митрополитъ Филаретъ	79		
543. О. В. Булгаринъ	80		
544. Шекспиръ, Данте, Петрарка, Камюэнсъ, Вордсвортъ и Мицкевичъ. Визитка О. Г. Беренштама.	81		

	стр.		стр.
571. Николай Иванович Гибичъ. . .	164	601. П защитишь она (Богъ мой)! Приди ко мнѣ въ чертогъ златой!.. («Невскій Альманахъ» на 1829 г.)..	250
572. Начало сказки «Какъ весенней теплой порою». (Румянц. музей, тетрадь № 2376, В., л. 5. Воспроизводится впервые).	165	602. Евгений Олѣгичъ. Незданный Ри- сункъ Пушкина, (тетрадь Румянц. Музея № 2369, л. 49)..	251
573. Англія XVII вѣка въ портретахъ Ванъ-Дика.	169	603. Ольга Ларина. Рисунокъ Е. Само- киши-Судковской.	253
574. Лондонская улица во время чумы 1666 г. Рисунокъ Желико (I. Jellicoe).	171	604. Татьяна ребенкомъ. Рисунокъ Е. Л. Бемъ	252
575. Англійская дѣвушка. Картина Рей- нольдса.	173	605. Татьяна. Картина барона М. Кюдта.	251
576. Фонтанъ «Cruche Cassée» въ Цар- скосельскомъ паркѣ.	174	606. Татьяна. Статуя П. П. Забѣлы.	265
577. Гробница Кутузова въ Казанскомъ Соборѣ. Съ фотогр. снимка (1908) Е. Е. Мегорского.	179	607. Ленскій вводитъ въ домъ Лари- ныхъ Евгения Олѣгича. Изъ незданныхъ снмзтовъ къ «Евгенію Олѣгичу» В. В. Гельмерсена	258
578. Сказка о царѣ Салтанѣ. Вписетка Н. Билибина.	187	608. Я... знаешь, няня... влюблена. Аква- рель Павла Соколова	261
579. Царь Салтанъ похлупиваетъ трехъ дѣвицъ. Рисунокъ Н. Билибина.	187	609. Татьяна пишетъ письмо Олѣгичу. Акварель Е. Л. Бемъ	263
580. Рисунокъ М. Нестерева. («Сказка о Царѣ Салтанѣ»)	188	610. Татьяна и Няня. Рисунокъ Микѣ- шина	265
581. Рисунокъ М. Нестерева («Сказка о Царѣ Салтанѣ»).	188	611. Пѣсня дѣвушекъ. Рисунокъ Панова.	266
582. Царевичъ отправляется на охоту. Рисунокъ А. Рябушкина.	189	612. Прелестнымъ пальчикомъ писала На отуманенномъ стеклѣ Завѣтный вензель О да Е. Рисунокъ Микѣшина	267
583. Царь Салтанъ и гости. Рисунокъ Бартрама.	191	613. Петръ Александровичъ Плетневъ.	269
584. Тридцать три богатыря. Рисунокъ Аполлѣнарія Васнецова.	193	614. Железныя головки изъ черновиковъ «Евгенія Олѣгича». Воспроизводится здѣсь впервые по тетрадямъ Румянц. Музея №№ 2369, л. 29 оборотъ и 35; 2370, л. 5 оборотъ. Рамки О. Г. Беренштама	270
585. Вѣтеръ весело шумитъ Судно весело бѣжитъ. Рисунокъ Н. В. Досѣкина.	195	615. Татьяна. Статуя М. Л. Диллонъ.	273
586. Лебедь-Царевна. Рисунокъ Бартрама	197	616. Благословенное вино Въ бутылкѣ мерзлой для ноза На столъ тотчасъ принесено. (Рисунокъ Нотбека, въ гравюрѣ М. Ива- нова. «Невскій Альманахъ» на 1829 г.)	277
587. Царь Салтанъ со своею свитою. Рисунокъ С. Соломки.	198	617. Осень. Изъ иллюстрацій къ Пуш- кину. П. Панова	279
588. Концовка Н. Билибина.	199	618. Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ, Въ саражки жучку посадивъ, Себя въ коня преобразивъ. Рисунокъ П. Панова	279
589. Рисунокъ Пушкина къ сказкѣ о Балдѣ. (Румянц. Музей, тетр. № 2376, В. л. 45 оборотъ).	201	619. Татьяна гадаетъ. Рисунокъ Нот- бека («Невскій Альманахъ» на 1829 г.)	281
590. Евгений Олѣгичъ въ представленіи Пушкина. Незданный Рисунокъ Пушкина. (Румянц. Музей, тетр. № 2387, л. 62).	203	620. Сонъ Татьяны. Рисунокъ Коровина.	283
591. Евгений Олѣгичъ. Заглавный листъ изданія 1825 г.	235	621. Танцы 1820-хъ гг. Современная литографія Мартынова изъ коллекціи Е. П. Тевяшева.	286
592. Лихая ѣзда. Литографія 1820-хъ гг., Орловскаго.	237	622. Олѣгичъ танцуетъ съ Ольгой. Аква- рель Е. Самокиши-Судковской.	287
593. Щеголь 1817—1820 гг. (Модная картинка).	239	623. Идутъ ужинать. (Изъ жанровыхъ картинокъ изданнаго въ 1832 г. Полевымъ «Новаго живописца Общества и литера- туры»)	288
594. Щеголь 1817—1820 гг. (Модная картинка).	239	624. Зарѣдкій. Рисунокъ Павла Соко- лова	289
595. Екатерина Семеновна Семенова. Съ портрета Брюлова.	240	625. П, флеръ отъ шляпы отвернувъ, Глазами бѣлыми читаетъ Простую надпись—и слеза Туманитъ нѣжные глаза. «Невскій Альманахъ» на 1829 г.	295
596. Авдотья Пльипшина Истомина. («Русская Талія» 1825 г.)	241	626. У могилы Ленскаго. Рисунокъ Вол- кова	297
597. Пушкинскій проектъ иллюстрацій къ строфѣ XLVIII. (Посланъ при письмѣ къ брату Льву. На основаніи этого проекта парисована «картинка» въ «Невскомъ Аль- манахѣ» на 1829 г.)	245	627. Татьяна въ кабинетѣ Олѣгича. Ри- сункъ Павла Соколова	299
598. Железныя попки въ черновикахъ Пушкина. (Воспроизводится впервые по тетрадямъ Румянц. Музея №№ 2369, листъ 1 оборотъ; 2370, листы 2 и 8). Рамки О. Г. Беренштама.	247	628. Тверской бульваръ. Съ литографіи 1830-хъ гг.	303
599. Въ богатой барской усадьбѣ начала 1820-хъ гг. Изъ современныхъ снмзтовъ графа Теодора Толстого	248		
600. Владиміръ Ленскій. Незданный рисунокъ Пушкина, (тетрадь Румянц. Му- зея № 2369, л. 35 обор.)	249		

629. Московскія моды 1823 г.	стр. 303
630. Державинъ, Жуковскій и Дмитриевъ.	306
631. Interieur знатнаго дома начала 1830-хъ гг. Неизданная современная акварель проф. П. П. Вольскаго (изъ коллекціи Б. К. Веселовскаго).	309
632. Кто прежней Тани, бѣдой Тани, Теперь въ кнѣзѣхъ-бъ не узналъ! Акварель Ед. Бемъ.	313
633. Нижній Повгородъ. Изъ хранящихся въ библиотекѣ Академіи Художествъ неизданныхъ рисунковъ Пиканора Чернецова; набросаны во время путешествія братьевъ Чернецовыхъ въ 1833—1836 гг.	316
634. Волна на границѣ Нижегородской и Казанской губерній. Неизданный рисунокъ Пиканора Чернецова. (1833—1836 гг.)	317
635. Бугоръ Стеньки Разина. Неизданный рисунокъ Пиканора Чернецова (1833—1836 гг.).	317
636. Астрахань. Неизданный рисунокъ Пиканора Чернецова (1833—1836 гг.).	317
637. Пятигорскъ. Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1833—1836 гг.).	318
638. Терекъ. Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1833—1836 гг.).	319
639. Слѣдѣ Куры и Арагвы. Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1833—1836 гг.).	319
640. Татарская хижина въ Крыму. Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1833—1836 гг.).	320
641. Гурзуфъ. Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1833—1836 гг.).	321
642. Видъ на Аюдагъ. Изъ неизданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1833—1836 гг.).	321
643. Ибѣ въ окрестности Тригорскаго. Картина В. Максимова (1899).	324
644. Берега Сороти у Тригорскаго. Картина В. Максимова (1899).	325
645. Невскій проспектъ во времена Евгения Онегина.	328
646. Книжка Анна Давыдовна Абамелекъ, поэтисѣ Баратынская.	333
647. Карриатура на свѣтскіе успѣхи Пушкина въ Москвѣ (Пушкинъ и гр. Хвостова). Съ акварели, принадлежащей другу С. С. Жихареву	345
648. Карриатура Пушкина на Венецианова. Изъ коллекціи П. С. Остроухова. Воспроизводится впервые	347
649. Карриатура Пушкина на Елизавету Ушакову	348
650. Автопортретъ Пушкина изъ Ушаковского альбома	349
651. Два автопортрета Пушкина. Изъ коллекціи П. С. Остроухова. Воспроизводится впервые	351
652. Автопортретъ Пушкина изъ Ушаковского альбома	353
653. Свиданіе князя съ дочерью мельника. Рисунокъ К. Лебедева.	361
654. Князь и дочь мельника. Рисунокъ В. Васнецова.	363
655. Прощаніе дочери мельника съ княземъ. Рисунокъ Коверзнева.	365
656. Шаляпинъ въ роли сумасшедшаго мельника (опера Даргомыжскаго «Русалка»).	369

657. «Гусаръ». Рисунокъ Р. Штейна	стр. 373
658. Подлинный южно-славянской гуслирь конца XVIII и начала XIX вѣка. Портретъ Филиппа Вишничъ въ роскошномъ изданіи «Знаменити Сербъ», Загребъ 1903).	377
659. Вукъ Караджичъ (изъ роскошнаго изданія «Знаменити Сербъ», Загребъ, 1903).	385
660. Просперъ Мериме. Автографія De-veria, 1829 г.	403
661. Южно-славянскія гусли и домашняя утварь	404
662. Король Босній Стефанъ Томашевичъ на молитвѣ. Со старинной картины въ Загребской галлерей	405
663. Развалины Ключъ-Града въ Босніи. Рисунокъ Адьякевича	406
664. Султанъ Магометъ Эль-Фали. Съ оригинала, находящагося въ Вѣнской Импер. библиотекѣ	407
665. Боснійскій воевода эпохи завоеванія Босній турками. Миниатюра Глаголитскаго мисала, наход. въ Константинополѣ, въ библиотекѣ Эхми-Сарай	408
666. Молодая женщина славянскаго побережья Адриатическаго моря. (Изъ Viaggio in Dalmazia аббата Фортиса, Venezia MDCCCLXXIV).	409
667. Знатный плетирецъ. (Изъ Viaggio in Dalmazia аббата Фортиса, Venezia MDCCCLXXIV).	409
668. Типы южно-славянскихъ полуробойниковъ, полуборцовъ за свободу. Ускокъ, картина Милана Сунко	411
669. Черногорія съ птичьего полета. Разка Ѳ. Г. Беренштама	413
670. Черногорскіе типы	413
671. Георгій Черный (изъ роскошнаго изданія «Знаменити Сербъ», Загребъ, 1903).	414
672. Милошъ Обреновичъ	415
673. Впла. Рисунокъ Павла Іоанновича.	417
674. Южно-славянскій гуслирь. Рисунокъ Тисова	419
675. Мнимый гуслирь Маглановичъ. Портретъ, приложенный къ «Guzla» Мериме.	421
676. Типъ Гайдукъ. (Гайдукъ Велько Петровичъ).	422
677. Старикъ ловилъ неведомъ рыбу, старуха прядла свою прилку. Рисунокъ В. Маковского	426
678. Старуха—столбовая дворника. Рисунокъ Маковского	427
679. Подбѣжали бояре и дворяне, старика въ зашеи затолкали. Рисунокъ В. Маковского	428
680. Передъ нею разбитое корыто.	428
681. Иллюстраціи А. Афанасьева къ «Сказкѣ о рыбацѣ и рыбацѣ»	429
682. Книжный орнаментъ ранняго ренессанса.	430
683. Книжный орнаментъ ранняго ренессанса.	434
684. Книжный орнаментъ ранняго ренессанса.	435
685. Итальянскіе типы ранняго ренессанса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Giorgione	437
686. Итальянскіе типы ранняго ренессанса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Marco Basaito	439
687. Итальянскіе типы ранняго рене-	

санса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Dosso Dossi	441
688. Итальянскіе типы ранняго ренессанса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Боттичелли	445
689. Итальянскіе типы ранняго ренессанса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Филиппино Липпи	449
690. Итальянскіе типы ранняго ренессанса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Sebastiano del Piombo	451
691. Польскій воевода. Картина Матейки	453
692. Бурдысь и его сыновья. Рисунокъ Н. Каразина	455
693. Рисунокъ Пушкина, павильонный памятникъ Фальконета	466
694. Голова Фалькопетовскаго памятника Петру I. Съ гравюры Генрикеза (Henricquez)	473
695. Панорама Невы. Гравюра В. В. Матя съ Патерсена	474
696. «Мѣдный всадникъ» въ рисункахъ Александра Бенуа. Наводненіе. Изъ коллекціи кн. В. П. Аргутинскаго-Долгорукова. Непзданъ	475
697. Спасеніе утопающихъ въ наводненіе 1824 года. Рис. Шебуева	476
698. «Мѣдный Всадникъ» въ рисункахъ Александра Бенуа. Александр I на балконѣ Зимняго Дворца (изъ подготовляемаго къ печати роскошнаго изданія «Мѣднаго Всадника» Т-ва М. О. Вольфъ)	477
699. Фальконетовскій памятникъ; съ рѣдчайшей не изданной и не вполне законченной гравюры Г. П. Скородумова (Библиотека Академіи Художествъ)	478
700. Наводненіе 1824 года. Современная картина О. Я. Алексѣева	479
701. «Мѣдный Всадникъ» въ рисункахъ Александра Бенуа. Погоня Мѣднаго Всадника. (Изъ подготовляемаго къ печати роскошнаго изданія «Мѣднаго Всадника» Т-ва М. О. Вольфъ)	481
702. Петербургское взморье. Рис. NN	482
703. Визитка къ «Сказкѣ о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ» О. Г. Беренштама	485
704. «Ахъ ты, мерзкое стекло». Рисунокъ С. В. Малютина	487
705. Царевна и Ницал. Рисунокъ С. В. Малютина	489

706. Концовка П. Бартрама	490
707. Галубъ прокликаетъ Тазита.	495
708. Визитка Пушкина къ «Страннику». Воспроизводится впервые по рукописи Румянцеваго музея, № 2377, А	497
709. Адамъ Мицкевичъ	499
710. Заглавная визитка «Сказки о золотомъ пѣтушкѣ», рисованная Пушкинымъ. По подлинной рукописи, хранящейся въ Публичной Библиотекѣ	501
711. Визитка къ «Сказкѣ о золотомъ пѣтушкѣ» О. Г. Беренштама	502
712—718. Акварели гр. О. Сологуба къ «Сказкѣ о золотомъ пѣтушкѣ»	502—507
719. Александръ Раевскій въ старости	529
720. Рисунокъ Пушкина къ «Цыганамъ». Воспроизводится впервые	537
721. Рисунокъ Пушкина къ «Цыганамъ». Воспроизводится впервые	537
722. А. П. Кернъ въ 1840-хъ гг. Съ миніатюры, принадлежащей Пушкинскому дому	593
723. Комната, въ которой А. П. Кернъ жила въ 1830-хъ годахъ	601
724. А. П. Кернъ въ глубокой старости, незадолго до смерти	603
725. Могила А. П. Кернъ на кладбищѣ с. Прутни, Новоторжскаго уѣзда, Тверской губ. По фотографіи, принадлежащей Б. Л. Модзалевскому, воспроизводится впервые	605

IV.

Орнаментъ.

Заставки и концовки начала XIX вѣка.

726—744. На стр. 31, 32, 39, 71, 74, 79, 88, 91, 118, 133, 179, 201, 278, 327, 331, 371, 436, 466, 497.

Мелкій типографскій орнаментъ эпохи Ренессанса.

745—750. Стр. 430, 431, 432, 433, 448.

Заставки XVIII вѣка.

751—752. На стр. 611 и 616.

Оружіе, мелкіе предметы быта.

753—755. Стр. 52, 108, 428.

Оглавление III тома.

I. СТАТЬИ и ЗАМѢТКИ.

	СТР.
1. «Полтава». Ю. И. Айхенвальда.	1
2. «Полтава» въ историческомъ и историко-литературномъ отношеніяхъ. Иг. Житецкаго	6
3. «Домикъ въ Коломиѣ». Валерія Брюсова	88
4. «Скупой Рыцарь». Н. М. Минскаго	103
5. «Модартъ и Салери». А. Г. Горнфельда.	119
6. «Каменный Гость». Академика Нестора Котляревскаго	135
7. «Пиръ во время чумы». Академика К. К. Арсеньева.	166
8. Первое сватовство Пушкина. Академика А. Ф. Коня.	181
9. «Евгеній Онѣгинъ». Иванова-Разумника	205
10. Пушкинъ въ Москвѣ, послѣ ссылки. Н. О. Лернера	335
11. «Русалка». П. О. Морозова	353
12. «Пѣсни западныхъ славянъ». Прив. доц. А. И. Яцимирскаго	375
13. «Анджело». П. О. Морозова	430
14. «Мѣдный Всадникъ». Валерія Брюсова	456
15. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1824 года. Н. О. Лернера	510
16. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1825 года. П. О. Морозова	557
17. Пушкинъ и Шенье. Юрія Веселовскаго.	581
18. Анна Петровна Кернъ. Б. Л. Модзалевскаго.	585
19. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1826 г. Н. О. Лернера.	607

II.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1829 г.

	стр.
570а. Полтава	38
571. Примѣты (А. А. Олениной) . . .	58
572. Что въ имени тебѣ моемъ? А. А. Олениной)	58
573. Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ	58
574. Когда твои младыя лѣта (А. П. Кернъ)	58
575. Къ вельможѣ (кн. Н. Б. Юсупову)	58
576. На холмахъ Грузіи лежитъ поч- ная мгла (Отрывокъ)	62
577. Калмычкѣ	62
578. Не плѣняйся брашней славою. Изъ Гафиза	62
579—580. (На картинки къ «Евгенію Онѣгинну» въ «Невскомъ Аль- манахѣ»)	63
581. Щастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ	64
582. Поэтъ игрокъ, о Беверлей Го- раціи	64
583. Напрасно видишь тутъ ошибку.	64
584. Делибашъ	64
585. Кавказъ	64
586. Монастырь на Казбекѣ	65
587. Донъ	66
588. Олеговъ щитъ	66
589. Дорожныя жалобы	66
590. Обвалъ	66
591. Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?	68
592. Зимнее утро	69
593. Литературное извѣстіе	69
594. Журналами обиженный жестоко.	70
595. Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій.	70
596. Какъ сатирой безымянной . . .	70
597. Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.	70
598. Сапожникъ. Притча	70
599. Надѣясь на мое презрѣнье. (Не отдѣлано окончательно)	71
600. Загадка. При посылкѣ [Дельвигу] бронзоваго Сфинкса	71
601. Воспоминанія въ Ц. С. [Царскомъ Селѣ]. [Окончательно не отдѣ- лано]	72
602. Поѣдемъ, я готовъ. Элегическій отрывокъ	74
603. Брожу ли я вдоль улицъ шум- ныхъ. Стансы	74

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ 1829 г.

604. Благословенъ и день и часъ . .	75
605. Благословенъ твой новый путь .	76

	стр.
606. И чувствую—душа въ сей часъ.	76
607. Критонъ, роскошный гражда- нинъ	76
608. Былъ и я среди Донцовъ	76
609. Полюби меня, дѣвица	76
610. Зорю быють	76
611. Еще одной высокой, важной пѣсни	76
612. Зачѣмъ Елена, такъ пугливо . .	77
613. Во время опос, былое	77
614. И вотъ ущелье мрачныхъ скалъ.	77
615. Страшно и скучно	78
616. Быть въ сраженіи похвально . .	78
617. Хотѣлъ я душу освѣжить	78
618. О, пѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла	78
619. То было вскорѣ послѣ боя . . .	78

СТИХОТВОРЕНИЯ 1830 г.

620. Глухой глухаго звалъ на судъ судьи глухова	79
621. Циклопъ	79
622. Отвѣтъ. [Ек. Н. Ушаковой] . . .	79
623. Въ часы забавъ иль праздной скуки. Стансы	79
624. Не то бѣда, что ты полякъ [на Булгарина]	80
625. Поэту. Сонетъ	80
626. Мадонна. Сонетъ	80
627. Не то бѣда, Авдей Флюгаринъ .	80
628. Сонетъ	81
629. Цыганы. Съ англійскаго	81
630. Отвѣтъ анониму	81
631. Пажъ, или пятнадцатый годъ . .	82
632. Элегія [Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье]	82
633. Бѣсы	82
634. Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь [на Булгарина]	83
635. Румяный критикъ мой, насмѣш- никъ толстоузой	83
636. Разставаніе	84
637. Осень. Отрывокъ [окончательно не отдѣланъ]	84
638. Домикъ въ Коломнѣ	92
639. (Изъ записки къ пріятелю) . . .	100
640. Отрокъ	100
641. Моя родословная или русскій мѣ- щанинъ. Вольное подражаніе лорду Байрону	100
642. Стамбулъ гяуры нынче славятъ	101
643. Заклинаніе	101
644. Скупой рыцарь. (Сцены изъ Чен- стоновой траги-комедіи). (The cavetous Knighth).	110
645. Модартъ и Сальери	127

	стр.
646. Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы	133
647. Въ началѣ жизни школу помню я [незакончено]	133
648. Былъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный. [Первая редакція. Сокращенную передѣлку см. въ «Сценахъ изъ Рыцарскихъ временъ»]	133
649. Герой	134
650. Каменный гость	147
651. Я здѣсь, Инезилья	162
652. Предъ испанкой благородной	163
653. На переводъ Илиады	164
654. Для береговъ отчизны дальней	164
655. Какъ весенней теплою порою. [Не закончено и не отдѣлано]	165
656. Циръ во время чумы (изъ Вильсоновой трагедіи: The city of the plague)	169
657. Пью за здравіе Мери. Пѣсня	173
658. Царскосельская статуя	174
659. Рифма	174
660. Трудъ	174
661. Новоселье	174

НАБРОСКИ И ОТРЫВКИ.

662. Ужъ осень холодомъ дохнула.	175
663. Какъ быстро въ полѣ, вокругъ открытомъ	175
664. О муза пламенной сатиры	175
665. Мѣдокъ. Мѣдокъ въ Уллахъ.	175
666. Мы рождены, мой братъ названный [Дельвигу].	175
667. Графиня одна держитъ письмо. [Драматическій отрывокъ]	176
668. Любезнѣйшій нашъ другъ, о ты Василій Львовичъ! [Коллективное стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго, Жуковскаго и др. Пушкину принадлежить 3-й стихъ]	177
669. Стою печаленъ, на кладбище	177
670. Надо мною въ лазури ясной	178
671. Опять увѣщанья	178
672. Женюсь—на комъ—на Вѣрѣ Чацкой	178
673. Два чувства дивно близки намъ	178

СТИХОТВОРЕНИЯ 1831 г.

674. Красавица. (Въ альбомѣ Г****) [П. П. Гончаровой]	179
675. Смирнѣй меня въ бѣду повергъ	179
676. Эхо. (Изъ Томаса Мура)	179
677. Передъ гробницею святой	179
678. Клеветникамъ Россіи	180

	стр.
679. Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ, князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ, и о прекрасной царевнѣ Лебеди	187
680. Бородинская годовщина	199
681. Отъ васъ узналъ я пѣнь Варшавы. [Изъ записки къ А. О. Смирновой, при посылкѣ ей «Бородинской годовщины»]	200
682. Сказка о пойнѣ и о работникѣ его Балдѣ [не выполнѣ отдѣлано]	200
683. Чѣмъ чаще празднуетъ лицей [19 октября 1831]. [Не совсѣмъ отдѣлано]	203
684. Когда въ объятія мои. [окончательно не отдѣлано]	204
685. Евгений Онегинъ. Романъ въ стихахъ.	237

СТИХОТВОРЕНИЯ 1832 г.

686. Пѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденіемъ	331
687. Въ тревогѣ нестрой и безплодной [въ Альбомѣ А. О. Россети]	331
688. Гонимый рока самовластьемъ [въ Альбомѣ]	331
689. Пѣтъ, пѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу	332
690. Въ Еврейской хижинѣ лампада [не закончено]	332
691. Альфонсъ [не закончено]	332
692. Когда-то, помню, съ умиленіемъ [книжнѣ А. Д. Абамелекъ]	333
693. И далѣ мы пошли—и страхъ обнялъ меня. [Подражаніе Давту]	334
694. Долго сихъ листовъ завѣтныхъ [въ Альбомѣ]	334
695. [Русалка]. [Не отдѣлано и не окончено]	361

СТИХОТВОРЕНИЯ 1833 г.

696—697—698. Подражанія древнимъ	371
699. Свѣтъ Иванъ, какъ пить мы станемъ	372
700. Господина Шафонскаго [вставка Пушкина въ «Поминаніе», написанное кн. Вяземскимъ въ подражаніе предыдущему стихотворенію]	372
701. Гусаръ	372
702. Полюбуйтесь же вы, дѣти Пѣсни западныхъ славянъ. Предисловіе Пушкина къ изданію 1835 г.	403

Пѣсни западныхъ славянъ.

	стр.
703. 1. Видѣніе короля	405
704. 2. Янко Мариавичъ	407
705. 3. Битва у Зеницы-великой	408
706. 4. Осодоръ и Елена	409
707. 5. Влахъ въ Венеціи	410
708. 6. Гайдукъ Хризичъ	411
709. 7. Похоронная пѣсня	411
710. 8. Марко Якубовичъ	412
711. 9. Бонапартъ и Черногорцы	413
712. 10. Соловей	414
713. 11. Пѣсня о Георгіи Черномъ	414
714. 12. Воевода Милошъ	415
715. 13. Вурдалакъ	415
716. 14. Сестра и братья	415
717. 15. Янышъ королевичъ	417
718. 16. Конь	418
719. 17. Что бѣлѣтъ на горѣ зеленой	419

*Примѣчанія Пушкина къ «Пѣс-
нямъ западныхъ славянъ» . . . . .*

720—726. Попытки вернуться къ «Ев- генію Онѣгину»	420
727. Когда бъ не смутное влеченье	423
728. Родословная моего героя	424
729. Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ	426
730. Анджело	435
731. Воевода	453
732. Будрысъ и его сыновья	454
733. Мѣдный всадникъ	473
734. Родригъ	483

стр.

735. Если ѣхать Вамъ случится [черно- вой набросокъ]	484
736. Колокольчики звенятъ	484
737. Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума	484
738. Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ	485
739. Французскихъ рифмачей суро- вой судя [черновой набросокъ]	491
740. Цѣнитель умственныхъ твореній исполнскихъ [черновой набро- сокъ]	491
741. Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ	492
742. Царь увидѣлъ предъ собою [чер- новой набросокъ]	492
743. Въ полѣ чистомъ серебрится	492
744. [Галубъ]. [Не окончено и не от- дѣлано]	493
745. На это скажутъ мнѣ [черновой набросокъ]	496

СТІХОТВОРЕНІЯ 1834 г.

746. [Къ Н***]	497
747. Странникъ [не закончено]	497
748. [Мидкевичъ]	499
749. Сказка о золотомъ пѣтункѣ	502
750. Съ очами быстрыми [черновой набросокъ]	508
751. Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ [черновой набросокъ]	508

